

ИСЛАНДСКИЕ БАГГИ
ИРЛАНДСКИЙ ЭПОС

Annotation

Исландский народ называют самым литературным народом мира. Его называют также народом поэтов. Страсть к сочинению стихов и к мастерству в стихосложении — исландская национальная черта. Древнеисландская саговая литература очень многообразна. Из огромного количества сохранившихся до нас старых ирландских сказаний нами были выбраны для перевода образцы из двух групп саг. Первая содержит древнейшие из героических саг, а именно — относящиеся к циклу Кухулина. В таком виде, особняком, они стоят обычно и в древних ирландских рукописных сборниках. Нами подобраны те из них, которые изображают наиболее яркие моменты из жизни этого героя. Вторая группа составлена из саг довольно различных эпох и циклов. Общим для всех этих повестей является преобладание в них вместо героического элемента фантастики и трагических коллизий чувства. В комментариях к отдельным сагам или прядям даются сведения об их особенностях, исторической основе, переводах на русский язык, библиографии, а также объясняются отдельные слова и выражения, встречающиеся в них.

* * *

Исландские саги. Составление, вступительная статья и примечания
М. И. Стеблин-Каменского

Ирландский эпос. Вступительная статья и примечания А. А. Смирнова
Иллюстрации к исландским сагам Рокуэлла Кента (воспроизводятся по изданию: The Saga of Gisli, Son of Sour. N. Y., 1936)

-
- [Исландские саги. Ирландский эпос](#)
 - [Исландские саги](#)
 -
 - [Сага о Гисли](#)
 - [Об Аудуне с Западных Фьордов](#)
 - [Сага о гренландцах](#)
 - [Сага об Эйрике Рыжем](#)
 - [О Торстейне Морозе](#)
 - [Сага о Торстейне Битом](#)

- [Сага о Хранкеле, Годи Фрейра](#)
- [Сага о Ньяле](#)
- [Сага о Хёрде и островитянях](#)
- [Сага о Гуннлауге Змеином Языке](#)
- [Об исландце-сказителе](#)
- [О Халльдоре, сыне Снорри](#)
- [Древнеирландский эпос](#)
 -
 - [Саги героические](#)
 - [Изгнание сыновей Уснеха](#)
 - [Недуг уладов](#)
 - [Повесть о кабане Мак-Дато](#)
 - [Рождение Кухулина](#)
 - [Сватовство к Эмер](#)
 - [Из саги «Угон быка из Куалнге»](#)
 - [Разговор перед отходом ко сну](#)
 - [Бой Кухулина с Фердиадом](#)
 - [Болезнь Кухулина](#)
 - [Смерть Кухулина](#)
 - [Саги фантастические](#)
 - [Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда ста битв](#)
 - [Плавание Брана, сына Фебала](#)
 - [Повесть о Байле Доброй Славы](#)
 - [Любовь к Этайн](#)
 - [Смерть Муирхертах, сына Эрк](#)
 - [Приключения Кормака в Обетованной Стране](#)
 - [Плавание Майль-Дуйна](#)
 - [Преследование Диармайда и Грайне](#)
- [Примечания](#)
 - [Исландские саги](#)
 -
 - [Сага о Гисли](#)
 - [Об Аудуне с Западных Фьордов](#)
 - [Сага о гренландцах и сага об Эйрике Рыжем](#)
 - [О Торстейне Морозе](#)
 - [Сага о Торстейне Битом](#)
 - [Сага о Храфнкеле, годи Фрейра](#)
 - [Сага о Ньяле](#)
 - [Сага о Хёрде и островитянях](#)

- [Сага о Гуннлауге Змеином Языке](#)
- [Об исландце-сказителе](#)
- [О Халльдоре, сыне Снорри](#)
- [Древнеирландский эпос](#)
 - [Саги героические](#)
 - [Изгнание сыновей Уснеха](#)
 - [Недуг уладов](#)
 - [Повесть о кабане Мак-Дато](#)
 - [Рождение Кухулина](#)
 - [Сватовство к Эмер](#)
 - [Из саги «Угон быка из Куалнге»](#)
 - [Болезнь Кухулина](#)
 - [Смерть Кухулина](#)
 - [Саги фантастические](#)
 - [Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста Битв](#)
 - [Плавание Брана, сына Фебала](#)
 - [Повесть о Байле Доброй Славы](#)
 - [Любовь к Этайн](#)
 - [Смерть Муйрхертаха, сына Эрк](#)
 - [Приключения Кормака в Обетованной стране](#)
 - [Плавание Майль-Дуйля](#)
 - [Преследование Диармайда и Грайне](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)

- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)

- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)

- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)

- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)

- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)

- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)

- [445](#)
 - [446](#)
 - [447](#)
 - [448](#)
 - [449](#)
 - [450](#)
 - [451](#)
 - [452](#)
 - [453](#)
 - [454](#)
 - [455](#)
 - [456](#)
 - [457](#)
 - [458](#)
 - [459](#)
 - [460](#)
 - [461](#)
 - [462](#)
 - [463](#)
 - [464](#)
 - [465](#)
 - [466](#)
 - [467](#)
 - [468](#)
-

Исландские саги. Ирландский эпос

Исландские саги

I

Исландия — большая и пустынная страна. Население в ней очень редкое. Только ее прибрежная полоса, местами совсем узкая, более или менее заселена. Исландия в два с лишком раза больше своей бывшей метрополии — Дании, а населения в ней в двадцать пять раз меньше, чем в Дании, — всего около двухсот тысяч человек, причем почти половина этого населения живет в столице и единственном большом городе — Рейкьявике. Огромные пространства заняты в стране лавовыми нолями, ледниками, каменистыми пустошами, песками, то есть вообще не годны для жилья. Вся внутренняя часть страны — это совершенно пустынное плоскогорье. Почти полное отсутствие растительности делает его похожим на землю, как она выглядела много миллионов лет тому назад, до появления на ней жизни, или на луну. Не случайно американские космонавты, готовясь к операциям на поверхности Луны, тренировались в Исландии, на ее пустынных плоскогорьях. В сущности, большая часть Исландии выглядит сейчас так же, как страна выглядела, когда в ней впервые появились люди. А они появились в ней сравнительно недавно — всего немного больше тысячи лет тому назад, в конце IX века нашей эры.

Исландия была заселена выходцами из Норвегии в 870–930 годах нашей эры. Первопоселенцы не встретили в новооткрытой ими стране никаких человеческих существ, кроме, может быть, нескольких монахов-отшельников, немного раньше заплывших туда в поисках уединения из Ирландии на своих утлых суденышках. Считается, что к концу эпохи заселения страны, то есть к 930 году, в Исландии было уже несколько десятков тысяч человек, то есть примерно столько же, сколько там было в начале XIX века. За сравнительно коротким периодом самостоятельного существования и процветания (с начала X до середины XIII века) последовал длительный период застоя и упадка. Века, когда страна была сначала норвежским (с середины XIII до конца XIV века), а потом датским владением (с XIV до XX века), были очень тяжелыми для исландского народа, так что население не только не увеличивалось, но одно время даже уменьшалось. Экономический подъем наметился только во второй половине XIX века. В XX веке он стал стремительным. Наконец, в 1944

году Исландия была провозглашена республикой. Страна снова стала совсем независимой.

Несмотря на то, что исландский народ — это один из самых маленьких народов мира, он с самого начала своего существования во всем и всегда шел своим собственным, особым путем. Первопоселенцы образовали в Исландии общество, непохожее на то, из которого они вышли. Когда заселялась Исландия, в Норвегии правил король Харальд Прекрасноволосый, объединивший Норвегию и заложивший основы Норвежского государства. Уплывая из Норвегии, исландские первопоселенцы уплывали от государства. В обществе, основанном ими в Исландии, обрели новую жизнь догосударственные институты — тинг, то есть народное собрание, вече, и годорд, то есть община родового жреца — годи, который содержал местное капище и предводительствовал на тинге. Был учрежден всеисландский тинг — альтинг (теперь так называется исландский парламент). На нем принимались законы и производился суд по всем делам, которые не могли быть решены на местных тингах. Одновременно с альтингом собиралась и лагретта, то есть судилище, образуемое всеми годи вместе (их было первоначально тридцать девять). Лагретта избирала законоговорителя, то есть всеисландского старейшину, который, однако, вне альтинга никакой власти не имел. Выполнение решений альтинга было делом самих истцов или любого, кто брал на себя их выполнение. Никакой центральной исполнительной власти, никакой военной силы, противопоставленной народу, ни канцелярий, ни чиновников, ни полиции, ни тюрем в Исландии тогда не было.

Своим путем пошел исландский народ и в области религии, а, следовательно, и культуры и, в частности, литературы, в то время тесно связанных с религией. В конце X — начале XI века в Норвегии ее короли вводили христианство. Они вводили его силой оружия и под угрозой пыток, и введение христианства сопровождалось искоренением туземной литературной традиции, поскольку она была связана с язычеством. Между тем в Исландии официальное принятие христианства (в 1000 году) было любовной сделкой между язычниками и христианами. Благодаря этому в Исландии туземная литературная традиция была бережно сохранена, несмотря на то, что она была связана с язычеством. Позднее, когда Исландия потеряла самостоятельность и стала владением сначала Норвегии, а потом Дании, она, несмотря на это сохранила свой язык, уже в XIII веке несколько отличавшийся от норвежского, а с течением времени далеко отошедший от него. Благодаря этому она сохранила свою культурную самостоятельность, в частности свою богатую и своеобразную

литературную традицию. Хотя Исландия стала страной очень бедного крестьянства, в ней была широко распространена грамотность и никогда не прекращалось оригинальное литературное творчество.

Исландский народ называют самым литературным народом мира. Его называют также народом поэтов. Страсть к сочинению стихов и к мастерству в стихосложении — исландская национальная черта. По-видимому, процент поэтов в Исландии намного превосходит соответствующий процент в любой другой стране. В дописьменную эпоху поэтическое творчество было распространено в Исландии едва ли не еще больше, чем в новое время. О сотнях исландцев, живших в ту эпоху, известно, что они сочиняли стихи, и многие из этих стихов были потом записаны. В продолжение трех с половиной веков, с середины X до конца XIII века, исландцы поставляли правителям Норвегии, а также и других скандинавских стран, и даже Англии, хвалебные песни, в то время наиболее высоко ценимый вид поэзии.

Письменность появилась в Исландии, по-видимому, еще в начале XII века. Но важнейшие произведения древнеисландской литературы были написаны в XIII веке. В XIII веке были записаны мифологические и героические песни, получившие в новое время название "Старшая Эдда". Это один из самых знаменитых памятников мировой литературы. В XIII веке была записана древнейшая поэзия скальдов и написан знаменитый скальдический учебник Снорри Стурлусона, получивший в новое время название "Младшая Эдда". Тогда же было написано и большинство древнеисландских прозаических произведений, так называемых саг. Древнеисландская литература — самая своеобразная и самая богатая из средневековых литератур Европы, и основная масса этой литературы — саги. Исландское слово "сага" происходит от глагола, который значит "сказать" или "рассказывать", и, следовательно, первоначальное значение этого слова — "рассказанное". По-древнеисландски сагой называлось любое прозаическое повествование, В XIII–XIV веках в Исландии было написано огромное множество прозаических повествований, которые все и называются сагами.

Древнеисландская саговая литература очень многообразна. Есть саги, в которых рассказывается об истории Норвегии. Они называются "саги о королях", поскольку в Норвегии издавна были короли, тогда как в Исландии их никогда не бывало. Древнейшие из сохранившихся саг — это именно саги о некоторых норвежских королях. Есть саги о царствовании отдельных норвежских королей — "Сага о Сверрире", "Сага об Олаве Трюггвасоне", "Сага о Хаконе Хаконарсоне" и т. д. Но есть и сводные саги

о норвежских королях. Самая знаменитая из таких сводных саг — это так называемая "Хеймскрингла" (буквально: "земной круг"), которая обычно приписывается Снорри Стурлусону. Она охватывает период с мифических времен до 1177 года. Есть также исландская сага о датских королях и датской истории — "Сага о Кнютлингах" (Кнютлинги — датский королевский род). Есть саги, в которых рассказывается об истории Исландии в XII–XIII веках, то есть о событиях, почти одновременных написанию саги. Эти саги собраны в компиляции XIII века, которая называется "Сага о Стурлунгах" (Стурлунги — знатный исландский род, представители которого боролись тогда за власть). "Сага о Стурлунгах" отличается чрезвычайной дотошностью в изложении фактов. Есть саги, в которых рассказывается об исландских епископах XI–XIV веков и церкви в Исландии. Они называются "саги о епископах". В этих сагах тоже немало достоверных фактов. Есть и саги о легендарных героях, живших еще до колонизации Исландии (то есть до конца IX века). Они называются "саги о древних временах". В этих сагах обычно нет ничего исторически достоверного, но некоторые из них основаны на древних эпических сказаниях или древних героических песнях. Самая знаменитая из этих саг — "Сага о Вельсунгах". В ней рассказывается о героях, известных также по эпическим сказаниям других германских народов. В "сагах о древних временах" много сказочных мотивов. Есть и саги, целиком состоящие из сказочных мотивов. Саги, в которых много сказочных мотивов, еще в древности назывались "лживыми сагами". Есть и различные переводные повествовательные произведения. Все они тоже называются "сагами" (например, "Всемирная сага", "Сага о римлянах", "Сага о иудеях", "Сага о троянцах", "Сага об Александре", "Сага о Карле Великом и его витязях"). Есть, наконец, большая группа саг, в которых рассказывается о событиях в Исландии в X–XI веках, то есть в так называемый "век саг" (а написаны они, насколько это удастся установить, тоже в XIII–XIV веках). Эти саги называются "сагами об исландцах", или "родовыми сагами".

Самые своеобразные и самые знаменитые из исландских саг — это именно "саги об исландцах", или "родовые саги". Поэтому, когда говорят об "исландских сагах" или просто о "сагах", то обычно имеют в виду "саги об исландцах". Их имеет в виду и заглавие этого тома. Ниже вкратце рассказывается о своеобразии "саг об исландцах" и в основном — о местностях, людях и событиях в этих сагах. Более подробно о своеобразии этих саг рассказывается в книге автора настоящей статьи "Мир саги" (Л., 1971), а о своеобразии исландской литературы вообще — в его же книге "Культура Исландии" (Л., 1967).

В «сагах об исландцах» в очень большом количестве встречаются названия исландских хуторов, рек, морских заливов, озер, островов, гор, холмов и т. п. В переводе саг на русский язык можно было бы просто передавать, насколько это возможно, предполагаемое древнеисландское звучание этих названий русскими буквами, то есть писать, например, «хутор Мерк», «река Хвита», «залив Рейкьявик», «озера Фискивётн», «остров Флатей», «гора Трихюрпинг», «долина Лаксдаль» и т. д. Так именно делалось в русском переводе исландских саг, изданном в 1056 году. Можно, однако, переводить эти названия на русский язык и писать соответственно: «хутор Лес», «Белая Река», «Залив Дымов», «Рыбные Озера», «Плоский Остров», «Гора Трехугольная», «Лососья Долина» и т. п. Так именно делается в настоящем издании. Дело в том, что для исландца эпохи, когда эти саги писались (точно так же как и для исландца нашего времени), эти названия, как правило, отнюдь не просто названия, то есть набор звуков, не обязательно имеющий какое-то значение и условно связанный с называемым, а такие же однозначные слова, как и любые другие слова исландского языка.

Правда, переводить на русский язык исландскую топонимику (то есть географические названия) нелегко. Приходится, например, употреблять одно и то же русское слово «холм» там, где в исландских названиях — разные слова, в зависимости от величины холма, крутизны его склонов, его растительного покрова и т., д. Исландский язык чрезвычайно богат обозначениями разных элементов ландшафта. Но даже если русское слово — это точный эквивалент соответствующего исландского слова, то все равно реальность, обозначаемая данным словом, для говорящего на русском языке будет не та, что для исландца. Так, хотя русское слово «песок» — это точный эквивалент соответствующего исландского слова, для исландца реальность, обозначаемая этим словом, — это песок базальтовый, то есть песок иссиня-черный, тогда как для говорящего на русском языке она скорее — песок желтый или золотистый.

Но своеобразие географических названий в «сагах об исландцах» но в том, что эти названия — однозначные слова (такие географические названия встречаются, конечно, не только в «сагах об исландцах», они есть и в русском языке, сравни: Черная речка, город Остров, Медведь-гора и т. п.). Оно скорее в том, что ни одно из этих названий не было выдуманно теми, кто писал эти саги, и что все они были уже ранее употреблявшимися

обозначениями объектов, реально существовавших в Исландии, — вполне конкретных исландских холмов, рек, озер, морских заливов, гор, долин, хуторов и т. д.

Названия эти, как правило, до сих пор существуют в Исландии и за семьсот лет не изменили своего значения, как не изменились за это время горы или долины Исландии. Даже хутора, упоминаемые в «сагах об исландцах», в большом количестве случаев до сих пор существуют как хутора. При этом природа Исландии за последнюю тысячу лет, то есть с тех пор как страна была заселена, так мало подверглась воздействию человека, что названия, данные исландскими первопоселенцами или их ближайшими потомками, нередко до сих пор верно описывают то, что они обозначают. Когда путешествуешь по Исландии, случается, что, переезжая через реку, в которой вода кажется белой, узнаешь, что эта река уже в древности была названа Белой Рекой, а увидя на болотистой равнине стаю диких лебедей, узнаешь, что эта равнина уже в древности была названа Лебединым Урочищем.

Отдельные «саги об исландцах» представляют собой, в сущности, историю тех, кто жил в «век саг» в определенной исландской местности. Нередко это находит отражение и в названиях отдельных «саг об исландцах»: есть «Сага о людях с Песчаного Берега», «Сага о людях из Лососьей Долины», «Сага о людях с Болот», «Сага о людях со Светлою Озера». «Сага о людях из Долины Дымов», «Сага о людях с Трескового Фьорда» и т. п. Поскольку отдельные «саги об исландцах» всегда тесно связаны с определенными местностями в Исландии, в обзорах или изданиях этих саг их принято располагать не в хронологической последовательности их написания (она слишком неясна), а в последовательности географической. Так и в настоящем томе саги расположены в порядке места их действия или места, откуда родом их герои: сначала — северо-западное побережье Исландии, потом — северное, восточное, южное и западное.

В современных научных изданиях «саг об исландцах» и особенно в изданиях под редакцией исландских ученых топонимика обычно подробно комментируется. Например, указывается, где был расположен хутор, упоминаемый в саге и впоследствии заброшенный: где расположены упоминаемые в саге овраг, яма, скала и т. п., если у них теперь нет особого названия (или если они теперь называются иначе); какие ошибки допустил тот, кто писал сагу, в своих указаниях на местоположение тех или иных объектов или расстояние между ними. Кроме того к изданию обычно прилагается указатель географических названий упоминаемых в саге, и

карта местности, в которой происходит действие. Современному читателю могут показаться странными такие комментарии и приложения в литературном произведении. Неужели же те, кто писал саги, непременно должны были иметь в виду совершенно конкретную местность? Разве они не могли, подобно авторам нашего времени, иметь в виду некоторое обобщение виденных ими хуторов, гор и т. п., то есть нечто вымышленное? В том-то и дело, что это было для них совершенно невозможно. Они могли перепутать названия, ошибиться, указывая расстояние, или еще как-нибудь ошибиться, но они, несомненно, считали, что всегда имеют в виду совершенно конкретные реальности, а не плоды своей художественной фантазии.

Таким образом, каждое географическое название в «сагах об исландцах» содержит сведения о природе Исландии, а часто и о ее истории или и о том и о другом. Так, название хутора «Конец Склона» содержит указание на то, что этот хутор расположен в конце пологого склона гряды, там, где склон кончается и начинаются обрывы и скалы, а название хутора «Бергторов Пригорок» содержит указание на то, что этот хутор расположен на пригорке посреди равнины и что человека, который первым поселился здесь, звали Бергтор. В своей совокупности географические названия в «сагах об исландцах» — а таких названий в этих сагах огромное множество — это описание природы и древнейшей истории страны. Исландия со всеми ее горами, долинами, реками, озерами, болотами и песками присутствует в «сагах об исландцах» благодаря этим названиям гораздо конкретней, в сущности, чем она могла бы присутствовать в сагах в силу пейзажа, то есть описаний природы как литературного приема. Впрочем, в ту эпоху, когда писались саги, этот прием вообще еще не появился в литературе.

Описания природы как литературный прием были невозможны, пока природа была средой, из которой человек не выделял себя. Только когда природа оказалась противопоставленной человеку как объект эстетического любования, в литературе появился пейзаж. В художественной литературе нового времени назначение пейзажа в том и заключается, что он подчеркивает специфику произведения как художественного вымысла. Когда в современном произведении рассказывается, например, что герой или автор наблюдали, как «лиловые тени ложились на поля и последние отблески заходящего солнца окрашивали облака в такие-то и такие-то краски» или как «северное сияние озарило залив волшебным или еще каким-то светом», то читателю сразу же ясно, что это описание — художественный прием, то есть что природа в данном случае

художественный вымысел, который должен вызвать определенное эстетическое переживание у читателя (но может и не вызвать его, если читатель, горя нетерпением узнать, что же дальше произошло с героем, перескакивает через данное описание, как через досадное препятствие). Ничего подобного таким описаниям природы, да и вообще никаких описаний природы в «сагах об исландцах» нет.

Если в «сагах об исландцах» иногда и сообщаются какие-то сведения о ландшафте, на фоне которого что-то происходит, то это только для объяснения событий, описываемых в саге. Так, например, когда в «Саге о Ньяле» сообщается, что «на тропе у брода лежали плоские камни», то это только для того, чтобы объяснить, почему подъехавшие к броду не могли ускакать от Гуннара. Только для объяснения событий, описываемых в саге, сообщаются сведения о том, что происходило в определенный момент в природе (морозило или таяло, выпал снег или шел дождь, зашло солнце или взошла луна и т. п.).

III

Примерно так же, как и с местностями, обстоит дело и с людьми в «сагах об исландцах»: те, кто писал эти саги, несомненно, считали, что люди, о которых рассказывается в них, — это реально существовавшие люди, а не плоды художественной фантазии. Однако здесь ошибки могли быть значительно крупнее: имена людей могли быть перепутаны или неправильно поняты родственные или другие связи между людьми, а сами эти люди могли быть по-разному истолкованы, изображены в более или менее выгодном для них свете, и таким образом их изображение в саге превращалось фактически в художественный вымысел. По-видимому, однако, он в такой же мере не осознавался как вымысел, в какой те, кто писал саги, не осознавали себя их авторами. Таким образом, «саги об исландцах» совсем непохожи на романы, то есть сознательный художественный вымысел, а те, кто их писал, совсем непохожи на авторов романов.

Поскольку те, кто писал «саги об исландцах», верили в то, что все рассказываемое в них — правда, верили в это, конечно, и слушатели и читатели этих саг, то есть, в сущности, все в Исландии до совсем недавнего времени. Эта наивная вера действовала гипнотически и на ученых, занимавшихся изучением саг. Так, исландский ученый Финн Йонссон (1858–1934), посвятивший всю свою жизнь изучению древнеисландской

литературы и знавший ее как никто ни до, ни после него, до самой смерти сохранил наивную веру в то, что все рассказываемое в «сагах об исландцах» — это, в основном, правда.

Между тем современному человеку заметить вымысел в «сагах об исландцах» совсем нетрудно. Он, в сущности, очевиден. Для того чтобы его обнаружить, вовсе нет необходимости сопоставлять сагу с более достоверными историческими источниками (как это неоднократно делали исследователи саг) или проводить какие-нибудь другие научные разыскания — археологические раскопки и т. п. И дело даже не в том, что в «сагах об исландцах» есть кое-что неправдоподобное. То, что кажется неправдоподобным с современной точки зрения, могло казаться вполне правдоподобным с точки зрения людей того времени, когда писали саги. Все тогда верили в колдовство, привидения и т. п. Кроме того, неправдоподобного в «сагах об исландцах», в сущности, совсем немного, и его вкрапления есть только в некоторых из них.

Вымысел очевиден в «сагах об исландцах» из самой их манеры повествования о людях, а именно — из того, что подробно описываются действия отдельных людей и приводится все сказанное ими в описываемой ситуации, иногда даже то, что никто не мог видеть или слышать. Такое повествование о людях может быть только художественным вымыслом, конечно. И если этот вымысел все-таки не замечался в Исландии в течение многих столетий, то это, очевидно, объясняется тем, что сохранялась способность поставить себя на место тех, кто писал эти саги, взглянуть на этот вымысел с их точки зрения, то есть наивно не замечать его.

Когда исследователи «саг об исландцах» потеряли наивную веру в правдивость этих саг, вымысел в них стал вдруг очевидным, и, естественно, они пришли к убеждению, что он был очевиден и тем, кто писал саги, то есть что он был сознательным. С этих пор «саги об исландцах» стали считаться произведениями, совершенно аналогичными реалистическим романам нашего времени, а те, кто писал эти саги — совершенно такими же авторами, как авторы этих романов. Как это нередко случается, наука перехитрила самое себя: в наивном доверии к правдивости «саг об исландцах» было, в сущности, больше их понимания, чем в недоверии к их правдивости, возникшей в результате их научного исследования.

Но хотя «саги об исландцах» стали считаться романами, уже из того, как они продолжают трактоваться в научных изданиях, очевидно, что они — нечто совсем непохожее на романы. Зачем было бы редактору романа сообщать в примечаниях, упоминается ли данное действующее лицо в других произведениях, верна ли его генеалогия, приводимая в данном

произведении, нет ли ошибки в сведениях, сообщаемых о данном лице и т. п.? А такие примечания обычны в научных изданиях «саг об исландцах». Примечания эти ясно свидетельствуют о том, что редактор считает целью саги сообщение правды в собственном смысле слова, а не так называемой «художественной правды», то есть правдоподобного вымысла. Между тем цель всякого романа, в том числе и самого реалистического, — это именно сообщение художественной правды, а не правды в собственном смысле слова.

Рассказывая о том или ином персонаже саги, тот, кто ее писал, всегда имел в виду некоторое реальное, действительно существовавшее лицо. Между тем автор романа, рассказывая о том или ином из своих персонажей, только в редком и совсем нетипичном для романа случае — а именно в романе-биографии — имеет в виду некоторое реальное лицо. Но даже и автор романа-биографии сознает, конечно, что, хотя канва его произведения — подлинные факты, само оно — лишь правдоподобный вымысел (роман!). Обычно же персонаж реалистического романа — это обобщение, результат отбора общего для многих реальных лиц, результат выделения типического, то есть отказа от изображения отдельного реального лица во всей его индивидуальной сложности и неповторимости, тем самым в известном смысле — упрощение, схематизация. Таким образом, можно сказать, что реалистические романы относятся к «сагам об исландцах», как литературная обработка сырого материала действительности к самому этому сырому материалу или как правдоподобие к правде. Другими словами, в известном смысле «саги об исландцах» правдивее реалистических романов.

Не удивительно поэтому, что персонажи «саг об исландцах», как правило, непохожи на литературные типы. Это особенно относится к основным персонажам саг. Второстепенные персонажи в них, напротив, нередко — литературные типы (злые колдуньи, коварные интриганы и т. п.). Между тем основные персонажи саг, как правило, жизненнее, чем литературные типы. Это проявляется, прежде всего, в том, что их поведение и поступки необязательно вытекают из их характера. Человек, трусливый по характеру, как Бьёрн из Леса в «Саге о Ньяле», проявляет храбрость. Человек, благородный по характеру, как Флоси из «Саги о Ньяле», оказывается предводителем тех, кто совершает подлое преступление — сожжение Ньяля и его семьи в доме. Может показаться, правда, что такие случаи — результат сознательного стремления автора показать человеческую личность во всей ее сложности. Однако на самом деле такие случаи в «сагах об исландцах» — в такой же мере не

осуществление авторского замысла, в какой аналогичные случаи в жизни — не осуществление замысла какого-то всемогущего существа, которое управляет людьми, как марионетками. Дело в том что «саги об исландцах» вообще не имели своей целью изображение людей: человеческая личность сама по себе еще не настолько привлекала к себе внимание в ту далекую эпоху, чтобы стать объектом изображения в литературе. Именно поэтому в «сагах об исландцах» совершенно отсутствуют описания внутреннего мира персонажей, их переживаний, их чувств и мыслей. Целью «саг об исландцах» было описание не людей, а событий, и притом событий определенного рода.

IV

О событиях, описываемых в «сагах об исландцах», можно сказать примерно то же самое, что выше было сказано о местностях и людях: те, кто писал саги, верили в то, что эти события — реальность, а не плоды художественной фантазии. События эти — не факты личной жизни персонажей саг. Личная жизнь, как уже было сказано выше, никогда не описывается в «сагах об исландцах». События эти — распри между исландцами в так называемый «век саг», то есть X–XI века.

О том, что это были за распри, каковы были их поводы, как они протекали и так далее, читатель может сам составить себе представление, почтаив саги. Но, прочтаив в них о том или ином убийстве — а в распрях, описываемых в «сагах об исландцах», дело нередко доходит до убийства, — читатель не должен спешить с осуждением людей того времени за жестокость. Ему следует учесть, что, как правило, это убийство из чувства долга, а именно — долга мести и всего чаще, мести, за убитого родича, и притом убийство, аналогичное убийству в честном и открытом бою с врагом, поскольку убитым всегда был мужчина, но не женщина или ребенок, удар наносился открыто, не со спины или из прикрытия, и днем, но не ночью, и совершивший убийство сразу же сам объявлял о нем. Следует учесть также, что для членов общества, в котором не было ни полиции, ни тюрем, ни карательных органов — а таким было исландское общество в «век саг», — выполнение долга мести не могло не быть обязательным. Такое общество не могло бы просуществовать, если бы долг мести не был обязательным для его членов.

Люди оказываются изображенными в «сагах об исландцах» в той мере, в какой они участвуют в той или иной распри. Но именно поэтому они

изображаются так объективно: то, что ненароком описывается в процессе описания чего-то другого, оказывается описанным более объективно, чем непосредственный объект описания. Примером может служить трагическое и романическое в «сагах об исландцах».

События, описываемые в «сагах об исландцах», нередко трагичны. Однако в сагах, как правило, ничего не говорится о трагических переживаниях, которые должны были быть вызваны этими событиями. Современный читатель воспринимает это как тонкий литературный прием: он как бы должен сам вчитать эти переживания в сагу и тем живее вообразить их себе и испытать к ним тем более живое сочувствие. Однако на самом деле тех, кто писал «саги об исландцах», переживания участников трагических событий, описываемых в саге, сами по себе не интересовали. Интересовали события. Сентиментальное сочувствие переживаниям героев литературного произведения вряд ли имело место. Поэтому, если цель трагического в литературе — вызвать сочувствие трагическим переживаниям персонажей произведения, то трагического в этом смысле не было в замысле тех, кто писал «саги об исландцах». Тем объективнее, однако, оказываются изображенными в саге трагические события.

Повествование о любых событиях, как трагических, так и отнюдь не трагических, ведется в «сагах об исландцах» в одной и той же тональности. Современный читатель не замечает этой тональности, так как он неизбежно вчитывает трагическую тональность в описание трагических событий. Некоторое представление о тональности, которую современному читателю трудно заметить в «сагах об исландцах», может дать разве что средневековая музыка: в противоположность музыке нового времени средневековая музыка тоже, как правило, не имеет целью вызвать сочувствие каким-то переживаниям.

Вообще средневековое повествование часто имело совсем не ту цель, какую вчитывает в него современный читатель. Так, например, в рассказе о Торстенне Морозе современный читатель неизбежно обнаруживает комизм, то есть полагает, что цель рассказа — рассмешить. Между тем рассказ этот — христианская легенда о чуде. Цель этого рассказа — внушить веру в чудотворную силу короля Олава Трюггвасона как представителя христианской церкви.

Не интересовали тех, кто писал «саги об исландцах», и переживания, обусловленные сексуальными отношениями, то есть романические переживания. По-видимому, эти переживания не вызывали того сентиментального сочувствия, на которое рассчитывает автор всякого романа. Вокруг них не было никакого поэтического ореола. Характерно,

например, что, хотя из фактов, сообщаемых в «Саге о Ньяле» (гл. XXXIII), очевидна влюбленность Гуннара в Халльгерд, брак Гуннара с ней расценивается как «безрассудный брак по страсти» (более точным переводом было бы «из похоти»). Брак по любви казался людям того времени просто безрассудством, глупостью. Напротив, разумным казалось заключать брак так, как это делают в той же саге Скарпхедин. Хельги и Грим, сыновья Ньяля, которым Ньяль сам подбирает подходящих жен (гл. XXV и XXVI). «Любовью» называются в «сагах об исландцах», как правило, только отношения, устанавливающиеся между супругами спустя некоторое, иногда даже долгое время после брака. Слово «любовь», очевидно, имело совсем не тот смысл, что в романической литературе. К тому, что с современной точки зрения представляется связью, основанной на романическом чувстве, слово «любовь» в «сагах об исландцах» не применяется. Если это любовная связь мужчины с чужой женой, то обычно просто говорится, что мужчина «одурачил» женщину. Если же речь идет о любовной связи женатого мужчины с одинокой женщиной, то обычно говорится о «побочной жене» и «побочных детях» как о чем-то, что вполне естественно и не должно вызывать возражений у законной жены.

Вместе с тем из фактов, сообщаемых в «сагах об исландцах», очевидно, что сами по себе переживания, обусловленные сексуальными отношениями, были, в сущности, теми же, что и в другие времена: люди так же влюблялись, испытывали страсть, ревновали и т. д. Другой была только оценка этих переживаний: не было их идеализации и романтизации. Но именно поэтому в «сагах об исландцах» эти переживания оказывались более объективно изображенными, чем это возможно в романе, хотя в сагах они и не были объектом изображения. В романе нового времени не может не быть идеализации этих переживаний хотя бы уже потому, что она есть в значениях соответствующих слов (то есть слов «любовь», «влюбленность» и т. п.) во всех современных европейских языках. Таким образом, и в этом отношении «саги об исландцах» правдивее даже самых реалистических романов.

Исключение в этом отношении представляет собой «Сага о Гуннлауге Змеином Языке». В этой саге любовь в романическом смысле этого слова идеализируется в духе средневековой куртуазной литературы. Однако и в этой саге основное — распря, и любовь в ней только мотивирует эту распря.

Нигде в настоящей статье те, кто писал «саги об исландцах», не были названы их «авторами». В самом деле, совершенно неясно, можно ли их так назвать. По этому вопросу уже давно идет дискуссия между учеными. В первой половине прошлого века установилось мнение, что те, кто писал «саги об исландцах», были просто записывателями того, что бытовало в устной традиции. Но во второй половине прошлого века стали склоняться к тому, что те, кто писал «саги об исландцах», собирали бесформенную традицию и придавали ей форму саг, то есть были их авторами. В начале нашего века снова установилось мнение, что те, кто писал саги, с некоторыми оговорками в отношении саг, наиболее длинных и сложных по композиции, были просто их записывателями. Но в тридцатых годах нашего века снова была выдвинута точка зрения, согласно которой «саги об исландцах» — это письменные произведения, созданные их авторами, и эта точка зрения в последнее время господствовала. Однако и сторонники этой точки зрения признают, что источником письменной саги была устная традиция, но только они не называют эту устную традицию «сагой».

Все выдвигавшиеся до сих пор теории происхождения «саг об исландцах» подразумевают упрощенное представление о специфике устной и письменной словесности. Переход от устной словесности к письменной якобы совпадает с переходом к авторскому творчеству, и, следовательно, письменная словесность — это якобы непременно авторское творчество. В действительности, однако, дело обстоит гораздо более сложно. В сущности, словесности «безавторской», если так можно выразиться, вообще не может быть. Всякая словесность создана людьми, то есть авторами. Но возможно неосознанное авторство, и в условиях неосознанного авторства авторский вклад не ограничен от пересказа и, следовательно, не поддается определению.

В устной традиции господствует неосознанное авторство. Однако и в устной традиции возможно осознанное авторство. Так, поэзия древнеисландских скальдов, несомненно, подразумевает осознанное авторство. Однако известно, что эта поэзия существовала еще за несколько веков до введения письменности. Древнейшие скальдические стихи были сочинены еще в IX веке, и есть сведения об их авторах. Правда, у скальдов осознанное авторство распространялось только на форму, но не на содержание, то есть это была ранняя стадия развития осознанного авторства.

Переход от неосознанного к осознанному авторству — это целая огромная эпоха в истории человеческого сознания. Между тем переход от устной словесности к письменной, то есть введение письменности, — это

событие, которое осуществляется в сравнительно короткий срок. Естественно поэтому, что эти два перехода отнюдь не обязательно совпадают. Неосознанное авторство возможно и в письменной словесности и широко представлено в средневековой литературе. Так, оно, несомненно, имело место в «сагах об исландцах», поскольку те, кто их писал, считали, что эти саги — правда, а не плод их художественной фантазии. Но при неосознанном авторстве в письменной словесности авторский вклад примерно так же не ограничен от записывания или переписывания, как в устной словесности он не ограничен от пересказа, и, следовательно, так же не поддается определению. Те, кто писал «саги об исландцах», могли записывать устную традицию или списывать с того, что уже было написано другими. Но они могли вносить и свое в записываемое или списываемое, и в этом отношении они не отличались от тех, кто передавал устную традицию, на которой они основывались, потому что и устная традиция, конечно, не передавалась слово в слово. Таким образом, невозможно установить, в какой мере те, кто писал «саги об исландцах», были их авторами.

VI

В предлагаемый читателям том «Библиотеки всемирной литературы» включены следующие восемь «саг об исландцах» — «Сага о Гисли», «Сага о Торстейне Битом», «Сага о Храфнкеле годи Фрейра», «Сага о Хёрде и островитянах», «Сага о гренландцах», «Сага об Эйрике Рыжем», «Сага о Ньяле», «Сага о Гуннлауге Змеином Языке» — и следующие четыре «пряди об исландцах» — «Об Аудуне с Западных Фьордов», «О Торстейне Морозе», «Об исландце-сказителе», «О Халльдоре, сыне Снорри». Пять саг, названных первыми, печатаются на русском языке впервые. «Пряди об исландцах» — это короткие рассказы о пребывании исландцев у норвежских королей. Эти рассказы — фрагменты из «саг о королях», но, поскольку их персонажи те же, что и в «сагах об исландцах», они обычно включаются в «саги об исландцах». Все четыре пряди впервые переведены на русский язык. Остаются не переведенными на русский язык еще около тридцати «саг об исландцах» и несколько десятков «прядей об исландцах».

Перевод «саг об исландцах» представляет большие трудности. Древнеисландский язык во многих отношениях совсем непохож на современные европейские языки. В нем много слов и оборотов, которым в этих языках нет эквивалентов или соответствий. Другими словами, он

очень идиоматичен. Особенно идиоматичен язык «саг об исландцах». Он, правда, совершенно свободен от какой-либо искусственности, вычурности, риторичности или нарочитости. Но известно, что для передачи безыскусности нужно больше искусства, чем для передачи искусственности.

Особые трудности представляет перевод вис (стихотворных стрóf), встречающихся в сагах. Стил ь вис совсем непохож на стил ь саг, он крайне вычурен. В висах много так называемых «кеннингов», то есть очень условных поэтических фигур, состоящих из двух или больше существительных (например, «ясень сечи» или «дерево бури оружия» = воин). Порядок слов в висах — противоестественный (отдельные предложения переплетаются друг с другом), а размер — очень сложный (аллитерации и внутренние рифмы образуют строгий узор). Передать эту сложную и вычурную форму в переводе на русский язык сколько-нибудь точно совершенно невозможно. Ее можно передать только очень приблизительно. Но такой приблизительный перевод вис оправдывается тем, что содержание их, как правило, очень скудно (обычно в них сообщаются какие-то факты, сообщаемые и в прозе), а форма настолько условна, что как бы независима от содержания. Именно поэтому свободная передача формы вис, в сущности, не искажает их содержания.

В комментариях к отдельным сагам или прядям даются сведения об их особенностях, исторической основе, переводах на русский язык, библиографии, а также объясняются отдельные слова и выражения, встречающиеся в них.

М. Стеблин-Каменский

Сага о Гисли

I

Начинается эта сага с того, что правил Норвегией конунг Хакон, воспитанник Адальстейна^[1], и было это на склоне его дней. Жил тогда человек по имени Торкель, по прозвищу Добавок к Шхере. Он жил в долине Сурнадаль^[2] и был херсиром. У него была жена по имени Исгерд и дети, трое сыновей. Одного звали Ари, другого — Гисли, третьего, младшего из всех, Торбьёрном. Все они росли дома. Жил человек по имени Иси. Он жил у Фьорда Фибули, в Нордмёре^[3]. Жену его звали Ингигерд, а дочь — Ингибьёрг. Ари, сын Торкеля из Сурнадаля, за нее посватался, и ее отдали ему с большим приданым. С нею поехал раб по имени Коль.

Жил человек по имени Бьёрн Бледный. Он был берсерк. Он разъезжал по стране и вызывал на поединок всякого, кто ему не подчинялся. Раз зимою явился он и к Торкелю из Сурнадаля. А хозяйствовал на хуторе тогда Ари, его сын. Бьёрн предлагает Ари на выбор: хочет, пусть бьется с ним на одном островке в Сурнадале — назывался островок Столбовым, — а не хочет, пусть отдает ему свою жену. Тот сразу же решил, что уж лучше биться, чем обоих, и себя и жену, позорить. Сойтись надлежало им через три ночи. Вот подходит время поединка, они сражаются, и вышло так, что Ари пал и лишился жизни. Бьёрн считает, что он завоевал и землю и жену. Гисли же говорит, что, покуда он жив, этому не бывать, и он намерен биться с Бьёрном.

Тут сказала слово Ингибьёрг:

— Не потому отдали меня за Ари, что я не пошла бы охотнее за тебя. У раба моего Коля есть меч Серый Клинок. Так попроси, пусть он тебе его одолжит. Потому что есть у этого меча такое свойство: он несет победу всякому, кто берет его в битву.

Гисли просит у раба меч, и тот отдает его неохотно. Гисли снарядился для поединка, они бьются, и вышло так, что Бьёрн нал мертвым. Гисли почитает это за большую победу. Рассказывают, что он сватается к Ингибьёрг, не желая выпустить из рода такой доброй жены, и женится на ней. Он берет себе всю братнину долю имущества и становится большим человеком. Тут умирает его отец, и все его имущество тоже достается Гисли. Он велит убить всех сообщников Бьёрна.

Раб потребовал назад свой меч, но Гисли не хочет с ним расставаться и предлагает за него золото. Но раб ничего, кроме меча, не желает и остается ни с чем. Это очень ему не нравится, он покушается убить Гисли и тяжело его ранит. Но и Гисли разит его по голове Серым Клинком, и удар был так силен, что меч сломался, и череп раскололся, и настигла обоим смерть.

II

После этого достается Торбьёрну все имущество, которым владели его отец и оба брата. Он живет в Сурнадале на хуторе Столбы. Он сватается за женщину по имени Тора — она была дочь Рауда с Мирного Острова — и на ней женится. Они жили и добром согласии, и в скором времени пошли у них дети. Дочь их звалась Тордис. Она была из детей старшею. Их старшего сына звали Торкель, среднего — Гисли, младшего — Ари. Все они росли дома. Никто из сверстников во всей округе не мог с ними сравниться. Потом Ари отдали на воспитание к Стюркару, его дяде. А Торкель и Гисли оба остались дома.

Жил человек по имени Бард. Он жил в Сурнадале. Он был молод и только что получил после отца наследство. Другого человека звали Кольбьёрн, он жил на хуторе Каменная Плита, в Сурнадале. Он тоже был молод и только что получил наследство. Поговаривали, что Бард соблазнил Тордис, дочь Торбьёрна, а она была и красива и умна. Торбьёрн был очень этим недоволен и говорил, что, будь Ари дома, это не сошло бы Барду с рук. Бард сказал, что «пусты стариковские речи» и «я буду делать, как делал». Он был в дружбе с Торкелем, и тот ему потворствовал, но Гисли, как и отец, не одобрял их сговора.

Рассказывают, что однажды Гисли был в дороге вместе с Бардом и Торкелем. Он проехал с ними полпути до Дорожки Грани — так называлось место, где жил Бард, — и, когда меньше всего этого ждали, нанес Барду смертельный удар. Торкель рассердился и сказал, что Гисли поступил плохо, но Гисли успокаивал брата:

— Давай-ка поменяемся мечами, бери себе тот, что лучше режет!^[4]

И обратил все в шутку. Тогда Торкель успокоился и остался подле Барда, Гисли же поехал домой и все рассказал отцу. Тот был доволен.

С тех пор дружба между братьями пошла врозь. Торкель отказался меняться мечами и не пожелал жить дома, а отправился к Скегги Драчуну на остров Сакса. Тот был близким родичем Барду. Торкель остался там и все подстрекал Скегги отомстить за Барда, своего родича, и жениться на

Тордис. Вот едут они, числом двадцать, к Столбам, и, приехав на хутор, Скегги заводит с Торбьёрном разговор, чтобы им породниться «через брак мой с Тордис, твоею дочерью».

Но Торбьёрн не хотел отдавать за него девушку. Говорили, что за Тордис ухаживал Кольбьёрн. Скегги подумал, что, стало быть, тот и виноват в его неудаче со сватовством, и, встретившись с Кольбьёрном, вызвал его биться на острове Сакса. Кольбьёрн сказал, что придет, и прибавил, что он не будет достоин руки Тордис, если не посмеет сразиться со Скегги.

Торкель и Скегги отправились к себе на остров Сакса и вместе с двадцатью своими людьми ждали там урочного срока. А через три ночи Гисли едет к Кольбьёрну и спрашивает, готов ли тот к поединку. Кольбьёрн же вместо ответа спрашивает, нужно ли это для брака его с Тордис.

— Тебе не годится об этом спрашивать, — говорит Гисли.

Кольбьёрн говорит:

— Сдается мне, что мне незачем биться со Скегги.

Гисли сказал:

— Ну и подлец же ты, что так рассуждаешь! Что ж, покрывай себя позором, я все равно намерен ехать.

Вот едет Гисли на остров Сакса и с ним одиннадцать человек. Тем временем Скегги уже на месте, он объявляет условия поединка и очерчивает круг для Кольбьёрна, но не видит ни его самого, ни того, кто пришел бы его заменить. Был у Скегги работник по имени Рэв. Так он велел Рэву сделать деревянные фигуры наподобие Гисли и Кольбьёрна.

— И пусть один стоит позади другого^[5], и пусть этот срам навсегда остается здесь им в поношение.

Гисли услышал это из лесу и отвечает:

— Найдутся твоим работникам дела и поважнее! Вот можешь взглянуть на того, кто посмеет с тобою биться.

Они входят в круг и сражаются, и каждый сам держит перед собою щит. У Скегги был меч по прозванию Пламя Битвы, он нанес им удар и попал в щит Гисли. Меч громко зазвенел. Тогда Скегги сказал:

— Пламя Битвы поет,

То-то потеха на Саксе!

Гисли нанес ответный удар секирой, и отсек край щита и ногу Скегги, и сказал:

— Рьяно огонь раны

Рубит ныне Скегги.

Скегги не стал больше биться и с той поры всегда ходил на деревянной

ноге. Торкель же поехал домой со своим братом Гисли, и теперь они живут по-родственному, и все находят, что эта битва очень увеличила славу Гисли.

III

В саге упоминают двух братьев. Одного звали Эйнарор, другого — Арни, оба сыновья Скегги с острова Сакса. Они жили на мысу Флюдрунес к северу от Трандхейма. Они набирают с осени людей и потом весной отправляются в Сурнадаль к Кольбьёрну и ставят ему условия: хочет, пусть едет с ними жечь в доме Торбьёрна с сыновьями, а не то пусть расстанется с жизнью. Тот предпочел ехать с ними. Вот отправляются они, числом шестьдесят, и приезжают ночью к Столбам, и поджигают нее строения. А все спали в одном покое: и Торбьёрн, и его сыновья, и Тордис. Там стояли два жбана с кислой сывороткой. Вот Гисли и те, кто был с ним, берут две козлиные шкуры, макают в жбаны, и набрасывают на огонь, и трижды его тушат. Потом они пробивают стену, выбираются, десять человек, наружу, добегают под завесой дыма до гор и уходят подальше, чтобы собаки их не почуяли. Двенадцать же человек сгорели в доме. А они, те, что пришли, думают, что сожгли всех.

Гисли и все остальные добираются до Мирного Острова, приходят к Стюркару, собирают там сорок человек, застигают Кольбьёрна врасплох и сжигают его в доме и с ним еще одиннадцать человек. Потом они продают свою землю и покупают себе корабль. Их было шесть десятков человек. Взяв все свое имущество, они покидают страну и пристают к островам, называемым Эсундами, и готовятся там выйти в море. Оттуда они плывут, сорок человек числом, в двух лодках на север к мысу Флюдрунес. Сыновья Скегги как раз выехали с семьёю другими мужами собирать плату за землю. Гисли и его люди направляются им навстречу и всех убивают. Гисли уложил троих, а Торкель — двоих. Потом они идут к хутору и выносят оттуда много добра. В тот раз Гисли срубил Скегги Драчуну голову — тот как раз гостил у сыновей.

IV

Потом они возвращаются к кораблю и выходят в море и плавают больше ста двадцати дней, пока не пристают на западе Исландии к южному берегу Фьорда Дюри, в устье Реки Ястребиной Долины.

В саге упоминают двоих мужей, живших каждый на своем берегу. Оба звались Торкели. Один жил на хуторе Грязи в Болотной Долине, на южном берегу Фьорда. Он был Торкель, сын Эйрика. Другой жил на северном берегу, на хуторе У Всех Ветров. Его прозвали Торкель Богач. Торкель, сын Эйрика, первым из уважаемых людей поехал к кораблю и встретил Торбьёрна Кислого (его стали так называть с тех пор, как он спасся с помощью кислой сыворотки).

Земля по обоим берегам еще не вся была заселена. Торбьёрн Кислый купил себе землю на южном берегу у Морского Жилья в Ястребиной Долине. Гисли выстроил там двор, где они и стали жить.

Бьяртмаром звали человека, жившего у вершины Орлиного Фьорда. Жену его звали Турид, она была дочерью Храфна с Кетилевой Косы во Фьорде Дюри. Храфн же был сыном Дюри, занявшего этот фьорд. У них были дети. Дочь их звалась Хильд, она была старшей. Одного их сына звали Хельги, других — Сигурд и Вестгейр.

Вестейном звали одного норвежца, приехавшего в Исландию во времена ее заселения и поселившегося у Бьяртмара. Он женился на Хильд, его дочери. И они недолго прожили вместе, как родились у них дети: дочь их звалась Ауд, а сын — Вестейном. Вестейн-норвежец был сыном Вегейра, брата Вебьёрна Согнского Витязя.

Бьяртмар был сыном Ана Красного Плаща, сына Грима Мохнатые Щеки, брата Одда Стрелы, сына Кетилия Лосося, сына Халльбьёрна Полутролля. Матерью Ана Красного Плаща была Хельга, дочь Ана Лучника.

Вестейн, сын Вестейна, стал купцом и мореходом. Все же в то время, о котором здесь рассказывается он имел у Фьорда Энунда хутор Под Конем. Жену его звали Гуннхильд, а сыновей — Берг и Хельги.

Вот вскоре умирает Торбьёрн Кислый, а следом и жена его Тора. Хутор теперь переходит к Гисли и брату его Торкелю. А над Торбьёрном и Торой насыпают курган.

V

Жил человек по имени Торбьёрн, по прозвищу Тюленья Скала. Он жил у Жаберного Фьорда на хуторе Телячья Гора. Жену его звали Тордис, а дочь — Асгерд. Торкель, сын Кислого, за нее посватался и женился на ней. А Гисли посватался за Ауд, сестру Вестейна и дочь Вестейна-норвежца, и женился на ней. Живут братья вместе в Ястребиной Долине.

Однажды весною Торкель Богач, сын Торда, пустился в путь на юг, на Мыс Тора, где собирался тинг, и сыновья Кислого поехали с ним. На Мысу Тора жил тогда Торстейн Трескоед, сын Торольва Бородача с Мостра. Он был женат на Торе, дочери Олава, сына Торстейна. У них были дети: Тордис, Торгрим и Бёрк Толстяк. Торкель Богач закончил на тинге свои дела. А после тинга Торстейн пригласил Торкеля Богача и сыновей Кислого к себе домой и дал им на прощанье богатые подарки. Они же пригласили сыновей Торстейна приехать следующей весной к ним на запад, на их тинг. И вот едут они домой.

А на следующий год, весною, сыновья Торстейна и с ними еще десять человек отправляются на тинг на Соколиной Косе и встречаются там с братьями, Гисли и Торкелем. Те зовут сыновей Торстейна с тинга к себе. Но до этого им надо было погостить у Торкеля Богача. Потом они едут к братьям, Гисли и Торкелю, и те встречают их там обильным пиром. Торгриму приглянулась сестра Гисли и Торкеля, и он за нее посватался. Ее обручили с ним и тут же сыграли свадьбу. За нею отдали Морское Жилье, и Торгрим переехал на запад. А Бёрк остается на Мысу Тора, и с ним живут его племянники, Сака-Стейн и Тородд.

Вот селится Торгрим в Морском Жилье, а сыновья Кислого переезжают на Холм и строят там хороший двор. И стоят Морское Жилье и Холм ограда к ограде. Вот живут они бок о бок, и между ними прочная дружба. Торгрим становится там годи и во всем поддерживает братьев. Они едут весною на тинг в сопровождении сорока человек, все в крашенных одеждах. С ними едут Вестейн, шурин Гисли, и все, кто приехал из Сурнадаля.

VI

Жил человек по имени Гест^[6], он был сыном Оддлейва. Он приехал на тинг и занял землянку вместе с Торкелем Богачом. Вот люди из Ястребиной Долины сидят за пивом, другие же ушли на суд, потому что был как раз судебный тинг. Тут заходит к ним в землянку один человек, большой болтун, по имени Арнор. Он сказал:

— Ну и люди живут у вас в Ястребиной Долине! Ни до чего вам нет дела, кроме как пить. И вы даже не хотите прийти на суд, где должны разбираться тяжбы ваших людей. Все так считают, хоть я один и скажу.

Тогда сказал Гисли:

— Пойдем на суд. Может статься, что и другие говорят то же самое.

Вот идут они на суд. И Торгрим спрашивает, не нужна ли кому их поддержка.

— И покуда мы живы, за нами дело не постоит: сделаем все, что пообещали.

Тогда отвечает Торкель Богач:

— Нестоящие это тяжбы, что ведут здесь наши люди. Но мы не преминем сказать вам, если нам понадобится ваша помощь.

И вот заходят промеж людей разговоры о том, как великолепны эти люди и как независимы в своих речах. Торкель спросил тогда у Геста:

— Надолго ли хватит, ты думаешь, великолепия и своевластия людей из Ястребиной Долины?

Гест отвечает:

— Не пройдет и трех лет, как не будет у них единомыслия, у тех, кто теперь держится вместе.

Арнор был при том разговоре, и он бежит в землянку к людям из Ястребиной Долины и пересказывает им эти слова.

Гисли на это говорит:

— Он, верно, повторяет чужие слова. Позаботимся же, чтобы не сбылось его предсказание. И, на мой взгляд, самое лучшее, если мы свяжем нашу дружбу более крепкими узами и примем, все четверо, обет побратимства.

Им это показалось разумным. Вот идут они на самую стрелку косы и вырезают длинный пласт дерна^[7], так, что оба края его соединяются с землей, ставят под него копьё с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник крепится к древку. Им, Торгриму, Гисли, Торкелю и Вестейну, надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов. Но когда все они подали друг другу руки, Торгрим и говорит:

— Хватит с меня того, что я подам руку Торкелю и Гисли, моим шуринам. Но у меня нет обязательств перед Вестейном.

И он отдергивает руку.

— Ну что ж, и другие поступят так же, — говорит Гисли и тоже убирает руку. — Я не буду связывать себя с человеком, который не желает связывать себя с моим шурином Вестейном.

Люди придали тому, что случилось, большое значение. Гисли тогда сказал Торкелю, своему брату:

— Все вышло, как я и опасался. И ни к чему все, что мы сейчас делали. Я теперь вижу, что чему быть, того не миновать.

И люди разъехались с тинга.

VII

Случилось летом, что во Фьорд Дюри пришел корабль, принадлежавший двумя братьям, норвежцам. Одного звали Торир, другого Торарин, они были родом из Вика^[8]. Торгрим поехал к кораблю, купил себе четыре сотни бревен и отдал часть платы сразу, а часть обещает отдать после. Вот купцы ставят корабль в Песчаное Устье, а сами устраиваются на житье.

Жил человек по имени Одд, он был сыном Эрлюга. Он жил на Косе в Блюдном Фьорде. Он принял купцов к себе. Вот Торгрим шлет Торродда, своего сына, сложить те бревна и сосчитать их, потому что он думает поскорее перевезти их домой. Тот приходит, берет бревна, складывает их, и покупка кажется ему отнюдь не такой удачной, как говорил Торгрим. Он стал ругать норвежцев, те не потерпели этого, накинулись на него и убили.

Совершив убийство, норвежцы уходят с корабля. Они переправляются через Фьорд Дюри и, раздобыв себе коней, спешат к своему жилью. Они едут целый день и ночь, пока не подъезжают к долине, отходящей от Блюдного Фьорда. Там они завтракают и ложатся спать.

А Торгриму стало известно о происшествии, и он тут же собирается из дому, переправляется через фьорд и один едет следом за норвежцами. Он застигает их там, где они спали, и расталкивает Торарина древком копья. Тот вскакивает и только хочет схватиться за меч, — а он признал Торгрима, — как Торгрим наносит ему удар копьем и убивает. Тут просыпается Торир и хочет отомстить за сотоварища, но Торгрим ударом копья укладывает и его. Это место зовется теперь Долиною Завтрака и Погибелью Норвежцев. Вслед за тем Торгрим поехал домой, и эта поездка принесла ему славу.

Зиму он проводит у себя на хуторе. А весною зятя, Торгрим и Торкель, снаряжают корабль, принадлежавший норвежцам. Норвежцы эти прослыли большими смутьянами у себя в Норвегии, и им нельзя было там оставаться. Вот снаряжают зятя корабль и выходят в море. В то же лето выходят в море из Ракушечной Бухты во Фьорде Стейнгрима и Вестейн с Гисли. Пока те и другие в плавании, Энунд из Средней Долины хозяйствует на хуторе у Торкеля и Гисли, а Сака-Стейн, вместе с Тордис, — в Морском

Жилье. Во время всех этих событий в Норвегии правил Харальд Серый Плащ^[9]. Торгрим и Торкель приводят корабль на север Норвегии и тотчас едут встретиться с конунгом и, представ перед ним, его приветствуют. Конунг хорошо их принял. Они стали его людьми. Им досталось немало добра и немало почестей. Гисли и Вестейн плавали больше ста дней и раз, в начале зимы, у берегов Хёрдаланда^[10] попали ночью в сильную метель и бурю, и корабль их разбился в щепки, но добро свое и людей они уберегли.

VIII

Жил человек по имени Бьяльви Бородач. Он плыл на своем корабле и держал путь на юг, в Данию. Гисли и Вестейн прицениваются купить у него полкорабля, он же говорит, что уже наслышан о них как о молодцах и отдает им половину корабля. Они тут же платят ему, не скупясь. Вот едут они на юг, в Данию, на торг, что зовется Вэбьёрг^[11]. Там они перезимовали у человека по имени Сиградд. Они жили втроем, Вестейн, Гисли и Бьяльви, были очень дружны между собой и менялись подарками. А с наступлением весны стал Бьяльви снаряжать свой корабль в Исландию.

Сигурдом звали одного человека, родом норвежца. Он был в деле с Вестейном и сейчас находился в Англии. Он послал передать Вестейну, что хочет разорвать договор с ним и не нуждается больше в его деньгах. Вестейн просит позволения поехать с ним повидаться.

Гисли сказал:

— Ты должен обещать мне, что больше не покинешь Исландии без моего позволения, если вернешься туда невредимым.

Вестейн обещает. Вот как-то утром Гисли встает и идет в кузницу. Он был искуснейший человек, мастер на все руки. Он сделал монету весом не меньше чем в эйрир, и половины этой монеты соединялись с помощью двадцати гвоздочков, по десяти на каждой половине. Когда части были сложены, она казалась целою, но можно было ее разъять на две части. И рассказывают, что он разнимает монету на половины, одну дает Вестейну и просит хранить ее как знак.

— И если один из нас пошлет другому свою половину, это будет значить, что его жизнь в опасности. Есть у меня предчувствие, что не миновать нам такого обмена, хотя бы сами мы и не встретились.

Вот едет Вестейн на запад, в Англию, а Гисли и Бьяльви — в Норвегию, а летом — в Исландию. Им досталось много добра и богатых

подарков, и было удачно их товарищество, и Бьяльви выкупил у Гисли свой корабль. Теперь Гисли, а с ним еще одиннадцать человек едут на запад, во Фьорд Дюри, на торговом корабле.

IX

А Торgrim и Торкель снаряжают корабль в другом месте и возвращаются в устье Реки Ястребиной Долины во Фьорде Дюри в один день с Гисли, приплывшим на торговом корабле. Вскоре они свиделись, и встреча их радостна, а потом разъезжаются они по домам. Торgrimу и Торкелю тоже выпало немало богатства.

Торкель очень важничал и ничего не делал по хозяйству, а Гисли работал день и ночь. Однажды выдался погожий день, и Гисли послал всех на сенокос, всех, кроме Торкеля. Торкель единственный из мужчин остался на хуторе и улегся после завтрака в доме. Дом этот был длиною в сто сажень, а шириною в десять. К южной его стороне пристроена была светелка Ауд и Асгерд. Они сидели там и шили. Вот, проснувшись, Торкель слышал в светелке голоса, идет туда и ложится у стены.

Вот заговорила Асгерд:

— Не откажи, Ауд, скрой мне рубашку для мужа моего Торкеля.

— Это я умею не лучше тебя, — сказала Ауд, — и ты навряд ли стала бы просить меня об этом, если бы надо было кроить рубашку для моего брата Вестейна^[12].

— Это другое дело, — говорит Асгерд. — И, верно, еще долго так будет.

— Давно я знала, — говорит Ауд, — как обстоят дела. Но хватит говорить об этом.

— Я не вижу тут ничего дурного, — говорит Асгерд, — хоть бы мне и нравился Вестейн. Сказывали мне, что вы частенько встречались с Торgrimом до того, как тебя выдали за Гисли.

— Тут не было ничего дурного, — говорит Ауд. — Я ведь не зналась с мужчинами за спиной у Гисли, так что нет тут дурного. Но лучше прекратим этот разговор.

А Торкель слышал каждое их слово и, когда они замолкли, сказал:

— Слышу слова ужасные! Слышу слова роковые! Слышу слова, чреватые гибелью одного или многих!^[13]

И входит в дом. Тогда заговорила Ауд:

— Часто женская болтовня не доводит до добра. Как бы и на сей раз не вышло отсюда беды. Давай-ка подумаем, как нам быть.

— Я уже кое-что придумала, — говорит Асгерд. — Это поможет делу.

— Что же? — спросила Ауд.

— Надо обнять как следует Торкеля, как мы ляжем в постель, и сказать ему, что это все неправда. Он и простит меня.

— Нельзя полагаться на одно это, — говорит Ауд.

— Что же предпримешь ты? — говорит Асгерд.

— Расскажу обо всем мужу моему Гисли, чтобы он нашел выход.

Вечером приходит с работы Гисли. Повелось, что Торкель благодарил брата за труды. Но на сей раз он ходит пасмурный и не говорит ни слова. Вот Гисли спрашивает, не занемог ли он.

— Нет у меня болезни, — говорит Торкель. — Но есть кое-что похуже болезни.

— Не сделал ли я чего такого, — говорит Гисли, — что ты на меня рассердился?

— Нет, — говорит Торкель. — Но ты сам все узнаешь, хотя и не сразу.

И они расходятся каждый к себе, и на этот раз больше ничего не было сказано.

Вечером Торкель ест мало и первым идет спать. И когда он улегся, приходит Асгерд, подымает одеяло и хочет ложиться. Тогда Торкель сказал:

— Я не хочу, чтобы ты здесь ложились ни этой ночью, ни потом.

Асгерд сказала:

— С чего это ты вдруг так переменялся? Или что-нибудь случилось?

Торкель сказал:

— Мы оба знаем причину, хоть от меня и долго скрывали. И мало будет тебе чести, если я выражусь яснее.

Она отвечает:

— Можешь думать об этом, как тебе заблагорассудится. И я не собираюсь долго спорить с тобой из-за того, где мне спать. Но выбирай: либо ты меняпустишь и будешь вести себя, как если бы ничего не случилось, либо я тут же назову свидетелей и объявлю о разводе с тобою, и пусть мой отец забирает обратно все мое приданое. И в этом случае я уж больше никогда не стесню тебя в постели.

Торкель помолчал и немного погодя сказал:

— Я рассудил так: поступай, как тебе нравится, я же не стану отказывать тебе этой ночью в постели.

Она без промедления показала, чего ей больше хотелось, и сразу легла. Они недолго пролежали вместе, как все между ними уладилось, словно бы

ничего и не было.

Вот и Ауд ложится рядом с Гисли, и рассказывает ему о своем разговоре с Асгерд, и просит его не сердиться, но принять какое-нибудь разумное решение, если он может найти его.

— Я не вижу такого решения, — сказал он, — от которого был бы толк. Все же не стану на тебя сердиться, ибо устами людей гласит судьба и чему быть, того не миновать.

X

Вот прошла зима, и наступают дни переезда. Торкель вызвал своего брата Гисли на разговор и сказал:

— Дело обстоит так, брат, что пришло мне на ум переменить жилье. Короче говоря, я хочу, чтобы мы разделились: хочу вести хозяйство с моим зятем Торгримом.

Гисли отвечает:

— Братьям сподручнее вместе смотреть за своим добром. И, право, я был бы рад, если бы все оставалось по-старому и мы не делились.

— Так не может долее продолжаться, — говорит Торкель, — чтобы мы сообща вели хозяйство. Потому что от этого происходит большой убыток: ведь тебе одному достаются весь труд и все заботы по хозяйству. Я же не прилагаю рук ни к чему, что сулило бы выгоду.

— Не ставь себе этого в вину, — говорит Гисли, — раз уж я тебя не упрекаю. Всяко бывало между нами: случалось, и сходились и расходились.

Торкель сказал:

— Бесплезно говорить об этом. Надо делить имущество. И раз уж я настаиваю на дележе, ты бери себе и дом, и отцову землю, я же возьму движимое имущество.

— Если не остается ничего другого, как делиться, делай что хочешь. Мне же все равно, что делать: делить или выбирать.

Кончили тем, что Гисли делил. Торкель выбрал движимое имущество, а Гисли получает землю. Они поделили и двоих детей, бывших у них на попеченье: мальчика звали Гейрмунд, а девочку — Гудрид, они были детьми их родича Ингьяльда. Девочка осталась с Гисли, а Гейрмунд — с Торкелем. Вот уходит Торкель к своему зятю Торгриму и живет с ним. Хозяйство же переходит к Гисли, и он не может пожаловаться, чтобы оно стало хуже против прежнего.

Вот проходит лето, и настают предзимние дни^[14]. В те времена у

многих людей было в обычае справлять приход зимы пирами и жертвоприношениями. Гисли не приносил больше жертв с тех пор, как побывал в Вэбьёрге в Дании, все же он, как и прежде, устраивал пиры, и притом со всею пышностью. И вот, когда подходят те дни, о которых шла речь, он делает приготовления к большому пиру. Он зовет на пир обоих Торкелей, сына Эйрика и Богача, своих зятьев, сыновей Бьяртмараи многих других друзей и товарищей. И в тот день, когда гости съезжаются, Ауд заводит такой разговор:

— Правду сказать, недостает здесь, по-моему, одного человека, которого я желала бы видеть.

— Кто же это? — спросил Гисли.

— Это мой брат Вестейн. С ним изо всех людей хотела бы я разделить здесь веселье.

Гисли сказал:

— Я смотрю на это иначе. Я бы дорого дал, чтобы он здесь не появлялся.

XI

Жил человек по имени Торгрим, по прозвищу Нос. Он жил во Дворе Носа на восточном берегу Реки Ястребиной Долины. Он был силен в ворожбе и волшбе и был колдун, каких мало. Его-то и приглашают Торгрим с Торкелем к себе, потому что у них тоже шел пир. Торгрим был искусным кузнецом, и рассказывается, что оба Торгрима и Торкель идут в кузницу и там запираются. Вот достают они обломки Серого Клинка, который при разделе выпал Торкелю, и Торгрим делает из него копье. К вечеру копье было готово. На нем были насечены тайные знаки, и древко входило в наконечник на целую пядь.

Рассказывают, что Энунд из Средней Долины пришел на пир к Гисли и, отозвав его в сторону, сказал, что вернулся Вестейн «и можно ждать его сюда».

Гисли немедля зовет своих работников, Халльварда и Хаварда, и велит им ехать на север к Фьорду Энунда и прямо к Вестейну.

— Передайте ему от меня поклон да прибавьте: пусть сидит дома, пока я к нему не приеду, и пусть не появляется на пиру в Ястребиной Долине.

Он дает им узелок, а в нем условленный знак, половинка монеты, на случай, если он им не поверит.

Тогда идут они и берут в Ястребиной Долине лодку, и гребут к Устью

Ручья, и, выйдя там на берег, идут к человеку, который жил там во Дворе Берси. Его тоже звали Берси. Они передают ему просьбу Гисли одолжить им двух своих лошадей — их звали Рукавицы, — самых резвых лошадей на всех Западных Фьордах. Тот дает им лошадей, и они скачут до самых Мшистых Полей, а оттуда к хутору Под Конем. А Вестейн уже выехал из дому, и случается так, что он проезжает Мшистые Поля под холмом, братья же едут поверху. Так они разминулись.

XII

Был человек по имени Торвард. Он жил на хуторе Бугор. Двое его людей повздорили из-за какой-то работы, пустили в ход косы и поранили друг друга. Вестейн подъезжает и мирит их так что оба остаются довольны. Потом он пускается к Фьорду Дюри и с ним два норвежца.

Между тем, приехав на хутор Под Конем, Халльвард и Хавард узнают, что Вестейн, оказывается, уже уехал. Скачут они что есть мочи обратно. И, подъехав к Мшистым Полям, видят: скачут люди посреди долины, но их разделяет бугор. Вот скачут они в Медвежью Долину — и только подъезжают к Откосу Арнкеля, как пали обе их лошади. Тогда, оставив лошадей, они бегут и кричат. Тут Вестейн с людьми слышит их, — а они уже выехали на Ягнячий Перевал, — и дожидается, пока те не прибежали со своею вестью. Достали они и монету, которую Гисли послал Вестейну. Вестейн вынимает из кошельа другую половинку и при взгляде на нее сильно краснеет.

— Вы говорите чистую правду, — говорит он, — и я бы повернул обратно, если бы вы нагнали меня чуть раньше. Но теперь текут все воды к Фьорду Дюри, и я поскачу туда же, да и тянет меня туда. Норвежцы пусть поворачивают назад, вы же садитесь в лодку и известите Гисли и мою сестру, что я еду к ним.

Они возвращаются домой и все рассказывают Гисли. Он отвечает:

— Значит, так тому и быть.

Вестейн едет в Ягнячью Долину к родственнице своей Луте. Она перевозит его через фьорд и говорит ему:

— Вестейн, будь осторожен. Это тебе понадобится.

Она перевезла его к Пескам Тинга. Там жил человек по имени Торвальд Искра. Вестейн идет к нему, и Торвальд разрешил ему взять своего коня. Вот скачет он дальше, звеня уздечкой Торвальда, а седло и подпруга у него свои. Торвальд провожает Вестейна до Песчаного Устья и

вызывается ехать с ним хоть до самого хутора Гисли. Но тот сказал, что это ни к чему.

— Много переменялось в Ястребиной Долине, — сказал Торвальд, — и будь осторожен.

На этом они расстаются. Вот скачет Вестейн до самой Ястребиной Долины. Погода была ясная, и светила луна. У Торгримова двора двое загоняли скот, Гейрмунд и женщина по имени Раннвейг. Она привязывает коров в хлеву, а он гонит их к ней. И вот, проезжая через луг, Вестейн встретил Гейрмунда. Гейрмунд сказал:

— Не заезжай сюда в Морское Жилье, а отправляйся прямо к Гисли да смотри будь осторожен.

А Раннвейг вышла из хлева, и человек показался ей как будто знакомым. И, загнав скот, они заговорили, кто бы это мог быть, и идут, переговариваясь, домой. Торгрим со своими людьми сидел у огня, и спрашивает Торгрим, не попадался ли им на глаза какой человек, и еще спрашивает, о чем у них спор.

— Сдается мне, что я узнала Вестейна, который сюда вернулся, — сказала Раннвейг. — На нем был синий плащ, в руке копье, и он скакал, звеня уздечкой.

— А что ты скажешь на это, Гейрмунд?

— Да я плохо разглядел. Но я подумал, что это работник Энунда из Средней Долины, у него был плащ Гисли, а сбруя Энунда и в руках острога.

— Кто-то из вас лжет, — сказал Торгрим. — Ступай-ка в Холм, Раннвейг, и разузнай, что там происходит.

Вот отправилась она и подошла к дверям как раз, когда гости сошлись пировать. Гисли стоял в дверях и, поздоровавшись с ней, пригласил ее войти. Она сказала, что ой надо домой, — «но я хотела бы повидать девочку Гудрид».

Гисли зовет Гудрид, но ее не было.

— Где Ауд, твоя жена? — спросила Раннвейг.

— Вот она, — говорит Гисли.

Ауд выходит и спрашивает, чего ей надо. Та ответила, что, так, мол, одна малость, но ничего толком не сказала. Гисли сказал, что одно из двух: либо пусть остается, либо идет домой. Она пошла домой и была еще глупее прежнего, если это только возможно, и не могла рассказать ничего нового.

А поутру Вестейну принесли два тюка с товаром: их тогда взяли с собой братья Халльвард и Хавард. Он достал оттуда кусок обойной ткани длиною в шестьдесят сажень и головное покрывало в двадцать локтей

длиной с тремя парчовыми полосами во всю длину, а еще три умывальных таза, отделанные золотом. Он выложил все это и подарил своей сестре, Гисли и побратиму своему Торкелю, если тот захочет принять подарок.

Гисли идет с обоими Торкелями в Морское Жилье к брату своему Торкелю. Рассказывает Гисли, что вернулся Вестейн и привез им обоим дорогие подарки. Он показывает их и просит Торкеля взять, что он хочет.

Торкель отвечает:

— И все же было бы уместней, если бы ты один взял все это, я же не хочу принимать подарков. Маловероятно, что я отдарю Вестейна.

И он наотрез от них отказался. Вот отправляется Гисли домой, и кажется ему, что все идет одно к одному.

XIII

И вот что произошло в Холме. Две ночи сряду Гисли тревожат дурные сны, и люди спрашивают, что ему снилось. Он не хочет рассказывать снов. Вот наступает третья ночь, и люди расходятся спать. И когда все давно уже спали, на дом налетел такой вихрь, что с одной стороны сорвало крышу. А вслед за этим с неба хлынул такой ливень, что никто и не упомнит подобного. Потолок начал течь, как и следует ждать, раз повреждена крыша. Гисли живо вскочил и кличет своих людей помочь делу. Был у Гисли один раб по имени Торд, а по прозвищу Трусоватый. Он был большого роста, почти как Гисли. Раб этот остался дома, а Гисли и с ним почти все его люди побежали на сенокос, чтобы убрать сено. Вестейн хотел было бежать с ними, но Гисли воспротивился этому. И когда с потолка стало сильно лить, брат с сестрою отодвигают свои кровати и ставят их вдоль покоя. А все, кроме них двоих, уже убежали из дому.

Вот незадолго до рассвета кто-то входит неслышно и идет туда, где лежит Вестейн. Тот в это время не спал. Но, прежде чем он что-либо заметил, в грудь ему вонзилось копьё, проткнув его насквозь. И, почувствовав удар, Вестейн сказал так:

— Прямо в сердце.

И человек этот тотчас ушел, а Вестейн попытался встать и, вставая, упал у лавки мертвый. Проснулась Ауд, и зовет Торда, и просит его вынуть копьё из раны. Тогда считалось, что мстить надлежит тому, кто извлечет клинок из раны, и если убийца оставлял оружие в ране, это называлось тайное умерщвление, а не убийство. Торд так боялся мертвецов, что он не решился даже приблизиться. Тут вошел Гисли, и увидел, что произошло, и

сказал Торду, что не надо ничего делать. Он сам вынул копье из раны и, никому не показав, бросил его, все окровавленное, в ларь и сел на лавку. Потом он велел обрядить тело Вестейна по обычаю того времени. Гисли да и все другие очень горевали по Вестейну.

Гисли сказал своей воспитаннице Гудрид:

— Сходи в Морское Жилье и разузнай, что у них там делается. Я потому посылаю тебя, что очень доверяю тебе в этом деле, как и во всяком другом. Смотри же сумей рассказать мне, что у них там делается.

Она идет в Морское Жилье. Там все на ногах и вооружены, и оба Торгрима, и Торкель. И когда она вошла, они не тотчас с нею поздоровались, потому что там мало кто был расположен к разговорам. Все же Торгрим спрашивает ее, что нового. Она рассказала про смерть Вестейна, или, вернее, про его убийство. Торкель отвечает:

— Еще недавно мы бы и впрямь почли это за новость.

— Умер человек, — говорит Торгрим, — которому мы все обязаны выказать уважение, и нужно похоронить его наиподобающим образом и насыпать над ним курган. И правду сказать, это большая потеря. Можешь передать Гисли, что мы сегодня придем к нему.

Она идет домой и рассказывает Гисли, что Торгрим сидел во всех доспехах, в шлеме и при мече. Торгрим Нос держал в руках топор, а Торкель обнажил на пядь свой меч.

— Там все на ногах и многие вооружены.

— Этого и следовало ждать, — говорит Гисли.

XIV

Вот Гисли готовится со своими людьми к погребенью Вестейна в той песчаной гряде, что расположена вдоль тростникового озера под самым Морским Жильем. И когда Гисли приступил к погребению, подъезжает туда Торгрим и с ним много людей. Когда они завершили обряд над телом Вестейна по тогдашнему обычаю, Торгрим подошел к Гисли и сказал:

— Есть обычай обувать покойного в башмаки Хель ^[15], чтобы в них он вошел в Вальгаллу ^[16]. Я сделаю это для Вестейна. — И, покончив с этим, он сказал: — Я не умею завязывать башмаков Хель, если эти развяжутся.

Потом они садятся на кургане и беседуют и находят очень маловероятным, чтобы кто-нибудь знал преступника. Торкель спросил у Гисли:

— Как Ауд принимает смерть брата? Много ли плачет?

— Ты, верно, думаешь, что тебе это известно, — говорит Гисли. — Она держится хорошо, хоть ей и тяжело. Видел я сон, — продолжает Гисли, — позапрошлой ночью и прошлой ночью снова. Я не скажу по этим снам, кто убийца, хоть они и клонятся к этому. Снилось мне в первую ночь, будто из одного двора выползла гадюка и насмерть ужалила Вестейна. А на следующую ночь мне приснилось, что из того же двора выскочил волк и насмерть загрыз Вестейна. Я до сего дня не рассказывал этих снов, потому что думал, что тогда они не сбудутся. И он сказал вису:

— Желал я, о нож обнаживший^[17],
Спокойного сна Вестейну,
Мнил, и меня минует
Страшный сон вчерашний,
Когда мы сидели с другом
В доме за чашей меда,
Черпали радость в хмеле,
С третьим встреч не искали.

Тогда спросил Торкель:

— А как Ауд принимает смерть брата? Много ли плачет?

— Что-то часто ты об этом спрашиваешь, родич! — говорит Гисли. — Однако ж одолело тебя любопытство.

И Гисли сказал вису:

— Липа льна^[18] под покровом,
Кроткая, скроет горе,
Ливень ланит^[19] пролить
Лишь ночью осмелятся очи.
Сивы злата^[20] персты
Осушат росу ресниц,
Но разум ее смятен
Утратой милого брата.
И еще он сказал так:
— На грудь объятай грустью
Фригги перины змея^[21]
Слез горючих гроза
С леса глаз пролилась;

Сыплет груды орехов
Орешник глаз безутешных,
Скёгуль злата^[22] скорбь
Ласка лишь скальда умерит.

Потом братья вместе идут домой. Тогда сказал Торкель:

— Да, это большое событие! И верно, для тебя оно еще горше, чем для нас. Но все же всякий сам себе товарищ. Я бы хотел, чтобы ты не слишком убивался, дабы не заронить в людях подозренья. Хотел бы я также, чтобы мы устроили у себя игры и чтобы наладились у нас наилучшие отношения, как бывало.

— Неплохо сказано, — говорит Гисли. — Я готов согласиться. Но с одним условием: если случится в твоей жизни событие, столь же важное для тебя, как для меня это событие, обещаю вести себя таким же образом, как ты теперь просишь меня.

Торкель соглашается. Потом они идут домой и справляют тризну по Вестейну. И после этого они расходятся по домам, и снова все спокойно.

XV

Вот начинаются игры, как если бы ничего не случилось. Зятя, Гисли и Торгрим, чаще всего играют друг против друга, и люди не могут решить, который из них сильнее. Все же большинство отдает предпочтение Гисли. Они играют в мяч на льду тростникового озера. Там все время былолюдно. И вот однажды, когда сошлось особенно много народу, Гисли предложил разделиться для игры поровну.

— Этого мы и хотим, — говорит Торкель. — Но только мы хотим, чтобы ты не поддавался Торгриму, потому что ходят разговоры, что ты играешь не в полную силу. Я же только порадуюсь за тебя, если ты окажешься сильнее.

— Нам еще не доводилось помериться силами, — говорит Гисли, — но может статься, что придет для этого время.

Вот они играют, и Торгрим уступает в игре Гисли. Гисли сшиб его с ног, и мяч отлетел в сторону. Тогда Гисли хочет завладеть мячом, но Торгрим удерживает его и не дает ему взять мяч. Тогда Гисли толкнул Торгрима с такою силой, что тот, ударившись оземь, ободрал себе пальцы и из носу у него пошла кровь. Медленно встал Торгрим. Он глянул на курган

Вестейна и сказал:

— Копье со звоном сердце
Задело. Ну что ж, за дело!

Гисли остановил катившийся мяч и запустил его Торгриму между лопаток, так что тот упал ничком. Гисли сказал:

— Мяч по загривку героя
Огрел. Ну что ж, за дело!

Торкель вскочил на ноги и сказал:

— Теперь видно, кто сильнее и кто лучше играет. На этом и кончим.

Они так и сделали. Игры прекратились, и прошло лето, и Торгрим с Гисли стали холоднее друг с другом.

Торгрим задумал дать в предзимние дни осенний пир, встретить зиму и принести жертвы Фрейру. Он приглашает к себе своего брата Бёрка и Эйольва, сына Торда из Выдрей Долины и многих других знатных людей. Гисли тоже готовится к пиру. Он зовет к себе своих шурьев с Орлиного Фьорда и обоих Торкелей, и набралось у Гисли не меньше шести десятков гостей. В обоих домах готовился пир горой, и пол в Морском Жилье устлали тростником с тростникового озера. Торгрим со своими занимался приготовлениями, и они собирались завешивать стены, — в тот вечер ожидалась гости, — и Торгрим сказал Торкелю:

— Как бы теперь подошли нам те хорошие ткани на стену, что хотел отдать тебе Вестейн! На мой взгляд, это отнюдь не одно и то же: получить их насовсем или получить их на время, и я желал бы, чтобы ты теперь послал за ними.

Торкель отвечает:

— Все знает тот, кто знает меру. Я не стану посылать за ними.

— Тогда я сделаю это сам, — сказал Торгрим и велел пойти Гейрмунду.

Гейрмунд говорит:

— Сделаю любую работу, но эта не по мне.

Тогда Торгрим подходит к нему и дает со всего маху пощечину и говорит:

— Ступай-ка, если это тебе больше нравится!

— Теперь пойду, — сказал тот, — хоть мне это еще меньше нравится. Но будь уверен, уж я позабочусь о том, чтобы подобрать пару к тому лещу, что ты дал мне. В долгу не останусь.

После этого он пошел, и когда он приходит в Холм, Гисли и Ауд как раз собираются завешивать стены. Гейрмунд сказал, зачем он пришел, рассказал и о том, как все это вышло. Гисли спросил:

— Ну что, Ауд, хочешь одолжить им эту ткань?

— Ведь ты не потому меня спрашиваешь, что не знаешь, что я не хотела бы оказывать им ни этой услуги, ни какой иной: слишком много чести.

— А как смотрел на это мой брат Торкель? — спросил

— Он был доволен, что меня посылают.

— Это решает дело, — сказал Гисли и вышел с ним, отдав ему ткань. Гисли идет с ним до самой ограды и говорит: — Теперь вот что. Благодаря мне ты ходил не напрасно. Но хочу я, чтобы и ты пошел мне навстречу в одном важном для меня деле, ведь где подарок, там и отдарок. Хочу же я, чтобы ты сегодня вечером отодвинул засовы у трех дверей. И тебе не мешает помнить, как тебя уговорили идти сюда.

Гейрмунд спрашивает:

— Здесь не будет опасности для твоего брата Торкеля?

— Никакой! — сказал Гисли.

— Тогда так и будет сделано, — сказал Гейрмунд.

И, вернувшись домой, он сбрасывает ткань с плеч. Тогда Торкель сказал:

— Гисли по своему терпению не чета другим людям, и он поступил лучше нас.

— Это как раз то, что нам нужно, — говорит Торгрим, и они завешивают стены.

К вечеру приходят гости. А небо затягивается облаками, и вечером падает хлопьями снег и засыпает все тропы.

XVI

Вечером приходят Бёрк и Эйольв и с ними шесть десятков человек, всего там собралось сто двадцать гостей, а у Гисли гостей вдвое меньше. Вот сели люди в Холме вечером пить, а потом ложатся по лавкам и засыпают. Гисли сказал своей жене Ауд:

— Я не задал корма коню Торкеля Богача. Выйдем вместе, и ты запри

за мной и, пока я хожу, не ложись, а когда вернусь, отопри мне.

Он достает из ларя копьё Серый Клинок. На нем синий плащ поверх рубахи и холщовые штаны. Он идет к ручью, протекающему между обоими хуторами: в обоих хозяйствах брали оттуда воду. Он идет по дорожке к ручью, потом идет вброд до той дорожки, что вела к другому хутору. Гисли знал в Морском Жилье все ходы и выходы, потому что он сам его строил. Там был вход через хлев, туда Гисли и пошел. С каждой стороны стояло по тридцати коров. Он связывает им попарно хвосты, запирает за собой хлев и прилаживает запор так, чтобы нельзя было открыть, если кто захотел бы выйти. Потом он идет в жилую часть дома. Гейрмунд сделал свое дело: засовов на дверях не было. Вот входит Гисли и запирает двери, как они были заперты с вечера. Он делает все очень медленно. Заперев дверь, он стоит и прислушивается, не проснулся ли кто, и убеждается, что все спят. В доме было три огня. Вот он берет с полу охапку тростника, скручивает его в жгут и бросает в один из огней.

И огонь гаснет. Потом он стоит и ждет, не проснется ли кто, но ничего не слышно. Тогда он берет другой пучок тростника и бросает его в следующий огонь, и тот гаснет. Тут он замечает, что спят-то не все. Ему видно, как к самому дальнему светильнику тянется рука юноши, снимает светильник и тушит свет.

Тогда он идет вглубь дома к спальной нише, где спали Торгрим с его сестрою. Дверка ниши была не заперта, и оба лежали в постели. Вот он идет туда, шарит впотьмах перед собою и касается рукою груди Тордис: она спала с краю. Тордис сказала:

— Почему у тебя такая холодная рука, Торгрим? — и разбудила его.

Торгрим сказал:

— Хочешь, я повернусь к тебе?

Она-то думала, что это он положил на нее руку. Гисли пережидает немного и согревает руку у себя под рубахой, они же оба засыпают. Тогда Гисли тихонько касается Торгрима, чтобы тот проснулся. Торгрим думал, что это Тордис его разбудила и повернулся к ней. Тут Гисли одною рукою срывает с них одеяло, а другою насквозь пронзает Торгрима Серым Клинком, так что острие засело в дереве. Тордис закричала:

— Люди, все, кто есть здесь, просыпайтесь! Торгрима убили, моего мужа!

Гисли поспешно бросается назад к хлеву, выбегает, как он и думал, из дома и плотно затворяет за собой дверь. Потом он тою же дорогой возвращается к себе домой, и после него не остается следов. Когда он пришел, Ауд отодвинула засов, и он идет прямо в постель и держится как

ни в чем не бывало, словно бы он ничего и не сделал.

Все люди в Морском Жилье были пьяны и не знали, что делать. Убийство застало их врасплох, и потому они не предприняли ничего толкового.

XVII

Эйольв сказал:

— Случилось великое злодеяние, а все эти люди бестолковы, все, кто тут есть. По моему разумению, нужно зажечь свет и быстрее бежать к дверям, чтобы убийца не ушел.

Так и сделали. И людям кажется, что, раз убийца не обнаружен, значит, это сделал кто-то в самом доме. А время идет, и наступает день. Тело Торгрима кладут, извлекают копье, — это делает Бёрк, его брат, — и готовят тело к погребению. Там остаются шесть десятков человек, а другие шесть десятков идут в Холм к Гисли. Торд Трусоватый был около дома, и, увидев толпу, он бросился в дом со словами, что, мол, к хутору движется войско, и он очень всполошился.

— Ну что ж, — говорит Гисли.

И он сказал вису:

— Страха в меня не вселит
Торда трусливое слово.
Меч властителя сечи^[23]
Вражьего вспоен кровью.
Лежит недалече повержен
Тополь вепря потока^[24].
Пусть мечутся в ужасе люди —
Мужество мне не изменит.

Вот заходят они, Торкель и Эйольв, на хутор и направляются к спальной нише, где лежал Гисли с женою. Торкель, брат Гисли, первым туда заходит. И видит он, что башмаки Гисли лежат все замерзшие и заснеженные. Тогда он пихнул их подальше под лавку, чтобы не увидели другие.

Вот Гисли приветствует их и спрашивает, что нового. Торкель рассказал, что, мол, случилось великое злодеяние, убит Торгрим, и

спросил, что бы это могло значить и что следует теперь предпринять.

— Великие злодеяния не заставляют себя долго ждать, — говорит Гисли. — Мы намерены оказать помощь в погребении Торгрима, вы можете на это рассчитывать, и должно сделать это, как подобает.

Те принимают предложение, и они идут все вместе в Морское Жилье. Потом они приготавливают все к погребению и кладут Торгрима на корабль. Вот насыпают они курган по древнему обычаю, и осталось только закрыть его. Тогда Гисли идет к речному устью, берет там огромный, как скала, камень и взваливает его на корабль. Кажется, подалась под камнем каждая досочка, и корабль весь затрещал. Гисли сказал:

— Я не умею ставить корабль, если этот унесет ветром.

И поговаривают, что это не так уж непохоже на то, что сделал с Вестейном Торгрим, когда говорил о башмаках Хель.

Вот собираются они с кургана домой. И Гисли сказал своему брату Торкелю:

— Я рассчитываю, брат, что теперь между нами будет наилучшая дружба, как бывало, и давай устроим игры.

Торкель согласен. На этом они расходятся по домам. У Гисли теперь нет недостатка в людях. Приходит конец пиру, и Гисли оделяет гостей хорошими подарками.

XVIII

Вот справили по Торгриму тризну, и Бёрк дает многим хорошие подарки в залог дружбы. Дальше случается вот что. Бёрк платит Торгриму Носу и просит его наворожить, чтобы не было ниоткуда помощи убийце Торгрима, хоть бы люди и пожелали помочь ему, и чтобы не было ему в стране покоя. Дали ему за ворожбу девятилетнего быка. Вот Торгрим принимается колдовать и, приготовив себе все, как обычно, сооружает помост и совершает колдовской обряд со всем возможным непотребством и злобою.

Была еще и такая странность, которой приписывали особый смысл: снег не лежал на юго-западном склоне Торгримова кургана, и там никогда не замерзало. И люди связывали это с тем, что Торгрим своими жертвами снискал расположение Фрейра, и Фрейр^[25] не хочет, чтобы их разделял мороз.

Так прошла зима, и братья устраивают игры. Бёрк переезжает на хутор к Тордис и на ней женится. Она в то время ходила тяжелая. У ней родился

мальчик, его окропили водой и нарекли Торгримом, по отцу. Но когда он вырос, им показалось, что он крут нравом и непокорен. Ему переменяли имя и стали звать Снорри^[26]. Бёрк прожил там зиму и тоже участвовал в играх.

Одну женщину звали Аудбьёрг. Она жила в верхней части долины, на Неудачином Дворе. Она была сестрою Торгрима Носа, а замужем за человеком по имени Торкель, по прозвищу Неудача. Сына ее звали Торстейном. После Гисли это был сильнейший человек на играх. Гисли и Торстейн всегда играли вместе, а против них Бёрк с Торкелем.

Однажды на игры сошлось множество народу: многим было любопытно посмотреть на игры и узнать, кто всех сильнее и кто лучше играет. И было там так же, как и повсюду: чем больше соберется на играх народу, с тем большим пылом идет игра.

Рассказывают, что Бёрк в тот день проигрывал Торстейну. В конце концов, он разозлился и сломал пополам биту Торстейна. Но Торстейн толкнул его так, что тот грохнулся на лед. Гисли, увидев это, сказал Торстейну, пусть, мол, играет против Бёрка в полную силу, «а я поменяюсь с тобою битами». Так они и делают. Гисли садится чинить биту и поглядывает на курган Торгрима. Земля была покрыта снегом, а на склоне кургана сидели женщины, сестра его Тордис и много других. Гисли сказал тогда вису:

— Вот прорастают проталины
На крыше, укывшей ныне
Недруга турсов Грима^[27], —
Он принял смерть от меня!
Малый лоскут земли
Смелому служит уделом,
Золота клен^[28] оделил
С лихвою вершителя боя^[29].

Тордис сразу же запомнила эту вису. Она пошла домой и разгадала ее смысл. Они кончают игры, и Торстейн идет домой.

Жил человек по имени Торгейр и по прозвищу Тетерев. Он жил на Дворе Тетерева. Жил человек по имени Берг и по прозвищу Коротконогий. Он жил на Болоте Коротконогого на западном берегу реки. Вот по дороге домой Торстейн и Берг обсуждают игры и, слово за слово, ссорятся. Берг держит сторону Бёрка, а Торстейн ему возражает. Тогда Берг ударил

Торстейна обухом топора. А Торгейр становится между ними, и Торстейн не может постоять за себя. Он идет домой к своей матери Аудбьёрг, та перевязывает ему рану и негодует. Всю ночь не может уснуть старуха. Она выходит из дому, и смутно у нее на душе. Было холодно и безветренно, на небе ни облачка. Она несколько раз обходит дом против солнца и, задржав голову, тянет носом воздух со всех сторон. И вот стала погода меняться, подымается сильный буран, а потом наступает оттепель, снег на горе подмывает потоком, и на хутор Берга обрушивается лавина. Там погибло двенадцать человек. Следы этого обвала видны и по сей день.

XIX

Вот Торстейн идет к Гисли, и Гисли его у себя укрывает. Потом Торстейн едет на юг к Городищенскому Фьорду и покидает страну. А Бёрк отправляется на Неудачин Двор, хватает Аудбьёрг, едет с ней на Солёный Мыс и побивает ее насмерть камнями. Когда это случилось, Гисли едет из дому на Двор Носа, хватает там Торгрима Носа и везет его на Солёный Мыс. И, набросив ему на голову кожаный мешок, забивает его камнями. И его зарыли под грудой камней, подле сестры, на гребне, разделяющем Ястребиную и Среднюю Долины.

И снова все спокойно, и так проходит весна. Бёрк едет на юг, на Мыс Тора, и думает снова туда переселиться. И кажется ему, что поездка на север окончилась для него бесславно: он лишился такого человека, как Торgrim, и не расквитался за его смерть. Вот собирается он в дорогу, и распоряжается по хозяйству, и устраивает свои дела, и думает еще вернуться — за имуществом и женою. Торкель, сын Кислого, тоже решил переехать, и он снарядился в путь вместе с Бёрком, своим зятем.

Рассказывают, что Тордис, дочь Кислого, вышла на дорогу проводить мужа. Тут Бёрк сказал:

— Теперь я хочу, чтобы ты рассказала, отчего ты была так невесела прошлой осенью, когда мы закончили игры: ты ведь обещалась рассказать мне до моего отъезда.

Говоря об этом, они как раз подошли к Торгримову кургану. Тордис стала как вкопанная и говорит, что не пойдет дальше. Тут она и рассказывает, что сказал Гисли, взглянув на курган Торгрима, и говорит ему эту вису.

— И думаю, — говорит она, — что тебе незачем искать убийцу Торгрима в другом месте, и тяжба с ним будет достаточно обоснованна.

Бёрк, услышав это, впадает в страшную ярость и говорит:

— Раз так, я сразу же вернусь и убью Гисли, тут незачем медлить.

Но Торкель говорит, что он не может с этим согласиться.

— И я не знаю, — говорит он, — все ли правда в рассказе Тордис, и, по-моему, не менее вероятно, что это все пустое и, как говорится, часто гибельны советы женщин.

Вот едут они Песчаною Дорогой — так посоветовал Торкель — и подъезжают к Песчаному Устью. Там они спешиваются и пускают лошадей попасться. Бёрк все молчал, а Торкель сказал, что он хочет проведать своего друга Энунда. И тут же скачет прочь так быстро, что вскоре скрывается из виду. Тут он поворачивает к Холму и рассказывает Гисли, что случилось и что Тордис все поняла и доискала до смысла виси, «так что имей в виду, что все раскрылось».

Тот молчит, а потом говорит вису:

— Суетно сестрино сердце,
Радо одним нарядам,
Навряд ли ее уподоблю
Бестрепетной Хёгни сестре^[30];
Одна у Скади злата^[31]
Ум одолела дума,
Смерти предав мужа,
Отмстила за братьев милых.

И, по-моему, я не заслужил от нее этого. Потому что я не раз Доказывал, что ее честь была мне не менее дорога, чем моя собственная. Мне случалось рисковать ради нее жизнью, а она предала меня. А теперь я хочу знать, брат, на что я могу рассчитывать от тебя при всем том, что я совершил.

— На мое предупреждение, если люди захотят убить тебя. Но не жди от меня такой помощи, чтобы у них был повод обвинить меня. Ведь мне причинено большое зло: убит Торгрим, мой зять, мой сотоварищ и близкий друг.

Гисли отвечает:

— Разве не следовало ждать, что такой человек, как Вёстейн, не останется неотомщенным? И я не ответил бы тебе так, как ты мне теперь отвечаешь, а уж не поступил бы так и подавно.

На этом они расстаются. Торкель возвращается к Бёрку, они едут на юг

к Мысу Тора, и Бёрк устраивается там, а Торкель покупает землю на Крутом Побережье, в месте, что зовется Лощиною.

Вот подходят дни вызовов в суд, и Бёрк с сорока людьми отправляется на север и хочет вызвать Гисли на тинг Мыса Тора. С ним едут Торкель, сын Кислого, и племянники Бёрка, Торродд и Сака-Стейн. Поехал с ними и один норвежец по имени Торгрим. Вот они подъезжают к Песчаному Устью. Торкель сказал:

— Мне нужно взыскать долг здесь, на одном хуторке, — и назвал хутор. — Я съезжу туда и получу долг. Вы же поезжайте за мной потихоньку.

Вот едет Торкель вперед. И, подъехав к тому самому хуторку, он просит хозяйку, чтобы она переменила ему коня и оставила его коня у двери.

— И набрось на седло кошму. И когда подъедут сюда мои спутники, скажи им, что я, мол, в доме: сижу и считаю серебро.

Вот она дает ему другую лошадь, и он поспешно едет, и приезжает в лес, и видится с Гисли, и рассказывает ему, что затевается и что с запада приехал Бёрк.

XX

Теперь надо рассказать о том, что Бёрк начал тяжбу на тинге Мыса Тора против Гисли, обвинив его в убийстве Торгрима. Тогда же Гисли продал свою землю Торкелю, сыну Эйрика, и взял за нее серебром. Его было у того много.

Гисли просит совета и содействия у своего брата Торкеля и спрашивает, согласен ли тот укрыть его. Торкель отвечает, как и прежде: он, мол, предупредит Гисли в случае, если на него захотят напасть, но постарается не впутаться в это дело. С этим Торкель и уезжает. Он выбирает такой путь, чтобы выехать на дорогу позади Бёрка и его людей, и тем немало их задерживает.

А Гисли запрягает двух волов и едет со своим двором в лес и с ним его раб, Торд Трусоватый. Гисли сказал:

— Ты не раз меня слушался и исполнял мою волю. Я у тебя в долгу.

А было у Гисли в обычае хорошо одеваться и носить синий плащ. Вот он скидывает с себя плащ и говорит:

— Хочу я отдать тебе этот плащ, дружище! И хочу, чтобы ты тут же надел его и в нем ехал, и садись-ка назад в сани, я же поведу волов и буду в

твоим плаще.

Они так и делают. Тогда Гисли сказал:

— Если вдруг кто тебя окликнет, самое главное, остерегайся отвечать. А если кто захочет причинить тебе зло, беги в лес.

Вот они меняются одеждой. Теперь Гисли ведет волов. Торд был человек рослый и был издали виден в санях. Он очень пыжился, думая, что одет великолепно. Вот Бёрк и его люди видят их, как они едут к лесу, и спешат за ними. И, завидев их, выскакивает Торд что есть прыти из саней и пускается в лес. Они думают, что это Гисли, и стремглав бегут за ним, и кричат ему во всю глотку. Но он не откликается и бежит со всех ног. Торгрим Норвежец бросил в него копье, и удар пришелся между лопаток и был такой силы, что Торд упал ничком, смертельно раненный.

Тогда сказал Бёрк:

— Ну, спасибо тебе за такой удар!

Братья решили промеж собой, что они поскачут за рабом и поглядят, можно ли что взять с него. И они поворачивают в лес. Теперь надо рассказать, что Бёрк и его люди подходят к человеку в синем плаще, откидывают с его лица капюшон и видят, что им не так повезло, как они думали: ибо они узнали Торда Трусоватого в том, кого принимали за Гисли.

Вот рассказывают, что братья заезжают в лес, а Гисли там, и он видит их, а они его. Один из них пустил в Гисли копье, но Гисли поймал копье на лету и пустил обратно, и попало копье прямо в Тордда и пронзило его насквозь. И вот Стейн поворачивает к своим сотоварищам и говорит, что, мол, трудно проехать через такую чащобу. Но Бёрк хочет ехать разыскивать Гисли, и они так и делают. И когда они заехали в лес, видит Торгрим Норвежец, что будто шевелятся в одном месте ветки, и он пускает туда копье и попадает Гисли в икру ноги. Гисли посылает копье обратно, и оно пронзает Торгрима, и приходит тому конец. Вот рыщут они по лесу, но так и не находят Гисли. С тем и поворачивают к его двору и объявляют о тяжбе с Гисли по поводу убийства Торгрима. Они ничего не трогают там из имущества и едут потом домой.

А между тем, пока Бёрк и его люди на хуторе, Гисли подымается на гору за хутором и перевязывает себе рану. Когда же они уехали, Гисли идет домой и тотчас собирается в путь. Он снаряжает лодку и переносит на нее множество всякого добра. Едут с ним жена его Ауд и воспитанница Гудрид, и они держат путь к Домовому Мысу и там пристают.

Гисли подымается к хутору и застает там одного человека. Тот спрашивает у Гисли, кто он будет. И Гисли ответил, как ему показалось лучше, а не как это было на самом деле. Гисли взял камень и забросил его

на один прибрежный остров и сказал: пусть хозяйский сын, вернувшись домой, попробует так сделать. Тогда-то, мол, и узнают, что за человек побывал у них. А это было никому больше не под силу, и отсюда опять видно, что Гисли превосходил прочих людей своею сноровкой. Потом он возвращается на лодку, и минует мыс, и гребет через весь Орлиный Фьорд и через тот фьорд, что от него отходит: он зовется Фьордом Гейртъова. Там он останавливается и строится и там зимует.

XXI

Дальше вот что. Гисли обращается к своим свойственникам Хельги, Сигурду и Вестгейру и просит их поехать на тинг и добиваться мировой, дабы не был он объявлен вне закона. И вот едут на тинг сыновья Бьяртмара, но ничего у них с мировой не выходит, и, как рассказывают, они негоже вели себя там и только что не плакали. Они рассказывают, как обстоят дела, Торкелю Богачу и говорят, что, мол, не смеют сказать Гисли о том, что он объявлен вне закона. На тинге, кроме объявления Гисли вне закона, ничего важного не было. Тогда Торкель Богач едет к Гисли и рассказывает ему, что произошло. И Гисли сказал такую вису:

— Не был бы, верно,
Судей приговор
Столь суровым
На Мысе Тора,
Если бы только
Вестейна сердце
Билось в груди
У сынов Бьяртмара.
Разом поникли
Женины родичи,
Твердости духа
Им недостало,
Будто бы их,
Дробителей золота^[32],
Тухлыми яйцами
Кто закидал.

И еще он сказал так:

— Сюда долетели с тинга
Тяжкие вести о тяжбе,
Скорую мне пророчит
Расправу неправый суд.
Сеятель света моря^[33]
Стейну воздаст достойно,
Сполна оплатит владыка
Бранных уборов^[34] Бёрку.

Вот спрашивает Гисли, может ли он рассчитывать на Торкеля. Тот говорит, что готов предоставить ему свой кров, но с тем условием, что не поплатится за это имуществом. Потом Торкель едет домой. Как рассказывают, Гисли провел три года на Фьорде Гейртюва, а временами жил и у Торкеля, сына Эйрика. А другие три года он ездит по всей Исландии, встречается со знатными людьми и хочет заручиться их поддержкой. Но — виною тому злые чары, которые наслал своим колдовством Торгрим Нос, и его заклятья — знатым людям не суждено прийти на помощь Гисли, и, хотя временами они словно бы и склоняются к этому, всякий раз случается возникнуть какой-нибудь помехе. Все же он подолгу жывал у Торкеля, сына Эйрика, и так провел он, вне закона, шесть зим. После этого он Живет на Фьорде Гейртюва вместе с Ауд, а иногда в укрытии, которое он устроил себе на северном берегу реки. У него было и другое укрытие — в скалах южнее реки, и он жил то там, то здесь.

XXII

Прослышав об этом, Бёрк выезжает из дому и встречается с Эйольвом Серым, жившим тогда на Орлином Фьорде в Выдрей Долине. И Бёрк хочет, чтобы он разыскал Гисли и убил его, как объявленного вне закона, и сулит ему три сотни чистого серебра, если он не пощадит сил на поиски Гисли. Тот берет серебро и обещает постараться.

У Эйольва был один человек, по имени Хельги, по прозвищу Ищейка. Он был проворен, зорок и знал все окрестности фьордов как свои пять пальцев. Его-то и послал Эйольв к Фьорду Гейртюва дознаться, не там ли прячется Гисли. Хельги замечает там человека, но не знает, Гисли это или

кто другой. Он возвращается и рассказывает о виденном Эйольву. Тот говорит, что он, мол, уверен: это Гисли. И, не тратя времени даром, он едет к Фьорду Гейртюва и с ним шесть человек. Но Гисли он там не находит, с тем и возвращается домой.

Гисли был человек мудрый, и у него был большой дар видеть вещие сны. Все сведущие люди сходятся на том, что Гисли прожил вне закона дольше всех, не считая Греттира, сына Асмунда^[35].

Рассказывают, что как-то раз, осенью, Гисли метался во сне. Это было, когда он жил у Ауд, и, когда он проснулся, Ауд спросила его, что ему снилось. Он отвечает:

— Ко мне приходят во сне две женщины. Одна добра ко мне и всегда дает хорошие советы, а другая всегда говорит такое, от чего мне становится еще хуже, чем раньше, и пророчит мне одно дурное. А сейчас снилось мне, будто бы я подошел к какому-то дому и вошел туда. И будто бы я узнал во многих, кто сидел там, своих родичей и друзей. Они сидели возле огня и пировали. И было там семь огня, одни почти догорели, а другие пылали ярко. Тут вошла в дом добрая женщина моих снов и сказала, что те огни означают мою жизнь, какая мне еще осталась. И она дала мне совет оставить, покуда я жив, старую веру, не ворожить, и не колдовать, и быть добрым к хромым, и слепым, и тем, кто меня слабее. Вот и весь сон. Тогда Гисли сказал несколько вис:

— Привиделись мне палаты,
О пламени волн поле^[36],
Там семь костров горело
В ряд, мне беду предрекая.
Друзья, за трапезой сидя,
Встретили речью заздравной
Скальда, слагатель вис
Ответил им словом приветным.
«Глянь, о клен сраженья^[37], —
Фрейя рекла ожерелий^[38], —
Сколько горит костров
Здесь пред тобою в покое.
Столько зим проживет, —
Биль покрывала^[39] сказала, —
Здесь на земле владыка
Браги врагов Тора^[40]».

«Питатель орлов^[41], слушай, —
Молвила Ловн золота^[42], —
Навеки оставь ведовство,
Скальду волшба не пристала.
Ведомо всем, что негоже
Вязу дротииков лязга^[43]
Злейшему лиху вверяться,
Тайным знаньям колдуний.
Бойся посеять смуту,
Меч обнажить опрометчиво,
Дурно над слабым глумиться,
О дуб непогоды Одина^[44].
Будь защитой убогому,
На помощь приди слепому,
Волка волны возникий^[45],
Следуй завету этому».

XXIII

Теперь надо рассказать, что Бёрк насаждает на Эйольва, и ему кажется, что тот обманул его ожидания и мало вышло проку от серебра, что он дал ему. Дескать, он, Бёрк, уверился, что Гисли на Фьорде Гейртъова. И он говорит посыльным Эйольва, пусть, мол, ищет Гисли, а не то он сам туда поедет. Эйольв тотчас спохватился и шлет на Фьорд Гейртъова Хельги Ищейку и на сей раз тот запасается едой и сидит там неделю, выжидая, когда покажется Гисли. И вот однажды он видит Гисли, когда тот выходит из своего укрытия, и узнает его. Не теряя времени, Хельги едет назад, к Эйольву, и рассказывает о том, что разузнал. И вот Эйольв снаряжается из дому, берет с собою восемь человек и едет к Фьорду Гейртъова и заявляется к Ауд. Они не находят там Гисли и разыскивают его по всему лесу, но и там не находят. Они возвращаются на хутор, к Ауд, и Эйольв сулит ей много всякого добра, если она укажет, где Гисли, но ничуть не похоже, чтобы она польстилась на это. Тогда они грозят разделаться с нею, но это и вовсе не помогает, и им ничего не остается, как уехать. И эта их поездка принесла им одни насмешки, и всю осень Эйольв сидит дома.

Но, хоть и не нашли тогда Гисли, все же он смекает, что рано или

поздно его схватят, раз Эйольв так близко. И вот Гисли собирается из дому и держит путь к Побережью, дабы встретиться в Лощине со своим братом Торкелем. Он стучится в дверь спальни, где лежит Торкель, и тот выходит и приветствует Гисли.

— Хочу я знать, — сказал Гисли, — пожелаешь ли ты прийти мне на подмогу. На сей раз я жду от тебя настоящей помощи. Мне сейчас приходится худо. И я ведь долго избегал просить тебя.

Торкель отвечает все то же самое и говорит, что не станет помогать ему так, чтобы оказаться впутанным в его дело. Все же он говорит, что, пожалуй, даст ему серебра или лошадь, если они нужны ему, или что другое, о чем уже шла речь раньше.

— Теперь я вижу, — сказал Гисли, — что ты не желаешь помочь мне. Дай мне, раз так, три сотни локтей сукна и утешайся тем, что отныне я не часто буду обращаться к тебе за помощью.

Торкель делает, как тот просил, дает ему сукна и серебра. Гисли говорит, что у него нет выбора. Но он, мол, никогда бы не обошелся так с братом, окажись тот на его месте. И у Гисли тяжело на сердце, когда они расстаются. Теперь он едет к Броду, хутору матери Геста, сына Оддлейва, добирается туда затемно и стучится в двери. Хозяйка идет открыть. Ей не раз доводилось скрывать у себя объявленных вне закона, и у нее было подземелье, выходившее одним концом к реке, а другим — к ее дому. Следы этого подземелья видны и поныне. Торгерд приветливо встречает Гисли:

— Я позволю тебе пожить пока здесь, хоть это, я знаю, и не больше, чем помощь женщины.

Гисли сказал, что он примет ее помощь и добавил, что не так уж отличились мужчины, чтобы женщины не сумели превзойти их. Гисли живет там зиму, и нигде за все время изгнания с ним не обходились лучше, нежели там.

XXIV

С наступлением весны Гисли возвращается на Фьорд Гейртюва: он больше не мог быть в разлуке со своей женой Ауд — так они любили друг друга. Он прячется там все лето до самой осени. А как становятся ночи длиннее, снова не дают ему — покоя сны, и теперь приходит к нему во сне недобрая женщина, и сны снятся все дурные, и однажды он рассказывает Ауд, в ответ на ее вопрос, что ему снилось.

И он сказал вису:

— Скальда в обманных снах
Нанна льна^[46] посещает,
Иль тетивы испытатель^[47]
Старым вовек не станет.
Может отнять у меня
Гна одежды^[48] надежду,
Но хорошего сна
Все же лишить не может.

И Гисли говорит, что стала часто приходиться к нему недобрая женщина и все норовит вымазать его кровью и окунуть в кровь. И, по всему видно: она хочет ему зла.

И он сказал еще вису:

— Ждать обречен я снова
Худа от сна дурного.
Нет мне ныне покоя:
Опять побывала со мною,
Ночью мне угрожала
Кровавая Сив покрывала^[49],
Скальда забрызгать рада
Реками ран^[50] без пощады.

И еще он сказал:

— Ужели мне слов неостанет,
Чтоб снова, о Сив покрова,
Сон мой тебе поведать
О скорой смерти и скорби.
Мести моей страшитесь,
Смерча мечей владыки^[51],
Козни чинили скальду —
Себе изготовили беды!

Но пока все спокойно. Вот Гисли едет к Торгерд и живет у нее вторую зиму. А летом снова приезжает он на Фьорд Гейртюва и остается там до осени. Потом он опять едет к своему брату Торкелю и стучится к нему в дверь. Торкель не выходит. Тогда Гисли берет палочку, режет на ней руны и бросает в дом. Торкель видит это, подымает палочку и, взглянув на нее, встает и выходит к Гисли. Он приветствует Гисли и спрашивает, что нового. Тот говорит, что не знает он новостей:

— Я в последний раз пришел к тебе, брат! Хоть теперь помоги мне, как должно. Я же отплачу тебе тем, что больше никогда не приду просить тебя.

Торкель отвечает все то же, что и прежде, предлагает ему лошадь или лодку, но от какой-либо поддержки уклоняется. Гисли согласен взять лодку и просит Торкеля спустить ее на воду. Тот спускает лодку и дает Гисли шесть мер еды и сотню локтей сукна. И Гисли взошел на лодку, а Торкель остался на берегу.

Тогда Гисли сказал:

— Теперь тебе кажется, что ты забрался с ногами в ясли: еще бы, ты приятель многих знатных людей, и ничто тебе сейчас не угрожает. Я же осужден и нажил себе многих врагов, и все же скажу я тебе, что из нас двоих ты будешь убит первым. Теперь мы расстанемся, и хуже, чем бы следовало, и больше не свидимся. И знай, что я бы никогда так с тобой не обошелся.

— Что мне за дело до твоих предсказаний! — сказал Торкель.

На этом они и расстались. Гисли держит путь к Острову Хергиля на Широком Фьорде. Там он снимает с лодки настил, вынимает скамьи, весла и все, что там не было закреплено, перевортывает ее и пускает по волнам вдоль берега. И, завидев лодку, люди понимают это так, что, стало быть, Гисли утонул, раз прибило к берегу разбитую лодку, которую он, по всему взял у своего брата Торкеля. Вот Гисли идет к дому на Острове Хергиля. Там жил человек но имени Ингьяльд, а жену его звали Торгерд. Ингьяльд доводился Гисли двоюродным братом, и он приехал в Исландию вместе с Гисли. И, встретившись с Гисли, он предлагает ему свой кров и любую помощь, на которую он только способен. Гисли соглашается, и некоторое время после этого все спокойно.

XXV

У Ингьяльда были раб и служанка. Раба звали Черный, а служанку Ботхильд. Сына Ингьяльда звали Хельги. Он был слабоумный, самый что ни на есть придурок. С ним вот как поступали: привязывали на шею просверленный камень и пускали щипать у дома траву, все равно как скотину. Его называли Ингьяльдов дурень. Он был очень рослый, прямо великан. Гисли живет там зиму и строит Ингьяльду лодку и много всего другого. И все, что он ни делал, было на славу, ибо он был умелец, каких мало. Люди дивились тому, что многое у Ингьяльда так хорошо сделано,

ибо сам он не был искусным мастером.

Каждое лето Гисли проводит на Фьорде Гейртюва. Так проходят три года с того времени, как он видел вещий сон, и ему большое подспорье все то, что делает для него Ингьяльд. А людям кажется, что тут что-то не так, и они думают, что Гисли, верно, жив и скрывается у Ингьяльда, а вовсе не утонул, как говорили прежде. Ходят теперь среди людей толки, что вот у Ингьяльда три лодки, и все хорошо построены. Доходят эти слухи до ушей Эйольва Серого, и кому снова ехать, как не Хельги. Вот Хельги приезжает на остров Хергиля. А Гисли всегда в подземелье, когда на остров приезжают люди. Ингьяльд был гостеприимный хозяин, и он оставил Хельги ночевать, и тот провел там ночь. Ингьяльд был человек работающий. Каждый день, если только позволяла погода, он выходил в море. И наутро, собравшись рыбачить, Ингьяльд спрашивает у Хельги, разве тому не к спеху ехать и почему он лежит. Хельги сказал, что ему нездоровится и стал тяжело вздыхать и потирать себе голову. Тогда Ингьяльд посоветовал ему лежать как можно спокойнее, сам ушел в море, а Хельги принялся громко стонать. И вот, как рассказывают, Торгерд собирается в подземелье, чтобы дать Гисли поесть. А между стряпной и покоем, где лежал Хельги, была дощатая перегородка. Торгерд выходит из стряпной, а Хельги залезает на перегородку и видит, что там кому-то готовят еду. И тут как раз возвращается Торгерд. Хельги второпях повернулся и упал с перегородки. Торгерд спрашивает, что это он, вместо того чтобы лежать спокойно, лазает по стене. Он отвечает, что так обезумел от ломоты в костях, что ему неведомо лежать спокойно.

— И хочу, — говорит, — чтобы ты проводила меня до постели.

Она делает, как он просил, а потом выходит с едою. А Хельги тут же подымается, идет следом и все видит. Тогда он идет назад, ложится в постель и проводит там весь день. Ингьяльд возвращается к вечеру домой, идет к постели, где лежит Хельги, и спрашивает, не полегчало ли ему. Тот говорит, что и верно ему лучше, и просит, чтобы утром его перевезли с острова. И его отвозят на юг, на остров Плоский. Оттуда он едет дальше на юг, к Мысу Тора, и рассказывает, что он удостоверился в том, что Гисли у Ингьяльда. Затем Бёрк снаряжается из дому, а всего едет пятнадцать человек. Они садятся на лодку и плывут через Широкий Фьорд на север. В тот день Ингьяльд поплыл в море и с ним Гисли, а раб со служанкою на другой лодке, и они встали у островов, что зовутся Блюдными.

Вот видит Ингьяльд, что с юга плывет лодка, и говорит:

— Вот плывет лодка, и наверно, это Бёрк Толстяк.

— Что же теперь предпринять? — сказал Гисли. — Хотел бы я знать, столько ли у тебя ума, сколько храбрости.

— Мне ясно, что надо делать, — сказал Ингьяльд, — хоть я и не мудрец. Наляжем-ка на весла и поплывем к острову, а там поднимемся на скалу Грузило и будем обороняться, покуда стоим на ногах.

— Я того и ждал, — сказал Гисли, — что твое мужество подскажет тебе именно такое решение. Но я отплачу тебе за твою помощь хуже, чем думал, нежели ради меня тебе придется расстаться с жизнью. Этому не бывать, нужно поступить иначе. Вы с рабом гребите к острову и взберитесь на скалу и готовьтесь к защите. Тогда они, выплыв из-за мыса, примут меня за одного из вас. Я же поменяюсь с рабом одеждою, как мне уже приходилось однажды, и сяду в лодку с Ботхильд.

Ингьяльд сделал, как посоветовал Гисли. И когда они расстались, Ботхильд спросила:

— Что же теперь предпринять?

Гисли сказал вису:

— Должен, о поле опалов^[52],
Скальд искать разлуки
С Ингьяльдом, Воин, покамест
Весел, слагает висы.
Но встретит судьбы удары
Тополь сражений^[53] стойко,
Слез не прольет он, о бедная
Липа огня приливов^[54].

Вот плывут они на юг навстречу Бёрку и держатся как ни в чем не бывало. Тогда Гисли распоряжается, как им вести себя дальше.

— Ты скажешь, — говорит, — что у тебя в лодке дурень. Я же сяду на носу и буду ему подражать. Опутаюсь леской, стану перевешиваться за борт и вести себя так по-дурацки, как только сумею. А когда мы с ними разминемся, я приналягу на весла и сделаю все возможное, чтобы нам поскорее уйти от них.

И вот Ботхильд гребет навстречу Бёрку и его людям, но все же в некотором отдаленье от них и делает вид, что направляется рыбачить. Бёрк ее окликает и спрашивает, нет ли на острове Гисли.

— Этого я не знаю, — говорит она. — Знаю только, что есть там человек, который очень выделяется среди других людей на острове и ростом своим, и сноровкою.

— Вот как! — говорит Бёрк. — А что, дома ли хозяин?

— Он уже давно как поехал к острову, — сказала Ботхильд, — а с ним, как я подумала, его раб.

— Навряд ли это так, — сказал Бёрк. — Это, верно, был Гисли. Едем быстрее за ними. Ключнула теперь рыбка. Только бы ее на борт вытащить.

А люди его сказали:

— Смех смотреть на этого дурня. Чего он только не вытворяет!

Они сказали Ботхильд, что худо ее дело, раз ей приходится сопровождать такого дурня.

— И я так думаю, — говорит она, — да только вам, как погляжу, это один смех, и мало вы обо мне печалитесь.

— Что нам до этого дурня, — сказал Бёрк, — едем скорее! Вот они разминутся, и Бёрк со своими гребут к острову, и сходят на берег, и видят теперь людей на скале Грузило, и поворачивают туда, предвкушая удачу. А те двое, Ингьяльд и раб, стоят на вершине скалы. Бёрк вскоре узнал их и сказал Ингьяльду:

— Мой тебе совет, выдай нам Гисли или, на худой конец, Укажи, где он. И какой ты, однако ж, мерзавец, что, живя на моей земле, укрываешь у себя убийцу моего брата. Ты заслуживаешь, чтобы я с тобою разделался, и, по справедливости, тебя стоило бы убить.

Ингьяльд отвечает:

— У меня бедная одежда, и мне все равно, успею ли я ее сносить. Но я скорее расстанусь с жизнью, чем оставлю Гисли в беде и выдам его.

Как рассказывают, Ингьяльд выручил Гисли, как никто, и его помощь очень пригодилась Гисли. Говорят, что, творя чары, Торгрим Нос сделал так, что никакая помощь, оказанная Гисли на материке, не могла спасти его. Того не подумал Торгрим, однако, чтобы помянуть острова, и потому Гисли удалось еще сколько-то продержаться, хотя, как судила судьба, и недолго.

XXVII

Бёрк думает, что не годится нападать на Ингьяльда, который живет на его земле. И вот они поворачивают оттуда ко двору и ищут Гисли там, но, как и надо было ждать, не находят. И рыщут они по всему острову, и забредают в одну лощинку. Там лежал дурень и щипал траву с камнем на

шее. Вот Бёрк и говорит:

— Много рассказывают об Ингьяльдовом придурке, и это понятно, он попадает на глаза чаще, чем я ожидал. Все ясно: мы так оплошали, что дальше некуда. Не знаю, когда мы теперь поправим дело. Ведь это не иначе как Гисли был тогда в лодке рядом с нами и выдавал себя за дурака. И не стыдно ли, если нас столько, а мы его упустим. Поспешим же за ним и не дадим ему на сей раз уйти.

Тогда они бегут к лодке и пускаются следом за теми и гребут, не жалея сил. И им видно, что Гисли со служанкою уже далеко в проливе между островами. И вот те и другие приналегли на весла, но быстрее плывет та лодка, где больше гребцов, и под конец Бёрк уже настолько к ним приблизился, что был от них на расстоянии полета копья, когда они подошли к берегу.

Тут Гисли заговорил со служанкой:

— Теперь нам надо расстаться, и вот тебе золотое кольцо, отдай его Ингьяльду, а другое кольцо отдай его жене, да скажи им, пусть отпустят тебя на волю и пусть эти кольца будут подтверждением моих слов. Я хочу, чтобы дали волю и Черному. Тебя, конечно, можно назвать моею спасительницей, и я хочу, чтобы был тебе от этого прок.

Вот они расстаются, и Гисли выскакивает на берег и скрывается в ущелье между скалами, было это на Пастушьем Мысу. Служанка же пустилась прочь, вся в поту, так что пар от нее шел.

А Бёрк со своими подгребает к берегу, и Сака-Стейн первым прыгает из лодки и гонится за Гисли. И вот он лезет в ущелье, а Гисли стоит там с мечом наготове и обрушивает удар ему на голову и разрубает по самые плечи, так, что тот падает наземь мертвый.

Бёрк со своими выходит на остров, а Гисли бросается в пролив и плывет к материку. Бёрк посылает ему вдогонку копье, и оно вонзилось ему в икру ноги и прошло насквозь, и рана была очень велика. Гисли выдергивает копье, но отпускает меч: он так обессилел, что не мог его удержать.

Уже совсем смерклось, когда он добрался до земли. Он бежит в лес, а тогда там кругом был лес. А Бёрк и его люди пристают к земле и разыскивают Гисли и окружают его. Гисли же так устал и изнемог, что насилию идет, и он видит, что со всех сторон люди. Вот ищет он выхода, и спускается к морю, и идет впотьмах, пользуясь отливом, по осушному берегу к кургану, и застает там одного человека по имени Рэв. Этот Рэв был хитрейший человек. Он приветствует Гисли и спрашивает, что нового. Тот рассказывает обо всем, что вышло у них с Бёрком. У Рэва была жена, по

имени Альвдис, женщина собою красивая, но уж такая сварливая, суцая ведьма. Они с Рэвом были под стать друг другу. И, рассказав обо всем Рэву, Гисли просит его о помощи.

— Они вот-вот здесь будут, — сказал Гисли, — дело мое плохо, и некому помочь мне.

— С одним условием, — сказал Рэв. — Я один буду решать, как поступить, чтобы помочь тебе, ты же ни во что не вмешивайся.

— Я согласен, — сказал Гисли, — я больше и шагу не сделаю.

— Тогда ступай в дом, — сказал Рэв.

Вот зашли они в дом, и Рэв сказал Альвдис:

— Я собираюсь положить к тебе в постель другого мужчину.

И он снимает все с постели и велит Гисли лечь в солому и снова стелет поверх него, а сверху ложится Альвдис.

— Лежи там, — сказал Рэв, — что бы ни было.

А жене своей Альвдис он наказывает быть как можно сварливее и буйствовать, как только она может.

— И бранись сколько влезет, — говорит, — болтай все, что придет в голову, сквернословь и ругайся. Я же выйду и поговорю с ними, как сочту нужным.

И вот, выйдя во второй раз, видит он: идут люди, спутники Бёрка, всего восемь человек. Сам Бёрк остался позади, у Водопадной Реки. Этим же было велено идти к Рэву на поиски Гисли и захватить его, если он там. А Рэв стоит у дома и спрашивает, что нового.

— Мы можем рассказать только то, что, верно, для тебя не новость. А не знаешь ли ты часом, куда направился Гисли? — говорят они. — Не сюда ли он зашел?

— Первое, что скажу вам, — говорит Рэв, — сюда он не приходил. Но если бы и попытался, ему бы здесь не поздоровилось. Не знаю, поверите вы или нет, если я скажу, что я не уступлю никому из вас в желании убить Гисли. У меня ведь хватает ума понять, что немалая выгода заслужить доверие такого человека, как Бёрк. А я хочу стать его другом.

Они спрашивают:

— Ты не взъешишь, если мы обыщем твой дом?

— Пожалуйста, — сказал Рэв, — я буду только рад этому. Я ведь знаю, что если вы удостоверитесь, что его здесь нет, то тем увереннее будете искать его в других местах. Заходите же да ищите и ничего не пропускайте.

Они заходят в дом. И когда Альвдис слышала весь этот шум, она спрашивает, что там за гам и что за болваны не дают людям покоя посреди ночи. Рэв велел ей утихомириться, но она не скупится на ругательства. Она

осыпает их такую бранью, что они надолго запомнят. Они все же обыскивают дом, но намного хуже, чем могли бы, если бы не поносила их хозяйка. Потом они уходят, так ничего и не найдя, и желают хозяину счастливо оставаться, а он желает им счастливого пути. Они возвращаются к Бёрку, очень недовольные всей этой поездкой: и человека потеряли, и опозорились, а все без толку.

Вот разносятся эти вести по округе, и люди находят, что все их неудачи с Гисли одна другой позорнее. Бёрк отправляется домой и рассказывает Эйольву, как обстоят дела. Гисли же проводит у Рэва две недели, а потом уезжает, и они расстаются с Рэвом друзьями. Гисли дарит ему нож и пояс, добрые вещи. Больше ничего у него с собою не было. После этого Гисли едет на Фьорд Гейртюва к своей жене. Его новый подвиг еще больше упрочил его славу. И правду говорят, не родился еще человек столь умелый, как Гисли, и столь бесстрашный. Но не было ему счастья.

XXVIII

Теперь надо рассказать о том, что весной Бёрк в сопровождении многих людей едет на тинг Трескового Фьорда и думает повидаться там со своими друзьями. С запада, с Крутого Побережья, едут Гест и Торкель, сын Кислого, каждый на своем корабле. И вот когда Гест уже совсем было собрался в путь, приходят к нему двое парнишек, одетые и с посохами в руках. От людей не укрылось, что Гест беседовал с мальчиками наедине, и не укрылось, что они попросились к нему на корабль и он взял их. Вот плывут они с Гестом на тинг. А там выходят на берег и идут, куда ведет их дорога, пока не приходят на тинг Трескового Фьорда.

Был человек по имени Халльбьёрн Колпак. Он был бродяга: ходил с места на место, и с ним не меньше чем десять или двенадцать человек. Все же и он устроил себе землянку на тинге. Туда-то и приходят мальчики, и просят к нему в землянку, и сказываются бродягами. Он говорит, что готов пустить к себе любого, кто его об этом попросит.

— Я уже не первую весну бываю здесь, — сказал он, — и я знаю всех знатных и влиятельных людей.

Мальчики говорят, что они хотели бы заручиться его покровительством и набраться у него ума-разума.

— Нам очень любопытно поглядеть на могущественных людей, о которых столько рассказывают.

Халльбьёрн говорит, что надо спуститься к берегу и он, мол, тотчас узнает любой корабль из тех, что будут подходить к берегу, и расскажет им, чей это корабль. Они благодарят его за такую доброту. Вот они спускаются к берегу, к самому морю, и видят: подходят корабли.

Старший мальчик сказал:

— Чей это корабль, что сейчас ближе всех к берегу? Халльбьёрн сказал, что это корабль Бёрка Толстяка.

— А кто плывет на следующем?

— Гест Мудрый, — ответил тот.

— А кто такие плывут теперь и ставят корабль у вершины фьорда?

— Это Торкель, сын Кислого, — ответил тот.

И вот видят они, что Торкель сходит на берег и садится неподалеку, а люди его тем временем сносят с корабля груз, чтобы его не подмочило. Бёрк же покрывает землянку.

На Торкеле русская меховая шапка и серый плащ, скрепленный у плеча золотою пряжкой, а в руке меч. Тогда Халльбьёрн с мальчиками подходят туда, где сидит Торкель. Вот заводит разговор один из мальчиков, тот, что постарше, и говорит:

— Что это за знатный человек сидит здесь? Не видывал я человека собой красивее и благороднее.

Торкель отвечает:

— Спасибо на добром слове. Меня зовут Торкель.

Мальчик сказал:

— Верно, нет цены тому мечу, что у тебя в руках. Не дашь ли ты мне взглянуть на него?

Торкель отвечает:

— Странная это просьба, но, пожалуй, я дам тебе взглянуть.

И протягивает ему меч. Мальчик взял меч, отступил немного, развязал завязки на ножнах^[55] и обнажил меч. Увидев это, Торкель сказал:

— Я ведь не разрешал тебе обнажать меч.

— А я и не просил у тебя разрешения! — сказал мальчик.

И он заносит меч и рубит Торкеля по шее так, что слетела с плеч голова. И как только это произошло, Халльбьёрн-бродяга вскакивает на ноги, а мальчик бросает наземь окровавленный меч, хватая свой посох, и бегут они оба с Халльбьёрном и его людьми. Бродяги насмерть перепугались. Вот они пробегают мимо землянки, которую покрывал Бёрк. А около Торкеля собирается толпа, и людям невдомек, чьих рук это дели. Бёрк спрашивает, что значит весь этот шум и гам подле Торкеля. А Халльбьёрн и бродяги как раз пробежали мимо его землянки, — всего их

было пятнадцать человек, — и когда Бёрк спросил это, отвечает ему младший мальчик по имени Хельги (того же, кто совершил убийство, звали Берг):

— Не знаю, что они там обсуждают. Но думаю, что они спорят о том, остались ли после Вестейна одни только дочери или был у него еще и сын.

Халльбьёрн бежит в свою землянку, а мальчики — в соседний лес, так их и не нашли.

XXIX

Вот люди бегут к землянке Халльбьёрна и спрашивают, что это все значит. Бродяги и рассказывают, что, мол, пристали к ним двое парнишек, но, говорят, что все это было для них как гром среди ясного неба. Они, мол, знать не знают, кто такие эти мальчики. Все же они рассказывают, как те выглядели и какие вели разговоры. Бёрк судит по словам, что сказал Хельги, что это, верно, сыновья Вестейна. И он идет затем к Гесту и держит с ним совет, как теперь поступить. Бёрк сказал:

— Кому как не мне надлежит начать тяжбу об убийстве моего шурина Торкеля. Кажется нам, что не так уж невероятно, что это и впрямь дело рук сыновей Вестейна, ибо, насколько мы знаем, ни у кого, кроме них, не было причины для распри с Торкелем. И может статься, что на сей раз они ускользнули. Дай же совет, как приступить к этой тяжбе.

Гест отвечает:

— Если бы я совершил это убийство, мне бы казалось разумным прибегнуть к такому способу, чтобы расстроить начатую против меня тяжбу: я бы назвался чужим именем^[56].

И Гест всячески отговаривает Бёрка от тяжбы. Все считали, что Гест не иначе как был в сговоре с мальчиками, ибо он доводился им родичем. Так Бёрк и отступает, и ничего из тяжбы не выходит. А Торкеля схоронили по старому обычаю, и люди разъезжаются с тинга по домам. Больше на этом тинге ничего важного не случилось. Сильно не по душе Бёрку эта поездка, хоть он уже и привык к подобному. И этот случай обернулся для него одним стыдом и позором.

А мальчики идут, пока не добираются до Фьорда Гейртвова, и десять ночей они проводят под открытым небом. Они приходят к Ауд, а Гисли как раз был там. Они приходят ночью и стучатся в двери. Ауд открывает им, и приветствует их, и спрашивает, что нового. Гисли же лежал в постели в подземелье, и, когда ему грозила опасность, Ауд нарочно повышала голос.

Вот мальчики рассказывают ей об убийстве Торкеля и как они ухитрились сделать это. Говорят они ей и о том, как долго они ничего не ели.

— Я пошлю вас, — сказала Ауд, — за горы, во Мшистую Долину, к сыновьям Бьяртмара. И дам вам еды, и с вами будет от меня знак, по которому они как-нибудь вас укроют. И делаю я это потому, что не хочу вынуждать Гисли оказывать вам помощь.

Вот мальчики уходят в такой лес, где их не могут найти, и едят, ибо они давно уже ничего не ели, а насытившись, ложатся спать, ибо их очень клонило ко сну.

XXX

Теперь надо рассказать, что Ауд идет к Гисли и говорит:

— Мне очень важно знать, как ты на это согласишься и выполнить ли ты мою просьбу, хоть я и не имею права просить тебя об этом.

Он соглашается ее выслушать и говорит:

— Знаю, что ты собираешься рассказать мне про убийство моего брата Торкеля.

— Так оно и есть, — сказала Ауд, — и мальчики пришли сюда и хотят, чтобы вы с ними теперь помогали друг другу, и, по их словам, им не на что больше надеяться.

Он отвечает:

— Не снесу я такого, чтобы видеть убийц моего брата и быть заодно с ними.

И он вскакивает на ноги и хочет выхватить меч. И он сказал вису:

— Острой льдине сражений^[57]
Должно покинуть ножны,
Действовать срок наступил
Родичу рода людского^[58].
Ведомо все, что случилось,
Властителю ратной стали^[59].
Мстя за убийство брата,
Гисли погибнет с честью.

Тогда Ауд сказала, отступив в сторону:

— У меня хватило ума не искушать судьбу и не оставлять их здесь.

Гисли сказал, что так оно всего лучше, чтобы им не встречаться. И он быстро успокаивается, и все идет пока без перемен.

Рассказывают, что ему осталось теперь прожить не более двух лет из тех, о которых говорила женщина его снов. И к концу того срока, что Гисли оставался на Фьорде Гейртюва, снова возвращаются его сны, и это все тяжелые сны. Теперь всегда приходит к нему недобрая женщина, и лишь изредка добрая. И вот однажды ночью снится Гисли, что пришла к нему добрая женщина. Она явилась на сером коне и позвала с собою, в свое жилище, и он согласился. И вот они приезжают к дому, больше похожему на палаты, и она ведет его в тот дом. И казалось ему, что всюду там на скамьях подушки и все так хорошо убрано. Она пригласила его пожить там и отдохнуть.

— И ты приедешь сюда, — сказала она, — когда умрешь, и будешь жить здесь в довольстве и счастье.

Тут он просыпается, и он сложил несколько вис о том, что ему снилось.

— Дева на сером коне^[60]
Скакала со скальдом рядом,
Ласковой Хлёкк покрывала^[61]
Была к дробителю злата^[62].
Бражного рога хозяйка^[63]
Речами меня врачевала,
Слов не забыть мне Фуллы
Света тверди тюленей^[64].
Меня отдохнуть усадила
Дивная диса нарядов^[65].
Ласка ее и заботы
Скальду запали в память.
Потом увела за собою
Создателя драп^[66] к перинам,
Вовеки не видывал воин
Ложа пышнее и глаже.
«Вечно секир сокрушитель^[67]
В этом чертоге пребудет, —
Так ветла ожерелий^[68]
Строф творцу говорила, —
Всем, что ни видишь, один

Будешь владеть безраздельно,
Вечную радость изведешь
С Идунн нарядов^[69] рядом».

XXXI

Рассказывают, что однажды Хельги снова послали выслеживать Гисли на Фьорд Гейртюва. Люди считали, что Гисли, вернее всего, там. С Хельги едет человек по имени Хавард. Он приехал в Исландию годом раньше и был родичем Геста, сына Оддлейва. Их послали в лес срубить бревен на постройку. Но это было для отвода глаз, а на самом деле им было велено разыскать Гисли и разведать, где он скрывается. И вот однажды вечером видят они костер в скалах южнее реки. Солнце тогда село, и была непроглядная темень. Хавард спрашивает у Хельги, как им поступить.

— Ведь ты, — говорит, — куда опытнее меня в таких делах.

— Тут можно сделать только одно, — говорит Хельги. — Надо сложить каменную горку здесь, на холме, где мы стоим. И, когда рассветет, ее легко будет найти. И оттуда, от горки, будут видны эти скалы, благо они недалеко.

Они так и делают. И когда горка была почти готова, Хавард сказал, что его одолевает сон, ни о чем другом, мол, не может и думать. Он засыпает. А Хельги не спит и достраивает горку. И когда он все уже кончил, просыпается Хавард и предлагает Хельги поспать, а он, мол, посторожит. И вот Хельги спит. А тем временем Хавард берется за дело и под покровом ночи разбрасывает всю эту горку по камешку. А после этого берет он большой камень и бросает его со всего маху о скалу, у самой головы Хельги, так что вздрогнула вся земля. Хельги мигом вскочил, вне себя от страха, и спросил, что такое стряслось.

Хавард сказал:

— В лесу кто-то есть, и это уже не первый камень за ночь.

— Это не иначе как Гисли, — говорит Хельги.

— Он, верно, проведал, что мы здесь. И будь уверен, дружище, — говорит. — ежели такой камень попадет в нас, то уж нам несдобровать. Делать нечего, надо отсюда убираться, да поскорее.

И вот Хельги пускается наутек, а Хавард идет следом и просит не убегать от него. Но Хельги не обращал на эти слова никакого внимания и бежал со всех ног. И добегают они наконец до лодки, мигом хватаются за

весла и гребут, не жалея сил. Так плывут они без передышки, пока не возвращаются к себе в Выдрюю Долину, и Хельги говорит, что он дознался, где прячется Гисли.

Эйольв, не тратя времени даром, собирается в путь и берет с собою одиннадцать человек. Едут с ним и Хельги с Хавардом. Они едут до самого Фьорда Гейртюва и рыщут по всему лесу в поисках каменной горки и укрытия Гисли, но так ничего и не находят. Вот Эйольв спрашивает у Хаварда, где они сложили горку. Тот отвечает:

— Откуда мне знать. Я ведь был совсем сонный и мало что кругом себя видел, да к тому же это Хельги сложил горку, пока я спал. Не удивлюсь, если Гисли нас заметил и, как только рассвело и мы уехали, разбросал всю горку.

Тогда Эйольв сказал:

— Нет нам удачи в этом деле, придется поворачивать назад.

Так они и делают. Но Эйольв говорит, что сперва он хочет повидаться с Ауд. Вот приходят они на двор и идут в дом, и снова Эйольв заводит с Ауд разговор. Он говорит так:

— Я хочу заключить с тобою сделку, Ауд. Ты укажешь мне, где Гисли, а я дам тебе за это три сотни серебра, положенные мне за его голову. Тебя не будет при том, как мы его уьем. Кроме того, я устрою тебе брак, который во всем будет лучше этого. Подумай-ка сама, — говорит, — как неудачно для тебя сложилось, что ты обречена жить на этом пустынном фьорде, и все из-за злосчастья Гисли, и никогда не видеть своих близких.

Она отвечает:

— Не бывать тому, чтобы ты убедил меня, будто можешь устроить мне брак, который сравнился бы с этим. Но, видно, правду говорят: скрасит серебро вдовью долю. Дай-ка мне взглянуть, вправду ли так полновесно и хорошо то серебро, как ты говоришь.

Эйольв высыпает серебро ей на колени, и она запускает в него руку, он же так и сяк ее уговаривает. Воспитанница ее Гудрид начинает плакать.

XXXII

Летом Гудрид выходит и идет прямо к Гисли и говорит ему:

— Моя приемная мать совсем обезумела и хочет тебя выдать.

Гисли сказал:

— Успокойся, ибо мне суждено умереть не оттого, что меня погубит Ауд.

И он сказал вису:

— Молвят, что липа пламени
Земли оленя заливов^[70]
Ныне лелеет, стройная,
Злобные думы о муже.
Но знаю, сидит в печали,
Льет безутешные слезы
Фулла ложа дракона^[71].
Ложному слову не верю.

После этого девушка идет домой и не говорит, куда ходила. А Эйольв уже пересчитал серебро, и Ауд сказала:

— Серебро ничуть не хуже и не менее полновесно, чем ты говорил. И ты, верно, не откажешь мне в праве распорядиться им, как я пожелаю.

Эйольв рад согласиться и говорит, что, конечно, она вольна делать с ним все, что вздумает.

Тогда Ауд берет серебро и кладет его в большой кошель. Потом она встает и швыряет кошель с серебром прямо в нос Эйольву, да так, что его всего забрызгало кровью. И она сказала:

— Вот тебе за твое легковерие и получай все несчастья в придачу! Нечего тебе было ждать, что я выдам моего мужа в твои руки, мерзавец! Вот тебе! И пусть падут стыд и срам на твою голову! Будешь помнить, покуда жив, презренный, что тебя побилa женщина. И не бывать по-твоему, ничего не добьешься!

Тут Эйольв сказал:

— Держите собаку и убейте ее, хоть она и сука!

Тогда Хавард сказал:

— Уже и так, без этой подлости, все у нас складывается из рук вон плохо. Вставайте же и не дайте ему это сделать.

Эйольв сказал:

— Видно, правду в старину говорили: пришла ко мне беда, да с моего двора.

Хаварда любили, и многие были готовы помочь ему и притом уберечь Эйольва от несчастья. И Эйольву ничего не остается, как примириться со своим позором. С тем он и уезжает. Но прежде чем Хавард вышел, Ауд говорит ему:

— Гисли перед тобою в долгу, а долг платежом красен. Вот тебе

золотой перстень. Я хочу, чтобы ты взял его.

— Я не хотел бы с вас взыскивать, — говорит Хавард.

— Все же я желаю уплатить, — говорит Ауд.

На самом деле она дала ему перстень за его поддержку. Сел Хавард на коня и едет на юг к Крутому Побережью, к Гесту, сыну Оддлейва, и не хочет больше оставаться с Эйольвом.

Эйольв возвращается к себе в Выдрюю Долину и очень недоволен своей поездкой. А уж людям эта поездка казалась и подавно позорной.

XXXIII

Так проходит лето, а Гисли все сидит настороже в своем подземелье, и на сей раз он не собирается уезжать. Он думает что теперь уже не на что надеяться и прошли все те годы, которых был ему сон. Вот как-то летом Гисли мечется ночью во сне. Когда он проснулся, Ауд спросила, что ему снилось.

Он говорит, что теперь явилась ему во сне недобрая женщина и сказала так:

— Теперь я расстрою все то, что говорила тебе добрая женщина. И я позабочусь о том, что не будет тебе проку от того, что она обещала.

Тогда Гисли сказал вису:

— «Вместе вам не живать, —
Хозяйка меда^[72] промолвила, —
Бог вас обрек на другое:
Яду изведайте радости!
В путь далекий пошлет
Скальда владыка людей,
В мир иной снарядит
Одного из родного дома».

— Еще мне снилось, — сказал Гисли, — что пришла ко мне та женщина и надела мне на голову кровавый колпак, а до того окунула мне голову в кровь и забрызгала меня с ног до головы, так что я был весь в крови.

Гисли сказал вису:

— Мнилось мне, Гна монет^[73]
Пены мечей^[74] зачерпнула,
Стала изморось ран^[75]
Лить на волосы воину.
Дланью своей богиня
Лавы тропы соколиной^[76]
Скальду скалу шелома^[77]
Ручьями мечей^[78] омочила.

И еще он сказал так:

— Снилось мне, Хильд владычица
Волн побоища^[79] воину
На ржаное жнивье затылка
Алый колпак надела.
Были от крови рдяны
Руки у Фрейн кружев^[80].
Но тут меня ото сна
Нанна льна пробудила.

И сны до того теперь одолевают Гисли, что он стал бояться темноты и даже не смел оставаться один. Только лишь закроет глаза, мерещится ему все та же женщина. Однажды ночью Гисли спал особенно беспокойно. Ауд спросила, что ему привиделось.

— Снилось мне, — говорит Гисли, — что явились к нам люди. И это был Эйольв, а с ним множество других. И мы сошлись, и я знал, что была у меня с ними схватка. Вперед бросился один из них со страшным воем, и я будто разрубил его пополам. И почудилось мне, будто голова у него волчья. Тут напали на меня всем скопом. А в руках у меня будто был щит, и я долго отбивался.

Тогда Гисли сказал вису:

— Чудилось мне, сюда
Рано враги нагрянули.
Бился я храбро и рьяно,
Но были неравными силы.

Скальда красная кровь
Руки твои обагрила.
Я приготовил из трупов
На радость воронам трапезу.

И еще он сказал:

— Напрасно надеялись недруги
Сразу со мною расправиться,
Тщетно рубили мечами —
Щит был защитой воину.
Гибель мне принесли —
Числом пересилили скальда,
Но я сражался без усталости,
Бесстрашно бился с врагами.

И еще он сказал:

— Ранен я был, но раньше
Сразил утешителя ворона^[81].
Накормлены пищею Мунина^[82]
Были коршуны крови^[83].
Острый клинок разрубил
Бедро у дробителя гривен^[84].
Наземь врага повергнув,
Славу герою упрочил.

Вот идет к концу лето, а снов у Гисли не только не меньше, но, пожалуй, и больше. Как-то раз Гисли снова метался ночью во сне, и Ауд снова спросила, что ему привиделось. Гисли сказал вису:

— Снова все тот же сон
Снится мне, Снотра злата^[85].
Видел я: ран водопады^[86]
Вкруг меня низвергались.
Я обагрив оружие,

Отражая вражьи удары.
Теперь ожидаю без страха
Скорого града дротов^[87].

И он сказал еще вису:

— Видел я сон: владыка
Льдины луны ладьи^[88]
Мне окровавил плечи,
О Гна огня океана^[89].
Скальд осужден расстаться
С жизнью и с милой женою,
Но смерть положит предел
Годам невзгод и печалей.

И еще он сказал:

— Видел я сон: властитель
Пламени влаги сечи^[90]
Палицей ратной рубашки^[91]
Тяжко меня изранил.
Обе руки отрублены
Напрочь у Бальдра брани^[92],
Шлема основу^[93] разрезал
Меч по самые плечи.

И он сказал еще вису:

— Видел я сон: стояла
Съёвн монет^[94] надо мною,
Были влажны ресницы
Нъёрун камней^[95] благородной,
Раны мои обмывала
Хлин пожара приливов^[96].
Кто сновиденья такого
Смысл понять не сумеет!

Гисли проводит все лето дома, и пока все спокойно. Потом наступает последняя ночь лета. Как рассказывают, Гисли не мог уснуть, и никто не спал. А погода стояла такая: было очень тихо, и выпал очень сильный иней. Гисли говорит, что ему хочется уйти из дому в свое укрытие к югу в скалах и попытаться там уснуть. Вот идут они все трое, и женщины в длинной одежде, и одежда оставляет следы на заиндевевшей земле. Гисли держит палочку и режет руны, и стружки падают на землю. Они приходят к укрытию. Гисли ложится и пробует заснуть, а женщины сторожат. Тут погружается он в сон, и снится ему, что в дом залетели какие-то птицы и исступленно бьются. Они были крупнее белых куропаток и зловеще кричали и барахтались в крови. Тогда Ауд спросила, что ему снилось.

— И на сей раз не были хорошими мои сны.

Гисли сказал вису:

— Странные слышатся звуки
От крова у крови земли^[97], —
Снова сплетатель песен^[98]
С Нанною льна в разлуке, —
Это две куропатки
В схватке кровавой бьются.
Знаю, нагрянет скоро
Ссора костров Одина^[99].

И только Гисли сказал вису, слышат они голоса. Это пришел Эйольв и с ним четырнадцать человек. Они уже побывали в доме и видели следы, которые как бы указывали им путь. Завидев людей, Гисли и женщины забираются на скалу, туда, где им лучше будет обороняться. У женщин в руках по дубинке. Эйольв со своими подходят снизу. Эйольв сказал Гисли:

— Мой тебе совет, больше не убегай, чтобы не приходилось гоняться за тобою, как за трусом. Ведь ты слынешь большим храбрецом. Давно мы с тобой не встречались, и хотелось бы, чтобы эта встреча была последней.

Гисли отвечает:

— Нападай же на меня, как подобает мужу, ибо я больше не побегу, и

твой долг напасть на меня первым, ведь у тебя со мною больше счетов, нежели у твоих людей.

— Мне не нужно твоего позволения, — говорит Эйольв, — чтобы самому расставить людей.

— Вернее всего, — говорит Гисли, — что ты, щенок, вовсе не посмеешь померяться со мною оружием.

Эйольв сказал тогда Хельги Ищейке:

— Ты бы стяжал великую славу, если бы первым поднялся на скалу навстречу Гисли, и долго жила бы память о таком геройстве.

— Я уже не раз подмечал, — говорит Хельги, — что как только доходит до дела, ты не прочь спрятаться за других. Но раз уж ты так меня подбиваешь, будь по-твоему. Но и ты смелее иди за мною, не отставай, если только ты не совсем баба.

Вот Хельги наступает с той стороны, где ему кажется вернее, и в руке у него большая секира. Гисли был снаряжен так: в руке — секира, у пояса — меч и сбоку — щит. Он был в сером плаще и подпоясался веревкой. Хельги устремляется вперед и взбегает на скалу, прямо на Гисли. Тот мигом поворачивается навстречу Хельги, заносит меч и рубит его наотмашь по поясу и перерубает надвое, и обе части падают со скалы.

Эйольв подбирается с другой стороны, но тут его поджидает Ауд и бьет его по руке дубиной, так что вся рука у него обмякла и он покатился со скалы.

Тогда Гисли сказал:

— Давно я знал, что у меня хорошая жена, и все же не знал, что такая хорошая. Но ты оказала мне худшую помощь, чем думала, хоть и был твой удар на славу: я бы отправил второго следом за первым.

XXXV

Тогда двое влезли наверх и держат Ауд и Гудрид, так что работы им хватает. Теперь наступают на Гисли двенадцать. Они лезут на скалу, а он обороняется и камнями и оружием, так что эта оборона прославила его имя.

Вот бежит на него один из людей Энольва и говорит Гисли:

— Уступи-ка мне доброе оружие, что у тебя в руках, а в придачу и жену твою Ауд!

Гисли отвечает:

— Завоюй их в честном бою! Иначе не бывать твоими ни моему

оружию, ни моей жене!

Эйольв наносит Гисли удар копьем, но Гисли ответным ударом срубает у копья наконечник. И удар был так силен, что секира налетела на камень и у нее отскочило острие. Тогда он швыряет секиру и хватается за меч и бьется мечом под прикрытием щита. Они рьяно на него нападают, но он защищается хорошо и мужественно. Вот они сошлись в жестокой схватке. Гисли убил еще двоих, а всего погибло уже четверо. Эйольв побуждает людей собрать все свое мужество и наступать.

— Нам сильно достается, — говорит Эйольв, — но это все пустяки, если наши усилия окупятся.

И вдруг, когда никто этого не ждал, Гисли поворачивается, сбегает со скалы прямо на утес под названием Одинокий и начинает обороняться оттуда. Это застало их врасплох. Они видят, что дело их плохо: четверо погибли, а остальные ранены и измучены. Их натиск ослаб. Тогда Эйольв с удвоенной силой подстрекает людей к бою и сулит им золотые горы, только бы они одолели Гисли. Люди у Эйольва были все как на подбор — стойкие и неустрашимые.

XXXVI

Свейном звали человека, который первым полез на утес навстречу Гисли. Гисли сразил его мечом, и раскроил ему череи до плеч, и сбросил его с утеса. И люди недоумевают, когда же придет конец убийствам от руки этого человека. Тогда Гисли сказал Эйольву:

— Хочу я, чтобы дорого тебе достались те три сотни серебра, что ты взял за мою голову. А еще я хочу, чтобы ты был рад отдать и другие три сотни, только бы нам с тобой не встречаться. Потеря стольких людей покроет тебя позором.

Вот они советуются, как теперь быть, и ни за что на свете не хотят отступить. Они нападают на него с двух сторон, и вместе с Эйольвом впереди двое, один по имени Торир, а другой — Торд, оба родичи Эйольва. Они были удалцами из удалцов. И они наступают теперь упорно и рьяно, и им удается нанести ему копьями несколько ран. Но он отбивается с большой отвагой и мужеством. Им так доставалось от его камней и ударов мечом, что не было среди нападавших ни одного, кто бы не получил раны.

Вот кидаются в бой Эйольв и его родичи. Они видят: дело идет о чести их и достоинстве. Они разят его копьями, так что у него вываливаются внутренности, но он подхватывает их в рубашку и прикручивает к себе

веревкой. Тут сказал Гисли, что им недолго осталось ждать.

— Наступает конец, которого вы хотели.

И он сказал вису:

— Скоро услышит милая
Скади колец^[100] о скальде:
Друг ее, твердый духом,
В смерче мечей не дрогнул.
Пусть клинков закаленных
Жало меня поражало,
Мне от отца досталось
Стойкое сердце в наследство.

Это последняя виса Гисли. И, сказав эту вису, он тут же бросается с утеса и рубит мечом голову Торда, родича Эйольва, и убивает его наповал. Но и сам Гисли падает на него бездыханный и сразу умирает. Все они, люди Эйольва, были очень изранены. И все диву давались, что у Гисли было столько тяжелых ран, когда он умер. Они рассказывали, что он ни разу не отступил, и не было заметно, чтобы последние его удары уступали по силе первым. Вот и кончилась жизнь Гисли. И все говорят, что еще не бывало такого героя, хоть и не во всем был он удачлив.

Они стаскивают его вниз и берут себе его меч. Они засыпают его камнями и спускаются к морю. Тут, у моря, умер шестой человек. Эйольв предложил Ауд ехать с ним, но она не захотела.

Эйольв со своими людьми возвратился к себе в Выдрюю Долину, и там той же ночью умер седьмой человек, а восьмой лежал в ранах двенадцать месяцев, и ему пришел конец. Остальные из тех, кто был ранен, выздоровели, но покрыли себя позором. И все говорят в один голос, что, насколько это можно знать наверняка, здесь в Исландии не бывало столь славной обороны.

XXXVII

Эйольв пускается из дому с одиннадцатью людьми на юг, к Бёрку Толстяку, и рассказывает ему, как было дело. Бёрк обрадовался и просит Тордис хорошо принять Эйольва и его людей.

— Вспомни, как сильно ты любила Торгрима, моего брата, и получше

обойдись с Эйольвом.

— Я буду оплакивать моего брата Гисли, — говорит Тордис. — Не довольно ли будет с убийцы Гисли, если я угощу его кашей?

А вечером, внося еду, она уронила миску с ложками. Эйольв положил меч, — а это раньше был меч Гисли, — между столбом скамьи и своими ногами. Тордис узнает меч, и, нагнувшись за ложками, она схватила меч за рукоять и бросается на Эйольва и метит ему прямо в грудь. Но она не уследила, и рукоять повернулась кверху и задела стол. Удар пришелся ниже, чем она рассчитывала, в бедро. Рана была большая. Бёрк хватает Тордис и вырывает у нее меч. Все они вскакивают и опрокидывают столы и еду. Бёрк предложил Эйольву самому вынести решение, и тот назначил полную виру, как за убийство, и сказал, что назначил бы и больше, если бы Бёрк хуже вел себя.

Тордис называет свидетелей и объявляет о своем разводе с Бёрком и говорит, что отныне никогда не ляжет с ним в одну постель. Она сдержала свое слово. Потом она уехала и поселилась на Тордисовом Дворе на краю Косы. А Бёрк остался на Священной Горе, пока его не прогнал оттуда Снорри Годи. Тогда Бёрк переселился в Леса Стеклойной Реки. А Эйольв возвратился к себе домой и был недоволен поездкой.

XXXVIII

Сыновья Вестейна едут к своему родичу Гесту и настаивают, чтобы он помог им уехать из Исландии, им, и матери их Гуннхильд, и Ауд, жене Гисли, и Гудрид, дочери Ингьяльда, и брату ее Гейрмунду. Все они отплывают из Устья Белой Реки с Сигурдом Белым. Гест оплатил их проезд. Они недолго пробыли в море и приплыли на север Норвегии.

Вот идет Берг по улице и хочет снять им какое-нибудь жилье в городе^[101], и с ним пошли еще двое. Им повстречались два человека, и один из них, человек молодой и рослый, был в алой одежде. Он спросил Берга, как его зовут. Тот сказал всю правду и об имени своем, и о своем роде, ибо думал, что имя его отца скорее поможет ему в дальнейших странствиях, чем повредит. Но тот, в алой одежде, выхватил меч и зарубил Берга насмерть. Это был Арн, сын Кислого, брат Гисли и Торкеля.

Сотоварищи Берга бросились к кораблю и рассказали, что случилось. Кормчий помог им уехать, а Хельги отправился в Гренландию. Он поселился там, и очень преуспевал, и прослыл достойнейшим человеком. Не раз посылали людей убить его. Но не такая смерть была ему суждена.

Хельги погиб на рыбной ловле, и все почитали это за большую утрату. Ауд и Гуннхильд поехали в Данию, в Хейдабёр^[102]. Там они крестились и совершили паломничество в Рим и больше не вернулись.

Гейрмунд остался в Норвегии. Он женился и жил в достатке. Сестра его Гудрид вышла замуж и прослыла разумной женщиной, и от нее ведут род многие люди.

Арн, сын Кислого, отправился в Исландию. Он пристал в Устье Белой Реки, и продал свой корабль, и купил себе землю у Утеса, и прожил там несколько зим. Он жил во многих местах на Болотах и оставил потомство.

Здесь мы кончаем сагу о Гисли, сыне Кислого.

Об Аудуне с Западных Фьордов

Жил человек по имени Аудун, а родом с Западных Фьордов. Он был небогат. Он поехал из Западных Фьордов в Норвегию вместе с Торстейпом, богатым бондом, и Торпром-корабельщиком. Торир перед этим зимовал у Торстейна, а Аудун тоже был там и работал на них, и в награду за труды Торстейн взял его с собой в Норвегию. Прежде чем сесть на корабль, Аудун оставил большую часть своих денег матери. Их должно было хватить ей на три зимы.

Вот плывут они из Исландии и благополучно приплывают в Норвегию, и Аудун зимует у Торира-корабельщика: у того было хозяйство в Мёре^[103]. А на следующее лето плывут они в Гренландию и там зимуют. Рассказывают, что Аудун купил там белого медведя — большое сокровище — и отдал за него все свое добро. И вот на следующее лето отправляются они назад и благополучно приезжают в Норвегию. У Аудуна при себе медведь, и он хочет поехать на юг в Данию к Свейну конунгу и подарить ему медведя.

Когда Аудун приехал на юг в Норвегию, туда, где был тогда Харальд конунг^[104], он идет с корабля, ведя за собой медведя, и снимает себе жилье. Харальду конунгу сразу же сказали, что приехал белый медведь — большое сокровище, а привез его какой-то исландец. Конунг тотчас посылает за ним людей. Представ перед конунгом, Аудун приветствовал его. Конунг милостиво принял его приветствие и затем спросил:

— Что, немалое сокровище твой белый медведь?

Аудун отвечает и говорит, что есть у него медведишко.

Конунг сказал:

— Не продашь ли ты нам медведя за ту цепу, за которую ты его купил?

Аудун отвечает:

— Не продам, государь.

— А хочешь, — говорит конунг, — я заплачу тебе вдвое против той цены? И это будет справедливо, раз ты отдал за него все свое добро.

— Не хочу, государь, — говорит Аудун. Конунг сказал:

— Уж не хочешь ли ты подарить его мне?

Аудун отвечает:

— Нет, государь.

Конунг сказал:

— Что же ты хочешь с ним делать?

Аудун отвечает:

— Поехать в Данию и подарить его Свейну конунгу ^[105].

Харальд конунг говорит:

— Неужели же ты такой неразумный, что не слышал о войне между нашими странами? Или ты считаешь себя таким удачливым, что думаешь пробраться с сокровищами там, где даже те, кого нужда гонит, не могут пробраться целы и невредимы?

Аудун отвечает:

— Власть ваша, государь. Но я ни на что другое не соглашусь, кроме того, что задумал.

Тогда конунг сказал:

— Ну что ж, отчего бы тебе в самом деле не поехать, куда хочешь? Но приходи ко мне на возвратном пути и расскажи, как Свейн конунг отблагодарил тебя за медведя. Может быть, ты и вправду удачливый.

— Это я тебе обещаю, — сказал Аудун.

Вот едет он на юг посуху в Вик и затем в Данию. Истратился он до последнего гроша и вынужден просить прокорма себе и медведю. Встречается он с управителем Свейна конунга, Аки по имени, и просит у него еды себе и медведю. Аки сказал, что готов продать еды, если он хочет. Аудун говорит, что ему нечем заплатить.

— Но я бы хотел, — говорит он, — чтобы удалось подарить медведя конунгу.

— Я дам тебе еды, сколько вам обоим понадобится до встречи с конунгом. Но за это половина медведя будет моя. Смекни сам: медведь у тебя подохнет, ведь вам надо много еды, а денег у тебя нет, и останешься ты без медведя.

Подумав, Аудун решил, что Аки прав, и они сошлись на том, что он продает половину медведя управителю, а конунг потом во всем разберется. Они решают отправиться оба к конунгу. Так они и делают: идут оба к конунгу и предстают перед его столом.

Конунг задумался: что это за неизвестный ему человек? И затем сказал Аудуну:

— Кто ты такой?

Тот отвечает:

— Исландец, государь. Приехал я сперва из Гренландии в Норвегию, а теперь из Норвегии и хотел подарить вам этого белого медведя. Я отдал за него все, что у меня было. Но вот какая беда: осталась у меня только половина медведя.

И затем рассказывает, что произошло у него с Аки, управителем

конунга.

— Правда это, Аки?

— Правда, — говорит тот.

Конунг сказал:

— И ты, кого я сделал большим человеком, посмел препятствовать и противодействовать тому, чтобы человек мог подарить мне сокровище, за которое он отдал все, что у него было? Харальд конунг, — а он наш враг, — и тот отпустил его с миром! Сообрази же, подобало ли тебе поступать так, как ты поступил? Тебя бы казнить следовало. Но казнить я тебя не стану. Сейчас же уезжай прочь из нашей страны и не попадайся больше мне на глаза! А тебе, Аудун, я благодарен так, как если бы ты подарил мне целого медведя. И оставайся здесь, у меня!

Аудун принимает приглашение и остается у Свейна конунга. Но когда прошло некоторое время, он говорит копуигу:

— Уйти мне хочется, государь.

Конунг отвечает несколько холодно:

— Чего же ты хочешь, если не хочешь оставаться с нами?

Аудун говорит:

— Я хочу совершить паломничество в Рим.

— Если бы не такое хорошее дело ты задумал, — говорит конунг, — то мне было бы не по душе, что ты хочешь уйти от меня.

И вот конунг дал ему много серебра, и Аудун отправился в Рим с паломниками, и конунг снарядил его в путь и просил прийти к нему, когда он вернется.

Аудун шел своим путем, пока не пришел на юг, в Рим. Побыв там, сколько ему захотелось, отправляется он обратно. Тут напала на него жестокая хворь. Отощал он страшно. Вышли тогда и все деньги, которые конунг дал ему в дорогу. Стал он побираться и просить на пропитание. Голова у него бритая и вид довольно жалкий.

Аудун попадает в Данию на пасху и прямо туда, где был тогда конунг. Он не смеет показаться на глаза конунгу. Стоит в церковном приделе и думает обратиться к конунгу, когда тот вечером пойдет в церковь. Но, увидев конунга и его разряженную дружину, он не посмел показаться ему на глаза. Конунг прошел пировать в палаты, а Аудун ел на улице, как то в обычае паломников, пока они еще не бросили посох и котомку.

Вечером, когда конунг пошел к вечерне, Аудун хотел к нему обратиться. Но решиться на этот раз было еще труднее, потому что вся дружина была пьяна. Когда они вошли в церковь, конунг заметил человека, у которого, как ему показалось, не хватает духу выступить вперед и

обратиться к нему. Дружина прошла, а конунг, ступив в сторону, сказал:

— Кто хочет обратиться ко мне, пусть выступит вперед! Наверно, это вот тот человек.

Тогда Аудун выступил вперед и упал к ногам конунга. Тот едва узнал его. Но, поняв, кто он, конунг взял Аудуна за руку и приветствовал его.

— Очень ты изменился, — говорит он, — с тех пор как мы виделись.

И он ведет Аудуна за собой. А дружина рассмеялась, увидя Аудуна.

Конунг сказал:

— Нечего вам смеяться над ним, ибо он лучше позаботился о своей душе, чем вы.

Затем конунг велел приготовить ему баню, дал одежду, и Аудун остался у него.

Рассказывают, что однажды весной конунг предлагает Аудуну остаться у него надолго, обещает сделать стольником и оказать ему почести. Аудун говорит:

— Спасибо, государь, за честь, которую вы хотите мне оказать! Но мне хочется поехать в Исландию.

Конунг говорит:

— Странно ты решил.

— Не могу я, государь, — говорит Аудун, — жить здесь у вас в почете, когда моя мать ходит с сумой в Исландии. Ведь кончилось то, что я оставил ей на пропитание, уезжая из Исландии.

Конунг отвечает:

— Хорошо ты сказал и как подобает мужу. Видно, ты и вправду человек удачливый. Любая другая причина твоего отъезда мне бы не поправилась. Оставайся у меня до тех пор, пока корабли не будут снаряжены.

Аудун так и сделал.

Однажды весной Свейн конунг пошел на пристань. Люди уже снаряжали тогда свои корабли в разные страны: на Восток, в Страну Саксов, в Швецию или Норвегию. Конунг с Аудуном подошли к одному доброму кораблю, который снаряжали в плаванье.

Конунг спросил:

— По душе ли тебе, Аудун, этот корабль?

Аудун отвечает:

— Очень по душе, государь.

Конунг сказал:

— Этот корабль я отдам тебе в благодарность за белого медведя.

Аудун поблагодарил конунга за подарок, как умел. И когда спустя

некоторое время корабль был снаряжен, Свейн конунг сказал Аудуну:

— Стало быть, ты хочешь уехать. Что же, я не стану тебя удерживать. Но я слышал, что в вашей стране приставать опасно: мало укрытых мест для кораблей. Вот разобьется твой корабль, погибнет все добро, и не будут знать, что ты побывал у Свейна конунга и подарил ему сокровище.

Тут дал конунг Аудуну кожаный чулок, полный серебра.

— Однако если ты сохранишь это серебро, то не останешься с пустыми руками, хоть и разобьется твой корабль. Но может случиться, — говорит конунг, — что ты и его потеряешь. Мало тебе тогда будет проку оттого, что ты был у Свейна конунга и подарил ему сокровище.

Тут конунг снял с руки запястье, дал его Аудуну и сказал:

— Если тебе не будет удачи, и корабль твой разобьется, и потеряешь ты свое серебро, то все же не останешься с пустыми руками, когда выберешься на берег, ибо многие сберегают на себе золото при кораблекрушениях. А если ты сохранишь запястье, то будут знать, что ты был у Свейна конунга. И еще посоветую тебе: никому не дари это запястье, разве что понадобится отблагодарить какого-нибудь знатного человека за великое благодеяние. Ибо знатному подобает принять такой подарок. Счастливого тебе пути!

И вот Аудун выходит в море, приплывает в Норвегию и велит выгрузить свои товары, а теперь для этого пришлось больше потрудиться, чем раньше, когда он был в Норвегии. Затем он отправляется к Харальду конунгу — он хочет выполнить то, что обещал ему до отъезда в Данию, — и учтиво его приветствует. Харальд конунг милостиво принял приветствие.

— Садись, — говорит он, — и выпей с нами. Аудун так и делает.

Харальд конунг спросил:

— Как отблагодарил тебя Свейн конунг за медведя?

Аудун отвечает:

— Он принял от меня подарок, государь.

Конунг сказал:

— Так и я отблагодарил бы тебя. А как он еще отблагодарил тебя?

Аудун отвечает:

— Дал мне серебра на паломничество в Рим.

Тогда Харальд конунг говорит:

— Многим дает Свейн конунг серебро на паломничество в Рим или на что другое, хотя они и не подносят ему сокровищ. Что он еще дал тебе?

— Он предложил мне, — говорит Аудун, — стать у него стольником и принять великие почести.

— Это он хорошо сказал. Но он, верно, еще чем-нибудь отблагодарил

тебя?

Аудун сказал:

— Он дал мне корабль с товаром, самым прибыльным здесь в Норвегии.

— По-королевски он поступил, — говорит конунг. — Но я бы тоже отблагодарил тебя так. Отблагодарил он тебя еще чем-нибудь?

— Он дал мне кожаный чулок, полный серебра, и сказал, что если я сохраню его, то не останусь с пустыми руками, хоть бы корабль мой и разбился у берегов Исландии.

Конунг сказал:

— Он поступил отменно, но я бы этого делать не стал: я бы думал, что счелся с тобой, дав тебе корабль. Неужели он отблагодарил тебя еще как-нибудь?

— Вот как он еще отблагодарил меня, государь, — говорит Аудун. — Он дал мне запястье, что у меня на руке, и сказал, что, может статься, я потеряю все серебро, но и тогда не останусь с пустыми руками, если у меня сохранится запястье, и он посоветовал мне не отдавать его никому, разве что мне захочется отблагодарить кого-то за великое благодеяние. И вот я нашел такого человека. Ведь ты мог отнять у меня и медведя и жизнь, но ты отпустил меня с миром ехать туда, куда другие не могли проехать.

Конунг принял подарок милостиво и, прежде чем они расстались, отблагодарил Аудуна богатыми подарками. Аудун закупил товаров для поездки в Исландию и тем же летом отплыл из Норвегии в Исландию и прослыл человеком очень удачливым. От этого Аудуна произошел Торстейн, сын Гюды.

Сага о гренландцах

I

Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Асвальда, сына Ульва, сына Бычьего Торира. Торвальд и его сын Эйрик Рыжий покинули Ядр^[106] из-за убийств, совершенных ими в распре, и уехали в Исландию. Она была тогда широко заселена. Они поселились сначала в Скалах на Роговом Побережье. Там Торвальд умер. Эйрик женился на Тьодхильд, дочери Ерунда, сына Ульва, и Торбьёрг Корабельная Грудь, которая была тогда замужем за Торбьёрном из Ястребиной Долины. Женившись, Эйрик переехал на юг и стал жить в Эйриковой Усадьбе у Озерного Рога. Сына Эйрика и Тьодхильд звали Лейв.

После убийства Эйольва Дерьмо и Храфна Драчуна Эйрик был изгнан из Ястребиной Долины и переехал на запад, на Широкий Фьорд, и поселился в Эйриковой Усадьбе на Бычьем Острове. Эйрик одолжил скамьевые доски Торгесту с Широкого Двора, но когда тот стал их с него спрашивать, они не были возвращены. С этого и начались ссоры и сражения между Эйриком и Торгестом, как рассказывается в саге об Эйрике^[107]. Эйрика поддерживал Стюр, сын Торгрима, а также Эйольв со Свиного Острова, сыновья Торбранда с Лебедино Фьорда и Торбьёрн, сын Вивилия. А Торгеста поддерживали Торд Ревун и Торгейр из Долины Реки Хит.

На тинге мыса Тора Эйрик был объявлен вне закона. Он снарядил в Эйриковом Заливе корабль для морского плаванья, и, когда отъезжал, Стюр и другие проводили его за острова. Эйрик сказал им, что хочет искать ту страну, которую видел Гуннбьёрн, сын Ульва Вороны, когда его отнесло далеко на запад в море и он открыл Гуннбьёрновы Островки. Он добавил, что вернется к своим друзьям, если найдет эту страну.

Эйрик вышел в море у Ледника Снежной Горы. Он нашел страну, которую искал, и подошел к земле у ледника, который он назвал Средним. Теперь он называется Синяя Рубашка. Оттуда он поплыл на юг вдоль берега, чтобы разведать, можно ли там селиться. Он провел первую зиму на Эйриковом Острове, это почти в середине Восточного Поселения. На следующую зиму он поплыл в Эйриков Фьорд и решил там поселиться. В то лето он плывал в пустынный край на западе и многое назвал там. Вторую

зиму он провел на Островках, у Заслон-Горы, а на третье лето плавал на самый север, к Снежной Горе, в Храфнов Фьорд. Он считал, что заплыл тогда вглубь страны дальше, чем заходит вершина Эйрикова Фьорда. Затем он вернулся назад и провел третью зиму на Эйриковом Острове в устье Эйрикова Фьорда.

На следующее лето он поехал в Исландию и подошел к земле в Широком Фьорде. Он назвал страну, которую открыл, Гренландией^[108], ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну, если у нее будет хорошее название. Эйрик провел зиму в Исландии, а на следующее лето поехал, чтобы поселиться в Гренландии. Он поселился на Крутом Склоне в Эйриковом Фьорде.

Сведущие люди говорят, что в то лето, когда Эйрик переселился в Гренландию, двадцать пять кораблей отправились туда из Широкого и Городищенского Фьордов, но доплыли только четырнадцать. Некоторые отнесло назад, некоторые погибли в море. Это было за пятнадцать зим до того, как христианство стало законом в Исландии^[109]. В то самое лето епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана^[110], уехали из Исландии.

Вот кто поехал тогда с Эйриком и занял землю в Гренландии: Херьольв — в Херьольвовом Фьорде, он жил на Херьольвовом Мысу; Кетиль — в Кетилевом Фьорде; Храфн — в Храфновом Фьорде; Сэльви — в Долине Сэльви; Хельги, сын Торбранда, — в Лебедином Фьорде; Торбьёрн Злой Глаз — в Парусном Фьорде; Эйнар — в Эйнаровом Фьорде; Хавгрим — в Хавгримовом Фьорде и Озерном Крае; Арнлауг — в Арнлауговом Фьорде. А некоторые поехали в Западное Поселение.

II

Был человек по имени Херьольв, сын Барда, сына Херьольва. Он был родичем Ингольва, первого поселенца в Исландии. Ингольв дал Херьольву и его людям землю между Мысом Дымов и Заливом. Херьольв жил сначала в Дрепстокке. Его жену звали Торгерд, а сына — Бьярни.

Бьярни подавал большие надежды. Смолоду его тянуло в чужие края. У него были и деньги, и доброе имя. Он проводил одну зиму в чужих краях, одну — дома у отца. Вскоре у него был уже свой корабль.

В последнюю зиму, когда Бьярни был в Норвегии, его отец Херьольв переселился в Гренландию вместе с Эйриком, оставив свой хутор. На корабле Херьольва был один христианин с Гебридских островов, который

сочинил «Песнь о чудо-волне»^[111]. В ней был такой припев:

«Всеблагой отец монахов
Да хранит меня в дороге.
Дома всей земли владыка
Надо мной пусть держит руку».

Херьольв поселился на Херьольвовом Мысу. Он был очень знатный человек.

Эйрик Рыжий жил на Крутом Склоне. Его очень уважали, и все ему подчинялись. У Эйрика было три сына — Лейв, Торвальд и Торстейн, а дочь его звали Фрейдис. Она была замужем за человеком по имени Торвард, и жили они в Дворах, где теперь живет епископ. Она была властная женщина, а он — тихоня. Она была отдана за него больше ради денег.

В то время все в Гренландии были язычниками.

Бьярни приехал на своем корабле в Пески летом того самого года, когда его отец уехал весной из Исландии. Известие об отъезде отца сильно огорчило Бьярни, и он даже не захотел разгружать корабль. Тогда его люди спросили, что он собирается делать. Он ответил, что собирается, как обычно, провести зиму у отца.

— Хочу плыть в Гренландию, если вы согласны сопровождать меня.

Все ответили, что, как он решит, так они и сделают. Тогда Бьярни сказал:

— Неразумным сочтут наше плаванье, ведь никто из нас не бывал в Гренландском море.

Все же, снарядившись, они сразу вышли в море и плыли три дня, пока земля не скрылась. Тут попутный ветер прекратился, начались северные ветры и туманы, и в продолжение многих суток они не знали, куда они плывут. Затем они снова увидели солнце и смогли определить страны света. Они подняли парус и плыли так сутки, пока не увидели землю. Они стали обсуждать между собой, что это за страна. Бьярни сказал, что, по его мнению, это не Гренландия. Они спрашивают, не хочет ли он подойти к этой земле. Он отвечает:

— Я считаю, что надо плыть вдоль берега.

Они так и сделали. Вскоре они увидели, что страна эта не гористая, но лесистая и с низкими холмами. Они повернули в открытое море, оставив землю с левого борта. Проплавав еще двое суток, они снова увидели

землю.

У Бьярни спрашивают, не думает ли он, что уж это Гренландия. Но он отвечает, что, по его мнению, и это не Гренландия.

— Потому что говорят, что в Гренландии огромные ледники.

Вскоре они приблизились к этой земле и увидели, что она плоская и покрыта лесом. Тут попутный ветер прекратился. Люди Бьярни стали говорить, что надо бы подойти к берегу. Но Бьярни воспротивился этому. Они говорили, что надо бы запастись дровами и водой.

— У вас довольно и того и другого, — сказал Бьярни, и они бранили его за это.

Он велел поднять парус. Так и было сделано. Они повернули в открытое море и плыли с попутным юго-западным ветром трое суток, пока не увидели третью землю. Эта земля была высокая, гористая, и на ней был ледник. Снова у Бьярни спросили, не хочет ли он подойти к берегу, но он сказал, что не хочет.

— Потому что в этой земле, как мне кажется, нет ничего хорошего.

На этот раз они не спустили парус, но поплыли вдоль берега и увидели, что это остров. Они снова повернули в открытое море и поплыли с тем же попутным ветром. Но ветер крепчал, и Бьярни велел укоротить парус и плыть не быстрее, чем снасти и корабль могут выдержать. Теперь они плыли четверо суток, пока не увидели четвертую землю. Снова у Бьярни спросили, не думает ли он, что это Гренландия. Бьярни отвечает:

— Это всего больше похоже на то, что я слышал о Гренландии. Здесь мы подойдем к берегу.

Они так и сделали и в сумерки подошли к берегу у какого-то мыса. На нем была лодка, вытащенная на берег. У этого мыса жил Херьольв, отец Бьярни, почему этот мыс и называется Херьольвов Мыс.

Бьярни вернулся к своему отцу и больше никуда не ездил и жил у отца, а после его смерти жил там сам.

III

Случилось дальше, что Бьярни, сын Херьольва, приехал из Гренландии в Норвегию к Эйрику ярлу^[112]. Тот его хорошо принял. Бьярни рассказал о своем плаванье и о странах, берега которых он видел, и люди нашли, что он не очень-то любознателен, раз не может ничего рассказать про сами эти страны, и его порицали. Бьярни стал дружинником ярла и на следующее лето вернулся в Гренландию.

Много было тогда разговоров о поисках новых стран. Лейв, сын Эйрика Рыжего с Крутого Склона, поехал к Бьярни, сыну Херьольва, купил у него корабль и набрал себе людей, всего тридцать пять человек.

Лейв просил своего отца Эйрика быть предводителем похода, а Эйрик отговаривался, ссылаясь на то, что он уже стар и не так вынослив, как прежде. Но Лейв сказал, что у Эйрика все равно больше удачи, чем у любого из его родичей. И в конце концов Эйрик уступил настояниям Лейва.

Когда сборы были закончены, Эйрик сел на коня и поехал к кораблю. Ехать было недалеко. Но вдруг конь споткнулся, и Эйрик упал^[113] и повредил себе ногу. Эйрик сказал:

— Не суждено мне открыть другие страны, кроме той, в которой мы живем. Видно, разошлись наши пути.

Эйрик вернулся на Крутой Склон, а Лейв отправился на корабль, и с ним его товарищи, числом тридцать пять. Среди них был один южанин^[114], звали его Тюркир.

Они стали снаряжать свой корабль и, когда все было готово, вышли в море. Они открыли ту страну первой, которую Бьярни открыл последней. Они подошли к берегу и бросили якорь. Затем они спустили лодку и высадились на берег. Травы нигде не было. Вдали виднелись большие ледники, а между ледниками и морем все сплошь было как каменная плита. Они решили, что в этой стране нет ничего хорошего. Лейв сказал:

— Мы хоть побывали в этой стране, не то что Бьярни, который даже не сошел на берег. Я дам стране название, пусть она зовется Страной Каменных Плит.

Они вернулись на корабль и вышли в море и открыли вторую страну. Они подходят к берегу и бросают якорь, затем спускают лодку и высаживаются. Эта страна была плоская и покрыта лесом. Всюду по берегу был белый песок, и берег отлого спускался к воде. Лейв сказал:

— Надо назвать эту страну по тому, что в ней есть хорошего. Пусть она зовется Лесная Страна.

Они поспешили назад на корабль и поплыли оттуда с северо-восточным ветром и были в открытом море двое суток, пока не увидели землю. Они направились к ней и подошли к острову, который лежал к северу от нее. Они высадились и осмотрелись.

Погода была хорошая. Они увидели, что трава покрыта росой. И когда они касались росы руками, а потом подносили руки ко рту, им казалось, что они никогда не пробовали ничего слаще этой росы. Затем они вернулись на корабль и вошли в пролив между островом и мысом, протянувшимся на

север.

Они направились на запад, огибая мыс. Там была большая мель, и в отлив корабль сел на эту мель, так, что море оказалось далеко. Но им так хотелось поскорее высадиться, что они не стали ждать, пока корабль снова окажется на воде, и побежали к берегу, туда, где из озера вытекала река. А когда корабль их снова оказался на воде, они сели в лодку, подплыли к нему и завели его в реку, а затем в озеро. Там они бросили якорь, снесли на берег спальные мешки и сделали себе землянки. Но потом они решили зазимовать там и построили себе большие дома.

И в реке и в озере водилось вдоволь лосося, да такого крупного, какого они раньше и не видывали. Край был столь благодатный, как они скоро увидели, что даже не надо было запасать корм скоту: морозов зимой не бывало, и трава почти не вянула. Дни здесь не так различались по длине, как в Гренландии или Исландии. В самое темное время года солнце стояло в небе в четверть дня после полудня и за четверть дня до него^[115].

Когда они построили себе дома, Лейв сказал своим спутникам:

— Я хочу, чтобы мы разделились и разведали край. Пусть поочередно половина из нас остается дома, а другие разведают край, но пусть далеко не заходят, к вечеру возвращаются и держатся вместе.

Так они некоторое время и делали, а Лейв то оставался дома, то ходил с другими на разведку.

Лейв был рослый, сильный и видный. Он был человек умный и сдержанный.

IV

Случилось как-то вечером, что пропал один человек. Это был Тюркир-южанин. Лейв был очень огорчен, так как Тюркир долго жил у них в семье и очень любил Лейва, когда тот был еще ребенком. Лейв выбрал спутников Тюркира и отправился его искать, взяв с собой двенадцать человек.

Но только что они отошли от домов, как Тюркир сам идет им навстречу. Они ему очень обрадовались. Лейв сразу увидел, что Тюркир, его воспитатель, очень весел.

У Тюркира был крутой лоб, живые глаза и маленькое лицо. Он был небольшого роста и невзрачен на вид, но мастер на все руки.

Лейв сказал ему:

— Почему ты так поздно, отец, и почему отстал от других?

Тюркир сперва что-то долго говорил по-немецки, вращая глазами и корча рожи, но никто не понял, что он говорил. Спустя некоторое время он заговорил на северном языке^[116]:

— Я зашел немногим дальше вас, но у меня есть, что рассказать. Я нашел виноградную лозу и виноград^[117].

— Это правда, отец? — спросил Лейв.

— Конечно, правда, — сказал Тюркир. — Ведь я родился там, где вдоволь и виноградной лозы, и винограда.

Они спали остаток ночи, а утром Лейв сказал своим людям:

— Теперь у нас будет два дела: один день мы будем собирать виноград и резать виноградную лозу, а другой — валить деревья, чтобы был груз для моего корабля.

Так и сделали. Говорят, что корабельная лодка была вся заполнена виноградом. Корабль загрузили лесом, который они нарубили. А весной они приготовились к плаванию и отплыли. Лейв назвал страну по тому, что в ней было хорошего: она получила название Виноградной Страны.

Они вышли в море, и ветер был попутный до тех самых пор, пока не показалась Гренландия и ее горы, покрытые ледниками. Тут один из людей Лейва спросил его:

— Почему ты держишь так круто к ветру?

Лейв отвечает:

— Я смотрю за тем, куда идет корабль, но также и за кое-чем другим. А вы разве не видите ничего особенного?

Они сказали, что не видят ничего особенного.

— Я не знаю, — говорит Лейв, — что я вижу: корабль или камень.

Теперь они тоже увидели что-то и решили — что камень. Но у Лейва глаза были зорче, чем у них, он видел на камне людей.

— Надо идти круто к ветру, — говорит Лейв, — чтобы подойти к ним. Если им нужна наша помощь, то надо ее оказать. Если же они люди не мирные, то все преимущество на нашей стороне, а не на их.

Они подошли к камню, убрали парус, бросили якорь и спустили маленькую, другую, лодку, которая у них была. Тюркир опросил у людей на камне, кто их предводитель. Тот назвался Ториром и сказал, что он норвежец родом.

— А как твое имя? — спросил он.

Лейв назвал себя.

— Ты сын Эйрика Рыжего с Крутого Склона?

Лейв сказал, что это так.

— И я хочу, — продолжал он, — пригласить вас всех на мой корабль, и берите с собой столько добра, сколько он вместит.

Они приняли предложение, и корабль поплыл со всем грузом в Эйриков Фьорд. Подъехав к Крутому Склону, они разгрузили корабль.

Лейв пригласил Торира, его жену Гудрид и еще троих на зиму к себе и нашел жилье всем остальным, как людям Торира, так и своим.

Лейв снял пятнадцать человек с камня. С тех пор его стали звать Лейвом Удачливым. Он был теперь и богат и славен.

В ту зиму людей Торира стала косить жестокая хворь, и умер сам Торир, и умерли многие его люди. В ту зиму умер и Эйрик Рыжий.

О плавании Лейва в Виноградную Страну много говорили, и Торвальд, брат его, считал, что страна эта недостаточно разведана. Лейв сказал Торвальду:

— Можешь ехать на моем корабле в Виноградную Страну, если хочешь, но сперва корабль пойдет за лесом, который был у Торира на камне.

Так и сделали.

V

Торвальд собрался в поход с помощью своего брата Лейва и взял с собой тридцать человек. Они подготовили корабль к плаванию, и вышли в море. Нет никаких рассказов об их плавании до того, как они достигли домов Лейва в Виноградской Стране. Здесь они вытащили корабль на берег и провели всю зиму, ловя рыбу себе на пищу.

Весной Торвальд сказал, что надо готовить корабль, а пока пусть несколько человек поедут на лодке на запад вдоль берега и разведывают край в течение лета.

Они увидели, что страна красива и лесиста, и леса подходят к самому берегу, и по берегу всюду белый песок, а в море много островов и большие мели. Нигде не было видно ни человеческого жилья, ни животных. Но на одном острове на западе они нашли деревянный настил для сушки колосьев. Никаких других следов человека они не обнаружили и осенью вернулись к домам Лейва.

На следующее лето Торвальд поплыл на корабле сначала на восток, а потом на север вдоль берега. У одного мыса их застигла буря, и корабль выбросило на берег. Киль был поломан, и они долго оставались там, чиня корабль. Торвальд сказал своим спутникам:

— Я хочу, чтобы здесь на мысу был поставлен сломанный киль и мыс был назван Килевым Мысом.

Так и сделали. Затем они поплыли оттуда на восток вдоль берега и вошли в устье двух фьордов и подошли к мысу, выдававшемуся между ними. Он был весь покрыт лесом. Они причалили к берегу и положили сходни, и Торвальд сошел на берег со всеми своими людьми. Он сказал:

— Здесь красиво, здесь я хотел бы поселиться.

Возвращаясь на корабль, они заметили на песке подальше от мыса три бугорка. Они подошли ближе и увидели, что эти бугорки — кожаные лодки и под каждой лодкой три человека. Торвальд и его люди разделились и захватили их всех, только один успел уйти на своей лодке. Они убили остальных восьмерых, вернулись на мыс и стали осматривать оттуда окрестность. В глубине фьорда они различили несколько бугорков и решили, что это поселенье.

После этого на них напала такая сонливость, что они не могли больше бодрствовать и все уснули. Вдруг раздался голос, который разбудил их всех. Голос сказал:

— Проснись, Торвальд, проснитесь все, если вы хотите сохранить жизнь! Садитесь на корабль и уезжайте поскорей из этой страны!

Огромное множество кожаных лодок плыло по фьорду прямо на них.

Торвальд сказал:

— Поставим вдоль борта щиты и будем обороняться, как только можем, но сами не будем нападать на них.

Так и сделали. Скрелинги^[118] постреляли в них недолго, но потом обратились в поспешное бегство.

Торвальд спросил у своих людей, есть ли среди них раненые. Они ответили, что нет.

— Меня ранило под мышку, — говорит Торвальд. — Стрела пролетела между бортом и моим щитом и попала мне подмышку. Вот эта стрела. Она принесет мне смерть. Советую вам поскорее ехать назад. А меня отнесите на тот мыс, где мне так хотелось поселиться. Возможно, я невольно сказал правду, говоря, что поселюсь там. Похороните меня там, поставьте крест в головах и в ногах, и пусть это место называется Крестовый Мыс.

Гренландия уже была крещена в это время, но Эйрик Рыжий умер до христианства.

Торвальд умер, и его люди сделали все, как он просил. Затем они поехали назад, и встретили остальных, и рассказали друг другу все, что с ними случилось.

Они зазимовали там и набрали винограда и виноградной лозы, чтобы

загрузить корабль. Весной они отправились в Гренландию и пришли в Эйриков Фьорд, и им было что рассказать Лейву.

VI

Между тем в Гренландии Торстейн с Эйрикова Фьорда женился на Гудрид, дочери Торбьёрна, вдове Торира-норвежца, о котором было рассказано раньше.

Торстейн, сын Эйрика, стремился поехать в Виноградную Страну за телом своего брата Торвальда. Он снарядил тот же самый корабль и подобрал себе самых сильных и рослых людей. С ним поехали двадцать пять человек и еще его жена Гудрид.

Когда они собрались, они вышли в море, и вскоре земля скрылась у них из виду. Все лето их носило по морю, и они не знали, куда плывут. Наконец за неделю до начала зимы они подошли к берегу в Пикшевом Фьорде в Западном Поселении Гренландии. Торстейн стал подыскивать жилье себе и своим людям и всем нашел, но себе и жене ничего не нашел. Так они оставались вдвоем на корабле несколько ночей.

В то время христианство было еще молодым в Гренландии.

Однажды рано утром к их палатке подошли люди, и предводитель этих людей спросил, кто в палатке.

— Двое, — отвечает Торстейн, — а кто спрашивает?

— Мое имя Торстейн, а зовут меня Торстейном Черным. Я пришел сюда, чтобы пригласить тебя и твою жену пожить у меня.

Торстейн, сын Эйрика, отвечает, что должен посоветоваться с женой. Но она говорит, что пусть сам решает, и он принимает приглашение.

— Тогда я приеду завтра за вами на телеге, — говорит Торстейн Черный. — У меня нет недостатка в средствах, чтобы прокормить вас, но вам будет со мной очень скучно, потому что нас только двое, я и жена, и я очень нелюдим. К тому же я другой веры, чем вы, и я думаю, что ваша вера лучше.

На следующее утро он приехал за ними на телеге. Они переехали к нему и жили у него в полном довольстве.

Гудрид была женщина видная и умная и хорошо умела обходиться с чужими людьми.

В начале этой зимы болезнь начала косить людей Торстейна, сына Эйрика, и многие из них умерли. Торстейн велел делать гробы для покойников, класть в них тела и перевозить на корабль.

— Потому что я хочу отвезти в Эйриков Фьорд все тела, — сказал он.

Вскоре болезнь пришла и в дом Торстейна Черного, и первой заболела его жена Гримхильд. Она была огромного роста и сильная, как мужчина, но болезнь свалила и ее. Сразу после этого заболел и Торстейн, сын Эйрика, и некоторое время они оба лежали больные, пока Гримхильд не умерла. Когда она умерла, Торстейн Черный хотел выйти за доской, чтобы положить на нее труп. Тогда Гудрид сказала:

— Возвращайся поскорей, друг!

Тот обещал сразу же вернуться. Затем Торстейн, сын Эйрика, сказал:

— Странное что-то творится с нашей хозяйкой. Она приподнимается на локтях, и спускает ноги с постели, и нащупывает ими свои башмаки.

Но тут вернулся Торстейн Черный, и Гримхильд опустилась на постель так тяжело, что все бревна в доме заскрипели.

Торстейн Черный сделал гроб для тела Гримхильд, положил ее тело в гроб и увез хоронить. Он был мужчина рослый и сильный, но и ему понадобилась вся его сила, чтобы вытащить гроб из дома.

Торстейну, сыну Эйрика, стало хуже, и он умер. Жена его Гудрид была в большом горе. Они были все трое в доме, когда он умер. Гудрид сидела на стуле у скамьи, на которой лежал ее муж. Торстейн Черный поднял Гудрид со стула и сел на скамью напротив, посадив Гудрид себе на колени. Он всячески успокаивал и утешал ее, обещая, что поедет с ней на Эйриков Фьорд с телом ее мужа и телами его спутников.

— И я привезу сюда еще людей, — говорит он, — чтобы утешить тебя и развлечь.

Она благодарила его.

Вдруг труп Торстейна, сына Эйрика, приподнялся на постели и сказал:

— Где Гудрид?

Он повторил это три раза, но она молчала. Затем она сказала Торстейну Черному:

— Отвечать мне ему или нет?

Он велел ей не отвечать. Затем он подошел к скамье, на которой лежал покойник, сел на стул, держа Гудрид на коленях и сказал:

— Чего ты хочешь, тезка?

Спустя некоторое время Торстейн, сын Эйрика, отвечает:

— Я хочу рассказать Гудрид ее судьбу, чтобы ей было легче примириться с моей кончиной, ибо я теперь в хорошей и покойной обители. А тебе, Гудрид, я могу сказать, что ты выйдешь замуж за исландца, и вы будете долго жить вместе, и у вас будет потомство обильное и достойное, светлое и многославное, сладкое и душистое. Вы поедете из

Гренландии в Норвегию, а оттуда в Исландию, где вы поселитесь и будете жить долго. Ты переживешь мужа и совершишь паломничество в Рим, но затем вернешься в Исландию на свой хутор. Там будет построена церковь, и ты пострижешься в монахини и проживешь так до своей кончины.

Затем Торстейн опустился на постель. Его тело положили в гроб и отвезли на корабль.

Торстейн Черный выполнил все, что обещал Гудрид. Весной он продал землю и скот, отвез Гудрид со всем ее добром на корабль, снарядил корабль, набрал людей и отправился в Эйриков Фьорд. Всех покойников похоронили там в церкви.

Гудрид поехала к Лейву на Крутой Склон, а Торстейн Черный поселился в Эйрнковом Фьорде и жил там до смерти. Он слыл очень доблестным человеком.

VII

В это самое лето в Гренландию пришел корабль из Норвегии. Кораблем правил человек по имени Торфинн Карлсефни¹¹⁸. Он был сыном Торда Лошадиная Голова, сына Снорри, сына Торда с Мыса.

Торфинн Карлсефни был человек богатый. Зиму он провел у Лейва, сына Эйрика, на Крутом Склоне. Вскоре Торфинну Карлсефни понравилась Гудрид, и он посватался к ней. Но она попросила Лейва ответить за нее. Ее обручили с Карлсефни и в ту же зиму сыграли свадьбу.

По-прежнему шли разговоры о поездке в Виноградную Страну, и многие, как Гудрид, так и другие, подбивали Карлсефни на эту поездку. В конце концов, он решился ехать и набрал себе спутников — шестьдесят мужчин и пятерых женщин. Он условился со своими людьми делить поровну все, что добудут. Они взяли с собой всякого скота, потому что думали там поселиться, если это окажется возможным.

Карлсефни попросил Лейва отдать ему дома в Виноградской Стране, но тот сказал, что готов одолжить их, но только не насовсем.

Они вышли в море и благополучно приплыли к Лейвовым домам и снесли на берег спальные мешки. Вскоре они вдоволь запасли себе хорошей еды, потому что к берегу прибило отличного большого кита. Они отправились туда и разделали его, так что в еде у них не было недостатка.

Скот пустили пастись на берегу, но вскоре некладеные самцы сделались буйными, и с ними стало трудно справляться. Был у них и бык.

Карлсефни велел валить лес и заготавливать бревна, чтобы загрузить

корабль. Лес складывали сушить на скалу. Они пользовались всем, чем страна была богата — виноградом, всякой дичью, рыбой и прочим.

Прошла первая зима и наступило лето. Тут они встретились со скрелингами. Целая толпа их вдруг появилась из леса. Поблизости пасся скот, и бык начал грозно мычать и реветь. Скрелинги испугались и бросились со своей кладью — а это были беличьи и собольи шкурки и всякая другая пушнина — к домам Карлсефни и стали ломиться в них, но он велел запереть двери изнутри. Ни те, ни другие не понимали языка друг друга.

Тогда скрелинги сняли с плеч кладь, развязали тюки и стали предлагать свой товар. В обмен они просили оружие, но Карлсефни запретил своим людям продавать оружие. Он вот что придумал: велел женщинам вынести молочные скопы, и, увидев их, скрелинги уже не захотели ничего другого. Тем и кончилась торговля скрелингов, что они унесли свои покупки в животах, а их тюки и пушнина остались у Карлсефни и его людей.

После этого Карлсефни велел построить вокруг домов крепкую изгородь, и они обосновались внутри нее.

Примерно в это время Гудрид, жена Карлсефни, родила мальчика, и его назвали Снорри.

В начале следующей зимы пришло к ним гораздо больше скрелингов, но все с тем же товаром. Карлсефни сказал женщинам:

— Вынесите им ту еду, что они всего лучше брали прошлый раз, и ничего другого.

Как только скрелинги увидели, что им вынесли, они стали бросать свои тюки через изгородь.

Гудрид сидела в дверях дома у колыбели своего сына Снорри. Вдруг на дверь упала тень, и вошла женщина в узком черном одеянии, небольшого роста, с повязкой на светло-русых волосах. Лицо у нее было бледное, а глаза огромные, равных им не увидеть на человеческом лице. Она подошла к Гудрид и сказала:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Гудрид, а как твое имя?

— И меня зовут Гудрид, — отвечает та.

Тогда Гудрид, жена Карлсефни, протянула ей руку, чтобы посадить рядом с собой. Но вдруг раздался страшный грохот, и женщина исчезла, и в это самое мгновение один из людей Карлсефни убил скрелинга, пытавшегося украсть какое-то оружие. Тут скрелинги бросились со всех ног бежать, побросав одежду и товары. Женщину же, которая приходила к

Гудрид, никто, кроме самой Гудрид, не видел.

— Нам надо что-то придумать, — говорит Карлсефни, — потому что они, наверно, придут к нам и в третий раз, и на этот раз с враждебными намерениями и в большом числе. Вот что мы сделаем: пусть десять человек идут на мыс и будут там на виду, а другие пусть идут в лес и вырубят там прогалину, где мы сможем держать наш скот, когда скрелинги выйдут из леса. А быка нашего пустим перед собой.

Там, где они собирались дать бой скрелингам, с одной стороны было озеро, а с другой — лес.

Сделали все, как задумал Карлсефни, и скрелинги вышли как раз туда, где он хотел дать им бой. Завязалось сражение, и много скрелингов было убито. Среди них выделялся один, он был рослый и красивый, и Карлсефни решил, что это, наверно, их вождь. Какой-то скрелинг поднял с земли секиру, осмотрел ее, а потом замахнулся ею на одного из своих и ударил. Этот сразу же упал замертво. Тогда тот рослый скрелинг взял секиру, осмотрел ее и изо всех сил забросил в море. Тут скрелинги бросились со всех ног в лес, и на этом сражение кончилось.

Карлсефни и его люди провели там всю зиму, но весной он объявил, что больше не намерен оставаться там и хочет вернуться в Гренландию. Они собрались в путь и взяли с собой много ценного добра — виноградную лозу, виноград и пушнину. Они вышли в море и благополучно доплыли до Эйрикова Фьорда и там зазимовали.

VIII

Снова было много разговоров о поездке в Виноградную Страну, так как считалось, что такая поездка приносит и богатство и славу.

В то самое лето, когда Карлсефни вернулся из Виноградской Страны, в Гренландию пришел корабль из Норвегии. Им правили два брата — Хельги и Финнбоги. Они зазимовали в Гренландии. Родом они были исландцы с Восточных Фьордов.

Теперь надо рассказать о том, что Фрейдис, дочь Эйрика, отправилась из своего дома в Дворах к братьям Хельги и Финнбоги и предложила им присоединиться со своим кораблем к ней и поехать вместе в Виноградную Страну, деля пополам с ней всю добычу. Они согласились. Затем она отправилась к своему брату Лейву и попросила отдать ей дома, которые он построил в Виноградской Стране. Он, как и раньше, ответил, что готов одолжить их, но отдавать насовсем не хочет.

Братья и Фрейдис уговорились, что на обоих кораблях будет по тридцати человек, способных носить оружие, не считая женщин. Но Фрейдис сразу же нарушила уговор, взяв на пять человек больше и спрятав их. Братья узнали об этом, только когда они уже приплыли в Виноградную Страну.

Они вышли в море, уговорившись заранее, что плыть будут вместе, по возможности. Корабли плыли близко друг к другу, но братья подошли к берегу немного раньше Фрейдис и снесли кладь в дома Лейва. Когда Фрейдис подошла к берегу, ее люди разгрузили корабль и понесли кладь к домам. Тут Фрейдис сказала братьям:

— Почему вы принесли свою кладь сюда?

— Потому что мы думали, — отвечают те, — что будет соблюдаться все, о чем мы уговорились.

— Лейв одолжил эти дома мне, а не вам, — говорит она.

Тогда Хельги сказал:

— Где уж нам против твоей злобы!

И они вынесли свою кладь и построили себе дом дальше от моря на берегу озера и хорошо устроились там. Между тем Фрейдис велела своим людям заготавливать лес, чтобы загрузить корабль.

Когда наступила зима, братья сказали, что хорошо бы устроить игры и позабавиться. Так и сделали. Но вскоре пошли между людьми нелады и раздоры. Игры были оставлены, и взаимные посещения между домами прекратились. Так продолжалась большую часть зимы.

Однажды рано утром Фрейдис встала и оделась, но не обулась. А была сильная роса. Фрейдис накинула мужнин плащ и пошла к дому братьев и подошла к двери. Кто-то только что выходил и оставил ее приоткрытой. Она отворила дверь и стала на пороге, ничего не говоря. Финнбоги лежал дальше всех от двери и не спал. Он сказал:

— Что тебе здесь надо, Фрейдис?

Она отвечает:

— Встань и выйди ко мне. Мне надо с тобой поговорить.

Он вышел. Они подошли к бревну, которое лежало возле дома, и сели на него.

— Как тебе здесь нравится? — говорит она.

Он отвечает:

— Мне нравится страна, но мне не нравится вражда между нами, потому что я не вижу для нее причины.

— Ты прав, — говорит она. — Я тоже так думаю. Но я пришла вот по какому делу: я хочу поменяться с вами кораблями, потому что ваш корабль

больше моего, а я хочу уехать отсюда.

— Я согласен, — говорит он, — если тебе так этого хочется.

На этом они расстаются. Она идет домой, а Финнбоги снова ложится. Она влезает в постель с холодными ногами, и ее муж Торвард просыпается и спрашивает, почему она такая холодная и мокрая. Она отвечает с яростью:

— Я ходила к братьям, чтобы предложить купить у них корабль, потому что мне нужен корабль побольше. А они так рассердились, что избili меня, живого места на мне не оставили. Но ты, жалкий человечиска, конечно, не захочешь отомстить ни за мой позор, ни за свой. Я чувствую теперь, как далеко я от Гренландии! Но если ты не отомстишь, я разведусь с тобой.

Он не снес ее упреков и велел своим людям поскорее вставать и взять оружие. Те так и сделали и пошли прямо к дому братьев, вломились в него в то время, как там еще спали, схватили всех, кто там был, и стали вязать и выводить одного за другим связанных. А Фрейдис велела убивать каждого, кого выводили.

Так были убиты все мужчины. Оставались одни только женщины. Но их никто не хотел убивать. Тогда Фрейдис сказала:

— Дайте мне секиру.

Ей дали секиру, и она сама зарубила до смерти пятерых женщин, которые там были.

После этого злодейства они вернулись в свой дом, и видно было, что

Фрейдис очень довольна тем, как она распорядилась. Она сказала своим спутникам:

— Если нам удастся вернуться в Гренландию, уж я позабочусь, что будет убит всякий, кто скажет хоть слово о том, что здесь было. Мы скажем, что они оставались здесь, когда мы уезжали.

Ранней весной они снарядили корабль, который раньше принадлежал братьям, и нагрузили на него столько добра, сколько могли добыть и сколько мог взять корабль. Затем они вышли в море и после благополучного плавания пришли в начале лета в Эйриков Фьорд.

Карлсефни еще был там. Он уже снарядил свой корабль и ждал попутного ветра. Люди говорят, что более богатый корабль, чем тот, которым правил Карлсефни, никогда не отплывал из Гренландии.

IX

Фрейдис вернулась на свой хутор, где ничего не пострадало от ее отсутствия. Она осыпала деньгами всех своих спутников, потому что хотела, чтобы ее злодеяния остались в тайне, и стала жить на своем хуторе.

Но не все ее спутники держали язык за зубами, и, в конце концов, о ее злодеяниях стало известно. Рассказы о них дошли и до ее брата Лейва, который почел большим злом то, о чем рассказывалось. Он захватил троих из людей Фрейдис и под пыткой заставил их рассказать обо всем, что произошло. Их рассказы сошлись.

— Мне не хочется, — сказал Лейв, — поступить с моей сестрой Фрейдис так, как она заслуживает. Но я предсказываю, что их потомству не будет благополучия.

С тех пор о ней и ее семье пошла дурная слава.

Теперь надо рассказать о Карлсефни. Он снарядил свой корабль и вышел в море. Плавание было удачным, и Карлсефни благополучно достиг Норвегии. Он провел там зиму и продал свой товар, и самые знатные люди Норвегии хорошо приняли их с женой. Весной он снарядил свой корабль для плавания в Исландию. Когда Карлсефни был готов к отплытию и корабль его ожидал у пристани попутного ветра, к нему пришел какой-то южанин родом из Бремена в Стране Саксов и попросил продать деревянное резное украшение, которое было у Карлсефни на корабле.

— Я не хочу продавать его, — сказал Карлсефни.

— Я дам тебе за него полмарки золота, — говорит южанин.

Карлсефни решил, что это хорошая цена, и сделка состоялась.

Южанин ушел с резным украшением. Карлсефни не знал, из какого оно дерева. А это был мёсур^[119] из Виноградной Страны.

Карлсефни вышел в море и подошел к берегу на севере Исландии, в Полуостровном Фьорде. Там его корабль был вытасчен на берег на зиму. Следующей весной он купил земли Веселого Хутора и поселился там. Он жил там до самой смерти и слыл очень знатным человеком. От него и его жены Гудрид произошло большое и хорошее потомство.

После смерти Карлсефни вести хозяйство стали Гудрид и Снорри, ее сын, родившийся в Виноградной Стране. Когда Снорри женился, Гудрид уехала из Исландии и совершила паломничество в Рим. Когда она вернулась в Исландию к своему сыну Снорри, он построил церковь на Веселом Хуторе. После этого Гудрид стала монахиней и отшельницей и жила там до самой смерти.

У Снорри был сын по имени Торгейр. Он был отцом Ингвильд, матери епископа Бранда. У Снорри, сына Карлсефни, была также дочь по имени Халльфрид. Она была женой Рунольва, отца епископа Торлака. У Карлсефни и Гудрид был также сын Бьёрн. Он был отец Торунн, матери епископа Бьёрна.

Много потомства произошло от Карлсефни. Он стал родоначальником большого рода.

Карлсефни рассказал более подробно, чем кто-либо другой, обо всем, что произошло во время тех плаваний, о которых кое-что рассказано здесь.

Сага об Эйрике Рыжем

I

Олавом Белым звали одного конунга. Он был сыном конунга Ингьяльда, сына Хельги, сына Олава, сына Гудрёда, сына Хальвдана Белая Нога, конунга уппландцев.

Олав отправился в поход на запад и завоевал Дублии в Ирландии и всю округу и стал там конунгом. Он женился на Ауд Мудрой, дочери Кетиля Плосконосого, сына Бьёрна Бычья Кость, знатного человека из Норвегии. Их сына звали Торстейном Рыжим.

Олав Белый пал в битве в Ирландии, а Торстейн и Ауд уехали на Гебридские острова. Там Торстейн женился на Турид, дочери Эйвинда Норвежца и сестре Хельги Тощего. У них было много детей.

Торстейн стал конунгом викингов. Он заключил союз с ярлом Сигурдом Могучим, сыном Эйстейна Грома. Они завоевали Катанес, Судрланд, Росс и Мерэви^[120] и больше половины Шотландии. Торстейн стал там конунгом, но шотландцы предали его, и он погиб в битве.

Ауд была в Катанесе, когда до нее дошла весть о гибели Торстейна. Она велела построить тайно в лесу корабль и, когда он был готов, отправилась на Оркнейские острова. Там она выдала замуж Гро, дочь Торстейна Рыжего. Гро была матерью Грелёд, на которой женился ярл Торфини Кроитель Черепов.

После этого Ауд направилась в Исландию. У нее на корабле было двадцать свободных мужей. Она приехала в Исландию и провела первую зиму в Бьёрновом Заливе у своего брата Бьёрна. Затем Ауд заняла все долины от Завтрачного Мыса до Шумной Реки. Сама она поселилась в Лощине. Она ходила на молитву на Крестовые Бугры. Там она велела поставить кресты, потому что она была крещеная и набожная.

С ней приехали в Исландию многие знатные люди, которые были взяты в плен викингами на западе^[121] и назывались рабами. Одного из них звали Вивиль. Он был знатного рода и попал в плеи на западе за морем. Он назывался рабом, пока Ауд не дала ему свободу.

Когда Ауд стала селить своих людей, Вивиль спросил, почему она не селит его, как других. Ауд сказала, что это все равно и что он всегда будет считаться знатным, где бы он ни был. Она дала ему Вивилеву Долину, и он

там поселился. Он был женат, и его сыновей звали Торбьёрн и Торгейр. Оба они выросли у своего отца и подавали большие надежды.

II

Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Асвальда, сына Ульва, сына Бычьего Торира. Сына Торвальда звали Эйриком Рыжим. Они с сыном покинули Ядр и уехали в Исландию из-за убийств, совершенных ими в распре, и поселились на Роговом Побережье в Скалах. Там Торвальд умер.

Эйрик женился на Тьодхильд, дочери Ерунда, сына Ульва, и Торбьёрг Корабельная Грудь, которая была тогда замужем за Торбьёрном из Ястребиной Долины. Эйрик переехал тогда на юг, расчистил землю в Ястребиной Долине и жил в Эйриковой Усадьбе у Озерного Рога.

Однажды рабы Эйрика устроили обвал на усадьбу Вальтьова — Вальтьовов Двор. Тогда Эйольв Дерьмо, родич Вальтьова, убил этих рабов у Бегового Склона выше Озерного Рога. В отместку Эйрик убил Эйольва Дерьмо. Он убил также Храфна Драчуна у Двора Игрищ. Гейрстейи и Одди с Песков, родичи Эйольва, начали тяжбу против Эйрика, и он был изгнан из Ястребиной Долины.

Эйрик занял тогда Пушичный и Бычий Острова и первую зиму жил в Тронах на Южном Острове. Он одолжил Торгесту с Широкого Двора скамьевые доски. Затем Эйрик переселился на Бычий Остров и жил в Эйриковой Усадьбе. Он потребовал, чтобы Торгест вернул ему доски, но ничего не добился. Тогда он отправился на Широкий Двор и отобрал их силой. Торгест погнался за ним. Они сразились недалеко от хутора в Скалах. Два сына Торгеста были убиты и еще несколько человек.

После этого и у Эйрика и у Торгеста было все время по многу людей, готовых к бою. Эйрика поддерживали Стюр, Эйольв со Свиного Острова, Торбьёрн, сын Вивиля, и сыновья Торвальда с Лебединого Фьорда, а Торгеста поддерживали сыновья Торда Ревуна, Торгейр из Долины Реки Хит, Аслак из Длинной Долины и его сын Иллуги.

На тинге Мыса Тора Эйрик и его люди были объявлены вне закона. Эйрик готовился отплыть из Эйрикова Залива, а Эйольв укрыл его в Заливе Димуна, пока Торгест и его люди обыскивали острова.

Эйрик сказал провожавшим, что намерен искать ту страну, которую видел Гуннбьёрн, сын Ульва Вороны, когда его отнесло далеко на запад в море и он открыл Гуннбьёрновы Острова. Он добавил, что вернется к

своим друзьям, если найдет эту страну. Торбьёрн, Эйольв и Стюр проводили Эйрика за острова, и они расстались большими друзьями. Эйрик сказал, что сделает для них все, что сможет, если им понадобится его помощь.

Эйрик вышел в море у Ледника Снежной Горы и подошел к земле у ледника, который называется Белая Рубашка. Оттуда он поплыл на юг, чтобы разведать, можно ли там селиться. Он провел первую зиму на Эйриковом Острове, это почти в середине Восточного Поселения. На следующую весну он поплыл в Эйриков Фьорд и решил там поселиться. В то лето он плывал в пустынный край на западе и многое назвал там. Вторую зиму он провел на Эйриковых Островках у Заслон-Горы. На третью зиму он поплыл на самый север к Снежной Горе и в Храфнов Фьорд. Он считал, что заплыл внутрь страны дальше, чем заходит вершина Эйрикова Фьорда. Затем он вернулся назад и провел третью зиму на Эйриковом Острове в устье Эйрикова Фьорда.

На следующее лето он поехал в Исландию и подошел к земле в Широком Фьорде. Зиму он провел у Ингольва с Островного Лежбища. А весной он сразился с Торгестом и потерпел поражение. После этого состоялось их примирение.

В то лето Эйрик поехал, чтобы поселиться в открытой им стране. Он назвал ее Гренландией, ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну с хорошим названием.

III

Торгейр, сын Вивилия, взял в жены Арнору, дочь Эйнара с Купального Склона. Он был сын Сигмунда, сына Кетиля Чертополоха, который занял Чертополохов Фьорд.

Другую дочь Эйнара звали Халльвейг. На ней женился Торбьёрн, сын Вивилия, и взял за ней землю в Пещерных Полях на Купальном Склоне. Торбьёрн переехал туда и сделался большим человеком. Он владел годордом^[122] и жил на широкую ногу.

Дочь Торбьёрна звали Гудрид. Она была красива и замечательна во всем, что она делала.

Жил человек по имени Орм. Он жил у Орлиной Скалы. Жену его звали Халльдис. Орм был хорошим хозяином и большим другом Торбьёрна. Гудрид долго жила на воспитании у Орма.

Жил человек по имени Торгейр. Он жил у Торгейровой Горы. Он был

богатым человеком, хотя и вольноотпущенником. Эйнар звали его сына. Эйнар был красив и хорошо воспитан, но большой щеголь. Он постоянно совершал прибыльные торговые поездки между странами и проводил зиму то в Исландии, то в Норвегии.

Случилось, что однажды осенью, когда Эйнар был в Исландии, он совершал торговую поездку вдоль побережья Снежной Горы. Вот приплывает он к Орлиной Скале. Орм приглашает его к себе, и Эйнар принимает приглашение, потому что они были друзьями. Товар его перенесли в какую-то клеть. Эйнар развязал тюки и показал Орму и его домочадцам свой товар и предложил ему взять все, что хочет. Орм принял это предложение и сказал, что Эйнар славный купец и большой удачник. Когда они смотрели товар, мимо дверей амбара прошла женщина. Эйнар спросил Орма:

— Кто эта красивая девушка, что прошла мимо дверей? Я ее здесь раньше не видел.

Орм ответил:

— Это Гудрид, моя воспитанница, дочь Торбьёрна с Купального Склона.

Эйнар сказал:

— Вот невеста хоть куда. Наверно, к ней уже кто-нибудь сватался?

Орм отвечает:

— Конечно, сватались, дружище. Но это дело не простое. Она, видно, очень разборчива, да и отец ее тоже.

— Как бы там ни было, — сказал Эйнар, — вот девушка, к которой я намерен посвататься, и я бы хотел, чтобы ты поговорил об этом с Торбьёрном, ее отцом, и хорошенько постарался добиться его согласия. А я отплачу тебе самой верной дружбой. Торбьёрн должен понять, что этот брак на руку нам обоим, потому что он человек знатный: и усадьба у него хорошая, но я слышал, что денег у него становится все меньше, у меня же нет недостатка ни в земле, ни в деньгах, да и у отца моего тоже, так что Торбьёрну было бы большим подспорьем, если бы этот брак состоялся.

Орм отвечает:

— Конечно, я твой друг, но все же мне не хочется браться за это сватовство, потому что Торбьёрн — человек гордый и очень честолюбивый.

Эйнар настаивает на сватовстве, и Орм согласился исполнить его просьбу. Затем Эйнар вернулся на юг к себе домой.

Вскоре после этого Торбьёрн задал осенний пир, как было у него в обычае, потому что он был очень щедрый человек. Приехал на пир Орм с Орлиной Скалы и многие другие друзья Торбьёрна. Орм заговорил с

Торбьёрном и сказал ему, что недавно у него был Эйнар с Торгейровой Горы, малый, подающий большие надежды. Тут Орм начал сватать Эйнара и сказал, что это был бы очень подходящий брак по многим причинам.

— Он был бы очень на руку тебе, Торбьёрн, из-за Эйнаровых денег.

Торбьёрн отвечает:

— Не ожидал я от тебя, что ты предложишь мне отдать дочь за сына раба! Значит, вы находите, что у меня становится мало денег! Не поедет она больше к тебе, раз ты считаешь, что ей приличей такой низкий брак.

Затем Орм поехал домой, и все другие гости тоже. А Гудрид не поехала с Ормом и осталась на эту зиму у отца.

А весной Торбьёрн снова созвал своих друзей на пир. Приехало много народу, и пир был на славу. Во время пира Торбьёрн попросил внимания и сказал:

— Я прожил здесь долгую жизнь и пользовался расположением людей и их дружбой. Можно сказать, что мы хорошо ладили. Но теперь стало у меня не хватать денег. Никогда мой дом не считался бедным, и я лучше уеду отсюда, чем потеряю свое достоинство, лучше покину страну, чем обещу свой род. Я хочу принять предложение Эйрика Рыжего, моего друга, которое он сделал мне, когда мы расставались в Широком Фьорде. Я хочу этим летом поехать в Гренландию, если это мне удастся.

Люди были потрясены этим решением, ибо Торбьёрна всегда любили. Но все понимали, что раз он так объявил, то бесполезно его удерживать.

Затем Торбьёрн одарил гостей подарками. Пир кончился, и все разъехались по домам.

Торбьёрн продал свои земли и купил корабль, стоявший в устье Лавовой Бухты. С ним решили поехать тридцать человек. Среди них был Орм с Орлиной Скалы, и его жена, и другие друзья Торбьёрна, которые не хотели с ним расставаться.

Они отплыли, и сначала погода им благоприятствовала, но когда они вышли в открытое море, попутный ветер прекратился.

Начались бури, и за все лето они почти не продвинулись вперед. Они стали болеть, и половина из них умерли, среди них Орм и его жена Халльдис. Море становилось все более бурным, и они сильно страдали от холода и всяких лишений. Наконец, в самом начале зимы, они приплыли к Херьольвову Мысу в Гренландии.

На Херьольвовом Мысу жил человек по имени Торкель. Он был хороший хозяин и достойный человек. Он принял Торбьёрна и его людей на всю зиму и был гостеприимным хозяином. Торбьёрн и все его люди были очень довольны.

Тогда в Гренландии были очень голодные времена. Тс, кто ездил и на промыслы, вернулись с небогатой добычей, а некоторые совсем не вернулись.

В селении жила женщина по имени Торбьёрг. Она была прорицательница. Ее называли Малой Вэльвой. У нее было девять сестер, но в живых оставалась тогда только она.

У Торбьёрг было в обычае ходить зимой по пирам. Ее постоянно приглашали к себе, особенно те, кто хотел узнать, что им суждено или какой выдастся год. Так как Торкель был там самым крупным хозяином, считали, что разведать, когда кончатся подобные времена, должен он.

Торкель приглашает прорицательницу и оказывает ей хороший прием, как это бывало, когда принимали таких женщин. Ей было приготовлено почетное сиденье, и на него положена подушка, которая, как полагалось, была набита куриными перьями.

Когда она пришла вечером с человеком, высланным ей навстречу, она была так одета: на ней был синий плащ, завязанный спереди ремешками и отороченный самоцветными камушками до самого подола. На шее у нее были стеклянные бусы, а на голове — черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветными камушками. Пояс у нее был из трута, а на поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы. Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, и на них были длинные и крепкие ремешки с большими пряжками из желтой меди. На руках у нее были перчатки из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри.

Когда она вошла в дом, все почли своим долгом уважительно ее приветствовать, а она принимала приветствия от каждого в зависимости от того, насколько он был ей приятен. Торкель взял ворожею за руку и привел ее к сиденью, которое было ей приготовлено. Затем он попросил ее окинуть взглядом его стада, домочадцев и дом. Но она ни о чем ничего не сказала.

Вечером поставили столы, и вот что было подано ворожее: каша на козьем молоке и кушанье из сердец всех животных, которые там были. У ней была ложка из желтой меди и нож с рукоятью из моржовой кости, стянутой двумя модными кольцами. Острие его было обломано.

Когда столы были убраны, Торкель подошел к Торбьёрг и спросил, как ей понравился его дом и обхождение людей и скоро ли он получит ответ на

то, что спрашивал и что всем хочется узнать. Она сказала, что ответит только на следующее утро, после того как проспит там ночь.

На исходе следующего дня ей было приготовлено все, что нужно для ворожбы. Она попросила, чтобы ей помогли женщины, которые знают песню, необходимую для ворожбы и называемую вардлок^[123]. Но таких женщин не нашлось. Стали искать в селении, не знает ли кто этой песни. Тогда Гудрид сказала:

— Я не колдунья и не ворожея, но когда я была в Исландии, Халльдис, моя приемная мать, научила меня песне, которую она называла вардлок.

Торбьёрг отвечала:

— Тогда твое знание кстати. Гудрид говорит:

— Это такая песня и такой обряд, в которых мне не пристало принимать участие. Ведь я христианка.

Торбьёрг отвечает:

— Возможно, что ты оказала бы помощь людям, и ты не стала бы от этого хуже. Но это дело Торкеля позаботиться о том, что мне нужно.

Торкель стал уговаривать Гудрид, и она сказала, что сделает, как он хочет.

Женщины стали кольцом вокруг помоста, на котором сидела Торбьёрг, и Гудрид спела песню так хорошо и красиво, что никто раньше не слышал, чтобы ее пели настолько красивым голосом. Прорицательница поблагодарила ее за песню.

— Многие духи явились теперь, — сказала она, — любо им было слушать песню, а раньше они хотели скрыться от нас и не оказывали нам послушания. Мне теперь ясно многое из того, что раньше было скрыто и от меня и от других. Я могу теперь сказать, что голод скоро кончится и лучшие времена настанут весной. Болезнь, которая долго свирепствовала здесь, прекратится скорее, чем можно было ожидать. А тебя, Гудрид, я сразу же отблагодарю за твою помощь, ибо я теперь ясно вижу твою судьбу. Ты вступишь здесь в Гренландии в самый почетный брак, но он не будет долог, ибо все пути твои ведут в Исландию, и там от тебя произойдет большой и славный род, и над твоим потомством просияет яркий свет. Будь же здорова и счастлива, дочь моя!

Затем люди стали подходить к ворожее, и каждый спрашивал о том, что всего больше хотел бы узнать. Она отвечала охотно, и мало что не сбылось из того, что она предсказала.

После этого за ней пришли с соседнего хутора, и она пошла туда. Тогда послали за Торбьёрном, потому что он не захотел оставаться в доме, пока там предавались такому суеверию.

Вскоре, лишь только началась весна, погода улучшилась, точно как предсказала Торбьёрг. Торбьёрн снарядил свой корабль и поплыл к Крутому Склону, где Эйрик принял его с распростертыми объятиями и похвалил за то, что он приехал. Торбьёрн остался у него на зиму со своими людьми. Весной Эйрик дал Торбьёрну землю на Бревенном Мысу. Там была построена хорошая усадьба, и с тех пор Торбьёрн там и жил.

V

У Эйрика была жена по имени Тьодхильд и от нее два сына^[124]. Одного звали Торстейн, другого — Лейв. Оба были многообещающими юношами. Торстейн оставался дома со своим отцом, и не было тогда в Гренландии никого, кто бы подавал большие надежды. Лейв же уехал в Норвегию, где он оставался у конунга Олава, сына Трюггви.

Когда Лейв плыл летом из Гренландии, его корабль отнесло к Гебридским островам. Он и его люди оставались там большую часть лета, ожидая попутного ветра.

Лейву полюбилась там женщина по имени Торгунна. Она была знатного рода и, как понял Лейв, сведуща в колдовстве. Когда Лейв собрался уезжать, она стала проситься с ним. Лейв спросил, есть ли на то воля ее родичей. Она сказала, что ей до этого нет дела. Лейв сказал, что он не может пойти на увоз такой знатной женщины из чужой страны.

— Ведь нас так мало.

— Неизвестно, будет ли так для тебя лучше, — сказала Торгунна.

— Все же я не пойду на это — сказал Лейв.

— Тогда я объявляю тебе, — сказала Торгунна, — что я беременна и что ты отец ребенка, и я чувствую, что рожу мальчика, когда придет время. И хотя ты не хочешь его знать, я воспитаю мальчика и пришлю тебе в Гренландию, как только он сможет поехать с другими. Я чувствую, что ты будешь мало рад сыну от меня, как это видно из нашего расставанья. Все же я намерена приехать в Гренландию рано или поздно.

Лейв подарил ей дорогой перстень, гренландский плащ и пояс с пластинками из моржовой кости.

Мальчик — он был назван Торгильсом — приехал в Гренландию, и Лейв признал его своим сыном. Некоторые говорят, что этот Торгильс приезжал в Исландию летом перед чудесами на Хуторе Фрода^[125]. Торгильс жил потом в Гренландии, и всю его жизнь было в нем что-то

зловещее.

Лейв и его люди отплыли с Гебридских островов и осенью достигли Норвегии. Он пошел к конунгу Олаву, сыну Трюггви, и тот принял его с большим почетом и нашел очень достойным человеком.

Однажды конунг завел беседу с Лейвом и спросил:

— Не собираешься ли ты этим летом в Гренландию?

Лейв отвечает:

— Соберусь, если будет на то ваша воля.

Конунг отвечает:

— Думаю, что это было бы хорошо. Я дам тебе поручение: проповедовать христианство в Гренландии.

Лейв сказал, что подчиняется воле конунга, но думает, что нелегко будет выполнить такое поручение в Гренландии. Конунг отвечает, что не видит никого более подходящего для этого поручения, чем Лейв.

— С тобой будет твоя удача, — сказал конунг.

— Только в том случае, — сказал Лейв, — если со мной будет и ваша.

Лейв вышел в море, как только снарядился. Долго его носило по волнам и наконец, пригнало к странам, о существовании которых он и не подозревал. Там были поля самосеянной пшеницы^[126] и виноградная лоза. Там были деревья, которые называются мёсур. Они взяли с собой образчики всего этого. Некоторые из деревьев были так велики, что сгодились на постройку дома.

Лейв нашел несколько человек на обломках корабля, взял их всех к себе домой и приютил на зиму. Он проявил большее великодушие и доброту тем, что ввел в стране христианство и спас этих людей. Его прозвали Лейв Удачливый.

Лейв высадился в Эйриковом Фьорде и поехал домой на Крутой Склон, где его хорошо приняли. Он сразу же стал проповедовать в стране христианство и всеобщую веру, объявил людям наказ конунга Олава, сына Трюггви, и рассказал о великолепии и славе этой веры.

Эйрик не хотел оставлять старой веры. Но Тьодхильд сразу же приняла новую веру и велела вдали от домов построить церковь. Она называлась Тьодхильдина церковь. В ней совершали свои молитвы Тьодхильд и те, что приняли христианство, а таких было много. Тьодхильд не захотела больше жить с Эйриком, после того как приняла христианство, и ему это очень не нравилось.

Много пошло разговоров о том, что хорошо бы отправиться на поиски страны, которую открыл Лейв. Вожаком был Торстейн, сын Эйрика, человек достойный, сведущий и всеми любимый. Просили поехать и

Эйрика, потому что люди очень верили в его удачливость и прозорливость. Он сперва не хотел, но, когда его друзья стали настаивать, согласился.

Был снаряжен корабль, на котором Торбьёрн приехал из Исландии. Всего их было двадцать человек. Они взяли главным образом оружие и съестные припасы, скота они взяли немного.

В то утро, когда Эйрик выехал из дому, он взял с собой ларец с золотом и серебром. Он зарыл ларец и поехал дальше. Но, проехав немного, он упал с лошади и сломал несколько ребер и повредил плечо. Он воскликнул:

— Ай-яй-яй!

После этого случая он велел жене забрать зарытое им сокровище и сказал, что это ему наказание за то, что он его зарыл^[127].

Затем они отплыли из Эйрикова Фьорда веселые и с надеждами на успех. Но их долго носило в море, и они так и не попали туда, куда хотели. Они прошли в виду Исландии и видели птиц с берегов Ирландии. Корабль их носило туда и сюда по морю, и осенью, изнуренные и сильно измученные, они вернулись в Эйриков Фьорд.

Тут Эйрик сказал:

— Веселей были вы летом, когда уплывали из фьорда. Но и то благо, что вы вернулись.

Торстейн отвечал:

— Благородным делом будет помочь всем этим людям, которые остались бездомными, и приютить их на зиму.

Эйрик отвечает:

— Верна поговорка, что не знаешь, пока не получишь ответа. Так вышло и тут. Будет сделано, что ты посоветуешь.

И вот все, у кого не было другого пристанища, поехали к Эйрику и его сыну.

VI

Теперь следует рассказать, что Торстейн, сын Эйрика, посватался к Гудрид, дочери Торбьёрна. И Гудрид, и ее отец хорошо приняли сватовство. Обо всем договорились, и Торстейн женился на Гудрид. Свадьбу сыграли на Крутом Склоне. Пир был на славу, и гостей было очень много.

У Торстейна был хутор у Пикшевого Фьорда в Западном Поселении. Половина хутора принадлежала человеку, которого тоже звали Торстейн. Жену его звали Сигрид.

Осенью Торстейн, сын Эйрика, поехал на Пикшевый Фьорд со своей женой Гудрид. Их там хорошо приняли, и они остались там на зиму.

В начале зимы люди на хуторе стали болеть. Был там надсмотрщик по имени Гарди. Его очень не любили. Он первым заболел и умер. Вскоре люди один за другим стали заболевать и умирали. Заболел и Торстейн, сын Эйрика, а также Сигрид, жена другого Торстейна.

Однажды вечером Сигрид захотела выйти в отхожее место, которое было против входных дверей. Гудрид пошла с ней. Когда они вышли из дверей, Сигрид вскрикнула:

— О!

Гудрид сказала:

— Мы неосторожно поступили. Тебе не следовало выходить на холод. Вернемся скорей назад!

Сигрид отвечала:

— Нет, я теперь не вернусь. Здесь перед дверьми толна мертвецов. Я узнаю среди них Торстейна, твоего мужа, и саму себя. Как ужасно видеть это!

Но все исчезло, и она сказала:

— Я их больше не вижу.

Исчез и надсмотрщик, который, как ей казалось, собирался бить кнутом остальных мертвецов. Женщины вернулись в дом.

Сигрид умерла еще до света, и покойнице приготовили гроб.

В этот самый день люди собрались рыбачить, и другой Торстейн проводил их до пристани. В сумерки он отправился посмотреть на их улов, но Торстейн, сын Эйрика, послал за ним, прося его поскорей вернуться, и сообщил, что дома творится недоброе: Сигрид норовит встать из гроба и влезть к нему в постель. Когда другой Торстейн вернулся, она была уже на краю постели. Он схватил ее и всадил секиру ей в грудь.

Торстейн, сын Эйрика, умер к вечеру. Другой Торстейн предложил Гудрид лечь поспать и сказал, что будет бодрствовать над покойниками ночью. Она легла и сразу уснула.

В самом начале ночи Торстейн, сын Эйрика, поднялся и сказал, чтобы позвали Гудрид, потому что ему надо поговорить с ней.

— Богу угодно, чтобы мне был дарован этот час для искупления моей жизни.

Другой Торстейн пошел к Гудрид и разбудил ее. Он сказал, чтобы она перекрестилась и просила божьей помощи.

— Торстейн, сын Эйрика, сказал мне, что хочет поговорить с тобой. Решай сама, как тебе поступить. Я не могу ни на чем настаивать.

Она отвечает:

— Возможно, что благодаря этому чуду произойдет то, о чем будут долго помнить. Но я надеюсь, что бог меня защитит. С божьей милостью я пойду на то, чтобы поговорить с ним, ведь мне все равно не избежать беды, если она мне предназначена. Всего меньше я бы хотела, чтобы он приходил с того света, и я боюсь, что это случится, если я не поговорю с ним.

И вот Гудрид пошла к своему мужу. Ей показалось, что у него текут слезы. Он прошептал ей на ухо несколько слов, так, чтобы она одна слышала, и затем сказал, что блаженны те, кто тверд в вере, ибо с ней приходит милость и помощь, но, добавил он, многие плохо блюдут ее.

— Плохо, что здесь в Гренландии с тех пор, как пришла христианская вера, хоронят людей в неосвященной земле и почти без отпевания. Я хочу, чтобы меня отнесли в церковь, а также других людей, которые здесь умерли. А Гарди пусть поскорее сожгут на костре, ибо он причина всего того, что происходило здесь с покойниками этой зимой.

Он упомянул также о ее будущем и предсказал ей великую судьбу. Но он сказал, чтобы она остерегалась брака с гренландцем. Он также велел ей отдать их деньги церкви или раздать бедным. Тут он скончался во второй раз.

В Гренландии, с тех пор как туда пришло христианство, существовал обычай хоронить людей в неосвященной земле и усадьбе, где они умерли. В землю над грудью покойника вбивали столб, а потом, когда приезжал священник, столб вытаскивали из земли, в дыру от столба вливали святую воду и совершали отпевание, хотя бы это и было спустя много времени.

Тела были отвезены в церковь Эйрикова Фьорда, и священники совершили над ними отпевание.

Спустя некоторое время умер Торбьёрн, и Гудрид унаследовала все его добро. Эйрик принял ее к себе и взял на себя заботу о ней.

VII

Жил человек, которого звали Торфини Карлсефни. Он был сын Торда Лошадиная Голова, который жил на Рябиновом Мысу на севере в Полуостровном Фьорде на хуторе, который теперь называется [Стад]. Карлсефни был человек родовитый и очень богатый. Его мать звали Торунн.

Карлсефни ездил в торговые поездки и слыл хорошим купцом. Одним летом он снарядил корабль и собрался в Гренландию. К нему

присоединился Снорри, сын Торбьёрна с Лебедино́го Фьорда. С ними было сорок человек.

Бьярни, сын Гримольва, с Широкого Фьорда, и Торхалль, сын Гамли, с Восточных Фьордов, снарядили корабль для поездки в Гренландию тем же летом. У них на корабле было тоже сорок человек.

Когда все было готово, оба корабля вышли в море. Ничего не говорится о том, как долго они были в море. Известно только, что осенью оба корабля пришли в Эйриков Фьорд.

Эйрик поехал к кораблям, и некоторые другие поселенцы тоже, и завязалась оживленная торговля. Купцы предложили Гудрид взять из их товаров все, что ей хочется, а Эйрик не уступил им в щедрости, пригласив людей с обоих кораблей к себе домой на Крутой Склон на зимовку. Купцы приняли приглашение и поехали с Эйриком. Их товары были перевезены на Крутой Склон, где было вдоволь больших и хороших клетей.

Купцы были очень довольны зимовкой у Эйрика. Но когда подошел праздник середины зимы, Эйрик стал невеселым. Однажды Карлсефни повел беседу с Эйриком и сказал:

— Что с тобой, Эйрик? Мне кажется, ты стал молчаливее, чем обычно. Ты так щедро угощаешь нас, что наш долг отблагодарить тебя, как мы только сможем. Скажи же, что причина твоей печали?

Эйрик отвечает:

— Вы принимали мое гостеприимство, как подобает хорошим людям. Мне и в голову не приходит думать, что вы плохо поступили. Но вот в чем дело: меня беспокоит, как бы вы потом не говорили, что никогда не проводили праздника середины зимы хуже, чем у меня.

— Об этом не может быть и речи, — говорит Карлсефни. — У нас на кораблях есть и солод, и мука, и зерно. Ты можешь взять, сколько тебе нужно, и устроить такой пир, какого требует твоя щедрость.

Эйрик принял предложение, и на праздник середины зимы был устроен пир. Он был такой роскошный, что, как говорили люди, они едва ли видели большее великолепие.

После праздника середины зимы Карлсефни начал просить Эйрика выдать за него Гудрид, так как он считал, что она на его попечении, и ему полюбилась эта красивая и умная женщина. Эйрик сказал, что поддержит его сватовство и что она достойна хорошего брака.

— Вероятно, сбудется то, что ей было суждено, если она выйдет за тебя, — сказал он и добавил, что слышал о нем много хорошего.

Карлсефни посватался к Гудрид, и она согласилась принять совет Эйрика. Коротко говоря, она была выдана замуж, и пир на праздник

середины зимы перешел в свадебный пир. Большое веселье было в эту зиму на Крутом Склоне. Часто играли в тавлеи, и рассказывали саги, и занимались многим другим, что придает веселья домашней жизни.

VIII

Много разговоров было в эту зиму на Крутом Склоне о том, что надо бы разыскать Виноградную Страну, где, как говорили, отличные земли. Кончилось тем, что Карлсефни и Снорри снарядили корабль и решили искать летом Виноградную Страну. Бьярни и Торхалль собрались принять участие в поездке на своем корабле и с людьми, которые с ними приехали.

Жил человек по имени Торвард. Он был женат на Фрейдис, побочной дочери Эйрика Рыжего. Торвард тоже поехал с ними, как и Торвальд, сын Эйрика Рыжего.

Был еще один человек, по имени Торхалль. Его звали Торхалль Охотник. Он долгое время ходил с Эйриком летом на промысел и выполнял важные поручения. Он был высок ростом, череи и безобразен. Он был уже в летах, нрава плохого, хитер, молчалив, но сварлив, когда говорил, и всегда подбивал на недоброе. Он чуждался новой веры, с тех пор как она пришла в Гренландию. Его недолюбливали, но Эйрик всегда с ним очень дружил. Он поехал с Торвальдом, потому что хорошо знал незаселенные края.

Корабль был тот самый, на котором Торбьёрн приехал из Исландии. Они присоединились к Карлсефни. Большинство на корабле были гренландцы. Всего на кораблях было сто сорок человек.

Они поплыли сперва в Западное Поселение и к Медвежьим Островам. От Медвежьих Островов они поплыли на юг с северным ветром и были в открытом море двое суток. Тут они увидели землю и подплыли к ней на лодках, чтобы разведать ее. Они нашли там много каменных плит, таких больших, что два человека могли лечь на них, упершись пятками друг в друга. Было там также много лисиц. Они назвали эту землю Страной Каменных Плит.

Оттуда они плыли двое суток с северным ветром и увидели землю, где были большие леса и много зверей. К юго-востоку от этой земли лежал остров, на нем они встретили медведей и наавали его Медвежьим Островом. А лесистую землю они назвали Лесной Страной.

Еще через двое суток они снова увидели землю и подплыли к ней. Это оказался полуостров. Они поплыли вдоль берега. Он был у них с правого

борта. Кораблям негде было пристать, шли длинные песчаные отмели. Они подъехали к берегу на лодках и нашли на мысу киль от корабля и назвали это место Килевой Мыс. Они дали имя и всему этому побережью, назвав его Удивительными Берегами, потому что так долго пришлось плыть вдоль него. Затем пошли заливы, и они заходили в один из заливов.

Когда Лейв был у конунга Олава, сына Трюггви, и ему было поручено проповедовать христианство в Гренландии, конунг дал ему двух шотландцев, мужчину по имени Хаки и женщину по имени Хекья. Конунг сказал Лейву, что они ему пригодятся, если ему будет нужна быстрота, потому что они бегают быстрее оленей. Этих людей Лейв и Эйрик дали Карлсефни.

Когда корабли проплыли Удивительные Берега, шотландцев высадили на берег и велели бежать на юг, чтобы разведать край, и вернуться до истечения третьих суток. На них обоих была одежда, которую они называли бьяваль. Она была скроена так: сверху капюшон, по бокам разрезы, никаких рукавов и между ногами закрепка — пуговица и петля. Больше на них ничего не было.

Бросили якорь и стали ждать. Когда истекло три дня, бегуны прибежали обратно, и у одного был в руке виноград, а у другого — самосеянная пшеница. Они сказали Карлсефни, что, по их мнению, они нашли хорошие земли.

Их взяли на борт и поплыли дальше, пока не дошли до какого-то фьорда. Они направили корабли во фьорд. В его устье лежал остров, вокруг которого были сильные течения. Они назвали его Оток. На нем было столько птиц, что трудно было не наступить на их яйца.

Они вошли во фьорд и назвали его Оточный Фьорд. Здесь они снесли кладь на берег и обосновались. У них был с собой всякий скот, и они стали разведывать, чем богата страна. Там были горы, и местность была красивая. Они занимались только тем, что разведывали край. Всюду росла высокая трава.

Они там зазимовали. Зима была суровая, а они ничего не запасли летом. С едой стало плохо, а рыбная ловля и охота не удавались. Они перебрались на остров в надежде, что там будет лучше с промыслом или прибудет что-нибудь к берегу. Но и там было плохо с едой, хотя корма для скота хватало. Тогда они стали просить у бога, чтобы он послал им какой-нибудь еды. Но молитва их не была услышана так скоро, как им бы хотелось. Между тем исчез Торхалль Охотник, и люди пошли его искать. Его искали целых три дня. На четвертый день Карлсефни и Бьярни нашли Торхалля на вершине какой-то скалы. Он лежал и смотрел в небо,

вытаращив глаза, разинув рот и раздув ноздри. Он царапал и щипал себя и бормотал что-то. Его спросили, зачем он туда забрался, но он ответил, что это не их дело, попросил их не удивляться и сказал, что он не младенец, чтобы нуждаться в их присмотре. Они стали уговаривать его вернуться с ними домой, и он так и сделал.

Немного погодя к берегу прибило кита, и люди сбежались и стали разделять его, но никто не знал, что это за кит. Карлсефни хорошо разбирались в китах, но и он не знал, что это за кит. Повара наварили китового мяса, но все, кто его ел, заболели.

Тут подошел Торхалль Охотник и сказал: — Ну что, разве рыжебородый^[128] не оказался сильнее вашего Христа? Это я получил за стихи, которые сочинил о моем покровителе Торе. Он всегда мне помогает.

Когда люди слышали это, никто не стал есть китовое мясо. Его сбросили со скалы и стали уповать на божью милость. Вскоре можно было поехать на рыбную ловлю, и тогда у них стало вдоволь еды.

Весной они поплыли вглубь Оточного Фьорда. Теперь они брали много добычи: дичь — на суше, птичьи яйца — на острове и рыбу — в море.

IX

Стали они обсуждать, что делать дальше, куда ехать. Торхалль Охотник хотел плыть на север, за Удивительные Берега и Килевой Мыс, и там искать Виноградную Страну. А Карлсефни хотел плыть на юг вдоль берега и на восток. Он считал, что чем дальше к югу, тем земля будет лучше, но он считал также, что нужно разведать страну в обе стороны.

Торхалль снарядил свой корабль у острова. С ним собралось ехать только девять человек. Все остальные поехали с Карлсефни.

Однажды, когда Торхалль носил воду на корабль, он отпил глоток и произнес:

— Деревья бури оружия^[129]
Говорили, что здесь в изобилие
Приятнейший из напитков.
Стране этой шлю проклятья!
Бальдр одежды валькирий^[130]
Таскать должен воду в ведрах,
Источнику кланяясь низко.

Нет здесь вина и в помине!

Затем они отплыли, и Карлсефни проводил их за остров. Прежде чем они подняли паруса, Торхалль произнес:

— Назад туда мы поедem,
Где ждут нас. Кораблей дорогу^[131]
Пусть разведает вепрь
Небес песчаной пустыни^[132],
Между тем как ясени сечи^[133],
Что хвалят здешние страны,
На Берегах Удивительных
Живут и китов себе варят!

На этом они расстались с Карлсефни и поплыли на север мимо Удивительных Берегов и Килевого Мыса. Они хотели пройти на запад, но разразился сильный шторм, и их отнесло ветром в Ирландию. Там их избили и обратили в рабство, и там юрхалль простился с жизнью.

X

Карлсефни поплыл на юг вдоль берега, и с ним Снорри, Бьярни и другие. Они плыли долго и наконец, приплыли к реке, которая впадала в озеро, а потом в море. В устье реки были большие песчаные отмели, так что в нее можно было войти только во время прилива.

Карлсефни и его люди зашли в устье и назвали это место Озерко. Здесь они нашли поля самосеянной пшеницы в низинах и виноградную лозу всюду на возвышенностях. Все ручьи кишели рыбой. Они рыли ямы там, где суша и море встречались, и когда море отступало, в ямах был палтус. В лесу было много всякого зверя.

Они оставались там полмесяца, тешась и не замечая ничего плохого. Скот их был с ними. Но однажды рано утром, осматриваясь, они увидели девять кожаных лодок. С лодок махали палками, трещавшими, подобно цепам, и палки вращались по движению солнца.

Карлсефни сказал:

— Что бы это могло значить?

Снорри отвечает:

— Возможно, что это знак мира. Возьмем белый щит и пойдем им навстречу.

Так они и сделали. Незнакомцы подплыли к ним и, рассматривая их с удивлением, вышли на берег. Они были низкорослы и некрасивы, волосы у них были грубые, глаза — большие, скулы — широкие. Они постояли некоторое время, дивясь, а затем уплыли на своих лодках на юг за мыс.

Карлсефни и его люди построили себе жилье на склоне у озера. Некоторые дома были близко к озеру, другие — подальше. Они там прожили зиму. Снега не выпало совсем, так что весь скот был на подножном корму.

XI

Когда началась весна, однажды рано утром они увидели, что с юга из-за мыса выплывает такое множество кожаных лодок, что казалось, будто уголь рассыпал по заливу. Также и на этот раз с каждой лодки махали палками.

Люди Карлсефни подняли щиты, и начался торг. Всего охотнее скрелинги брали красную ткань. Они просили также мечи и копья, но Карлсефни и Снорри запретили продавать им оружие. В обмен на ткань они давали пушнину. Они брали пядь ткани за шкурку и повязывали этой тканью себе голову. Торг продолжался так некоторое время. Когда ткани стало мало, ее стали резать на полоски не шире пальца. Но скрелинги давали за них столько же, даже больше.

Тут случилось, что бык, который был у людей Карлсефни, вдруг выскочил из леса и громко замычал. Скрелинги испугались, попрыгали в свои лодки и уплыли на юг за мыс.

После этого они не показывались целых три недели. Но когда прошло это время, с юга вдруг появилось такое множество лодок скрелингов, что казалось — течет поток. На этот раз с лодок махали палками против солнца, и все скрелинги громко кричали. Карлсефни и его люди подняли красные щиты и пошли им навстречу.

Они сошлись, и начался бой. На людей Карлсефни посыпался град камней, потому что у скрелингов были пращи. Вдруг Карлсефни и Снорри увидели, что скрелинги подняли на шесте большой, величиной с овечьей желудок, шар синего цвета, и он полетел в сторону берега на людей Карлсефни и страшно завыл, когда упал на землю. Это навело такой ужас

на Карлсефни и его людей, что они думали только о том, как бы уйти. Они отступили вдоль реки к каким-то утесам и только там дали отпор.

Фрейдис вышла и увидела отступление. Она крикнула: — Вы такие молодцы, а бежите от этих жалких людишек! Вы же могли бы перебить их всех, как скот! Было бы у меня оружие, уж я бы, наверно, дралась лучше любого из вас.

Но они не обратили никакого внимания на ее слова. Фрейдис хотела присоединиться к ним, но ей было не догнать их, так как она была беременна. Она пошла за ними в лес, а скрелинги приблизились к ней. Тут она увидела перед собой на земле убитого, это был Торбранд, сын Снорри. В темени его торчал плоский камень, а меч его лежал рядом. Она хватает меч и готовится защищаться. Тут скрелинги подбегают к ней. Тогда она выпрастывает одну грудь из-под рубашки и шлепает по ней обнаженным мечом. Скрелинги были так напуганы этим, что бросились к своим лодкам и поплыли прочь.

Карлсефни и его люди подошли к ней и хвалили ее за мужество. Двое из его людей было убито, а из скрелингов — четверо, хотя превосходство было на стороне скрелингов.

Карлсефни и его люди вернулись к домам, недоумевая, что это за многочисленное войско нападало на них с суши. Но тут они поняли, что нападали на них только те, что приехали на лодках, и что другое войско было наваждением.

Скрелинги нашли второго убитого из людей Карлсефни. Рядом с ним лежала секира. Один из скрелингов ударил ею по камню, и лезвие сломалось. Тогда они решили, что она никуда не годится, раз не берет камень, и бросили ее.

Карлсефни и его люди поняли теперь, что, хотя земли здесь отличные для поселения, жизнь на них будет всегда небезопасна и тревожна из-за туземцев. И они собрались в обратный путь к себе домой. Они поплыли на север вдоль берега.

По пути им попались пять скрелингов, которые спали в одеждах из шкур, и у них были коробки с костным мозгом, смешанным с кровью. Люди Карлсефни решили, что эти скрелинги изгнаны из страны, и они их убили.

Затем им попался мыс, на котором было множество оленей. Весь мыс был покрыт коркой их помета, потому что на нем зимовали олени.

Потом Карлсефни и его люди приплыли в Оточный Фьорд, и там все было в изобилии.

Некоторые говорят, что Бьярни и Фрейдис оставались там с сотней человек и не ездили дальше, в то время как Карлсефни и Снорри и с ними

сорок человек ездили на юг и, проведя у Озерка не больше чем два месяца, вернулись тем же летом.

Карлсефни отправился на одном корабле на поиски Торхалля Охотника. Остальные его люди не поехали. Он поплыл на север мимо Килевого Мыса и потом на запад, и земля была у него с левого борта. Всюду были только леса. Долго они так плыли, пока не увидели реку, впадающую в море и текущую с востока на запад. Они вошли в устье реки и стали у южного берега.

XII

Однажды утром Карлсефни и его люди увидели на дальней стороне прогалины какое-то пятнышко, которое поблескивало, и они закричали на него. Пятнышко зашевелилось, и это оказался одноногий человек, который бросился скачками туда, где стоял их корабль.

Торвальд, сын Эйрика Рыжего, сидел у руля. Одноножка попал ему стрелой в низ живота. Торвальд выдернул стрелу и сказал:

— Богатую страну мы нашли. Жиром обросли мои кишки.

Вскоре после этого Торвальд умер от раны.

Одноножка бросился убежать на север. Карлсефни и его люди погнались за ним и по временам видели, как он убегал от них. Наконец он скрылся от них в какой-то бухте, и они повернули назад. Тогда один из них произнес такой стишок:

— Воины гнались —
Говорю я правду —
За одноножкой
Вниз к берегу.
Чудной человек
Мчался как вихрь
По бездорожью.
Слушай, Карлсефни!

Затем они поплыли снова на север и считали, что они в Стране Одноножек. Но они решили больше не подвергать опасности своих людей.

Они полагали, что горы у Озерка и те, которые они теперь видели, это одни и те же горы и что обе местности одинаково отстоят от Оточного

Фьорда.

Они повернули назад и провели третью зиму в Оточном Фьорде. В это время было много ссор. Неженатые задевали женатых.

Снорри, сын Карлсефни, родился в первую осень. Когда они уезжали, ему было три зимы.

Ветер дул с юга, и они приплыли в Лесную Страну. Там им встретилось пять скрелингов — бородатый мужчина, две женщины и двое детей. Карлсефни и его люди захватили мальчиков, а остальные скрелинги ускользнули и провалились сквозь землю. Они взяли мальчиков с собой, обучили языку и крестили. Мальчики сказали, что их мать зовут Ветильд, а отца — Овегир. Они сказали, что страной скрелингов управляют два конунга, одного из которых зовут Авальдамон, а другого Вальдидида. Они рассказали, что домов там нет, и люди живут в пещерах и ямах. Они рассказали также, что по ту сторону, напротив их страны, есть страна, в которой люди ходят в белых одеждах, громко кричат и носят шесты с тряпками на них. Люди думают, что речь шла о Стране Белых Людей^[134].

Наконец они вернулись в Гренландию и провели зиму у Эйрика Рыжего.

XIII

Корабль Бьярни, сына Гримольва, был отнесен ветром в Гренландское море. Там они оказались в червивых водах, но обнаружили это, только когда корабль был весь источен червями и начал погружаться.

Они стали обсуждать, что делать. У них была лодка, пропитанная тюленьим жиром, а говорят, что червь не может точить дерево, так пропитанное. Большинство сказало, что надо посадить в лодку столько народу, сколько она выдержит. Но когда попробовали сделать так, то оказалось, что она подняла не больше половины людей. Тогда Бьярни сказал, что надо садиться в лодку по жребию, а не по знатности. Но каждый, кто там был, хотел сесть в лодку. Лодка, однако, не могла поднять всех, и тогда решили бросить жребий, кому садиться. По жребию вышло, что садиться в лодку должен был Бьярни и с ним почти половина людей. И вот все, кому выпал жребий, сели в лодку. Когда они уже были в лодке, один молодой исландец, спутник Бьярни, сказал:

— Неужели ты бросишь меня здесь, Бьярни?

Бьярни отвечает:

— Так выходит.

Исландец говорит:

— Другое ты обещал мне, когда я покидал отцовский дом в Исландии, чтобы ехать с тобой!

— Я не вижу другого выхода, — говорит Бьярни. — Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, чтобы мы поменялись местами, ты пойдешь сюда, а я туда.

Бьярни отвечает:

— Что ж, пусть будет так. Я вижу, что ты во что бы то ни стало хочешь жить и очень боишься умереть.

И они поменялись местами. Молодой исландец сел в лодку, а Бьярни перешел на корабль, и говорят, что Бьярни и все, кто остался с ним на корабле, погибли в червивом море.

А те, кто был в лодке, поплыли своей дорогой, и достигли берега, и рассказали об этом случае.

XIV

На следующее лето Карлсефни вернулся в Исландию со своим сыном Снорри и поехал к себе в усадьбу на Рябиновом Мысу. Его мать считала, что он плохо женился, и не жила дома первую зиму. Но когда она поняла, какая Гудрид достойная женщина, она вернулась домой, и они с ней хорошо ладили.

У Снорри, сына Карлсефни, была дочь Халльфрид, мать епископа Торлака, сына Рунольва.

У Карлсефни и Гудрид был также сын Торбьёрн. Его дочерью была Торунн, мать епископа Бьёрна.

У Снорри, сына Карлсефни, был также сын Торгейр, отец Ингвильд, матери епископа Бранда Первого.

Здесь кончается эта сага.

О Торстейне Морозе

Рассказывают, что Олав конунг ездил по пирам на востоке в Вике и других краях. Однажды он пировал на хуторе, что зовется У Межи. С ним было очень много народу. Был с ним человек по имени Торстейн. Он был сыном Торкеля, сына Асгейра Дышла, сына Аудуна Гагача. Он был исландец и приехал к конунгу прошлой зимой.

Вечером, когда люди сидели за столами и пили, Олав конунг сказал, чтобы ночью никто из его людей не выходил один в отхожее место и каждый, кому понадобится выйти, просил бы соседа по постели пойти с ним. Иначе, мол, будет плохо.

Люди пировали до позднего вечера и, когда столы были убраны, легли спать.

К концу ночи проснулся исландец Торстейн, и захотелось ему встать с постели, но тот, кто лежал рядом с ним, спал так крепко, что Торстейн не стал его будить. Вот Торстейн встает, сует ноги в башмаки, накидывает толстый плащ и отправляется в нужное место. Оно было такое большое, что одиннадцать человек могли в нем сидеть с каждой стороны. Садится он на крайнее сиденье и, посидев некоторое время, видит, что у самого дальнего сиденья появляется черт и садится. Тогда Торстейн сказал:

— Кто это там?

Нечистый отвечает:

— Торкель Тоций, что погиб с Харальдом конунгом Боезубом^[135].

— Откуда же ты сейчас? — спросил Торстейн.

Тот сказал, что он прямо из ада.

— Ну и как там? — спросил Торстейн.

Тот отвечает:

— А что ты хотел бы знать?

— Кто лучше всех терпит адскую муку?

— Сигурд Убийца Дракона Фафнира^[136], — сказал черт.

— А какая у него мука?

— Он топит пылающую жаром печь, — отвечает привидение.

— Ну это уж не такая мука, — говорит Торстейн.

— Да, конечно, — сказал черт. — Ведь он сам топит.

— Все же это большое дело, — сказал Торстейн. — А кто хуже всех терпит муку?

Привидение отвечает:

— Старкад Старый^[137]. Он так вопит, что нам, бесам, это худшее из мучений. Из-за его воплей мы никогда не можем поспать.

— Какую же это муку он так плохо терпит? Ведь он всегда был здоровущий, как рассказывают.

— Он весь по щиколотки в огне.

— Ну это не такая уж великая мука, — сказал Торстейн, — для такого героя, как он.

— Не скажи, — отвечало привидение. — Ведь у него торчат из огня одни ступни.

— Да, это великая мука, — сказал Торстейн. — А ну-ка повопи немного, как он.

— Изволь, — сказал черт.

Он разинул пасть и страшно завыл, а Торстейн накинул себе на голову подол плаща. У Торстейна дух захватило от воя, и он сказал:

— Он всегда так вопит?

— О нет, — сказала привидение. — Так вопим мы, чертенята.

— Нет, ты повопи, как Старкад вопит — сказал Торстейн.

— Пожалуйста, — сказал черт.

И он завопил так страшно, что Торстейн диву дался, как это маленький чертенок может так вопить, и он снова обмотал плащом себе голову, и ему показалось, что он сейчас упадет без чувств. Тогда черт спросил:

— Что же ты молчишь?

Торстейн ответил, придя в себя:

— Я молчу, потому что диву даюсь, как это у такого чертенка может быть такой страшный голос. Что же, это самый громкий вопль Старкада?

— Ничуть, — говорит тот. — Это его наименее громкий вопль.

— Брось увиливать, — сказал Торстейн. — Завопи-ка его самым громким воплем.

Черт согласился. Торстейн приготовился, сложил плащ вдвойне, обмотал его вокруг головы и стал держать его обеими руками. А привидение с каждым воплем приближалось к Торстейну на три сиденья, и теперь между ними оставалось только три сиденья. И вот черт страшно разинул свою пасть, закатил глазища и стал так громко вопить, что Торстейну стало невмоготу. Но тут зазвонил колокол, а Торстейн упал на пол без чувств.

Черт, услышав колокольный звон, провалился сквозь пол, и долго был слышен гул от него внизу в земле.

Когда наступило утро, люди встали. Конунг прошел в церковь и отстоял службу. После этого сели за стол. Конунг был не слишком ласков.

Он сказал:

— Ходил кто-нибудь ночью один в отхожее место?

Торстейн встал, упал в ноги конунгу и признался, что нарушил его повеление.

Конунг отвечает:

— Мне-то это большого вреда не принесло. Но верно, значит, что вы исландцы очень строптивы, как о вас говорят. Ну и как, заметил ты что-нибудь?

Тут Торстейн рассказал все, что приключилось. Конунг спросил:

— Почему же ты хотел, чтобы он завопил?

— Это я вам сейчас скажу, государь. Ведь вы не велели никому ходить туда одному, и, когда явился бес, я понял, что дело мое плохо, и я решил, что когда он завопит, вы проснетесь, государь, и тогда я спасен.

— Так оно и было, — сказал конунг. — Я проснулся и понял, в чем дело, и велел звонить. Я знал, что иначе тебе придется плохо. Но неужели ты не испугался, когда черт начал вопить?

Торстейн отвечает:

— Я не знаю, государь, что это такое испуг.

— И не было у тебя страха? — сказал конунг.

— Нет, — сказал Торстейн. — Но от последнего вопля у меня вроде как мороз по коже пробежал.

Конунг отвечает:

— Будет у тебя теперь прозвище. Ты будешь отныне зваться Торстейн Мороз. И вот тебе меч в придачу к прозвищу.

Торстейн поблагодарил конунга. Говорят, что он стал дружинником Олава конунга и с тех пор был с ним и погиб на Длинном Драконе [\[138\]](#) вместе с другими воинами конунга.

Сага о Торстейне Битом

I

Жил в Солнечной Долине человек по имени Торарин, старый и почти совсем слепой. В молодости он был великим викингом. Он был человек не из покладистых, хотя уже и старый. Был у него сын по имени Торстейн, рослый, очень сильный и притом миролюбивый. Он работал за троих в хозяйстве у своего отца. Торарин был небогат, но оружия у него было довольно. Еще у отца с сыном был табун, и продажа коней приносила им хороший доход, потому что кони эти никогда не подводили в дороге и были непугливы.

Жил человек по имени Торд. Он был работником у Бьярни из Капища. Он ходил за верховыми лошадьми Бьярни, поэтому его называли конюхом. Торд был очень задирист и всем давал почувствовать, что он работник у большого человека. Это не делало его более достойным, и его мало кто любил.

У Бьярни работали еще двое: одного звали Торхалль, другого — Торвальд. Они всегда разносили сплетни обо всем, что слышали в округе.

Торстейн и Торд сговорились устроить бой молодых коней. Во время боя конь Торда плохо кусался. И вот Торд, когда ему показалось, что конь его сдает, сильно ударил по морде коня Торстейна. Увидев это, Торстейн тоже ударил коня Торда, еще сильнее, и конь Торда пустился бежать, а люди все заулюлюкали. Тогда Торд стукнул Торстейна шестом, и удар пришелся в бровь, так что глаз весь заплыл. Тогда Торстейн отрывает лоскут от полы рубахи и завязывает бровь. Он ведет себя как ни в чем не бывало и просит людей ничего не рассказывать отцу. Дело дальше не пошло.

Торвальд и Торхалль подняли Торстейна на смех и прозвали его Битым.

Незадолго до праздника середины зимы женщины в Солнечной Долине встали работать. Встал и Торстейн, он наносил сена и потом лег на скамью. Тут заходит старик Торарин, его отец, и спрашивает, кто это там лежит. Торстейн назвался.

— Что это ты так рано на ногах, сынок? — спросил старик Торарин.

Торстейн отвечает:

— Что тут особенного? Не такой уж это труд, по-моему.
— Не болит ли у тебя голова, сынок? — сказал старик Торарин.
— Не замечал, чтобы болела, — сказал Торстейн.
— Что ты расскажешь мне, сынок, о прошлогоднем бое коней? Не побили ли тебя там до полусмерти, как собаку?
— По-моему, не стоит, — говорит Торстейн, — принимать за удар простую случайность.
Торарин сказал:
— А я никогда бы не подумал, что мой сын трус.
— Не говори, отец, того, — говорит Торстейн, — что тебе потом покажется лишним.
— Я и не скажу здесь всего того, что у меня на душе, — сказал Торарин.

II

Вот Торстейн встал, взял свое оружие и отправился из дому и пошел в ту конюшню, где были лошади Бьярни. Торд как раз был там. Торстейн пошел к Торду и сказал ему:

— Хотел бы я знать, дорогой Торд, нечаянно ли это у тебя так вышло, что ты ударил меня прошлым летом на бою коней, или ты сделал это нарочно и тогда захочешь заплатить мне выкуп.

Торд отвечает:

— Ежели у тебя две глотки, пускай язык мелет в каждой свое и пускай в одной зовет это, если хочешь, случаем, а в другой — умыслом. Вот и весь выкуп, который ты от меня получишь!

— Будь тогда готов к тому, — сказал Торстейн, — что я, может, в другой раз просить не стану.

Затем Торстейн бросился к нему и зарубил насмерть, а потом пошел к дому, в Капище, и, повстречав возле дома женщину, сказал ей:

— Скажи Бьярни, что бык забодал Торда, его конюха, и он будет лежать там, покуда тот не придет.

— Иди-ка ты домой, — сказала женщина, — а я скажу, как мне покажется нужным.

Вот идет Торстейн домой, а женщина идет работать.

III

Утром Бьярни встал и, сев за стол, спросил, где это Торд, и ему ответили, что, наверно, он пошел к лошадям.

— Пора бы ему, я думаю, прийти, если с ним ничего не случилось, — сказал Бьярни.

Тут заговорила та женщина, которую встретил Торстейн:

— Правду часто говорят нам, женщинам, что от нас никогда не дождешься толка. Тут приходил поутру Торстейн Битый и сказал, что бык забодал Торда, но мне не хотелось будить тебя, а потом это совсем выскочило у меня из головы.

Бьярни встал из-за стола, пошел к конюшне и увидел, что Торд убит. Его похоронили. Бьярни начинает тяжбу и добивается, что Торстейна объявляют вне закона за это убийство. Но Торстейн по-прежнему оставался у себя дома, в Солнечной Долине. Он работал на своего отца, а Бьярни ничего больше не предпринимал.

Осенью люди в усадьбе сидели и палили ягнячьи головы, а Бьярни лежал у стены дома и слушал, о чем они разговаривают. Вот заговорили братья, Торхалль и Торвальд:

— И не гадали мы, нанимаясь к Бьярни Бойцу, что нам доведется палить здесь ягнячьи головы в то время, как Торстейн, которого он же объявил вне закона, будет палить бараньи головы. Было бы лучше побольше щадить своих родичей в Долине Бёдвара^[139], чем позволять объявленному вне закона жить рядом с собой в Солнечной Долине. Но многие, изведав раны, становятся робкими^[140], и мы не знаем, когда же он, наконец, смоеет с себя это пятно.

Один человек сказал:

— Дурные это слова, и не иначе как злые силы тянули вас за язык. Бьярни не захочет, мы думаем, оставить без защиты слепого отца Торстейна и всех тех, кого Торстейн кормит в Солнечной Долине. И мне покажется удивительным, если вам еще часто придется палить здесь ягнячьи головы и хвастаться тем, что произошло в Долине Бёдвара.

Потом все идут есть, а там и спать, и Бьярни не подает виду, что он слышал этот разговор.

IV

Наутро Бьярни разбудил Торхалля и Торвальда и велел им ехать в Солнечную Долину и привезти к часу завтрака голову Торстейна.

— По-моему, — говорит он, — вы самые подходящие люди для того, чтобы смыть пятно с моей чести, раз мне самому не хватает духу.

Теперь им кажется, что они наговорили лишнего. Все же они едут в Солнечную Долину. Торстейн стоял в дверях и точил меч. Когда они подъехали, он спросил, куда это они направляются. Они же сказали, что им надо разыскать лошадей. Торстейн сказал:

— Их незачем долго искать, раз они здесь, у двора.

— Может случиться, что мы все же не найдем лошадей, если ты сам на них не укажешь.

Торстейн выходит. И когда они сошли во двор, Торвальд заносит секиру и бросается на него. Но Торстейн оттолкнул его рукой, так что тот упал ничком, и Торстейн пронзил его мечом. Тогда Торхалль хотел напасть на него, но и его ждал тот же конец, что и Торвальда. Торстейн привязывает их обоих к седлам, набрасывает поводья на шею коням и выводит коней на дорогу, и они идут домой, в Капище. Около дома, в Капище, стояли работники, они пошли в дом и сказали Бьярни, что Торвальд с братом вернулись и что съездили они не напрасно. Вот Бьярни выходит и видит, как обстоит дело, и, не тратя лишних слов, велит похоронить их. И до самого праздника середины зимы все спокойно.

V

Однажды вечером Раннвейг заводит разговор, когда они легли с Бьярни в постель.

— Как ты думаешь, — говорит она, — о чем сейчас больше всего толкуют в округе?

— Не знаю, — говорит Бьярни. — Мало ли что говорят!

— Люди больше всего говорят о том, что они и не знают, что еще надо сделать Торстейну Битому, чтобы ты посчитал нужным ему отомстить. Вот он уже убил троих твоих работников. Людям из твоего годорда не приходится рассчитывать на твою поддержку, если ты не отомстишь, а ты все сидишь сложа руки.

Бьярни отвечает:

— Вот и выходит, что правду говорят: на чужих ошибках не научишься. Я послушаюсь тебя и сделаю, как ты говоришь. А все же Торстейн мало кого убивал ни за что.

Они прекращают разговор и спят до утра. Наутро просыпается Раннвейг, а Бьярни уже снял щит. Она спрашивает, куда это он собрался. Он

отвечает:

— Пора нам с Торстейном из Солнечной Долины померяться силами.

— Сколько людей возьмешь ты с собою?

— Не потащу я много людей к Торстейну, — говорит он. — Поеду один.

— Не делай этого, — говорит она, — не суйся один под меч этого злодея!

Бьярни сказал:

— Не бери пример с тех женщин, которые льют слезы о том, к чему только что подстрекали. А я уже довольно терпел ваши подстрекательства. И не к чему меня удерживать теперь, когда я сам хочу ехать.

Вот едет Бьярни в Солнечную Долину, а Торстейн стоит в дверях. Они обменялись несколькими словами. Бьярни сказал:

— Ты должен, Торстейн, биться сегодня на поединке со мною на той горке, что стоит у твоей усадьбы.

— У меня рука не подымается биться с тобою, — говорит Торстейн. — Я уеду с первым же кораблем, потому что мне известно твое благородство: ты ведь не оставишь без помощи моего отца, если я уеду.

— Теперь уже нечего отговариваться, — говорит Бьярни.

— Тогда позволь мне сперва повидаться с отцом, — сказал Торстейн.

— Пожалуйста, — сказал Бьярни.

Торстейн пошел в дом и сказал отцу, что явился Бьярни и вызвал его на поединок. Старик Торарин ответил:

— Всякий, кто имеет дело с могущественным человеком и живет с ним в одной округе и притом задел его честь, может быть уверен: немного рубашек осталось ему сносить. И я не стану тебя оплакивать, потому что ты, по-моему, дал достаточный повод к этому. Берись теперь за оружие и защищайся со всею храбростью, ибо так уж повелось у меня в жизни, что я не стал бы кланяться такому человеку, как Бьярни. А ведь Бьярни — славный воин. По мне, лучше потерять тебя, чем иметь сыном труса.

VI

Вот Торстейн выходит, и они идут оба на горку и начинают ноединок. Они бились с большим упорством и изрубили друг другу щиты. И когда они уже немало времени так сражались, Бьярни сказал Торстейну:

— Мне хочется пить, ведь я не так привычен, как ты, к подобной работе.

— Ну что ж, иди к ручью и пей, — сказал Торстейн. Бьярни так и сделал, а меч положил рядом. Торстейн поднял меч, взглянул на него и сказал:

— Не этот ли меч был у тебя в Долине Бёдвара?

Бьярни ничего не ответил. Они снова поднимаются на горку и сражаются еще некоторое время, и Бьярни находит, что Торстейн доблестный боец, куда крепче в битве, чем он ожидал.

— Все что-то случается со мной сегодня, — сказал Бьярни. — Теперь башмак у меня развязался.

— Ну так завяжи, — говорит Торстейн.

Бьярни нагибается, а Торстейн идет в дом и выносит оттуда два щита и меч, подымается на горку к Бьярни и говорит ему:

— Вот тебе щит и меч от моего отца. Этот меч не так скоро затупится от ударов, как твой прежний. И у меня нет желания стоять без щита под твоими ударами. Я бы охотно прекратил теперь эту игру, потому что боюсь, твоя удача пересилит мою неудачу, а всякий, что бы то ни было, жаден до жизни.

— Теперь нечего идти на попятный! — сказал Бьярни. — Будем сражаться дальше!

— Я не стану рубить первым, — сказал Торстейн.

Тогда Бьярни перерубает весь щит у Торстейна, но и Торстейн выбивает щит у Бьярни.

— Здорово ты рубишь! — сказал Бьярни.

Торстейн ответил:

— И ты рубишь не хуже!

Бьярни сказал:

— То же у тебя оружие, что и прежде, а разит теперь куда лучше.

Торстейн сказал:

— Хотел бы я избавиться себя от беды, если возможно, и боюсь сражаться с тобой. Хочу я по-прежнему сдаться под твою власть.

Рубить должен был Бьярни, а они оба были теперь без щитов. Тогда Бьярни сказал:

— Было бы плохой сделкой обменять удачу на преступление. Я считаю, что ты один — достаточная плата за троих моих работников, если ты будешь хранить мне верность.

Торстейн сказал:

— У меня был сегодня не один случай предать тебя, если бы моя неудача оказалась сильнее твоей удачи. Теперь уже я никогда не предаю тебя.

— Вижу я, что ты очень хороший человек, — сказал Бьярни. — Позволь мне сходить к твоему отцу и сказать ему обо всем так, как я считаю нужным.

— Иди и делай, как хочешь, — сказал Торстейн. — Но будь осторожнее.

VII

Тогда Бьярни пошел к спальней нише, где лежал старый Торарин. Торарин спросил, кто это там, и Бьярни назвалса.

— Какие у тебя новости, дорогой Бьярни? — сказал Торарин.

— Убит Торстейн, твой сын, — сказал Бьярни.

— Защищалса ли он хоть немного?

— Не знаю никого, кто был бы проворнее в схватке, чем твой сын Торстейн.

— Не удивительно, — сказал старик, — что им так доставалось от тебя в Долине Бёдвара, раз теперь ты одержал верх над моим сыном.

Тогда Бьярни сказал:

— Я хочу позвать тебя к себе в Капище. Ты будешь сидеть, покуда жив, на втором почетном месте, а я буду тебе за сына.

— Со мною здесь обстоит дело так же, — сказал старик, — как и со всеми, кто стар и немощен. Только глупец рад посулам. Немногого стоят ваши, знатных людей, обещания, когда вы хотите утешить человека после такого несчастья: едва ли на месяц хватает утешений, а потом с нами обращаются как с нищими, и не скоро забывается наше горе. Но тот, кто примет помощь от такого человека, как ты, все же может радоваться своей доле, и бывали уже тому примеры. И я приму твою помощь. Подойди-ка теперь ко мне сюда, потому что ноги у меня, старика, совсем прожат от старости и болезней, не поручусь, что не отозвалась на мне и смерть сына.

Бьярни пошел к его постели и взял старого Торарина за руку. Тут он обнаружил, что тот нащупал меч и хочет его ударить. Он оттолкнул его руку и сказал:

— Разнесчастный ты старик! Но теперь все у нас будет на славу. Торстейн, твой сын, жив, он отправится со мною в Капище, ты же получишь рабов, которые будут на тебя работать, и, покуда ты жив, ни в чем не будет у тебя недостатка.

Торстейн поехал с Бьярни в Капище и не покидал его до самой смерти, и мало кто мог с ним сравняться в благородстве и мужестве.

Все по-прежнему почитали Бьярни, и чем дольше он жил, тем больше его любили и тем мудрее он становился, и на него во всем можно было положиться. В конце жизни он стал очень верующим человеком. Бьярни уехал из Исландии, и предпринял паломничество в Рим, и в пути умер. Он покоится в городе, который называется Валери. Это большой город неподалеку от Рима.

У Бьярни было большое потомство. Сыном его был Бродди Бородач, которого часто упоминают в сагах, он был одним из самых выдающихся людей своего времени. Дочерей Бьярни звали Халла и Гудрид, на которой женился Кольбейи Законоговоритель. Дочерью Бьярни была и Ингвильд, на которой женился Торстейн, сын Халля с Побережья, а сыном их был Магнус, отец Эйнара, отца епискона Магнуса. Сыном Торстейна и Ингвильд был и Амунди. Он женился на Сигрид, дочери Торгрима Слепого. Халльфрид была дочерью этого Амунди, отца Гудмунда, отца Магнуса Доброго и Торы, на которой женился Торвальд, сын Гицура, и другой Торы, матери Орма со Свиной Горы. Дочерью Амунди была и Гудрун, мать Тордис, матери Хельги, матери Гудню, дочери Эйвинда, матери сыновей Стурлы, Торда, Сигвата и Снорри. Дочерью Амунди была и Раннвейг, мать Стейна, отца Гудрун, матери Арнфрид, на которой женился Хельги Толстяк. Дочерью Амунди была и Торкатла, мать Арнбьёрг, матери Финна Священника и Торгейра и Турид, и от них произошли многие знатные люди.

Здесь кончается сага о Торстейне Битом.

Сага о Хранкеле, Годи Фрейра

I

Это было во времена конунга Харальда Прекрасноволосого^[141], сына Хальвдана Черного, сына Гудрёда Охотника, сына Хальвдана Щедрого на золото и Скупого на еду, сына Эйстейна Грома, сына Олава Дровосека, шведского конунга. Человек по имени Халльфред привел свой корабль в Исландию в Широкую Долину. Это местность к морю от Речной Долины. На корабле были его жена и сын по имени Храфнкель, юноша красивый и многообещающий. Тогда ему было пятнадцать лет. Халльфред занял там землю. В ту зиму у них умерла чужеземная рабыня по имени Арнтруда, и с той поры двор Халльфреда стали называть Арнтрудии Двор.

Но весной Халльфред перенес двор к северу через перевал в место, что зовется Козлиная Долина. Как-то ночью приснилось ему, что к нему пришел человек и сказал: «Зря ты лежишь здесь, Халльфред. Перенеси свой двор на запад от Озерной Реки. Там ждет тебя удача».

Он тут же просыпается и переносит двор через Кривую Реку в место, которое с тех пор называют Халльфредов Двор. Там он и жил до самой старости. Но на прежнем месте остались у него кабан и козел. И в самый день его отъезда случился обвал, весь дом засыпало, и животные эти погибли. Оттого это место и зовется с тех пор Козлиная Долина.

II

У Храфнкеля вошло в привычку ездить летом на перевал. Ледниковая Долина была тогда вся заселена вплоть до Моста. Раз Храфнкель подымался по Речной Долине и увидел, что от Ледниковой Долины отходит еще одна, незаселенная. И ему показалось, что эта долина лучше подходит для жилья, чем все те, которые он видел прежде. И, вернувшись домой, Храфнкель попросил у отца свою долю имущества, сказав, что хочет отделиться. Отец не стал ему перечить, и Храфнкель поселился в той долине и назвал свой двор Главным Двором. Храфнкель взял в жены Оддбьёрг, дочь Скьельдольва из Лососьей Долины. У них было двое сыновей: старшего звали Ториром, а младшего Асбьёрном.

Поселившись в Главном Дворе, Храфнкель стал совершать богатые жертвоприношения и велел построить большое капище. Изо всех богов Храфнкель особенно чтит Фрейра и уделял ему половину от всего, что было у него самого ценного.

Храфнкель занял всю долину и стал раздавать земли другим людям, но, желая над ними главенствовать, он объявил себя их годи. Поэтому его стали звать Годи Фрейра. Храфнкель был человек властный и склонный к насилию, но дельный, и ему стала подвластна вся Ледниковая Долина. Со своими людьми бывал он мягок и ласков, а с людьми из Ледниковой Долины строг и неуступчив, и им не приходилось ждать от него справедливости. Храфнкель часто бился на поединках, но никому не платил виры, и никто не получал от него выкупа, что бы он ни сделал.

По Речной Долине трудно проехать из-за каменистых и топких мест, все же отец и сын, дорожа родственными узами, часто ездили друг к другу. Тяготясь дорогою, Халльфред стал подыскивать себе другую, через горы за Речной Долиной, и нашел дорогу гораздо суше, хоть и длиннее. Она называется теперь Халльфредова Дорога. Этим путем ездят только те, кто хорошо знает горы за Речной Долиной.

III

На хуторе Горячий Источник жил человек по имени Бьярни. Он был женат, и жена принесла ему двоих сыновей. Один звался Сам, другой — Эйвинд, оба мужи красивые и многообещающие. Эйвинд жил дома с отцом, а Сам был женат и жил в северной части долины, на хуторе, который называется Двор Игрищ. У него был дома полный достаток. Сам был человек очень заносчивый и хорошо знал законы. Эйвинд же стал купцом, и уехал в Норвегию, и пробыл там зиму. Потом он отправился в чужие страны и остался в Миклагарде^[142]. Он прожил там некоторое время и снискал расположение греческого короля.

Изо всего богатства Храфнкель особенно дорожил своим конем гнедой масти, которого он назвал Конем Фрейра. Половину этого коня он отдал Фрейру, своему другу. Храфнкель так любил этого коня, что дал обет покарать смертью всякого, кто на него сядет.

IV

Жил человек по имени Торбьёрн. Он приходился Бьярни братом и жил в Храфнкелевой Долине, на хуторе, который назывался Холм, к востоку от Главного Двора. Достатку у Торбьёрна было мало, а ртов в семье много. Старшего сына его звали Эйнар, он был человек рослый и дельный.

Однажды весною Торбьёрн сказал Эйнару, пусть, мол, приищет себе какую-нибудь работу.

— Ведь здесь мы и сами сумеем управиться. Ты же можешь хорошо устроиться, ведь ты человек дельный. И не думай, что я мало люблю тебя и потому выпроваживаю, ты значишь для меня больше, чем другие мои дети. Меня вынуждает к этому бедность моя и нищета. И другие мои дети станут работниками, ты, однако ж, устроишься лучше них.

Эйнар отвечает:

— Поздно же ты сказал мне об этом, ведь теперь на все лучшие работы люди уже наняты, а мне не улыбается брать то, от чего отказались другие.

Раз Эйнар сел на коня и поехал в Главный Двор. Храфнкель был в доме. Он ласково и радушно приветствует Эйнара. Тот хочет наняться к Храфнкелю. Храфнкель отвечает:

— Что же ты так поздно спохватился? Уж я бы взял тебя первого, а теперь я нанял всех людей, и не могу нанять тебя, кроме как на такую работу, за которую ты не захочешь и взяться.

Эйнар спросил, что же это за работа. Храфнкель сказал, что он еще не нашел человека пасти овец, а между тем пастух ему очень нужен. Эйнар ответил, что его нисколько не заботит, какая работа ему достанется, и прибавил, что он хочет получить харчи на круглый год.

— Я сразу же скажу тебе мои условия, — сказал Храфнкель. — Ты должен пасти пятьдесят овец на летнем пастбище и собирать хворост. За эту работу ты получишь харчи на круглый год. Но еще об одном хочу я условиться с тобою, как я всегда договариваюсь с пастухами. Конь Фрейра пасется в долине со своим табуном. Ты будешь зимою и летом за ним присматривать. Но мне надобно тебя предостеречь: я хочу, чтобы ты никогда на него не садился, как бы ни было тебе нужно. Ибо я клятвенно обещал покарать смертью всякого, кто на него сядет. С ним пасутся двенадцать кобыл. Днем ли, ночью — бери какую хочешь. А теперь делай, как я говорю, потому что есть старая поговорка: невиновеи тот, кто предостерег. Теперь ты знаешь мою волю.

Эйнар сказал, что ему не придет в голову садиться на запретного коня, раз у него будет столько других.

И вот Эйнар пошел домой за одеждой и перебрался на Главный Двор, а потом на летовье, что зовется Каменник, над Храфнкелевой Долиной.

Летом у Эйнара все отлично ладится, так что до середины лета не пропало ни одной овцы. Но вдруг однажды ночью он недосчитался чуть ли не тридцати овец. Эйнар ищет по всему пастбищу, но ничего не находит. Овец нет почти неделю.

Вот однажды утром Эйнар вышел пораньше: туман, надвинувшийся с юга, рассеялся и морось перестало. Эйнар берет в руку палку, захватывает узду и потник и переправляется через реку Каменницу, протекающую под самым летовьем. Там на гальке лежали овцы, которые ночевали на месте. Он погнал их назад к летовью и отправился искать недостающих. Он видит: дальше на отмели пасется табун, и думает отловить себе лошадь, прикидывая, что конный он объедет округу быстрее, чем пеший. Подойдя к лошадям, он погнался за ними, но они были пугливы, так как не привыкли ходить под седлом, все, кроме Коня Фрейра. Конь же стоял как вкопанный. Эйнар подумал, что уже утро и Храфнкель не узнает, что он ездил на коне. И вот он берет коня, взнуздывает его, постилает на спину потник и едет вверх мимо ущелья Каменки, потом еще вверх к ледникам на запад по краю ледников, туда, где берет начало Ледниковая Река, и потом вниз вдоль реки по направлению к Летовью Дымов. На летовьях он спрашивал у всех пастухов, не видел ли кто его овец, но все отвечали, что не видели.

Эйнар проездил на Коне Фрейра с самого рассвета и до середины вечера. Конь стрелою носил его повсюду, ибо это был добрый конь. Эйнар спохватился, что пора назад, загонять домой тех овец, что на месте. Поехал он тогда через холмы на восток, в Храфнкелеву Долину, и лишь только спустился к Каменнику, слышит овечье бляенье у ущелья, где он проезжал раньше. Поворачивает туда и видит: бегут ему навстречу тридцать овец, те самые, которых он недосчитался неделю назад. И он погнал их домой.

Конь был весь в мыле, и пот капал с каждой его шерстинки. Он весь перепачкался в глине и совсем выбился из сил. Он повалялся по земле, двенадцать раз перекатившись с боку на бок, потом испустил громкое ржанье и помчался вниз по дороге. Эйнар побежал следом и хочет преградить коню путь, поймать его и вернуть в табун, но тот шарахался в сторону и не подпускал Эйнара к себе.

Конь без передышки бежал вниз, в долину, пока не достиг Главного

Двора. Храфнкель в это время сидел за столом. Конь громко заржал, подбежав к дверям. Храфнкель обратился к женщине, прислуживавшей ему за столом и велел ей подойти к дверям.

— Там заржал конь, и, похоже, по голосу, что это Конь Фрейра.

Она выходит и видит Коня Фрейра в самом неприглядном виде. Она говорит Храфнкелю, что Конь Фрейра стоит у дверей весь в грязи.

— Что нужно моему коню? Что заставило его прискакать домой? — говорит Храфнкель. — Не к добру это.

Потом он выходит и, увидев Коня Фрейра, с ним заговаривает:

— Скверно, что с тобою так обошлись, питомец. Но дома ты пришел в себя и все мне рассказал. Я отомщу за тебя. Ступай теперь в свой табун.

И тот поскакал вверх по долине к табуну.

VI

Храфнкель лег в тот вечер в постель и проспал ночь. Наутро он велел седлать себе коня и поехал на летовье. Он едет одетый в синее. В руке у него секира и больше никакого оружия.

Эйнар согнал всех найденных овец в загон. Сам он улегся на стенке загона и пересчитывал скот, а женщины доили. Они поздоровались с Храфнкелем. Тот спросил, как дела. Эйнар отвечает:

— Было у меня не все ладно: с неделю пропадали тридцать овец, но теперь они нашлись.

Храфнкель говорит, что это не в счет.

— Не случилось ли чего похуже? Не так уж часто пропадали у тебя овцы, как это обычно бывает. Но не ездил ли ты часом вчера на Коня Фрейра?

Тот говорит, что не может этого отрицать. Храфнкель отвечает:

— Как же ты ездил на коне, для тебя запретном, когда здесь довольно таких, на которых тебе позволено ездить? Я бы, пожалуй, простил тебе вину, если бы не дал обета. Но все же хорошо, что ты признался.

И, веря, что не будет счастья человеку, преступившему клятву, он соскочил с коня, подбежал к Эйнару и зарубил его насмерть.

После этого он едет домой в Главный Двор и рассказывает, что случилось. Затем он отправляет другого человека пасти овец на летовье. А Эйнара велит перенести к склону на запад от летовья и ставит на его могиле горку из камней. Она называется Могилой Эйнара и указывает на закат от летовья.

Торбьёрн прослышал у себя на хуторе Холм об убийстве своего сына Эйнара и тяжело воспринял эту весть. Вот садится он на коня и едет в Главный Двор и требует с Храфнкеля виру за сына. Тот отвечает на это, что случилось ему убивать людей и до Эйнара:

— И для тебя не новость, что я никому не платил виры, и людям приходится мириться с этим. И все ж признаю, что это убийство мне и самому кажется едва ли не худшим из всех, что я совершил. Мы с тобою уже давно соседи. Я относился к тебе хорошо, и ты отвечал мне тем же. У нас с Эйнаром не вышло бы никакой размолвки, если бы он не сел на того коня. Но мы часто раскаиваемся в том, что слишком много болтаем, и реже корим себя за то, что сказали меньше, чем следует. Я хочу теперь показать делом, что считаю этот свой поступок хуже всех, что когда-либо совершал. Я берусь снабжать твое хозяйство молоком в летние месяцы и мясом осенью, и так каждые полгода, пока ты намерен хозяйствовать. Я сниму с тебя заботу о твоих сыновьях и дочерях и обеспечу для них хорошие браки. И если сыщется что-нибудь в моих хранилищах, в чем случится тебе впредь нуждаться, только скажи мне об этом, и ты отныне не будешь испытывать недостатка ни в чем, что тебе нужно. Хозяйствуй, сколько нравится, а как прискучит, приходи сюда. Я стану заботиться о тебе до самой твоей смерти. Помиремся на этом. Не удивлюсь, если многие скажут, что дорого обошелся мне тот человек.

— Я не пойду на это, — ответил Торбьёрн.

— Чего же ты хочешь? — спросил Храфнкель.

Тогда Торбьёрн сказал:

— Чтобы мы выбрали людей рассудить нас.

Храфнкель отвечает:

— Значит, ты равняешь себя со мною? Так мы никогда не помиремся!

С этим Торбьёрн уехал. Он поехал вниз по долине и, достигнув Горячего Источника, встретился там с Бьярни, своим братом, и, рассказав ему о случившемся, попросил, чтобы тот принял какое-нибудь участие в этой тяжбе. Бьярни сказал, что не на равных придется им судиться с Храфнкелем.

— Хотя бы мы распорядились и большими деньгами, все равно нельзя нам меряться силою с Храфнкелем. Правду говорят, что тот мудр, кто себя знает. Он обвел вокруг пальца многих, у кого кулаки были покрепче наших. Сдается мне, что ты поступил не по-умному, отказавшись от такого

хорошего предложения. Я же не хочу в это ввязываться.

Тут Торбьёрн наговорил своему брату много недобрых слов и сказал, что постыдно так поступать, тем паче в таком важном деле. С этим он уехал, и расстались братья не слишком приветливо.

Он ехал без передышки, пока не спустился ко Двору Игриц. Постучался в дверь, и ему открыли. Торбьёрн спрашивает Сама. Сам радушно встретил родича и пригласил его погостить. Торбьёрн стал отнекиваться. Сам видит, что Торбьёрн невесел, и спрашивает, что такое случилось. Тот рассказал ему про убийство своего сына Эйнара.

— Не велика новость, — сказал Сам, — если Храфнкель кого и убил.

Торбьёрн спрашивает, не согласится ли Сам оказать ему поддержку.

— Дело ведь такое: хотя убитый всех ближе приходится мне, удар задевает и тебя.

— А ты не пытался потребовать у Храфнкеля возмещения?

Торбьёрн рассказал все, что вышло у них с Храфнкелем.

— Мне никогда прежде не доводилось слышать, — говорит Сам, — чтобы Храфнкель предлагал кому-нибудь столько, сколько тебе. Я готов поехать с тобою в Главный Двор, выразим покорность Храфнкелю и поглядим, не отступился ли он от своего предложения. Он, верно, так или иначе, пойдет нам навстречу.

— Во-первых, — сказал Торбьёрн, — Храфнкель теперь откажется, а во-вторых, меня и теперь его предложение устраивает ничуть не больше, чем тогда, когда я оттуда уехал.

Сам говорит:

— Трудно, я думаю, меряться с Храфнкелем силами на суде.

Торбьёрн отвечает:

— Вы, молодежь, никогда ничего не добьетесь — так вы всего боитесь. Вижу я, ни у кого нет таких никчемных родичей, как у меня. И мне кажется, низко ведет себя тот человек, кто, как ты, мнит себя знатоком законов и упивается пустячными тяжбами, а между тем отказывается принять на себя это дело, такое бесспорное. Всякий будет укорять тебя, и поделом: ведь ты самый большой хвостун в нашем роду. Теперь я вижу, что к чему.

Сам отвечает:

— Много ли тебе проку, если я возьму это дело, и мы оба потерним неудачу?

Торбьёрн отвечает:

— И все же мне будет большим утешением, если ты поведешь эту тяжбу. А там будь что будет.

Сам отвечает:

— Не по доброй воле иду я на это. Делаю я это больше ради нашего родства. Но знай, мне сдается, что, помогая тебе, я оказываю услугу глупцу. Тут Сам протянул руку и принял дело Торбьёрна.

VIII

Потом Сам садится на копя и едет долиною вверх к какому-то хутору и, при свидетелях, объявляет Храфнкеля убийцей. Храфнкелю стало известно об этом, и ему показалось смешным, что Сам затевает с ним тяжбу.

Вот прошла зима, и весной, когда подошло время вызовов в суд, скачет Сам к Главному Двору и вызывает Храфнкеля на суд за убийство Эйнара. Вслед за тем Сам едет по долине и скликает соседей на тинг^[143] и, пока люди не собрались для поездки, ничего больше не предпринимает.

Храфнкель тоже разослал людей по долине и стал собирать народ. Он набирает семьдесят человек и едет с ними на восток через Перевал Речной Долины и но краю озера, а потом напрямик через холмы в Долину Обвалов, вверх по Долине Обвалов, на юг через Топоровый Перевал к Фьорду Медведицы, оттуда же прямо дорогою тинга через Побережье. На юг от Речной Долины семнадцать дней пути до Полей Тинга.

Вслед за тем как они уехали, собирает людей Сам. Соглашаются с ним ехать все больше бобыли и те, кого он уговорил раньше. Всем этим людям Сам роздал оружие и припасы в дорогу. Сам выезжает из долины другим путем. Он направляется на север к Мостам и едет через мост, а оттуда через Перевал Крапивной Долины. В Крапивной Долине они и заночевали, а оттуда поехали к Междуречью у Плечистых Гор и, перейдя через Черные Горы, спустились в Кривую Долину и на юг к Пескам, а там спустились с Песочной Горы и так — к Полям Тинга. Храфнкеля там еще не было: он задержался потому, что дорога у него была длиннее.

Сам ставит землянку для своих людей в отдалении от того места, где обычно располагаются жители Восточных Фьордов. Немного погодя приезжает на тинг и Храфнкель. Он ставит землянку как обычно. Ему становится известным, что Сам на тинге, и это его забавляет.

Тот тинг был очень многолюдным. На нем собрались почти все знатные люди, жившие тогда в Исландии. Сам всех их разыскивает и просит у них помощи и поддержки. Но все твердят одно: никто не считает себя настолько в долгу перед Самом, чтобы вступать в тяжбу с Храфнкелем

Годи и тем подвергать опасности свое доброе имя. Они еще прибавляют, что почти всех, кто тягался с Храфнкелем на тинге, ждала одна участь: всех их Храфнкель заставлял бросить дело, которое они против него затевали.

Сам идет назад к себе в землянку. И было у родичей очень тяжело на сердце, и думали они, что дело их, верно, провалится и не принесет им ничего, кроме позора и унижения. И такое отчаяние охватило родичей, что они не могут ни спать, ни есть: ведь все знатные люди отказали им в помощи, в том числе и те, на кого они особенно уповали.

IX

Однажды ранним утром просыпается старый Торбьёрн. Он будит Сама и просит его встать:

— Не спится мне.

Сам встает и одевается. Они выходят и спускаются к Топоровой Реке, пониже моста. Там они умываются. Торбьёрн сказал Саму:

— Мое мнение, что тебе надо пригнать наших лошадей, и давай собираться домой. Теперь ясно, что нас не ждет ничего, кроме унижения.

Сам отвечает:

— Это мне нравится! Да ведь ты не желал ничего, кроме как распри с Храфнкелем, и не принял предложения, за которое ухватились бы многие из тех, кто хочет сквитаться за смерть своего родича. Ты упрекал нас в трусости, меня и всех тех, кто не хотел поддерживать тебя в этом деле. Теперь же я отступлюсь не раньше, чем потеряю всякую надежду хоть чего-нибудь здесь добиться.

Торбьёрн был так тронут этим, что заплакал.

И тут они увидели, как на западном берегу реки, немного ниже того места, где они сидели, вышли из землянки пятеро. Тот, кто шел впереди, был высок ростом, но не очень могучего сложения, одет в травянисто-зеленый плащ и держал меч наизготове. У него были правильные черты лица, яркий румянец, и он был хорош собою. Волосы у него были темно-русые и очень густые. Этот человек был приметен тем, что с левой стороны у него в волосах была светлая прядь.

Сам сказал:

— Встанем-ка и перейдем на западный берег навстречу тем людям.

Они спускаются вдоль реки, и тот, кто шел впереди, первым здоровается с ними и спрашивает, кто они такие. Они ему ответили. Сам спросил у того человека, как его зовут, и он назвался Торкелем и сказал, что

он сын Тьостара. Сам спросил, откуда он родом и где живет. Тот сказал, что он родом с Западных Фьордов, а живет у Трескового Фьорда. Сам спросил:

— Не годи ли ты?

Тот ответил, что до этого ему далеко.

— Тогда ты бонд? — спросил Сам.

Он сказал, что нет. Сам спросил:

— Кто же ты тогда такой?

Тот отвечает:

— Я человек одинокий. Я приехал в Исландию прошлой весной. А семь лет провел в Миклагарде и стал приближенным короля Миклагарда. Но сейчас я живу у своего брата по имени Торгейр.

— А он не годи ли? — спрашивает Сам.

Торкель отвечает:

— Да, он и вправду годи Трескового Фьорда и вообще Западных Фьордов.

— А что, он здесь, на тинге? — спрашивает Сам.

— Он и правда здесь.

— Сколько при нем людей?

— Семьдесят, — говорит Торкель.

— А еще у тебя есть братья?

— Есть еще и третий, — говорит Торкель.

— Кто же? — спрашивает Сам.

— Его зовут Тормод, — отвечает Торкель, — а живет он во Дворах на Лебедином Мысу. Он женат на Тордис, дочери Торольва, сына Скаллагрима из Городища.

— Не окажешь ли ты нам помощи? — спрашивает Сам.

— А что вам нужно? — говорит Торкель.

— Поддержка и сила знатных людей, — говорит Сам, — ибо мы намерены судиться с Храфнкелем Годи по поводу убийства Эйнара, сына Торбьёрна, и с вашей поддержкой мы вполне ручаемся за исход дела.

Торкель отвечает:

— Но я же сказал, что я не годи.

— Почему это тебя так обделили? Разве ты не такой же сын знатного человека, как и другие твои братья?

Торкель сказал:

— Я не говорил тебе, что мне ничего не досталось, но, прежде чем уехать из Исландии, я передал свою власть годи Торгейру, моему брату, и с тех пор не пытался вернуть ее, потому что мне очень на руку, что он годи. Ступайте поговорите с ним и просите у него поддержки. Он человек

недюжинный и благородный, во всем хорошо разбирается, а к тому же молодой и честлюбивый. Такой человек вернее всего вам поможет.

Сам говорит:

— Мы ничего не добьемся, если ты не замолвишь за нас слово.

Торкель отвечает:

— Готов пообещать, что буду скорее за вас, нежели против, потому что, по-моему, это законное право всякого человека требовать возмещения за убийство своего близкого родича. Ступайте же теперь к той землянке и зайдите внутрь. Там все еще спят. Вы увидите там два спальных мешка поперек землянки. В одном спал я, а в другом лежит мой брат Торгейр. Когда он приехал на тинг, у него сделался большой нарыв на ноге, и из-за этого он плохо спал ночью. А теперь нарыв прорвался и гной вышел, и он после этого заснул. А ногу он выставил из мешка и примостил на подставку — так она у него горит. Пусть этот старик идет вглубь землянки. Он, похоже, совсем слаб глазами и дряхл. Когда ты, старик, — говорит Торкель, — подойдешь к мешку, тебе надо посильнее споткнуться и упасть на подставку. Ухватись за обвязанный палец и дерни как следует, а там увидишь, как Торгейр поведет себя.

Сам сказал:

— Ты, верно, будешь нам добрым советчиком, но это не кажется мне разумным.

Торкель отвечает:

— Что-нибудь одно: либо вам придется делать, как я говорю, либо не

просите у меня советов.

Сам в ответ на это сказал:

— Нужно сделать, как он советует.

Торкель сказал, что придет попозже, потому что сейчас он ждет своих людей.

X

Вот Сам с Торбьёрном заходят в землянку. Там все спали. Вскоре они увидели, где лежит Торгейр. Старый Торбьёрн пробирался впереди, спотыкаясь. Подойдя к спальному мешку, он упал прямо на подставку для ног, схватился за больной палец и дернул. Торгейр проснулся, вскочил и спрашивает, кто это ходит тут, не разбирая дороги, и наступает людям на ноги, которые и без того болят. И Торбьёрн с Самом не нашлись, что ответить.

Тут в землянку вбежал Торкель. Он сказал Торгейру, своему брату:

— Полно рвать и метать, родич, ничего с тобой не случится. Многие хотят одно, а выходит другое, и трудно бывает за всем уследить, когда на душе большая забота. Понятно, у тебя болит нога, которая так сильно нарывала, и никто не чувствует этого лучше тебя. Но может статься, что этому старику доставляет не меньшую боль смерть его сына, ведь он не получил за нее возмещения, а сам он беспомощен. И он чувствует это, как никто другой. Не удивительно, что человек с такою заботой на душе не может равно за всем уследить.

Торгейр говорит:

— Я не думаю, что он может поставить мне это в вину, ведь я-то не убивал его сына, и поэтому он не мне должен мстить за это.

— Он и не собирался тебе за это мстить, — говорит Торкель. — Он налетел на тебя с такою силой нечаянно и поплатился за свою слепоту: ведь он ждал найти у тебя помощь. И это благородно — помочь в нужде старому и беспомощному человеку. Долг, а не корысть побуждает его судиться из-за убийства сына, а все знатные люди отказали им в поддержке, выказав тем самым большое неблагородство.

Торгейр спросил:

— Кого обвиняют эти люди?

Торкель ответил:

— Храфнкель Годи убил ни за что сына Торбьёрна. Он совершает одно преступление за другим и никому не желает платить виры.

Торгейр сказал:

— Я присоединяюсь к остальным. Насколько я знаю, я ничем таким не обязан этим людям, чтобы пойти на распрю с Храфнкелем. Он, по-моему, каждое лето одинаково расправляется со всеми, кто затевает с ним тяжбу; большинству эта тяжба приносит мало почета или вовсе никакого, и со всеми бывает одно и то же. Вот, думаю, почему те, кого не вынуждает долг, не расположены ввязываться в тяжбу с ним.

Торкель говорит:

— Быть может, и я повел бы себя так же, имей я власть. И мне казалось бы, что мало хорошего в распре с Храфнкелем. Но сейчас я смотрю на это иначе: по мне, лучше уж потягаться с тем, от кого все терпят. И мне кажется, что возросло бы уважение ко мне или к кому другому, кто сумел бы взять верх над Храфнкелем, и меня бы не стали меньше уважать, если бы и со мною вышло, как с другими. Ведь что случается с большинством, может быть и со мною. Но не рискнешь — не получишь.

— Вижу, — говорит Торгейр, — что ты склоняешься к тому, чтобы помочь этим людям. Тогда я, пожалуй, передам тебе свою власть годи. Пусть у тебя будет все то, что доньше было у меня, и таким образом мы поделимся поровну. Тогда помогай им, если тебе нравится.

— Я считаю, — говорит Торкель, — что будет лучше, если власть годи как можно дольше останется у тебя. Никто мне так не по душе на этом месте, как ты, потому что тебе дано больше разума, чем любому из нас, братьев. Я же все никак не решу, за что мое теперь приняться. Ты ведь знаешь, родич, что я мало к чему приложил руку с тех пор, как вернулся в Исландию. Но теперь я вижу, во что ставят мои советы. Я высказал пока все, что хотел. Что ж, Торкель Светлая Прядь пойдет туда, где будут больше ценить его слова!

Торгейр говорит:

— Теперь мне ясно, к чему все клонится, родич. Ты разобиделся, и напрасно. Если тебе так хочется, мы поможем этим людям, к чему бы это ни привело.

Торкель сказал:

— Я прошу только о таком, что, по-моему, лучше исполнить.

— А на что считают себя способными сами эти люди, — спрашивает Торкель, — чтобы добиться успеха в своей тяжбе?

— Я уже говорил сегодня: нам нужна только поддержка знатных людей, а ведение тяжбы я беру на себя.

Торгейр сказал, что это облегчает помощь.

— А теперь дело за тем, чтобы получше подготовиться к тяжбе. Мне

кажется, Торкель хочет, чтобы вы зашли к нему раньше, чем откроется суд. И тогда одно из двух: ваше упорство принесет вам либо утешение, либо унижение больше прежнего, горе и разочарование. Теперь же ступайте домой и будьте веселы, потому что, если уж вы затеваете тяжбу с Храфнкелем, вам все это время надо держаться стойко. И никому не говорите, что мы обещали вам поддержку.

И они пошли к себе в землянку и стали пить пиво и веселиться. Все удивлялись, как это у них так скоро переменялось настроение, ведь, уходя из дому, они были совсем не веселы.

XI

И вот они ждут, когда откроется суд. Тогда Сам созывает своих людей и идет к Скале Закона, где тогда совершался суд. Сам начинает тяжбу решительно, тотчас называет свидетелей и возбуждает дело против Храфнкеля Годи по законам страны, без запинки и веско изложив свое дело. Тут скоро подросли сыновья Тьостара и множество их людей. Их поддержали все, кто приехал с Западного Побережья, и сразу стало видно, что сыновья Тьостара не имели недостатка в друзьях.

Сам говорил до тех пор, пока не настало время вызывать Храфнкеля защищаться, если только на суде не окажется человека, кто пожелал бы выступить в его защиту, как это полагалось по закону. Все громко выражали одобрение словам Сама, и никто не вызвался защищать Храфнкеля.

Люди прибежали к землянке Храфнкеля и рассказали ему, что происходит. Он не стал мешкать, созвал своих людей и направился к суду, ожидая, что не встретит большого сопротивления. Он хотел отвалить этих людишек от тяжб, думая сорвать суд и посрамить Сама. Но теперь об этом не могло быть и речи. Впереди собралась такая толпа, что Храфнкелю не удалось подойти к суду. Его оттеснили назад, и он даже не слышал речи тех, кто его обвинял. Поэтому ему было невозможно отвести от себя обвинение.

А Сам с таким знанием дела провел тяжбу, что Храфнкель на этом тинге был объявлен вне закона.

Храфнкель тут же вернулся к себе в землянку, велел седлать коней и пустился прочь с тинга, очень недовольный исходом тяжбы: никогда с ним не случалось прежде подобного. Едет он на восток к Перевалу Вересковой Долины, а там на восток к Побережью и нигде не останавливается, покуда

не приезжает домой, в Долину Храфнкеля. Там он живет на Главном Дворе, как ни в чем не бывало.

А Сам остался на тинге и ходил, задрав нос. Многие очень радовались тому, что все так сложилось и Храфнкель посрамлен: теперь вспомнили, что многих он обижал.

XII

Сам дожидается окончания тинга. Люди снаряжаются домой. Он благодарит братьев за поддержку, а Торгейр спрашивает его, смеясь, что он думает обо всем случившемся. Сам сказал, что, на его взгляд, все сошло хорошо.

Торгейр сказал:

— Думаешь, ты чего-то добился по сравнению с прежним?

Сам сказал:

— По-моему, Храфнкель наконец посрамлен и позор его не скоро забудется. И тут идет речь о немалых деньгах.

— Человек еще не полностью осужден, пока не состоялось изъятие имущества. И полагается, чтобы это было в собственном его доме через четырнадцать ночей после взятия оружия.

А взятием оружия назывался общий разъезд с тинга.

— И думаю, — говорит Торгейр, — что Храфнкель уже вернулся домой и намеревается удержаться в Главном Дворе. Думаю, что он сохранит там власть над вами. Ты же лучше всего поезжай домой и сиди у себя на хуторе, если сумеешь. Мне кажется, ты достиг своею тяжбой лишь того, что его объявили на суде вне закона. Но думаю, что он и теперь будет не меньше, чем прежде, держать всех в страхе, если тебе не придется и похуже.

— Меня ничуть это не заботит, — говорит Сам.

— Ты храбрый человек, — говорит Торгейр, — и, кажется, родич мой Торкель не думает оставлять тебя на произвол судьбы. Он хочет помогать тебе до тех пор, пока все не решится между тобой и Храфнкелем, и ты сможешь быть тогда спокойным. Вы, верно, понимаете, что теперь мы и подавно будем с тобой заодно, раз уж мы положили на это столько сил. Мы сейчас даже поедem с тобой ради этого к Восточным Фьордам. И может быть, ты знаешь какую-нибудь другую дорогу к Восточным фьордам?

Сам ответил:

— Я намерен ехать той же дорогой, что я ехал оттуда.

Сам остался доволен разговором.

XIII

Торгейр выбрал себе людей и взял сорок человек. С Самом: тоже ехало сорок. Все они хорошо запаслись оружием и лошадьми.

Едут они тою же дорогой, пока не добираются рано на рассвете до Ледниковой Долины. Они переправляются по мосту через реку. А это было как раз в то утро, когда должно было совершаться изъятие имущества. Торгейр спрашивает, как бы им застать Храфнкеля врасплох. Сам обещал что-нибудь придумать. Он сворачивает с дороги, забирается на крутой холм и едет по гребню между Долиной Храфнкеля и Ледниковой Долиной, пока они не подъехали со стороны гор к тому месту, под которым стояли постройки Главного Двора. Оттуда расходились на перевал поросшие травой тропы, а вниз, в долину, шел крутой спуск. Там-то внизу и стоял двор.

Тут Сам сошел с коня и сказал:

— Пустим здесь наших коней, двадцать человек за ними присмотрят, а мы, шестьдесят числом, побежим к хутору. Думаю, там мало кто на ногах.

Они так и сделали, — это место зовется теперь Конской Тесниной, — и ринулись к хутору.

Час подъема миновал, но в доме еще не встали. Они прошибли бревном дверь и бросились в дом. Храфнкель лежал в постели. Они вытащили его и всех, кто мог носить оружие. Женщин и детей согнали в отдельный дом.

Во дворе стоял сарай. От него к стене жилого дома шла перекладина для сушки белья. Они подводят к ней Храфнкеля и его людей. Тот стал предлагать большой выкуп за себя и своих людей. Когда же это не помогло, он стал просить сохранить людям жизнь.

— Ведь они ничем перед вами не провинились. Мне же не будет позора, если вы меня и убьете. Я не стану просить пощады. Лишь от унижения прошу меня избавить, оно не принесет вам славы.

Торкель сказал:

— Мы слышали, что ты бывал не очень-то уступчив со своими врагами, и хорошо, что сегодня ты изведешь это на себе.

Они хватают Храфнкеля и его людей и скручивают им руки за спиной. Потом они взломали сарай и сняли с крючьев веревку, достали ножи, проткнули им щиколотки, вдели веревки и вздернули их на перекладину,

связав всех восьмерых вместе.

Торгейр сказал:

— Вот и получил ты, Храфнкель, по заслугам, а ведь, верно, еще недавно тебе казалось немыслимым, чтобы кто-нибудь подверг тебя такому позору. А ты что выберешь, Торкель: будешь сидеть здесь возле Храфнкеля и сторожить их или пойдешь с Самом на расстояние полета стрелы от усадьбы и объявишь где-нибудь на каменистом пригорке, где нет ни поля, ни луга, об изъятии имущества?

Это было принято делать тогда, когда солнце стояло прямо на юге.

Торкель сказал:

— Я лучше посижу возле Храфнкеля. Эта работа, кажется, полегче.

Пошли тогда Торгейр с Самом и объявили об изъятии имущества, а возвратясь, сняли Храфнкеля и его людей и положили их на траве возле дома. Кровь уже заливала им глаза.

Торгейр сказал Саму, пусть поступает с Храфнкелем, как знает, «потому что, по-моему, с ним уже немного хлопот».

Сам на это отвечает:

— Выбирай одно из двух, Храфнкель. Первое — это тебя уведут со двора, тебя и всех, кого я пожелаю, и там убьют. Но так как ты кормишь многих, я хочу дать тебе возможность продолжать о них заботиться. Если хочешь сохранить себе жизнь, ступай прочь с Главного Двора со всеми своими людьми и бери с собой добра не больше, чем я тебе выделю, а это будет самая малость. Я же стану жить в твоих владениях и пользоваться всею твоей властью. И ни ты, ни наследники твои пусть на них не притязают. И ты не должен селиться ближе, чем к востоку от Перевала Речной Долины. Если ты примешь такие условия, ударим по рукам.

Храфнкель сказал:

— Многие предпочли бы скорую смерть такому унижению, но я поступлю подобно многим другим и выберу, если есть такой выбор, жизнь. Делаю я это больше ради своих сыновей, потому что их ждет жалкая судьба, если я умру и их покину.

Тогда Храфнкеля развязали, и он сдался на волю Сама. Тот оделил Храфнкеля добром по своему усмотрению и дал ему лишь самую малость. У Храфнкеля осталось его копье, но больше никакого оружия.

В тот же день Храфнкель оставил Главный Двор, а с ним и все его домочадцы. Торкель сказал тогда Саму:

— Не понимаю, зачем ты так делаешь. Ты еще горько раскаешься в том, что оставил ему жизнь.

Сам сказал:

— Будь что будет.

XIV

Храфнкель переселился теперь на восток от Перевала Речной Долины: за Речную Долину и к востоку от Озерной Реки. У конца озера стоял хуторок под названием Крайний Уступ. Храфнкель купил эту землю в долг, потому что у него хватало средств разве что на домашнюю утварь.

Ходило много разговоров о том, как рухнуло его самовластие, и многие вспоминали старую поговорку, что, мол, краток век у гордыни.

Та земля была обильна лесом и обширна, но необжита, потому и досталась ему так дешево. Но Храфнкель не считался с расходами и валил лес, потому что его было много, и выстроил себе большой хутор, который стали называть Храфнкелевым Двором. С тех пор его всегда считали хорошим хутором.

Первые полгода Храфнкель терпел большие лишения. Подспорьем была ему рыбная ловля. Пока строился хутор, Храфнкель работал не покладая рук. На первую зиму он оставил себе телят и козлят и так хорошо за ними смотрел, что почти все животные под его присмотром выжили. Можно было подумать, что у каждого прямо по две головы. Том же летом в Озерную Реку пришло множество рыбы. Это очень поддержало хозяйства в округе, и лов оставался хорошим все лето.

XV

Вот Сам принялся хозяйничать на Главном Дворе, где раньше хозяйничал Храфнкель. Он задает пышный пир и зовет на него всех, кто раньше ездил на тинг с Храфнкелем. Сам берётся быть их предводителем вместо Храфнкеля. Люди согласились на это, но не всем это нравилось.

Сыновья Тьостара советовали Саму, чтобы он был мягок, и щедр, и отзывчив к своим людям, опора всякому, кто в нем нуждается.

— Тогда что за люди они будут, если не поддержат тебя в любом деле! Мы даем тебе этот совет, желая тебе во всем удачи, потому что ты кажешься нам стоящим человеком. Теперь же не зевай и будь начеку, ведь от злого надо ждать зла.

Сыновья Тьостара послали за Конем Фрейра и его табуном, сказав, что им хочется взглянуть на животных, о которых столько рассказывают.

Лошадей привели к дому, и братья их оглядели.

Торгейр сказал:

— Кобылы, на мой взгляд, пригодятся в хозяйстве. Мой совет: пусть они работают, как могут, там, где от них будет польза, пока не свалятся от старости. А жеребец кажется мне ничуть не лучше любого другого, да, пожалуй, и хуже: много принес он зла. Не хочу, чтобы совершались из-за него новые убийства. Пусть лучше берет его к себе тот, кому он принадлежит.

Они выводят жеребца в поле. Там у реки стоит скала, а под нею глубокий омут. Они заводят жеребца на скалу. Сыновья Тьостара накидывают ему на голову мешок, берут длинные жерди и сталкивают его, с камнем на шее, вниз и так умерщвляют. Это место с тех пор называется Скалой Коня Фрейра.

Там внизу стояло капище, которое принадлежало раньше Храфнкелю. Торкель пожелал зайти в него. Он посрывал с богов все ценности, а потом велел поджечь капище.

Немного ногодя собираются гости домой. Сам оделяет обоих братьев богатыми дарами, они клянутся друг другу в нерушимой дружбе и расстаются добрыми друзьями. Братья едут прямою дорогой к Западным Фьордам и возвращаются домой, к Тресковому Фьорду, с большим почетом.

А Сам поселил Торбьёрна на Дворе Игрищ. Теперь он должен был жить там. Жена же Сама переехала к нему на Главный Двор, и Сам стал жить там.

XVI

Храфнкель прослышал у себя на востоке, в Речной Долине, что сыновья Тьостара умертвили Коня Фрейра и сожгли храм, и он сказал:

— Я думаю, это вздор — верить в богов.

И прибавил, что отныне он никогда не станет в них верить. Он сдержал слово и больше никогда не совершал жертвоприношений.

Храфнкель оставался в Храфнкелевом Дворе, и богатство само плыло к нему в руки. Вскоре он снискал большую славу в округе. Всякий готов был встать или сесть по его указке.

В ту пору из Норвегии в Исландию приходило множество кораблей. Большинство земель в округе было занято как раз в то время, когда там жил Храфнкель. Никто не мог там селиться свободно, без Храфнкрлева

позволения, так что всем приходилось обещать ему свою поддержку. А он обещал всем свою помощь. Он подчинил себе все земли к востоку от Озерной Реки. И вскоре подвластная ему область стала много больше и многолюднее прежней. Она шла до самой Долины Обвалов и вдоль всей Озерной Реки.

В нраве его теперь произошла перемена, и любить его стали куда больше прежнего. Он по-прежнему отличался щедростью и обязательностью, но любили его гораздо больше, так как он стал мягче и ровнее.

Сам и Храфнкель часто встречались на людях, но никогда не поминали старого. Так прошло шесть зим.

Сам пользовался любовью всех, кто от него зависел, потому что он был человек покладистый и спокойный, всегда приходил на помощь в беде и помнил советы братьев. Сам жил на широкую ногу.

XVII

Рассказывают, что к Китовому Фьорду подошел корабль, а кормчим на нем был Эйвинд, сын Бьярни. Эйвинд провел в чужих странах семь лет. Он многому там научился и стал доблестным мужем. Вскоре ему рассказали обо всех событиях, но он не придавал им большого значения. Он не любил вмешиваться в чужие дела.

Узнав о приезде Эйвинда, Сам тотчас едет к кораблю. Встреча братьев была очень радостной. Сам зовет Эйвинда к себе, и тот охотно соглашается, но просит Сама поехать вперед и выслать лошадей за его товаром. Он вытаскивает корабль на берег и готовит его к зимовке. А Сам едет домой и велит пригнать Эйвинду лошадей. И когда тот распорядился своим товаром, он отправляется в путь к Долине Храфикеля и едет вдоль Китового Фьорда.

Их было всего пятеро, а шестой — мальчик, который прислуживал Эйвинду. Он был исландец и его родич. Мальчика этого Эйвинд вызволил из нужды, взял с собою и заботился о нем, как о самом себе. Этот поступок Эйвинда был тогда у всех на устах, и таково было всеобщее мнение, что мало людей, ему подобных.

Они поднимаются на Перевал Долины Торира и гонят перед собой шестнадцать навьюченных лошадей. Были там двое слуг Сама и трое гребцов с корабля. Все они были в яркой одежде и держали блестящие щиты. Они миновали Долину Обвалов, переехали через гряду холмов к

Речной Долине, к тому месту, что зовется Дровяные Поля, и спустились к пескам Ущельной Реки. Пески эти тянутся от реки на восток между Двором Халльорма и Храфнкелевым Двором. Едут они вверх вдоль Озерной Реки ниже поля у Храфнкелева Двора, а там — мимо конца озера и через Ледниковую Реку к Домовому Броду.

Время было между часом подъема и завтраком. На озере женщина мыла холсты. Она увидела, что едут люди. Подхватывает служанка холсты в охапку и бежит домой. Бросает холсты на дворе возле поленницы и скорее в дом. Храфнкель еще не вставал, в комнатах лежали и некоторые из его домочадцев, работники же разошлись по своим работам. Это было во время сенокоса.

Войдя, женщина заговорила:

— Правду говорили в старину, что, мол, кто стареет, духом слабеет. Мало проку в почете до времени, если потом человек смиряется с бесчестием и не решается отстоять свои права. И диву даешься, как такое могло случиться с тем, кто прежде был храбрецом. А бывают такие, кто, подрастая со своим отцом, кажутся вам ничтожными рядом с вами, а ставши взрослыми, едут в чужие страны и, куда бы ни явились, всюду слывут важными птицами. А как вернуться, мнят себя великой знатью. Эйвинд, сын Бьярни, проезжал здесь Домовым Бродом, и щит у него был такой блестящий, что весь светился. Такой заметный человек как раз подходил бы для мести.

Так говорит служанка с большой горячностью. Храфнкель подымается и ей отвечает:

— Может быть, ты говоришь сущую правду, но это не из-за того, что ты хочешь добра. Теперь тебе прибавится работы. Поезжай, да поживее, на юг к Широим Полям за сыновьями Халльстейна, Сигватом и Снорри. Проси их тотчас ехать ко мне со всеми, кто может держать оружие.

Другую служанку шлет он ко Двору Хрольва за сыновьями Хрольва, Тордом и Халли, и всеми теми, кто там способен держать оружие. И те и другие — все были люди хоть куда. Храфнкель послал и за своими работниками. Всего собралось восемнадцать человек. Они на славу вооружились и скачут в погоню за теми, кто впереди.

XVIII

Эйвинд со своими людьми уже поднялся на перевал. Эйвинд едет на запад вплоть до середины перевала, до того места, что зовется Тропами

Берси. Там тянется голое болото, где тонешь в иле выше щиколотки или по колено, а когда и по пояс. Но под низом там как камень. А к западу есть большое лавовое поле. И когда они вышли на лавовое поле, мальчик оглянулся и сказал Эйвинду:

— Скачут за нами люди, и числом не меньше восемнадцати. Среди них на коне высокий человек весь в синем, и похож он, по-моему, на Храфнкеля Годи, хотя я и давно его не видел.

Эйвинд отвечает:

— Что нам за дело до этого? Не знаю, к чему мне страшиться Храфнкеля. Я не сделал ему ничего плохого. У него, должно быть, дела на западе долины, он едет встретиться со своими друзьями.

Мальчик отвечает:

— У меня предчувствие, что это с тобою хочет он встретиться.

— Насколько я знаю, — говорит Эйвинд, — у них с Самом ничего такого не было с тех пор, как они помирились.

Мальчик отвечает:

— И все же я бы хотел, чтобы ты побыстрее ехал на запад, в долину. Тогда ты будешь в безопасности. Я знаю нрав Храфнкеля: не захватив тебя, он не тронет и нас. Сам убережешься — всех убережешь, вот зверя и нет в ловушке, и это хорошо, что бы с нами ни вышло.

Эйвинд сказал, что он ни за что не станет убегать.

— Потому что я даже не знаю, кто это такие. Людям покажется смешным, если я ни с того ни с сего обращусь в бегство.

Едут они от лавового поля на запад. И вот перед ними другое болото, под названием Бычье, все заросшее травой. Там есть почти непроходимые топи. Потому-то старик Хальфред и проложил тропы поверху, хоть и вышли они длиннее.

Эйвинд едет по болоту на запад. Они сильно увязали и очень задержались. Те же, кто ехал без поклажи, быстро их нагоняли.

Теперь Храфнкель и его люди въезжают в болото. А Эйвинд со своими людьми уже выбрался. Видят они Храфнкеля и обоих его сыновей. Все упрашивают Эйвинда спастись бегством.

— Трудная дорога кончилась. Ты доберешься до Главного Двора, пока между вами болото.

Эйвинд отвечает:

— Не стану бежать от этих людей, если я ничего им не сделал плохого.

Вот выезжают они на гряды. Есть там на гряде горка, а за горкой каменистое поле с редкой порослью травы. Кругом же высокие склоны. Эйвинд едет к полю. Там он спешивается и поджидает тех, других.

Эйвинд говорит:

— Сейчас мы узнаем, что им надо.

Потом они идут на поле и набирают себе камней.

Храфнкель сворачивает с тропы на юг, к полю. Словом не перемолвившись с Эйвиндом, он сразу же напал на него. Эйвинд защищался хорошо и мужественно.

Мальчик Эйвинда решил, что он не настолько силен, чтобы сражаться, вскочил на своего коня и поскакал через холмы на запад, к Главному Двору. Он рассказывает Саму, что стряслось. Сам, не долго думая, послал за людьми. Всего набралось двадцать человек. Они снарядились как следует.

Едет Сам на восток к перевалу, а потом к месту сражения. А там уже все было кончено. Храфнкель ехал с поля битвы на восток. А Эйвинд и все его люди лежали мертвые. Сам сразу же бросился к брату, не дышит ли он. Но ничего нельзя было поправить: они лежали все пятеро мертвые. Со стороны Храфнкеля тоже пало двенадцать человек, а шестеро уехали. Сам не стал там задерживаться и велел людям ехать в погоню. Храфнкель и его люди скачут что есть духу, но лошади у них утомлены. Сам сказал:

— Мы можем их настигнуть, ведь у них лошади устали, а наши скачут быстро, но все будет зависеть от того, догоним ли мы их или нет раньше, чем они съедут с перевала.

А Храфнкель уже переехал через Бычье Болото. Вот скачут и те и другие, пока Сам не поднялся на перевал и не увидел, что Храфнкель уже далеко спустился по склону. Видит Сам, что Храфнкелю удастся скрыться. И он сказал:

— Здесь мы повернем назад, потому что у Храфнкеля теперь не будет недостатка в людях.

На этом Сам поворачивает назад и возвращается туда, где лежал Эйвинд, принимается за дело и насыпает кургаи над ним и его сотоварищами. Эти места называют Поле Эйвинда, Горы Эйвинда и Долина Эйвинда.

XIX

Вот Сам едет со всем товаром домой, на Главный Двор. А возвратившись домой, он шлет за всеми, кто ездит с ним на тинг, и велит явиться к нему утром пораньше. Думает он двинуться на восток через перевал:

— Поедем, что бы ни случилось.

Вечером Сам ложится спать, а людей собралось уже множество.

А Храфнкель прискакал домой и рассказал о случившемся. Он ест, а потом созывает людей, так что собирается у него семьдесят человек, и едет с ними через перевал на запад и, застав Сама врасплох на Главном Дворе, захватывает его в постели и выводит.

И Храфнкель сказал:

— Вот и тебе, Сам, выпало на долю такое, чему бы ты недавно и не поверил: теперь твоя жизнь в моей власти. Но я поступлю с тобою ничуть не менее благородно, чем ты обошелся со мною. Выбирай одно из двух: либо ты будешь убит, либо подчинишься моему решению.

Сам сказал, что выбирает жизнь, но прибавил, что это нелегкий для него выбор. Храфнкель сказал, что он того и ожидал.

— Но тебе досталось от нас по заслугам, и я бы обошелся с тобою вдвое мягче, если бы было с чего. Ты оставишь Главный Двор и переедешь вниз на Двор Игрищ и будешь жить там на своем хуторе. Бери с собою все, чем владел Эйвинд. А отсюда возьмешь добра не больше, чем привез сюда сам. Вот и все, что у тебя будет. Я же беру себе назад власть годи вместе с хутором и всеми владениями. Вижу, изрядно умножилось мое богатство, но ты ничем с этого не поживишься. За брата твоего Эйвинда виры тебе не будет, потому что ты затеял постыдную для меня тяжбу по поводу первого твоего родича и получил за него с лихвою, шесть зим распоряжаясь властью и добром. А убийство Эйвинда и его людей стоит, по мне, не больше, чем раны, полученные мною и моими людьми. Ты изгнал меня из моей округи, а меня устраивает, чтобы ты оставался на Дворе Игрищ. Довольно и этого, если ты не будешь заноситься мне во вред. Ты будешь у меня под властью, покуда мы оба живы. Можешь быть уверен, что придется тебе и похуже, если еще случится нам враждовать.

И вот Сам со всеми своими уезжает и перебирается на Двор Игрищ и обосновывается теперь там.

XX

А Храфнкель селит на Главном Дворе всех своих людей. Сына своего Торира он поселил на Храфнкелевом Дворе, а сам сохранил за собою власть годи всей округи. Асбьёри остался жить с отцом, потому что он был помоложе.

Сам жил всю зиму на Дворе Игрищ. Он был молчалив и нелюдим. Многие замечали, что он недоволен своею участью.

А к концу зимы, когда дни стали длиннее, поехал Сам с одним человеком — а лошадей они взяли трех — через мост, потом через Перевал Крапивной Долины и через Ледниковую Реку на гору, оттуда к Комариному Озеру и оттуда через Речной Перевал и Перевал Светлого Озера, и ехал без отдыха, пока не оказался на западе, у Трескового Фьорда. Его приняли там хорошо. Торкель как раз вернулся из путешествия: четыре зимы его не было в Исландии.

Сам прожил у братьев неделю, отдыхая. А потом он рассказывает им обо всем, что произошло у них с Храфнкелем, и снова просит защиты и помощи.

На этот раз Торгейр говорил больше брата, и он сослался на то, что живут они далеко.

— Большое расстояние нас разделяет. Мы думали, уезжая, что вложили тебе все прямо в руки, так что тебе не составит труда удержать власть. Но случилось, как я и думал, когда говорил, что ты еще пожалеешь, зачем оставил Храфнкелю жизнь. Мы убеждали тебя лишиться его жизни, но ты захотел сделать по-своему. Теперь видно, кто из нас оказался проныцательнее: Храфнкель оставлял тебя в покое и взялся за месть не прежде, чем мог расправиться с человеком, который показался ему поважнее тебя. Мы никак не можем помочь тебе в этой твоей неудаче. И не такая уж нам охота ссориться с Храфнкелем, чтобы мы захотели снова рисковать своим положением. Но мы хотим позвать тебя сюда со всеми твоими домочадцами, если житье здесь покажется тебе менее неприятным, чем под боком у Храфнкеля.

Сам сказал, что у него нету такого желания, что он хочет вернуться домой и просил только переменить ему лошадей. Это было тотчас исполнено.

Братья хотели богато одарить Сама, но он не захотел ничего брать и сказал, что малодушные они люди. С этим Сам и уехал домой и жил там до старости. Так ему до конца жизни и не удалось расквитаться с Храфнкелем.

А Храфнкель жил в почете на своем хуторе. Он умер от болезни, и курган его стоит в Долине Храфнкеля за Главным Двором. В курган с ним положили много добра, все его доспехи и славное его копье.

Сыновьям досталась его власть годи. Торир жил на Храфнкелевом Дворе, а Асбьёри на Главном Дворе. Они делили власть и почитались большими людьми.

На этом кончается рассказ о Храфнкеле.

Сага о Ньяле

I

Жил человек по имени Мёрд, по прозвищу Скрипица. Он был сын Сигвата Рыжего. Двор его был на Равнине Кривой Реки. Это был богатый и знатный человек, охотно помогавший в тяжбах. Он был таким знатоком законов, что решения, принятые без его участия, казались незаконными. У него была единственная дочь по имени Унн. Это была красивая девушка, учтивая и хорошего нрава. Она слыла лучшей невестой на Равнине Кривой Реки.

Теперь сага переходит к людям из Долии Широкого Фьорда. Там жил человек по имени Хёскульд. Он был сын Колля из Долин. Его мать звали Торгерд. Она была дочь Торстейна Рыжего, сына Олава Белого, внука Ингьяльда, правнука Хельги. Ингьяльд был сыном Торы, дочери Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны^[144]. Матерью Торстейна Рыжего была Ауд Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого, сына Бьёрна Бычья Кость. Хёскульд жил в Хёскульдовом Дворе в Лососьей Долине. У Хёскульда был брат по имени Хрут. Его двор назывался Хрутов Двор. Хрут и Хёскульд были единоутробные братья. Отцом Хрута был Херьольв. Хрут был красивый, рослый и сильный человек, искусный в бою, спокойный, очень умный, беспощадный к врагам и хороший помощник в любом большом деле.

Случилось как-то, что у Хёскульда были гости и среди них его брат Хрут, который сидел рядом с ним. У Хёскульда была дочь по имени Хальгерд. Она играла с другими девочками на полу. Это была красивая и стройная девочка, волосы ее блестели, как шелк, и были такие длинные, что достигали пояса. Хёскульд подозвал ее к себе.

— Пойди-ка сюда, — сказал он.

Она тотчас же подошла к нему. Взяв за подбородок, он поцеловал и отпустил ее. Затем Хёскульд спросил Хрута:

— Как тебе нравится эта девочка? Тебе не кажется, что она красива?

Хрут промолчал, и Хёскульд повторил вопрос. Тогда Хрут сказал:

— Слов нет, девочка хороша, и многие поплатятся за ее красоту. Но я не понимаю, в кого она уродилась с такими воровскими глазами.

Хёскульд рассердился, и некоторое время братья были холодны друг с

другом.

У Халльгерд были братья — Торлейк, отец Болли, Олав, отец Кьяртана, и Бард.

II

Случилось раз, что братья Хёскульд и Хрут поехали вместе на альтинг. Там собралось много народу. Хёскульд сказал как-то Хруту:

— Хотел бы я, брат, чтобы ты нашел себе невесту и посватался.

Хрут на это заметил:

— Я и сам давно подумываю об этом, да все никак не решусь. Но теперь я, пожалуй, послушаю тебя. Куда же, по-твоему, следует обратиться?

Хёскульд ответил:

— Сюда на тинг собралось много знатных людей, и выбор богатый. Есть у меня уже кое-что на примете для тебя. У Мёрда Скрипицы, очень умного человека, есть дочь по имени Унн. Он сейчас с дочерью здесь на тинге. Ты можешь увидеться с нею, если хочешь.

На другой день, когда люди собирались на судилище, они увидели поодаль, возле землянки, людей с Кривой Реки, нарядных женщин. Хёскульд сказал Хруту:

— Вот Унн, о которой я тебе говорил. Как она тебе нравится?

— Очень — ответил тот, — но я не знаю, будем ли мы с ней счастливы.

Затем они пошли на судилище. Мёрд Скрипица толковал там, по своему обыкновению, законы, а потом удалился в свою землянку. Хёскульд и Хрут встали и направились к землянке Мёрда. Войдя, они увидели Мёрда в глубине землянки и приветствовали его. Он встал им навстречу, протянул Хёскульду руку и посадил его рядом с собой, а Хрут сел возле брата. Они поговорили о всякой всячине, и наконец, Хёскульд сказал:

— Дело есть у меня к тебе. Хрут хочет породниться с тобой и посватать твою дочь. А я не откажусь помочь ему в этом деле.

Мёрд отвечает:

— Я знаю, что ты человек выдающийся, но не знаю, таков ли твой брат.

Хёскульд ответил:

— Брат превосходит меня.

Мёрд сказал:

— Много придется тебе выделить брату, ведь она у мевя единственная

наследница.

— Я не стану тянуть дело, — говорит Хёскульд. — Хрут получит от меня Гребеночный Мыс и Хрутов Двор вплоть до Трандова Оврага. Кроме того, ему принадлежит торговый корабль, что теперь в плавании.

Тут к Мёрду обратился Хрут:

— Ты, конечно, понимаешь, хозяин, что брат мой из любви ко мне расхвалил меня сверх всякой меры. Если, однако, ты находишь дело стоящим, то я бы хотел, чтобы ты сказал свои условия.

Мёрд ответил:

— Я обдумал эти условия. Она должна получить приданого шестьсот локтей сукна, а в твоём доме состояние её должно увеличиться на одну треть; если же у вас будут наследники, то все имущество будет принадлежать вам обоим поровну.

— Согласен, — сказал Хрут. — Теперь можно позвать свидетелей.

После этого все поднялись с мест, подали руки друг другу, и Мёрд объявил свою дочь Уни невестой Хрута. Свадьба должна была состояться спустя полмесяца после середины лета^[145] в доме Мёрда. Затем все уехали с тинга домой.

Когда по пути на запад братья проезжали мимо Камней Халльбьёрна, навстречу им попался Тьостольв, сын Бьёрна Золотоноши из Долины Дымов. Тьостольв сообщил им, что в устье Белой Реки пришел корабль и что с этим кораблем приехал дядя Хрута Эцур, который хочет, чтобы Хрут как можно скорее встретился с ним. Услышав это, Хрут попросил Хёскульда поехать с ним к кораблю. Хёскульд поехал с ним, и, когда они приехали к кораблю, Хрут учтиво и радушно приветствовал своего родичи Эцура. Эцур пригласил их в свою землянку выпить браги. Затем была снята кладь с лошадей, и Хрут и Хёскульд вошли в землянку и сели пить. Хрут сказал Эцуру:

— Ты должен теперь, родич, поехать ко мне, на запад, и провести у меня зиму.

— Не придется, племянник. Я привез тебе весть о смерти твоего брата Эйвинда. Он завещал тебе наследство на Гулатинге^[146], и твои недруги завладеют им, если ты не поедешь.

— Не знаю, как мне быть, брат, — говорит Хрут, — ведь я уже распорядился насчет моей свадьбы.

Хёскульд сказал:

— Ты должен поехать на юг и увидеться с Мёрдом. Попроси его отложить свадьбу и оставить сговор в силе на три года. А я поеду домой и

доставлю твои товары на корабль.

Хрут сказал:

— Я хочу, чтобы ты взял себе муки, лесу и чего ты еще пожелаешь из товаров, привезенных Эцуром.

Хрут велел привести лошадей и отправился на юг, а Хёскульд поехал к себе домой, на запад.

Хрут приехал на Равнину Кривой Реки к Мёрду, и его там хорошо приняли. Хрут рассказал Мёрду обо всем случившемся и попросил совета. Мёрд говорит:

— А велико ли наследство?

Хрут ответил, что оно составит двести марок, если достанется ему целиком. Мёрд сказал:

— Это много больше того, что я могу оставить тебе в наследство. Ты должен непременно поехать, если ты только хочешь.

Затем они договорились, чтобы Унн ждала его три года. Хрут вернулся к кораблю и пробыл там лето, пока корабль не снарядили в путь. Хёскульд привез на корабль все товары Хрута, а Хрут поручил ему смотреть за добром, пока его не будет в Исландии. Затем Хёскульд уехал к себе домой. Вскоре подул попутный ветер, и они вышли в море. Через три недели они подошли к островам Хернар и оттуда направились дальше на восток, в Вик.

III

Норвегией правил в то время Харальд Серый Плащ, сын Эйрика Кровавая Секира, внук Харальда Прекрасноволосого. Мать его звали Гуннхильд. Она была дочь Эцура Тотти. Они жили в это время на востоке, в Конунгахелле. Там стало известно о том, что в Вик пришел корабль. Услышав об этом, Гуннхильд стала спрашивать, кто из исландцев приехал с кораблем. Ей сказали, что один из них Хрут, племянник Эцура.

— Я знаю, — сказала Гуннхильд. — Он хочет получить свое наследство, которое сейчас в руках человека по имени Сотти.

Затем она позвала своего слугу, которого звали Эгмунд:

— Я хочу послать тебя в Вик к Эцуру и Хруту. Скажи, что я приглашаю обоих к себе на зиму, и передай, что они найдут во мне друга. И если Хрут будет следовать моим советам, то я помогу ему получить наследство, а также и в других его делах. Я буду также его заступницей перед конунгом.

Слуга поехал к Эцуру и Хруту. Те оказали ему достойный прием,

узнав, что он слуга Гуннхильд. Эгмунд рассказал им тайно о своем поручении. Они посоветовались между собой, и Эцур сказал Хруту:

— Сдается мне, племянник, что решать нам нечего, потому что мне известен нрав Гуннхильд: если мы не захотим поехать к ней, то она немедленно изгонит нас из страны и отнимет у нас все наше добро, если же мы поедem к ней, то она примет нас, как обещала.

Эгмунд вернулся домой и сообщил Гуннхильд о том, как он исполнил ее поручение, и сказал, что они приедут. Гуннхильд сказала:

— Этого и следовало ожидать, так как Хрут слывет умным и достойным человеком. А теперь смотри не пропусти, когда они станут приближаться ко двору, и скажи мне.

Хрут с Эцуром выехали на восток, в Конунгахеллу. Когда они приехали туда, к ним вышли родичи и друзья и радушно приветствовали их. Они спросили, здесь ли конунг. Им ответили, что конунг здесь.

Потом они встретили Эгмунда. Он передал им привет от Гуннхильд и добавил, что во избежание пересудов она пригласит их только после того, как их примет конунг. Он продолжал:

— Она сказала: «А то подумают, что я их ждала. Но я сделаю все по-своему. Пусть Хрут смело обратится к конунгу и попросится к нему в дружинники». А вот и придворные одежды, которые она прислала тебе, Хрут. Ты должен в них предстать перед конунгом.

После этого он ушел. На другой день Хрут сказал:

— Пойдем предстанем перед конунгом.

— Пожалуй, — сказал Эцур.

Они пошли вместе с родичами и друзьями, и их было двенадцать человек. Они вошли в палату, когда конунг пировал. Хрут подошел первым и приветствовал конунга. Конунг внимательно поглядел на пришельца, который был хорошо одет, и спросил, как его зовут. Тот назвал себя.

— Ты исландец? — спросил конунг.

Тот ответил, что исландец.

— Что побудило тебя явиться к нам?

— Я хотел видеть ваше величество, государь! А еще мне надо получить здесь в стране большое наследство. Я буду обязан вам, если получу его.

Конунг говорит:

— Всякий найдет поддержку в моих законах в этой стране. Есть ли у тебя еще дела к нам?

— Государь, — сказал Хрут, — я хочу просить вас принять меня в свою дружину и сделать вашим дружинником.

Конунг молчал.

Гуннхильд сказала:

— Сдается мне, что этот человек оказывает вам большую честь. Было бы очень хорошо, если бы в вашей дружине было много таких людей.

— Умный он человек? — спросил конунг.

— И умный и отважный, — ответила она.

— Моя мать, видно, хочет, чтобы ты добился того звания, о котором ты просишь. Но величие наше и обычаи страны требуют, чтобы ты явился ко мне снова через полмесяца. Тогда ты станешь моим дружинником. А до тех пор ты будешь жить у моей матери.

Гуннхильд сказала Эгмунду:

— Веди их в мой дом и устрой им пир.

Эгмунд вышел с ними и повел их в каменную палату. Она была украшена прекраснейшим пологом. Там же стоял и престол Гуннхильд. Эгмунд сказал:

— Теперь оправдается все, что я говорил вам прежде о Гуннхильд. Вот ее престол, садись на него и можешь сидеть на нем, даже если она сама придет.

Затем он устроил им пир. Недолго пришлось им сидеть, как явилась Гуннхильд. Хрут было вскочил, чтобы приветствовать ее.

— Сиди, — сказала она, — ты будешь сидеть на этом месте, пока гостишь у меня.

Затем она села подле Хрута и стала пить вместе с ним. А вечером она сказала:

— Ты будешь этой ночью спать у меня в горнице.

— Как вам будет угодно, — сказал Хрут.

Затем они пошли спать, и она тотчас же заперла горницу изнутри. Они провели там ночь вдвоем, а утром принялись пировать. И все те полмесяца они спали одни в ее горнице. А людям, бывшим при ней, Гуннхильд сказала:

— Вы поплатитесь жизнью, если хоть слово пророните о том, как повелось у нас с Хрутом.

Хрут подарил ей сто двадцать локтей сукна и двенадцать овчин. Гуннхильд поблагодарила его за подарки. Поцеловав и поблагодарив ее, Хрут стал прощаться. Она пожелала ему счастливого пути. На другой день он явился к конунгу с тремя десятками людей и приветствовал его.

Конунг сказал:

— Видно, ты хочешь, Хрут, чтобы я сдержал обещание.

И Хрут сделался дружинником конунга.

Хрут спросил:

— Где же мне теперь сидеть?

— Пусть моя мать распорядится этим, — сказал конунг.

И она отвела ему самое почетное место, и он пробыл там при конунге всю зиму в большой чести.

IV

Весной Хрут узнал, что Соти отплыл на юг, в Данию, и увез с собой все наследство. Тогда Хрут пошел к Гуннхильд и рассказал ей об этом.

Гуннхильд сказала:

— Я дам тебе два боевых корабля с людьми, и в числе их храбрейшего воина — Ульва Немытого, предводителя нашей стражи. Но ты должен еще повидать конунга до твоего отъезда.

Хрут так и сделал. Представ перед конунгом, он рассказал ему о том, что узнал о Соте, и о своем намерении отправиться за ним в погоню.

Конунг спросил:

— Какую ратную силу дала тебе моя мать?

— Два боевых корабля во главе с Ульвом Немытым, — ответил Хрут.

— Это немало, — сказал конунг, — но я дам тебе еще два корабля. Тебе понадобится все это войско.

Затем он проводил Хрута до корабля и пожелал ему счастливого пути, и Хрут со своими людьми отплыл на юг.

V

Жил человек по имени Атли. Он был сын ярла Арнвида из Восточного Гаутланда. Он любил воевать, и его корабли стояли наготове в озере^[147]. У него было шесть кораблей. Его отец не уплатил дани Хакону Воспитаннику Адальстейна и бежал с сыном из Ямталанда в Гаутланд. Атли вывел свои корабли из озера через пролив Стокксунд, направился на юг, в Данию, и стал в проливе Эйрасунд. Атли был объявлен вне закона как датским, так и шведским конунгом. Хрут направился на юг, в Эйрасунд, и, войдя в пролив, увидел там множество кораблей.

Ульв спросил:

— Что прикажешь делать, исландец?

— Плыть вперед, — сказал Хрут, — попытка не пытка. Мы с Эцуром

на нашем корабле пойдём первыми, а ты плыви как сам знаешь.

— Не бывало ещё такого, чтобы другие были мне щитом, — сказал Ульв и поставил свой корабль борт о борт с кораблем Хрута. Так они поплыли вперед, вглубь пролива.

Те, кто был в проливе, увидели идущие из них корабли и сказали об этом Атли. Тот ответил:

— Вот удобный случай поживиться. Убирайте палатки и готовьтесь к битве на каждом корабле. А мой корабль будет посередине.

Корабли понеслись вперед. Когда они сблизились на расстояние голоса, Атли поднялся и сказал:

— Очень вы неосмотрительны. Разве вы не видели, что в проливе боевые корабли? Как зовут вашего предводителя?

Хрут назвал себя.

— Чей ты человек? — говорит Атли.

— Дружинник конунга Харальда Серый Плащ.

— Давно уже норвежские конунги недолюбливают нас с отцом, — сказал Атли.

— Тем хуже для тебя, — говорит Хрут.

— Встреча наша с тобой кончится тем, — говорит Атли, — что тебе и рассказать о ней не придется.

И, схватив копье, он метнул его в корабль Хрута, и оно сразило одного воина. Затем завязалось сражение, но справиться с кораблями Хрута оказалось нелегко. Ульв храбро сражался, рубил и колот направо и налево.

Воина, который стоял на носу корабля Атли, звали Асольв. Он вскочил на корабль Хрута и уложил четырех человек, прежде чем Хрут заметил его и пошел на него. Когда они сошлись, Асольв пронзил копьем его щит, но тут Хрут зарубил его секирой. Увидев это, Ульв Немытый сказал:

— Здорово ты рубишь, Хрут. Видно, немало ты задолжал Гуннхильд.

— Боюсь я, — говорит Хрут, — что ты говоришь устами покойника.

Тут Атли заметил у Ульва незащищенное место и пронзил его копьем. Началась жестокая сеча. Атли вскочил на корабль Хрута и врубился глубоко вперед. Эцур обернулся к нему, метнул копье, но сам упал навзничь, раненный чужим копьем. Тогда Хрут повернулся к Атли. Тот немедленно ударил секирой в щит Хрута и расколол его сверху донизу. Кто-то камнем попал Атли в руку, и он выронил меч. Хрут подхватил меч, отрубил им Атли ногу, а затем нанес ему смертельную рану.

Они взяли богатую добычу и увели с собой два лучших корабля. Они там оставались недолго.

С Соти они разминутись в пути. Соти вернулся в Норвегию и,

приплыв в Лимгардссиду, высадился на берег. Там он встретил Эгмунда, слугу Гуннхильд. Тот сразу же узнал его и спрашивает:

— Ты сюда ненадолго?

— На три ночи, — говорит Соти.

— А потом куда же? — спрашивает Эгмунд.

— На запад, в Англию, — говорит Соти, — и больше никогда не вернусь назад, пока в Норвегии правит Гуннхильд.

Эгмунд поехал оттуда к Гуннхильд, пировавшей неподалеку со своим сыном Гудрёдом, и рассказал ей о намерении Соти. Она сразу же попросила Гудрёда убить его. Гудрёд тотчас поехал и, напав на Соти врасплох, велел отвести его на берег и там повесить, а добро захватил и отвез матери. Она послала людей доставить все захваченное добро в Конунгахеллу и затем поехала туда сама.

Хрут осенью повернул назад, захватив много богатой добычи. Он поехал к конунгу, и тот его хорошо принял. Он предложил конунгу и его матери взять из добычи, что они хотят, и конунг взял себе треть всей добычи. Гуннхильд сказала Хруту, что она отняла у Соти наследство, а Соти велела убить. Он поблагодарил ее и отдал ей половину добра.

VI

Хрут провел зиму у конунга в большом почете. Когда уже наступила весна, он сделался молчалив. Гуннхильд заметила это и, оставшись с ним наедине, спросила:

— Что с тобой?

Хрут говорит:

— А то со мной, что, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше.

— Хочешь в Исландию? — говорит она.

— Да, хочу, — говорит он.

— Уж не осталась ли там у тебя какая-нибудь зазноба? — говорит она.

— Нет, не осталась, — ответил он.

— А я думаю все же, что осталась, — говорит она.

На этом их разговор кончился. Хрут пошел к конунгу и приветствовал его. Конунг спросил:

— Чего ты хочешь, Хрут?

— Я хочу просить, государь, чтобы вы отпустили меня в Исландию.

— Разве тебе там будет больше почета, чем здесь? — говорит конунг.

— Нет, — отвечает Хрут, — но всякому своя судьба.

— Кто сильней, того не перетянешь, — говорит Гуннхильд, — позвольте ему, государь, ехать, куда ему хочется.

В стране был тогда недород, но конунг все же дал ему с собой муки, сколько он захотел. Они с Эцуром стали снаряжаться в путь, и когда были совсем готовы, Хрут пошел к конунгу и Гуннхильд прощаться. Она отвела его в сторону и сказала:

— Вот золотое запястье, я хочу подарить его тебе. И она надела запястье ему на руку.

— Много хороших подарков получил я от тебя, — говорит Хрут.

Она обняла его рукой за шею, поцеловала и сказала:

— Если моя власть над тобой так велика, как я думаю, то ты не будешь иметь утехи в Исландии с женщиной, которая у тебя на уме. А с другими женщинами ты добьешься чего хочешь. Пусть мы оба поплатимся за то, что ты не доверился мне.

Хрут засмеялся и ушел. Затем он предстал перед конунгом и поблагодарил его. Конунг учтиво поговорил с ним и пожелал счастливого пути, добавив, что Хрут отважнейший человек и умелый в обращении со знатными людьми. Хрут тотчас же пошел на корабль.

Им выдался попутный ветер, и они достигли Городищенского Фьорда. Как только корабль причалил. Хрут поехал к себе, на запад, а Эцур стал распоряжаться выгрузкой. Хрут поехал в Хёскульдов Двор. Хёскульд встретил его хорошо, и Хрут рассказал ему все о своем путешествии. Потом они послали человека на восток к Мёрду Скрипице сказать, чтобы тот готовился к свадьбе. А братья поехали вместе к кораблю, и Хёскульд рассказал брату, что его добро умножилось, пока его было в Исландии. Хрут сказал:

— Хоть ты заслужил большую награду, но я дам тебе столько муки, сколько тебе надо на всю зиму.

После этого они вкатили корабль на берег, укрыли его, а всю кладь отвезли на запад, в Долины. Хрут пробыл дома в Хрутовом Дворе, пока не осталось шесть недель до начала зимы. Затем братья собрались с Эцуром на свадьбу, и с ними шесть десятков человек. Приехали они на Равнину Кривой Реки. Там уже было много гостей. Мужчины сели на скамьях, а женщины заняли свои места. Но невеста была очень печальна. Они попиrowали на свадьбе, и пир был на славу. Мёрд выдал приданое своей дочери, и она уехала с Хрутом на запад.

Когда они приехали домой, Хрут поручил ей все домашнее хозяйство, и всем это понравилось. Но супружеская жизнь у них не ладилась, и так продолжалось до самой весны. Когда наступила весна, Хруту понадобилось

поехать на Западные Фьорды, чтобы собрать долги за товары. Перед отъездом жена говорит ему:

— Ты вернешься до того, как люди поедут на тинг?

— А что? — отвечает Хрут.

— Я хочу поехать на тинг, — говорит она, — и повидаться с отцом.

— Что ж, — сказал Хрут, — поедем на тинг.

— Хорошо, — говорит она.

Затем он поехал из дому на запад, к фьордам, и, дав в долг все полученные им деньги, вернулся домой. Вернувшись с запада, он стал собираться на альтинг. Он взял с собой всех своих соседей. Брат его Хёскульд также поехал с ним. Жене своей Хрут сказал:

— Если тебе по-прежнему хочется поехать на тинг, то собирайся и поедем со мной.

Она быстро собралась, и они поехали на тинг. Приехав на тинг, Унн пошла в землянку своего отца. Он встретил ее хорошо, но она была не в духе. Заметив это, он сказал ей:

— Я видывал тебя более веселой. Что с тобой такое?

Она заплакала, ничего не сказав в ответ. Тогда он снова спросил ее:

— К чему же было ехать на тинг, если ты не хочешь довериться мне?

Или тебе, может быть, худо живется там, на западе?

Она ответила:

— Я бы отдала все свое добро за то, чтобы мне никогда не пришлось поехать туда.

Мёрд сказал:

— Я намерен сразу же узнать, в чем дело.

И он послал человека за Хёскульдом и Хрутом. Те тотчас же пошли к нему. Когда они пришли к Мёрду, тот встал им навстречу, учтиво приветствовал их и предложил сесть. Долго говорили они, и все было хорошо. Тут Мёрд сказал Хёскульду:

— Почему моей дочери так не нравится у вас, на западе?

Хрут сказал:

— Пусть она сама скажет, если она в обиде на меня.

Но никаких жалоб на Хрута не было высказано. Тогда Хрут предложил спросить соседей и домочадцев, как он обходится с женой. Те отозвались о нем очень хорошо и сказали, что она распоряжается всем в доме, как хочет.

Тогда Мёрд сказал:

— Поезжай-ка ты домой и живи со своим мужем, потому что все свидетели говорят в его пользу, а не в твою.

И вот Хрут с женой вернулись с тинга домой и жили в добром

согласии все лето. Но когда наступила зима, дело у них разладилось, и чем ближе к лету, тем больше. Хруту опять понадобилось поехать к фьордам, и он сказал, что не будет на альтинге. Унн ничего не сказала в ответ, и Хрут собрался и уехал.

VII

Настало время тинга. Унн обратилась к сыну Эцура Сигмунду и спросила его, поедет ли он с нею на тинг. Тот ответил, что не поедет, если это может оказаться не по душе его родичу Хруту.

— Я потому обратилась к тебе, что ты обязан мне больше, чем кто-либо другой, — говорит она.

Он ответил:

— Я ставлю тебе условием, что ты вернешься со мной сюда и ничего не сделаешь тайком ни против Хрута, ни против меня.

Она обещала ему это. Затем они поехали на тинг. Там был Мёрд, ее отец. Он встретил ее очень радушно и пригласил ее на все время тинга жить в его землянке. Она приняла приглашение.

Мёрд спросил:

— Что ты скажешь мне о Хруте, твоём муже? Она говорит:

— Я могу сказать о нём только хорошее, но не все от него зависит.

Мёрд помолчал и сказал:

— Ты что-то затаила, дочь, что никому, кроме меня, не можешь рассказать. Доверься мне, уж — я лучше всех разберусь в твоём деле.

Затем они уединились, чтобы никто не мог их услышать, и Мёрд сказал дочери:

— Расскажи мне все, что произошло между вами, не бойся.

— Видно, мне не миновать этого, — говорит она. — Я хочу развестись с Хрутом, и вот почему. Он не может быть мне мужем, и мне нет от него никакого проку. Хотя во всем прочем он не отличается от самых мужественных мужчин.

— Как же так? — говорит Мёрд. — Расскажи толком!

Она ответила:

— Когда он приходит ко мне, плоть его так велика, что он не может иметь утехи со мной, и, хотя мы оба всячески стараемся, ничего не получается. Но по всему видно, что по своей природе он совсем как другие мужчины.

Мёрд сказал:

— Ты хорошо поступила, рассказав мне все. Я дам тебе совет, и он послужит тебе на пользу, если ты точно последуешь ему. Ты сейчас поедешь с тинга домой, и муж твой, который, наверно, уже вернулся, встретит тебя хорошо. Будь с ним ласкова и обходительна, и ему покажется, что дело у вас наладилось. Не выказывай ему ни в чем недовольства. А когда наступит весна, скажись больной и сляг в постель. Хрут ничего не заподозрит в твоей болезни и не станет тебя бранить. Скорее наоборот, он будет просить всех, чтобы за тобой ухаживали как можно лучше. Потом он отправится вместе с Сигмундом на запад, к фьордам, и, пробыв там до позднего лета, привезет оттуда все добытое им добро. А когда люди поедут на тинг и все, кто собирался поехать на тинг, уедут из Долин, встань с постели и вели людям ехать с тобой. Когда сборы будут кончены, подойди к своему ложу с людьми, которые поедут с тобою. Ты должна призвать их в свидетели у ложа твоего мужа и объявить себя разведенной с ним так, как это полагается объявлять на альтинге и в согласии с законом. То же самое повтори у дверей дома. Затем поезжай и держи путь через Пустошь Лососьей Долины и Каменистую Пустошь, потому что никому не придет в голову искать тебя по дороге к Бараньему Фьорду. Так ты будешь ехать, пока не приедешь ко мне, а тогда я возьму дело в свои руки, и тебе не придется больше возвращаться к Хруту.

И вот она вернулась с тинга домой, и Хрут уже был дома и встретил ее радушно. Она ответила ему учтиво на его речи и была с ним приветлива. Они жили в ладу всю зиму. А когда наступила весна, она заболела и слегла в постель. Хрут уехал к фьордам и наказал хорошенько ухаживать за больной. А когда пришло время тинга, она собралась в дорогу и сделала все, как было сказано раньше, а затем поехала на тинг. Соседи искали ее, но не нашли. Мёрд принял свою дочь хорошо и спросил ее, как она выполнила его наставления.

— Я ни в чем от них не отступила, — ответила она.

Он пошел на Скалу Закона и объявил о ее разводе с Хрутом. Это было новостью для всех. Затем Унн поехала с отцом домой и больше никогда не возвращалась туда, на запад.

VIII

Хрут вернулся домой и был очень удивлен, узнав про отъезд жены. Но он вел себя спокойно и пробыл весь год дома, ни с кем не советуясь о своем деле. На другое лето он поехал на тинг со своим братом Хёскульдом, взяв с

собой множество людей. Приехав на тинг, он спросил, здесь ли Мёрд Скрипица. Ему сказали, что здесь. Все ожидали, что они станут говорить о своем деле, но этого не случилось.

Однажды, когда люди пошли к Скале Закона, Мёрд назвал своих свидетелей и начал тяжбу с Хрутом по поводу приданого дочери, предъявив иск на девятьсот локтей сукна. Он требовал немедленной выплаты, а также возмещения в три марки в случае отказа от немедленной выплаты. Он обращался к суду четверти^[148], которому надлежало разобрать это дело по закону. Он объявлял об этом во всеуслышание на Скале Закона.

В ответ на это Хрут сказал:

— Ты затеваешь тяжбу больше из жадности и честолюбия, чем из добрых побуждений и благородства. Но смогу ответить тебе, потому что мои деньги еще не попали в твои руки. Я объявляю и призываю в свидетели всех стоящих здесь, у Скалы Закона, что вызываю тебя на поединок. Я ставлю в заклад все-приданое и еще столько же. Пусть тот из нас владеет всем этим добром, кто победит другого. А если ты откажешься биться со мной, то все твои притязания теряют силу.

Мёрд промолчал и стал совещаться со своими друзьями. Ёрунд Годи сказал ему:

— Не нужен тебе наш совет в этом деле. Сам знаешь: будешь биться с Хрутом — потеряешь не только добро, но и жизнь. А ему что, он и ростом взял, и отваги у него хватает.

Тогда Мёрд заявил, что не будет сражаться с Хрутом. Тут у Скалы Закона поднялся большой шум и крик, и Мёрд был очень пристыжен. А затем люди поехали с тинга домой.

Братья Хёскульд и Хрут поехали на запад, к Долину Дымов, и по пути заехали в Роцу. Там жил тогда Тьостольв, сын Бьёрна Зслотоноши. В тот день шел сильный дождь, люди промокли, и для них был разведен огонь. Тьостольв сидел между Хёскульдом и Хрутом, а два мальчика, которые подкармливались в его доме, играли на полу, и девочка возле них. Они много болтали, потому что были еще неразумными. Один из них сказал:

— Я буду Мёрд и вызову тебя на суд, потому что ты не жил со своей женой.

Другой отвечал:

— А я буду Хрут и откажусь вернуть приданое, если ты не будешь биться со мной.

Они повторили это несколько раз. Среди домочадцев раздался хохот. Хёскульд рассердился и стегнул лозой мальчика, который назвался Мёрдом. Удар пришелся по лицу и рассек кожу. Хёскульд сказал мальчугану:

— Вон отсюда, и не смей шутить над нами.

Но Хрут сказал ему:

— Подойди ко мне.

Мальчуган подошел. Хрут снял золотое кольцо с пальца и дал ему, сказав:

— Уходи и смотри больше никогда никого не задевай.

Мальчик пошел и сказал:

— Я никогда не забуду твоего благородства.

Хрута хвалили за этот поступок. Затем они поехали к себе домой, на запад, и на этом кончается их история с Мёрдом.

IX

Теперь надо рассказать о Халльгерд, дочери Хёскульда, которая тем временем выросла и стала очень красивой девушкой. Она была высокого роста, и ее прозвали поэтому Длинноногая. Волосы у нее были очень красивые и настолько длинные, что могли закрыть ее всю. Но нрава она была вспыльчивого и тяжелого. Ее воспитателем был Тьостольв. Он был родом с Гебридских островов. Он был силен и искусен в бою и убил много людей, но ни за кого не уплатил виры. О нем говорили, что не ему исправлять нрав Халльгерд.

Жил человек по имени Торвальд. Он был сыном Освивра. Его двор был на Побережье Средней Горы и назывался Гора. Торвальд был богат. Ему принадлежали Медвежьи Острова, расположенные в Широкоем Фьорде. Оттуда он получал вяленую рыбу и муку. Торвальд был сильный и учтивый человек, но горячего нрава.

Случилось раз, что отец с сыном заговорили между собой о том, где бы сыскать жену Торвальду. Кого ни перебирали, все казались сыну неподходящими. Тогда Освивр спросил:

— Не хочешь ли посвататься за Халльгерд Длинноногую, дочь Хёскульда?

— Хочу, — говорит тот.

— Вам будет не так легко поладить — сказал Освивр, — она тяжелого нрава, да и ты крут и неуступчив.

— Все же я попытаю счастья, — говорит тот. — Все равно меня не отговоришь.

— Тебе с ней жить, — говорит Освивр.

И они поехали свататься в Хёскульдов Двор, и их там хорошо приняли.

Они сразу сказали Хёскульду, зачем приехали, и начали сватовство. Хёскульд ответил:

— Мне все о вас известно, но я не хочу обманывать вас: нрав у моей дочери тяжелый. А красоту и учтивость ее вы видите сами.

— Ставь свои условия, — ответил Торвальд. — Нрав ее не удержит меня от сговора.

Затем они стали говорить об условиях, и Хёскульд не спросил согласия дочери, потому что ему хотелось поскорей выдать ее замуж. Они договорились обо всем. Затем Хёскульд и Торвальд ударили по рукам, и Халльгерд была помолвлена с Торвальдом, и Торвальд с Освивром поехали домой.

X

Хёскульд сообщил Халльгерд о сговоре. Она сказала:

— Теперь я убедилась в том, о чем уже давно догадываюсь. Ты не любишь меня так крепко, как всегда говоришь, раз ты даже не счел нужным пригласить меня на сговор. И не такой уж, по-моему, этот брак замечательный, как тебе кажется.

Видно было, что она чувствует себя так, словно ее выдают за первого встречного. Хёскульд сказал:

— Что мне до твоего честолюбия! Оно мне не помеха в делах. Я решаю, а не ты, раз нет между нами согласия.

— У тебя и твоих родичей честолюбия хоть отбавляй, — говорит она. — Не удивительно, что оно есть и у меня.

И она ушла.

Она пошла, понутив голову, к своему воспитателю Тьостольву и рассказала ему, что с ней собираются сделать. Тьостольв сказал:

— Не тужи. В другой раз не выдадут тебя замуж без твоего согласия, потому что я сделаю все, чего бы ты ни пожелала, не трону лишь твоего отца и Хрута.

Больше они не говорили об этом. Хёскульд приготовился к свадебному пиру и поехал созывать гостей. Приехав в Хрутов Двор, он вызвал Хрута из дому для разговора. Хрут вышел к нему, и Хёскульд рассказал ему про сговор и пригласил к себе.

— Не обижайся, — добавил он, — что я не сообщил тебе об этом сговоре раньше.

— Я предпочел бы быть в стороне от всего этого дела, — говорит

Хрут, — потому что не будет счастья от этого брака ни ему, ни ей. Но на свадьбу я приеду, если ты это сочтешь себе за честь.

— Конечно, сочту, — сказал Хёскульд и уехал домой.

Освивр и Торвальд также приглашали гостей. Всего было приглашено не меньше ста двадцати человек.

Жил человек по имени Сван. Он жил у Медвежьего Фьорда во дворе, что зовется Сванов Холм. Этот двор стоит севернее Стейнгримова Фьорда. Сван был очень искусен в колдовстве. Халльгерд приходилась ему племянницей по матери. Он был тяжел нравом и неуживчив. Халльгерд пригласила его на пир и послала за ним Тьостольва. Тот поехал, и между ними сразу же завязался дружеский разговор.

Вот приехали гости на пир, и Халльгерд уселась на женской скамье. Невеста была очень веселой. Тьостольв то и дело подходил к ней, а временами разговаривал со Сваном. Людям показались странными эти переговоры.

Пир был на славу. Хёскульд выдал приданое с величайшей готовностью. Потом он спросил Хрута:

— Может, еще чего добавить?

Хрут ответил:

— Погоди, тебе еще придется выкладывать деньги из-за Халльгерд, пока же хватит и этого.

XI

Торвальд поехал домой со свадебного пира вместе с женой и Тьостольвом. Тьостольв вел ее коня и беседовал с ней вполголоса. Освивр обернулся к сыну и спросил его:

— Ну, доволен ты женитьбой? Как ты разговаривал с ней?

— Хорошо, — говорит тот, — она была очень приветлива со мной. Чего стоит уже одно то, что она смеется при каждом моем слове.

— Не нравится мне ее смех, — говорит Освивр, — впрочем, посмотрим.

Наконец они приехали домой. Вечером она села возле своего мужа, а Тьостольва посадила справа от себя. Тьостольв и Торвальд почти не обменивались словами. Так повелось между ними и впоследствии. Всю зиму они почти не разговаривали.

Халльгерд была очень жадной и непременно добивалась всего, что было у соседей, но расходовала все без пользы. Когда пришла весна, то

запасы вышли — не стало ни муки, ни вяленой рыбы. Халльгерд обратилась к Торвальду и сказала:

— Что же ты сидишь сложа руки, ведь в доме нет ни муки, ни рыбы.

Торвальд сказал:

— Я запас не меньше обычного в нынешнем году, а ведь у нас всегда хватало до лета.

Халльгерд сказала:

— Мне нет дела до того, что ты подыхал здесь с голоду со своим отцом.

Тут Торвальд рассердился и ударил ее по лицу так, что потекла кровь. Затем он ушел из дому, взяв с собой домочадцев. Они спустили на воду большую лодку и поплыли ввосьмером на веслах на Медвежьи Острова и набрали там из своих запасов муки и вяленой рыбы. Рассказывают, что Халльгерд сидела в это время подле дома, понуриив голову. Подошел Тьостольв и, увидев кровоподтек на ее лице, спросил:

— Кто это обошелся так с тобой?

— Муж мой Торвальд, — сказала она, — а тебя почему-то не было поблизости, хоть ты и беспокоишься обо мне.

— Я этого не знал, — говорит он, — но я отомщу за тебя.

Он направился к берегу и спустил на воду шестивесельную лодку. В руке у него была его большая секира с рукоятью, увитой золотой нитью. Он сел в лодку и поплыл на Медвежьи Острова. Когда он приплыл туда, там никого больше не было, кроме Торвальда и его спутников. Торвальд укладывал груз в лодку, а его люди подносили груз. Тьостольв вскочил к нему в лодку, стал укладывать груз вместе с ним и сказал:

— Слабоват ты для такой работы, да и мало расторопен.

Торвальд сказал:

— Думаешь справиться лучше меня?

— С делом, которое нам предстоит, — сказал Тьостольв, — я справлюсь лучше. Худо выдана замуж та женщина, которая выдана за тебя. Пусть же ваше супружество станет короче.

Торвальд схватил нож, лежавший рядом, и замахнулся на Тьостольва. Но тот поднял секиру и ударил Торвальда по руке так, что кость переломилась и нож выпал. Тьостольв замахнулся секирой в другой раз и ударом в голову убил Торвальда наповал.

Тут подошли люди Торвальда с грузом. Тьостольв, не долго думая, ударил изо всей силы секирой в борт лодки Торвальда и сделал в ней большую пробоину, а сам прыгнул в свою лодку.

В лодку Торвальда хлынула черпая, как уголь, вода, и она пошла на дно со всей кладью. Пошел на дно и труп Торвальда. Люди так и не видели, как он был изувечен, и знали только, что он мертв.

Тьостольв греб в глубь фьорда, а те проклинали его, призывая на его голову все бедствия. Он молчал и греб, пока не приплыл домой. Вытащив лодку на берег, он направился к дому с окровавленной секирой на плече. Халльгерд была на дворе и спросила его:

— Твоя секира в крови, что ты сделал?

— То сделал я, — говорит он, — что ты будешь выдана замуж во второй раз.

— Значит. Торвальд мертв, — говорит она.

— Да, — сказал он, — а теперь придумай, что мне делать.

— Вот что, — сказала она, — я отправлю тебя на север, на Медвежий Фьорд, в Сванов Холм. Сван примет тебя там с распростертыми объятиям. Он так могуч, что никто тебя там не тронет.

Он оседлал своего коня, сел на него и поехал на север, на Медвежий Фьорд, в Сванов Холм. Сван принял его с распростертыми объятиями и спросил, что нового. Тьостольв рассказал ему об убийстве Торвальда и обо всем, что случилось. Сван сказал:

— Вот это, я понимаю, мужчина, кто не боится действовать. Обещаю тебе, что если они попытаются схватить тебя здесь, то уйдут с величайшим позором.

Теперь надо рассказать о Халльгерд. Она попросила Льота Черного, своего родича, поехать вместе с ней и оседлать для этого лошадей.

— Я хочу вернуться домой к отцу, — сказала она.

Он приготовил все в дорогу. Халльгерд пошла к своим сундукам, отперла их, позвала к себе всех своих домочадцев и каждого чем-либо одарила. Все жалели, что она уезжает. И вот она уехала к своему отцу. Отец ничего не знал о случившемся и принял ее хорошо. Хёскульд спросил Халльгерд:

— А почему Торвальд не приехал с тобой?

Она ответила:

— Его нет в живых.

Хёскульд сказал:

— Это дело рук Тьостольва.

Она подтвердила это.

— Верно сказал мне Хрут, что много несчастья принесет этот брак. Но что о том тужить, чего нельзя воротить.

Теперь надо рассказать о спутниках Торвальда. Им пришлось ждать, пока лодки не подошли к острову. Они рассказали об убийстве Торвальда и попросили дать им для переезда лодку. Им немедля дали лодку, и они поплыли к Мысу Дымов. Там они пошли к Освивру и рассказали ему обо всем, что произошло. Он сказал:

— Что посеешь, то и пожнешь. Я понимаю теперь, как все произошло. Халльгерд, должно быть, отправила Тьостольва на Медвежий Фьорд, а сама уехала домой к отцу. Мы должны теперь собрать людей и ехать в погоню за ним на север.

Так они и сделали. Они стали собирать людей и собрали много народу. Потом они поехали к Стейнгримову Фьорду и дальше, через Долины Льотовой и Летовьей Рек, и приехали к Медвежьему Фьорду.

Случилось тут, что Сван стал сильно зевать^[149] и сказал:

— Вот приближается дух-двойник Освивра.

Тьостольв вскочил и схватился было за секиру. Сван сказал:

— Выйди со мной. Здесь хватит немногого.

Затем они оба вышли из дому. Сван взял козью шкуру, обвязал себе ею голову^[150] и сказал:

— Встань, туман, нагрень, слепота и морока, на всех, кто тебя преследует.

Теперь надо рассказать, что Освивр и его люди достигли в это время требня. Там им поднялся навстречу густой туман. Освивр сказал:

— Это, наверно, Сван накликал его на нас, и мы дешево отделаемся, если за туманом не последует ничего худшего.

Вскоре густой мрак застлал им глаза, так что они ничего не видели вокруг. Они спешили, порастеряли коней, а сами забрели кто в болото, а кто в лес, так что чуть было не перекалечились. Не стало у них и оружия. Тогда Освивр сказал:

— Найди я сейчас своего коня и оружие, я повернул бы обратно.

Едва он произнес эти слова, как они все прозрели и нашли своих коней и оружие. Тогда многие стали настаивать на том, чтобы ехать дальше. Они попытались это сделать, но тотчас же снова на них напала та же морока. Так повторялось три раза сряду. Тогда Освивр сказал:

— Пусть наш поход будет неудачным, но придется нам повернуть назад. Попробуем счастья иным путем. Мне приходит в голову, что лучше поехать к Хёскульду и попросить у него виру за сына, потому что можно

ждать чести лишь от того, у кого ее много.

Они поехали в долины Широкого Фьорда и без особых происшествий достигли Хёскульдова Двора. До них приехал туда из своего двора Хрут. Освивр вызвал из дома Хёскульда и Хрута. Они вышли оба и приветствовали Освивра, а затем стали разговаривать. Хёскульд спросил Освивра, откуда он приехал. Тот сказал, что ездил на розыски Тьостольва, но не нашел его. Хёскульд сказал, что Тьостольв, наверно, уехал на север, в Сванов Холм, и что не так-то просто взять его там.

— Я приехал сюда для того, — сказал Освивр, — чтобы просить виру за сына.

Хёскульд возразил:

— Не я убил твоего сына, и не я подстроил его убийство. Но понятно, что ты хочешь получить виру за сына.

Хрут сказал:

— От носа до глаз недалеко, брат. Надо предупредить злые слова и возместить ему утрату сына. Только таким образом ты избавишь дочь от пересудов и уладишь дело. Чем меньше будет разговоров вокруг него, тем лучше.

Хёскульд сказал:

— Берешься ты вынести решение по нашему делу?

— Берусь, — говорит Хрут, — и я не стану щадить тебя в своем решении, потому что, по правде говоря, твоя дочь виновна в смерти Торвальда.

Хрут помолчал немного, потом поднялся и сказал Освивру:

— Дай мне руку и подтверди, что ты предоставляешь мне решить дело.

Освивр встал и сказал:

— Несправедливым бывает решение, если его выносит брат ответчика, но ты высказался так благородно, что я доверяю тебе решение нашего дела.

Затем он протянул Хёскульду руку, и они договорились, что Хрут решит дело и окончит его до отъезда Освивра. Затем Хрут вынес решение, сказав:

— За убийство Торвальда я назначаю виру в две сотни серебра, — это считалось тогда хорошей вирой, — и эта вира, брат, должна быть сразу же и хорошо уплачена.

Хёскульд так и сделал. Тогда Хрут сказал Освивру:

— Я хочу подарить тебе плащ, привезенный мной из-за моря.

Тот поблагодарил его за подарок и уехал домой довольный. Хрут и Хёскульд приехали затем к нему для раздела имущества, поделили его в

полном согласии с Освивром, вернулись с добром домой, и больше Освивр не упоминается в этой саге.

Халльгерд попросила Хёскульда, чтобы Тьостольв переехал к ним, и он дал свое согласие на это. Долго еще говорили об убийстве Торвальда. А богатство Халльгерд все росло и стало большим.

XIII

Три брата упоминаются в саге: один из них звался Торарин, другой — Раги, третий — Глум. Они были сыновья Олейва Рукоятки. Это были уважаемые и богатые люди. Торарин, известный под прозвищем Брат Раги, был законоговорителем после Храфна, сына Лосося. Он был очень мудрый человек. Его двор был у Теплового Ручья, и он владел им вместе с Глумом. Глум был рослый, сильный и красивый человек, долго странствовавший по свету. Третий брат, Раги, был известен тем, что убил многих людей. Братья владели на юге островком Луговым и Мысом Горячего Источника.

Братья, Торарин и Глум, разговаривали как-то между собой. Торарин спросил Глума, не собирается ли он, но своему обыкновению, уехать из Исландии. Тот ответил:

— Наоборот, я, пожалуй, вовсе откажусь от поездок за море.

— Что у тебя на уме? Уж не жениться ли ты задумал? — говорит Торарин.

— Хотел бы — говорит Глум, — если бы только нашел подходящую девушку.

Тогда Торарин стал перебирать всех девушек на выданье, что были на Городищенском Фьорде, и спросил, хочет ли он жениться на какой-нибудь из них.

— Тогда я поеду с тобой свататься, — добавил он.

Тот ответил:

— Не хочу я жениться ни на одной из них.

— Назови тогда ту, на которой ты хочешь жениться, — говорит Торарин.

Глум ответил:

— Если хочешь знать, то это Халльгерд, дочь Хёскульда из Долин.

— По поговорке: пример одного — другим наука, а у тебя что-то совсем не так получается. Ведь она уже была замужем и сгубила мужа, — говорит Торарин.

Глум сказал:

— Может статься, что в другой раз этого не случится. Я уверен, что меня она не погубит. Если хочешь оказать мне честь, поезжай со мной сватать ее.

— Что ж, видно, ничего не поделаешь. От судьбы не уйдешь, — ответил Торарин.

Глум часто заводил эти разговоры с братом, но тот все уклонялся от прямого ответа. Дело все же окончилось тем, что они собрали людей и поехали на запад, в Долины. Всего их было двадцать человек. Хёскульд принял их хорошо и оставил у себя переночевать. Рано утром Хёскульд послал за Хрутом. Тот приехал, и Хёскульд встретил его на дворе. Хёскульд сказал Хруту, что за люди приехали к нему.

— Что им нужно от тебя? — спросил Хрут.

— Они еще не сказали, зачем они приехали, — сказал Хёскульд.

— Видно, у них дело к тебе, — сказал Хрут. — Наверно, они будут сватать твою дочь Халльгерд. Что ты им скажешь на это?

— А как ты думаешь, что мне надо сказать? — спросил Хёскульд.

— Согласись, но расскажи им как о достоинствах, так и о недостатках невесты.

Не успели братья договорить, как гости вышли из дома.

Хёскульд приветливо поздоровался с ними. Хрут также приветствовал братьев. Затем они приступили к разговору. Торарин сказал:

— Мы приехали сюда, Хёскульд, сватать твою дочь Халльгерд за моего брата Глума. Надо тебе сказать, что он человек очень достойный.

— Я знаю, — сказал Хёскульд, — что вы оба с братом достойные люди, но я должен сказать вам, что уже раз выдал свою дочь замуж, и это принесло нам большое несчастье.

Торарин отвечает:

— Это нас не остановит. Раз на раз не приходится. Может статься, что в этот раз получится хорошо, хотя в прошлый раз получилось плохо. Да и виноват-то во всем был больше всего Тьостольв.

Тогда Хрут сказал:

— Раз вы все-таки не отказываетесь от сватовства, то после того, что случилось с Халльгерд, мой совет вам не брать после свадьбы Тьостольва с собой на юг. А если он приедет с позволения Глума в гости, то пусть гостит там не более трех дней. Если же он задержится дольше, то пусть. Глум имеет право его убить и не платить виры. Глум, конечно, вправе разрешить ему жить у себя, но я не советовал бы ему делать это.

И еще скажу: не надо, чтобы сговор был без ведома Халльгерд, как в тот раз. Пусть она знает заранее об этом предложении, увидит Глума и

решит сама, выходить ли ей за него замуж. Тогда она не сможет пенять на других в случае неудачи. Все должно быть без обмана. Торарин сказал:

— Как всегда, лучше всего последовать твоему совету. Затем послали за Халльгерд. Она пришла в сопровождении двух женщин. На ней была голубая накидка из сукна, под накидкой — ярко-красное платье с серебряным поясом. Волосы падали ей на грудь с обеих сторон и были перехвачены поясом. Усевшись между Хрутом и своим отцом, она приветствовала всех добрыми словами. Она говорила хорошо, не робея, и, спросив о новостях, умолкла. Глум сказал:

— Я и мой брат Торарин потолковали уж тут немного с твоим отцом. Я хотел бы, Халльгерд, взять тебя в жены, если будет на то и твое согласие. Ты должна теперь сама решить, по душе ли тебе это, и если наше сватовство тебе не по душе, то не будем говорить о нем.

Халльгерд сказала:

— Я знаю, что вы оба очень достойные люди. Я знаю также, что брак этот будет лучше, чем первый. Но я хочу знать, о чем вы здесь говорили и как далеко зашли ваши переговоры. Мне кажется, что я буду любить тебя, если мы поладим.

Глум рассказал ей о переговорах, ничего не утаивая. Затем он спросил Хёскульда и Хрута, правильно ли он рассказал. Хёскульд сказал, что правильно. Тогда Халльгерд сказала своему отцу:

— Вы с Хрутом с таким уважением отнеслись ко мне в этих переговорах, что я последую вашему совету. Пусть состоится сговор, как вы решите.

Тогда Хрут сказал:

— Нам с Хёскульдом надо назначить свидетелей, а Халльгерд пусть обручится сама, если Торарин найдет это правильным.

— Все правильно, — сказал Торарин.

Затем было определено приданое Халльгерд. Глум должен добавить к приданому еще столько же. Было решено также, что все вновь приобретаемое добро будет делиться между ними поровну. Затем Глум обручился с Халльгерд и поехал со своими людьми домой. Свадьбу должны были сыграть у Хёскульда. До самой свадьбы ничего больше не приключилось.

XIV

Глум и Торарин со множеством достойных людей поехали на запад, в

Долины. Приехав в Хёскульдов Двор, они застали там много народу. Хёскульд и Хрут сели на одной скамье, а жених — на другой. Халльгерд сидела на женской скамье, красивая и нарядная. Тьостольв все время расхаживал с секирой на плече и держал себя нагло, но все делали вид, что не замечают этого. Когда свадьба кончилась, Халльгерд поехала с ними на юг. Приехав домой, на Теплый Ручей, Торарин спросил Халльгерд, хочет ли она распоряжаться всем домом.

— Нет, не хочу, — сказала она.

Халльгерд вела себя тихо всю зиму, и все были ею очень довольны.

Однажды весной братья заговорили между собой об их хозяйстве, и Торарин сказал:

— Я уступлю вам хозяйство на Теплом Ручье, потому что вам здесь будет сподручнее, а сам поеду на юг, на Мыс Горячего Источника, и буду там хозяйничать. А островом Луговым будем владеть сообща.

Глум согласился. Торарин переселился на юг, а Глум с женой остались хозяйничать вдвоем. Халльгерд набрала себе домочадцев. По-прежнему она любила запасать без меры и жить на широкую ногу. Летом она родила девочку. Глум спросил ее, как назвать дочь.

— Ее следует назвать Торгерд, по матери моего отца. Ведь она вела свой род по отцу от Сигурда Победителя Дракона.

Девочку окропили водой и назвали Торгерд. Когда она подросла, она стала походить на мать. Глум и Халльгерд хорошо ладили между собой. Так продолжалось некоторое время.

С севера, с Медвежьего Фьорда, пришли вести, что Сван весной поехал на рыбную ловлю, в море разразилась буря, их отнесло в Безрыбный Фьорд, и они там погибли. А рыбаки с Холодной Спины говорили, что они видели, как Сван вошел внутрь горы Холодная Спина и был там хорошо встречен, а другие оспаривали это, утверждая, что этого не было. Но достоверно было известно, что нигде его не нашли, ни живого, ни мертвого. Когда Халльгерд узнала об этом, ей стало очень жаль своего дядю.

Глум предложил Торарину поменяться землями. Торарин сказал, что не хочет.

— Но если я переживу тебя, то я хотел бы получить Теплый Ручей, — добавил он.

Глум рассказал об этом Халльгерд. Она ответила:

— Торарин вправе требовать этого от нас.

XV

Тьостольв избил как-то работника Хёскульда, и Хёскульд выгнал его из дому. Тьостольв взял своего коня и оружие и сказал Хёскульду:

— Я уезжаю от тебя и больше никогда не вернусь к тебе.

— Все будут этому только рады, — сказал Хёскульд. Тьостольв поехал на Теплый Ручей. Халльгерд встретила его хорошо, да и Глум неплохо. Тьостольв рассказал Халльгерд, как ее отец выгнал его из дому, и попросил приютить его. Она ответила, что не может решить, пока не переговорит с Глумом.

— Хорошо ли вы ладите между собой? — спрашивает он.

— Очень хорошо, — отвечает она.

Затем она пошла поговорить с Глумом. Она обняла его шею руками и сказала:

— Исполнишь ли ты то, о чем я попрошу тебя?

— Исполню, если это будет совместимо с честью — сказал он. — О чем же ты хочешь меня просить?

Она сказала:

— Тьостольва выгнали из дому, и я хочу, чтобы ты позволил ему жить у нас. Но я не стану перечить тебе, если ты этого не хочешь.

Глум сказал:

— Раз ты так послушна, то я позволяю. Но заранее предупреждаю, что если он сделает что-нибудь недоброе, то пусть немедленно убирается прочь.

Она передала это Тьостольву. Он ответил:

— Ты молодец, как я и думал.

После этого Тьостольв стал там жить. Некоторое время он вел себя тихо, но вскоре стал снова задирать людей. Начались у него нелады со всеми, кроме Халльгерд, но она никогда не заступалась за него в его ссорах с другими. Торарин упрекнул как-то Глума в том, что тот пустил к себе Тьостольва, и сказал, что все это когда-нибудь плохо кончится, как уже бывало в прошлом. Глум согласился с ним, но все оставил по-прежнему.

XVI

Однажды осенью, когда перегоняли стада с летних пастбищ, Глум недосчитался многих овец. Он сказал Тьостольву:

— Пойди на гору с моими работниками и посмотри, не найдешь ли

там моих овец.

— Чтоб я скот искать стал! — ответил Тьостольв. — Хватит и того, что мне придется таскаться вслед за твоими рабами. Поезжай ты, тогда и я поеду с тобой.

Началась перебранка. Халльгерд сидела подле дома. Погода стояла хорошая. Глум подошел к ней и сказал:

— Мы только что поссорились с Тьостольвом, нельзя нам дольше оставаться под одной крышей.

И он рассказал, как все произошло. Халльгерд заступилась за Тьостольва, и они повздорили. Глум слегка ударил ее рукой и сказал:

— Но хочу с тобой больше ссориться. — И он ушел.

Она очень любила Глума и не выдержала и разрыдалась. Тогда Тьостольв подошел к ней и сказал:

— Дурно обошлись с тобой, но больше это не повторится.

— Пожалуйста, не мсти ему и не вмешивайся. Тебе нет дела до нашей ссоры.

Тьостольв ушел от нее, усмехаясь.

XVII

Глум позвал людей ехать с ним, и Тьостольв собрался в путь вместе с Глумом. Они поехали вверх по Долине Дымов, мимо Ущелья Бауги и дальше на юг, к Поперечной Горе, и там разделились: одних Глум послал к Столбам, где они нашли много овец, а других он послал на выгоны, принадлежавшие людям из Долины Снорри. Случилось так, что Глум и Тьостольв остались одни. Они пошли на юг от Поперечной Горы, нашли там одичалых овец и погнали их на север к горе, но овцы убежали от них в горы. Тогда они стали бранить друг друга, и Тьостольв сказал Глуму, что тот только и умеет, что валяться на животе Халльгерд. Глум сказал:

— Хочешь нажать врага, сделай человеку много добра. Мне ли слышать брань от тебя, холопа.

— Можешь убедиться в том, что я не холоп, — сказал Тьостольв, — потому что я не стану спасаться от тебя бегством.

Глум рассердился и замахнулся на него ножом, а тот отбил удар секирой, и нож вонзился в секиру на два пальца. Тьостольв тотчас же нанес секирой удар и попал ему в плечо. Ударом разбило лопатку и ключицу, и кровь излилась внутрь. Глум схватился тогда одной рукой за Тьостольва так крепко, что тот упал вместе с ним, но удержать его Глум не мог, так как тут

же умер. Тьостольв снял с него золотое кольцо и прикрыл труп камнями. Затем он пошел на Теплый Ручей. Когда он пришел туда, Халльгерд была подле дома и увидела его окровавленную секиру. Он бросил ей кольцо.

— Что случилось и почему твоя секира окровавлена? — спросила она.

— Не знаю, — сказал он, — понравится ли тебе новость. Глум убит.

— Это, наверно, ты убил его? — говорит она,

— Да, — говорит он.

Она засмеялась^[151] и сказала:

— Ты, я вижу, мальй не промах.

— Что ты посоветуешь мне на этот раз? — спросил он.

— Поезжай к моему дяде Хруту, — говорит она, — он позаботится о тебе.

— Не знаю, — говорит Тьостольв, — разумно ли это. Но я все же послушаюсь твоего совета.

Он взял своего коня и той же ночью уехал на запад, в Хрутов Двор. Он привязал коня за домом, подошел к двери и, сильно постучавшись, отошел к северу от дома. Хрут уже не спал. Он быстро вскочил, набросил на себя одежду, надел обувь и схватил меч. Плащом он обвязал себе левую руку до самого плеча. Когда он выходил, люди в доме проснулись. За домом он увидел рослого человека и узнал в нем Тьостольва. Хрут спросил, что случилось.

— Глум убит, — говорит Тьостольв.

— Чьих рук это дело? — спрашивает Хрут.

— Я убил его, — отвечает Тьостольв.

— Зачем же ты приехал сюда? — говорит Хрут.

— Халльгерд послала меня к тебе, — отвечает Тьостольв.

— Значит, она не хотела этого убийства, — сказал Хрут.

И он взмахнул мечом. Тьостольв увидел это и, не медля, взмахнул секирой. Хрут отскочил в сторону и левой рукой так ловко ударил по лезвию секиры, что секира выпала из рук Тьостольва. Затем Хрут ударил Тьостольва мечом по ноге выше колена, так, что почти отсек ему ногу, подскочил к нему и сильно толкнул его. Потом он ударил его мечом по голове и нанес ему смертельную рану. Тьостольв упал навзничь. Тогда вышли из дому домочадцы Хрута и увидели, что произошло. Хрут велел убрать труп Тьостольва и прикрыть его. Затем Хрут поехал к Хёскульду и рассказал ему об убийстве Глума и Тьостольва. Тот опечалился по поводу гибели Глума и поблагодарил за убийство Тьостольва.

Вскоре после этого Торарин, брат Раги, узнал об убийстве своего брата Глума. Он поехал с одиннадцатью спутниками на запад, в Хёскульдов

Двор. Хёскульд встретил его с распростертыми объятиями и оставил его ночевать. Хёскульд тут же послал сказать Хруту, чтобы тот приехал. Хрут тотчас приехал. На другой день они долго обсуждали убийство Глума.

Торарин сказал:

— Не хочешь ли ты возместить мне как-нибудь смерть брата?

Хёскульд ответил:

— Не я убил твоего брата, и дочь моя не виновна в этом убийстве, а Хрут, как только узнал о нем, убил Тьостольва.

Торарин ничего не сказал в ответ. Казалось, переговоры ни к чему не приведут.

Тогда Хрут сказал:

— Окажем ему честь. Он действительно понес большую потерю, и нам будет вменено в заслугу, если мы одарим его. Тогда он останется нашим другом на всю жизнь.

Так они и сделали. Оба брата сделали ему подарки, и он вернулся к себе, на юг. Весной он обменялся с Халльгерд дворами, и она поехала на юг, на Мыс Горячего Источника, а он на Теплый Ручей. И больше о Торарине не будет говориться в этой саге.

XVIII

Теперь надо рассказать о том, что Мёрд Скрипица заболел и умер. Это показалось всем большой потерей. Все наследство перешло к его дочери Унн. Она еще не была вторично замужем. Уни любила жить на широкую ногу и не заботилась о своем хозяйстве. Вскоре она растратила все свое добро, так что у нее ничего не осталось, кроме земли и драгоценностей.

XIX

Жил человек по имени Гуннар. Он был родичем Унн. Его мать звали Раннвейг. Она была дочерью Сигфуса, сына Сигвата Рыжего, который был убит у Переправы Песчаных Холмов.

Отца Гуннара звали Хамунд. Он был сын Гуннара, по имени которого назван двор Гуннаров Холм, и внук Бауга. Мать Хамунда звали Храфнхильд, она была дочерью Сторольва и внучкой Лосося. Сторольв был брат Храфна Законоговорителя. Сыш Сторольва был Орм Могучий.

Гуннар, сын Хамунда, жил в Конце Склона на гряде Речной Склон.

Это был человек рослый, сильный и очень искусный в бою. Он рубил мечом обеими руками и в то же время метал копья, если хотел. Он так быстро взмахивал мечом, что казалось, будто в воздухе три меча. Не было равных ему в стрельбе из лука, он всегда попадал без промаха в цель. Он мог подпрыгнуть в полном вооружении больше чем на высоту своего роста и прыгал назад не хуже, чем вперед. Он плавал, как тюлень. Не было такой игры, в которой кто-либо мог состязаться с ним. О нем говорили, что ловкостью он превосходит всех. Он был хорош собой. Лицо у него было белое, нос прямой, но слегка вздернутый, глаза голубые и зоркие, щеки румяные, волосы русые, густые. Он прекрасно знал правила обхождения, был вынослив, щедр и сдержан, верен в дружбе и строг в выборе друзей. Много у него было всякого добра.

Одного из его братьев звали Кольскегг. Это был человек рослый и сильный, великодушный и бесстрашный. Другого брата Гуннара звали Хьёрт. Он был еще ребенком. Братом Гуннара, рожденным вне брака, был Орм Лесная Опушка, но о нем не будет речи в этой саге. У Гуннара была сестра по имени Арнгуд. Она была замужем за Хроаром, годи из Междуречья, сыном Уни Нерожденного и внуком Гардара, открывшего Исландию. У Арнгуд был сын Хамунд Хромой, двор которого назывался Хамундовым Двором.

XX

Жил человек по имени Ньяль. Его отцом был Торгейр Голльнир, сын Торольва. Мать Ньяля звали Асгерд. Она была дочь херсира^[152] Аскеля Немого. Она приехала в Исландию и поселилась к востоку от Лесной Реки, между Кобыльим Камнем и Ивняковым Отрогом. У нее был еще сын, по имени Торир из Хольта. Он был отец Торлейва Ворона, от которого происходят люди из лесов, Торгрима Рослого и Ущельного Гейра.

Ньяль жил на Бергторовом Пригорке на Островной Равнине. Другой его двор назывался Торольвова Гора. Ньяль был богат и хорош собой, но у него не было бороды. Он был такой знаток законов, что не было ему равных. Он был мудр и ясновидящ и всегда давал хорошие советы. Он был доброжелателен, обходителен и великодушен, прозорлив и памятлив и никому не отказывал в помощи, кто бы ни обращался к нему.

Его жену звали Бергтора. Она была дочь Скарпхебина. Бергтора была очень домовитая и достойная женщина, но немного суровая. У них с Ньялем было шесть детей — три дочери и три сына, и о всех них будет

речь позднее в этой саге.

XXI

Теперь надо рассказать о том, что, когда Унн растратила все свое добро, она поехала в Конец Склона к Гуннару. Тот принял хорошо свою родственницу, и она осталась там ночевать. На другой день они сидели вдвоем и разговаривали. Они долго говорили о разных вещах, пока Унн не сказала ему, что нуждается в деньгах.

— Это плохо, — сказал Гуннар.

— Что же ты посоветуешь мне делать? — спросила она.

Он ответил:

— Возьми, сколько тебе нужно, из денег, которые мне должны люди.

— Я не хочу тратить твои деньги, — говорит она.

— Чего же ты в таком случае хочешь? — говорит он.

— Я хочу, чтобы ты получил мое добро от Хрута, — говорит она.

— Это дело безнадежное, — говорит он, — раз твой отец не мог получить его. Ведь он был большой знаток законов, я же в них мало разбираюсь.

Она ответила:

— Хрут добился своего силой, а не законом. Отец мой был стар, и люди отсоветовали ему биться с Хрутом. У меня больше нет никого, кто мог бы заступиться за меня в этом деле, кроме тебя.

— Я бы взялся за это дело, — сказал он, — но не знаю, как подступиться к нему.

Она ответила:

— Поезжай на Бергторов Пригорок, к Ньялю. Уж он-то придумает что-нибудь. Ведь он тебе большой друг.

— Что же, — говорит Гуннар, — он, верно, не откажет в хорошем совете, как не отказывал многим другим.

Разговор их кончился тем, что Гуннар взялся вести тяжбу, а ей дал денег, сколько ей было нужно, и она поехала домой. Гуннар же вскоре поехал к Ньялю. Тот принял его хорошо, и они стали разговаривать. Гуннар сказал:

— Я приехал к тебе за добрым советом.

Ньяль ответил:

— Мой совет всегда к услугам многих моих друзей, но для тебя я особенно постараюсь.

Гуннар сказал:

— Я хочу сказать тебе, что взялся вести дело Унн против Хрута.

— Трудное это дело, — говорит Ньяль, — и оно может плохо кончиться. Все же я дам тебе совет, который мне кажется наилучшим. Все кончится благополучно, если ты во всем будешь ему следовать. Но если ты отступишь от него, то твоя жизнь подвергнется опасности.

— Ни в чем не отступлю от него, — говорит Гуннар.

Помолчав немного, Ньяль сказал:

— Я обдумал дело. Вот мой совет.

XXII

— Ты поедешь из дому с двумя спутниками. На тебе должен быть плащ с капюшоном, а под ним шерстяная одежда в коричневых полосах. Под этой одеждой должна быть скрыта твоя хорошая одежда. В руке у тебя пусть будет топорик. Вам нужно взять в дорогу по два коня — одного доброго и другого тощого. Захвати с собой также кузнечный товар. Выезжайте в дорогу рано утром, и как только вы переедете через Белую Реку на запад, закрой себе капюшоном лицо. Люди будут любопытствовать, кто этот рослый человек, и пусть спутники твои говорят, что это Хедин Торговый из Островного Фьорда и что он везет с собой кузнечный товар. Человек он злобный, пустобрех и всезнайка. Он часто нарушает уговор и набрасывается на людей, если они делают что-нибудь не по его желанию. Ты должен поехать на Городище некий Фьорд, повсюду предлагать там свой кузнечный товар, торговаться и часто нарушать уговор. Тогда пойдет слух, что Хедин Торговый — человек очень плохой, и это будет недалеко от истины. Ты поедешь сначала в Долину Северной Реки, затем в Бараний Фьорд и в Долину Лососьей Реки и, наконец, приедешь в Хёскульдов Двор. Там остановись и сиди всю ночь у дверей, низко опустив голову. Хёскульд, конечно, предупредит всех своих, чтобы никто не имел дела с Хедином Торговым и что он человек плохой. Утром ты поедешь оттуда на соседний двор. Там предложи свой товар, и пусть сверху у тебя лежат самые худшие вещи, но ты отрицай их недостатки. Хозяин, конечно, станет разглядывать товар и найдет в нем недостатки, но ты вырывай у него товар из рук и бранись. Хозяин скажет, что ничего другого нельзя было и ждать от тебя, раз ты со всеми такой. Тогда ты набросишься на него, хоть это и не в твоих привычках, но смотри умерь свою силу, чтобы тебя не узнали. Тогда пошлют кого-нибудь в Хрутов Двор сказать Хруту, что надо как-нибудь

развести вас. Он тотчас пошлет за тобой, и ты должен немедля поехать к нему. Тебе отведут место на скамье против почетного сиденья, на котором будет сидеть Хрут. Ты поздоровайся с ним, и он приветливо ответит тебе. Он спросит, не с севера ли ты, и ты отвечай, что ты с Островного Фьорда. Он спросит, много ли там знатных людей. «Много там подлости», — скажешь ты. «Знаешь ли ты людей из Долины Дымов?» — спросит он. «Мне знакома вся Исландия», — скажешь ты. «Есть ли в Долине Дымов доблестные люди?» — спросит он. «Воры там все и злодеи», — скажешь ты. Тогда Хруту покажется это забавным, и он рассмеется. Вы заговорите о людях с Восточных Фьордов, и ты должен всех бранить. Наконец зайдет у вас разговор о людях с Равнины Кривой Реки. Скажи, что там никого не осталось с тех пор, как умер Мёрд Скрипица. Хрут спросит, почему ты думаешь, что после Мёрда Скрипицы там никого не осталось. На это ты ответишь, что он был так мудр и так искусно вел тяжбы, что его доброе имя ни разу не пострадало. Хрут спросит, известно ли тебе что-либо о том, какое у него с ним было дело. «Известно мне, скажешь, что он лишил тебя жены и ты остался ни при чем». Тогда Хрут ответит: «Разве ты не считаешь уроном для него, что он не добился добра, из-за которого затевал тяжбу?» — «На это я могу хорошо возразить тебе, — скажешь ты. — Ты вызвал его на поединок, а он был стар, и друзья отсоветовали ему биться с тобой, тем дело и кончилось». — «Вызвать-то я его вызвал, — скажет Хрут, — и глупым людям это показалось законным. Но ведь он мог бы возобновить тяжбу на другом тинге, если б у него хватило духу». — «Знаю я это», — скажешь ты. Тогда он спросит тебя: «Разве ты понимаешь что-нибудь в законах?» — «Там у нас, на севере, я слыл знатоком, — скажешь ты, — но все же Расскажи мне, как нужно возобновлять тяжбу». Хрут спросит, какую тяжбу ты имеешь в виду. «Ту тяжбу, — скажешь ты, — до которой мне дела нет, тяжбу Уни о ее приданом». — «Нужно вызвать меня на суд так, чтобы я слышал или в моем доме», — скажет Хрут. «Ну-ка вызови, — скажешь ты, — а я повторю за тобой». Тогда Хрут начнет говорить вызов, а ты слушай внимательно, как он говорит. Затем Хрут скажет, чтобы ты повторил вызов. Ты начнешь повторять, но неправильно, так, чтобы из двух слов едва одно было на месте. Тогда Хрут станет смеяться и не заподозрит тебя ни в чем. Он скажет, что мало было в твоём вызове правильного. Ты свалишь все на своих спутников, скажешь, что они сбили тебя. Затем попроси Хрута, чтобы он начал все сначала и позволил тебе повторять за ним каждое слово. Он позволит тебе и снова начнет вызывать на суд. На этот раз ты должен повторить за ним вызов правильно. Затем спроси Хрута. правильно ли ты говорил вызов. Он ответит, что все равно это ни к чему.

Тогда скажи тихо, чтобы слышали твои спутники: «Я вызываю тебя на суд по поручению Унн, дочери Мёрда». А когда люди заснут, возьмите тихо сбрую и выходите из дома. Седла вы понесете на выгон, к добрым коням, и уезжайте на этих конях, а тощих оставьте. Поедете вы сперва в горы, за пастбища, и пробудете там три ночи — сколько примерно вас будут искать. Затем ты поедешь домой, на юг, и будешь ехать только ночами, а днем отлеживаться. А на тинг мы с тобой поедем вместе, и я поддержу тебя в тяжбе.

Гуннар поблагодарил его и поехал домой.

XXIII

Две ночи спустя Гуннар выехал с двумя спутниками из дому. Спустя некоторое время они приехали на Пустошь Синих Лесов. Там им попались навстречу верховые, спросившие, кто тот рослый человек, лица которого не видно. Спутники его ответили, что это Хедин Торговый. Тогда те сказали, что худшей встречи у них, наверно, не будет, раз они встретились с ним, а Хедин сделал вид, будто собирается наброситься на них, но те и другие поехали своей дорогой.

Гуннар сделал все, как ему было сказано. Он остался в Хёскульдовом Дворе на ночь, а оттуда спустился по долине до ближайшего двора. Там он стал предлагать свой кузнечный товар и продал три вещи. Хозяин нашел изъяны в товарах и обвинил его в обмане. Хедин сразу же набросился на хозяина. Об этом сказали Хруту, и он послал за Хедином. Тот сразу поехал к Хруту, и его там хорошо встретили. Хрут отвел ему место напротив себя. Разговор у них пошел примерно так, как предвидел Ньяль. Затем Хрут сказал ему, как надо возобновить тяжбу, и произнес вызов на суд, а тот повторил за ним, но неправильно. Хрут усмехнулся и ничего дурного не заподозрил. Тогда тот попросил Хрута произнести вызов еще раз. Хрут согласился. На этот раз Хедин говорил правильно и призвал своих спутников в свидетели того, что он вызвал Хрута на суд по поручению Унн, дочери Мёрда. Вечером они ушли спать, как и все остальные, но как только Хрут уснул, они взяли свою одежду и оружие, вышли из дома и направились к своим лошадям. Они переправились через речку, поехали по тому ее берегу, на котором стоит Стадный Холм, доехали до конца долины и остановились в горах, возле Перевала Ястребиной Долины. Найти их там можно было, только подъехав к ним вплотную.

Хёскульд проснулся этой ночью в своем дворе еще до полуночи и

разбудил своих домочадцев.

— Я хочу рассказать вам мой сон, — сказал он. — Мне снилось, будто медведь вышел из дому, такой большой, что другого такого нет. За ним послушно бежали два пса. Медведь направился в Хрутов Двор и вошел в дом. Тут я проснулся. Я хочу спросить вас теперь, не заметили ли вы чего-нибудь в том высоком человеке, который приходил сюда.

Один из его людей сказал:

— Я заметил внутри его рукава золотую оторочку и красную ткань. А на правой руке у него было золотое запястье.

Хёскульд сказал:

— Это дух-двойник Гуннара с Копца Склона. Только теперь я сообразил это. Надо поехать в Хрутов Двор.

Так они и сделали. Они вышли все, поехали в Хрутов Двор и постучали в дверь. Человек вышел и отворил дверь. Они сразу же вошли. Хрут лежал еще в своей спальной каморке и спросил, кто приехал. Хёскульд назвал себя и спросил, не гостит ли кто в доме из чужих. Тот отвечает:

— Хедин Торговый здесь.

Хёскульд говорит:

— Нет, это кто-нибудь пошире в плечах. Наверно, это Гуннар с Конца Склона.

— В таком случае ему удалось провести меня, — говорит Хрут.

— Что же произошло? — спрашивает Хёскульд.

Я научил его, как возобновить тяжбу Унн, и я сам вызвал себя на суд, а он повторял вслед за мной. Теперь он воспользуется этим, чтобы начать тяжбу, и это будет его право.

— Тебя обвели вокруг пальца, — говорит Хёскульд. — Наверно, Гуннар не сам придумал все это. Должно быть, это придумал Ньяль, потому что нет ему равных по уму.

Стали они искать Хедина, но того уж и след простыл. Тогда они собрали людей, три дня разыскивали его, но не нашли. Гуннар поехал на юг, в Ястребиную Долину, и дальше на восток через перевал, а затем на север, к Каменистой Пустоши, и, наконец, вернулся домой. Он встретился с Ньялем и сказал ему, что все удалось хорошо.

ними много народу. Гуннар начал тяжбу на тинге и назначил соседей^[153], которые должны были вынести решение. Хрут и его люди хотели было силой помешать ему, но не решились. Затем Гуннар обратился к суду людей с Широкого Фьорда и предложил Хруту выслушать его присягу в том, что он будет честно вести дело, а также выслушать его иск и все доказательства. Затем он принес присягу, изложил свой иск и попросил свидетелей подтвердить, что вызов на суд был произведен правильно. Ньяля при этом не было. Наконец Гуннар предложил ответчику защищаться. Хрут назвал своих свидетелей и объявил тяжбу несостоятельной.

— Гуннар, — сказал он, — упустил три свидетельства, которые должны были быть выслушаны на суде: первое — об объявлении у супружеского ложа, второе — об объявлении у дверей дома и третье — об объявлении на Скале Закона.

В это время появился на суде Ньяль и сказал, что может еще спасти дело, если они хотят, чтобы тяжба продолжалась.

— Я не хочу этого, — сказал Гуннар. — Я намерен предложить Хруту то же самое, что он предложил моему родичу Мёрду. Достаточно ли близко оба брата, Хрут и Хёскульд, чтобы слышать меня?

— Мы слышим тебя, — сказал Хрут, — чего ты хочешь?

Гуннар сказал:

— Пусть присутствующие здесь будут свидетелями, что я вызываю тебя, Хрут, биться со мной на поединке сегодня, на острове, что неподалеку здесь, на Секирной Реке. А если ты не хочешь биться со мной, то должен сегодня же выплатить все сполна.

Затем Гуннар ушел с суда со всеми своими спутниками. Хёскульд с Хрутом также ушли к себе, и больше не было ни обвинения, ни защиты по этому делу.

Войдя к себе в землянку, Хрут сказал:

— Никогда еще не бывало, чтобы я уклонялся от поединка, на который меня вызвали.

— Ты, видимо, намерен принять вызов, — сказал Хёскульд, — но послушайся моего совета и не делай этого, потому что если ты будешь биться с Гуннаром, то тебе придется не лучше, чем пришлось бы Мёрду, если бы он стал биться с тобой. Лучше нам выплатить вдвоем Гуннару все деньги.

Затем они спросили своих людей, какую долю они согласны внести. Те ответили, что внесут столько, сколько Хрут захочет.

— Пойдем тогда к землянке Гуннара, — сказал Хёскульд, — и

выплатим все сполна.

Они пошли к землянке Гуннара и вызвали его. Он вышел и стал в дверях землянки. Хёскульд сказал:

— Принимай деньги.

Гуннар сказал:

— Выкладывайте. Я готов принять их.

Они выплатили ему все деньги сполна. Тогда Хёскульд сказал:

— Пусть от этих денег будет тебе так же мало проку, как мало ты заслужил их.

— Будет от них прок, — сказал Гуннар, — потому что иск был справедливый.

Хрут ответил:

— Придется тебе еще поплатиться за них.

— Будь что будет, — ответил Гуннар.

Хрут с Хёскульдом ушли к себе в землянку. Хёскульд был очень возмущен.

— Неужели, — сказал он, — Гуннар никогда не поплатится за эту проделку?

— Он, конечно, поплатится за нее, — сказал Хрут, — но для нас с тобой это не будет ни мстью, ни славой. Всего вероятнее, что он еще подружится с нашей родней.

На этом их разговор кончился. Гуннар показал Ньялю деньги.

— Повезло, — сказал тот.

— Все благодаря твоей помощи, — сказал Гуннар.

Люди разъехались с тинга домой, и Гуннару эта тяжба принесла большую славу. Он отдал Унн все деньги и ничего не захотел оставить себе, сказав лишь, что она и ее родичи, по его мнению, отныне обязаны ему больше, чем кому-либо другому. Она сказала, что это действительно так.

XXV

Жил человек по имени Вальгард. Он жил в Капище у Кривой Реки. Он был сын годи Ерунда, внук Храфна Глупого, правнук Вальгарда, праправнук Эвара, а Эвар был сыном Вемунда Речистого, внуком Торольва Носатого с Заливов, правнуком Транда Старого, праправнуком Харальда Боезуба и прапраправнуком Хрёрека Метательного Кольца. Мать Харальда Боезуба была Ауд, дочь Ивара Приобретателя и внучка Хальвдана Храброго. Вальгард, по прозвищу Серый, был братом Ульва Аургоди, от

которого произошли люди с Мыса. Ульв Аургоди был отцом Сварта, дедом Лодмунда, прадедом Сигфуса и прапрадедом Семунда Мудрого. От Вальгарда же произошёл Кольбейн Младший.

Братья, Ульв Аургоди и Вальгард Серый, поехали сватать Унн, и она вышла замуж за Вальгарда, не посоветовавшись ни с кем из своих родичей. Этот брак не понравился Гуннару и Ньялю, а также многим другим, потому что Вальгард был человек коварный, и его не любили. У них с Унн родился сын по имени Мёрд. О нем будет часто говориться в этой саге. Когда он вырос, он стал пакостить своим родичам, и больше всего Гуннару. Он был человек хитрый и злобный.

Теперь надо назвать сыновей Ньяля. Старшего из них звали Скарпхедин. Это был человек рослый, сильный и искусный в бою. Плавал он, как тюлень, и не было ему равных в беге. Он был решителен, бесстрашен и остер на язык, но обычно сдержан. Волосы у него были русые и курчавые, глаза зоркие, лицо бледное, черты лица резкие, нос с горбинкой, челюсти, выдающиеся вперед, и несколько некрасивый рот. Однако вид у него был очень воинственный.

Другого сына Ньяля звали Грим. Волосы у него были темные. Он был красивее Скарпхедина и тоже рослый и сильный. Третьего сына Ньяля звали Хельги. Он был хорош собой. Волосы у него были густые. Это был сильный юноша, искусный в бою, умный и хорошо владевший собой. Все сыновья Ньяля были еще неженаты. Четвертый сын Ньяля звался Хёскульд. Это был внебрачный сын Ньяля. Его мать звали Хродню. Она была дочь Хёскульда и сестра Ингьяльда с Ключей.

Ньяль спросил Скарпхедина, не хочет ли он жениться. Тот сказал, что подчинится отцу. Ньяль сосватал ему тогда Торхильд, дочь Храфна с Торольвовой Горы, где у него был потом второй двор. Скарпхедин женился на Торхильд, но остался жить с отцом. Гриму Ньяль сосватал Астрид с Глубокой Реки. Она была вдова и очень богата. Он женился на ней и также остался жить с Ньялем.

XXVI

Жил человек по имени Асгрим. Он был сын Лодейного Грима, внук Асгрима, правнук Андотта Вороны. Мать его звали Йорунн. Она была дочь Тейта и внучка Кетильбьёрна Старого с Мшистой Горы. Мать Тейта была Хельга, дочь Торда Бороды, внучка Храпна и правнучка Бьёрна Бычья Кость. Мать Йоруни была Алов, дочь херсира Бёдвара, внучка Викингского

Кари. Брата Асгрима, сына Лодейного Грима, звали Сигфус. Его дочь Торгерд была мать Сигфуса, отца Семунда Мудрого. Гаук, сын Трандиля, был побратимом Асгрима. Он был человек очень храбрый и во всем искусный. Они с Асгримом плохо ладили, так что, в конце концов, Асгрим убил Гаука. У Асгрима было два сына, и обоих звали Торхалль. Они оба подавали большие надежды. У Асгрима был еще один сын, Грим, и дочь Торхалла. Она была очень красивая, благовоспитанная и добродетельная девушка.

Ньяль завел как-то разговор со своим сыном Хельги. Он сказал:

— Я нашел тебе невесту, сын, если ты послушаешься моего совета.

— Конечно, слушаюсь, — сказал тот, — ведь я знаю, что ты желаешь мне добра, а также что ты хорошо разбираешься в любом деле. Кого же ты выбрал?

— Будем сватать дочь Асгрима, сына Лодейного Грима, это лучшая невеста в округе.

XXVII

Немного спустя поехали они сватать невесту. Они переехали через Бычью Реку и поехали дальше, пока не прибыли в Междуречье. Асгрим был дома. Он принял их хорошо и оставил у себя ночевать. На другой день они приступили к разговору. Ньяль попросил выдать Торхаллу за своего сына Хельги. Асгрим ответил согласием, сказав, что нет таких людей, с которыми он охотнее заключил бы эту сделку, чем с ними. Они обсудили все подробности. Асгрим обручил Хельги с девушкой, и был назначен день свадьбы. Гуннар был на свадебном пиру, и многие другие знатные люди. После свадьбы Ньяль предложил взять на воспитание Торхалля, одного из сыновей Асгрима. Торхалль поехал к нему и долго жил у него. Он полюбил Ньяля больше родного отца. Ньяль познакомил его с законами, так что тот стал одним из лучших знатоков законов в Исландии.

XXVIII

В Устье Орлиного Гнезда вошел корабль. Владельцем корабля был Хальвард Белый из Вика. Он остановился в Конце Склона и провел у Гуннара всю зиму. Он стал уговаривать Гуннара поехать за море. Гуннар больше отмалчивался, хотя и не был против поездки. А весной он поехал

на Бергторов Пригорок и спросил Ньяля, посоветует ли тот ему поехать за море.

— Мне кажется, что тебе стоит поехать, — говорит Ньяль, — тебя, конечно, повсюду ждет удача.

— Не позаботишься ли ты о моем добре, пока меня здесь не будет? — говорит Гуннар. — Я хочу, чтобы Кольскегг поехал со мной, а ты присмотрел бы за моим хозяйством вместе с моей матерью.

— За этим дело не станет, — говорит Ньяль, — я исполню все, что ты просишь.

— Спасибо, — говорит Гуннар.

После этого он поехал домой. Норвежец вновь завел с ним речь о поездке за море. Гуннар спросил его, случалось ли ему бывать в других странах. Тот ответил, что бывал во всех странах между Норвегией и Гардарики^[154].

— Я плавал также в Бьярмаланд^[155], — добавил он.

— Поплывешь ли со мной в восточные земли^[156]? — спрашивает Гуннар.

— Конечно, поплыву, — отвечает тот.

И Гуннар отправился с ним в плавание, а Ньяль взял хозяйство Гуннара на свое попечение.

XXIX

Гуннар уехал из Исландии вместе со своим братом Кольскеггом. Они приплыли в Тунсберг и пробыли там всю зиму. В Норвегии в это время произошла смена правителей. Харальд Серый Плащ и Гуннхильд умерли. Страной стал править ярл Хакон, сын Сигурда, внук Хакона, правнук Грьотгарда. Мать Хакона звалась Бергльот. Она была дочь ярла Торира и Алов Красы Года, дочери Харальда Прекрасноволосого.

Халльвард спросил Гуннара, хочет ли он посетить ярла Хакона.

— Нет, не хочу, — ответил Гуннар.

— У тебя есть боевые корабли? — спросил он потом.

— У меня их два, — ответил тот.

— Тогда я хотел бы, чтобы мы отправились в викингский поход, — сказал Гуннар, — и набрали людей для этого.

— Согласен, — ответил Халльвард.

Затем они поехали в Вик, взяли оба корабля и снарядились в путь.

Набрать людей им было легко, потому что о Гуннаре шла добрая слава.

— Куда ты направишь путь? — спрашивает Гуннар.

— На остров Хисинг к моему родичу Эльвиру.

— Зачем он тебе? — говорит Гуннар.

— Он хороший человек, — отвечает Халльвард, — он даст нам подмогу для похода.

— Тогда поедем к нему вдвоем, — говорит Гуннар.

Как только они снарядились в путь, они поехали на остров Хисинг, и их там хорошо приняли. Совсем недолго пробыл там Гуннар, но успел очень понравиться Эльвиру. Эльвир спросил, куда он собирается. Халльвард сказал, что Гуннар собирается в поход, чтобы добыть себе богатство.

— Это безрассудная затея, — сказал Эльвир, — у вас недостаточно людей.

— Ты можешь дать нам подмогу, — говорит Халльвард.

— Я дам подмогу Гуннару, — говорит Эльвир. — Хоть ты и приходишься мне родичем, я верю в него больше, чем в тебя.

— Что же ты дашь нам в подмогу? — спрашивает Халльвард.

— Два боевых корабля, один с двадцатью, другой с тридцатью скамьями для гребцов.

— А кто будет на этих кораблях? — спрашивает Халльвард.

— На один я посажу своих работников, на другой — бондов. Но я слышал, что на реке беспокойно, и не знаю, сумеете ли вы выбраться в море.

— Кто же это там пошаливает? — спрашивает Халльвард.

— Два брата, — говорит Эльвир, — одного зовут Вандиль, а другого — Карл, они сыновья Снеульва Старого из Гаутланда.

Халльвард рассказал Гуннару, что Эльвир дал им два корабля. Гуннар обрадовался этому. Они стали готовиться к отъезду и наконец, снарядились в путь. Они пошли к Эльвиру и поблагодарили его, а тот посоветовал им поостеречься братьев.

XXX

Гуннар выплывал на своих кораблях из реки Гаутельв. Они с Кольскеггом были на одном корабле, а Халльвард — на другом. И вот они увидели впереди корабли. Гуннар сказал:

— Нам надо приготовиться на случай, если они нападут на нас; если

же они на нас не нападут, то мы их не станем трогать.

Так они и сделали: приготовились на своих кораблях к бою. Те же отвели корабли в стороны, оставив проход посредине, и Гуннар поплыл вперед между кораблей. Тогда Вандиль схватил крюк, бросил его на корабль Гуннара и тотчас же притянул корабль к себе. У Гуннара был хороший меч, подарок Эльвира. Он обнажил свой меч — шлема он не надел, — и, не медля, вскочил на нос корабля Вандиля и тотчас же зарубил одного из противников насмерть.

Карл подошел на своем корабле с другой стороны и метнул копьё поперек корабля, метаясь прямо в Гуннара. Но Гуннар увидел летевшее в него копьё, мигом увернулся и, схватив его левой рукой, метнул обратно на корабль Карла, и оно сразило человека, в которого попало. Кольскегг схватил якорь и закинул его на корабль Карла. Зубец якоря угодил в борт и пробил его. В пробоину хлынула черная, как уголь, вода, и все люди стали прыгать с этого корабля на другие.

Гуннар вскочил обратно на свой корабль. Тут подоспел на своем корабле Халльвард, и завязалась жестокая битва. Люди увидели, что их предводитель бесстрашен, и каждый старался изо всех сил. Гуннар попеременно метал копьё и рубил мечом, и многие погибли от его руки. Кольскегг хорошо помогал ему. Карл вскочил на корабль к своему брату Вандилю, и с этого корабля они сражались весь день. Днем Кольскегг дал себе передышку на корабле Гуннара. Увидев это, Гуннар сказал ему:

— Ты обошелся сегодня с другими лучше, чем с самим собой: благодаря тебе они больше никогда не будут испытывать жажды.

Тогда Кольскегг взял ковш, полный меда, выпил его и снова стал сражаться. Наконец оба брата вскочили на корабль, где были Вандиль с братом, и Кольскегг стал наступать вдоль одного борта, а Гуннар — вдоль другого. Навстречу Гуннару встал Вандиль. Он, не медля, нанес удар мечом, и удар пришелся в щит. Гуннар быстро отвел щит с застрявшим в нем мечом в сторону, и меч сломался у рукояти. Тогда Гуннар нанес ответный удар и казалось, что не один, а три меча в воздухе, и Вандиль увидел, что нет ему спасения. Гуннар отрубил ему обе ноги. Между тем Кольскегг пронзил Карла копьём. Они взяли там богатую добычу.

Оттуда они направились на юг, к Дании, а затем на восток, Смаланд, и всюду одерживали победы. Осенью они не вернулись.

На другое лето они поплыли в гавали и встретили там викингов. Они, не медля, вступили с ними в битву и одержали победу. Осенью они не вернулись. На другое лето они поплыли в Равали^[157] и встретили там викингов. Они, не медля, вступили с ними в битву и одержали победу.

Затем они поплыли на восток, к острову Эйсюсла^[158] и стали там на время у какого-то мыса. Они увидели человека, спускавшегося с мыса. Гуннар сошел к нему на берег, и они вступили в разговор. Гуннар спросил, как его зовут, и тот назвался Тови. Гуннар спросил, чего он хочет.

— Ищу тебя, — ответил тот. — Тут, за мысом, стоят боевые корабли, и я хочу рассказать тебе, чьи они. Это корабли двух братьев. Одного из них зовут Халльгрим, а другого Кольскегг. Они оба лихие воины, и у них очень хорошее оружие. У Халльгрима есть копье с широким наконечником, которое ему заколдовали: никакое оружие, кроме этого копья, не может его убить. Есть у этого копья еще одно свойство: если ему предстоит нанести смертельный удар, оно издает тонкий звон. Такая в нем чудодейственная сила. А у Кольскегга есть меч, лучше которого не сыскать. Войска у них в полтора раза больше, чем у вас. У них много добра, и оно спрятано на берегу, но я точно знаю, где оно спрятано. Они выслали вперед дозорный корабль и всё о вас знают. Они теперь готовятся к бою и собираются напасть на вас, как только изготовятся. Вам остается теперь одно из двух: либо немедленно уходить прочь, либо как можно скорее приготовиться к бою, а если вы одержите победу, то я покажу вам, где спрятано их добро.

Гуннар дал ему золотое кольцо и, вернувшись к своим, сказал им, что по ту сторону мыса стоят боевые корабли.

— Они знают всё про нас, — добавил он. — Возьмемся же за оружие и хорошенько подготовимся к бою, потому что здесь можно взять большую добычу.

Затем они стали готовиться к бою, и когда они уже изготовились, то увидели, что к ним приближаются корабли. Завязалась битва. Они сражались долго, и немало пало в этом бою.

Гуннар сразил многих воинов. Халльррим с братом вскочили на корабль к Гуннару. Гуннар быстро повернулся к ним. Халльгрим замахнулся на него своим копьем. Там лежала балка поперек судна, и Гуннар отскочил за нее, но его щит оставался перед ней. Халльгрим пронзил щит и всадил свое копье в балку. Гуннар нанес ему удар по руке и раздробил кость, но меч не врезался в руку. Копье выпало у Халльгрима из рук. Гуннар поднял его и убил Халльгрима наповал. С тех пор он не расставался с этим копьем.

Тезки же продолжали сражаться, и было неясно, кто возьмет верх. Тут подошел Гуннар и нанес Кольскеггу смертельный удар. Викинги запросили пощады, и Гуннар уважил их просьбу. После этого он распорядился осмотреть убитых и снять с них то добро, которое на них было, а тем, кого он пощадил, он дал одежду и доспехи и отпустил на родину. Они уплыли, а

Гуннар взял себе все оставшееся после них богатство.

После сражения к Гуннару явился Тови и вызвался провести его к месту, где викинги спрятали свое добро, добавив, что там они найдут добра побольше и получше, чем то, что досталось им в бою. Гуннар согласился. Он сошел с Тови на берег и направился следом за ним в лес. Они пришли к месту, где была навалена куча деревьев. Тови сказал, что клад под кучей. Они растащили деревья и нашли под ними золото и серебро, а также одежду и хорошее оружие. Они перенесли все это добро на корабль. Гуннар спросил у Тови, чего он хочет в награду.

— Я датчанин, — ответил Тови, — и хотел бы, чтобы ты доставил меня к моим родичам.

Гуннар спросил, как он попал в восточные земли.

— Викинги взяли меня в плен, — ответил Тови, — и высадили здесь на берег, на Эйсюсле, и с тех пор я здесь.

XXXI

Гуннар взял его с собой.

— А теперь направимся в северные земли, — сказал он Кольскеггу и Халльварду.

Те охотно согласились и сказали, что пусть он распоряжается. Гуннар отплыл, увозя с собой большое богатство. У него было теперь десять кораблей. Он поплыл в Данию, в Хейдабёр. Конунг Харальд, сын Горма, правил тогда Данией. Ему сказали, что Гуннару нет равных во всей Исландии. Конунг послал к нему своих людей и пригласил к себе. Гуннар не замедлил поехать к нему. Конунг принял его хорошо и посадил рядом с собой. Там Гуннар оставался полмесяца. Конунг забавлялся тем, что заставлял Гуннара состязаться в играх с его людьми, и не нашлось таких, которые могли бы сравниться с ним. Конунг сказал Гуннару:

— Я полагаю, что вряд ли сыщется другой, равный тебе.

Конунг предложил Гуннару жениться и обещал ему большие почести, если бы он захотел остаться там. Гуннар поблагодарил конунга за предложение и сказал:

— Я хотел бы сперва поехать в Исландию, чтобы повидаться с друзьями и родичами.

— Тогда ты не вернешься к нам больше, — говорит конунг.

— Это уж как судьбе будет угодно, государь, — говорит Гуннар.

Гуннар подарил конунгу хороший боевой корабль и много другого

добра, а конунг подарил ему одежду со своего плеча, расшитые золотом рукавицы, повязку на лоб с золотой тесьмой и меховую шапку из Гардарики.

Гуннар поехал на север, в Хисинг. Эльвир встретил его с распростертыми объятиями. Гуннар вернул Эльвиру его корабль, сказав, что вся кладь на них — доля Эльвира в добыче. Эльвир принял подарок, похвалил его щедрость и предложил погостить у него некоторое время. Халльвард спросил Гуннара, хочет ли он посетить ярла Хакона. Гуннар ответил, что на этот раз не прочь посетить его.

— Потому что, — добавил он, — теперь я уже не так зелен, как когда ты предлагал мне это раньше.

Они снарядились в путь и выехали на север, в Грандхейм, к ярлу Хакону. Тот принял Гуннара хорошо и предложил остаться у него на зиму. Гуннар согласился и заслужил там общее уважение. На праздник середины зимы ярл подарил ему золотое запястье. Гуннару полюбилась там Бергльот, родственница ярла. Люди полагают, что ярл выдал бы ее за него, если бы Гуннар стал добиваться этого.

XXXII

Весной ярл спросил Гуннара, что он собирается делать дальше. Тот ответил, что хочет поехать в Исландию. Ярл сказал, что год был плохой и поэтому мало кораблей пойдет в море. Но все же, — продолжал он, — ты получишь муки и лесу, сколько пожелаешь.

Гуннар поблагодарил его, быстро снарядил свой корабль и вместе с Халльвардом и Кольскеггом отплыл в Исландию. В начале лета они прибыли туда и бросили якорь в Устье Орлиного Гнезда. Это было перед самым альтингом. Гуннар с корабля поехал домой, а людей оставил для разгрузки. Кольскегг поехал вместо с ним. Дома все обрадовались их приезду. Гуннар и Кольскегг были приветливы со своими домочадцами, и в них не прибавилось важности.

Гуннар спросил, не в отъезде ли Ньяль. Ему ответили, что он у себя дома. Тогда он велел подать коня и поскакал с Кольскеггом на Бергторов Пригород. Ньяль обрадовался их приезду и попросил остаться переночевать. Гуннар рассказал ему о своих странствиях, и Ньяль нашел, что он молодец.

— Многое довелось тебе испытать, — добавил он, — но еще больше испытаний у тебя впереди, потому что многие будут тебе завидовать.

— Я хотел бы жить в мире со всеми, — говорит Гуннар.

— Многое с тобой случится, — говорит Ньяль, — и придется тебе все время защищаться.

— В таком случае, — говорит Гуннар, — важно, чтобы право было на моей стороне.

— Так оно и будет, — говорит Ньяль, — если только не придется тебе расплачиваться за других.

Ньяль спросил Гуннара, собирается ли он на тинг. Гуннар ответил, что собирается, и спросил, поедет ли Ньяль. Тот ответил, что не поедет.

— И я хотел бы, — добавил он, — чтобы и ты поступил так же.

Гуннар одарил Ньяля богатыми подарками и, поблагодарив его за заботы о своем хозяйстве, уехал домой.

Кольскегг стал склонять его к поездке на тинг. Он сказал:

— Твоя слава там возрастет, потому что многие окажут тебе внимание.

— Не в моем нраве заноситься, — сказал Гуннар. — Но я охотно повидаюсь с хорошими людьми.

Халльвард тоже был там и предложил поехать вместе на тинг.

XXXIII

И они все поехали на тинг. Они были так роскошно одеты, что не было равных им на тинге и люди выбегали из каждой землянки, чтобы подивиться на них. Гуннар поселился в землянке, людей с Кривой Реки, своих родичей. Много людей приходило повидать Гуннара и узнать от него новости. Он был со всеми приветлив и весел и рассказывал им, сколько они хотели.

Случилось однажды, что, идя от Скалы Закона, Гуннар проходил мимо землянки людей с Мшистой Горы. Он увидел там нарядно одетых женщин, которые шли ему навстречу. Впереди шла женщина, которая была всех нарядней. Когда они встретились, она обратилась к нему с приветом. Он учтиво ответил и спросил, кто она такая. Она назвалась Халльгерд и сказала, что она дочь Хёскульда, сына Колля из Долин. Она без стеснения обратилась к нему и попросила рассказать о его странствиях, а он ответил, что не откажет в ее просьбе. Они уселись вдвоем и стали беседовать. На ней было красное платье, а на платье богатые украшения. Сверху на ней была пурпурная накидка, донизу отороченная кружевом. Волосы падали ей на грудь, и они были густые и красивые. Гуннар был в одеянии, подаренном ему конунгом Харальдом, сыном Горма. На руке у него было

золотое запястье, подарок ярла Хакона. Так они разговаривали громко долгое время. Наконец Гуннар спросил, замужем ли она. Она ответила, что нет.

— Да и немного найдется таких, кто решился бы жениться на мне, — сказала она.

— Что ж, нет достойных тебя? — спросил он.

— Не в том дело, — сказала она, — но я бы не за всякого пошла.

— А что бы ты сказала мне, если бы я стал тебя сватать?

— Это тебе и в голову не придет, — сказала она.

— Ошибаешься, — ответил он.

— Если ты в самом деле хочешь этого, то пойди поговори с моим отцом.

На этом их разговор кончился. Гуннар тотчас же отправился к землянке людей из Долии и, встретив перед землянкой людей, спросил их, в землянке ли Хескульд. Те ответили, что в землянке. Гуннар вошел туда. Хескульд и Хрут встретили его с распростертыми объятиями. Он сел между ними, и в их разговоре ничто не напоминало об их былой вражде. Наконец Гуннар спросил, что бы сказали ему братья, если бы он посватался к Халльгерд.

— Мы не отказали бы, — ответил Хескульд, — если только ты в самом деле решил жениться на ней.

Гуннар подтвердил, что это так.

— Но мы с тобой так расстались в свое время, — добавил Хескульд, — что люди не поверят в возможность сговора между нами. Как ты смотришь на этот брак, брат мой Хрут?

Хрут ответил:

— Мне он не кажется равным.

— Почему? — спросил Гуннар.

— Я скажу тебе правду, — ответил Хрут. — Ты человек доблестный и достойный, а она человек ненадежный. Я не хочу ни в чем тебя обманывать.

— Спасибо тебе за это, — сказал Гуннар, — но мне все же кажется, что вы не позабыли старой вражды, если отвергаете мое сватовство.

— Нисколько, — сказал Хрут. — Однако я вижу, что ты не можешь совладать с собой. Но мы бы хотели остаться твоими друзьями и в том случае, если бы не заключили этой сделки.

— Я разговаривал с нею, — сказал Гуннар, — она согласна выйти за меня.

Хрут сказал:

— Я так и думал, что для вас обоих это безрассудный брак по страсти. Но тем больше вы и рискуете при этом.

И Хрут рассказал Гуннару о нраве Халльгерд и открыл ему глаза на многие ее недостатки. Дело все же кончилось тем, что они заключили брачную сделку. Затем послали за Халльгерд и все обсудили при ней. Как и в прошлый раз, она сама помолвила себя. Решили справлять свадьбу на этот раз в Конце Склона и до поры до времени хранить все в тайне. Но получилось так, что все узнали о сговоре.

Воротившись с тинга домой, Гуннар поехал на Бергторов Пригорок и рассказал Ньялю о сговоре. Тот принял новость очень неодобрительно. Гуннар спросил его, почему он так не одобряет сговора.

— От нее пойдет все зло, если она приедет сюда, на восток, — сказал Ньяль.

— Ей не удастся расстроить нашу дружбу, — сказал Гуннар.

— Близко будет к тому, — сказал Ньяль, — что ей удастся ее расстроить, но ты будешь каждый раз расплачиваться за жену.

Гуннар пригласил на свадьбу Ньяля и всех, кого бы он ни пожелал взять с собой. Ньяль обещал приехать. Затем Гуннар поехал домой и объехал всю округу, приглашая людей.

XXXIV

Жил человек по имени Траин. Он был сыном Сигфуса и внуком Сигвата Рыжего. Он жил у Каменистой Реки, на Речном Склоне. Он был родичем Гуннара и очень уважаемым человеком. Женой его была Торхильд, по прозвищу Женщина Скальд. Она была очень остра на язык и любила насмешки. Траин не очень любил ее. Его тоже пригласили на свадьбу в Конец Склона, и жена его должна была потчевать гостей вместе с Бергторой, дочерью Скарпхебина, женой Ньяля.

Другого сына Сигфуса звали Кетиль. Он жил в Лесу, восточнее Лесной Реки. Женой его была Торгерд, дочь Ньяля. Третьего сына Сигфуса звали Торкель, четвертого — Мёрд, пятого — Ламби, шестого — Сигмунд, седьмого — Сигурд. Все они приходились Гуннару родичами и были доблестными воинами. Гуннар пригласил их всех к себе на свадьбу. Пригласил он также Вальгарда Серого и Ульва Аургоди и их сыновей — Рунольва и Мёрда.

Хёскульд и Хрут прибыли на свадьбу с множеством людей. Были там и сыновья Хёскульда — Торлейк и Олав. С ними приехала невеста и дочь ее

Торгерд. Она была очень красивая девушка, и ей было тогда четырнадцать лет. Много приехало с ней и других женщин. Были там также Торхалла, дочь Асгрима, сына Лодейного Грима, и две дочери Ньяля — Торгерд и Хельга.

У Гуннара собралось много гостей, и он рассадил их так: сам он сидел в одном ряду скамей посередине, а слева от него сидел Траин, сын Сигфуса, дальше — Ульв Аургоди, затем — Вальгард Серый, затем — Мёрд и Рунольв, а дальше — остальные сыновья Сигфуса. Ламби сидел с самого краю. По правую руку от Гуннара сидел Ньяль, за ним — Скарпхедин, затем Хавр Мудрый, затем Ингьяльд с Ключей, затем — сыновья Торира из Хольта. Торир пожелал занять самое крайнее место в ряду знатных людей. Все были довольны своими местами. Хёскульд сидел посередине в другом ряду, и слева от него — сыновья его. Хрут сидел справа от него. Про остальных не рассказывается, где они сидели. Невеста сидела на женской скамье посередине, и по одну сторону от нее — дочь ее Торгерд, а по другую — Торхалла, дочь Асгрима, сына Лодейного Грима. Торхильд потчевала гостей. Вдвоем с Бергторой они подавали еду на стол.

Траин, сын Сигфуса, не сводил глаз с Торгерд, дочери Глума. Это заметила его жена Торхильд. Она рассердилась и сказала вису:

— Ну и стыд! Уставился, Так и ест глазами!

— Траин! — воскликнула она.

А он тут же поднялся из-за стола, назвал своих свидетелей и объявил о разводе с ней.

— Я не потерплю ее насмешек и брани, — сказал он.

Он так рьяно взялся за дело, что не пожелал дольше оставаться на свадебном пиру, если она не уедет. И она уехала. После этого все уселись снова на свои места, пили и веселились. Вдруг Траин сказал:

— Я не стану делать тайны из того, что у меня на уме. Хёскульд, сын Коля из Долин, я хочу спросить тебя, выдашь ли ты за меня твою внучку Торгерд?

— Не знаю, что мне и сказать, — ответил тот. — Мне кажется, что ты не так уж хорошо обошелся со своей прежней женой. Что он за человек, Гуннар?

Гуннар ответил:

— Я не скажу этого, потому что он мой родич. Лучше скажи-ка ты, Ньяль, тебе все поверят.

Ньяль сказал:

— О нем надо сказать, что он человек богатый, достойный и знатный. За него вполне можно выдать невесту.

Хёскульд сказал тогда:

— А что ты посоветуешь, брат мой Хрут? Хрут сказал:

— Можешь выдать за него невесту, он ей ровня.

Тут они стали договариваться и пришли к согласию во всем. Затем Гуннар поднялся с места, и Траин с ним, и они подошли к женской скамье. Гуннар спросил мать и дочь, согласны ли они на сговор. Те ответили, что не возражают против него, и Халльгерд помолвила свою дочь. Тогда женщины рассадили по-новому: теперь Торхалла сидела между обеими невестами. Свадебный пир продолжался. А когда свадьба кончилась, Хёскульд и его люди поехали на запад, а люди с Кривой Реки — к своим дворам. Гуннар поднес многим подарки, и его за это хвалили. Халльгерд стала хозяйкой у него в доме. Она любила жить на широкую ногу и всем распорядиться. Торгерд принялась за хозяйство у Каменистой Реки и стала домовитой хозяйкой.

XXXV

У Гуннара и Няля повелось, что из дружбы друг к другу каждую зиму один из них гостил у другого. И вот наступил черед Гуннара гостить у Няля, и Гуннар с Халльгерд поехали на Бергторов Пригорок. Хельги с женой в то время не было дома. Няль встретил Гуннара хорошо, и когда Гуннар с женой пробыли там некоторое время, вернулись домой Хельги с женой Торхаллой. Как-то раз Бергтора с Торхаллой подошли к женской скамье, и Бергтора сказала Халльгерд:

— Уступи-ка ей место!

Та ответила:

— И не подумая. Я не хочу сидеть в углу, как старуха.

— Я распоряджаюсь в этом доме, — сказала Бергтора.

И Торхалла заняла место на скамье.

Бергтора пошла к столу с водой для умыванья рук. Халльгерд взяла Бергтору за руку и сказала:

— Вы с Нялем под стать друг другу: у тебя все ногти вросли, а он безбородый.

— Твоя правда, — сказала Бергтора. — Но никто из нас не попрекает этим другого. А вот у тебя муж Торвальд не был безбородым, и все же ты велела его убить.

— Мало пользы будет мне от того, — сказала Халльгерд, — что мой муж самый храбрый человек в Исландии, если ты не отомстишь за это,

Гуннар!

Тот вскочил, вышел из-за стола и сказал:

— Я еду домой. Со своими домочадцами бранись, а не в чужом доме. Я перед Ньялем в долгу за многое и не поддамся, как дурак, на твои подстрекательства.

И они собрались домой.

— Попомни, Бергтора, — сказала Халльгерд, — мы еще с тобой не рассчитались!

Бергтора сказала, что ей от этого лучше не станет. Гуннар не проронил ни слова при этом. Он поехал домой в Конец Склона и был всю зиму дома. Тем временем дело подошло к лету и к альтингу.

XXXVI

Гуннар собрался на тинг и, прежде чем выехать из дому, сказал Халльгерд:

— Веди себя мирно, пока меня нет дома, и не ссорься, если тебе придется иметь дело с моими друзьями.

— Ну их, твоих друзей! — ответила она.

Гуннар уехал на тинг. Он видел, что говорить с ней бесполезно. На тинг приехали также Ньяль и его сыновья.

Теперь надо рассказать о том, что тем временем происходило дома. У Ньяля с Гуннаром был общий лес на горе Красные Оползни. Они не делили леса, и каждый, бывало, рубил в нем, сколько ему было нужно, и не попрекал другого за порубку. У Халльгерд был надсмотрщик по имени Коль. Он давно жил у нее и был отъявленным злодеем. У Ньяля с Бергторой был работник по имени Сварт, которым они не могли нахвалиться. Бергтора сказала ему, чтобы он поехал на Красные Оползни и нарубил лесу.

— А я пришлю людей, чтобы отвезти лес домой, — сказала она.

Тот сказал, что выполнит поручение. Он поехал на Красные Оползни и собирался пробыть там неделю. Между тем в Конец Склона пришли со стороны Лесной Реки нищие и рассказали, что Сварт на Красных Оползнях и нарубил там очень много лесу.

— Наверно, Бергтора замышляет совсем меня ограбить, — сказала Халльгерд. — Но я позабочусь о том, чтобы ему больше не пришлось рубить лес!

Мать Гуннара Раннвейг услышала это и сказала:

— Бывали у нас раньше хорошие хозяйки, но чтобы они замышляли убийство — этого не бывало.

Вот прошла ночь, и наутро Халльгерд завела разговор с Кодем.

— Есть у меня для тебя работа, — сказала она и дала ему в руки оружие. — Поезжай-ка на Красные Оползни, там ты встретишь Сварта.

— Что я должен с ним сделать? — спросил он.

— Такой злодей, а еще спрашиваешь! — сказала она. — Ты должен убить его.

— Хорошо, — сказал он, — хоть и похоже на то, что придется мне поплатиться за это жизнью.

— Боишься? — сказала она. — И это после всего, что я сделала для тебя! Раз ты не надеешься на самого себя, придется мне, видно, обратиться к кому-нибудь другому.

Тот взял секиру и, сильно рассерженный, сел на одного из коней Гуннара и поехал к Лесной Реке. Там он спешил и стал ждать в лесу, пока люди не кончат убирать лес и Сварт не останется один. Затем Коль бросился на Сварта и сказал:

— Не один ты ловок рубить!

И, ударив его секирой по голове, убил наповал, а затем уехал домой и рассказал об убийстве Халльгерд. Она сказала:

— Я позабочусь о том, чтобы с тобой ничего не случилось.

— Это было бы хорошо, — сказал он, — однако другое видел я во сне, перед тем как совершил убийство.

Вот поднялись люди в лес, нашли там Сварта зарубленным и унесли домой. Халльгерд послала к Гуннару на тинг человека рассказать ему об убийстве. Гуннар не стал бранить Халльгерд перед посланцем, и люди сперва не знали, доволен ли он вестью или нет. Немного погодя Гуннар встал и попросил своих людей пойти с ним. Они пошли к землянке Ньяля. Гуннар послал человека, чтобы он попросил Ньяля выйти. Ньяль тотчас же вышел, и они стали разговаривать.

Гуннар сказал:

— Я должен сообщить тебе об убийстве. Убит твой работник Сварт, а виновны в убийстве моя жена и мой надсмотрщик Коль.

Ньяль молчал, пока Гуннар не рассказал всего. Затем Ньяль сказал:

— Не надо тебе давать ей воли.

Гуннар сказал:

— Теперь рассуди нас, как сам сочтешь нужным.

Ньяль сказал:

— Туго придется тебе, если ты будешь всегда расплачиваться за

поступки Халльгерд. Ведь в другой раз дело может обернуться хуже, чем сейчас со мной, да и на этот раз дело еще не улажено. Надо подумать, как бы нам с тобой уладить его по-дружески. Я думаю, что это нам удастся. Но все же это будет для тебя тяжелым испытанием.

Ньяль согласился рассудить дело и сказал:

— Я не хочу запрашивать с тебя. Уплати мне двенадцать эйриров серебра, и я ставлю условием нашего примирения, чтобы, если кто-нибудь из моего дома будет виновен, ты рассудил нас не строже.

Гуннар выплатил деньги сполна и затем поехал домой. Ньяль и его сыновья также вернулись домой с тинга. Увидев деньги, Бергтора сказала:

— В меру уплачено, но пусть ровно столько же будет уплачено за Коля, когда придет время.

Гуннар приехал домой с тинга и стал выговаривать Халльгерд. Она ответила, что и за людей получше не всегда платят виру.

— Конечно, — сказал Гуннар, — ты натворишь что-нибудь, а я должен за тебя улаживать.

Халльгерд все похвалялась убийством Сварта, и Бергторе это не нравилось.

Однажды Ньяль отправился с сыновьями на Торольвову Гору, чтобы распорядиться там по хозяйству. В тот же день Бергтора, выйдя из дому, увидела, что едет человек на вороном коне. Она остановилась и в дом не вошла. В руке у человека было копье, а у пояса — короткий меч. Она спросила, как его зовут.

— Меня зовут Атли, — ответил тот.

Она спросила, откуда он.

— Я с Восточных Фьордов, — ответил он.

— Куда держишь путь? — спросила она.

— У меня нет своего двора, — сказал он. — Я хотел повидать Ньяля и Скарпхедина и спросить, не хотят ли они взять меня к себе.

— Что ты можешь делать? — спросила она.

— Обрабатывать землю и многое другое, — сказал он. — Но не стану таить от тебя, что нрав у меня крутой и что кое-кому пришлось перевязывать раны, нанесенные мной.

— Я не стану укорять тебя в том, что ты не трус.

Атли сказал:

— Не ты ли распоряжаешься здесь?

— Я жена Ньяля, — сказала она, — и распоряжаюсь наймом людей не меньше, чем он сам.

— А меня возьмешь? — спросил тот.

— Пожалуй, возьму, — сказала она, — если обещаешь выполнять любые мои поручения, вплоть до убийства.

— Для этого у тебя и без меня найдутся люди, — сказал он, — вряд ли я понадоблюсь тебе для такого дела.

— Я ставлю условия, какие хочу, — ответила она.

— Ладно, я согласен, — сказал он.

И она взяла его в дом. Вернувшись с сыновьями домой, Ньяль спросил Бергтору, что это за человек.

— Это твой работник, — ответила она. — Я приняла его в дом. Он сказал, что не любит сидеть сложа руки.

— Видно по нему, что он на многое годен, — сказал Ньяль, — но не знаю, на хорошее ли.

Скарпхедин был очень расположен к Атли. Летом Ньяль отправился с сыновьями на тинг. Гуннар тоже был на тинге. Ньяль захватил с собой кошель с деньгами. Скарпхедин спросил:

— Что это за деньги, отец?

— Это деньги, которые заплатил мне Гуннар за нашего работника.

— Наверно, они понадобятся, — сказал Скарпхедин, ухмыляясь.

XXXVII

Теперь надо рассказать о том, что случилось дома. Атли спросил как-то Бергтору, что он должен сегодня делать.

— Я придумала тебе работу, — сказала она. — Тебе надо поехать и найти Коля, потому что сегодня ты должен убить его, если хочешь угодить мне.

— Он мне под пару, — сказал Атли, — потому что мы оба злодеи. Но я постараюсь, чтобы один из нас простился с жизнью.

— Желаю удачи, — сказала она. — За работу получишь награду.

Он захватил с собой оружие, сел на коня, поднялся на Речной Склон и встретил там людей, ехавших с Конца Склона. Это были люди из Леса. Они спросили, куда Атли едет. Тот ответил, что разыскивает лошадь.

— Не слишком это большое дело для такого работника, — сказали они. — Надо бы тебе спросить тех, кто проезжал здесь ночью.

— Кого же? — спросил он.

— Коля Убийцу, работника Халльгерд, — ответили они. — Он проехал недавно с пастбища. Он не спал всю ночь.

— Не знаю, посмею ли я встретиться с ним, — сказал Атли. — Он

человек злой и как бы не обошелся со мной, как с другими.

— Что-то ты не очень похож на труса, — сказали они.

И они указали ему, куда проехал Коля. Атли хлестнул своего коня и поскакал во весь опор. Нагнав Коля, он сказал ему:

— Ну как твои вьюки?

— Не твое это дело, мерзавец, — сказал Коля, — и не дело людей с Бергторова Пригорка.

— Самое трудное, — сказал Атли, — у тебя еще впереди: смерть!

И Атли всадил ему копье прямо в грудь. Коля хотел ударить его секирой, но промахнулся, свалился с коня и сразу же умер. Атли поехал обратно и, повстречав работников Халльгерд, сказал им:

— Поезжайте и возьмите коня, потому что Коля свалился с седла и лежит мертвый.

— Это ты убил его, — сказали они.

— Да уж, наверно, Халльгерд решит, что он умер не своей смертью.

Затем Атли поехал домой и рассказал все Бергторе. Та поблагодарила его за то, что он сделал, и за сказанные им слова.

— Не знаю, — сказал он, — как посмотрит на все это Ньяль.

— Он не будет сердиться, — сказала она. — Ведь он захватил с собой на тинг виру за раба, полученную нами прошлым летом. Теперь эти деньги пойдут за Коля. Но хотя и будет заключена мировая, все же тебе надо быть начеку, потому что Халльгерд не посчитается с мировой.

— Не собираешься ли ты, — спросил Атли, — послать кого-нибудь к Ньялю сообщить ему об убийстве?

— Нет, — сказала она, — я бы предпочла, чтобы за Коля вира не была заплачена.

На этом их разговор кончился.

Халльгерд рассказали об убийстве Коля и о словах Атли. Она сказала, что оплатит Атли за это и послала человека на тинг сообщить Гуннару об убийстве Коля. Гуннар ответил немногословно и послал человека сообщить Ньялю. Тот ничего не ответил. Скарпхедин сказал:

— Что-то рабы стали нынче гораздо предприимчивее, чем раньше. Раньше они, бывало, дрались, и только, теперь же стали убивать друг друга.

И он ухмыльнулся.

Ньяль снял со стены кошелек с деньгами и вышел из землянки. Сыновья пошли с ним. Они пришли к землянке Гуннара, и Скарпхедин попросил человека, стоявшего в дверях:

— Скажи Гуннару, что мой отец хочет его видеть.

Тот сказал Гуннару. Гуннар немедленно вышел и приветливо

поздоровался с Ньялем. Затем они стали разговаривать.

— Нехорошо это, — говорит Ньяль, — что моя жена нарушила мировую и велела убить твоего работника.

— Не буду ее за это бранить, — говорит Гуннар.

— Рассуди ты теперь наше дело, — говорит Ньяль.

— Хорошо, — говорит Гуннар, — я расцениваю обоих работников, Сварта и Коля, одинаково. Ты должен мне заплатить двенадцать эйриров серебра.

Ньяль взял кошель и выплатил Гуннару деньги. Гуннар увидел, что это те самые деньги, которые он сам заплатил в свое время. Ньяль ввернулся в свою землянку, и все осталось между ними по-прежнему.

Когда Ньяль вернулся домой, он стал выговаривать Бергторе. Но она сказала, что никогда не уступит Халльгерд. Халльгерд же очень бранила Гуннара за то, что он пошел на мировую. Но Гуннар сказал, что он никогда не откажется от дружбы с Ньялем и его сыновьями. Она очень сердилась, но Гуннар не обратил на это внимания. Больше в этом году ничего особенного не случилось.

XXXVIII

Весной Ньяль сказал Атли:

— Я хочу, чтобы ты уехал на Восточные Фьорды. Там Халльгерд не сможет посягнуть на твою жизнь.

— Я не боюсь ее, — сказал Атли, — и хотел бы остаться дома, если можно.

— Не советую, — сказал Ньяль.

— Лучше мне погибнуть в твоём доме, — сказал Атли, — чем менять хозяина. Но я хочу просить тебя, чтобы, если меня убьют, за меня уплатили виру не как за раба.

— За тебя будет уплачена вира как за свободного, — сказал Ньяль, — а Бергтора позаботится о том, чтобы ты не остался неотомщенным.

После этого Атли был принят в семью.

А теперь надо рассказать о том, что Халльгерд послала человека на Медвежий Фьорд за своим родичем Брюньольвом Сварливым. Он был злодей каких мало. Гуннар ничего не знал. Халльгерд сказала, что Брюньольв был бы хорошим надсмотрщиком. Когда Брюньольв приехал, Гуннар спросил его, что ему нужно. Тот ответил, что он приехал жить у него.

— Вряд ли ты будешь украшением нашего дома, — сказал Гуннар, — судя по тому, что я слышал о тебе. Но я не прогоню прочь родича Халльгерд, если она хочет, чтобы он жил с нами.

Гуннар был с ним сдержан, но не враждебен. Между тем подошло время тинга. Гуннар с Кольскеггом поехали на тинг и, приехав, встретили там Ньяля с сыновьями, и все они были по-прежнему друзьями.

Бергтора обратилась к Атли:

— Поезжай-ка на Торольвову Гору и поработай там с неделю.

Атли поехал туда один и стал жечь уголь в лесу.

Халльгерд сказала Брюньольву:

— Мне сказали, что Атли уехал из дома и работает на Торольвовой Горе.

— Как ты думаешь, что он там делает? — говорит он.

— Что-нибудь в лесу, — говорит она.

— Что же я должен с ним сделать? — говорит он.

— Убить его, — говорит она.

Он промолчал в ответ.

— Тьостольв бы не побоялся убить Атли, — сказала она, — если бы был в живых.

— Недолго придется тебе попрекать меня, — сказал Брюньольв.

Он взял свое оружие, сел на коня и поехал на Торольвову Гору. Он увидел большое облако дыма к востоку от двора. Он подъехал ближе, сошел с коня, привязал его и пошел на дым. Вскоре он увидел угольную

яму и человека подле нее. Он увидел также копье, воткнутое в землю рядом с этим человеком. Брюньольв подошел к нему с той стороны, куда относился дым, и Атли был так поглощен работой, что не заметил его. Брюньольв ударил его секирой по голове. Атли отскочил так быстро, что секира выпала из рук Брюньольва. Атли схватил копье и метнул его. Брюньольв упал ничком, и копье пролетело над ним.

— Ты воспользовался тем, что застиг меня врасплох, — сказал Атли. — Халльгерд будет довольна, когда узнает от тебя о моей смерти. Меня утешает лишь то, что недолго придется тебе ждать такой же смерти. Возьми же свою секиру, вот она лежит возле меня.

Тот ничего не ответил и не взял секиры, пока Атли не умер. Он поехал на двор и объявил об убийстве, а после этого вернулся домой и рассказал обо всем Халльгерд. Та послала человека на Бергторов Пригорок сказать Бергторе, что свершилась месть за убийство Коля. Затем Халльгерд послала человека на тинг сообщить Гуннару об убийстве Атли.

Гуннар поднялся с места, и Кольскегг с ним. Кольскегг сказал:

— Много горя еще принесут тебе родичи Халльгерд.

И они пошли к Ньялю. Гуннар сказал:

— Я пришел сообщить тебе об убийстве Атли.

Он назвал убийцу.

— Я хочу предложить тебе виру за него. Назначай сам, сколько мне заплатить.

Ньяль сказал:

— Мы уговорились с тобой не ссориться. Но я не хочу назначать за него виру как за раба.

Гуннар нашел это справедливым и протянул ему руку. Ньяль назвал свидетелей, и они заключили мировую. Скарпхедин сказал:

— Халльгерд не дает нашим людям умирать от старости.

Гуннар ответил:

— Твоя мать, наверно, решит, что долг платежом красен.

Ньяль назначил виру в сотню серебра, а Гуннар тут же выплатил ее. Многие из тех, кто был при этом, сказали, что вира слишком велика. Но Гуннар рассердился и сказал, что полную виру платили и за менее отважных людей, чем Атли. После этого они поехали с тинга домой. Бергтора, увидев деньги, сказала Ньялю:

— Я вижу, ты сдержал слово. Теперь черед за мной.

— Нет в этом нужды, — сказал Ньяль, — ни к чему тебе стараться.

— Мне кажется, что ты ждал от меня другого, — сказала она, — но пусть будет по-твоему.

Халльгерд сказала Гуннару:

— Неужели ты заплатил сотню серебра за убийство Атли и посчитал его свободным?

— Он и был свободным, — ответил Гуннар, — и я не оставлю без виры людей Ньяля.

— Вы стоите один другого, оба вы трусы.

— Поживем — увидим, — сказал он.

После этого Гуннар долго не разговаривал с ней, пока, наконец, она не смирилась. В продолжение года все было спокойно. Весной Ньяль не взял новых работников в дом. Настало лето, и люди поехали на тинг.

XXXIX

Жил человек по имени Торд, по прозвищу Вольноотпущенников Сын. Его отца звали Сигтрюгг, он был вольноотпущенником Асгерд и утонул в Лесной Реке. Поэтому Торд с тех пор жил у Ньяля. Он был большой и сильный человек. Он воспитал всех сыновей Ньяля. Ему понравилась Гудфинна, дочь Торольва, родственница Ньяля. Она вела у Ньяля хозяйство и теперь ждала ребенка^[159].

Бергтора повела с Тордом Вольноотпущенниковым Сыном Разговор.

— Ты должен поехать и убить Брюньольва.

— Убийство — это не по мне, — сказал он, — но если ты хочешь, я это сделаю.

— Я хочу этого, — сказала она.

После этого он сел на лошадь и поехал в Конец Склона. Там он велел вызвать Халльгерд и спросил ее, где Брюньольв.

— А что тебе от него нужно? — спросила она.

— Я хочу, чтобы он сказал мне, где он спрятал тело Атли. Мне сказали, что он плохо завалил его.

Она указала ему, куда идти, и сказала, что он внизу, на Поле между Реками.

— Смотри же, — сказал Торд, — чтобы с ним не случилось того же, что и с Атли.

— Убийство — это не по тебе, — сказала она. — Ничего не случится, если вы встретитесь.

— Я никогда не видел человеческой крови и не знаю, что со мной будет, когда я ее увижу, — сказал он и побежал от двора вниз, к Полю между Реками.

Раннвейг, мать Гуннара, слышала их разговор.

— Ты обозвала его трусом, Халльгерд, — сказала она, — но, по-моему, он смелый человек, и твоему родичу придется узнать его.

Брюньольв и Торд встретились на пути. Торд сказал:

— Защищайся, Брюньольв! Не хочу я подло поступать с тобой.

Брюньольв поскакал на Торда и хотел ударить его секирой. Но Торд перерубил Брюньольву рукоять секиры у самых рук и снова ударил его секирой. Удар пришелся в грудь, и секира вошла в тело. Брюньольв упал с лошади и тут же умер. Торд встретил пастуха Халльгерд и объявил ему, что убил Брюньольва. Он рассказал, где лежит убитый, и попросил сказать Халльгерд об убийстве. После этого он поехал на Бергторов Пригорок и рассказал Бергторе и другим людям об убийстве.

— Да будет счастье твоим рукам, — сказала она.

Пастух рассказал Халльгерд об убийстве. Она пришла в ярость и сказала, что постарается этого так не оставить.

XL

И вот эта весть дошла до тинга. Ньяль велел, чтобы ему рассказали ее три раза, и затем сказал:

— Не думал я, что столько людей станут убийцами.

Скарпхедин сказал:

— Все равно недолго оставалось жить этому человеку, которого убил наш воспитатель, никогда не выдавший человеческой крови! Многие, зная наш нрав, наверное, подумают, что это скорее следовало сделать нам, братьям.

— Тебе недолго придется ждать, — сказал Ньяль, — пока очередь дойдет и до тебя. Нужда доведет тебя до этого.

Затем они разыскали Гуннара и рассказали ему об убийстве. Гуннар сказал:

— Потеря невелика. Однако же это был свободный человек. Ньяль сразу же предложил ему виру. Гуннар согласился, и сам должен был назначить ее. Он назначил сотню серебра. Ньяль тут же заплатил деньги, и на том они помирились.

XLI

Жил человек по имени Сигмунд. Его отцом был Ламби, сын Сигвата Рыжего. Он много путешествовал, был человеком обходительным и красивым, рослым и сильным и очень честолюбивым. Он был хорошим скальдом и человеком, сведущим во многих других искусствах. При этом он был надменен, насмешлив и заносчив. Он поселился на востоке, на Роговом Фьорде. У него был товарищ по имени Скьёльд, швед родом и очень неуживчивый человек.

Сигмунд и Скьёльд сели на лошадей, отправились на запад и ехали до тех пор, пока не добрались до Конца Склона. Гуннар принял их хорошо. Они с Сигмундом были близкими родственниками. Гуннар сказал, что согласен, если с ним будет его товарищ Скьёльд.

— Мне говорили о нем, — сказал Гуннар, — что дружба с ним не смягчает твой нрав, а нрав твой и так не мягкий. К тому же жизнь здесь не простая, и мне хотелось бы дать вам, моим родичам, совет, чтобы вы не слушали подстрекательств моей жены Халльгерд, потому что она делает много такого, что мне совсем не нравится.

— Кто предостерегает, тот не виноват, — сказал Сигмунд.

— Тогда прими мой совет, — сказал Гуннар. — Много выпадет тебе искушений, но ты всегда держись около меня и слушайся моих советов.

После этого они остались у Гуннара. Халльгерд была очень расположена к Сигмунду, а со временем их дружба зашла так далеко, что она стала делать ему подарки и прислуживать ему не хуже, чем своему мужу. И многие стали говорить об этом с неодобрением и не понимали, в чем здесь дело.

Халльгерд сказала Гуннару:

— Нельзя примириться с тем, что ты взял за Брюньольва, моего родича, всего сотню серебра. Я отомщу за него, если смогу, — сказала она.

Гуннар сказал, что не хочет спорить с ней, и ушел. Он разыскал Кольскегга и сказал ему:

— Поезжай и разыщи Няля и скажи ему, чтобы Торд остерегался, потому что хотя вира и заплачена, но мне не верится, что мир будет соблюден.

Тот поехал и передал его слова Нялю, а Няль Торду. Няль поблагодарил Кольскегга, и тот поехал домой.

Однажды случилось, что Няль и Торд были во дворе. Там на лугу обычно расхаживал козел, и никто не смел прогонять его.

— Странно, — сказал Торд.

— Что странно? — спросил Няль.

— Мне кажется, что козел лежит здесь в лощинке, и весь в крови.

Ньяль сказал, что никакого козла там нет.

— Тогда что же это? — спросил Торд.

— Тебе, верно, осталось недолго жить, — сказал Ньяль, — и ты видишь своего духа-двойника^[160]. Берегись!

— Ничто мне не поможет, — сказал Торд, — если мне так написано на роду.

Халльгерд завела разговор с Траином, сыном Сигфуса, и сказала ему:

— Ты был бы мне хорошим родичем, если бы убил Торда Вольноотпущенникова Сына.

— Нет, я этого не сделаю, — сказал он, — потому что тогда я навлеку на себя гнев моего родича Гуннара. Такое убийство не приведет ни к чему хорошему, потому что за него нам сразу же отомстят.

— Кто же нам отомстит? — спросила она. — Не безбородый ли?

— Нет, не он, — ответил Траин, — а его сыновья.

Затем они долго тихо говорили о чем-то между собой, и никто не знал, о чем у них шла речь.

Однажды случилось, что Гуннар уехал со двора. Дома остался Сигмунд и его товарищ. С Каменистой Реки приехал Траин, и они все сидели вместе с Халльгерд перед домом и разговаривали. Тут Халльгерд сказала:

— Сигмунд и его товарищ Скъёлд обещали мне убить Торда Вольноотпущенникова Сына, а ты, Траин, обещал мне быть при этом.

Они все согласились, что обещали это.

— Тогда я скажу, что вам надо сделать, — сказала она. — Поезжайте на восток, к Роговому Фьорду, за своими товарами и возвращайтесь домой лишь после начала тинга, потому что, если вы будете дома, Гуннар захочет, чтобы вы поехали на тинг вместе с ним. Ньяль, и его сыновья, и Гуннар будут на тинге, и тогда вы убьете Торда.

Они пообещали, что так и сделают. Затем они собрались ехать на восток, к фьорду, и Гуннар ничего не заподозрил.

Гуннар поехал на тинг. Ньяль послал Торда Вольноотпущенникова Сына на восток, к подножью Островных Гор и сказал ему, чтобы он не задерживался больше чем на одну ночь. Тот поехал туда, но на обратном пути он не мог переправиться через реку, потому что вода стояла так высоко, что даже верхом было не перебраться на другой берег. Ньяль прождал его сутки, потому что собирался ехать на тинг вместе с ним. Он сказал Бергторе, чтобы она прислала Торда на тинг, когда он вернется домой. Через две ночи Торд вернулся. Бергтора сказала ему, чтобы он поехал на тинг.

— Но сначала, — добавила она, — поезжай на Торольвову Гору и присмотри там за хозяйством, да не задерживайся больше чем на одну или две ночи.

XLII

Сигмунд с его товарищем вернулись с востока. Халльгерд сказала им, что Торд еще дома, но должен уехать на тинг в скором времени.

— Вот вам случай, — продолжала она, — но если вы не сумеете им воспользоваться, то другого такого вам никогда не представится.

В Конец Склона пришли люди с Торольвовой Горы и сказали Халльгерд, что Торд там. Халльгерд пошла к сыновьям СигФуса и сказала:

— Сейчас Торд на Торольвовой Горе. Вот вам случай убить его, когда он поедет домой.

— Мы так и сделаем, — сказал Сигмунд.

Они вышли из дому, взяли оружие и лошадей и поехали по дороге, по которой должен был ехать Торд. Сигмунд сказал Траину:

— Тебе не стоит ввязываться в это дело, ведь мы и без тебя справимся.

— Ладно, — сказал он.

Вскоре к ним подъехал Торд. Сигмунд сказал ему:

— Сдавайся, ведь сейчас ты умрешь.

— Не сдамся, — сказал Торд, — бейся со мной!

— Не буду, — сказал Сигмунд, — мы воспользуемся тем, что нас больше. Нечего удивляться, что Скарпхедин, твой воспитанник, храбр, потому что, как говорят, яблоко от яблони недалеко падает.

— Это ты изведаешь, — сказал Торд, — потому что Скарпхедин отомстит за меня.

Затем они бросились на него, и он сломал им обоим древки копий — так храбро он защищался. Скьельд отрубил ему руку, и некоторое время он защищался другой рукой, пока Сигмунд не пронзил его копьем. Тут он свалился замертво. Они закрыли его землей и камнями. Траин сказал:

— Плохое мы сделали дело, и сыновья Ньяля не будут довольны, когда узнают об этом убийстве.

Они поехали домой и сказали о случившемся Халльгерд. Она очень обрадовалась. Раннвейг, мать Гуннара, сказала:

— Люди говорят, что недолго радуется рука удару. Так будет и тут. Однако Гуннар на этот раз вызволит тебя. Но если Халльгерд удастся еще раз подбить тебя на такое дело, то тебе не уйти живым.

Халльгерд послала человека на Бергторов Пригорок рассказать об убийстве, а другого она послала на тинг рассказать об убийстве Гуннару. Бергтора сказала, что не будет тратить бранных слов на Халльгерд, потому что за такие дела мстят иначе.

XLIII

Когда человек, что был послаи на тинг, рассказал Гуннару об убийстве, тот сказал:

— Плохая это вестъ. За всю жизнь не приходилось слышать худшей. Нам нужно сейчас же поехать к Ньялю, и я надеюсь, что он поступит великодушно, хоть это и сильное испытание его терпению.

Они отправились к Ньялю и вызвали его, чтобы поговорить с ним. Он сразу же вышел к Гуннару. Они начали разговор, и сначала с ними не было никого, кроме Кольскегга.

— Печальную вестъ должен я передать тебе, — сказал Гуннар, — Торд Вольноотпущенников Сын убит. Назначь сам виру за него.

Ньяль помолчал и потом сказал:

— Хорошо, я назначу виру. Но очень может быть, что мне придется выслушать упреки моей жены и сыновей, потому что им это придется очень не по душе. Но я все же решусь на это, потому что знаю, что имею дело с честным человеком. А кроме этого, я не хочу, чтобы из-за меня кончилась наша дружба.

— Ты не хочешь, чтобы при нашем разговоре были твои сыновья? — спросил Гуннар.

— Нет, — ответил Ньяль, — потому что моего слова они не нарушат. Но если они будут сейчас здесь, то не дадут нам помириться.

— Ладно, — сказал Гуннар, — пусть один ты будешь принимать виру.

Они подали друг другу руки и быстро договорились. Ньяль сказал:

— Я назначаю две сотни серебра. Или, по-твоему, это много?

— По-моему, это не слишком много, — ответил Гуннар и пошел в свою землянку.

Сыновья Ньяля пришли домой, и Скарпхедин спросил у отца, откуда у него такие большие деньги. Ньяль сказал:

— Знайте же: Торд, который воспитывал вас, убит, и мы с Гуннаром помирились, и он заплатил двойную виру.

— Кто убил его? — спросил Скарпхедин.

— Сигмунд и Скьельд, а Траин был при этом, — сказал Ньяль.

— Видно, нелегко было справиться с ним, — сказал Скарпхедин, — но когда же нам представится случай поднять оружие?

— Скоро, — сказал Ньяль, — и тогда никто не станет тебя удерживать, а пока что я хочу, чтобы вы не нарушали моего слова.

— Не нарушим, — сказал Скарпхедин, — но если между нами снова ляжет тень, то мы вспомним старые обиды.

— Я не стану тогда мешать вам, — сказал Ньяль.

XLIV

И вот народ поехал с тинга домой. Когда Гуннар вернулся домой, он сказал Сигмунду:

— Ты неудачливее, чем я думал, и плохо применяешь свои способности. На этот раз я заплатил за тебя, но больше не поддавайся на подстрекательства. Ты не похож на меня. Ты часто смеешься и издеваешься над людьми. Мой нрав вовсе не таков. Ты потому-то и дружишь с Халльгерд, что у вас много общего.

Гуннар долго укорял его, но тот отвечал ему учтиво и сказал, что с этих пор будет слушаться его советов больше, чем раньше. Гуннар сказал, что тогда все будет хорошо.

Гуннар и Ньяль продолжали оставаться друзьями, хотя между их домашними приятельями не было.

Однажды случилось, что в Конец Склона с Бергторова Пригорка пришли нищенки. Они были болтливы и злоязычны. У Халльгерд был дом, где женщины занимались рукоделием, и она часто сидела в нем. Там были Торгерд, ее дочь, Траин, Сигмунд и много женщин. Ни Гуннара, ни Кольскегга там не было. Нищенки вошли в дом, Халльгерд поздоровалась с ними, велела дать им место и спросила, где они ночевали. Те ответили, что на Бергторовом Пригорке.

— А что подельывал Ньяль? — спросила она.

— Старался усидеть, — сказали они.

— Что делали сыновья Ньяля? — спросила она. — Ведь они считают себя теперь совсем особенными.

— Росту они большого, но разума у них мало, — сказали они. — Скарпхедин точил секиру, Грим делал древко к копью, Хельги прилаживал рукоять к мечу, а Хёскульд приделывал ручку к щиту.

— Они, верно, задумали что-то важное, — сказала Халльгерд.

— Этого мы не знаем, — ответили они.

— А что делали работники Ньяля? — спросила Халльгерд.

— Не знаем, что делали другие, а один возил навоз на холмы.

— Зачем это? — спросила Халльгерд.

— Он сказал, что там нужно удобрить землю лучше, чем в других местах, — сказали они.

— Не во всем разумен Ньяль, — сказала Халльгерд, — хоть он и все знает.

— Как это? — спросили они.

— Я сейчас скажу вам, — сказала Халльгерд. — Почему он не возит навоза себе на подбородок, чтобы быть как другие мужчины? Мы зовем его безбородым, а его сыновей — навознобородыми. Сложи об этом стихи, Сигмунд. Покажи нам, что ты скальд.

— Я готов, — сказал он и сложил три или четыре висы, и все эти висы были злые.

— Молодец, — сказала Халльгерд, — что ты слушаешься меня.

Тут вошел Гуннар. Он стоял перед домом и слышал все. Все вздрогнули, когда увидели, что он вошел, и смолкли, хотя до этого стоял громкий смех. Гуннар был в сильном гневе и сказал Сигмунду:

— Глупый ты человек, и не стоит давать тебе советов, раз ты поносишь сыновей Ньяля и, что еще хуже, его самого после всего того, что ты сделал им. Ты заплатишься за это жизнью. А если еще кто-нибудь повторит эти насмешки, то я выгоню его и буду в гневе на него.

Все так боялись его, что никто не посмел повторить этих насмешек. Затем он ушел.

Нищенки поговорили между собой и решили, что Бергтора наградит их, если они расскажут ей, что слышали. Затем они пошли туда и, не дожидаясь вопросов, рассказали Бергторе наедине все, что слышали.

Когда мужчины сидели за столом, Бергтора сказала:

— Вам есть подарки. Мало вам будет чести, если вы не оплатите за них.

— Что это за подарки? — спросил Скарпхедин.

— Вам, моим сыновьям, один подарок всем вместе: вас назвали навознобородыми, а моего мужа — безбородым.

— Мы не женщины, — сказал Скарпхедин, — чтобы сердиться из-за мелочей.

— За вас зато рассердился Гуннар, — сказала она, — а его считают человеком мирным. Если вы снесете эту обиду, то вы снесете любой позор.

— Нашей старухе нравится подстрекать нас, — сказал Скарпхедин и ухмыльнулся, но на лбу у него выступил пот, а щеки покрылись красными

пятнами. Это было необычно. Грим молчал, закусив губу. Хельги сидел как ни в чем не бывало. Хёскульд пошел с Бергторой, но она снова вернулась, вне себя от злости. Ньяль сказал:

— Тот, кто едет тихо, тоже добирается до цели, жена. Но ведь, как говорится, о мести всегда двойная молва: одним она кажется справедливой, другим — наоборот.

А вечером, когда Ньяль лежал в постели, он услышал, что кто-то снял со стены секиру так, что она громко зазвенела. Там была каморка, где обычно висели щиты. И вот Ньяль видит, что их нет на месте. Он спрашивает:

— Кто снял наши щиты?

— Твои сыновья вышли с ними, — отвечает Бергтора.

Ньяль тотчас же обулся, вышел во двор и зашел с другой стороны дома. Он видит, что сыновья идут по пригорку. Он говорит:

— Куда это вы, Скарпхедин?

— Искать твоих овец. Ньяль говорит:

— Вы бы не вооружались, если бы и впрямь собирались за овцами, — у вас, верно, иное дело.

— Мы едем ловить лососей, отец!

— Если это так, то желаю удачного лова.

Они ушли, а Ньяль пошел назад в дом и сказал Бергторе:

— Там твои сыновья в полном вооружении. Это ты их, верно, на что-то подбила.

— Я их поблагодарю от всего сердца, если они расскажут мне, что убит Сигмунд.

XLV

Вот сыновья Ньяля подошли к Речному Склону, переночевали под ним, а когда стало рассветать, поехали в Конец Склона. В это же утро поднялись Сигмунд и Скьёльд и собрались ехать за лошадьми. Они захватили уздечки, взяли на лугу лошадей и уехали. Лошадей они нашли между двумя ручьями. Скарпхедин увидел их, потому что Сигмунд был в красном плаще. Скарпхедин спросил:

— Видите вы красное чучело?

Они взгляделись и сказали, что видят. Скарпхедин сказал:

— Ты, Хёскульд, останься здесь. Тебе ведь часто приходится ездить в этих местах одному, без защиты. Я беру на себя Сигмунда — это будет, по-

моему, подвигом, достойным мужчины, а вы, Грим и Хельги, убьете Скъёльда.

Хёскульд сел на землю, а они подошли к тем двоим. Скарпхедин сказал Сигмунду:

— Бери оружие и защищайся! Это теперь тебе нужнее, чем порочить нас в стихах!

Сигмунд взял оружие, а Скарпхедин тем временем ждал. Скъёльд схватился с Гримом и Хельги, и начался жестокий бой. У Сигмунда был шлем на голове, у пояса меч, а в руках щит и копье. Он бросился на Скарпхедина и тотчас же нанес ему удар копьем и попал в щит. Скарпхедин отрубил древко копья, поднял секиру и разрубил Сигмунду щит до середины. Сигмунд нанес Скарпхедину удар мечом и попал в щит, так что меч застрял. Скарпхедин с такой силой рванул щит, что Сигмунд выпустил свой меч. Скарпхедин ударил Сигмунда секирой. Сигмунд был в кожаном панцире, но удар секиры пришелся в плечо, и секира рассекла лопатку. Скарпхедин дернул секиру к себе, и Сигмунд упал на колени, но тотчас же вскочил на ноги.

— Ты склонился передо мной, — сказал Скарпхедин, — но, прежде чем мы расстанемся, тебе придется все же упасть навзничь.

— Плохо мое дело, — сказал Сигмунд.

Скарпхедин ударил его по шлему, а потом нанес ему смертельный удар.

Грим отрубил Скъёльду ступню, а Хельги проткнул его копьем, и он сразу умер.

Скарпхедин увидел тут пастуха Халльгерд. Он отрубил голову Сигмунда, дал ее пастуху и попросил отнести ее Халльгерд. Он сказал:

— Она узнает, не эта ли голова сочиняла о нас порочащие стихи.

Как только они уехали, пастух бросил голову на землю, потому что он не смел этого сделать, пока они были там. Они ехали, пока у Лесной Реки не встретили людей. Они рассказали им о том, что случилось. Скарпхедин объявил, что убил Сигмунда, а Грим и Хельги — что убили Скъёльда. Потом они поехали домой и рассказали Ньялю о том, что случилось. Тот сказал так:

— Да будет счастье вашим рукам! Тут уж нам не назначат виры!

Теперь надо рассказать о том, как пастух вернулся в Конец Склона. Он рассказал Халльгерд о том, что случилось.

— Скарпхедин дал мне в руки голову Сигмунда и попросил отнести ее тебе, не я не посмел сделать так, потому что не знал, как ты отнесешься к этому, — сказал он.

— Плохо, что ты не сделал этого, — сказала она, — я отдала бы ее Гуннару, чтобы он отомстил за своего родича или сделался бы всеобщим посмешищем.

Затем она пошла к Гуннару и сказала:

— Знай, что Сигмунд, твой родич, убит. Его убил Скарпхедин, и он велел отнести мне голову.

— Этого следовало ожидать, — сказал Гуннар. — Что посеешь, то и пожнешь, а вы со Скарпхедином сделали немало зла друг другу.

И Гуннар ушел. Он не начал тяжбы из-за убийства и ничего не предпринял. Халльгерд часто напоминала ему о том, что за Сигмунда не заплачена вира. Но Гуннар не обращал внимания на ее слова.

Прошли три тинга, на которых, как люди думали, Гуннар мог бы начать тяжбу. И вот у него случилось трудное дело, которое он не знал, как решить. Он поехал к Ньялю. Тот принял Гуннара очень хорошо. Гуннар сказал Ньялю:

— Я приехал просить у тебя совета в трудном деле.

— Ты вправе просить его, — сказал Ньяль и дал ему совет.

Гуннар встал и поблагодарил его. Тогда Ньяль взял Гуннара за руку и сказал:

— Давно пора заплатить виру за твоего родича Сигмунда.

— За него давно заплачено, — сказал Гуннар, — но я не откажусь, если ты сделаешь мне почетное предложение.

Гуннар никогда не говорил плохо о сыновьях Ньяля. Ньяль хотел, чтобы Гуннар сам назначил виру. Тот назначил две сотни серебра, а за Скьёльда не назначил ничего. Ньяль сразу же уплатил сполна. Гуннар объявил об их примирении на тинге в Лощинах^[161], когда там было всего больше народу. Он рассказал о том, как они поладили, и о злых словах, из-за которых погиб Сигмунд. Он сказал, что, кто будет повторять эти слова, пусть пеняет на себя. Гуннар и Ньяль говорили, что ничто не может их поссорить. Так оно и было, и они всегда были друзьями.

XLVI

Жил человек по имени Гицур Белый. Его отцом был Тейт, сын Кетильбьёрна Старого с Мшистой Горы. Мать Гицура звали Алов. Она была дочерью херсира Бёдвара, сына Викингского Кари. Гицур был отцом епискона Ислейва^[162]. Мать Тейта, Хельга, была дочерью Торда Бороды,

внучкой Храппа, правнучкой Бьёрна Бычья Кость. Двор Гицура Белого назывался Мшистая Гора. Он был очень влиятельным человеком.

Еще будет речь в саге о человеке по имени Гейр. Его звали Гейр Годи. Его мать, Торкатла, была дочерью Кетильбьёрна Старого с Мшистой Горы. Двор Гейра назывался Склон. Они с Гицуром во всем помогали друг другу.

В это время в Капище, на Равнине Кривой Реки, жил Мёрд, сын Вальгарда. Он был человек хитрый и злобный. Вальгард, его отец, в то время уехал из Исландии, а матери его не было в живых. Он сильно завидовал Гуннару с Конца Склона. Он был богат, но его не любили.

XLVII

Жил человек по имени Откель. Его отцом был Скарв, сын Халлькеля, что бился с Гримом с Гримова Мыса и одолел его в поединке. Халлькель и Кетильбьёрн Старый были братьями. Двор Откеля назывался Церковный Двор. Жену его звали Торгерд. Ее отцом был Мар, сын Брёндольва, внук Наддада Фарерского. Откель был богат. Его сына звали Торгейром, он был молод годами, но неглуп.

Жил человек по имени Скамкель. Его двор тоже назывался Капище. Он был богат, но лжив, неполадлив и неуживчив. Он был другом Откеля. Халлькелем звали брата Откеля. Он был высок и силен и жил у Откеля. У них был брат по имени Халльбьёрн Белый. Он привез с собой в Исландию одного раба по имени Мелькольв. Он был ирландцем, и все его очень не любили. Халльбьёрн поехал пожить к Откелю и взял с собой Мелькольва. Раб часто поговаривал, что хотел бы, чтобы его хозяином был Откель. Откель был приветлив с ним и подарил ему нож, пояс и всю одежду, а раб делал для него все, что тот хотел. Откель попросил брата продать ему раба. Тот сказал, что отдаст ему раба, но что он не такая уж большая ценность, как ему кажется. Как только раб оказался у Откеля, он стал работать все хуже и хуже. Откель часто жаловался Халльбьёрну Белому на то, что раб, как ему кажется, мало работает. Халльбьёрн отвечал, что лень — еще не худшее в этом рабе.

В ту пору выдался неурожайный год, так что людям стало не хватать сена и съестных припасов, и так было повсюду. Гуннар со многими делился сеном и съестными припасами, и все, кто приходил к нему, получали, что им было нужно, пока у Гуннара было что давать. Но вот случилось, что и Гуннару стало не хватать сена и съестных припасов. Тогда Гуннар велел Кольскеггу, Траину, сыну Сигфуса, и Ламби, сыну Сигурда, поехать с ним.

Они поехали в Церковный Двор и вызвали Откеля. Он принял их хорошо. Гуннар сказал:

— Я приехал просить тебя продать мне сена и съестных припасов, если они у тебя есть.

Откель отвечает:

— Есть у меня и то и другое, но я не продам тебе ничего.

— Тогда ты, может, дашь мне так, — говорит Гуннар, — в расчете на то, что я отплачу тебе за это?

— Нет, — говорит Откель.

Скамкель нашептывал ему против Гуннара. Тогда Траин, сын Сигфуса, сказал:

— Хорошо было бы, если бы мы взяли, что нам нужно, и положили деньги взамен.

Скамкель ответил:

— Плохи дела людей с Мшистой Горы, если сыновья Сигфуса собираются грабить их.

— Я не хочу грабить, — сказал Гуннар.

— Не хочешь ли купить у меня раба? — спросил Откель.

— Пожалуй, — сказал Гуннар.

Затем Гуннар купил раба и уехал. Ньяль узнал о случившемся и сказал:

— Плохо, что Гуннару не дали купить, что он хотел. Чего же хорошего ждать другим людям, если даже такие, как он, не могут получить того, что им нужно?

— Стоит ли столько говорить об этом? Гораздо лучше дать ему и съестных припасов, и сена, если у тебя ни в том, ни в другом нет недостатка, — сказала Бергтора.

Ньяль сказал:

— Это правда. Я помогу ему, чем могу.

Он поехал со своими сыновьями на Торольвову Гору, и они навьючили пятнадцать лошадей сеном, а пять лошадей — съестными припасами. Затем он приехал в Конец Склона и вызвал Гуннара. Тот принял их хорошо. Ньяль сказал:

— Вот сено и съестные припасы, я хочу подарить их тебе. Я хочу, чтобы ты никогда не искал помощи ни у кого, кроме меня, если тебе понадобится что-нибудь.

— Твои подарки хороши, — сказал Гуннар, — но еще ценнее для меня твоя дружба и дружба твоих сыновей.

Затем Ньяль поехал домой. И вот наступило лето.

Гуннар поехал на тинг. У него останавливалось много народу с востока, с побережья. Гуннар пригласил их погостить у него на обратном пути с тинга. Ньяль и его сыновья тоже были на тинге. Тинг был мирный.

Теперь надо рассказать о том, как Халльгерд завела разговор с рабом Мелькольвом.

— Я хочу послать тебя с поручением, — сказала она, — ты должен поехать в Церковный Двор.

— Зачем мне туда ехать? — спросил он.

— Ты украдешь там два вьюка съестных припасов — сыру и масла, а затем подожжешь клеть, и все подумают, что это случилось из-за небрежности, и никто не подумает, что была кража.

Раб сказал:

— Бывал я плохим, но никогда не был вором.

— Послушать только! — сказала она. — Ты, вор и убийца, выдаешь себя за честного человека! Попробуй только не поехать, и я велю убить тебя.

Он знал, что она так и сделает, если он не поедет. И вот он взял двух лошадей, покрыл их подвьючными попонами и поехал в Церковный Двор. Собака не залаяла — она узнала его и побежала ему навстречу. Потом он подъехал к клети, нагрузил сыром и маслом двух лошадей, поджег клеть, а собаку убил. Он поехал вверх по Кривой Реке. Тут у него лопнул ремень на обуви, и он взял нож и починил ремень. Но нож и пояс он забыл на этом месте. Доехав до Конца Склона, он хватился ножа, но вернуться не посмел. Он отдал сыр и масло Халльгерд, и она была очень довольна.

Утром, когда люди в Церковном Дворе вышли, они увидели, что случилось. Тогда послали на тинг человека рассказать о случившемся Откелю. Он принял весть спокойно и сказал, что это, наверное, приключилось из-за того, что дом, в котором был очаг, и клеть стояли стена к стене. Все решили, что так оно и было.

Вот люди поехали домой с тинга, и многие заехали в Конец Склона. Халльгерд поставила на стол еду, и среди прочего — сыр и масло. Гуннар знал, что такой еды в доме не было, и спросил Халльгерд, откуда это все.

— Оттуда, откуда надо, — сказала она. — Не мужское это дело думать о том, что подается на стол.

Гуннар рассердился и сказал:

— Плохо, если я стал укрывателем краденого, — и ударил ее по щеке.

Она сказала, что запомнит эту пощечину и оплатит за нее, если сможет. Она вышла во двор, и он с ней. Со столов все унесли и подали мясо. Все подумали, что это угощение, наверное, попало в дом более честным путем, и люди, ехавшие с тинга, отправились дальше.

XLIX

Теперь надо рассказать о том, как Скамкель поехал искать овец вверх по Кривой Реке и видит, что на дороге что-то блестит. Оказалось, это нож и пояс. Вещи эти кажутся ему знакомыми, и он отправляется с ними в Церковный Двор. Откель был на дворе, когда Скамкель приехал. Скамкель сказал Откелю:

— Узнаешь эти вещи?

— Конечно, узнаю, — сказал Откель.

— Чьи же они? — спросил Скамкель.

— Раба Мелькольва, — сказал Откель.

— Их должны признать и другие, — сказал Скамкель, — я поддержу тебя.

Они показали эти вещи многим людям, и все узнали их. Тогда Скамкель сказал:

— Что ты думаешь теперь делать?

Откель сказал:

— Надо съездить к Мёрду, сыну Вальгарда, и попросить у него совета.

После этого они поехали в Капище, показали эти вещи Мёрду и спросили, узнает ли он их. Он сказал, что узнает.

— Что же, — добавил он, — собираетесь вы искать что-нибудь в Конце Склона?

— Наше дело трудное, — сказал Скамкель, — в нем замешаны большие люди.

— Это верно, — сказал Мёрд, — но все же я, кажется, знаю такие вещи о доме Гуннара, которых вы не знаете.

— Мы заплатим тебе, — сказали они, — если ты поможешь нам.

Мёрд ответил:

— Дорого мне обойдутся эти деньги, но я все же, может быть, возьму их.

Они дали ему три марки серебра, чтобы он помог им. Он посоветовал им послать женщины со своего двора с мелким товаром, чтобы предлагать его хозяйкам и посмотреть, чем им заплатят.

— Потому что, — добавил он, — все обычно прежде всего отдают краденое, если оно у них есть. Так будет и здесь, если клеть сгорела не сама, а ее подожгли. Пусть потом женщины покажут мне, что они получили. Однако как только улики будут найдены, я не буду больше заниматься этим делом.

Они согласились на это и поехали домой. Мёрд разослал по округе женщин, и они ходили с полмесяца и вернулись с большой ношей. Мёрд спросил их, где им дали больше всего. Они сказали, что им дали больше всего в Конце Склона и что Халльгерд была щедрее всех. Он спросил, что им там дали.

— Сыру, — ответили они.

Он захотел взглянуть на этот сыр. Они показали ему — это были большие ломти. Он взял их и спрятал.

Вскоре после этого Мёрд поехал к Откелю. Он попросил дать ему форму для сыра, которая была у Торгерд. Тот так и сделал. Он положил в нее ломти сыра, и они точно уложились в ней. Они увидели, что Халльгерд дала им целый сыр. Мёрд сказал:

— Теперь вы видите, что это, конечно, Халльгерд украла сыр.

Они собрали все улики. Тогда Мёрд сказал, что он больше не будет заниматься этим делом. На том они расстались. Однажды Кольскегг завел с Гуннаром разговор и сказал:

— Скверное это дело, но все говорят, что кража и пожар в Церковном Дворе дело рук Халльгерд.

Гуннар сказал, что так оно, наверное, и есть.

— Но что же теперь делать? — добавил он. Кольскегг сказал:

— Видно, тебе придется расплачиваться за свою жену. По-моему, тебе надо бы съездить к Откелю и предложить ему хороший выкуп.

— Совет хорош, — сказал Гуннар, — и так я и сделаю. Вскоре после этого Гуннар послал за Траином, сыном Сигфуса, и Ламби, сыном Сигурда, и они тотчас же пришли. Гуннар сказал им, что он собирается делать. Они одобрили его решение. Гуннар поехал с одиннадцатью провожатыми в Церковный Двор и вызвал Откеля. Там был Скамкель, и он сказал:

— Я выйду с тобой. Дело здесь такое, что ум хорошо, а два лучше. Мне хотелось бы быть рядом с тобой, когда это тебе больше всего может понадобиться, а сейчас так оно, видимо, и будет. По-моему, тебе надо держаться смело.

Затем они вышли во двор — Откель, Скамкель, Халлькель и Халльбьёрн. Они поздоровались с Гуннаром. Откель спросил, куда он направляется.

— Не дальше этих мест, — ответил Гуннар. — Я приехал, чтобы сказать тебе, что в большом ущербе, который ты потерпел, виноваты моя жена и раб, которого я купил у тебя.

— Этого можно было ожидать, — сказал Халльбьёрн.

Гуннар сказал:

— Я хочу сделать тебе хорошее предложение: я предлагаю, чтобы это дело рассудили лучшие люди в нашей округе.

Скамкель сказал:

— Предложение твое звучит хорошо, но оно невыгодно: тебя люди любят, а Откеля — нет.

— Тогда я предлагаю, чтобы я сам решил это дело и сразу кончил его. Я предлагаю тебе мою дружбу и хочу теперь же уплатить все деньги. Я уплачу тебе двойную цену.

Скамкель сказал:

— Не соглашайся на это. Неразумно давать ему решать дело, когда ты сам должен решать его.

Откель сказал:

— Я не согласен, чтобы ты сам решал это дело, Гуннар!

Гуннар сказал:

— Я вижу, что тебе на меня нашептывают, и со временем я отплачу тем, кто это делает. Ну решай ты сам.

Откель нагнулся к Скамкелю и спросил:

— Что же мне ответить?

— Скажи, что это хорошее предложение, но что ты хочешь, чтобы Гицур Белый и Гейр Годи разрешили ваш спор. Тогда многие люди скажут, что ты похож на своего деда Халлькеля, который был очень доблестным человеком.

Откель сказал:

— Это хорошее предложение. Но я все же хочу, чтобы ты дал мне время посоветоваться с Гицуром Белым и Гейром Годи.

Гуннар сказал:

— Делай как знаешь. Но люди скажут, ты сам не знаешь, что для тебя почетно, если не согласен на мое предложение.

Гуннар отправился домой. Когда он уехал, Халльбьёрн сказал:

— Не видел я людей более разных. Гуннар сделал тебе хорошее предложение, а ты не захотел принять его. Ты что же, собираешься ссориться с Гуннаром, когда ему нет равного? И все же он такой хороший человек, что не взял назад своего предложения, чтобы ты мог согласиться на него позднее. Мне думается, что тебе надо сейчас же поехать к Гицуру

Белому и Гейру Годи.

Откель велел подать себе коня и собрался в дорогу. Откель был слаб глазами. Скамкель пошел проводить его и сказал:

— Странно, что твой брат не захотел поехать вместо тебя. Давай я поеду вместо тебя, я ведь знаю, как неохотно ты пускаешься в такие поездки.

— Что ж, спасибо, — сказал Откель, — но смотри говори одну правду.

— Хорошо, — сказал Скамкель.

И Скамкель взял его коня и дорожную одежду, а Откель пошел домой. Халльбьёрн был во дворе и сказал Откелю:

— Дружба с рабом не кончается добром. Нам придется всю жизнь раскаиваться в том, что ты не принял этого предложения. Неразумно посылать такого лживого человека по делу, от которого, можно сказать, зависит жизнь людей.

— Ты уж, верно, трусишь, — сказал Откель, — если Гуннар замахнет своим копьем, раз ты сейчас испугался.

— Неизвестно еще, кто трусливее. Ты ведь тоже знаешь, что Гуннар не долго метится своим копьем, когда он в гневе.

Откель сказал:

— Все вы трусы, кроме Скамкеля. И оба были в гневе.

L

Скамкель приехал на Мшистую Гору и пересказал все предложения Гицуру.

— Мне думается, — сказал Гицур, — что предложения эти очень хорошие. Почему же он не принял их?

— Это случилось главным образом потому, что все хотели оказать тебе честь. Поэтому он стал ждать твоего решения. Так будет лучше для всех.

Скамкель остался у него на ночь. Гицур послал человека за Гейром Годи, и тот скоро приехал. Тут Гицур рассказал ему обо всем и спросил:

— Что теперь делать?

— То, что ты уже, наверное, решил: повести дело так, чтобы нам было от него всего больше проку. А пока пусть Скамкель повторит нам свой рассказ, чтобы мы знали, как он расскажет во второй раз.

Так и сделали. Гицур сказал:

— Ты, должно быть, правильно рассказал все. Но все же я не видел человека, который бы мне казался большим злодеем, чем ты. Если ты

честный человек, то, значит, обманчива внешность.

Скамкель отправился назад и поехал сначала в Церковный Двор и вызвал Откеля. Тот принял Скамкеля хорошо. Скамкель передал ему поклон от Гицура и Гейра и сказал:

— Из этого дела нечего делать тайну. Гейр Годи и Гицур считают, что его не следует улаживать полюбовно. Они дали совет вызвать Гуннара на суд и обвинить в соучастии в краже, а Халльгерд — в краже.

Откель сказал:

— Так и надо сделать, как они посоветовали.

— Больше всего им понравилось, — сказал Скамкель, — что ты держался очень смело, и я всячески хвалил тебя.

Тут Откель рассказал все своим братьям, и Халльбьёрн сказал:

— Думается мне, что все это наглая ложь.

Вот наступает пора последних дней вызова на суд перед альтингом^[163]. Откель велел своим братьям и Скамкелю ехать в Конец Склона, чтобы вызвать Гуннара на суд. Халльбьёрн согласился поехать, но сказал, что им придется когда-нибудь пожалеть об этой поездке. И вот поехало их двенадцать человек в Конец Склона. Когда они подъехали туда, Гуннар был на дворе, но он увидел их, лишь когда они подъехали к самому дому. Он не вошел в дом. Откель тотчас же велел объявить вызов на суд. Когда они объявили его, Скамкель спросил:

— Правильно ли, хозяин?

— Вы сами знаете, — сказал Гуннар, — но я еще припомню тебе эту поездку, Скамкель, и твои нашептывания.

— Это нам не страшно, — сказал Скамкель, — если копье еще не поднято.

Гуннар был в сильнейшем гневе. Он вошел в дом и рассказал обо всем Кольскеггу. Кольскегг сказал:

— Плохо, что нас не было на дворе. Им бы пришлось уехать с большим позором, если бы мы были там.

Гуннар сказал:

— Всему свое время. Но мало чести принесет им эта поездка.

Вскоре после этого Гуннар поехал и рассказал обо всем Ньялю. Ньяль сказал:

— Не тревожься, потому что эта тяжба принесет тебе большую честь еще прежде, чем кончится этот тинг. Мы все поможем тебе словом и делом.

Гуннар поблагодарил его и поехал домой.

Откель с братьями и Скамкелем поехали на тинг.

Гуннар, все сыновья Сигфуса, Ньяль и его сыновья тоже поехали на тинг. Они были заодно с Гуннаром, и люди говорили, что никого не было сплоченнее, чем они с Гуннаром.

Однажды Гуннар подошел к землянке людей из долин. У землянки были Хрут и Хёскульд, и они радостно приветствовали Гуннара. Гуннар рассказал им обо всем деле.

— Что советует Ньяль? — спросил Хрут.

— Он велел мне пойти к вам, братьям, и сказать, что он будет согласен с советом, который вы дадите.

— Он хочет, стало быть, — сказал Хрут, — чтобы я дал совет как родич. Ладно. Вызови на поединок Гицура Белого, если они не предоставят тебе самому решить дело, а Кольскегг пусть вызовет Гейра Годи. Против Откеля же и его людей народ найдется, ведь нас здесь столько, что ты можешь добиться всего, чего хочешь.

Гуннар пошел к себе в землянку и рассказал Ньялю. Ульв Аургоди узнал о замысле и рассказал о нем Гицуру. Гицур спросил Откеля:

— Кто посоветовал тебе вызвать на суд Гуннара?

— Скамкель сказал мне, что так посоветовали вы с Гейром Годи.

— А где же этот негодяй, — спросил Гицур, — который так солгал?

— Он лежит больной в землянке, — сказал Откель.

— Чтоб ему никогда не встать! — сказал Гицур. — А теперь давайте пойдем все к Гуннару и предложим ему самому решить дело. Но я, правда, не знаю, согласится ли он теперь на это.

Многие поносили Скамкеля, и он пролежал больным весь тинг.

Гицур и его люди пошли к Гуннару. Гуннару передали об этом в землянку, и они все вышли и стали перед землянкой. Гицур Белый шел первым. Он сказал:

— Мы предлагаем тебе, Гуннар, самому решить дело.

— Не вяжется это с твоим советом вызвать меня на суд, — сказал Гуннар.

— Не мой это совет, — сказал Гицур, — и не Гейра.

— Тогда ты, наверное, не откажешься доказать, что не виноват, — сказал Гуннар.

— Чего ты хочешь? — спросил Гицур.

— Чтобы ты поклялся, — ответил Гуннэр.

— Хорошо, — сказал Гицур, — если ты согласишься сам решить дело.
— Я еще давно предлагал это, — сказал Гуннар, — но теперь, думается мне, дело разрослось.

Ньяль сказал:

— Не отказывайся сам решать дело. Тем больше тебе чести, чем труднее дело.

Гуннар сказал:

— Ради моих друзей я решу дело. Но я советую Откелю не задевать меня больше.

Тогда послали за Хёскульдом и Хрутом, и они пришли. Тут Гицур и Гейр дали клятву, а Гуннар решил дело. Он ни с кем не советовался и сказал так:

— Я решаю, что я должен заплатить тебе за клеть и припасы, которые были в ней, но за раба я не заплачу ничего, потому что ты скрыл от меня его порок^[164]. Я отдам его тебе назад, ибо там уши на месте, где они выросли. А за то, что вы вызвали меня на суд, чтобы насмеяться надо мной, я присуждаю себе столько же, сколько стоит все это добро, клеть и то, что сгорело в ней. Но если вам больше по душе, чтобы мы были в ссоре, то, как хотите. В этом случае я знаю, что мне делать, и сделаю это.

Гицур ответил:

— Мы не хотим, чтобы ты платил что-нибудь, но мы просим тебя быть другом Откеля.

— Никогда, пока я жив, не бывать этому, — сказал Гуннар. — Пусть он дружит со Скамкелем, он уж давно полагается на него.

Гицур сказал:

— Мы все хотим уладить дело любовно, хоть ты и один ставишь свои условия.

Они скрепили договор рукопожатиями, и Гуннар сказал Откелю:

— Тебе было бы лучше всего уехать к своим родичам. Но если ты хочешь остаться в наших местах, то не задевай меня.

Гицур сказал:

— Совет хорош, и он ему последует.

Это дело принесло много чести Гуннару. Народ поехал с тинга домой. Гуннар оставался у себя дома, и некоторое время все было спокойно.

в Долине, к востоку от Лесной Реки. По дороге с тинга он остановился у Откеля. Откель подарил ему черного быка, которому было девять лет. Рунольв поблагодарил его за подарок и пригласил приехать к нему, когда тот захочет. Но, несмотря на приглашение, Откель не приезжал. Рунольв часто посылал к нему людей и напоминал, что ждет его, и тот каждый раз обещал, что приедет.

У Откеля было два буланых коня с темной полосой на спине. Это были лучшие верховые лошади во всей округе, и они так любили друг друга, что всегда бегали вместе.

У Откеля жил норвежец по имени Аудольв. Ему понравилась Сигню, дочь Откеля. Аудольв был высок ростом и силен.

LIII

Весною Откель сказал, что они поедут на восток, в Долину, погостить, и все очень обрадовались этому. С Откелем поехали два брата, Скамкель, Аудольв и еще трое людей. Откель ехал на одном из буланых, а другой бежал рядом. Они направились к Лесной Реке, и Откель скакал впереди. Вдруг обе лошади испугались и, свернув с дороги, помчались к Речному Склону. Откелю пришлось теперь скакать быстрее, чем он хотел.

В то же время Гуннар вышел один из дому, взяв в одну руку лукошко с зерном, а в другую — топор. Он идет к своей пашне и сеет там. Плащ и топор он положил на землю недалеко от себя и сеет некоторое время.

Теперь нужно рассказать об Откеле, как он поскакал быстрее, чем ему хотелось. На ногах у него шпоры. Он скачет по пашне, и они с Гуннаром не видят друг друга. И как раз когда Гуннар выпрямился, Откель наехал на него, задел шпорой Гуннара около уха и сильно оцарапал его, так что сразу потекла кровь. Тут подъехали спутники Откеля.

— Все видят, — сказал Гуннар, — что ты нанес мне кровавую рану. Так не подобает поступать. Сначала ты вызвал меня на суд, а теперь ты наезжаешь на меня и пинаешь меня ногами.

— Ох, как смело ты держишься! У тебя был такой же грозный вид на тинге, когда ты замахивался своим копьем.

Гуннар сказал:

— Когда мы встретимся с тобой в следующий раз, ты увидишь мое копье.

На этом они расстались, а Скамкель громко крикнул:

— Здорово вы скачете, приятели!

Гуннар пошел домой и никому не рассказал о том, что с ним случилось, и никто не знал, что его ранил человек. Но однажды он рассказал о том, что случилось, своему брату Кольскеггу, и Кольскегг сказал:

— Ты должен рассказать это и другим, чтобы не говорили, что ты винишь мертвого, потому что если свидетели не будут знать заранее того, что случилось, то твои противники смогут сказать, что это все неправда.

Тогда Гуннар рассказал о том, что с ним случилось, своим соседям, и поначалу это не вызвало разговоров.

Между тем Откель приехал в Долину. Их приняли там хорошо, и они пробыли там неделю. Откель рассказал Рунольву обо всем, что у него приключилось с Гуннаром, и кто-то спросил, как Гуннар держал себя при этом. Скамкель сказал:

— Если бы это не был знатный человек, то надо было бы сказать, что он плакал.

— Нехорошие это слова, — сказал Рунольв, — и когда вы с Гуннаром встретитесь в следующий раз, тебе придется узнать, что Гуннар вовсе не плаксив. Хорошо, если людям получше тебя не придется расплачиваться за твои злые речи. Мне думается, что, когда вы поедете домой, надо бы мне поехать с вами, потому что мне Гуннар не сделает зла.

— Не надо, — сказал Откель. — Я переправлюсь через реку пониже.

Рунольв сделал ему богатые подарки и сказал, что они, наверное, больше не увидятся. Откель попросил его не забыть об его сыне, если так случится.

LIV

Теперь надо рассказать о том, как Гуннар был на дворе в Конце Склона и увидел, что к дому скачет его пастух. Пастух въехал во двор, и Гуннар спросил:

— Что ты скачешь так быстро?

— Я хотел сослужить тебе службу. Я видел, что вниз вдоль Лесной Реки едут восемь человек и четверо из них — в крашенных одеждах.

Гуннар сказал:

— Это, верно, Откель.

Пастух сказал:

— Я слышал от Скамкеля много обидных речей. В Долине он сказал, что ты плакал, когда они наехали на тебя. Я говорю тебе об этом, потому

что мне не нравятся злые речи плохих людей.

— Не стоит обижаться на слова, — сказал Гуннар. — Но с этих пор ты будешь делать только такую работу, какую захочешь.

— Сказать мне что-нибудь твоему брату Кольскеггу?

— Ложись спать, — сказал Гуннар, — я скажу Кольскеггу сам.

Пастух улегся и тотчас уснул. Гуннар взял свое седло и оседлал лошадь пастуха. Он взял щит, привязал к поясу меч, подарок Эльвира, надел на голову шлем и взял свое копье. Копье громко зазвенело, и Раннвейг, его мать, услышала это. Она вышла к нему и сказала:

— Сын, ты в сильном гневе. Таким я тебя еще не видала. Гуннар вышел, воткнул копье в землю, вскочил в седло и ускакал. Раннвейг вошла в дом. Там было очень шумно.

— Вы говорите громко, — сказала она, — но еще громче звенело копье Гуннара, когда он выходил из дому.

Кольскегг услышал это и сказал:

— Это неспроста.

— Это хорошо, — сказала Халльгерд. — Теперь им придется узнать, убегает ли он от них с плачем.

Кольскегг берет свое оружие, садится на коня и скачет следом во весь опор. Гуннар едет наискось через поле между реками к Овражным Пням, а оттуда к Кривой Реке и затем к броду у Капища. Там в загоне для овец было несколько женщин, которые их доили. Гуннар спешился и привязал коня.

Тут подъехали Откель и его спутники. На тропе у брода лежали плоские камни^[165]. Гуннар сказал подъехавшим:

— Теперь защищайтесь — вот мое копье! Сейчас вы узнаете, заплачу ли я перед вами.

Они быстро спешились и бросились на Гуннара, Халльбьёрн первым.

— погоди! — сказал Гуннар. — Тебе я меньше всего хотел бы причинить зло, но когда я должен защищаться, я не щажу никого.

— Не могу, — сказал Халльбьёрн. — Ты ведь собираешься убить моего брата, и стыдно было бы мне сидеть сложа руки.

И с этими словами он направил в Гуннара двумя руками большое копье. Гуннар выставил щит, но Халльбьёрн пробил его. Гуннар с такой силой рванул щит книзу, что он воткнулся в землю, и так быстро выхватил меч, что глазом невозможно было уследить. Он ударил Халльбьёрна мечом по руке выше запястья и отсек ему кисть. Скамкель забежал сзади и хотел ударить Гуннара большой секирой. Гуннар быстро повернулся к нему и сам ударил своим копьем по секире так, что секира Скамкеля выскользнула из его рук и упала в реку. Затем Гуннар пронзил Скамкеля, поднял его на

копье и бросил вниз головой на дорогу.

Аудольв выхватил копье и метнул его в Гуннара. Гуннар на лету поймал копье и тотчас швырнул его обратно. Копье пробило щит, прошло через тело норвежца и воткнулось в землю.

Откель хотел ударить мечом Гуннара, он целился в ногу ниже колена, но тот подпрыгнул, и удар пришелся мимо. Гуннар пронзил его своим копьем.

Тут подбегает Кольскегг, бросается на Халлькеля и наносит ему своим мечом смертельный удар. Так они убили всех восьмерых.

Одна из женщины видела все и побежала домой. Она рассказала обо всем Мёрду и попросила его разнять их.

— Это, верно, такие люди, — говорит он, — что мне едва ли будет жаль, если они и перебьют друг друга.

— Не говори так, — говорит она, — среди них твой родич Гуннар и твой друг Откель.

— Ты всегда болтаешь вздор, подлая, — сказал он и остался лежать дома, пока они бились.

Гуннар и Кольскегг после боя отправились домой. Они быстро поскакали по песчаному берегу, и Гуннар упал с лошади, но вскочил на ноги. Кольскегг сказал:

— Здорово ты скачешь, брат!

— Как раз этими словами поносил меня Скамкель, когда я сказал ему: «Вы наехали на меня».

— Теперь ты отомстил за это, — говорит Кольскегг.

— Не знаю, — говорит Гуннар. — Наверное, я не так храбр, как другие, потому что мне труднее решиться убить человека.

LV

Люди узнали о случившемся, и многие говорили, что этого и следовало ожидать. Гуннар поехал на Бергторов Пригорок и рассказал обо всем Ньялю. Ньяль сказал:

— Многое ты совершил, но и многое тебе пришлось вынести.

— Ну, а что будет дальше? — говорит Гуннар.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе, — говорит Ньяль, — то, что еще не случилось? Ты поедешь на тинг, будешь пользоваться моими советами, и дело это принесет тебе большую честь. Это будет началом твоих подвигов.

— Так дай мне добрый совет, — говорит Гуннар.

— Хорошо, — говорит Ньяль. — Никогда не убивай никого из другого поколения того же рода, никогда не нарушай мира, который помогли тебе заключить добрые люди, а особенно в этом деле.

Гуннар сказал:

— Мне думается, что этого скорее можно ждать от кого-нибудь другого, чем от меня.

— Конечно, — говорит Ньяль, — однако помни, что если так случится, то жить тебе останется недолго. А не случится этого, ты доживешь до старости.

Гуннар спросил:

— А ты знаешь, что погубит тебя?

— Знаю, — говорит Ньяль.

— Что же? — говорит Гуннар.

— То, о чем люди никогда бы не подумали, — говорит Ньяль.

После этого Гуннар поехал домой.

К Гицуру Белому и Гейру Годи был послан человек, потому что они должны были начать тяжбу об убийстве Откеля. Они оба встретились и стали советоваться, что делать. Они решили, что тяжбу следует вести строго по закону. Затем они стали думать, кому из них вести тяжбу, но никто не захотел взяться за нее.

— Мне кажется, — говорит Гицур, — что одно из двух: либо один из нас начнет тяжбу, и тогда нам надо будет бросить жребий, кому ее вести, либо вира совсем не будет заплачена. Надо помнить, что трудно будет начать эту тяжбу, потому что у Гуннара много родичей и друзей. Поэтому и тот из нас, на кого жребий не выпадет, тоже должен будет ехать помогать и не оставаться в стороне, пока тяжба не будет кончена. — Затем они бросили жребий, и начать тяжбу выпало Гейру Годи.

Вскоре после этого они поехали на восток, переправились через реки и добрались до места боя на Кривой Реке. Они выкопали тела и показали раны свидетелям. Затем они объявили, сколько было ран и кто нанес их, и призвали десять соседей в свидетели. Они узнали, что Гуннар дома с тремя десятками своих людей. Тогда Гейр Годи спросил, не поедет ли Гицур туда с сотней людей.

— Нет, не поеду, — отвечает тот, — хотя бы нас было и намного больше.

После этого они вернулись домой. Весть о начале тяжбы разнеслась по всей округе. Люди поговаривали, что тинг, наверное, будет беспокойный.

Жил человек по имени Скафти^[166]. Его отцом был Тородд, а матерью Тородда была Торвёр. Отцом Торвёр был Тормод Рукоять, сын Олейва Широкого, внук Эльвира Детолюба^[167]. Скафти и его отец были влиятельными людьми и хорошими знатоками законов. Тородда считали человеком ненадежным и хитрым. Они помогали Гицуру Белому во всех его делах.

С Речного Склона и с Кривой Реки приехало на тинг очень много народу. Гуннара так любили, что все хотели поддержать его. И вот они все приехали на тинг и покрыли своиземлянки. На стороне Гицура Белого были следующие знатные люди: Скафти, сын Тородда, Асгрим, сын Лодейного Грима, Одд с Козлячьей Скалы и Халльдор, сын Эрнольва.

Однажды все пошли к Скале Закона. Тут встал Гейр Годи и объявил, что обвиняет Гуннара в убийстве Откеля, Халльбьёрна Белого, Аудольва и Скамкеля. Затем он объявил, что обвиняет Кольскегга в убийстве Халлькеля. Когда он объявил все это, люди нашли, что он говорил хорошо. Затем люди пошли от Скалы Закона.

Вот подходит время, когда суды должны начать разбор дел. Обе стороны собрали много народу. Гейр Годи и Гицур Белый стояли к югу от суда людей с Кривой Реки, Гуннар и Ньяль — к северу. Гейр Годи предложил Гуннару выслушать его присягу в том, что он будет честно вести дело, и принес такую присягу. После этого он изложил свой иск. Затем его свидетели подтвердили, что он объявил о ранах, которые нанесли обвиняемые. Потом он попросил назначенных истцом и ответчиком свидетелей занять свои места. Затем он предложил отвести лишних свидетелей. После этого он попросил свидетелей вынести свое решение. Те выступили, призвали себе свидетелей и заявили, что об Аудольве они вообще не хотят ничего говорить, потому что он норвежец и его настоящий истец в Норвегии, и поэтому им незачем высказываться по этому поводу. Затем они высказались по делу Откеля и нашли, что Гуннар виновен в том, в чем его обвиняют. После этого Гейр Годи предложил Гуннару начать защиту и назвал свидетелей всего, что упоминалось на суде.

Гуннар, со своей стороны, предложил Гейру Годи выслушать его присягу и его защитную речь, которую он собирался произнести. Затем он принес присягу. Гуннар сказал:

— Вот моя защита. Я назвал свидетелей того, что Откель нанес мне кровавую рану своей шпорой, и заявил им, что Откель должен будет

поплатиться за это. Я возражаю, Гейр Годи, против того, чтобы в этой тяжбе меня обвиняли, а также против того, чтобы судьи меня судили, и весь твой иск объявляю неправильным. Я запрещаю тебе это запрещением бесспорным, верным и полным, как и положено запрещать по установлениям альтинга и общенародным законам. Но это еще не все, — сказал Гуннар.

— Ты, может, хочешь вызвать меня на поединок, как ты обычно делаешь, не заботясь о законе? — говорит Гейр.

— Нет, — говорит Гуннар, — я хочу обвинить тебя со Скалы Закона в том, что ты незаконно обвинил меня в убийстве Аудольва, до которого вам нет никакого дела. Я хочу, чтобы тебя за это присудили к изгнанию на три года.

Ньяль сказал:

— Так дальше идти не может, потому что тяжбе так никогда не будет конца. Как мне кажется, обе стороны во многом правы. Ведь среди убийств, которые ты совершил, есть такие, о которых нельзя сказать, что ты за них не можешь быть осужден. Но и у тебя против него есть иск, по которому он тоже может быть осужден. Да и ты, Гейр Годи, должен знать, что не отклонено еще требование о твоём изгнании, и оно не будет отклонено, если ты не поступишь, как я говорю.

Годи Торродд сказал:

— Нам кажется, что лучше всего было бы сейчас им помириться. Что же ты ничего не говоришь, Гицур Белый?

— Мне кажется, — говорит Гицур, — что нашей тяжбе нужна крепкая поддержка. Видно, что друзья Гуннара вблизи, и лучше всего было бы для нас, чтобы уважаемые люди решили наше дело, если Гуннар не имеет ничего против.

— Я всегда хотел мира, — говорит Гуннар. — Хоть вы и во многом можете обвинять меня, но я скажу, что был вынужден сделать все это.

По совету мудрейших людей дело было передано третьейскому суду на решение. Дело решали шесть человек. Сразу же на тинге было вынесено решение. Было решено, что за Скамкеля виры платить не нужно. Вместо виры за него зачелся удар шпорой. За всех остальных убитых надо было заплатить виру, как полагалось. Родичи Гуннара дали ему денег, чтобы за всех убитых было тотчас же, на тинге, уплачено. Затем Гейр Годи и Гицур Белый поклялись Гуннару жить с ним в мире.

Гуннар поехал с тинга домой, поблагодарил людей за помощь, а многим сделал подарки. Это дело принесло Гуннару большую славу. И вот он живет у себя дома в большой чести.

LVII

Жил человек по имени Старкад. Его отец был Бёрк Синезубобородый, сын Торкеля Связанные Ноги, который занял землю возле Горы Треугольной. Он был женат, и его жену звали Халльбера. Она была дочерью Хроальда Рыжего и Хильдигунн, дочери Торстейна Воробья. Матерью Хильдигунн была Унн, дочь Эйвинда Окуня, сестра Модольва Мудрого, от которого пошли Модольвинги. Сыновьями Старкада и Халльберы были Торгейр, Бёрк и Торкель. Хильдигунн Врачей была их сестрой. Они были люди крутого нрава, заносчивые и неуживчивые. Они не давали покоя людям во всей округе.

LVIII

Жил человек по имени Эгиль. Его отцом был Коль, сын Оттара Шара, который занял землю между Ручьем Соты и Пеструшечьим Озером. Братом Эгиля был Энунд из Великаньего Леса, отец Халли Сильного, который был вместе с сыновьями Кетиля Красноречивого при убийстве Торира из Хольта. Эгиль жил в Песчаном Овраге. У него были сыновья Коль, Оттар и Хаук. Их матерью была Стейнвёр, сестра Старкада. Сыновья Эгиля были высоки ростом, заносчивы и очень неуживчивы. Они всегда были заодно с сыновьями Старкада. Их сестрой была Гудрун Ночное Солнце. Она была очень обходительная женщина.

Эгиль взял к себе жить двух норвежцев: одного из них звали Торир, другого — Торгрим. Они были в Исландии в первый раз. Оба были богаты, и у них было много друзей. Оба были храбры и искусны в бою.

У Старкада был добрый жеребец гнедой масти, о котором говорили, что в бою нет коня, равного ему.

Однажды случилось, что трое братьев из Песчаного Оврага были в хуторе под Горой Треугольной. Они долго беседовали обо всех бондах Речного Склона, и речь зашла о том, решится ли кто-нибудь выставить своего коня на бой с их конем. При этом разговоре были люди, которые хотели похвалить их и подольститься к ним, и они сказали, что никто не решится на этот бой и что ни у кого нет такого коня. Тогда Хильдигунн сказала:

- Я знаю человека, который решится на этот бой.
- Назови его, — говорят они.

— Гуннар с Конца Склона, у которого есть бурый жеребец, наверно, решится выставить его на бой с вашим и со всеми другими.

— Вам, женщинам, кажется, — говорят они, — что нет равного Гуннару. Но если дело кончилось позором для Гейра Годи или Гицура Белого, это вовсе еще не означает, что то же будет с нами.

— С вами будет еще похуже, — говорит она.

И они стали ссориться.

Старкад сказал:

— Я бы меньше всего хотел, чтобы вы задели Гуннара, потому что трудно вам будет идти против его счастливой судьбы.

— Но ты разрешишь нам, — говорят они, — вызвать его на бой коней?

— Разрешу, — говорит он, — если вы постараетесь ни в чем его не обмануть.

Они пообещали это.

И вот они поехали в Конец Склона. Гуннар был дома и вышел во двор. Кольскегг и Хьёрт вышли с ним. Они учтиво поздоровались с подъехавшими и спросили, куда те держат путь.

— Не дальше этих мест, — отвечают те. — Нам сказали, что у тебя есть добрый жеребец, и мы хотим вызвать тебя на бой коней.

— Не с чего ходить рассказам о моем жеребце: он еще молод и ни разу не испытан.

— Ты все же, наверное, не откажешься устроить бой коней, — говорят они. — Хильдигунн сказала, что ты гордишься своим жеребцом.

— А почему вы говорили об этом? — спрашивает Гуннар.

— Потому что были люди, — говорят они, — которые сказали, что не найдется никого, кто решился бы выставить своего коня на бой с нашим жеребцом.

— Я решусь на это, — говорит Гуннар, — хоть и кажутся мне недружелюбными эти речи.

— Значит, мы договорились? — спрашивают они.

— Вам хочется, чтобы все было по-вашему. Все же я хочу попросить вас, чтобы от боя наших коней и другие люди получили удовольствие и мы сами — никаких неприятностей. Еще я хочу, чтобы вы не позорили меня. Однако если вы поступите со мной, как вы поступали с другими людьми, то я, конечно, отплачу вам так, что вам не поздоровится. Я поступлю с вами так же, как вы со мной.

Затем они поехали домой. Старкад спросил их, как они съездили. Они сказали, что Гуннар принял их вызов.

— Он согласился на бой коней, и мы договорились, когда будет этот

бой. Было видно, что он боится остаться в проигрыше, и он пытался отказаться.

— Увидите, — сказала Хильдигунн, — Гуннара трудно вызвать на бой, но с ним трудно справиться, если уж ему не уклониться от боя.

Гуннар поехал к Ньялю и рассказал ему о бое коней и о своем разговоре с сыновьями Эгиля.

— Как ты думаешь, чем кончится этот бой коней? — спросил он.

— Ты одержишь верх, — сказал Ньяль, — но многим этот, бой принесет смерть.

— Может быть, и мне? — спросил Гуннар.

— Нет, тебе этот бой смерти не принесет, — сказал Ньяль, — но эту старую ссору они припомнят, когда начнут новую ссору. Тебе останется только защищаться.

Затем Гуннар поехал домой.

LIX

Тут Гуннар узнал о смерти своего тестя Хёскульда. А через несколько дней Торгерд, жена Траина, разрешилась на хуторе у Каменистой Реки мальчиком. Она послала к своей матери человека с просьбой решить, как назвать мальчика — Глумом или Хёскульдом. Та выбрала имя Хёскульд.

У Гуннара и Халльгерд было двое сыновей. Одного звали Хёгни, а другого Грани. Хёгни был искусен во всем, молчалив, недоверчив и правдив.

И вот люди поехали на бой коней. Народу собралось очень много: там были и Гуннар с братьями, и сыновья Сигфуса, и Ньяль со всеми своими сыновьями. Приехал и Старкад со своими сыновьями, и Эгиль со своими. Они сказали, что пора пускать лошадей. Гуннар сказал, что согласен. Скарпхедин спросил:

— Хочешь, я буду натравливать твоего коня, Гуннар?

— Не надо, — говорит Гуннар.

— Это было бы лучше, — говорит Скарпхедин. — Тогда с обеих сторон были бы люди неуступчивые.

— Не много тебе нужно сказать или сделать, — говорит Гуннар, — чтобы разгорелась ссора. Если же я сам буду натравливать своего коня, то дело не так скоро дойдет до ссоры, хотя ссоры все равно не миновать.

После этого коней вывели и поставили друг против друга. Гуннар приготовился натравливать своего коня, которого держал Скарпхедин. На

Гуннаре была красная одежда и серебряный пояс, а в руке он держал посох. И вот кони сшиблись и стали так яростно кусать друг друга, что их и не нужно было натравливать. Все были очень довольны. Тут Торгейр и Коль решили ударить своего коня так, чтобы тот толкнул коня Гуннара, и посмотреть, не упадет ли Гуннар. И вот кони сшиблись, и Торгейр и Коль тут же подскочили сзади к своему коню. Но Гуннар заставил своего коня рвануться навстречу, и Торгейр и Коль упали навзничь, а их конь поверх них. Они сразу же вскочили и бросились на Гуннара. Тот увернулся, схватил Коля и швырнул его на землю так, что тот лишился чувств. Тогда Торгейр, сын Старкада, ударил Гуннарова коня. И вышиб ему глаз, а Гуннар ударил Торгейра посохом, и тот лишился чувств. Гуннар подошел к своему коню и сказал Кольскеггу:

— Прикончи коня! Незачем ему жить кривым!

Кольскегг зарубил коня. Тут Торгейр вскочил, схватил свое оружие и хотел кинуться на Гуннара, но ему помешали, и началась свалка. Скарпхедин сказал:

— Надоело мне толкаться. Нам гораздо более пристало биться с оружием в руках.

Гуннар был так спокоен, что его держал всего один человек. Он не сказал ни одного злого слова. Ньяль пытался помирить дерущихся или успокоить их. Торгейр сказал, что он не желает мириться, а хотел бы убить Гуннара за его удар посохом. Кольскегг сказал:

— Гуннар стоит на земле слишком твердо, чтобы упасть от одних слов. Так будет и на этот раз.

И вот народ разъехался с боя коней по домам. На Гуннара никто не напал. Так прошел год.

Летом на тинге Гуннар встретил своего шурина Олава Павлина, и тот пригласил его к себе в гости, но велел быть осторожным:

— Ведь они готовы на все, что угодно. Никогда не ездь один.

Олав дал ему много добрых советов, и они очень подружились.

LX

Асгрим, сын Лодейного Грима, предъявил на тинге иск к Ульву, сыну Угги. Однако в этом иске Асгрима, как это часто случалось, было слабое место. Дело в том, что вместо девяти свидетелей он призвал всего пять. Поэтому его противники объявили иск неправильным. Гуннар сказал:

— Я вызову тебя на поединок, Ульв, сын Угги, если ты не уступишь в

этом справедливом деле. Ньяль и мой друг Хельги могут рассчитывать на то, что я не оставлю тебя в трудном деле, Асгрим, даже если их и нет здесь.

— Я не с тобой сужусь, — говорит Ульв.

— Но тебе придется иметь дело со мной, — говорит Гуннар.

Дело кончилось тем, что Ульву пришлось заплатить все, сполна. Тогда Асгрим сказал Гуннару:

— Я хочу пригласить тебя к себе летом, и во всех тяжбах я всегда буду только на твоей стороне.

Гуннар поехал домой с тинга. Вскоре после этого он встретился с Ньялем. Тот сказал Гуннару, чтобы он был осторожен, потому что, как ему говорили, люди из-под Треугольной Горы собираются напасть на него. Он посоветовал Гуннару, чтобы тот никогда не ездил без достаточного числа спутников и всегда был при оружии. Гуннар пообещал последовать этому совету и сказал, что Асгрим пригласил его к себе.

— И я собираюсь поехать к нему осенью, — прибавил он.

— Пусть, пока ты не выедешь из дому, никто не знает этого, а также того, сколько времени тебя не будет дома. Я предлагаю тебе, чтобы с тобой поехали мои сыновья.

Так они и порешили.

Вот наступает восьмая неделя лета. Гуннар сказал Кольскеггу:

— Собирайся в дорогу, поедем в гости в Междуречье.

— Послать за сыновьями Ньяля? — спросил Кольскегг.

— Нет, — ответил Гуннар, — незачем их беспокоить из-за меня.

LXI

Вот едут они втроем, Гуннар с братьями. У Гуннара были с собой его копье и меч, подарок Эльвира, а у Кольскегга — меч. Хьёрт также был при всем оружии. Они приехали в Междуречье, и Асгрим принял их хорошо, и они пробыли у него некоторое время. Затем они объявили, что собираются ехать домой. Асгрим сделал им богатые подарки и предложил проводить их. Гуннар сказал, что в этом нет нужды, и Асгрим остался дома.

Жил человек по имени Сигурд Свиная Голова. Он обещал сообщать, куда поехал Гуннар. Вот он приехал под Треугольную Гору и рассказал, где теперь Гуннар, и сказал, что удобнее случая не будет, чем теперь, когда он сам-третий.

— Сколько нам нужно людей, — говорит Старкад, — для засады?

— Если народу будет мало, то нам с ним не справиться, — говорит

Сигурд. — Нужно не меньше тридцати человек.

— Где мы устроим засаду?

— На холмах Кнавахолар, — отвечает Сигурд, — там, пока они не подъедут совсем близко, нас не будет видно.

— Поезжай в Песчаный Овраг, — говорит Старкад, — и скажи Эгилью, чтобы их приехало сюда пятнадцать человек. А мы, тоже пятнадцать числом, поедem прямо отсюда к этим холмам.

Торгейр сказал Хильдигунн:

— Вот эта рука покажет тебе сегодня убитого Гуннара.

— А мне думается, — сказала она, — что после встречи с ним ты вернешься повесив голову.

Старкад со своими тремя сыновьями отправился из-под Горы Треугольной, а с ними еще одиннадцать человек. Они приехали к холмам Кнавахолар и стали ждать. А Сигурд приехал в Песчаный Овраг и сказал:

— Меня послали сюда Старкад с сыновьями сказать тебе, Эгиль, чтобы ты со своими сыновьями отправился к холмам Кнавахолар подстеречь Гуннара.

— Сколько нас должно поехать? — говорит Эгиль.

— Со мной — пятнадцать, — отвечает Сигурд.

Коль сказал:

— Теперь я померюсь силами с Кольскеггом.

— Мне сдается, что ты многовато берешь на себя, — говорит Сигурд.

Эгиль попросил норвежцев, чтобы они поехали с ним. Они ответили, что ничего не имеют против Гуннара.

— Но, видно, дело нешуточное, — сказал Торир, если против трех человек собирается такое множество народу.

Эгиль ушел в сильном гневе. Тогда хозяйка сказала норвежцу:

— Жаль, что моя дочь Гудрун растоптала свою гордость и лежала с тобой, а ты даже не решаешься поехать со своим хозяином и тестем. Ты, верно, просто трус.

— Я поеду с твоим мужем. Но, ни он, ни я не воротимся назад.

Затем он отправился к своему товарищу Торгриму и сказал:

— Возьми себе ключи от моих сундуков. Мне они уже ни к чему. Я прошу тебя, возьми себе из нашего добра все, что тебе захочется. Но уезжай из Исландии и не думай мстить за меня. А если ты не уедешь отсюда, то погибнешь.

И норвежец поехал вместе со всеми.

Теперь надо рассказать о том, что Гуннар едет на восток через Бычью Реку. Но чуть он отъехал от реки, как его стал одолевать сон, и он сказал, что они будут здесь отдыхать. Так и сделали. Он крепко заснул и стонал во сне. Кольскегг сказал:

— Гуннару, наверно, что-то снится.

Хьёрт сказал:

— Я бы разбудил его.

— Не надо, — сказал Кольскегг, — пусть поспит.

Гуннар спал долго. Он сбросил с себя щит, ему было очень жарко.

Кольскегг спросил:

— Что тебе приснилось, брат?

— Мне приснился такой сон, что, приснись он мне раньше, я бы не выехал из Междуречья всего с двумя спутниками.

— Расскажи нам свой сон, — попросил Кольскегг.

— Мне приснилось, будто я проезжаю мимо холмов Кнавахолар. И будто я вижу там множество волков, и они все бросаются на меня со всех сторон, а я защищаюсь. Я застрелил всех волков, что были ближе всего ко мне, но они подобрались ко мне так близко, что стрелять из лука я уже не мог. Тут я взял меч в одну руку и копье в другую и стал рубить и колоть. Щитом я не прикрывался, и я даже не знаю, что меня защищало. Мы с тобой, Кольскегг, убили множество волков. Но будто Хьёрта они одолели, разорвали ему грудь, и у одного из них в зубах было его сердце. Но я будто пришел в такой гнев, что разрубил этого волка надвое у плеч, и после этого волки убежали. Вот тебе мой совет, Хьёрт, брат мой, — поезжай назад в Междуречье.

— Не поеду, — сказал Хьёрт. — Хоть я и знаю, что мне не уйти живым, я поеду с тобой.

Затем они снова пустились в путь и подъехали к холмам Кнавахолар. Кольскегг сказал:

— Видишь, брат, там, за холмами, множество копий и вооруженных людей?

— Я не сомневался, — отвечает Гуннар, — что мой сон сбудется.

— Что же нам теперь делать? — говорит Кольскегг. — Ты, наверно, не захочешь спастись бегством.

— Этого повода для насмешек мы им не дадим, — отвечает Гуннар. — Мы поедem к Кривой Реке, на мыс, там удобно защищаться.

Они приехали на мыс и приготовились защищаться. Коль крикнул, когда они поехали туда:

— Ты что же, бежишь, Гуннар?

Кольскегг ответил:

— Расскажешь об этом, если доживешь до завтра.

LXIII

Старкад стал подбадривать своих людей, и они бросились к мысу. Сигурд Свиная Голова шел впереди всех. В одной руке он держал небольшой щит, а в другой копье. Гуннар увидел его и выстрелил из лука. Когда тот заметил летящую стрелу, он поднял щит, но стрела пробила щит, вошла в глаз и вышла из затылка. Сигурд был первым убитым. Вторую стрелу Гуннар пустил в Ульвхедина, управителя Старкада. Стрела попала ему в живот, и он упал под ноги одному бонду, а бонд — на него. Тогда Кольскегг метнул камень и попал бонду в голову так, что тому пришел конец. Тут Старкад сказал:

— Не годится, чтобы он стрелял из лука. Идем вперед на него смело и решительно.

И так каждый подбадривал другого. Гуннар защищался, стреляя из лука, пока можно было. Потом он отбросил лук, взялся за копье и меч и стал наносить удары обеими руками. Разгорелся жестокий бой, и Гуннар с Кольскеггом убили много врагов. Тут Торгейр, сын Старкада, говорит:

— Я обещал Хильдигунн принести твою голову, Гуннар!

— Едва ли это так важно для нее, — отвечает Гуннар. — Тебе, во всяком случае, надо подойти поближе ко мне.

Торгейр сказал брату:

— Давайте бросимся на него все разом. У него нет щита, и он будет в наших руках.

Бёрк и Торкель ринулись вперед и опередили Торгейра. Бёрк хотел ударить Гуннара мечом, но Гуннар так сильно взмахнул своим копьем, что выбил у Бёрка из руки меч. Тут он увидел, что по другую руку от него, совсем близко, стоит Торкель. Гуннар стоял, слегка согнув ногу. Он взмахнул мечом и перерубил Торкелю шею, так что голова отлетела. Коль, сын Эгиля, сказал:

— Дайте я схвачусь с Кольскеггом! Я давно говорил, что мы с ним не уступим друг другу в бою.

— Это мы сейчас проверим, — говорит Кольскегг.

Коль направил в него копьё. Кольскегг только что убил одного противника, и у него было достаточно работы, так что он не успел выставить щит, и копьё пробило ему бедро. Кольскегг рванулся к Колю, ударил его мечом так, что перерубил ему ногу в бедре, и спросил:

— Ну как, попал я? Коль сказал:

— Я поплатился за то, что не закрылся щитом.

И он стоял некоторое время на другой ноге и смотрел на обрубок своей ноги. Тогда Кольскегг сказал:

— Нечего смотреть. Ноги нет, это точно. Тут Коль упал мертвым на землю.

Когда Эгиль увидел это, он бросился на Гуннара и хотел ударить его мечом, но Гуннар встретил его своим копьём, и удар пришёлся Эгилю в живот. Затем он поднял его своим копьём и бросил в реку. Тут Старкад сказал:

— Жалкий ты человек, Торир Норвежец, если можешь сидеть сложа руки, когда убит твой хозяин и тесть Эгиль!

Норвежец в сильном гневе вскочил на йоги. Хьёрт к этому времени убил двух человек. Норвежец бросается на него и ударяет его мечом в грудь. Хьёрт тут же падает мертвым на землю. Гуннар видит это, бросается к норвежцу и разрубает его надвое. Немного погодя Гуннар бросает в Бёрка свое копьё. Оно пробивает его насквозь и втыкается в землю. Тут Кольскегг отрубает голову Хауку, сыну Эгиля, а Гуннар отрубает по локоть руку Оттару.

Тогда Старкад сказал:

— Бежим! Ведь это не люди!

Гуннар сказал:

— Позорно будет для вас, когда вы будете рассказывать об этом бое, если по вас не будет видно, что вы участвовали в нём.

С этими словами Гуннар бросился на Старкада и его сына Торгенра и нанес им раны. На этом бой кончился. Гуннар ранил многих из тех, кто бежал. Четырнадцать человек сложили голову в бою, и Хьёрт был пятнадцатым. Гуннар на щите доставил Хьёрта домой, и там его похоронили. Многие оплакивали его, потому что его любили.

Старкад тоже вернулся домой. Хильдигунн стала лечить раны его и Торгейра и сказала:

— Вы, верно, много дали бы за то, чтобы у вас не было этой ссоры с Гуннаром.

— Да! — ответил Старкад.

Стейнвёр из Песчаного Оврага сказала норвежцу Торгриму, чтобы он не уезжал, а остался вести ее хозяйство и помнил бы о смерти своего хозяина и родича. Тот ответил:

— Мой товарищ Торир предсказал мне, что я погибну от руки Гуннара, если останусь в Исландии. А он, наверно, знал мою судьбу, потому что он знал о своей смерти.

— Я отдам тебе в жены свою дочь Гудрун и все свое богатство.

— Не думал я, что ты предложишь такую дорогую цену, — сказал он.

И они порешили на том, что он возьмет в жены Гудрун. Свадьбу сыграли летом.

Гуннар с Кольскеггом отправились на Бергторов Пригорок. Ньяль со своими сыновьями был на дворе, они пошли навстречу Гуннару и приветливо поздоровались с ним. Затем они стали беседовать. Гуннар сказал:

— Я приехал сюда просить у тебя помощи и доброго совета.

Ньяль ответил:

— Ты их получишь.

— Я убил много людей и попал в очень трудное положение. Мне хотелось бы знать, — говорит Гуннар, — что, по-твоему, надо делать.

— Многие скажут, — говорит Ньяль, — что тебя вынудили к этому. Но дай мне время подумать.

Ньяль ушел и долго думал один. Вернувшись, он сказал:

— Я все обдумал, и мне кажется, что действовать надо настойчиво и решительно. У моей родственницы Торфинны должен быть ребенок от Торгейра. Я передаю тебе право обвинить его в прелюбодеянии. Я передаю тебе также право начать тяжбу против Старкада, который тоже должен быть объявлен вне закона, потому что он совершил порубку в моем лесу на Гряде Треугольной Горы. Ты начнешь оба дела. Ты поедешь к месту вашего боя, выкопаешь тела, покажешь раны свидетелям и объявишь, что ни за кого из убитых не полагается виры, потому что они собрались с целью напасть на тебя и твоих братьев и убить вас. Но если это будет разбираться на тинге и тебе скажут, что ты еще раньше ударил Торгейра и поэтому не вправе предъявлять иск ни за себя, ни за других, то я отвечу на это и скажу, что я снял с тебя все обвинения на тинге в Лощинах^[168], так что ты теперь вправе предъявлять иск и за себя и за других. Тогда они должны будут разобрать твой иск. Тебе также надо найти Тюрвинга с Ягодного Мыса, и

он передаст тебе право вести тяжбу против Энунда из Великаньего Леса, который должен предъявить иск по поводу убийства своего брата Эгиля.

Гуннар поехал сначала домой. Но через несколько дней он с сыновьями Ньяля поехал к месту, где были зарыты тела убитых. Они выкопали всех похороненных. Гуннар объявил, что за них не полагается вира, потому что они замыслили нападение и убийство, и уехал домой.

LXV

В ту же самую осень Вальгард Серый вернулся в Исландию и отправился домой, в Капище. Торгейр поехал к Вальгарду и Мёрду и рассказал им о том, что Гуннар отказывается платить виру за всех, кого он убил. Вальгард сказал, что это ему, наверно, посоветовал Ньяль и что Ньяль насоветовал ему еще многое. Торгейр попросил у Вальгарда и его сына Мёрда помощи и поддержки, по они долго отговаривались и запрашивали за это много денег. В конце концов, порешили на том, что Мёрд посватается к Торкатле, дочери Гицура Белого, и что Торгейр поедет сразу же с ним и его отцом на запад, на тот берег реки.

На другой день выехали они, двенадцать числом, из дому и добрались до Мшистой Горы. Там их встретили приветливо. Затем они попросили Гицура выдать дочь замуж за Мёрда. Он, в конце концов, согласился, и они договорились, что свадьба будет через полмесяца на Мшистой Горе. Затем они поехали домой. На свадьбу они позвали множество народу. Гостей было много, и пир был на славу. Торкатла отправилась с Мёрдом домой и стала вести хозяйство, а Вальгард в это лето уплыл из Исландии.

Мёрд подбивал Торгейра начать дело против Гуннара. Торгейр поехал к Энунду и предложил ему, чтобы тот начал дело об убийстве своего брата Эгиля и его сыновей, и прибавил:

— А я начну дело об убийстве моих братьев и о ранении моем и моего отца.

Тот сказал, что готов. И вот они отправились, объявили об убийствах и назначили девять соседей места боя.

В Конце Склона узнали обо всех этих приготовлениях. Гуннар поехал к Ньялю, рассказал ему обо всем и спросил, что ему теперь делать.

— Тебе теперь надо, — сказал Ньяль, — назначить своих соседей места боя, а также соседей жилья и назвать свидетелей. Назови Коля убийцей твоего брата Хьёрта, потому что ты имеешь право назвать убийцей любого из участников нападения. Затем ты обвинишь Коля в убийстве, хотя

его и нет в живых. Потом ты назовешь своих свидетелей и пригласишь соседей на альтинг высказаться, не были ли те нападающими, когда был убит Хьёрт. Вызови также на суд Торгейра по делу о прелюбодеянии и Энунда из Великаньего Леса по делу Тюрвинга.

Гуннар сделал все, как ему посоветовал Ньяль. Эти приготовления показались людям странными. И вот дело должны были разбирать на тинге. Гуннар, Ньяль с сыновьями и сыновья Сигфуса поехали на тинг. Еще до этого Гуннар послал человека к своим шурьям, чтобы они приехали на тинг, взяв с собой побольше народу, и велел сказать им, что тяжба будет трудная. Они собрали у себя на западе множество народу. Мёрд, Рунольв из Долины, люди с Треугольной Горы и Энунд из Великаньего Леса тоже отправились на тинг, и, приехав туда, они присоединились к Гицуру Белому и Гейру Годи.

LXVI

Гуннар, сыновья Сигфуса и сыновья Ньяля все держались вместе и вели себя так решительно, что тот, кто стоял у них на пути, должен был остерегаться, чтобы его не сбили с ног. Ни о чем люди не говорили на тинге больше, чем об этой тяжбе.

Гуннар вышел навстречу своим шурьям, Олаву и другим, и они приветливо поздоровались с ним. Они стали расспрашивать Гуннара о бое, и он им точно и беспристрастно рассказал все, как было. Он также рассказал о том, что он предпринял после боя. Олав сказал:

— Хорошо, что Ньяль так верно помогает тебе во всяком деле.

Гуннар сказал, что никогда не сможет достаточно отблагодарить за это. Он попросил у них помощи, и они согласились.

И вот каждая сторона предъявила свой иск, и оба иска стали разбираться. Мёрд спросил, как может такой человек, как Гуннар, который, ударив Торгейра, лишил себя права выступать перед судом, предъявлять иск. Ньяль говорит:

— А ты был на тинге в Лощинах осенью?

— Да, конечно, — говорит Мёрд.

— Слышал ли ты, — говорит Ньяль, — что Гуннар предлагал ему полное примирение?

— Конечно, слышал, — говорит Мёрд.

— Тогда я объявил, — говорит Ньяль, — что Гуннар получил право выступать перед судом с любым делом.

— Это было правильно, — говорит Мёрд, — но почему же убийцей Хьёрта Гуннар объявил Коля, тогда как его убил норвежец?

— Это было правильно, — говорит Ньяль, — потому что он назвал его убийцей при свидетелях.

— Может быть, это и правильно, — говорит Мёрд, — но почему же Гуннар объявил, что ни за кого из убитых не надо платить виру?

— Об этом и спрашивать нечего, — говорит Ньяль, — ведь они поехали, чтобы ранить и убивать.

— Но Гуннар остался невредим, — говорит Мёрд.

Ньяль сказал:

— Братья Гуннара Кольскегг и Хьёрт были там, и один из них был убит, а другой ранен.

— Закон на вашей стороне, — ответил Мёрд, — как мне ни тяжело подчиниться вам.

Тут вышел Хьяльти, сын Скегги из Долины Бычьей Реки, и сказал:

— До сих пор я не вмешивался в ваш спор. Но теперь мне хотелось бы знать, что значат, Гуннар, для тебя мои слова и моя дружба?

— Чего ты хочешь? — спросил Гуннар.

— Я хочу, — ответил Хьяльти, — чтобы достойные люди вынесли справедливое решение по этому делу.

Гуннар ответил:

— Тогда не будь никогда против меня, с кем бы у меня ни была тяжба.

— Обещаю, — ответил Хьяльти.

После этого он взялся за переговоры с противниками Гуннара и добился того, что все помирились и поклялись не мстить друг другу. Ранение Торгейра сняло иск о прелюбодеянии, ранение Старкада — иск о порубке. За братьев Торгейра была заплачена половинная вира, потому что они напали на Гуннара. Убийство Эгиля из Песчаного Оврага сняло иск Тюрвинга. Убийство Хьёрта было приравнено к убийству Коля и норвежца. За других была заплачена половинная вира. Среди судей были Ньяль, Асгрим, сын Лодейного Грима, и Хьяльти, сын Скегги.

Старкад и люди из Песчаного Оврага были должны Ньялю много денег, и Ньяль отдал эти деньги Гуннару в счет его виры им. У Гуннара было так много друзей на тинге, что он выплатил на месте виру за все убийства и сделал много подарков знатным людям, которые помогали ему. Дело принесло ему большую славу, и все были согласны, что нет ему равного во всей южной четверти.

Гуннар отправился с тинга домой. И вот он живет спокойно у себя дома, а его противники очень завидуют его славе.

LXVII

Теперь надо рассказать о Торгейре, сыне Откеля. Он стал человеком рослым и сильным, честным и правдивым, но несколько легковерным. Самые уважаемые люди дружили с ним, а родичи любили его.

Однажды Торгейр, сын Старкада, отправился к своему родичу Мёрду.

— Обидно мне, — сказал он, — что так кончилась моя тяжба с Гуннаром. Но я заплатил тебе за то, чтобы ты мне помогал, пока мы оба живы. Мне хотелось, чтобы ты придумал, что делать. Но подумай, как следует! Я говорю об этом с тобой так открыто, так как знаю, что ты заклятый враг Гуннара, а он — твой. Я хорошо отблагодарю тебя, если ты постарайся.

— Всем всегда, кажется, — сказал Мёрд, — что я люблю деньги. Так будет и на этот раз. Трудно устроить так, чтобы ты не оказался нарушителем мира и все же добился своего. Но я слышал, что Кольскегг хочет получить назад четвертую часть земли на Перешейке, которую отдали твоему отцу как виру за сына. Он получил право на этот иск от своей матери, и это Гуннар посоветовал ему заплатить деньги, но не отдавать землю. Теперь подождем, что будет дальше, и объявим, что он нарушил договор с нами. Кроме этого, он отобрал пашню у Торгейра, сына Откеля, и тем нарушил договор с ним. А ты поезжай к Торгейру, сыну Откеля, и втяни его в дело. Нападите с ним на Гуннара. Если же вам не удастся убить Гуннара, то нападите на него еще раз. Вот что я тебе скажу: Ньяль предсказал ему, что если он убьет кого-нибудь из другого поколения того же рода, то он сразу погибнет, если при этом он нарушит заключенный договор. Втяни в дело Торгейра, потому что Гуннар убил его отца. Если вы с ним вдвоем нападете на Гуннара, то ты прикройся щитом, а Торгейр смело бросится на него, и Гуннар убьет его. Тогда окажется, что Гуннар убил кого-то из другого поколения того же рода, а ты спасешься бегством. И если ему суждено от этого погибнуть, то он нарушит договор. Итак, будем ждать этого.

После этого Торгейр поехал домой и тайно рассказал все своему отцу. Они порешили, что будут действовать так, чтобы никто ничего не знал.

LXVIII

Через некоторое время Торгейр, сын Старкада, отправился в

Церковный Двор к своему тезке. Они шептались между собой весь день. Под конец Торгейр, сын Старкада, подарил своему тезке золоченое копьё и затем уехал домой. Они очень подружились.

Осенью на тинге в Лощинах^[169] Кольскегг предъявил иск на землю на Перешейке, а Гуннар назвал свидетелей и предложил людям из-под Треугольной Горы деньги или землю в других местах по законной цене. Торгейр назвал свидетелей в том, что Гуннар нарушил договор с ними. На этом тинг кончился.

Проходит год. Тезки постоянно встречаются, крепко дружат.

Как-то раз Кольскегг говорит Гуннару:

— Я слышал, что тезки очень подружились. Многие говорят, что им доверять нельзя. Я бы хотел, чтобы ты был поосторожнее.

— Мне не миновать смерти, — говорит Гуннар. — где бы я ни был, если мне это суждено.

На этом их разговор кончился.

Осенью Гуннар велел работникам одну неделю работать дома, а другую — внизу, на Островах, чтобы кончить уборку сена. Он распорядился, чтобы все уехали, и остался один с женщинами.

Торгейр из-под Треугольной Горы отправился к своему тезке, и когда они встретились, то начали, как обычно, разговор. Торгейр, сын Старкада, сказал:

— Мне бы хотелось, чтобы мы набрались духу и напали на Гуннара.

— Встречи с Гуннаром, — ответил Торгейр, сын Откеля, — всегда кончались так, что немногим доставалась в них победа. И я не хотел бы стать нарушителем договора.

— Они нарушили договор, а не мы, — сказал Торгейр, сын Старкада. — Ведь Гуннар отобрал у тебя пашню, а у нас с отцом — Перешеек.

И они решили напасть на Гуннара. Тут Торгейр говорит, что Гуннар через несколько дней будет один дома, и предлагает:

— Приезжай ко мне с одиннадцатью людьми, и со мной будет столько же.

После этого Торгейр поехал домой.

LXIX

Когда Кольскегг с работниками пробыли на Островах три дня, Торгейр, сын Старкада, проведал про это и послал сказать своему тезке,

чтобы тот встретился с ним на Гряде Горы Треугольной. Он въехал на гряде и стал там ждать своего тезку.

Гуннар в это время оставался один дома. Тезки подъезжают к лесу, и вдруг их так начинает клонить ко сну, что они не могут ехать дальше. Они вешают свои щиты на ветви, привязывают лошадей и кладут возле себя оружие.

Ньяль в эту ночь был на Торольвовой Горе. К нему не шел сон, и он то входил, то выходил из дома. Торхильд спросила Ньяля, почему ему не спится.

— Что-то чудится мне, — ответил Ньяль. — Я вижу духов-двойников многих врагов Гуннара. Одно странно: видно, что у них нехорошее на уме, но они поступают неосторожно.

Немного погодя к дверям подъехал какой-то человек, слез с лошади и вошел в дом. Оказалось, что это пастух Торхильд и Скарпхебина. Торхильд спросила:

— Ну, нашел ты овец?

— Я нашел кое-что поважнее, — ответил тот.

— Что же это? — спросил Ньяль.

— Там, на горе, в лесу, я нашел двадцать четыре человека. Лошади их были привязаны, щиты висели на ветвях, а сами они спали.

Он заметил все так хорошо, что мог описать все их оружие и одежду, и Ньяль мог узнать, кто каждый из них. Ньяль сказал пастуху:

— Побольше бы таких слуг! Я не забуду этой твоей услуги. А сейчас я хочу тебя послать по делу.

Тот сказал, что готов.

— Отправляйся, — сказал Ньяль, — в Конец Склона и скажи Гуннару, чтобы он ехал к Каменистой Реке и собрал людей. А я поеду к тем, в лес, и пугну их так, что они поедут обратно. Хорошо, что на этот раз они ничего не добьются, а потеряют немало.

Теперь надо рассказать о Ньяле. Он подъехал к тезкам и сказал:

— Что-то вы неосторожно лежите. Зачем вы приехали сюда? С Гуннаром шутки плохи. Ведь если говорить правду, то вы замыслили убийство. Но знайте, что Гуннар собирает людей и скоро будет здесь. Он перебьет вас, если вы тотчас не отправитесь восвояси.

Они не стали мешкать. В сильном испуге они схватили оружие, вскочили на коней и поскакали к Треугольной Горе. Ньяль поехал к Гуннару и сказал:

— Не распускай народ, а я поеду и попытаюсь уладить все мирно: они сейчас, наверное, крепко перепуганы. А за то, что они замыслили убить

тебя, в чем они все замешаны, им придется заплатить не меньше, чем пришлось бы заплатить за убийство одного из тезок, если бы оно случилось. Я возьму эти деньги на сохранение и позабочусь о том, чтобы они были под рукой, когда они тебе понадобятся.

Гуннар поблагодарил его за помощь.

LXX

Ньяль поехал под Треугольную Гору и сказал тезкам, что Гуннар не собирается распускать своих людей, пока не рассчитается с ними. Они были в сильном страхе. Они сделали различные предложения и попросили Ньяля передать эти предложения Гуннару. Ньяль сказал, что передаст только такое предложение, за которым не скрывается обмана. Они попросили его рассудить их и сказали, что выполняют любое решение, которое он вынесет. Ньяль сказал, что он вынесет решение не иначе как на тинге и в присутствии самых уважаемых людей. Они согласились на это.

Ньяль свел обе стороны вместе. Они пожали руки в знак того, что помирились и обязуются сохранять мир. Ньяль должен был вынести решение и назвать судьями, кого хотел.

Немного погодя они встретились с Мёрдом, сыном Вальгарда. Мёрд очень укорял их за то, что они поручили Ньялю рассудить их, тогда как он большой друг Гуннара, и сказал, что это им дорого обойдется.

Вот люди, как обычно, поехали на альтинг. Обе стороны тоже были на тинге. Ньяль попросил внимания и спросил всех самых уважаемых людей, которые были на тинге, чего, по их мнению, может требовать Гуннар за то, что его замышляли убить. Они ответили, что такой человек, как Гуннар, вправе требовать очень многого. Ньяль спросил, кто должен быть ответчиком: все, кто хотел напасть на Гуннара, или только их главари. Они ответили, что главари в первую очередь, но и другие тоже.

— Немало найдется людей, — сказал Морд, — которые скажут, что все это произошло по вине Гуннара, потому что он первым нарушил мир с обоими Торгейрами.

— Это не называется нарушить мир, — ответил Ньяль, — если один человек пользуется законом против другого. Ведь закон хранит страну, а беззаконие губит.

И Ньяль сказал, что Гуннар предлагал в обмен на Перешеек землю или деньги. Тогда оба Торгейра увидели, что Мёрд их обманул. Они очень бранили его и сказали, что из-за него им приходится платить виру. Ньяль

назвал двенадцать судей. Каждый из тех, кто ездил с Торгейрами, должен был заплатить по сотне серебра, а сами тезки — но две сотни. Ньяль взял эти деньги себе на хранение, а обе стороны поклялись соблюдать мир. Ньяль подсказывал им слова клятвы.

Потом Гуннар поехал с тинга на запад, в Долины, в Стадный Холм. Олав Павлин принял его хорошо. Гуннар пробыл у него полмесяца. Он много ездил по Долинам и повсюду был желанным гостем. На прощанье Олав сказал:

— Я хочу подарить тебе три вещи: золотое запястье и плащ, которыми владел король ирландцев Мюркьяртан^[169], и большого пса, которого мне подарили в Ирландии. Он помощник не хуже крепкого мужчины. Кроме того, у него человеческий ум: если он знает, что человек твой недруг, он будет лаять на него, но он никогда не будет лаять на твоего друга. Он видит в каждом человеке, желает ли он тебе добра или зла. Ради тебя он не пожалеет и своей жизни. Этого пса зовут Черный.

Затем он сказал псу:

— Теперь твой хозяин — Гуннар, служи ему верой и правдой.

Пес тотчас подошел к Гуннару и улегся у его ног. Олав сказал Гуннару, чтобы он был осторожен, потому что у него много завистников.

— Ведь тебя считают самым знаменитым человеком во всей стране, — сказал он.

Гуннар поблагодарил его за подарки и добрый совет и поехал домой.

Гуннар пробыл некоторое время дома, и все было спокойно.

LXXI

Немного погодя оба Торгейра встретились с Мёрдом. Они были недовольны им. Они считали, что потеряли из-за Мёрда много денег и не получили ничего взамен. Они сказали ему, чтобы он придумал, как по-новому навредить Гуннару. Мёрд согласился и сказал:

— Вот мой совет: пусть Торгейр, сын Откеля, соблазнит Ормхильд, родственницу Гупнара. Гуннар ожесточится против тебя. А я тогда распущу слух, что Гуннар не собирается оставить это так. А немного погодя вы нападете на Гуннара, но не у него дома. Нельзя пытаться напасть на него дома, пока его пес жив.

Они порешили между собой, что так и сделают.

Проходит лето. Торгейр зачастил к Ормхильд. Гуннару это очень не нравилось, и он ожесточился против Торгейра. Ток продолжалось всю зиму.

Наступает лето, и их тайные встречи становятся еще чаще. Торгейр, сын Откеля, часто встречается также с Торгейром из-под Треугольной Горы и Мёрдом, и они договариваются напасть на Гуннара, когда тот поедет на Острова посмотреть, как работают его люди.

Однажды Мёрд узнал, что Гуннар уехал на Острова, и послал человека под Треугольную Гору сказать Торгейру, что сейчас самый удобный случай напасть на Гуннара. Те, не медля, выехали, двенадцать числом, и когда они приехали в Церковный Двор, то их там ждало других двенадцать человек. Они решили спуститься к Кривой Реке и там ждать Гуннара в засаде.

LXXII

Когда Гуннар отправился с Островов домой, Кольскегг поехал с ним. У Гуннара был с собой лук со стрелами и его копье. У Кольскегга был короткий меч и все остальное оружие.

И вот случилось, что, когда Гуннар с братом подъезжали к Кривой Реке, на его копье выступила кровь. Кольскегг спросил, что это означает. Гуннар ответил, что в других странах это называют кровавым дождем, и прибавил:

— Эльвир говорил мне, что это бывает к жестоким боям.

Они продолжали свой путь, пока не увидели, что на берегу реки сидят люди, а неподалеку от них привязаны кони. Гуннар сказал:

— Это засада.

Кольскегг ответил:

— Им уже давно нельзя было верить. Что же теперь делать?

— Проскачем мимо них к броду, — ответил Гуннар, — и там подготовимся к защите.

Те, которые были на берегу, заметили их и тотчас же пустились к ним. Гуннар натянул лук, высыпал стрелы перед собой и, как только те подошли к нему на выстрел, стал стрелять. Он ранил многих своими стрелами, а кое-кого и убил.

Тогда Торгейр, сын Откеля, сказал:

— Так не годится! Вперед, на него!

Они бросились на Гуннара. Впереди шел Энунд Красивый, родич Торгейра. Гуннар ударил его своим копьем, расколол щит надвое и пронзил Энунда насквозь. Эгмунд Чуб забежал сзади Гуннара, но Кольскегг увидел это, отрубил ему обе ноги и бросил его в реку, так что тот сразу же утонул. Разгорелся жестокий бой. Гуннар рубил одной рукой, а другой колол.

Кольскегг уложил немало врагов и многих ранил.

Торгейр, сын Старкада, сказал своему тезке:

— Что-то не заметно, что ты должен отомстить за своего отца.

Тот ответил:

— Ты прав. Не так надо бросаться на врага. Но ты ведь отстаешь от меня, так что я не желаю сносить твои попреки.

И он бросился на Гуннара в сильном гневе и пробил ему копьем щит и руку. Гуннар с такой силой рванул щит, что копье сломалось у наконечника. Гуннар увидел близко от себя другого человека и нанес ему смертельный удар. После этого он схватил свое копье двумя руками. Тут к нему подбегает с занесенным мечом Торгейр, сын Откеля. В сильном гневе Гуннар быстро оборачивается к нему и пронзает его своим копьем, поднимает в воздух и швыряет в реку. Тело течением отнесло вниз к броду и выбросило на камень. С тех пор этот брод зовется Бродом Торгейра.

Тогда Торгейр, сын Старкада, сказал:

— Бежим! Теперь уж нам не видать победы.

И они все пустились бежать.

— Бежим следом за ними. — сказал Кольскегг. — Бери лук и стрелы, ты еще можешь подойти на выстрел к Торгейру, сыну Старкада.

Гуннар ответил:

— Если мы заплатим виру только за тех, кто остался здесь лежать, то и тогда наши кошельки опустеют.

— Денег тебе хватит, — сказал Кольскегг, — а Торгейр не успокоится, пока не убьет тебя.

— Чтобы я испугался, много таких Торгейров должно стоять на моем пути, — ответил Гуннар.

После этого они поехали домой и рассказали о том, что случилось. Хальгерд обрадовалась вестям и очень хвалила Гуннара и Кольскегга. А Раннвейг сказала:

— Может быть, вы и совершили подвиг, но у меня такое чувство, что это не к добру.

LXXIII

Эта весть разнеслась по всей округе, и многих опечалила смерть Торгейра. Гицур Белый и его люди отправились на место боя, объявили об убийстве и вызвали соседей на тинг. Затем они уехали на запад, к себе домой.

Ньяль и Гуннар встретились и говорили о бое.

Ньяль сказал Гуннару:

— Будь осторожен: ты убил человека из другого поколения того же рода. Помни, что если ты теперь нарушишь договор, который заключишь, то погибнешь.

— Я не собираюсь нарушать его, — ответил Гуннар. — Но мне понадобится на тинге твоя помощь.

Ньяль ответил:

— Я буду верен тебе до конца моих дней.

Гуннар отправился домой. Подошло время тинга, и обе стороны собрали множество народу. На тинге все без конца гадали, чем кончится эта тяжба.

Гицур и Гейр Годи стали решать, кому из них предъявить иск об убийстве Торгейра. Кончилось тем, что Гицур взял это на себя. Он предъявил иск со Скалы Закона и сказал так:

— Я обвиняю Гуннара, сына Хамунда, в том, что он незаконно первым напал на Торгейра, сына Откеля, и нанес ему глубокую рану, от которой Торгейр умер. Я утверждаю, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Из его имущества половина причитается мне, а другая половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должен разбираться этот иск. Я объявляю об этом во всеуслышание со Скалы Закона. Я объявляю, что Гуннар, сын Хамунда, должен быть судим и объявлен вне закона.

Во второй раз Гицур назвал своих свидетелей^[170] и обвинил Гуннара, сына Хамунда, в том, что он нанес Торгейру, сыну Откеля, глубокую рану, от которой тот умер, на месте, где Гуннар перед этим незаконно напал первым на Торгейра. Затем он объявил все, как в первый раз. Потом он спросил, к какому тингу относится Гуннар и из каких он мест.

После этого люди пошли от Скалы Закона, и все нашли, что он говорил хорошо. Гуннар держался спокойно и говорил мало.

И вот подошло время, когда суды должны были разбирать дела. Гуннар стоял к северу от суда людей из Долины Кривой Реки, Гицур — к югу. Гицур назвал свидетелей и предложил Гуннару выслушать его присягу, изложение дела и все доказательства, которые он собирался привести. После этого он принес присягу. Затем он изложил свое дело суду. Потом он предложил свидетелям подтвердить, что он предъявил свой иск на тинге. Затем он предложил соседям занять свои места, а противникам — отвести

лишних соседей.

LXXIV

Тогда Ньяль сказал:

— Довольно! Нельзя больше сидеть сложа руки. Пойдем туда, где сидят соседи.

Они пошли к ним и отвели четырех из них. Оставшимся пяти они предложили сказать, не выехали ли оба Торгейра со своими людьми со злым умыслом против Гуннара. Те, не колеблясь, ответили, что так оно и было. Тогда Ньяль сказал, что это законный отвод иска и что он выступит на суде с этим отводом, если противники не согласятся на примирение. Многие знатные люди поддерживали это предложение и порешили на том, что дело рассудят двенадцать человек. Обе стороны дали друг другу руки в знак примирения. После этого было решено, какая вира должна быть заплачена, и она должна была быть заплачена тут же, на тинге, а Гуннар и Кольскегг должны были оставить Исландию на три года. Но если бы Гуннар не уехал из страны, то родичи убитого имели право его убить, если смогут это сделать. Гуннар не подал виду, что недоволеи решением.

Гуннар спросил Ньяля о деньгах, которые он дал ему на хранение. Ньяль отдавал их в рост, и он отдал ему все сполна. Их как раз хватило на все, что Гуннар должен был заплатить.

Вот люди стали разъезжаться по домам. Гуннар и Ньяль поехали с тинга вместе. Ньяль сказал Гуннару:

— Прошу тебя, друг, не нарушай этого договора. Помни, о чем мы условились. Первая твоя поездка в чужие страны принесла тебе большую славу, а эта принесет еще большую. Ты вернешься с большим почетом и доживешь до глубокой старости, и никто здесь не посмеет тягаться с тобой. Но если ты не уедешь из Исландии и нарушишь договор, то тебя здесь убьют, а хуже этого ничего не может быть для твоих друзей.

Гуннар ответил, что не собирается нарушать договор. Он поехал домой и рассказал о решении суда. Раннвенг сказала, что надо ему уехать из Исландии, и пусть тем временем его враги грызутся с кем-нибудь другим.

LXXV

Траин, сын Сигфуса, объявил своей жене, что в это лето он собирается

уехать из Исландии. Она ответила, что это хорошо. Он договорился с Хёгни Белым, что тот перевезет его. Гуннар и Кольскегг договорились с Арнфинном из Вика.

Сыновья Ньяля Грим и Хельги попросились у отца за море. Ньяль сказал:

— Трудной будет для вас эта поездка, и еще неизвестно, останетесь ли вы в живых. Правда, вы прославитесь и отличитесь. Но очень может быть, что эта поездка повлечет за собой трудности, уже когда вы вернетесь.

Они все же просили его отпустить их, и наконец, он сказал, что они могут ехать, если хотят. Они договорились с Бардом Черным и Олавом, сыном Кетиля из Эльды, что те перевезут их.

Шла молва, что лучшие люди покидают округу.

К этому времени подросли сыновья Гуннара — Хёгни и Грани. Они были непохожи друг на друга. Грани был во многом в мать, а Хёгни был хорошего нрава.

Гуннар велел перевезти товары свои и своего брата к кораблю. Когда вся кладь Гуннара была на корабле, а сам корабль почти совсем снаряжен, Гуннар отправился на Бергторов Пригорок и на другие дворы проведать знакомых и поблагодарить всех, кто ему помогал.

На другой день он собрался ехать на корабль и сказал всем домочадцам, что уезжает навсегда. Всех это опечалило, но они думали, что он еще вернется. Собравшись в путь, Гуннар обнял на прощанье каждого. Все вышли проводить его. Он воткнул свое копьё в землю, вскочил в седло и уехал с Кольскеггом.

Вот они подъезжают к Лесной Реке. Тут конь Гуннара споткнулся, и он соскочил с коня. Его взгляд упал на склон горы и на его двор на этом склоне, и он сказал:

— Красив этот склон! Таким красивым я его еще никогда не видел: желтые поля и скошенные луга. Я вернусь домой и никуда не поеду.

— Не доставляй этой радости своим врагам, — говорит Кольскегг. — Не нарушай договора. Ведь людям и в голову не придет, что ты можешь его нарушить. И ведь ты знаешь, что все случится так, как предсказал Ньяль.

— Я не поеду, — говорит Гуннар, — и мне бы не хотелось, чтобы ты уехал.

— Нет, — говорит Кольскегг. — И в этом деле я не отступлю от своего слова и сделаю то, чего от меня ждут. Ничто другое не может разлучить меня с тобой. Скажи моим родичам и моей матери, что я не собираюсь больше возвращаться в Исландию, потому что я узнаю о твоей смерти, брат, и тогда уже ничто не будет тянуть меня назад.

Они распрощались. Гуннар вернулся домой, в Конец Склона, а Кольскегг поехал к кораблю и уплыл из Исландии.

Халльгерд обрадовалась Гуннару, когда он вернулся домой, но мать его ничего не сказала.

Эту осень и зиму Гуннар провел дома. При нем было немного людей. Олав Павлии пригласил к себе в гости Гуннара и Халльгерд и предложил оставить дом на мать и Хёгни. Гуннар сначала согласился, но потом ему захотелось ехать.

А на следующее лето на альтинге Гицур и Гейр объявили Гуннара вне закона. Прежде чем тинг окончился, Гицур созвал в Ущелье Сходок всех врагов Гуннара — Старкада из-под Треугольной Горы и его сына Торгейра, Мёрда и Вальгарда Серого, Гейра Годи и Хьяльти, сына Скегги, Торбранда и Асбранда, сыновей Торлейка, Эйлива и его сына Энунда, Энунда из Великаньего Леса, Торгрима из Песчаного Оврага.

Гицур сказал:

— Я предлагаю этим летом напасть на Гуннара и убить его.

Хьяльти сказал:

— Я обещал Гуннару здесь, на тинге, когда он послушался моих уговоров, что я не нападу на него. Так и будет.

После этого Хьяльти ушел, а те, что остались, решили напасть на Гуннара, подали друг другу руки в знак уговора и постановили взять выку с того, кто нарушит уговор. Мёрд должен был выведать, когда лучше всего напасть на Гуннара. Всего их было четыре десятка человек. Они считали, что им будет легко справиться с Гуннаром, раз уехали Кольскегг, Траин и многие друзья Гуннара.

Люди стали разъезжаться с тинга по домам. Ньяль отправился к Гуннару и рассказал ему, что он объявлен вне закона и что его замышляют убить.

— Хорошо, — сказал Гуннар, — что ты предостерегаешь меня.

— Я бы хотел, — сказал Ньяль, — чтобы к тебе переехали мои сыновья Скарпхедин и Хёскульд. Они не пожалеют ради тебя своей жизни.

— Я не хочу, — ответил Гуннар, — чтобы из-за меня убили твоих сыновей. Ты вправе ждать от меня лучшего.

— Это все равно, — сказал Ньяль. — Ведь мстить за тебя придется моим сыновьям, когда ты погибнешь.

— Очень может быть, — ответил Гуннар, — но я бы не хотел, чтобы и в этом я был виноват. Мне бы хотелось лишь попросить вас позаботиться о моем сыне Хёгни, а о Грани я ничего не говорю, потому что он редко делает то, что мне по нраву.

Ньяль обещал выполнить его просьбу и поехал домой.

Рассказывают, что Гуннар ездил на все сходки и тинги, и его враги никогда не осмеливались поднять на него руку. Некоторое время он вел себя так, словно не был объявлен вне закона.

LXXVI

Осенью Мёрд, сын Вальгарда, прислал сказать, что все люди Гуннара будут кончать уборку сена внизу на Островах и Гуннар будет один дома. Когда Гицур Белый и Гейр Годи узнали об этом, они поехали через реку и пески на восток, в Капище. Они послали человека под Треугольную Гору, к Старкаду. Все, кто должен был напасть на Гуннара, собрались там и стали решать, что им делать. Мёрд сказал, что они не смогут захватить Гуннара врасплох, если они не возьмут с собой из соседнего двора бонда по имени Торкель и не заставят его войти во двор Гуннара и увести пса Черного.

Затем они отправились на восток, в Конец Склона, и послали за Торкелем. Его схватили и сказали, что либо они убьют его, либо он уведет пса. Он предпочел остаться в живых и поехал с ними.

В Конце Склона от ограды к домам вела дорога, обнесенная валами. Там они остановились, и Торкель пошел к дому. Пес лежал на крыше, и Торкель заманил его с собой в овраг.

Тут пес увидел людей, бросился на Торкеля и вцепился ему в бедро. Энунд из Великаньего Леса ударил пса секирой по голове и рассек ему череп. Пес так громко залаял, что им показалось, что они никогда не слышали такого лая, и свалился мертвым.

LXXVII

Гуннар проснулся в доме и сказал:

— Плохо твое дело, друг Черный! Но кто знает, может быть, и я скоро отправлюсь за тобой.

Дом Гуннара был весь деревянный, с дощатой крышей и окошками в ней, которые закрывались ставнями. Гуннар спал в каморке в доме, вместе с Халльгерд и своей матерью.

Подходя к дому, они не знали, там ли Гуннар. Они решили, чтобы кто-нибудь сначала подкрался и разузнал, и уселись на землю. Норвежец Торгрим поднялся на крышу. Гуннар увидел в окошке его красную одежду

и нанес ему удар своим копьём. Торгрим поскользнулся, выпустил из рук щит и упал с крыши. Он подошел к Гицуру и его людям, сидевшим на земле. Гицур посмотрел на него и спросил:

— Ну что, дома Гуннар?

Торгрим ответил:

— Сами узнаете. Я знаю только, что его копьё дома. И он упал мертвым на землю.

Они бросились к дому. Гуннар стал стрелять в них из лука и так хорошо защищался, что они ничего не могли поделать. Тогда несколько человек вскочили на крышу и хотели напасть на Гуннара оттуда. Но и там их настигали стрелы Гуннара, так что они ничего не могли поделать. Так продолжалось некоторое время.

Они отдохнули и бросились в бой во второй раз. Гуннар опять стал стрелять в них, и они снова ничего не могли поделать и отступили во второй раз. Тогда Гицур Белый сказал:

— Смелее вперед! Иначе ничего не выйдет.

Они бросились в бой в третий раз и долго старались подобраться к Гуннару, но и на этот раз им пришлось отступить. Гуннар сказал:

— Снаружи, на краю крыши, лежит стрела: это их стрела, и я выстрелю ею в них. Им будет стыдно, если я их раню их же собственным оружием.

Его мать сказала:

— Не делай этого, не подзадоривай их. Ведь они уже отступили.

Но Гуннар схватил стрелу и выстрелил в них. Стрела попала в Эйлива, сына Энунда, и нанесла ему тяжелую рану. Он стоял поодаль от других, и они не заметили, что он ранен.

— Там показалась рука с золотым запястьем и взяла стрелу, что лежала на крыше, — сказал Гицур. — Не стал бы он искать стрел снаружи, если бы у него их хватало дома. Пойдемте нападём на него еще раз.

Мёрд сказал:

— Давайте подожжем дом!

— Ни за что! — сказал Гицур. — Даже если бы мне грозила смерть! Но ты бы мог дать нам какой-нибудь хороший совет, ведь ты слынешь таким хитрецом.

На земле лежали веревки, которыми обычно скрепляли постройки. Мёрд сказал:

— Давайте возьмем эти веревки и привяжем их к концам конька крыши, а другие концы привяжем к камням, и станем наматывать веревки на бревно, и свернем с дома крышу.

Они взяли веревки и проделали все, что предложил Мёрд. Гуннар не успел опомниться, как они свернули крышу с долга. Тогда он принялся стрелять из лука, так что они никак не могли подобраться к нему. Мёрд снова предложил поджечь дом. Гицур сказал:

— Зачем ты предлагаешь то, на что никто из нас не согласен? Мы никогда не пойдем на это.

В это время Торбранд, сын Торлейка, вскакивает на крышу и перерубает Гуннару тетиву. Гуннар хватается обеими руками свое копьё, бросается к Торбранду, пронзает его и сбрасывает на землю. Тут подбегает брат Торбранда Асбранд. Гуннар наносит ему удар своим копьем, но тот выставляет щит. Копьё пробивает насквозь щит и вонзается в руку. Тут Гуннар поворачивает копьё с такой силой, что щит раскалывается и у Асбранда ломается кость руки, так что он падает со стены. До этого Гуннар ранил восьмерых человек и убил двоих.

Сам Гуннар был ранен дважды, но все говорили, что он не думал ни о ранах, ни о смерти.

Он сказал Халльгерд:

— Дай мне две пряди из своих волос и сплети мне вместе с матерью из них тетиву.

— Это тебе очень нужно? — говорит она.

— От этого зависит моя жизнь, — говорит он, — потому что им не одолеть меня, пока я могу стрелять в них из лука.

— Тогда я припомню тебе твою пощечину, — говорит она. — Мне все равно, сколько ты еще продержишься.

— Всякий по-своему хочет прославиться, — говорит Гуннар. — Больше я у тебя просить не буду.

А Раннвейг сказала:

— Подло ты поступаешь, и не скоро забудется этот твой позорный поступок.

Гуннар защищался отважно и доблестно и нанес еще восьмерым такие тяжкие раны, что многие едва не умерли от них. Он защищался, пока не свалился от усталости. Они нанесли ему много тяжелых ран, но он все же вырвался у них из рук и снова долго защищался. В конце концов, они убили его.

О его гибели Торкель Скальд Людей с Гаутельва сложил такую вису:

— Ведомо нам, как в доме
Недругов Гуннар встретил,
Копьем отражая натиск

Кормчих коня морского^[171].
В буре огней Одина^[172]
Шестнадцать ратников ранил
И двух убил наповал
Славный дробитель гривен^[173].

Гицур сказал:

— Большого быка мы свалили. Нелегко нам пришлось, и, пока люди живут в нашей стране, они не забудут, как защищался Гуннар.

Он пошел к Раннвейг и сказал:

— Дашь ты нам похоронить двоих убитых из наших людей на твоей земле?

— Охотно дам землю двоим, но еще охотнее вам всем, — ответила она.

— Тебе можно простить, что ты говоришь так, — сказал он, — потому что велика твоя потеря.

И он велел, чтобы никто ничего не грабил и не разрушал. Затем они уехали.

Тут Торгейр, сын Старкада, сказал:

— Нам нельзя оставаться в своих домах из-за сыновей Сигфуса, разве что ты, Гицур, или ты, Гейр, побудете некоторое время здесь, на юге.

И они бросили жребий, кому из них оставаться, и жребий выпал Гейру. Потом он отправился на Мысок и стал там жить. У него был сын по имени Хроальд. Он прижил его вне брака.

Мать Хроальда звали Бьяртей, она была сестрой Торвальда Хворого, который был убит у Конского Ручья на Гримовом Мысу. Хроальд хвалился тем, что он нанес Гуннару смертельную рану. Теперь Хроальд стал жить с отцом. Торгейр, сын Старкада, хвастался другой раной, которую он нанес Гуннару. Гицур оставался дома, на Мшистой Горе. Повсюду люди осуждали убийство Гуннара, и многие оплакивали его смерть.

LXXVIII

Ньяль был очень опечален смертью Гуннара, так же как и сыновья Сигфуса. Они спросили Ньяля, можно ли предъявить иск по поводу убийства Гуннара или вообще начать тяжбу. Он ответил, что нельзя, раз Гуннар был объявлен вне закона, и что лучше унижить врагов, убив

нескольких из них в отместку за Гуннара.

Насыпали курган, и в нем похоронили Гуннара сидя. Раннвейг не захотела, чтобы копье Гуннара положили в курган. Она сказала, что пусть лишь тот возьмет его в руки, кто захочет отомстить за Гуннара. К копью Гуннара поэтому никто не притронулся. Раннвейг была так зла на Халльгерд, что едва сдерживалась, чтобы не убить ее. Она говорила, что её сын погиб из-за нее. Тогда Халльгерд переселилась на Каменистую Реку со своим сыном Грани. Они поделили свое имущество: Хёгни получил землю в Конце Склона и все хозяйство там, а Грани получил земли, которые сдавались внаем.

Как-то раз случилось в Конце Склона, что пастух и работница гнали скот мимо Гуннарова кургана, и им почудилось, что Гуннар веселится и поет в кургане. Они пошли домой и рассказали об этом матери Гуннара Раннвейг, а она велела сказать об этом Ньялю. Они отправились на Бергторов Пригорок и рассказали о случившемся Ньялю. Он попросил их повторить рассказ три раза. После этого он долго разговаривал со Скарпхеდიном вполголоса. Тот взял свою секиру и отправился в Конец Склона. Хёгни и Раннвейг приняли его очень хорошо и очень обрадовались ему. Раннвейг попросила его остаться у них подольше, и он согласился. Он и Хёгни всегда были вместе. Хёгни был человек отважный и во всем искусный, но недоверчивый, и поэтому они не посмели рассказать ему о том, что случилось.

Однажды Скарпхедин и Хёгни были на южной стороне Гуннарова кургана. Ярко светила луна, но иногда набегало облако.

Им показалось, что кургаи раскрылся и что Гуннар повернулся в нем и смотрит на луну. Им почудилось, будто в кургане горят четыре огня, и в нем очень светло, и будто Гуннар весел, и лицо у него радостное. Он сказал вису, притом так громко, что его было бы слышно, если бы они стояли и дальше:

— Молвил отец Хёгни,
Посох богини павших^[174],
Тот, чье сердце не знало
Страху на поле брани:
Вовек шлемоносный воин
В вихре дротов^[175] не дрогнет,
Скорее умрет, чем отступит,
Скорее умрет, чем отступит.
После этого курган закрылся.

— Ты бы поверил этому, если бы другие рассказали об этом тебе? — спросил Скарпхедин.

— Поверил бы, — говорит тот, — если бы Ньяль рассказал мне это, потому что я слышал, что он никогда не говорит неправды.

— Неспроста, — говорит Скарпхедин, — он сам явился нам и сказал, что скорее бы умер, чем уступил своим врагам. Это он дает нам совет.

— Я ничего не смогу сделать, — говорит Хёгни, — если ты не будешь мне помогать.

— Я не забыл, — говорит Скарпхедин, — как поступил Гуннар после убийства вашего родича Сигмунда. Я помогу тебе, как сумею. Ведь мой отец обещал Гуннару, что мы поможем тебе или его матери.

После этого они пошли домой, в Конец Склона.

LXXIX

— Поедем сегодня же ночью, — говорит Скарпхедин, — потому что если они узнают, что я здесь, то станут осторожнее.

— Пусть будет по-твоему, — говорит Хёгни.

Когда все улеглись спать, они взяли оружие. Хёгни снял копье Гуннара, и оно громко зазвенело. Раннвейг, вне себя от гнева, вскочила и сказала:

— Кто берет копье Гуннара, когда я запретила трогать его?

— Я хочу, — говорит Хёгни, — отдать его моему отцу, пусть оно будет с ним в Вальгалле^[176] и он там сражается им.

— До этого ты еще сам сразишься им и отомстишь за отца, потому что оно предсказывает смерть — одного или нескольких.

Хёгни вышел во двор и передал Скарпхедину свои разговор с бабушкой. Затем они направились на Мысок. Два ворона всю дорогу летели за ними^[177].

Ночью они добрались до Мыска и погнали скот к домам. Тогда из дома выскочили Хроальд и Тьёрви и стали отгонять скот обратно. Оба были при оружии. Скарпхедин вскочил и сказал:

— Нечего тебе осматриваться, ты не ошибаешься!

И Скарпхедин нанес Тьёрви смертельный удар. У Хроальда в руке было копье. Хёгни бросился на него, и Хроальд хотел ударить Хёгни копьем, но тот перерубил древко и пронзил его копьем Гуннара. Затем они

оставили убитых и отправились под Треугольную Гору.

Скарпхедин подбежал к дому и стал вырывать траву. Те, кто были внутри, подумали, что это скот. Старкад и Торгейр схватили оружие и одежду и выбежали во двор. Но когда Старкад увидел Скарпхедина, он испугался и хотел повернуть обратно. Скарпхедин зарубил его у ограды, а Хёгни подбежал к Торгейру и убил его копьем Гуннара.

Оттуда они направились в Капище. Мёрд был на лугу перед домом. Он стал просить пощады и предложил помириться. Скарпхедин рассказал Мёрду об убийстве тех четверых и прибавил:

— А ты либо отправишься той же дорогой, либо предоставишь Хёгни самому рассудить вас, если только он согласится.

Хёгни ответил, что не собирался мириться с убийцей своего отца, но в конце концов все же согласился сам решить дело.

LXXX

Ньяль немало помог тому, что родичи Старкада и Торгейра согласились на примирение. Был созван тинг и выбраны судьи. Было сосчитано все, даже нападение на Гуннара, хотя он и был вне закона. Мёрд заплатил сполна всю разницу^[178], потому что решение по его делу вынесли только после того, как решили дело Скарпхедина и Хёгни. Тогда состоялось полное примирение.

На тинге было много разговоров о тяжбе Гейра Годи и Хёгни^[179]. Она кончилась тем, что они помирились и с тех пор жили в мире. Гейр Годи до самой смерти прожил на Склоне, и больше о нем в этой саге рассказываться не будет. Ньяль сосватал Хёгни Альвхейд, дочь Ветрлиди Скальда, и тот женился на ней. Их сыном был Ари, который уплыл на Шотландские острова и там женился. Его потомком был Эйнар Шотландец, очень доблестный человек. Хёгни и Ньяль оставались друзьями, но о Хёгни больше не будет рассказываться в этой саге.

LXXXI

Теперь надо рассказать о Кольскегге. Он приехал в Норвегию и пробыл зиму в Вике, а на следующее лето поехал в Данию и стал служить конунгу Свейну Вилобородому. Он был у него в большой чести.

Однажды ночью ему приснилось, будто к нему пришел какой-то человек, весь в сиянии, разбудил его и сказал:

— Встань и иди со мной!

— Что тебе от меня нужно? — спросил Кольскегг.

— Я найду тебе жену, и ты будешь моим рыцарем.

И будто он согласился. На этом он проснулся.

Потом он пошел к одному мудрому человеку и рассказал ему свой сон. Тот растолковал этот сон так, что он отправится в южные страны и станет рыцарем господним.

Кольскегг крестился в Дании, но там ему пришлось не по душе, и он отправился на восток, в Гардарики, и пробыл там зиму. Оттуда он поехал в Миклагард и вступил там в варяжскую дружину. Последнее, что о нем слышали, было, что он там женился, был предводителем варяжской дружины и оставался там до самой смерти. Больше о нем в этой саге рассказываться не будет.

LXXXII

Теперь надо рассказать о том, что Траин, сын Сигфуса, приехал в Норвегию. Они пристали к берегу у Халогаланда, а оттуда поплыли на юг, в Трандхейм, в Хладир. Как только ярл Хакон узнал про это, он послал к ним людей, чтобы те узнали, кто они такие. Они вернулись и сказали ему. Тогда ярл послал за Траином, сыном Сигфуса, и тот явился к нему. Ярл спросил, какого он рода. Траин ответил, что он близкий родич Гуннара с Конца Склона. Ярл сказал:

— Тем лучше для тебя, потому что я видал много исландцев, но не видал равных ему.

Траин сказал:

— Государь, разрешите мне остаться у вас на зиму.

Ярл разрешил. Траин пробыл у него зиму и был в большой чести.

Жил человек по имени Коль. Он был викинг. Он был сыном Асмунда Ясеновый Бок из Смаланда. Его становище было на реке Гаутельве. У него было пять кораблей и большая дружина. С Гаутельвы он поплыл в Норвегию, высадился на берег в Вестфольде и напал на Халльварда Соти. Они нашли Халльварда на чердаке. Он храбро защищался там, пока они не подожгли дом. Тогда он сдался, но они убили его и, захватив большую добычу, отправились в Льодхус. Ярл Хакон услышал об этом и велел объявить Коля вне закона по всей стране и положил награду за его голову.

Однажды ярл сказал так:

— Плохо, что нет здесь Гуннара с Конца Склона. Он бы убил моего врага, которого я объявил вне закона, если бы был здесь. А теперь исландцы убьют Гуннара. Жаль, что он не приехал к нам.

Траин, сын Сигфуса, ответил:

— Я не Гуннар, однако же я его родич, и я готов отправиться в поход на твоего врага.

Ярл сказал:

— Я охотно принимаю твое предложение и хорошенько снаряжу тебя в поход.

Тогда Эйрик, сын ярла, сказал:

— Ты многим дал хорошие обещания, но неизвестно, удастся ли тебе их исполнить. Поход будет очень трудным, потому что викинг этот свирей и справиться с ним нелегко. Тебе придется тщательно выбрать людей и корабли для этого похода.

Траин сказал:

— Я отправляюсь в поход, каким бы он ни был трудным.

Ярл дал ему пять кораблей с гребцами. С ним поплыли Гуннар, сын Ламби, и Ламби, сын Сигурда. Гуннар был племянником Траина и жил у него смолоду. Они очень любили друг друга. Сын ярла Эйрик пошел с ними. Он проверил оружие и людей и отдал распоряжения, какие ему показались нужными. Затем, когда они снарядились, Эйрик дал им провожатого.

Они поплыли на юг вдоль берега, и где бы ни приставали, получали, по распоряжению ярла, все, что им было нужно. Они поплыли на восток, в Льодхус. Тут они узнали, что Коль уплыл на восток, в Данию. Они тоже поплыли туда. Когда они приехали на юг, в Хельсингьяборг, они встретили там лодку с людьми. Эти люди сказали, что Коль неподалеку и пробудет там еще некоторое время. Погода в тот день стояла хорошая.

Тут Коль увидел подплывавшие корабли и сказал, что в эту ночь ему снился ярл Хакон и что это, наверное, его люди, и велел своим людям взяться за оружие. Затем они приготовились к защите, и битва началась.

Они бились долго, но никто не мог победить. Тогда Коль вскочил на корабль Траина, мечом расчистил себе путь и убил много людей. На нем был золоченый шлем. Тут Траин увидел, что так не годится. Он стал подбадривать своих людей, а сам бросился вперед и схватился с Кодем. Коль ударил мечом в щит Траина, так что щит раскололся. Но тут в руку Коля попал камень, и меч выпал у него из рук. Тогда Траин ударил Коля мечом и отрубил ему ногу. После этого они убили Коля. Траин отрубил ему

голову и выбросил тело за борт, а голову сохранил.

Они взяли там богатую добычу, и поплыли в Грандхейм, и явились к ярлу. Ярл принял Траина хорошо. Тот показал ему голову Коля, и ярл поблагодарил его за подвиг. Тогда Эйрик сказал, что его надо наградить не только словами. Ярл ответил, что это верно, и попросил Траина пройти с ним. Они пошли туда, где для ярла строили корабли. По распоряжению ярла там был построены корабль, непохожий на обычные боевые корабли. Он был богато украшен, и на носу у него была голова коршуна.

Ярл сказал:

— Ты любишь красивые и богатые вещи, Траин. Да и родич твой Гуннар любил их. Так вот, я хочу подарить тебе этот корабль. Он называется «Коршун». Пусть этот подарок будет знаком моего расположения к тебе. Я хочу, чтобы ты оставался у меня, сколько тебе захочется.

Траин поблагодарил ярла за подарок и сказал, что ему пока не хочется ехать в Исландию.

Ярл должен был отправиться в поход на восток, к границе, чтобы встретиться с шведским конунгом. Траин все лето сопровождал ярла. Он был кормчим на «Коршуне» и правил им так искусно, что мало кто мог с ним сравниться, и ему очень завидовали. Видно было, что ярл высоко ценил Гуннара, потому что осаживал каждого, кто задевал Траина.

Траин пробыл у ярла всю зиму. Весною ярл спросил Траина, что он собирается делать: остаться в Норвегии или поехать в Исландию, но тот ответил, что еще сам не решил и что хотел бы раньше подождать вестей из Исландии. Ярл сказал, что пусть будет так, как ему хочется, и Траин остался у ярла. Тут пришла весть из Исландии о смерти Гуннара с Конца Склона. Многим показалось это большим событием. Тогда ярл не пожелал, чтобы Траин уехал в Исландию, и он остался.

LXXXIII

Теперь надо рассказать о том, что Грим и Хельги, сыновья Няля, уехали из Исландии в то самое лето, что и Траин со своими людьми. Они были на корабле Олава из Эльды, сына Кетиля, и Барда. Их застиг в пути такой сильный северный ветер, что их отнесло к югу, и был такой густой туман, что они не знали, где плывут, и они долго пробыли в открытом море. Наконец они оказались на очень мелком месте и решили, что, наверное, недалеко земля. Сыновья Няля спросили, не знает ли Бард, что за страны

лежат неподалеку.

— Это могут быть разные страны, — сказал тот, — смотря какой ветер пригнал нас сюда, — Оркнейские острова, или Шотландия, или Ирландия.

Через два дня они увидели землю по обоим бортам и большие буруны во фьорде. Они бросили якорь перед бурунами. Непогода стала стихать и к утру улеглась, и тут они видят, что от берега к ним направляются тринадцать кораблей.

Тогда Бард сказал:

— Что нам теперь делать? Ведь эти люди нападут на нас.

И они стали решать, защищаться им или сдаваться, но не успели они принять решение, как викинги подплыли к ним. Они спросили друг друга, как звать старших на кораблях. Старшие торговых людей назвали себя и спросили в ответ, кто стоит во главе дружины викингов. Те назвались Грьотгардом и Снекольвом, сыновьями Моддана из Дунгальсбёра в Шотландии, родичами короля скоттов Мелькольва.

— Мы предлагаем вам на выбор, — сказал Грьотгард, — либо вы сойдете на берег, а мы возьмем ваше добро, либо мы будем биться с вами и уьем всех, кого сможем.

Хельги ответил:

— Торговые люди хотят защищаться.

Тогда торговые люди сказали:

— Будь ты проклят за свои слова! Где нам защищаться? Да и жизнь добра дороже!

Тогда Грим стал кричать викингам так, чтобы заглушить гневный ропот торговых людей. Бард и Олав сказали:

— Подумайте о том, что исландцы будут насмехаться над вашей трусостью! Берите лучше оружие и защищайтесь!

Тогда они все взяли за оружие и дали друг другу клятву не сдаваться до тех пор, пока смогут защищаться.

LXXXIV

Викинги стали стрелять в них, и начался бой. Торговые люди храбро защищались. Снекольв бросился на Олава и проткнул его своим копьем. Грим с такой силой ударил Снекольва копьем, что тот упал за борт. Тут Хельги встал рядом с Гримом, и они прогнали с корабля всех викингов. Сыновья Няля были всегда там, где в них больше всего была нужда. Викинги кричали торговым людям, чтобы те сдавались, но они отвечали,

что они никогда не сдадутся.

В этот миг их взгляд упал на море. Они увидели, что с юга, из-за мыса, выходят не меньше десяти кораблей и быстро приближаются к ним, а на кораблях — щит к щиту. На корабле, который шел первым, у мачты стоял человек. Он был одет в шелковую одежду, и на голове у него был золоченый шлем. Волосы у него были длинные и красивые, а в руке он держал золоченое копьё. Он спросил:

— Кто это играет здесь в такую неравную игру?

Хельги назвал себя и сказал, что их противников зовут Грьотгард и Снекольв.

— А кто хозяева кораблей? — спросил он.

Хельги ответил:

— Только один из них остался в живых — Бард Черный, другой, который звался Олавом, убит в бою.

— Вы исландцы? — спросил он.

— Конечно, — сказал Хельги.

Он спросил их, чьи они сыновья. Они ответили ему. Тогда он понял, кто перед ним, и сказал:

— Далеко известны ваши имена.

— А кто ты? — спросил Хельги.

— Я Карп, сын Сельмунда.

— Откуда ты плывешь? — спросил Хельги.

— С Гебридских островов.

— Ты приплыл вовремя, — сказал Хельги, — если хочешь помочь нам немного.

— Я готов помочь вам, как смогу, — сказал Кари, — но чего вы просите?

— Чтобы ты напал на них, — сказал Хельги.

Кари сказал, что согласен. Они напали на викингов, и битва началась во второй раз. Вскоре Кари вскочил на корабль Снекольва. Тот повернулся к нему и хотел ударить его мечом. Кари отпрыгнул назад через балку, которая лежала поперек корабля. Снекольв так ударил по балке, что все лезвие меча вошло в нее. Тогда Кари ударил его мечом в плечо. Удар был такой сильный, что меч отсек руку от плеча, и Снекольв сразу умер. Тут Грьотгард метнул копьё в Кари. Кари увидел это и подпрыгнул, так что копьё в него не попало. В это время к Кари подоспели Хельги и Грим. Хельги бросился на Грьотгарда и проткнул его своим мечом, так что тому пришел конец. Тогда они прошли через все корабли. Викинги стали просить пощады. Они оставили жизнь всем, но взяли все добро. После

этого они поплыли на кораблях в море к островам.

LXXXV

Оркнейскими островами правил ярл по имени Сигурд. Он был сын Хлёдвира, внук Торфинна Кроителя Черепов, правнук Эйнара Торфяного, праправнук Рёгнвальда, ярла из Мёри, и прапраправнук Эйстейна Гремушки. Кари был дружинником ярла Сигурда. Он возвращался с Гебридских островов, где получал дань с ярла Гилли. Кари предложил сыновьям Ньяля поехать с ним на остров Лошадиный^[180]. Он сказал, что ярл их хорошо примет. Они согласились, и поплыли с Кари, и приехали на остров Лошадиный. Кари проводил их к ярлу и сказал ему, что это за люди.

— Как они встретились тебе? — спросил ярл.

— Я встретил их в шотландских фьордах. Они сражались там с сыновьями ярла Моддана и так храбро защищались, что все время бросались от одного борта к другому и всегда были там, где в них больше всего была нужда. Я хочу предложить им остаться в твоей дружине.

— Пусть будет по-твоему, — сказал ярл, — раз ты уж и раньше оказал им такую помощь.

Они пробыли у ярла зиму и были в большой чести. Но со временем Хельги стал молчаливее. Ярл не понимал, что это означает, и спросил его, почему он так молчалив и чем он недоволен.

— Может быть, тебе не нравится здесь? — говорит ярл.

— Нет, мне здесь нравится, — говорит Хельги.

— Так что же тогда тебя заботит? — говорит ярл.

— Есть ли у вас владения в Шотландии? — говорит Хельги.

— Как будто есть, — говорит ярл, — а что?

Хельги говорит:

— Похоже на то, что скотты убили вашего наместника и перехватили всех лазутчиков, чтобы ни один из них не перешел через пролив Петтландсфьорд^[181].

Ярл спросил:

— Ты ясновидец?

— Это еще не проверено, — ответил Хельги.

— Я окажу тебе еще большие почести, — сказал ярл, — если окажется, что ты прав. В противном случае тебе придется поплатиться.

— Не такой он человек, — сказал Кари, — Он, наверное, говорит

правду, потому что его отец ясновидец.

После этого ярл послал людей на юг, на остров Страумей^[182], к своему наместнику Арнльоту. А Арнльот послал людей на юг, через пролив Петтландсфьорд. Те расспросили там народ и узнали, что ярлы Хунди и Мельснати убили в Трасвике^[183] свояка ярла Сигурда Хаварда. Арнльот послал тогда сказать ярлу Сигурду о том, чтобы тот приехал на юг с большой дружиной и прогнал этих ярлов из страны.

LXXXVI

Как только ярл узнал об этом, он собрал большое войско. Затем он отправился с этим войском на юг, и с ним Кари и сыновья Ньяля. Они приехали на Катанес^[184]. Ярлу принадлежали в Шотландии Росс и Мюреви, Сюдриланд и Далир. Из этих мест к ним пришли люди и сказали, что ярлы неподалеку с большим войском.

Тогда ярл Сигурд повел туда свое войско. Место, у которого они встретились, называется мысом Дунгальсгнипа^[185]. Началась жестокая битва. Скотты пустили часть войска в обход, и те напали сзади на людей ярла, и там полегло много народу, пока сыновья Ньяля не обратились против них и не заставили их бежать. Разгорелся еще более жестокий бой. Хельги с братом бросились вперед к знамени ярла и храбро сражались. Кари встретился с ярлом Мельснати, и Мельснати бросил копье в Кари, но Кари бросил копье обратно, и оно пронзило ярла. Тогда ярл Хунди обратился в бегство.

Они преследовали бегущих, пока не услышали, что Мелькольв собрал в Дунгальсбёре большое войско. Тогда ярл стал держать совет со своими людьми, и все говорили, что нужно вернуться и что нельзя биться с таким большим войском, и они вернулись.

Когда ярл приехал на Страумей, они поделили добычу. Потом он поплыл на север, на остров Лошадиный, и с ним были сыновья Ньяля и Кари. Ярл устроил большой пир, и на этом пиру он подарил Кари добрый меч и золоченое копье, Хельги — золотое запястье и плащ, а Гриму — щит и меч. Он сделал Грима и Хельги своими дружинниками и поблагодарил их за храбрость в битве.

Они пробыли у ярла эту зиму и еще лето, пока Кари не отправился в поход. Они поплыли с ним, и много воевали в это лето, и всюду одерживали победы. Они бились с конунгом Гудрёдом с острова Мэн, и

победили его, и, взяв большую добычу, вернулись назад. Они снова пробыли у ярла всю зиму.

Весною сыновья Ньяля попросились съездить в Норвегию. Ярл сказал, что они могут ехать, куда хотят, и дал им хороший корабль и сильных гребцов. Кари сказал, что он приедет летом в Норвегию с данью для ярла Хакона и что они там встретятся. Так они и договорились. После этого сыновья Ньяля вышли в море, поплыли в Норвегию и подошли к Грандхейму.

LXXXVII

Жил человек по имени Кольбейн. Он был сыном Арнльота. Он был родом из Грандхейма. В то лето, когда Траин и сыновья Ньяля поехали в Норвегию, он поехал в Исландию. Следующую зиму он пробыл на востоке, в Широкой Долине, и затем, летом, он снарядил в Заливе Гаути свой корабль. Когда они были готовы, к ним подъехал на лодке какой-то человек и привязал лодку к кораблю, а сам поднялся на корабль, чтобы поговорить с Кольбейном. Кольбейн спросил, как его зовут.

— Мое имя Храпп, — говорит тот.

— Что тебе нужно от меня? — спрашивает Кольбейн.

— Я хочу попросить тебя, — говорит Храпп, — чтобы ты перевез меня через море.

— А кто твой отец? — спрашивает Кольбейн.

Храпп отвечает:

— Я сын Эргумлейди и внук Гейрольва Вояки.

Кольбейн спрашивает:

— Почему тебе надо уехать?

— Я убил человека, — говорит Храпп.

— Кого же ты убил? — спрашивает Кольбейн. — И кто будет мстить тебе за него?

Храпп отвечает:

— Я убил Эрлюга, сына Эрлюга, внука Хродгейра Белого, и люди с Оружейного Фьорда будут мстить мне за него.

— Думается мне, — говорит Кольбейн, — что плохо придется тому, кто перевезет тебя.

— Я друг моему другу, но мщу, если мне делают зло, а кроме того, у меня нет недостатка в деньгах, чтобы заплатить за переезд.

И Кольбейн взял его с собой.

Вскоре подул попутный ветер, и они вышли в море. У Храппа в море кончились припасы, и он подсел к тем, кто был рядом, но те стали поносить его. Слово за слово — и началась драка. Храпи сразу же побил двоих. Об этом сказали Кольбейну, и тот сказал Храппу, что поделится с ним припасами, и Храпи согласился.

Они подошли к берегу и стали у мыса Агданес. Тогда Кольбейн спросил, где деньги, которые Храпи обещал за переезд. Храпи ответил:

— Они в Исландии.

— Ты, наверно, еще многих обманешь, кроме меня, но все же я прощаю тебе.

Храпи поблагодарил его и спросил:

— Что же ты мне посоветуешь на прощанье?

— Во-первых, — сказал Кольбейн, — поскорее убирайся с корабля, потому что все норвежцы будут дурно говорить о тебе, а во-вторых, никогда не обманывай того, кто оказывает тебе услугу.

После этого Храпи сошел на берег со своим оружием. У него была большая секира с рукоятью, увитой золотой нитью. Он шел, пока не пришел в Долины, к Гудбранду^[186]. Гудбранд был большим другом ярла Хакона. Они вместе владели капищем, которое открывали, только когда приезжал ярл. Оно было одно из двух самых больших капищ в Норвегии, второе было в Хладире. Сына Гудбранда звали Трандом, а дочь — Гудрун.

Храпи стал перед Гудбрандом и учтиво поздоровался с ним. Тот спросил его, кто он такой. Храпи назвал себя и сказал, что он из Исландии. Затем он попросил Гудбранда, чтобы тот взял его к себе. Гудбранд сказал:

— Не кажется мне, чтобы ты был удачливым человеком.

— Сдается, что люди лгут, — ответил Храпп, — когда говорят, что ты принимаешь всех, кто тебя попросит об этом, и что нет человека щедрее тебя. Но я буду говорить иначе, если ты не примешь меня.

Гудбранд сказал:

— Ты останешься здесь.

— А где ты велишь мне сесть? — спросил Храпп.

— На нижней скамье против моего почетного сиденья.

Храпи уселся на свое место. У него было много о чем порассказать, и сначала это нравилось Гудбранду и многим другим. Но потом многим стало казаться, что он слишком много балагурит.

А затем он начал часто беседовать с Гудрун, так что многие стали поговаривать, что он, наверно, одурачит ее. Когда Гудбранд узнал об этом, он крепко выбранил ее за то, что она разговаривала с Храппом, и велел ей остерегаться говорить с ним о чем-нибудь, если другие не слышат. Она

сначала держала свое слово, но вскоре все опять вошло во-старому. Тогда Гудбранд велел своему надсмотрщику Асварду всюду ходить за ней, куда бы она ни шла.

Однажды случилось, что она отпросилась погулять в орешнике, и Асвард отправился с ней. Храпи пошел следом и нашел их. Он взял ее за руку и увел. Асвард начал искать ее и нашел их лежащими в кустах. Он подбежал к ним с поднятой секирой и хотел ударить Храппа по ноге, но тот быстро вывернулся, и удар пришелся мимо. Храпи мигом вскочил на ноги и схватил свою секиру. Асвард хотел убежать, но Храпи разрубил ему спину. Тогда Гудруи сказала:

— После того что ты сейчас сделал, тебе нельзя больше оставаться у моего отца. Однако он будет разгневан еще больше другим: я беременна.

Храпи говорит:

— Об этом он узнает от меня самого. Я пойду домой и скажу ему и о том и о другом.

— Тогда тебе не уйти живым, — говорит она.

— Будь что будет, — говорит он.

После этого он отвел ее к другим женщинам, а сам пошел домой. Гудбранд сидел на почетном сиденье, и с ним было мало народу. Храпи стал перед ним, держа секиру. Гудбранд спросил:

— Отчего у тебя секира в крови?

— Я вылечил Асварда от боли в спине.

— Вряд ли ты хотел сделать ему добро, — говорит Гудбранд, — ты, видно, убил его.

— Верно, — говорит Храпп.

— За что же? — спрашивает Гудбранд.

— Вам это, наверное, покажется мелочью, — говорит Храпп, — он хотел отрубить мне ногу.

— А что же ты такое сделал? — спрашивает Гудбранд.

— Что я сделал, его вовсе не касалось, — говорит Храпп.

— Все же скажи, что это было.

Храпи сказал:

— Если уж ты так хочешь знать, то я лежал с твоей дочкой, а ему это не понравилось.

Гудбранд сказал:

— Люди! Схватите его и убейте!

— Мало же ты чтешь меня, твоего зятя, — говорит Храпп. — Однако нет у тебя таких людей, которые могли бы схватить меня.

Люди бросились к нему, но он вывернулся. Они побежали следом, но

он скрылся в лесу, и они не поймали его. Гудбранд собрал народ и велел обыскать лес, но Храппа не нашли, потому что лес был большой и густой.

Храпи шел по лесу, пока не набрел на прогалину. Там он увидел жильё и человека, который рубил дрова на дворе. Он спросил этого человека, как его зовут, и тот назвался Тови, а Тови спросил, как его зовут, и он назвался Храппом, как его и звали. Храпи спросил, почему он живет так далеко от других людей.

— Потому, — ответил тот, — что здесь я могу не водиться с другими людьми.

— Странные у нас с тобой дела, — сказал Храпп. — Но я раньше скажу тебе, кто я такой. Я жил у Гудбранда в Долинах и убежал оттуда, потому что я убил его надсмотрщика. Но я знаю, что мы оба злодеи, потому что ты не ушел бы сюда от других людей, если бы не должен был скрываться от кого-нибудь. Я предлагаю тебе на выбор: либо я расскажу о тебе людям, либо все, что здесь есть, будет принадлежать нам обоим.

Тови ответил:

— Ты сказал верно. Я похитил женщину, которая живет здесь со мной, и многие искали меня.

Потом он провел Храппа к себе. Постройки у него были небольшие, но прочные. Тови сказал жене, что позволил Храппу остаться у них.

— Вряд ли принесет кому-нибудь счастье этот человек, — сказала та. — Но пусть будет по-твоему.

И Храпи остался у них. Он много бродил и никогда не бывал дома. Он ходил все время на свиданья с Гудрун. Гудбранд и его сын Гранд подстерегали его, но им никак не удавалось поймать его. Так прошел целый год.

Гудбранд велел рассказать ярлу Хакону о том, какое зло причинил ему Храпп, и ярл велел объявить Храппа вне закона и положить награду за его голову. Он обещал сам поехать изловить его. Но не поехал, потому что ему казалось, что поймать Храппа дело нетрудное, раз он сам так неосторожен.

LXXXVIII

Теперь надо рассказать о том, что летом сыновья Ньяля отправились с Оркнейских островов в Норвегию и были там летом на торжище. Траин, сын Сигфуса, снаряжал тогда свой корабль, чтобы плыть в Исландию, и был почти готов.

В это время ярл Хакон приехал к Гудбранду на пир. Ночью Храпи

Убийца прокрался к капищу ярла и Гудбранда и вошел в него. Он увидел там сидящую Торгерд, жену Хельги^[187]. Она была ростом со взрослого мужчину. На руке у нее было большое золотое запястье, а на голове — убор из полотна. Он сорвал с нее этот убор и снял золотое запястье. Тут он увидел Тора на колеснице и снял с него другое золотое запястье. Третье он снял с Ирпы^[188]. Затем он вытащил всех богов из капища и снял с них все убранство. Потом он поджег капище и спалил его. После этого он ушел. В это время уже начало светать.

Вот он идет по полю. Вдруг выскакивают шесть вооруженных людей и бросаются на него. Он храбро защищается. Дело кончается тем, что он убивает троих и смертельно ранит Транда, а двое убегают в лес, так что они не могли рассказать ярлу о том, что случилось. Затем он подошел к Транду и сказал:

— Я мог бы сейчас убить тебя, но не сделаю этого. Я окажу тебе, моему шурина, больше почести, чем ты со своим отцом оказали мне.

Тут Храпи хочет вернуться обратно в лес, но видит, что между ним и лесом появились люди. Он не решается идти в лес, а ложится в кустах и затаивается.

Ярл Хакон и Гудбранд пошли в тот день рано утром в капище и увидели, что оно сожжено, а боги — на дворе, и все убранство с них снято. Тогда Гудбранд сказал:

— Великая сила дана нашим богам, раз они сами вышли из огня.

— Не боги это сделали, — сказал ярл. — Это, верно, человек сжег капище и вынес богов. Но боги мстят не сразу. Человек, который сделал это, будет изгнан из Вальгаллы и никогда не вернется туда.

В этот миг к ним подбежали четверо из людей ярла и рассказали о несчастье, которое случилось: они нашли в поле трех человек убитыми и Транда смертельно раненным.

— Чьих рук это дело? — спросил ярл.

— Храппа Убийцы, — сказали они.

— Значит, и капище сжег он, — сказал ярл.

Они сказали, что похоже на то.

— Где бы он мог теперь быть? — спросил ярл.

Они ответили, что, по словам Транда, Храпи спрятался где-то в кустах. Ярл отправился туда на поиски, но Храпна там уже не было. Ярл велел людям искать его, но они его не нашли. Ярл сам искал вместе со всеми. Потом он сказал, что надо немного отдохнуть. Сам он ушел ото всех и запретил идти за собой. Он пробыл некоторое время один, стоя на коленях

и закрыв глаза руками. Затем он вернулся к своим людям и сказал:

— Идите за мной.

Они отправились за ним. Он пошел в сторону от дороги, по которой они шли раньше, и пришел в небольшую лощину. Вдруг перед ними вскочил Храпп, который спрятался там. Ярл велел своим людям бежать за Храппом, но тот был так проворен, что они не смогли догнать его. Храпи пустился в Хладир.

В это время Траин, сын Сигфуса, и сыновья Няля были готовы выйти в море. Храпи подбежал к сыновьям Няля и сказал:

— Спасите меня, добрые люди! Ярл хочет убить меня.

Хельги посмотрел на него и сказал:

— Мне кажется, что ты неудачливый человек, и лучше будет тому, кто не возьмет тебя.

— Я бы хотел, — говорит Храпп, — принести вам много несчастья.

— Дай срок, — говорит Хельги, — и я отомщу тебе за эти слова.

Тогда Храпи побежал к Траину, сыну Сигфуса, и попросил у него помощи.

— Что же грозит тебе? — спросил Траин.

— Я сжег капище ярла и убил несколько человек. Он скоро будет здесь, потому что он сам гонится за мной.

— Не пристало мне это, — говорит Траин. — Ярл сделал мне много добра.

Тогда Храпи показал ему сокровища, которые унес из капища, и предложил ему. Траин сказал, что возьмет их лишь за деньги. Храпи сказал:

— Я останусь здесь, и меня убьют на твоих глазах, и тогда все люди будут укорять тебя.

Тут они увидели, что едет ярл и его люди. Тогда Траин согласился взять Храппа, велел приготовить лодку и поплыл к кораблю. Он сказал:

— Чтобы тебе спрятаться получше, надо выбить дно у двух бочек, а тебе залезть в них.

Так и сделали. Храпи залез в бочки, их связали вместе и бросили за борт. Тут подъехал ярл со своими людьми к сыновьям Няля и спросил, не было ли здесь Храппа. Они сказали, что был, Ярл спросил, куда он делся. Они сказали, что не знают. Ярл сказал:

— Тот, кто скажет мне, где Храпп, получит от меня большую награду.

Тогда Грим тихо сказал Хельги:

— Почему бы нам не сказать? Я не уверен, что Трапи оплатит нам добром за то, что мы не скажем.

— И все же не надо говорить, — сказал Хельги. — Ведь его жизнь

зависит от этого.

Грим сказал:

— Может статься, что ярл будет мстить нам, потому что он в таком гневе, что должен сорвать его на ком-нибудь.

— Не стоит об этом думать, — сказал Хельги. — Однако надо уходить в море, как только будет можно.

Они подплыли к одному острову и стали ждать попутного ветра. Ярл ходил от одного корабельщика к другому и расспрашивал их, но они отвечали, что ничего не знают о Храппе. Тогда ярл сказал:

— Пойдемте теперь к моему другу Траину. Он выдаст Храппа, если что-нибудь знает о нем.

Они сели на боевой корабль и поехали к кораблю Траина. Тот увидел, что подъезжает ярл, встал и учтиво поздоровался с ним. Ярл приветливо ответил ему и сказал:

— Мы ищем одного исландца по имени Храпп. Он наделал нам много всякого зла. Мы хотим попросить вас, чтобы вы выдали его нам или сказали, где он.

Траин сказал:

— Государь! Вы знаете, что я с опасностью для жизни убил человека, которого вы объявили вне закона, и я получил за это от вас большие почести.

— Теперь почести будут еще больше, — сказал ярл.

Траин задумался о том, что ярл оценит выше^[189], но все же сказал, что Храппа у него нет, и предложил ярлу обыскать корабль. Ярл искал недолго. Потом он сошел на берег, отошел от всех и был в таком гневе, что никто не решался говорить с ним. Ярл сказал:

— Проводите меня к сыновьям Няля, и я заставлю их сказать мне правду.

Тогда ему сказали, что они вышли в море.

— Значит, поздно, — сказал ярл. — Однако возле корабля Траина были две бочки, и в них мог бы спрятаться человек. Если Траин спрятал Храппа, то он должен быть там. Поедем к нему снова на корабль.

Траин увидел, что ярл снова направляется к нему, и сказал:

— В прошлый раз ярл был в сильном гневе, но сейчас его гнев вдвое сильнее. Дело идет о жизни всех, кто здесь на корабле.

Все обещали молчать, потому что каждый из них очень боялся за себя. Они взяли из кладя несколько мешков, а на их место положили Храппа. Сверху они накрыли его другими, более легкими мешками. Когда они кончили, подплыл ярл. Траин учтиво приветствовал его. Ярл не сразу

ответил на его приветствие. Все увидели, что ярл в сильном гневе. Ярл сказал Траину:

— Выдай мне Храппа, потому что я наверное знаю, что ты спрятал его.

— Где же я мог спрятать его, государь? — говорит Траин.

— Тебе это лучше знать, — говорит ярл, — но, по-моему, раньше ты прятал его в бочках.

— Я не хочу, государь, чтобы вы подозревали меня во лжи. Лучше общитесь корабль.

Тогда ярл взошел на корабль, обыскал его, но ничего не нашел.

— Снимаешь ли ты с меня подозрение? — говорит Траин.

— Нет, конечно, — говорит ярл. — Но одного я не могу понять: почему мы не находим его. Ведь когда я на берегу, я ясно вижу все, но когда я здесь, я ничего не вижу.

И он велел гребцам, чтобы они отвезли его на берег. Он был в таком гневе, что никто не мог с ним говорить. С ним был его сын Свейн. Он сказал:

— Удивительно, что ты срываешь свою злость на невинных.

Ярл снова уединился. Затем он вернулся и сказал:

— Едемте опять к ним на корабль.

Они так и сделали.

— Где бы он мог быть спрятан? — спросил Свейн.

— Это все равно, — сказал ярл, — потому что там его уже теперь нет.

Возле кладки лежали два мешка, и Храпп, наверное, был среди кладки вместо них.

Траин сказал:

— Они снова отчаливают от берега и, наверное, направляются к нам. Возьмем его из кладки и положим на его место что-нибудь другое, но мешки оставим лежать как есть.

Они так и сделали. Траин продолжал:

— Спрячем Храппа в парусе, который свернут на рее.

Они так и сделали. Тут к ним подъехал ярл. Он был в страшном гневе и сказал:

— Выдашь ты мне этого человека, Траин, или нет? Но теперь наказание будет строже, чем раньше.

Траин сказал:

— Я бы давно выдал его, если бы он был у меня. Но где же он может быть?

— Среди кладки, — говорит ярл.

— Почему же вы не искали его там в тот раз?

— Это нам не пришло в голову, — говорит ярл.

Они опять обыскали весь корабль, но не нашли Храппа.

— Снимаете ли вы с меня теперь подозрение? — говорит Траин.

— Нет, конечно, — говорит ярл, — потому что я знаю, что ты спрятал этого человека, хотя я и не могу его найти. Но пусть уж лучше ты подло поступишь по отношению ко мне, чем я по отношению к тебе.

И он отправился к берегу.

— Мне кажется, я вижу теперь, — сказал ярл, — что Траин спрятал Храппа в парусе.

В это время подул попутный ветер, и Траин вышел в море. Тогда он сказал слова, которые долго после этого помнили люди:

— Стрелой мчит «Коршун»,

Не струсит Траин.

Когда ярл узнал про эти слова Траина, он сказал:

— Не мое неразумие причиной всему, а связь между их судьбами, которая и погубит их обоих.

Траин был в пути недолго. Он приплыл в Исландию и поехал к себе домой. Храпи поехал с Траином и прожил у него этот год, а на следующую весну Траин дал ему двор, который стал называться Храппов Двор, и Храпи стал жить там. Однако больше он жил на Каменистой Реке и всегда бывал там причиной раздора. Одни говорили, что он сошелся с Халльгерд и одурачил ее, но другие говорили, что это не так.

Траин отдал свой корабль Мёрду Беззаботному, своему родичу. Этот Мёрд убил Одда, сына Халльдора, на востоке, в Заливе Гаути на Медведицыном Фьорде. Все родичи Траина считали его своим вождем.

LXXXIX

Теперь надо рассказать о том, что, когда ярл Хакон упустил Траина, он сказал своему сыну Свейну:

— Возьмем четыре боевых корабля, и поплывем за сыновьями Ньяля, и уьем их, потому что они, наверное, были заодно с Траином.

— Нехорошо, — говорит Свейн, — упустить виноватого и взвалить вину на невиновных.

— Это мое дело, — говорит ярл.

И они отправились вслед за сыновьями Ньяля и нашли их у одного острова. Грим первым увидел корабли ярла и сказал Хельги:

— Сюда идут боевые корабли, и я знаю, что это ярл. Не с миром идет он сюда.

— Говорят, — сказал Хельги, — что всякий храбр, защищая свою жизнь, кто бы ни был против него. Придется и нам защищать свою жизнь.

Все попросили его предводительствовать, и они взялись за оружие. Тут подъехал ярл и крикнул им, чтобы они сдавались. Хельги ответил, что они будут защищаться до конца. Ярл обещал пощаду всем, кто сложит оружие, но все так любили Хельги, что предпочитали умереть с ним. Ярл и его люди бросились на них, но те храбро защищались, и всегда сыновья Няля оказывались там, где в них больше всего была нужда. Ярл несколько раз предлагал им сдаться, обещая пощадить, но они все время отвечали одно и то же: что они ни за что не сдадутся. Тогда на них бросился Аслак с острова Лангей. Он три раза поднимался на их корабль. Тут Грим сказал:

— Очень ты стараешься, и хорошо было бы, чтобы твои труды не пропали даром.

И он схватил копье и метнул его Аслаку в горло, и тот умер на месте. Вскоре Хельги убил Эгиля, знаменосца ярла. Тогда на них бросился Свейн, сын Хакона, и велел своим людям сжать их со всех сторон щитами так, чтобы они не смогли отбиваться, и тогда их схватили. Ярл хотел, чтобы их тут же убили, но Свейн сказал, что нельзя этого делать, потому что уже ночь ^[190]. Тогда ярл сказал:

— Убейте их утром, а на ночь свяжите покрепче.

— Пусть будет так, — сказал Свейн, — но людей храбрее я не встречал до сих пор. Очень жаль убивать их.

Ярл сказал:

— Они убили двух самых храбрых моих людей, и за это их надо убить.

— Тем больше им чести как воинам, — сказал Свейн. — Но пусть будет по-твоему.

Тогда их связали и заковали. Затем ярл улегся спать, и когда он заснул. Грим сказал Хельги:

— Хотел бы я выбраться отсюда.

— Надо придумать что-нибудь, — говорит Хельги.

Тут Грим видит, что около них лежит какая-то секира лезвием вверх. Грим подползает к ней и перерезает об нее тетиву, которой были связаны его руки, однако при этом сильно ранит себе руку.

Затем он освободил Хельги. После этого они перелезли через борт корабля и выбрались на берег, так что ярл и его люди ничего не заметили. Они сбили с себя оковы и пошли на другую сторону острова. В это время начало светать. Они увидели корабль и узнали, что это был корабль Кари,

сына Сельмунда. Они пошли к нему, и рассказали, как плохо с ними обошлись, и показали свои раны. Они сказали, что ярл и его люди, наверно, еще спят.

— Плохо, — сказал Кари, — что вам пришлось столько вынести. Но что же теперь, по-вашему, надо делать?

— Напасть на ярла и убить его, — сказали они.

— Это не удастся, — сказал Кари, — как вам ни хочется этого. Но все же надо узнать, там ли он еще.

Они поплыли туда, но ярла там уже не было. Тогда Кари поплыл в Хладир к ярлу и передал ему дань. Ярл спросил:

— У тебя сыновья Няля?

— Конечно, — сказал Кари.

— Выдашь ты мне сыновей Няля?

— Нет, не выдам, — сказал Кари.

— Можешь поклясться, что вы с ними не хотели напасть на меня? — спросил ярл.

Тогда сын ярла Эйрик сказал:

— Не надо просить этого: ведь Кари всегда был нашим другом. Если бы я был с вами, то ничего бы не случилось. Сыновей Няля никто бы не тронул, а наказание понесли бы те, кто заслужил. Теперь же мне кажется, что пристало бы поднести сыновьям Няля богатые подарки за то, что им пришлось от нас вынести, и за их раны.

Ярл сказал:

— Это верно, но я не знаю, захотят ли они мириться.

И ярл поручил Кари спросить сыновей Няля, не хотят ли они помириться. Кари спросил Хельги, примет ли он возмещение от ярла.

— Я приму его от его сына Эйрика, но не хочу иметь никакого дела с ярлом.

Кари передал Эйрику их ответ.

— Пусть будет так, — сказал Эйрик. — Он получит возмещение от меня, если ему это больше нравится. И скажи им, что я приглашаю их к себе и что отец не сделает им ничего худого.

Они приняли приглашение, поехали к Эйрику и пробыли у него до тех пор, пока Кари не снарядился, чтобы плыть на запад. Тогда Эйрик устроил в честь Кари пир и поднес ему ж сыновьям Няля подарки. После этого Кари отправился на запад, за море, к ярлу Сигурду. Тот принял их очень хорошо, и они пробыли у него всю зиму.

Весной Кари попросил сыновей Няля, чтобы они отправились с ним в поход. Грим сказал, что поедет с ним, если тот поплывет с ним в Исландию.

Кари согласился. Тогда они отправились с ним в поход. Они воевали на юге, у Ангульсей^[191] и на всех Гебридских островах. Затем они поплыли к Сальтири^[192]. Там они сошли на берег и стали биться с местными жителями. Они захватили богатую добычу и вернулись назад к своим кораблям. Оттуда они поплыли на юг, в Уэльс, где много воевали. Затем они поплыли к острову Мэн. Там они встретили Гудрёда, конунга с острова Мэн, завязали с ним бой, победили его и убили Дунгаля, сына конунга. Они захватили там богатую добычу. Оттуда они поплыли на север, к острову Кола^[193], и встретили ярла Гилли. Он их принял хорошо, и они побыли у него некоторое время. Ярл поехал с ними на Оркнейские острова, к ярлу Сигурду. А весной ярл Сигурд отдал свою сестру Нерейд за ярла Гилли. После этого ярл Гилли вернулся на Гебридские острова.

XC

В то лето Кари и сыновья Няля собрались плыть в Исландию, и когда они были совсем готовы, они пошли к ярлу. Тот поднес им богатые подарки, и они расстались добрыми друзьями. И вот они вышли в море. Им выдался попутный ветер, так что они недолго были в море и скоро приплыли в Пески. Они раздобыли себе лошадей и поехали на Бергторов Пригорок. Когда они приехали домой, все им очень обрадовались. Они перевезли домой свою добычу и вытащили корабль на зиму на берег. Ту зиму Кари пробыл у Няля. А весной Кари посватался к дочери Няля Хельге, и Грим и Хельги поддержали его. Дело кончилось тем, что она была обручена с Кари, и они уговорились о времени свадьбы. Свадьбу сыграли за полмесяца до середины лета. Тот год Кари с женой прожили у Няля. Затем Кари купил землю на востоке, на Проливных Островках в Болотной Долине, и завел там хозяйство. Кари с женой поручили одному человеку смотреть там за хозяйством, а сами все время жили у Няля.

XCI

Хозяйство Храппа было в Храпповом Дворе, но он жил все время на Каменистой Реке и всегда бывал там причиной раздора. Однако Траин покровительствовал ему.

Однажды, когда Кетиль из Леса был на Бергторовом Пригорке,

случилось, что сыновья Ньяля рассказали, что им пришлось вынести из-за Траина, сына Сигфуса, и сказали, что очень злы на него за это. Ньяль сказал, что было бы лучше всего, если бы Кетиль передал это своему брату Траину. Тот обещался, и они дали Кетиллю срок поговорить с Траином.

Через некоторое время они спросили Кетилля, как дела, но тот сказал, что не будет передавать слов Траина.

— Траину кажется, что я слишком дорожу родством с вами, — сказал он.

После этого они поняли, что дело повернулось не в их пользу, и больше об этом не говорили. Они попросили у отца совета. Они сказали, что не могут примириться с тем, чтобы все так и осталось. Ньяль ответил:

— Это дело совсем нелегкое. Если вы их убьете, то люди сочтут, что вы убили невиновных. Мой совет вам — сделайте так, чтобы с ними об этом деле поговорило как можно больше людей. И если они станут говорить о вас плохое, то эти люди смогут быть потом свидетелями. Пусть с ними поговорит Кари, потому что он человек спокойный и рассудительный. Вражда между вами будет расти, потому что ваши враги не будут жалеть бранных слов, когда с ними будут говорить об этом другие люди, не знающие вашего дела. Ведь они люди глупые. Может даже случиться, что станут говорить, будто мои сыновья не спешат отомстить за себя, но вам придется примириться с этим на какое-то время, потому что обо всем можно судить с двух разных сторон. Так что действуйте, лишь когда вас оскорбят ваши враги и вы твердо решите им мстить. Но если бы вы с самого начала посоветовались со мной, то обо всем этом деле не было бы сказано ни слова и не было бы вам никакого позора. Но теперь вам придется много терпеть, и над вами будут насмехаться все больше и больше, так что вам не избавиться от позора, не взявшись за оружие. И долго придется вам тащить эту сеть, прежде чем вы вытащите рыбу.

На том разговор и кончился. Многие люди говорили об этом деле.

Однажды братья попросили Кари, чтобы он поехал на Каменистую Реку. Кари сказал, что в другое место он поехал бы охотнее, но что он все же поедет, если так советует Ньяль. После этого Кари поехал к Траину. Они поговорили о деле, но каждый из них остался при своем. Кари вернулся домой, и сыновья Ньяля спросили его, как их дела. Кари сказал, что не станет передавать слов Траина.

— Да вы, наверное, и сами услышите, он таиться не станет, — сказал он.

У Траина на дворе было пятнадцать человек, которые могли биться, и восемь из них повсюду ездили с ним. Траин очень любил красивые и

богатые вещи и всегда разъезжал в синем плаще и золоченом шлеме, с копьем, которое ему подарил ярл, красивым щитом и мечом у пояса. С ним всегда ездили Гуннар, сын Ламби, Ламби, сын Сигурда, и Грани, сын Гуннара с Конца Склона. Храпп Убийца был всегда рядом с ним. Одного из людей Траина звали Лодином, он тоже всегда ездил с Траином. Брата Лолина звали Тьёрви, и тот тоже всегда ездил с Траином. Особенно плохо о сыновьях Ньяля говорили Храпп Убийца и Грани, и они были виноваты больше всех в том, что сыновьям Ньяля не было предложено возмещение.

Сыновья Ньяля часто говорили с Кари о том, чтобы он поехал с ними, и, наконец, он сказал, что было бы хорошо услышать ответ Траина. Тогда они собрались, четверо сыновей Ньяля и Кари — пятый, и поехали на Каменистую Реку. Там у дома было широкое крыльцо, на котором могло стоять много народу. На крыльце стояла какая-то женщина. Она увидела подъезжавших и сказала Траину. Он велел своим людям взять оружие и выйти на крыльцо. Те так и сделали. Траин стоял посредине. По обе стороны от него стояли Храпп Убийца и Грани, сын Гуннара, затем Гуннар, сын Ламби, потом Лодин и Тьёрви, потом Ламби, сын Сигурда, а потом остальные, друг возле друга, потому что все были дома. Скарпхедин и его спутники подъехали к дому. Он ехал первым, за ним Кари, потом Хёскульд, потом Грим, потом Хельги. Когда они подъехали к дому, никто из тех, кто стоял там, не поздоровался с ними. Скарпхедин сказал:

— Видно, все мы желанные гости.

Халльгерд стояла на крыльце и разговаривала вполголоса с Храппом. Она сказала:

— Никто из тех, кто стоит здесь, не скажет, что вы желанные гости.

Скарпхедин сказал:

— Кому дело до твоих слов. Ведь ты не то приживалка, не то шлюха.

— Ты заплатишься за эти слова прежде, чем поедешь домой, — сказала Халльгерд.

Хельги сказал:

— Я к тебе приехал, Траин, спросить, дашь ты мне возмещение за то, что мне пришлось вынести из-за тебя в Норвегии?

Траин сказал:

— Вот никогда не думал, что вы будете свою храбрость в деньги обращать. Долго вы еще собираетесь клянчить у меня?

— Многие говорят, — сказал Хельги, — что ты должен предложить возмещение, раз дело шло о твоей жизни.

Тогда Храпп сказал:

— Счастье так рассудило, что вам досталось поделом, а мы

ускользнули.

— Невелико счастье нарушить верность ярлу, — сказал Хельги, — и в награду получить тебя.

— Не хочешь ли попросить возмещение у меня? — спросил Храпп. — Я бы уж заплатил тебе по-своему!

— Если придется нам с тобой иметь дело, — сказал Хельги, — то едва ли тебе поздоровится.

Скарпхедин сказал:

— Перестань браниться с Храппом! Лучше мы ему шкуру сделаем красной.

Храпп сказал:

— Помолчи, Скарпхедин! Я-то уж не пожалею своей секиры, чтобы раскроить тебе голову.

— Еще посмотрим, — сказал Скарпхедин, — кто из нас забросает труп другого камнями.

— Поезжайте домой, навознобородые, — сказала Халльгерд. — Мы теперь всегда будем называть вас так, а вашего отца — безбородым.

Пока они собирались домой, все, кто был там, обозвали их так кроме Траина, который останавливал других. Сыновья Ньяля и Кари поехали домой. Приехав домой, они рассказали обо всем отцу.

— Призвали вы кого-нибудь в свидетели этих слов? — спросил Ньяль.

— Нет, — ответил Скарпхедин, — мы не судиться с ними собираемся, а биться.

— Теперь уж никто не поверит, — сказала Бергтора, — что у вас хватит мужества взяться за оружие.

— Не старайся, хозяйка, — сказал Каря, — подбивать своих сыновей. У них храбрости и так достаточно.

После этого отец, сыновья и Кари долго разговаривала между собой вполголоса.

XCII

Люди много говорили об этой ссоре. Все считали, что этим дело не кончится.

Рунольв, сын Ульва Аургоди из Долины, был близким другом Траина. Он пригласил к себе Траина, и было условлено, что Траин доедет на восток, в Долину, через три недели или месяц после начала зимы. С Траином поехали Храпп Убийца, Грани, сын Гуннара, Гуннар, сын Ламби, Ламби,

сын Сигурда, Лодин и Тьёрви. Их было восемь человек. С ними должны были ехать также Торгерд и Халльгерд. Траин объявил, что собирается погостить в Лесу у своего брата Кетилия, и сказал, сколько ночей его не будет дома. Все они поехали в полном вооружении. Когда они переправились через Лесную Реку на восток, им повстречались нищенки, которые попросили перевезти их через реку на запад. Они так и сделали. Потом они поехали в Долину, и там их хорошо приняли. Кетиль из Леса уже приехал туда. Они пробыли там три ночи.

Рунольв и Кетиль просили Траина, чтобы тот помирился с сыновьями Ньяля. Но он сердито ответил, что никогда им ничего не заплатит, и сказал, что они его не застанут врасплох, где бы он с ними ни встретился.

— Может, и так, — сказал Рунольв, — но мне думается, что с тех пор, как умер Гуннар с Конца Склона, нет им равных. И очень может быть, что для кого-нибудь из вас это кончится плохо.

Траин сказал, что не боится этого.

После этого он поехал в Лес и пробыл там две ночи. Затем он поехал в Долину. И там и тут он получил на прощанье хорошие подарки. Лесная Река в ту пору не была покрыта льдом целиком: лед был только у берегов, а посередине реки только местами были ледовые мостики. Траин сказал, что собирается вечером поехать домой. Рунольв ответил, что ему стоило бы остаться и что было бы осторожнее не ехать домой в день, который он сам назвал. Траин ответил:

— Это было бы трусостью. Я на это не пойду.

Нищенки, которых они перевезли через реку, пришли на Бергторов Пригорок, и Бергтора спросила их, откуда они, и они сказали ей, что они с востока, из-под Островных Гор.

— Кто перевез вас через Лесную Реку? — спросила Бергтора.

— Очень важные люди, — сказали они.

— Кто же эти люди? — спросила Бергтора.

— Траин, сын Сигфуса, — сказали они, — и его дружина. Однако нам очень не понравилось, что они так много и плохо говорили о твоём муже и его сыновьях.

Бергтора сказала:

— Собака лает — ветер носит.

И Бергтора дала им подарки и спросила, когда Траин вернется домой. Они сказали, что он уехал из дому на четыре или пять ночей. Потом они уехали. Латем Бергтора рассказала все своим сыновьям и своему зятю Кари, и они долго вели между собой тайную беседу.

В то самое утро, когда Траин ехал с востока домой, Ньяль проснулся

рано и услышал, что секира Скарпхедаина звякнула о стену. Ньяль встал, вышел во двор и увидел, что все его сыновья и его зять Кари вооружены. Впереди шёл Скарпхедин. На нем была синяя одежда. В руках у него был небольшой круглый щит, а на плече — секира. За ним шел Кари. Он был в шелковой одежде. На голове у него был золоченый шлем, а в руках — щит, на котором был нарисован лев. За ним шел Хельги. Он был в красной одежде. На голове у него был шлем, а в руках — красный щит, на котором был нарисован олень. Все они были в крашенных одеждах.

Ньяль крикнул Скарпхедину:

— Ты куда собрался, сынок?

— Искать овец, — сказал тот.

— Ты уже раз ответил мне так, — сказал Ньяль, — но поймали вы тогда людей.

Скарпхедин засмеялся и сказал:

— Слышите, что говорит наш старик? Он что-то подозревает.

— Когда ты говорил такое раньше? — спросил Кари.

— Когда я убил Сигмунда Белого, родича Гуннара, — сказал Скарпхедин.

— За что? — спросил Кари.

— Он убил моего воспитателя Торда Вольноотпущенникова Сына, — сказал Скарпхедин.

Ньяль вошел в дом, а они поехали на Красные Оползни и стали там ждать. Оттуда они могли увидеть, когда те поедут из Долины. День выдался солнечный и ясный.

Вот Траин со своими людьми едет по песчаному берегу из Долины. Ламби, сын Сигурда, говорит:

— У Красных Оползней на солнце сверкают щиты. Наверно, там сидят люди в засаде.

— Повернем вниз к реке, — говорит Транн, — тогда они направятся нам навстречу, если у них есть к нам дело.

И они повернули вниз к реке. Скарпхедин сказал:

— Они увидели нас, раз свернули с пути. Нам теперь остается только побежать вниз, им наперерез.

Кари сказал:

— Многие остались бы в засаде, а не пошли им навстречу: ведь их восемь, а нас пятеро.

Они побежали вниз к реке и увидели ниже себя ледовый мост. Они решили переправиться по нему. Траин и его люди остановились перед этим мостом рта льду. Трани сказал:

— Что этим людям нужно? Их пятеро, а нас — восемь.

Ламби, сын Сигурда, сказал:

— Я думаю, что они бы отважились напасть на нас, даже если бы нас было на одного больше.

Траин сбросил с себя плащ и снял шлем. У Скарпхебина, когда они бежали к реке, лопнул ремень на обуви, и он остановился.

— Ты что там мешкаешь, Скарпхебин? — спросил Грим.

— Ремень завязываю, — сказал тот.

— Бежим вперед, — сказал Кари, — не думаю, чтобы он отстал от нас.

И они быстро побежали к ледовому мосту. Завязав ремень, Скарпхебин вскочил и поднял секиру. Он побежал прямо к реке, но река была такой глубокой, что ее нигде нельзя было перейти. Лед у другого берега был толстый и гладкий, как стекло, и Траин со своими людьми стоял посредине льдины. Скарпхебин перепрыгнул через незамерзшую реку между льдинами и покатился на ногах по льду. Лед был очень гладкий, так что он мчался как птица. Траин только собрался надеть шлем. Но Скарпхебин подоспел раньше, ударил его по голове своей секирой, которая называлась Великанша Битвы, и разрубил ему голову до зубов, так что они упали на лед. Все это произошло так быстро, что никто его не тронул, и он стремглав покатился дальше. Тьёрви кинул ему под ноги щит, но он перепрыгнул через него, устоял на ногах и прокатился дальше до берега.

Тут к нему подбежали Кари и другие.

— Молодец! — говорит Кари.

— Теперь ваш черед, — говорит Скарпхебин.

Тогда они кинулись на врагов. Грим и Хельги высмотрела Храппа и сразу же бросились к нему. Храпп хотел ударить Грима секирой, но Хельги увидел это и ударил Храппа по руке так, что отсек ее, и секира упала. Храпп сказал:

— Полезное ты сделал дело, потому что многим людям эта рука принесла вред и смерть.

— Теперь тебе пришел конец, — сказал Грим и пронзил его копьем, так что Храпп упал мертвый.

Тьёрви пошел на Кари и метнул в него копье, но Кари подпрыгнул, и копье пролетело у него под ногами. Затем Кари кинулся на Тьёрви и ударил его мечом в грудь, так что меч глубоко вошел в тело, и тот сразу же умер. Тогда Скарпхебин схватил Гуннара, сына Ламби, и Грани, сына Гуннара, и сказал:

— Я поймал двух щенков! Что с ними делать?

— Делай что хочешь, — говорит Хельги, — можешь убить их обоих,

если хочешь.

— Что-то не хочется мне, — говорит Скарпхедин, — и помогать Хёгни, и убивать его брата.

— Придет еще время, — говорит Хельги, — когда ты пожалеешь, что не убил его, потому что он никогда не будет тебе верен, как и другие, что сейчас здесь.

Скарпхедин говорит:

— Не боюсь я их.

И они оставили жизнь Грани, сыну Гуннара, Гуннару, сыну Ламби, Ламби, сыну Сигурда, и Лодину.

Потом они поехали домой, и Ньяль спросил их, что случилось. Они рассказали ему все подробно. Ньяль сказал:

— Большое это событие. Но очень может быть, что из-за него погибнет один из моих сыновей, а то и несколько.

Гуннар, сын Ламби, перевез тело Траина на Каменистую Реку, и там его похоронили.

XCIII

Кетиль из Леса был женат на дочери Ньяля Торгерд и был братом Траина. Он оказался в трудном положении и поехал к Ньялю. Он спросил Ньяля, собирается ли тот платить виру за убийство Траина. Ньяль ответил:

— Я хочу заплатить так, чтобы все были довольны. И мне хотелось бы, чтобы ты уговорил своих братьев, которые имеют право на виру, принять ее.

Кетиль сказал, что охотно сделает это, и поехал сначала домой. Вскоре после этого он пригласил всех своих братьев в Конец Склона. Там он начал их уговаривать, и Хёгни помогал ему в этом. Дело кончилось тем, что были выбраны судьи и назначено место встречи. За убийство Траина была положена вира, и все получили деньги, как им полагалось по закону. Затем обе стороны обещали соблюдать мир и подтвердили это клятвами. Ньяль щедро заплатил виру. Некоторое время никаких событий больше не было.

Однажды Ньяль поехал в Лес, и они проговорили с Кетилем целый день. Вечером Ньяль поехал домой, и никто не узнал, о чем они разговаривали. Затем Кетиль поехал на Каменистую Реку и сказал Торгерд:

— Я очень любил моего брата Траина и хочу доказать это: я предлагаю взять на воспитание Хёскульда, сына Траина.

— Я согласна, — сказала она, — если только ты сделаешь все, что

сможешь, для этого мальчика, когда он вырастет. Ты отомстишь за него, если его убьют. Ты дашь ему денег на вено, когда он будет жениться. Ты должен поклясться в этом.

Он согласился. И вот Хёскульд переехал к Кетилю и некоторое время жил у него.

XCIV

Однажды Ньяль поехал в Лес. Его приняли хорошо, и он заночевал там. Вечером Ньяль позвал к себе мальчика Хёскульда, и тот сразу пошел к нему. У Ньяля на руке был золотой перстень, и он показал его мальчику. Тот взял перстень, посмотрел на него и надел себе на палец. Ньяль спросил:

— Хочешь, я подарю тебе этот перстень?

— Хочу, — говорит мальчик.

— Знаешь ли ты, — говорит Ньяль, — кто убил твоего отца?

Мальчик отвечает:

— Я знаю, что его убил Скарпхедин, но незачем нам об этом вспоминать, ведь был заключен мир и сполна заплачена вира.

— Твой ответ, — говорит Ньяль, — лучше моего вопроса. Ты будешь хорошим человеком.

— Я рад твоему предсказанию, — говорит Хёскульд, — я ведь знаю, что ты видишь будущее и никогда не обманываешь.

Ньяль говорит:

— Я хочу предложить тебе: давай я возьму тебя на воспитание.

Хёскульд сказал, что примет от Ньяля все, что он предложит ему хорошего.

Дело кончилось тем, что Хёскульд переехал к Ньялю, своему новому приемному отцу. Ньяль заботился о том, чтобы с мальчиком не случилось ничего худого, и очень его любил. Сыновья Ньяля всегда водили его за руку и старались доставить ему радость.

Пришло время, и Хёскульд вырос. Он был высок ростом и силен, очень хорош собой, и у него были красивые волосы. Он был приветлив, щедр, сдержан, прекрасно владел оружием, всегда хорошо говорил о людях, и все его очень любили. Сыновья Ньяля и Хёскульд никогда не расставались.

XCV

Жил человек по имени Флоси. Его отцом был Торд Годи Фрейра, сын Эцура, внук Асбьёрна, правнук Бьёрна Бычья Кость. Матерью Флоси была Ингунн, дочь Торира с Осинового Холма, внучка Хамунда Адская Кожа, правнучка Хьёра, праправнучка Хальва, который предводительствовал своими витязями, прапраправнучка Хьёрлейва Женолюба. Матерью Торира была Ингунн, дочь Хельги Тощего, который занял землю на Островном Фьорде. Флоси был женат на Стейнвёр, дочери Халля с Побережья. Она была рождена вне брака. Ее матерью была Сельвёр, дочь Херьольва Белого.

Флоси жил на Свиной Горе и был очень знатным человеком. Он был высок ростом, силеи и честолюбив. Его брата звали Старкад. Он был сводным братом Флоси. Матерью Старкада была Траслауг, дочь Торстейна Воробья и внучка Гейрлейва, а матерью Траслауг была Унн, дочь Эйвинда Окуня, первопоселенца, и сестра Модольва Мудрого. У Флоси были братья Торгейр, Стейн, Кольбейи и Эгиль. Дочь Старкада, брата Флоси, звали Хильдигунн. Она была очень красива собой, и работа у нее спорилась. Она была такой искусницей в рукоделии, что мало кто из женщины мог сравниться с ней в этом. Она была крута нравом и, когда нужно, очень храбра.

XCVI

Жил человек по имени Халль, а по прозвищу Халль с Побережья. Он был сыном Торстейна и внуком Бёдвара. Мать Халля Тордис была дочерью Эцура, внучкой Хродлауга, правнучкой ярла Рёгнвальда из Мёри, праправнучкой Эйстейна Гремущки. Халль был женат на Йорейд, дочери Тидранди Мудрого, внучке Кетилля Грома, правнучке Торира Глухаря из Верадаля. Братьями Йорейд были Кетиль Гром из Залива Ньёрда и Торвальд, отец Хельги, одного из сыновей Дроплауг. Сестру Йорейд звали Халлькатла, она была матерью Торкеля, сына Гейтира, и Тидранди. У Халля был брат Торстейи, по прозвищу Пузатый. Он был отцом Коля, которого потом Кари убил в Уэльсе. Сыновьями Халля с Побережья были Торстейн, Эгиль, Торвард, Льот и Тидранди, про которого рассказывают, что его погубили дисы ^[194].

Жил человек по имени Торир, а по прозвищу Торир из Хольта. Его сыновьями были Торгейр Ущельный Гейр, Торлейв Ворон и Торgrim Большой.

Теперь надо рассказать о том, что Ньяль сказал однажды Хёскульду:
— Хотелось бы мне женить тебя, сынок.

Тот сказал, что это ему по душе, попросил Ньяля взяться за сватовство и спросил, где он думает искать ему невесту. Ньяль ответил:

— У Старкада, сына Торда Годи Фрейра, есть дочь Хильдигунн. Это лучшая из всех невест, которых я знаю.

Хёскульд сказал:

— Решай, отец. Я сделаю так, как ты хочешь.

— На ней мы и остановимся, — сказал Ньяль.

Вскоре после этого Ньяль пригласил поехать с ним сыновей Сигфуса, всех своих сыновей и Кари, сына Сельмунда. Они поехали на восток, на Свиную Гору, и там их хорошо приняли. На следующий день Ньяль и Флоси начали разговор. Они поговорили о разных делах, а потом Ньяль сказал:

— Привело меня сюда одно дело: мы приехали сватать твою племянницу Хильдигунн.

— Кому? — спросил Флоси.

— Хёскульду, сыну Траина, моему воспитаннику, — сказал Ньяль.

— Хорошая мысль, — сказал Флоси, — хотя и велика опасность, что между вашим родом и его разгорится вражда. А что ты можешь сказать в Хёскульде?

— О нем я могу сказать только хорошее, — сказал Ньяль. — А еще я дам столько денег, сколько вам покажется нужным, если вы захотите принять наше сватовство.

— Позовем ее, — предложил Флоси, — и узнаем, как ей нравится жених.

Ее позвали, и она пришла. Флоси сказал ей, что к ней сватаются. Она сказала, что у нее большие помыслы, и прибавила:

— Я не знаю, как мне быть, ведь тут придется иметь дело с такими людьми, а у этого человека нет годорда. А ты мне говорил, что ты не выдашь меня замуж за человека без годорда.

— Достаточно того, — сказал Флоси, — что ты не хочешь выходить за него замуж. Тогда я не буду пускаться с ними в разговоры и откажу им.

— Я не говорю, — сказала она, — что не хочу выйти замуж за Хёскульда, если они добудут ему годорд. Но иначе я не соглашусь.

Ньяль сказал:

— Тогда я прошу, чтобы мне дали три года сроку.

Флоси согласился.

— Я ставлю еще одно условие, — сказала Хильдигунн. — Если брак состоится, то мы будем жить здесь, на востоке.

Ньяль сказал, что это пусть решает Хёскульд. А Хёскульд сказал, что он верит многим, но никому он не верит так, как своему воспитателю. И они поехали домой, на запад.

Ньяль начал искать для Хёскульда годорд, но никто не хотел отдать свой годорд. Наступает лето, а затем и время альтинга. В это лето на тинге было много распрей. Многие по привычке ездили к Ньялю, но он давал такие советы, от которых нечего было ждать толку, так что все иски и защиты оказались неправильными. И пошли большие раздоры оттого, что тяжбы не были решены, и люди поехали домой с тинга, не помирившись.

Приходит время следующего тинга. Ньяль поехал на тинг, и сначала тинг шел спокойно, пока Ньяль не сказал, что пора объявить о своих делах. Многие сказали, что от этого будет мало толку, потому что никто не может добиться решения своего дела, хотя ответчики и вызваны на тинг.

— Мы лучше попытаемся, — сказали они, — решить наши тяжбы копьем и мечом.

— Так не должно быть, — сказал Ньяль. — Ничего хорошего не получится, если в стране не будут соблюдаться законы. Но вы правы в своих жалобах, и это дело наше, людей, которые знают законы и исправляют их, и следует найти выход. По-моему, было бы хорошо нам,

знатным людям, собраться и поговорить.

И они пошли в судилище. Ньяль сказал:

— Я обращаюсь к тебе, Скафти, сын Тородда, и к другим знатным людям! Мне думается, что получается безвыходное положение, когда дело разбирается в суде четверти и запутывается так, что его невозможно ни кончить, ни продолжать разбирать дальше. По-моему, было бы хорошо, если бы у нас был пятый суд ^[195], где бы разбирались дела, которые не мог решить суд четверти.

— Кого ж ты хочешь, — спросил Скафти, — в этот пятый суд? Ведь из прежних годордов образуются суды четвертей, по три дюжины судей в каждой четверти.

— По-моему, было бы хорошим выходом учредить новые годорды: из каждой четверти выбрать людей, которые больше всего подходят для того, чтобы быть годи, и позволить всем, кто хочет, войти к ним в годорд.

— Нам нравится этот совет, — говорит Скафти, — но какие же дела должны разбираться в этом суде?

— Здесь должны разбираться дела, — отвечает Ньяль, — о всяких непорядках на тинге, дела о лжесвидетельствах и неверных показаниях. Кроме того, здесь будут разбираться те нерешенные дела, по которым судьи в судах четвертей не смогли прийти к согласию. Все они будут направляться в пятый суд. Пятый суд станет также разбирать дела о тех, кто давал или брал взятки. На этом суде должны будут даваться самые сильные клятвы, и каждую клятву должны будут подкреплять двое, которые будут своею честью отвечать за верность клятвы. Также если одна сторона ведет дело правильно, а другая неправильно, то дело должно решаться в пользу тех, кто действует правильно. Дела должны разбираться здесь как и в судах четвертей, с той только разницей, что когда назначены четыре дюжины судей в пятый суд, то истец должен отвести из числа судей шестерых, а ответчик — еще шестерых. Если же ответчик не пожелает никого отвести, то истец должен отвести всю дюжину. Если же истец этого не сделает, то весь суд будет неправильным, потому что судить должны три дюжины судей.

После этого Скафти, сын Тородда, ввел закон о пятом суде и все остальное, что было сказано. Потом люди пошли к Скале Закона. Были учреждены новые годорды. Вот какие новые годорды были учреждены в северной четверти: годорд людей с Песков на Среднем Фьорде и годорд людей с Лиственного Кряжа на Островном Фьорде.

Тогда Ньяль попросил внимания и сказал:

— Многим известно, что произошло между моими сыновьями и

людьми с Каменистой Реки. Люди знают, что мон сыновья убили Траина, сына Сигфуса. Но мы все же помирились, и я взял на воспитание Хёскульда. Я посватал его, а чтобы жениться, ему надо быть годи. Но никто не хочет отдать свой годорд. Я хочу попросить вас, чтобы вы разрешили мне учредить новый годорд на Белом Мысу для Хёскульда.

Все согласились на это. После этого он учредил новый годорд для Хёскульда, и с тех пор того стали называть Хёскульд, годи Белого Мыса.

Затем люди стали разъезжаться по домам с тинга.

Ньяль пробыл дома недолго и вскоре вместе с сыновьями поехал на восток, на Свиную Гору. Он попросил Флоси отдать племянницу, и тот сказал, что сдержит свое обещание. Хильдигуни посватали за Хёскульда и договорились о свадьбе. На этом дело было кончено, и они поехали домой.

Потом они снова поехали, на этот раз на свадьбу. После празднества Флоси выделил Хильдигуни ее долю и выдал ей все сполна.

Хёскульд с Хильдигуни поехали на Бергторов Пригорок и пробыли там год. Хильдигуни и Бергтора ладили хорошо. А следующей весной Ньяль купил землю в Оссабёре и дал ее Хёс-кульду. Хёскульд переехал туда, и Ньяль набрал ему людей. Они все жили так дружно, что никто из них не решал ничего, не посоветовавшись с другими. Так Хёскульд жил долго в Оссабёре. Они заботились о чести друг друга, и сыновья Ньяля всегда ездили с ним. Их дружба была такой тесной, что каждую осень они приглашали друг друга к себе в гости и делали друг другу богатые подарки.

Так прошло немало времени.

XCVIII

Жил человек по имени Лютинг. Его двор назывался Самов Двор. Он был женат на Стейнвёр, дочери Сигфуса, сестре Траина. Лютинг был высок ростом, силен, богат и крут нравом.

Однажды случилось, что у Лютинга на Самовом Дворе были гости: он пригласил к себе Хёскульда и сыновей Сигфуса, и они все приехали. Еще там были Грани, сын Гуннара, Гуннар, сын Ламби, и Ламби, сын Сигурда.

У Хёскульда, сына Ньяля, и его матери был двор Холм, и он всегда ездил туда с Бергторова Пригорка через Самов Двор. У Хёскульда был сын по имени Амунди. Он родился слепым, но был высок ростом и силен. У Лютинга было два брата. Одного звали Халльстейн, другого — Халльгрим. Они всегда и везде затевали ссоры и постоянно жили у своего брата, потому что никто больше не мог с ними ладить.

Однажды Лютинг был на дворе, но время от времени заходил в дом. Он только вошел в дом, как вошла женщина, которая была на дворе. Она сказала:

— Жаль, что вас не было на дворе, потому что сейчас через двор проехала одна важная птица.

— О какой это важной птице, — спросил Лютинг, — ты говоришь?

— Хёскульд, сын Ньяля, проехал через двор, — сказала она.

Лютинг сказал:

— Он часто проезжает через наш двор, и мне это не очень нравится. Поезжай-ка, Хёскульд, со мной, если ты хочешь отомстить за своего отца и убить Хёскульда, сына Ньяля.

— Не хочу я этого, — сказал Хёскульд, годи Белого Мыса, — я отплатил бы тогда Ньялю, моему воспитателю, черной неблагодарностью. Чтоб ты поплатился за твое приглашение!

Он выскочил из-за стола, велел подвести своих лошадей и поехал домой.

Тогда Лютинг сказал Грани, сыну Гуннара:

— Ты был при том, как убили Траина, и помнишь об этом убийстве, и ты также, Гуннар, сын Ламби, и ты, Ламби, сын Сигурда. Я предлагаю, чтобы мы сегодня же вечером напали на него и убилн.

— Нет, — сказал Грани, — я не пойду против сыновей Ньяля и не нарушу договора, который был заключен при посредничестве достойных людей.

То же самое сказали и сыновья Сигфуса, и все другие, и они решили уехать. Когда они уехали, Лютинг сказал:

— Все знают, что я не получил никакой виры за своего шурина Траина. И я не примирюсь с тем, что он не отомщен.

Затем он велел своим двум братьям и трем работникам поехать с ним. Они поехали по дороге, по которой должен был ехать Хёскульд, и стали ждать его в засаде, к северу от двора, в одной лощине. Они ждали его до вечера. Наконец Хёскульд подъехал к ним. Они выскочили с оружием в руках и набросились на него. Хёскульд защищался так смело, что они никак не могли одолеть его. Он ранил Лютинга в руку и убил, двоих из его людей, но, в конце концов, был убит. Они нанесли Хёскульду шестнадцать ран, но голову ему не отрубили. Затем они поехали в леса, к востоку от Кривой Реки, и спрятались там.

В тот же вечер пастух Хродню нашел Хёскульда мертвым, поехал домой и сказал Хродню об убийстве ее сына. Она сказала:

— Он, конечно, еще жив. Разве голова отрублена?

— Нет, — сказал он.

— Я поверю лишь, если сама увижу, — сказала она, — приведи мою лошадь и повозку.

Он так и сделал и собрал все, что было нужно, и затем они поехали туда, где лежал Хёскульд. Она осмотрела его раны и сказала:

— Я так и думала: он еще не умер, а Ньяль может лечить раны и потяжелее этих.

Затем они взяли тело, положили его на повозку и поехали на Бергторов Пригорок. Там они внесли его в овчарню и посадили у стены. Затем они оба пошли к дому и постучали в дверь. На стук вышел работник, и Хродню прошла мимо него прямо в каморку, где спал Ньяль. Она спросила, спит ли он. Он сказал, что спал, но сейчас проснулся, и спросил:

— Зачем ты пришла так рано?

Хродню сказала:

— Вставай с постели, оставь мою соперницу и выйди из дома. Пусть выйдет и она, и твон сыновья.

Они встали и вышли из дома. Скарпхедин сказал:

— Возьмем с собой оружие.

Ньяль ничего не сказал на это, и они вошли обратно в дом и вышли с оружием. Хродню шла впереди и привела их к овчарне. Она вошла внутрь и попросила их пройти за ней. Она подняла светильник и сказала:

— Вот твой сын Хёскульд, Ньяль! Он весь изранен, и ему нужна помощь.

Ньяль сказал:

— Признаки смерти вижу я на его лице, а не признаке жизни. Почему ты не закрыла ему ноздри?

— Я хотела, чтобы это сделал Скарпхедин^[196], - сказала она.

Скарпхедин подошел к нему и закрыл ему ноздри. Затем он сказал своему отцу:

— Кто, по-твоему, убил его?

Ньяль ответил:

— Наверное, его убили Лютинг из Самова Двора и его братья.

Хродню сказала:

— Я поручаю тебе, Скарпхедин, отомстить за твоего брата, и я жду, что ты поступишь как должно и отдашь этому все силы, хотя он и не рождеи в браке.

Бергтора сказала:

— Странные вы люди! Вы убиваете людей, когда на то у вас нет причин, а сейчас будете жевать жвачку, пока дело так ничем и не кончится:

ведь эта весть сейчас же дойдет до Хёскульда, годи Белого Мыса, и он предложит заплатить вам виру и помириться, и вы должны будете согласиться. Надо действовать сейчас же, если вы вообще хотите действовать.

Скарпхедин сказал:

— Вот и мать подстрекает нас законным подстрекательством^[197].

И они выбежали из овчарни. Хродню пошла домой с Ньялем и осталась там на ночь.

XCIX

Теперь надо рассказать о Скарпхедине и его братьях. Они пошли по дороге к Кривой Реке. Скарпхедин сказал:

— Постоим и послушаем.

Затем он сказал:

— Тише! Я слышу там, у реки, человеческие голоса. Кого вы больше хотите взять на себя, Лютинга или его двух братьев?

Они сказали, что им бы больше хотелось взять на себя одного Лютинга.

— Но он для нас и всего важнее, — сказал Скарпхедин. — Плохо будет, если он уйдет от нас. И я думаю, что он скорее всего не уйдет, если я его возьму на себя.

— Когда подберемся к нему поближе, мы постараемся прицелиться так, чтоб ему не уйти от нас, — сказал Хельги.

Затем они пошли туда, где Скарпхедин слышал человеческие голоса, и увидели, что у ручья стоят Лютинг и его братья. Скарпхедин перепрыгивает на другой берег, покрытый галькой. Там стоит Халльгрим со своими братьями. Скарпхедин ударяет Халльгрима в бедро так, что сразу же отсекает ногу, а другой рукой хватает Халлькеля. Лютинг хочет ударить Скарпхедина копьем, но тут подоспел Хельги и подставил свой щит, и удар приходится в щит. Лютинг поднял камень и кинул его в Скарпхедина так, что тот отпустил Халлькеля. Халлькель хочет взбежать на склон, покрытый галькой, но при этом падает на колени. Скарпхедин кидает в него секиру и разрубает ему хребет. Лютинг пускается бежать, но Грим и Хельги бросаются вслед за ним и оба ранят его. Лютинг бросается от них в реку, добирается до своих лошадей и скачет в Оссабёр.

Хёскульд был дома и сразу же вышел к нему. Лютинг рассказал ему, что случилось.

— От тебя можно было ждать этого, — говорит Хёскульд. — Ты совершил безрассудный поступок. Видно, правильно говорится, что недолго радуется рука удару. Трудно сказать, уцелеешь ли ты.

— Верно, — говорит Лютинг, — что я с трудом спасся, но я все же хочу, чтобы ты помирил меня с Ньялем и его сыновьями и чтобы я сохранил свое добро.

— Пусть будет по-твоему, — говорит Хёскульд.

Затем Хёскульд велел оседлать своего коня и поехал на Бергторов Пригорок с пятью спутниками. Сыновья Ньяля уже вернулись и легли спать. Хёскульд разыскал Ньяля, и они начали разговор. Хёскульд сказал Ньялю:

— Я приехал сюда просить за моего родича Лютинга. Он совершил тяжкое преступление против вас: нарушил мир и убил твоего сына.

Ньяль сказал:

— Мне думается, что Лютинг уже поплатился за это смертью своих братьев. Если я и пускаюсь в разговоры о мире, то только из дружбы к тебе. И я ставлю условием мира, чтобы за убийство братьев Лютинга вира не платилась. Лютинг также не получит виры за свои раны, но заплатит полную виру за Хёскульда.

Хёскульд сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты один рассудил это дело.

Ньяль ответил:

— Я сделаю, как ты хочешь.

— Может, ты хочешь, чтобы при этом были твои сыновья? — спросил Хёскульд.

Ньяль ответил:

— Это нас к миру не приблизит. Но мир, который я заключу, они будут соблюдать.

Тогда Хёскульд сказал:

— Так и порешим, а ты обещаю Лютингу, что твои сыновья не будут мстить ему.

— Хорошо, — сказал Ньяль. — Я хочу, чтобы он заплатил две сотни серебра за убийство Хёскульда. Жить он может остаться на Самовом Дворе, но мне кажется, что ему было бы лучше продать свою землю и уехать. Ни я, ни мои сыновья не нарушим мира, но может случиться, что найдется кто-нибудь другой в этих местах, кого ему следует остерегаться. Если же тебе кажется, будто я изгоняю его из этих мест, то пусть он остается здесь, но тогда ему грозит большая опасность.

После этого Хёскульд уехал домой. Сыновья Ньяля проснулись и

спросили своего отца, кто это приезжал, а он сказал им, что это был Хёскульд, его воспитанник.

— Он, верно, просил за Лютинга, — сказал Скарпхедин.

— Да, — сказал Ньяль.

— Это плохо, — сказал Грим.

— Хёскульд не просил бы за него, — сказал Ньяль, — если б ты его убил, как собирался.

— Не будем упрекать нашего отца, — сказал Скарлхедин. Теперь надо сказать о том, что этот мир между ними не был нарушен.

С

В Норвегии произошла смена правителей: ярла Хакона не стало, и на его место сел Олав, сын Трюггви. А конец ярлу Хакону пришел, оттого, что раб Карк перерезал ему горло в Римуле, в Гаулардале.

В то же время пришла весть о том, что в Норвегии сменилась вера. Народ оставил старую веру, и конунг крестил западные страны — Шотландские, Оркнейские и Фарерские острова.

Многие говорили в присутствии Ньяля, что оставить старую веру — это большое святотатство. Ньяль сказал, тогда:

— Мне кажется, что новая вера гораздо лучше, и благо, тому, кто обратится, к ней. И если люди, которые учат этой вере, приедут сюда, то я, горячо поддержу их.

Он часто ходил один, сторонясь людей, и что-то бормотал про себя.

В ту же самую осень на востоке страны, в том месте Медведицына Фьорда, что зовется Заливом Гаути, пристал корабль. Хозяина корабля звали Тангбрандом. Он был сыном графа Вильбальдуса из Саксонии. Тангбранд был послан в Исландию конунгом Оладом, сыном Трюггви, чтобы проповедовать новую веру. Его сопровождал исландец по имени Гудлейв. Он был сыном Ари, внуком Мара, правнуком Атли, праправнуком Ульва Косого. А Ульв Косой был сыном Хёгни Белого, внуком Отрюгга, правнуком Облауда, праправнуком Хьёрлейва Женолюба, конунга Хёрдаланда. Гудлейв убил на своем веку немало народу, был бесстрашей и решителен.

На Медведицыном Мысу жили два брата. Одного из них звали Торлейвом, а другого Кетилем. Их отцом был Хольмстёйн, сын Эцура из Широкой Долины. Они созвали народ и запретили людям торговать с пришельцами. Об этом узнал Халль с Побережья. Он жил у Купальной

Реки на Лебедином Фьорде, С тремя десятками своих людей он поехал к кораблю, сразу разыскал Тангбранда и спросил его:

— Что, плохо торгуете?

Тот согласился.

— Вот зачем я к тебе приехал, — говорит Халль. — Я хочу вас всех пригласить к себе и постараться наладить ваш торг.

Тангбранд поблагодарил и отправился с ним.

Однажды осенью Тангбранд рано утром вышел во двор, велел расставить палатку и стал петь в палатке обедню, притом очень торжественно, потому что был великий праздник. Халль спросил Тангбранда:

— В честь кого сегодня праздник?

— Ангела Михаила, — отвечает тот.

— Каков он, этот ангел? — спрашивает Халль.

— Очень хорош, — отвечает Тангбранд. — Он взвешивает все, что ты делаешь хорошего и плохого, и так милостив, что засчитывает за большее то, что ты делаешь хорошего.

Халль говорит:

— Я бы хотел иметь его своим другом.

— Это возможно, — отвечает Тангбранд. — Обратись сегодня к нему и к богу.

— Но я бы хотел поставить условием, — говорит Халль, — чтобы ты пообещал мне от его имени, что он станет тогда моим ангелом-хранителем.

— Это я обещаю, — говорит Тангбранд.

Тогда Халль крестился со всеми своими домочадцами.

СИ

Следующей весной Тангбранд отправился проповедовать христианство, и Халль поехал-вместе с ним. Они добрались через Лагунную Пустошь до Столбовых Гор. Там в то время стоял двор Торкеля. Он больше всех поносил новую веру и вызвал Тангбранда на поединок. Тангбранд вместо щита взял в бой распятие, и бой кончился тем, что Тангбранд победил, убив Торкеля.

Оттуда они отправились в Роговый Фьорд и остановились в Городищенской Гавани, к западу от Точильных Песков. Там стоял двор Хильдира Старого. Его сыном был Глум, который потом ездил поджигать двор Ньяля вместе с Флоси. Хильдир принял новую веру вместе со всеми

своими домочадцами. Оттуда они отправились в Горные Дворы и остановились у Телячьей Горы. Там стоял двор Коля, сына Торстейна, родича Халля. Он принял новую веру со всеми домочадцами. Оттуда они отправились к реке Широкой. Там стоял двор Эцура, сына Хроальда, родича Халля. Он принял неполное крещение. Оттуда они отправились на Свиную Гору, и Флоси принял неполное крещение и пообещал поддержать их на тинге. Оттуда они отправились на запад, в Лесные Дворы, и остановились в Церковном Дворе. Там стоял двор Сурта, сына Асбьёрна, внука Торстейна, правнука Кетиля Глупого. Сурт и все эти его предки были христианами. После этого из Лесных Дворов они отправились на Склон Мыса. Тут весть об их поездке прошла повсюду.

Жил человек по имени Хедии Колдун. Его двор стоял в Старухиной Долине. Язычники заплатили ему за то, чтобы он убил Тангбранда и перебил его спутников. Он отправился на Орлиную Пустошь и совершил там большое жертвоприношение. Когда Тангбранд поехал с востока, то под его конем разверзлась земля^[198], но он успел соскочить с коня и прыгнуть на край пропасти. Земля поглотила коня со всем, что на нем было, и больше его не видели. Тут Тангбранд возблагодарил бога.

Гудлейв искал Хедина Колдуна и нашел его на Орлиной Пустоши. Он преследовал его до Старухиной Долины, и когда приблизился к нему, метнул в него копьё и пронзил насквозь.

СИ

Оттуда они отправились в Проливные Острова и собрат там народ. Они стали проповедовать новую веру, и Ингьяльд, сын Торкеля Навозного Жука, принял крещение. Оттуда они отправились на Речной Склон и стали проповедовать там новую веру. Против новой веры больше всех были Ветрлиди Скальд его сын Ари, и поэтому они убили Ветрлиди. Об этом сложена такая виса:

«Ветрлиди Скальд на юге
Жало брани^[199] направил
Прямо в ограду духа^[200]
Уля зуба кольчуги^[201].
Но Гудлейв, воин удалый,
Ударом поверг Ветрлиди,

Молотом смерти^[202] разбил
Наковальню земли шелома^[203]».

Оттуда Тангбранд отправился на Бергторов Пригорок Ньяль со всеми домочадцами принял новую веру, но Мёрд и Вальгард очень ей противились.

Оттуда они поехали на запад, через реку, в Ястребиную Долину и крестили там Халля. Ему было тогда три года. Оттуда они отправились на Гримов Мыс. Там Торвальд Хворый собрал против него народ и послал сказать Ульву, сыну Угги, чтооы тот напал на Тангбранда и убил его. При этом он сказал вису:

— Один сорочки Эндиля^[204]
С просьбою шлет такую
К Ульву, сыну Угги, —
Другом он был мне верным, —
Пусть поскорее с обрыва
Сбросит того, кто богов,
Как трус презренный, порочит,
Я же второго сброшу.
Ульв, сын Угги, сказал в ответ другую вису:
— Просишь немало, пловец
Пролива влаги Вальгаллы^[205],
Но клеть моего языка^[206]
Не клюнет на эту наживку.
Меня не поймает на удочку
Седок скакуна океана^[207],
Я живо заметил ловушку
В коварных твоих уговорах.

— И я не собираюсь, — прибавил он, — загребать для него жар своими руками. Как бы ему не подавиться своим языком.

После этого посланный отправился обратно к Торвальду Хворому и передал ему слова Ульва. У Торвальда собралось много народа, и он предложил устроить засаду против Тангбранда и Гудлейва на Пустоши Синих Лесов. Тангбранд и Гудлейв выехали из Ястребиной Долины. Навстречу им попался всадник, который спросил, кто здесь Гудлейв, и

когда тот назвался, сказал:

— Благодарю своего брата Торгильса с Дымных Холмов за весть, которую я передам тебе: они устроили против тебя много засад, и Торвальд Хворый ждет тебя со своими людьми у Конского Ручья на Гримовом Мысу.

— Мы все равно поедem к нему, — сказал Гудлейв.

И они повернули вниз, к Конскому Ручью. Торвальд был уже на другом берегу ручья. Гудлейв сказал Тангбранду:

— Вот он — Торвальд. Вперед, на него!

Тангбранд метнул в Торвальда копье, и оно пронзило его насквозь, а Гудлейв ударил его мечом по плечу и отрубил руку, так что Торвальду тут же пришел конец.

После этого они отправились на тинг. Родичи Торвальда чуть было не набросились на них, но Тангбранда защитили Ньяль и люди с Восточных Фьордов.

Хьяльти, сын Скегги, сложил тогда вису:

— Уж, верно, не сробею
Назвать собакой Фрейю.
Что Один, а что Фрейя —
Стоят один другого!

Хьяльти и Гицур Белый в то лето уехали из Исландии. А корабль Тангбранда разбился на востоке, у мыса Буландснаса. Название этого корабля было «Бык». Тангбранд стал разъезжать по всему западу Исландии. Ему навстречу выступила Стейнунн, мать Рева Скальда. Она пыталась обратить Тангбранда в язычество и долго говорила с ним. Тангбранд молчал, пока она говорила, но потом начал долгую речь и оспорил все, что она сказала.

— Слыхал ли ты, — спросила она, — что Тор вызвал Христа на поединок, но тот не решился биться с Тором?

— Я слыхал, — ответил Тангбранд, — что Тор был бы лишь прахом и пеплом, если бы бог не захотел, чтобы он жил.

— А знаешь ли ты, — спросила она, — кто разбил твой корабль?

— А ты что можешь сказать об этом? — спросил он.

— Бот что я скажу тебе, — ответила она:

— Недруг отродья Грейп^[208],
Грозный, дракона морского^[209]

Разбил и на берег бросил, —
Не берегли его боги.
Расколот в мелкие щепы
Струг колокольного стража^[210].
Верно, Христос позабыл
О быке обиталища рыбы^[211].

И она сказала еще одну вису:

— Долго тресковой тропюю^[212]
Тор скакуна морского^[213]
Гнал, в волнах швыряя,
И в ярости бросил на скалы.
Больше не плыть под парусом
Полену земли тюленей^[214],
Разбит Тангбрандов корабль
Ураганом врага Хрунгнира^[215].

После этого Тангбранд и Стейнуни расстались, и он отправился со своими спутниками на Крутое Побережье.

СIII

На Крутом Побережье, на Пастбище, стоял двор Геста, сына Оддлейва. Он был очень мудрым человеком и мог предсказывать судьбу. Он задал пир Тангбранду и его людям. Их приехало на Пастбище шесть десятков человек. А там, говорили, собралось две сотни язычников и еще ждали берсерка^[216] по имени Отрюгг. Все его очень боялись. О нем рассказывали, что он не боится ни огня, ни меча. И язычники были в большом испуге.

Тут Тангбранд спросил, не хочет ли кто-нибудь принять новую веру, но все язычники отказались.

— Я хочу предложить вам испытать, — говорит Тангбранд, — какая вера лучше. Давайте разложим три костра: вы, язычники, освятите один, я — другой, а третий оставим неосвященным. Если берсерк испугается того костра, который я освятил, но пройдет через ваш, то вы примете новую

веру.

— Предложение хорошее, — говорит Гест, — я и мои домочадцы согласны.

Когда Гест сказал это, еще многие согласились. Тут сказали, что на двор пришел берсерк. Развели огонь, и костры запылали. Люди схватили свое оружие, быстро расселись по скамьям и стали ждать. Берсерк вбежал с оружием в дом. Он проходит через огонь, который освятили язычники, и подходит к огню, который освятил Тангбранд, но не решается пройти через него и говорит, что весь горит. Он замахивается мечом на тех, кто сидит на скамье, но при взмахе им попадает в поперечную балку.

Тангбранд ударяет распятием по его руке, и происходит великое чудо: меч падает у берсерка из руки. Тогда Тангбранд ударяет его мечом в грудь, а Гудлейв отрубает ему руку. Тут набежал народ и убил берсерка.

После этого Тангбранд спросил, не хотят ли они принять новую веру. Гест сказал, что он никогда не обещает того, чего бы он не собирался выполнить. Тогда Тангбранд крестил Геста, и всех его домочадцев, и еще много народу. После этого Тангбранд стал советоваться с Гестом, не поехать ли ему на Западные Фьорды, но тот стал отговаривать его.

— Народ там, — сказал он, — суровый и неподатливый. Но если уж этой вере суждено одержать верх, то она одержит верх и на альтинге, а там будут знатные люди отовсюду.

— Я уже говорил на тинге, — отвечал Тангбранд, — и как раз там-то мне и пришлось труднее всего.

— Однако твоя заслуга велика, — сказал Гест, — если даже и другим выпадет жребий сделать новую веру законом. Говорят ведь, что дерево не от первого удара падает.

После этого Гест поднес Тангбранду богатые подарки, и тот отправился обратно в южную четверть, а оттуда на Восточные Фьорды. Он остановился на Бергторовом Пригорке, и Ньяль поднес ему богатые подарки. Затем он отправился на восток, на Лебединый Фьорд, к Халлю с Побережья. Он велел починить свой корабль, и язычники назвали его «Железная корзина». На этом корабле Тангбранд уплыл из Исландии вместе с Гудлейвом.

В то же самое лето на тинге Хьяльти, сын Скегги, был приговорен к изгнанию за богохульство.

Тангбранд рассказал конунгу Олаву обо всем том зле, которое ему причинили исландцы. Он сказал, что они так сведущи в колдовстве, что земля разверзлась под его конем и поглотила коня. Тогда конунг Олав пришел в такой гнев, что велел схватить всех исландцев, что были в Норвегии, и бросить в темницу и хотел жазнить их. Тут выступили Гицур Белый и Хьяльти и предложили поручиться за этих людей и поехать в Исландию, чтобы проповедовать там христианство. Конунгу это понравилось, и так все они избежали смерти.

Гицур и Хьяльти быстро приготовили свои корабли, чтобы плыть в Исландию, и когда прошло десять недель лета, пристали к берегу у Песков. Там они раздобыли себе коней и наняли людей, чтобы разгрузить корабль. И вот они отправились, тридцать числом, на тинг и послали сказать христианам, чтобы те были готовы. Хьяльти остался у Форельной Горы, потому что узнал, что осужден на изгнание за богохульство. Но когда они спускались от Края Ущелья к Кипящему Котлу, Хьяльти догнал их и сказал, что не хочет показать язычникам виду, что боится их.

Тут к ним подъехало много христиан, и они въехали на тинг готовые к бою. Язычники тоже приготовились к бою, и еще немного — и весь тинг начал бы драться. Но, однако, этого не случилось.

CV

Жил человек по имени Торгейр^[217]. Его двор был на Светлом Озере. Его отцом был Тьёрви, сын Торкеля Длинного. Его мать звали Торунн, она была дочерью Торстейна, внучкой Сигмунда, правнучкой Гнупа-Барда. Жену его звали Гудрид, она была дочерью Торкеля Черного из Хлейдраргарда. Его братом был Орм Кармаи на Спине, отец Хленни Старого из Грязей. Орм и Торкель были сыновьями Торира Лопоухого, сына Кетиля Тюленя, внука Арнольва, правнука Бьёрнольва. А Бьёрнольв был сыном Грима Мохнатые Щеки, внуком Кетиля Лосося, правнуком Халльбьёрна Полутролля с Храфнисты.

Христиане покрыли свои землянки. Гицур и Хьяльти были в землянке людей с Мшистой Горы. На следующий день обе стороны пошли к Скале Закона. И христиане и язычники назвали своих свидетелей и заявили друг другу, что не будут иметь законов общих для тех и других. На Скале Закона поднялся такой сильный шум, что никто не слышал слов другого. Затем народ разошелся, и все нашли, что дело принимает очень плохой оборот.

Христиане выбрали своим законоговорителем Халля с Побережья, а

тот пошел к годи Торгейру со Светлого Озера и дал ему три марки серебра за то, чтобы тот выступил как законоговоритель. Это было небезопасно, потому что Торгейр был язычником. Торгейр пролежал весь день, накрыв голову плащом, так что никто не мог заговорить с ним. На следующий день народ пошел к Скале Закона. Торгейр потребовал тишины и сказал:

— Мне думается, что дела наши запутаются безнадежно, если у нас не будет одних законов для всех. Если закон не будет един, то и мира не будет, а этого нельзя допускать. Теперь я хочу спросить язычников и христиан, согласны ли они, чтобы у них были общие законы, которые я сейчас скажу.

Все сказали, что согласны. Тогда он сказал, что хочет, чтобы они поклялись сдержать свое слово. Они согласились, и он принял от них клятву.

— Вот начало наших законов, — сказал он. — Все люди должны быть у нас в Исландии христианами и верить в единого бога — отца, сына и святого духа. Они должны оставить всякое идолопоклонство, не бросать детей и не есть конины. Если кто открыто нарушит этот закон, то будет осужден на трехгодичное изгнание, если же сделает это тайно, то останется безнаказанным.

Но эта оговорка была отменена уже через несколько лет, и тогда никто не смел совершать языческие обряды ни тайно, ни открыто.

Потом он сказал о соблюдении воскресений и постов, рождества и пасхи и всех других великих праздников.

Язычникам казалось, что их крепко обманули, но новая вера была введена законом и все люди в Исландии обращены в христианство. И народ разъехался с тинга по домам.

CVI

А вот что приключилось тремя годами позднее на тинге в Лощинах. Амунди Слепой, сын Хёскульда, внук Ньяля, был на тинге. Он велел, чтобы его провели между землянок. Он подошел к землянке, в которой был Лютинг из Сомова Двора. Он велел, чтобы его ввели в землянку, туда, где сидел Лютинг. Он сказал:

— Здесь Лютинг из Сомова Двора?

— А что тебе нужно? — спрашивает Лютинг.

— Я хочу знать, — говорит Амунди, — какую виру ты собираешься мне заплатить за моего отца. Я рождеи вне брака, и я не получил никакой виры.

— Я заплатил за убийство твоего отца полную виру твоему деду и твоим дядьям, а мне за моих братьев виру не заплатили. Если я и поступил плохо, то со мной тоже обошлись круто.

— Я не спрашиваю тебя, — говорит Амунди, — заплатил ли ты им виру или нет, я знаю, что вы помирились. Я спрашиваю тебя, какую виру ты заплатишь мне.

— Никакой, — отвечает Лютинг.

— Я не понимаю, — говорит Амунди, — как бог допускает это. Ведь ты поразил меня в самое сердце. Я могу сказать тебе, что если бы у меня оба глаза были зрячие, то я либо заставил бы тебя заплатить виру за моего отца, либо отомстил за него. Теперь же пусть судит нас бог!

После этого он направился к выходу. Но когда он проходил через дверь землянки, он обернулся. Тут он прозрел. Он сказал:

— Хвала господу! Теперь видно, чего он хочет.

Затем он вбежал в землянку, подбежал к Лютингу и ударил его секирой по голове, так что секира вошла по самый обух, и потом рванул секиру на себя. Лютинг упал ничком и тут же умер.

Амунди пошел к дверям землянки, и как только он дошел до того самого места, где прозрел, глаза его сомкнулись снова, и с тех пор он оставался слепым всю свою жизнь. После этого он велел отвести себя к Нялю и его сыновьям. Он рассказал им об убийстве Лютинга.

— Нельзя тебя винить, — говорит Няль, — потому что этого было не миновать. И пусть это будет наукой людям, которые отказывают в вине тем, кто имеет на нее полное право.

Затем Няль предложил примирение родичам Лютинга. Хёскульд, годи Белого Мыса, уговорил родичей Лютинга принять виру. Дело было передано в суд, и была назначена половинная вира, потому что требование Амунди было найдено справедливым. После этого перешли к клятвам, и родичи Лютинга дали Амунди клятву в том, что будут соблюдать мир. Люди разъехались с тинга по домам. И некоторое время все было спокойно.

CVII

Вальгард Серый вернулся в Исландию. Он был язычником. Он отправился в Капище, к своему сыну Мёрду, и пробыл там зиму. Он сказал Мёрду:

— Я много ездил по нашей округе, и я ее не узнаю. Я поехал на Белый Мыс и увидел, что там построено много стей для землянок и место

неузнаваемо. Я поехал также на тинг в Лощинах¹⁷⁰, и там я увидел, что все стены нашей землянки разрушены. Что значит все это надругательство?

Мёрд ответил:

— Тут учреждены новые годорды и пятый суд. Народ вышел из моего годорда и вошел в годорд Хёскульда.

Вальгард сказал:

— Плохо ты отблагодарил меня за годорд, который я дал тебе. Не так подобает мужчине вести себя. Я хочу, чтобы ты оплатил им, погубив их всех. А для этого натрави их друг на Друга, пустив в ход клевету, чтобы сыновья Няля убили Хёскульда. Многие захотят отомстить за него, и тут сыновей Няля убьют.

— Мне не суметь этого, — отвечает Мёрд.

— Я помогу советом, — говорит Вальгард. — Ты пригласишь сыновей Няля и отпустишь их с подарками. Порочащие слухи ты станешь распускать тогда, когда дружба ваша станет такой тесной, что они будут верить тебе не меньше, чем себе. Тогда ты сможешь отомстить Скарпхедину за то, что он присвоил твои деньги после смерти Гуннара. Ты снова станешь полноправным годи, только когда никого из них не будет в живых.

Так они и порешили сделать. Мёрд сказал:

— Я бы хотел, отец, чтобы ты крестился. Ты ведь стар.

— Не хочу, — ответил Вальгард. — А вот мне бы хотелось, чтобы ты оставил новую веру, и мы бы посмотрели, что из этого выйдет.

Мёрд сказал, что он этого не сделает. Вальгард сломал Мёрду крест и все святые знаки. Тут Вальгард заболел и умер, и его похоронили в кургане.

CVIII

Немного погодя Мёрд поехал на Бергторов Пригорок и встретился со Скарпхедином и его братьями. Он вел очень ласковые речи и говорил весь день. Он сказал, что хотел бы подружиться с ними. Скарпхедин принял все это хорошо, но сказал, что раньше тот не искал их дружбы. И вот они так подружились, что никто из них не мог ничего решить, не посоветовавшись с другим.

Ньялю с самого начала не нравилось, что Мёрд ездит к ним, и он всегда высказывал свое недовольство этим.

Однажды случилось, что Мёрд приехал на Бергторов Пригорок. Он сказал сыновьям Няля:

— Я хочу устроить у себя пир, чтобы справить тризну по отцу. Я собираюсь пригласить на этот пир вас, сыновей Ньяля, и Кари и обещаю вам, что без подарков вы не уедете.

Они пообещали приехать. Он отправился домой и приготовил все для пира. Он пригласил многих бондов, и на этом пиру было множество народу. Туда приехали и сыновья Ньяля и Кари. Мёрд подарил Скарпхедину золотую пряжку, Кари — серебряный пояс, а Гриму с Хельги тоже поднес богатые подарки. Они вернулись домой, и стали хвалиться своими подарками, и показали их Ньялю. Тот сказал, что эти подарки им, наверное, дорого обойдутся.

— Остерегайтесь, как бы вам не пришлось заплатить за них цену, которую он сам положит, — сказал он.

CIX

Немного погодя Хёскульд и сыновья Ньяля пригласили друг друга в гости. Сначала Хёскульд поехал к сыновьям Ньяля. У Скарпхедна был бурый конь-четырёхлеток, высокий и статный. Конь этот был некладеный и никогда не выводился на бой с другими конями. Этого коня Скарпхедин подарил Хёскульду, и еще двух кобыл в придачу. Они все сделали Хёскульду подарки и уверили друг друга в дружбе.

Затем Хёскульд пригласил их к себе в Оссабёр. У него там было уже много гостей. Он еще до этого велел сломать свой главный дом, но у него было три сарая, в которых приготовили постели. Приехали все, кого он пригласил. Пир вышел на славу. И когда настала пора разъезжаться по домам, Хёскульд поднес гостям богатые подарки и поехал проводить сыновей Ньяля. С ним поехали сыновья Сигфуса и все домочадцы. Сыновья Ньяля и Хёскульд уверяли друг друга в том, что никому не рассорить их.

Немного погодя Мёрд приехал в Оссабёр и сказал Хёскульду, что ему нужно поговорить с ним. Они начали разговор. Мёрд сказал:

— Какие вы разные люди, ты и сыновья Ньяля! Ты сделал им богатые подарки, а они одарили тебя подарками, которые лишь позорят тебя.

— Чем ты это докажешь? — говорит Хёскульд.

— Они подарили тебе коня, которого называли Молокососом в насмешку над тобой, потому что ты тоже кажешься им не испытанным в бою. А еще я могу тебе сказать, что они завидуют тому, что у тебя есть годорд. Его принял на тинге Скарпхедин, когда ты еще не приехал на тинг

во время пятого суда. Скарпхедин и не собирался вовсе выпускать его из своих рук.

— Неправда, — говорит Хёскульд. — Я получил его во время осеннего тинга.

— Тогда, значит, это Ньяль заставил его, — говорит Мёрд. — А еще они нарушили уговор с Лютингом.

— В этом, думается мне, они невиновны, — говорит Хёскульд.

— Но ты не сможешь отрицать, — говорит Мёрд. — что, когда вы со Скарпхедином ехали к Лесной Реке, у него из-за пояса выпала секира, которой он собирался убить тебя.

— Это был, — отвечает Хёскульд, — его дровяной топор, и я видел, как он затыкал его себе за пояс. Короче говоря: что до меня, то, сколько бы ты ни рассказывал дурного о сыновьях Ньяля, я этому не поверю. А даже если бы и случилось, что ты говоришь правду и что нужно либо мне убить их, либо им меня, то я бы охотнее погиб от их руки, чем причинил им зло. А тебе должно быть стыдно, что ты говоришь так.

После этого Мёрд поехал домой.

Немного погодя Мёрд отправился к сыновьям Ньяля. Он много говорил с ними и с Кари.

— Я слышал, — сказал Мёрд, — что Хёскульд говорил, будто ты, Скарпхедин, нарушил мирный уговор с Лютингом. А еще я узнал, что ему показалось, будто ты замышлял убить его, когда вы с ним ехали к Лесной Реке. Но мне кажется, что он тоже замышлял убить тебя, когда пригласил тебя на пир и отвел тебе для ночлега сарай, который стоял дальше всех от других домов. Всю ночь к нему подносили дрова, и он собирался сжечь тебя в этом сарае. Но тут случилось так, что ночью приехал Хёгни, и из их замысла ничего не вышло, потому что они побоялись его. Затем он поехал вас провожать, и с ним было множество народу. Тогда он в другой раз хотел напасть на вас и велел Грани, сыну Гуннара, и Гуннару, сыну Ламби, убить вас. Но они трусили и не решились напасть на вас.

Когда он рассказал им это, они сначала спорили с ним, но потом, в конце концов, поверили. Они остыли к Хёскульду и почти не разговаривали с ним, когда встречали его, а Хёскульд тоже охладел к ним. Так проходит некоторое время.

Осенью Хёскульд отправился в гости на восток, на Свиную Гору, и Флоси принял его хорошо. Хильдигуни тоже была там. Флоси говорит Хёскульду:

— Мне сказала Хильдигунн, что между тобой и сыновьями Ньяля легла тень. Мне это не нравится, и я хочу предложить тебе, чтобы ты не

уезжал обратно. Я поселю тебя в Скафтафелле, а в Оссабёре поселю своего брата Торгейра.

— Могут тогда найтись люди, — говорит Хёскульд, — которые скажут, что я бежал оттуда со страху, а я этого не хочу.

— Тогда очень может быть, — говорит Флоси, — что это плохо кончится.

— Очень жалко, — говорит Хёскульд, — потому что, по мне, лучше я погибну и за меня не заплатят виру, чем чтобы из-за меня пострадали многие.

Через несколько дней Хёскульд собрался ехать домой. Флоси подарил ему алый плащ, отделанный по краям до самого низа золотом. Хёскульд уехал домой, в Оссабёр. Некоторое время все было спокойно.

Хёскульда так любили, что у него почти не было врагов. Но с сыновьями Ньяля он всю зиму так и оставался в разладе.

Ньяль взял себе на воспитание сына Кари по имени Торд. А еще он воспитал Торхалля, сына Асгрима и внука Лодейного Грима. Торхалль был человеком смелым и решительным. Он так научился законам у Ньяля, что стал одним из трех величайших знатоков законов в Исландии.

СХ

В тот год выдалась ранняя весна, и люди стали сеять хлеб.

Однажды случилось, что Мёрд приехал на Бергторов Пригорок. Он тотчас отошел в сторону с сыновьями Ньяля и Кари, чтобы поговорить. Как обычно, он стал клеветать на Хёскульда, рассказывать о нем всякие новые небылицы и подбивать Скарпхебина и остальных убить Хёскульда. Он сказал, что Хёскульд опередит их, если они сейчас же не нападут на него.

— Мы согласны, — говорит Скарпхебин, — если ты поедешь с нами.

— За этим дело не станет, — говорит Мёрд.

Они договорились о нападении, и Мёрд должен был приехать к ним вечером.

Бергтора спросила Ньяля:

— О чем это они говорят на дворе?

— Они задумали что-то, не посоветовавшись со мной, — говорит Ньяль, — а меня редко обходят, когда задумывают что-нибудь хорошее.

В этот вечер ни Скарпхебин, ни его братья, ни Кари не ложились. В ту же самую ночь приехал Мёрд, сын Вальгарда, и сыновья Ньяля и Кари взяли оружие и ускакали. Они доехали до Оссабёра и стали ждать у

изгороди. Погода была хорошая, и солнце уже взошло.

CXI

В это время Хёскульд, годи Белого Мыса, проснулся. Он оделся и накинул плащ, который ему подарил Флоси. В одну Руку он взял лукошко с зерном, в другую — меч, пошел на поле, огороженное изгородью, и стал сеять.

Скарпхедин и его люди договорились, что они нападут на него все. Скарпхедин выскочил из-под изгороди, и когда Хёскульд увидел его, он хотел убежать. Тут Скарпхедин бросился на него и сказал:

— Не вздумай бежать, годи Белого Мыса!

С этими словами он ударил его секирой по голове, и Хёскульд упал на колени и сказал:

— Бог да поможет мне и простит вас.

Тогда они все бросились на него и стали наносить ему раны. Мёрд сказал:

— Я кое-что придумал.

— Что же ты придумал? — спросил Скарпхедин.

— Я предлагаю, чтобы я сначала поехал домой, а затем на Каменистую Реку и там рассказал о том, что случилось, и осудил бы вас. Я уверен, что Торгерд попросит меня объявить об убийстве. Я так и сделаю, и это испортит им все дело^[218]. А еще я пошлю человека в Оссабёр разузнать, что они собираются предпринять, и там этот человек услышит о том, что случилось. А я сделаю вид, будто я узнаю об этом от них.

— Конечно, сделай так, — говорит Скарпхедин.

Братья и Кари поехали домой. Приехав домой, они рассказали Ньялю о том, >тто произошло.

— Это печальное событие, — говорит Ньяль. — Горестно узнать про него, и если сказать правду, оно меня так печалит, что лучше было бы, если бы погибли двое моих сыновей, а Хёскульд оставался в живых.

— Не стоит на тебя обижаться, — говорит Скарпхедин. — Ты человек старьй, и понятно, что ты это принимаешь так близко к сердцу.

— Не в годах тут дело, — говорит Ньяль, — а я лучше вашего знаю, что за этим последует.

— А что же последует за этим? — спрашивает Скарпхедин.

— Моя смерть, — говорит Ньяль, — смерть моей жены и всех моих сыновей.

— А что ты мне предскажешь? — спрашивает Кари.

— Трудно им будет идти наперекор твоей счастливой судьбе, — говорит Ньяль, — потому что ты переживешь их всех.

Смерть Хёскульда так печалила Ньяля, что он никогда не мог говорить о ней без слез.

СХII

Хильдигуни проснулась и заметила, что Хёскульда нет в постели. Она сказала:

— Тяжелые мне снились сны и недобрые. Поищите Хёскульда!

Люди обыскали весь двор, но Хёскульда не нашли. Тогда оделась и с двумя работниками пошла в поле. Они нашли Хёскульда убитым. Тут пришел пастух Мёрда, сына Вальгарда, и рассказал ей, что сыновья Ньяля проехали отсюда.

— Скарпхедин подозвал меня и объявил, что это он убил Хёскульда, — сказал он.

— Немалый это подвиг, — сказала она, — если он один совершил его.

Она взяла плащ, вытерла им всю кровь и завернула в него спекшиеся сгустки. Затем она сложила плащ и спрятала его к себе в ларь. Затем она послала человека на Каменистую Реку рассказать о том, что случилось. Мёрд уже был там и успел раньше рассказать новость. Туда приехал Кетиль из Леса. Торгерд сказала Кетилю:

— Вот Хёскульда и нет в живых. Вспомни же, что ты обещал.

— Может быть, — говорит Кетиль, — что я тогда обещал очень много. Я не думал, что случится то, что случилось. Теперь я попал в трудное положение. Ведь я женат на дочери Ньяля, а, как говорится, своя рубашка ближе к телу.

— Хочешь ли ты, — спрашивает Торгерд, — чтобы Мёрд объявил об убийстве?

— Не знаю, — говорит Кетиль. — Мне кажется, что людям от него больше зла, чем добра.

Но когда Мёрд поговорил с Кетилем, то ему, как и другим, показалось, что на Мёрда можно положиться, и было решено, что Мёрд объявит об убийстве и начнет тяжбу на тинге. Мёрд отправился в Оссабёр. Явились девятéro соседей, которые ближе всех жили к месту убийства. У Мёрда с собой было десять человек. Он показал соседям раны Хёскульда, назвал очевидцев раи и перечислил, кто какую рану нанес, кроме одной. Он

прикинулся, что не знает, кто ее нанес, а нанес ее он сам. Он назвал убийцей Скарпхебина, а нанесшими раны — его братьев и Кари. Затем он пригласил на альтинг девятерых соседей места убийства. После этого он уехал домой. Он почти не встречался с сыновьями Ньяля, и они были неприветливы друг с другом, когда встречались, потому что так они договорились.

Весть об убийстве Хёскульда прошла повсюду, и все осуждали убийц.

Сыновья Ньяля поехали к Асгриму, сыну Лодейного Грима, и попросили его о помощи.

— Вы можете рассчитывать, — ответил он, — что я помогу вам во всех делах. Но я чую беду, потому что многие против вас и повсюду вас осуждают за это убийство.

И вот сыновья Ньяля отправились домой.

СХІІІ

Жил человек по имени Гудмунд Могучий. Двор его был у Островного Фьорда и назывался Подмаренничные Поля. Его отцом был Эйольв, сын Эйнара, внук Аудуна Безволосого, правнук Торольва Жира^[219], праправнук Торстейна Прокаженного, прапраправнук Грима Камбана. Мать Гудмунда звали Халльберой. Она была дочерью Тородда Шлема, а мать Халльберы звали Регинлейв, и она была дочерью Семунда с Гебридских островов. По нему зовется склон Семунда у Полуостровного Фьорда. Матерью Эйольва, отца Гудмунда, была Вальгерд, дочь Рунольва. Матерью Вальгерд была Вальборг, а ее матерью была Йоруни Нерожденная, дочь конунга Освальда Святого. Матерью Эйнара, отца Эйольва, была Хельга, дочь Хельги Тощего, который поселился у Островного Фьорда. Хельги был сыном Эйвинда Норвежца и Раварты, дочери ирландского короля Кьярваля. Матерью Хельги, дочери Хельги Тощего, была Торуни Рогатая, дочь Кетиля Плосконосого, внучка Бьёрна Бычья Кость, правнучка херсира Грима. Матерью Грима была Хервёр, а матерью Хервёр была Торгерд, дочь Халейга, конунга Халогаланда.

Жену Гудмунда Могучего звали Торлауг. Она была дочерью Атли Сильного, сына Эйлива Орла, внука Барда с Рукава, правнука Кетиля Лисицы, праправнука Скида Старого. Мать Торлауг звали Хердис. Она была дочерью Торда с Мыса, сына Бьёрна Жир в Кoryте, внука Хроальда. А Хроальд был сыном Бьёрна Железный Бок, внуком Рагнара Кожаные Штаны, правнуком Сигурда Кольцо, праправнуком Раидвера,

прапраправнуком Радбарда. Матерью Хердис, дочери Торда, была Торгерд, дочь Скиди. Ее матерью была Фридгерд, дочь ирландского короля Кьярваля.

Гудмунд был очень знатным и богатым человеком. У него была сотня домочадцев. Он притеснял всех знатных людей на севере страны, так что одни оставили свои дворы и переехали из этих мест, других он убил, а третьи отдали ему свои годорды. От него пошли все самые знатные люди страны: люди с Мыска и Стурлунги, люди из Лощины и люди с Реки, епископ Кетиль и многие именитые люди. Гудмунд был другом Асгрима, сына Лодейного Грима, и тот рассчитывал на его помощь.

CXIV

Жил человек по имени Снорри, по прозвищу Годи. Он жил на Священной Горе, пока Гудрун, дочь Освивра, не купила у него этот двор где она и прожила до конца своей жизни. Снорри тогда переселился на Лощинный Фьорд и жил в Селингсдальском Междуречье. Отца Снорри звали Торгримом. Он был сыном Торстейна Трескоеда, внуком Торольва Бородача с Мостра, правнуком Арнольва Рыбогона. Однако Ари Мудрый считает, что отцом Торольва был Торгильс Китовый Бок. Торольв Бородач с Мостра был женат на Оск, дочери Торстейна Рыжего. Мать Торгрима звали Тора. Она была дочерью Олейва Фейлана, сына Торстейна Рыжего, внука Олейва Белого, правнука Ингьяльда, праправнука Хельги. А мать Ингьяльда звали Тора. Она была дочерью Сигурда Змей в Глазу, сына Рагнара Кожаные Штаны. Матерью Снорри Годи была Тордис, дочь Кислого, сестра Гисли. Снорри был близким другом Асгрима, сына Лодейного Грима, и тот рассчитывал на его помощь. Снорри был самым умным человеком в Исландии из тех, кто не мог предвидеть будущее. Он был добр со своими друзьями, но непримирим к врагам.

В этот год на тинг поехало много народу из всех четвертей, и на тинге было начато много тяжб.

CXV

Флоси узнал об убийстве Хёскульда и очень опечалился и разгневался, но не подал виду. Ему сказали, что против убийц Хёскульда собираются начать тяжбу, но он промолчал. Он послал сказать Халлю с Побережья,

своему тестю, и Льоту, своему сыну, чтобы они взяли с собой на тинг побольше народу. Люди считали, что Льот обещает стать со временем самым большим человеком на востоке страны. Ему было предсказано, что если он съездит три раза на тинг и вернется домой целым и невредимым, то станет самым большим человеком и старшим в роде. В прошлое лето он уже ездил на тинг и теперь собирался поехать туда во второй раз. Флоси послал человека к Колю, сыну Торстейна, и Глуму, сыну Хильдира, внуку Гейрлейва, правнуку Энунда Кармаи на Спине, и к Модольву, сыну Кетиля. Они все поехали вместе с Флоси. Халль тоже обещал собрать много народу.

Флоси доехал до Церковного Двора и остановился у Сурта, сына Асбьёрна. Оттуда он послал за своим племянником Кольбейном, сыном Эгиля, и тот приехал к нему. Затем он отправился на Склон Мыса. Там жил Торgrim Щеголь, сын Торкеля Красивого. Флоси сказал ему, чтобы он поехал с ним на тинг, и тот согласился и сказал Флоси:

— Я никогда не видал тебя таким печальным. Впрочем, это понятно.

Флоси ответил:

— Случилось такое, что я отдал бы все, что у меня есть, за то, чтобы этого не случилось. Из дурного зерна не может вырасти ничего хорошего.

Затем он поехал через Орлиную Пустошь и вечером приехал в Солнечные Дворы. Там был двор Лодмунда, сына Ульва. Он был большим другом Флоси, и тот остался у него ночевать. А наутро Лодмунд вместе с Флоси отправился в Долину. Там был двор Рунольва, сына Ульва Аургоди. Флоси сказал Рунольву:

— Сейчас мы услышим от тебя правду о том, как убили Хёскульда, годи Белого Мыса. Ты ведь человек правдивый и живешь неподалеку от места, где все это случилось, так что я поверю всему, что ты мне расскажешь о том, почему это произошло.

Рунольв сказал:

— Никакими словами не приукрасишь правды: он убит совершенно без всякой причины. Все оплакивают его. Но никто не оплакивает его больше, чем Ньяль, который его воспитал.

— Тогда им будет нелегко заручиться поддержкой, — говорит Флоси.

— Конечно, — говорит Рунольв, — если ничего не случится.

— А что пока сделано? — спрашивает Флоси.

— Уже вызваны на тинг соседи, — отвечает Рунольв, — и объявлено об убийстве.

— Кто же сделал это? — говорит Флоси.

— Мёрд, сын Вальгарда, — отвечает Рунольв.

— А можно на него положиться? — спрашивает Флоси.

— Он мой родич, — говорит Рунольв, — но все же, правду говоря, люди видят от него больше плохого, чем хорошего. Я хочу попросить тебя, Флоси, чтобы ты смирил свой гнев и согласился на то, что было бы всего лучше. Ведь Ньяль и другие уважаемые люди сделают тебе почетное предложение.

Флоси сказал:

— Поезжай на тинг, Рунольв! Твои слова будут много значить для меня, если ничего худого не случится.

На этом они кончили разговор, и Рунольв обещал поехать на тинг.

Рунольв послал человека к своему родичу Хавру Мудрому. Тот сразу же приехал.

CXVI

Оттуда Флоси отправился в Оссабёр. Хильдигуни была во дворе. Она сказала:

— Пусть все мужчины выйдут навстречу, когда будет подъезжать Флоси, а женщины пусть уберут в доме и приготовят для Флоси почетное сиденье.

И вот Флоси въехал во двор. Хильдигуни вышла к нему и сказала:

— Добро пожаловать, родич! Сердце мое радуется твоему приезду.

— Здесь мы и поедим, — говорит Флоси, — и отправимся дальше.

Тут привязали их лошадей. Флоси вошел в дом и уселся. Он отбросил на пол почетное сиденье и сказал:

— Я не конунг и не ярл. Нечего подставлять мне почетное сиденье и нечего насмехаться надо мной.

Хильдигуни стояла рядом и сказала:

— Жаль, что тебе это не нравится, потому что мы это сделали от чистого сердца.

Флоси сказал:

— Если ты это сделала от чистого сердца, то тогда добро само наградит себя, а зло само покарает себя.

Хильдигуни засмеялась холодным смехом и сказала:

— Что об этом говорить, то ли будет потом!

Она уселась рядом с Флоси, и они долго разговаривали вполголоса. Затем поставили столы, и Флоси и его люди стали умыть руки. Флоси посмотрел на полотенце и увидел, что оно все в дырах и с одного конца у него оторван кусок. Он швырнул его на скамью и не захотел им

вытираться^[220]. Он оторвал кусок скатерти, вытер им руки и бросил его своим людям. Затем Флоси сел за стол и велел своим людям приняться за еду. Тут вошла Хильдигунн, откинула со лба волосы и заплакала. Флоси сказал:

— Тяжело у тебя на душе, племянница! Но это хорошо, ведь ты плачешь по хорошему человеку.

— Чем ты отплатишь за убийство Хёскульда? — спросила она. Окажешь ли ты мне помощь?

Флоси сказал:

— Я доведу твою тяжбу до конца или добьюсь такого мира, о котором лучшие люди скажут, что он почетей для нас.

Она сказала:

— Хёскульд отомстил бы, если бы ему пришлось мстить за тебя.

Флоси ответил:

— Немало в тебе злобы. Ясно, чего ты хочешь.

Хильдигуни сказала:

— Арнор, сын Эрнольва из Лесов Водопадной Реки, меньше зла причинил твоему отцу Торду Годи Фрейра, но Кольбейи и Эгиль, твои братья, убили его на тинге в Скафтафелле.

И Хильдигуни пошла в свою спальную каморку и открыла ларь. Она вынула из него плащ, который Флоси в свое время подарил Хёскульду. В этом плаще Хёскульд был убит, и она сохранила на нем всю его кровь. С плащом в руках она молча подошла к Флоси. Флоси уже поел, и со стола было убрано. Хильдигуни накрыла Флоси плащом, так что его всего обсыпало засохшей кровью. Тогда она сказала:

— Этот плащ ты, Флоси, подарил Хёскульду, и я хочу вернуть его тебе назад. Он был убит в нем. Я призываю бога и добрых людей в свидетели того, что я заклинаю тебя всеми чудесами твоего Христа, твоей честью и твоей доблестью отомстить за те раны, которые были нанесены Хёскульду. Иначе пусть всякий зовет тебя подлым человеком!

Флоси сбросил с себя плащ к ней на руки и сказал:

— Ты чудовище! Ты хочешь, чтобы мы взялись за дело, от которого нам всем придется худо. Правду говорят, что гибельны советы женщины.

Флоси был в таком волнении, что лицо его делалось то красным, как кровь, то бледным, как трава, то синим, как смерть.

Флоси и его люди сели на коней и уехали. Они отправились к Лесному Броду и стали поджидать там сыновей Сигфуса и других своих людей.

Ингьяльд, брат Хродню, матери Хёскульда, сына Няля, жил в Ключах. Ингьяльд и Хродню были детьми Хёскульда Белого, сына Ингьяльда

Сильного, внука Гейрфинна Рыжего, правнука Сёльви, праправнука Гуннстейна Убийцы Берсерков. Ингьяльд был женат на Траслауг, дочери Эгиля, сына Торда Годи Фрейра. Матерью Эгиля была Траслауг, дочь Торстейна Воробья. Матерью Траслауг была Унн, дочь Эйвинда Окуня.

Флоси послал сказать Ингьяльду, чтобы тот приехал.

Ингьяльд тотчас отправился к нему и с ним четырнадцать человек. Ингьяльд был человек рослый, сильный и неразговорчивый. Он был бесстрашным воином и охотно помогал деньгами своим друзьям. Флоси приветливо поздоровался с ним и сказал:

— В трудное дело попали мы с тобой, родич! Нелегко нам выпутаться. Я прошу тебя оказывать мне поддержку, пока оно не кончится.

Ингьяльд сказал:

— В трудном я оказался положении. Ведь я в родстве с Ньялем и его сыновьями. Да и многое другое меня останавливает.

Флоси сказал:

— Мне казалось, что, когда я отдавал за тебя свою племянницу, ты обещал мне поддерживать меня в любом деле.

— Скорее всего, — ответил Ингьяльд, — я так и сделаю. Но сначала я все же хочу заехать домой, а оттуда уже я поеду на тинг.

CXVII

Сыновья Сигфуса узнали, что Флоси у Лесного Брода, и поехали туда к нему. Там были Кетиль из Леса и его брат Ламби, Торкель и Мёрд, сыновья Сигфуса, и их брат Сигмунд, а еще Ламби, сын Сигурда, Гуннар, сын Ламби, Грани, сын Гуннара, и Вебранд, сын Хамунда. Флоси встал им навстречу и приветливо поздоровался с ними. Они подошли к реке, и Флоси попросил их правдиво рассказать обо всем, и их рассказ ни в чем не разошелся с рассказом Рунольва из Долины. Флоси сказал Кетилю из Леса:

— Вот о чем я хочу спросить тебя. Будешь ли ты и другие сыновья Сигфуса поддерживать меня до конца в этой тяжбе?

Кетиль сказал:

— Я бы хотел, чтобы мы помирились. Но я дал клятву поддерживать тебя в этой тяжбе, пока она так или иначе не кончится, и не щадить своей жизни.

Флоси сказал:

— Ты храбрый человек, побольше бы таких людей, как ты.

Тут сразу заговорили Грани, сын Гуннара, и Гуннар, сын Ламби:

— Мы хотим, чтобы наши враги были объявлены вне закона и убиты.

Флоси сказал:

— Неизвестно, мы ли будем решать это дело.

Грани сказал:

— Когда они убили Траина на Лесной Реке, а потом его сына Хёскульда, я решил, что никогда не заключу с ними настоящего мира. Я бы хотел быть там, где их всех убьют.

Флоси сказал:

— Ты был так близко от них, что мог бы отомстить, если бы у тебя достало силы и храбрости. Мне кажется, что ты и многие другие будете потом готовы дорого заплатить, чтобы быть непричастными к тому, чего вы сейчас желаете. Я ясно вижу, что если мы убьем Ньяля или его сыновей, то так много народу будет против нас, что нам придется валяться в ногах у многих и просить о поддержке, прежде чем мы выпутаемся из этого трудного дела. А еще будьте готовы к тому, что многие из тех, у кого до этого времени были большие богатства, обеднеют, а кое-кто потеряет и добро и жизнь.

Мёрд, сын Вальгарда, приехал к Флоси и сказал ему, что хочет поехать с ним на тинг со всеми своими людьми. Флоси был доволеи этим и стал сватать его дочь Раннвейг своему племяннику Старкаду, который жил на Столбовой Горе. Флоси думал этим обеспечить себе верность его и его людей. Мёрд не имел ничего против, но предоставил решить это Гицуру Белому и предложил поговорить об этом на тинге. Мёрд был женат на Торкатле, дочери Гицура Белого. Мёрд и Флоси вместе отправились на тинг и говорили друг с другом с утра до вечера.

CXVIII

Ньяль сказал Скарпхедину:

— Что вы теперь собираетесь делать — ты с братьями и ваш зять?

Скарпхедин ответил:

— Мы обычно не ждем, что нам подскажут сны. Но тебе я скажу, что мы поедem в Междуречье к Асгриму, сыну Лодейного Грима, а оттуда на тинг. А куда ты, отец, собираешься?

Ньяль сказал:

— Я поеду на тинг, потому что для меня дело чести не оставлять вас, пока я жив. Мне думается, что многие захотят мне помочь, так что от меня вам будет лишь польза и никакого вреда.

Там был Торхалль, сын Асгрима, воспитанник Ньяля. Сыновья Ньяля смеялись над ним, потому что он был в коричневом плаще с полосами, и спрашивали, сколько он еще собираетсЯ проносить его. Он отвечал:

— Я сброшу его, когда мне придется начинать тяжбу об убийстве моего воспитателя.

Ньяль сказал:

— Ты окажешься всего лучше, когда это всего больше потребуется.

И вот они все, почти три десятка числом, выехали из дому и добрались до Бычьей Реки. Там их догнали родичи Ньяля Торлейв Ворон и Торгрим Большой, сыновья Торира из Хольта. Они предложили сыновьям Ньяля, что поедут с ними и будут оказывать им поддержку и помощь, и те приняли их предложение. Они все вместе переправились через Бычью Реку и добрались до Берега Лососьей Реки. Там к ним вышел Хьяльти, сын Скегги. Ньяль начал с ним разговор, и они долго беседовали вполголоса. Хьяльти сказал:

— Никогда я не был человеком скрытным и не буду. Ньяль попросил меня о помощи. Я согласился и пообещал ему своих людей. Он уже заплатил мне заранее, как и многим другим, своими добрыми советами.

Хьяльти рассказал Ньялю все, что знал, о поездках Флоси.

Они послали Торхалля вперед, в Междуречье, сказать, что они приедут туда к вечеру. Асгрим тотчас же приготовился к встрече и был перед домом, когда Ньяль въехал во двор. Ньяль был в синем плаще, на голове у него была войлочная шляпа, а в руках — небольшая секира. Асгрим снял Ньяля с коня, отнес его в дом и посадил на почетное сиденье. Затем в дом вошли все сыновья Ньяля и Кари. Тогда Асгрим вышел во двор. Хьяльти хотел повернуть обратно, ему показалось, что их слишком много, но Асгрим взялся за уздечку, сказал, чтобы он не уезжал, и велел расседлать их коней. Он ввел Хьяльти в дом и посадил его возле Ньяля. А Торлейв с братом и их люди сидели на второй скамье. Асгрим уселся на скамейку перед Ньялем и спросил:

— Какие у тебя предчувствия насчет нашего дела?

Ньяль ответил:

— Скорее плохие: я боюсь, что не будет удачливых людей на нашей стороне. — И прибавил: — Пошли за всеми людьми, которые ездят с тобой на тинг, и поезжай на тинг со мной.

— Я так и собирался, — сказал Асгрим, — и еще хочу побоещать тебе, что я никогда не отступлюсь от вас, пока у меня еще будут люди.

Все, кто был там, поблагодарили его и нашли, что это благородно с его стороны.

Они переночевали там, а на следующий день собрались все люди Асгрима. Затем они все вместе отправились на тинг и, добравшись туда, покрыли свои землянки.

СХІХ

Флоси уже приехал на тинг и занял всю свою землянку. Рунольв занял землянку людей из Долины, а Мёрд — землянку людей с Кривой Реки. С востока из самых дальних мест приехал Халль с Побережья, но кроме него почти никто не приехал. Однако Халль привел с собой из своих мест много народу. Он сразу же пошел к Флоси и просил его помириться. Халль был человек умный и миролюбивый. Флоси приветливо отвечал ему, но ничего не обещал. Халль спросил его, кто обещал ему поддержку. Флоси назвал Мёрда, сына Вальгарда, и сказал, что посватал его дочь за своего родича Старкада. Халль сказал, что выбор этот очень удачен, но что с Мёрдом иметь дело плохо.

— Ты убедишься в этом еще до конца тинга, — прибавил он.

На том их разговор окончился.

Однажды Ньяль и Асгрим долго разговаривали вполголоса. Потом Асгрим встал и сказал сыновьям Ньяля:

— Пойдемте искать себе друзей, чтобы наши противники не оказались сильнее нас. Ведь тяжба эта будет очень трудная.

И Асгрим вышел, а за ним Хельги, сын Ньяля, потом Кари, сын Сельмунда, потом Грим, сын Ньяля, потом Скарпхедин, потом Торхалль, потом Торгрим Большой, потом Торлейв Ворон. Они дошли до землянки Гицура Белого и вошли в нее. Увидев их, Гицур встал, предложил им сесть и стал угощать. Асгрим сказал:

— Не за тем мы пришли. Мы будем говорить открыто: на какую твою поддержку я могу рассчитывать, родич?

Гицур сказал:

— Моя сестра Йорунн, наверное, рассчитывает, что я не откажусь помочь тебе. Пусть так и будет, пусть у нас будет одна судьба.

Асгрим поблагодарил его и ушел. Тогда Скарпхедин спросил:

— Куда теперь?

Асгрим ответил:

— К землянке людей из Эльфуса.

И они пошли туда. Асгрим спросил, в землянке ли Скафти, сын Тородда. Ему ответили, что в землянке. Тогда они вошли туда. Скафти

сидел на скамье. Он поздоровался с Асгримом и учтиво его принял. Скафти предложил Асгриму сесть рядом с собой. Асгрим ответил, что зашел ненадолго, и прибавил:

— А у меня к тебе есть дело.

— Расскажи, — говорит Скафти.

— Я хочу попросить тебя, чтобы ты оказал поддержку мне и моим родичам.

— Я не думал, — отвечает Скафти, — что ваши неурядицы дойдут до моего жилища.

Асгрим говорит:

— Нехорошие это слова. Плохо отказывать людям в помощи, когда они всего более в ней нуждаются.

— Кто этот человек, — спрашивает Скафти, — что идет пятым, а сам высок ростом, бледеи лицом, неудачлив с виду, суров и зловец?

Тот отвечает:

— Скарпхеდიном зовут меня, и ты меня много раз видел на тинге. Но я, верно, умнее тебя, потому что мне не надо спрашивать, как тебя зовут. Тебя зовут Скафти, сын Тородда, а раньше ты называл себя Щетинной Головой, когда ты убил Кетиля из Эльды. Ты выбрил себе тогда голову и вымазал ее дегтем. Затем ты заплатил рабам за то, чтобы они вырезали полоску дерна, и заполз под нее на ночь. Потом ты отправился к Торольву, сыну Лофта с Песков, и он взял тебя к себе и отнес на корабль в мешке от муки.

После этого они ушли. Скарпхедин сказал:

— Куда пойдём теперь?

— К землянке Снорри Годи.

И они пошли к землянке Снорри. Там перед землянкой стоял какой-то человек. Асгрим спросил его, в землянке ли Снорри. Тот ответил, что в землянке. Асгрим и все его спутники вошли в землянку. Снорри сидел на скамье. Асгрим подошел к нему и учтиво с ним поздоровался. Снорри встретил его приветливо и попросил сесть. Асгрим сказал, что зашел ненадолго, и прибавил:

— У меня к тебе есть дело.

Снорри попросил рассказать о нем. Асгрим сказал:

— Я хотел бы, чтобы ты поддержал меня на суде и помог мне, потому что ты умеи и умеешь постоять за себя.

— Плохо идут сейчас в суде наши собственные дела, — ответил Снорри. — И так уже против нас поднялось много народу. Поэтому нам вовсе не хочется впутываться в дела людей из другой четверти.

— Что же, может, ты и прав, — сказал Асгрим. — Ты ведь нам ничего не должен.

— Я знаю, ты хороший человек, — сказал Снорри. — Поэтому я обещаю тебе, что не пойду против тебя и не буду помогать твоим недругам.

Асгрим поблагодарил его. Снорри сказал:

— Кто этот человек с резкими чертами лица, что идет пятым, а сам бледеи лицом, скалит зубы и держит на плече секиру?

— Хедином зовут меня, — отвечает тот. — А некоторые зовут меня полным именем — Скарпхедин. Может, ты хочешь еще что-нибудь сказать мне?

Снорри сказал:

— Только то, что человек ты, по-видимому, суровый и заносчивый. Но я вижу, что счастье твое скоро изменит тебе, и недолго тебе остается жить.

— Что ж, — говорит Скарпхедин. — Этот долг все должны заплатить. Но лучше бы тебе отомстить за смерть своего отца, чем заниматься пророчествами.

— Мне это многие уже говорили, — отвечает Снорри. — Но меня этим не рассердишь.

После этого они вышли, так и не заручившись здесь никакой поддержкой. Оттуда они направились к землянке людей с Полуостровного Фьорда. Это была землянка Хавра Богатого. Его отцом был Торкель, сын Эйрика из Долии Богов, внук Гейрмунда, правнук Хроальда, праправнук Эйрика Торчащая Борода, что убил Грьотгарда в Сокнардале, в Норвегии. Мать Хавра звали Торунн. Она была дочерью Асбьёрна Лысого с Темной Реки, сына Хроссбьёрна.

Асгрим и его люди вошли в землянку. Хавр сидел в землянке посредине скамьи и разговаривал с каким-то человеком. Асгрим подошел к нему и поздоровался с ним. Тот учтиво ответил ему и предложил сесть. Асгрим сказал:

— Я хотел бы попросить тебя, чтобы ты оказал поддержку мне и моим родичам.

Хавр сразу же ответил, что не хочет ввязываться в их неурядицы.

— Но я хочу спросить, — сказал он, — кто этот бледный человек, который идет пятым? У него такой страшный вид, словно он вышел со дна морского.

Скарпхедин сказал:

— Не твое дело, молочная рожа, кто я такой! Я не побоюсь пройти мимо тебя, если ты будешь сидеть в засаде. Мне ничуть страшно, когда такие, как ты, стоят на моем пути. Ты бы лучше разыскал свою сестру

Сванлауг. Эйдис Железный Нож и Коль Наковальня похитили ее из твоего дома, а ты и пальцем шевельнуть не посмел.

Асгрим сказал:

— Идем отсюда, нечего нам ждать здесь поддержки.

Затем они пошли к землянке людей с Подмаренничных Полей и спросили, там ли Гудмунд Могучий. Им сказали, что там. Тогда они вошли в землянку. Посреди землянки стояло почетное сиденье, и на нем сидел Гудмунд Могучий. Асгрим подошел к нему и поздоровался с ним. Гудмунд учтиво ответил ему и предложил сесть. Асгрим сказал:

— Не сидеть мне хочется, а попросить у тебя поддержки, потому что ты человек честолюбивый и очень знатный.

Гудмунд ответил:

— Я не пойду против вас, а если найду возможным, то и поддержу. Тогда мы и поговорим об этом.

Он отнесся к ним очень благосклонно. Асгрим поблагодарил Гудмунда за его слова. Гудмунд сказал:

— Среди вас есть один человек, на которого я все смотрю. Мало я видел людей, похожих на него.

— Кто же это? — спросил Асгрим.

— Он идет пятым, — ответил Гудмунд. — Волосы у него темные, лицо бледное, он высок ростом, силеи на вид и так решителен, что я охотнее имел бы среди своих людей его, чем десять других. И все же он человек неудачливый.

Скарпхедин сказал:

— Я знаю, что ты говоришь обо мне. Мы оба с тобой неудачливы, но каждый по-своему. Меня корят за убийство Хёскульда, годи Белого Мыса, и это правильно. Тебя же поносят Торкель Дерзкий и Торир, сын Хельги, и ты от этого очень страдаешь.

И они вышли. Скарпхедин сказал:

— Куда же нам теперь пойти?

— К землянке людей со Светлого Озера, — сказал Асгрим. Эту землянку покрыл Торкель Дерзкий. Его отцом был годи Торгейр, сын Тьёрви, внук Торкеля Длинного. Мать Торгейра звали Торунн, она была дочерью Торстейна, внучкой Сигмунда, правнучкой Гнупа-Барда. Мать Торкеля Дерзкого звали Гудрид, она была дочерью Торкеля Черного из Хлейдраргарда, внучкой Торира Лопоухого, правнучкой Кетиля Тюленя, праправнучкой Арнольва, прапраправнучкой Бьёрнольва. Отцом Бьёрнольва был Грим Мохнатые Щеки, сын Кетиля Лосося, внук Халльбьёрна Полутролля. Торкель Дерзкий уезжал из Исландии и

отличился в чужих странах. Он убил разбойника на востоке, в лесу Ямтаског. Затем он отправился на восток, в Швецию, и присоединился к Сёрквиру Старику, и они ходили походом в восточные страны. А восточнее побережья Балагардссиды^[221] Торкель однажды вечером отправился за водой для своих. Там он встретил морское чудище и долго бился с ним. Дело кончилось тем, что он убил чудище. Оттуда он поехал на восток в Адальсюслу^[222]. Там он убил летающего дракона. Затем он вернулся обратно в Швецию, оттуда — в Норвегию, а потом поехал в Исландию. Он велел вырезать эти подвиги над своей постелью и перед своим почетным сиденьем, а еще он со своими братьями бился на осеннем тинге людей со Светлого Озера с Гудмундом Могучим, и люди со Светлого Озера победили. Поэтому Торир, сын Хельги, и Торкель Дерзкий поносили Гудмунда. Торкель говорил, что нет никого в Исландии, с кем бы он не вышел на поединок или кого бы он испугался. Его звали Торкелем Дерзким, потому что он не щадил никого ни на словах, ни на деле, с кем бы ему ни приходилось встретиться.

СХХ

Асгрим и его спутники пошли к землянке Торкеля. Асгрим сказал своим спутникам:

— Это землянка Торкеля Дерзкого, могучего воина, и нам было бы очень важно заручиться его поддержкой. Нам надо держаться здесь осторожно, потому что он человек своевольный и крутой. Я хочу попросить тебя, Скарпхедин, чтобы ты не вмешивался в наш разговор.

Скарпхедин усмехнулся в ответ. На нем был синий плащ и полосатые синие штаны, а на ногах высокие черные сапоги. Пояс у него был серебряный, а в руках он держал секиру, которой он убил Траина и которую называл Великанша Битвы, и небольшой щит. Голова у него была повязана шелковой лентой, украшенной золотом, а волосы зачесаны за уши. Вид у него был на редкость воинственный, и все узнавали его, даже те, кто его никогда не видел. Он шел, не опережая других и не отставая. Они вошли внутрь землянки. Торкель сидел посередине скамьи, а его люди по обе стороны от него. Асгрим поздоровался с ним, и Торкель учтиво ответил ему. Асгрим сказал:

— Мы пришли сюда затем, чтобы просить у тебя поддержки в нашей тяжбе.

Торкель сказал:

— На что вам моя поддержка, раз вы уже ходили к Гудмунду? Он вам верно обещал поддержку?

— Нет, его поддержкой мы не заручились, — сказал Асgrim.

Торкель сказал:

— Видно, ваше дело показалось Гудмунду неправым. Да так оно и есть, потому что хуже того, что вы сделали, никто еще никогда не делал. И я знаю, что привело тебя сюда: ты решил, что я не так щепетилен, как Гудмунд, и что я поддержу неправоное дело.

Асgrim промолчал, видя, что дела их плохи.

Торкель сказал:

— Кто этот высокий и зловещий человек с резкими чертами лица, что идет пятым, а сам бледеи и, судя по его виду, неудачлив и зол?

Скарпхедин сказал:

— Меня зовут Скарпхедином, и нечего тебе поносить меня ни с того ни с сего обидными словами. Ведь со мной никогда не случалось, чтобы я притеснял своего отца и дрался с ним, как ты со своим. И ты ведь мало ездил на тинг и мало занимался делами тинга. Тебе, видно, сподручнее варить у себя на дворе на Секирной Реке сыры с горсткой твоих домочадцев. Ты бы лучше выковырял у себя из зубов конец кобыльей кишки, которую ты сожрал перед тем, как поехал на тинг, — еще твой пастух увидел это и удивился, как ты можешь делать такие пакости.

Торкель вскочил в сильном гневе, схватил свой меч и сказал:

— Этот меч я добыл в Швеции, убив одного могучего воина. После этого я убил им множество народу. И когда я доберусь до тебя, то проткну им тебя за твои обидные речи.

Скарпхедин стоял, подняв секиру. Он усмехнулся и сказал:

— Эту секиру я держал в руке, когда прыгнул на двенадцать локтей через Лесную Реку и убил Траина, сына Сигфуса. Там стояло восемь человек, но они ничего не могли мне сделать. Еще не бывало случая, чтобы я промахнулся, нанося этой секирой удар по врагу.

Он оттолкнул своих братьев и своего зятя Кари и подошел к Торкелю. Он сказал:

— Выбирай, Торкель Дерзкий! Либо спрячь меч в ножны и садись на место, либо я хвачу тебя секирой по голове и раскрою ее до плеч.

Тут Торкель сел на место и спрятал меч в ножны. Такого с ним никогда не бывало ни до этого, ни после. Асgrim со своими спутниками вышли из землянки. Скарпхедин сказал:

— Куда мы пойдём теперь?

Асгрим ответил:

— Домой, к себе в землянку!

— Вот мы идем, устав просить, к себе домой! — сказал Скарпхедин.

Асгрим повернулся к нему и сказал:

— Частенько ты был резковат на язык, но на этот раз, мне кажется, Торкелю досталось от тебя поделом.

И они пошли домой, к своей землянке, и подробно рассказали Ньялю обо всем. Он сказал:

— Будь что будет, раз уж так суждено.

Гудмунд Могучий узнал, что произошло между Скарпхедином и Торкелем, и сказал так:

— Вы, верно, знаете, что случилось со мною и людьми со Светлого Озера. Но я не понес от них такого посрамления, какое понес Торкель от Скарпхедина. И это очень хорошо.

Потом Гудмунд сказал Эйнару с Поперечной Реки, своему брату:

— Возьми всех моих людей, поезжай и поддержи сыновей Ньяля, когда начнется суд. А если им понадобятся люди и на следующее лето, то я сам помогу им.

Эйнар согласился и велел передать это Асгриму. Асгрим сказал:

— Не много у нас таких знатных людей, как Гудмунд!

И он рассказал потом об этом Ньялю.

СХХІ

На следующий день встретились Асгрим, Гицур Белый, Хьяльти, сын Скегги, и Эйнар с Поперечной Реки. А еще был там Мёрд, сын Вальгарда. Он тем временем отказался от права вести тяжбу и передал его сыновьям Сигфуса. Асгрим сказал:

— К тебе первому я обращаюсь, Гицур Белый. И к вам, Хьяльти и Эйнар. Я хочу рассказать вам, как обстоит наше дело. Вы, верно, знаете, что Мёрд начал тяжбу против нас. Но дело в том, что Мёрд сам участвовал в убийстве Хёскульда и нанес ему рану, виновник которой не был назван. Мне кажется, что этот иск будет вообще незаконным.

— Так давайте объявим сейчас же об этом, — говорит Хьяльти.

Торхалль, сын Асгрима, говорит:

— Разумнее было бы скрыть это до того, как начнется суд.

— Почему? — спрашивает Хьяльти.

Торхалль отвечает:

— Если они сейчас узнают о том, что они повели дело неправильно, то они смогут все исправить, послав тотчас же с тинга человека домой, чтобы вызвать ответчиков на суд, а соседей назвать на тинге. Тогда иск будет законным.

— Мудрый ты человек, Торхалль, — говорят они, — и пусть будет по-твоему.

После этого все разошлись по землянкам.

Сыновья Сигфуса предъявили свой иск со Скалы Закона, спросили ответчиков о том, какого они тинга и где живут. В ночь с четверга на пятницу должен был начаться суд. До тех пор на тинге все было спокойно. Многие старались помирить тяжущихся, но Флоси противился этому, а у других было столько отговорок, что ясно было: из этих попыток вряд ли что выйдет.

И вот в ночь с четверга на пятницу начался суд. Все, кто был на тинге, пошли на суд. Флоси со своими людьми стоял к югу от суда людей с Кривой Роки. С ним были Халль с Побережья, Рунольв из Долины, сын Ульва Аургоди, и другие, кто обещал Флоси поддержку. А к северу от суда людей с Кривой Реки стояли Асгрим и Гицур Белый, Хьяльти и Эйнар с Поперечной Реки. Сыновья же Ньяля, Кари, Торлейв Ворон и Торгрим Большой остались, вооруженные, дома, в землянке, так что едва ли кто-нибудь решился бы напасть на них.

Ньяль предложил судьям занять свои места. Сыновья Сигфуса начали тяжбу. Они назвали свидетелей и предложили сыновьям Ньяля выслушать их присягу. Затем они дали присягу. Потом отти изложили дело. После этого они попросили выступить свидетелей. Затем они предложили соседям занять свои места. Потом они предложили ответчикам отвести неправомочных соседей.

Торхалль, сын Асгрима, назвал свидетелей и объявил тяжбу незаконной, потому что тот, кто начал ее, сам преступил закон и должен быть осужден.

— О ком это ты говоришь? — спросил Флоси.

Торхалль ответил:

— Мёрд, сын Вальгарда, участвовал в убийстве Хёскульда вместе с сыновьями Ньяля и нанес ему ту самую рану, виновник которой не был назван, когда называли свидетелей ран. Вы ничего не можете возразить мне против того, что тяжба незаконна.

СХХII

Ньяль встал и сказал:

— Я прошу вас, Халль с Побережья, Флоси, все сыновья Сигфуса и все наши люди, чтобы вы не уходили и выслушали, что я вам скажу.

Опи послушались. Тогда он сказал:

— Мне кажется, что дело запуталось безнадежно. Этого можно было ждать, потому что нехороший у него корень. Я хочу сказать вам, что Хёскульда я любил больше, чем своих сыновей. И когда я узнал, что он убит, мне показалось, что погас сладчайший свет очей моих. Лучше бы я потерял всех моих сыновей, а он остался в живых. И вот я прошу вас, Халль с Побережья, Рунольв из Долины, Гицур Белый, Эйнар с Поперечной Реки и Хавр Мудрый, чтобы мне дали заплатить виру за убийство, которое совершили мои сыновья, и я бы хотел, чтобы нас

рассудили те, кому это всего больше пристало.

Гицур, Эйпар и Хавр по очереди подолгу обращались к Флоси и просили его помириться, обещая ему взамен свою дружбу. Флоси на все отвечал учтиво, но, однако, ничего не обещал. Халль с Побережья сказал Флоси:

— Собираешься ли ты сейчас исполнить мою просьбу, как ты мне обещал, когда я вывез из Исландии твоего родича Торгрима, сына Кетиля Толстого, который убил Халля Рыжего?

Флоси сказал:

— Исполню, тесть! Потому что ты станешь просить меня лишь о том, от чего мне будет только больше чести.

Халль сказал:

— Тогда я хочу, чтобы ты как можно скорее помирился, дал бы уважаемым людям рассудить дело и приобрел бы дружбу лучших людей.

Флоси сказал:

— Так знайте же, что я последую совету моего тестя Халля и других уважаемых людей. Пусть он и уважаемые люди с обеих сторон, выбранные по закону, рассудят дело. По-моему, Ньяль заслужил, чтобы я сделал это для него.

Ньяль поблагодарил его и их всех, и те, кто был при этом, сказали, что Флоси поступил хорошо. Флоси сказал:

— Теперь я назову моих судей. Первым я называю моего тестя Халля, потом Эцура с Широкой Реки, Сурта, сына Асбьёрна из Церковного Двора, Модольва, сына Кетиля, — он жил тогда в Грядах, — Хавра и Рунольва из Долины. Все, наверное, согласятся, что из моих людей эти самые подходящие.

Тут он попросил Ньяля назвать своих судей. Ньяль встал и сказал:

— Я называю первым Асгрима, сына Лодейного Грима, затем Хьяльти, сына Скеggi, Гицура Белого, Эйнара с Поперечной Реки, Снорри Годи и Гудмунда Могучего.

После этого Ньяль, Флоси и сыновья Сигфуса дали друг другу руки, и Ньяль от имени всех своих сыновей и Кари обязался соблюдать то, что решат эти двенадцать человек. Можно сказать, что все, кто был на тинге, обрадовались этому. Послали людей за Снорри и Гудмундом, потому что они оставались в своих землянках. Было решено, что судьи будут заседать в судилище, а все остальные должны уйти.

Снорри Годи сказал так:

— Вот нас здесь двенадцать человек судей, которые должны вынести решение. Я хочу попросить вас всех: давайте не запутывать дело так, чтобы их нельзя было помирить.

Гудмунд сказал:

— Хотите ли вы изгнать кого-нибудь из его четверти или из страны?

— Нет, — ответил Снорри, — это ведь редко кончается добром. Из-за этого возникают раздоры и люди убивают друг друга. Пусть лучше они уплатят такую большую виру, чтобы не было никого в нашей стране, за кого было бы заплачено дороже, чем за Хёскульда.

Все поддержали его слова. Затем они стали совещаться и никак не могли договориться, кому из них первому назначить, какой должна быть вира. Кончилось тем, что они бросили жребий, и Снорри выпало первому назначить виру. Он сказал:

— Я долго раздумывать не собираюсь, а сразу скажу вам, что я предлагаю. Я хочу, чтобы за Хёскульда заплатили тройную виру — это будет шесть сотен серебра. Если же вам кажется, что это слишком много или слишком мало, то поправьте меня.

Они ответили, что им поправлять нечего.

— И к этому еще условие, что все деньги должны быть выплачены на тинге.

Тогда Гицур Белый сказал:

— Мне думается, что это едва ли возможно. У них, наверное, хватит денег, только чтобы заплатить небольшую часть их долга.

Гудмунд сказал:

— Я знаю, чего хочет Снорри. Он хочет, чтобы мы все, судьи, дали каждый по стольку, сколько нам велит наша щедрость. Тогда многие последуют нашему примеру.

Халль с Побережья поблагодарил его и сказал, что охотно даст столько же, сколько тот, кто даст больше всех. Тогда все судьи согласились на предложение Гудмунда. После этого они договорились, что Халль произнесет решение со Скалы Закона и разошлись. Потом ударили в колокол, и все пошли к Скале Закона. Халль встал и сказал:

— По делу, которое мы решали, мы пришли к единодушному решению и положили шесть сотен серебра. Мы, судьи, хотим внести половину, и все сполна должно быть выплачено здесь, на тинге. Я обращаюсь с просьбой ко всем: пусть всякий даст сколько-нибудь ради бога.

Все согласились. Халль назвал тогда свидетелей решения, чтобы никто не смел нарушать его. Ньяль поблагодарил судей за решение. Скарпхедин

стоял при этом молча рядом и усмехался. Потом люди стали расходиться от Скалы Закона по землянкам. А судьи собрали на церковном дворе все деньги, которые они обещали дать. Сыновья Няля и Кари отдали все деньги, которые у них были с собой. Это составило сотню серебра. Няль принес все деньги, которые у него были. Это была вторая сотня серебра. Затем все эти деньги были отнесены в судилище, и все дали столько, что было собрано все сполна до последнего пеннинга. Няль взял длинное шелковое одеяние и заморские сапоги и положил сверху. После этого Халль сказал Нялю, чтобы он пошел за своими сыновьями.

— А я пойду за Флоси, и пусть они дадут друг другу клятвы в том, что будут соблюдать мир.

Тогда Няль пошел к себе в землянку и сказал своим сыновьям:

— Ну, наше дело кончилось хорошо: мы помирились, и все деньги собраны. Теперь и нам и им надо пойти и принести клятвы в том, что будет соблюдаться мир. И я хочу попросить вас, чтобы вы ничего не сделали такого, что испортило бы все.

Скарпхедин провел рукой по лбу и усмехнулся. И вот они все пошли в судилище. Халль пошел к Флоси и сказал ему:

— Иди теперь в судилище: деньги все внесены сполна и собраны в одном месте.

Флоси попросил сыновей Сигфуса пойти с ним. Они все вышли из землянки и направились в судилище. Няль и его сыновья тоже пошли в судилище. Скарпхедин пошел к среднему ряду скамей и остановился там. Флоси вошел в судилище посмотреть на деньги и сказал:

— Большие это деньги и хорошие, и выплачены они сполна как и следовало ждать.

Затем он поднял шелковое одеяние и спросил, кто положил его сюда, но никто ему не ответил. Он снова помахал одеянием и спросил, кто положил его, и рассмеялся. Никто ему не ответил. Флоси сказал:

— Что же, никто из вас не знает, чья это одежда, или вы не смеее сказать мне об этом?

Скарпхедин сказал:

— Как ты думаешь, кто это положил?

Флоси сказал:

— Если ты так хочешь знать, то я отвечу тебе, что, по-моему, это положил твой отец, безбородый старик, потому что многие, когда глядят на него, не знают, мужчина он или женщина.

Скарпхедин сказал:

— Подло поносить старика, которого еще никогда не оскорблял

честный человек. Вам должно быть известно, что он мужчина, потому что он прижил со своей женой сыновей. И мало наших родичей похоронено у нашего двора, за кого бы мы не отомстили.

И Скарпхедин взял в руки шелковое одеяние, и бросил Флоси синие штаны, и сказал, что они ему нужнее. Флоси спросил:

— Почему они мне нужнее?

Скарпхедин сказал:

— Потому что, как говорят, ты жена великана со Свиной Горы и каждую девятую ночь он приходит к тебе как к жене.

Тогда Флоси отпихнул ногой деньги и сказал, что ему не надо ни пеннинга из них. Пусть будет одно из двух: либо за убийство Хёскульда так и не будет заплачено, либо он отомстит за него. И Флоси не захотел мириться и сказал сыновьям Сигфуса:

— Идемте теперь домой. Пусть у всех у нас будет одна судьба.

После этого они пошли домой, к себе в землянку. Халль сказал:

— Слишком неудачливые люди замешаны здесь.

Ньяль со своими сыновьями пошел к себе в землянку. Он сказал:

— Вот сбывается то, что я давно предчувствовал: это дело не кончится для нас добром.

— Не думаю, — говорит Скарпхедин, — по закону они ничего нам сделать не могут.

— Сбудется то, — говорит Ньяль, — что будет для всех хуже-всего.

Люди, которые внесли деньги, стали поговаривать о том, чтобы взять их обратно. Гудмунд сказал:

— Такого позора я на себя не навлеку: я не возьму обратно того, что дал, ни сейчас, ни когда-нибудь потом.

— Хорошо сказано, — сказали они и тоже не захотели взять свои деньги назад.

Снорри Годи сказал:

— Мой совет такой: пусть Гицур Белый и Хьяльти, сын Скегги, сохранят эти деньги до следующего альтинга. У меня такое предчувствие, что скоро они нам понадобятся.

Хьяльти взял на хранение одну половину этих денег, а Гицур — другую. И вот люди разошлись по своим землянкам.

Флоси позвал всех своих людей в Ущелье Сходок и сам пошел туда. И

вот там собрались все его люди. Всего их было сто человек. Флоси сказал сыновьям Сигфуса:

— Как бы я мог помочь вам в этом деле, чтобы вы были довольны?

Гуннар, сын Ламби, сказал:

— Мы не будем довольны, пока не будут убиты все братья, сыновья Няля.

Флоси сказал:

— Я хочу пообещать сыновьям Сигфуса, что не отступлюсь, пока кто-нибудь из нас — либо мы, либо они — не склонится перед другим. А еще я хочу знать, если ли здесь кто-нибудь, кто не хочет быть вместе с нами в этом деле.

Но все сказали, что хотят. Флоси сказал:

— Пусть теперь каждый подойдет ко мне и поклянется, что он не отступится.

Все подошли к Флоси и поклялись ему в этом. Флоси сказал:

— Подадим руки в знак того, что тот, кто отступится от этого дела, должен будет лишиться имущества и жизни.

Вот кто из знатных людей был с Флоси: Коль, сын Торстейна Пузатого, племянник Халля с Побережья; Хроальд, сын Эцура с Широкой Реки; Эцур, сын Энунда Карман на Спине; Торстейн Красивый, сын Гейрлейва; Глум, сын Хильдира; Модольв, сын Кетилия; Торир, сын Торда Злого из Муравьиного Междуречья; братья Флоси — Кольбейн и Эгиль; Кетиль, сын Сигфуса, и его братья Мёрд, Торкель и Ламби; Грани, сын Гуннара; Гуннар, сын Ламби, и его брат Сигурд; Ингьяльд с Ключей; Хроар, сын Хамунда. Флоси сказал сыновьям Сигфуса:

— Выберите себе вождя, который, по-вашему, всего лучше подходит для этого, потому что во главе всего этого дела должен стоять один человек.

Кетиль из Леса ответил:

— Если выбирать нам, мне и моим братьям, то мы бы не задумываясь решили, что выбор должен пасть на тебя. Рода ты знатного, и человек ты большой, ты непреклонен и мудр. Нам думается, что ты ради нас возьмешься за это дело.

Флоси сказал:

— Всего скорее, что я соглашусь на то, о чем вы меня просите. Я вам сейчас же скажу, что нам надо сначала делать. Я советую, чтобы каждый из вас с тинга поехал к себе домой и присмотрел летом за хозяйством, пока убирают сено на лугах. Я тоже поеду домой и пробуду лето дома. Но в воскресенье, когда до начала зимы останется восемь недель, я велю, чтобы мне дома отслужили обедню, и потом поеду на запад, через Пески Гагарьей

Горы. У каждого из нас должно быть с собой по два коня. Я не возьму с собой никого, кроме тех, кто дал мне сейчас клятву, потому что народу у нас достаточно, если нас столько и останется. Я проеду все воскресенье и всю ночь, и на второй вечер недели я буду на Гряде Треугольной Горы, примерно в первой половине вечера. Вы все, кто дал клятву, тоже будете там в это время. Если кто-нибудь из тех, кто дал клятву, не приедет, то это будет стоить ему жизни, если нам ничто не помешает.

Кетиль сказал:

— Как это может быть, чтобы ты выехал из дому в воскресенье, а на второй день недели приехал на Гряде Треугольной Горы?

Флоси ответил:

— Я выеду из Междуречья Реки Скафты и поеду севернее Ледника Островных Гор и оттуда вниз, в Землю Богов. Это может удаться, если я буду ехать быстро. Я расскажу вам о моем замысле: когда мы соберемся там, мы все поедem к Бергторову Пригорку и пойдem на сыновей Ньяля огнем и мечом. Мы не уедem оттуда, пока хоть один из них останется в живых. Держите этот уговор в тайне, потому что от этого зависит жизнь всех нас. А теперь пусть нам приведут наших коней, и поедem по домам.

Они разошлись по своим землянкам. После этого Флоси велел оседлать своего коня, и все поехали по домам, не ожидая никого. Флоси не хотел встречаться со своим тестем Халлем, потому что был уверен, что тот станет отговаривать его от всяких злых умыслов.

Ньяль с сыновьями поехал с тинга домой, и они все пробыли лето дома. Ньяль спросил Кари, собирается ли он съездить на восток, в свой двор Проливные Островки. Кари ответил:

— Я не поеду на восток, потому что у меня с вами должна быть одна судьба.

Ньяль поблагодарил его и сказал, что ждал от него этого. На дворе всегда было вместе с работниками около трех десятков мужчин, способных носить оружие.

Однажды случилось, что Хродню, дочь Хёскульда, приехала в Ключи. Её брат Ингьяльд встретил ее приветливо. Она не ответила на приветствие, а попросила выйти с ней. Ингьяльд послушался и вышел с ней, и они оба отошли со двора. Тут она схватила его за руку, и они сели. Она спросила:

— Правда ли, что ты поклялся напасть на Ньяля и убить его и его сыновей?

Он ответил:

— Правда.

— Нет человека подлее тебя, — говорит она, — ведь Ньяль три раза

спасал тебя от объявления вне закона.

— Теперь уж ничего не поделаешь, — говорит он, — я поплачусь жизнью, если не сдержу клятвы.

— Нет, это не так, — говорит она. — Ты все же останешься в живых и будешь считаться честным человеком, если ты не предашь того, кому больше всего обязан.

Тут она вынула из котомки полотняную шапку, всю в крови и дырах, и сказала:

— Эта шапка была на голове Хёскульда, сына Ньяля, когда они убили его. Пристало ли тебе быть на стороне тех, кто против Ньяля?

Он ответил:

— Хорошо. Будь что будет, я не пойду против Ньяля. Но я знаю, они отплатят мне за это.

Она сказала:

— Ты бы оказал большую услугу Ньялю и его сыновьям. Если бы рассказал ему обо всем этом замысле.

— Этого я не сделаю, — говорит Ингьяльд, — потому что я буду самым подлым человеком, если я расскажу о том, что мне доверили. Но отступить от их дела — поступок мужественный, потому что я знаю, что они будут за это мстить. А ты скажи Ньялю и его сыновьям, чтобы они все это лето были начеку и всегда имели при себе много народу. Это будет разумным советом.

После этого она отправилась на Бергторов Пригорок и рассказала Ньялю обо всем их разговоре. Ньяль поблагодарил ее и сказал, что она хорошо сделала.

— Ведь если бы он пошел против меня, то он поступил бы хуже их всех.

После этого она пошла домой, а Ньяль рассказал все своим сыновьям.

На Бергторовом Пригорке жила старуха по имени Сеунн. Она знала многое и была ясновидящей. Но она была очень стара, и сыновья Ньяля называли ее дурочкой, потому что она много болтала. Однако многое из того, что она говорила, сбывалось. Однажды она схватила палку и зашла за дом, где стоял стог сена. Она стала бить стог палкой и проклинать его, приговаривая, что он принесет несчастье. Скарпхедин рассмеялся и спросил, за что она так рассердилась на стог. Старуха сказала:

— Этот стог подожгут, когда будут сжигать Ньяля и мою воспитанницу Бергтору. Бросьте его в воду или сожгите его побыстрее.

— Не станем мы этого делать, — сказал Скарпхедин, — потому что если уж нам суждено сгореть, то найдется чем поджечь наш дом, даже если

стога и не будет.

Старуха все лето болтала о том, что стог надо убрать, но этого так и не сделали.

CXXV

В Дымах, на Поприще, жил Рунольв, сын Торстейна. Его сына звали Хильдиглум. В ночь на воскресенье за двенадцать недель до зимы Хильдиглум вышел из дому и услышал сильный грохот. Ему показалось, что земля и небо трясутся. Хильдиглум посмотрел на запад и увидел там огненный круг и в нем человека на сером коне. Этот человек скакал во весь опор и быстро пронесся мимо. В руке у него была пылающая головня. Он проехал так близко от Хильдиглума, что тот мог хорошо рассмотреть его. Он был черен как смола. Он сказал громким голосом такую вису:

— Скачет мой конь —

Влажная челка,

Иней на гриве.

Зло я несу.

Горит головня,

Отравы полна.

Козни Флоси —

Огонь на ветру.

Козни Флоси —

Огонь на ветру.

Хильдиглуму показалось, что он бросил головню на восток, в горы, и там вспыхнул такой большой пожар, что гор не стало видно. Хильдиглуму показалось затем, что он поскакал на восток, в огонь, и там исчез. Затем Хильдиглум вошел обратно в дом и долго лежал без чувств, прежде чем снова пришел в себя. Он помнил все, что увидел, и рассказал своему отцу, а тот велел ему рассказать Хьяльти, сыну Скегги. Хильдиглум поехал и рассказал ему.

— Ты видел призрак, — сказал Хьяльти. — Это не к добру.

CXXVI

Когда до зимы оставалось два месяца, Флоси снарядился для поездки на запад и созвал к себе всех, кто обещал поехать с ним. У каждого из них было две лошади и хорошее оружие. Они все собрались на Свиной Горе и заночевали там. Флоси велел рано отслужить воскресную службу. Затем он сел за стол. Он сказал всем своим домочадцам, что каждый из них должен делать, пока его не будет дома, и пошел к лошадям.

Флоси и его люди поехали на запад через пески. Он велел ехать сначала не слишком быстро и дожидаться всех, кому понадобится задержаться. Он сказал, что они приедут загодя. Они ехали на запад через Лесные Дворы и приехали в Церковный Двор. Здесь Флоси велел всем пойти в церковь и помолиться. Они так и сделали. Затем они снова сели на лошадей и поехали в горы к Рыбным Озерам, объехали их с запада, направились на запад через пески, оставили по левую руку Ледник Островных Гор и спустились через Землю Богов к Лесной Реке. На второй день недели, после полудня, они приехали к Гряде Треугольной Горы и оставались там до вечера. Там собрались все, кроме Ингьяльда с Ключей. Сыновья Сигфуса очень поносили его. Но Флоси сказал, чтобы они не бранили его пока его нет с ними.

— Мы отплатим ему после, — сказал он.

СХХVII

Теперь надо рассказать о том, что происходило на Бергторовом Пригорке. Грим и Хельги поехали в Холмы, где их дети были на воспитании, и сказали своему отцу, что они не вернутся домой к вечеру. Они пробыли в Холмах весь день. И вот пришли туда нищенки и сказали, что они издалека. Их спросили, что они могут рассказать. Они сказали, что ничего не могут рассказать важного.

— Но кое-что новое мы можем рассказать, — добавили они.

Их стали спрашивать, что они могут сказать нового, и просили не скрывать ничего. Тогда они согласились.

— Мы спускались с Речного Склона и увидели, что сыновья Сигфуса едут в полном вооружении к Гряде Треугольной Горы. Их было всего пятнадцать человек. Мы видели также Грани, сына Гуннара, и Гуннара, сына Ламби. которые направились туда же. Их было всего пять человек. Наверно, там теперь готовятся большие дела.

Тогда Хельги, сын Ньяля, сказал:

— Это, наверно, Флоси приехал с востока, и все собираются к нему.

Нам с Гримом нужно теперь быть там, где Скарпхедин.

Грим сказал, что оно верно, и они поехали домой,

В этот самый вечер Бергтора сказала своим домочадцам:

— Выбирайте все, что каждому по вкусу, потому что сегодня вечером я последний раз подаю вам еду.

— Не может этого быть, — сказали все, кто был при этом.

— Однако это так, — сказала она. — И я могла бы еще многое сказать, если бы хотела. Например, что Грим и Хельги вернутся домой еще до того, как люди встанут из-за столов, и если это сбудется, то сбудется и все, что я говорю.

Потом она стала ставить еду на столы, а Ньяль сказал:

— Что-то странное видится мне. Я смотрю вокруг, и мне чудится, что в доме нет стен и что всё в крови, стол и еда.

Всех это поразило, кроме Скарпхедина. А он сказал, что нечего падать духом и давать другим повод для насмешек.

— Ведь с нас, конечно, больше спросится, чем с других, — Добавил он.

Грим и Хельги вернулись домой до того, как столы были убраны, и все были поражены этим. Ньяль спросил, почему они так быстро вернулись, и они рассказали о том, что услышали. Тогда Ньяль велел, чтобы никто не ложился и все были настороже.

CXXVIII

Теперь надо рассказать о Флоси. Он сказал своим людям:

— Поедьте к Бергторову Пригорку, чтобы быть там до вечера.

Они так и сделали. В пригорке была лощина, и они въехали в нее, привязали там лошадей и оставались там, пока совсем не смерклось. Флоси сказал:

— Теперь пойдите к усадьбе. Будем держаться сплоченно и осмотрительно и поглядим, что они станут делать.

Ньяль, его сыновья, Кари и все домочадцы стояли перед домом. Их было около трех десятков человек. Флоси остановился и сказал:

— Посмотрим, что они станут делать. Мне кажется, что, если они будут стоять перед домом, нам с ними не справиться.

— Зря мы тогда приехали, — говорит Грани, сын Гуннара, — если боимся напасть на них.

— Нет, не зря, — говорит Флоси. — Мы нападём на них, даже если

они будут стоять перед домом. Но нам это дорого обойдется, и многие из нас не смогут рассказать о том, кто победил.

Ньяль сказал своим людям:

— Как вы думаете, много ли у них народу?

— Народу у них много, и действуют они сплоченно, — говорит Скарпхедин. — Однако потому они и остановились, что сомневаются, удастся ли им справиться с нами.

— Им это не удастся, — говорит Ньяль. — Пусть все войдут в дом. Трудно им было справиться с Гуннармом с Конца Склона, а он был один. Здесь же постройки прочные, так что нападающим с нами не справиться.

— Едва ли ты прав, — говорит Скарпхедтга. — На Гуннара напали люди настолько благородные, что они скорее отступили бы, чем сожгли его в доме. А эти сразу подожгут дом, если не смогут справиться с нами иначе, потому что они пойдут на все, лишь бы одолеть нас. Они понимают, что если мы останемся в живых, то они погибнут. Но мне что-то не хочется, чтобы меня выкуривали, как лисицу из норы.

Ньяль сказал своим сыновьям:

— Вы опять не хотите слушаться меня и не считаетесь со мной. Когда вы были моложе, вы так не делали, и вам же было лучше.

Хельги сказал:

— Сделаем, как отец хочет. Так будет всего лучше.

— Я в этом не уверен, — сказал Скарпхедин, — потому что ему недолго осталось жить. Но в угоду отцу я охотно сгорю с ним вместе, потому что не боюсь смерти.

Потом он сказал Кари:

— Давай держаться вместе, зять! Пусть ни один из нас не оставит другого.

— Я так и намеревался, — говорит Кари. — Но если суждено иначе, то чему быть, того не миновать.

— Отомсти за нас, — говорит Скарпхедин, — а мы отомстим за тебя, если останемся в живых.

Кари обещал, что отомстит. Затем они вошли в дом и расположились у дверей. Флоси сказал:

— Недолго им осталось жить, раз они вошли в дом. Теперь нам надо побыстрее подойти к дому, расположиться потеснее перед дверьми и смотреть, чтобы никто не ушел — ни Кари, ни сыновья Ньяля. Иначе мы погибнут.

Флоси и его люди подошли к дому и окружили его, на случай, если бы в нем оказались потайные двери. Хроальд, сын Эцура, подскочил туда, где

стоял Скарпхедин, и хотел ударить его копьем. Но Скарпхедин секирой отрубил ему древко копья и нанес удар в щит, так что щит прижало к Хроальду, а загнутое острие секиры попало ему в лицо, и он упал навзничь и сразу же умер.

Кари сказал:

— Удачный удар и на этот раз, Скарпхедин! Ты у нас самый отважный!

— Этого я не знаю, — сказал Скарпхедин и усмехнулся.

Кари, Грим и Хельги бросали копья из дома и ранили многих, а Флоси и его люди ничего не могли поделать. Тогда Флоси сказал:

— Мы понесли большой урон. Многие из наших ранены, и убит тот, кого мы меньше всего хотели бы потерять. Ясно, что оружием нам с ними не справиться, тем более что не все сражаются так храбро, как обещали. Нам надо что-то предпринять. Есть два выхода, и оба они плохие: один — это отступить, но тогда мы погибли, второй — это сжечь их в доме, но тогда мы берем большой грех на душу, ведь мы христиане. Придется нам все же поджечь дом, и поскорее.

CXXIX

Они высекли огонь и сложили большей костер перед дверьми. Тогда Скарпхедин сказал:

— Разводите огонь, молодцы? Не собираетесь ли вы жарить что-нибудь?

Грани, сын Гуннара, ответил:

— Собираемся, и жару для тебя хватит.

Скарпхедин сказал:

— Так-то ты платить мне за то, что я отомстил за твоего отца. Ты больше ценишь то, что ты бы должен ценить меньше всего.

Тогда женщины залили огонь сывороткой. Коль, сын Торстейна, сказал Флоси:

— Вот что я придумал: я видел каморку над поперечной балкой в главном доме. Надо, чтобы она загорелась, а для этого надо поджечь стог сена, который стоит рядом с домом.

И они подожгли этот стог сена. Те, кто был внутри, заметили это, только когда весь дом уже был в пламени. Тут Флоси и его люди развели большие костры перед всеми дверьми. Тогда женщины, которые были внутри, начали жаловаться. Няль сказал им:

— Держитесь стойко и не жалуйтесь. Ведь ваши страдания — это одна

короткая буря, а потом долго второй такой не будет. Помните также, что бог милостив. Он не позволит, чтобы вас жгли и в этом и в том мире.

Так он увещевал их и подбадривал также другими речами. Теперь запылали все постройки. Тогда Ньяль подошел к дверям и сказал:

— Здесь ли Флоси? Слышит ли он меня?

Флоси сказал, что слышит. Ньяль продолжал:

— Может быть, ты помиришься с моими сыновьями или позволишь некоторым людям выйти?

Флоси отвечает:

— Я не намерен мириться с твоими сыновьями. Мы рассчитаемся с ними до конца и не отступим, пока они все не умрут. Но пусть выйдут из дома женщины, дети и домочадцы.

Тогда Ньяль вошел в дом и сказал:

— Пусть выйдут все, кому позволено выйти. Выходи и ты тоже, Торхалла дочь Асгрима, и все выходите, кому позволено.

Торхалла сказала:

— Не думала я, что мы так расстанемся с Хельги. Но я заставлю моего отца и моих братьев отомстить за убийства, которые здесь совершаются.

Ньяль сказал:

— Да будет тебе удача, потому что ты хорошая женщина.

Потом она вышла из дома, и с ней много других. Астрид с Глубокой Реки сказала Хельги, сыну Ньяля:

— Выйди со мной вместе, я наброшу на тебя женскую накидку и повяжу тебе голову платком.

Хельги сначала отговаривался, но потом уступил просьбам. Астрид повязала ему голову платком, а Торхильд набросила на него женскую накидку, и он вышел из дома между ними. Тогда же вышли дочери Ньяля Торгерд и Хельга и много другого народу. Но когда из дома вышел Хельги, Флоси сказал:

— Эта женщина, что там идет, высока ростом и широка в плечах. Схватите-ка ее!

Когда Хельги услышал это, он сбросил с себя женскую одежду. У него в руке был меч, и он нанес им удар человеку, который хотел схватить его, и отрубил ему низ щита и ногу. Тогда подоспел Флоси и ударил мечом Хельги по шее так, что у того отлетела голова. Затем он подошел к дверям и сказал, что хочет говорить с Ньялем и Бергторой. Ньяль вышел, и Флоси сказал:

— Я хочу предложить тебе, чтобы ты вышел из дома, потому что ты погибнешь в огне безвинный.

Ньяль сказал:

— Я не выйду, потому что я человек старый и не смогу отомстить за своих сыновей, а жить с позором я не хочу.

Тогда Флоси сказал Бергторе:

— Выходи, хозяйка! Потому что я совсем не хочу, чтобы ты погибла в огне.

Бергтора сказала:

— Молодой я была дана Ньялю, и я обещала ему, что у нас с ним будет одна судьба.

И они оба вернулись в дом. Бергтора сказала:

— Что нам нужно теперь делать?

— Мы пойдем и ляжем в нашу постель, — сказал Ньяль.

Тогда она сказала маленькому Торду, сыну Кари:

— Тебя вынесут из дома, и ты не сгоришь.

— Но ведь ты обещала мне, бабушка, — сказал мальчик, — что мы никогда не расстанемся. Пусть так и будет. Лучше я умру с вами, чем останусь в живых.

Тогда она отнесла мальчика в постель, а Ньяль сказал своему управителю:

— Смотри, где мы ляжем и как мы расположимся в постели, потому что я не собираюсь двигаться с места, как бы меня ни беспокоил дым или огонь. Заметь хорошенько, где надо будет искать наши кости.

Тот сказал, что так и сделает. Незадолго перед этим был зарезан бык, и там лежала его шкура. Ньяль сказал управителю, чтобы он покрыл их этой шкурой, и тот обещал сделать это. Затем они легли оба в постель и положили мальчика между собой. Они перекрестили себя и мальчика и поручили свою душу богу. Это были последние слова, которые от них слышали. Управитель взял шкуру, накрыл их ею и вышел. Кетиль из Леса встретил его и вытащил из дома. Он подробно расспросил о своем зяте Ньяле, и тот рассказал ему всю правду. Кетиль сказал:

— Большое горе судил нам рок, и нам обоим выпало на долю это великое несчастье.

Скарпхедин видел, как его отец улегся в постель, и сказал:

— Рано наш отец ложится спать, но это не удивительно, ведь он человек старый.

Потом Скарпхедин, Кари и Грим стали подхватывать падавшие сверху головни и метать их в людей Флоси. Это продолжалось некоторое время. А люди Флоси стали метать в них копья, но те подхватывали все копья в воздухе и метали их обратно. Тогда Флоси велел своим людям прекратить

эту перестрелку.

— Всякая схватка с ними будет теперь для нас невыгодна, — сказал он. — Подождите, пока огонь одолеет их.

Они так и сделали. С крыши стали падать балки. Скарпхедин сказал:

— Наверно, моего отца уже нет в живых, а не было слышно, чтобы он стонал или кашлял.

Они пошли в конец главного дома. Там свалилась поперечная балка, которая сильно обгорела в середине. Кари сказал Скарпхедину:

— Взбеги по ней, а я помогу тебе и потом взбегу вслед за тобой, и тогда мы оба спасемся, потому что весь дым относит в эту сторону.

Скарпхедин сказал:

— Беги ты первый, а я побегу сразу же за тобой.

— Это не годится, — говорит Кари, — потому что я могу выбраться из дома и в другом месте, если здесь не выйдет.

— Я не согласен, — говорит Скарпхедин. — Беги ты первым, а я побегу за тобой.

Кари сказал:

— Каждый человек должен стараться спасти свою жизнь, если это возможно. Так сделаю и я. Но нам с тобой больше не придется увидеться, потому что, если я выберусь из огня, у меня не хватит духа броситься назад к тебе в пламя, и каждый из нас пойдет тогда своим путем.

— Меня веселит мысль, — говорит Скарпхедип, — что если ты спасешься, зять, то ты отомстишь за нас.

Тогда Кари взял в руку пылающую головню и взбежал по балке. Он швырнул головню с крыши, и она упала на тех, кто стоял около дома. Они отскочили. На Кари пылала вся одежда и волосы. Он прыгнул с крыши и побежал в ту сторону, куда относил дым. Тогда тот, кто был всех ближе, сказал:

— Не человек ли там спрыгнул с крыши?

— Что ты, — сказал другой, — это Скарпхедин бросил в нас головней.

И они больше не стали думать об этом. А Кари добежал до ручья, бросился в него и потушил на себе огонь. Оттуда он перебежал, скрываясь в дыму, в яму и там лег отдохнуть. Эта яма называется с тех пор Ямой Кари.

Теперь надо рассказать о Скарпхедине. Он побежал вверх по балке

вслед за Кари, но когда он добежал до того места, где балка больше обгорела, она рухнула под ним. Скарпхедин успел спрыгнуть вниз и сразу же снова бросился вверх по балке и взбежал на стену, но тут балка съехала под ним со стены, и он свалился вниз. Тогда Скарпхедин сказал:

— Теперь ясно, что мне суждено.

Он пошел вдоль боковой стены. Гуннар, сын Ламби, вскочил на стену и увидел Скарпхедина. Он сказал:

— Ты, кажется, плачешь, Скарпхедин?

— Нет, — отвечает тот, — по глаза и впрямь пощипывает. А ты, кажется, смеешься?

— Конечно, — говорит Гуннар, — и я ни разу не смеялся с тех пор, как ты убил Траина на Лесной Реке.

Скарпхедин сказал:

— Вот тебе на память об этом!

Он вынул из кошелька зуб, который выбил у Траина, и бросил его в Гуннара. Зуб попал ему прямо в глаз, так что глаз вытек на щеку, а Гуннар свалился со стены.

Потом Скарпхедин пошел к своему брату Гриму. Они взялись за руки и стали затаптывать огонь, но когда дошли до середины дома, Грим упал мертвый.

Скарпхедин пошел тогда в конец дома. Раздался сильный грохот. Это обрушилась крыша. Скарпхедин оказался между обрушившейся крышей и стеной и не мог оттуда выбраться.

Флоси и его люди оставались у сгоревших построек до самого утра. Какой-то человек подъехал к ним. Флоси спросил, как его зовут. Тот сказал, что его зовут Гейрмунд и что он родич сыновей Сигфуса.

— Большое дело вы сделали, — говорит он.

Флоси отвечает:

— Люди будут называть это и большим делом, и злым делом. Но теперь уже ничего не поделаешь.

— Сколько здесь знатных людей погибло? — спрашивает Гейрмунд.

Флоси отвечает:

— Здесь погибли Ньяль и Бергтора, все их сыновья, Торд, сын Кари, Кари, сын Сельмунда, и Торд Вольноотпущенник. О других мы не можем точно сказать, потому что не знаем их.

Гейрмунд сказал:

— Ты назвал среди погибших того, кто на самом деле спасся и с кем я разговаривал сегодня утром.

— Кто же это? — говорит Флоси.

— Я и мой сосед Бард встретили Кари, сына Сельмунда, — говорит Гейрмунд, — и Бард дал ему свою лошадь. У него обгорели волосы и одежда.

— Было у него при себе какое-нибудь оружие? — говорит Флоси.

— У него был меч Усыпитель Жизни, — говорит Гейрмунд. — Его лезвие посинело, и мы сказали, что оно, наверно, потеряло закалку, но он ответил на это, что закалит его снова в крови сыновей Сигфуса или других участников сожжения Ньяля.

— Что он сказал о Скарпхедине и Гриме?

Гейрмунд отвечает:

— Он сказал, что они оба были еще живы, когда он с ними расстался, но, наверно, теперь уже умерли.

Флоси сказал:

— То, что ты нам сказал, не обещает нам мира, потому что спасся человек, который всего больше похож на Гуннара с Конца Склона. Знайте, сыновья Сигфуса и все вы, что из-за этого пожара начнется такая большая тяжба, что многим она будет стоить головы, а некоторым всего добра. Я думаю, что никто из вас, сыновей Сигфуса, не посмеет теперь жить у себя дома, и нельзя вас за это осуждать. Я приглашаю вас всех к себе на восток, и пусть у нас будет одна судьба.

Они поблагодарили его. Тогда Модольв, сын Кетиля, сказал вису:

— Столб один-единый
Устоял от жилища Ньяля,
Ловко того, что хотели,
Достигли потомки Сигфуса.
Ныне за гибель Хёскульда
Ньяль сполна расквитался,
Людей и дома дотла
Светлое пламя спалило.

— Другим чем-нибудь надо похвалиться, — сказал Флоси, — а не тем, что мы сожгли Ньяля. В этом нет ничего славного.

Флоси взошел затем на стену, и с ним Глум, сын Хильдира, и некоторые другие. Глум спросил:

— Умер Скарпхедин или нет?

Другие сказали, что, наверно, он уже давно умер. Огонь иногда вырывался наружу, иногда гас. Тогда они слышали, что внизу, в огне, кто-

то сказал вису:

— Влагу ресниц не скоро
Осушит осина злата^[223],
Плача о стойком в сече
Клене моста великана^[224].
Смертоносные пели копья.
Кончил воитель вису.

Грани, сын Гуннара, сказал:

— Живой или мертвый сказал Скарпхедин эту вису?

— Не буду гадать, — говорит Флоси.

— Давайте искать Скарпхедина или других людей, которые здесь сгорели, — говорит Грани.

— Не надо делать этого, — говорит Флоси. Только такие глупые люди, как ты, могут заниматься этим, когда народ собирается во всей округе. Тот, кто теперь промедлит, струсит потом так, что не будет знать, куда бежать. Мой совет: уехать нам всем отсюда как можно скорее.

Флоси и его люди пошли поспешно к лошадям, и Флоси спросил Гейрмунда:

— А что, Ингьяльд у себя в Ключах?

Гейрмунд ответил, что он, наверно, у себя дома.

— Вот человек, — сказал Флоси, — который нарушил данную нам клятву и все свои обещания.

Флоси сказал тогда сыновьям Сигфуса:

— Как вы хотите поступить с Ингьяльдом? Хотите вы простить его или же мы поедem и убьем его?

Они все ответили, что хотят сразу же поехать и убить его. Тогда Флоси вскочил на свою лошадь, и за ним все другие, и они уехали.

Флоси ехал впереди. Он направился к Кривой Реке и потом вверх по ней. Он увидел человека, едущего ему навстречу по другой стороне реки. Он узнал в нем Ингьяльда с Ключей. Флоси окликнул его. Ингьяльд остановился и повернулся к реке. Флоси сказал ему:

— Ты нарушил договор с нами и должен лишиться своего добра и жизни. Сыновья Сигфуса хотят убить тебя. Так что твои дела плохи. Но я не убью тебя, если ты предоставишь мне право рассудить нас.

Ингьяльд отвечает:

— Я скорее поеду к Кари, чем предоставлю тебе право рассудить нас.

А сыновьям Сигфуса я отвечу, что боюсь их не больше, чем они меня.

— Подожди тогда, — говорит Флоси. — Если ты не трус, я пошлю тебе подарок.

— Подожду, конечно, — говорит Ингьяльд.

В это время к Флоси подъехал его племянник Торстейн, сын Кольбейна, с копьем в руке. Он был один из самых храбрых среди людей Флоси и очень достойный человек. Флоси выхватил у него копье и метнул его в Ингьяльда. Оно попало в него с левой стороны, пронзило щит ниже ручки и расколело его на куски, вонзилось в бедро выше колена и застряло в седле. Флоси спросил у Ингьяльда:

— Что, попал?

— Попал, — говорит Ингьяльд, — но я называю это царапиной, а не раной.

Ингьяльд выдернул копье из раны и сказал Флоси:

— Теперь ты подожди, если ты не трус.

И он метнул копье через реку. Флоси увидел, что копье летит прямо в него, и осадил лошадь, так что копье пролетело перед самой грудью Флоси, но попало не в него, а прямо в Торстейна, и тот сразу же свалился с лошади мертвый. А Ингьяльд скрылся в лесу, и они его не догнали. Тогда Флоси сказал своим людям:

— Мы потеряли много людей. Вы знаете также, как нам теперь не повезло. Мой совет — ехать на Гряды Треугольной Горы. Оттуда нам будет видно любое скопление всадников по всей округе. Ведь они теперь будут собирать народ отовсюду и думать, что мы поехали на восток от Гряды Треугольной Горы. Они будут думать, что мы поехали на восток, в горы и дальше в наши края. Большая часть их поедет туда, и только несколько человек поедут вдоль берега моря к Ивняковому Отрогу, потому что им будет казаться менее вероятным, что мы поехали туда. Что же до нас, то я советую ехать на Треугольную Гору и ждать там, пока солнце не зайдет в третий раз.

Так они и сделали.

CXXXI

Теперь надо рассказать о Кари, что он вылез из ямы, в которой отдыхал. Он шел, пока не встретил Барда, и между ними произошел разговор, о котором рассказал Гейрмунд. Оттуда Кари отправился к Мёрду, сыну Вальгарда, и рассказал ему о том, что случилось. Тот очень

огорчился. Кари сказал, что для мужчины есть дело более достойное, чем оплакивать мертвых, и попросил его лучше собрать людей и привести их к Лесному Броду.

После этого он поехал в Долину Бычьей Реки к Хьяльти, сыну Скегги. И когда он переправился через Бычью Реку, он увидел, что ему навстречу быстро скачет какой-то человек. Кари подождал его и узнал Ингьяльда с Ключей. Он увидел, что у того все бедро залито кровью. Он спросил Ингьяльда, кто его ранил, и тот рассказал ему.

— Где вы встретились? — говорит Кари.

— У Кривой Реки, — говорит Ингьяльд, — он метнул в меня через реку копье.

— А ты что-нибудь ему сделал? — спрашивает Кари.

— Я метнул копье обратно, — отвечает Ингьяльд, — и они сказали, что я попал в кого-то, и он сразу же умер.

— Ты не знаешь, — говорит Кари, — в кого ты попал?

— По-моему, в Торстейна, племянника Флоси, — говорит Ингьяльд.

— Да будут благословенны твои руки! — говорит Кари.

После этого они оба поехали к Хьяльти, сыну Скегги, и рассказали ему о том, что случилось. Он возмутился и сказал, что надо непременно догнать их и убить. Затем он стал собирать народ и созвал всех. И вот они с Кари и со всем народом поехали навстречу Мёрду, сыну Вальгарда, и встретились с ним у Лесного Брода. Мёрд уже ждал их, и с ним было много народу. Они разделились для преследования: одни поехали нижней дорогой к Ивняковому Отрогу, другие — к Речному Склону, третьи — верхней дорогой, через Гряды Треугольной Горы и в Землю Богов, затем на север к Пескам, четвертые — к Рыбным Озерам и повернули обратно, пятые — на восток, в Холм, нижней дорогой, и рассказали Торгейру о том, что случилось, и спросили его, не проезжали ли те здесь. Торгейр сказал:

— Я, конечно, небольшой человек, но все же Флоси надо подумать несколько раз, прежде чем проезжать у меня перед глазами. Ведь он убил моего дядю Ньяля и моих двоюродных братьев. А вам ничего не остается, как вернуться назад, потому что вы ищете дальше, чем нужно. А Кари скажите, чтобы он приезжал сюда ко мне и оставался у меня, если хочет. Но если он приехать сюда не захочет, то я присмотрю за его хозяйством в Проливных Островках, если ему угодно. Скажите ему, что я помогу ему, как смогу, и поеду с ним на альтинг. А еще пусть он знает, что я и мои братья как самые близкие родственники убитых имеем право предъявить обвинение на суде. Мы так думаем повести тяжбу, чтобы, если это удастся, их объявили вне закона, а затем отомстим им. Но с вами я сейчас не поеду,

потому что знаю, что это ни к чему: они сейчас будут очень осторожны.

И вот они вернулись обратно и встретились все в Капище. Они говорили, что опозорились, оттого что не нашли убийц, но Мёрд сказал, что это не так. Многие стали предлагать поехать к Речному Склону и разграбить все добро тех, кто замешан в этом деле, но все же предоставили решать Мёрду. Тот сказал, что это было бы величайшей глупостью. Они спросили его, почему он так говорит.

— Потому, — ответил он, — что если мы не тронем их дворы, то они заедут присмотреть за хозяйством и навестить своих жен, и тогда со временем мы сможем их подстеречь. Вы можете не сомневаться, что я буду верным Кари, потому что я должен отвечать и за самого себя.

Хьяльти сказал ему, чтобы он делал, как обещал. Затем Хьяльти пригласил Кари к себе, и тот сказал, что приедет к нему первому. Они передали, что Торгейр приглашал его, но он сказал, что воспользуется этим предложением позднее и что все должно удался хорошо, как говорит ему его предчувствие, если будет много таких людей. После этого они отпустили всех.

Флоси и его люди видели всё это со своей горы. Флоси сказал:

— Возьмем теперь своих коней и уедем, сейчас это уже можно.

Сыновья Сигфуса спросили, можно ли им вернуться по домам и отдать распоряжения по хозяйству.

— Мёрд будет рассчитывать, — сказал Флосп, — на то, что вы навестите своих жен, и я догадываюсь, что это был его совет не трогать ваших дворов. И я советую, чтобы вы не расходились и все поехали со мной на восток.

Все послушались этого совета, и вот они все пустились в путь — севернее ледника, а затем на восток, на Свиную Гору. Флоси сразу же послал людей сделать запасы, чтобы у них ни в чем не было недостатка.

Флоси никогда не хвастался тем, что сделал. Но никто не видел также, чтобы он боялся. Он пробыл дома всю зиму, далеко за праздник середины зимы.

CXXXII

Кари сказал Хьяльти, чтобы тот поехал с ним искать кости Ньяля:

— Ведь все поверят твоим рассказам и тому, что ты увидел.

Хьяльти сказал, что охотно перевезет кости Ньяля в церковь. Их поехало пятнадцать человек. Они поехали на восток через Бычью Реку и

приглашали людей ехать с ними. Так их собралось с соседями Ньяля до сотни человек.

Они приехали на Бергторов Пригорок к полудню. Хьяльти спросил Кари, где мог бы лежать Ньяль, и Кари указал им место. Там надо было убрать очень много пепла. Они нашли шкуру, и оба — Ньяль и Бергтора — оказались несгоревшими. Все возблагодарили бога и сочли это большим чудом. Затем вынули мальчика, который лежал между ними, и у него оказался обгоревшим палец, который он высунул из-под кожи. Вынесли Ньяля, а потом Бергтору. Затем все подошли посмотреть на их тела. Хьяльти сказал:

— Как вы находите эти тела?

Они ответили:

— Мы бы хотели послушать сначала, что ты скажешь.

Хьяльти сказал:

— Я вам скажу, что думаю, не таясь. Тело Бергторы кажется мне таким, каким я и думал его найти, и оно даже хорошо выглядит, но тело Ньяля и его лик кажутся мне такими сияющими^[225], что я еще ни у одного мертвого не видал такого сияющего тела.

Все согласились с ним. Затем они принялись искать Скарпхебина. Те, кому было позволено выйти из горящего дома, показали место, где Флоси со своими людьми слышал, как была сказана вися. Там крыша обвалилась возле передней стены, и Хьяльти сказал, что копать надо там. Тогда они так и сделали и нашли тело Скарпхебина. Он стоял у стены. У него обгорели ноги почти до колен, но больше ничего на нем не обгорело. Он закусил себе усы. Глаза у него были открыты и не вытаращены. Секиру он загнал в стену так глубоко, что она вошла по самую середину лезвия и не потеряла закалки. Затем секиру вытащили. Хьяльти поднял ее и сказал:

— Это редкое оружие, и мало кто сможет носить его.

Кари сказал:

— Я знаю человека, который сможет носить эту секиру.

— Кто это? — спросил Хьяльти.

— Торгейр Ущельный Гейр, — ответил Кари. — По-моему, он теперь самый большой человек в роду.

После этого со Скарпхебина сняли одежду. Она не сгорела. Руки у него были сложены крестом, правая поверх левой. Они нашли на нем два ожога, один между лопаток, а другой на груди, и оба они имели очертания креста, так что люди решили, что он сам выжег их себе. Все нашли, что быть возле мертвого Скарпхебина оказалось легче, чем они думали, потому что теперь его никто не боялся.

Они принялись искать Грима и нашли его кости в середине главного дома. Напротив него, под продольной стеной, они нашли Торда Вольноотпущенника, а в ткацкой: — старуху Сеунн и еще троих человек. Всего они нашли кости одиннадцати человек. После этого они перевезли тела в церковь.

Затем Хьяльти поехал домой, и Кари — с ним. У Ингьяльда опухла нога. Тогда он поехал к Хьяльти, и тот вылечил его, но Ингьяльд остался хромым.

Кари поехал в Междуречье к Асгриму, сыну Лодейного Грима. Торхалла уже приехала домой и успела рассказать о том, что случилось. Асgrim принял Кари с распростертыми объятиями и сказал ему, чтобы он оставался у него на весь год. Кари согласился. Тогда Асgrim пригласил к себе всех, кто был на Бергторовом Пригорке. Кари сказал, что это хорошее предложение, и прибавил:

— Я принимаю его от их имени. Тогда все приехали к Асгриму.

Когда Торхаллю, сыну Асгрима, сказали, что Ньяля, его воспитателя, нет в живых и что он сожжен, то он так расстроился, что весь побагровел и у него из ушей хлынула струями кровь так, что ее было не унять. Он лишился чувств, и лишь тогда кровь остановилась. После этого он встал и сказал, что держал себя малодушно, и прибавил:

— Я бы только хотел суметь отомстить кому-нибудь из тех, кто сжег его, за то, что сейчас со мной приключилось.

Другие сказали, что никто не сочтет это за позор, но он ответил, что не хочет отступать от своих слов.

Асgrim спросил Кари, какой помощи он может ждать от тех, что живут восточнее рек. Кари ответил, что Мёрд, сын Вальгарда, и Хьяльти, сын Скегги, помогут ему, чем могут, а также Торгейр Ущельный Гейр и все его братья. Асgrim сказал, что это была бы большая сила.

— На какую помощь от тебя мы сможем рассчитывать? — спрашивает Кари.

— На все, что я смогу, — отвечает Асgrim, — и еще в придачу на мою жизнь.

— Так и сделай, — говорит Кари.

— Я вовлек в наше дело и Гицура и спросил у него совета, — говорит Асgrim.

— Это хорошо, — говорит Кари, — а что он предложил?

Асgrim отвечает:

— Он предложил, чтобы мы ничего не делали до весны, а там поехали на восток и начали против Флоси тяжбу об убийстве Хельги^[226], вызвали

на суд соседей места убийства и объявили на тинге о поджоге. Я также спросил Гицура, кому следует вести тяжбу об убийстве, и он сказал, что Мёрду, хочет он этого или нет. «Пусть ему достанется самое трудное, потому что он вел себя позорнее всех. Кари всякий раз при встрече с Мёрдом будет в гневе, и это поможет моим стараниям заставить его согласиться», — сказал мне Гицур.

Тогда Кари сказал:

— Мы будем следовать твоим советам, пока ты сможешь давать их нам и стоять во главе.

Надо сказать о Кари, что он не мог спать по ночам. Однажды ночью Асгрим проснулся и услышал, что Кари не спит.

Асгрим сказал:

— Тебе не спится ночью?

Тогда Кари сказал вису:

- Сон ко мне не идет.

Вовсе не сплю я отныне,

О Ньёрд перекладыны лука^[227],

Все вспоминаю Няля,

С той самой поры, как осенью

Сгорел он, — свежо мое горе, —

Сожженный в доме деревьями

Огня ограды сражений^[228].

Кари ни о ком так часто не говорил, как о Няле и Скарпхедине. Он никогда не поносил своих врагов и никогда ничем не угрожал им.

CXXXIII

Однажды ночью на Свиной Горе случилось, что Флоси застонал во сне. Глум, сын Хильдира, стал будить его, но долго не мог добудиться. Наконец Флоси сказал:

— Пусть позовут ко мне Кетилия из Леса.

Кетиль пришел. Флоси сказал:

— Я хочу рассказать тебе мой сон.

— Хорошо, — говорит Кетиль.

— Приснилось мне, — говорит Флоси, — будто я у Гагарьей Горы. Я

выхожу из дома, смотрю на гору, и она открываете. Из нее вышел человек в одежде из козьих шкур и с железным посохом в руке. Он шел и звал моих людей, сначала одних, потом других, и звал их по именам. Первым он позвал Грима Рыжего и Арни, сына Коля. Мне это показалось странным. И будто он потом позвал Эйольва, сына Бёльверка, Льота, сына Халля с Побережья, и еще каких-то людей. Потом он помолчал. А затем он позвал пятерых из наших людей — сыновей Сигфуса, твоих братьев. После этого он позвал других пятерых — среди них Ламби, Модольва и Глума. Потом он позвал еще троих. Под конец он позвал Гуннара, сына Ламби, и Коля, сына Торстейна. После этого он подошел ко мне. Я спросил у него, что нового. Он сказал, что мог бы рассказать кое-какие новости. Тогда я спросил, как его зовут, и он назвался Железным Гримом. Я спросил его, куда он держит путь, и он ответил, что держит путь на альтинг.

— Что ты будешь там делать? — спросил я.

Он ответил:

— Сначала я отведу соседей, потом судей, а затем я приготовлю поле боя.

И тогда он сказал:

— Срок исполнится: встанет
Ратной стали властитель^[229],
Скоро опоры шлемов^[230]
С плеч полетят на землю.
Слышу, сюда все ближе
Черного лязг железа,
Смертной росой кровь
Многим покроеет ноги.

Он ударил посохом, и раздался сильный грохот. После этого он вошел в гору, а меня охватил страх. И вот мне хочется, чтобы ты сказал, что, по-твоему, означает мой сон.

— Мне думается, — сказал Кетиль, — что все, кто был назван, скоро умрут. Мне кажется, что нам не следует никому говорить об этом сне, раз это так.

Флоси сказал, что так и сделает.

Вот проходит зима и кончается праздник середины зимы. Флоси говорит своим людям:

— Я полагаю, нам надо отправиться из дому, потому что, как мне

думается, нас не оставят в покое. Мы отправимся сейчас просить помощи. Теперь сбудется то, что я вам говорил, — у многих нам придется валяться в ногах, прежде чем кончится это дело.

CXXXIV

После этого они все собрались в путь. Флоси был в штанах, закрывавших всю ногу и ступню, потому что он собирался идти пешком^[231]. Он знал, что тогда и другим покажется легче идти пешком.

Сначала они отправились на Шишечное Поле, на следующий день — на Широкую Реку, с Широкой Реки — на Телячью Гору, оттуда на Мыс Бьярни у Рогового Фьорда, оттуда — на Столбовую Гору у Лагуны, а затем на Купальную Реку, к Халлю с Побережья. Флоси был женат на его дочери Стейнвёр.

Халль принял их очень хорошо. Флоси сказал ему:

— Я хочу попросить тебя, тесть, чтобы ты поехал на тинг со всеми своими людьми, которые ездят с тобой на тинг.

Халль ответил:

— Сбылась пословица, что недолго рука радуется удару. Многие из твоих людей, которые больше всех подбивали других на злое дело, теперь не смеют поднять голову. Но что до меня, то я должен помочь тебе, насколько это в моих силах.

Флоси сказал:

— Что ты посоветуешь мне теперь делать?

Халль сказал:

— Отправляйся на север до самого Оружейного Фьорда и проси у всех знатных людей помощи. Она тебе понадобится еще до конца тинга.

Флоси пробыл там три ночи, отдохнул и оттуда отправился на восток, на Козлиные Плиты, а оттуда — в Медведицын Фьорд. Там они переночевали. Оттуда они пошли на восток, в Широкую Долину в Сенных Долинах. Там жил Халльбьёрн Сильный. Он был женат на Оддню, сестре Сёрли, сына Бродд-Хельги. Флоси там приняли хорошо. Халльбьёрн много расспрашивал его о сожжении Няля, и Флоси подробно рассказывал ему обо всем. Халльбьёрн спросил, как далеко Флоси направляется на север, и тот ответил, что держит путь к Оружейному Фьорду. Тут Флоси вынул из своего пояса кошелек и сказал, что хочет подарить его Халльбьёрну. Тот взял деньги, но сказал, что Флоси незачем делать ему подарки.

— Однако я хотел бы знать, чем я могу отплатить тебе, — сказал он.

— Мне деньги не нужны, — сказал Флоси, — но я хотел бы, чтобы ты поехал со мной на тинг и поддержал бы меня в моем деле. Правда, я не могу просить тебя: ведь ты мне не родич и не свойственник.

Халльбьёрн сказал:

— Я обещаю, что поеду с тобой на тинг и помогу в твоём деле, как я помог бы своему брату.

Флоси поблагодарил его. Оттуда он пошел через Перевал Широкой Долины, а затем к Двору Храфнкеля. Этим двором владел Храфнкель, сын Торира, внук Храфнкеля, правнук Храфна. Флоси там приняли хорошо, и он попросил Храфнкеля, чтобы тот поехал с ним на тинг и помог ему. Храфнкель долго отговаривался, но, в конце концов, обещал, что его сын Торир поедет со всеми своими людьми и поможет ему так же, как годи его тинга. Флоси поблагодарил его и пошел к Двору Берси. Этим двором владел Хольмстейн, сын Берси Мудрого. Он принял Флоси очень хорошо. Флоси попросил о помощи. Хольмстейн сказал, что он уже награжден за эту помощь.

Оттуда они пошли к Двору Вальтёва. Этим двором владел Сёрли, сын Бродд-Хельги, брат Бьярни, сына Бродд-Хельги. Он был женат на Тордис, дочери Гудмунда Могучего с Подмаренничных Полей. Их приняли там хорошо. А наутро Флоси стал просить Сёрли, чтобы тот поехал с ним на тинг, и предложил ему за это денег.

— Я еще ничего не могу сказать, — ответил тот, — пока я не знаю, на чьей стороне Гудмунд Могучий, мой тесть, потому что я буду помогать ему, на чьей бы стороне он ни был.

Флоси сказал:

— Я вижу по твоему ответу, что тобою правит твоя жена.

Флоси встал и велел своим людям взять одежду и оружие. Они ушли, так и не заручившись поддержкой. Они направились через Озерную Реку и дальше через горы к Заливу Ньёрда. Там жили двое братьев — Торкель Мудрейший и его брат Торвальд. Их отцом был Кетиль Гром, сын Тидранди Мудрого, внук Кетилия Грома, правнук Торира Глухаря. Матерью Торкеля Мудрейшего и Торвальда была Ингвильд, дочь Торкеля Мудрейшего. Флоси там приняли хорошо. Он рассказал братьям о своем деле и попросил у них помощи, но они отказывались, пока он не подарил каждому из них за помощь три марки серебра. Тогда они согласились помочь Флоси. Ингвильд, их мать, стояла рядом, когда они пообещали поехать с ним на тинг, и начала плакать. Торкель спросил:

— Что ты плачешь, мать?

Она ответила:

— Мне приснилось, что твой брат Торвальд был в красной одежде, и она была такая тесная, словно она была пришита к его телу. И будто на ногах у него были красные чулки, обвитые плохими обвязками. И мне было жалко смотреть на него, потому что я знала, что ему очень неудобно в этой одежде, но я ничего не могла поделать.

Они рассмеялись, назвали этот сон глупостью и сказали, что ее болтовня не удержит их от поездки на тинг. Флоси очень благодарил их и оттуда отправился в Оружейный Фьорд.

Он пришел в Капище. Этим двором владел Бьярни, сын Бродд-Хельги, внук Торгильса, правнук Торстейна Белого. Отцом Торстейна Белого был Эльвир, сын Эйвальда, внук Бычьего Торира. Матерью Бьярни была Халла, дочь Лютинга. Матерью Бродд-Хельги была Асвёр, дочь Торира, сына Граут-Атли, внука Торира Глухаря. Бьярни, сын Бродд-Хельги, был женат на Раннвейг, дочери Торгейра, сына Эйрика из Долины Богов, внука Гейрмунда, правнука Хроальда, праправнука Эйрши Торчащая Борода. Бьярни принял Флоси с распростертыми объятьями. Флоси предложил Бьярни деньги за помощь. Бьярни сказал:

— Я никогда не продавал своего мужества или своей помощи за деньги. А теперь, когда тебе нужна поддержка, я поступлю как твой друг, поеду с тобой на тинг и помогу, как помог бы своему брату.

— Тогда я не знаю, как тебя благодарить, — сказал Флоси, — Впрочем, я и ждал этого от тебя.

После этого Флоси поехал в Крестовый Залив. Торкель, сын Гейтира, был еще раньше его большим другом. Флоси рассказал ему о своем деле. Торкель сказал, что должен помочь Флоси, как может, и не отступаться от его дела. Торкель поднес Флоси на прощанье богатые подарки.

Оттуда Флоси отправился на север, к Оружейному Фьорду, и там в Речную Долину. Он остановился у Хольмстейна, сына Мудрого Берси, и сказал ему, что все захотели помочь ему в его нужде, кроме Сёрли, сына Бродд-Хельги. Хольмстейн сказал, что причиной этому то, что Сёрли человек мирный. Хольмстейн поднес Флоси богатые подарки.

Флоси отправился вверх по Речной Долине, а оттуда на юг горами через Секирную Лаву, вниз по Долине Жженого Рога, вышел к западной части Лебединого Фьорда и остановился лишь на Купальной Реке у своего тестя Халля. Там Флоси со своими людьми отдыхал полмесяца. Флоси спросил Халля, что он посоветует, как ему вести себя и что делать. Халль сказал:

— Я советую тебе, чтобы ты оставался дома вместе с сыновьями Сигфуса и присматривал за хозяйством, а они пусть пошлют людей

смотреть за их хозяйством. Поезжайте теперь домой, а когда вы поедете на тинг, то поезжайте все вместе и не разделяйтесь. Потом пусть сыновья Сигфуса поедут к своим женам. Мы тоже поедем на тинг — я, Льот, мой сын, и все наши люди, — и мы поможем тебе, чем только сможем.

Флоси поблагодарил его. На прощанье Халль поднес ему богатые подарки.

После Флоси уехал с Купальной Реки, и о его поездке рассказывать нечего, пока он не вернулся домой, на Свиную Гору. Он пробыл тут остаток зимы и все лето до самого тинга.

CXXXV

Теперь надо рассказать о том, как Торхалль, сын Асгрима, и Кари, сын Сельмунда, однажды поехали на Мшистую Гору к Гицуру Белому. Он встретил их с распростертыми объятьями, я они пробыли у него очень долго. Однажды, когда они говорили с Гицуром Белым о сожжении Ньяля, Гицур назвал большим счастьем, что Кари выбрался из огня. Тут у Кари с языка слетела вися:

— Дуб топора^[232], разъяренный,
Не думал бежать из дыма,
Скрывшего стены дома
Ньяля, о клен сражений^[233].
Там горели в огне
Тополы пламени Тунда^[234].
Люди, внемлите правде
Об этой беде великой!

Тогда Гицур сказал:

— Понятно, что ты не забываешь этого. Однако не будем больше говорить об этом сейчас.

Кари сказал, что хочет ехать домой. Гицур сказал ему:

— Хотелось бы мне дать тебе совет. Не езди домой, а отправляйся отсюда на восток, к подножию Островных Гор, к Торгейру Ущельному Гейру и Торлейву Ворону. Они поедут на запад вместе с тобой, потому что они главные истцы в деле. Пусть с ними поедет их брат Торgrim Большой. Вы поедете к Мёрду, сыну Вальгарда. Ты передай ему мои слова, чтобы он

начал тяжбу против Флоси об убийстве Хельги, сына Ньяля. А если он будет тебе что-нибудь возражать против этого, то прикинься страшно разгневанным и сделай вид, будто хочешь ударить его секирой по голове. Если же он не подчинится, то пригрози ему моим гневом. А еще скажи ему, что я велю Торкатле, моей дочери, уйти от него и вернуться ко мне, домой. Ему не вынести этого, потому что он в ней души не чает.

Кари поблагодарил его за совет. Кари не просил его о помощи, потому что думал, что Гицур и тут, как и всегда во всем другом, поступит как друг.

Оттуда Кари отправился на восток, через реки, к Речному Склону, через Лесную Реку и потом к Ивняковому Отрогу. Они добрались до Холма. Торгейр очень обрадовался их приезду. Он рассказал им о путешествии Флоси и о том, какую большую помощь он получил в Восточных Фьордах. Кари ответил, что нет ничего удивительного в том, что Флоси просит себе помощи, — ведь ему есть за что держать ответ. Торгейр сказал:

— Чем хуже у них будут дела, тем лучше!

Кари передал Торгейру советы Гицура. Затем они поехали на запад, на Равнину Кривой Реки, к Мёрду, сыну Вальгарда. Он принял их хорошо. Кари передал ему слова его тестя Гицура. Мёрд колебался и говорил, что против Флоси дело вести труднее, чем против десятерых других. Кари сказал:

— Ты держишь себя точно так, как он предсказал, потому что во всем ты плох: ты и труслив и нерешителен. Кончится все это тем, что Торкатла поедет домой к своему отцу, и поделом тебе будет.

Она тут же собралась и сказала, что уже давно готова к тому, что им с Мёрдом придется расстаться. Тогда Мёрд сразу повел совсем другие речи, попросил, чтобы она сменила гнев на милость, и взял на себя тяжбу. Кари сказал:

— Теперь, раз ты взял на себя тяжбу, действуй смело, ведь дело идет о твоей жизни.

Мёрд сказал, что сделает все, чтобы с честью довести дело до конца.

После этого он созвал к себе девятерых соседей. Это все были соседи места убийства. Мёрд взял за руку Торгейра и назвал двух свидетелей.

— Я призываю вас в свидетели того, — сказал он, — что Торгейр, сын Торира, передал мне право вести тяжбу против Флоси, сына Торда, об убийстве Хельги, сына Ньяля, и все доказательства, которые относятся к делу. Ты передаешь мне эту тяжбу, чтобы я преследовал их по закону или мирился и пользовался всеми правами законного истца. Ты передаешь мне по закону, и я принимаю по закону.

В другой раз Мёрд назвал свидетелей.

— Я призываю вас в свидетели того, — сказал он, — что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он незаконно первым напал и нанес Хельги, сыну Ньяля, рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я объявляю об этом при пяти соседях места убийства, — и он назвал их всех, — и объявляю по закону. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

Еще раз он назвал свидетелей.

— Я призываю вас в свидетели того, — сказал он, — что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он нанес Хельги рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой он умер, на месте, где Флоси, сын Торда, перед этим незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля. я объявляю об этом при пяти соседях места убийства, — и он назвал их всех, — и объявляю по закону. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

После этого Мёрд назвал свидетелей в четвертый раз.

— Я призываю вас в свидетели того, — сказал он, — что я требую, чтобы все эти девятеро соседей места убийства, — и он назвал их всех по именам, — поехали на альтинг и засвидетельствовали, что Флоси, сын Торда, первым незаконно напал на Хельги, сына Ньяля, на том месте, где Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я требую, чтобы вы сказали все, что сказать вас обязывает закон, чего я потребую от вас на суде и что относится к этому делу. Я требую этого от вас по закону, так что вы сами слышите. Я требую этого по тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

Мёрд назвал своих свидетелей.

— Я призываю вас в свидетели того, что я потребовал от этих девятерых соседей места боя, чтобы они поехали на альтинг и засвидетельствовали, нанес ли Флоси, сын Торда, Хельги, сыну Ньяля, рану мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги погиб на том месте, где Флоси, сын Торда, первым незаконно напал на Хельги, сына Ньяля. Я требую от вас, чтобы вы сказали всё, что сказать вас обязывает закон, чего я потребую от вас на суде и что относится к делу. Я требую этого от вас законным требованием, так что вы сами его слышите. Я требую этого по тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

После этого Мёрд сказал:

— Вот тяжба начата, как вы меня просили. Я хочу теперь попросить

тебя, Торгейр, чтобы ты заехал за мной, когда поедешь на тинг, и чтобы мы поехали вместе с твоими и моими людьми и как можно лучше поддерживали бы друг друга. Моих людей я соберу как раз к началу тинга. Я буду во всем верен вам.

Они сказали, что согласны, и поклялись друг другу в том, что ни один из них не оставит другого, пока этого не захочет Кари, и что каждый из них отдаст свою жизнь за другого. Они договорились встретиться на тинге и дружески расстались.

Торгейр поехал обратно на восток, а Кари поехал на запад, через реки, в Междуречье, к Асгриму. Тот его принял очень хорошо. Кари рассказал Асгриму обо всех советах Гицура Белого и о начале тяжбы.

— Я ждал от него, — сказал Асгрим, — что он поступит хорошо, и он не обманул моих ожиданий.

Асгрим спросил:

— Какие вести у тебя есть о Флоси?

Кари ответил:

— Он ходил на восток до самого Оружейного Фьорда, и почти все знатные люди обещали ему помочь и поехать с ним на тинг. Они ожидают также помощи от людей из Долипы Дымов, со Светлого Озера и Секирного Фьорда.

Они много еще говорили об этом.

И вот подходит время альтинга. У Торхалля, сына Асгрима, так разболелась нога, что под лодыжкой она распухла и стала толстой, как бедро женщины. Он мог ходить, только опираясь на палку. Он был человеком высокого роста и сильным, темноволосым и смуглым, сдержанным в речах, но горячим. Он был одним из трех величайших знатоков законов в Исландии.

Вот подходит время ехать на тинг.

Асгрим сказал Кари:

— Поезжай к началу тинга и покрой наши землянки. Пусть с тобой поедет и мой сын Торхалль, потому что ты будешь с ним добрее и заботливее, чем все другие. Он ведь хром, а на этом тинге он нам будет очень нужен. Пусть с вами поедет еще двадцать человек.

После этого они собрались в путь и поехали на тинг, покрыли там землянки и удобно расположились.

Флоси и десятью десять человек, которые вместе с ним были при сожжении Ньяля, отправились на запад. Они доехали до Речного Склона. Там сыновья Сигфуса распорядились по хозяйству и пробыли день, а вечером они поехали на запад, через Бычью Реку, переночевали там, а рано утром сели на коней и поехали дальше. Флоси сказал своим людям:

— Теперь мы поедem в Междуречье, к Асгриму, и подразним его.

Онн охотно согласились.

Когда они подъезжали к Междуречью, Асгрим и с ним еще несколько человек стояли перед домом. Как только подъезжающие показались, они их сразу же увидели. Люди Асгрима сказали:

— Это, наверное, Торгейр Ущельный Гейр.

Асгрим сказал:

— Нет, не думаю, потому что эти люди приближаются со смехом и криками, а родичи Ньяля, такие, как Торгейр, не смеялись бы, пока не отомщено сожжение Ньяля. Мне думается другое, и, может быть, вам это покажется невероятным. По-моему, это Флоси, а с ним его поджигатели, и они, верно, хотят подразнить нас. Войдемте все в дом.

Они так и сделали. Асгрим велел подмести в доме и повесить стены, принести столы и накрыть их. Он велел поставить второй ряд скамеек.

Флоси въехал на луг перед домом и сказал своим людям, чтобы они слезли с коней и вошли в дом. Те послушались, и Флоси со своими людьми вошел в дом. Асгрим сидел на поперечной скамье. Флоси посмотрел на скамьи и увидел, что приготовлено все, что только нужно. Асгрим не поздоровался с ними, а сказал Флоси:

— Столы накрыты — приготовлена еда для тех, кому она нужна.

Флоси и его люди сели за столы, а оружие свое прислонили к стене. Те, кто не уместился на скамьях у стены, сели на скамейки, поставленные спереди, а четверо стояли с оружием перед местом, где сидел Флоси, во время всей еды. Пока они ели, Асгрим молчал, но лицо его побагровело. Когда они поели, женщины убрали со столов, и некоторые из них внесли воду для рук. Флоси не торопился, словно был у себя дома. В углу лежал дровяной топор. Асгрим схватил его двумя руками, вскочил на скамью у стены и хотел ударить Флоси по голове. Глум, сын Хильдира, успел увидеть его замысел. Он тотчас вскочил и выхватил тонор у Асгрима из рук и повернул его лезвием к Асгриму, потому что Глум был силен. Тут подбежало много народу, и они хотели наброситься на Асгрима, но Флоси сказал, чтобы никто его не тронул.

— Слишком тяжелому испытанию мы его подвергли, — сказал он, — но он держал себя как должно и показал, что у него есть мужество.

Флоси сказал Асгриму:

— Мы сейчас распрощаемся здесь, но встретимся на тинге и там рассчитаемся.

— Пусть будет так, — сказал Асгрим, — но мне бы хотелось, Чтобы, когда тинг кончится, вы повесили голову.

Флоси не ответил ничего.

Тогда они все вышли, сели на коней и ускакали. Они доехали до Озера Горячих Источников и переночевали там. Наутро они добрались до Пастбищных Полей и расположились на отдых. Там к ним подъехало много разных людей. Там был Халль с Побережья, и были там все люди с Восточных Фьордов. Флоси очень обрадовался им и рассказал им о своем путешествии и случае с Асгримом. Многие хвалили Флоси и говорили, что он поступил отважно. Но Халль сказал:

— А я думаю по-другому. По-моему, ты поступил неразумно. Они и так достаточно хорошо помнят о своем горе, чтобы им еще снова напоминать о нем. Люди обычно себе же вредят, когда оскорбляют других.

Было видно по Халлю, что ему кажется, что Флоси зашел слишком далеко.

Оттуда они все вместе отправились дальше и добрались до верхнего поля тинга, построились там в боевой порядок и затем поехали вниз к тингу. Флоси заранее, еще до того как поехал на тинг, велел покрыть землянку Крепостцу, а люди с Восточных Фьордов разъехались по своим землянкам.

CXXXVII

Торгейр Ущельный Гейр отправился на запад, и с ним много людей. С ним были его братья Торлейв Ворон и Торгрим Большой. Они приехали в Капище к Мёрду, сыну Вальгарда, и подождали, пока тот соберется. Мёрд взял с собой всех, кто мог носить оружие, и они могли убедиться в том, что он вполне надежен.

Потом они ехали на запад, пока не перебрались через реки. Там они стали ждать Хьяльти, сына Скегги. Они подождали недолго, когда подъехал Хьяльти. Они ему очень обрадовались. Затем все вместе поехали дальше. Они остановились в Дымах, в Епископском Междуречье, и стали ждать Асгрима. Он подъехал к ним, и они поехали на запад через Мостовую Реку. Асгрим рассказал тогда обо всем, что произошло у него с Флоси. Торгейр сказал:

— Мне бы хотелось, чтобы мы испытали их храбрость еще до конца тинга.

Они доехали до Пастбищных Полей. Там к ним присоединился Гицур Белый, и с ним много его людей. Они долго говорили меж собой. Они добрались до верхнего поля тинга, построились там все в боевой порядок и потом поехали к тингу. Флоси и все его люди бросились к оружию, и чуть было не разгорелся бой, но Асгрим и его спутники не приняли боя и проехали к своим землянкам. Этот день прошел спокойно, и никаких столкновений не было. Из всех четвертей страны съехались знатные люди, и никто не помнил, чтобы когда-нибудь на тинге было бы столько народу.

CXXXVIII

Жил человек по имени Эйольв. Его отцом был Бельверк, сын Эйольва Серого из Выдрей Долины, внук Торда Ревуна, правнук Олейва Фейлана. Матерью Эйольва была Хродню, дочь Скегги со Среднего Фьорда. Эйольв был человеком очень уважаемым и на редкость хорошо разбирался в законах, так что он был одним из трех величайших знатоков законов в Исландии. Он был очень красив лицом, высок и силен и обещал стать со временем большим человеком. Он был жаден до денег, как и все его родичи.

Однажды Флоси пошел к землянке Бьярни, сына Бродд-Хельги. Бьярни принял его с распростертыми объятьями, и Флоси сел рядом с ним. Они долго говорили. Флоси сказал Бьярни:

— Что нам следует теперь делать?

Бьярни ответил:

— Нелегко, по-моему, найти выход. Мне кажется, что разумнее всего было бы просить себе поддержки, потому что они собирают большие силы против нас. И я хочу спросить тебя, Флоси, есть ли среди ваших людей хороший знаток законов, потому что ведь у вас на выбор две возможности: либо просить мира — и это было бы очень хорошо, либо отвести обвинение, найдя в нем ошибки, хотя в этом случае и решат, что вы действуете слишком дерзко. Мне думается, что вам лучше выбрать второе, потому что вы уже раньше держали себя дерзко, и теперь вам не пристало смиряться.

Флоси сказал:

— Раз уж ты спрашиваешь о знатоках законов, то я сразу же тебе отвечу, что нет их у нас среди наших людей, и мне не на кого надеяться,

кроме твоего родича Торкеля, сына Гейтира.

Бьярни сказал:

— Его нельзя брать в расчет. Хотя он и знает законы, но он очень осторожен. Нечего думать о том, чтобы выставить его как щит. Однако он будет тебе верен не меньше других, потому что храбрости у него хватает. Но я должен сказать тебе, что тому, кто будет возражать против обвинения в сожжении Ньяля, это будет стоить жизни. А я бы не хотел, чтобы это случилось с моим родичем Торкелем. Попробуйте счастья где-нибудь в другом месте.

Флоси сказал, что не знает, кто лучшие знатоки законов.

Бьярни сказал:

— Есть человек по имени Эйольв. Он сын Бельверка. Он самый лучший знаток законов в западной четверти. Придется дать ему много денег, чтобы втянуть его в дело, но за этим мы не постоим. Нам надо также не расставаться с оружием на всех сборищах и быть все время начеку, но не нападать на них и лишь защищаться, если они на нас нападут. А теперь я пойду с тобой просить помощи, потому что мне кажется, что нельзя больше сидеть сложа руки.

Они вышли из землянки и пошли к людям с Восточных Фьордов. Бьярни переговорил с Лютингом, Блеингом и Хрои, сыном Арнстейна, и быстро добился от них того, чего просил. Затем они отправились к Колю, сыну Скути Убийцы, и к Эйвинду, сыну Торкеля, внуку годи Аскеля, и попросили у них помощи. Те долго отговаривались, но, в конце концов, они взяли три марки серебра и согласились. Затем они пошли к землянке людей со Светлого Озера и пробыли у них некоторое время. Флоси попросил у них помощи, но они были несговорчивы и непокладисты. Тогда Флоси сказал в большом гневе:

— Скверно вы поступаете! У себя в округе вы жадны и несправедливы, а на тинге не хотите помочь людям, когда вас просят об этом. Вас еще не раз станут поносить на тинге и попрекать тем, что вы забыли, как Скарпхедин насмеялся над вами, людьми со Светлого Озера.

После этого он завел с ними тайный разговор, предложил им денег за помощь и убеждал их красивыми словами. Кончилось тем, что они обещали помочь и даже настолько расхрабрились, что обещали биться вместе с Флоси, если это понадобится. Бьярни сказал Флоси:

— Ты молодец. Ты настоящий вождь, ты смел и решителен и умеешь постоять за себя.

Затем они отправились на запад, через Секирную Реку, к землянке Крепостце. Перед землянкой они увидели много людей. Среди них был

человек в пурпурном плаще, накинутом на плечи, с золотой повязкой на голове и с секирой, увитой серебряной нитью, в руке. Бьярни сказал:

— Нам повезло. Вот он сам, Эйольв, сын Бёльверка.

Они подошли к Эйольву и поздоровались с ним. Эйольв сразу узнал Бьярни и приветливо отвечал ему. Бьярни взял Эйольва за руку, отвел его в Ущелье Сходок и сказал Флоси, чтобы он и его люди шли следом. Люди Эйольва тоже пошли с ними. Им было велено остаться наверху, на краю ущелья, и следить оттуда. Флоси и его спутники дошли до места, где в ущелье спускается тропа. Флоси сказал, что здесь удобно сидеть и видно далеко. Они уселись. Всего их было четверо, не больше. Тут Бьярни сказал Эйольву:

— Мы пришли к тебе, друг, потому что нам очень нужна твоя помощь.

Эйольв сказал:

— Здесь на тинге немало достойных людей, и вам нетрудно найти таких, кто помог бы вам больше, чем я.

Бьярни сказал:

— Ты не прав. Ведь у тебя много достоинств, в которых никто здесь на тинге тебя не превосходит. Прежде всего, ты знатного рода, как и все, кто пошел от Рагнара Кожаные Штаны. Родители твои тоже решали большие и важные дела на тинге и у себя в округе и всегда одерживали верх. Мне думается, что и ты, наверное, как твои родичи, будешь удачлив в тяжбах.

Эйольв сказал:

— Ты говоришь складно, но мне кажется, что я не заслужил твоих похвал.

Тогда Флоси сказал:

— Я не буду скрывать от тебя того, что у нас на уме. Мы хотим попросить у тебя, чтобы ты помог нам в нашей тяжбе, пошел с нами на суд, нашел ошибки в обвинении, если они есть, назвал эти ошибки от нашего имени и вообще помогал нам во всем, что может случиться.

Эйольв в гневе вскочил и сказал, что никто не смеет рассчитывать на то, чтобы загребать жар его руками или прикрываться им как щитом, если он сам этого не хочет.

— Я теперь вижу, — сказал он, — к чему клонились ваши красивые речи, которые вы вели со мной.

Халльбьёрн Сильный схватил его и усадил между собой и Бьярни и сказал:

— Дерево не падает от первого удара, друг. Посиди-ка немного с нами.

Флоси снял с руки золотое запястье и сказал:

— Я хочу дать тебе это запястье, Эйольв, за дружбу твою и помощь и

хочу показать тебе, что не думаю вовсе загребать жар твоими руками. Не побрезгуй моим подарком, потому что никому здесь на тинге я не дарил ничего подобного.

Запястье было такое большое и так искусно сделано, что стоило двенадцать сотен локтей полосатого сукна. Халльбьёрн надел запястье на руку Эйольва. Эйольв сказал:

— Я, пожалуй, возьму запястье, раз ты такой хороший человек. Можешь рассчитывать, что я буду вести тяжбу и сделаю все, что потребуется.

Бьярни сказал:

— Вот и хорошо. Мы с Халльбьёрном можем быть свидетелями того, что ты берешься вести тяжбу.

Тогда Эйольв и Флоси встали и подали друг другу руки. Эйольв взял на себя от Флоси все права и обязанности защитника в этой тяжбе, а также, в случае если бы из защиты возникла новая тяжба, — так как часто то, что в одной тяжбе защита, в другой — обвинение, — все права обвинения по этой новой тяжбе, будь то в пятом суде или в суде четверти. Флоси передал ему права, как полагалось по закону, а он принял их, как полагалось по закону. Тогда он сказал Флоси и Бьярни:

— Вот я и взялся вести тяжбу, как вы просили. Но мне хочется, чтобы вы сначала об этом молчали. А если дело попадет в пятый суд, то особенно остерегайтесь говорить, что вы заплатили мне за помощь.

Тут Флоси, Бьярни и все остальные встали. Флоси и Бьярни разошлись по своим землянкам, а Эйольв пошел в землянку Снорри Годи и сел рядом с ним. Они проговорили долго. Вдруг Снорри Годи схватил Эйольва за руку, засучил ему рукав и увидел, что у того на руке большое золотое запястье. Снорри спросил:

— Это запястье куплено или подарено?

Эйольв не нашелся что ответить и промолчал. Снорри сказал:

— Ясно, что ты получил его в подарок. Как бы это запястье не стоило тебе головы.

Эйольв вскочил и ушел. Он не хотел продолжать разговор. Когда Снорри увидел, что Эйольв встал, он сказал:

— Скорее всего ты еще до конца тинга узнаешь, что за подарок ты получил.

И Эйольв ушел в свою землянку.

Теперь надо рассказать о том, что Асгрим, сын Лодейного Грима, и Кари, сын Сельмунда, встретились с Гицуром Белым, Хьяльти, сыном Скегги, Торгейром Ущельным Гейром и Мёрдом, сыном Вальгарда. Асгрим повел такую речь:

— Нам можно говорить не таясь, потому что здесь собрались лишь люди, которые доверяют друг другу. Я хочу спросить вас знаете ли вы что-нибудь о замыслах Флоси. Мне думается, надо решать, что нам делать.

Гицур Белый отвечал:

— Снорри Годи послал ко мне человека сказать, что Флоси получил большую поддержку от людей северной четверти, а Эйольв, сын Бельверка, его родич, получил от кого-то золотое запястье и пытался скрыть это. Снорри сказал, что, как ему кажется, Эйольв, сын Бельверка, взялся выставить против нашего обвинения законные возражения, и за это ему, наверное, дали запястье.

Все согласились, что так оно, видно, и есть. Гицур сказал:

— Мой зять Мёрд, сын Вальгарда, взялся за дело, которое покажется всем очень трудным, — вести тяжбу против Флоси. И я хочу, чтобы вы поделили между собой другие тяжбы, потому что скоро уже пора будет объявлять о тяжбах на Скале Закона. И нам нужно будет просить себе помощи.

Асгрим ответил:

— Ты прав. Но мы хотим, чтобы ты пошел с нами просить о помощи.

Гицур сказал, что согласен. После этого он выбрал самых умных из их людей, чтобы они его сопровождали. Это были Хьяльти, сын Скегги, Асгрим, Кари и Торгейр Ущельный Гейр. Тогда Гицур сказал:

— Пойдем сначала к землянке Скафти, сына Тородда. Они так и сделали. Гицур шел первым, за ним Хьяльти, за ним Кари, за ним Асгрим, за ним Торгейр Ущельный Гейр, за ним его братья. Они вошли в землянку. Скафти сидел на поперечной скамье. Когда он увидел Гицура, он поднялся навстречу ему, приветливо поздоровался с ним и всеми его спутниками и предложил Гицуру сесть рядом с ним. Тот сел. Гицур сказал Асгриму:

— Расскажи теперь, что мы просим у Скафти помощи, а я добавлю, что найду нужным.

Асгрим сказал:

— Мы пришли сюда, Скафти, просить у тебя помощи и поддержки.

Скафти сказал:

— В прошлый раз я показался вам несговорчивым, когда я не захотел помочь вам в вашей тяжбе.

Гицур сказал:

— Теперь дело идет о другом. Теперь надо начать тяжбу об убийстве бонда Ньяля и хозяйки Бергторы, которые оба были безвинно сожжены в своем доме, и троих сыновей Ньяля и многих других хороших людей. И ты ведь не захочешь отказать людям в поддержке и не оказать помощи твоим родичам и родичам твоей жены.

Скафти ответил:

— Когда Скарпхедин сказал мне, что я сам вымазал себе голову дегтем, скрывался под полоской дерна, которую сам велел вырезать, и был в таком страхе, что Торольв, сын Лофта, отнес меня к себе на корабль в мешке с мукой и отвез в Исландию, тогда я решил, что не буду участвовать в тяжбе об его убийстве.

Гицур сказал:

— Стоит ли сейчас вспоминать эти слова, когда уже нет в живых того, кто их сказал. Помоги мне, если ты не хочешь сделать этого ради других.

Скафти ответил:

— Тебя эта тяжба не касается, если только ты сам не захочешь ввязаться в нее.

Гицур очень рассердился и сказал:

— Не похож ты на своего отца. Правда, и он был не без изъяна, но он всегда помогал людям, когда у них была в этом нужда.

Скафти сказал:

— Разные мы с вами люди. Вы думали, что совершаете великие подвиги, — ты, Гицур Белый, когда напал на Гуннара с Конца Склона, а ты, Асгрим, когда убил своего побратима Гаука.

Асгрим ответил:

— Никто не упрекает за лучшее, если знает худшее. Но едва ли кто скажет, что я убил Гаука до того, как был вынужден сделать это. Тебя, пожалуй, можно простить, когда ты отказываешь нам в помощи, но непростительно, что ты поносишь нас. Мне бы только хотелось, чтобы еще до конца тинга наша тяжба принесла тебе величайший позор и чтобы никто не возместил его тебе.

Гицур и все его спутники встали и вышли. Они направились к землянке Снорри Годи и вошли в нее. Снорри был в землянке и сидел на поперечной скамье. Он сразу же узнал вошедших, поднялся им навстречу, назвал их желанными гостями и усадил рядом с собой. После этого они спросили друг друга, что слышно нового. Асгрим сказал Снорри:

— Мы с моим родичем Гицуром пришли сюда, чтобы просить у тебя помощи.

Снорри ответил:

— Вы вправе просить ее — вы хотите начать тяжбу об убийстве ваших родичей. Мы получили не один добрый совет от Ньяля, хоть теперь об этом и мало кто помнит. Однако я не знаю, какая помощь вам всего больше нужна.

Асгрим ответил:

— Нам будет всего нужнее помощь, если нам придется биться на тинге.

Снорри сказал:

— Верно, тогда вам придется круто. Скорее всего, дело пойдет так: вы будете очень настойчиво вести тяжбу, а они будут так защищаться, что ни одна сторона не признает себя неправой. Вы этого не потерпите и нападете на них, и вам не останется ничего другого, кроме как заставить их заплатить своим позором и унижением за убийство ваших родичей.

Было видно, что он всячески подстрекал их. Тогда Гицур сказал:

— Ты хорошо говоришь, Снорри. Ты всегда поступал смело и решительно, когда это требовалось.

Асгрим сказал:

— Я бы хотел знать, чем ты нам поможешь, если случится так, как ты говоришь.

Снорри сказал:

— Я докажу тебе свою дружбу так, что это будет к вашей большой чести, но на суд я не пойду. А если вы будете биться на тинге, то нападайте лишь тогда, когда вы будете вполне уверены в себе, потому что противники у вас сильные. Если же вас одолеют, то отступайте к нам сюда, потому что мои люди будут построены здесь в боевом порядке и будут готовы помочь вам. Но если случится, что они отступят перед вами, то я думаю, что они решат бежать в Ущелье Сходок, где удобно защищаться, и если они доберутся туда, то вам с ними никогда не справиться. Я возьму на себя построить против них своих людей и не подпустить их к укрытию. Но преследовать их мы не станем, направятся ли они на север или на юг по реке. И когда вы перебьете из них примерно столько, за сколько у вас хватит уплатить виру, не расставаясь с вашими годордами и не покидая ваших округ, тогда я прибегу со своими людьми и разниму вас. А вы должны будете послушаться меня, когда я сделаю это.

Гицур горячо поблагодарил его и сказал, что это было бы для них лучше всего. После этого они все вышли из землянки. Гицур спросил:

— Куда мы пойдем теперь?

— К землянке людей с Подмаренничных Полей, — сказал Асгрим.

И они направились туда.

И когда они вошли в землянку, они увидели, что в ней сидит Гудмунд Могучий и разговаривает со своим воспитанником Эйнар, сыном Коная. Эйнар был умным человеком. Они подошли к Гудмунду. Он хорошо принял их и велел освободить для них в землянке место, чтобы они все могли сесть. Они спросили друг друга, что слышно нового. Асгрим сказал:

— Мы хотим попросить у тебя, Гудмунд, надежной поддержки.

Гудмунд спросил:

— Вы были уже у кого-нибудь из знатных людей?

Они ответили, что были у Скафти и у Снорри Годи и рассказали так, чтобы не слышали другие, как их там встретили. Тогда Гудмунд сказал:

— В прошлый раз я был с вами несговорчив и малодушен. На этот раз я буду настолько же сговорчив, насколько в тот раз был несговорчив. Я пойду с вами на суд со всеми моими людьми, и помогу вам, как смогу, и буду биться с вашими врагами, и, если будет нужно, отдам свою жизнь. А Скафти я отплачу тем, что его сын Торстейн Волчья Пасть будет биться на нашей стороне, потому что он не отважится пойти против моего желания, ведь он женат на моей дочери Йодис. Тогда Скафти захочет разнять нас.

Они поблагодарили его и еще долго проговорили так, что никто не мог их слышать. Гудмунд сказал им, чтобы они больше не лежали в ногах у других знатных людей, что это недостойно.

— Попробуем счастья с теми людьми, которые у нас уже есть. На все сборища на тинге ходите вооруженными, но пока боя не начинайте.

Тут они все вышли и направились домой, в свои землянки. И вот подходит время тинга.

CXLI

Однажды люди пошли к Скале Закона. Асgrim, сын Лодейного Грима, Гицур Белый, Гудмунд Могучий и Снорри Годи были наверху, рядом со Скалой Закона, а люди с Восточных Фьордов были ниже их. Мёрд, сын Вальгарда, стоял возле Гицура, своего тестя. Мёрд был на редкость красноречив. Гицур сказал ему, чтобы он выступил с обвинением в убийстве и говорил так громко, чтобы его было хорошо слышно. Мёрд назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, напал на Хельги, сына Ньяля, и нанес ему рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я говорю, что за это он должен быть объявлен вне закона и изгнан, и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я говорю, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение. Я объявляю об этом по закону. Я объявляю об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявляю, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

На Скале Закона поднялся сильный шум, потому что он говорил хорошо и складно. Мёрд заговорил снова.

— Я призываю вас в свидетели того, — сказал он, — что я обвиняю Флоси, сына Торда, в том, что он нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер на месте, где Флоси, сын Торда, незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля. Я говорю, что за это ты, Флоси, должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать тебе пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я говорю, что ты должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а половина — тем людям из четверти,

которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение. Я объявляю об этом по закону. Я объявляю об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявляю, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Я объявляю о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира.

После этого Мёрд сел.

Флоси внимательно выслушал его и не проронил ни слова.

Торгейр Ущельный Гейр встал, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я обвиняю Глума, сына Хильдира, в том, что он высек огонь и поджег дом на Бергторовом Пригорке, так что в доме сгорели Ньяль, сын Торгейра, и Бергтора, дочь Скарпхебина, и все те люди, что погибли там. Я говорю, что он за это должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я говорю, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявляю об этом суду четверти, в котором по закону должно рассматриваться это обвинение. Я объявляю об этом по закону. Я объявляю об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявляю, что Глум, сын Хильдира, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона.

Кари, сын Сельмунда, предъявил обвинение против Коля, сына Торстейна, Гунпара, сына Ламби, и Грани, сына Гуннарда, и люди нашли, что он говорил на редкость хорошо. Торлейв Ворон предъявил обвинение против сыновей Сигфуса, а его брат Торgrim Большой — против Модольва, сына Кетиля, Ламби, сына Сигурда, и Хроара, сына Хамунда, брата Лейдольва Сильного. Асgrim, сын Лодейного Грима, предъявил обвинение против Лейдольва и Торстейна, сына Гейрлейва, Арни, сына Коля, и Грима Рыжего. Все они говорили хорошо.

После этого другие предъявили свои обвинения, и на это ушла большая часть дня. Потом народ стал расходиться по своим землянкам.

Эйольв, сын Бельверка, пошел с Флоси к его землянке. Они зашли на восток от землянки. Флоси спросил его, видит ли он какую-нибудь ошибку в этих обвинениях.

— Нет, — говорит Эйольв.

— Что же теперь делать? — говорит Флоси.

— Положение трудное, но вот что я тебе посоветую, — говорит Эйольв. — Передай свой годорд своему брату Торгейру, а сам войди в

годорд к годи Аскелю, сыну Торкеля из Долины Дымов. И если они не будут этого знать, то может случиться, что они допустят здесь ошибку, потому что они предъявят обвинение в суд восточной четверти, а им нужно будет подавать его в суд северной четверти, и они это упустят. А если они предъявят обвинение не в тот суд, в который нужно, то против них можно начать тяжбу в пятом суде. Эту тяжбу мы и начнем против них, но только уж в самом крайнем случае. Флоси сказал:

— Может быть, нам окупится наше запястье.

— Этого я не знаю, — сказал Эйольв, — но в тяжбе я вам помогу так, что люди увидят, что здесь ничего больше не поделаешь. Пошли теперь за Аскелем, а Торгейр пусть сейчас же придет к тебе и с ним еще один человек.

Вскоре туда пришел Торгейр и принял годорд. Потом туда пришел и Аскель, и Флоси объявил, что он входит теперь в его годорд. Кроме них, никто больше об этом не знал.

СХLII

Все было спокойно до тех пор, пока не настало время, когда должны были начаться суды. Обе стороны приготовились и вооружились. И те и другие прицепили к своим шлемам боевые значки.

Торхалль, сын Асгрима, сказал:

— Не будьте запальчивы и делайте все как можно правильнее. А если вы встретитесь с какой-нибудь трудностью, дайте мне как можно скорее знать, и я помогу вам советом.

Асгрим и его спутники посмотрели на него и увидели, что у него все лицо побагровело, а на глазах выступили слезы, крупные, как град. Он велел, чтобы ему принесли его копье. Это копье ему подарил Скарпхедин, и оно было большой драгоценностью. Когда они ушли, Асгрим сказал:

— Нелегко было моему сыну Торхаллю оставаться в землянке, и я не знаю, что он теперь надумал. Мы же сейчас выступим с Мёрдом, сыном Вальгарда, и сделаем вид, будто у нас нет никаких других тяжб, потому что главный наш враг — Флоси.

Асгрим послал человека за Гицуром Белым, Хьяльти и Гудмундом. Они все собрались и сразу же пошли к суду восточной четверти. Они стали к югу от суда, а Флоси и с ним все люди с Восточных Фьордов — к северу от суда. С Флоси, кроме этого, были люди из Долины Дымов и со Светлого Озера. Там был и Эйольв, сын Бёльверка. Флоси наклонился к нему и

сказал:

— Дела наши неплохи, возможно, что все будет, как ты предполагал.

— Молчи! — сказал Эйольв. — Придет время, и мы воспользуемся этим.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и предложил кинуть жребий, кому из тех людей, кто требует объявления вне закона, первым излагать свое дело, кому за ним и кому потом. Он предложил это согласно закону, перед судом, так что судьи слышали. Затем бросили жребий, и первым изложить свое дело выпало ему. Мёрд, сын Вальгарда, назвал снова своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я предохраняю себя от того, чтобы мое дело было объявлено незаконным, если я неправильно выражусь или оговорюсь. Я оставляю за собой право поправлять все свои слова до тех пор, пока не изложу правильно свое дело. Я призываю вас в свидетели этого для себя или для других, кому это свидетельство будет нужно или выгодно.

Мёрд сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или всем другим людям, кому он передал по закону свою защиту, выслушать мою присягу, изложение моего дела и все доказательства, которые я собираюсь привести против него. Я предлагаю это согласно закону, перед судом, так, чтобы все судьи слышали.

Мёрд сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я приношу присягу на книге, как полагается по закону, и говорю богу, что я буду вести тяжбу по правде, по совести и по закону и выполню все, что полагается по закону, пока я веду эту тяжбу.

Затем он сказал так:

— Я назвал свидетелем Тородда, а другим — Торбьёрна^[235], когда я обвинил Флоси, сына Торда, в том, что он незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, когда Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Я сказал, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я сказал, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявил об этом суду четверти, в котором по закону должно разбираться

это обвинение. Я объявил об этом по закону. Я объявил об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявил, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Я объявил о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира. Когда я предъявлял обвинение, я говорил теми же словами, которыми я сейчас излагаю свое дело. Я излагаю дело в суде восточной четверти Йону, в согласии с тем, что я сказал, когда предъявлял обвинение. Мёрд сказал:

— Я назвал свидетелем Тородда, а другим — Торбьёрна, когда я обвинил Флоси, сына Торда, в том, что он нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер, на месте, где Флоси, сын Торда, до этого незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля. Я сказал, что за это он должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Я сказал, что он должен лишиться всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я объявил об этом суду четверти, в котором по закону должно разбираться это обвинение. Я объявил об этом по закону. Я объявил об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Я объявил, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Я объявил о тяжбе, переданной мне Торгейром, сыном Торира. Когда я предъявлял обвинение, я говорил теми же словами, которыми я сейчас излагаю свое дело. Я излагаю дело в суде восточной четверти Йону, в согласии с тем, что я сказал, когда предъявлял обвинение.

Свидетели того, как Мёрд предъявлял обвинение, выступили перед судом, и один из них дал показание, а второй подтвердил его. Он сказал так:

— Мёрд призвал в свидетели Тородда и вторым свидетелем меня, а меня зовут Торбьёрном, — и он назвал имя своего отца, — Мёрд призвал нас в свидетели, что он обвинил Флоси, сына Торда, в том, что тот незаконно первым напал на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Он сказал, что Флоси за это должен быть объявлен вне закона и никто не должен давать ему пищу, указывать путь и оказывать какую-нибудь помощь. Он сказал, что Флоси должен лишиться, всего добра и половина его должна отойти ему, а другая половина — тем людям из четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Он объявил об этом суду четверти, в котором по закону должно разбираться это обвинение. Он объявил об этом по закону.

Он объявил об этом со Скалы Закона так, чтобы все слышали. Он объявил, что Флоси, сын Торда, должен быть судим этим летом и объявлен вне закона. Он объявил о тяжбе, переданной ему Торгейром, сыном Торира. Когда он предъявлял обвинение, он говорил теми же словами, которыми он изложил свое дело и которыми мы сейчас даем наше показание. Мы дали правильно наше свидетельское показание, и оба согласны во всем. Мы дали наше показание в суде восточной четверти Йону, в согласии с тем, что сказал Мёрд, когда предъявлял обвинение.

Во второй раз они дали суду свое показание, и на этот раз сначала назвали рану, а нападение потом, но все остальные слова они сказали, как в первый раз, и добавили, что они дают свое показание в суде восточной четверти, в согласии с тем, что сказал Мёрд, когда предъявлял обвинение.

Затем перед судом выступили свидетели того, как Торгейр передал Мёрду ведение тяжбы, и один из них сказал, а другой согласился, что Мёрд, сын Вальгарда, и Торгейр, сын Торира, призвали их в свидетели того, что Торгейр, сын Торира, передал Мёрду, сыну Вальгарда, право вести тяжбу против Флоси, сына Торда, об убийстве Хельги, сына Ньяля.

— Он передал ему эту тяжбу и все доказательства, которые относятся к делу. Он передал ему эту тяжбу, чтобы тот преследовал противников по закону или мирился и пользовался всеми правами законного истца. Торгейр передал по закону, и Мёрд принял по закону.

Таким образом, они дали в суде восточной четверти Йону свои показания о передаче тяжбы теми же словами, которыми Торгейр и Мёрд призвали их в свидетели.

Всем свидетелям было предложено принести присягу до того, как они дали показания, а также судьям.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю девятерым соседям, которых я вызвал сюда по тяжбе против Флоси, сына Торда, сесть на западном берегу реки, чтобы другая сторона отвела тех из них, которые неправомочны. Я предлагаю по закону на суде, так что судьи слышат. Мёрд снова назвал свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или другому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, отвести неправомочных соседей из тех, которым я предложил сесть на западном берегу реки. Я предлагаю по закону на суде, так что все судьи слышат.

Мёрд снова назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что теперь выполнено все, что

требуется по закону при ведении тяжбы: предложено принести присягу, принесена присяга, изложено дело, даны свидетельские показания о предъявлении обвинения, даны свидетельские показания о передаче тяжбы, соседям предложено занять место, предложено отвести неправомочных соседей. Я призываю вас в свидетели того, что выполнено по этой тяжбе, и того, что я не хочу ее проиграть, если я оставлю суд, чтобы искать доказательств или по другим делам.

Флоси и его люди подошли к месту, где сидели соседи. Флоси сказал им:

— Сыновья Сигфуса должны знать, правомочны ли соседи, которые вызваны сюда.

Кетиль из Мёрка ответил:

— Один из этих соседей крестил Мёрда, сына Вальгарда, а другой его троюродный родственник.

Тогда они высчитали родство и подкрепили свои слова присягой. Эйольв назвал своих свидетелей в том, что он требует от соседей, чтобы они не расходились, пока из них не будут отведены неправомочные. Эйольв назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я отвожу этих людей из числа соседей, — и он назвал их имена и имена их отцов, — на том основании, что один из них троюродный родственник Мёрда, а другой с ним в духовном родстве^[236], и поэтому оба они по закону должны быть отведены. Вы выведены по закону из числа соседей, потому что против вас объявлен законный отвод. Я отвожу вас по установлениям альтинга и общенародным законам. Я отвожу вас по переданной мне тяжбе Флоси, сына Торда.

Тогда все люди стали говорить, что дела Мёрда плохи, и все решили, что защита получила преимущество перед обвинением. Асгрим сказал Мёрду:

— Их дело еще не выиграно, хоть они и думают, что нанесли нам сильный удар. Надо найти моего сына Торхалля и послушать, что он нам посоветует.

К Торхаллю послали надежного человека, чтобы тот как можно точнее рассказал ему, как обстоит дело с их тяжбой и что Флоси и его люди объявили соседей неправомочными. Торхалль сказал:

— Я сделаю так, что вы не проиграете тяжбы. Скажи Пославшим тебя, чтобы они не верили, что их перехитрили, Потому что хитрец Эйольв на этот раз дал маху. Ступай теперь скорее к ним и скажи, чтобы Мёрд, сын Вальгарда, выступил перед судом и назвал своих свидетелей в том, что их отвод неправилен.

И он подробно рассказал, как им надо действовать.

Посланный вернулся и передал им советы Торхалля. Мёрд, сын Вальгарда, выступил тогда перед судом, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я объявляю неправильным отвод Эйольва, сына Бёльверка. А причина этому та, что он отвел соседей не как родственников истца, а как родственников того, кто ведет тяжбу. Я призвал вас в свидетели для меня или для того, кому это свидетельство может понадобиться.

После этого он предложил свидетелям дать суду свои показания. Он подошел к месту, где сидели соседи, и сказал, чтобы те из них, которые стояли, садились, поскольку они правомочны. Тогда все сказали, что Торхалль не ударил лицом в грязь, и все нашли, что у обвинения теперь дела лучше, чем у защиты.

Флоси сказал Эйольву:

— Как, по-твоему, это законно?

— Конечно, — ответил тот, — мы тут действительно промахнулись. Но мы еще потягаемся с ними!

Эйольв назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я отвел этих двух человек из числа соседей, — и он назвал их обоих, — потому что вы сидите на чужой земле, а не на своей. Я не могу допустить, чтобы вы были среди соседей, потому что против вас объявлен законный отвод. Я отвожу вас по установлениям альтинга и общенародным законам.

Эйольв сказал, что на этот раз для него будет полной неожиданностью, если его опровергнут. Все нашли, что теперь у защиты дела лучше, чем у обвинения. Все очень хвалили Эйольва и говорили, что нет никого, кто бы мог сравниться с ним в знании законов.

Мёрд, сын Вальгарда, и Асгрим, сын Лодейного Грима, послали человека к Торхаллю рассказать ему, что случилось. Когда Торхаллю все рассказали, он спросил, какое имущество есть у этих двоих соседей. Посланный сказал:

— Один из них живет молоком, у него есть и коровы и овцы, а другой владеет третьей земли, на которой он ведет хозяйство со своей семьей, он сам кормит себя, и у него общий очаг с одним человеком, который снимает землю, и одним пастухом.

Торхалль сказал:

— И на этот раз, как и в прошлый, они промахнулись. Я очень быстро опровергну их, сколько бы Эйольв ни хвастался, что закон на их стороне.

Торхалль очень подробно рассказал посланному, как им надо

действовать. Посланный вернулся и передал советы Торхалля Мёрду и Асгриму. Мёрд выступил перед судом, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я объявляю неправильным отвод Эйольва, сына Бёльверка, поскольку он отвел из числа соседей людей, которые имеют право выносить решение как соседи. Всякий имеет право выступать на суде как сосед, у кого есть три сотни земли или больше, даже если у него нет скота, но тот, кто живет молоком, тоже имеет право выступать как сосед, даже если он снимает землю.

После этого он предложил свидетелям дать суду свои показания. Он подошел к месту, где были соседи, и предложил им сесть, и сказал, что они правомочны.

Поднялся сильный шум и крик, и все сказали, что Флоси и Эйольв потерпели поражение, и все решили, что у обвинения сейчас дела лучше, чем у защиты.

Флоси сказал Эйольву:

— Это правильно?

Эйольв сказал, что этого он не знает точно. Тогда они послали человека к законоговорителю Скафти, чтобы спросить его, правильно ли это. Он велел передать им ответ, что это, конечно, правильно, хоть и немногие знают это. Это было передано Флоси и его людям. Тогда Эйольв спросил сыновей Сигфуса о других соседях, которые были вызваны на суд. Они ответили, что четверо из них вызваны неправильно.

— Потому что те, кто живет ближе них к месту убийства, остались дома, — сказали они.

Эйольв назвал своих свидетелей того, что он отводит всех этих четверых из числа соседей, и отвел их, как полагается по закону. После этого он сказал оставшимся пяти соседям:

— Вы должны быть справедливы к обеим сторонам. Теперь вы должны выступить перед судом, когда вас вызовут, и назвать своих свидетелей в том, что вы не можете вынести решения, потому что вас пятеро, тогда как должно быть девятеро. Если же Торхалль и тут вывернется, то, значит, он может выиграть любую тяжбу.

Видно было, что Флоси и Эйольв очень горды своим успехом. Поднялся сильный шум, и все говорили, что тяжба о сожжении Ньяля проиграна и что дела у защиты теперь лучше, чем у обвинения. Асгрим сказал Мёрду:

— Рано им еще хвастаться, пока не спросили Торхалля, Ньяль говорил мне, что он так научил Торхалля законам, что тот окажется величайшим знатоком законов в Исландии, когда дело дойдет до испытания.

К Торхаллю послали человека сказать, что случилось на суде, и передать хвастливые речи Флоси и Эйольва и мнение-народа, что дело Мёрда проиграно.

— Хорошо, — говорит Торхалль, — но и это не принесет им почета. Ступай к Мёрду и скажи ему, чтобы он назвал свидетелей и принес присягу в том, что большинство соседей вызвано правильно. Пусть он велит свидетелям дать свои показания суду. Тем самым он спасет свою тяжбу. Правда, он должен будет заплатить три марки серебра за каждого, кого он вызвал неправильно, но об этом нельзя подымать тяжбу на этом тинге.

Посланный вернулся и точно передал им слова Торхалля. Мёрд выступил перед судом, назвал своих свидетелей и принес присягу в том, что большинство соседей вызвано правильно. Он сказал, что спас свою тяжбу, и добавил:

— Так что нашим недругам надо гордиться чем-нибудь другим, а не тем, что мы здесь дали маху.

Поднялся сильный шум, и люди говорили, что Мёрд хорошо ведет дело, а Флоси и его люди лишь хитрят и крючкотворствуют. Флоси спросил Эйольва, правильно ли возражение их противников, но тот сказал, что не знает и что об этом может сказать лишь законоговоритель. Тогда Торкель, сын Гейтира, отправился к законоговорителю, рассказал ему, что случилось, и спросил его от их имени, правильно ли то, что сказал Мёрд. Скафти ответил:

— Нынче больше великих знатоков законов, чем я думал. Но если сказать тебе правду, то он совершенно прав, и тут возразить нечего, хоть я и думал, что я один знаю этот закон теперь, когда Няля нет в живых, потому что, по-моему, только он знал его.

Торкель вернулся к Флоси и Эйольву и сказал, что такой закон есть.

Мёрд, сын Вальгарда, выступил перед судом, назвал свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я требую, чтобы соседи, которых я вызвал для этой тяжбы против Флоси, сына Торда, вынесли бы решение, виновен он или нет. Я требую этого по закону, на суде, так что все судьи слышат это.

Соседи Мёрда выступили перед судом. Один из них произнес решение, а все другие подтвердили его. Он сказал следующее:

— Мёрд, сын Вальгарда, вызвал нас, девятерых соседей, но нас здесь только пятеро, так как четверо из нас были отведены. Были даны показания под присягой против этих четверых, которые должны были вынести решение вместе с нами. Мы должны теперь по закону вынести решение.

Нас вызвали для того, чтобы мы решили, напал ли незаконно первым Флоси, сын Торда, на Хельги, сына Ньяля, на месте, где Флоси, сын Торда, нанес Хельги, сыну Ньяля, рану внутренностей или костей, которая оказалась смертельной и от которой Хельги умер. Он потребовал от нас, чтобы мы сказали всё, к чему нас обязывает закон, чего бы он мог потребовать на суде и что относится к этой тяжбе. Он потребовал этого по закону. Он потребовал этого так, что мы слышали. Он потребовал этого по тяжбе, переданной ему Торгейром, сыном Торира. Мы все принесли присягу, и вынесли решение, и были все единодушны в нашем решении. Мы выносим решение против Флоси и объявляем, что он виновен в том, в чем его обвиняют. Мы выносим это наше решение в суде восточной четверти Йону, как этого от нас потребовал Мёрд.

— Вот решение всех нас, — сказали они.

Они снова сказали свое решение, но назвали рану сначала, а нападение — после, но все остальное они сказали как раньше. Они вынесли решение против Флоси и нашли его виновным.

Мёрд, сын Вальгарда, выступил перед судом и назвал своих свидетелей в том, что соседи, которых он вызвал по своей тяжбе против Флоси, сына Торда, вынесли решение и признали его виновным. Он назвал этих свидетелей для себя и для тех, кому это свидетельство будет нужно или выгодно.

Мёрд снова назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или тому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, изложить свои возражения против того обвинения, которое я предъявил ему, потому что теперь выполнено все, что требуется по закону при ведении тяжбы: даны все свидетельские показания, вынесено решение соседями, названы свидетели этого решения и всего, что говорилось на суде. А если в их защите окажется что-нибудь, что мне нужно для ведения моей тяжбы, то я сохраняю за собой право использовать это. Я предлагаю по закону, на суде, так что судьи слышат это.

— Я смеюсь в душе, Эйольв, — сказал Флоси, — когда думаю, как им придется хмуриться и чесать себе затылки, когда ты изложишь свое возражение.

CXLIII

Эйольв, сын Бёльверка, выступил перед судом, назвал своих

свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что мое законное возражение против этого обвинения состоит в том, что вы ведете тяжбу в суде восточной четверти, между тем как Флоси заявил, что входит в годорд к годи Аскелю. Здесь есть свидетели, которые присутствовали при том, как это случилось, и которые подтвердят, что Флоси сначала передал свой годорд своему брату Торгейру, а затем заявил, что входит в годорд к годи Аскелю. Я называю этих свидетелей для себя или для тех, кому это свидетельство будет нужно.

Эйольв опять назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Мёрду, который должен вести эту тяжбу, или главному истцу выслушать мою присягу и мои возражения против обвинения, которые я выдвину, и также все те доказательства, которые я приведу. Я предлагаю по закону, на суде, так что судьи слышат это.

Эйольв опять назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я приношу присягу на книге, как полагается по закону, и говорю богу, что я буду вести защиту по совести, по правде и по закону и выполню все, что мне полагается по закону выполнить на этом тинге.

Эйольв сказал:

— Этих двух человек я призываю в свидетели того, что мое возражение заключается в том, что тяжба была начата не в том суде, в котором она должна была быть начата. Поэтому я объявляю их тяжбу незаконной. Я выдвигаю свое возражение в суде восточной четверти.

После этого он велел, чтобы свидетели дали суду все те показания, которые относятся к делу. Затем он назвал свидетелей всех доказательств защиты, которые были приведены.

Эйольв назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я запрещаю судьям разбирать тяжбу Мёрда, потому что теперь в суд поступило законное возражение. Я запрещаю это запрещением законным, бесспорным, полным и верным, как мне и положено запрещать на суде по установлениям альтинга и общенародным законам.

После этого он предложил суду вынести решение о его возражении.

Асгрим и его люди начали тяжбы об умышленном сожжении, и эти тяжбы пошли своим чередом.

Тут Асгрим и его люди послали человека к Торхаллю и велели рассказать ему, в какое трудное положение они попали. Торхалль ответил:

— Слишком далеко я был! Ведь этого не случилось бы, если бы я был там. Я угадываю их замысел: они собираются вызвать вас в пятый суд за противозаконное ведение тяжбы. Они, наверное, также собираются добиться того, чтобы дело о сожжении осталось нерешенным, потому что они сейчас не остановятся ни перед чем. Ступай как можно скорее и скажи, чтобы Мёрд вызвал на суд Флоси и Эйольва за то, что они дали или получили на суде деньги, и потребовал бы для них изгнания. Пусть он также вызовет их на суд за то, что они приводили свидетельские показания, которые не относятся к делу, и поэтому виновны в незаконном ведении тяжбы. Передай им мои слова, что если один человек дважды приговорен к изгнанию, это равносильно объявлению его вне закона. Вы должны как можно скорее предъявить ваш иск, чтобы он разбирался раньше их иска.

Посланный ушел и передал Мёрду и Асгриму слова Торхалля. После этого они пошли к Скале Закона. Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я вызываю на суд Флоси, сына Торда, за то, что он на тинге дал за помощь себе деньги Эйольву, сыну Бёльверка. Я заявляю, что за это он должен быть приговорен к изгнанию и лишь тогда иметь право на отъезд из Исландии, если он уплатит судьям, которые будут отбирать у него добро, марку серебра. В противном случае он будет объявлен вне закона. Я заявляю, что он лишится всего добра и половина его должна отойти мне, а другая половина — тем людям из его четверти, которые имеют право на добро объявленного вне закона. Я вызываю его в пятый суд, где по закону эта тяжба должна разбираться. Я прошу суд разобрать эту тяжбу и приговорить ответчика к изгнанию. Я обращаюсь в суд с законной просьбой. Я обращаюсь в суд со Скалы Закона так, чтобы все слышали меня.

Так же он обвинил Эйольва, сына Бёльверка, в том, что тот взял деньги. И с этой тяжбой он обратился в пятый суд.

Во второй раз он обвинил Флоси и Эйольва в том, что они привели суду свидетельства, которые по закону не относятся к делу, и тем самым оказались виновными в незаконном ведении тяжбы. Он заявил, что и за это они должны быть приговорены к изгнанию.

После этого они ушли и направились в судилище. Там как раз собрался

пятый суд.

Когда Асгрим и Мёрд ушли, судьи не могли договориться, какой им вынести приговор. Одни из них хотели решить дело в пользу Флоси, а другие — в пользу Асгрима и Мёрда. Тут Флоси и Эйольв смогли заявить, что судьи не единодушны в решении. Там они и остались, пока производились вызовы на суд. Вскоре после этого Флоси и Эйольву сказали, что они вызваны со Скалы Закона в пятый суд по двум тяжбам каждый. Эйольв сказал:

— Неудачно мы поступили, оставшись здесь. Они опередили нас со своим вызовом на суд. Тут сказала хитрость Торхалля, а ему нет равного по уму. Теперь они могут первыми начать против нас тяжбу, а это им и нужно. Но мы все же пойдем к Скале Закона и начнем с ними тяжбу, хотя бы от этого и было мало толку.

Они отправились к Скале Закона, и Эйольв вызвал своих противников на суд за незаконное ведение тяжбы. После этого они пошли в пятый суд.

Когда Мёрд и Асгрим пришли в пятый суд, Мёрд назвал своих свидетелей и предложил выслушать его присягу, изложение его дела и все те доказательства, которые он собирался привести против Флоси и Эйольва. Он предложил это на суде, как полагалось по закону, так что все судьи слышали это.

В пятом суде двое должны были подтверждать присягу и присягать сами. Мёрд назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я даю присягу пятому суду — да будет бог милостив ко мне в этом мире и в ином — в том, что я буду вести свое дело по правде, по совести и по закону; что я считаю Флоси виновным в том, в чем я его обвиняю и что будет доказано; что я не давал денег этому суду ради своей тяжбы и не буду давать; что я не получал денег и не буду их получать ни в законных, ни в противозаконных целях.

Двое подтверждающих присягу Мёрда выступили перед судом, назвали своих свидетелей и сказали:

— Мы призываем вас в свидетели того, что мы даем присягу на книге, как полагается по закону, — да будет бог милостив к нам в этом мире и в ином, — в том, что мы отвечаем своей честью за то, что Мёрд будет вести свое дело по правде, по совести и по закону; что он не давал денег этому суду ради своей тяжбы и не будет давать, не получал денег и не будет их получать ни в законных, ни в противозаконных целях.

Еще раньше Мёрд вызвал на суд по своей тяжбе девятерых соседей с поля тинга. После этого Мёрд назвал свидетелей и изложил все четыре дела, которые он выдвигал против Флоси и Эйольва. Излагая свое дело,

Мёрд говорил теми же словами, как когда он объявлял о нем. Он сказал на пятом суде, что по каждому из этих дел он требует изгнания, как он требовал этого, когда объявлял о них. Мёрд назвал своих свидетелей и предложил девятерым соседям занять места на западном берегу реки. Мёрд назвал своих свидетелей и предложил Флоси и Эйольву отвести неправомочных соседей. Они подошли, чтобы отвести неправомочных соседей, но не смогли никого из них отвести и отошли раздосадованные. Мёрд назвал своих свидетелей и попросил этих девятерых соседей, которых он вызвал, вынести решение за или против. Соседи Мёрда выступили перед судом, и один из них произнес решение, а другие подтвердили его. Они все дали присягу пятому суду, и вынесли решение против Флоси, и нашли его виновным. Они произнесли свое решение в пятом суде перед тем человеком, которому Мёрд изложил свое дело. Затем они сказали то, что им было положено сказать по всем делам, и все было выполнено, как полагается по закону.

Эйольв, сын Бёльверка, и Флоси со своими людьми пытались найти неправильность в ходе суде, но ничего не могли найти.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что девятеро соседей, которых я вызвал на тяжбу против Флоси, сына Торда, и Эйольва, сына Бёльверка, вынесли решение и нашли их виновными.

И он назвал этих свидетелей.

Он снова назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или тому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, изложить свои возражения, потому что сейчас выполнено все, что требуется по делу: предложено выслушать присягу, дана присяга, изложено дело, даны все показания, соседям предложено занять места, предложено отвести неправомочных соседей, соседями вынесено решение и названы свидетели этого решения.

И он назвал свидетелей всего, что упоминалось на суде.

Тогда встал тот, кому было изложено дело^[237], и повторил все сказанное на суде. Сначала он повторил, как Мёрд предложил выслушать свою присягу, изложение всего дела и все показания. Затем он повторил, как присягали Мёрд и подтверждающие его присягу. После этого он повторил, как Мёрд изложил дело, и сказал, что говорит теми же словами, которыми Мёрд говорил, излагая свое дело и объявляя о нем.

Он изложил дело пятому суду так, как он говорил, когда объявлял о нем.

После этого он повторил, как были даны показания о вызове в суд, и повторил все слова, которыми Мёрд вызвал на суд и которые говорили свидетели этого вызова.

— И которые я, — добавил он, — говорю в своем повторении. Они дали свои показания пятому суду в тех же словах, которые он говорил, когда вызывал на суд.

После этого он повторил, как Мёрд предложил соседям занять свои места. Затем он повторил, как Мёрд предложил Флоси или тому человеку, которому он передал по закону защиту своего дела, отвести неправомочных соседей. Потом он повторил, как соседи выступили перед судом, вынесли решение и нашли Флоси виновным.

— Девятеро соседей, — сказал он, — вынесли свое решение перед пятым судом.

После этого он повторил, как Мёрд назвал свидетелей того, что решение вынесено. Затем он повторил, как Мёрд назвал свидетелей всего, что упоминалось на суде, и предложил ответчику изложить свои возражения.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я запрещаю Флоси, сыну Торда, или другому человеку, кому он передал по закону защиту своего дела, выступать с возражениями, потому что теперь выполнено все, что полагается по закону, и повторено все сказанное на суде.

После этого повторяющий произнес и это. Мёрд назвал своих свидетелей и потребовал от судей, чтобы они вынесли приговор. Тогда Гицур Белый сказал:

— Ты еще не все сделал, Мёрд, ведь четыре дюжины судей не могут судить.

Флоси спросил Эйольва:

— Что теперь делать?

Тогда Эйольв ответил:

— Надо придумать выход. Но подождем! Мне кажется, что они неправильно ведут дело. Ведь Мёрд уже потребовал приговора. Теперь им надо вывести из числа судей шестерых человек, а затем они должны при свидетелях предложить нам вывести других шестерых. Мы этого не сделаем, и тогда им самим нужно будет вывести других шестерых человек, и тут-то они, наверное, и промахнутся. А если они их не выведут, тогда вся их тяжба недействительна, потому что судить должны три дюжины судей.

Флоси сказал:

— Умный ты человек, Эйольв! Не так-то легко справиться с тобой.

Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и сказал:

— Я призываю вас в свидетели того, что я вывожу из числа судей этих шестерых человек. — И он назвал их всех по именам. — Я запрещаю вам заседать в суде. Я вывожу вас по установлениям альтинга и общенародным законам.

После этого он при свидетелях предложил Флоси и Эйольву вывести из числа судей других шестерых человек. Они, однако, не захотели сделать это. Тогда Мёрд сказал судьям, чтобы они судили. Когда приговор был вынесен, Эйольв назвал своих свидетелей и объявил неправильным приговор и все, что его противники предприняли, на том основании, что судили три с половиной дюжины судей, тогда как должно было судить три дюжины.

— А теперь мы начнем в пятом суде тяжбу против вас, — сказал он, — и добьемся того, что вас осудят.

Гицур Белый сказал Мёрду:

— Сильно ты промахнулся, когда допустил эту ошибку. Это большая неудача. Что же нам теперь делать, родич Асгрим?

Асгрим сказал:

— Пошлем человека к моему сыну Торхаллю и посмотрим, что он нам посоветует.

CXLV

Тут Снорри Годи узнал, как обстоят дела, и стал строить в боевой порядок своих людей ниже Уцелья Сходок, между Уцельем и землянкой Крепостцой, и заранее рассказал, что им делать.

Посланный между тем пришел к Торхаллю и рассказал, случившемся — о том, что Мёрд, сын Вальгарда, и все его люди будут осуждены и что вся тяжба проиграна. Когда Торхалль, услышал это, он был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Он вскочил с постели, схватил двумя руками копье, которое ему подарил Скарпхедин, и проткнул им себе ногу. Когда он выдернул копье, то на него налипли мясо и стержень нарыв;), а кровь и гной хлынули потоком, так что по полу потек ручей. Тут он, не хромя, вышел из землянки и зашагал так быстро, что посланному было не успеть за ним. Он шел, пока не пришел в пятый суд. Там ему попался Грим Рыжий, родич Флоси. и лишь только они встретились, Торхалль ударил его копьем в щит, так что щит раскололся, а копье пронзило Грима насквозь и наконечник копья вышел у того между лопаток. Торхалль

сбросил его с копья мертвым.

Кари, сын Сельмунда, увидел это и сказал Асгриму:

— Вот пришел твой сын Торхалль и уже убил врага. Большим будет для нас позором, если ни у кого, кроме него, не хватит духу отомстить за сожжение Няля!

— Этого не будет, — ответил Асgrim, — идем на них! Все стали кричать, и раздался боевой клич.

Флоси и его люди приготовились к защите, и обе стороны стали подзадоривать друг друга. Кари, сын Сельмунда, бросился туда, где были Арни, сын Коля, и Халльбьёрн Сильный. Как только Халльбьёрн увидел Кари, он взмахнул мечом, целясь ему в ногу, но Кари подпрыгнул, и Халльбьёрн промахнулся. Кари кинулся на Арни, сына Коля, ударил его мечом по плечу и разрубил ему плечевую кость, и ключицу, и всю грудь. Арни тут же упал мертвым на землю. После этого Кари ударил мечом Халльбьёрна, разрубил ему щит и отсек большой палец ноги. Хольмстейн метнул в Кари копье, но он поймал его в воздухе и кинул обратно, и тут еще одному из людей Флоси пришел конец.

Торгейр Ущельный Гейр бросился на Халльбьёрна Сильного. Торгейр с такой силой ударил его копьем, что Халльбьёрн упал, с трудом поднялся на ноги и тотчас же отступил. Тут Торгейру попался Торвальд, сын Кетиля Грома, и он сразу ударил его секирой Великанша Битвы, которая раньше принадлежала Скарпхедину. Торвальд выставил щит, но Торгейр разрубил щит донизу, а передним концом секиры глубоко рассек Торвальду грудь, так что тот тут же упал мертвым на землю.

Теперь надо рассказать о том, что Асgrim, сын Лодейного Грима, его сын Торхалль, Хьяльти, сын Скеggi, и Гицур Белый бросились к тому месту, где были Флоси, сыновья Сигфуса и другие участники сожжения Няля. Там разгорелся жестокий бой, и они бились так яростно, что Флоси и его люди, в конце концов, отступили.

Гудмунд Могучий, Мёрд, сын Вальгарда, и Торгейр бросились туда, где были люди с Секирного Фьорда, люди с Восточных Фьордов и люди из Долины Дымов. Там разгорелся жестокий бой. Кари, сын Сельмунда, бросился на Бьярни, сына Бродд-Хельги. Кари поднял копье и ударил им в щит Бьярни. Тот рванул щит в сторону, чтобы копье не пронзило его. Он хотел ударить Кари мечом по ноге, но Кари отдернул ногу и повернулся на пятке, так что Бьярни промахнулся. Кари тотчас ударил его мечом, но тут подоспел какой-то человек и прикрыл Бьярни щитом. Кари рассек ему весь щит, а концом меча распорол ему ногу от бедра донизу. Человек этот тотчас упал и до конца своей жизни оставался калекой. Тут Кари схватил двумя

руками копье, кинулся на Бьярни и ударил его. Чтобы избежать удара, Бьярни не оставалось ничего, кроме как свалиться на бок. Как только он поднялся на ноги, он отступил.

Торгейр Ущельный Гейр бросился на Хольмстейна, сына Мудрого Берси, и Торкеля, сына Гейтира. Дело кончилось тем, что оба отступили. Люди Гудмунда Могучего стали громко издеваться над ними.

Торвард, сын Тьёрви со Светлого Озера, был тяжело ранен: стрела попала ему в руку, и люди говорили, что стрелял Халльдор, сын Гудмунда Могучего. Ему так и не заплатили виры за эту рану до конца его дней. Бой был жаркий. Хоть здесь и рассказывается о некоторых происшествиях, на деле случилось гораздо больше, но об этом не сохранилось рассказов.

Флоси сказал своим людям, чтобы они пробивались к укрытию в Ущелье Сходок, если их станут одолевать враги, потому что там можно нападать только с одной стороны. Но люди Халля с Побережья и его сына Льота отступили под натиском Асгрима и его сына Торхалля и отошли вниз, к востоку от Секирной Реки. Тогда Халль сказал Льоту:

— Большое несчастье, когда бьется весь тинг! Надо нам просить себе помощи, чтобы разнять дерущихся, как бы нас потом кое-кто и не упрекал. Подожди у конца моста, а я пойду в землянку просить помощи.

Льот сказал:

— Если я увижу, что Флоси и его людям нужна наша помощь, то я сразу же побегу к ним.

— Делай как знаешь, — сказал Халль, — но я прошу тебя подождать меня.

Тут люди Флоси обратились в бегство. Они все побежали на западный берег Секирной Реки, а Асгрим и Гицур Белый со всем своим войском бросились следом. Флоси и его люди пустились вверх между рекой и землянкой Крепостцой. Но там так тесно стояли люди, которых построил Снорри Годи, что людям Флоси было не пройти. Снорри Годи крикнул Флоси:

— Что вы бежите сломя голову? Кто вас гонит?

Флоси отвечает:

— Ты спрашиваешь не потому, что не знаешь. Не из-за тебя ли нам нельзя укрыться в Ущелье Сходок?

— Нет, не из-за меня, — говорит Снорри, — но я знаю из-за кого и могу тебе сказать, если ты хочешь: из-за Торвальда Курчавая Борода и Коля.

Их обоих уже не было в живых. Это были самые скверные из людей.

Тогда Снорри сказал своим людям:

— Рубите их мечами, колите их копьями и гоните их прочь отсюда! Они недолго удержатся здесь, если те нападут на них снизу. Но не преследуйте их, пусть они там бьются друг с другом.

У Скафти, сына Тородда, был сын Торстейи Волчья Пасть, как написано выше. Он бился на стороне своего тестя Гудмунда Могучего. Когда Скафти узнал его, он пошел к землянке Снорри Годи, чтобы попросить его пойти с ним разнимать дерущихся. Когда он подходил к дверям землянки Снорри, бой был в полном разгаре. Асгрим и его люди как раз подходили снизу. Тогда Торхалль сказал своему отцу Асгриму:

— Вот он, Скафти, сын Тородда, отец!

Асгрим сказал:

— Я это вижу, сын.

И он метнул копьё в Скафти и попал ему чуть пониже самого толстого места икры, и копьё пронзило обе ноги. Скафти упал и не мог подняться. Те, кто стоял рядом, сумели только втащить Скафти ничком в землянку одного мечевщика.

Асгрим и его люди наступали с таким жаром, что Флоси и его люди отступили на юг вдоль реки к землянке людей с Подмаренничных Полей. Там перед одной из землянок стоял человек по имени Сёльви. Он варил в большом котле мясо и только что вытащил его из кипящего котла. Тут он увидел бегущих людей с Восточных Фьордов. Они уже были недалеко. Тогда он сказал:

— Что же, они все трусы, что ли, люди с Восточных Фьордов? И даже Торкель, сын Гейтира, бежит. Верно, лгали о нем, когда говорили, что он — сама храбрость. Сейчас он бежит быстрее всех.

Халльбьёрн Сильный был рядом и сказал:

— Не придется тебе говорить, что они все трусы!

С этими словами он схватил его, поднял в воздухе и кинул головой в котел. Сёльви сразу же пришел конец. Но тут напали и на Халльбьёрна, и он бросился бежать.

Флоси метнул копьё в Бруни, сына Хавлиди. Копьё попало ему в живот, и он тут же умер. Он был из людей Гудмунда Могучего. Торстейн, сын Хленни, выдернул копьё из раны и метнул его обратно в Флоси. Копьё попало Флоси в ногу и сильно ранило его. Он упал, но тотчас же поднялся. Тогда они кинулись к землянке людей с Оружейного Фьорда.

Льот и Халль со всеми своими людьми перешли на западный берег реки, а когда вышли на лавовое поле, кто-то из людей Гудмунда Могучего кинул в них копьё, и оно попало в живот Льоту. Он тотчас же упал мертвым на землю, и люди так никогда и не узнали, кто убил его. Флоси и его люди

пустились вверх, мимо землянки людей с Оружейного Фьорда. Тогда Торгейр сказал Кари, сыну Сёльмунда:

— Вон он там, Эйольв, сын Бёльверка, отплати ему за запястье!

Кари выхватил копье у стоявшего рядом человека и метнул его в Эйольва. Копье попало Эйольву в живот и прошло насквозь, и Эйольв сразу же упал мертвым на землю.

Тут бой немного стих. Снорри Годи подошел теперь со своими людьми. С ним был и Скафти. Они тотчас бросились между дерущимися и разделили их, так что они больше не могли биться. Халль присоединился к ним и тоже стал разнимать дерущихся. Тогда было объявлено перемирие до конца тинга. Тут занялись убитыми, отнесли их в церковь и перевязали раны тем, кто был ранен.

На следующий день люди пошли к Скале Закона. Халль с Побережья встал и потребовал тишины. Все тотчас смолкли, и он сказал:

— Много погибло людей, и много раздору было на тинге. Я хочу и на этот раз показать вам, что я человек маленький. Я хочу попросить Асгрима и всех других предводителей в этой тяжбе, чтобы они предложили нам условия примирения, которые обе стороны могли бы принять.

И он говорил еще много и красноречиво. Кари сказал:

— Пусть другие мирятся, если хотят, но я мириться не буду: ведь вы захотите приравнять эти убийства к сожжению Ньяля, а мы этого не потерпим.

То же самое сказал Торгейр Ущельный Гейр. Тогда встал Скафти, сын Тородда, и сказал:

— Лучше было бы тебе, Кари, если ты тогда не удрал бы, бросив шурьев, а теперь не отказывался от примирения.

Тогда Кари сказал три висы:

— Посох сорочки Сёрли^[238],
Как смеешь меня порочить,
Болтать, будто Кари струсил?
Не потерплю обиды!
Не ты ли, рыжебородый,
В ужасе жался к землянкам,
Когда на ограду сечи^[239]
Градом летели стрелы?
Скальд не боялся. Скафти,
Вот кто страху набрался!
Все не решался, бедняга,

В нашу сечу вмешаться.
Совсем ему было худо,
Спасибо, рабы пожалели,
В землянку втащили волоком,
Скрыли у скоморохов.
Рано, владыки злата,
Низкие люди, вздумали
Вы над сожжением Ньяля,
Грима и Хельги глумиться.
Что ж, на исходе тинга
Заговорят по-другому,
Забудут смеяться дробители
Клада рыбы долины [\[240\]](#).

Раздался громкий смех. Снорри Годи усмехнулся и сказал вполголоса, но так, что многие слышали:

— Скафти нас разнимает,
Асгрим копьем замахнулся,
Хольмстейн бежит поневоле,
Нехотя бьет Торкель.

Люди очень смеялись. Халль с Побережья сказал:

— Все люди знают, какое горе постигло меня, когда погиб мой сын Льот. Многие думают, что за него должна быть заплачена вира большая, чем за всех других, кто погиб здесь. Но я хочу принести жертву ради мира и отказаться от виры за сына и все же дать клятву моим противникам в том, что я буду соблюдать мир. Я прошу тебя, Снорри Годи, и других уважаемых людей сделать так, чтобы мы помирились на этих условиях.

После этого он сел, и все громко и одобрительно зашумели и стали очень хвалить его миролюбие.

Снорри Годи встал и говорил долго и красноречиво. Он просил Асгрима, Гицура и других предводителей с их стороны, чтобы они согласились на примирение. Асгрим сказал:

— Когда Флоси заехал ко мне домой, я решил, что никогда не стану с ним мириться. Но теперь, Снорри Годи, ради тебя и ради других наших друзей я согласен мириться.

Торлейв Ворон и Торгрим Большой тоже сказали, что они готовы на примирение, и стали всячески уговаривать помириться своего брата Торгейра Ущельного Гейра, но тот отказался и сказал, что всегда будет заодно с Кари.

Тогда Гицур Белый сказал:

— Пусть теперь Флоси решает, согласен ли он на примирение, если не все станут мириться.

Флоси сказал, что согласен, и добавил:

— Мне тем приятнее, — сказал он, — чем меньше уважаемых людей будет моими врагами.

Гудмунд Могучий сказал:

— Я со своей стороны хочу предложить, чтобы был заключен мир и заплачена вира за те убийства, которые были совершены здесь на тинге, а также за сожжение Ньяля.

То же самое сказали Гицур Белый, Хьяльти, Асгрим и Мёрд, сын Вальгарда. После этого состоялось примирение. Было решено передать дело двенадцати судьям, и в знак этого все подали друг другу руки. Во главе суда стоял Снорри Годи, а с ним другие уважаемые люди. Убийства с двух сторон были приравнены друг другу, и за те, которые оказались сверх этого, была положена вира. Было назначено наказание и за сожжение: за Ньяля была положена тройная вира, за Бергтору — двойная. Убийство Скарпхеда было приравнено к убийству Хёскульда, Годи Белого Мыса. По двойной вине было положено за Грима и Хельги и по одной вине за каждого из тех, кто сгорел в доме. По поводу убийства Торда, сына Кари, не было заключено соглашения. Флоси и все участники сожжения Ньяля были приговорены к изгнанию из страны, но могли не уезжать в это лето, если хотели. Если бы, однако, они не уехали по прошествии трех лет, то они должны были быть объявлены вне закона. Было сказано, что об этом должно быть объявлено на осеннем тинге или на весеннем, как им будет угодно. Флоси должен был уехать из Исландии на три года. Гуннару, сыну Ламби, Грани, сыну Гуннара, Глуму, сыну Хильдира, и Колю, сыну Торстейна, было запрещено возвращаться в Исландию. Тогда Флоси спросили, хочет ли он назначить виру за свою рану, но он сказал, что не хочет. Было решено, что за Эйольва, сына Бёльверка, из-за его незаконных поступков и нечестности вира не будет положена.

После этого все подали друг другу руки в знак примирения и потом честно сдержали уговор.

Асгрим и его люди поднесли Снорри Годи богатые подарки. Это дело снискало ему большую славу. Скафти за его рану никакой виры положено

не было.

Гицур Белый, Хьяльти и Асгрим пригласили к себе Гудмунда Могучего. Он принял приглашения, и каждый из них подарил ему по золотому запястью. Гудмунд отправился на север, к себе домой, и все очень хвалили его за то, как он вел себя в этом деле. Торгейр Ущельный Гейр предложил Кари поехать с ним, но сначала они поехали с Гудмундом на север, в горы. Кари подарил Гудмунду золотую пряжку, а Торгейр — серебряный пояс. И пряжка и пояс были очень большими драгоценностями. Они расстались лучшими друзьями. Гудмунд отправился на север, к себе домой, и больше о нем в этой саге рассказываться не будет. Кари со своими спутниками поехал с гор на юг, в Приходы, а оттуда на Бычью Реку.

Флоси и с ним все участники сожжения Ньяля отправились на восток, к Речному Склону. Флоси позволил сыновьям Сигфуса присмотреть за хозяйством. Тут он узнал, что Торгейр и Кари уехали на север с Гудмундом Могучим. Тогда участники сожжения Ньяля решили, что Кари со своими людьми собирается задержаться на севере. Тут сыновья Сигфуса попросились съездить на восток, к подножию Островных Гор по денежным делам: им нужно было получить долг на Склоне Мыса. Флоси разрешил им поехать, но сказал, чтобы они были настороже и не задерживались. Сам Флоси отправился горами, через Землю Богов, севернее ледника Островных Гор, и не останавливался, пока не приехал к себе домой, на Свиную Гору.

Теперь надо сказать о том, что Халль с Побережья отказался от виры за сына и тем помог добиться мира. И вот все, кто был на тинге, собрали ему виру, и денег набралось не меньше чем восемь сотен серебра, и это была четверная вира. А все, кто был с Флоси, не получили никакой виры за свои раны, и это их очень сердило.

Сыновья Сигфуса пробыли дома два дня, а на третий они поехали на восток, к Дырявым Горам, и заночевали там. Всего их было пятнадцать человек, и они совсем не думали об опасности. Из Дырявых Гор они выехали поздно и думали к вечеру добраться до Склона Мыса. В Старухиной Долине они остановились на отдых и рассчитывали там хорошенько выспаться.

CXLVI

Кари, сын Сельмунда, и Торгейр в тот же день поехали на восток, через Лесную Реку к Ивняковому Междуречью. Там они встретили

нескольких женщин. Те узнали их и сказали:

— Понурий у вас вид, не то что у сыновей Сигфуса. Но едете вы неосторожно.

Торгейр сказал:

— Почему вы говорите так о сыновьях Сигфуса? Какие у вас вести о них?

— Они ночевали на Дырявых Горах, — ответили женщины, — а к вечеру собирались быть в Болотной Долине. Нас порадовало, что они боятся вас и спрашивают, когда вы вернетесь домой.

И они пошли своей дорогой, а Кари и Торгейр пустили коней вскачь. Торгейр сказал:

— Что нам сейчас делать? Чего тебе хочется больше всего? Хочешь, поедем следом за ними?

Кари ответил:

— Поехать следом за ними я не прочь. Но о том, чего мне всего больше хочется, я говорить не буду: ведь часто бывает, что люди, которых убивают на словах, живут долго. Я знаю, сколько ты возьмешь на себя. Ты возьмешь на себя восьмерых, и это будет меньше, чем когда ты убил семерых в ущелье^[241], спустившись к ним по веревке. Вы ведь в вашем роду все такие, что думаете всегда о славе. Я не могу не поехать с тобой, хотя бы для того, чтобы потом рассказать о том, что произошло. Поедем-ка вдвоем за ними: я ведь вижу, что ты это и задумал.

Они поехали на восток верхней дорогой, не заезжая в Холм: они не хотели замешивать братьев Торгейра в то, что могло случиться. И они поехали дальше на восток, в Болотную Долину. Там они встретили одного человека, который вез торф на лошади. Он сказал:

— Маловато у тебя нынче народу, друг Торгейр!

— Ну и что? — спросил Торгейр.

— А то, что на тебя зверь бежит. Здесь проезжали сыновья Сигфуса. Они, наверное, проспят весь день в Старухиной Долине, потому что они не собирались сегодня к вечеру добраться дальше чем до Склона Мыса.

После этого они поехали своей дорогой на восток по Орлиной Пустоши, и нечего рассказать об их поездке, пока они не добрались до Реки Старухиной Долины. Вода в реке стояла высоко. Они поехали по берегу вверх вдоль реки, потому что увидели там оседланных коней. Они подъехали туда и увидели, что там в лоштинке спят люди, а над ними воткнуты их копья. Они взяли копья и бросили их в реку.

Торгейр сказал:

— Хочешь, разбудим их?

Кари ответил:

— Зачем ты спрашиваешь? Ведь ты уже сам решил, что лежачего убить — значит совершить позорное убийство.

И они крикнули спящим. Те все проснулись и кинулись к своему оружию. Кари и Торгейр бросились на них, лишь когда те вооружились. Торгейр кинулся на Торкеля, сына Сигфуса. В этот миг кто-то забежал сзади, но не успел ничего сделать Торгейру, как тот двумя руками поднял секиру Великанша Битвы и ударил его обухом по голове так, что черен разлетелся на мелкие куски. Человек мертвым рухнул на землю. А Торгейр поднял секиру, и ударил Торкеля по плечу, и отсек руку. На Кари кинулись Мёрд, сын Сигфуса, Сигурд, сын Ламби, и Ламби, сын Сигурда. Ламби кинулся на Кари сзади и хотел ударить его копьем, но Кари увидел его и подпрыгнул, расставив ноги, так что копье воткнулось в землю, а Кари прыгнул на древко и сломал его. В одной руке у него было копье, в другой — меч, а щита не было. Правой рукой он ударил копьем Сигурда, сына Ламби, в грудь, и копье вышло у того между лопаток. Сигурд тотчас упал мертвый.левой рукой Кари ударил мечом Мёрда, сына Сигфуса, в поясницу и разрубил его до самого хребта. Тот упал ничком и тут же умер. Потом Кари повернулся на пятке, как волчок, к Ламби, сыну Сигурда, и тот не нашел другого выхода, кроме как пуститься наутек.

Тут Торгейр бросился на Лейдольва Сильного, и они оба одновременно ударили друг друга мечами. Удар Лейдольва был таким сильным, что меч снес всю часть щита, куда пришелся удар. Торгейр же двумя руками ударил секирой, и задний угол ее расколол щит, а передний — рассек ключицу и глубоко раскроил Лейдольву грудь. Тут подоспел Кари и перерубил Лейдольву бедро, так что Лейдольв упал и тут же умер. Кетиль из Леса сказал:

— Бежим к лошадям! Нам с ними не справиться, они сильнее нас.

И они побежали к лошадям и вскочили на них. Торгейр сказал:

— Хочешь, поскачем за ними? Мы, пожалуй, убьем еще кое-кого из них.

— Последним из них скачет Кетиль из Леса, а его я но хочу убивать: мы с ним женаты на сестрах, и он всегда держал себя хорошо в нашей тяжбе.

Тут они сели на коней и ехали, пока не приехали в Холм. Торгейр сказал своим братьям, чтобы они уехали на восток, в Леса. У них там был другой двор, и Торгейр не хотел, чтобы его братьев называли нарушителями мира. Там у Торгейра было всегда не меньше трех десятков человек, способных носить оружие. Радость была большая. Все решили,

что Торгейр и Кари прославились еще больше. Люди часто вспоминали этот случай, как они вдвоем напали на пятнадцать человек, убили пятерых из них, а десятерых уцелевших обратили в бегство.

Теперь надо рассказать о Кетиле. Он скакал во весь опор со своими людьми, пока не добрался до Свиной Горы. Они рассказали, какая нелегкая им выпала поездка. Флоси сказал, что этого следовало ждать, и добавил:

— Это вам предостережение, чтобы вы никогда больше так не разъезжали.

Флоси был человек на редкость веселый и гостеприимный. Рассказывают, что во многом он был настоящий вождь. Он пробыл дома лето и зиму. А зимой после праздника середины зимы к нему приехали Халль с Побережья со своим сыном Колем. Флоси очень обрадовался их приезду. Они часто говорили о случившемся. Флоси сказал, что они уже понесли тяжелые потери. Халль сказал, что предвидел это. Флоси спросил у него, что, как ему кажется, сейчас лучше всего сделать. Халль ответил:

— Мой совет тебе, помирись, если можешь, с Торгейром. Но уговорить его помириться будет очень трудно.

— Ты думаешь, убийства тогда кончатся? — говорит Флоси.

— Нет, не думаю, — говорит Халль, — но у тебя станет меньше врагов, если Кари останется один. Если же ты не помирись с Торгейром, то тебе не миновать смерти.

— Что же нам предложить ему для примирения? — говорит Флоси.

— Вам покажутся тяжелыми, — говорит Халль, — условия, которые он примет. Он захочет мириться, если ему не надо будет ничего платить за то, что он сделал, и если он получит свою треть виры за Ньяля и его сыновей.

— Тяжелые это условия — говорит Флоси.

— Для тебя эти условия не такие тяжелые, — говорит Халль. — потому что тебя не касается убийство сыновей Сигфуса. Виру за их убийство должны требовать их братья, а Хамуил Хромой — за убийство своего сына Лейдольва. Ты теперь можешь помириться с Торгейром, потому что я поеду с тобой к нему, а меня он примет неплохо. Но пусть никто из тех, кто замешан в этом деле, не отваживается оставаться в своих дворах на Речном Склоне, если они не помирятся, потому что это для них — верная смерть. Зная нрав Торгейра, надо ждать, что мира им не будет.

И вот послали за сыновьями Сигфуса. Рассказали им, в чем дело, и, в конце концов, благодаря уговорам Халля, они согласились с ним во всем и сказали, что готовы мириться. Грани, сын Гуннара, и Гуннар, сын Ламби, сказали:

— Ясно, что если Кари останется один, то он будет страшен нам не больше, чем мы ему.

— Не говорите так, — сказал Халль. — Вы еще многое вынесете от него и понесете большие потери, прежде чем ваши счеты с ним будут кончены.

На том их разговор прекратился.

CXLVII

Халль с Побережья, его сын Коль и с ними еще четыре человека отправились на запад через пески Гагарьей Горы и дальше через Орлиную Пустошь и не останавливались, пока не доехали до Болотной Долины. Там они спросили, дома ли у себя, в Холме, Торгейр, и им сказали, что, наверное, дома. Халля спросили, куда он держит путь.

— Туда, в Холм, — ответил он.

Люди одобрили его намерение. Халль и его спутники отдохнули, а потом сели на коней и к вечеру приехали в Солнечные Дворы. Там они переночевали, а на следующий день приехали в Холм. Торгейр, Кари и их люди были перед домом и узнали подъезжающего Халля. Он был в синем плаще, а в руке держал небольшую секиру, увитую серебряной нитью. Когда они въехали на луг перед домом, Торгейр вышел им навстречу и снял Халля с седла. Он и Кари поцеловались с Халлем, ввели его в дом, усадили на почетное сиденье и стали спрашивать о новостях. Он заночевал у них.

Наутро Халль завел с Торгейром разговор о примирении и рассказал, что они ему предлагают. Он говорил красноречиво и примирительно. Торгейр ответил:

— Тебе, наверное, известно, что я отказался мириться с участниками сожжения Ньяля.

— То было другое дело, — говорит Халль, — вы были тогда разгорячены битвой. С тех пор вы убили немало людей.

— Это верно, — говорит Торгейр. — А какие условия вы предложите Кари?

— Мы ему предложим почетные условия, — говорит Халль, — если он захочет мириться.

Тогда Кари сказал:

— Я хочу попросить тебя, Торгейр, чтобы ты помирился, потому что тебе это будет лишь на пользу.

— Не хочется мне мириться и разлучаться с тобой, разве что и ты

помиришься, как я, — говорит Торгейр.

— Нет, я не хочу мириться, — говорит Кари. — Правда, мы отомстили, по-моему, за сожжение Ньяля, но за своего сына я еще не отомстил, и я собираюсь один отомстить за него, если это мне удастся.

Но Торгейр не хотел мириться до тех пор, пока Кари не сказал ему, что рассердится, если он не помирится. Тогда Торгейр пообещал не трогать Флоси и его людей до встречи и заключения мира, а Халль пообещал то же самое от имени Флоси и сыновей Сигфуса. Перед расставанием Торгейр подарил Халлю золотое запястье и пурпурный плащ, а Кари — серебряное ожерелье с тремя золотыми крестами. Халль сердечно поблагодарил их за подарки и уехал с большим почетом. Не останавливаясь, он доехал до Свиной Горы. Флоси принял его хорошо. Халль рассказал Флоси обо всем, чего ему удалось достигнуть и о чем он говорил с Торгейром: о том, что Торгейр не хотел мириться, пока Кари не сказал, что рассердится, если он не помирится.

— Однако Кари мириться не захотел, — добавил он.

Флоси сказал:

— Мало таких людей, как Кари. Хотел бы я быть таким, как он!

Халль со своими людьми пробыл у него некоторое время. В условленный день они поехали на запад на мирную встречу. Они встретились на Склоне Мыса, как и уговаривались. Стали говорить об условиях примирения. Все шло, как говорил Халль. Торгейр оговорил, что Кари всегда будет жить у него, если захочет.

— Пусть никто из вас не делает ему никакого зла в моем доме, — сказал он. — И я не хочу собирать со всех вас деньги. Я хочу, чтобы ты, Флоси, один поручился бы мне за всех и собрал со своих товарищей деньги. Еще я хочу, чтобы соблюдено было решение, которое было вынесено на тинге. Я хочу, Флоси, чтобы ты заплатил мне мою треть.

Флоси быстро согласился на все это. Торгейр не отказался ни от изгнания участников сожжения Ньяля из страны, ни от изгнания их из округа.

Затем Флоси и Халль поехали домой, на восток. Халль сказал Флоси:

— Соблюдай этот договор, зять: уезжай из Исландии, соверши паломничество в Рим и заплати виру. Если ты мужественно выполнишь все, что тебе положено, тебя будут считать достойным человеком, хоть ты и запутан в это дело.

Флоси сказал, что так и сделает. Халль отправился домой, на восток, а Флоси поехал к себе, на Свиную Гору, и после этого был дома.

Торгейр поехал домой с мирной встречи. Кари спросил его, как прошло примирение. Торгейр сказал, что они полностью помирились. Кари сел на коня и хотел уехать.

— Незачем тебе уезжать, — говорит Торгейр, — ведь мы договорились при примирении, что ты можешь жить здесь сколько хочешь.

Кари сказал:

— Нет, друг! Ведь как только я убью кого-нибудь, они скажут, что ты помогал мне, а я этого не хочу. Но мне хотелось бы оставить свое добро тебе и Хельге, дочери Ньяля, моей жене, и дочерям. Тогда враги не наложат на него руку.

Торгейр согласился на то, о чем попросил его Кари. Он взял себе добро Кари, и в знак этого они подали друг другу руки. После этого Кари уехал. У него были с собой две лошади, одежда и немного золота и серебра.

Кари объехал с запада Ивняковый Отрог и поехал вверх вдоль Лесной Реки в Торов Лес. Там стояло три двора, которые все назывались Лес. Средним из них владел человек по имени Бьёрн и по кличке Белый. Его отцом был Кададь, сын Бьяльви. Бьяльви был вольноотпущенником Асгерд, матери Ньяля и Торира из Хольта. Бьёрн был женат на женщине по имени Вальгерд. Она была дочерью Торбранда, сына Асбранда. Мать ее звали Гудлауг. Она была сестрою Хамунда, отца Гуннара с Конца Склона. Ее отдали за Бьёрна ради денег, и она его не любила, но у них были дети. Жили они богато. Бьёрн был человек самодовольный, а жене его это не нравилось. У него были острые глаза и быстрые ноги.

Кари приехал к нему погостить, и они приняли его с распростертыми объятьями. Он переночевал у них, а наутро сказал Бьёрну:

— Я бы хотел, чтобы ты разрешил мне поселиться у тебя. Мне кажется, что у тебя мне было бы хорошо. Я бы хотел, чтобы ты ездил со мной, потому что ты зорек, проворен и, мне думается, надежен в бою.

— Ни в остроте глаза, ни в отваге или мужестве я не уступаю никому, — ответил Бьёрн. — Но ты, верно, пришел ко мне потому, что тебе некуда деться. Что ж, раз ты просишь меня, Кари, то я не поступлю с тобой как с первым встречным. И я, конечно, окажу тебе всю ту помощь, которую ты у меня попросишь.

Его хозяйка сказала:

— Черт бы тебя побрал с твоим хвастовством и бахвальством! Лучше бы ты не болтал так и не обманывал его! Я охотно буду кормить Кари и

делать для него все, что ему нужно. Но на мужество Бьёрна, Кари, ты не очень-то рассчитывай, потому что я боюсь, что тебе придется на деле увидеть совсем другое.

Бьёрн сказал:

— Часто ты меня поносила, а я уверен, что ни от кого не пущусь бежать. А доказывает мою храбрость то, что никто не смеет связываться со мной.

Кари тайно прожил у него некоторое время, и мало кто знал об этом. Люди думали, что Кари уехал на север к Гудмунду Могучему, потому что Кари велел Бьёрну сказать всем соседям, что он в пути встретил Кари и тот направлялся в Землю Богов, а оттуда к Гудмунду Могучему. Весть об этом прошла по всей округе.

CXLIX

Флоси завел разговор со своими товарищами, участниками сожжения Ньяля.

— Рано нам складывать руки, — сказал он, — нам надо подумать об отъезде из Исландии и о том, чтобы уплатить виры. Мы должны честно выполнить все, что нам положено. Пусть каждый из нас договорится о своем отъезде там, где ему нравится.

Они сказали ему, что пусть он распоряжается. Флоси сказал:

— Поедем на восток, к Роговому Фьорду. Там у берега стоит корабль Эйольва Носа из Трандхейма. Он хочет жениться, но ему это не удастся, если он не осядет здесь. Мы купим у него корабль. Нам надо взять с собой мало добра, но много людей. А корабль большой и возьмет нас всех.

На этом разговор и кончился.

Вскоре после этого они поехали на восток и не останавливались, пока не добрались до Мыса Бьярни у Рогового Фьорда. Там они встретили Эйольва. Он жил там всю зиму. Флоси приняли хорошо, и он заночевал там со своими людьми. А наутро Флоси стал просить Эйольва продать корабль. Тот сказал, что продать корабль он не прочь, если ему дадут за него то, что он хочет. Флоси спросил его, чем ему заплатить за корабль. Норвежец сказал, что хочет получить за него землю, притом неподалеку оттуда, и рассказал Флоси, чего от него требует бонд. Флоси сказал, что поможет ему, чтобы сделка с бондом состоялась, а потом купит корабль. Норвежец обрадовался. Флоси предложил ему землю в Городище некой Гавани. Норвежец стал договариваться с бондом, а Флоси был при этом. Флоси

замолвил за него слово, так что сделка состоялась. Он уступил норвежцу землю в Городищенской Гавани, а тот отдал ему корабль, и они подали друг другу руки в подтверждение сделки. Флоси получил еще от норвежца товаров на двадцать сотен: это входило в их уговор. После этого Флоси пустился в обратный путь. Люди так любили его, что ему одалживали или дарили товары всюду, где он хотел.

И вот Флоси вернулся к себе на Свиную Гору и пробыл некоторое время дома. Он послал Коля, сына Торстейна, и Гуннара, сына Ламби, на Роговый Фьорд. Они должны были быть у корабля, приготовиться к отъезду, разбить палатки, убрать товары в мешки и собрать в дорогу все, что требуется.

Теперь надо рассказать о том, что сыновья Сигфуса сказали Флоси, что они хотят поехать на запад, на Речной Склон, присмотреть за хозяйством и взять там товары и все, что им нужно.

— Кари нам теперь остерегаться нечего, — сказали они, — раз он сейчас на севере.

Флоси отвечает:

— Не знаю, правду ли говорят о поездке Кари. По-моему, часто слухи из близких мест оказываются ложными. Я советую вам, чтобы вас поехало много пароду, и не разделяйтесь и будьте как можно осторожнее. Ты, Кетиль из Леса, вспомни сон, который я рассказывал тебе и который ты попросил меня держать в тайне. Ведь с тобой едут многие из тех, кто был назван в этом сне.

Кетиль говорит:

— Чему быть, того не миновать. Но ты желаешь нам добра, предостерегая нас.

Больше они об этом не говорили.

После этого сыновья Сигфуса собрались в дорогу, а также и те люди, которые должны были ехать с ними. Всего их было восемнадцать человек. И вот они поехали. Перед отъездом они поцеловались с Флоси. Он пожелал им доброго пути и сказал, что больше уже не увидится кое с кем из тех, кто уезжает. Но их это не остановило, и они пустились в дорогу. Флоси сказал, чтобы они взяли его товары в Средней Земле, Оползнях и Лесных Дворах и перевезли их на восток. Затем они поехали в Междуречье реки Скафты, а оттуда горами, севернее Ледника Островных Гор, в Землю Богов и дальше лесами в Торв Лес.

Бьёрн из Леса увидел едущих и сразу же вышел к ним навстречу, и они приветливо поздоровались. Сыновья Сигфуса спросили его о Кари, сыне Сельмунда.

— Я встретил Кари, — говорит Бьёрн, — но это было уже очень давно. Он ехал отсюда в Гусиные Пески и держал путь к Гудмунду Могучему. Мне показалось, что он боится вас и что он остался совсем один.

Грани, сын Гуннара, сказал:

— Со временем он станет еще больше бояться нас! Он узнает нас, когда нам придется биться с ним! Теперь, когда он остался один, мы его совсем не боимся.

Кетиль из Леса велел ему замолчать и перестать бахвалиться. Бьёрн спросил их, когда они собираются обратно.

— Мы пробудем с неделю на Речном Склоне, — сказали они.

Они сказали ему также, когда поедут обратно той же горной дорогой. На этом они расстались.

Сыновья Сигфуса поехали к своим дворам, и их домочадцы очень им обрадовались. Там они пробыли неделю. А Бьёрн возвращается домой, встречается с Кари и рассказывает ему о поездке и замыслах сыновей Сигфуса. Кари сказал, что он оказал ему большую услугу. Бьёрн сказал:

— Уж я-то не изменю человеку, которому обещал верность и заботу.

Его хозяйка сказала:

— Не хватает только, чтобы ты был еще и предателем!

После этого Кари пробыл у них шесть дней.

СЛ

Кари сказал Бьёрну:

— Теперь поедем на восток горами в Междуречье реки Скафты, а оттуда тайно по местности, где живут люди из годорда Флоси. Я хочу сесть на корабль, уходящий из Исландии, на востоке, в Лебедином Фьорде.

Бьёрн сказал:

— Это очень опасная поездка. Немногие, кроме нас с тобой, отважатся на нее.

Хозяйка сказала:

— Если ты окажешься плохим спутником для Кари, то знай, что никогда тебе больше не бывать в моей постели. Придется тогда моим родичам делить наше добро.

— Скорее, хозяйка, — ответил Бьёрн, — придется нам подумать о чем-нибудь другом, чем о нашем разводе, потому что я докажу, какой я в бою доблестный воин и герой.

И вот они отправились в тот же день в горы, все время избегая обычной дороги. Они проехали вниз, в Междуречье реки Скафты, мимо всех дворов, к Скафте, а там завели своих коней в лощину. Сами они легли в засаду, так что никто их не мог видеть.

Кари сказал тогда Бьёрну:

— Что мы будем делать, если они поедут на нас с гор?

— Выбор у нас небольшой, — сказал Бьёрн, — либо уехать на север по склону, чтобы они проехали мимо, либо подождать, не отстанет ли кто-нибудь из них, и тогда напасть.

Они много говорили об этом, и Бьёри то говорил, что побежит со всех ног, то говорил, что останется ждать, чтобы напасть на врагов. Кари это очень веселило.

Сыновья Сигфуса выехали из дому в тот день, в который и собирались выехать. Они приехали в Лес и постучали в дверь, желая вызвать Бьёрна. Вышла хозяйка и поздоровалась с ними. Они сразу же спросили ее о Бьёрне, и она ответила, что он поехал к подножию Островных Гор, а оттуда на восток, к Ивняковому Междуречью и в Холм.

— Ему там надо получить деньги, — добавила она.

Они поверили этому, потому что знали, что Бьёрну действительно нужно получить там деньги. Тогда они поехали на восток, в горы, и, не останавливаясь, добрались до Междуречья Скафты, и направились вниз к Скафте, и расположились на отдых там, где и думали Кари и Бьёрн. Затем они разделились. Кетиль из Леса и с ним еще восемь человек поехали на восток, в Среднюю Землю, а остальные улеглись спать, и не успели они оглянуться, как Бьёрн и Кари подъехали к ним. Там в реку вдавался небольшой мыс. Кари вышел на него и попросил Бьёрна, чтобы тот стал позади него и не очень лез на рожон.

— Однако помоги мне, как можешь, — сказал он.

— Я никогда не собирался, — сказал Бьёрн, — прикрываться кем-нибудь, как щитом. Но пусть будет по-твоему. С моей хитростью и храбростью я смогу быть опасным нашим врагам.

Тут они все вскочили и бросились на Кари. Проворней всех оказался Модольв, сын Кетиля. Он ударил Кари копьем, но тот выставил щит, и копьё застряло в нем. Кари рванул к себе щит с такой силой, что копьё сломалось. Он взмахнул мечом и ударил им Модольва. Тот встретил удар ударом, и меч Кари пришелся в рукоять, отскочил от нее и отсек Модольву руку в запястье. Рука упала на землю вместе с мечом. Тут Кари ударил мечом Модольва в бок между ребер. Модольв упал на землю и тут же умер.

Грани, сын Гуннара, схватил копьё и метнул его в Кари, но тот воткнул свой щит в землю и, левой рукой поймав копьё на лету, метнул его обратно в Грани и тут же снова схватил свой щит левой рукой. Грани выставил перед собой щит, но копьё пробило его, вонзилось Грани в бедро пониже паха, прошло через него и воткнулось в землю. Грани не мог освободиться

от копья, пока его товарищи не оттащили его в лощинку и не прикрыли щитами. Тогда один человек бросился на Кари и хотел отрубить ему ногу. Он зашел к нему сбоку, но тут Бьёрн отрубил этому человеку руку и снова спрятался за спину Кари, так что они ничего не смогли ему сделать. Кари наотмашь взмахнул мечом и разрубил этого человека надвое по поясу.

Тут Ламби, сын Сигфуса, бросился на Кари и хотел ударить его мечом, но тот выставил щит, и меч лишь плашмя скользнул по нему. Кари ударил его мечом в грудь так, что острие меча вышло у того между лопаток, и Ламби пришел конец. Тут на Кари бросился Торстейн, сын Гейрлейва, и хотел ударить его в бок. Кари увидел Торстейна и ударил его мечом поперек спины так, что рассек надвое. Вскоре после этого он нанес смертельный удар доброму бонду Гуннару из Лощины.

Бьёрн ранил троих человек, которые хотели добраться до Кари, но ни разу не выходил настолько вперед, чтобы подвергнуться опасности. Он не был ранен, как и Кари. Между тем все их противники были ранены. Тогда они вскочили на своих коней, и поскакали что было мочи вдоль реки Скафты, и были в таком страхе, что не заезжали во дворы и не смели никому рассказать о случившемся. Кари и Бьёрн кричали им вслед, когда они убегали. Они поехали на восток, в Лесные Дворы, и не останавливались, пока не добрались до Свиной Горы. Когда они приехали туда, Флоси не было дома, и поэтому никто не стал преследовать Кари и Бьёрна. Все сочли, что их поездка была позорной.

Кари поехал в Лощину и объявил там обо всех убийствах. Он сказал, что убил бонда и еще пятерых и ранил Грани. Он сказал, что Грани лучше было бы перевезти в дом, если он остался в живых. Бьёрн сказал, что не хочет убивать его, хоть он и заслужил это. Но те, кто отвечал ему, сказали, что он-то убил не так уж много народу. Бьёрн сказал, что мог бы уложить столько людей с Побережья, сколько бы захотел. Они ответили, что это, конечно, было бы ужасно. И вот Кари и Бьёрн уехали.

СЛИ

Кари спросил Бьёрна:

— Что нам теперь делать?

Бьёрн ответил:

— Как по-твоему, должны мы действовать очень хитро?

— Да, — ответил Кари, — конечно.

— Тогда нечего долго раздумывать, — сказал Бьёрн — Мы одурачим

их всех, как великанов: сделаем вид, что введем на север, в горы, а когда нас закроет откос, повернем вниз вдоль реки Скафты и спрячемся, где нам покажется лучше всего, и переждем, пока нас будут искать особенно рьяно, если за нами будет погоня.

Кари сказал:

— Ладно. Я как раз так и собирался сделать.

— Увидишь, что я малый не промах и что ума у меня не меньше, чем храбрости.

Они с Кари поехали, как и собирались, вниз вдоль Скафты. Рукава реки отходили на восток и юго-восток. Они повернули вниз по среднему из рукавов и не останавливались, пока не приехали в Среднюю Землю, к болоту, которое называется Круглым. Всюду вокруг была лава.

Кари сказал Бьёрпу, чтобы тот присмотрел за лошадьми и был начеку.

— Мне очень хочется спать, — сказал он.

Кари улегся на землю, а Бьёрн стал смотреть за лошадьми. Кари проспал очень недолго, когда Бьёрн разбудил его. Он уже собрал лошадей, и они стояли возле. Он сказал:

— Плохо тебе было бы без меня. Другой, не такой храбрый, как я, на моем месте убежал бы от тебя. Сюда подъезжают твои враги! Приготовься как следует.

Кари зашел тогда под нависающий выступ скалы. Бьёрн спросил:

— Где мне теперь встать?

Кари ответил:

— Выбирай сам одно из двух: либо встань позади меня и прикрывайся щитом, если только он тебе понадобится, либо садись на коня и скачи отсюда что есть мочи.

— Этого я не сделаю, — сказал Бьёрн, — по многим причинам. Во-первых, если я уеду, злые языки скажут, что я покинул тебя из трусости. Во-вторых, я знаю, что они не захотят упустить меня и двое или трое поскачут за мной, и я тогда ничем не смогу помочь тебе. Поэтому я лучше останусь возле тебя и буду биться вместе с тобой, пока смогу.

Они прождали недолго, и на болоте появились навьюченные лошади и с ними трое человек. Кари сказал:

— Они нас не видят.

— Пусть проезжают мимо, — сказал Бьёрн.

Те проехали, но за ними показались еще шестеро. Они подъехали, тотчас спрыгнули с коней и бросились на Кари с Бьёрном. Первым на него бросился Глум, сын Хильдира, и хотел ударить копьем. Кари повернулся на пятке, и Глум промахнулся, так что копье ударилось о скалу. Бьёрн увидел

это и тотчас перерубил мечом древко копья Глума. Кари пригнулся и ударил Глума по бедру и отсек ему всю ногу, так что Глум тут же умер. Тут на Кари бросились сыновья Торфнина — Вебранд и Асбранд. Кари кинулся на Вебранда и пронзил его мечом, а после этого отрубил обе ноги Асбранду. В этот миг ранили и Кари и Бьёрна. Тут на Кари бросился Кетиль из Леса и хотел ударить копьем. Кари отдернул ногу, и копье воткнулось в землю. Кари прыгнул на древко копья и сломал его. Он схватил Кетиля. Тут подбежал Бьёрн и хотел убить его. Кари сказал:

— Оставь! Я хочу пощадить Кетиля. И если тебе, Кетиль, доведется еще раз попасть в мои руки, то я все равно не убью тебя.

Кетиль ничего не ответил ему и уехал за своими спутниками. Он рассказал, что случилось, тем, которые еще не знали этого. Они рассказали об этом также людям по всей округе. Те все тотчас вооружились и поехали вдоль всех рек в горы, так далеко на север, что поиски продолжались три дня. После этого люди вернулись к своим домам, а Кетиль и его спутники поехали на восток, к Свиной Горе, и рассказали там обо всем, что случилось. Флоси их рассказ взволновал мало, и он сказал, что вряд ли дело этим кончится.

— Нет у нас в стране человека, равного Кари, — добавил он.

CLII

Теперь надо рассказать о том, что Кари поехал в Пески. Он отвел своих коней к подножью песчаного холма, и для них нарезали дикого овса, чтобы кони не погибли от голода. Кари рассчитал все так точно, что уехал, как раз когда кончились поиски. Ночью он проехал все эти места и направился в горы той же самой дорогой, какой они приехали сюда. Они не останавливались, пока не доехали до Леса. Бьёрн сказал тогда Кари:

— Похвали меня перед моей женой, потому что она не поверит ни одному моему слову, а для меня очень важно, чтобы она поверила. Отплати мне за всю ту помощь, которую я тебе оказал.

— Ладно, — сказал Кари.

После этого они въехали во двор. Хозяйка обрадовалась им и спросила, что слышно нового. Бьёрн ответил:

— Теперь нам придется туго, старуха!

Она ничего не ответила и усмехнулась. Потом она спросила:

— Как вел себя Бьёрн, Кари?

Кари ответил:

— У кого нет брата, тот не защищен с тыла. Бьёрн держался молодцом. Он ранил троих и сам был ранен. Он мне помог всем, чем мог.

Они пробыли там три ночи. После этого они отправились в Холм, к Торгейру, и рассказали ему о случившемся, потому что новости туда еще не дошли. Торгейр поблагодарил Кари, и было видно, что он очень рад тому, что случилось. Он спросил Кари, чего тот еще не сделал из того, что собирался. Кари ответил:

— Я собираюсь убить Гуннара, сына Ламби, и Коля, сына Торстейна, если представится случай. Тогда убитых нами будет пятнадцать человек, считая тех пятерых, которых мы убили вместе. А еще у меня к тебе есть просьба.

Торгейр сказал, что сделает для него все, что он попросит.

— Я хочу, чтобы ты взял под свое покровительство человека по имени Бьёрн, который бился вместе со мной, и поменялся с ним дворами, и дал ему здесь, у тебя, полное хозяйство. Защити его, чтобы никто не мстил ему. Ведь для такого знатного человека, как ты, это ничего не стоит.

— Хорошо, — сказал Торгейр.

Он передал Бьёрну все хозяйство в Асольвовой Хижине и взял себе Лес. Торгейр сам перевез всех домочадцев Бьёрна и все его добро в Асольвову Хижину. Он уладил все дела Бьёрна и помирил его со всеми. С Бьёрном стали теперь считаться гораздо больше, чем раньше.

Кари пустился в путь и не останавливался, пока не приехал к Асгриму, сыну Лодейного Грима. Тот принял Кари прекрасно. Кари рассказал ему обо всем, что случилось во время боев. Асgrim очень обрадовался новостям и спросил Кари, что он собирается делать. Кари ответил:

— Я собираюсь уехать из Исландии вслед за ними, подстеречь их и убить, если это мне удастся.

Асgrim сказал, что нет ему равного в отваге.

Кари пробыл у него несколько дней. Затем он поехал к Гицуру Белому, и тот принял его с распростертыми объятьями. Кари пробыл у него некоторое время. Он сказал Гицуру, что собирается поехать в Пески. На прощанье Гицур подарил Кари добрый меч. После этого Кари поехал в Пески и договорился с Кольбейном Черным, что тот перевезет его через море. Кольбейн был с Оркнейских островов. Он был верным другом Кари и очень храбрым человеком. Он принял Кари с распростертыми объятьями и сказал, что теперь у них будет одна судьба.

Теперь надо рассказать о Флоси. Он поехал на восток, к Роговому Фьорду, и с ним отправилась большая часть его людей. Они перевезли с собой свои товары, дорожные запасы и все остальное, что они должны были взять с собой. Затем они приготовили к отплытию свой корабль. Флоси оставался при корабле, пока тот не был снаряжен. Когда выдался попутный ветер, они вышли в море. Плавание было долгим: стояла непогода, и они много блуждали по морю.

Однажды ночью случилось, что на их корабль обрушились три больших вала. Тогда Флоси сказал, что, наверное, поблизости земля и это прибой. Стоял густой туман, а непогода усиливалась, и на них налетел сильный шквал. Не успели они оглянуться, как их выбросило на берег. Люди спаслись, но весь корабль разбило в щепы, и добро спасти не смогли. Они стали искать, где бы согреться. На другой день они поднялись на холм. Погода стояла хорошая. Флоси спросил, узнает ли кто-нибудь эту страну. Среди них были двое, кто плавал раньше, и они сказали, что, конечно, узнают эти места.

— Нас прибило к Оркнейским островам, к острову Лошадиному.

— Нас могло прибить и удачнее, — сказал Флоси, — ведь Хельги, сын Ньяля, которого я убил, был дружинником ярла Сигурда, сына Хлёдвира.

Они отыскиали себе укрытие, нарвали мху и покрылись им. Они пролежали недолго, и тут Флоси сказал:

— Нельзя нам больше лежать здесь, потому что жители увидят нас.

Тогда они встали и начали держать совет. Флоси сказал своим людям:

— Пойдемте все и отдадимся ярлу. Нам ведь не остается ничего другого, потому что мы все равно попадем ярлу в руки, если он этого захочет.

Тогда они все ушли оттуда. Флоси сказал, чтобы они никому не рассказывали о случившемся и о своей поездке, пока он сам не расскажет обо всем ярлу. Они шли, пока не встретили людей, которые проводили их к ярлу. Они пришли к ярлу, и Флоси и все его люди поздоровались с ним. Ярл спросил, кто они такие. Флоси назвал себя и сказал, из какой он местности Исландии. Ярл уже знал о сожжении Ньяля и поэтому сразу же узнал их. Тогда он спросил Флоси:

— Что ты расскажешь мне о Хельги, сыне Ньяля, моем дружиннике?

— То, — ответил Флоси, — что я отрубил ему голову. Ярл велел их схватить, и так и сделали. Тут подошел Торстейн, сын Халля с Побережья. Флоси был женат на сестре Торстейна Стейнвёр. Торстейн был дружинником ярла Сигурда. Когда он увидел, что Флоси схватили, он обратился к ярлу и предложил за Флоси все свое добро. Ярл долго был в

страшном гневе, но наконец, благодаря заступничеству Торстейна и многих уважаемых людей, — потому что у Торстейна было немало друзей и многие просили вместе с ним, — ярл уступил и помиловал Флоси и всех его людей. Следуя обычаям могущественных людей, ярл взял Флоси на место Хельги, сына Ньяля. И вот Флосн стал дружинником ярла Сигурда, и скоро ярл очень полюбил его.

CLIV

Через полмесяца после того, как Флоси со своими людьми вышел в море из Рогового Фьорда, Кари и Кольбейн Черный отплыли из Песков. Им выдался попутный ветер, и они пробыли в пути недолго. Они приплыли к острову Красивому^[242], что лежит между Шетландскими и Оркнейскими островами. Человек по имени Давид Белый пригласил к себе Кари. Он рассказал все, что узнал о поездке Флоси и его людей. Он был хорошим другом Кари, и тот пробыл у него зиму. Вскоре к ним с запада, с острова Лошадиного, пришли вести обо всем, что там происходило. Ярл Сигурд пригласил к себе на рождество ярла Гилли с Гебридских островов, своего зятя. Ярл Гилли был женат на Сванлауг, сестре ярла Сигурда. Тогда же к ярлу Сигурду приехал из Ирландии конунг Сигтрюгг, сын Олава Кварана. Его мать звали Кормлэд. Она была женщиной на редкость красивой и хороша во всем, что не зависело от ее воли, но, как говорят, во всем, что от нее зависело, она показывала себя только с худой стороны. Брианом звался король, который раньше был женат на ней, но к этому времени они развелись. Он был лучшим из королей. Его двор был в Канкараборге^[243], в Ирландии. У него был брат по имени Ульв Пугало, величайший витязь и воитель. У Бриана был воспитанник по имени Кертьяльвад. Он был сыном конунга Кюльвира, который много воевал против короля Бриана, бежал от него из страны и ушел в монастырь, но когда король Бриан совершал паломничество в Рим, он встретил конунга Кюльвира, и они помирились. Король Бриан взял к себе его сына Кертьяльвада и полюбил его больше, чем своих, сыновей. К этому времени Кертьяльвад уже вырос и был одним из самых храбрых мужей.

Одного из сыновей короля Бриана звали Дунгад, другого — Маргад, а третьего Тадк, а мы называем его Танн. Он был младшим из них. Старшие сыновья короля Бриана были уже юношами, и они были очень доблестными людьми. Кормлэд не была матерью детей короля Бриана.

После развода она так возненавидела короля Бриана, что очень хотела его смерти. Провинившимся против него король Бриан трижды прощал их вину, но если они совершали еще проступки, то их судили по закону. Из этого видно, каким королем он был.

Кормлёд все время подбивала своего сына Сигтрюгга убить короля Бриана. Поэтому она послала его к ярлу Сигурду просить помощи. Перед рождеством Сигтрюгг прибыл на Оркнейские острова. Туда приехал тогда же и ярл Гилли, как было написано раньше.

Людей рассадили так, что конунг сидел посреди почетного сиденья, а по обе стороны от него сидели ярлы. Люди Сигтрюгга и Гилли сидели дальше от входа, а от ярла Сигурда ко входу сидели Флоси и Торстейн, сын Халля. Все места в палате были заняты людьми.

Конунг Сигтрюгг и ярл Гилли захотели послушать о сожжении Ньяля и о том, что произошло после. Рассказывать об этом было велено Гуннару, сыну Ламби, и ему подставили скамейку.

CLV

В это время Кари, Кольбейн и Давид Белый, не замеченные никем, приехали на остров Лошадиный. Они сошли на берег, оставив всего несколько человек сторожить корабль. Кари со своими спутниками тотчас отправился ко двору ярла и подошел к палате во время пира. Он остановился снаружи и стал прислушиваться. Как раз в это время Гуннар вел рассказ.

Конунг Сигтрюгг спросил:

— Как держал себя Скарпхедин во время пожара?

— Поначалу хорошо, — сказал Гуннар, — но потом он заплакал.

Он рассказывал все очень пристрастно и при этом много лгал. Кари этого не вытерпел. Он вбежал в палату с обнаженным мечом и сказал такую вису:

— Хватит вам, Ньёрды сражений^[244],
сожжением Ньяля хвалиться!
Всем ведь известно воинам
О том, как жестоко мы мстили.
Взяли немалую плату
С даятелей злата^[245] дерзких,
Долго, терзая трупы,

Вороны пировали.

Тут он бросился вглубь палаты и с такой силой ударил Гуннара, сына Ламби, мечом по шее, что голова отлетела на стол, который стоял перед конунгом и ярлами. Все столы и одежда ярлов были залиты кровью. Ярл Сигурд узнал того, кто совершил убийство, и вскричал:

— Схватите Кари и убейте его!

Кари до этого был дружинником ярла Сигурда, и все очень любили его. Поэтому, несмотря на слова ярла, никто не сдвинулся с места. Кари сказал:

— Многие скажут, государь, что я сделал это ради вас, чтобы отомстить за вашего дружинника.

Флоси сказал:

— Кари имел право на это: ведь он не мирился с нами. Он сделал то, что он должен был сделать.

Кари ушел, и его не стали преследовать. Он отправился со своими спутниками к кораблю. Погода стояла хорошая, и они поплыли на юг, в Катанес. Они сошли на берег в Трасвике, где жил знатный человек по имени Скегги. Они прожили у него долго.

Оркнейцы же прибрали столы и вынесли убитого. Ярлу сказали, что Кари уплыл в Шотландию. Конунг Сигтрюгг сказал:

— Надо быть великим воином, чтобы так смело броситься на врага, ничего не боясь.

Ярл Сигурд сказал:

— Нет человека, равного Кари по храбрости.

Тут заговорил Флоси и рассказал все о сожжении Ньяля. Он говорил беспристрастно, и ему поверили.

Тогда конунг Сигтрюгг рассказал о своей просьбе ярлу Сигурду и попросил его пойти с ним войной против короля Бриана. Ярл долго отговаривался, но наконец, согласился и выставил свои условия. Он выговорил себе, что женится на его матери и станет королем Ирландии, если они одолеют Бриана. Все советовали ярлу Сигурду не ввязываться в эту распрю, но ничего не помогло. Они расстались на том, что ярл Сигурд пообещал пойти в поход, а конунг Сигтрюгг пообещал ему руку своей матери и королевство. Они уговорились, что ярл Сигурд прибудет со всем своим войском в Дублин в вербное воскресенье.

После этого Сигтрюгг отправился на юг, в Ирландию, и сказал Кормлэд, своей матери, что ярл согласился помочь им, а также о том, что он

пообещал ярлу. Она обрадовалась, но сказала, что им нужно собрать еще больше войска. Сигтрюгг спросил, что она имеет в виду. Она ответила, что в море, западнее острова Мэн, стоят двое викингов с тремя десятками кораблей, и добавила:

— Они такие храбрые воины, что никому не устоять против них. Одного из них зовут Оспак, а другого Бродир. Поезжай к ним и обещай, чего бы они ни просили, чтобы заручиться их помощью.

И вот Сигтрюгг отправился к викингам. Он нашел их у острова Мэн. Он им тотчас же изложил свое дело, но Бродир отказывался, пока Сигтрюгг не пообещал ему королевство и руку своей матери. Их уговор должен был остаться в тайне, чтобы ярл Сигурд ничего не знал. Бродир тоже должен был прибыть в вербное воскресенье в Дублин. Конунг Сигтрюгг отправился домой к своей матери и рассказал ей, как обстоит дело.

После этого Оспак и Бродир стали держать совет. Бродир рассказал Оспаку обо всем своем разговоре с Сигтрюггом и попросил его, чтобы тот пошел с ним на короля Бриана. Он сказал, что ему это очень важно. Оспак сказал, что не хочет биться против такого хорошего короля. Они оба разгневались и разделили свое войско. Оспак взял себе десять кораблей, а Бродир — двадцать. Оспак был язычником и необыкновенно умным человеком. Он поставил свои корабли в проливе, а Бродир — подальше в море. Бродир был раньше христианином и диаконом, и отошел от веры, стал предателем бога, начал приносить языческие жертвы и был необычайно сведущ в колдовстве. У него были доспехи, которые не брало железо. Он был высок ростом и силен, и у него были такие длинные волосы, что он их закладывал за пояс. Они были черного цвета.

CLVI

Однажды ночью над Бродиром и его людьми раздался страшный грохот, так что все проснулись, вскочили и оделись. Шел кипящий кровавый дождь. Они прикрылись щитами, но все же многие были обожжены. Это чудо длилось до утра. На каждом корабле погибло по одному человеку. После этого они проспали весь день.

На следующую ночь снова раздался грохот, и они снова все вскочили. Тут мечи выскочили из ножен, а секиры и копья взлетели в воздух и начали сражаться. Оружие с такой силой напало на людей, что им пришлось прикрыться щитами, и все же многие были ранены и на каждом корабле погибло по человеку. Это чудо продолжалось до утра. После этого они

снова проспали весь день.

На третью ночь опять раздался такой же грохот. На них налетело воронье, и казалось, что клювы и когти у птиц железные. Вороны бросались на них с такой силой, что им пришлось защищаться мечами и прикрываться щитами. Это продолжалось до утра. И снова погибло по человеку на каждом корабле. Лишь тогда они заснули. Когда Бродир проснулся, он тяжело вздохнул и велел спустить на воду лодку.

— Я хочу поехать к Оспаку, моему побратиму, — сказал он.

Он сел в лодку, а с ним еще несколько человек. Когда он приехал к Оспаку, он рассказал ему обо всех чудесах, которые явились ему, и попросил, чтобы Оспак объяснил ему, что они предвещают. Оспак не хотел ничего сказать ему, пока тот не пообещал, что не тронет его. Но Оспак все же отложил разговор до ночи, потому что Бродир никогда никого не убивал ночью. Наконец Оспак сказал:

— Когда на вас падал кровавый дождь, то это означало, что вы прольете много крови, своей и чужой. Когда раздался страшный грохот, то это был грохот, слышный во всем мире, и он означал, что вы все скоро погибнете. Когда на вас набросилось оружие, то это предвещало скорую битву. И когда на вас накинулись вороны, то это были те враги, которым вы доверились и которые утащат вас в ад на муки.

Бродир пришел в такую ярость, что ничего не мог ответить. Он отправился к своим людям и велел им запереть корабли Оспака в проливе и привязать их канатами к берегу. Он собирался убить всех утром. Оспак разгадал весь его замысел. Тогда он дал обет принять христианство и поехать к королю Бриану и быть с ним до конца его дней. Затем он велел прикрыть все суда, баграми протолкнуть их вдоль берега и перерубить канаты людей Бродира. Корабли начало сносить вместе, а люди на борту заснули. Оспак со своими людьми вышел из фьорда и поплыл на запад, в Ирландию. Они не останавливались, пока не доплыли до Канкараборга. Тут Оспак рассказал королю Бриану все, что узнал, крестился и отдал себя под защиту короля. После этого король Бриан велел собрать по всему своему королевству людей, и все войско должно было прийти к Дублину на вербной неделе.

CLVII

Ярл Сигурд, сын Хлэдвира, собрался в поход с Оркнейских островов. Флоси вызвался поехать с ним. Ярл не захотел этого, потому что тому надо

было совершить обещанное паломничество в Рим. Флоси предложил ему пятнадцать своих людей для похода, и ярл взял их. Флоси поплыл с ярлом Гилли на Гебридские острова. С ярлом отправились Торстейн, сын Халля, а также Храфн Рыжий и Эрлинг с острова Страумей. Ярл не захотел, чтобы Харек поехал с ним, но сказал, что даст ему знать первому.

Ярл со всем своим войском прибыл в Дублин в вербное воскресенье. Тогда же прибыл и Бродир со всем своим войском. Пользуясь колдовскими чарами, Бродир решил узнать исход боя, и полученное им предсказание гласило, что если бой будет в пятницу, то король Бриан погибнет, но одержит победу, если же о бой будет раньше, то погибнут все его противники. Тогда Бродир сказал, что нельзя биться до пятницы.

В четверг к Кормлэд и ее людям подъехал человек на сером в яблоках коне. В руке у него было копье. Он долго говорил с Бродиром и Кормлэд.

Король Бриан со всем своим войском подошел к городу. В пятницу войско вышло из города, и обе стороны построились в боевом порядке. Бродир стоял на одном крыле войска, а конунг Сигтрюгг — на другом. Ярл Сигурд стоял посередине войска.

Теперь надо рассказать о том, что король Бриан не захотел сражаться в страстную пятницу. Его люди прикрыли его стенок щитов, а войско выстроилось перед ним. Ульв Пугало стоял с краю, напротив Бродира, а на другом краю, напротив Сигтрюгга, стояли Оспак и сыновья короля Бриана.

Посередине войска стоял Кертьяльвад, и перед ним несли знамена.

И вот войска сошлись. Разгорелся жесточайший бой. Бродир прошел сквозь строй своих противников, кося всех, кто стоял на его пути, но его самого железо не брало. Ульв Пугало бросился на него и нанес ему три таких сильных удара, что Бродир всякий раз падал и едва поднимался на ноги. Как только он снова встал, он пустился в бегство и скрылся в лесу. Ярл Сигурд ожесточенно сражался с Кертьяльвадом. Кертьяльвад наступал с таким жаром, что косил всех, кто стоял на его пути. Он пробился сквозь войско ярла Сигурда до знамени и убил знаменосца. Тогда ярл поставил к знамени другого человека. Снова разгорелся жестокий бой. Кертьяльвад тотчас сразил нового знаменосца, а также одного за другим и всех тех, кто стоял поблизости. Тогда ярл Сигурд сказал Торстейну, сыну Халля, чтобы тот взял знамя. Торстейн только собрался взять знамя, как Амунди Белый сказал:

— Не бери знамя, Торстейн! Ведь всех, кто его держит, убивают.

— Храфн Рыжий! — сказал ярл. — Возьми ты знамя!

Но Храфн отвечал:

— Возьми сам своего черта!^[246]

Ярл сказал:

— Что ж, куда нищий, туда и его сума.

И он снял знамя с древка и спрятал его на себе, в своей одежде. Вскоре после этого Амунди Белый был убит. Вскоре и ярл был пронзен копьем.

Оспак прошел через все войско противника. Он был тяжело ранен и потерял уже обоих сыновей Бриана. Сигтрюг бежал от него. Тогда все войско обратилось в бегство.

Торстейн, сын Халля, отстал от других бегущих, чтобы завязать ремень на своей обуви. Тут Кертьяльвад спросил его, почему он не бежит.

— Потому, — ответил Торстейн, — что я не доберусь до ночи домой. Ведь мой дом в Исландии.

И Кертьяльвад пощадил его.

Храфна Рыжего загнали в реку. Ему показалось, что на дне реки ад и что будто черти хотят затащить его к себе. Тогда он сказал:

— Апостол Петр! Я, твой верный пес, уже дважды бегал в Рим и побегу туда в третий раз, если ты позволишь.

Тогда черти отпустили его и он перебрался через реку.

Тут Бродир увидел, что войско короля Бриана преследует бегущих и возле стены щитов вокруг короля мало народу. Он бросился туда из лесу, пробил стену щитов и нанес королю удар мечом. Мальчик Тадк поднял руку, и меч отсек его руку и голову короля. Но кровь короля попала на обрубок руки мальчика, и рука тотчас срослась. Тогда Бродир громко крикнул:

— Пусть пойдет из уст в уста, что Бродир убил Бриана!

Тогда побежали за теми, кто преследовал бегущих, и сказали им о гибели короля Бриана. Ульв Пугало и Кертьяльвад тотчас бросились назад. Они окружили Бродира и его людей и закидали их поленьями. Тогда Бродир был схвачен. Ульв Пугало вспорол ему живот, привязал конец его кишок к дубу и стал водить его вокруг, пока все кишки не намотались на дерево. Лишь тогда Бродир умер. Все люди его тоже были перебиты.

После этого они взяли тело короля Бриана и приготовили к погребению. Голова короля приросла к туловищу. Пятнадцати участников сожжения Ньяля погибли в битве с Брианом. Там были убиты Халльдор, сын Гудмунда, и Эрлинг с острова Страумей.

А вот что случилось в страстную пятницу в Катанесе. Человек по имени Дёрруд вышел из дому и увидел, что двенадцать человек подъехали к одному дому, где женщины занимаются рукоделием, и вошли внутрь. Он подошел к этому дому, заглянул в окошко и увидел, что там внутри сидят какие-то женщины и ткут. У станка вместо грузил были человеческие

головы, утком и основой были человеческие кишки, нить подбивалась мечом, а вместо колков были стрелы. Они пели такие висы:

— Соткана ткань
Большая, как туча,
Чтоб возвестить
Воинам гибель.
Окропим ее кровью.
Накрепко ткань,
Стальную от копий,
Кровавым утком
Битвы свирепой
Ткать мы должны.
Сделаем ткань
Из кишок человеческих.
Вместо грузил
На станке черепа,
А перекладины —
Копья в крови.
Гребень — железный,
Стрелы — колки.
Будем мечами
Ткань подбивать.
Хьяртримуль, Хильд,
Саннгрид и Свипуль^[247],
Мечи обнажив,
Начали ткать.
Сломаются копья,
Треснут щиты,
Если псы шлема^[248]
Вцепятся в них.
Мы ткем, мы ткем
Стяг боевой.
Был он в руках
У конунга юного.
Выйдем вперед,
Ринемся в бой,
Где наши друзья
Удары наносят.

Мы ткем, мы ткем
Стяг боевой.
Конунгу вслед
Пора нам скакать.
Гёндуль и Гунн^[249]
За ним помчались,
Кровь на щитах
Увидят они.
Мы ткем, мы ткем
Стяг боевой.
Рвутся вперед
Смелые воины.
Конунга жизнь
Мы защитим, —
Нам выбирать,
Кто в сече погибнет.
Будут землей
Люди владеть,
Что жили досель
На мысах дальних.
Бриану конунгу
Смерть суждена.
Сигурда ярла
Копья пронзят.
Ирам готов
Горький удел.
Память о нем
Вечною будет.
Соткана тканьь.
Поле боя в крови.
О мертвых по свету
Молва прошумит.
Страшно теперь
Оглянуться. Смотри!
По небу мчатся
Багровые тучи.
Воинов кровь
Окрасила воздух, —
Только валькириям

Это воспеть!
Спели мы славно
О конунге юном.
Слава поющим!
Слышавший нас
Песню запомнит,
Людам расскажет
О том, что слышал
От жен копыеносных.
Мечи обнажив,
На диких конях,
Не знающих седел,
Прочь мы умчимся.

Потом они разорвали сверху донизу свою ткань и порвали ее в клочья, и каждая из них взяла то, что у нее осталось в руке. Дёрруд отошел от окошка и пошел домой. А женщины сели на коней и ускакали, шестеро — на юг и шестеро — на север.

То же самое случилось на Фарерских островах с Брандом, сыном Гнейсти.

А в Исландии, на Свиной Горе, у священника на ризе в страстную пятницу выступила кровь, так что ему пришлось переодеться. А на Купальной Реке в страстную пятницу священнику почудилось, что у алтаря разверзлась морская бездна, и в ней он увидел такие ужасы, что долго не мог продолжать службу.

А на Оркнейских островах случилось вот что. Хареку почудилось, что он видит ярла Сигурда, а с ним еще несколько человек. Харек сел на коня и поскакал к ярлу. Было видно, как они встретились, и поскакали с горы, и скрылись за ней. С тех пор их не видели, и от Харека не осталось и следа.

А ярлу Гилли на Гебридских островах приснилось, будто к нему пришел какой-то человек, который назвался Херфинном и сказал, что он из Ирландии, и будто ярл спросил у него, что нового, и тогда этот человек сказал такую вису:

— Я в Ирландии видел
Страшную сечу. Герои
В громе мечей рубились,
Щиты разбивали в щепы.

Пал, истекая кровью,
Сигурд на поле брани.
Пал и Бриан отважный,
В битве добыв победу.

Флоси и ярл много говорили об этом сне. Неделю спустя приехал Храфн Рыжий и привез им вести о битве с Брианом и о смерти короля, ярла Сигурда, Бродира и всех викингов. Флоси спросил:

— Что ты расскажешь мне о моих людях?

— Они все погибли, — сказал Храфн, — а твоего шурина Торстейна Кертьяльвад помиловал, и тот остался у него.

Флоси сказал ярлу, что хочет уехать.

— Нам надо совершить наше паломничество в Рим, — сказал он.

Ярл ответил ему, что он может ехать, когда хочет, и подарил ему корабль и все, что нужно для пути, и еще много серебра. Они поплыли в Уэльс и пробыли там некоторое время.

CLVIII

Кари, сын Сельмунда, попросил Скегги, чтобы тот дал ему корабль. Скегги дал ему корабль со всеми гребцами. Кари, Давид Белый и Кольбейн Черный взошли на него и поплыли на юг мимо шотландских фьордов. Там они встретили людей с Гебридских островов, и те рассказали Кари о том, что произошло в Ирландии и что Флоси со своими людьми поплыл в Уэльс. Когда Кари узнал об этом, он сказал своим спутникам, что хочет поплыть на юг, в Уэльс, чтобы встретиться с Флоси и его людьми. Он предложил тем, кто хочет, оставить его и сказал, что не хочет никого обманывать: он считает, что еще не отомстил за свои обиды. Никто не захотел оставить его. И вот он поплыл на юг, в Уэльс, и они пристали в небольшом укромном заливе.

В то же самое утро Коль, сын Торстейна, пошел в город менять серебро. Он больше всех поносил тех, кто был сожжен с Ньялем. Коль часто беседовал с одной знатной дамой, и дело уже шло к тому, что он должен был жениться на ней и там поселиться. В это самое утро Кари пошел в город. Он подошел к месту, где Коль отсчитывал серебро. Кари узнал его и, обнажив меч, кинулся на него и нанес ему удар по шее. Коль как раз отсчитывал серебро, и, отлетая от туловища, голова сказала

«десять». Кари сказал:

— Пусть скажут Флоси, что Кари, сын Сельмунда, убил Коля, сына Торстейна. Я объявляю, что я совершил это убийство.

Затем Кари пошел к своему кораблю и рассказал своим спутникам об убийстве.

После этого они поплыли на север, в Бервик, вытащили корабль на берег и отправились в Хвитсборг, что в Шотландии, и пробыли у ярла Мелькольва этот год.

А когда Флоси узнал об убийстве Коля, он позаботился о его погребении и дал много денег на гробницу. Флоси никогда не говорил худого слова о Кари.

Оттуда Флоси отправился через море на юг и там начал свое паломничество. Он шел пешком и не останавливался, пока не пришел в Рим. Там он был в большом почете, так что сам папа отпустил ему грехи, а он дал за это много денег.

Он отправился назад восточным путем^[250], останавливался во многих городах, бывал у знатных людей и повсюду был в большой чести. Он пробыл зиму в Норвегии, и ярл Эйрик подарил ему корабль, чтобы плыть в Исландию, и дал много муки. Многие другие люди тоже оказали ему большие почести. И вот он отплыл в Исландию и пристал в Роговом Фьорде. Затем он поехал домой, на Свиную Гору. Так он выполнил все, что должен был выполнить по договору, — уезжал из страны и заплатил виры.

CLIX

Теперь надо рассказать о том, что на следующее лето Кари отправился к своему кораблю и поплыл через море на юг. Он начал свое паломничество в Нормандии, дошел до Рима, получил отпущение грехов и западным путем^[251] отправился обратно. Он сел в Нормандии на свой корабль и поплыл через море на север, в Дувр. Оттуда он поплыл на запад, обогнул Уэльс, прошел на север мимо шотландских фьордов и не останавливался, пока не приплыл в Трасвик на Катанесе, к Скегги. Он передал корабль Кольбейну и Давиду. Кольбейн на этом корабле поплыл в Норвегию, а Давид остался на острове Красивом. Кари пробыл эту зиму на Катанесе. В эту зиму умерла его жена в Исландии. На следующее лето Кари собрался плыть в Исландию. Скегги дал ему корабль. Их было восемнадцать человек на корабле. Они замешкались со сборами, но все же

вышли в море, и плавание их было долгим. Наконец они подошли к Мысу Ингольва, и там их корабль разбился в щепы. Однако люди спаслись. Валил густой снег. Люди спросили Кари, что делать, и он сказал, что надо идти к Свиной Горе испытать благородство Флоси.

Не медля, они пошли на Свиною Гору. Флоси был в доме. Он узнал Кари, когда тот вошел, кинулся ему навстречу, поцеловался с ним и усадил рядом с собой на почетное сиденье. Флоси предложил Кари пробыть у него зиму, и тот согласился. Они полностью помирились. Флоси просватал Кари свою племянницу Хильдигунн, которая была раньше замужем за Хёскульдом, годи Белого Мыса.

Они поселились сначала на Широкой Реке.

Люди рассказывают, что Флоси так кончил свою жизнь. Однажды, когда он состарился, он поехал в Норвегию за лесом для дома и пробыл ту зиму в Норвегии. А летом он замешкался со сборами. Люди говорили ему, что корабль у него плохой. Но Флоси отвечал, что его корабль достаточно хорош для того, кто стар и близок к смерти, и он взошел на него и отправился в море, и больше об этом корабле никогда не было слышно.

Вот кто был детьми Кари и Хельги, дочери Ньяля: Торгерд, Рагнейд, Вальгерд и Торд, что сгорел с Ньялем. А детьми Кари и Хильдигунн были Старкад, Торд и Флоси. У Флоси был сын Кольбейн. Он был одним из самых выдающихся людей в роду.

На этом я кончаю сагу о сожженном Ньяле.

Сага о Хёрде и островитянях

I

Во времена Харальда Прекрасноволосого^[252] была заселена почти вся Исландия, ибо люди, а особенно люди знатного рода и гордого нрава и с достатком, не хотели терпеть его гнета и насилия. Им казалось, что уж лучше бежать, оставив свои владения, чем сносить чье бы то ни было своеволие и притеснение, хотя бы и самого конунга. Из таких людей был и Бьёри Золотоноша. Он поплыл из Долины Оркадаль в Исландию и занял земли в Южной Долине Дымов — от Реки Грима и до Реки Долины Флоки, и поселился на Золотоношином Дворе. Были у него сыновья: Свартхёвди, Гейрмунд и Тьостольв. Но о них в этой саге ничего не рассказывается.

Старшего сына Бьёрна звали Гримкелем. Он был рослым и сильным. Бьёри Золотоноша стал большим человеком и разбогател. Гримкель, сын Бьёрна, посватался за Раннвейг, дочь Торбьёрна с Орлиного Бугра, и на ней женился. Не прожили они вместе и трех зим, как Раннвейг заболела и умерла. У них осталась дочь по имени Турид. Она росла у человека по имени Сигурд Рыло. Он жил на хуторе, который назывался Под Горой. Турид была собою красива и большая искусница, но нрава несколько сурового. Все же ее любили.

II

Гримкель сперва жил южнее на горах неподалеку от Эльвус-Озера^[253]. Это место и поныне зовется Гримкелев Двор, теперь там овчарни. У Гримкеля был большой годорд. Был он человек богатый и могущественный, говорят, не чуждался и насилия. После смерти жены он перенес двор к Эльвус-Озеру: он решил, что там лучше земли. Там он и жил до самой смерти. Его прозвали Гримкелем Годи.

В Пастбищном Заливе неподалеку от Эльвус-Озера жил человек по имени Хёгни. Жену его звали Торбьёрг. У них была дочь по имени Гудрид. Она была красива, и все ее любил. Хёгни был низкого рода, но человек достойный. Торбьёрг, жена его, была куда знатнее, но они жили в добром согласии.

Вальбрандом звали человека, жившего на Широком Дворе в Северной Долине Дымов. Он был сыном Вальтьова Старого.

Сына Вальбранда звали Торви. У отца с сыном был годорд. Торви был человек умный, и его повсюду знали.

У Вальбранда и Торви рос Сигурд, сын Гуннхильд. Он был родичем Торви. Его прозывали Сигурд Приеммыш Торви. Он подавал большие надежды и был во всем искусен.

Была у Вальбранда еще и дочь по имени Сигню. Она вышла замуж за Торгейра со Средней Горы, сына Финна Богача, сына Халльдора, сына Хёгни. Ко времени этих событий Торгейр уже умер. Сына их звали Гримом. Это был многообещающий юноша, он рос у матери. Сигню жила на Дворе Сигшо неподалеку от Широкого Двора. Была она женщина недюжинная, острая на язык, гордого и непреклонного нрава. В доме у нее рос юноша по имени Грим. Его прозывали Грим Малыш. Он был приемным сыном Сигню. Он пользовался уважением и был человеком расторопным и притом умным.

В Южной Долине Дымов в Роще жил Колль, сын Кьяллака. Это был очень знатный человек.

III

Торвальдом звали человека, жившего у Озерного Рога в Сорочьей Долине. Был он рослый и сильный. Жену его звали Торгрима, а по прозвищу Мастерица. Она была изрядно сведуща в колдовстве. Сына их звали Индриди. Он был рослым и подавал большие надежды. Торгрима пережила мужа. А овдовев, она поселилась в Лощине, в Сорочьей Долине, разбогатела там и обрела большую силу.

Рассказывают, что однажды летом Гримкель Годи поехал на тинг. Вот как-то вышел он в сопровождении многих людей из своей землянки и пошел прямо в землянку к Вальбранду. Вальбранд приветливо его встретил, потому что Гримкель был давно ему знаком. Они садятся и заводят беседу. Гримкель сказал:

— Дошло до меня, Вальбранд, что есть у тебя дочь по имени Сигню, недюжинная женщина. Хочу я к ней посвататься, если ты отдашь ее за меня.

Вальбранд отвечает:

— Нам известно, что ты хорошего рода и богат, да и сам удалец каких мало. Я не стану тебе отказывать.

Разговор их кончается тем, что Вальбранд обещает свою дочь Гримкелю Годи, и свадьбу назначают через два месяца на Эльвус-Озере.

Торви, сына Вальбранда, на тинге не было. Возвратившись с тинга домой, Вальбранд рассказал ему новости. Торви отвечает:

— Недорого вы цените мои советы, раз даже не посчитали нужным спросить меня в таком деле. Я же не думаю, что ты замыслил подходящий брак для своей дочери. Мало счастья сулит он Сигню, ведь человек этот стар, да и суров нравом.

Торви сказал тогда вису:

— Тяжкие вести: отдана
Гримкелю нива гривен^[254]
Волею старого тополя
Распри костров кольчуги^[255].
Скоро изведает тяжкие
Горести роца сокровищ^[256],
В доме у старого мужа
Навек распростится с радостью.

Сигню узнала о стоворе и была не слишком-то ему рада. И когда брат с сестрою встретились, Торви сказал, что ему не по душе этот брак.

— Мы с тобою любим друг друга, — говорит он. — И мне вовсе не нравится, что тебя со всем твоим добром выдают на сторону.

Она отвечает:

— Я кое-что придумала, брат. Не надо расстраивать нашей свадьбы. А я передам тебе право на все мое добро, но с условием: ты выплатишь все приданое, которое дает за мною отец. Сотей двадцать еще наверняка останется. Хочу я отдать их тебе в память нашей дружбы вместе с двумя самыми ценными моими сокровищами. Одно — это доброе мое ожерелье, а другое — мой конь Черногривый.

Торви был рад этому и стал мягче с нею разговаривать.

IV

Вот готовятся люди к свадебной поездке. Среди самых уважаемых гостей пригласили и Колля из Роци. Отец с сыном просили его возглавить поездку, ибо сам Вальбранд был стар ехать, а Торви не захотел. Вот

отправились Колль с невестою в путь, а всего поехало тридцать человек. На ночь они остановились у Поперечной Горы в Южной Долине Дымов.

Грим Малыш, приемный сын Сигню, должен был стеречь там лошадей. Собирая их поутру, он недосчитался Черногривого, коня Сигню. Грим пошел искать его на север, за горами, в Долине Флоки. Он шел по следам на росе. И там, в долине, он нашел коня в обвале, мертвого. Он снял с ног у него путы, что надел на ночь, пошел назад и говорит Сигню, что так, мол, и так, конь ее добрый погиб. Она отвечает:

— Это великое несчастье, и, верно, не к добру оно. Лучше повернуть назад, не хочу я дальше ехать.

Колль сказал, что негоже так делать, и это не причина, чтобы ей отменять такую поездку. Колль настоял на своем, и они едут дальше и приезжают к Эльвус-Озеру. А там уже собралось у Гримкеля много гостей. Был там пир горой, и все прошло хорошо, честь по чести.

Когда закончился пир, Колль и другие гости разъехались, а Сигню осталась и с нею ее приемная мать по имени Тордис и Грим Малыш. Гримкель проводил Колля богатыми подарками и дружелюбно с ним разговаривал, а о Вальбранде и Торви думал, что они открыто оскорбили его, не приехав на свадьбу. Узнал он и про вису Торви, но уже ничего не мог сделать. Не стало согласия между Гримкелем и Сигню. Он хмурился, а она все больше молчала. И не шло у них дело на лад, потому что не было у них общих друзей, кроме одного Грима Малыша. Он умел угодить обоим. Так прошел первый год.

V

Весною Грим Малыш пришел к Сигню поговорить и сказал, что хочет уехать.

— Мне неважно ходить между вами посредником — говорит он, — и, право, лучше уж нам расстаться по-хорошему.

Сигню сказала:

— Поговори сперва об этом с Гримкелем и послушайся его совета, это будет самое для тебя лучшее. Ведь я от души хочу, чтобы тебе было хорошо, а он, кажется, желает тебе добра.

Грим так и делает: говорит хозяину, что, мол, хочет уехать, если тот одобрит его решение. Гримкель отвечает:

— Мой тебе совет, оставайся дома, и тебе будет здесь еще лучше, чем раньше. Тебе очень нужна Сигню, да и ты очень нам нужен, ведь благодаря

тебе мы становимся мягче.

Грим последовал совету и прожил дома еще год, и оба они, Гримкель с женою, были к нему расположены. А весною Грим снова завел разговор с Гримкелем, что, так или иначе, но он уедет. Гримкель очень этому воспротивился.

— Тогда посватай мне Гудрид, дочь Хёгни, — говорит Грим, — раз ты хочешь, чтобы я остался.

Гримкель отвечает:

— Ты, однако, дорого себя ценишь! Ведь вы с нею не ровня: ты беден, а Хёгни — богач.

Грим сказал:

— Все-таки ты, конечно, сможешь это уладить.

Гримкель отвечает:

— Могу попытаться.

Вот идет он в Пастбищный Залив, и его там хорошо приняли. Он сватает Гудрид за Грима.

— Нужно сказать о нем, что он и умеи и все у него спорится. Он будет хорошей подмогой в хозяйстве, ничего не упустит, что нужно. Ты-то ведь уж старишься, и, по-моему, это самый подходящий тебе зять.

Хёгни отвечает:

— Ты часто лучше пекся о моей чести, нежели сейчас, но здесь решать матери с дочерью.

Гримкель сказал, что им незачем выкладывать много добра.

— Речь идет не о большем, чем ты сам готов дать за дочерью. Чутье мне подсказывает, что тебе будет немалый прок от Грима.

Что тут долго рассказывать. Кончился их разговор тем, что Грим женился на Гудрид. Свадьбу сыграли на Эльвус-Озере, и пир был на славу. Жили они в согласии. Они пробыли там зиму и были довольны друг другом.

Но весною Грим с женою захотели уехать. Он сказал о том. Сигню, а она просила его поговорить с Гримкелем и сказала, что всего лучше, если он последует совету Гримкеля. Вот заводит он с Гримкелем разговор, что хочет уехать. Тот отвечает:

— Думаю, что на этот раз будет правильно пойти тебе навстречу и позволить тебе поступить по-своему, ибо похоже на то, что тебе будет удача.

Тогда Грим купил землю к югу от Расселин, и назвал это место Гримовым Двором, и с тех пор жил там. Гримкель снабдил его всем нужным для хозяйства, а Хёгни заплатил за землю. Вскоре богатство стало

само плыть Гриму в руки. Все у него было словно о двух головах. И скоро он прослыл одним из лучших хозяев.

VI

Рассказывают, что Сигню, дочери Вальбранда, приснился сон. Снилось ей, будто из их с Гримкелем ложа выросло большое и очень красивое дерево. У дерева были такие корни, что они простирались до всех построек у них на дворе, но будто бы цвело оно не столь пышным цветом, как ей хотелось.

Она рассказала сон Тордис, своей приемной матери, и та истолковала его так, что у них с Гримкелем родится ребенок и он будет знаменитым и достойным человеком. Она сказала, что это, верно, будет мальчик и многие будут возвеличивать его за все, что он совершит.

— Но я бы не удивилась, если бы он погиб, так и не достигнув полного цвета: ведь тебе привиделось, что не столь пышно цвело то большое дерево, как бы тебе хотелось. И не скажу наверное, что он заслужит большую любовь всех своих родичей.

VII

Через некоторое время у Сигню родился мальчик. Ему дали имя Хёрд. Скоро он стал большим и красивым, но в одном отставал поначалу: ему было три года, а он все не ходил. Все очень дивились такому отставанию, ведь во всем остальном он превосходил других своих сверстников.

Вот однажды, во время жертвоприношения в капище на Эльвус-Озере, — а Гримкель усердно приносил жертвы богам, — сидела Сигню посреди горницы и наряжалась. А доброе ее ожерелье лежало у ней на коленях. Маленький Хёрд стоял у столба, и тут он впервые отступил от столба, и бросился прямо к матери, и ткнулся в ее колени. Ожерелье упало и раскололось на три части.

Сигню очень рассердилась и сказала:

— Плох был твой первый шаг, и еще много плохих впереди. Но последний будет всех хуже.

Она сказала вису:

— На пол упало сокровище,

На три куска расколосось.
Кто соберет осколки,
Кто мне вернет ожерелье?
Плох был твой первый шаг,
Хуже будут другие.
Но последний твой шаг
Будет худшим из всех.

В это время в покон вошел Гримкель. Он слышал, что она сказала. Он молча подхватил мальчика на руки, очень разгневанный ее словами. Он сказал вису:

— Горести ждут рожденного
Дисой одежд^[257] жестокой:
Первенца первый шаг
Встречи зловещею речью.
Время придет — вспоманется
Эта угроза герою:
Век человечесий короче
Жизни злобного слова.

Гримкель до того рассердился, что не захотел оставлять мальчика дома. Он едет к Гриму Малышу и Гудрид и просит их взять Хёрда к себе на воспитание. Они с готовностью согласились и были рады взять его, видя в этом для себя подарок судьбы.

Годом раньше у Грима Малыша и Гудрид родился сын и ему дали имя Гейр. Он скоро вырос большим и красивым и во всем искусным, но все-таки уступал Хёрду. Они росли теперь вместе и вскоре крепко сдружились.

С той поры Сигню еще больше тяготилась своей жизнью, и совсем разладилось у них с Гримкелем.

Ей снова приснился сон, будто она увидела, как и прежде, высокое дерево с большими корнями, ветвистое и все в цвету. Снова сказала приемная мать, что сон этот к рождению ребенка, и это будет девочка, и от нее пойдет великий род, раз Сигню приснилось такое ветвистое дерево.

— А столько цветов на нем так это, верно, к перемене веры. Будет у ее потомков вера, которую тогда провозгласят, и она будет лучше нынешней.

После летнего тинга Сигню стала просить, чтобы Гримкель отпустил ее на север проведать родичей. Он согласился, но сказал, чтобы она оставалась там не более полумесяца. С нею отправились двое работников и Тордис, ее приемная мать.

Они поехали на север в Долину Дымов. Торви встретил их очень радушно и просил Сигню погостить у него зиму, не то, мол, он будет думать, что она мало его любит. Она сказала, что ее отпустили самое большее на полмесяца. Торви сказал, что не стоит придавать этому значения, и она сдалась на уговоры его и настояния.

Зимой их стали приглашать в гости. И когда они были в гостях на Хуторе, умерла скоропостижно приемная мать Сигню. Ее похоронили в Холме Тордис. Это неподалеку от Хутора.

Сигню была очень удручена этим и поехала домой, на Широкий Двор. А немного погодя пришел ей срок разрешиться от бремени, и роды проходили очень тяжело. Торви разговаривал с нею и сказал, что никогда и не ждал ничего хорошего от ее брака и не мог забыть этого Гримкелю. Она же сказала, что, по всему судя, худшее еще впереди. Она родила девочку, крупную и крепкую. Торви не хотел кропить ее водою, пока не минует опасность для жизни Сигню. Но та так в постели и умерла.

Тогда Торви впал в такую ярость, что задумал бросить ребенка. Он велел Сигурду, своему приемному сыну, взять ребенка и отнести к Реке Долины Дымов и там утопить. Сигурд сказал, что это было бы очень дурным делом, но все же не посмел прекословить Торви. Вот взял Сигурд девочку и пустился с нею в путь. Девочка показалась ему красивой, и у него рука не поднялась бросить ее в воду. Тогда он поворачивает ко Двору Сигню и кладет ребенка у ворот, надеясь, что его скоро найдут. А хозяин, Грим, сын Сигню, как раз стоял перед домом. Он подходит к ребенку, берет на руки и относит домой. А жене своей Хельге велит сказать, что больная, будто это она родила девочку. Он окропил девочку водою и дал ей имя Торбьёрг.

Грим, сын Сигню, поехал на Широкий Двор. Он увидел, что со двора выходит много людей. Это шли за телом Сигню к могиле. Торви сказал Гриму, что мать его умерла.

— И я хочу распорядиться всем, что от нее осталось. Мы, правда, должны отдать ее добро Гримкелю, по предпочитаем удружить тебе.

Грим сказал, что тот говорит дело. Потом они похоронили Сигню и

разошлись.

Вот повстречались Сигурд и Грим. Сигурд говорит, что не миновать ему гнева Торви, как только тот узнает, что он сохранил жизнь ребенку.

— Я знаю, что делать, — говорит Грим. — В отплату за счастье, что ты принес, я помогу тебе уехать из Исландии.

Он так и сделал. Послал Сигурда на юг к Пескам и дал ему двух коней, одного со всею поклажей. Оттуда Сигурд и уехал.

На другой день пришел Торви на Двор Сигню и спросил, отчего это лежит Хельга, потому что не было слышно, что ей подошел срок родить. Тут он признал лежавшего подле ребенка и сказал:

— Великая это дерзость, что вы посмели воспитывать ребенка, которого я велел бросить.

Хельга отвечает:

— Не чужой это Гриму ребенок, и простительно, что он спас его.

Тогда Торви спросил, где Грим. Она сказала, что он с работниками. Торви пошел туда и застал Грима. Торви был вне себя и сказал, что Грим поступил донельзя дерзко. Он спросил, знает ли тот что-нибудь о Сигурде, — мол, Сигурд поплатится за то, что нарушил его волю, и наказание было бы Гримкелю как раз по заслугам. Грим сказал, что он отослал Сигурда в Западные Фьорды на корабль.

Это очень разгневало Торви. Он взял девочку, но не посмел лишить ее жизни, потому что умерщвлять ребенка, уже окропленного водой, считалось тогда убийством. Он относит девочку домой и отдает ее на воспитание одной служанке, но одежды ей для девочки не дает и от работ освободить не хочет.

IX

Сигмундом звали одного человека. Он ходил с женою и с сыном по имени Хельги по дворам и побирался. Приходя на хутор они чаще всего оставались в гостинном доме, если только не звали Сигмунда в покон развлечься его рассказами.

Тою осенью Сигмунд пришел со своими на хутор Широкий Двор Торви приветливо его встретил и сказал:

— Вы больше не останетесь в гостинном доме, потому что я расположи к тебе и ты кажешься мне удачливым.

Тот отвечает:

— Пусть не обманет тебя предчувствие, раз ты так думаешь.

Торви говорит, что хочет оказать ему честь:

— Хочу отдать тебе ребенка на воспитание.

Сигмунд отвечает:

— Все ж мы не ровня, раз я буду воспитывать тебе ребенка. Ведь, как говорится, кто растит для другого ребенка, тот из двоих и меньший.

Торви сказал:

— Ступай с ребенком на Эльвус-Озеро.

Сигмунд соглашается. Вот берет он Торбьёрг, привязывает ее себе за спину и уходит. А Торви вздумал все это в поношение Гримкелю, и ему казалось, что Сигмунд как раз годится на то, чтобы бродяжничать с девочкой. Он не хотел посылать на это человека получше Сигмунда, потому что всего можно было ждать от Гримкеля, если бы ему принес ребенка человек, которому было бы не зазорно мстить.

Сигмунду теперь был повсюду хороший прием: куда они ни придут, все считали, что надо получше обойтись с девочкой, да заодно и с теми, кто с нею ходит. А потому Сигмунд выбирал себе путь подлиннее. Он пошел на запад, берегом Утиной Заводи, и мимо Каменистых Дворов и, не пропустив ни единого мыса, повернул на восток, идя через Оградный Залив и Эльвус. И вот однажды под вечер пришел Сигмунд со своими к Эльвус-Озеру. Он весь промок и продрог. Он расположился у двери, а Гримкель сидел на хозяйском месте, положив меч на колени. Он спросил, кто это там пришел. Сигмунд отвечает:

— Это Сигмунд, воспитатель твоей дочки, дорогой хозяин, и дочка твоя Торбьёрг, лучшая из детей.

Гримкель сказал:

— Только послушайте, что говорит этот бродяга! Это ты-то воспитатель моей дочери, ты, презреннейший из нищих! Однако ж нет однообразия в ненависти ко мне Торви: сперва довел до смерти мать, теперь выгнал побираться ребенка.

Гримкель сказал тогда вису:

— Скоро же свел в могилу
Торви опору покровов^[258].
Зло на меня замышляет,
Тем лишь и тешит душу.
Выгнал родич злокозненный
Рощу колец^[259] на дорогу.
Настала пора: сквитаюсь
Сполна с властителем стали^[260].

Гримкель угадал весь замысел Торви и потому не захотел оставлять у себя девочку. Велел он Сигмунду убираться подобру-поздорову, а не то дождется — переломают ему кости или того хуже. Пришлось им тут же уйти вместе с девочкой. Они шли через Мыс Грима и через Купальную Долину и вовсе бросили заботиться о девочке, потому что они и не чаяли когда-нибудь сбить ее с рук. Сигмунду казалось, что он попался на удочку, согласившись взять у Торви этого ребенка.

Вот однажды пришли они к часу завтрака в Гримов Двор. Они говорят Гриму Мальшу, что есть у них с собою младенец. Грим хочет взглянуть на младенца, о котором столько рассказывают, Сигмунд не хочет разворачивать ребенка, говоря, что потом его никак не успокоишь. Но Грим сказал, что нечего обращать внимания на такие пустяки. Вот развернули ребенка и показали Гриму. Он сказал:

— Это и впрямь ребенок Сигню, у него ее глаза. Сигню верно, ждала бы от меня, что я не допущу ее ребенка до нищенства, если это будет в моих силах. Торви хочет опозорить всех родичей этого ребенка, а позор падет на него самого. Я возьму у тебя, Сигмунд, этого беспомощного младенца.

Тот только рад этому. Они пробыли там день, а потом пошли вниз по Концовой Пустоши. Многие думали, что своим поступком Грим легко мог навлечь на себя гнев Гримкеля Годи, который ни перед чем не остановится.

X

На исходе дней переезда Гримкель выехал из дому и поехал через Устуи в Эльвус, потом на восток через Орлиное Гнездо и, миновав Болота, вверх к Холмам Оддгейра, а там к Гримову Мысу и, заночевав в Купальной Долине, вернулся домой.

Всех бондов, кого ни встречал, созвал он на сбор к Средней Горе и велел быть там через два дня: Гримкель был годи всех этих мест. К Средней Горе съехалось шестьдесят человек из его годорда. Гримкель рассказывает им, что произошло у них с Торви, и говорит, что дело не ждет и он намерен ехать к Торви с вызовом в суд. Все находят, что он прав. Они поехали мимо Края Ущелья, потом к Расселинам и к Ярму, а там спустились нижней дорогой к Глазницам и прямо к Широкому Двору.

Торви дома не было: он поехал на побережье Белой Реки. Гримкель

вызвал Торви в суд за посягательство на жизнь Торбьёрг и присвоение приданого Сигню. Он вызвал его в суд альтинга и поехал домой. Ни о чем теперь столько не говорили, сколько о тяжбе Гримкеля и Торви.

Узнав об этом, Грим Малыш едет из дому в Залив Дымов, к законоговорителю Торкелю Луна. Зашел у них разговор о тяжбе Гримкеля с Торви. Грим спрашивает, чем, по мнению Торкеля, все это кончится. Торкель говорит, что нечего ждать хорошего там, где сойдутся такие ретивые люди. Грим сказал:

— Как бы мне хотелось, чтобы ты принял участие в их примирении, ведь ты и мудр и доброжелателен.

Торкель отвечает:

— Твоя просьба высказана хорошо и уместно, и я охотно возьмусь мирить их.

Грим сказал:

— Я хочу дать тебе серебра за их примирение.

Он насыпал на колени Торкелю сотню серебра и поблагодарил его за обещание постараться их примирить. Торкель сказал, что он поступает хорошо.

— Но учти: я только выразил надежду помирить их, но ничего не обещаю.

Грим отвечает:

— Твоя надежда стоит большего, чем твердое обещание других.

Потом Грим уехал. Вот настает время тинга. С обеих сторон съезжается много народу.

Грим был на тинге. Он пошел повидаться с Торкелем Луна и просил его не щадить труда на примирение и сказал, что ему будет много славы, если он помирит таких знатных мужей.

Торкель сделал так. Сперва он пошел к Гримкелю Годи и завел с ним разговор о тяжбе. Гримкель отвечает:

— Тут разговор короткий. Во всем, что касается дел наших с Торви и его ко мне ненависти, мне довольно и своего суда, без посредников. А мой суд таков, чтобы вынесены были приговор уплатить не меньше двенадцати сотей трехлокотным сукном.

Торкель вызвался быть судьей между ними:

— Посудите сами, к чему все это ведет. Ведь миру конец, когда вы не помиритесь. Мы же будем помогать тем, кто больше прислушивается к нашим словам, а слова наши требуют к себе уважения. И это стоит поболее того, о чем теперь спор между вами.

Тогда Гримкель сказал:

— Согласен. Пусть нас рассудит Торкель. Всем известна его справедливость.

Торви видит, что ему ничего другого не остается, как согласиться.

Торкель сказал:

— Вот мой суд и приговор. Пусть Торви уплатит Гримкелю шесть сотей трехлокотным сукном, а остальное на шесть зим в рассрочку, всего же двенадцать сотен.

Он считал, что такой суд будет самым справедливым. Гримкель отвечает:

— Не буду возражать против такого решения, я ведь сам поручил его Торкелю, по это еще далеко не все. Добро это причитается Хёрду, моему сыну, как материнское наследство.

Торви сказал, что он не уплатит Хёрду этих денег, если он того же стоит, что и его отец.

Гримкель сказал, что это еще вопрос, чего бы он тогда стоил, но Хёрду, мол, было бы хуже, если бы оправдалась поговорка, что люди рождаются в дядю по матери:

— Ведь ты оборотень! Чего уж хуже, если он пойдет этим в тебя.

Тут поднялся страшный крик. Оба остались недовольны решением, все же оно осталось в силе.

Прошел год, и наступил другой. Гримкель посватался за Сигрид, дочь Торбьёрна с Мечевого Мыса. Ему ответили согласиём, потому что знали его за человека богатого и родовитого, хоть он уже и порядком состарился. Отдали Сигрид за Гримкеля, а свадьбу сыграли у него, на Эльвус-Озсре. Все прошло хорошо, как должно. Они с Гримкелем хорошо друг с другом ладили. Гримкель теперь немного поуспокоился.

XI

Иллуги звали одного человека. Он жил на хуторе Островок, на Полевом Мысе. Он был сыном Хрольва с Козьей Земли, сына Ульва, сына Грима из Халогаланда. Братом Иллуги был Сельви, отец Торда, отца Магнуса Священника с Холма Дымов. Сестрою Иллуги была Халльдора, жена Гицура Белого, мать Вильборг, матери Йорунн, матери Гудрун, матери Эйнара, отца Магнуса Епископа. Иллуги был человек рослый и сильный и очень богатый. Он поехал на Эльвус-Озеро сватать себе Турид, дочь Гримкеля от первой жены. Гримкель дал свое согласиё, потому что он хорошо знал Иллуги. Вот состоялось обручение. Хёрда при этом не было.

Свадьбу назначили через два месяца, на Эльвус-Озере. И когда подошел срок, Иллуги собрался ехать на свадьбу и взял с собою тридцать человек. Был с ним Торстейн Бычий Ши с Грязного Двора, человек уважаемый, и Тормод со Склона на побережье Китового Фьорда. Они переехали фьорд у Килевого Мыса, потом проехали севернее Мшистой Горы, оттуда вверх мимо Вильборгиного Ключа, оттуда к Скалам Йоры, а там к Пастбищному Заливу и к Эльвус-Озеру и были там рано утром.

Иллуги спросил:

— А где Хёрд? Что-то я его не вижу. Или его не пригласили?

Гримкель сказал, что он может прийти и так:

— Я не посылал ему особого приглашения.

Иллуги говорит:

— Это не дело!

Он едет на Гримов Двор. Дверь была заперта. Они постучались. Подошел к двери Гейр и спросил, кто там. Иллуги назвался и спросил, дома ли Хёрд. Гейр сказал, что тот дома. Иллуги сказал:

— Попроси его выйти, я хочу с ним повидаться.

Гейр пошел в дом и снова вышел со словами, что Хёрд захворал и лежит. Иллуги зашел сам, потому что Хёрд так и не пожелал выйти. Иллуги спросил:

— Как твое здоровье, Хёрд?

Тот ответил, что не так плохо. Иллуги сказал:

— Я очень хочу, чтобы ты поехал со мною ко мне на свадьбу и заключил со мною дружбу.

Хёрд сказал, что он мог бы сказать об этом и пораньше, если ему так это важно:

— Не хочу я ехать, потому что ты в этом деле мало меня спрашивал.

Так Иллуги ничего и не добился от Хёрда, кроме заносчивых слов. С тем и уехал. Немного погодя Гейр сказал Хёрду:

— Нам будет больше чести, если мы все-таки поедem на свадьбу. Я пойду приведу коней.

Хёрд сказал, что ему неохота.

Гейр сказал:

— Поедем! Мне будет радость, а тебе честь.

И вот Хёрд поехал. Едут они следом за теми. Иллуги очень обрадовался, когда они подъехали, и вел себя, как если бы Хёрд не говорил ему заносчивых слов. Вот приехали они на свадьбу, и их хорошо там встретили. Хёрд сидел рядом с Иллуги. Пир удался на славу. Они поехали с пира все вместе и ехали до Вильборгиного Ключа. Там пути их разошлись.

Иллуги сказал:

— Здесь мы с тобою расстанемся, Хёрд, и я бы хотел, чтобы была между нами добрая дружба. Хочу я подарить тебе вот этот щит.

Хёрд сказал:

— У Грима, моего приемного отца, хватает щепок.

И он сказал вису:

— Щит никудышный дал мне
Гривен дробитель^[261] в подарок.
Эта луна ладья^[262]
Ему самому пригодится.
Пускай делитель колец^[263],
Любящий Хлии полотен^[264],
Хранит у себя сокровище
До бури костров крови^[265].

Тогда Иллуги сказал:

— Ну, прими от меня в знак дружбы это запястье, раз ты не хочешь щита.

Хёрд принял запястье. Это была добрая вещь.

— Не знаю, — говорит Хорд, — почему у меня предчувствие, что ты не всегда будешь мне хорошим зятем. Но время покажет.

Потом они расстались без многих прощальных слов, но на этот раз мирно.

Приехав домой, Хёрд сказал Торбьёрг:

— Хочу я отдать тебе запястье, которое дал мне Иллуги, потому что я никого так не люблю, как тебя. Ты же помни этот подарок, когда я умру, ибо я знаю, что ты меня переживешь.

Торбьёрг отвечает и говорит так:

— Если прослышу,
Что ты и правда
В поле сражен.
Оружьем повержен, —
Замыслом умным,
Тайным советом
Сумею сгубить
Твоего убийцу.

Хёрду было двенадцать зим, когда все это происходило. Он уже сравнился по силе с сильнейшими людьми округи.

Прошло время. И вот Гейру минуло шестнадцать зим, а Хёрду пятнадцать. Он был тогда на голову выше всех других мужей. Никто не мог отвести ему глаза, потому что он видел все как есть. У него были прекраснейшие волосы и великая сила. Он лучше всех плавал, был на все горазд. Кожа у него была белая, а волосы светлые. Лицо у него было широкое, и черты лица крупные, нос с горбинкой, глаза голубые и довольно большие, и взгляд острый. Был он широкоплеч, тонок в поясе и крепок в груди, руки и ноги имел стройные и, словом, вырос всем хорош.

Гейр был не так силен, но и ему было мало равных. Он был на все горазд, хоть и не мог сравниться с Хёрдом.

XII

В то лето подошел с моря корабль к Пескам. Хозяином корабля был человек по имени Брюньольв, сын Торбьёрна, сына Грьотгарда, родом из Вика. На корабле было тридцать гребцов.

Они приплыли в Исландию незадолго до тинга. Брюньольв поехал на тинг и жил в землянке у Гримкеля Годи.

Часто он говаривал, что его разбирает любопытство взглянуть на Хёрда.

— Мне много рассказывали, — говорит, — о красоте его и искусстве.

И как раз так вышло, что Хёрд приехал на тинг. Приехал с ним и Гейр, ибо они никогда не разлучались. Необыкновенная любовь была между побратимами, их ничто не разделяло — ни слово, ни дело. Они встречаются с Брюньольвом. Они сразу пришли друг другу по сердцу. Брюньольв сказал, что ему не преувеличили ни роста Хёрда, ни его красоты.

— По-моему, Хёрд, — говорит Брюньольв, — тебе сейчас самое время поехать в чужие страны и послужить именитым мужам. Я хочу с тобой подружиться и отдать тебе полкорабля.

Хёрд сказал:

— Не слишком ли ты полагаешься на незнакомого человека? Но я, пожалуй, отвечу согласиен на твое предложение. Однако ж не обещаю ехать, пока не узнаю, как обстоят дела с моим снаряжением, потому что

сейчас у меня мало что есть.

Гейр сказал:

— Хорошее предложение, побратим, и, по-моему, сулит удачу. Я советую тебе согласиться.

Хёрд сказал:

— Не хочу обращаться за помощью к Гримкелю.

Гейр сказал, что напрасно:

— Ведь он очень тебя любит. Хотел бы я, чтобы ты был поговорчивен. И прими с благодарностью то, что предлагает тебе Брюньольв.

Вот едут они с тинга домой. И дома Хёрд рассказал обо всем своей сестре Торбьёрг. Она сказала, что, верно, Брюньольв благородный человек.

Гейр все склонял его к путешествию.

— Хотел бы я — говорит, — чтобы ты взял себе в услужение Хельги, сына Сигмунда.

Торбьёрг отвечает:

— Я бы не советовала. Мне кажется, все они, родичи Сигмунда, несут с собою одни беды. Никогда не забудется мне то горе, которое я извела, когда они носили меня по дворам.

Хёрд говорит:

— У меня не лежит сердце к Хельги. потому что они все были виновниками величайшего нашего позора.

И он сказал вису:

— Ведомы ль смертным муки
Горше, чем в сердце Торбьёрг?
Брату сама рассказала
Сестра о своих страданиях,
Когда, отдавши Сигмунду
Ауд льдины ладони^[266],
Торви обрек сироту
Бродить по дворам, побираясь.

Но Хельги очень домогается, чтобы его взяли, да и Гейр очень за него заступается. Так, в конце концов, и порешили, что Хельги поедет с ними, и Хёрд сказал, что придет время — они еще об этом пожалеют. Вслед за этим Хёрд просит у Гримкеля товару на шестьдесят сотен, из них двадцать сотей полосатыми тканями.

Гримкель сказал:

— Вот они, гордыня твоя и жадность!

Он молча вышел. Но Сигрид, жена Гримкеля, сказала, что это означает его согласие.

— Ибо это не больше того, на что он рассчитывал.

Гримкель дал весь товар, и они свезли его на хутор Под Горою к Сигурду Рылу, вышли тем же летом с Брюньольвом в море и благополучно достигли Бергена.

XIII

В то время Норвегией правил конунг Харальд Серый Плащ. Вскоре они подыскали себе жилье, и Брюньольв очень помог им в этом, потому что он всячески о них заботился.

Вот как-то раз Брюньольв уехал внутрь страны, и Гейр один вышел из дому. На нем был меховой плащ. Вот видит Гейр: к нему направляются какие-то люди, и один из них в синем плаще с капюшоном. Скоро они подошли и спрашивают Гейра, как его зовут. Гейр без утайки называет свое имя и спрашивает, кто они такие. Их вожак назвался Арнтором, казначеем Гуннхильд, матери конунга. Они прицепились к плащу Гейра, но тот не хотел его продавать. Тогда один из них сорвал с него плащ. Гейр не тронулся с места и схватился за меч. Они стали громко смеяться, и потешались над ним, и дразнили, что вот, мол, исландец не удержал плаща. Гейр не стерпел их насмешек и потери плаща и пришел в ярость. Он хватается за плащ, и каждый тянет в свою сторону. Арнтор вцепился в плащ и силится вырвать. Тут Гейр взмахнул мечом и отрубил Арнтору руку повыше локтя. Затем он схватил плащ и убежал домой, потому что они все растерялись. А ножны его остались там. Люди занялись Арнтором, потому что он совсем истекал кровью.

Когда Гейр пришел домой, Хёрд спросил его, отчего на его мече кровь. Гейр рассказал, что случилось. Хёрд отвечает:

— Ты поступил, как и следовало. Но нам теперь нельзя сидеть, сложа руки.

Арнтор совсем обессилел от потери крови и упал на руки тем, кто стоял рядом, и вскоре умер от потери крови. А Хёрд посылает за исландцами, которые там были. Был там Тинд, сын Халлькеля, брат Иллуги Черного. Они не теряют времени, приходят к Хёрду, и всего собирается двадцать четыре человека. В городе затрубили тревогу и доносят конунгу,

что убит один из его людей. Конунг тотчас является и требует выдать Гейра.

— Потому что он убил моего друга и казначея моей матери.

Хёрд отвечает:

— Честь не велит нам предавать своего человека вашему оружию. Но мы готовы предложить: сам назначь виру за убитого, только оставь Гейру жизнь и не калечь его.

Во время этого разговора вернулся Брюньольв. Он сказал:

— Государь, сделай доброе дело. Заклинаю тебя твоею честью и моею дружбой: прими выкуп за своего человека, ибо многие расстанутся с жизнью раньше, чем будет убит Гейр.

Конунг отвечает:

— Так и быть, Брюньольв. Уступлю твоей просьбе и пойду на мировую с Гейром, приму виру, но только приму за себя, а не за свою мать.

Брюньольв поблагодарил его. Он уплатил конунгу за Гейра и сверх того дал ему богатые подарки, потому что он был очень богат и вдобавок благороднейший человек. Когда конунг ушел, Брюньольв сказал:

— Не поручусь, что мне удастся защитить вас здесь от Гуннхильд. Лучше я пошлю вас на восток, в Вик, к Торбьёрну, моему отцу, под защиту его и покровительство.

Хёрд отвечает:

— Я полагаюсь на твою предусмотрительность, потому что ты благородный человек.

Они тут же поехали на восток, в Вик. Торбьёрн, уведомленный сыном, хорошо их принял. С ними хорошо там обходились и почитали за славных мужей. Многие находили, что Хельги не изменяет к лучшему нрав Хёрда. С приходом зимы туда приехал и Брюньольв. Они стали жить все вместе в большой дружбе.

А весной Торбьёри завел разговор с Хёрдом, что он хочет послать их на восток, в Гаутланд^[267].

— К моему другу Харальду ярлу, и ему будет от меня знак. Мне известно, что скоро здесь будет Гуннхильд, и я тогда не смогу защитить вас от нее.

Хёрд сказал, что здесь решать отцу с сыном. Вот они снаряжают корабль.

Снарядившись в дорогу, побратимы по-дружески распрощались с отцом и сыном, и держат теперь путь на восток, в Гаутланд, и предстают перед Харальдом ярлом. Тот, увидев знак Торбьёрна, своего друга, хорошо их принял. У ярла был сын по имени Хроар, он тогда был в походе, и дочь по имени Хельга, замечательная красавица. Харальд ярл сажает Хёрда подле себя на место своего сына Хроара. Они прожили там лето.

Осенью возвратился из похода Хроар. Его хорошо встретили. Хёрд вернул ему его место. Вскоре Хёрд и Хроар сделались друзьями.

Подошло время к празднику середины зимы. И когда все собрались в первый вечер праздника и сидели вместе, поднялся Хроар и сказал:

— Вот я встаю на чурбаи и клятвенно обещаю, что еще до следующего праздника середины зимы я проникну в кургаи викинга Соти.

Ярл сказал:

— Много ты наобещал, и одному тебе этой клятвы не выполнить, потому что Соти и живой был могучим великаном, а теперь, мертвый, он вдвое ужаснее.

Хёрд тогда встал и сказал:

— Не верно ли будет последовать твоему примеру? Я клятвенно обещаю пойти с тобою в кургаи Соти и выйти оттуда не раньше тебя.

Гейр поклялся идти за Хёрдом туда или в любое другое место и никогда с ним не расставаться, сели на то не будет воли Хёрда. Хельги же поклялся следовать повсюду за Хёрдом и Гейром, если он только сможет, и никого не ставить выше их, пока они оба живы. Хёрд отвечает:

— Навряд ли мы намного переживем друг друга. Ты же позаботься, как бы не быть тебе причиною нашей смерти, а то и смерти многих других мужей.

— Ладно, — говорит Хельги.

Ярл был расположен к Хёрду и говорил, что ждет большой славы сыну своему Хроару от того, что он совершит вместе с Хёрдом.

XV

Весною Хроар собрался ехать к кургану Соти и взял с собою одиннадцать человек. Они ехали через лесную чащу. И Хёрд заметил, что в одном месте отходит от лесной дороги глухая тропинка. Он едет по этой тропинке и выезжает на поляну. И видит: стоит на поляне большой и красивый дом. Перед домом стоял человек в полосатом синем плаще с капюшоном. Он здоровается с Хёрдом, называя его по имени. Хёрд

приветливо с ним заговорил и спросил, как его зовут.

— Ведь я не узнаю тебя, хоть ты и говоришь со мною будто со знакомым.

— Меня зовут Бьёрн, — говорит тот, — и я узнал тебя с первого взгляда, хоть никогда прежде и не видывал. Я был другом твоих родичей, и это тебе пригодится. Знаю, вы хотите проникнуть в кургаи викинга Соты, но ничего у вас не выйдет, если вы будете уповать только на свои силы. И если будет так, как я ожидаю, и кургаи вам не поддастся, тогда приходи, я тебе помогу.

На этом они расстаются. Хёрд скачет обратно к Хроару. Рано утром они подъезжают к кургану и принимаются разрывать его и к вечеру доходят до бревен. Но на следующее утро кургаи снова цел. То же было и на другой день. Тогда Хёрд поехал к Бьёрну и рассказал ему, как было дело.

— Все случилось, как я и предвидел, — сказал Бьёрн, — ибо я-то знал, что за страшный великаи этот Соти. Я хочу тебе дать этот вот меч. Вонзи его в отверстие кургана и там увидишь, закроется он или нет.

Вот едет Хёрд назад, к кургану. Хроар сказал, что лучше уехать и больше не связываться с этим нечистым. Другие тоже стояли за это. Тогда Хёрд сказал:

— Не годится нарушать свой обет. Попробуем снова.

На третий день снова стали они разрывать курган. Опять дошли до бревен. Тогда Хёрд втыкает в отверстие кургана меч, который дал ему Бьёрн. Ночью они спят, а наутро подходят к кургану, и там все так, как они оставили. На четвертый день разобрали они все бревна, а на пятый открыли двери. Хёрд всем велел остерегаться зловонного воздуха, выходящего из кургана, но сам стоял за дверью, когда зловоние было всего сильнее. Двое людей так и упали замертво от той вони, что выходила из кургана: их разбирало любопытство, и они ослушались Хёрда.

Тогда Хёрд сказал:

— Кто хочет войти в курган? По-моему, это должен сделать тот, кто клялся одолеть Соты.

Хроар молчал. Тогда, видя, что никто не собирается спускаться в курган, Хёрд воткнул в землю два кола с веревкой.

— Я полезу в курган, — говорит, — но только пусть будут моими три сокровища, которые я там выберу.

Хроар сказал, что до него, так он согласен. И другие тоже не возражали. Тогда Хёрд сказал:

— Я хочу, Гейр, чтобы ты подержал веревку, потому что доверяю тебе больше всех.

Затем Хёрд полез в курган, а Гейр держал веревку. Хёрд не нашел в кургане никаких сокровищ и сказал Гейру, пусть спустится к нему в курган и прихватит с собою огонь и восковую свечку.

— У них, — говорит он, — большая сила. А Хроару и Хельги скажи: пусть последят за веревкой.

Так и сделали, и Гейр стал спускаться в курган. Хёрд наконец отыскал дверь, и они взломали ее. Тут задрожала вся земля, и свет потух. Наружу вырвалась ужасная вонь. За дверью, в боковом склене был слабый свет. Они увидели ладью и в ней великие сокровища. Соти сидел на носу корабля, и на него было страшно смотреть. Гейр остался стоять в дверях, а Хёрд подошел и хотел взять сокровища. Соти сказал так:

— Зачем ты, Хёрд,
Послушался Хроара,
Вторгся в дом
Обитателей праха?
Ведь Соти сроду
Вреда не делал
Владыке дерзкому
Дракона крови [\[268\]](#).

Хёрд сказал:

— Затем я решился
К тебе наведаться,
Твои, привиденье,
Отнять сокровища,
Что от людей
Было мне ведомо,
Знал я: доселе
Земля не носила
Такого злодея,
Как викинг Соти.

Тогда Соти вскочил и набросился на Хёрда. Трудной была эта схватка для Хёрда, потому что силы у него были уже на исходе. Соти так сжал Хёрда, что все мышцы скрутились у него узлами. Хёрд велел Гейру

засветить свечу и посмотреть, что тогда будет с Соти. И как только свет упал на Соти, он лишился силы и рухнул на землю. Тогда Хёрд стащил с руки у Соти золотое запястье. Это было замечательное сокровище, и люди говорят, что второго такого запястья еще не бывало в Исландии. Лишившись запястья, Соти сказал так:

— Хёрд у меня
Отнял обручье.
Это сокровище
Мне было дороже
Всего другого
Бремни Грани^[269].
Но берегись,
Несет оно гибель
Всем, кто посмеет
Им завладеть.

Хёрд сказал:

— Знаю, исполнятся
Злые пророчества,
Вещими будут
Слова лиходея,
Все же придется
Дряхлому призраку
Ныне расстаться
С костром потока^[270].

— Знай же, — говорит Соти, — что это запястье принесет тебе смерть, тебе и всем тем, кто им завладеет, пока оно не достанется женщине.

Хёрд велел Гейру посветить на Соти и посмотреть, как он тогда заговорит. Но Соти не стал дожидаться света и ушел в землю. Так они и расстались. Хёрд и Гейр взяли все сундуки и все сокровища, что они нашли, и отнесли к веревке. Хёрд взял меч и шлем Соти, это все были замечательные сокровища. Вот они дергают за веревку, и им ясно, что люди ушли с кургана. Хёрд полез по веревке и выбрался из кургана. Гейр привязал к веревке сокровища, и Хёрд вытянул их наверх.

Теперь надо рассказать о Хроаре и Хельги. Когда задрожала земля, все, кто там стоял, обезумели от страха, кроме Хроара и Хельги, так что тем пришлось их всех держать. Когда они встретились, не было конца их радости, словно бы Гейр с Хёрдом вернулись с того света. Хроар спросил у Хёрда, что с ними было, и Хёрд сказал вису:

— Старый Соти свиреп,
Страх не ведает в схватке,
Было нелегким делом
Сладить с кленом лады^[271].
Но худо пришлось злодею.
Взвыл он, свет завидев,
Сник колдун окаянный,
Мигом ушел в землю.

Вот они поехали назад со всей добычей. А Бьёрна они так и не нашли, и люди уверились, что это был не иначе как Один. Все считали, что этим походом в кургаи Хёрд стяжал себе великую славу.

Хёрд тогда сказал Хроару:

— Теперь я считаю своими те три сокровища, которые выберу.

Хроар сказал, что так оно и есть:

— Они причитаются тебе по праву.

— Тогда, — сказал Хёрд, — я выбираю меч, запястье и шлем. Потом они поделили все остальное, и все были довольны.

Ярл не захотел ничего себе брать, когда они ему предложили, говоря, что Хёрд заслужил большую долю сокровища. Живут они там в большой чести, и так проходит год.

XVI

Весною Хёрд сказал, что ему хочется в Исландию, но ярл и Хроар очень его удерживали, говоря, что никогда еще не приезжал к ним подобный человек. Хёрд сказал:

— При одном условии: отдайте мне в жены Хельгу Ярлову Дочь.

Ярл дал свое согласие. Хельга и Хроар тоже были рады этому браку. Хёрд очень любил свою жену Хельгу. У него стало много добра.

Летом названные братья Хёрд, Хроар, Гейр и Хельги отправились все в

поход на четырех кораблях. Каждый правил своим кораблем. Они добыли много добра и великую славу, и поход их был удачен.

XVII

Теперь надо вернуться к рассказу о том, что Сигурд Приемьш Торви отплыл от Песков, приехал в Норвегию и провел там зиму. А летом он сел на корабль с купцами и поплыл на юг, в Данию. Там тогда правил конунг Харальд, сын Горма^[272]. Сигурд показал себя большим храбрецом и полюбился конунгу. Скоро прибавилось у него и богатства и честолюбия, и он примкнул к викингам и выказал себя у них удальцом, каких мало. Так прошло несколько лет, пока Сигурд не сделался предводителем у викингов. Под его началом ходило пять кораблей.

Как-то летом поплыл он на восток в Балагардссиду. Уже вечерело, когда он зашел в залив Свиносунд. Они там заночевали. А наутро они и не заметили, как подплыли к ним викинги на семи кораблях. Они спросили, кто тут на этих кораблях главный. На носу одного корабля стоял человек рослый и черноволосый. Он сказал, что его зовут Бьёри Синий Бок и он сын Ульвхедина, сына Ульвхама, сына Ульва, сына Ульвхама Оборотня. Он спросил, кто с ним разговаривает. Сигурд назвался.

— Ну выбирайте: пойдете распоясанные на берег^[273], отдав нам корабли и добро, или будете сражаться с нами.

— Лучше мы будем защищать свое добро и свободу и погибнем с честью.

И вот те и другие готовятся к бою. Разгорается там жесточайшая битва. Сигурд смело бросается в бой, и кончается дело тем, что обезлюдели все корабли у Сигурда и три у Бьёрна. Сигурд один оставался в живых, и он долго защищался, покуда его не зажали щитами. Тогда его схватили, но раньше он один убил семерых. Это было уже вечером. Связали ему крепко руки, заковали ноги и приставили на ночь шестерых сторожить его. А наутро его должны были зарубить. Все викинги ночевали на берегу. Сигурд спросил, кто будет его развлекать. Стражники сказали, что ему нечего тревожиться о развлечениях:

— Ведь утром ты умрешь.

— Я не боюсь смерти, и, если хотите, я скажу вам стихи.

Они сказали, что не прочь послушать. Тогда он говорит стихи, от которых все засыпают. Тут он подкатывается туда, где лежит секира. Ему удалось срезать себе путы с рук, потом он сбил с ног цепи, но вместе с цепями и обе пятки. Потом он убивает всех стражников, бросается в воду и плывет к берегу.

Он идет напрямик через мыс, потому что он не решался задевать викингов. Вот он видит: стоят на якоре четыре корабля, а на берегу раскинуты шатры. Он смело идет к шатрам, а было уже почти светло. Он спрашивает, кто у них предводителем. Ему ответили, что ведет их Хёрд и еще Хроар, Гейр и Хельги, и в свой черед спросили, кто он такой. Он сказал без утайки. Потом он пошел к Хёрду, и они расспросили друг друга о важнейших новостях. Хёрд скоро узнал Сигурда и позвал его к себе в дружину. Сигурд ответил, что он согласен, и рассказал Хёрду о своих злоключениях. Он попросил, чтобы Хёрд помог ему сквитаться с викингами. Тому это было некстати, все же он сказал, что выполнит просьбу Сигурда. Они немедленно начинают готовиться к бою, сносят груз на берег и нагружают корабли камнями. Потом они плывут на веслах, огибая мыс.

Заметив их, викинги готовятся к бою, и, хватившись Сигурда, сокрушаются по нему, как по другу. Вот завязывается между ними битва. Названные братья рьяно бросаются вперед, да и Сигурд сражался безупречно. Уже было далеко за полдень, когда Хёрд ворвался на тот корабль, на котором находился Бьёри Синий Бок, и Гейр последовал за ним. Один шел по одному борту, другой — по другому, и они убивали всех — от мачты и до носа. Тут Бьёри Синий Бок бросило я прямо навстречу Хёрду. А Хёрд тогда шел обратно и как раз проходил мимо мачты. Бьёри рубит по

нему обоюдоострым мечом. Хёрд щитом не заслонился, а отскочил назад, через перекладину мачты, и меч так ударился о перекладину, что оба лезвия у него обломились. Завидев, что Бьёри после удара согнулся. Хёрд быстро и сильно рубит его поперек лопаток и перерубает мечом Соти до самой грудной кости. И Бьёри Синий Бок расстался с жизнью.

Тем временем Гейр поубивал всех, кто был на корабле. А Хроар вдвоем с Хельги очистили от викингов еще один корабль. Один корабль очистил Сигурд, и викинги бежали на четвертом. Хёрд со своими взял там большую добычу. Они перевязали раны своим людям. У Сигурда раны совсем уже зажили — ни следа не осталось. Он навсегда остался с Хёрдом и прослыл отважнейшим мужем.

Осенью они поплыли назад, в Гаутланд, и провели там зиму в большом почете.

XVIII

Гейра очень тянуло назад, в Исландию, и он просил Хёрда отпустить его. Хёрд сказал, пусть едет, когда хочет, только пусть хранит с ним дружбу. Хельги и Сигурд остались с Хёрдом. Гейр отплыл, по ветер был слабый, и они пришли в Вик и разбили шатры на берегу.

Узнает об этом Гуннхильд, мать конунга, и подсылает своих людей убить Гейра. Они приходят ночью, выбивают колья из-под шатров и обрушивают на них шатры. Гейру одному удалось уйти с оружием, но раньше он убил девятерых. Он нигде не останавливался, пока не добрался до усадьбы Брюньольва, сына Торбьёрна, и отец с сыном посадили его на корабль и дали с собой денег.

Людям казалось, что Гуннхильд колдовством залучила Гейра в Норвегию. Очень ей пришлось не по сердцу, что Гейр ускользнул. Они вышли в море, и летом Гейр подошел к Пескам.

Грим, отец Гейра, уже умер. Умер в Пастбищном Заливе и Хёгни, дед его по матери. Гудрид и Торбьёрг вели хозяйство в Гримовом Дворе. Гейр поехал туда и провел там зиму. А весной он купил землю в Нижнем Конце Фьорда и перенес туда свое хозяйство, и оно приносило доход. Туда переехали и Гудрид с Торбьёрг.

XIX

Индриди, сын Торвальда, и Торгрима Мастерица построили двор в нижней части Сорочьей Долины, в том месте, которое теперь называется Двором Индриди. Но Торгрима, его мать, жила тогда в Лощине, а Торвальд, отец его, умер.

В первое лето, когда Гейр жил в Конце Фьорда, приплыл в Исландию, возле Викарова Пути у Бычьей Реки, человек по имени Орм. Корабль их разбился, и они лишились всего добра. На корабле было пятнадцать человек, и все они остались без крова. За две зимы до того Орм был на Белой Реке и зимовал у Индриди. И вот теперь Индриди с двумя людьми поехал на юг навстречу Орму и сказал, что не оставит его в нужде. Он пригласил его со всеми людьми к себе. Орм принял приглашение с благодарностью. Поехали они все вместе с юга мимо Берегового Холма, через Яму и мимо Клин-Горы, а там к Ульвльотову Озеру и Эльвус-Озеру и приехали туда в сумерки. Гримкель приветствует их, но к себе не зовет.

Индриди тогда сватается за Торбьёрг, Гримкелеву дочь.

— Тебе, хозяин, ведомо, какого я рода и как умножил свое богатство. Я хочу поскорей услышать твой ответ.

Гримкель сказал:

— Мы не можем торопиться в таком деле, это так сразу не решается.

И так и не пригласил их к себе. Вечером Индриди приехал к Пастбищному Заливу.

А когда они уехали, Сигрид, хозяйка, сказала Гримкелю:

— Странно, право, что ты не захотел отдать за Индриди свою дочь. Мы почитаем его недюжинным человеком, пошли же кого-нибудь за ними и не мешай тому, что только к твоей чести и к чести твоей дочери.

Гримкель сказал:

— Как хочешь!

Послали в Пастбищный Залив. Индриди и его люди вернулись с посылными. Теперь Гримкель принял их радушно. Они заговорили о сватовстве и условились, что Индриди женится на Торбьёрг и за ней дадут сорок сотей и свадьбу сыграют, не откладывая, на Эльвус-Озере. А Индриди пусть сам отвечает за то, что скажут не бывшие при этом.

Индриди оставил там своих людей, а сам поехал с двоими к Торбьёрг, в Конец. Проехав Скалы Йоры, он держал путь к Гримову Двору, а оттуда — к Кондовой Пустоши и в Конец. Гейра дома не было. Поговаривали, будто Гейр сам хотел жениться на Торбьёрг, но она ничего не возразила на сватовство и поехала с Индриди. Они едут и скоро приезжают на Эльвус-Озеро. А там готовятся к свадьбе.

Гримкель пошел к капищу Торгерд, жены Хельги^[274], помолиться о

браке Торбьёрг. Но едва он вошел в капище, боги все задвигались и стали срываться с алтарей. Гримкель сказал:

— Что это значит, и что вы замышляете, и на кого хотите обратить удачу?

Торгерд сказала:

— Мы не обратим удачу на Хёрда, ибо он ограбил Соти, моего брата, отнял у него доброе золотое запястье и причинил ему много позора. Я бы лучше обратила удачу на Торбьёрг, но ее осеняет такой свет, что, боюсь, он принесет нам разлуку. Тебе же недолго осталось жить.

Гримкель вышел и был в великом гневе на богов. Он принес из дому огня и сжег капище и всех богов, сказав, что они больше не будут пророчить ему беду. А вечером, когда все сели за столы, Гримкель Годи внезапно умер, и его похоронили к югу от усадьбы. Распоряжаться всем, что от него осталось, выпало Индриди и Иллуги, потому что Хёрда не было в Исландии. Индриди ни на что не посягал из Гримкелева наследства, кроме приданого Торбьёрг. Тою же осенью Иллуги стал управлять хозяйством. Но весною он поделил все добро с Сигрид, и она получила земли на Эльвус-Озере и прослыла хорошей хозяйкой.

XX

Несколько зим спустя Хёрд, сын Гримкеля, приплыл в Исландию, к Пескам, и с ним жена его Хельга, и Сигурд Приемьш Торви, Хельги, сын Сигмунда, и еще тридцать человек. Хёрду было тогда от роду тридцать зим. Он провел в чужих краях пятнадцать зим кряду и добыл себе большое богатство и славу.

Иллуги Рыжий с Островка выехал к кораблю и пригласил Хёрда вместе со всеми людьми к себе. Он сам поехал их встретить и оказал им всяческое уважение. Хёрд с радостью принял приглашение, оно показалось ему очень почетным. Хёрд поехал к Иллуги, взяв с собою двадцать пять человек; пиво лилось там рекою всю зиму, и Хёрд был очень доволен. Иллуги предложил ему все, что он взял из Гримкелева наследства. Хёрд сказал, что он лучше получит, что ему причитается, с родича своего Торви и добавил, что намерен к нему съездить.

После этого он поехал, взяв с собою одиннадцать человек, и явился на хутор Широкий Двор, и увиделся с Торви, и стал требовать свое добро. Торви сказал, что еще вопрос, как он посмотрит на его требование.

— Потому что я не обязаи тебе платить, если ты хуже своего отца.

Хёрд сказал, что это еще неизвестно, и добавил, что он еще наведается за своим. Потом он уехал и, вернувшись к Иллуги, все ему рассказал.

Иллуги просил Хёрда уступить:

— Думаю, так будет лучше для вас обоих, потому что Торви человек хитрый и жестокий.

Хёрд сказал, что у него на уме другое.

— Он всегда причинял нам одно зло и никогда не делал хорошего. Я тут же пойду и буду собирать народ.

Хёрд выехал и собрал людей с Полевого Мыса, а Иллуги — дальше на западе, с Сенного Мыса, и Дворов, и всюду до самой Плечистой Горы, и вокруг Яремного Двора, а Хёрд — еще к востоку на Реке Горбатой Долины. Они миновали Среднюю Гору и так доехали до Широкого Двора. Торви был возле дома, и он хорошо их встретил. Иллуги стал мирить их и сказал, что им как близким родичам обязательно надо помириться. Торви сказал, что, судя по всему, у Хёрда есть право заводить разговор о деньгах.

— Он, верно, стал большим человеком, — говорит он. — Вон как живо сюда собрался. Я намерен пойти с ним на мировую и дать ему здесь земли. Я передам ему с землей также тридцать коров и тридцать работников. Я дам ему на этот год все необходимое для хозяйства. Посмотрю, как он себя покажет. Он будет в ответе за все, что получит, — за землю и скот.

Иллуги сказал, что это хорошее предложение, и Хёрд его принял. На том и помирились. Весною Хёрд туда переехал, и Иллуги выплатил ему все, что причиталось. Хозяйство Хёрда приносило доход. Он давал приют странникам. Никто не имел причин враждовать с Хёрдом, да и он ни с кем не искал ссор. Он прожил там три зимы.

XXI

Шил человек по имени Ауд. Он жил в Аудовом Дворе, напротив Верхних Селений, но немного пониже. Был он человек своевольный и богатый, низкородный и притом довольно вздорный. Сына его звали Сигурдом. Были у него две кобылы буро-пегой масти. Он дорожил ими.

Иллуги Рыжий дал Хёрду, когда он уезжал с Островка, табуи из пяти лошадей, все вороной масти. К ним повадились пегие Аудовы кобылы, и они все время убегали со своего пастбища. Хёрд сожалел, что у Ауда такая незадача с лошадьми.

С Торви они были как чужие. Люди не старались соперничать с Хёрдом, и он со всеми хорошо ладил. Торви жил тогда на хуторе Верхние

Селенья. Он был годи и слыл человеком тяжелым и не из покладистых.

На следующее лето все шло по-прежнему: Аудовы лошади убегали от него к лошадям Хёрда. Хёрд велел отогнать своих лошадей за гору, чтобы Аудовы кобылы их не отыскали. Так и сделали, и все же Аудовы кобылы опять нашли их.

Раз в сенокос Сигурд, сын Ауда, возвратился с пастбища, так и не сумев поймать тех кобыл. Тогда Хёрд послал Хельги, сына Сигмунда, помочь ему. Хельги отправился с Сигурдом, и был сильно не в духе, и говорил, что Ауд один виноват во всех этих потравах и беспокойствах. А подойдя к табуну, он видит, что парень поранил коня. Тогда он сказал:

— Что ты за негодник! Но ты не будешь больше портить таких добрых животных.

И он убил его. Немного погодя туда пришел Хёрд и сказал:

— Злой ты человек, раз убил юношу, и притом безвинного. Тебя бы следовало убить. Все же я не пойду на это, хоть и лучше бы тебе не жить после этого злодейства. Отсюда начнется твоя неудачливость. Вот и совершилось то, что я предчувствовал, и это, вернее всего, приведет нас, так или иначе к гибели, да и не нас одних, когда сбудется все, что суждено судьбой.

Хёрд набросил на тело убитого плащ и поехал сперва домой. Немного погодя Хёрд отправился к Аудову Двору, и в тот самый миг, как он въезжал в усадьбу с запада, Ауд въезжал в нее с севера. Они повстречались, и Хёрд сказал:

— Случилось большое несчастье, хоть и не по моей воле: убит твой сын. Я хочу предоставить тебе право самому рассудить это дело и тем покажу, что я осуждаю содеянное, и тотчас отсчитаю тебе сполна все деньги, и большинство скажет, что притом, как обстоят дела, тебе нечего и ждать лучшего.

Ауд отвечает:

— Я только что виделся с Торви, моим другом, и передал ему это дело, и он обещал мне довести его до конца, так что я дождусь еще, увижу, как вам, с Широкого Двора, не поздоровится.

Хёрд сказал:

— Скверное дело ты затеял — ссорить нас с Торви. Но ты за это заплатишься!

Он выхватил меч Соти и разрубил Ауда пополам и работника, что был с ним, тоже. Хёрд был в такой ярости, что он сжег усадьбу, и все стога, и двух женщин, не захотевших выходить.

Когда до Торви дошли эти вести, он сказал, что у него и в мыслях не

было, что Хёрд так неслыханно расправится с его другом:

— Однако же от Хёрда так легко не отделаешься!

И когда ему стало известно, что Хёрда нет дома, он поехал с вызовом в суд на хутор Широкий Двор, и вызвал Хёрда в суд альтинга, и вернулся домой. Узнав об этом, Хёрд послал Хельги на юг к своему зятю Индриди с просьбой приехать на тинг, и представить его на суде, и предложить мировую. Сам он, мол, не может принудить себя просить мира по причине вражды их с Торви. Хельги поехал туда и увиделся с Индриди и передал ему слова Хёрда. Индриди отвечает:

— Я обещался Иллуги Рыжему поехать с ним на тинг Килевого Мыса, но я хочу позвать Хёрда к себе.

Хельги отвечает:

— Подумаешь, важное дело — ехать на тинг Килевого Мыса, когда надо защитить такого зятя. И ты самая последняя дрянь после этого!

Торбьёрг сказала:

— Еще можно было бы уладить дело, если бы послали путного человека. А теперь, верно, ничего не выйдет. Вот оно, несчастье, которое ты принес!

Хельги поехал домой и не рассказал Хёрду о приглашении Индриди, а сказал только, что тот не хочет ему помочь. Хёрд был очень недоволеи этим, и он сказал вису:

— Зря возлагал я, вижу,
В тяжбе надежды на зятя!
Тот, кто подвел однажды,
Верным вовек не будет.
Просьбе не внял — остался
Дома властитель стали,
Нынче был несговорчив.
Потом и врагом обернется.

Когда люди пришли на тинг и настало время суда, Торви спросил, не захочет ли кто уплатить виру от лица Хёрда.

— Я, — говорит, — соглашусь принять виру, если кто-нибудь предложит, я только не хочу оставлять это дело так.

Никто ему не ответил, и Хёрда вместе с Хельги объявили вне закона. Когда Хёрд узнал о приговоре, он сказал вису:

— Сумел своего на тинге
Добиться дробитель гривен:
Суровым был приговор
Древу костров бурунов^[275].
Радостью рыб нагорий^[276]
И горестью змей^[277] в изгнание
Я жить обречеи отныне.
Не стану тужить об этом!

На этот раз Хёрд и Торви не встретились.

XXII

Немного спустя Хёрд поехал со всем своим добром в Конец к Гейру, своему побратиму. А раньше он сжег у себя в усадьбе все постройки и все сено. Он сказал, что Торви не найдет там, чем поживиться. Хёрду было тридцать шесть зим, когда его объявили вне закона и он уехал в Конец. Все его домочадцы и все, кто примкнул к нему, тоже поехали с ним к Гейру и нашли там убежище.

Однажды Торви сказал такую вису:

— Торви, владыке храброму
Нила^[278] костров багряных,
Время в конец собираться,
Рьяно нагрянуть на ратников.
Пусть-ка в честном бою
Устоят перед нашим натиском,
Смело сразимся с героями,
Коршунов крови^[279] накормим.

В этот год им пришлось туго, потому что припасов было меньше, чем требовалось, да и Гейр хуже, чем прежде, смотрел за хозяйством. Стали забивать скот, так что на следующее лето едва-едва хватало скота для прокорма. Но осенью забили уже весь скот, осталось только несколько коров.

И однажды утром перед праздником середины зимы Гейр поднял на

ноги Хельги. Тот живо встал, и они отправились через гряды на хутор Озерный Рог в Сорочьей Долине. Хозяина дома не было. Он был на свадьбе у Колля на хуторе Роцца в Долине Дымов. Гейр сказал:

— Придется пополнить хозяйство как уж выйдет. Хочешь — стой на страже, а хочешь — иди в хлев.

Хельги выбрал стоять на страже. Тогда Гейр пошел в хлев и отвязал всю скотину. Два человека лежали на сеновале и играли в тавлеи. У них горел свет. Один сказал:

— Никак, отвязана в хлеву скотина?

Другой сказал, что это, наверно, женщины виноваты — не привязали. Вот один пошел и стал в воротах. И, увидев это. Гейр бросился к нему и убил. И, заждавшись того, кто пошел первым, выходит следом и второй. Но едва дошел до ворот, случилось с ним все так же, как и с первым. Убил Гейр и его. Затем они увели с собой семилетнего быка.

Они вернулись к себе в Конец, и все это очень не понравилось Хёрду, и он сказал, что уйдет, если они вздумали воровать.

— По мне, — говорит, — уж лучше грабить, если ничего другого не остается.

Гейр просил Хёрда не оставлять его из-за такой малости.

— Ты один станешь решать за нас обоих.

И Хёрд не уехал. Когда же женщины в Озерном Роге пришли в хлев, им показалось странным, что скотина отвязана. Они подумали, что скотники, видно, спят. Они привязали скотину. Но, подойдя к воротам сеновала, они нашли обоих мертвыми. Послали сказать хозяину. Тот приехал. Много было об этом толков.

Хёрд не позволял есть быка, пока на хутор Озерный Рог не послали человека рассказать правду о поступке Гейра. И некоторые говорят, будто Хёрд уплатил хозяину Озерного Рога и за его людей, и за быка, потому тот и не стал потом жаловаться.

XXIII

Кольгрим Старый, сын херсира Альва из Грандхейма, жил в это время на хуторе Четыре Конца. Он занял там земли. Его сыном был Торкель, отец Кольгрима, отца Стейна, отца Квиста, отца Кали.

Кольгрим послал людям из Конца приглашение устроить всем вместе на Песках игры в мяч и роговые биты. Те согласились. Вот начались игры и продолжались весь праздник середины зимы. Люди из Конца часто терпели

поражение, потому что Кольгрим подстраивал так, что перевес был на стороне людей с Побережья. Люди из Конца сильно снашивали обувь, потому что они много ходили. Они раскроили себе на башмаки бычью шкуру. Многим казалось, что Кольгрим очень любопытствовал по поводу пропажи быка, для того и устроил эти игры. Ему показалось, будто он узнает бычью шкуру у них на ногах. Их стали звать бычатниками. Вот раз им опять сильно досталось в игре. Придя домой, они разговорились о том, как сильно им достается и что они скоро бросят игры.

Хёрд очень сурово с ними разговаривал и сказал, что они последние ничтожества, если не умеют за себя постоять.

— Вы, — говорит, — способны только на постыдные дела!

К Хёрду в то время примкнули Торд Кот и Торгейр Борода по Пояс — он тоже был объявлен вне закона. Вот Хёрду делают за ночь роговые биты. Теперь, когда Хёрд пошел на игры, остальные тоже рады стараться, хотя прежде они были не так уж охочи до этого. Играть против Хёрда выпало Энунду, сыну Тормода с Откоса. Это был человек сильный, и все его любили.

Игра была очень жестокой. Еще до вечера шестеро с Побережья лежали мертвыми, а из Конца — никто. На этом те и другие разошлись. С Энундом пошли все люди с Побережья. И когда они уже подходили к Откосу, Энунд сказал — пусть идут вперед.

— А я, — говорит, — завяжу башмак.

Они не хотели оставлять его. Он сел, но как-то тяжело. И в тот же миг умер, там его и похоронили. Это место теперь зовется Энундов Бугор. Ни Хёрду, ни его людям не предъявляли обвинения по этому делу.

Торстейн Золотая Пуговица жил тогда в Кружалке, был он человек злобный и коварный, хитрый и очень состоятельный. А Торвальд Синяя Борода, бонд зажиточный и уважаемый, жил на хуторе Пески.

XXIV

Жил человек по имени Рэв, он был сын Торстейна, сына Сельмунда, сына Торольва Масла. Он жил на хуторе Лоскутное Поле в Кольчужной Долине. Он был могущественный годи и большой рубака. Потом его больше звали Рэвом Старым. Мать его звалась Торбьёрг Катла. Она жила в Кустарнике. Она была сведуща в колдовстве и искусная ворожея. Брата Рэва звали Кьяртаном. Он жил на Торбрандовом Дворе и был человек рослый и сильный, злобный и склонный к насилию. Поэтому все сходились

в нелюбви к нему.

Жил человек но имени Орм, сын Торира из Лощины, человек всеми любимый и большой умелец. Все это были противники людей из Конца.

Однажды летом до Хёрда и его людей дошел слух с тинга, что там сговорились собраться и убить их, и тогда они поняли, что раз у них больше нет скота, ничего другого не остается, как грабить. Гейр предложил построить укрепления и сказал, что тогда с ними будет нелегко справиться. Хёрд сказал, что так их возьмут измором.

— По-моему, лучше уехать на островок, тот, что лежит здесь в Китовом Фьорде против устья Реки Синей Бороды за Завтрачным Мысом. У этого островка обрывистые берега, и он не меньше доильного загона.

Пока шел тинг, они туда и переехали со всем своим добром. Для перевоза они взяли у Торстейна Бычьего Шина с Грязного Двора большую плоскодонную ладью и еще шести-весельник у Тормода с Откоса и четырехвесельную тюленебойную лодку у Торвальда Синей Бороды. Они построили себе большой дом. Одной стеной он выходил на северо-восток, другую — на юго-запад, и посреди западной стены была дверь. На юге дом упирался прямо в обрыв, а с севера можно было пройти между обрывом и дверью в боковой стене. Только с севера к нему и можно было подобраться, а на запад от дома были подземелья.

У них было законом, что всякий, кто пролежит больше трех дней, должен быть сброшен со скалы. Все были обязаны идти туда, куда укажут им Хёрд или Гейр, если те были с ними. Они делили между собою всю работу. Все дома в Конце разобрали и перевезли бревна на Островок. Этот островок теперь называется Гейровым Островком. Он получил имя от Гейра, сына Грима.

Случалось, на Островке бывало до ста восьмидесяти человек, и никогда не меньше восьмидесяти — это самое малое. Называют по имени Хёрда и Хельгу Ярлову Дочь, его жену, Гримкеля, их сына, и еще Бьёрна — ему тогда было две зимы, — Гейра и Сигурда Приемыша Торви, сына Гуннхильд, Хельги, сына Сигмунда, Торда Кота и Торгейра Борода по Пояс. Он был самый злокозненный из всех островитян, охоч на всякие злодеяния. Там собрались едва ли не все объявленные вне закона, и все приносили клятвы Хёрду и Гейру хранить им верность, им и друг другу.

Торгейр Борода по Пояс и Сигурд Приемыш Торви привезли с десятью другими воды из Реки Синей Бороды. Они набрали воды в тюленебойную лодку и наполнили большую бочку, стоявшую у них на Островке. Так прошло некоторое время.

Торбьёрг Катла хвалилась, что островитяне никогда ничего ей не сделают. Так она полагалась на свои чары. И когда ее похвальба дошла до островитян, Гейр сказал, что это надо еще проверить, и вскоре после тинга собрался с одиннадцатью людьми из дому. Торд Кот тоже поехал с ними. Но, добравшись до долины, они увидели, что весь скот угнали на север за ту гору, что стоит между Кольчужной Долиной и Концом. Гейр оставил двоих охранять ладью. Торд Кот сторожил на носу.

Выйдя, Торбьёрг Катла сразу проведала благодаря своему чародейству и проницательности, что с Островка пришел корабль. Она сходила за своим покрывалом и стала махать им над головой. Непроглядная мгла тотчас окутала Гейра и его людей. Тогда она послала сказать Рэву, своему сыну, чтобы он собирал людей. Собралось пятнадцать человек, и они подкрались в темноте к Торду Коту, схватили его и убили. И он зарыт внизу Котовьего Мыса. Гейр и его люди добежали до моря. Тут мгла спала, и они снова стали ясно видеть. Рэв и его люди настигли их, и завязалось сражение. Были убиты все, кто приехал с Гейром, и трое людей Рэва. Гейру удалось сесть на корабль и добраться до Островка. Он был сильно ранен. Хёрд очень насмеялся над ним по поводу этой поездки и говорил, что Гейру со своими куда как далеко до Катлы. Хельга была искусная врачевательница, и она вылечила Гейра.

Люди с Островка были напуганы этим случаем. Но как только Гейру перевязали раны, Хёрд сел на корабль, взяв с собою одиннадцать человек, и поплыл в Кольчужную Долину, сказав, что хочет еще разок померяться силами с Катлой. Двое охраняли корабль, а десятеро отправились за скотом.

Катла снова стала махать своим покрывалом и послала сказать Рэву, что на сей раз это стоящее дело схватиться с островитянами, «когда их ведет этот прекрасноволосый муж, по всему большой удалец».

Рэв пришел с пятерыми. Но чары не могли затмить глаза Хёрду, и островитяне пошли, куда хотели, забили себе скота, нагрузили доверху свой корабль и на глазах у Рэва и его людей уехали на Островок. На том и расстались.

Ближе к концу лета Хёрд поехал с двадцатью тремя людьми к

Грязному Двору, потому что Торстейн Бычий Шип хвалился, что Скроппа, его приемная мать, — а она была колдунья, — так околдует островитян, что они ничего ему не сделают. Высадившись на берег, они оставили корабль под охраной семерых на воде, а семнадцать человек пошли наверх. На песчаном холмике за лодочным сараем они увидели большого быка. Им захотелось раздражить его, но Хёрд не велел. Двое из людей Хёрда все же повернули к быку и ослушались его совета. Бык наставил на них обоих рога. Один из людей Хёрда послал копьё ему в бок, другой — в голову. Но оба копья отскочили и попали им прямо в грудь, и пришла им обоим смерть. Хёрд сказал:

— Слушайте же меня, потому что здесь не все так, как оно кажется.

Вот приходят они к хутору. Скроппа была дома, и с нею хозяйские дочери Хельга и Сигрид. Сам же Торстейн был на летовье в Долине Коровьего Поля. Это в Свиной Долине. Скроппа отперла все двери. Она отвела глаза людям Хёрда, так что им померещилось, будто на лавке, где она сидела с Торстейновыми дочерьми, стоят три короба. Люди Хёрда стали говорить, что они, пожалуй, вскроют эти короба. Но Хёрд не велел. Тогда они пошли от усадьбы на север — посмотреть, не найдут ли там какого скота. И увидели, как побежала на север с усадьбы свинья с двумя поросятами. Они загородили ей дорогу. Тут им показалось, будто навстречу им движется большая толна людей с копьями и во всеоружии, и свинья с поросятами наострила в ту сторону уши. Гейр сказал:

— Пойдем к кораблю. На их стороне перевес.

Хёрд сказал, что его совет не бежать так сразу, не попытав счастья. С этими словами Хёрд взял большой камень и пришиб свинью насмерть. И, подойдя к ней, они увидели, что Скроппа лежит мертвая и возле нее стоят хозяйские дочки, а вовсе не поросята. И теперь, когда Скроппа умерла, они увидели, что это не люди шли им навстречу, а стадо коров. Они пригнали скот к кораблю, забили его и нагрузили ладью тушами. Гейр увез силком Сигрид, и они уплыли на Островок. Скроппу похоронили за Грязным Двором, на пути к Четырем Концам, в Скроппином Овраге.

Торстейна Золотую Пуговицу островитяне не трогали, потому что у них был с ним тайный уговор, что он обязуется переправлять на Островок всех бездомных бродяг и рассказывать островитянам обо всем, что замышляют против них люди. Он поклялся им все это выполнять и ни в чем их не обманывать, они же обещали у него не грабить.

Зимою перед самым праздником середины зимы они отправились, числом двенадцать, под покровом ночи в Лошину, к Орму. Орма дома не было: он куда-то отлучился по своим делам. Болли звался его раб, смотревший за всем хозяйством, пока Орма не было дома. Они взломали клеть, вынесли весь товар и съестные припасы. Взяли и Ормов ларец, где он хранил свои сокровища, и со всем этим ушли. Дело приняло дурной оборот для Болли: ведь он не углядел за амбаром. Он сказал, что ему теперь надо либо отобрать у островитяи ларец, либо распроститься с жизнью. Он попросил передать хозяину, чтобы тот был на четвертую ночь с семнадцатую людьми у корабельных сараев и притаился. Затем Болли собрался в путь. Он надел рваные башмаки и плащ из простого сукна. Первую ночь он провел в Кольчужной Долине, не заходя на усадьбы. Потом он пришел к Торстейггу Золотая Пуговица и, назвавшись Торбьёрном, сказал, что он объявлей вне закона и хочет уехать к Хёрду и присоединиться к его людям. Торстейн Золотая Пуговица перевез его на Островок. Увидев человека, Хёрд и Гейр отнеслись к нему по-разному. Гейр считал, что надо принять его, а Хёрд сказал, что, наверное, это лазутчик. Все же Гейр настоял на своем, и, когда тот принес им клятвы, они приняли его к себе. Он много рассказывал им о том, что делается на берегу, а потом сказал, что хочет спать. Лег и проспал весь день. У Гейра и прочих никак не открывался ларец, и они спросили совета у Торбьёрна. Торбьёри сказал, что дать этот совет нетрудно.

— Там, — сказал он, — ничего нету, кроме разного Ормова инструмента. Орм только в том и видит для себя убыток от грабежа, что пропал его ящик с инструментом. А я был, — говорит, — на Мшистой Горе, когда стало известно об этом грабеже. Если хотите, я снесу ему ларец.

Гейр подумал, что мало им прибыли в этом ларце, если там ничего нету, кроме инструмента. Торбьёри пробыл у них две ночи и все уговаривал отдать ларец. Хёрд был против того, чтобы они хоть в чем-нибудь слушались Торбьёрна, и сказал, что, верно, но доведут до добра его советы. Но Гейр настаивал, и они поехали ночью вшестером к корабельным сараям Орма. Они вытащили ларец на берег и отнесли в сарай, поставив под бортом Ормова корабля. Тут Торбьёри закричал, чтобы люди вставали и хватали воров. Те, кто был в засаде, вскочили и набросились на них. Гейр схватил обеими руками обломок весла и им отбивался, защищаясь с большой отвагой. Гейр добежал до своего корабля, но четверо людей его погибли. Орм взял плоскодонную лодку, и они поплыли Гейру вдогонку.

Хёрд сказал у себя на Островке:

— Гейру, вернее всего, понадобится подмога. Я совсем не увереи в

этом Торбьёрне.

Он взял лодку и плывет вглубь фьорда, как раз туда, где Орм преследует Гейра. Тогда Орм сразу же повернул назад, к берегу. А Гейр с Хёрдом уехали на Островок.

Орм после этого отпустил Болли на волю и отвел ему землю для хутора, что называется Двор Болли, и дал все, что нужно для хозяйства. Он стал там жить и был богатым человеком и неробкого десятка.

XXVIII

Летом после тинга Хёрд с Гейром и с ними еще двадцать два человека отплыли вечером на своей ладье и высадились у Овечьего Загона против хутора Островок. Шестерых они оставили охранять корабль, а восемнадцать человек поднялись на берег. Они увели скот с Полевой Горы. Хёрд увидел, что из усадьбы вышел человек в рубахе и в холщовых штанах. Это было на восходе солнца. Хёрд узнал в нем Иллуги, потому что не было никого зорче Хёрда.

Иллуги тоже их заметил и тотчас разослал людей в Двор, и к Сенному Мысу, и к Реке Коровьего Поля собирать народ. Он двинулся на них не раньше, чем собрал тридцать человек. Завидев, что собирается народ, Хёрд спросил у Гейра, что он выберет: забивать и свежевать скот и грузить корабль или отражать натиск Иллуги и его людей, не давая им подойти. Гейр сказал, что он предпочитает свежевать туши, только не иметь дела с Иллуги. Хёрд сказал:

— Ты выбрал то, что я и хотел. Оно мне и привычнее. Мы будем обороняться от них числом двенадцать, и никак нельзя, чтобы нас становилось меньше. И чем больше людей погибнет у нас, тем меньше будет оставаться у тебя на разделке туш.

Свежевать скот остались четырнадцать человек. Вот завязалась битва между Хёрдом и Иллуги. И была беспримерной отвага, с какою Хёрд защищал загон, потому что Иллуги и его люди сильно их теснили. К Иллуги подходили все новые люди, так что под конец их стало сорок человек, а у Хёрда было, вместе с ним самим, только двенадцать. Все его люди были сильно изранены, ведь у тех был большой перевес в силах. Сигурд Приеммыш Торви показал себя, как и всегда, большим храбрецом. Мужественно сражался и Хельги, сын Сигмуида. Торгейр Борода по Пояс грузил ладью. Гейр работал не покладая рук: бил скотину и свежевал туши. Девятеро полегло на стороне Хёрда, прежде чем ладья была загружена.

Когда они ступили на корабль, бонды набросились на них с новой силой, и со стороны Хёрда пали еще шестеро, прежде чем им удалось укрыться за бортом. Хёрд был ранен бердышом. Раны были у всех.

Иллуги велит готовить корабли, но Хёрд со своими привели в негодность все большие корабли. Хёрду дул встречный северо-восточный ветер. Они перевязали раны и поплыли на веслах вдоль северного берега, минуя Челночный Мыс и Устье Реки Калмана. На одном скалистом островке они выгрузились, потому что их сильно сносило ветром. Гейр и еще один человек захотели там остаться, но Хёрд посчитал, что это большая глупость — подвергать себя там опасности. Хёрд повел ладью вглубь фьорда. Они еле двигались, хотя ветер и переменялся, потому что у них все еще было много груза. Иллуги и его люди вот-вот догонят Хёрда, но он погибает мыс. Тогда-то Хёрд и дал имя мысу и назвал его Челночным Мысом, потому что он заметил, что мимо мыса плывет много челноков. Как только Иллуги и его люди нагоняют Хёрда, они снова на него нападают. Хёрд тогда сказал:

— Рьяно ты нас преследуешь, зять! Вот и случилось все то, что я давно предчувствовал.

— Но и вы далеко зашли, — сказал Иллуги.

И они со всею силой на них обрушились. Хёрд защищал ладью с одной стороны, а с другой ее защищали шестеро. Но в скором времени подошли к ним на трех кораблях островитяне и тотчас перескочили в ладью. Тут приходится Иллуги отступать, и островитяне гонят его обратно вдоль всего фьорда.

Брэндом звали одного человека, сына Торбьёрна Башки из-под Средней Горы. Он напал на Гейра на скалистом островке, и сразился с ним, и убил его спутника. Гейр хорошо защищался, но у Бранда было шесть человек. Тут подоспел Хёрд и сказал, что, стало быть, он угадал, как все обернется с Гейром. Бранд обратился в бегство. Они бросились за ним и убили его. Место на берегу против скалистого островка восточнее Реки Калмана называется теперь Брандовы Островки. Убили и еще пятерых, а шестой ушел.

А Хёрд с Гейром свезли всю добычу на Островок. Хёрд сказал тогда вису:

— Иллуги Рыжим сраженные,
Пали пятнадцать палиц
Ужаса^[280]. Был неуступчив
Тополь луны потока^[281].

Дал ему сдачи Гейр,
С ним рассчитался в сече:
Столько ж поживы волчьей
В поле лежать оставил.

XXIX

На следующую зиму вскоре после праздника середины зимы Хёрд, и Гейр, и еще сорок человек поднялись на Лебединый Перевал, а там поехали в Свиную Долину и оттуда — в Сорочью Долину. Днем они прятались, а ночью спустились к овчарне и угнали оттуда наутро восемьдесят кладеных баранов, принадлежавших Индриди, и погнали их наверх, мимо Озера. Тут, словно бы по волшебству, началась сильная непогода и пурга. Когда они подошли к горе, вожаки стада были уже совсем измучены, и Гейр с другими хотели было бросить баранов, но Хёрд сказал, что это малодушно: подумаешь, поземка и легкий снежок. Хёрд взял одною рукой одного барана-водыря, другою рукой — другого, и так перетащил их через гору. От них остался широкий след. По нему и прогнали остальной скот. С тех пор это место зовется Бараний Волок. Они спустились в Свиную Долину, и там снега не было. Они пошли к своему кораблю и забили скот. Это место с тех пор зовется Убойная Бухта. Потом они плывут на Островок. Проходит зима.

Весною Хёрд, Гейр и Сигурд Приемьш Торви, Хельги и Торгейр Борода по Пояс и с ними еще шестьдесят удальцов выезжают из дому. Они поехали на север от Лебединого Перевала ко Двору Индриди и прятались в лесу, пока скот не выгнали на пастбище. Свартом звали пастуха этого стада, и с ним был мальчик. Хёрд и его люди пошли к стаду и погнали его на запад за Озеро. Сварт побежал с ними. Они миновали Бараний Волок и спустились в Свиную Долину. Там они убили Сварта. Потом они легли спать там в долине. Пока они спали, мальчик погнал стадо назад. Хёрд не спал и все видел из-под щита. Он отпустил мальчика с миром и сказал ему:

— Будет лучше, если это останется у моей сестры, чем попадет в руки островитянам.

Мальчик вернулся домой, и передал Торбьёрг слова Хёрда, и сказал, что большая жалость потерять такого человека:

— Он хорошо обошелся со мной, а его люди убили Сварта.

Торбьёрг ничего не ответила мальчику. Это место теперь называется

Долиной Угона Коров, потому что у них угнали там коров. Гейр просыпается и хочет идти и вернуть скот, но Хёрд сказал, что не нужно. Потом они согнали вместе в Свиной Долине принадлежавших бондам свиней и погнали их вниз, к берегу, и там закололи и погрузили на корабль. Это место теперь называется Свиные Пески. Потом они уплыли на Островок.

XXX

Летом во время альтинга островитяне отправились к Завтрачному Мысу. Они поехали Дорогой Сельделовов к Лощине в Сорочьей Долине и, захватив на южной стороне Озера Сорочьей Долпны скот Торгримы Мастерницы, погнали его через горный гребень. Там был один бык, серый в яблоках. Он сильно фыркнул и побежал назад прямо на них, а следом побежал и весь скот, и бросился в озеро, и переплыл его в самом узком месте, и вернулся домой, в Лощину. Тогда Хёрд сказал:

— Велики же чары Торгримы, раз даже скот ее над собой не властен.

Торгрима спала. Внезапно она проснулась и выглянула в окно. Она увидела мокрых животных и сказала:

— Упустили вас эти удалцы, как ни заманивали!

Хёрд спросил у своих сотоварищей, не хочется ли им изменить свою жизнь и свой промысел.

— По-моему, — говорит он, — мы плохо поступаем, что живем одним грабежом.

Они сказали, что кому, мол, решать, как не ему.

— Тогда бы я хотел, — говорит отг, — чтобы мы поехали на Белую Реку, к купцам, и предложили им выбирать: пусть либо отдадут нам корабль [\[282\]](#), либо мы их убьем.

Гейр сказал, что он готов ехать хоть сейчас.

— Но только я хочу, чтобы мы сперва сожгли в домах Торви, сына Вальбранда, Колля из Рощи, Кольгрима Старого, Индриди и Иллуги.

Хёрд сказал:

— Ничего не выйдет из ваших замыслов. Скорее всех нас перебьют, потому что люди не спустят нам такого великого насилия.

Больше было таких, кто отговаривал от попытки захватить корабль и хотел продолжать злые дела. Только Сигурд Приемьш Торви не соглашался с ними. Хёрд сказал:

— Что решено, тому и быть, и, видно, нелегко этому

воспрепятствовать. Но это противно моему желанию — продолжать все эти злодеяния.

Тою же ночью они уехали на Островок и три недели пробыли дома. Потом они, числом восемьдесят, поехали на материк. Хёрд сказал, что теперь он хочет, чтобы они сожгли Иллуги и Индриди в их домах.

— Ведь они, — говорит он, — всегда были против меня, а за меня — никогда, как бы мне ни приходилось туго.

Ночью они поехали в Свиную Долину. Весь день скрывались в лесу, а на следующую ночь поехали в Сорочью Долину и там затаились.

XXXI

В ту ночь, когда Хёрд выехал с Островка, Торбьёрг во Дворе Индриди снился soi. Ей приснилось, что к ним на усадьбу прибежали восемьдесят волков, и пасти их пылали огнем, и был среди них белый медведь, какой-то печальный с виду. Они побыли на усадьбе, а потом побежали со двора на запад, на какой-то пригорок, и там затаились. Индриди сказал, что это обращенные к ним мысли островитян. Торбьёрг сказала, что, наверное, это они сами скоро к ним явятся. Она попросила Индриди подвести к дому ручей и сверху прикрыть его, потому что сны ее всегда сбываются. Так и сделали. Торбьёрг велела пробить большие дымники. Она велела втащить все добро на поперечную балку, потому что внизу от стены и до стены стояла вода. И она собрала на усадьбе немало народу.

Скоро явились Хёрд и его люди. Он шел впереди всех и, подойдя к дверям, постучался. Торбьёрг открыла дверь, приветливо с ним поздоровалась и пригласила к себе вместе с ближайшими друзьями. Она хотела, чтобы он отстал от этого сброда, и говорила, что тогда многие его поддержат. Хёрд стал звать ее к себе на волю и прибавил, что он будет очень рад ей, если она расстанется с Индриди, Она ответила, что это ей совсем не пристало и что она никогда с ним не расстанется. Потом островитяне подтащили к дверям кучу дров и подожгли дом. Но те, в доме, заливали огонь водой, и у нападавших ничего не выходило. Гейр очень дивился этому. Хёрд сказал:

— Думаю, что моя сестра распорядилась подвести к дому воду.

Пошли искать и, найдя ручей, отвели его. Однако ж в доме было довольно воды, столько успело ее натечь. Хёрд увидел, что у одного дымника стоит человек с луком в руках. Хёрд пустил в него дротик и убил. Вслед за этим Хёрд увидел, что к хутору движутся люди, за которыми

посылала Торбьёрг. Гейр сказал, что придется им уходить. Хёрд не стал возражать. Тогда они повернули назад. Ни одно из строений не обвалилось. Ко Двору Индриди подошла большая толпа. А островитяне уехали к себе и на время притихли.

XXXII

Бонды условились собраться на поле осеннего тинга возле Лососьей Реки у Мелкого Фьорда, дабы положить конец всем бесчинствам, которые творили островитяне. Всем знатным мужам округи послали сказать, чтобы они явились на эту сходку, позвали и всех бондов, и свободных людей. Когда Индриди туда собирался, Торбьёрг спросила, куда это он. Он рассказал ей.

— Тогда я поеду с тобой — сказала Торбьёрг, — можешь убедиться, как я тебе предана.

Он не хотел, чтобы она ехала на сходку, и сказал, что ей мало будет радости от того, что она там услышит. Она сказала, что и сама это знает. Потом Индриди уехал на сходку. Немного погодя Торбьёрг велела седлать себе коня и поехала с одним человеком к месту сбора. Там собралось множество народа и стоял большой шум. Но когда она приехала, все замолчали. Тогда она сказала:

— Мне известны намерения ваши и замыслы, но и я не буду скрывать того, что у меня на уме: я убью сама или велю убить всякого, кто убьёт Хёрда, моего брата.

Затем она уехала. На этом тинге были: Торви, сын Вальбранда, Колль из Роши, Индриди, Иллуги, Кольгрим, Рэв и Торстейн Бычий Шип, еще Орм из Лощины и многие другие знатные люди округи. Торви сказал:

— Всем, кто находится здесь, ясно, и все должны согласиться, что надо лишить жизни этих злодеев. А не то они дочиста ограбят сперва тех, кто живет поближе, а потом, чего доброго, и всех остальных людей в округе. Вы сами видите, что раз уж Хёрд хотел сжечь своего зятя, значит, они никого не пощадят. Поскорей придумаем, как нам действовать, чтобы они не успели разнюхать. Это первейшая наша забота.

Иллуги сказал, что никак нельзя спустить им все то зло, что они учинили, что там сошелся самый скверный народ.

— Я не погляжу, что у меня там зять! Нам стало известно, что они готовили нам ту же участь, что и Индриди.

Кольгрим сказал, что больше всех достается тем, кто живет

поблизости, но недолго ждать, дойдет очередь до других, где бы они ни жили. То же говорили и все остальные. Рэв сказал, что путь здесь один: послать к ним на Островок человека, который даст им клятву, что не обманет, и скажет — пусть они уезжают с Островка, куда пожелают. Такова, мол, воля всех жителей округи, и на этом окончатся все счета между ними.

Торви одним из первых ухватился за это предложение и прибавил, что лучше прямо сразу, тою же ночью, поехать на фьорд, дабы островитяне ни о чем не проведали.

— Потому что, — говорит, — кое-кто на побережье кажется мне подозрительным.

Они поехали тою же ночью. Наутро они позавтракали на мысу, который с тех пор стали звать Завтрачным Мысом.

В то же утро Торгейр Борода по Пояс и Сигурд Приемьш Торви и с ними еще десять человек поехали на своем челноке за водой. Островитяне не догадывались ни о сходке, ни о заговоре, который против них готовился.

XXXIII

Когда бонды заметили Сигурда и тех, кто с ним ехал, они выслали против них Колля, сына Кьяллака, с двадцатью тремя людьми. Когда они сошлись, Торгейр Борода по Пояс бежал с шестерыми, а Сигурд Приемьш Торви и с ним четыре человека приготовились защищаться. Те рьяно на них набросились. Сигурд защищался с большою доблестью, потому что он был силен и ловко владел оружием. Они сражались, покуда не пали все товарищи Сигурда, он же еще не был и ранен. Торвальд Синяя Борода напал на него и многие другие тоже. Пятеро людей Колля пали. Сигурд защищался очень стойко. Он убивает еще многих, но на сей раз и ему наносят раны. Тогда Торвальд Синяя Борода кидается на Сигурда а и пронзает его копьем. Сигурд бился секирой. Он кидает секиру в Торвальда, прямо ему в голову, и оба падают мертвыми. Сигурд сразил девятерых, а его спутники — троих. Всего же в речном устье пало семнадцать человек. Это место теперь называют Рекою Синей Бороды.

Торгейр Борода по Пояс остановился на Пустоши Орлиного Озера и укрылся в пещере на Заливном Лугу. Он набрал себе людей и оставался там, пока против них не выступили люди с Городищенского Фьорда. Тогда Торгейр бежал на север, к Побережью, там его и убили, как известно из рассказа об Альвгейре [\[283\]](#).

Вот ищут бонды, кто бы согласился поехать на Островок, но большинство отговаривается. Тогда Торви сказал, что тот, кто поедет, стяжает себе этим большую славу, и его будут ставить много выше, чем раньше. Он добавил еще, что удача, наверное, покинула островитян из-за их злых дел.

Кьяртан, сын Катлы, брат Рэва, удалец, каких мало, и проворнейший человек, сказал, что он, пожалуй, решится поехать при условии, что они отдадут ему запястье Соты, если Хёрд попадет к ним в руки.

— А у меня свои счета с островитянами.

Они согласились и нашли, что от него можно ждать большего, чем от любого другого из тех, кто там был. Тогда Кьяртаи сказал:

— Не лучше ли для верности взять лодку Торстейна Золотая Пуговица: он частенько плавал на ней нам во вред.

Всем показалось, что так будет надежней всего, это, мол, возбудит у островитяи всего меньше подозрений. Кьяртан, сын Катлы, отплыл на лодке Торстейна Золотая Пуговица. Под плащом у него была кольчуга. Приехав на Островок, он говорит Хёрду, что бонды хотят мириться и что Иллуги со своими друзьями будто бы очень ратовали за то, чтобы им дали право свободно уехать. Гейр поверил, что все это правда, раз у него была лодка Торстейна Золотая Пуговица: ведь Торстейн давал им клятву никогда их не предавать. Многие хотели уехать, им надоело на Островке, и они настаивали на том, чтобы уехать вместе с Кьяртаном. Тогда Хёрд сказал:

— Нам с Гейром уже не впервой не соглашаться друг с другом, нам всегда все кажется по-разному. По-моему, они плохо выбрали человека, послав Кьяртана с делом такой важности и для нас и для них. Мы доньше не водили дружбы с Кьяртаном.

На это Кьяртан сказал:

— Не дело поминать сейчас старое, это не пристало тем, кто хочет заключить мпр. Но я говорю вам сущую правду и готов в том поклясться, если вам так покажется вернее.

Хёрд сказал, что он не полагается на то, что Кьяртан будет верен своей клятве. Он сказал вису:

— Знаю, лживы посулы
Клена клинков^[284] двоедушного:
Нас склоняет к отъезду,

Сам замыслил измену.
Ствол губителя шлема^[285]
Живым бы отсюда не вышел,
Когда бы вы вняли слову
Бальдра огней приборя^[286].

Почти все остальные хотели уехать. Некоторые сразу заняли себе места в лодке Кьяртана. Хёрд сказал, что он ни за что не поедет.

— Но, по мне, пусть испытают верность Кьяртана. Я же думаю, — говорит он, — что к вечеру у вас поубавится веселья.

Кьяртан считал, что чем больше народу с ним поедет, тем лучше. Много людей село в ладью. Кьяртан сказал, что в следующий раз они сами приедут за своими товарищами. Они отплыли с Островка. Пока лодка не вышла из-за мыса, толпы не было видно. Но когда они причалили, бонды встали с обеих сторон стеною и отрезали им все пути. И только они высадились на берег, всех их схватили, вплели каждому в волосы прут и всем отрубили головы. Бонды радовались, что удача отвернулась от злодеев, и им казалось, что еще недолго и они всех одолеют.

XXXV

Кьяртан во второй раз поехал на Островок. Островитяне спросили, отчего не приехали за ними их товарищи. Кьяртан сказал, что они так обрадовались свободе, что сами не свои выскочили на берег. Гейр поверил этому и сел в лодку с Кьяртаном, сели и многие другие. Хёрд убеждал его не ездить и говорил, что не миновать ему великой беды. Он отказался ехать. С ним остались Хельги, сын Сигмунда, Хельга Ярлова Дочь, двое их сыновей и еще шесть человек.

Вот Гейр и другие островитяне уехали с Островка, и Хёрд видел мало хорошего в том, что Гейр захотел уехать с Кьяртаном. Когда они обогнули мыс, Гейр увидел на берегу большую толпу. Тогда он понял, что они преданы. Он сказал:

— Что посеешь, то и пожнешь! Но часто это видно слишком поздно, а ведь Хёрд часто давал мне верные советы. Думаю, так оно было и на этот раз. Теперь же, скорее всего, приходит конец нашей дурной жизни, и хорошо, если бы Хёрду удалось спастись, потому что его смерть — большая утрата, чем смерть всех нас.

Они были уже у самого берега. Тогда Гейр выскочил за борт и пустился вплавь к скале. Ормом звали норвежца, жившего у Индриди. Он был очень силен, стрелял, как никто другой и был во всем искусен. Он пустил в Гейра дротик и попал ему между лопаток. Тут пришла Гейру смерть. Орма очень хвалили за это. Место, где тело прибило к берегу, называется теперь Гейровой Косой.

XXXVI

Хельга Ярлова Дочь стояла на берегу Островка и все это видела. Она позвала Хёрда, чтобы и он взглянул. У них не было согласия в том, что они видели. Она сказала, что случилась, верно, большая беда. Бонды очень хвалили Кьяртана и говорили, что эта поездка прибавит ему много славы, теперь же дело остается за малым. Кьяртан сказал, что теперь он завершит все тем, что поймает Хёрда, заманив его так же, как и других. Он взял шестивесельную лодку и поплыл к Островку. Хёрд спросил, где Гейр и почему он не приехал за ним. Кьяртан сказал, что его до приезда Хёрда задержали на берегу:

— Чтобы зараз помириться с вами со всеми.

Хёрд сказал:

— Большой кус хочешь ты отхватить, Кьяртан. — всех нас, островитян, хочешь перевезти на материк. Бонды, наверное, хорошо заплатят тебе за это. Только я не поеду. Я никогда не доверял тебе, и ты ведешь себя нечестно, или я ничего не понимаю в людях.

Кьяртан сказал:

— Не будешь же ты трусливее твоих людей, не посмеяв поехать на берег!

Тогда Хёрд, не снеся его подстрекательства, вскочил на ноги и сказал, что, покуда они имеют дело друг с другом, Кьяртану не придется упрекать его в недостатке мужества. Хёрд велел Хельге ехать с ним. Но она сказала, что не поедет, как не поедут и ее сыновья, и добавила, что теперь все выходит по поговорке: ничто не спасет обреченного. Хельга горько заплакала. Хёрд в большом гневе сел в лодку, и вот плывут они, покуда не приплывают туда, где плавало у скалы тело Гейра. Тогда Хёрд вскочил и сказал Кьяртану:

— Презреннейший из людей! Тебе недолго радоваться этому предательству.

Хёрд взмахнул мечом Соти и разрубил его вдоль туловища до самого

пояса вместе с двойною кольчугой. В тот же миг лодка врезалась в берег, и всех их схватили, всех, кто был в лодке. Индриди первым схватил Хёрда и крепко-накрепко связал ему руки. Тогда Хёрд сказал:

— Крепко ты вяжешь, зятек!

Индриди отвечает:

— Ты научил меня этому, когда хотел сжечь меля в доме.

Иллуги сказал Индриди:

— Плохие зятья достались Хёрду, но он сам в этом виноват.

Индриди ответил:

— Он давно уже заслужил, чтобы мы перестали считаться с этим свойством.

Он протянул секиру и подал знак убить Хёрда, но никто не хотел этого делать. Тут Хёрд рванулся со всей силы и освободился. Он вырвал из рук у Индриди секиру и прорвался через тройное кольцо людей. Хельги, сын Сигмунда, тоже освободился и побежал за ним. Рэв вскочил на копя и пустился в погоню, но не мог их настигнуть. Тут объяли Хёрда боевые оковы^[287], в первый раз он от них отбил, отбил и во второй. Объяли его боевые оковы в третий раз, и тогда бондам удалось настигнуть его и окружить его плотным кольцом. Но он, убив троих, снова прорвался через это кольцо. Он нес тогда Хельги у себя за спиной. Он побежал к горе. Они бросились за ним. Рэв был быстрее всех, потому что он скакал на коне, все же и он не посмел напасть на Хёрда. Тут боевые оковы снова одолели Хёрда, и настигла его вся толпа. Тогда он сбросил Хельги со спины. Он сказал:

— Здесь замешаны могучие чары. Но все же, покуда это в моих силах, по-вашему не бывать.

Он разрубил Хельги надвое и сказал, что теперь им не удастся убить побратима у него на глазах. Людям казалось, что Хельги уже и раньше был неживой. Хёрд был так страшен в гневе, что никто не смел подойти к нему спереди. Торви сказал, что запястье Соти, на руке у Хёрда, достанется тому, кто осмелится сразить его. Тогда они окружили его. Тут пришел из Кружалки Торстейн Золотая Пуговица. Они рьяно набросились на Хёрда. Он убил еще шестерых. Тут его секира отлетела от рукояти. И в этот миг Торстейн Золотая Пуговица ударил его своей длинной секирой по затылку, ибо никто из них не смел напасть на него спереди, хоть он и был безоружный. От этой раны Хёрд умер. Всего он убил тринадцать человек, вместе с теми четырьмя, которых он убил с лодки, когда его еще не схватили.

Все прославляли его отвагу, и друзья его, и враги, и считают, что не

бывало в то время человека доблестней и умнее Хёрда, только не было у него удачи. В том же, что он участвовал в таких злодеяниях, во-первых, повинны его сотоварищи и, во-вторых, от судьбы не уйдешь.

XXXVII

Бонды хвалили Торстейна Золотая Пуговица за то, что он сделал, и отдали ему запястье Соти и говорили — пусть владеет им себе на радость. Но, узнав о словах Торбьёрг, он был сам не рад тому, что сделал. Едва ли не шестьдесят островитяи было убито на Завтрачном Мысу, кроме названных братьев. Потом заговорили знатные бонды, что следует поехать за Хельгой и убить их с Хёрдом сыновей. Некоторые считали, что не стоит ехать на ночь глядя. Тогда они условились, что никто не смеет укрывать их или как-нибудь им помогать. Если же кто ослушается, все будут мстить ему. Таким суровым должно было быть наказание. Они решили отплыть утром, а на ночь остались на берегу.

XXXVIII

Хельга была на Островке, и ей стали ясны все козни и предательство бондов. Она обдумывает свое положение и принимает такое решение: бросается в воду и ночью пускается вплавь с Островка к Реке Синей Бороды, и с нею ее сын Бьёрн, четырех зим от роду. Потом она поплыла назад, навстречу своему сыну Гримкелю, восьми зим от роду, потому что он уже еле держался на воде. Она переплыла с ним на берег. Это место зовется теперь Хельгиным Проливом. Они поднялись ночью от Кружалки на гору и передохнули на перевале, который называется теперь Хельгин Перевал. Она несла Бьёрна за спиной, а Гримкель шел сам. Так они идут, пока не добираются до Двора Индриди. Тогда она садится у усадебной ограды и посылает Гримкеля сходить в дом, попросить у Торбьёрг убежища. Когда мальчик вошел, Торбьёрг сидела на своей скамье. Он попросил у нее убежища, а она встала, взяла его за руку, вышла с ним и спросила, кто он. Он сказал правду. Она спросила, что случилось и где Хельга. Гримкель рассказал все, что знал, и отвел ее к Хельге. Торбьёрг не могла сказать ни слова, так близко она приняла это к сердцу. Она отвела Хельгу в амбар и заперла их.

В тот же вечер вернулся Индриди, и с ним было много людей.

Торбьёрг ничем себя не выдала и подала гостям на стол еду. Но когда ей всё рассказали и про то, как Торстейн Золотая Пуговица убил Хёрда, напав на него сзади — а он стоял беззащитный, — Торбьёрг сказала вису:

— Пал в жестоком сражении
Брат мой на поле брани,
Один одолев тринадцать
Врагов в непогоду Одина^[288].
Если бы злые заклятья
Силы ему не сломили,
Он устоял бы в сече,
Смерча мечей вершитель^[289].

Когда Индриди и Торбьёрг легли вечером в постель, Торбьёрг выхватила большой нож и пыталась зарезать Индриди, своего мужа, но он перехватил нож и при этом сильно поранил себе руку. Тогда он сказал:

— Большое зло случилось, Торбьёрг, но и ты замышляешь зло. Скажи же, что сделать, чтобы мы помирились.

— Только одно: принеси мне голову Торстейна Золотая Пуговица.

Индриди согласился. Наутро он вышел один из дому и поехал напрямик к Кружалке. Там он спешил и, спустившись Тропою Индриди к усадьбе, стал ждать, когда Торстейн пойдет, по своему обыкновению, к капищу. Торстейн прошел в капище, упал перед стоявшим там камнем, которому он поклонялся, и обратился к нему с молитвой. Индриди стоял снаружи. Он услышал, что из камня донеслись такие слова:

— Сюда ты приходишь
В последний раз,
Смертным путем
По земле ступаешь.
Раньше, чем в небе
Солнце заблещет,
Индриди гнев
Тебя поразит.

Потом Торстейн вышел и направился домой. Индриди отчетливо его видел. Индриди крикнул ему, чтобы он не спешил так. Он выскочил перед

ним на дорогу и тотчас ударил его под горло мечом Соти, так что голова слетела с плеч. Он объявил о своем убийстве в Кружалке и сказал, что Торстейн уже давно был предателем. Он поехал домой и отдал Торбьёрг голову. Она сказала, что ей нет дела до головы, коль скоро она слетела с плеч.

— Теперь-то ты со мною помиришься, — сказал Индриди.

Она сказала, что еще нет, пока он не пообещает принять Хельгу с сыновьями, в случае если они вдруг пришли бы к ним, и помочь им во всем, в чем они могли бы нуждаться.

— Тогда, — говорит она, — я всегда буду любить тебя.

Индриди сказал, что они, наверно, бросились в море и утонули, раз их не нашли на Островке.

— И я готов дать тебе это обещание, ведь я знаю, что мне не придется его выполнять.

Тогда Торбьёрг пошла за Хельгой и привела ее с сыновьями. Индриди был не очень доволен, и он сказал:

— Слишком много я наобещал, но теперь остается держать слово.

Он честно выполнил все свои обещания. И никто не упрекнул его за это. Все находили, что Торбьёрг поступила очень благородно.

XXXIX

Жил человек по имени Торольв, по прозвищу Скворец, сноровистый и отнюдь не бедняк, беспечный и веселый, храбрый, неумный и напористый. Того осенью он пришел на хутор Двор Индриди наниматься к хозяину. Торбьёрг посоветовала обязательно взять его. Так и сделали. Он некоторое время жил там, занимаясь всяким ремеслом. Хельга Ярлова Дочь шутила с ним, да и Торбьёрг тоже. Он воображал, что у него уже все слажено с Ярловой Дочерью, она и сама не очень его отвергала. Торольв провел лето у Рэва, и ему мало там понравилось. Он просит Торбьёрг разрешить ему остаться на зиму. Она отвечает:

— Я дам тебе и жилье, и запястье Соти, отдам и Хельгу Ярлову Дочь, и много всякого добра, если только ты убьешь Рэва в Кольчужной Долине.

Тот отвечает:

— Что ж, я не против. И я думаю, что в этом деле мне был бы совсем не лишним меч Соти. И не приходится опасаться, что я не постараюсь заработать такую плату.

Они договорились. Заполучить меч было нелегко, потому что

Индриди, куда бы ни ходил, всюду брал его с собою.

Однажды Торбьёрг взяла меч Соти и надсекла здесь и там ножны, так что меч сам из них выскакивал. И когда Индриди собирался опоясаться мечом, он выпал. Тому показалось это странным, но Торбьёрг сказала, что у этого меча такое свойство — падать, когда он знает, что затевается что-то важное. Он попросил ее починить пожны, и она обещала при случае сдлать это.

Индриди нужно было ехать на запад, к Болотам, — мирить своих друзей. Он не стал брать с собою меча. Когда же он уехал, Торбьёрг отдала меч Соти Торольву и наказала разить им смело, если он хочет получить в жены Хельгу.

Торольв отправился к Рэву и приехал туда под вечер. Он спрятался в торфяном сарае и накидал на себя целую кучу торфа, так что торчал один нос. Рэв был очень настороже, он велел каждый вечер запирать на засовы все двери и дважды обходить с огнем все постройки, первый раз перед ужином, второй — перед тем как все ложились спать. Так было и на этот раз. Торольва все же не нашли. Торольв умел подражать голосу любого человека. Как только все улеглись, он встал, разбудил служанку Рэва и сказался пастухом. Он попросил ее сходить к Рэву, попросить для него обуви, потому что он, мол, должен идти спозаранку в горы. Она сказала, что нелегкая у него работа и он должен иметь всего не меньше, чем другие.

— И нет работника на усадьбе нужнее тебя.

Он сказал, что скоро он это еще покажет.

Рэв лежал в спальней нише, и он не любил, чтобы к нему ходили туда ночью. Все же она пошла и передала Рэву, что пастух просит дать ему обувь. Она сказала, что он не заслужил того, чтобы терпеть недостаток в обуви или в чем другом из того, что ему может понадобиться.

— Потому что он денно и ночью печется о твоей выгоде. Рэв выбранил ее за то, что она ходит по ночам с такими просьбами.

— Но там в торфяном сарае лежит акулья кожа, пусть возьмет ее себе на башмаки.

Когда она ушла, Торольв всунул в дверь клинышек, и дверь не закрылась. Он стоял возле Рэва во все время их разговора, но не шелохнулся. Рэв заснул, а Торольв все не решался на него напасть. Торбьёрг Катла, мать Рэва, закричала:

— Проснись, сынок, враг стоит у твоей постели и хочет убить тебя!

Рэв хотел встать, и в тот же миг Торольв отрубил ему обе ноги, одну пониже икры, а другую по подъему. Затем Торольв выскочил из спальней ниши. Тут набросилась на него Торбьёрг Катла, и вцепилась в него, и

подмяла его под себя, и перекусила ему глотку, так что он умер.

Рэв взял меч Соти, а запястье с руки Торольва исчезло, то запястье, что дали ему Торбьёрг и Хельга, а Хёрд отнял у Соти. Рэв поправился, но с той поры его всегда носили на стуле, потому что он не мог больше ходить. Но он долго еще жил после этого, поэтому его и стали звать Рэвом Старым, и его всегда считали за очень почтенного человека.

XL

Немного спустя Индриди вернулся домой и узнал об этих событиях. Он догадался, что тут не обошлось без участия Торбьёрг. Но он не хотел лишиться меча. Тогда он поехал повидаться с Рэвом и попросил его отдать меч:

— Я ведь не замешан в этом заговоре.

Рэв отдает ему меч.

— Я не хочу ссориться с тобою, — говорит Рэв.

Индриди взял свой меч и поехал домой. Отсюда видно, что за человек был Индриди: даже такой вояка, как Рэв, и тот не осмелился отказать Индриди в мече, стоило ему попросить, хоть меч этот и нанес Рэву тяжкие увечья.

Немного погодя повстречались на Отроге Торгрима Мастерца и Торбьёрг Катла, мать Рэва, а потом их нашли там обеих мертвыми. Тела их были все разорваны на куски и изрезаны, с тех пор неладно на их могилах.

Люди догадываются, что, должно быть, Торгрима, мать Индриди, хотела заполучить запястье назад, для Индриди, а Катла сопротивлялась и не хотела его отдавать, так они и убили друг друга. Запястья с тех пор не нашли.

XLI

Несколько лет спустя к Широкому Заливу подошел корабль. На нем плыли Тинд, сын Халлькеля, и Торд, сын Кольгрима с четырех Концов. Они поехали от корабля — Тинд к Халлькелеву Двору, а Торд — через Белую Реку и собирался ехать домой.

Узнав об этом, Хельга Ярлова Дочь заговорила с Гримкем, своим сыном, что, мол, долго он не вспоминает о смерти отца. Она велела ему подстеречь Торда, сына Кольгрима.

— Ибо его отец был злейшим врагом Хёрда, твоего отца. Гримкелю было тогда двенадцать зим.

— Хочу я, сын, — говорит она, — чтобы ты убил Торда, это будет славная месть.

С Гримкелем были двое. Они сошлись у Берегового Брода к востоку от Белой Реки, неподалеку от торфяных куч. Через некоторое время и тех и других нашли мертвыми.

Скейвом звали человека, жившего на Луговине Белой Реки, он был человек неимущий. Некоторые думают, что не иначе как он убил раненых и взял те добрые сокровища, которые вез с собою Торд и о которых с тех пор не слышали. Скейв покинул Исландию, и больше не возвращался, и очень разбогател.

Индриди думал, что Хельге и Бьёрну, ее сыну, опасно оставаться в Исландии. Они отплыли с Песков в Норвегию и оттуда — в Гаутланд, где был еще жив Хроар. Он радостно встретил Хельгу, свою сестру, и счел, что потеря Хёрда — большое горе. Как рассказывают, Хельга больше не вышла замуж. Бьёри же вырос, и возвратился в Исландию, и многих убил, мстя за своего отца. Он стал доблестным человеком.

В отмщение за Хёрда было убито двадцать четыре человека. Ни за кого из них не заплатили виры. Нескольких убили сыновья Хёрда, и родичи его, и зятья, а нескольких убил Хроар. Большинство было убито по наущению Торбьёрг, дочери Гримкеля. Она прослыла недюжинной женщиной.

Они жили с Индриди до старости на Дворе Индриди и слыли большими людьми, и многие ведут от них свой род.

Хёрду было тридцать девять зим, когда его убили, и большую часть времени он прожил в почете и уважении, кроме тех трех лет, когда он был вне закона. Священник Стюрмир Мудрый^[290] говорит, что, во-первых, он считает Хёрда самым выдающимся из объявленных вне закона по своему уму, боевому искусству и всем совершенствам и, во-вторых, потому, что его так высоко ставили в чужих странах и гаутландский ярл даже отдал за него свою дочь, в-третьих же, потому, что больше не бывало в Исландии человека, в отмщение за которого убили стольких людей, ни за кого не платя виры.

Здесь мы кончаем сагу об островитянах.

Сага о Гуннлауге Змеином Языке

I

Жил человек по имени Торстейн. Его отцом был Эгиль, сын Скаллагрима и внук Квельдульва, херсира из Норвегии, а матерью Асгерд, дочь Бьёрна. Торстейн жил в Городище, на берегу Городищенского Фьорда. Он был человек богатый и знатный притом умный, спокойный и умеренный. Он не выделялся так ростом или силой, как его отец Эгиль, однако он был превосходный человек, и все его любили. Торстейн был хорош собой, у него были светлые волосы и красивые глаза.

Он был женат на Йофрид, дочери Гуннара и внучке Хлива. Йофрид было восемнадцать лет, когда Торстейн женился на ней. Она была вдовой. Раньше она была замужем за Тороддом, сыном Одда из Междуречья, и от него у нее была дочь Хунгерд которая воспитывалась в Городище у Торстейна. Йофрид была достойная женщина. У Торстейна и Йофрид было много детей но в этой саге будет речь только о немногих из них. Их старшего сына звали Скули, второго Колльсвейн, третьего Эгиль.

II

Рассказывают, что однажды летом в устье реки Паровой пришел с моря корабль. Хозяина корабля, норвежца родом, звали Бергфинн. Он был человек богатый, пожилой и умный. Торстейн поехал к кораблю. Он всегда распоряжался там, где шел торг. Так вышло и на этот раз. Норвежцы искали себе пристанища, и Торстейн пригласил к себе хозяина корабля, так как тот попросился к нему. В продолжение зимы Бергфинн был неразговорчив, хотя Торстейн вел себя как гостеприимный хозяин.

Норвежец очень интересовался снами.

Весной Торстейн спросил однажды у Бергфинна, не хочет ли он поехать с ним к Соколиной Горе; там собирались тогда на тинг жители Городищенского Фьорда, и Торстейну сообщили, что обрушились стены землянки, в которой он обычно жил во время тинга. Норвежец согласился. Приехали они к подножью Соколиной Горы втроем, на двор, который назывался Норы. Там жил один бедняк по имени Атли. Он сидел на земле

Торстеина, и Торстейн потребовал, чтобы он поехал с ними помочь им в работе, взяв с собой заступ и кирку. Тот так и сделал.

Приехав к землянке Торстейна, они взялись за работу и починили стены. Погода стояла жаркая, и Торстейн с Бергфинном устали. Окончив работу, они сели у землянки, и Торстейн заснул и стонал во сне, а норвежец сидел рядом с ним, но не будил его. Когда Торстейн проснулся, он тяжело вздохнул. Норвежец спросил его, что он видел во сне. Торстейн ответил:

— Снам не следует придавать значения.

Однако когда они ехали вечером домой, норвежец снова спросил его, что он видел во сне, и Торстейн сказал:

— Если я расскажу тебе мой сон, ты должен будешь истолковать его мне.

Норвежец ответил, что он попытается. Тогда Торстейн рассказал:

— Мне снилось, что я был у себя, в Городище, у дверей дома. Я посмотрел вверх на небо и увидел на коньке крыши очень красивую лебедь, и это была моя лебедь, и она казалась мне милой. Затем я увидел, что с гор летит большой орел. Он прилетел сюда, сел рядом с лебедью и стал нежно клекотать ей. Лебеди это, по-видимому, нравилось. У орла были черные глаза и железные когти. Вид у него был воинственный. Вскоре я заметил, что другая птица летит с юга. Это был тоже большой орел. Он прилетел сюда, в Городище, сел на конек крыши рядом с лебедью и стал ухаживать за ней. Затем мне показалось, что тот орел, который прилетел раньше, очень рассердился на то, что прилетел другой, и они бились жестоко и долго, и тогда я увидел, что они исходят кровью. Их битва кончилась тем, что оба они свалились с конька крыши мертвые, каждый в свою сторону. Лебедь же осталась сидеть очень унылая и печальная. Затем я заметил, что летит какая-то птица с запада. Это был сокол. Он подсел к лебеди и стал ластиться к ней. Потом они улетели вместе в одну и ту же сторону. И тогда я проснулся. Однако сон этот пустой. Он, возможно, предвещает бури. Ветры с тех сторон, откуда в моем сне прилетели орлы, будут сталкиваться в воздухе.

Норвежец возразил:

— Я не думаю, что это так.

Тогда Торстейн сказал:

— Ну, скажи мне, что, по-твоему, должен значить мой сон, я послушаю.

Норвежец сказал:

— Птицы — это, должно быть, духи людей. Ведь жена твоя беременна, и она родит девочку необыкновенной красоты, и ты будешь ее очень

любить. К дочери твоей будут свататься два знатных человека с тех сторон, откуда прилетели орлы. Они сильно полюбят ее и будут биться друг с другом из-за нее, и оба погибнут в этой битве. Затем третий человек посватается к ней с той стороны, откуда прилетел сокол, и она выйдет за него замуж. Вот я и истолковал твой сон, — сказал он, — и думаю, что он сбудется.

Торстейн возразил:

— Истолковал ты мой сон плохо и недружелюбно. Не умеешь ты толковать сны.

Норвежец сказал:

— Увидишь сам, что этот сон сбудется.

Но Торстейн стал с этих пор холодно относиться к норвежцу, и тот уехал в начале лета, и о нем больше не будет речи в этой саге.

III

Летом Торстейн собрался ехать на тинг и перед отъездом сказал своей жене Йофрид:

— Ты должна скоро родить. Если это будет девочка, надо ее бросить, если же это будет мальчик, мы его воспитаем.

Когда Исландия была еще совсем языческой, существовал такой обычай, что люди бедные и имевшие большую семью уносили своих новорожденных детей в пустынное место и там оставляли. Однако и тогда считалось, что это нехорошо. Когда Торстейн сказал так, Йофрид ответила:

— Человеку, как ты, не подобает это говорить. Стыдно при твоём богатстве отдавать такое распоряжение.

Торстейн ответил:

— Ты знаешь мой нрав. Плохо будет, если мое распоряжение не будет выполнено.

И он уехал на тинг.

Йофрид родила девочку необыкновенной красоты. Женщины хотели показать ей ребенка, но она сказала, что это ни к чему, и велела позвать к себе своего пастуха, которого звали Торвард, и сказала ему:

— Ты возьмешь моего коня, положишь на него седло и отвезешь этого ребенка на запад^[291], в Стадный Холм, к Торгерд, дочери Эгиля. Ты попросишь ее воспитать его втайне, так чтобы Торстейн не узнал. С такой любовью мои глаза тянутся к этому ребенку, что я не могу заставить себя бросить его. Вот тебе три марки серебра. Я даю их тебе в награду. Торгерд

позаботится о твоём переезде за море и пропитании в пути.

Торвард сделал, как она его попросила. Он поехал на запад, в Стаднй Холм, с ребенком и отдал его Торгерд. Та отдала его на воспитание человеку, который сидел на ее земле в Вольноотпущенниковом Дворе на Лощинном Фьорде. Торварду же она помогла поехать за море из Ракушечного Залива на Стейнгримовом Фьорде и снабдила его пропитанием на время переезда. Оттуда он выехал в море, и в этой саге он больше не упоминается.

Когда Торстейн вернулся с тинга домой, Йофрид сказала ему, что ребенка бросили, как он велел, а пастух убежал и украл ее лошадь. Торстейн сказал, что она поступила хорошо, и взял другого пастуха. Так прошло шесть лет, и за это время никто не узнал правды.

Однажды Торстейн поехал в гости на запад, в Стаднй Холм, к Олаву Павлину, сыну Хёскульда, своему зятю, которого тогда всего больше уважали из знатных людей там, на западе. Как и следовало ожидать, Торстейна приняли очень хорошо. Однажды во время пира, как рассказывают, Торгерд сидела и разговаривала с Торстейном, своим братом, на почетном сиденье, а Олав разговаривал с другими людьми. Напротив них на скамье сидели три девочки. Торгерд сказала:

— Как тебе нравятся, брат, эти девочки, которые здесь сидят против нас?

— Очень нравятся, — говорит он, — но одна из них всех красивее, у нее красота Олава, а белизна и черты лица наши, людей с Болот.

Торгерд отвечает:

— Это ты правду говоришь, брат, что у нее белизна и черты лица наши, людей с Болот^[292], но красота у нее не Олава Павлина, потому что она не его дочь.

— Как же это так? — говорит он. — Ведь она твоя дочь.

Она отвечает:

— Сказать тебе по правде, брат, она твоя дочь, а не моя, эта красивая девочка.

И она рассказывает ему затем все, как оно было, и просит его простить ей и своей жене этот обман. Торстейн сказал:

— Я не могу упрекать вас. Видно, чему быть, того не миновать. Хорошо, что вы расстроили мой глупый замысел. Мне так нравится эта девочка, что быть ее отцом кажется мне большим счастьем. Как ее зовут?

— Ее зовут Хельга, — отвечала Торгерд.

— Хельга Красавица, — сказал Торстейн. — Снаряди-ка ее в путь со мной.

Торгерд так и сделала. Уезжая, Торстейн получил богатые подарки, и Хельга поехала с ним и выросла там в почете, горячо любимая отцом, матерью и всей родней.

IV

Жил в то время на Белой Реке в Крутояре Иллуги Черный. Он был сын Халлькеля и внук Хросскеля. Матерью Иллуги была Турид Дюлла, дочь Гуннлауга Змеинового Языка. Иллуги был вторым по знатности на Городищенском Фьорде после Торстейна, сына Эгиля. Иллуги Черный имел большие владения, был суров нравом, но всегда помогал своим друзьям. Он был женат на Ингибьёрг, дочери Асбьёрна и внучке Хёрда из Эрнольвовой Долины. Матерью Ингибьёрг была Торгерд, дочь Скегги из Среднего Фьорда. У Ингибьёрг и Иллуги было много детей, но только о некоторых из них говорится в этой саге. Одного из их сыновей звали Хермунд, другого — Гуннлауг. Оба они подавали большие надежды и были уже взрослыми. О Гуннлауге рассказывают, что он рано возмужал, был высок ростом и силен, имел густые русые волосы и черные глаза и был хорош собой, несмотря на несколько некрасивый нос, тонок в поясе, широк в плечах, строен, очень заносчив, смолоду честлюбив и во всем неуступчив и суров. Он был хороший скальд, любил сочинять язвительные стихи и был поэтому прозван Гуннлаугом Змеиным Языком. Хермунда больше любили, чем его, и он был больше похож на предводителя.

Когда Гуннлаугу исполнилось двенадцать лет, он попросил отца, чтобы тот отпустил его из дому, и сказал, что он хочет поехать за море и посмотреть на обычаи других людей. Иллуги не спешил исполнить его просьбу и сказал, что, наверно, не будет из него толку и за морем, раз с ним и дома едва удастся справиться. Вскоре после этого Иллуги вышел рано утром из дома и увидел, что его клеть отперта и на двор вынесено несколько мешков с товаром, штук шесть, и попоны. Это его очень удивило. Затем подошел человек, который вел четырех лошадей. Это был Гуннлауг, его сын, и он сказал:

— Это я вынес мешки.

Иллуги спросил его, зачем он сделал это. Тот ответил, что снаряжается в путешествие. Иллуги сказал:

— Ты не получишь от меня никакой помощи и никуда не поедешь, пока я не захочу этого.

И он побросал мешки с товарами обратно в клеть.

Тогда Гуннлауг уехал прочь и к вечеру приехал в Городище. Торстейн предложил ему переночевать у него, и Гуннлауг принял это предложение. Он рассказал Торстейну, что произошло между ним и отцом. Торстейн предложил ему оставаться у него, сколько он захочет. И он прожил там целый год, учился законам у Торстейна и заслужил всеобщее уважение. Часто Хельга забавлялась с Гуннлаугом игрой в шашки. Вскоре они очень привязались друг к другу, как это обнаружилось потом. Они были почти одних лет. Хельга была так красива, что, по словам сведущих людей, в Исландии не бывало женщины красивее ее. У нее были такие длинные и густые волосы, что они могли закрыть ее всю, и они были красивы, как золотые нити. Более завидной невесты, чем Хельга Красавица, не было на всем Городищенском Фьорде и далеко вокруг.

Однажды, когда мужчины сидели дома в Городище, Гуннлауг сказал Торстейну:

— Одному ты еще не научил меня: обручаться с девушкой.

Торстейн сказал:

— Ну, это нетрудно.

И он объяснил ему, как это делается. Тогда Гуннлауг сказал:

— Теперь смотри, правильно ли я понял. Я подам тебе руку и сделаю вид, что я обручаюсь с Хельгой, твоей дочерью.

— По-моему, это ни к чему, — сказал Торстейн.

Тогда Гуннлауг схватил его за руку и сказал:

— Уважь, пожалуйста, мою просьбу.

— Ну, пусть будет по-твоему, — сказал Торстейн, — но все присутствующие должны знать, что это будет только для виду.

Тогда Гуннлауг назвал свидетелей и обручился с Хельгой. Он спросил затем, правильно ли он совершил обряд, и Торстейн ответил, что правильно. Всё это очень позабавило присутствующих.

V

На юге, на Мшистой Горе, жил человек по имени Энунд. Это был очень богатый человек. Он был годи там, на юге. Он был женат, и женой его была Гейрню, дочь Гнупа и внучка Мольда-Гнупа, который при заселении Исландии занял Заборный Залив, на юге. У них было три сына: Храфн, Торарин и Эйндриди. Все они подавали большие надежды, однако Храфн выделялся среди них во всех отношениях. Он был рослый, сильный и очень красивый юноша и хорошо сочинял стихи. Когда он возмужал, он

стал ездить в чужие края, и его очень уважали всюду, куда бы он ни приехал. Тогда жили на юге в Уступе, в Эльвусе, Тородд Мудрый, сын Эйвинда, и Скафти, его сын, который был тогда законоговорителем в Исландии. Мать Скафти была Раннвейг, дочь Гнупа и внучка Мольда-Гнупа, так что Скафти и сыновья Энунда были сыновьями родных сестер. Родичи были очень дружны между собой. А в Красном Холме жил тогда Торфинн, сын Торира Тюленя. У него было семь сыновей, и все они подавали большие надежды. Трех из них звали: Торгильс, Эйольв и Торир. Они были там самыми уважаемыми людьми. Все, кто был только что назван, жили в одно время.

Вскоре после этого случилось — и это было лучшее событие, какое когда-либо произошло в Исландии, — что страна стала христианской^[293] и весь народ оставил старую веру. Гуннлауг Змеиный Язык, о котором рассказывалось раньше, в течение шести лет жил попеременно то в Городище, у Торстейна, то дома, в Крутояре, у своего отца Иллуги. Ему было тогда восемнадцать лет, и с отцом он теперь хорошо ладил.

Жил человек по имени Торкель Черный. Он был домочадцем и близким родичем Иллуги, у которого он вырос. Ему досталось наследство на Гряде, на севере, в Озерной Долине, и он попросил Гуннлауга поехать с ним. Тот так и сделал, и они поехали вдвоем на Гряду, и с помощью Гуннлауга Торкель получил причитавшееся ему добро от тех, у кого оно хранилось.

Когда они ехали обратно на юг, они остановились на ночлег в Гримовом Междуречье у богатого бонда, который там жил. Утром пастух хозяина взял лошадь Гуннлауга и поехал на ней. Она была вся в мыле, когда он вернул ее. Гуннлауг ударил пастуха, и тот упал без памяти. Хозяин не хотел оставить так дела и потребовал виры. Гуннлауг предложил ему одну марку серебра. Тому показалось мало этого. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

— Я предложил немало,
Марку метели тигля^[294],
Бонду. Бери, да живее,
Даритель жара прилива^[295]!
Если же ты из рук
Упустишь перину дракона^[296],
Как бы тебе потом
Первым о том не заплакать.

Они сошлись на том, что предложил Гуннлауг, и после этого Гуннлауг с Торкелем поехали на юг.

Спустя немного времени Гуннлауг снова попросил своего отца, чтобы тот снарядил его в путешествие. Иллуги сказал:

— Пусть будет по-твоему. Ты теперь стал лучше, чем был раньше.

Вскоре Иллуги уехал из дому и купил для Гуннлауга половину корабля, что стоял в устье Паровой Реки и принадлежал Аудуну Цепному Псу. Этот Аудун не захотел переправить за море сыновей Освивра Мудрого после убийства Кьяртана, сына Олава, как рассказывается в саге о людях из Лососьей Долины, но это случилось позднее, чем то, о чем здесь рассказывается.

Когда Иллуги вернулся домой, Гуннлауг очень благодарил его. Торкель Черный собрался ехать с Гуннлаугом, и их товары были доставлены на корабль. Гуннлауг был в Городище, пока снаряжали корабль. Ему было веселее беседовать с Хельгой, нежели работать с торговыми людьми.

Однажды Торстейн спросил Гуннлауга, не хочет ли он поехать с ним в Долину Длинного Озера, где паслись его табуны. Гуннлауг согласился. Вот они поехали вдвоем и приехали на пастбище Торстейна, что зовется Торгильсов Двор. Там пасся табун Торстейна — четыре лошади, все гнедые. Среди них был жеребец, очень красивый, но мало объезженный. Торстейн предложил его Гуннлаугу в подарок, но тот сказал, что ему лошади не нужны, раз он собирается уезжать за море. Тогда они поехали к другому табуно. Там был серый жеребец и четыре матки. Этот жеребец был лучшим на Городищенском Фьорде, и Торстейн предложил его Гуннлаугу в подарок. Но Гуннлауг ответил:

— Этот жеребец мне так же не нужен, как и тот. Почему ты мне не предложишь того, что бы я охотно принял?

— Что же это такое? — спросил Торстейн.

— Это Хельга Красавица, твоя дочь — ответил Гуннлауг.

— Ну, это нельзя так быстро решить, — сказал Торстейн и заговорил о другом, и они поехали домой вдоль Длинной Реки.

Тогда Гуннлауг сказал:

— Я хочу знать, что ты мне ответишь на мое сватовство?

Торстейн ответил:

— Что за глупости ты говоришь!

Гуннлауг сказал:

— Это важное дело, а не глупости.

Торстейн возразил:

— Ты должен сперва сам узнать, чего ты хочешь. Разве ты не собрался поехать за море? Как же ты говоришь, что собираешься жениться? Ты Хельге не пара, раз ты сам не знаешь, чего хочешь, и не стоит об этом говорить!

Гуннлауг сказал:

— Кому же ты думаешь отдать в жены свою дочь, если ты не хочешь отдать ее сыну Иллуги Черного? Кто же на Городищенском Фьорде знатнее его?

Торстейн ответил:

— Я не хочу никого ни с кем сравнивать. Но если бы ты был таким человеком, как твой отец, ты не получил бы отказа.

Гуннлауг спросил:

— Кому же другому ты хочешь отдать в жены свою дочь?

Торстейн ответил:

— Здесь много достойных людей. У Торфинна в Красном Холме есть семь сыновей, и все они хоть куда.

Гуннлауг сказал:

— Ни Энунд, ни Торфинн не сравнятся с моим отцом, и даже тебе далеко до него. Вспомни, как он на тинге на мысе Тора вел тяжбу против годи Торгрима, сына Кьяллака, и его сыновей и добился своего.

Торстейн ответил:

— Я добился изгнания Стейнара, сына Энунда Сьони. Мне кажется, это было нешуточное дело.

Гуннлауг сказал:

— Тебе помогал Эгиль, твой отец. — И добавил: — Едва ли поздоровится тому, кто откажется вступить со мной в свойство.

Торстейн ответил:

— Прибереги свои угрозы для тех, кто живет на горах. Здесь, в Болотах, они тебе не помогут.

Вечером они приехали домой. На следующее утро Гуннлауг поехал в Крутояр и стал просить своего отца поехать с ним в Городище, чтобы посвататься. Иллуги ответил:

— Ты сам не знаешь, чего хочешь. Собираешься поехать за море, а говоришь, что тебе надо свататься. Я знаю, что такое поведение будет Торстейну не по нраву.

Гуннлауг ответил:

— Я все-таки поеду за море, но сейчас ты должен поехать со мной.

После этого поехал Иллуги и с ним одиннадцать человек, и Торстейн

его хорошо принял. На следующее утро Иллуги сказал Торстейну:

— Я хочу поговорить с тобой.

Торстейн ответил:

— Подыдемся на городище за домом и поговорим там.

Так они и сделали. Гуннлауг пошел с ними. Тогда Иллуги сказал:

— Мой сын Гуннлауг говорит, что он просил у тебя в жены твою дочь Хельгу. Я хотел бы знать твой ответ на его сватовство. Тебе известны его род и наше состояние. Я не пожалею ничего для того, чтобы у него было достаточно владений и власть годи, если это поможет делу.

Торстейн ответил:

— Одно мне не нравится в твоём сыне Гуннлауге — что он сам не знает, чего хочет. Если бы он был похож нравом на тебя, я бы не колебался.

Иллуги сказал:

— Нашей с тобой дружбе пришел бы конец, если бы ты отклонил сватовство.

Торстейн ответил:

— Раз ты просишь и ради нашей дружбы, пусть Хельги будет обещана Гуннлаугу, но не обручена с ним, и пусть ждет его три года. Гуннлауг же пусть едет за море и учится обычаям хороших людей. Но я буду свободен от всякого обещания, если он не вернется в Исландию в срок или если мне тогда не полюбится его нрав.

На этом они расстались. Иллуги поехал домой, а Гуннлауг — на корабль. И когда подул попутный ветер, они вышли в море. Они подошли к Норвегии и поплыли вдоль побережья Трандхейма до устья реки Нид. Там они стали на якорь и выгрузились.

VI

В это время в Норвегии правил ярл Эйрик^[297], сын Хакона, со своим братом Свейном. Ярл Эйрик жил тогда в Хладире, своей вотчине, и был могущественным государем. Сын Торстейна, Скули, жил в то время у ярла. Он был его дружинником и пользовался его уважением. Рассказывают, что Гуннлауг и Аудун Цепной Пес пришли в Хладир, и было их двенадцать человек. На Гуннлауге было серое платье и белью чулки. На щиколотке у него был нарыв, из которого во время ходьбы выступали кровь и гной. В таком виде явились они с Аудуном к ярлу и учтиво его приветствовали. Ярл знал Аудуна и попросил его рассказать, что нового в Исландии. Аудун рассказал ему новости. Затем ярл спросил Гуннлауга, кто он такой, и тот

назвал ему свое имя и свой род. Ярл сказал:

— Скули, сын Торстейна, что за человек этот исландец?

— Государь, — ответил тот, — примите его хорошо, потому что он сын одного из лучших людей в Исландии — Иллуги Черного из Крутояра, и мы с ним вместе росли.

Ярл сказал:

— Что у тебя с ногой, исландец?

Гуннлауг ответил:

— На ней нарыв, государь.

— Однако ты идешь, не хромя, — сказал ярл.

Гуннлауг ответил:

— Я не стану хромать, пока обе мои ноги одинаковой длины.

Тогда один дружинник ярла, по имени Торир, сказал:

— Этот исландец очень заносчив, неплохо бы проучить его немного.

Гуннлауг посмотрел на него и сказал:

— Здесь в дружине твоей
Черный есть лиходей,
На злые дела горазд,
Смотри, и тебя предаст!

Торир схватился было за секиру. Но ярл сказал:

— Оставь! Не надо обращать внимания на такие вещи.

— Сколько тебе лет, исландец?

— Восемнадцать, — отвечал Гуннлауг.

— Ручаюсь, что других восемнадцати ты не проживешь, — сказал ярл.

— Чем желать мне зла, лучше желай себе добра, — сказал Гуннлауг,

но вполголоса.

Ярл спросил:

— Что ты там сказал, исландец?

Гуннлауг ответил:

— То, что мне показалось уместным: чтобы ты не желал мне зла, а желал бы себе самому чего-нибудь хорошего.

— Чего же именно? — спросил ярл.

— Чтобы ты не умер такой же смертью, как твой отец ^[298], ярл Хакон.

Ярл побагровел и велел тотчас же схватить этого дурака. Тогда Скули выступил перед ярлом и сказал:

— Исполни мою просьбу, государь, и пощади этого человека. Пусть он

уедет прочь.

Ярл сказал:

— Пусть он убегает как можно скорее, если хочет остаться в живых, и пусть никогда больше не возвращается в мои владения.

Скули вышел с Гуннлаугом, и они пошли на пристань. Там стоял тогда корабль, готовый к отплытию в Англию, и Скули устроил на него Гуннлауга и его родича Торкеля. А Гуннлауг отдал на хранение Аудуну свой корабль и ту кладь, которую он не взял с собой. И вот корабль поплыл в Английское Море, и осенью приплыли они на юг к пристани в Лундунаборге^[299], и там их корабль вкатили на берег.

VII

В Англии правил тогда конунг Адальрад^[300], сын Ятгейра. Он был хорошим государем. В ту зиму он жил в Лундунаборге. В Англии был тогда тот же язык, что и в Норвегии и Дании^[301]. Язык изменился в Англии, когда ее завоевал Вильхьяльм Незаконнорожденный^[302]. С тех пор в Англии стали говорить по-французски, так как он был родом из Франции.

Гуннлауг тотчас пошел к конунгу и приветствовал его учтиво и почтительно. Конунг спросил его, из какой он страны. Гуннлауг ответил ему.

— Я потому, — продолжал он, — искал встречи с вами, государь, что сочинил вам хвалебную песнь и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

Конунг сказал, что он охотно ее выслушает. Тогда Гуннлауг сказал эту хвалебную песнь четко и торжественно. В ней был такой припев:

«Щедрому конунгу Англии
Люди хвалу слагают;
Рать и народ склониться
Рады пред Адальрадом».

Конунг поблагодарил его за песнь и в награду за нее дал ему пурпурный плащ, подбитый лучшим мехом и отделанный спереди золотом. Он сделал Гуннлауга своим дружинником, и Гуннлауг оставался у конунга всю зиму и пользовался большим почетом.

Однажды рано утром Гуннлауг встретил на улице трех людей. Их вожак назвал себя Торормом. Он был высок ростом и силен, и видно было,

что справиться с ним очень трудно. Он сказал:

— Слушай, норвежец, одолжи-ка мне денег!

Гуннлауг ответил:

— Неразумно давать займы незнакомому человеку.

Но тот сказал:

— Я верну тебе долг в назначенный срок.

— Ну, хорошо, тогда я, пожалуй, дам тебе в долг, — сказал Гуннлауг и дал ему денег.

Вскоре после этого Гуннлауг увиделся с конунгом и рассказал ему об этом случае. Конунг сказал:

— Тебе не повезло. Это очень плохой человек — известный разбойник и викинг. Не связывайся с ним. Лучше я подарю тебе столько, сколько ты дал ему.

Но Гуннлауг ответил:

— Плохи же мы тогда, ваши дружинники, если мы нападаем на невинных людей, а сами позволяем отнимать у себя свое добро. Не бывать этому!

Вскоре после этого он встретил Торорма и потребовал уплаты долга. Но тот сказал, что не собирается платить. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

— Моди лязга металла^[303],
Неумное ты задумал:
Деньги отнять обманом
У дерева льдины шлема^[304].
Недаром ношу я сызмала
Имя — Язык Змеиный.
Славный выдался случай
В этом тебя уверить.

— Я ставлю тебе такое условие, — сказал Гуннлауг, — либо ты уплатишь мне свой долг, либо через три ночи ты будешь биться со мной на поединке.

Викинг рассмеялся и сказал:

— До сих пор еще никто не решался вызывать меня на поединок. Слишком многие поплатились своей шкурой! Впрочем, я готов.

На этом они расстались.

Гуннлауг рассказал конунгу, что между ними произошло. Тот сказал:

— Дело твое теперь плохо, потому что этот человек может сделать тупым любое оружие. Ты должен сделать, как я тебя научу, Гуннлауг. Вот тебе меч, который я подарю тебе. Сражайся им, а этому человеку покажи тот меч, что у тебя был раньше.

Гуннлауг поблагодарил конунга.

Когда они были готовы к поединку, Торорм спросил, что у него за меч. Гуннлауг показал ему свой меч и взмахнул им, а сам обвязал ремнем рукоятку меча, подаренного ему конунгом, и надел этот ремень себе на руку.

— Не боюсь я этого меча, — сказал берсерк, посмотрев на меч Гуннлауга.

И он нанес удар мечом и рассек Гуннлаугу щит. Гуннлауг тотчас же нанес ответный удар мечом конунга. Но берсерк стоял, не защищаясь. Он думал, что у Гуннлауга тот самый меч, который тот ему показал раньше. И Гуннлауг тотчас же поразил его насмерть.

Конунг поблагодарил его за подвиг. Этим подвигом Гуннлауг очень прославился в Англии и за ее пределами.

Весной, когда корабли стали ходить по морю, Гуннлауг попросил у Адальрада разрешения отправиться в плаванье. Конунг спросил его, куда он собирается. Гуннлауг отвечал:

— Я хочу исполнить то, что я обещал и задумал.

И он сказал такую вису:

— Слово я дал и должен
Плыть долиной тюленей^[305],
Владык пятерых немедля
В дальних пределах проведать.
Но снова по первому зову
В твою я вернусь дружину,
Меня одарит Адальрад
Рдяным одром дракона^[306].

— Пусть будет так, скальд, — сказал конунг и дал ему золотое запястье весом в семь эйриров. — Но ты должен обещать мне, — добавил он, — что вернешься ко мне будущей осенью, потому что, зная твое искусство, я не хотел бы совсем потерять тебя.

И вот Гуннлауг поплыл из Англии с торговыми людьми на север, к Дублину. Там правил тогда Конунг Сигтрюгг Шелковая Борода^[307], сын Олава Кварана и королевы Кормлэд. Он только недавно вступил на престол. Гуннлауг тотчас же пошел к конунгу и приветствовал его учтиво и почтительно. Тот принял его с почетом. Гуннлауг сказал:

— Я сочинил о вас хвалебную песнь, государь, и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

Конунг ответил:

— До сих пор еще никто не слагал мне хвалебной песни, и я, конечно, охотно выслушаю твою.

Тогда Гуннлауг сказал хвалебную песнь. В ней был такой припев:

«Сигтрюгг рубит врагов.
Сытно кормит волков».
В ней говорилось также:
«Князю хвалу пою,
Слаблю удаль твою.
Княжьих сынов вокруг
Всех превзошел Сигтрюгг.
Скальду за этот стих
Ты от щедрот своих
Золотом, князь, воздай,
Славу свою оправдай.
Кварана сын, скажи,
Кто сумеет сложить
Хвалебную песнь звучней
Этой песни моей?»

Конунг поблагодарил его. Он позвал своего казначея и сказал так:

— Какую награду я должен дать за эту хвалебную песнь?

Тот отвечал:

— А как вы думаете, государь?

— Что, если я дам два корабля? — спросил конунг.

— Это будет слишком много, государь, — отвечал казначей. — Другие конунги дают в награду за хвалебную песнь дорогие вещи, ценные мечи

или золотые кольца.

Тогда конунг подарил ему свой новый пурпурный наряд — отделанное золотом платье и плащ с дорогим мехом, а также золотое запястье весом в одну марку. Гуннлауг поблагодарил конунга за подарки. Он пробыл у него недолгое время и отправился от него на Оркнейские острова.

На Оркнейских островах правил тогда ярл Сигурд, сын Хлёдвир^[308]. Он благоволил к исландцам. Гуннлауг приветствовал ярла и сказал, что у него есть хвалебная песнь о нем. Ярл отвечал, что он охотно выслушает его хвалебную песнь, и отозвался о нем как о человеке, заслуживающем уважения. Гуннлауг сказал свою хвалебную песнь. Это была небольшая песнь без припева, но хорошо сложенная. Ярл дал ему в награду за песнь широкую секиру, всю выложенную серебром, и предложил погостить у него. Гуннлауг поблагодарил конунга за подарок и приглашение, но сказал, что должен ехать на восток, в Швецию. Вскоре он сел на торговый корабль, который отправлялся в Норвегию, и осенью приплыли они в Конунгахеллу. Его родич Торкель все время сопровождал его.

В Конунгахелле они взяли себе проводника в Западный Гаутланд и прибыли в город, что зовется Скарар. Там правил ярл по имени Сигурд^[309]. Он был уже преклонных лет. Гуннлауг пошел к нему, приветствовал его и сказал, что он сочинил о нем хвалебную песнь. Ярл охотно согласился послушать ее. Тогда Гуннлауг сказал свою хвалебную песнь. Она была небольшая и без припева. Ярл его поблагодарил, дал ему хорошую награду и предложил остаться у него на зиму.

Ярл Сигурд созвал много гостей по случаю праздника середины зимы. В канун праздника приехали туда двенадцать человек с севера, из Норвегии, послы ярла Эйрика. Они привезли подарки ярлу Сигурду. Ярл принял их хорошо и посадил их на время празднества рядом с Гуннлаугом. Шел веселый пир. Гауты говорили, что нет ярла выше Сигурда, но норвежцы находили, что ярл Эйрик много лучше его. Разгорелся спор, и обе стороны просили Гуннлауга вынести третейское решение. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

— Дружно посохи брани
Старого ярла славят:
Без страха смотрел герой,
Как в бурю борются волны.
Но и Эйрик-воитель
Видел на море немало
Черных валов, вздымавшихся

До мачт кабана океана.

Обе стороны были довольны решением, но больше норвежцы.

Послы уехали после праздника с подарками, которые ярл Сигурд послал ярлу Эйрику. Они рассказали ярлу Эйрику о третейском решении Гуннлауга. Эйрик нашел, что Гуннлауг проявил верность и дружбу к нему, и он велел объявить, что Гуннлауг может вернуться в его владения без боязни за свою жизнь. Об этом потом узнал и Гуннлауг. Ярл Сигурд дал Гуннлаугу провожатого на восток в Тиундаланд, в Швецию, как тот просил.

IX

В то время в Швеции правил конунг Олав Шведский^[310], сын конунга Эйрика Победоносного и Сигрид Честолюбивой, дочери Скаглар-Тости. Он был могущественным и знаменитым конунгом и очень любил почести. Гуннлауг прибыл в Уппсалу во время весеннего тинга шведов, и когда он был принят конунгом, он приветствовал его. Тот принял его хорошо и спросил, кто он такой. Гуннлауг сказал, что он исландец. В гостях у конунга Олава был тогда Храфн, сын Энунда. Конунг сказал:

— Храфн, что это за человек, этот исландец?

Тогда с нижней скамьи встал человек высокого роста и мужественного вида, подошел к конунгу и сказал:

— Государь, он происходит из лучшего рода в Исландии, и сам он — достойнейший человек.

— Тогда пусть он сядет рядом с тобой, — приказал конунг.

Гуннлауг сказал:

— Я сочинил хвалебную песнь в вашу честь, государь, и хотел бы, чтобы вы ее выслушали.

— Идите сперва и садитесь на место, — сказал конунг. — Теперь некогда слушать ваши песни.

И вот Гуннлауг и Храфн разговорились. Каждый из них рассказал другому о своих странствиях. Храфн сказал, что он приехал прошлым летом из Исландии в Норвегию, а с наступлением зимы — из Норвегии в Швецию. Вскоре они совсем подружились.

Однажды, когда тинг кончился, оба они были у конунга. Гуннлауг сказал:

— Я хотел бы, государь, чтобы вы послушали мою хвалебную песнь.

— Теперь это можно, — сказал конунг.

— Я тоже хочу сказать хвалебную песнь, если вам будет это угодно, государь, — сказал Храфн.

— И это можно, — ответил конунг.

— Тогда я скажу мою песнь первым, если вам будет угодно, — сказал Гуннлауг.

— Первым должен я сказать мою песнь, — сказал Храфн, — потому что я первым приехал к вам.

Гуннлауг сказал:

— Когда это бывало, чтобы мой отец шел на поводу у твоего отца? По моему, никогда. Не будет этого и между нами.

Храфн отвечал:

— Покажем свою вежливость, не будем доводить дела до ссоры, а предоставим решение конунгу.

Конунг объявил:

— Пусть Гуннлауг скажет свою песнь первым, раз ему так хочется настоять на своем.

Тогда Гуннлауг сказал хвалебную песнь, которую он сложил в честь конунга Олава. Когда он кончил, конунг спросил:

— Храфн, как тебе нравится эта песнь?

— Государь, — отвечал Храфн, — она напыщенна, некрасива и несколько резка, совсем под стать нраву Гуннлауга.

— Ну, теперь говори свою песнь, Храфн! — сказал конунг.

Тот так и сделал. Когда он кончил, конунг спросил:

— Гуннлауг, как тебе нравится эта песнь?

Гуннлауг отвечал:

— Государь, она красива, как сам Храфн, но ничтожна. Почему, — добавил он, — ты сочинил в честь конунга хвалебную песнь без припева? Или он показался тебе недостойным большой хвалебной песни?

Храфн отвечал:

— Оставим сейчас этот разговор. Мы еще вернемся к нему позднее!

На этом их разговор окончился.

Вскоре после этого Храфн сделался дружинником конунга Олава и попросил у него разрешения уехать. Конунг разрешил ему. Когда Храфн снарядился в путь, он сказал Гуннлаугу:

— С нашей дружбой кончено, потому что ты хотел унижить меня здесь перед знатными людьми. Но когда-нибудь я осрамлю тебя не меньше.

— Меня не пугают твои угрозы, — сказал Гуннлауг. — Едва ли когда-нибудь дело дойдет до того, что меня будут меньше уважать, чем тебя.

Конунг Олав дал Храфну на прощанье богатые подарки, и тот уехал.

Храфн поехал на восток весной и приехал в Грандхейм. Там он снарядил свой корабль и летом поплыл в Исландию. Он причалил в Глинистом Заливе, к северу от пустоши. Его родичи и друзья обрадовались ему, и он оставался эту зиму дома, у своего отца.

Летом на альтинге встретились два родича: законоговоритель Скафти и скальд Храфн. Храфн сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты помог мне в сватовстве к Хельге, дочери Торстейна и внучке Эгиля.

Скафти ответил:

— Разве она не обещана Гуннлаугу Змеиному Языку?

Храфн сказал:

— А разве не прошел срок, который был между ними условлен? К тому же он теперь слишком зазнался, чтобы считаться с такими вещами.

Скафти ответил:

— Пусть будет по-твоему.

После этого они пошли в сопровождении многих людей к землянке Торстейна, сына Эгиля. Тот принял их хорошо. Скафти сказал:

— Храфн, мой родич, хочет посвататься к твоей дочери Хельге. Тебе известны его род и богатство, его хорошее воспитание, а также его родственные и дружеские связи.

Торстейн ответил:

— Она была обещана Гуннлаугу, и я хочу сдержать слово, которое я дал ему.

Скафти сказал:

— Но разве не прошли три года, условленные между вами?

Торстейн ответил:

— Еще не прошло лето, и летом он может вернуться в Исландию.

Скафти сказал:

— А если он не вернется до конца лета, то на что мы можем надеяться в нашем деле?

Торстейн ответил:

— Мы встретимся здесь будущим летом, и тогда будет видно, что всего благоразумнее. Сейчас же бесполезно говорить об этом.

На этом они расстались, и люди поехали с тинга домой. Но сватовство Храфна к Хельге не осталось тайной.

Гуннлауг и в это лето не вернулся в Исландию. Следующим летом на альтинге Скафти и Храфн стали свататься очень настойчиво. Они говорили, что Торстейн теперь свободен от всякого обещания Гуннлаугу. Торстейн

отвечал:

— У меня немного дочерей, и я бы не хотел, чтобы одна из них стала причиной раздора. Я хочу сначала встретиться с Иллуги Черным.

Так он и сделал. Когда они встретились, Торстейн спросил:

— Не думаешь ли ты, что я теперь свободен от обещания твоему сыну Гуннлаугу?

Иллуги отвечал:

— Конечно, если тебе так угодно. Но я мало что могу сказать по этому поводу, так как не знаю точно намерений моего сына Гуннлауга.

Тогда Торстейн пошел к Скафти, и они порешили, что в начале зимы у Торстейна в Городище должна состояться свадьба, если Гуннлауг до этого не вернется в Исландию, но что Торстейн будет свободен от всякого обещания Храфну, если Гуннлауг вернется и потребует, чтобы тот выполнил обещание. После этого люди поехали с тинга домой, а Гуннлауг все не возвращался. Хельге же не очень нравилось принятое решение.

X

Теперь надо рассказать о Гуннлауге, что тем самым летом, когда Храфн вернулся в Исландию, он поехал из Швеции в Англию, получив на прощанье от Олава богатые подарки. Конунг Адальрад принял Гуннлауга хорошо, и Гуннлауг прожил у него зиму в большом почете.

В то время в Дании правил конунг Кнут, сын Свейна^[311]. Он недавно вступил на престол своего отца и постоянно грозил Англии войной, потому что его отец, конунг Свейн, завоевал себе в Англии большие владения, прежде чем умер там, на западе. Как раз в это время там стояло большое датское войско под предводительством знатного человека по имени Хеминг. Он был сын Струтхаральда и брат ярла Сигвальди и управлял от имени Кнута теми владениями, которые завоевал себе конунг Свейн в Англии.

Весной Гуннлауг попросил у конунга позволения уехать. Тот сказал:

— Не годится тебе уезжать от меня, когда в Англии предстоит такая война, ведь ты мой дружинник!

Гуннлауг ответил:

— Воля ваша, государь. Позвольте мне, однако, уехать летом, если датчане не придут.

Конунг ответил:

— Тогда будет видно.

И вот прошло лето и за ним зима, но датчане не пришли. После

середины лета конунг отпустил Гуннлауга, и тот поехал на восток, в Норвегию, и застал ярла Эйрика в Хладире, в Трандхейме. Ярл принял его хорошо и предложил ему погостить у него. Гуннлауг поблагодарил ярла за приглашение, но сказал, что ему нужно повидаться со своей невестой. Ярл сказал:

— Теперь уже отплыли все корабли, которые снаряжались в Исландию.

Тогда сказал один из дружинников:

— Корабль Халльфреда Беспокойного Скальда^[312] стоял вчера в устье фьорда у мыса Агданес.

Ярл сказал:

— Это возможно. Он отплыл отсюда пять ночей тому назад.

Ярл Эйрик велел затем доставить Гуннлауга в устье фьорда на корабль Халльфреда, и тот принял его с радостью.

Это было в конце лета.

Вскоре подул попутный ветер, и они были довольны. Халльфред спросил Гуннлауга:

— Ты слышал о сватовстве Храфна, сына Энунда, к Хельге Красавице?

Гуннлауг сказал, что слышал об этом, но ничего определенного не знает. Тогда Халльфред рассказал ему все, что знал об этом, и также о том, как многие говорили, что Храфн не менее храбр, чем Гуннлауг.

Тогда Гуннлауг сказал вису:

— Море спокойно, но буря
Тоже меня не удержит,
Пусть ветер на пенных кручах
Крутит корабль, играя.
Горе, коль в юные годы
Голову воин сложит,
Но с Храфном в бою не сравняться —
Вдвое горше герою.

Тогда Халльфред сказал:

— Хорошо было бы, друг, если бы твоя встреча с Храфном была удачнее моей. Несколько лет тому назад я пристал на своем корабле в Глинистом Заливе, к северу от пустоши. Я должен был заплатить половину марки серебра работнику Храфна, но я медлил с уплатой, и тогда Храфн

прискакал с шестьюдесятью людьми и перерубил корабельные канаты. Корабль выбросило на глинистый берег, и он чуть не разбился. Мне пришлось дать Храфиу решить дело и заплатить целую марку. Вот что я могу рассказать о моей встрече с ним.

Потом они говорили о Хельге, и Халльфред очень хвалил ее красоту. Тогда Гуннлауг сказал такую вису:

— Все ж, осторожный воин,
Стали разящей хозяин,
Девы себе не добудет,
В белый убор одетой.
Ведь скальд, бывало, касался
Тонких перстов опоры
Перины рыбы равнины^[313],
Длинным мысам подобных

— Хорошо сложено, — сказал Халльфред.

Они пристали к берегу в Лавовой Бухте на Лисьей Равнине за полмесяца до начала зимы и выгрузились там.

Жил человек по имени Торд. Он был сын одного бонда с той равнины. Он любил затевать кулачные бон с торговыми людьми, и тем обычно доставалось от него. И вот он условился с Гуннлаугом, что тот будет биться с ним. В ночь перед боем Торд молил Тора о победе. Наутро, когда они стали биться, Гуннлауг подшиб Торду обе ноги, и тот свалился как подкошенный. Но при этом Гуннлауг вывихнул ногу, на которую опирался, и упал вместе с Тордом. Тогда Торд сказал:

— Может статься, что и кое в чем другом тебе посчастливится не больше!

— В чем же? — спросил Гуннлауг.

— В твоей тяжбе с Храфном, сыном Энунда, если он возьмет в жены Хельгу Красавицу в начале зимы. Я тоже был на альтинге, когда договаривались об этом.

Гуннлауг ничего не ответил. Его ногу перевязали, чтобы вправить ее в сустав, но она очень распухла.

Гуннлауг и Халльфред с их спутниками — всего их было двенадцать человек — оставили Лисью Равнину за неделю до начала зимы и приехали в Крутояр в ту самую субботу, когда в Городище уже сидели за свадебным пиром. Иллуги обрадовался приезду своего сына Гуннлауга и его

спутников. Гуннлауг заявил, что он хочет сейчас же ехать в Городище. Иллуги возразил, что это едва ли благоразумно, и всем тоже казалось так, кроме Гуннлауга. Но Гуннлауг не мог ходить из-за своей ноги, хотя он и старался скрыть это. Поэтому из поездки в Городище ничего не вышло. Халльфред поехал наутро к себе домой к озеру Хредувати в Долине Северной Реки. Их владениями управлял тогда его брат Гальти. Это был достойный человек.

XI

Теперь надо рассказать о Храфне, как он праздновал свою свадьбу в Городище. Говорят, что невеста была очень печальна. Видно, верна пословица: что смолоду запомнится, то не скоро забудется. Так было теперь и с ней.

Случилось тогда, что человек по имени Свертннг посватался к Хунгерд, дочери Тородда и Йофрид. Он был сын Бьёрна Козы и внук Мольда-Гнупа. Свадьбу должны были играть после праздника середины зимы в Сканей. Там жил родич Хунгерд Торкель, сын Торви и внук Вальбранда. Матерью Торви была Тородда, сестра Одда из Междуречья.

Храфи поехал со своей женой Хельгой домой, на Мшистую Гору. Когда они прожили там короткое время, случилось однажды утром, до того, как они встали, что Хельга не спала, а Храфн еще спал и стонал во сне. Проснувшись, он рассказал Хельге, что ему снилось. Он сказал тогда такую вису:

— Снилось, лежу изранен
Гадюкой испарины лука^[314].
Кровью моей окрашено
Ложе лозы покровов^[315].
Ты же, о Ньёрун браги^[316],
Ран не врачуешь Храфну,
В сторону смотришь. И скальду
Трудно унять тревогу.

Хельга сказала:

— Я бы, конечно, не стала плакать, если бы это случилось. Вы меня бессовестно обманули. Наверно, Гуннлауг вернулся в Исландию.

И Хельга стала горько плакать.

Вскоре после этого стало известно о возвращении Гуннлауга в Исландию. Хельга стала тогда так холодна к Храфну, что он не мог удержать ее дома, и они поехали назад в Городище, но и там брак с Хельгой доставлял Храфну мало радости.

Позднее той же зимой стали люди снаряжаться на свадебный пир к Торкелю из Сканей. Был туда приглашен и Иллуги Черный с сыновьями. И вот когда Иллуги снаряжался в путь, Гуннлауг сидел в доме и не снаряжался. Иллуги подошел к нему и сказал:

— Что же ты не готовишься в дорогу, сын?

Гуннлауг ответил:

— Я не собираюсь ехать.

Иллуги сказал:

— Ты, конечно, поедешь, сын! Не надо позволять себе тосковать по какой-то одной женщине. Веди себя так, как будто это тебя не касается. Будь мужчиной! А в женщинах у тебя никогда не будет недостатка.

Гуннлауг послушался отца, и вот гости съехались на свадебный пир. Иллуги и его сыновья сидели на почетном сиденье, а Горстейн, сын Эгиля, его зять Храфн и поезжане жениха — на втором почетном сиденье, против Иллуги. Женщины сплели на поперечной скамье, и Хельга Красавица сидела рядом с невестой. Глаза Хельги и Гуннлауга невольно часто встречались, и было, как говорится в пословице: глаза не могут скрыть любви. Гуннлауг был хорошо одет. На нем был тот самый богатый наряд, который ему подарил конунг Сигтрюгг. Он очень выделялся среди других мужчин своей силой, ростом и красотой. На пиру было мало веселья.

В тот день, когда мужчины стали снаряжаться в обратный путь, разошлись и женщины и тоже стали готовиться к отъезду. Гуннлауг подошел тогда к Хельге, и они долго разговаривали друг с другом. Тогда Гуннлауг сказал вису:

— Горькие дни потянулись
Под пологом гор^[317] для Гуннлауга,
С тех пор как Хельгу Красавицу
Храфн просватал в жены.
Слову скальда напрасно
Невестин отец не поверил,
Отдал другому деву,
Видно, на золото польстился.

И еще он сказал такую вису:

— Юная роща обручий^[318]
Радость мою украла,
Все же хочу восславить
Твоих, о дева, родителей.
Мир от века не видывал
Жен и мужей, создавших
На ложе такое сокровище,
Стройную Фрейю порея^[319].

Тут Гуннлауг дал Хельге плащ, полученный им от конунга Адальрада. Это была большая драгоценность. Хельга очень благодарила его за подарок. Затем Гуннлауг вышел. На дворе уже было привязано много оседланных лошадей. Гуннлауг вскочил на одного коня и во весь опор поскакал по двору, прямо туда, где стоял Храфн, так что тот должен был отскочить в сторону.

— Что же ты отскакиваешь, Храфн? — сказал он. — Тебе пока нечего бояться меня. Хотя ты, конечно, знаешь, что ты сделал.

Тогда Храфн сказал вису:

— Тополь стычки оружия^[320],
Славный пытатель стали,
В распрю вступать негоже
Нам из-за Нанны нарядов^[321].
За морем, шест сражений^[322],
Тоже красивы жены.
Кормчий морского зверя^[323]
Сам уверился в этом.

Гуннлауг сказал:

— Может статься, что много таких, но мне этого не кажется.

Тут подбежали к ним Иллуги и Торстейн. Они не хотели, чтобы Гуннлауг схватился с Храфном. Гуннлауг сказал тогда вису:

— Все говорят, что равен
Храфну я родом и славой,

Но деву ему добыли
Рдяные камни ладони^[324].
Долго Адальрад скальда
В дружине своей удерживал.
Горя речам не развеять,
Скорби не скрасить словами.

После этого и тот и другой поехали домой, и в продолжение зимы все было тихо и ничего нового не случилось. Но Храфну плохо было жить с Хельгой, с тех пор как она встретила с Гуннлаугом.

Летом все поехали на тинг со множеством людей: Иллуги Черный и его сыновья Гуннлауг и Хермунд. Торстейн, сын Эгиля, и его сын Колльсвейн, Энунд с Мшистой Горы и его сыновья, Свертинг, сын Бьярна Козы. Скафти еще был тогда законоговорителем.

Однажды на тинге, когда мужчины со множеством людей пошли на Скалу Закона и разбор тяжб был закопчен. Гуннлауг попросил внимания и сказал:

— Здесь ли Храфн, сын Энунда?

Тот сказал, что он здесь. Тогда Гуннлауг продолжал:

— Тебе известно, что ты взял в жены девушку, которая была обещана мне, и тем самым стал моим врагом. Поэтому я вызываю тебя здесь, на тинге, через три ночи биться со мной на поединке на острове Секирной Реки!

Храфн отвечал:

— Спасибо за вызов! Такого вызова и следовало ожидать от тебя. Я готов биться с тобой на поединке, когда ты захочешь.

Родичам и того и другого это не понравилось, но в те времена был обычай, что тот, кто считал себя обиженным, вызывал обидчика на поединок.

Когда прошли три ночи, противники снарядились для поединка. Иллуги Черный последовал за своим сыном со множеством людей, а за Храфном — законоговорцель Скафти, отец Храфна и все родичи.

Но прежде чем Гуннлауг вышел на остров, он сказал такую вису:

— Выйду на остров без страха, —
Острый клинок наготове, —
Боги, даруйте победу
Скальду в раздоре стали!

Пусть мой меч пополам
Расколет скалу шелома^[325],
Мужу коварному Хельги
Отделит от тела череп.

Храфн сказал в ответ такую вису:

— Скальду знать не дано,
Кого ожидает удача.
Смертные косы остры,
Кости рубить готовы.
Если же нежной деве
Стать суждено вдовою,
Ей об отваге Храфна
Каждый на тинге расскажет.

Хермунд держал щит своему брату Гуннлаугу, а Свертинг, сын Бьёрна Козы, — Храфну. Было условлено, что тремя марками серебра должен был откупиться тот, кто будет ранен. Храфн должен был первым нанести удар, потому что он был вызван на поединок. Он ударил по щиту Гуннлауга сверху, и меч его тотчас же сломался пополам ниже рукоятки, потому что удар был нанесен с большой силой. Однако острие меча отскочило от щита, попало в щеку Гуннлаугу и слегка ранило его. Тогда их родители и многие другие люди подбежали и встали между ними. Гуннлауг сказал:

— Я объявляю Храфна побежденным, потому что он лишился оружия.

— А я объявляю побежденным тебя, — возразил Храфн, — потому что ты ранен.

Тогда Гуннлауг пришел в ярость и в страшном гневе сказал, что поединок не кончен. Но его отец Иллуги заявил, что на этот раз они должны кончить поединок. Гуннлауг сказал:

— Я бы хотел так встретиться в другой раз с Храфном, чтобы ты, отец, не был при этом и, не мог бы нас разнять.

На этом они расстались, и все пошли назад, в свои землянки.

На следующий день в судилище был принят закон о том, что впредь всякие поединки в Исландии запрещаются. Принять такой закон советовали все умные люди, которые там были. А были там все самые умные люди страны. Поединок Гуннлауга с Храфном был последним поединком в

Исландии. Это был второй по многолюдности тинг после сожжения Ньяля и третий после битвы на Пустоши.

Однажды утром Гуннлауг с Хермундом пошли на Секирную Реку, чтобы умыться. На другом берегу шли к реке женщины, и среди них была Хельга Красавица. Хермунд сказал Гуннлаугу:

— Ты видишь на том берегу среди женщин Хельгу, твою возлюбленную?

Гуннлауг отвечал:

— Конечно, вижу.

И он сказал вису:

- Видно, нам на погибель

Ветвь рождена нарядов^[326];

Один звона металла^[327]

В этом один повинен.

Девы лебязье-белой

Я добивался, бывало,

Ныне невмочь и глянуть

На руки подруги милой.

Затем они перешли реку, и Гуннлауг с Хельгой разговаривали некоторое время. А когда они перешли реку обратно, Хельга долго стояла и смотрела вслед Гуннлаугу. Он сочинил вису:

— Как у ястреба, ярок

Взгляд у девы нарядной,

Орешины влаги злака^[328],

Вслед посмотревшей скальду.

Но ныне лучистые луны

Ресниц^[329] сосны ожерелий^[330]

Нам не радость сулят,

А злую беду насылают.

После этих событий люди поехали с тинга домой, и Гуннлауг стал жить дома, в Крутояре. Однажды утром, когда он проснулся, все уже встали, только он еще лежал в спальном каморке на нарах. Вдруг входят двенадцать человек в полном вооружении. Это приехал Храфн, сын

Энунда, со своими людьми. Гуннлауг сразу же вскочил и схватился за оружие. Тогда Храфн сказал Гуннлаугу:

— Тебе не грозит никакой опасности. Ты сейчас услышишь, зачем я пришел сюда. Летом на альтинге ты вызвал меня на поединок и не признал его законченным. Теперь я предлагаю тебе, чтобы мы оба поехали летом в Норвегию и там закончили наш поединок. Там нам не помешают наши родичи.

Гуннлауг отвечал:

— Спасибо тебе за вызов! Я его охотно принимаю. А ты, Храфн, можешь рассчитывать здесь на наше гостеприимство.

Храфн отвечал:

— Спасибо, но теперь нам надо сразу ехать обратно.

На этом они расстались. Родичам и того и другого такое решение казалось большим несчастьем. Однако из-за горячности обоих они ничего не могли поделать. Что было суждено, то должно было случиться.

XII

Теперь надо рассказать о Храфне, как он снарядил свой корабль в Глинистом Заливе. Из тех, что поехали с Храфном, двое известны по имени. Они были сыновьями сестры Энунда, его отца. Одного из них звали Грим, другого — Олав. Оба они были достойные люди. Всем родичам Храфна казалось большой потерей, что он поехал. Но он говорил, что он только потому вызвал Гуннлауга на поединок, что ему не было больше никакой радости от Хельги.

— Один из нас должен погибнуть от руки другого, — говорил он.

Когда подул попутный ветер. Храфн отплыл в море. Они причалили в Трандхейме, и там Храфн остался на зиму, по ничего не слышал о Гуннлауге в течение этого времени и продолжал ждать его летом. Он оставался и вторую зиму в Трандхейме, в месте, которое называется Ливангр.

Гуннлауг снарядил свой корабль вместе с Халльфредом Беспокойным Скальдом на севере Лисьей Равнины. Они были готовы в путь поздно осенью. Когда подул попутный ветер, они отправились в путь и перед самой зимой приплыли к Оркнейским островам. Там правил тогда ярл Сигурд, сын Хлёдвпра. Гуннлауг отправился к нему и остался у него на зиму. Ярл очень уважал его. Весной ярл снарядился в поход. Гуннлауг поехал с ним. Летом они воевали далеко на Гебридских островах и в

фьордах Шотландии и одержали много побед. Всюду, где бы они ни были, Гуннлауг проявлял себя как очень храбрый и доблестный воин и как настоящий мужчина. Ярл Сигурд вернулся в начале лета назад, а Гуннлауг сел на торговый корабль, который направлялся в Норвегию. Они с ярлом расстались большими друзьями.

Гуннлауг поехал на север в Трандхейм, в Хладир, к ярлу Эйрику, и прибыл туда в начале зимы. Ярл принял его хорошо и предложил ему погостить у него. Гуннлауг принял это приглашение. Ярл уже слышал о его распри с Храфном и сказал Гуннлаугу, что запрещает им сражаться в его государстве. Гуннлауг отвечал, что на то его воля. Он остался там на зиму и был все время молчалив.

Однажды весной Гуннлауг вышел из дому, и с ним был его родич Торкель. Они отошли от дома и увидели на лугу перед собой людей, стоящих кругом. В середине круга было двое с оружием, и они бились друг с другом. Одного из них называли Храфном, а другого — Гуннлаугом. Стоящие вокруг говорили, что исландцы бьются плохо и не очень-то помнят свое слово. Гуннлауг понял, что это была насмешка, что над ним издевались, и он молча пошел прочь.

Вскоре после этого Гуннлауг сказал ярлу, что не намерен больше сносить издевательства и насмешки его дружинников по поводу их с Храфном распри, и попросил ярла дать ему проводника в Ливангр. Ярл знал, что Храфн уже оставил Ливангр и уехал на восток, в Швецию. Поэтому он разрешил Гуннлаугу поехать и дал ему в дорогу двух проводников.

И вот Гуннлауг с шестью спутниками поехал из Хладира в Ливангр. Но как раз в тот день, когда Гуннлауг вечером приехал туда, Храфн с четырьмя спутниками утром уехал оттуда. Из Ливангра Гуннлауг поехал в долину Верадаль, и каждый раз приезжал вечером туда, где Храфн был утром. Так ехал он, пока не достиг двора по названию Сула — самого верхнего в этой долине. И отсюда Храфн уехал утром. Тогда Гуннлауг не стал останавливаться и сразу же ночью поехал дальше. На заре они увидели друг друга. Храфн доехал до места, где есть два озера и между ними — равнина. Она называется Глейпнисвеллир. На одном из озер есть небольшой мыс, который называется Динганес. На этом мысу остановился Храфн со своими людьми. Их было всего пятеро и среди них — родичи Храфна, Грим и Олав. Когда противники встретились, Гуннлауг сказал:

— Хорошо, что мы, наконец, встретились!

Храфн ответил, что и он не видит в этом плохого.

— Выбирай, что хочешь, — продолжал он, — биться нам всем или

только нам с тобой двоим.

Гуннлауг отвечал, что ему это все равно. Тогда родичи Храфна, Грим и Олав, сказали, что они не хотят оставаться в стороне, когда те будут биться. То же самое сказал и Торкель Черный, родич Гуннлауга. Тогда Гуннлауг сказал проводникам ярла:

— Сидите здесь и не помогайте ни той, ни другой стороне. Вы сможете потом рассказать о нашей битве.

Те так и сделали.

После этого они сошлись и все храбро бились. Грим и Олав вдвоем напали на одного Гуннлауга и бились очень храбро. Битва кончилась тем, что он убил их обоих, а сам не был ранен. Это подтверждает Торд, сын Кольбейна, в хвалебной песне, которую он сложил о Гуннлауге Змеином Языке^[331]:

— Страха не ведая, Гуннлауг
В схватке сошелся с Храфном,
Но прежде поверг он Грима
И Олава, ратников рьяных.
Грозный, забрызганный кровью,
Смерти предал троих.
Острой сталью косил
Воинов Один боя.

В это время Храфн бился с Торкелем Черным, родичем Гуннлауга, и одержал верх над ним, и Торкель погиб от его руки.

Так все их спутники, в конце концов, сложили свои головы.

Тогда стали биться двое, Храфн и Гуннлауг. Они наносили друг другу удары, и бесстрашно бросались друг на друга, и бились яростно и без усталости. Гуннлауг сражался мечом, который он получил в подарок от конунга Адальрада. Это было прекрасное оружие. Наконец Гуннлауг нанес Храфну сильный удар мечом и отрубил ему ногу. Но Храфн не упал, а отступил к пню и оперся о него обрубок ноги. Тогда Гуннлауг сказал:

— Теперь ты негоден для битвы, и я не хочу продолжать биться с калекой.

Храфн отвечал:

— Это правда, мое дело плохо. Однако мне бы очень помогло, если бы я мог попить.

— Не обмани же меня, если я принесу тебе воды в моем шлеме!

Храфн отвечал:

— Не обману я тебя.

Тогда Гуннлауг пошел к ручью, зачерпнул воды шлемом и отнес Храфну. Тот протянул ему навстречу левую руку, а правой ударил мечом Гуннлауга по голове и нанес ему очень большую рану. Тогда Гуннлауг сказал:

— Ты меня бессовестно обманул и поступил низко, в то время как я поверил тебе.

Храфн отвечал:

— Да, это правда. Но я поступил так, потому что не могу уступить тебе Хельгу Красавицу.

И они снова стали яростно биться. В конце концов, Гуннлауг одолел Храфна, и тот простился с жизнью.

Тогда подошли проводники ярла и перевязали рану на голове Гуннлауга. Между тем он сел и сказал такую вису:

— Яростный ясенъ брани^[332],
Храфн, воитель бесстрашный,
Шел на нас непреклонно
В драке драконов шлемов^[333].
Наши клинки закаленные
Так и мелькали в скалах,
Когда мы на Динганес-мысе
Друг друга ударами встретили.

После этого они похоронили мертвых, посадили Гуннлауга на его коня и поехали с ним вместе вниз, в Ливангр. Там пролежал он три ночи и был соборован священником. Затем он умер и был похоронен у церкви. Всем было очень жаль их обоих, Гуннлауга и Храфна, которые так погибли.

XIII

Летом, еще до того как вести об этих событиях дошли в Исландию, Иллуги Черному снился сон. Он был тогда дома, в Крутояре. Ему привиделось во сне, что Гуннлауг пришел к нему весь окровавленный и сказал ему такую вису:

— Гуннлауг пал в поединке.
Он храбро сражался с Храфном,
Ранив недруга в ногу
Рыбой ратной рубашки^[334].
Жадный до теплой крови,
Ринулся ворон к трупам,
Мне ж вороненую сталь
В голову Храфн направил.

В ту самую ночь на юге, на Мшистой Горе, Энунду приснилось, что Храфн пришел к нему весь окровавленный и сказал такую вису:

— Я меч обагрил. Но раньше
Рёгнир меча^[335] меня ранил.
Звери щитов^[336] за морем
Звонко в щиты вонзались.
Гуси крови^[337] слетались
Крови с голов напиться.
Перьями ястреб ран^[338]
Озеро ран^[339] разбрызгивал.

На следующее лето на альтинге Иллуги Черный сказал Энунду, когда они были на Скале Закона:

— Какую виру ты заплатишь мне за моего сына, которого твой сын Храфн обманул, нарушив свое слово?

Энунд отвечал:

— Я думаю, что я совсем не обязан платить тебе виру. Я и так достаточно пострадал от их битвы. Но я не стану требовать от тебя виру за моего сына.

Иллуги отвечал:

— В таком случае поплатится кто-нибудь из твоей семьи или из твоих родичей.

После тинга в продолжение лета Иллуги был все время очень печален. Говорят, что осенью Иллуги выехал из Крутояра с тридцатью людьми и приехал на Мшистую Гору рано утром. Энунд и его сыновья укрылись в церкви, и тогда Иллуги захватил двух его родичей. Одного из них знали Бьёрн, другого Торgrim. Он велел убить Бьёрна и отрубить ногу Торгриму.

После этого Иллуги поехал домой, и Энунд не добивался никакого возмещения.

Сын Иллуги Хермунд не знал покоя после смерти своего брата Гуннлауга. и он думал, что тот еще недостаточно отомщен, несмотря на все, что было сделано. Жил человек по имени Храфн. Он был племянником Энунда с Мшистой Горы. Он был хорошим мореходом, и у него был корабль, который стоял в Бараньем Фьорде. Весной Хермунд, сын Иллуги, выехал один из дому и поехал на север через Каменистую Пустошь к Бараньему Фьорду и прямо на Столовую Отмель к кораблю. Торговые люди были тогда совсем готовы к отплытию. Хозяин корабля Храфн был на суше, и с ним много людей. Хермунд подскочил к нему, пронзил его своим копьем и сразу ускакал прочь. Они были все очень озадачены, спутники Храфна. И за это убийство не было уплачено виры. На этом закончилась распря между Иллуги Черным и Энундом с Мшистой Горы.

Торстейн, сын Эгиля, через некоторое время выдал свою дочь Хельгу за человека по имени Торкель, сына Халлькеля. Он жил в Лавовой Долине, и Хельга поехала к нему в дом. Она была к нему мало расположена, потому что никогда не могла забыть Гуннлауга, хотя его уже не было в живых. Между тем Торкель был тоже человек достойный и богатый и хороший скальд. У них было несколько детей. Одного из их сыновей звали Торарин, другого Торстейн. Но у них были и другие дети. Самой большой радостью Хельги было разостлать плащ, который она получила в подарок от Гуннлауга, и подолгу пристально на него смотреть.

Однажды в дом Торкеля и Хельги пришла тяжелая болезнь, и многие долго болели. Занемогла тогда и Хельга, но не легла в постель. Однажды в субботу вечером Хельга сидела у очага. Она положила голову на колени Торкеля, своего мужа, и велела принести плащ, подарок Гуннлауга. Когда плащ принесли, она приподнялась, разостлала его перед собой и некоторое время пристально на него смотрела. Затем она опустилась снова на руки своего мужа и умерла. Торкель сказал тогда такую вису:

— На руки молча возьму
Тело жены моей милой.
Липа льна умерла,
Богу вручила душу.
Мне же еще тяжелее
Жить без нее отныне.

Хельга была похоронена у церкви, а Торкель еще долго жил там. Все очень жалели о смерти Хельги, как и следовало ожидать.

На этом сага кончается.

Об исландце-сказителе

Случилось, что как-то летом один исландец, молодой и проворный, пришел к Харальду конунгу и попросил покровительства. Конунг спросил, не сведущ ли он в чем-нибудь, и тот ответил, что знает саги. Тогда конунг сказал, что возьмет его к себе, но он должен всегда рассказывать саги, кто бы его ни попросил. Исландец согласился. Он завоевывает расположение дружинников конунга, они дарят ему одежду, а конунг дарит ему оружие. И вот проходит время и приближается рождество. Тут исландец опечалился. Конунг спрашивает его, в чем дело. Тот говорит, что такое у него переменчивое настроение.

— Вряд ли это так, — говорит конунг. — Я попробую отгадать, в чем дело. Вот в чем: кончились твои саги. Ты эту зиму все время рассказывал их, кто бы ни просил. Тебе не нравится, что они кончатся к рождеству.

— Ты угадал, — говорит исландец. — У меня осталась только одна сага, но я не решаюсь рассказывать ее здесь, потому что это сага о твоих походах за море.

Конунг сказал:

— Это как раз та сага, которую мне всего больше хочется послушать. Не рассказывай ее до рождества, люди сейчас заняты, но в первый день рождества начни и расскажи немного, а я буду сдерживать тебя, так чтобы хватило на все рождество. Большие пиры будут на рождестве, и мало будет времени сидеть и слушать. Но пока ты будешь ее рассказывать, ты не узнаешь, нравится она мне или нет.

И вот исландец начинает сагу в первый день рождества и рассказывает ее некоторое время, но вскоре конунг велит ему остановиться. Люди начинают пировать, и многие говорят о том, что смелость это — рассказывать такую сагу, и о том, понравится ли она конунгу. Одним, кажется, что он хорошо рассказывает, а другим его сага нравится меньше. Так проходит рождество. Конунг следит за тем, чтобы исландца хорошо слушали, и это продолжается до тех пор, пока не кончилась сага и не прошло рождество.

На тринадцатый вечер, — а сага кончилась еще днем, — конунг сказал:

— Не хочется ли тебе узнать, исландец, как мне понравилась сага?

— Боюсь я, государь, и спрашивать об этом, — говорит тот.

Конунг сказал:

— Она мне очень понравилась. Она ничуть не хуже, чем то, о чем в ней рассказывается. Кто же тебя научил этой саге?

Тот отвечает:

— Когда я был в Исландии, ездил я каждое лето на тинг и каждый раз заучивал часть саги у Халльдора, сына Снорри.

— Тогда не удивительно, — говорит конунг, — что ты знаешь ее так хорошо. Будет тебе удача. Оставайся у меня навсегда, если хочешь.

Конунг дал ему хорошие товары, и большой толк вышел из исландца.

О Халльдоре, сыне Снорри

I

Халльдор, сын Снорри, был в Миклагарде с Харальдом конунгом, как уже рассказано раньше, и приехал с ним в Норвегию из Гардарики. Конунг оказывал ему тогда большие почести. Халльдор оставался ту зиму у конунга в Каупанге^[340].

Когда зима кончилась и началась весна, люди стали готовиться к торговым поездкам, потому что перед этим из Норвегии почти совсем не ходили корабли из-за войны между Норвегией и Данией. К концу весны Харальд конунг заметил, что Халльдор, сын Снорри, очень опечалился. Однажды конунг спросил, что у него на уме. Халльдор отвечает:

— Мне хочется в Исландию, государь.

Конунг сказал:

— Многим на твоём месте больше хотелось бы домой. Как же ты снаряжился в плаванье, сколько товару закупил?

Тот отвечает:

— Мало нужно мне времени на закупку товару, ведь у меня нет ничего, кроме одежды, которая на мне.

— Плохо же ты вознагражден за долгую службу и многие опасности, которым подвергался. Я дам тебе корабль с грузом. Пусть твой отец знает, что ты не даром служил мне.

Халльдор поблагодарил конунга за подарок.

Через несколько дней Халльдор встретился с конунгом, и тот спросил, сколько человек он набрал себе на корабль. Халльдор отвечает:

— Все торговые люди уже нанялись на другие корабли, и мне некого нанять себе. Так что, наверно, придется остаться здесь кораблю, который вы мне подарили.

Конунг сказал:

— Плох тогда мой подарок. Но посмотрим, нельзя ли помочь тебе.

На другой день затрубили сходку в городе и объявили, что конунг хочет говорить с горожанами и торговыми людьми. Конунг пришел на сходку поздно и с озабоченным видом. Он сказал:

— Мы слышали, что война пришла в наше государство на востоке в Вике. Свейн, конунг датский, с войском идет на пас, а мы ни за что не

хотим отдать ему нашу землю. Поэтому ни один корабль не должен отплыть из страны прежде, чем я получу с каждого корабля столько людей и припасов, сколько я захочу. Только один кораблик, тот, что принадлежит Халльдору, сыну Снорри, отправится в Исландию. И хотя тем, кто уже приготовился к поездке, это покажется несколько суровой мерой, нужда заставляет нас прибегнуть к такому побору. Мы бы предпочли, конечно, чтобы все было спокойно и всякий ехал, куда хотел.

На этом сходка кончилась. Вскоре после этого Халльдор пришел к конунгу. Тот спросил, как он снаряжается в плаванье, набрал ли людей. Халльдор отвечает:

— Очень много набрал. Приходит теперь куда больше людей, чем нужно, и просят нанять их. Они очень пристают ко мне, чуть не в дом вламываются, так что ни ночью, ни днем нет покоя от их домогательств.

Конунг сказал:

— Оставь себе тех, которых взял, и посмотрим, что будет дальше.

На следующий день затрубили сходку и объявили, что конунг снова хочет говорить с торговыми людьми. На этот раз конунг не задержался, а пришел сразу же, и вид у него был милостивый. Он встал и сказал:

— Добрые вести пришли: что говорилось на днях о войне — пустые слухи и ложь. Будет теперь наше разрешение всякому плыть из нашей страны, куда кто хочет. Возвращайтесь осенью и привезите нам сокровищ. В обмен будет вам от нас вознаграждение и дружба.

Все торговые люди, что там были, обрадовались новости и хвалили конунга.

И вот Халльдор поплыл тем же летом в Исландию и провел зиму у отца. На следующее лето он вернулся в Норвегию, ко двору Харальда конунга, но говорят, что Халльдор стал меньше бывать с конунгом, чем раньше. Часто он вечерами, когда конунг уходил спать, оставался сидеть.

II

Одного человека звали Торир Ездок в Англию. Он много торговал и подолгу плавал в разные страны и привозил конунгу сокровища. Торир был дружинником Харальда конунга и очень старым человеком. Торир вступил в разговор с конунгом и сказал:

— Человек я, как вы знаете, старый и сдавать начал. Невмоготу мне соблюдать придворные обычаи — пить здравицы из рога и прочее, что подобает делать. Надо бы мне подыскать что-нибудь другое, хотя всего

милее и приятнее быть с вами.

Конунг отвечает:

— Твоему горю легко помочь, друг. Оставайся в дружине, но пей не больше, чем хочешь. Я разрешаю.

Одного человека из Уппланда звали Бард. Он был верный товарищ и не стар. Харальд конунг очень благоволил к нему. Бард, Торир и Халльдор сидели на одной скамье. Однажды вечером, когда конунг проходил мимо, они сидели и пили, и Халльдор как раз передал рог Ториру. Рог был большой и прозрачный, и было видно, что Халльдор выпил половину рога. А Торир медлил и не пил. Тогда конунг сказал:

— Вот ты каков, Халльдор! Не пьешь своей доли и обманываешь старика, а сам бегаешь по ночам к шлюхам, вместо того чтобы быть с твоим конунгом!

Халльдор ничего не ответил, но Бард заметил, что слова конунга не понравились исландцу. Ранним утром на следующий день Бард пошел к конунгу.

— Рановато ты встаешь, Бард, — говорит конунг.

— Я пришел, — сказал Бард, — чтобы упрекнуть вас, государь. Нехорошо и несправедливо поступили вы вчера вечером, обвинив Халльдора, вашего друга, в том, что он не пьет своей доли. Ведь это был рог Торира, а тот уже кончил пить и вылил бы брагу в жбан, если бы Халльдор не выпил за него. И, конечно, неправда, что Халльдор ходит к распутным женщинам. Но лучше было бы, если бы он больше бывал с тобой.

Конунг отвечает, что они с Халльдором уладят это между собой, когда встретятся. Затем Бард встречается с Халльдором и передает ему слова конунга и убеждает его не принимать близко к сердцу того, что конунг сказал на пиру. Бард очень старается помирить их.

Подходит рождество, но конунг и Халльдор не помирились. Когда наступило рождество, стали объявлять, как это было там в обычае, кому пить из штрафного рога. Однажды утром на рождестве подстроили так, что колокольный звон был не вовремя: свечники^[341] подкупили звонаря, и он зазвонил намного раньше, чем обычно. И вот Халльдор и много других людей должны были в тот день сесть на солому, которой был застлан пол, и пить из штрафного рога.

Халльдор сидит на своем месте, но ему все же подносят штрафной рог. Он говорит, что не станет пить. Тогда об этом сообщают конунгу.

— Не может этого быть! — говорит конунг. — Он выпьет, если я поднесу.

Конунг берет рог и подходит к Халльдору. Тот встает. Конунг просит его опорожнить рог. Халльдор отвечает:

— Мне не кажется, что я провинился. Ведь звон был подстроен только для того, чтобы людям пришлось пить из штрафного рога.

Конунг отвечает:

— Ты все же опорожнишь рог, как и другие люди.

— Возможно, конунг, — говорит Халльдор, — что тебе удастся заставить меня выпить. Но вот что я тебе скажу: Сигурд Свинья не стал бы так насиловать Снорри Годи^[342].

И он протягивает руку к рогу и опорожняет его. А конунг в сильном гневе возвращается на свое место.

Когда наступил восьмой день рождества, людей стали жаловать деньгами. Эти деньги назывались «Харальдовой чеканкой». Большую часть составляла в них медь, а серебра в них было не больше половины. Халльдор берет деньги, кладет себе на подол плаща, смотрит на них, видит, что они не чистое серебро, и сбрасывает их другой рукой, так что они все скатываются в солому. Бард говорит, что напрасно он так обращается с ними.

— Конунг оскорбится тем, что так обходятся с деньгами, которыми он пожаловал.

— Неважно, — говорит Халльдор. — Семь бед — один ответ.

III

После рождества стали снаряжать корабли: конунг хотел поехать на юг вдоль побережья. Он был уже почти готов к отплытию, а Халльдор еще не начал собираться. Бард сказал:

— Почему ты не собираешься, Халльдор?

— Не хочу ехать, — говорит тот, — и не поеду. Мне ясно, что конунг не расположен ко мне.

Бард говорит:

— Но он, конечно, хочет, чтобы ты поехал.

Затем Бард идет к конунгу и рассказывает, что Халльдор не готовится к плаванию.

— Ты ведь знаешь, что если он не поедет, трудно будет найти ему замену.

Конунг сказал:

— Скажи ему, что я хочу, чтобы он поехал со мной. Размолвка между

нами пустячная.

Бард встретился с Халльдором, сказал ему, что конунг ни за что не хочет отказаться от его службы, и дело кончилось тем, что Халльдор поехал. И вот плывут они с конунгом на юг вдоль побережья. Однажды ночью во время плаванья Халльдор сказал кормчему:

— Сворачивай!

А конунг сказал:

— Держи прямо!

Халльдор снова сказал:

— Сворачивай!

А конунг опять повторил то же самое. Халльдор сказал:

— Прямо на подводный камень правите.

Так оно и было. Сразу же корабль получил пробоину, и пришлось переправиться на берег на других кораблях. Затем разбили шатер и починили корабль. Бард проснулся, когда Халльдор сворачивал свой спальный мешок. Бард спросил, куда тот собирается, и Халльдор сказал, что собирается на торговый корабль, который стоит неподалеку.

— Наверно, наши дороги совсем разошлись. С меня довольно. Не хочу, чтобы конунг снова использовал свои корабли или другие сокровища для того, чтобы унижить меня.

— Подожди, — говорит Бард. — Я еще раз поговорю с конунгом.

Когда Бард пришел к конунгу, тот сказал:

— Рано ты встал, Бард.

— Нужда заставила, государь. Халльдор в дорогу собрался. Ты недружественно обошелся с ним. Никак за вами не уследишь. Он хочет уйти, наняться на корабль и разгневанным уехать в Исландию. Нельзя вам так расстаться. Ведь ты едва ли найдешь другого такого же надежного человека, как он.

Конунг сказал, что они еще поладят и что он не прочь помириться. Бард встретился с Халльдором и передал ему дружественные слова конунга. Халльдор отвечает:

— Зачем я буду ему дольше служить? Он даже платит мне обманными деньгами.

Бард сказал:

— Не говори так. Ты вполне мог бы удовлетвориться тем, что удовлетворяет сыновей вассалов конунга. И ведь ты поступил в прошлый раз очень дерзко, бросив деньги на солому. Ты же, конечно, понимаешь, что оскорбил этим конунга.

Халльдор отвечает:

— Я знаю только, что в моей службе никогда не было такого обмана, как в деньгах, которые конунг пожаловал мне за нее.

— Это верно, — говорит Бард. — Но подожди, я еще раз поговорю с конунгом.

Так он и сделал. Придя к конунгу, он сказал:

— Плати ему жалованье чистым серебром, ведь он этого достоин.

Конунг отвечает:

— Не кажется ли тебе дерзостью требовать для Халльдора других денег, чем те, которые получают у меня сыновья моих вассалов? И ведь он оскорбил меня прошлый раз, бросив деньги.

Бард отвечает:

— Подумай о том, государь, что гораздо важнее: о его благородстве и вашей дружбе, которая долго была крепкой, а также о своем великодушии. Ты знаешь нрав Халльдора и его строптивость. Тебе подобает оказывать ему уважение.

Конунг сказал:

— Дайте ему серебра.

Так и было сделано. Бард пришел к Халльдору и принес ему двенадцать унций чистого серебра. Бард сказал:

— Разве ты не видишь, что добиваешься у конунга того, чего желаешь? Он хочет, чтобы ты получал от него все, что тебе кажется нужным.

Халльдор отвечает:

— Но я больше не буду на корабле конунга, и если он хочет, чтобы я следовал за ним, пусть даст мне корабль.

Бард отвечает:

— Не подобает, чтобы вассалы конунга отдавали тебе свои корабли. Ты слишком дерзок.

Халльдор сказал, что тогда он не поедет, и Бард передал конунгу просьбу Халльдора.

— И если люди на корабле будут такими же надежными, как кормчий, то жалеть не придется.

Конунг сказал:

— Дерзкая это просьба, но я согласен.

Одним кораблем правил вассал конунга Свейн из Люргьи. Конунг велел позвать его.

— Вот какое дело. Ты человек очень знатный, как тебе известно. Поэтому я хочу, чтобы ты был на моем корабле, а твоим кораблем будет править другой человек. Ты из Вика и потому особенно нужен мне как

советчик.

Тот говорит:

— До сих пор ты больше советовался с другими, да и плохой я советчик. А кому же будет отдан корабль?

— Халльдору, сыну Снорри, — говорит конунг.

Свейн говорит:

— Вот уж не думал, что ты отдашь мой корабль исландцу.

Конунг сказал:

— Его род в Исландии не хуже, чем твой здесь в Норвегии, и не так еще давно те, кто теперь живет в Исландии, были норвежцами.

И вот, как велит конунг, Халльдор получает корабль, и они едут на восток, в Осло, и там им устраивают пиры.

IV

Рассказывают, что однажды, когда конунг и его люди пировали и Халльдор тоже был в покоях конунга, пришли люди Халльдора, которые сторожили корабль, все мокрые до нитки, и сказали, что Свейн и его люди захватили корабль, а их сбросили в воду. Халльдор встал, подошел к конунгу и спросил, отдан ли ему корабль и будет ли он принадлежать ему, как конунг обещал. Конунг отвечал, что, конечно, корабль будет Халльдора. Затем конунг созвал дружину и велел отправиться с Халльдором на шести кораблях с тройным числом людей на каждом. Они погнались за Свейном, и вскоре тот бежал на землю, а Халльдор с дружиной захватил корабль, и они вернулись к конунгу. А когда пиры кончились, конунг отправился на север вдоль побережья и к концу лета прибыл в Трандхейм.

Свейн из Люргьи послал сказать конунгу, что отказывается от корабля и просит конунга решить их спор с Халльдором, как ему будет угодно, но что всего больше он бы хотел купить корабль, если конунг согласится. Когда конунг увидел, что Свейн предоставляет ему рассудить спор, он захотел решить дело так, чтобы потрафить обоим. Он говорит Халльдору, что готов купить у него корабль за хорошую цену, но обещает Свейну, что оставит корабль ему, договаривается с Халльдором о цене и отдает ему деньги, но так, что за ним остается полмарки золота. Халльдор не требует этого остатка, и всю зиму конунг — его должник.

Когда началась весна, Халльдор говорит конунгу, что собирается летом в Исландию и что ему тогда пригодятся те полмарки золота. А конунг увиливает и не хочет платить, но и не запрещает Халльдору отъезд в

Исландию.

Весной Халльдор снарядил свой корабль в реке Нид. Однажды поздно вечером, когда корабль был уже совсем готов к отплытию, он вывел его из реки. Поднялся попутный ветер. Халльдор с несколькими людьми сел в лодку и подъехал к пристаням. Он причалил кормой и велел одному держать лодку, а другим — сидеть на веслах и ждать его. Затем он в полном вооружении пошел один вверх в город и направился прямо в покой, где спали конунг и его жена. Он входит, топоча и грохоча, так что конунг и его жена просыпаются, и конунг спрашивает, кто это ломится к ним среди ночи.

— Это я, Халльдор. Корабль готов к отплытию, и ветер попутный. Выкладывай-ка денежки.

— Это не делается так быстро, — говорит конунг. — Мы заплатим тебе завтра.

— Я хочу получить деньги сейчас же, — говорит Халльдор, — и не уйду без них. Нрав твой мне известен, и, как бы ты сейчас ни притворился, я знаю, что тебе не очень по душе, что и пришел к тебе за деньгами. Не поверю я тебе больше! Вряд ли мы с тобой будем очень часто встречаться, и более удобного случая мне не представится, так что я уж воспользуюсь этим. Вон у твоей супруги на руке запястье, в меру большое. Давай-ка его сюда!

Конунг отвечает:

— Тогда надо пойти за весами и взвесить запястье.

— Незачем, — говорит Халльдор, — я его беру, и мы в расчете. Не удастся тебе на этот раз перехитрить меня. Ну, давай быстрее!

Жена конунга сказала:

— Отдай ему запястье, раз он просит. Разве ты не видишь, что он готов убить тебя?

Она снимает запястье с руки и протягивает Халльдору. Тот берет запястье, благодарит обоих за уплату и желает счастливо оставаться.

— А теперь мы расстанемся! — сказал Халльдор.

Он поспешно вышел и спустился к лодке. Люди его ударили в весла, и они поплыли к кораблю, сразу же снялись с якоря и подняли паруса. А когда они отплывали, в городе затрубили тревогу, и последнее, что они видели, были три боевых корабля, выплывавших в погоню. Но они ушли от этих кораблей в открытое море, и те остались далеко позади. Ветер был попутный, и люди конунга повернули назад, увидев, что Халльдора им не догнать.

Халльдор, сын Снорри, был высок ростом, красив, очень силен и отважен в бою, как никто. Харальд конунг утверждал, что из всех его людей Халльдора было всего труднее испугать или обрадовать. Узнавал ли он о смертельной опасности или радостной новости, он не становился печальнее или радостнее. Выпадало ли ему счастье или несчастье, он ел, пил и спал не меньше, чем обычно. Халльдор был неразговорчив, немногословен, прям, неприветлив и резок. Он был задирист, с кем бы ни имел дело. Харальду конунгу, у которого на службе было много других людей, было это не по нраву. Поэтому, с тех пор как Харальд стал конунгом в Норвегии, они плохо ладили.

Когда Халльдор приехал в Исландию, он поселился в Стадном Холме. Через несколько лет Харальд конунг послал Халльдору, сыну Снорри, приглашение снова пойти служить к нему и уверял, что будет не меньше уважать его, чем раньше, если он приедет, и что ни одного человека в Норвегии без титула он не поставит выше него, если он примет приглашение. Когда до Халльдора дошли эти слова конунга, он ответил так:

— Никогда больше я не поеду к Харальду конунгу. Пусть каждый из нас обоим останется при том, что он получил. Мне его нрав известен. Я хорошо знаю, что он сдержал бы обещание: не поставил бы никого в Норвегии выше меня, если бы я к нему приехал. Потому что, если бы он только мог, он велел бы вздернуть меня на самую высокую виселицу.

Говорят, что, когда Харальд конунг сильно состарился, он велел передать Халльдору его просьбу прислать ему лисьих шкур, чтобы обтянуть ими свою постель: конунг очень мерз. Когда до Халльдора дошла просьба конунга, то, как говорят, он сперва сказал так:

— Старится петух!

Однако лисьих шкур он ему послал. Но они с конунгом так и не встретились, с тех пор как расстались в Трандхейме. Это было несколько холодное расставанье.

Халльдор дожил в Стадном Холме до глубокой старости.

Древнеирландский эпос

Настоящая статья покойного профессора А. А. Смирнова печатается с незначительными сокращениями по изданию: «Ирландские саги». М.-Л., Гослитиздат, 1961.

Кельты являются одной из тех группы племен, поэтическое творчество которых наименее знакомо современному читателю. Не говоря уже об огромной ценности древних ирландских саг для изучения общих проблем эпического творчества, они во многих отношениях представляют большой литературный и исторический интерес. Прежде всего, они представляют собою в наиболее полном и разработанном на западноевропейской почве виде поэзию родового строя с сохранением многих чрезвычайно архаических ее черт. Отсюда все главные их особенности, как в сюжетном, так и в стилевом отношении. Но в то же время это нечто гораздо большее, чем картина жизни давно минувшей эпохи, совершенно оторванной от всякой живой действительности. Обилие пережитков родового строя среди ирландского крестьянства вплоть до самого конца XIX века, а частично и до наших дней, объясняемое чрезвычайно социально-экономической отсталостью страны, приближает эти саги к ирландской современности, освещая многое из того, что происходило в Ирландии в сравнительно недавнее еще время. Далее — эти саги чрезвычайно своеобразны в стилевом и жанровом отношении. Наконец, они интересны и по связи своей со многими всем хорошо знакомыми образами и мотивами общеевропейской поэзии. С виду столь чуждая и обособленная кельтская поэзия связана с поэзией романских, германских и отчасти даже славянских народов многочисленными нитями, причем в некоторые эпохи связь эта проявлялась чрезвычайно ярко. Дважды по меньшей мере кельтские мотивы вошли в обиход всей европейской литературы, оказав на нее определенное воздействие. В первый раз это случилось в XII веке, когда появились романы Круглого Стола, в сюжетах и колорите которых многое почерпнуто из кельтских сказаний. Фигуры Тристана, короля Артура, волшебника Мерлина имеют прообразы или близкие параллели в ирландском эпосе. Но второй раз это произошло уже в XVIII веке, когда вся европейская поэзия, не исключая и русской (Карамзин, Пушкин, Жуковский), подпала под обаяние «Оссиана» Макферсона, который сам вдохновлялся шотландскими балладами — отпрыском, по боковой линии, того же ирландского эпоса.

Из огромного количества сохранившихся до нас старых ирландских сказаний нами были выбраны для перевода образцы из двух группы саг. Первая содержит древнейшие из героических саг, именно — относящиеся к циклу Кухулина. В таком виде, особняком, они стоят обычно и в древних ирландских рукописных сборниках. Нами подобраны те из них, которые изображают наиболее яркие моменты из жизни этого героя. Вторая группа составлена из саг довольно различных эпох и циклов. Общим для всех этих повестей является преобладание в них вместо героического элемента фантастики и трагических коллизий чувства. Можно условно назвать их сагами романтическими или фантастическими; мы остановимся на втором термине, как на более конкретном. Считаем необходимым сказать несколько слов о методах перевода стиха, вкрапленных в прозаический текст саг. Господствующим типом таких вставных ирландских стихов являются короткие строфы из четверостиший, попарно связанных между собою рифмой или ассонансами, нередко, кроме того, с применением аллитерации. Размер стиха силлабический, без малейшего намека на тоничность; строки обычно семисложные, с цезурой после третьего или четвертого слога. Пытаться воспроизвести этот размер в переводе, стремящемся к смысловой точности и вразумительности, было бы, ввиду краткости большинства слов в ирландском языке и вдобавок еще специфической лаконичности поэтического стиля, делом чрезвычайной трудности. Приведу в виде примера одно четверостишие из «Плавания Брана»:

Biaid tre bithu siri
cet m-bledne hi findrigi
silis lergga, lecht imchian,
dercfid roi roth imm rian.

В дословном переводе:

Будет сквозь века долгие
сто лет в светлом царствовании,
вырежет войска, могила длительная,
окрасит в красное поля, колесо вокруг следа.

Я перевел все такие стихи дольниками, в основном заботясь о

приподнятости тона, смысловой ясности и экспрессии.

Читателя, знакомого со старинным эпосом по «Илиаде», «Нибелунгам» или нашим былинам, ирландские саги с первого же знакомства с ними поражают глубоким своеобразием. Необычна, прежде всего, сама форма их. В противоположность эпосу других европейских народов, ирландский эпос сложился не в стихах, а в прозе. Своеобразен далее стиль его: четкий, ясный, поистине лапидарный, он при этом уснащен множеством риторических прикрас, весьма выразительных при всей их условности. Столь же оригинален ирландский эпос и по своему содержанию. Ко многим из тем и мотивов его нелегко подыскать параллели в эпосе других народов, по крайней мере, европейских; в частности, ни в одном из последних не уделено такого внимания женщине и не отведено такого видного места любви, как в ирландских сагах. Ни в одном из них также мы не найдем столь богатой и причудливой фантастики. Поражает, наконец, в этом эпосе странное соединение контрастов: первобытной жестокости и душевной утонченности, упоения фантазией и крепкого чувства конкретности, пышной величавости и задушевной интимности. При чтении ирландских саг возникает впечатление большой силы и особенной свежести.

Внешний тип и общий характер древнейших ирландских саг настолько своеобразны, что трудно найти у других европейских народов эпический жанр, им подобный. Ближе всего стоят к ним исландские саги (Этим оправдывается применение скандинавского термина «сага» к ирландским сказаниям, которые сами ирландцы называют просто «повестями» (scela)). Общими для тех и других чертами являются прозаическая форма, сжатость и реализм.

Если, однако, ирландский эпос и обладает глубокой оригинальностью, это не исключает того, что отдельные стилевые моменты и сюжетные мотивы его встречаются в эпосе других народов. Объясняется это отчасти общностью культурного быта, отчасти же перекрестными влияниями и заимствованиями.

В ирландскую поэзию проникло, без сомнения, немало преданий пиктов — туземного племени, населявшего Британские острова до прихода туда кельтов. Далее, на нее оказали последовательные влияния античность, христианство и, наконец, те же скандинавы. Так, например, наряду с древней, основной формой прозаической саги, с X века под скандинавским влиянием возникают на те же сюжеты краткие песни-баллады, дожившие до наших дней. Все же эти влияния, вместе взятые, оказались довольно незначительными. Главное — то, что заимствованные элементы были очень

быстро и радикально ассимилированы. Если эпос всякого народа отражает национальный облик его, то особенно это можно сказать про эпос героический. И в этом своем значении он был освоен и осознан самим ирландским народом.

Возникнув полтора с лишком тысячелетия тому назад, эти саги приняли дошедшую до нас литературную форму уже за тысячу лет до нашего времени. С тех пор, охраняемые как драгоценное национальное наследие, они продолжали переписываться и заучиваться наизусть в течение еще семи или восьми столетий, с величайшей заботой о том, чтобы в них приносилось как можно меньше изменений. Лишь с XVII века начинается процесс разложения этого древнего эпоса. Старые рукописи, ставшие непонятными в силу архаизма их языка забрасываются или уничтожаются, искажаются, сливаются с новыми мотивами; стиль вырождается. И все же традиция не обрывается и старый эпический запас не погибает. Образы и мотивы древнего эпоса переходят по большей части в народную сказку и в этой форме продолжают и по сей час храниться с той же заботливостью и любовью, как в старину. Нет такого темного неграмотного, забитого ирландского крестьянина, который бы не знал кое-каких сказаний о грозном Финне и его сыне, певце Ойсине (Оссиане), равно как и десятка-другого преданий о древних королях или местностях Ирландии — преданий, в которых под покровом вымысла таится зерно исторической действительности.

Наряду с бретонцами во Франции, валлийцами в Уэльсе и горными шотландцами, ирландцы являются сейчас одним из четырех осколков, сохранивших до сих пор свое национальное обличье, некогда великого кельтского племени, занимавшего в V–IV веках до н. э. наибольшую часть Европы (Британские острова, Галлия, Северная Италия, значительная часть Германии, Балканского полуострова и Испании), — племени, бывшего носителем довольно высокой и сложной материальной культуры. Сначала теснимые германцами, затем покоренные почти всюду римлянами, они в самом начале средних веков сохранили независимость лишь на Британских островах, откуда путем вторичной эмиграции в V веке захватили Арморику — нынешнюю Бретань. До XII века, а отчасти до самого конца средних веков им удалось удержать в четырех названных областях свою политическую независимость. Еще сейчас в этих четырех районах в значительной мере сохранились старые быт и нравы, родной язык и литература на нем, весь национальный уклад жизни.

Самым крупным очагом кельтской культуры в средние века была именно Ирландия. Это была единственная страна на западе Европы, куда

не ступала нога римского легионера. Когда в VI веке до н. э. кельты со своей первоначальной родины, находившейся в западных областях нынешней Германии, пришли в качестве завоевателей на Британские острова, они нашли страну заселенной первобытными племенами. Эти последние — пикты, атекотты, каледонцы и другие, — вероятно, были родственны иберам, занимавшим в доисторические времена Пиренейский полуостров и значительную часть Галлии. Покорив и ассимилировав их, кельты, в свою очередь, сами подверглись сильному их влиянию, значительно, по-видимому, задержавшему их культурное развитие. Это выразилось не столько в заимствовании бытовых черт и воззрений, неизвестных кельтам, сколько в том, что, оказавшись среди племен, переживавших еще более раннюю ступень родового строя, кельтские пришельцы нашли обстановку, укрепившую архаические черты этого строя, еще не изжитые ими самими.

Обращенная в христианство в V веке отчасти благодаря миссионерской деятельности святого Патрика. Ирландия с конца VIII до конца X века подвергалась набегам норвежских и датских викингов, одно время утвердившихся на юго-востоке острова, в районе Дублина, и причинявших стране разорение. В XII веке произошло завоевание Ирландии англо-норманнами, однако власть английских королей долгое время была чисто номинальной, пока в XVI веке не совершилось окончательное подчинение страны Англии. В эпоху борьбы и последовавшую за ней эпоху порабощения Ирландии предания родной старины были предметом величайшей любви всего народа. Но творчески они обогатились мало, ибо их развитие и формирование произошло еще в период независимости Ирландии и может считаться законченным к X веку. Труднее ответить на вопрос, к какому времени следует отнести их зарождение. Местные хроники относят жизнь Конхобара и Кухулина — двух главных героев уладского цикла — к началу нашей эры. Но в таком случае пришлось бы допустить, что добрых полтысячелетия (до V века, когда вместе с христианством в страну проникла письменность) эти предания сохранились, не разрушаясь, в шаткой форме устных рассказов, что маловероятно.

Однако если предания уладского цикла могут притязать на частичную историческую достоверность, то иначе обстоит дело со вторым героическим циклом, циклом Финна. Есть серьезные основания полагать, что предания о нем носят вполне легендарный характер; скорее всего. Финн — древний мифический образ, поздно и своеобразно оживший в фольклорном творчестве.

Что касается, наконец, разнообразных саг, не входящих ни в первый, ни во второй из названных циклов, то время их создания весьма различно. Древнейшие из них зародились примерно в VI–VII веках. По своему стилю и общему характеру они также занимают среднее положение между обоими упомянутыми пимами.

С V века началась христианизация саг, вообще говоря, довольно слабая. Она сказалась не столько в коренных заменах или прибавках к тексту, которые часто бывает трудно выделить, сколько в затушевывании слишком яркого языческого элемента. Лишь в IX веке в судьбе цикла произошло значительное изменение. Опустошения, производимые в это время во всей стране викингами, побудили ревнителей старины позаботиться об охране национальных эпических преданий. Приходилось спасать дорогие рукописи от огня и меча, людям пера и слова приходилось ютиться в защищенных местах, собирая вокруг себя свои ценности. Это дало повод для общего пересмотра эпического материала. Старые саги, эпизодические, разрозненные, нередко противоречивые в разных их редакциях, были трудами грамотеев-монахов и светских литераторов собраны вместе, согласованы и объединены в обширные компиляции, тщательно переписанные. Более поздние списки этих компилятивных рукописей, восходящие к XI–XII векам, и сохранили нам эти саги в том виде, в каком мы их предлагаем в нашем переводе.

Таким образом, саги эти, прежде чем принять свой окончательный вид, жили и развивались уже в течение семи-восьми веков. Поэтому, говоря о быте, в них отразившемся, приходится иметь в виду не какой-либо один, точно ограниченный период, а всю указанную эпоху в целом, отдельные моменты которой наложили на саги свои последовательные наслоения. Однако архаическая основа в сагах настолько преобладает над новшествами, что практически можно считать эти саги отражающими состояние Ирландии языческой эпохи и лишь самых первых времен христианства, то есть примерно с III по VII век и.

Энгельс отмечает чрезвычайную живучесть родового строя у кельтов: «Древнейшие из сохранившихся кельтских законов показывают нам род еще полным жизни; в Ирландии он, по крайней мере инстинктивно, живет в сознании народа еще и теперь, после того как англичане насильственно разрушили его; в Шотландии он был в полном расцвете еще в середине прошлого столетия и здесь был также уничтожен только оружием, законодательством и судами англичан» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21).

В интересующую нас эпоху родовой строй в Ирландии со всеми

характеризующими его чертами — коллективной собственностью, вождями или старейшинами, общими народными собраниями всех взрослых («примитивная демократия»), натуральным хозяйством, тенденцией к перекочевыванию, групповым или парным браком, предшествующим моногамии, матриархатом, обычаем усыновления, кровной мстью, нередко уже, однако, заменявшейся выкупом, культом племенных богов, природных сил и всякого рода духов, следами тотемизма и табу, огромной ролью в быту и в общественной жизни магии и заклинаний — сохранял еще полную силу. Его устойчивость объясняется значительной изолированностью Ирландии, ничтожной внешней торговлей и отсутствием живого контакта с римской цивилизацией, медленным ростом производительных сил страны, окруженной еще более варварскими, полудикими туземными племенами. Тем не менее, даже в эту древнюю эпоху мы наблюдаем определенные признаки разложения в Ирландии родового строя, выразившиеся в значительном имущественном и социальном неравенстве разных слоев населения и в захвате земель вождями или старейшинами. Однако к феодализму в подлинном смысле слова это не привело, несмотря на позднейшие усилия англо-норманнских завоевателей (с XII века) насадить в Ирландии феодальные отношения.

В основе всех общественных группировок лежало древнее понятие кровного родства. Самые мелкие социальные ячейки, семьи, объединялись в роды, роды — в кланы, кланы — в племена. Долгое время еще поддерживалась фикция, будто целые племена объединены происхождением от общего предка. Это не мешало принимать в состав родов или кланов лиц совершенно посторонних путем обряда усыновления. Род еще сохранял институт круговой поруки: он отвечал коллективно за преступления каждого своего члена, платил его долги и т. п. Каждая из перечисленных групп управлялась авторитетом своих главарей-старейшин.

Если племя занимало достаточно обширную территорию, ее глава носил титул короля или «подкороля», иначе говоря — князя; само же племя именовалось в таком случае народом. Одно время в Ирландии было сто восемьдесят четыре таких «народов», но не все они имели «подкоролей». Последние были подчинены королям областей (или королевств), которых вначале было пять: 1) Ульстер (на севере и северо-востоке Ирландии), 2) Коннахт (на западе), 3) и 4) Мунстер (на юге и юго-западе), разделявшийся на Восточный и Западный, позднее — на Северный и Южный, и 5) Лейнстер (на юго-востоке) (Только это деление и знают наши саги. Но приведенные имена более позднего происхождения. Первоначально области вовсе не имели собственных имен, а обозначались

перифрастическим именем населения. Вместо позднейшего: «в Ульстер», «в Ульстере», говорилось: «к уладам», «у уладов», и точно так же: «к коннахтам», «к муманам». «к лагенам» и т. д. Мы позволили себе ради ясности ввести в перевод искусственно образованные формы: «Улад», «Муман» и «Лаген», которых в действительности не существовало). Позже в центре страны была выделена шестая область — Миде. Она была наделом верховного короля Ирландии, который жил в Темре (в новом произношении — Тара) и которому были подчинены короли других областей. Получалась сложная, многоярусная структура власти, кое-чем напоминающая нашу удельно-вечевую систему и сводившаяся к многочисленным даням и повинностям, не всегда достаточно определенным и часто невыполнявшимся. Власть королей над «подкоролями» (князьями) и подданными покоилась на широко распространенном институте заложников. Без них не обходились ни один договор, ни одна крупная сделка.

Это не значит, что не было твердого законодательства. Наоборот, существовала сложная правовая система, которая блюлась особой коллегией суден. Обширный сборник гражданского права, дошедший до нас, был составлен, по преданию, еще в 438 году. В нем излагались не только узаконения и формы правосудия, но и нормы всех социальных отношений вообще. Кровная месть уже заменена во всех случаях (впрочем, лишь в законе, но не всегда, конечно, в быту) пеней-выкупом, тщательно таксированным. Единицей цены в ту эпоху натурального хозяйства являлась рабыня или, как эквивалент ее, три коровы.

Население распадалось на три класса: 1) «благородные», 2) «свободные», подразделявшиеся на обладавших и не обладавших собственностью, и 3) рабы. Последние происходили большей частью из туземных племен, покоренных пришельцами-кельтами, и пополнялись из числа военнопленных. Свободные имели кое-какие политические права. Именно: в определенные сроки, обычно раз в год, в главных центрах всех пяти королевств происходили общие народные собрания, чаще всего связанные с ярмарками. Одно из таких собраний описано в начале саги «Болезнь Кухулина». Здесь, наряду с играми, состязаниями и другими увеселениями, обсуждались важнейшие дела и утверждались новые законы. Впрочем, голос народа имел лишь моральное значение и король (князь) был волен ему не подчиняться.

Нравы населения были чрезвычайно грубы и жестоки. Обычными занятиями всех «благородных» были война и охота. Покорение туземных племен (пиктов, атекоттов) на севере Ирландии еще не было закончено.

Было много и других причин для войн и распрей. Постоянно совершались всякие правонарушения и взаимные обиды. Низшие князья восставали против высших. Грабежи происходили ежедневно. Так как главным богатством был скот, то распространеннейшей формой разбоя был угон скота. Такие «угоны коров» (или быков) прославлены во многих сагах. Один из них является темой великой ирландской эпопеи «Угон быка из Куалнге». Вдобавок к этому ирландские пираты непрерывно грабили берега Англии и Шотландии, увозя жителей, чтобы обратить их в рабство: одним из таких британских пленников-рабов и был святой Патрик, старавшийся обратить Ирландию в христианство. Предпринимались и более далекие экспедиции, отголоски которых звучат в сагах о Кухулине. В результате таких набегов, принявших со временем более организованную форму, западная Шотландия была колонизована ирландцами — предками части нынешних горных шотландцев.

Способ ведения войны отличался большой жестокостью. Население целых поселков иногда сплошь избивалось, посеvy уничтожались, весь скот угонялся. Каждый «свободный» был воином. Любопытно, что сражались и женщины. Лишь в 697 году, по настоянию аббата Адамнана, был принят закон, освобождающий женщин от военной повинности. Иногда водили в бой специально обученных боевых псов, которые грызли врага. Был обычай отрезать головы убитых врагов и сохранять черена в качестве трофеев. Про одного из героев, Кета, сына Матаха, в сагах рассказывается, что он не мог уснуть иначе, как подложив под колено голову убитого им в тот день врага. Более упрощенным способом было отрезание и хранение языков, как это описано в начале саги «Болезнь Кухулина».

Наряду со всем этим наблюдается своеобразное понятие чести. Всякая пеня состояла из двух частей: 1) возмещение убытка, 2) «возмещение чести». «Свободный», беря в жены девушку, давал ей в виде свадебного дара «выкуи ее чести». При дворах королей соблюдалось местничество; одну из картин такого рода рисует нам сага «Повесть о кабане Мак-Дато». Но иногда понятие чести носило менее материальный характер или не сводилось только к тщеславию. Верность вождю или данному слову считалась обязательной для воина. Одним из высших выразителей чести и душевного благородства является в сагах Кухулин.

Весьма распространен был обычай воспитывать детей на стороне либо в виде «залога дружбы», либо за плату, в педагогических целях, для закалки характера. Мальчики оставались на воспитании до семнадцати, девочки — до четырнадцати лет, то есть до их гражданского совершеннолетия.

Обязанности приемных родителей понимались очень широко. У детей устанавливалась с их молочными или сводными братьями близкая связь на всю жизнь, иногда более прочная и глубокая, чем кровное родство. С понятием «совоспитанничества» сливалось обозначаемое тем же термином понятие побратимства, которое могло установиться позднее на почве общих юношеских подвигов. Классическим примером такого побратимства являются отношения между Кухулином и Фердиадом (см. сагу «Бой Кухулина с Фердиадом»).

Женщины пользовались почти всеми теми же гражданскими правами, что и мужчины, и активно участвовали во всех мужских делах, даже в войне. Примером такой воительницы может служить властная и жестокая королева Медб (см. сагу «Бой Кухулина с Фердиадом»). Характерно отношение Кухулина к его жене Эмер и вообще к женщинам (см. сагу «Болезнь Кухулина»). Все это, конечно, не исключало известного неравенства. В то время как для воина завести наложницу было обычным делом, измена жены мужу каралась жестоко, вплоть до сожжения на костре. Вообще же, как отмечает Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», у кельтов до XI века моногамия отнюдь еще не вытеснила «парного брака», и в Ирландии рассматриваемой эпохи были «широко распространены браки на время», многочисленные следы чего можно легко найти в сагах.

Религиозные и магические верования занимали огромное место в частной и общественной жизни древних ирландцев. Наряду с обширным пантеоном божеств, среди которых можно различить несколько последовательных напластований, существовала весьма развитая вера во всевозможных духов, населяющих землю, воду и воздух. Вся жизнь представлялась пронизанной действием сверхъестественных сил и колдовством.

Религиозно-мифологический элемент играет своеобразную роль в ирландских сагах. Как всякий архаический эпос, они вначале, несомненно, были густо насыщены им. Но так как принятие ими окончательной (письменной) формы совершилось уже в христианскую эпоху, то этот языческий элемент оказался в них сильно сокращенным. Однако, сокращенный и затушеванный, он отнюдь не был в них совершенно искоренен. Еще долго после официального введения христианства в народе держалось двоеверие. Да и само ирландское духовенство проявило в этом отношении гораздо большую терпимость, чем духовенство в других странах. Удар пришелся главным образом по высшему классу древних богов — богам из племени богини Данан, которые были переосмыслены

как племя полубогов — сидов (side). Представление об их местопребывании двойится. Они не то обитают на чудесном острове (или островах), где-то далеко за морем, не то под землю, в холмах Ирландии. Они малы ростом и прекрасны собою, вечно молоды и превосходят людей силой и мудростью, будучи во всем остальном им подобны. Они владеют великими сокровищами и проводят жизнь в пирах и играх, в любви и веселии; они кротки и великодушны, но иногда ведут войны с племенами иных духов. Бессмертны они или только обладают даром долголетия — трудно установить. По-видимому, они не знают естественной смерти, но могут погибать в бою (как, например, родичи Син в саге «Смерть Муирхертах»). Им присуща также способность менять свою наружность или становиться совсем невидимыми (см. «Исчезновение Кондлы»). Часто они покидают свое обиталище и вмешиваются в жизнь людей: помогают им, вступают с ними в любовные связи, порою заманивают их на свои волшебные холмы и там иногда потешаются над ними, но обычно отпускают, одарив богатством и мудрыми советами (см. «Приключения Кормака»). Иногда, однако, для устройства своих дел они сами прибегают к помощи смертных (см. «Болезнь Кухулина»). Мстительными и жестокими они становятся лишь тогда, когда люди сам» причиняют им зло (Син в «Смерти Муирхертах»). В общем, сиды весьма похожи на фей, что вполне понятно, ибо образ средневековых фей возник именно из круга кельтских мифических представлений. Главное различие между ними в том, что сиды бывают обоего пола, и случаи обольщения женщины сидом столь же обычны в этих сказаниях, как и обольщение смертного героя сидой.

Рядом с ситами мы все же находим в сагах кое-какие образы старых, «классических» богов. Из числа богов назовем, как наиболее часто встречающихся, следующих. Это Луг — бог света, а также всех искусств и ремесел, отец Кухулина: Огме — бог мудрости, красноречия и письменности, столь же древний и общекельтский, как Луг: от его имени происходит якобы название огама — дохристианскую, рунического алфавита ирландцев, в котором буквы определялись числом и направлением нарезок на куске дерева. Мананнан и отец его Дер были божествами моря. Бог Мидер, лишенный определенных функций, известен своим даром превращений и любовью к смертным женщинам (см. «Любовь к Этайн»). Из многочисленных божеств войны (которые все — женского пола) назовем Морриган, упоминаемую в саге о смерти Кухулина. Кроме этих «светлых» божеств, мы находим в сагах и «темных» богов; это зловещие и вредоносные фоморы, живущие в мрачном обиталище где-то на севере, за морем. Наконец, встречаются следы самого древнего,

общекельтского поклонения стихиям и небесным светилам (см. например, клятву Кухулина в «Бое Кухулина с Фердиадом»).

Особой формой близости между людьми и богами являются земные воплощения последних. Зачатие земною женщиною сына от божественного отца — обычный мотив в мифологии всех народов.

Мы находим в ирландском эпосе мало подробностей о языческих праздниках ирландцев и связанной с ними обрядности. Главным праздником был Самайн, справлявшийся в ночь на 1 ноября и знаменовавший собою наступление зимы. Жрецы (друиды) разводили священный огонь, и пока он горел, все другие огни в Ирландии должны были быть погашены. В костры бросались жертвы, и при этом происходило поклонение идолам. За этим следовали игры и увеселения, длившиеся целую неделю (см. начало саги «Болезнь Кухулина»). В ночь Самайна разверзались волшебные холмы, и тогда обитатели их, сиды, вступали чаще всего в общение с людьми. Церковь, в старину охотно приспособлявшая языческие верования и обряды к своим целям, связала праздник Самайн с христианским днем всех усопших, который приходится на 1 ноября. Реже упоминается второй сезонный праздник, Бельтене, справлявшийся в ночь на 1 мая (начало лета). И здесь друиды возжигали с заклинаниями священный огонь. Во всей Ирландии в эту ночь прогоняли скот, по одной паре от каждого стада, между двух костров, чтобы предохранить его на целый год от болезней. Во время обоих этих праздников происходили гадания.

Лучше всего сохранилась в сагах (не мифологического цикла) вера в духов. Тут мы встречаем несметные полчища духов — «козловидных», «бледноликих» и иного вида, призраков, волшебных существ, одноруких, одноногих и одноглазых, страшных старух волшебниц, девушек-птиц. Не перечесть всех упоминаемых в сагах чудесных превращений, предсказаний, предзнаменований. Главную роль в магической практике древней Ирландии играли заклинания — как приворотные, так и оградительные, применявшиеся при всяком случае. Сюда же относятся «злые песни», содержащие угрозу наслать разные беды, болезни и даже смерть в случае невыполнения требования. К ним приходилось прибегать даже при судопроизводстве: при отсутствии исполнительного аппарата, когда осужденный отказывался подчиниться приговору, не оставалось ничего другого, как спеть ему такую «злую песню». Часто ими пользовались для всякого рода вымогательств. Любопытно, что сила воздействия «злой песни» состояла не только в угрозе, заключенной в ней, но и в некоей моральной принудительности, с нею связанной. Это явствует

из тех случаев, когда жертва повиновалась требованию, заведомо обрекавшему ее на смерть.

Совершенно особым видом колдовских поверий были у ирландцев так называемые гейсы. Это — своеобразные запреты или зароки, лежащие на отдельных лицах. От сходных религиозных запретов, встречающихся у других народов («табу»), они отличаются тем, что носят обычно персональный характер. Они чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них, без сомнения позднейшие, имеют как будто исключительно моральный характер: например, один из гейсов Кухулина повелевал ему не отказывать в помощи ни одной женщине. Другие выдают свое тотемическое происхождение: например, гейс того же Кухулина — не вкушать мяса собаки (имя его значит «пес Кулана», о чем см. ниже). Некоторые, наконец, связаны с культом природных сил, так, например, на короле Конайре лежал запрет — не выходить из дома после захода солнца.

Хранителями мифических преданий и колдовской мудрости были друиды. Так как они в то же время были прикосновенны к литературе и так как, с другой стороны, к ворожбе были причастны профессиональные поэты или сказители, то и тех и других удобнее рассматривать совместно.

Естественно, что в древней Ирландии был широко развит институт жречества. Жрецы были хранителями не только мифических, но и родовых героических преданий. Это приводит нас к вопросу об авторах и рассказчиках саг.

На древнейшей ступени родового строя в Ирландии мы находим следующие три группы лиц, имеющих отношение к литературному творчеству: 1) друиды (собственно жрецы), 2) барды (певцы-поэты) и 3) филиды. Но с течением времени область деятельности и моральное значение каждой из этих групп подверглись большим изменениям.

Наиболее высокое положение занимали первоначально друиды. В Ирландии, как и в Галлии, они были некогда и судьями и хранителями мифических или героических преданий. Обе эти функции, однако, рано перешли от них к филидам: друиды остались лишь жрецами и учителями юношества. После христианизации Ирландии значение их быстро падает. Часть друидов, принявшая христианство, пополнила собою ряды духовенства; другая часть, упорно привязанная к старой вере, обратилась в народных знахарей и колдунов. Но в сагах отразилось еще их прежнее почетное положение. Предсказатели, толкователи снов и мудрецы, они занимают первое место около королей, являясь их советниками в важнейших делах. Конхобар и многие другие короли — сыновья друидов.

Более скромным, но зато и более устойчивым был удел бардов. Они

как были, так и остались исключительно поэтами, певцами и музыкантами. После падения друидов они даже выиграли, перенеяв их роль учителей. Школы бардов, возникшие в самом начале христианского периода, продолжали существовать вплоть до XVII века. Они содержались на общественные средства, и в них обличалось иногда до трети всего населения Ирландии. Что касается филидов, то они были и законоведами, и предсказателями, и государственными мужами. Они же в качестве знатоков топографии и родословных Ирландии занимали место ученых-историков при всех королевских и княжеских дворах. Они были также поэтами и, наконец, рассказчиками мифологических и героических повестей. Нет сомнения, что они же были и первыми их авторами. Именно в среде филидов и в той придворной обстановке, в которой они действовали, следует искать зарождение ирландских саг.

Привязанные к дому своего короля или князя и к его наделу, эти знатоки древних законов, верований и преданий, владевшие мастерством как прозаической, так и стихотворной речи, без сомнения, первые выработали форму и тип дошедших до нас саг. В долгие зимние вечера они развлекали собравшихся у очага обитателей королевского дома, рассказывая древние предания. Лишь постепенно, уже после исчезновения филидов, с переходом эпического материала к народным сказителям, саги эти, все шире и шире распространяясь, превратились из аристократического по своему происхождению жанра в жанр вполне народный и стали всеобщим достоянием, предметом любви и интереса всего населения.

С самого начала эти саги сложились в прозе. Но вскоре их авторы, а вслед за ними и рассказчики стали вставлять в прозаическое повествование ради его оживления и эстетического эффекта обычно небольшие, но иногда довольно обширные отрывки в стихах. Но в стихах передаются исключительно либо моменты высшего драматического напряжения, либо речи действующих лиц — притом лишь тогда, когда они достигают высокого пафоса. Мы нигде не встретим сколько-нибудь связного изложения событий в стихах. Нет сомнения, что все они вторичного происхождения и носят чисто декоративный характер. В них филиды нашли применение своего искусства в «высших» видах лирики. С течением времени число стихотворных вставок увеличилось вплоть до того, например, что в некоторых частях эпопеи «Угон быка из Куалнге» они образуют чуть не половину текста. В разных версиях, при полном тождестве прозаического текста, стихотворные вставки бывают весьма различны, а иногда и вовсе отсутствуют. Это касается главным образом

таких «типических» мест, как описание пиров, вооружения, сражений и т. п., для которых существовали традиционные формулы (как и в наших былинах) и которые переносились из одной саги в другую.

Количество сохранившихся саг огромно. В одном тексте X века сохранился список названий ста шестидесяти одной саги, которые возникли до 650 года, а если привлечь другие свидетельства, то число это может быть доведено до двухсот семидесяти восьми.

Объем саг, за редкими исключениями, невелик: каждая из них могла быть рассказана в один зимний вечер. Все они имеют эпизодический характер. Правда, делались попытки создать обширные, монументальные эпопеи, и до нас дошли две-три повести огромных размеров и широких по замыслу; одна из них — «Угон быка на Куалнге». Но попытки эти явно искусственны. Композиция этих повестей крайне слаба, и они отчетливо распадаются на ряд отдельных эпизодов.

Древнейшим и во многих отношениях наиболее интересным из циклов ирландских саг является цикл уладский, из которого сохранилось более ста образцов. Он зародился и расцвел при дворе уладских королей еще в те времена, когда Улад был более обширной, чем впоследствии, областью и мог притязать на гегемонию в Ирландии. Это местное происхождение цикла явствует не только из того, что местом действия его саг является обычно территория Улада, но и из того, что уладские герои изображены в нем как превосходящие героев других областей.

Общим фоном событий цикла служит старинная борьба между Уладом и Коннахтом, выражавшаяся как в постоянных мелких набегах, грабежах и пограничных схватках (см. «Повесть о кабане Мак-Дато»), так и в больших организованных походах («Угон быка из Куалнге»). По свидетельству летописей, борьба эта длилась со II века до н. э. по II век н. э. Сила враждебного Коннахта воплощена в уладских сагах в образах могучей и жестокой королевы Мебд и ее мужа, короля Айлиля, окруженных такими бойцами, как Кет, сын Матаха, Фергус, Фердиад и другие. Мебд удалось привлечь на свою сторону королей других областей, например, короля Мумана — мудреца и волшебника Курои, сына Дайре, или Лугайда, короля Лагена. Этой коалиции противостоит мощь короля уладов Конхобара и лучших бойцов — Кухулина. Конала Победоносного и Лойгайре Сокрушителя, группирующихся вокруг него в древней столице уладов — «дивной Эмайн-Махе».

Первоначальным стержнем всего цикла была личность самого Конхобара, жизнь которого хроники относят к I веку до н. э. и I веку п. Но вскоре его постигла та же участь, что и былинного князя Владимира,

короля Артура и многих других эпических королей: он был оттеснен на задний план своими юными витязями. В дошедших до нас сагах много говорится о красоте, о грозной и величавой осанке Конхобара, которого улады «почитали своим земным богом», но ничего не говорится о его собственных «подвигах силы и мужества». Главным героем цикла стал племянник Конхобара, непобедимый Кухулин. Было, однако, время, когда Кухулин не фигурировал в уладском цикле. Если в «Недуге уладов» он и не мог выступать, так как события этой саги отнесены ко времени до Конхобара, то отсутствие его имени в сагах с участием Конхобара («Повесть о кабане Мак-Дато» и «Изгнание сыновей Уснеха»), в которых дело идет о чести и благе всего народа, было бы совершенно необъяснимым, если бы к моменту возникновения этихсаг эпический образ Кухулина уже сложился. Зато сразу после своего вступления в цикл Кухулин занял в нем первенствующее положение. Главные события цикла происходят на территории, являющейся личным наделом Кухулина. в Куалнге или на равнине Муртемне, что лишний раз подтверждает гипотезу о местном и родовом происхождении этих сказаний.

Если и не было создано сплошной, связной повести о жизни Кухулина, то эпизодические саги о нем настолько согласованы между собою, что можно составить по ним его легендарную биографию. Некоторые из саг, изображающих важнейшие моменты из его жизни, включены в настоящую книгу. Заполним остающийся пробел кратким пересказом других, наиболее значительных. За повестью о чудесном рождении Кухулина следуют сказания о его детстве. Еще ребенком он превосходил всех своих сверстников силой и ловкостью. Когда ему исполнилось шесть лет с ним случилось происшествие, объясняющее его прозвище. Конхобар и все его воины отправились на пир, устроенный кузнецом Куланом. Мальчик, оставленный дома, выбрался на свободу и захотел присоединиться к пирующим. Во дворе Кулана на него напал сторожевой пес хозяина, отличавшийся такой силой и свирепостью, что целый отряд воинов не мог бы справиться с ним. Но мальчик метнул в его пасть камень из пращи, пронзивший пса насквозь, и тот пал на месте. Все подивились этому подвигу. Однако Кулан, понесший ущерб, потребовал, чтобы мальчик отслужил ему некоторый срок сторожем за пса, что и было исполнено: отсюда имя нашего героя — Ку-Кулайн, «Пес Кулана;»). Семи лет он впервые получил оружие и сразу стал побеждать сильнейших бойцов Ирландии. Когда Кухулин сделался юношей, женщины и девушки Ирландии стали влюбляться в него за его красоту и подвиги. По настоянию уладов он решил жениться (см. «Сватовство к Эмер»). В перипетиях

опасного сватовства ему пришлось побывать в Шотландии, где он обучился всем тонкостям военного искусства. Мимолетно он слюбился там с богатыршей Айфе, которая родила ему сына, Конлайха. Когда Конлайх вырос, он отправился в Ирландию разыскивать своего отца. Они встретились, сразились, не признав друг друга, и сын Кухулина пал от руки отца. В возрасте семнадцати лет Кухулин совершил свой величайший подвиг, обороняя одну свою родину против целого вражеского войска (см. подробнее в примечаниях к помещенным здесь отрывкам саги «Угон быка из Куалнге»).

Двумя важнейшими эпизодами жизни Кухулина являются далее любовь его к сиде Фанд, связанная с его победоносной экспедицией в «страну блаженных» (см. «Болезнь Кухулина»), и борьба Кухулина за первенство, послужившая предметом обширной саги «Пир у Брикрена». Между женами трех величайших героев Улада — Кухулина, Конала Победоносного и Лойгайре Сокрушителя — возник спор о том, кому из их мужей принадлежит первенство. Ссора эта нарочно была подстроена злокозненным Брикреном, сеятелем раздоров, который с этой целью пригласил всех героев к себе на пир (основной мотив и схема рассказа те же, что и в «Повести о кабане Мак-Дато»). Герои против воли вовлечены своими женами в распрю. Происходят ряд состязаний между ними, в которых Кухулин неизменно берет верх, но всякий раз судьи отказываются признать испытание решающим. Наконец, все трое едут к Муман, к хитроумному королю-волшебнику Курои, сыну Дайре, который придумывает испытать не их силу и боевое мужество, а моральную доблесть. Он предлагает каждому из них отрубить ему, Курои, голову, с тем что на следующий день он явится, если сможет, и, в свою очередь, отрубит голову смельчаку. Все трое принимают вызов, но когда оживший Курои является за расплатой, Канал и Лойгайре уклоняются, и лишь один Кухулин дерзает подставить голову под топор. Однако Курои щадит Кухулина и награждает его за смелость: отныне он получает имя «первого героя» Ирландии.

Поэтическая биография Кухулина завершается величавой сагой о его смерти.

Образ Кухулина имеет, по всей вероятности, историческую основу, рано обросшую мифическими элементами. В нем проступают архаические, быть может, туземные (пиктские) черты. Наряду с описанием грозной внешности и красоты Кухулина, от лица которого исходит такой блеск, что взору трудно его выдержать, он нередко изображается в сагах как «маленький, невзрачный человек, смуглый и темноволосый»: это уже не

континентально-кельтский тии (близкий к древнегерманскому), а скорее пиктский, родственник иберийскому. Форма первоначального имени его — Сетанта, — во всяком случае, не ирландская. Что касается вытеснившего ее прозвища — Кухулин, но и тут весьма вероятно, что объясняющее его сказание есть позднейшее осмысление («Пес Кулана»), за которым скрывается нечто иное. Была высказана догадка, что оно тотемического происхождения и что в нем заключено международное звукоподражательное имя кукушки. В подтверждение этой гипотезы можно было бы привести сагу о рождении Кухулина, где он оказывается вскормленным в чужом доме (подброшенным в чужое гнездо), причем перед моментом его рождения появляются таинственные птицы.

Вообще же вся личность и судьба Кухулина, начиная с зачатия его сестрой Конхобара от бога Луга (см. «Рождение Кухулина»), окутаны мифическими элементами. Если Конхобар метафорически именуется «земным богом» уладов, то Кухулин — подлинный полубог. Ни один из других героев не обладает такими чудесными свойствами и способностями, как Кухулин. Когда он приходит в боевую ярость, он вырастает и весь преображается; он почти обладает способностью летать по воздуху и т. п. (см. «Сватовство к Эмер»). Весьма вероятно, что в образе Кухулина слилось несколько образов, эпически, исторически и мифически первоначально различных. Но, слившись воедино, они составили один целостный образ, всячески приукрашенный поэтической фантазией.

Именно в образе Кухулина древняя Ирландия воплотила свой идеал доблести и нравственного совершенства, своего рода первобытного рыцарства. Наряду с необычайной силой и мужеством Кухулин обладает душевным благородством. Большинство лежащих на нем гейсов имеет высокий моральный характер: никогда не отказывать в помощи женщине, никогда не отвергать предлагаемого гостеприимства, всегда быть верным данному слову и т. д. Он великодушен к врагам, отзывчив ко всякому горю, утонченно вежлив с женщинами, всегда — защитник слабых и угнетенных. Ни один из его подвигов не имеет своим стимулом корысть или эгоизм. Он самоотверженно один отстаивает грудью свою родину от полчищ врагов («Угон быка из Куалнге»). Он безутешен, когда его рукою сражен друг его юности («Бой Кухулина с Фердиадом»). Полна высокого трагизма повесть о его смерти, где он гибнет за других как жертва долга и чести.

По сравнению с Кухулином другие персонажи цикла значительно бледнее. Нельзя, однако, и тут отказать авторам (или редакторам) саг в умении создавать характеры. Один за другим, вслед за Кухулином, выступают перед нами добродушный простак Фергус, язвительный и

злокозненный Брикрэн, первобытно грубый, свирепый Кет, смелый и нежный Найси. Такие же оттенки, весьма выразительные, находим мы и в женских характерах. Стоит сопоставить жестокую, дышащую ненавистью королеву Медб с проникнутой единой любовью Дейрдре или пленительную возлюбленную Фанд с верной, сознающей свои права супругой Эмер («Болезнь Кухулина»).

По еще выше, чем искусство характеристики, в этих сагах — их язык, органически крепкий, к в то же время до тонкости разработанный многими поколениями рассказчиков. Манера повествования гибка и разнообразна. В драматических местах стиль напряженный и сжатый («Смерть Кухулина»), в описательных — замедленный и пространный (описание пиршественного зала Конхобара в начале саги «Сватовство к Эмер»). Забота о выразительности, вплоть до звуковых аффектов, проявляется в подборе эпитетов, параллелизмов и многочисленных аллитераций (последними особенно богато начало «Боя Кухулина с Фердиадом», где мы частично пытались соблюсти их в переводе).

Тии саги, выработанный в уладском цикле, оказался руководящим и для других циклов. В фантастических сагах читатель найдет немало тех же самых, переживавших сюда черт, но, конечно, немало и новшеств. Ввиду, однако, разнообразия материала, сводная характеристика здесь невозможна: ее отчасти заменяют комментарии, сопровождающие эти саги.

А. А. Смирнов

Саги героические

Изгнание сыновей Уснеха

Как произошло изгнание сыновей Уснеха?

Не трудно сказать.

Однажды собрались улады на попойку в доме Федельмида, сына Далла, рассказчика короля Конхобара. Жена Федельмида прислуживала собравшимся, а между тем она должна была вскоре родить. Рога с пивом и куски мяса так и ходили по рукам, и вскоре поднялся пьяный шум.

Наконец всем захотелось спать. Пошла и хозяйка к своей постели. Но в то время как она проходила по дому, дитя в ее чреве испустило крик такой громкий, что он был слышен по всему двору. Все мужчины повскакали с мест и наперебой кинулись на этот крик. Но Сенха, сын Айлиля, остановил их.

— Ни с места! — сказал он. — Пусть приведут к нам жену Федельмида, и пусть она объяснит нам, что означает этот крик.

— О жена, что за крик жестокий
Раздался в нутре твоём стонущем?
Он пронзил нам слух, всем внявшим ему,
Донесясь из чрева разбухшего.
Окровавил мне сердце он ужасом,
Страхом великим ранил его.

Подошла она к Катбаду [\[343\]](#), мудрецу великому, и сказала:

— Вот кого спросите вы: Катбада,
Что украшен королевским достоинством,
Вознесен друидическим знанием.
Мне самой не дано того изъяснить,
Что тот крик означал из нутра моего.
Разве женщина знает, что носит она?

Тогда Катбад произнес:

— В твоём чреве девочка вскрикнула
С волосами кудрявыми, светлыми.
Прекрасны глаза ее синие,
Щеки цвета наперстянки пурпурной.
Без изъяна, как снег, ее зубы белы,
Как красный сафьян, блестят ее губы.
Знайте ж: много за эту девушку
Будет крови пролито в Уладе.
Будет светлой, стройной, длинноволосой
Девочка, что вскричала в чреве твоём.
К ней короли будут свататься,
За нее бойцы свою жизнь отдадут.
Королевы будут завидовать ей,
Совершенством будет краса ее.
С горьким спутником убежит она
Из пределов родного Улада.

После этого Катбад положил руку на чрево женщины и ощутил трепет, словно дрожь, под рукой своей.

— Поистине, — сказал он, — здесь девочка. Да будет имя ее подобно трепету: Дейдрре. Много зла произойдет из-за нее.

Вскоре девочка родилась, и тогда Катбад запел:

— О Дейдрре, высокого мужа отвергнешь ты,
Из-за дивной красоты лица твоего
Много невзгод принесешь ты Уладу,
О благородная дочь Федельмида!
Будут долгими скорби после тебя,
О женщина, подобная пламени!
При жизни твоей случится изгнание
Трёх сыновей благородного Уснеха.
При жизни твоей деянье жестокое
Совершится впоследствии в Эмайне [\[344\]](#).
Будет долгой память о лице твоём.
Из-за тебя падут сыны королевские.
Из-за тебя, о женщина желанная,
Будет изгнан Фергус из Улада
И свершится гибель горестная

Фиахны, внука Конхобарова.
Ты сама совершишь дело страшное
В гневе лютом на короля уладов.
О Дейдрре, хоть тесна будет могила твоя,
Будет память о тебе долгою.

— Смерть этой девочке! — воскликнули улады.

— Нет! — сказал Конхобар. — Отнесите ее завтра ко мне. Она будет воспитана, как я прикажу, и, когда вырастет, станет моей женой.

Улады не посмели противоречить ему. Как он сказал, так и было сделано.

Она воспиталась под надзором Конхобара и, когда выросла, стала красивейшей девушкой во всей Ирландии. Она жила все время в отдельном доме, чтобы ни один улад не мог ее увидеть до того часа, когда она должна была разделить ложе Конхобарова. Ни один человек не допускался в дом ее, кроме приемных отца и матери, да еще Леборхам^[345], этой ничего нельзя было запретить, ибо она была могучая заклинательница.

Однажды зимой приемный отец Дейдрре обдирал во дворе, на снегу, теленка, чтобы приготовить из него обед для своей воспитанницы. Прилетел ворон и стал пить пролитую кровь. Увидела это Дейдрре и сказала Леборхам:

— Три цвета будут у человека^[346], которого я полюблю: волосы его будут цвета ворона, щеки — цвета крови, тело — цвета снега.

— Честь и удача тебе! — воскликнула Леборхам. — Недалек от тебя такой человек, в этом же дворе он — Найси^[347], сын Уснеха.

— Не буду я здорова, пока не увижу его, — сказала Дейдрре.

Вскоре после этого случилось, что Найси прогуливался один, распевая на валу королевского замка Эмайн. Сладкими были голоса у сыновей Уснеха. Каждая корова или иная скотина, слыша их, начинала давать молока на две трети больше обычного. Каждый человек, слыша их, наслаждался и впадал в сон, как от волшебной музыки. Велико было и боевое искусство их: если б все люди одной из пятин Ирландии ополчились на них, то и тогда, — стоило им лишь сплотиться, упершись друг в друга спилами, — не одолеть было бы их: таково было искусство трех братьев в защите и ловкой помощи друг другу в бою. На охоте же они были быстры, как псы, и поражали зверя, нагнав его.

Так вот, пока Найси гулял один и пел, Дейдрре выскользнула из своей комнаты и пошла по двору, норовя пройти мимо него. Сначала он не узнал

ее.

— Красивая телочка прохаживается около нас, — сказал он.

— Телочки останутся телочками, пока около них нет бычков, — сказала она.

Тут Найси догадался, кто она такая.

— Около тебя есть славный бык, повелитель целого королевства, — сказал он.

— Я хочу сама сделать выбор между вами двумя, — отвечала она, — и милей мне молодой бычок — ты.

— Не бывать этому! — воскликнул он, вспомнив предсказание Катбада.

— Значит, ты отказываешься от меня? — спросила она.

— Да! — ответил он.

Она бросилась на него и схватила его за оба уха, говоря:

— Позор и насмешка на твои уши, если ты не уведешь меня с собой!

— Отойди от меня, о женщина! — воскликнул он.

— Будет так, как я хочу, — сказала она.

Тогда он кликнул клич своим звонким голосом. И улады, слышав его, повскакали все, готовые броситься друг на друга с оружием. Оба брата Найси прибежали на клич его.

— Что с тобой? — спросили они его. — Улады готовы перебить друг друга из-за тебя.

Он рассказал, что случилось с ним.

— Большие беды могут произойти от этого, — сказали они, — но, что бы там ни было, тебя не коснутся позор и обида, пока мы живы. Мы уйдем все, вместе с девушкой, в другую область. Нет в Ирландии князя, который не принял бы нас охотно к себе.

Они посоветовались и приняли решение. В ту же ночь они выступили в путь. Трижды пятьдесят воинов было с ними, трижды пятьдесят женщин, трижды пятьдесят псов и трижды пятьдесят слуг. И Дейдрре пошла вместе с ними.

Долго блуждали они по Ирландии, переходя из-под охраны одного князя под охрану другого, ибо Конхобар все время пытался погубить их хитростью и предательством. Всю Ирландию обогнули они начиная от Эрсруайда и далее по южным и восточным областям вплоть до Бенд-Энгара, что на северо-востоке.

Под конец улады заставили их перебраться в Шотландию, где они поселились в пустынной местности. Когда стало им недоставать дичи в горах, они вынуждены были делать набеги на шотландцев и угонять их

скот. Те однажды собрались вместе, чтобы уничтожить их. Тогда изгнанники пришли к королю шотландскому, и тот взял их к себе на службу, сделав своими воинами. Они построили отдельные дома для себя на королевской земле. Сделали они это ради девушки, — чтоб никто не увидел ее, дабы им не погибнуть из-за нее.

Однажды управитель королевского дома, проходя рано поутру мимо их дома, увидел любящих, спавших в объятиях друг у друга. Он тотчас поспешил к королю и разбудил его.

— До этого дня, — сказал он ему — мы не могли найти для тебя жены, достойной тебя. Но вот вместе с Найси, сыном Уснеха, живет женщина, достойная короля Западного Мира^[348]. Прикажи тотчас убить Найси, и пусть его жена разделит твоё ложе.

— Нет. — сказал король. — это не годится. Лучше ходи к ней каждый день тайком и уговаривай полюбить меня.

Тот так и сделал. Но все, что управитель говорил Дейдрре днем, она немедленно передавала своему мужу ночью. Так как она не соглашалась на желание короля, то он стал посылать сыновей Уснеха на трудные дела, в тяжкие битвы, в опасные предприятия, чтобы они погибли в них. Но они проявляли себя несокрушимыми во всем этом, так что и таким путем король не достиг ничего.

Тогда король созвал шотландцев, чтобы напасть на сыновей Уснеха и умертвить их, после того как Дейдрре притворно дала согласие на это. Она тотчас же предупредила Найси:

— Собирайтесь скорее в путь. Если вы не уйдёте этой ночью, то завтра же будете убиты.

Они ушли ночью и удалились на один из островов среди моря. Дошла об этом весть до Улада.

— Горестно будет, о Конхобар, — сказали улады, — если сыновья Уснеха погибнут во вражеской стране из-за одной дурной женщины. Прояви к ним милость: пусть лучше вернуться они в свою землю, чем погибнут от руки врагов.

— Пусть приходят они на мою милость, — отвечал Конхобар. — Мы вышлем заложников навстречу им.

Сыновьям Уснеха сообщили об этом решении.

— Мы рады этому, — сказали они, — и вернемся охотно. Пусть дадут нам в заложники Фергуса^[349], Дубтаха и Кормака, сына Конхобарова.

Эти трое вышли навстречу сыновьям Уснеха и, когда те сошли на берег, взялись с ними за руки.

Жители того места, по наущению Конхобара, стали звать Фергуса на попойку. Он пошел к ним вместе с Дубтахом и Кормаком. Но сыновья Уснеха отказались от приглашения, сказав, что они не примут никакой пищи в Ирландии^[350], прежде чем вкусят пищу за столом Конхобара. И потому, оставив там своих заложников, они пошли в Эмайн-Маху, куда их проводил, до самой лужайки замка, Фиаха, сын Фергуса.

Случилось, что как раз в это время прибыл в Эмайн-Маху Эоган, сын Дуртахта, король Ферманага, чтобы заключить мир с Конхобаром, с которым он долгое время перед тем вел войну. Ему-то и поручил Конхобар взять несколько его воинов и убить сыновей Уснеха, прежде чем те успеют дойти до него.

Сыновья Уснеха были на лужайке, а недалеко от них женщины сидели на валу, окружавшем двор замка. Эоган вышел с воинами на лужайку и приветствовал Найси ударом своего мощного копья, раздробившим ему хребет. Сын Фергуса, стоявший неподалеку, успел обхватить Найси сзади руками, прикрыв его собой, и копьё пронзило Найси, пройдя сквозь тело сына Фергуса. Затем были перебиты все пришельцы, бывшие на лужайке, и ни один из них не уцелел, но каждый пал либо от острия копья, либо от лезвия меча. Дейдрре же отвели к Конхобару со связанными за спиной руками.

Как только Фергус, Дубтах и Кормак, бывшие поручителями за убитых, узнали о случившемся, они поспешили в Эмайн; и там они совершили великие дела: Дубтах убил своим копьем Мане, сына Конхобарова, и Фиахну, сына Федельм, дочери Конхобара; Фергус же — Трайгтрена, сына Трайглетана, а также брата его. Великий гнев овладел Конхобаром, и в тот же день произошла битва, в которой пало триста уладов от руки мстителей. Затем Дубтах перебил уладских девушек, а Фергус под утро поджег Эмайн-Маху.

После этого Фергус и Дубтах ушли в Коннахт к Айлилю и Медб^[351], зная, что их там с радостью примут. Три тысячи воинов ушли вместе с ними. Они сохранили великую вражду к уладам, и в течение шестнадцати лет Улад не мог избавиться от стона и трепета: каждую ночь наполнялся он стоном и трепетом от их набегов^[352].

Дейдрре прожила год у Конхобара, и за все это время ни разу не шевельнула она губами для улыбки, ни разу не посла и не поспала вдоволь, ни разу не подняла головы своей от колен. Когда приводили к ней музыкантов, она говорила:

— Прекрасной вам кажется рать стальная,

Что возвращается в Эмайн с похода,
Но более гордой вступали поступью
В свой дом три геройских сына Уснеха.
Приносил мой Найси мне мед лесной,
Умывала я милого у очага,
Тащил нам Ардан оленя иль вепря,
На гордой спине нес Андле хворост.
Сладким вам кажется мед отменный,
Что в доме воителя, сына Несс ^[353], вкушаем мы, —
У меня же часто — прошло то время! —
Бывали яства более вкусные.
Когда гордый Найси костер готовил,
На котором в лесу я жарила дичь,
Слаще меда была мне пища,
Что на охоте добывал сын Уснеха.
Сладостной вам кажется музыка,
Что играют на свирелях и трубах здесь, —
Много сладостней были песни мне
Упоительные сынов Уснеха.
Плеск волны был слышен в голосе Найси.
Этот голос хотелось слушать вечно;
Был прекрасен средний голос Ардана,
Подпевал высоким голосом Андле.
Ушел в могилу мой Найси милый.
Горьких нашел он поручителей!
Увы мне! Не я ль была злым ядом
Напитка, от которого погиб он?
Мил мне был Бертан, страна скалистая,
Милы те люди, хоть и бездомные.
Горе мне, горе! Больше не встану я,
Чтоб встретить на пороге сына Уснеха!
Мил мне был дух его, прямой и твердый.
Мил мне был юноша, прекрасный, скромный.
После блужданья в лесной чаще
Сладок был отдых с ним под утро!
Мил мне был взор его голубой,
Для женщин желанный, для недругов грозный.
Когда возвращался домой он из леса,
Мил мне был голос его, слышный сквозь чащу.

Нынче не сплю я долгие ночи,
Не крашу больше ногтей в пурпур,
Дни мои радости больше не знают,
Ибо нет со мной больше сыновей Уснеха.
Нет мне больше никакой радости
В людских собраниях в высокой Эмайн,
Не мило мне убранство прекрасного дома,
Нет мне отдыха, нет покоя!

Когда Конхобар пытался ее утешить, она отвечала ему:

— О Конхобар, чего ты хочешь?
Ты уготовал мне тоску и стоны.
Пока жива я на этом свете.
Не будет великой моя любовь к тебе.
То, что под небом самым милым мне было,
Что я больше всего любила в мире,
Ты у меня отнял — жестокое дело!
Больше не увижу его на свете.
О, горе мне, горе! Краса погибла,
Что являл мне лик сына Уснеха!
Черный камень лежит над белым телом,
Которого никто одолеть не мог!
Красны были губы, пурпурны щеки,
Черны его брови цвета жучка.
Были зубы его — как жемчужины,
Цветом подобные снегу белому.
Памятен мне дивный наряд его.
Выделявший его средь бойцов шотландских!
Прекрасный кафтан, окрашенный в пурпур,
Кайма на нем — красного золота.
Рубашка на нем — дорогого шелка,
В ней было вшито сто ценных камней.
Пятьдесят унций самой светлой бронзы
Блестящей пошло на ее украшение.
Меч в руке его — с золотой рукоятью,
Два копья у него, острых и грозных,
Борты щита — из желтого золота,

Шишка на нем — серебряная.
На гибель обрек нас Фергус прекрасный,
Убедив вернуться в родную землю.
Свою честь он продал за пиво хмельное,
Потускнела слава былых дел его.
Если б вместе собрать в открытом поле
Всех бойцов Конхобара, воинов Улада, —
Я бы всех отдала их, без изъятья,
За лицо Найси, сына Уснеха.
Не разрывай же вновь мне сердце,
Уже близка к могиле я.
Тоска сильней, чем волны моря,
Знай это, о Конхобар!

— Кто всех ненавистней тебе из тех, кого ты видишь? — спросил ее Конхобар.

— Поистине ты сам и еще Эоган, сын Дуртахта.

— В таком случае ты проживешь год в доме Эогана, — сказал Конхобар.

И он отдал ее во власть Эогана.

На другой день Эоган выехал с нею на празднество в Эмайн-Махе. Она сидела на колеснице позади него. Но она дала клятву, что у нее не будет на земле двух мужей одновременно.

— Добро тебе, Дейрдре! — крикнул Конхобар, увидев ее. — Ты поводишь глазами меж нами двумя, мной и Эоганом, как овечка меж двух баранов!

В это время колесница проезжала мимо большой скалы. Дейрдре бросилась на нее с колесницы и ударилась о скалу головой. Разбилась голова ее, и она умерла на месте.

Недуг уладов

Один богатый улад жил в горах, в пустынной местности. Крунху, сын Агномана, звали его. Богатство его сильно возросло, и много сыновей было у него. Но жена, мать его детей, умерла. Долгое время он жил, не имея жены.

Однажды, когда он лежал в своем доме, он увидел, как вошла прекрасная юная женщина; дивно хороши были облик, одежда и движения

ее. Маха^[354] было имя женщины, как говорят люди знающие. Она села на скамью у очага и развела огонь. До самого конца дня оставалась она в доме, никому не говоря ни единого слова. Она достала квашню и решето и стала готовить и прибирать все в доме. Когда наступили сумерки, они, никого не спрашивая, взяла ведро и выдоила коров. Войдя опять в дом, она повернулась^[355] вправо, прошла на кухню, распорядилась по хозяйству и затем села на скамью возле Крунху.

Когда все ушли спать, она осталась у очага и потом притушила огонь. Затем она повернулась вправо, подошла к Крунху, легла под его плащ и обняла его рукой. Так и зажили они вместе, и она зачала от него. Теперь еще больше возросло его богатство; для нее же было радостью, что он здоров и хорошо обряжен.

В те времена у уладов было в обычае устраивать частые собрания воинов и празднества. На одно из таких празднеств стеклись все улады^[356], мужчины и женщины, кто только мог.

— Я тоже пойду на праздник, как все другие, — сказал Крунху жене.

— Не ходи туда, — сказала она, — чтобы не подвергнуться искушению рассказать о нас. Знай, что нашей совместной жизни конец, если ты кому-нибудь расскажешь о ней.

— Я буду молчать на празднике, — отвечал Крунху.

Все улады собрались на праздник. Пришел и Крунху вместе с другими. Сборище блистало людьми, конями, одеждами. Были состязания в беге колесниц, в метании копий и выжимании тяжестей. К концу праздника в состязании приняла участие колесница короля, и его кони превзошли всех своим бегом. Тогда собрались все певцы, чтобы восславить короля и королеву, его филидов и друидов, слуг и воинов, а также все собрание.

— Никогда еще, — говорили они, — не видели мы коней, подобных белым коням короля. Поистине нет более быстрых коней по всей Ирландии!

— Моя жена бегаёт быстрее этих белых коней, — сказал Крунху.

— Схватить этого человека, — воскликнул король, — и не отпускать до тех пор, пока его жена не явится на состязание!

Его схватили, а король послал людей за женщиной. Она приветствовала посланцев и спросила, зачем они пришли.

— Мы посланы за тобой, — отвечали они, — чтобы ты выкупила своего господина, которого король велел схватить. Ибо он сказал, что ты бегаешь быстрее, чем белые кони короля.

— Плохое дело! — сказала она. — Он не должен был говорить так. Но

у меня есть справедливый отвод: я ношу в своем чреве младенца, и уже близок час моего разрешения.

— Нет отвода! — воскликнули посланцы. — Твой муж должен умереть, если ты не придешь.

— Приходится мне согласиться, — сказала она.

И она пошла вместе с ними на праздник. Все собрались, чтобы посмотреть на нее.

— Непристойно, — сказала она, — чтобы все так смотрели на меня. Для чего привели меня сюда?

— Чтобы ты состязалась в беге с белыми конями короля, — был ей ответ.

— У меня есть отвод, — сказала она, — близятся мои родовые муки.

— Занесите меч над ее мужем! — воскликнул король.

— Дайте мне хоть небольшую отсрочку, пока я разрешусь от бремени.

— Нет отсрочки, — сказал король.

— Стыд вам поистине, что даже отсрочки мне не дали, — сказала женщина. — Это покроет вас великим позором. Пускайте же вскачь коней.

Так и было сделано. И к концу бега она оказалась впереди коней. Тут испустила она крик и разрешилась от бремени. В муках родила она двойню — мальчика Фиару и девочку Фиал. Когда собравшиеся мужчины услышали крик этой женщины, они почувствовали, что силы в них не больше, чем в женщине, рожаящей ребенка.

— Это пятно позора навсегда останется на вас, — сказала им женщина, — за то, что вы подвергли стыду мою честь. Всякий раз как вашему народу придется тяжело, на всех вас, сколько ни есть, вас в королевстве, будет нападать болезнь, подобная родовым мукам. И сколько времени женщина мучится родами, столько же будет длиться и ваше страдание: пять дней и четыре ночи, или пять ночей и четыре дня, — итак целых девять поколений.

И это оказалось правдой. Такая напасть тяготело над уладами со времени Крунху до царствования Фергуса, сына Домнала.

Повесть о кабане Мак-Дато

Был у лагенов знаменитый король по имени Месройда, прозванный Мак-Дато. У него был пес^[357], который охранял весь Лаген; звали его Айльбе, и вся Ирландия была полна славы о нем.

Однажды явились посланцы от Айлиля и Медб просить Мак-Дато,

чтобы он уступил им этого пса. И в тот же самый день и час пришли посланцы от Конхобара просить его о том же. Приветствовали и тех и других и провели в замок^[358] Мак-Дато.

В те времена было только шесть замков во всей Ирландии. Замок Мак-Дато имел семь ворот, к которым вели семь дорог. Внутри его было семь очагов с семью котлами на них, и в каждом котле варились бычачина и соленая свинина. Всякий, кто приходил по одной из дорог, опускал вилку в котел. Если он попадал с одного удара в кусок мяса, то и съедал его: если же не попадал с первого раза, то не получал ничего.

Итак, привели посланцев к ложу Мак-Дато, чтобы они рассказали ему, зачем пришли, до начала пира. Они изложили ему свое дело.

— Мы пришли, — сказали посланцы из Коннахта, — просить у тебя твоего пса для Айлиля и Медб. Ты за него получишь немедленно шесть тысяч дойных коров и колесницу с двумя конями, лучшими, какие есть в Коннахте, и через год — ровно столько же еще.

— И мы пришли, — сказали посланцы из Улада, — просить о том же для Конхобара. Дружба его для тебя значит не меньше. И он готов дать тебе столько же скота и еще столько же через год, да еще свою добрую дружбу в придачу.

Мак-Дато погрузился в великое молчание и провел так много часов, не принимая пищи и питья и только ворочаясь с боку на бок. Наконец жена спросила его:

— Что это за долгий пост? Пища пред тобой, а ты ничего не ешь. Что с тобой?

Он не отвечал. Тогда она заговорила снова:

— Посетила злая бессонница
Мак-Дато в его доме.
Совет ему, видно, надобен,
Но ни с кем он не заговаривает.
К стене от меня отворачивается
Воин геройский, славный подвигами.
Тревожится жена разумная,
Почему у супруга бессонница.

Мак-Дато

Слово мудрое молвил Кримтан Ниа-Найр:

Не поверяй своей тайны женщине.
Плохо тайна хранится женщиной.
Сокровище рабу не вверяется.

Жена

Коль жене ты о деле поведаешь,
Разве станет хуже от этого?
Раз совет самому на ум нейдет,
Может статья, она поможет тебе.

Мак-Дато

На горе нам пса у Месройды Мак-Дато
Пришли сегодня просить для себя.
Много падет воинов прекрасных
Из-за этого пса, виновника распри.
Если не отдам я Конхобару его,
Нападет он на нас неминуемо;
Ни скоту моему, ни земле моей
Пощады не будет от войска его.
Если ж Айлилю отказать я решусь,
Обрушится он на страну мою.
Всех настигнет нас Кет, сын Матаха,
В пепел обратит дома наши.

Жена

Дам я тебе разумный совет.
К благу твоему клонится он.
Соглашайся пса им обоим отдать,
Пусть они меж собой спор боем решат.
Мак-Дато
Добрый совет дала ты мне,
Он вывел меня из смущения.
Не знаю, как пес попал ко мне, —

Так и знать не хочу, кто возьмет его.

Встал Мак-Дато и встряхнулся.

— Ну, теперь повеселимся с гостями, что пришли к нам.

Три дня и три ночи провели посланцы в его доме.

После этого он сначала позвал к себе пришедших из Коннахта.

— Я был в большом затруднении и долго колебался, — сказал он им. — Но вот я принял решение. Отдаю моего пса Айлилю и Медб. Пусть приходят они торжественно за ним сами, чтобы увести с собой. Будут им угощение и напитки обильные, и они получают пса. Добро пожаловать!

Довольны остались коннахтские послы этим ответом. Тогда он отправился к пришедшим из Улада и сказал им:

— После долгих колебаний я принял решение отдать пса Конхобару. Да будет он горд этим! Пусть знатнейшие из уладов приходят за псом. Будут им дары и добрый прием от меня.

Довольны остались уладские послы.

Один и тот же день назначил Мак-Дато и уладам и коннахтам, чтобы пришли за псом. И никто не пропустил этого дня. Воины двух королевств Ирландии явились в одно время к воротам замка Мак-Дато. Он сам вышел навстречу и приветствовал их.

— Хоть и не вполне я приготовился к приему, — сказал он, — добро пожаловать! Заходите во двор замка.

Они все вошли в замок: в одной половине его расположились коннахты, в другой — улады. Немал был поистине этот дом. Семь ворот было в нем, и между каждыми двумя воротами было по пятидесяти полатей. Но неласковы были лица сошедшихся на пир: между многими из них бывали уже схватки раньше. Со времен за триста лет до рождества Христова шла распря между уладами и коннахтами.

Для гостей был заколот кабан Мак-Дато, который семь лет кормился молоком шестидесяти коров. Видно, ядом вскормили его, ибо великое побоище между мужами Ирландии произошло из-за него.

Итак, подали им кабана, обложенного кругом сорока быками, не считая всякой другой снеди кроме того. Сам Мак-Дато распорядился пиршеством.

— Даю слово, — сказал он, — других таких быков и кабанов не найти во всем Лагепе. Если всего этого вам окажется сегодня мало, то завтра мы заколем для вас еще новых.

— Добрый кабан, — сказал Конхобар.

— Поистине добрый, — сказал Айлиль. — Но кто будет его делить, о Конхобар?

— Чего проще! — воскликнул Брикрэн^[359], сын Карбада, со своего верхнего ложа^[360]. — Раз здесь собрались славнейшие воины Ирландии, то, конечно, каждый должен получить долю по своим подвигам и победам. Ведь каждый нанес уже не один удар кому-нибудь по носу.

— Пусть будет так, — сказал Айлиль.

— Прекрасно, — сказал Конхобар. — Тут у нас немало молодцов, погулявших на рубеже.

— Нынче вечером они тебе очень пригодятся, о Конхобар! — воскликнул Сенлайх Арад из тростниковой заросли Конолад, что в Коннахте. — Не раз оставляли они в моих руках жирных коров, когда я угонял их скот на дороге в тростники Дедаха.

— Ты оставил у нас быка пожирнее, — отвечали ему улады, — своего брата Круахнена, сына Руадлома, с холмов Конолада.

— Лучше того было, — сказал Лугайд, сын Курои, — когда вы оставили в руках у Эхбела, сына Дедада, в Темре Тростниковой, вашего Лота Великого, сына Фергуса, сына Лете.

— А что, если я напомним вам, как убил я Конганкнеса, сына Дедада, сняв с него голову?

Долго бесчестили они так друг друга, пока из всех мужей Ирландии не выдвинулся один, Кет, сын Матаха из Коннахта. Он поднял свое оружие выше всех других. Взяв в руку нож, он подсел к кабану.

— Пусть найдется, — воскликнул он, — среди мужей Ирландии тот, кто посмеет оспаривать у меня право делить кабана!

Погрузились в молчание улады.

— Эй, Лойгайре! — сказал Конхобар.

Лойгайре поднялся и воскликнул:

— Не бывать тому, чтобы Кет делил кабана перед нашим лицом!

— Погоди, Лойгайре, — отвечал Кет. — Я тебе кое-что скажу. У вас, уладов, есть обычай, что каждый юноша, получив оружие, должен испробовать его в первый раз на нашей меже. Пошел и ты к нашему рубежу, и мы встретились там. Пришлось тебе на меже оставить и колесницу и коней, а самому спастись, получив рану копьем. Не тебе подступать к кабану!

И Лойгайре сел на свое место.

— Н, бывать тому, — воскликнул другой прекрасный, рослый воин из уладов, вставая со своего ложа, — чтобы Кет делил кабана перед нашим

лицом!

— Что это за воин? — спросил Кет.

— Лучший, чем ты, — был ему ответ. — Это Ангус, сын Руки в Беде, из Улада.

— А почему прозвали твоего отца Рукой в Беде? — спросил Кет.

— Почему же?

— Мне то известно, — сказал Кет. — Однажды выехал я на уладов. Пошла кутерьма. Все сбежались, в том числе и твой отец. Он метнул громадное копье в меня. Я подхватил его и пустил в него обратно; копье отшибло ему одну руку так, что она упала на землю. Не его сыну спорить со мной.

И Ангус сел на свое место.

— Выходите дальше, — сказал Кет, — или я примусь делить кабана.

— Не бывать тому, чтобы Кет делил кабана перед нашим лицом! — сказал другой прекрасный, видный воин из уладов.

— Что это за воин? — спросил Кет.

— Эоган, сын Дуртахта. — сказали ему, — король Ферманага.

— Я тебя однажды уже встречал, — сказал Кет.

— Где же это было? — спросил тот.

— Это было перед твоим домом, когда я угонял твой скот. Поднялся крик кругом, и ты прибежал на него. Ты метнул в меня копье, которое я отразил щитом. Затем я поднял его и пустил в тебя: оно попало тебе в голову и выбило глаз. Все мужи Ирландии видят, каков ты, одноглазый. Это я выбил тебе другой глаз.

И Эоган сел на свое место.

— Эй, улады. — крикнул Кет, — выходите дальше!

— Не будешь ты делить кабана! — крикнул Мунремур, сын Гергена.

— Уж не Мунремур ли это? — спросил Кет. — Так знай же, Мунремур, что я, наконец, уплатил тебе долг. Не прошло и половины дня с того часа, как я снял голову с троих людей, и один из них — твой старший сын.

И Мунремур сел на свое место.

— Выходите дальше! — вскричал Кет.

— Выходим! — сказал Менд, сын Салхолкана.

— Это кто такой? — спросил Кет.

— Менд, — отвечали ему.

— Эге, — воскликнул Кет, — все славные имена выступают против меня! Ведь через меня твой отец получил свое прозвище. Я отрубил ему мечом пятку, и он спасся от меня, прыгая на одной ноге. Сыну ли

Одноногого спорить со мной?

Тот сел на свое место.

— Выходите дальше! — крикнул Кет.

— Выходим! — воскликнул громадный седой воин из уладов, страшный на вид.

— Кто это? — спросил Кет.

— Кельтхайр, сын Утехайра, — отвечали ему.

— погоди немного, Кельтхайр, прежде чем сокрушать меня, — сказал Кет. — Случилось однажды, что я подкрался к твоему дому. Поднялся крик кругом. Все сбежались, и ты в том числе. Но это плохо для тебя кончилось. Ты метнул в меня копье. Я тоже метнул копье в тебя, и оно пронзило тебе ляжку и ранило чуть повыше. С тех пор болит твоя рана, и не было у тебя больше ни сыновей, ни дочерей. И ты хочешь состязаться со мной?

Кельтхайр сел на свое место.

— Выходите дальше! — крикнул Кет.

— Изволь! — заявил Кускрайд Заика из Махи, сын Конхобара.

— Это кто такой? — спросил Кет.

— Это Кускрайд, — отвечали ему. — Поистине лицо у него королевское.

— Невежлив ты, что не узнаешь меня, — сказал юноша.

— Ладно, — ответил Кет. — Первый свой боевой выезд, юноша, ты совершил против нас. На рубеже мы встретились с тобой. Ты оставил там треть людей, что были с тобой, и сам, помнится, ушел с дротиком в горле. Потому-то и не можешь ты вымолвить слова как следует, ибо мой удар порвал тебе связки в горле. С тех пор и зовут тебя Кускрайд Заика.

И так, одного за другим, обесчестил Кет всех воинов Улада.

В то время как он, с ножом в руке, уже готов был приняться за кабана, все увидели Конала Победоносного, входящего в дом. Одним прыжком очутился он среди собравшихся. Великим приветом встретили его улады. Сам Конхобар снял венец со своей головы и взмахнул им.

— Хотел бы и я получить свою долю! — воскликнул Конал. — Кто производит дележ?

— Пришлось уступить тому, кто делит сейчас, — сказал Конхобар, — Кету, сыну Матаха.

— Правда ли, — воскликнул Конал, — что ты, Кет, делишь кабана?

Запел Кет:

— Привет тебе, Конал! Сердце из камня!

Дикое пламя! Сверканье кристалла!

Ярая кровь кипит в груди героя,
Покрытого ранами, победоносного!
Ты можешь, сын Финдхойм^[361], состязаться со мной!

В ответ запел Конал:

Привет тебе, Кет, первенец Матаха!
Облик героя! Сердце из кристалла!
Лебединые перья! Воитель в битве!
Бурное море! Ярый бык прекрасный!
Все увидят, как мы сойдемся,
Все увидят, как разойдемся.
Пастух о битве нашей расскажет,
И простой работник не раз о ней вспомнит.
Выходят герои на схватку львиную.
Кто кого нынче в этом доме повалит?

— Эй, отойди от кабана! — воскликнул Конал.

— А у тебя какое право на него? — спросил Кет.

— У тебя есть право вызвать меня на поединок, — сказал Конал. — Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор как я взял копье в свою руку, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы коннахта.

— Это правда, — сказал Кет. — Ты лучший боец, чем я. Будь Анлуан здесь, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

— Он здесь, вот он! — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса.

И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от кабана, и Конал занял его место.

— Пусть поспорят теперь со мной! — воскликнул он.

Ни один из воинов Коннахта не дерзнул выступить против него. Но улады сомкнули вокруг него щиты наподобие большой бочки, ибо у плохих людей в этом доме был скверный обычай тайком поражать в спину.

Конал принялся делить кабана. Но прежде всего он сам впился зубами в его хвост. Девять человек нужно было, чтобы поднять этот хвост; и, однако же, Конал быстро съел его весь без остатка.

Коннахтам при дележе Конал дал лишь две передние ноги. Мала показала им эта доля. Они вскочили с мест, улады тоже, и все набросились друг на друга. Началось такое побоище, что гряда трупов посреди дома достигла высоты стен. Ручьи крови хлынули через порог.

Затем вся толпа ринулась наружу. С великим криком стали они там резаться. Поток крови, лившейся во дворе, мог бы привести в движение мельницу. Все избивали друг друга. Фергус вырвал дуб, росший посреди двора, вместе с корнями, и вымел им врагов за ограду двора. Побоище продолжалось за воротами.

Тогда вышел наружу Мак-Дато, держа рукой своего пса. Он спустил его, чтобы посмотреть, чью сторону примет пес своим песьим разумом. Пес принял сторону уладов и накинулся вместе с ними на коннахтов, которые, вконец разбитые, обратились в бегство.

Рассказывают, что на Полях Айльбе, через которые отступали Айлиль и Медб, пес вцепился зубами в дышло их колесницы. Тогда Ферлога, возница Айлиля и Медб, так хватил его мечом по шее, что туловище его отвалилось; голова же осталась вцепившейся зубами в дышло. Оттого-то, по имени пса Айльбе, и прозвали это место Полями Айльбе.

Рождение Кухулина

Однажды, когда Конхобар вместе со своими самыми знатными воинами находился в Эмайн-Махе, случилось вот что. Налетели на окрестные поля птицы неведомой породы и стали пожирать все плоды, злаки, траву, всю зелень до самого корня, так что остались после них лишь сухая земля да голые камни. Великая печаль охватила уладов при виде того, как погибает от этих птиц все пропитание их. И они решили снарядить девять колесниц, запрягши в них самых быстрых коней, какие только были в Уладе, чтобы пуститься в охоту на птиц. Выехал на охоту и сам Конхобар, и сестра его Дехтире с ним; она в ту пору была уже взрослой девушкой и служила ему возницей. Выехали также и другие герои и возницы уладов, в том числе Брикрэн, сын Карбада.

Тогда птицы, улетая от них, устремились в сторону горы Фуат и равнины Муртемне, к Эдман, к равнине Брега. Прекрасна была стая, улетевшая от уладов. Во главе ее как вожак неслась большая птица, величайшая, прекраснейшая в мире. Девятью двадцать было число всех птиц: они разделялись на пары, каждая из которых была соединена цепочкой из светлого золота. Двадцать же птиц прекрасной раскраски

летели впереди других при каждой переправе, и каждая пара их была соединена цепочкой из красного золота.

Затем птицы исчезли из глаз уладов, и никто не знал, куда они девались, кроме трех птиц, которые полетели на юг. Улады устремились вслед за ними, но тут настигла их ночь, так что и эти три птицы скрылись от них.

— Распряжем наших коней и поставим вместе колесницы, — сказал Конхобар. — Пусть кто-нибудь пойдет на разведку, поискать, не найдется ли какого-нибудь жилья или пристанища для нас на эту ночь.

Пошли Конал Победоносный и Брикрэн на разведку. Недолго пришлось им бродить: вскоре заметили они одиноко стоящий дом, не очень большой, с виду недавно построенный и крытый белыми птичьими перьями. Он был внутри вовсе не отделан и ничем не убран; не было в нем даже полатей и одеял. Только задний угол был приспособлен под кухню. Не было видно в доме никаких ценных вещей и даже ничего съестного. Двое хозяев, муж и жена, сидевшие в доме, ласково приветствовали вошедших.

Конал Победоносный и Брикрэн вернулись к Конхобару и другим уладам и рассказали им все, что видели и разузнали.

— Какая польза нам идти в этот дом? Нет там ничего путного, даже пищи никакой. Да и мал он, чтобы приютить нас всех.

Всё же улады решили направиться в этот дом. Они вошли в него все, сколько их было, поместились в нем со всеми своими конями и колесницами, и оказалось, что все это заняло очень мало места в доме. И они нашли там вдоволь пищи и одеял, всякого удобства и приятности; никогда еще не случалось им лучше проводить ночь.

После того как они с удобством там расположились, они увидели в дверях мужа, с виду юного, необычайно высокого роста, с прекраснейшим в мире лицом. Он сказал им:

— Если вы считаете, что уже пришло время для ужина, то он будет вам сейчас подан. Ибо то, что вы ели раньше, было только закуской.

— Время как раз подходящее, — ответил Брикрэн.

И тогда им были поданы всякие кушанья и напитки, по вкусу и желанию каждого, после чего они, насытившись, захмелели и развеселились.

Тогда тот же муж им сказал:

— Моя жена лежит сейчас в соседней комнате и мучится, рожая. Хорошо было бы, если б эта девушки с белой грудью, что с вами, пошла помочь ей.

— Пусть идет, — сказал Конхобар.

Дехтире вошла в комнату, где рожала женщина. Вскоре та произвела на свет мальчика. В это же самое время статная кобыла, что была при доме, принесла двух жеребят, и юный муж подарил младенцу этих жеребят на зубок.

Когда улады утром проснулись, не было больше ни дома, ни хозяев, ни птиц, а одна лишь пустая равнина вокруг них. И они вернулись в великую Эмайн-Маху, захватив с собой новорожденного мальчика, кобылу и двух жеребят, которые остались подле них. Мальчик воспитывался при Дехтире, пока не подрос и не стал юношей. Тогда напала на него болезнь, и он от нее умер. Сильно оплакивали его все в Эмайн-Махе.

Больше всех печалилась Дехтире о смерти своего приемного сына. Три дня она ничего не ела и не пила. Затем, после такой тяжелой скорби, ею овладела сильнейшая жажда. Подали ей чашку с питьем. Когда она поднесла ее к губам, ей показалось, что какой-то крошечный зверек хочет прыгнуть ей в рот из чашки. Она дунула, чтобы отогнать его. Посмотрели все: никакого зверька не было больше видно. Снова подали ей чашку, чтобы она глотнула. И в то время, как она пила, зверек проскользнул ей в рот и пробрался внутрь ее.

Тотчас же она впала в сон, длившийся до следующего дня. Во сне ей предстал некий муж и возвестил, что ныне она зачала от него.

— Это я создал птиц, — сказал он ей. — Я побудил вас гнаться за птицами до того места, где я создал дом, приютивший вас. Я создал и женщину, мучившуюся родами; я же принял облик мальчика, который там родился, и меня воспитала ты; это меня оплакивали в Эмайн-Махе, когда мальчик умер. Но теперь я снова вернулся, проникнув в твое тело в виде маленького зверька, который был в питье. Я — Луг Длинной Руки, сын Этлена, и от меня родится сын, ныне заключенный в тебе. Сетанта будет имя его.

После этого Дехтире забеременела. Пошли от этого меж уладов споры и ссоры, ибо никто не мог понять, от кого зачала она. Говорили даже, что виновник этого — сам Конхобар; ибо она часто спала возле него, так как он был к ней очень привязан.

После этого к Дехтире посватался Суалтам, сын Ройга. И Конхобар отдал ему сестру в жены. Она очень стыдилась взойти на его ложе, будучи уже беременной. Она подошла к столбу, оперлась на него плечом и стала бить себя по спине и бедрам, пока — как ей показалось — не освободилась от плода. И сразу же она обрела вновь свою девственность.

После этого она взошла на ложе Суалтама и родила ему сына. Величиной с трехлетнего ребенка был младенец. Приемным отцом его стал

Кулан-Кузнец. Сетантой назвали мальчика, и имя это он носил до тех пор, пока не убил пса Кулана и не отслужил ему за это: с той поры стали звать его Кухулином.

Сватовство к Эмер

Жил некогда великий и славный король в Эмайн-Махе, Конхобар, сын Фахтны Фатаха. Блага и богатство были в изобилии у уладов, пока правил он. Мир был тогда, спокойствие и всем людям — добрый привет. Было вдоволь плодов и всякого урожая, а также и жатвы морской. Были довольство, справедливость и доброе владычество над людьми Ирландии в течение всего этого времени. В королевском доме в Эмайн были благолепие, пышность и всякое обилие.

Вот как был устроен дом этот, Красная Ветвь Конхобара^[362], - совсем наподобие Медового Покоя в Темре. Девять полатей было от очага до стены. В тридцать пядей высоты были стены этого дома. Резьба по красному тису украшала их. Снизу был деревянный пол, сверху — черепичная крыша. В передней части покоя было ложе Конхобара, с серебряным основанием и бронзовыми столбами. Верхушки столбов сверкали золотом и были усыпаны самоцветными камнями, так что и днем и ночью было одинаково светло вокруг ложа. Сверху же над королем, со стропил крыши, спускалась серебряная доска, издававшая звон. Когда Конхобар ударял в нее своим королевским жезлом, все улады умолкали. Двенадцать отделений для двенадцати повелителей колесниц были расположены вокруг полати короля.

Поистине все доблестные воины из числа мужей Улада находили себе место в королевском доме во время попок, и все же не было при этом никакой тесноты. Блестящи, статны, прекрасны были доблестные воины, люди Улада, собиравшиеся в этом доме. В нем происходило много великих собраний всякого рода и дивных увеселений. Были там игры, музыка и пение, герои показывали подвиги ловкости, поэты пели песни свои, арфисты и музыканты играли на разных инструментах.

Однажды собрались мужи Ирландии в доме Конхобара, в Эмайн-Махе, чтобы распить иарнгуал^[363]. По сто раз наполнялись чаши в такие вечера. Такова была попойка вокруг иарнгуала, что все мужи Улада сразу находили свое полное удовлетворение. Повелители колесниц уладские показывали подвиги своей ловкости при помощи веревок, протянутых от одной двери этого дома к другой. Девятью двадцать да еще пятнадцать пядей — таковы

были размеры дома. Три приема ловкости проделывали повелители колесниц: прием с копьем, прием с яблоком и прием с острием меча. Вот имена вождей колесниц, проделывавших все это: Конал Победоносный, сын Амаргена; Фергус Храбрый, сын Ройга; Лойгайре Сокрушитель, сын Коннада; Кельтхайр, сын Утехайра; Дубтах, сын Лугайда; Кухулин, сын Суалтама; Скел, сын Бармене, страж Эмайн-Махи.

Всех превосходил Кухулин в подвигах быстротою и ловкостью. Женщины Улада весьма любили Кухулина за ловкость в подвигах, за проворство в прыжках, за превосходство ума его, за сладость речи, за красоту лица, за прелесть взора его. Семь зрачков было в королевских глазах его, четыре в одном глазу и три в другом. По семи пальцев было на каждой руке его, по семи на каждой ноге. Многими дарами обладал он: прежде всего — даром мудрости (пока не овладевал им боевой пыл), далее — даром подвигов, даром игры в разные игры на доске, даром счета, даром пророчества, даром проницательности. Три недостатка было у Кухулина: то, что он был слишком молод, то, что он был слишком смел, и то, что он был слишком прекрасен.

Стали думать мужи Ирландии, как им быть с Кухулином, которого так безмерно любили их жены и дочери. Ибо Кухулин не был еще в это время женат. И приняли общее решение: сыскать девушку, которую Кухулин согласился бы избрать себе в невесты. Ибо они были уверены, что человек, у которого будет жена для любви и ухода за ним, станет меньше соблазнять их дочерей и вызывать любовь в их женах. А, кроме того, их смущало и страшило, как бы Кухулин не погиб в юности. Потому и хотели они дать ему жену, чтобы он оставил после себя наследника, ибо они знали, что возродиться вновь он мог только чрез самого себя.

Итак, Конхобар послал девять мужей по всем областям Ирландии искать жену для Кухулина: не найдут ли они в каком замке или селении Ирландии дочери короля, князя или какого владельца, к которой захотел бы Кухулин посвататься. Но все посланцы вернулись ровно через год, в тот же самый день, объявив, что не нашли девушки, которую Кухулин захотел бы выбрать себе в невесты. Тогда Кухулин сам отправился свататься к девушке, которая, знал он, обитала в Садах Луга — к Эмер, дочери Форгала Хитрого. Взшел Кухулин вместо с Лойгом, сыном Риангабара, на колесницу. Это была та колесница, за которой стая коней других колесниц Улада не могла угнаться из-за быстроты и стремительности самой колесницы и героя, сидевшего на ней.

Кухулин застал девушку на лужайке для игр, окруженную ее молочными сестрами, дочерьми владельцев земель, расположенных вокруг

замка Форгала. Все они учились у Эмер шитью и тонкой ручной работе. Из всех девушек Ирландии была она единственной достойной того, чтоб Кухулин к ней посватался. Ибо она обладала шестью дарами: даром красоты, даром пения, даром сладкой речи, даром шитья, даром мудрости, даром чистоты. Кухулин сказал, что не возьмет за себя девушку иную, нежели равную ему по возрасту, по облику, по происхождению, по уму и по ловкости, и чтобы была она при этом лучшей мастерицей в шитье из всех девушек Ирландии, ибо никакая другая не годится ему в жены. И так как, кроме Эмер, другой такой девушки не нашлось, то Кухулин и избрал ее из всех, чтобы посвататься к ней.

В праздничном наряде явился Кухулин в этот день к Эмер для беседы с ней, чтобы показать ей во всей своей красе. Заслышали девушки, сидевшие на скамье перед замком, приближающийся к ним стук конских копыт, шум колесницы, треск ремней; скрип колес, гром героя, звон его оружия.

— Пусть взглянет одна из вас, — сказала Эмер, — что это такое приближается к нам.

— Поистине, — сказала Фиал, дочь Форгала, — вижу я двух коней, равных между собой величиною, красотой, яростью, быстротой, скачущих рядом. Пламя и мощь в них. Прядут ушами они. Длинна и курчава грива их, длинные и хвосты. Справа от дышла — серый конь, широкобедрый, ярый, быстрый, дикий; с громом несется он маленькими прыжками, подняв голову, расширив грудь свою. Твердая, прочная почва под его четыремя тяжелыми копытами кажется объята пламенем. Стая быстрых птиц несется за ним, и, когда мчит он бег свой по дороге, брызги пены сыплются вокруг и вспышки алого пламени сверкают и разносятся из его взнузданной пасти. Другой конь — как смоль черный, голова его прекрасно сложена. Тонки ноги его с широкими подковами. Длинные и курчавы грива его и хвост. Множество тяжелых прядей волос свисает с его широкого лба. Резвый и пламенный, дико стремится он вперед, крепко ударяя о землю копытами. Прекрасный, мчится он, победитель земных коней. Он скачет по мягкой сухой траве, по долине, где нет препоны бегу его. Еще вижу я колесницу из лучшего дерева, из витых ивовых прутьев, катящуюся на колесах из белой бронзы. Высоки борта ее из звонкой меди, закругленные, прочные. Крепка кривая дуга, вся из золота. Две прочные плетеные желтые вожжи. Столбы на колеснице — крепки, прямы, как лезвия мечей. На колеснице вижу я темного, хмурого человечка, самого красивого из всех мужей Ирландии. На нем прекрасная алая рубашка с пятью складками, скрепленная у ворота, на белой груди его, пряжкой накладного золота: грудь его, вздымаясь, звучно

бьется о пряжку. Сверху — плащ, белый с вплетенными нитями, красными и огненно-золотыми. Семь драконовых камней в глубине глаз его. Две голубовато-белые, как кровь красные щеки, надуваясь, мечут искры и языки пламени. Луч любви горит во взоре его. Словно жемчужная волна — во рту его. Черны, как уголь, брови его. На бедре его — меч с золотой рукоятью. К медному борту колесницы прикреплено красное, как кровь, копье с лютым, ярым наконечником на деревянном, хорошо слаженном древке. На плечах его алый щит с серебряным бортом, украшенный золотыми фигурами животных. Он делает геройский прыжок лосося в воздухе и много других столь же ловких приемов. Таков вождь колесницы этой. Впереди него на колеснице сидит возница^[364], стройный, высокий, со множеством веснушек на лице. У него курчавые ярко-рыжие волосы, которые сдерживает бронзовая сетка, мешающая волосам падать на лицо. С двух сторон головы его — выпуклые золотые бляхи. Плащ на плечах его — с разрезами на локтях, а в руках его — жезл из красного золота, которым он направляет коней.

Вскоре Кухулин примчался к месту, где сидели девушки. Он приветствовал их. Эмер подняла свое милое лицо, узнала Кухулина, сказала ему^[365]:

— Пусть бог устелет мягкую дорогу перед тобой!

— А тебе, — отвечал он, — я желаю быть невредимой от всякого зла.

— Откуда прибыл ты? — спросила она.

— Из Интиде Эмна.

— Где ночевал ты?

— Мы ночевали, — был ответ, — в доме человека, пасущего стада на равнине Тетраха.

— Чем питались вы там? — спросила она.

— Нам варили обломки колесницы, — отвечал он.

— Какой дорогой приехал ты?

— Мы проехали между двух лесистых гор.

— А дальше как?

— Не трудно ответить, — сказал он. — От покрова моря по великой тайне племени Данан и по пене двух коней Эмайн; через сад Морриган, по хребту великого кабана; по долине великой лани, между богом и пророком; по спинному мозгу жены Федельма, между кабаном и кабанихой; по берегу коней Деа, между королем Аанада и его слугой, до Монкуйле, что у четырех углов света; по великому преступлению и остаткам великого пира; между большим и малым котлом до садов Луга и, наконец, до дочерей племянника

Тетраха, короля Фоморов. А теперь, девушка, что скажешь ты о себе?

— Поистине, не трудно ответить, — сказала девушка. — Я — Темра женщин, самая белая из девушек, пример чистоты, нерушимый запрет, незримый страж. Скромная женщина подобна червю, подобна тростинке, к которой никто не дерзает приблизиться. Королевская дочь — это пламя гостеприимства, запретный путь. Есть бойцы, ходящие следом за мной и стерегущие, как бы кто не увидел меня без согласия их, без ведома их и Форгала.

— Кто ж бойцы эти, ходящие следом за тобой, девушка? — спросил Кухулин.

— Поистине не трудно сказать, — сказала девушка. — Двое по имени Луи, двое — Луат; Луат и Лат Гойбле, сыны Тетраха; Триат и Трескат; Брион и Болор; Бас, сын Омнаха; восемь по имени Кондла и еще Конд, сын Форгала^[366]. Каждый из них обладает силой ста воинов и подвигами девяти героев. Но трудно описать мощь самого Форгала. Он сильнее любого работника, учение друида, мыслью тоньше певца. Большим делом, чем ваши игры, было б сразиться с Форгалом. Много ходит рассказов о его мощи и доблестных подвигах.

— Почему б тебе, девушка, не включить и меня в число этих сильных людей? — спросил Кухулин.

— Если идет молва о твоих подвигах, у меня нет причины не включить тебя в их число.

— Поистине, клянусь тебе, девушка, — сказал Кухулин, — я совершу такие подвиги, что о них пройдет молва, как о славнейших подвигах других героев.

— Какова же сила твоя? — спросила Эмер.

— На это мне легко ответить, — сказал он. — Когда моя сила в бою бывает слабее всего, я могу биться с двадцатью. Одной трети моей силы хватило бы на тридцать мужей. Один я могу биться против сорока. Из страха предо мной воины бегут от брода и с поля сражения. Войска, полчища, толпы воинов бегут в ужасе пред лицом моим.

— Все это — славная драка для нежного мальчика, — отвечала девушка. — Но ты еще не достиг силы повелителя колесницы.

— Поистине, девушка, — сказал он, — хорошо я был воспитан моим милым приемным отцом Конхобаром. — Не как скряга, ждущий прибыли от детей, меж плитой и квашней, меж очагом и стеной, не у притолоки кладовой воспитал меня Конхобар, но среди повелителей колесниц и бойцов, среди музыкантов и друидов, среди певцов и ученых людей, среди хозяев и властителей земель Улада был я вскормлен, и перенял я обычаи и

умение всех этих людей.

— Кто же были обучавшие тебя всем делам, которыми хвастаешь ты? — спросила Эмер.

— Поистине легко ответить на это. Прекрасноречивый Сенха обучил меня так, что я стал сильным, мудрым, проворным, ловким. Разумен я в суждении, и память у меня хорошая. Пред лицом мудрецов многим я могу ответить; я разбираюсь в словах мудрости. Я направляю умы людей Улада, и благодаря обучению у Сенхи тверды все решения мои. Блан, властитель земель, — ибо он из королевского рода, — взял меня в дом свой, и я многое усвоил у него. Я призываю людей королевства Конхобара к королю их. Я веду беседу с ними целую неделю, определяю их способности и раздаю им добро; я помогаю им в делах чести и назначаю выкупы чести. Фергус воспитал меня так, что я сокрушаю могучих воинов силою моего мужества. Горд я в мощи и доблести моей и способен охранить рубежи страны от внешних врагов. Я — защита каждого бедняка, я — боевой вал всякого крепкого бойца. Я даю удовлетворение обиженному и караю проступки сильного. Все это приобрел я благодаря воспитанию у Фергуса. У колен певца Амаргена проводил я дни мои. Потому способен я прославить короля, восхвалив величие его. Потому могу я состязаться с кем угодно в мужестве, доблести, мудрости, блеске, разуме, справедливости, смелости. Я могу поспорить с любым повелителем колесницы. Благодарность мою воздаю я лишь одному Конхобару, Победителю в Битвах. Финдхойм вскормил меня, и Конал Победоносный — молочный брат мой. Ради Дехтире, матери моей, Катбад Милоликий обучал меня так, что я стал искусен в служении друидическом и учен в науках превосходных. Все люди Улада приняли участие в воспитании моем: как возницы, так и повелители колесниц, как короли, так и певцы верховные; я любимец войск и собраний и сражаюсь равно за честь всех. Славу и честь передали мне Луг, сын Конда, сына Этлена, и Дехтире в доме Бругском^[367]. А теперь, девушка, — добавил Кухулин, — расскажи, как ты воспиталась в Садах Луга?

— Нетрудно сказать тебе, поистине, — отвечала девушка. — Я воспиталась в древних добродетелях, в законном поведении, в соблюдении чистоты, в достоинстве королевском, во всяком благонравии; признано за мною всякое достоинство и благонравие среди женщин Ирландии.

— Прекрасны добродетели эти, — сказал Кухулин. — Раз так, то почему бы не соединиться нам? Ибо до сей поры я по мог сыскать девушку, способную стать вровень со мной.

— Один вопрос я задам тебе, — сказала девушка. — Не было ли у тебя уже жены до этого?

— Не было, — отвечал Кухулин.

Тогда девушка сказала:

— Не могу я выйти замуж раньше, чем выйдет замуж моя сестра, которая старше меня, — Фиал, дочь Форгала, которую ты видишь здесь вместе со мною. Она в превосходстве владеет искусством ручной работы.

— Поистине я не ее полюбил, — сказал Кухулип. — А кроме того, никогда бы я не согласился взять в жены ту, которая знала мужа до меня; а я слышал, что эта девушка была некогда возлюбленной Кайрпре Ниафера.

В то время как они беседовали таким образом, Кухулин увидел грудь девушки, выступавшую под вырезом ее рубашки. И он сказал:

— Прекрасна эта равнина, равнина для благородной игры.

Девушка же ответила такими словами:

— Нет доступа к этой равнине тому, кто не убьет ста воинов у брода, что между Бродом Скенмен при Ольбине и Бонхуайнг Аркайтом, где быстрый Бреа рассекает бровь Федельма.

— Прекрасна эта равнина, равнина для благородной игры, — сказал снова Кухулин.

— Нет доступа к этой равнине, — отвечала она, — тому, кто не совершит подвига убийства трижды девяти мужей одним ударом, и притом так, чтобы оставить в живых по одному мужу в середине каждой девятки.

— Прекрасна эта равнина, равнина для благородной игры, — сказал еще раз Кухулин.

— Нет достуна к этой равнине, — отвечала она, — тому, кто не бьется на поединке с Бенд Суайном, сыном Роскмелька, с конца лета до начала весны, с начала весны до майских дней и с конца майских дней снова до начала зимы.

— Так, как ты сказала, — молвил Кухулин, — и будет сделано мною.

— В таком случае я принимаю твоё предложение, соглашаюсь на него и выполню его, — сказала Эмер. — Но еще один вопрос: из какого рода ты?

— Я — племянник мужа, что исчезает в лесу Бодо, — отвечал он.

— А как имя твое? — спросила она.

— Я — герой чумы, поражающей псов^[368]. — сказал Кухулип. После этих значительных слов Кухулин удалился, и в тот день они больше не беседовали.

Когда Кухулин ехал обратно через Брег, Лойг, его возница, спросил его:

— Скажи мне теперь, что разумел ты под словами, которыми обменялся с Эмсер?

— Разве не знаешь ты, — отвечал Кухулин, — что я сватаюсь к Эмер?

По этой причине и говорили мы иносказаниями, чтобы другие девушки не поняли, что я сватаюсь. Ибо, если бы Форгал узнал об этом деле, мы не получили бы его согласия.

И Кухулин повторил своему вознице всю беседу от начала до конца, поясняя каждое слово, чтобы заполнить досуг в дороге. Так продолжал он прямо свой путь и к ночи прибыл в Эмайн-Маху.

Тем временем дочери владельцев земель, соседей Форгала, рассказали своим отцам о юноше, который приезжал на великолепной колеснице, и о беседе, которую он вел с Эмер. Они прибавили, что не поняли речей их и что юноша затем уехал прямо на север по Брегской равнине. А владельцы земель рассказали обо всем этом Форгалу Хитрому.

— Поистине, — сказал Форгал Хитрый, — это бешеный на Эмайн-Махи приезжал сюда беседовать с Эмер, и девушка влюбилась в него; вот о чем была беседа между ними. Но это им ни к чему не послужит: я воспрепятствую им.

После этого Форгал Хитрый отправился в Эмайн-Маху, нарядившись чужеземцем, под видом посольства от короля галлов к Конхобару, с предложением ему золотых изделий, галльского вина и многих ценных вещей в придачу. Послов этих числом было трое. Пышный прием был оказан им. Когда на третий день Форгал, отослав своих людей, остался один, улады стали восхвалять перед ним Кухулина, Конала и других повелителей колесниц в Уладе. Форгал же сказал, что все это правда и что удивительные вещи совершили перед ним повелители колесниц уладские, но что, если бы Кухулин побывал у Домнала Воинственного в Альбе^[369], он проявил бы еще более удивительное боевое искусство, а если бы побывал он еще у Скатах^[370], чтобы обучиться у нес боевым подвигам, то стал бы самым великим воином во всей Европе.

Он предлагал это Кухулину для того, чтобы тот не вернулся домой живым. Ибо он считал, что если Кухулин слюбится с его дочерью, то сам он, Форгал, может погибнуть от дикости и ярости его. Кухулин согласился отправиться в это предприятие, и Форгал обязался доставить ему все, что ему понадобится для похода, если он выступит в условленный срок. После этого Форгал вернулся к себе, а Кухулин со своими спутниками встали рано поутру и снарядились в поход.

Двинулись в путь Кухулин, Лойгайре Сокрушитель и Конхобар; другие же говорят, что был с ними еще Конал Победоносный. Но Кухулин прежде всего проехал через Брегскую равнину, чтобы повидаться еще раз с девушкой. Он еще раз побеседовал с Эмер, прежде чем сесть на корабль, и

девушка рассказала Кухулину, что это переодетый Форгал побывал в Эмайн и посоветовал ему отправиться обучаться воинским подвигам, с тем, чтобы никогда им обоим больше не встретиться. Она предупредила его, чтобы он все время был настороже, ибо Форгал стремится его погубить. Каждый из любящих обещал другому хранить верность до встречи, разве что один из них умрет за это время. Они простились, и Кухулин со своими спутниками отправился в Альбу.

Когда они явились к Домналу, тот, прежде всего, стал учить их, как надувать кожаные мехи, лежа под плоским камнем с маленькой дырочкой. Им приходилось трудиться над этим до того, что пятки их начинали чернеть или синеть. Затем он научил их другой вещи: влезать по копью, воткнутому в землю, до самого его верха и стоять там одной ногой на острие. Это называлось изгиб героя на острие копья или стоянка героя на макушке копья.

Случилось, что дочь Домнала, Дорнолла, полюбила Кухулина. Была она очень уродлива: колени ее были широки, пятки вывернуты вперед, а ступни обращены назад, темно-серые глаза огромны, лицо черно, как чашка смолы, лоб ужасно широк, жесткие ярко-красные волосы заплетены косами вокруг головы. Кухулин отверг ее любовь, и она поклялась отомстить ему.

Домнал сказал Кухулину, что его обучение не будет закончено, если он не побывает у Скатах, живущей на востоке Альбы. Все трое — Кухулин, Конхобар, король Улада, и Лойгайре Сокрушитель — двинулись в путь через Альбу. Но тут взору их представилась Эмайн-Маха, и Конхобар и Лойгайре почувствовали, что не в силах идти дальше. Дочь Домнала наслала на них видение, чтобы отнять у Кухулина товарищей, на погибель ему. По другим же рассказам, видение это наслал на них Форгал Хитрый, чтобы побудить их всех вернуться назад и чтобы Кухулин таким образом не выполнил обещания, данного ему в Эмайн, и тем опозорил себя; в случае же, если Кухулин все же проявит великое мужество и двинется дальше один на восток, чтобы изучить боевые приемы, ведомые и неведомые, — тогда легче сможет он погибнуть, оставшись один.

И вот Кухулин решил расстаться с товарищами и пошел один по неведомой дороге. Велика была сила девушки, чинившей ему зло и разлучившей его со спутниками.

Печален и мрачен был Кухулин, когда шел он один по Альбе, потеряв товарищей. К тому же он не знал, куда направить свой путь, чтобы разыскать Скатах. Но, расставаясь с товарищами, он дал слово, что не вернется в Эмайн-Маху, не добившись удачи, и либо найдет Скатах, либо

умрет. Растерянный и беспомощный, затосковал он. И, будучи в таком положении, он внезапно увидел огромного страшного зверя вроде льва, приближавшегося к нему. Зверь зорко следил за ним, не причиняя ему вреда. Затем зверь пошел вперед, оглядываясь, идет ли за ним Кухулин. Тот сначала шел за ним, а потом вспрыгнул ему на спину. Кухулин не направлял зверя, но позволил ему нести себя, куда он хочет. Таким способом странствовали от; четыре дня, пока не добрались до крайних пределов обитаемых мест. Там, на острове, жили юные воины. В это время плавали они по небольшому озеру. Они стали смеяться, увидев такую необычайную вещь, что дикий зверь служит человеку. Кухулин спрыгнул со зверя, и тот удалился после того, как Кухулин простился с ним.

Пройдя немного далее, Кухулин достиг большого дома, расположенного в глубокой ложбине. Внутри дома была девушка, прекрасная лицом; она приветствовала его:

— Добро пожаловать, Кухулин!

Он спросил ее, откуда она знает его. Она отвечала, что оба они были любимыми учениками Ульбекана Сакса^[371].

— В то время, когда я была там, и ты обучался у него сладкому пению, — добавила она.

Она предложила ему пищу и питье, и он, насытившись, пошел дальше. Ему повстречался юный воин, который также приветливо поздоровался с ним. Кухулин завел с ним беседу и спросил, как пройти к замку Скатах. Юноша указал ему дорогу: надо было перебраться через Равнину Несчастья, лежавшую перед ним. В первой половине ее ноги шагающих плотно приставали к земле, а во второй половине росла высокая твердая трава, и кончики травинки, не сгибаясь, поддерживали ступни идущих. Юноша дал Кухулину колесо и яблоко: в первой половине равнины он должен был следовать за катящимся колесом, во второй — за яблоком. Таким образом, он должен был добраться до конца равнины.

Еще юноша предупредил его, что дальше он попадет на большую равнину с узкой тропой, полную чудовищ, которых наслал Форгал, чтобы погубить его, и что вслед за этим путь к дому Скатах лежит по горному кряжу устрашающей высоты. Затем Кухулин и юноша, имя которого было Оху Байрхе, простились.

Следуя указаниям юноши, Кухулин прошел Равнину Несчастья и Опасную Долину. Таков был путь, каким дошел он до места, где были в сборе ученики Скатах. Он спросил их, где находится она сама.

— На том острове, — отвечали ему.

— Каким путем можно попасть туда? — спросил он.

— По мосту Срыва, — был ответ, — одолеть который может лишь совершивший деяния великой доблести.

Вот как был устроен этот мост. Оба конца его опускались книзу, середина же высоко вздымалась; когда кто-нибудь ступал на один конец, другой конец поднимался вверх, и идущий отбрасывался назад. Трижды пытался Кухулин перейти мост и не мог этого сделать. Все стали смеяться над ним. Тогда он от ярости чудесно исказился^[372], сделал геройский прыжок лосося и оказался на середине моста; когда он попал на нее, передний край еще не успел вполне подняться, чтобы отбросить его, и Кухулин перебрался на остров.

Он дошел до замка и стукнул в дверь древком копья так, что оно пробило ее насквозь. Сообщили об этом Скатах.

— Поистине, — сказала она, — это некто, совершивший уже раньше славные подвиги.

И она выслала свою дочь Уатах^[373] посмотреть, что это за юноша. Та вышла, чтобы побеседовать с Кухулином, но не могла вымолвить ни слова — так восхитила ее красота юного воина. Она вернулась к матери и стала восхвалять ей достоинства пришельца.

— Полюбился тебе человек этот? — спросила ее мать.

— Да. В эту ночь он разделит мое ложе и будет спать рядом со мной.

— Не возражаю против твоего желания, — отвечала ей мать.

Уатах подала Кухулину воды, чтобы умыться, затем принесла ему пищу и вообще оказала наилучший прием, прислуживая ему. Кухулин ударил ее и сломал ей палец. Уатах вскрикнула. Все обитатели замка сбежались, чтобы защитить ее. Кохор Круфе, могучий воин на службе Скатах, выступил против Кухулина. Они сразились, и Кохор Круфе пал от руки Кухулина. Очень опечалила Скатах его смерть. Тогда Кухулин обещал отслужить ей вместо могучего воина, которого она потеряла.

На третий день пребывания там Кухулина Уатах дала ему совет:

— Раз ты пришел сюда, чтобы обучиться боевому искусству, вот что ты должен сделать. Пойди и разыщи Скатах в том месте, где она сейчас находится, занятая обучением двух своих сыновей, Куара и Кета. Геройским прыжком лосося перенесись в тисовую рощу, где она находится. Сейчас она спит. Приставь меч к ее груди и потребуй от нее исполнения трех дел. Первое — пусть она обучит тебя боевому искусству полностью, ничего не утаив. Второе — пусть она даст тебе меня в жены, и ты поднесешь мне свадебный дар, как полагается. Третье — пусть она предскажет тебе все, что случится с тобой в жизни, ибо она знает будущее.

Все случилось так, как предсказала Уатах.

В то время как Кухулин жил на Альбе у Скатах, будучи мужем Уатах, вот что произошло в Ирландии. Один славный воин из Мумана, король Лугайд Нойс, сын Аламака, молочный брат Кухулина, явился с запада в Темру вместе с двенадцатью повелителями колесниц, чтобы посвататься к двенадцати девушкам из племени Мак-Росс. Но все эти девушки были уже раньше просватаны за других. Когда Форгал Хитрый услышал об этом, он поспешил в Темру и сообщил Лугайду, что в его доме есть девушка, дочь его, превосходящая всех девушек Ирландии как красотой, так и чистотой и мастерством в рукоделии. Лугайд сказал, что она подошла бы ему. Форгал немедленно просватал дочь свою за короля, а за двенадцать князей, пришедших с Лугайдом, он просватал двенадцать дочерей владельцев земель в Бреге.

Король отправился вместе с Форгалом в его замок для совершения свадьбы. Когда привели к Лугайду Эмер и посадили рядом с ним, она закрыла свое лицо обеими руками и, призвав в свидетели честь и жизнь свою, объявила, что она полюбила Кухулина, что Форгал восстал против их любви и что если кто-нибудь другой возьмет ее теперь в жены, то это будет ущербом для ее чести. После этого, из страха перед Кухулином, Лугайд не решился взять Эмер и ни с чем вернулся обратно.

В это время Скатах вела войну с другими племенами, над которыми властвовала королева по имени Айфе^[374]. Войска обеих сторон снарядились в бой. Но Скатах удержала Кухулина в доме. Она дала ему сонный напиток, чтобы помешать ему выйти на бой, ибо она боялась, как бы с ним не приключилась беда. Но не прошло и часа, как Кухулин внезапно пробудился от сна. Силы напитка, который всякого другого продержал бы во сне целые сутки, для него хватило лишь на один час. Он выступил вместе с двумя сыновьями Скатах против трех сыновей Айфе. Но вышло так, что ему привелось сразиться с ними одному, и все трое пали от его руки.

На следующее утро битва возобновилась. Оба войска ринулись друг на друга, пока ряды их не сомкнулись вплотную. Три сына Эйс Энхен — Кире, Бире и Байлькне — выступили против двух сыновей Скатах. Они шли тропею подвигов. Скатах испустила стон, ибо она не знала, чем кончится это дело.

Первой заботой ее было то, что у ее сыновей не было третьего соратника, чтобы они могли сразиться с тремя врагами, вторую — страх перед Айфе, которая была самым грозным в мире бойцом. Но Кухулин подоспел на подмогу ее сыновьям; он ступил на тропу, встретил один

врагов, и все трое пали от его руки.

Тогда Айфе вызвала на бой Скатах, но вместо той вызвался с нею биться Кухулин. Перед боем он спросил Скатах, что любит Айфе больше всего на свете. Та сказала ему:

— Больше всего на свете Айфе любит своих двух коней, колесницу и возницу.

Кухулин и Айфе ступили на тропу подвигов, и начался их поединок. Айфе раздробила оружие Кухулина, и его меч сломался у самой рукояти. Тогда он воскликнул:

— Увы! Возница Айфе с обоими конями и колесницей опрокинулись в долине, и все они погибли!

На этот возглас Айфе обернулась. Кухулин тотчас же набросился на нее, схватил за бока под обеими грудями, закинул себе за спину, словно мешок, и отнес так к своему войску. Там он бросил ее на землю и занес над ней обнаженный меч.

— Жизнь за жизнь, о Кухулин! — вскричала Айфе.

— Обещай исполнить три моих требования! — сказал он.

— Назови их, и они будут исполнены, — отвечала она.

— Вот три моих требования, — сказал Кухулин. — Ты должна дать Скатах заложников и никогда больше с ней не воевать. Ты должна стать моей женой в эту же ночь перед твоим замком. И, наконец, ты должна родить мне сына.

— Обещаю тебе все это! — сказала Айфе.

Все так и произошло. Айфе сказала Кухулину, что зачала от него и родит ему сына.

— Через семь лет, ровно в этот день, я пошлю его в Ирландию, — сказала она. — Ты же скажи мне, как назвать его.

Кухулин оставил ей для сына золотое кольцо и сказал, чтобы она послала его разыскивать отца в Ирландию тогда, когда это кольцо окажется ему впору на палец. Он велел назвать сына Кондлой и передать ему три зарока: никому не должен он говорить о своем происхождении, никому не уступать дорогу и ни с кем по отказываться от боя. После этого Кухулин направился к дому Скатах.

По дороге, которою он шел обратно, ему повстречалась старуха, кривая на левый глаз. Она попросила его посторониться и не заступать ей дорогу. Он ответил, что ему некуда поставить ногу, разве что на скалу, свисающую над морем. Он все же уступил ей дорогу, причем ему пришлось опираться на землю лишь пальцами ног. Когда старуха проходила мимо него, она ударила его по пальцам, чтобы сбросить его вниз

со скалы. Кухулин, заметив это, сделал прыжок лосося и срубил старухе голову. Это была Эйс Энхен, мать трех воинов, павших от руки Кухулина; чтобы погубить его, она подстроила эту встречу в пути.

Все воины Скатах вместе с ней самую вернулись в ее страну. Айфе дала Скатах заложников. Кухулин прожил там некоторое время, оправляясь от ран, полученных в бою. Под конец он обучился у Скатах всем приемам боевой ловкости. Он усвоил прием с яблоком, прием боевого грома, прием с клинком, прием движения навзничь, прием с копьем, прием с веревкой, прыжок кота, прыжок лосося, метанье шеста, прием вихря смелого повелителя колесницы, прием удара рогатым копьем^[375], прием быстроты, прием с колесом, прием сильного дыханья, геройский клич, геройский удар и встречный удар, бег по копью и стоянку на острие его, прием косящей колесницы, геройский изгиб острия копья. После этого к нему пришли послы с родины, чтобы звать его домой, и он собрался в путь. Скатах же предсказала ему все, что случится с ним в жизни. Она спела ему песню зрящей, мудрой провидицы. Вот слова ее:

— Привет тебе, о герой победоносный!
При похищенье коров из Брега
Много единоборств ты выдержишь,
О славный повелитель колесницы!
Великие опасности ждут тебя:
Ты один сразишься с огромным войском,
Воинов из хищного Круахана
Ты один рассеешь своей рукою^[376].
Твое имя дойдет до мужей из Альбы,
Твоя слава достигнет дальних краев.
Тридцать лет — вот предел твоей доблести,
Больше этого не сулю я тебе.

Затем Кухулин сел на корабль и отплыл в Ирландию. Вместе с ним отплыли на корабле этом Лугайд и Луан, два сына Лоха, Фербайт, Ларин, Фердиад и Дурст, сын Серба. Они прибыли в дом Руада, короля островов, в ночь на Самайн. Конал Победоносный и Лойгайре Сокрушитель как раз были там, занятые взиманием дани. Ибо в те времена Острова Иноземцев платили дань уладам.

Заслышал Кухулин плач и стоны, доносившиеся из королевского замка.

— Что это за жалобы? — спросил он.

— Дочь Руада отдадут в дань фоморам, — отвечали ему.

— Где находится девушка?

— На берегу, там, пониже.

Кухулин пошел на берег и нашел там девушку. Он расспросил об ее участии, и она подробно ему все рассказала.

— С какой стороны придут эти люди за тобой? — спросил он.

— С того дальнего острова, — отвечала она. — Не оставайся здесь, — прибавила она, — чтобы разбойники тебя не заметили.

Однако он остался там, дождался фоморов и убил троих из них в жаркой схватке. Последний из убитых успел ранить его в запястье, и девушка перевязала ему рану, оторвав для этого подол от своего платья. Затем он удалился, не сказав ей, кто он. Девушка вернулась в замок и рассказала отцу все, что произошло. Вскоре затем пришел в замок и Кухулин, как простой захожий гость. Конал и Лойгайре приветствовали его, не узнав его. Многие из бывших в замке хвастались, что это они убили фоморов, но девушка не признавала их. Тогда король велел истопить баню, где все стали мыться по очереди. Когда дошел черед до Кухулина, девушка признала его.

— Я отдам тебе в жены свою дочь с богатым приданым, — сказал король.

— Не подходит мне это, — отвечал Кухулин. — Но если она согласна, пусть является в этот самый день, ровно через год, в Ирландию: там она разыщет меня.

Затем Кухулин вернулся в Эмайн и рассказал там о всех своих приключениях. Отдохнув от своих трудов, он отправился к замку Форгала добывать себе Эмер. Целый год провел он около замка, но никак не мог приблизиться к девушке из-за многочисленной стражи. В последний день года он подошел к своему вознице и сказал ему:

— На сегодняшней день, Лойг, назначена встреча наша с дочерью Руада, но мы не знаем в точности места, где искать ее, ибо по неразумию мы не условились. Отправимся на берег моря.

Когда они подъехали к берегу у Лох Куана, они увидели двух птиц над морем. Кухулин вложил камень в пращу, прицелился и попал в одну из птиц. Птицы спустились на берег, и оба воина отправились к ним. Когда они подошли совсем близко, то увидели пред собою двух женщин, прекраснейших в мире. То были Дерборгиль, дочь Руада, и ее прислужница.

— Злое дело совершил ты, Кухулин, — сказала королевская дочь. —

Мы прибыли для свидания с тобой, а ты напал на нас.

Кухулин высосал камень, вонзившийся в нее, вместе со сгустком крови.

— Теперь я не могу жениться на тебе, раз я испил твоей крови, — сказал Кухулин. — Но я выдам тебя за друга моего, который здесь со мной, за Лугайда Кровавых Шрамов.

После этого он решил напасть на замок Форгала. На этот раз снарядили ему колесницу с косами. Подъехав к замку, он перескочил геройским прыжком лососа через три стены и очутился в ограде замка. Три удара нанес он во дворе трижды девяти воинам, бывшим там, и от каждого удара пало по восьми человек, а по одному от каждой девятки уцелело: именно Скибур, Ибур и Кат, три брата Эмер. Форгал перепрыгнул через замковый вал, спасаясь от Кухулина, но, падая, разбился насмерть. Кухулин же увлек с собой Эмер и ее молочную сестру со множеством золотых и серебряных украшений, прыгнув обратно через ограду.

Со всех сторон неслись вслед им крики. Скенмен, сестра Форгала, ринулась на него. Кухулин убил ее у брода, который назван был поэтому Бродом Скенмен. Затем они добрались до Глондата, где Кухулин перебил сотню преследовавших его врагов.

— Великий подвиг совершил ты, убив сотню крепких бойцов, — сказала Эмер.

Дальше преследователи настигли их у Брода Имфуат на Бойне. Эмер сошла с колесницы, и Кухулин долго гнал врагов по берегу реки, так что комья земли из-под копыт его коней летели через брод на север. Затем он повернул и погнал их к северу, так что комья из-под копыт его коней летели через брод на юг. Оттого что комья летели в обе стороны, и зовется место это Бродом Двойных Комьев. И дальше, у каждого брода, от Брода Скенмен подле Ольбине до Войны Брегской, Кухулин убивал по сотне врагов, совершая этим те подвиги, которые обещал девушке. Целым и невредимым вышел он из всех этих схваток и к ночи достиг Эмайн-Махи.

Когда Эмер ввели в Дом Красной Ветви к Конхобару и мужам Улада, все приветствовали ее. Затем Кухулин взял ее в жены, и с той поры они никогда, до самой смерти, не расставались.

Из саги «Угон быка из Куалнге»

Разговор перед отходом ко сну

Однажды, когда для Айлиля и Медб было приготовлено их королевское ложе в твердыне Круахана Коннахтского, вышел у них такой разговор.

— Дитя, — молвил Айлиль, — скажу я тебе правдивое слово: хорошо быть женою достойного мужа.

— И впрямь хорошо, — откликнулась девушка^[377]. — Но к чему говоришь ты это?

— К тому говорю я это, — продолжал Айлиль, — что сегодня стала ты лучше, чем была в день, когда я взял тебя в жены.

— Хороша была я и до тебя, — промолвила Медб.

— О добротности твоей, — сказал Айлиль, — мы что-то не слыхивали, не считая разговоров о большом наследстве, ждущем тебя, да толков среди твоих недругов-соседей о том, не удастся ли им чего стянуть у тебя или оттяпать.

— Вовсе не так было дело, — возразила ему Медб. — Мой отец, Эохо Федлех, сын Финна, сына Финдомана, сына Финдена, сына Финдгуна, сына Рогена Руада, сына Ригена, сына Блатахта, сына Ботахта, сына Энна Агнеха, сына Ангуса Турбеха, был верховным королем Ирландии. У него было шесть славных дочерей: Дербриу, Этне, Эле, Клотру, Муган и Медб, и я, Медб, была самая высокая и благородная из них всех. Я была самой обходительной и щедрой, лучшею в бою, схватке и поединке. Было при мне пятнадцать сот королевских бойцов из сыновей изгоев и столько же бойцов из сыновей местной знати, и по десять человек еще на каждого из этих бойцов, и по восемь человек на каждого бойца, и по семь человек еще на каждого, и еще по шесть на каждого, да еще по пять на каждого, и по три и по два на каждого, и по одному еще на каждого! Такова была обычная моя свита, и на ее содержание отец выделил мне одну из пятин Ирландии, именно пятину Круаханскую^[378], почему и зовусь я Медб Круаханская. Ко мне посылали сватов от короля лагенов Финна, сына Росса Руада, и от Кайрпре Ниафера, сына Росса Руада, короля Темры, и от Конхобара, сына Фахтны Фатаха, короля уладов, приходили и от Эохо Бека, но я ни за одного из них не пошла. Ибо я потребовала особенного брачного дара, какого до меня ни одна женщина Ирландии еще не требовала от своего мужа, а именно — мужа без скупости, без ревности и без страха! Будь муж, которому я принадлежу, скупым, не пристало бы нам быть вместе, поскольку я превосходила бы его: ведь тогда моя кротость и щедрость были бы поводом для насмешек над моим мужем; но не было бы причин для насмешек над ним, будь мы равно добры с ним в отношении этих качеств.

Будь мой муж труслив, столь же мало подобало бы нам быть вместе, ибо я одна лишь шла бы в драку, состязание в бой, навлекая на мужа насмешки за то, что его жена смелее его; но не будет ему насмешки, если он столь же смел, лишь бы оба они были смелы. Если бы муж, которому принадлежу я, был ревнив, не подобало бы нам обоим также быть вместе, ибо никогда еще раньше не было со мной так, чтобы один мужчина при мне заслонял другого. И вот я, наконец, нашла подходящего мне человека, — это был ты, Айлиль, сын Росса Руада Лагенского: ты не был скуп, не был ревнив, не был робок. Я составила с тобой договор и дала тебе свадебный дар, который более подобало бы получить жене, а именно — полное снаряжение для двенадцати человек по части одежды, колесницу стоимостью в семь невольниц и дощечку червонного золота^[379] толщиной в ладонь твоей левой руки, чтобы мог ты ею прикрыть свое лицо, если бы кто захотел причинить тебе стыд, или позор, или смущение.

— Не годится, чтобы так говорила обо мне ты, у которой меньше, чем у меня, имущества, сокровищ и достояния, — возразил Айлиль.

— А вот мы сейчас это проверим, — отвечала Медб.

И она позвала слуг, которые по ее приказанию стали им приносить для начала всякую мелочь из вещей ценных, чтобы могли они определить, у кого из них больше драгоценностей и богатств. Стали им приносить ведра и бочонки, железные тазы, крючья и умывальные чашки. Стали им приносить также перстни их и запястья, золотые изделия и одежды — пурпурные, синие, черные и зеленые, желтые и пестрой расцветки, серые, коричневые, пятнистые и полосатые. Привели им с полей, с равнин и из ущелий горных многочисленные их стада овец, коз, коров и прочей живности. Подсчитали все, и оказалось, что всего по числу, размерам и стоимости у них поровну: на всякого прекрасного быка в стадах Медб, оцененного в одну невольницу, нашелся такой же прекрасный бык в стадах Айлиля. Белоголовый звали его. Привели их верховых коней, и их запряжки, и их табуны с пастбищ и зеленой муравы, и всего этого у них также оказалось поровну. Нашелся особенно прекрасный конь, оцененный в одну невольницу, в стадах Медб, но такой же прекрасный конь нашелся и у Айлиля. Из лесной глуши и диких мест области были к ним приведены дикие кабаны, им обоим принадлежавшие; были все они подсчитаны, обмерены и взвешены, и оказалось, что и этого зверья у них обоим поровну. На каждого особенно прекрасного кабана, найденного у Медб, был найден подобный ему, столь же прекрасный, и у Айлиля. И так же было с каждой телушкой, с каждым годовалым бычком, с каждой овцой у них обоих.

Тогда приказала Медб призвать своего скорохода Мак Рота и спросила

его, где еще можно увидеть в Ирландии быка столь же прекрасного или еще лучшего, чем лучший из быков, имеющихся у нее.

— Я могу сразу сказать, — воскликнул Мак Рот, — где можно найти такого же или еще лучшего быка, какой есть у Медб: вы найдете его в Уладской пятине, в Триха-Кет-Куалнге, и доме Даре, сына Фиахны. И зовут его Бурый из Куалнге!

— Сейчас же за ним! — вскричала Медб. — И попроси от моего имени, чтобы уступил он мне Бурого из Куалнге на год, в конце которого он получит от меня за это подобающую награду — пятьдесят телушек и вдобавок к ним самого Бурого из Куалнге. Можешь сделать, о Мак Рот, и другое предложение: если местные люди будут коситься на тебя за то, что ты хочешь забрать у них такое сокровище, как Бурый из Куалнге, то пусть сам Даре является к нам со своим быком, и он получит у нас, на сладостной равнине Маг-Ай, надел, равный тому, какой у него был раньше в Уладе, колесницу стоимостью в трижды семь невольниц и в придачу ко всему этому дружбу моих ляжек!

Двинулись круаханские скороходы в путь, направляясь к Даре, сыну Фиахны. Число скороходов, отправившихся вместе с Мак Ротом, было девять. Был встречен Мак Рот подобающим приветом в доме Даре, ибо он был лучшим из всех имевшихся тогда скороходов в Ирландии. Спросил его Даре, ради чего затеял он это путешествие. Скороход рассказал ему о причине предпринятого им путешествия и поведал о возникшем между Медб и Айлилем споре о поручении добыть на время Бурого из Куалнге. «Ты же получишь за это, — добавил он, — славную награду: пятьдесят телушек и вдобавок к ним самого Бурого из Куалнге. А хочешь — можешь получить от нас еще одно предложение: приходи к нам сам со своим быком, и ты получишь взамен своей земли, какую имеешь здесь, равный ей надел на сладостной равнине Маг-Ай, колесницу стоимостью в трижды семь невольниц и в придачу ко всему этому дружбу ляжек Медб».

Приятно было это Даре, и он так затрясся от радости, что перина пол ним ходуном заходила. И он сказал:

— Клянусь правдивостью речи моей, как бы на это ни смотрели улады, это сокровище, иначе говоря, Бурый из Куалнге, будет на сей раз доставлен в пределы Коннахта.

Очень понравилось Мак Роту то, как сказал Даре, сын Фиахны.

Стали послам всячески угождать, и пол под ними устлали свежим тростником. Поднесли им лучшие яства и устроили им пир, и они упились на нем до того, что на ногах не могли держаться. И тут вышел разговор между двумя скороходами.

— Выслушай мое правдивое слово, — сказал один из них. — Хорош хозяин дома, в котором мы находимся.

— Да, хорош, — ответил второй.

— Есть ли среди уладов такой, что был бы лучше его? — спросил опять первый.

— Да, есть такой, — сказал второй. — Конхобар, король уладов; соберись все улады вокруг него, ни один бы не мог пристыдить его чем-нибудь! Способность его так велика, что дело, которое трудно было бы возложить на четыре великие пятинны Ирландии, — а именно, раздобыть себе на время Бурого из Куалнге, — он мог бы доверить девяти скороходам^[380].

— Вот уж истинно ядовитый язык! — был ответ ему. Как раз в эту минуту вошел ключник Даре, сына Фиахны, и с ним люди, несшие яства и напитки. Когда он услышал то, что говорилось в зале, гнев обуял его, и он сунул гостям все им принесенное, не приглашая ни отведать угощение, ни отвергнуть его. Затем он прошел в дом, где находился Даре, сын Фиахны, и спросил его:

— Это ты обещал скороходам великое, несравненное сокровище, у тебя находящееся, а именно Бурого из Куалнге?

— Да, это я сделал, — отвечал Даре, сын Фиахны.

— Там, где это было обещано, не звучало королевское слово, — продолжал ключник. — Ибо слышать, будто бы они говорят, что, не обещаешь ты им этого по-хорошему, сюда явилось бы войско Айлиля и Медб, которое, с помощью премудрого Фергуса, сына Ройга, принудило бы тебя силой отдать быка.

— Клянусь богами, чтимыми мною, они не получают от меня силой того, что я не отдам им добром, — отвечал Даре.

Так провели они ночь эту. Наутро поднялись скороходы и отправились в дом, где помещался Даре.

— Надо бы нам удостовериться, благородный наш хозяин, — сказали они, — что мы прибыли именно туда, где находится Бурый из Куалнге.

— Не о том речь идет, — отвечал им Даре, — но будь у меня обыкновение предавать скороходов, или странников, или путников, бредущих по дорогам, то ни один бы из вас не вернулся живым домой.

— А почему так? — спросил Мак Рот.

— У меня есть для этого достаточные основания, — сказал Даре. — Вы мне сказали, что, если я не отдам быка добром, меня принудит к этому войско Айлиля и Медб, а Фергус, сын Ройга, им поможет великой своею мудростью.

— Но, — заявил Мак Рот, — как бы там ни было и что бы там ни говорили скороходы после твоего пива и твоих яств, это к делу не относится и не может быть поставлено Айлилю и Медб в укор.

— А все же, Мак Рот, на сей раз я своего быка не отдам, а уж постараюсь как-нибудь удержать его у себя.

Послы распрощались с ним и вернулись в твердыню Круахана Коннахтского. Медб потребовала у них отчета об успехе их посольства, на что он ответил, что они вернулись от Даре без быка.

— Что же явилось причиной этого? — спросила опять Медб.

Тот рассказал ей, как было дело.

— Узловатую ткань трудно разглядить, — заметила Медб. — Но не мытьем, так катаньем своего мы добьемся.

И она объявила большой военный сбор, разослав гонцов во все концы Коннахта.

Бой Кухулина с Фердиадом

Стали мужи Ирландии думать, кто бы мог сразиться и выдержать бой с Кухулином завтра поутру. И сказали все, что способен на это лишь Фердиад, сын Дамана, сына Даре, храбрейший герой из рода Домнана. Ибо в битве, в борьбе и в бою они были равны меж собой. У одних воспитательниц обучались они ловким приемам мужества и силы боевой, в школе Скатах, Уатах и Анфе. И не было ни у одного из них никакого преимущества перед другим, если не считать удара рогатым копьем, которым владел Кухулин, взамен чего Фердиад имел роговой панцирь для сражения и единоборства с противником у брода.

Послали вестников и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал обратно вестников и послов. Не пошел на их зов Фердиад, ибо он знал, чего хотели пославшие их: чтобы он бился с другом, товарищем, названным братом своим.

Тогда Медб послала друидов, заклинателей и злых певцов к Фердиаду, чтобы они спели ему три цепенящие песни и три злых заклинания и наслали три нарыва на его лицо — нарывы позора, стыда и поношения, от которых должен был он умереть, если не тотчас, то не позже чем через девять дней, если откажется прийти. И Фердиад пошел с ними, ибо легче, казалось ему, пасть от копья силы, смелости и ловкости боевой, чем от копья позора, стыда и поношения.

Когда прибыл Фердиад, его приняли с честью и приветом, предложили

ему приятный пьянящий напиток, от которого он захмелел и развеселился, и обещали великие дары в награду за предстоящий бой-поединок. Вот что обещали ему: колесницу ценностью в четырежды семь рабынь, цветные одежды всех цветов на двенадцать человек и в обмен на его собственную землю — землю на плодородной равнине Маг-Ай, свободную от дани и податей, с освобождением от службы и повинностей его самого, его сыновей и всего прямого потомства на вечные времена, а еще — Финдабайр^[381] в жены ему и, кроме того, золотую пряжку с плаща Медб.

Заговорила Медб, и Фердиад обменялся с ней такими речами:

Медб

Ты получишь от нас награду великую:
Мою пряжку, землю с полем и лесом
И свободу от службы для всего потомства
С этого дня до конца времен.
О Фердиад, сын Дамана,
Получишь ты превыше желанья!
Отвергнешь ли ты дары мои,
Которые принял бы всякий охотно?

Фердиад

Не приму я даров твоих без поруки,
Ибо искусен я в метании копий.
Завтра поутру будет мне тяжко,
Нужда мне будет во всей моей силе!
Жестоко пронзает копье героя,
Носящего имя Пес Кулана!
Грозен его удар боевой,
Страшные раны наносит он!

Медб

Будут даны тебе поручители,
Не придется тебе разыскивать их.
Прекрасные кони с прекрасной сбруей
Будут даны как крепкий залог тебе.

О Фердиад, могучий в битве,
О самый смелый из всех бойцов,
Ты станешь моим любимым героем,
Превыше других, над всеми свободный!

Фердиад

Нет, не пойду я без заложников
В игры страшные играть у брода, —
Об их ужасе и мужестве
Память останется до конца времен!
Не пойду я туда, кто б ни звал меня,
Кто бы здесь ни стоял предо мною,
Прежде чем ты не поклянешься мне
Солнцем, луной, землею и морем!

Медб

Что ж тебя заставляет медлить?
Заклучим договор, чтоб ты был доволен!
Дай твою руку — в нее вложат
Правую руку короли и князя^[382].
Того, что дано тебе, мы не отнимем,
Ты все получишь, чего пожелаешь.
Ведь нам известно, что поразишь ты
Мужа, с которым сразишься завтра.

Фердиад

Лишь тогда приму я твои условия,
Если ты дашь мне шесть поручителей,
Прежде чем выйду на этот подвиг
Пред лицом войска, что там собралось.
Если исполнишь ты мою волю, —
Хотя и будет тот бой не равен, —
Я согласен выйти на поединок

Против кровавого Кухулина.

Медб

Пусть то будет Домнан, пусть будет Кайрпре,
Или Ниаман, блистающий в битве,
Или кто хочешь из моих бардов, —
Они охотно дадут согласие.
Возьми себе Морана^[383] в поручители,
Если таково твое желание,
Возьми себе Кайрпре из Мин-Манана,
Возьми обоих сыновей наших.

Фердиад

О Медб, с языком, исполненным яда.
Чужда тебе жалость к жениху дочери!
Поистине, ты пастух суровый
В Круахане с могильными рвами^[384]!
Вперед же к славе, с дикой силой!
Меня ждет бархат пестрых одежд.
Дай мне золото, дай серебро мне,
Дай мне немедля то, что обещано.

Медб

Не ты ль, герой, наша опора,
Кому отдам я пряжку с кольцом?
Все богатства мира ты так же получишь,
Как эту пряжку, о славный герой!
Что до дочери моей Финдабайр,
Королевы Западного Царства,
Она станет твоей — сдержи свое сердце! —
Лишь поразишь ты Пса Кузнеца.

Таким образом, Медб получила от Фердиада согласие сразиться на следующее утро с шестью воинами-поручителями, если он не захочет биться с Кухулином. И в то же время Фердиад получил от нее согласие на то, что эти шесть мужей будут поручителями перед ним в том, что Медб обещала ему дать, в случае если Кухулин будет сражен им.

Привели к Фергусу его коней, запрягли их в колесницу его, и он поехал туда, где находился Кухулин, чтоб рассказать ему обо всем этом. Приветствовал Кухулин Фергуса.

— В добрый час явился ты, господин мой Фергус, — сказал он.

— С доверием принимаю я привет твой, — отвечал ему Фергус. — Но я явился к тебе с целью назвать тебе того, кто завтра утром выйдет на бой с тобой.

— Послушаем тебя, — молвил Кухулин.

— Знай же, — сказал Фергус, — что это друг, товарищ и названный брат твой, муж, равный тебе в ловкости, смелости и силе боевой: Фердиад, сын Дамана, сына Даре, храбрейший герой из мужей Домнана!

— Правду сказать, — отвечал Кухулин, — я хотел бы, чтобы не для боя со мной пришел друг мой!

— Потому и явился я, — сказал Фергус, — предупредить тебя, чтобы ты приготовился к бою, ибо не таков я, как иные: на этот раз противник твой Фердиад, сын Дамана, сына Даре!

— На этом месте крепко стою я, — сказал Кухулин, — отражая силу четырех пятин Ирландии, с понедельника начала зимы до начала весны, и за все это время не нашлось бойца, перед которым отступил бы я на шаг, думаю, что не отступлю и перед этим.

После этого Фергус вернулся на стоянку свою, в лагерь мужей Ирландии.

Фердиад вошел в свою палатку и, созвав воинов, рассказал им о договоре, заключенном им с Медб. Невеселы были в этот вечер воины Фердиада, но смущены, опечалены и озабочены, ибо они знали, что раз сойдутся в бою два таких героя — крушителя сотен бойцов в сече, то неминуемо должен пасть один из них, если только не оба вместе; и что если суждено одному из двоих пасть, то, думалось им, это скорее будет их господин, ибо нелегко было биться с Кухулином.

Крепким сном проспал Фердиад первую часть ночи, но к концу ночи сон бежал от него и хмель покинул его. И встала перед ним мысль об ожидающем его поединке. Он приказал своему вознице привести коней и запрячь в колесницу. Возница попробовал отговорить его.

— Лучше было бы тебе не выезжать на бой, — сказал он.

— Молчи, мальчик, — отвечал Фердиад, — не тебе судить о наших делах.

Обменялись Фердиад и возница такими речами:

Фердиад

Мы устремляемся на поединок,
Чтобы сразиться с бойцом, что ждет нас.
Скоро мы достигнем славного брода,
Над которым Бодб^[385] испустит свой крик.
Ибо я встречу там Кухулина,
Копьем пронжу его малое тело^[386],
Тяжелую рану я нанесу ему,
Неминуемо от нее он умрет.

Возница

Лучше б тебе остаться дома,
Тяжкая опасность грозит тебе.
Одному из вас двоих там плохо придется,
Печально будет расставанье ваше.
Бой с благороднейшим из уладов
Беду великую принесет тебе.
Долгой будет память об этом!
Горе всякому, кто затеял такое!

Фердиад

Не годится то, что ты говоришь,
Не пристало герою трусливым быть.
Не дело для нас колебание,
И слова твои не остановят нас.
Не тебе решать, что делать бойцам!
Ныне час настал быть доблестным.
Лучше мужество, чем робость для нас.
Устремимся ж скорей навстречу врагу!

Привели коней Фердиада и запрягли их в колесницу, и он устремился на ней к боевому броду, когда день полным светом еще не взошел над ним.

— Эй, мальчик, — сказал Фердпад, — возьми с колесницы одеяла и меха и расстели их здесь для меня, чтобы я отоспался от сильной дремоты моей, ибо конец этой ночи не спал я от мыслей о бое-поединке.

И возница выпряг коней, разостлал одеяло и меха, и, улегшись на них, Фердиад крепко уснул.

С Кухулином же в эту ночь было вот что. Он встал не раньше, чем день полным светом озарил его, дабы мужи Ирландии не могли сказать, что страх и боязнь пробудили его. Когда же день засиял полным светом, он приказал своему вознице привести коней и запрячь их в колесницу.

— В добрый час, мальчик, — сказал Кухулин, — запрягай коней, ибо имеет обычай рано вставать герой, идущий с нами на бой, Фердиад, сын Дамана, сына Даре!

— Кони уже приведены и запряжены, — отвечал тот. — Входи на колесницу, и да не коснется позор твоего оружия!

И тогда герой разящий, свершитель ловких боевых приемов, победоносный в бою, с алым мечом, Кухулин, сын Суалтама, взошел на колесницу. И испустили крик вокруг него демоны козловидные и бледноликие, духи долин и воздуха, ибо племя богини Данан всегда поднимало крик вокруг Кухулина, чтобы еще более увеличить страх, трепет, ужас и содрогание, которые вызывал он в каждом бою, битве, сражении, сече, где только бился он.

Недолго пришлось ждать вознице Фердиада, пока он слышал нечто. То было гуденье, грохот, гул, гром, шум, треск, стук, гул от сшибки щитов и ловких ударов копья, звон мечей, шлема, панциря и иного оружия, сотрясаемого в яростной боевой игре, стон подков, а громче всего этого — мощный голос бойца-героя, устремляющегося к броду.

Подошел возничий Фердиада к своему господину и положил руку на его плечо.

— В добрый час, Фердиад, — воскликнул он, — поднимайся! Уже ждут тебя у брода!

И он прибавил:

— Я слышу катящуюся колесницу
С прекрасной серебряной дугою.
Лицо великого воина
Выситя над жестокой колесницей.
Пересекши Бри-Росс, миновав Бране,

Они несутся по ровной дороге
Мимо дерева Байле-ин-Биле.
Победоносно их величие!
То Пес искусный свой бег торопит,
Воин прекрасный, рвущий победу,
То сокол дивный коней устремляет
В сторону юга, нам навстречу.
Как кровь, весь алый герой кривоглазый.
О, нет сомненья, он к нам стремится.
Ведь всем известно, — к чему скрывать? —
Что он несется на битву с нами.
Горе воину, который встретит
На холме высоком дивного Пса!
Скоро год минет, как предсказал я,
Что на нас он ринется в час неожиданный,
Этот грозный Пес из Эмайн-Махи,
Этот ярый Пес с разноцветным лицом,
Пес стерегущий, Пес лютой битвы.
Я слышу его — и он нас учуял!

— Эй, мальчик, — сказал Фердиад, — почему ты прославляешь этого человека с тех пор, как выехал из дома? Чрезмерна твоя похвала ему, и поистине я мог бы на тебя разгневаться. И ради великой награды скоро я раздроблю его. Настал час быть тебе в помощь мне!

Не много времени потратил возница Фердиада, чтобы достигнуть брода. И там он увидел прекрасную колесницу с четырьмя осями, несущуюся в стремительном порыве, искусно управляемую, с зеленым пологом, с разукрашенным остовом из тонкого, сухого, длинного, твердого, как меч, дерева, влекомую двумя конями, быстрыми, резвыми, длинноухими, прыгающими, с чуткими ноздрями, широкой грудью, крутыми бедрами, огромными копытами, тонкими ногами — сильными, пылкими, стремительными.

Один из коней был серый, с крутыми бедрами, с длинной гривой, делавший короткие прыжки; другой — черный, с вьющимся волосом, длинным шагом и короткой спиной. Подобны соколам, налетающим на добычу, когда дует резкий ветер; подобны порыву бурного ветра, несущегося по равнине в мартовский день; подобны дикому оленю, почуявшему впервые охотничьих псов, были кони Кухулина. Они казались

несущимися по пламенным, раскаленным камням, и земля дрожала, трепетала под ними от неистового их бега.

Кухулин достиг брода. Фердиад ожидал его с южной стороны брода. Кухулин стал на северной его стороне.

Приветствовал Фердиад Кухулина.

— В добрый час явился ты, Кухулин! — воскликнул он.

— Правду сказал ты о добром часе, — ответил Кухулин, — лишь про это мгновение нашей встречи. А дальше нет во мне веры словам твоим. Больше подобало бы, Фердиад, чтоб я приветствовал твой приход, чем ты мой, ибо ты вступил в область и королевство, где стою я! И не очень пристало тебе являться сюда, чтобы нападать и биться со мной, а скорей бы мне пристало напасть и биться с тобой, ибо от тебя идет обида нашим женам, сыновьям и детям, нашим коням и табунам, нашему скоту и стадам!

— Ладно, Кухулин, — молвил Фердиад. — Что за причина тебе биться-сражаться со мной? Когда мы жили вместе у Скатах, Уатах и Айфе, ты прислуживал мне, готовил копья, стелил постель.

— Правда, что так, — отвечал Кухулин. — По молодости, по юности своей делал я это для тебя, теперь же дело иное. Нет ныне бойца на свете, которого бы я не мог сразить.

И они стали осыпать друг друга горькими упреками за измену былой дружбе. Обменялись они такими речами:

Фердиад

Что привело тебя, кривоглазый,
На поединок со мной, могучим?
Все тело твое обольется кровью
Над дымящимися конями твоими!
На горе себе ты выехал нынче!
Ты вспыхнешь, как уголь в горящем доме,
Большая нужда во враче у тебя будет,
Если сможешь только до дома добраться!

Кухулин

Я стою впереди молодых воинов,
Как старый вепрь, все крушащий кругом,
Перед войсками, пред сотней бойцов,
Чтоб утопить тебя в этой воде,

Чтоб в гневе лютом испытать твою мощь
В бою с сотнею разных ударов.
Придется тебе понести потерю:
Тебе сниму я голову с плеч.

Фердиад

Здесь найдется, кто раздробит тебя,
Я пришел, чтоб тебя убить.
Тебя ждет сейчас от руки моей
Страшная смерть в кровавой схватке,
Пред лицом героев, что здесь собрались,
Пред лицом уладов, глядящих на бой,
Чтоб должную память сохранили они
О том, как мощь моя сокрушила их силу.

Кухулин

Как же станем мы биться с тобой?
Тела наши застонут от ран.
Что ж, нет нужды, мы с тобой сойдемся
В поединке у этого брода!
Будем ли биться тяжкими мечами
Иль кровавыми остриями копий, —
Сражен ты будешь пред лицом войска,
Ибо настал для этого час.

Фердиад

До захода солнца, до начала ночи.
Раз суждено мне напасть на тебя,
Будем мы биться у горы Бойрхе.
Вдоволь прольется в этой схватке крови!
На крик твой смертный сбегутся улады.
«Он повалил его!» — воскликнут они.
То, что увидят, тяжело им будет,

Не скоро забудут этот горестный вид!

Кухулин

Ты стоишь у гибельной бездны,
Конец твоей жизни уже настал.
Я исторгну ее лезвием меча,
Будут дивиться моему удару.
Будет слава бойцу, что убьет тебя,
Будет долгой о нем людская молва.
Не водить тебе больше воинов в бой
С этого дня до конца времен!

Фердиад

Прочь от меня с твоим предвещанием,
О величайший болтун на свете!
Не получишь ты ни награды, ни чести,
Не твоему древу вознестись над моим!
Я, что стою здесь, тебя знаю.
У тебя сердце трепетной птицы,
Ты, слабый мальчик, боишься щекотки,
Чужда тебе доблесть, чужда тебе сила.

Кухулин

Когда мы вместе жили у Скатах,
У нее обучаясь ловкости в битве,
Всюду мы вместе с тобой бродили,
Рядом стояли в каждой схватке.
Всегда для меня ты был другом сердца,
Мне соплеменный, родной по крови.
Еще не встречал я, кто был бы мне дороже.
Тяжким горем будет мне твоя гибель!

Фердиад

Слишком же мало дорожишь ты честью,
Коль предлагаешь отказаться от боя!
Прежде чем успеет петух прокричать,
Я вздену твою голову на копье мое!
О Кухулин, боец из Куалнге,
Ярое безумье охватило тебя.
Если погибнешь ты от руки моей,
В этом виновен будешь лишь сам!

— О Фердиад, — сказал Кухулин, — не ладно, что вышел ты на бой-поединок со мной, побуждаемый Айлилем и Медб, из-за распри, что ведут они с нами. Никто из выходивших на меня доселе не добывал себе ни чести, ни выгоды, и ты тоже падешь от руки моей.

Еще сказал он Фердиаду, слушавшему его:

— Не выходи на бой со мною,
О Фердиад, сын Дамана!
Исход для тебя печален будет,
Многие гибель твою оплачут.
Идя на меня, ты правду рушишь.
Тебе смертное ложе уготовлю я.
Как другие, ты не избежешь кары —
Геройских моих боевых ударов.
Сокрушат тебя моя сила и ловкость,
Не спасет тебя роговой твой панцирь.
Девушку, ради которой бьешься,
Не получишь ты, о сын Дамана.
Финдабайр, дочь королевы Медб, —
Хоть прекрасна она лицом своим,
Хоть пленяет тебя ее красота, —
За битву тебе не достанется.
О ней, что ты ждешь в награду за бой,
Вот тебе слово мое правдивое:
Многие были уж ею преданы.
Многие погибли за нее, как ты.
Не нарушай же ты безрассудно
Нашей верности, нашей дружбы,
Не нарушай слова, нас связавшего,

Не иди на меня, о славный герой!
Пятидесяти воинам (о, безумные!)
Была уж обещана эта девушка.
Всех пятьдесят уложил в могилу я,
Они извели правду копья моего.
Могуч был Фербайт, вождь смелых бойцов, —
Одним ударом свалил я его.
Славой великой был украшен Срубдайре, —
Не спасли его ни одежды, ни золото.
Если б мне обещали Финдабайр,
На которую вся страна любит, —
То, поверь мне, я не поднял бы
На тебя руку ради красоты ее.

— Поистине, Фердиад, — продолжал Кухулин, — не должен был ты вызывать меня на бой-поединок, после того как, живя у Скатах, Уатах и Айфе, мы вместе ходили в каждую битву и сражение, в каждую схватку и боевую затею, в каждый лес и пустыню, в каждую темь и логовище.

И он прибавил:

— Мы были названными братьями,
Товарищами в темных лесах,
Мы всегда делили ложе,
Когда спали глубоким сном
После тяжких боев и схваток
Во многих дальних, чудесных странах!
Всегда вместе мы всюду бродили,
Рыскали в каждом лесу опасном,
Обучаясь у Скатах искусству боя!

Отвечал ему Фердиад:

— О Кухулин милый, в приемах искусный,
Подвизались мы вместе с ловкостью равной.
Ныне дружбу нашу договор превозмог.
Поделом тебе будут твои первые раны.
Не вспоминай о побратимстве нашем,

О кривоглазый, не поможет тебе это!

Затем он воскликнул:

— Слишком долго медлим мы! С какого оружия начнем мы сегодня, о Кухулин?

— Тебе принадлежит сегодня выбор оружия, — отвечал тот, — ибо ты первый пришел к броду.

— Помнишь ты первые боевые приемы, — спросил Фердиад, — которым мы обучились у Скатах, Уатах и Айфе?

— Конечно, я помню их.

— Если так, начнем с них.

И они приступили к первым приемам боя. Они взяли два равных больших щита, восемь малых щитов с острыми бортами, восемь дротиков, восемь мечей с рукоятками из рыбьего зуба и восемь копий, отделанных рыбьим зубом.

Полетели их дротики и копья вперед и назад, подобно пчелам в ясный день. Не было удара, который не попал бы в цель. Каждый из обоих старался поразить другого, отражая удары противника шишками и бортами щитов; и длилось это от утреннего рассвета до середины дня. Насколько превосходно было нападение, настолько же превосходна была и защита, и ни один из них не мог окровавить другого.

— Бросим эту игру, — сказал Фердиад, — видно, таким путем не решить нам спор.

Они прекратили бой и перекинули свои дротики в руки возниц.

— Каким же оружием станем мы теперь биться? — спросил опять Фердиад.

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Кухулин, — ибо ты первый пришел к броду.

— Если так, то возьмемся за тяжелые копья, обтесанные, гладкие, с веревками из тугого льна.

— Возьмемся за них, — сказал Кухулин.

Они схватили два крепких равных щита и взялись за тяжелые копья, обтесанные, гладкие, с веревками из тугого льна. Каждый стремился поразить копьем другого, и длилось это от середины дня до захода солнца. И хотя превосходна была защита, столь же превосходно было нападение, и ни один из них не мог окровавить и ранить другого.

— Бросим это, Кухулин, — сказал, наконец, Фердиад.

— Бросим, — сказал Кухулин, — уже пора.

Они прервали бой и перекинули свое оружие в руки возниц. После этого они подошли друг к другу, обнялись за шею и трижды поцеловались.

Эту ночь их кони провели в одном загоне, и их возницы сошлись у одного костра, из свежего тростника они изготовили два ложа с подушками для раненых героев. Знахари и лекари были присланы к ним, чтобы залечить раны и исцелить их; они наложили травы, лекарственные растения на их раны, язвы, опухоли и спели целительные заклинания над ними. И от каждой травки, от каждого лекарственного растения, от каждого заклинания на его раны, язвы, опухоли и больные места Кухулин пересылал половину через брод, на запад, Фердиаду, чтоб мужи Ирландии не могли потом сказать, — если Фердиад падет от его руки, — что Кухулин имел избыток лечебной помощи. А от каждой пищи, от каждого вкусного, укрепляющего хмельного напитка, что доставляли Фердиаду мужи Ирландии, тот пересылал половину через брод, на север, Кухулину, ибо больше людей доставляло пищу Фердиаду, чем Кухулину. Все мужи Ирландии несли пищу Фердиаду, защищавшему их от Кухулина, а тому носили пищу только люди из Маг-Брега, каждую ночь приходившие к нему для беседы. Так провели Кухулин и Фердиад эту ночь. На другой день рано утром встали они и снова сошлись у боевого брода.

— За какое оружие возьмемся мы сегодня, Фердиад? — спросил Кухулин.

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Фердиад, — ибо вчера выбирал я.

— Возьмемся же за наши тяжелые, самые большие копья, — сказал Кухулин. — Быть может, прямыми ударами сегодня скорей решим мы спор, чем вчера метаньем. Возьмем коней и запрежем в колесницы: будем вести бой с конями, на колесницах.

— Пусть будет так, — сказал Фердиад.

На этот раз они схватили свои самые широкие и крепкие щиты и взялись за тяжелые, самые большие копья. Каждый из них старался пронзить, прободать, сшибить, повалить другого, и длилось это от утреннего рассвета до начала вечера. Птицы, что слетаются на тела павших воинов, носились вокруг них, стремясь урвать куски тела и крови от ран их, чтоб унести с собою за облака на небо.

Когда приблизился вечер, измучились кони обоих, изнемогли возницы их, истоцилась сила самих героев, храбрых бойцов.

— Прервем бой, — сказал Кухулин, — ибо кони наши измучились и возницы изнемогли: не то же ли и с нами?

— Прервем бой, — сказал Фердиад, — уже пора.

Они прекратили бой и перекинули свое оружие в руки возниц. Потом подошли друг к другу, обнялись за шею и трижды поцеловались.

Эту ночь их кони снова провели в одном загоне, и их возницы сошлись у одного костра; из свежего тростника они изготовили два ложа для раненых героев. Пришли знахари и лекари, чтобы осмотреть их, оказать им помощь, провести ночь подле них. Так ужасны были их уколы, раны, язвы и повреждения, что ничего иного они не могли сделать для них, как только дать им волшебные напитки и спеть свои заклинания и заговоры, чтобы успокоить их кровь, остановить кровотечение и утолить боль. И от каждого волшебного напитка, от каждого заклинания, от каждого заговора на его раны и язвы Кухулин половину пересылал через брод, на запад, Фердиаду. А от каждой пищи, от каждого вкусного, укрепляющего хмельного напитка, что доставляли Фердиаду мужи Ирландии, тот пересылал половину через брод, на север, Кухулину. Ибо больше людей доставляло пищу Фердиаду. Все мужи Ирландии несли пищу Фердиаду, защищавшему их от Кухулина, а тому носили пищу только люди из Маг-Брега, каждую ночь приходившие к нему для беседы.

Так провели Кухулин и Фердиад и эту ночь. На третий день утром встали они и снова сошлись у боевого брода. Заметил Кухулин, что плохой вид у Фердиада и что мрачен он.

— Плохой вид у тебя сегодня, Фердиад! — сказал он. — Цвет волос твоих стал блеклым, и взор потускнел; вид, облик и повадка твоя — не прежние.

— Если и так, то не от боязни и не от страха перед тобой, — отвечал Фердиад, — ибо нет сейчас во всей Ирландии героя, которого я не мог бы сразить.

Горько опечалился и стал сетовать о нем Кухулин. Вот какими речами обменялись они:

Кухулин

О Фердиад! Каков ты здесь предо мною!
Поистине ты обречен на смерть.
О, зачем ты вышел, побуждаемый женщиной,
На поединок с названным братом?

Фердиад

О Кухулин, питомец мудрости,

Цвет геройства, цвет всего воинства,
Каждый из живущих должен уйти
Под землю, на свое последнее ложе.

Кухулин

Финдабайр, дочь королевы Медб,
Со всей пленяющей красотой ее,
Не из любви тебе обещали,
Но чтоб испытать твою королевскую силу.

Фердиад

Моя сила давно уже испытана,
О Пес, одаренный всеми совершенствами!
О большей смелости, чем моя, не слышал никто.
Равного себе я не встречал еще.

Кухулин

Ты лишь сам виновен в том, что свершится.
О сын Дамана, сына Даре!
Не должен был ты по воле женщины
Рубиться мечами с названным братом!

Фердиад

Если б мы разошлись без боя,
Как названные братья, о Пес мой милый,
Плохо было б с моей честью и словом,
Данным мной Айлилю и Медб!

Кухулин

Никогда еще не вкушали пищу

И не рождались на этом свете
Король и королева, ради которых
Я бы замыслил против тебя зло.

Фердиад

О Кухулин, славный подвигами,
Это не ты, а Медб нас предала.
Тебе достанется победа и слава,
Наша вина тебя не запятнает.

Кухулин

Мое доброе сердце обливается кровью.
Едва от меня не отлетает жизнь.
Неравен будет, при моих подвигах,
Мой бой с тобою, о Фердиад!

— Довольно тебе оплакивать меня, Кухулин! — сказал Фердиад. —
Каким оружием будем мы биться нынче?

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Кухулин, — ибо вчера
выбирал я.

— Возьмемся же, — сказал Фердиад, — за наши тяжелые, жестоко
разящие мечи: быть может, рубящими ударами мы скорей решим спор, чем
колющими, как вчера.

— Возьмемся за них, — сказал Кухулин.

Они схватили два огромных длинных щита и взялись за тяжелые,
жестоко разящие мечи. Каждый из них старался ударить и сшибить,
поразить и повалить другого, и величиной с голову месячного ребенка
были куски тела, которые они вырубали из плечей, бедер и лопаток друг у
друга. И так рубились они от утреннего рассвета до начала вечера.

— Прервем бой, Кухулин, — сказал Фердиад.

— Прервем бой, — сказал и Кухулин, — пора.

Они прекратили бой и перекинули свое оружие в руки возниц. Если
встреча их был встречей двух радостных, довольных, беспечных, бодрых
воинов, то расставание их было расставанием двух воинов омраченных,

озабоченных, опечаленных. Их кони не проводили эту ночь в одном загоне, их возницы не сходились у одного костра.

Так провели Кухулин и Фердиад эту ночь. На другой день рано утром встал Фердиад и пришел один к боевому броду. Он знал, что настал день решительного боя, в который один из них падет, если не оба. Он надел на себя свой наряд сражений, битв и поединков до прихода Кухулина. Вот каков был его наряд сражений, битв и поединков.

Он надел на свое белое тело шелковые штаны с многоцветной золотой каймой. Поверх них он надел другие штаны из хорошо вылощенной коричневой кожи. Спереди он прикрепил к ним большой крепкий камень величиной с мельничный жернов. Поверх этого он надел третью пару штанов, крепких, глубоких, из литого железа, прикрывших большой крепкий камень величиной с мельничный жернов — из страха и боязни в этот день перед рогатым копьём Кухулина. На голову же он надел свой шлем сражений, битв и поединков, с гребнем, с сорока самоцветными камнями, прекрасно убранный и отделанный красной эмалью и кристаллами со светящимися изображениями растений восточного мира.

В правую руку он взял свое разящее копьё, с левого боку привесил свой кривой боевой меч с рукоятью и перекладиной из красного золота. На свою крутую спину он возложил большой прекрасный щит из воловьей кожи, с пятьюдесятью шишками, каждая из которых могла бы вместить изображение вепря, а в середине была громадная шишка из красного золота.

Снарядившись так, Фердиад начал совершать высоко в воздухе разнообразные, многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которым он доселе ни у кого не обучался, ни у женщины, ни у мужчины, ни у Скатах, ни у Уатах, ни у Айфе: он сам изобрел их в тот день, чтобы проделать их перед лицом Кухулина.

Кухулин также пришел к броду и увидел разнообразные, многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которые Фердиад проделывал высоко в воздухе.

— Видишь ли, братец мой Лойг, — сказал Кухулин своему вознице, — эти разнообразные, многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которые Фердиад проделывает высоко в воздухе? Всеми ими и я сейчас овладею. Если сегодня я начну уступать в бою, ты должен воспламенить меня, понося и браня, дабы усилились ярость и пыл мой. Если же я стану брать верх, ты должен давать советы, восхвалять и поощрять меня, дабы усилить мое мужество.

— Будет сделано, как ты сказал, мой Кухук ^[387], - ответил Лойг.

Тогда и Кухулин надел свой наряд сражений, битв и поединков и принялся проделывать высоко в воздухе такие же разнообразные, многочисленные, блистательные, удивительные приемы ловкости, которым он доселе ни у кого не обучался, ни у Скатах, ни у Уатах, ни у Айфе. Увидел это Фердиад и понял, что всеми ими тотчас же может овладеть и Кухулин.

— За какое оружие возьмемся мы нынче, Фердиад? — спросил Кухулин.

— Тебе принадлежит выбор, — отвечал Фердиад.

— Если так, то начнем игру в брод, — сказал Кухулин.

— Начнем игру в брод, — сказал Фердиад.

Хоть Фердиад и сказал так, невесело ему было идти на это, ибо он знал, что Кухулин побеждал каждого героя и воина, затевавшего с ним игру в брод.

Великое дело должно было в этот день совершиться у брода. Два героя, два первых бойца, два колесничных бойца Западного Мира, два блестящих светоча боевого искусства Ирландии, две щедрые десницы, расточавшие милость и награду в Северо-Западном Мире, два вождя доблести Ирландии, два ключа боевой мудрости Ирландии, шли в бой друг на друга, сойдясь издалека, из-за распри, затеянной Айлилем и Медб, из-за ков их. И каждый старался победить другого своими приемами от утреннего рассвета до середины дня.

Когда настал полдень, распалилась ярость бойцов, и они плотно сошлись. Прыгнул Кухулин со своего края брода прямо на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но Фердиад левым локтем встряхнул свой щит, — и Кухулин отлетел от него, как птица, на свою сторону брода. И снова прыгнул Кухулин со своего края на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но ударом левого колена Фердиад трянул щитом своим, — и Кухулин отлетел от него, как маленький ребенок, на свою сторону брода.

Увидел это Лойг.

— Горе тебе! — воскликнул он. — Противник наказал тебя, как милая женщина наказывает малого ребенка! Он вымыл тебя, как в лоханке моют чашки! Он размолот тебя, как мельница мелет доброе зерно! Он рассек тебя, как топор рассекает дуб! Он обвинил тебя, как вьюнок обвивает дерево! Он обрушился на тебя, как обрушивается ястреб на малых пташек! Отныне и навеки конец притязаниям и правам твоим на славу и честь боевую, о крохотный бешеный карлик!

Тогда в третий раз метнулся Кухулин со скоростью ветра, с быстротою

ласточки, с порывом заоблачного дракона и обрушился на шишку щита Фердиада, сына Дамана, чтобы срубить ему голову над бортом щита. Но снова Фердиад потрянул своим щитом, и Кухулин отлетел на середину брода, где был он до своего прыжка.

Тогда произошло с Кухулином чудесное искажение его: весь он напыжился и расширился, как раздутый пузырь; он стал подобен страшному, грозному, многоцветному, чудесному луку, и рост храброго бойца стал велик, как у фоморов, далеко превосходя рост Фердиада.

Так тесно сошлись бойцы в схватке, что вверху были их головы, внизу ноги, в середине же, за бортами и над шишками щитов, руки. Так тесно сошлись они в схватке, что щиты их лопнули и треснули от бортов к середине. Так тесно сошлись они в схватке, что копья их согнулись, искривились и выщербились. Так тесно сошлись они в схватке, что демоны козловидные и бледноликие, духи долин и воздуха испустили крик с бортов их щитов, с рукоятей их мечей, с наконечников их копий. Так тесно сошлись они в схватке, что вытеснили поток из его русла, из его пространства, и в его русле образовалось достаточно свободного места, чтобы лечь там королю с королевой, и не осталось ни одной капли воды, не считая тех, что два бойца-героя, давя и топча, выжали из почвы. Так тесно сошлись они в схватке, что ирландские кони в страхе запрыгали и сорвались с места, обезумев, порвали привязи и путы, цепи и веревки и понеслись на юго-запад, топча женщин и детей, недужных и слабоумных в лагере мужей Ирландии.

Бойцы теперь заиграли лезвиями своих мечей. И было мгновение, когда Фердиад поразил Кухулина, нанеся ему своим мечом с рукоятью из рыбьего зуба удар, ранивший его, проникший в грудь его, и кровь Кухулина брызнула на пояс его, и брод густо окрасился кровью из тела героя.

Не стерпел Кухулин этих мощных и гибельных ударов Фердиада, прямых и косых. Он велел Лойгу, сыну Риангабара, подать ему рогатое копье. Вот как было оно устроено^[388]: оно погружалось в воду и металось двумя пальцами ноги; единое, оно внедрялось в тело тридцатью остриями, и нельзя было вынуть его иначе, как обрезав тело кругом.

Заслышал Фердиад речь о рогатом копье, и, чтобы защитить низ тела своего, он опустил щит. Тогда Кухулин метнул ладонью дротик в часть тела Фердиада, выступавшую над бортом щита, повыше ошейного края рогового панциря. Чтобы защитить верх своего тела, Фердиад приподнял щит. Но нехстати была эта защита. Ибо Лойг уже приготовил рогатое копье под водою, и Кухулин, захватив его двумя пальцами ноги, метнул далеким ударом в Фердиада. Пробыло копье крепкие, глубокие штаны из литого

железа, раздробило натрое добрый камень величиной с мельничный жернов и сквозь одежду вонзилось в тело, наполнив своими остриями каждый мускул, каждый сустав тела Фердиада.

— Хватит с меня! — воскликнул Фердиад. — Теперь я поражен тобою насмерть. Но только вот что: мощный удар ты мне нанес пальцами ноги и не можешь сказать, что я пал от руки твоей.

И еще он прибавил:

— О Пес, искусный в боевых приемах,
Не должен был ты убивать меня!
На тебя перейдет вина моя,
На тебя теперь моя кровь падет!
Зол жребий того, кто пал в бою
Кто низвергнут в бездну предательства!
Слаб голос мой, умираю я,
Увы, отлетает уж жизнь моя!
Перебиты ребра мои насмерть
Все сердце мое залилось кровью
Не было мне удачи в бою,
Я поражен тобою, о Пес!

Одним прыжком Кухулин очутился рядом. Обхватив тело обеими руками, он перенес его, вместе с оружием, доспехами и одеждой, через брод, чтобы водрузить этот трофей победы на северной стороне брода, не оставив его на южной, среди мужей Ирландии. Он опустил его на землю, но тут, пред челом убитого Фердиада, свет померк в глазах Кухулина, слабость охватила его, и он лишился чувств.

Увидел это Лойг, увидели и мужи Ирландии и двинулись все, чтобы броситься толпой на него.

— Поднимайся скорей, Кухук! — воскликнул Лойг. — Мужи Ирландии идут на тебя, и это будет уж не поединок, но толпой нападут они на тебя, чтобы отомстит за смерть Фердиада, сына Дамана, сына Даре, сраженного тобой.

— К чему вставать мне, мальчик? — сказал Кухулин. — Вот здесь лежит он, пораженный мною!

И они обменялись речами:

Лойг

Поднимись, о Пес боевой из Эмайн!
Всегда ты должен быть тверд духом
Ты поразил бойца Фердиада
Богом клянусь, тяжек удар твой!

Кухулин

К чему теперь мне вся твердость духа?
Тоска и безумье мной овладели
Пред лицом этой смерти, что причинил я
Над этим телом, что я сразил.

Лойг

Скорей хвалиться тебе подобает
Чем убиваться над этой смертью
Над грозным врагом с копьем кровавым
Теперь ты стонешь, рыдаешь, плачешь!

Кухулин

Пусть отрубил бы он мне ногу,
Пусть отрубил бы он мне руку, —
Все было б лучше, лишь бы остался
Он сам в живых, коней повелитель!

Лойг

То, что случилось, все ж утешительней
Девушкам в собранье Красной Ветви,
Ведь он убит, а ты жив остался,
Не шуткой была ваша схватка смертная.

Кухулин

С того самого дня, как стал я в Куалнге
На дороге Медб с надменной силой,
Не без славы была кровавая бойня,
Многих бойцов уже перебил я!

Лойг

Не знал ни разу ты сна спокойного
С того дня, как бьешься с вражеской ратью:
Все войско наше — лишь ты один.
Рано ж тебе вставать приходилось!

Принялся Кухулин стонать и оплакивать Фердиада. Говорил он:
— Горе тебе, о Фердиад, что не спросил ты никого из испытавших
подвиги смелости и ловкости моей, прежде чем выйти против меня на бой-
поединок!

Горе тебе, что Лойг, сын Риангабара, не напомнил в укор тебе годов
обучения нашего в ловкости воинской, годов побратимства!

Горе тебе, что не внял ты увещаниям мудрого Фергуса!

Горе тебе, что Конал прекрасный, Победоносный, в боях
непобедимый, не помог советом тебе, напомнив годы обучения нашего
общего.

Ибо эти мужи отвели бы твой ум от посольств, пожеланий, свиданий,
посулов обманных, хитроумных женщин из Коннахта!

Ибо ведают эти мужи, что не родился еще тот, кто был бы способен
наносить такие удары великие, тяжкие коннахтам, какие я наношу им, — и
никогда не родится!

Ибо нет мне равного в управлении щитами, мечами и копьями, в игре
на доске боевой, в управлении конями иль колесницей!

Теперь не найдется руки бойца, разящей героев, как их разила рука
Фердиада, подобного облаку!

Теперь не услышать дикого плача Бодб с губами красными, какой
испускала она, когда Фердиад пролом совершал в рядах бойцов, над грудой
щитов!

Теперь вовек не предложит другому Круахан договора такого, какой
заключил он с тобой, о краснолицый сын Дамана!

Окончив плач свой, Кухулин оторвался от головы Фердиада и сказал:

— О Фердиад, предали и обрекли тебя на гибель мужи Ирландии, побудив на бой-поединок со мной; ибо нелегко вести бой-поединок со мной при угоне быка из Куалнге.

И еще он прибавил:

— О Фердиад, ты пал жертвой вероломства!
Была горькой встреча наша последняя!
Вот нынче ты мертв, я ж остался жив.
Будет вечной тоска разлуки вечной!
Когда мы были с тобою вместе
Там, у Скатах, Уатах и Айфе,
Казалось нам — во веки веков
Дружбе нашей конца не будет.
Мила мне алость твоя благородная,
Мил твой прекрасный, совершенный образ,
Милы твои очи синие, ясные,
Мила твоя мудрость и речь складная.
Не ходил еще в бой, рассекая кожу,
Не распалялся еще боевым пылом,
Не носил щита на плечах широких
Тебе подобный, о румяный сын Дамана!
Никогда не встречал я на поле битвы
С той поры, как пал единородный сын Айфе,
Тебе подобного в подвигах ратных, —
Не сыскал я такого, о Фердиад, доныне.
Финдабайр, дочь королевы Медб,
Со всею дивною красою своей,
Была для тебя, о Фердиад, не больше,
Чем ветка ивы на холме песчаном!

Кухулин устремил свой взор на тело Фердиада.

— Ну что ж, господин мой Лойг, — сказал он, — раздень Фердиада, сними с него боевой наряд и одежду, чтобы поглядеть нам на пряжку, ради которой он пошел на бой-поединок.

Подошел Лойг к телу Фердиада и раздел его. Он снял с него боевой наряд и одежду, и Кухулин увидел пряжку. Снова начал он стонать и оплакивать Фердиада, говоря такие слова:

— Горем стала золотая пряжка,
О Фердиад, повелитель рати,
Ты, наносивший удары тяжкие
Благородной, победоносной дланью!
Венец волос твоих светлых, курчавых
Был так огромен и дивен красой!
Словно лиственный гибкий пояс
Облекал твой стан до самой смерти.
О, наше милое побратимство!
О, зоркий взгляд благородного ока!
Помню щит твой с бортами золотыми, —
Драгоценную доску для шахматных ударов!
Помню запястье из светлого серебра
Вокруг руки благородной твоей,
Помню меч твой, столь превосходный,
И твой пурпурный лик прекрасный!
Что ты повержен рукою моею —
Это было неладным делом.
Не был прекрасен наш поединок,
Горем стала золотая пряжка!

— А теперь, господин мой Лойг, — сказал Кухулин, — разрежь тело Фердиада и извлеки из него рогатое копьё — ибо я не могу остаться без моего оружия.

Подошел Лойг к телу Фердиада, разрезал его и извлек из него рогатое копьё. Увидел Кухулин свое окровавленное, красное оружие рядом с телом Фердиада и сказал такие слова:

— О Фердиад, скорбно наше свиданье!
Вот вижу тебя кровавым и бледным.
Не смьть крови с моего оружия,
Ты ж распростерт на смертном ложе!
Если б были мы там, в стране восточной,
Как прежде, у Скатах, Уатах и Айфе, —
Не были б белы теперь твои губы
Предо мною, среди оружия.
Наша наставница нас связала
Славною связью союза дружбы,

Дабы не вставали чрез нас раздоры
Меж племенами светлой Ирландии.
Печально утро, это утро марта,
Принесшее смерть сыну Дамана!
Увы, вот пал мой любимый друг,
Алою кровью напоил я его!
Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитанными.
Я изранен весь, залит кровью алой,
Ты ж не сядешь на колесницу вновь!
Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитанными.
Я изранен весь, и кровь запеклась,
Ты же мертв совсем, без возврата, навек.
Скорбное дело случилось с нами,
Вместе у Скатах воспитанными.
Тебя смерть сразила, я же бодр и жив.
Биться в ярое бою — вот удел мужей.

— Ну что ж, Кухук, — сказал Лойг, — уйдем теперь от брода.
Слишком долго мы здесь пробыли.

— Да, пойдем, — отвечал Кухулин. — Знай, что игрою, легкой забавой
были для меня все бои и поединки, которые я выдержал здесь, по
сравнению с боем-поединком с Фердиадом.

И еще сказал он — таковы его слова:

— Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
У нас были с ним ученье общее,
Общая мощь и общая щедрость,
И он был ее избранником.
Все было игрою, легкой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Мы равный ужас вселяли в врагов.
Было равным искусство наше в бою.
Дала нам Скатах два равных щита:
Один — Фердиаду, другой же — мне.
Все было игрою, легкой забавой,

Пока не пришел Фердиад к броду.
О милый друг, о столп золотой,
Поверженный мной в бою у брода!
О вепрь народов, неистовый вепрь,
Ты был смелее, чем все другие!
Все было игрою, пустой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Этот пламенный и свирепый лев,
Буйная волна, грозная, как Страшный суд.
Все было игрою, пустой забавой,
Пока не пришел Фердиад к броду.
Думалось мне, что милый Фердиад
Будет другом мне на веки веков.
Вчера он был, как гора, велик,
Сегодня лишь тень осталась его.
Трижды врагов несметные полчища
Я сокрушил рукою своею.
Сколько быков, коней и воинов
Я разметал здесь во все стороны!
Хоть и бесчисленно было воинство,
Что наслал на нас хищный Круахан,
Больше третьей части, с половину их
Умертвил я здесь в игре жестокой.
Не бывал в боях тот сын королевский,
Ирландия грудью не вскормила того,
Не являлся еще ни с суши, ни с моря,
Кто бы славою мог превзойти меня!

Здесь кончается повесть о смерти Фердиада.

Болезнь Кухулина

Раз в год собирались все улады вместе в праздник Самайн, и длилось это собрание три дня перед Самайн, самый день Самайн и три дня после него. И пока длился праздник этот, что справлялся раз в году на равнине Муртемне, не бывало там ничего иного, как игра да гулянье, блеск да красота, пиры да угощение. Потому-то и славилось празднование Самайн во всей Ирландии.

Любимым же делом собравшихся воинов было похвалиться своими победами и подвигами. Чтобы подтвердить свои рассказы, они приносили с собой в карманах отрезанные концы языков всех убитых ими врагов; многие же, чтобы увеличить число, еще прибавляли к ним языки четвероногих. И начиналась похвальба, причем каждый говорил по очереди. Но при этом бывало вот что. У каждого воина сбоку висел меч, и, если воин лгал, острие его меча обращалось против него. Так меч был порукою правдивости воина.

Раз собрались на такой праздник, на равнине Муртемне, на все улады; недоставало только двоих: Конала Победоносного и Фергуса, сына Ройга.

— Начнем празднество, — сказали улады

— Нельзя начинать его, — возразил Кухулин, — пока не пришли Конал и Фергус.

Ибо Фергус был его приемным отцом, а Конал — молочным братом. Тогда сказал Сенха:

— Будем пока играть в шахматы, слушать песни и смотреть на состязания в ловкости.

В то время как они развлекались всем этим, на озеро, бывшее неподалеку от них, слетелась стая птиц. Более прекрасных птиц никто не видывал в Ирландии. Женщин охватило желание получить их, и они заспорили между собой, чей муж окажется ловчее в ловле этих птиц.

— Я хотела бы получить по птице на каждое плечо, сказала Этне Айтенкайтрых, жена Конхобара.

— И мы все хотели бы того же самого! — воскликнули остальные.

— Если только для кого-нибудь будут пойманы эти птицы, то прежде всего для меня, — сказала Этне Ингуба, возлюбленная Кухулина.

— Как же нам быть? — спросили женщины.

— Не трудно сказать, — молвила Леборхам, дочь Ауэ и Адарк, — я пойду к Кухулину и попрошу его исполнить ваше желание.

Она подошла к Кухулину и сказала ему:

— Женщинам было бы приятно, если бы ты добыл им этих птиц.

Кухулин схватился за меч, грозя ударить ее:

— Уладские шлюхи не нашли ничего лучшего, как посылать меня сегодня охотиться на птиц для них!

— Ты не прав, — возразила Леборхам, — что гневаешься на них. Ведь ты виновник одного из трех ущербов, постигших уладских женщин, — виновник их кривизны.

(Ибо три ущерб постигли уладских женщин: горбатость, заикание и кривизна. Именно все те из них, что были влюблены в Конала

Победоносного, горбились; те, что были влюблены в Кускрайда Заику из Махи, сына Конхобара, говорили заикаясь; те же, что были влюблены в Кухулина, кривели на один глаз ради сходства с ним, из любви к нему, — ибо когда Кухулин приходил в боевую ярость, один глаз его так глубоко уходил внутрь головы, что журавль не мог бы его достать, а другой выкатывался наружу, огромный, как котел, в котором варят целого теленка.)

— Приготовь для нас колесницу, о Лойг! — воскликнул Кухулин.

Лойг запряг коней, и Кухулин помчался на колеснице. Он совершил на птиц такой налет со своим мечом, что их лапы и крылья попадали в воду^[389]. Кухулин, с помощью Лойга, захватил всех птиц и разделил их между женщинами. Каждая получила по две птицы, кроме одной лишь Этне Ингубы, которой ничего не досталось. Подошел Кухулин к своей возлюбленной.

— Ты сердисься на меня? — спросил он ее.

— Вовсе нет, — отвечала она, — я охотно уступила им этих птиц. Ведь ты знаешь, что нет среди них ни одной, которая бы не любила тебя и не принадлежала тебе хоть частью. Я же ни частицей не принадлежу никому другому: я вся твоя.

— Так не сердись же, — сказал Кухулин. — Когда снова появятся птицы на равнине Муртемне или на Бойне^[390], ты получишь двух самых прекрасных из них.

Немного погодя над озером появились две птицы, соединенные в пару цепочкой из красного золота. Они пели так сладко, что все слышавшие их впадали в сон. Кухулин тотчас же устремился на них.

— Послушайся нас, не трогай этих птиц, — сказали ему Лойг и Этне. — В них скрывается тайная сила.

— Приведется, — добавила Этне, — и ты достанешь мне других.

— Вы думаете, я не сдержу своего слова! — воскликнул Кухулин. — Не бывать этому. Вложи камень в пращу, о Лойг!

Лойг взял камень и вложил в пращу. Кухулин метнул его в птиц, но промахнулся.

— Горе мне! — воскликнул Кухулин.

Он взял другой камень, снова метнул его и опять промахнулся.

— Пришла напасть на меня! — воскликнул он. — С тех нор, как владею я оружием, никогда до этого дня не давал я промаха.

Он метнул в птиц свое копьё. Оно пронзило крыло одной из них, и тотчас же обе они скрылись под водой.

Тогда Кухулин отошел в сторону. Он прислонился спиной к высокому

плоскому камню^[391]. Тоска напала на него, и вскоре он погрузился в сон. И во сне явились ему две женщины, одна — в зеленом плаще, другая — в пурпурном, пять раз обернутом вокруг плеч. Та, что была в зеленом, подошла к нему, засмеялась и ударила его плетью. Затем подошла вторая, засмеялась тоже и ударила его таким же образом. И так длилось долго: они подходили к нему по очереди и ударяли его, пока он не стал уже совсем близок к смерти; тогда обе они исчезли.

Улады, видя, что с Кухулином творится что-то неладное, хотели его разбудить.

— Не прикасайтесь к нему, — сказал Фергус. — У него сейчас видение.

Пробудился Кухулин от сна.

— Что с тобой было? — спросили его улады.

Но он в силах был сказать только одно:

— Отнесите меня в мой дом, на постель.

Его отнесли, как он сказал, и он пролежал в постели целый год, никому не вымолвив ни слова.

Ровно год спустя, в такой же день Самайна, Кухулин лежал у себя, а вокруг него сидели несколько уладов: по одну сторону его — Фергус, по другую — Конал Победоносный, у изголовья — Лугайд Кровавых Шрамов, а у ног его — Этне Ингуба. Внезапно вошел в дом некий муж и сел напротив ложа Кухулина.

— Для чего пришел ты сюда? — спросил его Конал Победоносный.

— Если б был здоров тот, что лежит здесь, — ответил пришелец, — он был бы защитой мне от всех уладов. Больной же и слабый, каков он ныне, он мне будет еще лучшим защитником. Я пришел, чтобы с ним поговорить, и потому никого не боюсь я.

— Если так, добро пожаловать! — отвечали улады. — Не бойся никого.

Тогда поднялся пришелец и запел:

— О Кухулин, горестен вид твой!
Долго ль продлится недуг твой?
Тебя б исцелили, если б были здесь,
Милые дочери Аида Абрата.
Сказала Либан, царственная подруга
Лабрайда Быстрого на равнине Круах
(Она знала, что Фанд, милая сестра ее,
Разделить жаждет ложе Кухулина):

«Светел будет день для страны моей,
Когда Кухулин посетит ее!
Он получит здесь серебро, золото,
Сколько захочет вина для жажды своей.
О, если б уж здесь был теперь мой милый,
Герой Кухулин, сын Суалтама!
То, что предстало в сонном виденье,
Один свершишь ты, без помощи войска».
В стороне юга, на равнине Муртемне,
В ночь на Самайн, о Кухулин мой,
Не во зло себе, а на исцеленье
Встретишь ты Либан, что я шлю к тебе^[392].

— Что ты за человек? — спросили его присутствующие.

— Я — Айнгус, сын Аида Абрата, — отвечал он.

И он тотчас же исчез, и никто не знал, откуда явился он и куда делся. Кухулин же поднялся с ложа своего и заговорил.

— Долго мы ждали, пока ты встанешь! — воскликнули улады. — Расскажи нам теперь, что с тобой было?

— В прошлый Самайн впал я в сон, — сказал Кухулин; и он рассказал им все, что привиделось ему.

— Что же мне теперь делать, о Конхобар, господин мой? — спросил он, окончив свой рассказ.

— Что тебе делать? — ответил тот. — Встань и пойдй сейчас к тому самому камню, у которого явилось тебе видение.

Так и сделал Кухулин, и у камня этого предстала ему женщина в зеленом плаще.

— В добрый час, Кухулин, — сказала она ему.

— Для меня-то это не в добрый час, — отвечал он. — Что означало ваше посещение год тому назад?

— Мы приходили тогда вовсе не для того, чтоб причинить зло тебе, но чтобы просить тебя о дружбе и помощи. Вот и теперь меня послала к тебе Фанд, дочь Аида Абрата, чтобы переговорить с тобой. Мананнан, сын Лера, ее супруг, покинул ее, и ныне она обратила к тебе любовь свою. Я же — Либан, сестра ее. Лабрайд Быстрой на Меч Руки, супруг мой, готов отдать тебе Фанд, если только ты согласен биться хоть один день вместе с ним против Сенаха Призрака, Эоханда Пула и Эогана Инбира, врагов его.

— Сейчас я не в силах сражаться с воинами, — сказал Кухулин.

— Скоро ты будешь совсем здоров, — отвечала Либан, — и вернется к тебе вся сила, которой еще недостает тебе. Ты должен сделать это для Лабрайда, ибо он величайший герой в мире.

— Где же обитает он? — спросил Кухулин.

— Он обитает на Равнине Блаженства, — отвечала она.

— Легче бы было мне пойти в другие края, — сказал Кухулин. — Пусть сначала пойдет с тобой Лойг, чтобы разузнать страну, откуда пришла ты.

— Пусть же он идет со мной, — сказала Либан.

Лойг отправился вместе с ней, и они достигли пределов страны, где находилась Фанд. Приблизилась Либан к Лойгу и, взяв его за плечо, сказала:

— Теперь не уйдешь ты живым отсюда ни за что, если женщина не поможет тебе.

— Непривычно было для нас доселе, — сказал Лойг, — чтобы женщины защищали нас.

— Жаль, очень жаль все же, — сказала Либан, — что не Кухулин здесь сейчас вместо тебя.

— Да и я был бы рад, если б он был здесь вместо меня, — молвил Лойг.

Они двинулись дальше и пришли на берег, против которого лежал остров. Прямо перед собой на воде они увидели бронзовую ладью. Они сели в нее, переправились на остров и подошли к двери дома. Навстречу им вышел муж, Либан обратилась к нему:

— Скажи мне, где Лабрайд Быстрой на Меч Руки,
Вождь-повелитель победоносной рати,
Что окрашивает кровью острия копий,
Чью колесницу венчает победа?

Отвечал ей муж:

— Ты спросила, где Лабрайд Сын Быстроты?
Он не мешкает, он на подвиг скор,
Собирает он свою рать на бой,
Что зальет своей кровью поле Фидги все.

После этого они вошли в дом. Было в нем трижды пятьдесят полатей, и трижды пятьдесят женщин было там. Все они приветствовали Лойга:

— Привет тебе, Лойг, ради той, с кем ты пришел! И раз ты пришел сюда, то привет тебе ради тебя самого!

— Что ты хочешь делать сейчас, о Лойг? — спросила Либан. — Пойдешь ли ты к Фанд, чтобы поговорить с ней?

— Я пошел бы сейчас, если б знал, где ее найти, — отвечал тот.

— Не трудно сказать, — молвила Либан. — Она в комнате рядом.

Они прошли к Фанд, и она приветствовала их так же, как другие женщины.

(Фанд была дочерью Аида Абрата, имя которого значит Пламя Ресницы, а это означает зрачок. Имя же Фанд, дочери его, значит Слеза, ибо слеза есть дочь зрачка, из которого она вытекает. Так называли девушку из-за ее чистоты, а также по причине красоты ее, ибо не сыскать в мире другой, подобной ей.)

В это время они слышали шум колесницы Лабрайда, подъезжавшего к острову^[393].

— Нерадостен нынче Лабрайд, — сказала Либан. — Пойдем, поговорим с ним.

Они вышли ему навстречу, и она приветствовала его такой речью:

— Привет тебе, Лабрайд Быстрой на Меч Руки,
Наследник предков — копьеносцев малых^[394],
Что дробишь щиты, ломаешь копья,
Ранишь воинов, сокрушаешь славных!
Ты рвешься в сечу, — как в ней ты прекрасен! —
Ты крушишь войска, мечешь богатства,
О герой-вихрь, привет тебе, Лабрайд!
Привет, о Лабрайд Быстрой на Меч Руки!

Ничего не ответил Лабрайд. Снова заговорила девушка:

— Привет тебе, Лабрайд, Меч Быстрый в Сече,
Скорый на милость, для всех защитник,
Жадный до боя, ран не бегущий,
С высокой речью, с крепкою правдой,
С доброю властью, смелой десницей
Разящий в гневе, смиритель бойцов,

Владыка коней! Привет тебе, Лабрайд!
Привет тебе, Лабрайд, Меч Быстрый в Сече.

Но Лабрайд продолжал безмолвствовать. И снова запела девушка:

— Привет тебе, Лабрайд Быстрой на Меч Руки,
Из бойцов храбрейший, надменной моря,
Крушитель дерзких, зачинатель битв,
Решето бойцов, защитник слабых,
Смиритель гордых! Привет, о Лабрайд!
Привет тебе, Лабрайд Быстрой на Меч Руки!

— Не мила мне речь твоя, о женщина, — ответил Лабрайд и запел:

— Чужда мне гордость, чужда надменность,
Не мутит мне разум обман гордыни!
Трудная битва, тяжкая, злая
Ожидает нас в сверканье мечей,
Против обильной сплоченной рати
Врагов — Эохайда Иула племени.

— Порадуйся же, — сказала Либан. — Лонг, возница Кухулина, здесь с нами. Это Кухулин прислал его сюда, и он, наверное, даст нам войско в подмогу.

Тогда Лабрайд сказал Лойгу:

— Привет тебе, о Лойг, ради женщины, с которой ты прибыл сюда, и ради того, кто послал тебя! Теперь же возвратись к себе, о Лойг, Либан проводит тебя.

Лойг вернулся обратно и поведал Кухулину и другим уладам все, что с ним случилось и что он видел:

— Видел страну я добрую, светлую,
Нет там обмана и ложь неведома,
Видел еще я бойцов короля,
Лабрайда Быстрой на Меч Руки в Сече.
Когда проходил я равнину Луад,

Видел на ней я Древо Победы.
На холме одном, на той же равнине,
Видел я пару змей двуглавых.
Когда достиг я светлого места,
Где живет Либан, она мне сказала:
«Мил ты, о Лойг, мне, но все ж милее
Мне был бы Кухулин вместо тебя».
Красота — победа без пролития крови —
Удел дочерей Аида Абрата.
Фанд так прекрасна, — о, блеск славы! —
Что королевам с ней не сравниться.
Там обитает — мне так сказали —
Безгрешное племя отца Адама^[395].
Но красотой Фанд, как я видел,
И всех живущих там превосходит.
Еще я видел бойцов там светлых,
Которые бились разным оружием,
Также одежды, цветные ткани
Много прекрасней наших одежд.
На пиру я видел много милых женщин,
Много девушек, прекрасных собою.
А на охоте, средь холмов лесистых,
Там состязались красивые юноши.
В доме — много певцов и музыкантов
Для увеселения женщин и девушек.
Если б не спешил я скорей обратно,
Я б там предался истоме сладкой.
Прекрасна Этне, когда пред нами
Стоит она на холме высоком.
Но та женщина, что я тебе назвал,
Красотой несравненной отнимает разум.

Слушая его, Кухулин приподнялся на ложе и сидел, закрыв лицо руками. По мере того как Лойг рассказывал, он чувствовал, как разум его проясняется и силы прибывают.

Немного спустя Кухулин сказал Лойгу:

— Теперь, о Лойг, пойдй разыщи Эмер, жену мою, и Расскажи ей все, что со мною было. Скажи ей также, что мне с каждым часом становится

лучше. Пусть она придет навестить меня.

Пошел Лойг к Эмер и рассказал ей, каково теперь Кухулину.

— Плохо для твоей чести, о Лойг, — сказала ему Эмер, — что, имея дело с сидами, ты не добыл от них средства для исцеления твоего господина. Позор уладам за то, что они не ищут способа помочь ему. Если бы Конхобар был ранен, или Фергус впал в сон, или Конал Победоносный получил увечье, Кухулин быстро помог бы им!

И она запела:

— Горе! Тяжкая боль меня охватила
Из-за любимого моего Кухулина,
Сердце и кожа болят у меня.
О, если б могла я помочь ему!
Горе! Сердце мое окровавлено
Страданием за бойца равнин,
Что не может он нынче выйти, как встарь,
На собрание в праздник Самайн.
Пригвожден он к своему ложу
Из-за видения, что предстало ему.
Гаснет голос мой, ослабел совсем
От страдания из-за мук его!
Месяц, зиму, лето, целый год уже,
В вечной дреме злой, без доброго сна,
В тяжком молчанье, слова ласки не слыша,
Лежит, о Лойг, страдая, Кухулин мой!

Быстро собралась Эмер, пришла в Эмайн-Маху, вошла в дом Кухулина и села у его ложа.

— Позор тебе, — сказала она, — что лежишь ты больной из-за любви женщины. От долгого лежания усиливается недуг твой.

Долго говорила она ему так, а потом запела:

— О, восстань от сна, герой Улада,
Восстань скорее, бодрый и крепкий!
Вспомни великого короля Эмайн —
Немила ему дремота твоя.
Вспомни его могучие плечи,
Рога в доме его, полные пивом!

Вспомни колесницы, что мчатся по равнине.
Игра в шахматы — их геройский бег!
Взгляни на силу его воинов,
На его девушек, благородных и нежных,
На его храбрых царственных вассалов,
На величавых королей его!
Взгляни: подступает уж время зимнее,
Каждый час близит волшебство зимы.
Взгляни на все, что творит она:
Какой долгий холод! Как увяли все краски!
Сон упорный несет хворь, нездоровье,
Долгое лежанье отнимает силу,
Сон чрезмерный вреден, как сытому — пища,
Он вестник смерти, ее брат родной.
Страхни же дрему, этот отдых пьяных,
Отринь се силой пламенной воли!
Говорю я это из любви к тебе:
О, восстань скорей, герой Улада!

Приподнялся Кухулнн, провел рукой по лицу и стряхнул с себя слабость и оцепенение. Он поднялся совсем и пошел к камню, у которого было ему видение. Там снова явилась ему Либан и опять стала звать его в свою страну.

— Где же обитает Лабрайд? — спросил Кухулин.

— Не трудно сказать, — ответила Либан.

И она запела:

— Обитает Лабрайд над светлой водою,
Там, где блуждают толпы женщин.
Без труда большого ты туда прибудешь,
Коль отыскать хочешь Лабрайда Быстрого.
Смелая длань его поражает сотни.
Должен быть искусен, кто его опишет.
Чистый пурпур, самый прекрасный, —
Вот цвет лица Лабрайда.
Скалит волчью пасть лютая сеча
Под его острым, красным мечом.
Он сокрушает копья диких полчищ,

Дробит щиты — защиту врагов.
Все тело его — зрящее око,
Он не выдаст в бою товарища.
Первый средь всего своего народа,
Он один сразил многие тысячи.
Этот дивный герой, к врагу беспощадный,
Нынче вторгся в страну Эохайда Пула.
Его волосы — золотые ветви,
Его дыханье — аромат вина.
Этот дивный герой, к врагу беспощадный,
Устремил свой набег в дальние области.
Ладьи состязаются в беге с конями
Вокруг острова, где обитает Лабрайд.
Свершитель многих на море подвигов —
Лабрайд Быстрой на Меч Руки.
Не похож он вовсе на псов ленивых,
Защищает он многих, охраняя их сон.
Удила коней его — из красного золота.
Все полно у него драгоценностей.
На хрустальных столбах и на серебряных
Стоит тот дом, где Лабрайд живет.
Два короля обитают в нем:
Лабрайд — один, другой — Файльбе Светлый,
Трижды пятьдесят мужей вокруг каждого,
Всех их вмещает один дом.
Каждое ложе — на ножках бронзовых,
Столбы белые позолочены.
Каждое ложе, словно свечой:
Озаряется ярким самоцветным камнем.
Снаружи, пред дверью, со стороны запада,
Там, где заходит солнце вечером,
Пасутся кони с пестрой гривой,
Серой иль темно-пурпурной масти.
Пред другой дверью, со стороны востока,
Стоят три дерева пурпурно-стеклянные,
Птицы на ветвях их сладким пением
Нежат слух детей дома королевского.
Посреди двора стоит дерево,
С ветвей его льется сладкая музыка.

Все из серебра оно, в солнечных лучах
Сияет оно, словно золото.
Трижды двадцать деревьев там, чьи ветви
То сплетаются вместе, то расходятся.
Каждое питает триста мужей
Плодами обильными без твердой кожицы.
Есть тайник чудесный у сидов благородных,
Трижды пятьдесят в нем цветных плащей,
К каждому из них с краю прилажена
Ярко сверкающая золотая пряжка.
Есть там бочонок с веселящим пивом
Для обитателей дома этого.
Сколько бы ни пили, не иссякает,
Не убывает — вечно он полон.

Кухулин отправился вместе с ней в ее страну; он захватил с собой и свою колесницу, и Лойга — возницу. Когда они прибыли на остров Лабрайда, все женщины там приветствовали его. В особенности же приветствовала его Фанд.

— Что мы будем теперь делать? — спросил Кухулин.

— Не трудно ответить, — сказал Лабрайд. — Мы пойдем взглянуть на войско врагов.

Они приблизились к вражескому войску и окинули его взором: несметным показалось оно им.

— Теперь удались, — сказал Кухулин Лабрайду.

Тот ушел, и Кухулин остался один подле врагов. Его присутствие выдали врагам два волшебных ворона, которых они создали в помощь себе.

И все войско выстроилось сомкнутым строем, так, чтобы нельзя было ворваться в середину его: вся страна, казалось, была занята им.

Рано поутру пошел Эохайд Иул к ручью, чтобы умыть руки. Кухулин узнал его по плечу, просвечивавшему под плащом. Он метнул в него копье, и оно пронзило Эохайда и еще тридцать трех воинов, стоявших позади него. Тогда ринулся на него Сенах Призрак, и долго бились они, но под конец одолел Кухулин и его.

Тем временем подоспел Лабрайд, и враги обратились в бегство пред ними.

Лабрайд попросил Кухулина прекратить побоище. Тогда Лойг сказал ему:

— Я боюсь, как бы господин мой не обратил свой боевой пыл против нас, ибо он еще не насытился битвой. Пойдите и приготовьте три чана с холодной водой, чтобы он остудил в них свой пыл. Он прыгнет в первый чан — и вода закипит в нем; прыгнет затем во второй — и вода в нем станет нестерпимо горяча; и лишь когда он прыгнет в третий чан, вода станет в меру горячей.

Когда женщины увидали Кухулина, возвращающегося с битвы, Фанд запела ему:

— Дивный герой на колеснице
Возвращается к нам; он безбород и юн,
Прекрасен и славен его победный въезд
Этим вечером после боя в Фидге.
Не нежную песню парус поет^[396]
На колеснице, кровью окрашенной:
Слух поражает гром колесницы,
Мерная песня колес звенящих.
Мощные кони мчат колесницу,
Не оторвать мне от них взора:
Я не видала им подобных,
Они быстрее весеннего ветра.
Пятьдесят золотых яблок в руках его,
Он их бросает и ловит на лету^[397].
Не найти короля, ему равного
Ни по кротости, ни по ярости.
На каждой щеке его — два пятнышка:
Одно пятнышко — как алая кровь,
Другое — зеленое, голубое — третье,
Четвертое — нежного цвета пурпура.
Взор его мечет семь лучей света^[398].
Лгут говорящие, будто в гневе он слепнет.
Над прекрасными его очами —
Изгибы черных, как жучки, бровей.
А на голове бойца дивного —
Об этом знает вся Ирландия —
Три слоя волос разного цвета.
Юн и прекрасен безбородый герой.
Меч в руке его кровавый, разящий.
Рукоять его — серебряная.

Золотые шишки на щите его,
А края щита — из белой бронзы.
Попирает врагов в лютой сече он,
Рассекает поле пламенной битвы.
Средь всех бойцов не найдете вы
Равного Кухулину юному!
Вот пришел в наши края Кухулин,
Юный герой с равнины Муртемне!
Долго ждали его, и встретили —
Мы, две дочери Аида Абрата.
Капли красной крови стекают
По древку копья, что в руке его.
Клич издает он могучий, грозный.
Горе врагам, что его слышат!

Затем запела Либан, приветствуя его:

— Привет тебе, вепрь победоносный!
О повелитель равнины Муртемне!
Высок твой помысел! Гордость бойцов ты!
Цвет воинства! Испытатель мощи!
Готовый к бою с врагами уладов!
Сердце победы! Алый, как кровь!
Мил взору женщин твой лик прекрасный!
Привет тебе, Кухулин, алый, как кровь!

После этого Кухулин разделил ложе Фанд и пробыл целый месяц подле нее. По прошествии же месяца он простился с ней. Она сказала ему:

— Куда бы ты ни призвал меня на свиданье любви, я приду.

Вскоре после возвращения Кухулина в Ирландию он призвал Фанд на свиданье любви в Ибур-Кинд-Трахта. Проведала об этом Эмер, жена Кухулина. Она взяла нож и отправилась в назначенное место в сопровождении пятидесяти женщин, чтобы убить девушку.

Кухулин и Лойг сидели в это время и играли в шахматы, не замечая приближения женщин. Но Фанд увидела их и сказала Лойгу:

— Погляди, о Лойг, что я там вижу!

— Что там может быть? — молвил Лойг и посмотрел.

Сказала ему Фанд:

— Оглянись, о Лойг, назад. Тебя подслушивают прекрасные мудрые женщины. Их грудь разукрашена золотом, и у каждой из них по острому ножу голубой стали в правой руке. Подобны свирепым воинам, устремляющимся в бой, эти прекрасные женщины. Вижу я, это — Эмер, дочь Форгала. Изменила она свой пол и нрав.

Сказал Кухулин, обращаясь к Фанд:

— Не бойся ничего. Не тронет тебя она.
Взойди на колесницу, сядь на подушку,
Залитую солнцем, под мою защиту.
Я охраню тебя против всех женщин,
Сколь б их ни было, с четырех концов Улада.
Смелое дело Эмер замыслила,
Дочь Форгала, со своими подругами.
Но она не посягнет на тебя, пока ты со мной.

И, обращаясь к Эмер, он продолжал:

— Я отступаю перед тобой, о женщина,
Как отступают перед друзьями.
Не поражу я копьем жестоким
Твою дрожащую занесенную руку.
Я не выбью из руки твоей тонкий нож.
Слаб твой гнев против нас и беспомощен,
Слишком велика сила моя,
Чтоб склониться перед волей женщины.

— Скажи мне, о Кухулин, — сказала Эмер, — что заставило тебя покрыть меня позором пред лицом всех женщин Улада, пред лицом всех женщин Ирландии, пред лицом всех людей чести? Тайно пришла я сюда, но с твердой решимостью. Ибо, при всей гордости своей, ты не можешь покинуть супругу, как бы сильно ни желал этого.

— Скажи мне, о Эмер, — отвечал Кухулин, — для чего ты хочешь помешать мне побыть немного подле этой женщины? Чиста, благородна, светла, достойна короля эта женщина, что прибыла сюда по великим, широким волнам из-за моря. Прекрасна она собой и из высокого рода,

искусна в вышивании и всяком рукоделии, разумна, тверда в мыслях, рассудительна. Богата она конями и всяким скотом, и нет ничего под сводом небесным, чего бы она не сделала ради своего милого друга, как бы трудно ни было ей это, если бы он того пожелал. А ты, Эмер, не сыщешь другого бойца прекрасного, не боящегося ран, победоносного в сече, который был бы равен мне.

— Женщина, к которой ты ныне привязан, — сказала Эмер, — без сомнения, не лучше, чем я. Но поистине: ведь все красное красиво, новое бело, высоко лежащее желанно, все привычное горько, все недостающее превосходно, все изведенное презренно — в этом вся человеческая мудрость. О супруг мой, некогда была я в чести у тебя, и это могло бы опять быть так, если б ты захотел!

И она впала в великую скорбь.

— Клянусь тебе, — воскликнул Кухулин, — ты мне дорога и будешь дорога мне, пока живешь!

— Значит, ты покидаешь меня? — спросила Фанд.

— Вернее, меня покидает он, — сказала Эмер.

— Нет! — воскликнула Фанд. — Это меня он покидает. Мне уже давно угрожало это.

Она впала в скорбь и печаль. Стыдно стало ей, что она покинута и так быстро должна вернуться к себе. Страданием стала для нее великая любовь ее к Кухулину, и свою жалобу она излила в песне:

— Теперь должна я двинуться в путь,
Милое место должна я покинуть
Не по воле своей — честь зовет меня,
Меж тем как я хотела б остаться.
Не дивись же ты, что мне было б милей
Остаться здесь, рядом с тобой,
Под защитой твоей, чем возвращаться
В терем свой, к Аиду Абрату.
О Эмер, с тобой остается муж твой,
Он покинул меня, жена прекрасная!
Хотя рука моя не достанет его,
Душа будет стремиться к нему.
Много героев сваталось ко мне
И в доме моем, и в чаще лесной.
Я отвергла все их исканья,
Блюдя свою недоступность.

Горе приносит любовь к человеку,
Что от любящей отвращает взор свой!
Лучше уйти, чем остаться,
Когда не встречаешь к себе любви.
Пятьдесят подруг привела с собою
Ты сюда, Эмер светловолосая,
Чтоб напасть на Фанд, — о, поступок злой! —
Чтоб обидеть ее, чтоб убить ее.
Трижды пятьдесят есть подруг у меня,
Красоты великой, мужа не знавших,
В доме моем, и всегда они
Отстранят обиду, защитят меня.

В это время узнал Мананнан о том, что происходит, — о том, что Фанд, дочь Аида Абрата, супруга его, выдерживает неравную борьбу против жен Улада и что Кухулин должен покинуть ее. Он поспешил к ней с востока и разыскал ее. Он приблизился к ней так, что никто, кроме нее одной, не увидел его.

Смущение и раскаяние охватили Фанд, когда она увидела его, и она запела:

— Смотрите на Мананнана, сына Лера,
Жителя равнин Эогана Инбира.
Мананнан, высоко стоящий в мире!
Было время, когда я его любила.
Но потом случилось — громкий крик сердца! —
Я его разлюбила ради другого.
Хрупка любовь, идет путем тайным,
Нам не понять его, если б и хотели.
Когда была вместе я с сыном Лера
В терему своем, в замке Инбира,
Казалось нам, что ничто на свете
Никогда не разлучит меня с ним.
Когда, прекрасный, он стал моим мужем,
Я была ему верною супругою.
Золотое запястье мне подарил он
Как выкуп чести, дар свадебной ночи.
Когда шла я к нему, привела с собой

Пятьдесят девушек в пестрых одеждах
И дала ему пятьдесят мужей
Для службы ему, кроме девушек.
Четырежды пятьдесят — то не выдумка! —
Число слуг дома нашего:
Дважды пятьдесят мужей счастливых, здоровых,
Дважды пятьдесят девушек прекрасных, цветущих.
Вижу, по морю скачет сюда ко мне,
Невидимый взору неразумных людей,
Всадник, покрытый пеной морскою;
Нет нужды ему в ладье деревянной.
Вот прискакал он, уже средь нас он,
Лишь тот его видит, кто из племени сидов;
Он своею мудростью видит всех живущих,
Даже когда они далеко от нас.
Такова судьба моя — уже свершилась она.
Нет у нас, женщин, в любви разума;
Тот муж, кого так сильно полюбила я,
Нынче принес мне горькое страдание.
Прощай, Кухулин, мой Пес прекрасный!
Честь зовет меня прочь от тебя.
Если не нашла я того, что хотела,
Моим остается право уйти.
Вот настала минута разлуки.
Не с легким сердцем я удаляюсь.
Тяжело оскорбление, нанесенное мне.
Прощай, о Лойг, сын Риангабара!
Возвращаюсь я к моему супругу,
Который ничем меня не обидит.
Чтоб не сказали, что исчезла я тайно,
Смотрите все, как я удаляюсь.

Окончив речь свою, девушка подошла к Мананнану. Тот приветствовал ее и сказал:

— Добро тебе, девушка! Станешь ли ты теперь ждать Кухулина или последуешь за мной?

— Вот мое слово, — отвечала она. — Есть среди вас двоих один, которого бы я предпочла иметь мужем. Но я последую за тобою и не стану

ждать Кухулина, ибо он покинул меня. И еще есть тому причина, о мой милый: подле тебя нет достойной тебя королевы, у Кухулина же есть такая.

Но когда Кухулин увидел, что девушка удаляется с Мананнаном, он воскликнул:

— Что же будет теперь, о Лойг?

— Что будет? — отвечал тот. — Фанд удаляется с Мананнаном, сыном Лера, потому что она не полюбила тебе.

Тогда Кухулин сделал три великих прыжка вверх и столько же на восток, в сторону Луахайра. И долгое время после этого он жил, не принимая пищи и питья, в горах. Ночевал же он на дороге, ведущей в Мид-Луахайр.

Эмер пошла к Конхобару в Эмайн-Маху и рассказала ему все, что случилось с Кухулином. Тогда Конхобар послал певцов, ведунов и друидов за Кухулином, чтобы они взяли его и привели в Эмайн-Маху. Кухулин хотел сначала убить их. Но они запели перед ним волшебные песни свои, крепко держа его за руки и за ноги, пока не начал проясняться его разум. После этого он попросил пить. Они дали ему напиток забвения. И, выпив его, он забыл о Фанд и обо всем, что с ним было. Затем они дали такой же напиток Эмер, ибо и она была в таком же состоянии. Мананнан же потряс своим плащом между Фанд и Кухулином, чтобы они после этого никогда больше не встречались.

Смерть Кухулина

— Никогда еще до этого дня, — сказал Кухулин, — я не слышал жалоб женщины или детей без того, чтобы помочь им.

Пятьдесят женщины королевского рода преградили ему путь. Цель их была — отвлечь его от выезда на новые подвиги, удержать его в Эмайн-Махе. Принесли также три чана с водой, чтобы, погрузившись в них, он охладил свой боевой пыл. Таким способом удалось удержать его от выезда на бой в этот день.

Враги Кухулина стали ждать до утра. Сыны Калатина^[399] расположили свое войско вокруг Эмайн-Махи. Дым пожара от зажженных ими сел образовал громадное облако, которое покрыло собою всю Эмайн-Маху. Войско сынов Калатина производило такой шум, что королевский дом в Эмайн-Махе весь сотрясало и оружие падало со стен. Плохие вести доходили до Кухулина.

Тогда запела Леборхам:

— Встань, о Кухулин, встань, чтобы помочь
Жителям равнины Муртемне^[400]
Против воинов Лагена, о сын Луга,
О герой, на благо возвращенный,
Обрати на врагов свои дивные боевые приемы.

В ответ ей запел Кухулин:

— Оставь меня в покое, о женщина!
Не один я боец в стране Конхобара.
Велики обязанности и заботы мои,
Но не один боец я здесь, о женщина!
Недобрый совет даешь ты мне,
После столь многих и великих трудов
Мне ли идти с охотой
Навстречу смертельным ранам?

Запела Ниам^[401], дочь Кельтхайра, жена Конала Победоносного:

— Ты должеи идти в бой, о Кухулин,
Лишь ты один поразишь врагов.

Тогда Кухулин бросился к своему оружию. Он надел свой боевой наряд, но в то время, как он одевался, пряжка, которою скреплялся плащ, выпала из рук его. Он запел:

— Это не вина моего плаща,
Не он трет меня до крови.
Это вина моей пряжки,
Что пронзила мою кожу,
Упав мне на ногу.

Он кончил снаряжаться, схватил свой щит с острыми бортами и бахромой и сказал, обращаясь к Лойгу, сыну Риангабара:

— Милый Лонг, приготовь для нас колесницу.

— Клянусь богом, которым клянется мой народ, — отвечал Лойг, — если б все люди из королевства Конхобара обступили Серого из Махи, то и им бы не удалось впрячь его в колесницу. Никогда до этого дня не давал он тебе предвещения, которое бы не исполнилось. Если хочешь, пойди к Серому сам и спроси его.

Кухулин подошел к коню. И тот трижды повернулся к нему левым боком^[402].

В ночь накануне Морриган разбила колесницу Кухулина^[403]. Она не хотела, чтобы он шел в бой, ибо знала, что он не вернется в Эмайн-Маху.

Но Кухулин обратился к своему коню и спел ему:

— Не таков был твой обычай, о Серый из Махи,
Чтоб отвечать зловещим знаком на мой призыв.

И тогда подошел к нему покорно Серый из Махи, но он уронил две большие кровавые слезы на свои копыта. Кухулин вскочил на колесницу и устремился в сторону юга по дороге, ведущей в Мид-Луахайр.

Стала перед ним женщина, Леборхам, дочь Ауэ и Адарк, раба и рабыни Конхобара, из королевского дома его. Она запела:

— Не покидай нас, не покидай нас, Кухулин!
Твое лицо в боевых шрамах — наша защита,
Оно — наше милое счастье.
Горе женщинам!
Горе сынам!
Долгим будет плач о твоей гибели!

Трижды пятьдесят женщин королевского рода из Эмайн-Махи вторили громким голосом той песне.

— Лучше было бы нам не выезжать, — сказал Лойг. — До этого дня сохранял ты в себе целиком силу, полученную тобой от материнского рода.

— Нет, увы! — отвечал Кухулин. — Двигайся в путь, Лойг. Вознице подобает править конями, воину — защищать слабых, мудрому — давать советы, женщинам — сетовать. Вези меня в бой. Стоны ни к чему не служат, они не защитят от врага.

При выезде Лойг сделал колесницей полный оборот вправо. Тогда женщины испустили крик скорби, крик страдания, крик жалобы, ударяя в

ладоши. Они знали, что Кухулин, их защитник, не вернется живым в Эмайн-Маху, что в этот же день примет он смерть. Они запели:

— Стая женщины печальна.
Она проливает обильные слезы.

Кончив петь, они испустили крик скорби, крик страдания. Они знали, что герой Кухулин не вернется обратно.

На пути Кухулина находился дом его кормилицы, вырастившей его. Он заходил к ней всякий раз, когда ехал на юг Ирландии или возвращался с той стороны. У нее всегда был кувшин пива для него. Кухулин выпил пиво и поехал дальше, простившись с кормилицей.

Он ехал по дороге в Мид-Луахайр и миновал равнину Могна. Тут завидел он на своем пути трех старух, кривых на левый глаз^[404]. Они жарили на вертелах из веток рябины собачье мясо, приправляя его ядом и заклинаниями. На Кухулине лежал зарок — не отказываться от пищи с любого очага. Другой зарок лежал на нем — не есть мяса своего тезки^[405]. Не задерживаясь, он хотел миновать старух, ибо знал, что ничего доброго для него тут нет. Но одна из старух сказала ему:

— Посети нас, о Кухулин!

— Не пойду я к вам поистине, — отвечал Кухулин.

— У нас здесь собачье мясо, — сказала старуха. — Будь у нас богатый очаг, ты, конечно, зашел бы. Но так как то, что у нас есть, ничтожно, ты и не заходишь. Недостойно поступает великий человек, гнушаясь малым.

Тогда Кухулин подошел к ней, и старуха подала ему собачью лопатку левой рукой. И Кухулин стал есть собачье мясо левой рукой, и клал его под свою левую ляжку. И левая рука его, которой он брал собачье мясо, и левая ляжка, под которую он клал его, были поражены во всю их длину, и не стало в них прежней крепости.

Поехали Кухулин и Лойг дальше по дороге в Мид-Луахайр. Они обогнули гору Фуат. Когда они оказались с южной стороны ее, спросил Кухулин:

— Что видно впереди нас, милый Лойг?

— Множество жалких врагов, а значит — великая победа.

— Горе мне, — сказал Кухулин и запел:

— Я слышу большой шум,
Мы увидим коней темно-красной масти.

Вот сшибутся щиты, подъятые левой рукой.
Первым падет возничий,
Вслед за ним падут кони пред бойцом,
Увы! Долго водил я в бой воинов Ирландии!

Кухулин и Лойг продолжали свой путь к югу, по дороге в Мид-Луахайр, пока не завидели замка на равнине Муртемне. Там встретили они врагов. Эрк, сын Кайрпре, павшего от руки Кухулина, запел:

— Я вижу несущуюся на нас
Прекрасную, изукрашенную колесницу.
Над ней реет широкое зеленое знамя^[406],
На ней — воин, рвущийся в бой.

— Этот воин стремится сюда, чтобы напасть на нас. Приготовимся же встретить его, — сказал Эрк и запел вновь:

— Подымайтесь, мужи Ирландии, подымайтесь!
Пред нами Кухулин воинственный,
Победитель с красным мечом^[407].
Подымайтесь, мужи Ирландии!

— Как построимся мы для битвы? — спросили воины.

— Вот мой совет, — отвечал Эрк. — Вы все родом из четырех разных пятти Ирландии. Соединитесь же в одно тело в бою. Сомкните ваши щиты, чтобы образовать как бы единую стену со всех сторон, и с боков и сверху. На каждом из углов выдвиньте вперед по три человека; двое из них должны быть из числа сильнейших воинов, и пусть они бьются друг с другом, третьим же пусть будет возле них заклинатель^[408]. Он попросит Кухулина одолжить его копье, по имени Славное из Славных. Просьба заклинателя будет иметь такую силу, что Кухулин не сможет отказать в копье, и тогда оно будет пущено в него. Есть пророчество, что копье это должно поразить короля. Если мы выпросим это копье у Кухулина, то не в ущерб нам исполнится пророчество. Испустите крик тоски и крик призыва на помощь — и пыл Кухулина и его коней помешает ему запеть и начать вызывать нас на единоборство поодиночке, как он делал это в боях за быка из Куалнге.

Как сказал Эрк, так и было сделано.

Совсем приблизившись к войску, Кухулин на своей колеснице сделал три своих громовых приема: гром ста, гром трехсот, гром трижды девяти мужей.

Подобно удару метлы, гонящей пред собой врагов на равнине Муртемне, настиг он вражеское войско и занес над ним свое оружие. Он работал равно как копьем, так щитом и мечом; он пустил в ход все свои боевые приемы.

И сколько есть в море песчинок, в небе — звезд, у мая — капелек росы, у зимы — хлопьев снега, в бурю — градин, в лесу — листьев, на равнине Брега^[409] — колосьев золотой ржи и под копытами ирландских коней — травинок в летний день, столько же половиин голов, половиин черепов, половиин рук, половиин ног и всяких красных костей покрыло всю широкую равнину Муртемне. И стала серой равнина от мозгов убитых после этого яростного побоища, после того как Кухулин поиграл там своим оружием.

Завидел Кухулин на краю вражеского войска двух бойцов, бьющихся друг с другом: казалось, нельзя было их оторвать друг от друга.

— Позор тебе, о Кухулин, — воскликнул заклинатель, — если ты не разнимешь этих двух людей!

Кухулин бросился на них и нанес каждому такой удар кулаком по голове, что мозг выступил у них наружу через уши и нос.

— Ты разнял их, — сказал заклинатель, — они больше не причинят зла друг другу.

— Они не утихомирились бы, если бы ты не попросил меня вмешаться, — отвечал Кухулин.

— Одолжи мне твое копье, о Кухулин, — сказал заклинатель.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Кухулин, — у тебя не больше нужды в нем, чем у меня. Мужики Ирландии нападают сейчас на меня, и я бьюсь с ними.

— Я сложу злую песню на тебя, если ты не дашь его, — сказал заклинатель.

— Никогда еще не бывал я проклят и опозорен за отказ в даре или за скупость.

С этими словами Кухулин метнул копье древком вперед, и оно пробило голову заклинателя и поразило насмерть еще девять человек, стоящих за ним.

И Кухулин проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Тогда Лугайд, сын Курой, поднял смертоносное копье, что, готовое служить, упало между сынов Калатина.

— Кто падет от этого копья, о сыны Калатина? — спросил Лугайд.

— Король падет от этого копья, — отвечали те.

Тогда Лугайд метнул копье в колесницу Кухулина, и оно попало в Лойга, сына Рнангабара, так что внутренности его выпали на подушку колесницы. Сказал Лойг:

— Я получил тяжкую рану.

Кухулин вытащил копье из раны и простился с Лойгом. И сказал он:

— Сегодня я буду и бойцом и возницей.

И снова проехал он на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Когда он достиг края войска, он завидел других двух бойцов, бьющихся друг с другом, с заклинателем возле них.

— Позор тебе, о Кухулин, если ты не разнимешь нас, — сказал один из бившихся.

В ответ Кухулин кинулся на них и отбросил одного вправо, другого влево с такой силой, что они упали мертвыми у подножия соседней скалы.

— Одолжи мне твое копье, о Кухулин, — сказал заклинатель.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Кухулин, — у тебя не больше нужды в нем, чем у меня. Моей руке, моему мужеству и моему оружию надлежит сегодня очистить равнину Муртемне от войска четырех королевств Ирландии.

— Я сложу злую песню против тебя.

— Не должеи я дважды в один день исполнять одну просьбу. Я уже выкупил свою честь, исполнив просьбу в первый раз.

— Я сложу злую песню против Улада из-за тебя, — сказал заклинатель.

— Никогда еще до этого дня не падали на Улад позор и проклятие за отказ мой в даре или за скупость. Хоть мало осталось мне жизни, не подвергнется Улад сегодня бесчестию.

И Кухулин метнул копье древком вперед, и оно пробило голову заклинателя и поразило насмерть еще девять человек, стоявших за ним.

И Кухулин проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Тогда Эрк, сын Кайрпре, Геройского Воина, поднял смертоносное копье, которое, готовое служить, упало между сынов Калатина.

— Что совершит это колье, о сыны Калатина? — спросил сын Кайрпре.

— Не трудно сказать. Король падет от этого копья, — отвечали сыны Калатина.

— Я уже слышал, как вы говорили, что от этого копья надет король, еще в тот раз, когда его метнул Лугайд.

— Так и вышло, — сказали сыны Калатина, — ибо от него пал король возниц Ирландии, возница Кухулина Лойг, сын Риангабара.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Эрк, — король, о котором вы говорите, еще не тот король, которого Лугайд должеи поразить этим копьем.

И Эрк метнул копье в Кухулина, и оно попало в Серого из Махи.

Кухулин вытащил копье из раны. Он и конь его простились друг с другом. Серый из Махи покинул его, убежал, унося на своей шее половину дышла, и бросился в Серое озеро, у горы Фуат. Из озера этого добыл его некогда Кухулин, и в озеро это вернулся он, насмерть раненный.

— Сегодня, — сказал Кухулин, — я буду на колеснице с одним конем и с половиной дышла.

Кухулин уперся погон в край сломанного дышла и еще раз проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

И завидел он вновь двух бойцов, бьющихся друг с другом, с заклинателем возле них. И он разнял их таким же образом, как и те две другие пары бойцов, которые встретил раньше.

— Одолжи мне твое копье, о Кухулин, — сказал заклинатель.

— У тебя не больше нужды в нем, чем у меня, — ответил Кухулин.

— Я сложу злую песню против тебя.

— Я достаточно сделал для своей чести сегодня. Не должеи я в один день исполнять одну просьбу больше одного раза.

— Я сложу злую песню против Улада из-за тебя.

— Я достаточно сделал для чести Улада сегодня, — сказал Кухулин.

— Я сложу злую песню против твоего рода, — сказал заклинатель.

— Не хочу я, чтоб до земель, в которых я не бывал, пошел слух о моем бесславии. Мало же осталось мне жизни!

И Кухулин метнул копье древком вперед, и оно пробило голову заклинателя и еще трижды девять других мужей.

— Это дар гнева, о Кухулин, — сказал заклинатель.

И Кухулин в последний раз проехал на своей колеснице по вражескому войску из конца в конец.

Тогда Лугайд, сын Курой, поднял смертоносное копье, что, готовое служить, упало между сынов Калатина.

— Что совершит это копье, о сыны Калатина? — спросил он.

— Король падет от него, — отвечали сыны Калатина.

— Слышал я это от вас, когда его метнул Эрк сегодня утром.

— Так и вышло, — сказали сыны Калатина, — ибо от него пал король коней Ирландии, Серый пз Махи.

— Клянусь клятвой моего народа, — отвечал Лугайд, — удар, нанесенный Эрком, не поразил еще того короля, которого должно убить это копье.

И Лугайд метнул копье в Кухулина, и оно попало в него, так что внутренности его выпали на подушку колесницы. Тогда Черный из Чудесной Равнины убежал, унося с собой остатки дышла. Он достиг Черного озера при Мускрайг-Тире, того места, откуда Кухулин добыл его. Конь бросился в озеро, и оно закипело. Остался Кухулин один на колеснице на поле битвы.

— Я хотел бы, — сказал он, — добраться до того озера, чтобы испить воды из него.

— Мы это тебе разрешаем, — был ему ответ, — с условием, что ты вернешься к нам обратно.

— Прошу вас прийти за мной, — сказал Кухулин, — если я не смогу сам вернуться.

Он подобрал свои внутренности и дошел до озера, придерживая их на ходу рукой. Он испил воды и выкупался в озере, придавливая живот рукою: вот отчего озеро при равнине Муртемне зовется Озером Помогающей Руки.

Испив воды и выкупавшись, Кухулин прошел несколько шагов. Он попросил своих врагов подойти к нему. Большой отряд воинов приблизился к нему. Кухулин устремил взор на них. Он подошел к высокому камню^[410], что был на равнине, прислонился к нему и привязал себя к нему поясом, ибо он не хотел умереть ни сидя, ни лежа, но хотел умереть стоя.

Тогда воины окружили его, но они не осмеливались тронуть его, ибо им казалось, что он еще жив.

— Позор вам, — сказал Эрк, сын Кайрпре Геройского Воина, — если вы не снимете с него голову и не отомстите за моего отца, которому он снял голову.

И тогда прискакал Серый из Махи к Кухулину, чтобы защитить его, пока еще была в нем душа и исходил луч света от чела его. Три кровавых натиска совершил Серый из Махи из-за Кухулина, именно: своими зубами он убил пятьдесят, а каждым из своих копыт — по тридцать воинов. Потому-то и говорится: «Не бывало более сокрушительного натиска, чем совершенный Серым из Махи после смерти Кухулина».

Потом слетелись птицы и сели на плечи Кухулина.

— Не бывал он раньше столбом для птиц, — сказал Эрк, сын Кайрпре. Лугайд ухватился за волосы Кухулина из-за спины его и отрубил ему голову^[411]. Тогда выпал меч из руки Кухулина и, ударив правую руку Лугайда, отсек ее, и она упала на землю. В отместку за это была отсечена правая рука у Кухулина.

После этого войско двинулось в путь, унося с собой голову Кухулина и правую его руку. Оно прибыло в Темру. Там и были погребены голова Кухулина и его правая рука вместе со щитом.

Кенфайлад^[412], сын Айлиля, сложил песню:

— Он пал, Кухулин, прекрасный столб,
Сильный воин, могучий муж-защитник!
Он восстал, более мощный, чем целое войско,
На сына трех псов^[413] — Лугайда, сына Курой,
Его лютая храбрость повергла множество врагов,
Смерть его не была смертью труса.
Четырежды восемь воинов, и четырежды десять,
И четыреста сорок — о, грозный подвиг! —
И еще четырежды двадцать — всё жертвы его славы! —
Пали под ударами сына Суалтама.

Затем войско двинулось дальше в сторону юга. Оно достигло реки Лиффея^[414]. Прибыв туда, Лугайд сказал своему вознице:

— Пояс мой стал мне тяжел. Я хотел бы выкупаться.

Он отделился от войска и стал купаться. Войско же пошло дальше. Рыба скользнула между ног Лугайда; он поймал ее, вынул из воды и отдал своему вознице. Тот развел огонь, чтобы ее изжарить. Тем временем войско уладов двигалось с севера^[415], со стороны Эмайн-Махи. Оно подходило к горе Фуат, чтобы взимать там дань.

Кухулин и Конал Победоносный были двумя соперниками в подвигах, и был заключен между ними договор: тот из них, кто будет убит первым, будет отомщен другим. «Если меня убьют первого, с какой быстротой отомстишь ты за меня?» — спросил Кухулин. «В тот же день, в какой ты будешь сражен, я отомщу за тебя еще до вечера, — ответил Конал. — А если меня убьют первого, с какой быстротой отомстишь за меня ты?» — «Я не дам остынуть твоей крови на земле, — ответил Кухулин, — как ты уже будешь отомщен».

Конал был на своей колеснице, во главе войска уладов, у горы Фуат. Там встретил он Серого из Махи, всего в крови, бежавшего к Серому озеру. Запел Конал:

— Если конь этот с дышлом мчится к Серому озеру,
Значит, пролилась кровь, разбиты колесницы,
Рассечены и отняты щиты,
Пролилась кровь людей и коней
Вокруг правой руки Лугайда.

— Лугайд, сын Курой, сына Даре, убил моего молочного брата Кухулина, — сказал он.

И Конал, ведомый Серым из Махи, стал осматривать всю местность кругом. И они увидели тело Кухулина у высокого камня. Подошел Серый из Махи и положил свою голову на грудь Кухулина.

— Великая печаль Серому из Махи это тело, — сказал Конал.

Неподалеку оттуда Конал увидел вал.

— Клянусь клятвой моего народа, — сказал Конал, — этот вал будет зваться Валом Великого Воина.

После этого Конал устремился дальше по следам войска. Лугайд купался в это время.

— Погляди вокруг, — сказал он вознице, — чтобы кто-нибудь не приблизился к нам незамеченным.

Тот посмотрел.

— Какой-то всадник приближается к нам^[416]. Велика поспешность и быстрота, с какими он несется. Слово все вороны Ирландии носятся над ним, а перед ним будто от хлопьев снега пестреет равнина.

— Не мил мне этот всадник, который так спешит, — сказал Лугайд. — Это Конал Победоносный на своем коне Красной Росе. То, что кажется тебе птицами, носящимися нал ним, — это комья земли, кидаемые копытами его коня, а то, что кажется хлопьями снега, от которых пестреет перед ним равнина, — это пена с морды коня, падающая с удил. Посмотри еще, по какой дороге направляется он.

— Он направляется к броду, — отвечал возница, — по той дороге, которой прошло наше войско.

— Пусть бы этот всадник миновал нас, — сказал Лугайд, — не мила нам боевая встреча с ним.

Когда Конал Победоносный достиг середины брода, он посмотрел в

обе стороны.

— Вот два чужих воина, — сказал он.

Трижды посмотрел он на них.

— Прежде чем продолжать путь, — сказал он, — надо разузнать, что это за люди.

И он подъехал к ним.

— Приятно видеть лицо должника, — воскликнул Конал Победоносный, — когда можно потребовать от него уплаты долга. Я твой заимодавец, а ты, убийца моего товарища Кухулина, мой должник. За этим-то долгом я и явился.

— Твое требование — не по праву, — отвечал Лугайд. — Иск твой будет законным только при условии, если бой между нами произойдет не здесь, а в Мумане^[417].

— Я согласен, — сказал Конал, — с тем только, чтобы нам ехать туда не общей дорогой, дабы не быть нам вместе и не разговаривать в пути.

— Это не трудно сделать, — отвечал Лугайд. — Я поеду через Бел-Габруйн, Габар и Майрг-Лаген, а ты другой дорогой, и мы съедемся в Аргетросе.

Лугайд прибыл на место первым. Вскоре явился и Конал, который тотчас метнул в него копье. Лугайд в то мгновение, когда был поражен копьем, упирался ногой в высокий камень на равнине Аргетрос: вот почему один из камней на ней зовется Камнем Лугайда.

Получив эту первую рану, Лугайд стал отступать до местности, называемой ныне Могилей Лугайда, подле мостов Оссойрге. Там бойцы обменялись речами.

— Я хотел бы, — сказал Лугайд, — чтобы ты поступил по правде людской.

— Что это значит? — спросил Конал Победоносный.

— А то, что ты должен биться одной рукой, ибо у меня лишь одна рука.

— Пусть будет так, — сказал Конал Победоносный.

И они привязали одну руку Конала к его боку. После этого они стали биться и бились от одной стражи дня до другой^[418], но ни один из них не мог одолеть другого.

Видя, что он не может сам одолеть противника, Конал Победоносный глянул на своего коня Красную Росу, стоявшего возле. У коня этого голова была как у пса, и он имел обычай грызть людей в битвах и при единоборствах. Подскочил конь к Лугайду и вырвал у него кусок тела из

бока, так что внутренности его упали к его ногам.

— Горе мне! — вскричал Лугайд. — Не по правде людской поступил ты, Конал.

— Я поручился лишь за себя, — отвечал тот, — а не за зверей и неразумных тварей.

— Знаю я теперь, — сказал Лугайд, — что не уйдешь ты, не унеся с собой мою голову, как мы унесли голову Кухулина. Бери же мою голову в придачу к твоей голове и мое княжество — к твоему княжеству, и мое оружие — к твоему оружию. Согласен я на то, чтобы ты отныне был первым героем Ирландии.

И Конал Победоносный отрубил голову Лугайду, сыну Курой.

Он уехал, увозя с собой эту голову. Он настиг войско уладов в Ройрене, что в Лагене.

Улады не нашли в себе мужества, чтобы вступить с торжеством в Эмайн-Маху в эту неделю. Мужество это принадлежало лишь Кухулину. Его душа явилась пятидесяти женщинам королевского рода, которых его выезд на бой поверг в скорбь. Предстало зрелище невиданное: колесница Кухулина в воздухе, над Эмайн-Махой, и, стоя на ней, Кухулин, мертвый, пел:

- О Эмайн-Маха! О Эмайн-Маха!
Великое, величайшее сокровище!

Саги фантастические

Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда ста битв

Почему прозван Арт Одиноким? Не трудно сказать.

Однажды Кондла Красный, сын Конда Ста Битв, был вместе с отцом в Верхнем Успехе, когда увидел он женщину в невиданной одежде, приближавшуюся к нему.

— О женщина, откуда пришла ты? — спросил он.

— Я пришла, — отвечала женщина, — из страны живых, из страны, где нет ни смерти, ни невзгод. Там у нас длится непрерывный пир, которого не надо готовить, — счастливая жизнь вместе, без распрей. В большом сиде обитаем мы^[419], и потому племенем сидов зовемся мы.

— С кем говоришь ты, мальчик? — спросил Конд сына, ибо никто не видел женщины, кроме одного Кондлы.

Отвечая за него, запела женщина:

— Он ведет беседу с юной женщиной,
Прекрасной, из благородного племени.
Которой не коснутся ни дряхлость, ни смерть.
Я полюбила Кондлу Красного
И зову его на Равнину Блаженства,
Где царит король победоносный, —
В страну, где нет ни жалоб, ни страданья
С той поры, как он в ней царствует.

И она продолжала, обращаясь к Кондле:

— Пойдем со мной, о Кондла с украшенной шеей^[420],
О Кондла Красный, алый, как пламя!
Золотой венец покроет твой пурпурный лик,
Чтоб почтить твой царственный облик.
Пожелай лишь — и никогда не увянут
Ни юность, ни красота твоих черт,
Пленительных до скончания века.

Тогда Конд обратился к друиду своему, по имени Коран, за помощью, ибо все слышали слова женщины, самой же ее не видел никто:

— Прошу тебя, о Коран, помоги мне!
Ты владеешь могучими песнями,
Владеешь могучей тайной мудростью.
На меня напала сила некая,
Большая, чем разум мой и власть моя.
Никогда еще не являлся мне враг такой,
С той поры как принял я власть королевскую.
Ныне борюсь я с образом невидимым,
Он одолевает меня чарами,
Хочет похитить сына моего,
Песнями женскими волшебными
Вырвать его из царственных рук моих.

И друид спел такое сильное заклятие, что не слышеи для всех стал голос женщины и сам Кондла перестал видеть ее. Но прежде чем удалиться от песеи друида, женщина дала Кондле яблоко. И целый месяц Кондла не ел и не пил ничего, ибо ничто не казалось ему вкусным с той поры, как он отведал этого яблока. Но, сколько ни съедал он его, оно не уменьшалось и оставалось цельным. Тоска охватила Кондлу по женщине, которую он один раз увидел.

Однажды, по прошествии месяца, был он вместе с отцом своим в Маг-Архоммине, когда вновь увидел он ту же женщину, приближавшуюся к нему. Она запела ему:

— На высоком месте сидишь ты, Кондла,
Среди смертных, среди всего тленного,
Ожидая смерти — ужаса великого.
Вечно живущие зовут тебя!
Ты герой в глазах людей Тетраха^[421],
Каждый день на тебя взирающих,
Когда ты бываешь в собрании
Твоих родных, близких и милых тебе.

Как только слышал Конд голос женщины, сказал он людям своим:

— Позовите друида ко мне. Вижу я, сегодня заговорил вновь язык ее.
Тогда женщина запела:

— О Конд Ста Битв,
Не милы больше друиды,
Настал конец силе их.

Дивился Конд тому, что ни на какие речи не отзывался Кондла, лишь одно повторяя: «Вот пришла эта женщина!»

— Разумеешь ли ты, о Кондла, то, что говорит женщина? — спросил Конд.

Отвечал Кондла:

— Говорит она то, что легко бы сделать мне, если бы не любовь моя к близким моим. Тоска по этой женщине охватила меня.

В ответ ему запела женщина:

— Давно влечет тебя сладкое желание,
Со мной за волну унестишь ты хочешь.
Если войдешь в мою стеклянную ладью,
Мы достигнем царства Победоносного.
Есть иная страна, далекая,
Мила она тому, кто отыщет ее.
Хоть, вижу я, садится уж солнце,
Мы ее, далекой, достигнем до ночи.
Радость вселяет земля эта
В сердце всякого, кто гуляет в ней,
Не найдешь ты там иных жителей,
Кроме одних женщины и девушек.

Едва девушка кончила речь свою, как Кондла, покинув своих, прыгнул в стеклянную ладью. И вскоре люди могли лишь едва-едва различить ее в такой дали, насколько хватало их зрения. Так-то уплыл Кондла с девушкой за море, и никто с тех пор больше не видел их и не узнал, что с ними случилось.

В то время как все оставшиеся были погружены в раздумье, к ним подошел Арт.

— Теперь Арт стал одиноким, — сказал Конд. — Поистине нет больше

у него брата.

— Истинное слово молвил ты, — сказал Коран. — Так и будут отныне звать его: Арт Одинокий.

И осталось за ним это имя.

Плавание Брана, сына Фебала

Двадцать два четверостишия спела женщина неведомых стран, став среди дома Брана, сына Фебала, когда его королевский дом был полон королей, и никто не знал, откуда пришла женщина, ибо ворота замка были заперты.

Вот начало повести. Однажды Бран бродил одиноко вокруг своего замка, когда вдруг он услышал музыку позади себя. Он обернулся, но музыка снова звучала за спиной его, и так было всякий раз, сколько бы он ни оборачивался. И такова была прелесть мелодии, что он, наконец, впал в сон. Когда он пробудился, то увидел около себя серебряную ветвь с белыми цветами на ней, и трудно было различить, где кончалось серебро ветви и где начиналась белизна цветов.

Бран взял ветвь в руку и отнес ее в свой королевский дом. И, когда все собрались там, им явилась женщина в невиданной одежде, став среди дома. И вот тогда она пропела Брану двадцать два четверостишия, и все собравшиеся слушали и смотрели на женщину.

Она пела:

— Ветвь яблочного дерева из Эмайн^[422]
Я несу, всем вам ведомую.
На ней веточки из белого серебра.
Бровки хрустальные с цветами.
Есть далекий-далекий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей^[423],
Прекрасен бег их по светлым склонам волн.
На четырех ногах стоит остров.
Радость для взоров, обитель славы —
Равнина, где сонм героев предается играм.
Ладья равняется в беге с колесницей
На южной равнине, на Серебристой Поляне.
Стоит остров на ногах из белой бронзы,
Блистающих до конца времен.

Милая страна, во веки веков
Усыпанная множеством цветов.
Есть там древнее дерево в цвету,
На котором птицы поют часы^[424].
Славным созвучием голосов
Возвещают они каждый час.
Сияет прелесть всех красок
На равнинах нежных голосов.
Познана радость среди музыки
На южной, туманной Серебристой Поляне.
Там неведома горечь и неведом обман.
На земле родной, плодоносной,
Нет ни капли горечи, ни капли зла,
Всё — сладкая музыка, нежащая слух.
Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости —
Вот истинный знак Эмайн.
Не найти ей равного чуда.
Прекрасна Страна Чудесная,
Облик ее любезен сердцу,
Ласков для взора вид ее,
Несравненен ее нежный туман.
Взгляни на Страну Благодатную:
Море бьет волной о берег и мечет
Драконовы камни и кристаллы;
Волоски кристаллов струятся с его гривы.
Богатство, сокровище всех красок
Ты найдешь в Милой Стране, прекрасно-влажной.
Там ты слушаешь сладкую музыку,
Пьешь лучшее из вин.
Золотые колесницы на Равнине Моря
Несутся с приливом к солнцу.
Серебряные колесницы на Равнине Игр
И бронзовые без изъяна.
Желто-золотые кони там, на лужайке,
Иные — красной масти,
Иные еще, с шерстью на спинах
Небесно-голубой масти.
С восходом солнца придет

Прекрасный муж и осветит равнины.
Он едет по прекрасной приморской равнине.
Он волнует море, обращая его в кровь.
Будут плыть мужи по светлому морю
В страну — цель их поездки.
Они пристанут к блистающему камню,
Из которого несется сто песен.
Песнь несется к плывущим,
Несется долгие века, беспечальная.
Звучен напев стоголосых хоров,
Они избыли дряхлость и смерть.
О многовидная морская Эмайн,
И близкая и далекая,
С тысячами женщины в пестрых одеждах,
Окаймленная светлым морем!
Из вечно тихого, влажного воздуха
Капля серебра падают на землю.
Белая скала у морской гряды
Получает свой жар от солнца.
Мчатся мужи по Равнине Игр —
Прекрасная игра, не бессильная.
В цветистой стране, средь красоты ее,
Они избыли дряхлость и смерть.
Слушать музыку ночью,
Гулять в Стране Многоцветной,
В стране цветистой, — о, венец красоты! —
Где мерцает белое облако!
Есть трижды пятьдесят островов
Средь океана, от нас на запад.
Больше Ирландии вдвое
Каждый из них или втрое^[425].
Пусть же Бран средь мирской толпы
Услышит мудрость, ему возвещенную.
Предприми плаванье по светлому морю:
Быть может, ты достигнешь Страны Женщин.

Вслед за этим женщина покинула их, и они не знали, куда она ушла, и она унесла ветвь с собою: ветвь выпала из руки Брана и перешла в руку

женщины, и в руке Брана не было силы, чтобы удержать ветвь.

На другой день Бран пустился в море. Трижды девять мужей было с ним. Во главе каждых девяти был один его молочный брат и сверстник. После того как он пробыл в море два дня и две ночи, он завидел мужа, едущего навстречу ему по морю на колеснице. Этот муж спел ему двадцать два четверостишия, он назвал ему себя — сказал, что он Мананнан, сын Лера.

Он спел ему:

— Чудно, прекрасно Брану
В ладье на светлом море.
Для меня же, едущего на колеснице издалека,
Цветущая долина — то море, где плывет он.
То, что светлое море для Брана,
Плывущего в ладье с кормою, —
Радостная равнина с множеством цветов
Для меня, с моей двухколесной колесницы.
Бран видит множество волн,
Плещущих среди светлого моря, —
Я вижу на Равнине Забав
Цветы с красными головками, без изъяна.
Кони Лера блистают летом
Всюду, сколько хватает взора Брана.
Реки струят свой медвяный поток
В стране Мананнана, сына Лера.
Блеск зыбей, среди которых ты находишься,
Белизна моря, по которому плывешь ты,
Это — расцвеченная желтым и голубым
Земля, она не сурова.
Пестрые лососи прыгают из недр
Белого моря, на которое глядишь ты:
Это — телята, разных цветов телята,
Ласковые, не бьющие друг друга.
Хоть видна тебе лишь одна колесница
В Счастливой Стране, обильной цветами, —
Много коней на ее пространствах,
Хоть для тебя они и незримы.
Велика равнина, много в ней мужей,
Краски блистают светлым торжеством.

Серебряный поток, золотые одежды —
Все приветствует своим обилием.
В прекрасную игру, самую радостную,
Они играют, вином опьяняясь,
Мужи и милые женщины, под листвою,
Без греха, без преступления.
Вдоль вершин леса проплыла
Твоя ладья через рифы.
Лес с прекрасными плодами
Под кормой твоего кораблика.
Лес деревьев цветущих плодовых,
Среди них лоза виноградная,
Лес невянущий, без изъяна,
С листьями цвета золота^[426].
Это облик, тобою зримый, —
Он придет в твою края, в Ирландию,
Ибо мне надлежит путь к дому
Женщины из Лине-Мага.
Пред тобой Мананнан, сын Лера,
На колеснице, в обличье человека.
Им будет рожден — на короткую жизнь
Прекрасный муж с белым телом.
Он будет усладой холмов волшебных,
Он будет любимцем в доброй стране,
Он поведает тайны — поток мудрости —
В мире, не внушая страха к себе.
Он примет облик всякого зверя
И в голубом море, и на земле.
Он будет драконом пред войсками,
Он будет волком во всяком лесу.
Он будет оленем с серебряными рогами
В стране, где катятся колесницы,
Он будет лососем в глубоком озере,
Он будет тюленем, он будет прекрасным белым лебедем.
Он будет спустя долгие века
Много лет прекрасным королем.
Он сокрушит полки — славная ему будет могила,
Он зальет кровью равнины, оставляя след колес.
Среди королей и витязей

Он будет героем прославленным.
На высокой твердыне уготовлю я
Кончину, вполне его достойную.
Высоко я поставлю его среди князей.
Его одолеет сын заблуждения^[427].
Мананнан, сын Лера, будет
Его отцом и наставником.
Он будет — кратка его жизнь! —
Пятьдесят лет в этом мире.
Драконов камень морской поразит его
В бою при Сенлаборе.
Он попросит испить из Лох-Ло,
Устремив взор на поток крови.
Белая рать унесет его на колесах облаков
В обитель, где нет скорби.
Пусть усердно гребет Бран —
Недалеко до Страны Женщин.
Эмайн многоцветной, гостеприимной
Ты достигнешь до заката солнца.

После этого Бран поплыл дальше. Вскоре он завидел остров. Бран стал огибать его. Большая толна людей была на острове, хохотавших, разинув рот. Они все смотрели на Брана и его спутников и не прерывали своего хохота для беседы с ним. Они смеялись беспрерывно, глядя плывущим в лицо. Бран послал одного из своих людей на остров. Тот тотчас же присоединился к толпе и стал хохотать, глядя на плывущих, подобно людям на острове. Бран обогнул весь остров. Всякий раз, как они плыли мимо этого человека, его товарищи пытались заговорить с ним. Но он не хотел говорить с ними, а лишь глядел на них и хохотал им в лицо. Имя этого острова — Остров Радости. Так они и оставили его там.

Вскоре после этого они достигли Страны Женщин и увидели царицу женщин в гавани.

— Сойди на землю, о Бран, сын Фебала! — сказала царица женщин. — Добро пожаловать!

Бран не решался сойти на берег. Женщина бросила клубок нитей прямо в него. Бран схватил клубок рукою, и он пристал к его ладони. Конец нити был в руке женщины, и таким образом она притянула ладью в гавань. Они вошли в большой дом. Там было по ложу на каждых двоих — трижды

девять лож. Яства, предложенные им, не иссякали на блюдах, и каждый находил в них вкус того кушанья, какого желал. Им казалось, что они пробыли там один год, а прошло уже много-много лет.

Тоска по дому охватила одного из них, Нехтана, сына Кольбрана. Его родичи стали просить Брана, чтобы он вернулся с ними в Ирландию. Женщина сказала им, что они пожалеют о своем отъезде. Они всё же собрались в обратный путь. Тогда она сказала им, чтобы они остерегались коснуться ногой земли.

Они плыли, пока не достигли селения по имени Мыс Брана. Люди спросили их, кто они, приехавшие с моря. Отвечал Бран:

— Я Бран, сын Фебала.

Тогда те ему сказали:

— Мы не знаем такого человека. Но в наших старинных повестях рассказывается о Плавании Брана.

Нехтан прыгнул из ладьи на берег. Едва коснулся он земли Ирландии, как тотчас же обратился в груды праха, как если бы его тело пролежало в земле уже много сот лет.

После этого Бран поведал всем собравшимся о своих странствиях с самого начала вплоть до этого времени. Затем он простился с ними, и о странствиях его с той поры ничего не известно.

Повесть о Байле Доброй Славы

Байле Доброй Славы был единственным сыном Буана. Он вызывал любовь к себе во всех, кто хоть раз его видел или только слышал о нем, как в мужчинах, так и в женщинах, из-за доброй молвы, шедшей о нем. Но сильнее всех полюбила его Айлей, дочь Лугайда. Он полюбил ее также. И они сговорились встретиться в Росс-на-Риге, что на берегу Войны Брегской, чтобы заключить там союз любви.

Байле двинулся в путь из Эмайн-Махи к югу и, миновав гору Фуат и равнину Муртемне, достиг местности, прозванной Трайг-Байли. Там он и его спутники выпрягли коней из колесниц и пустили их пастись на лужайке.

Они отдыхали там, когда вдруг предстал им страшный образ человека, направлявшийся к ним со стороны юга. Он двигался стремительно, он несся над землей, как ястреб, ринувшийся со скалы, как ветер с зеленого моря. Наклонен к земле был левый бок его.

— Скорей к нему! — воскликнул Байле. — Спросим его, куда и откуда

несется он, к чему спешит так.

— Я стремлюсь в Туайг-Инбер, — был ответ им. — И нет у меня иной вести, кроме той, что дочь Лугайда полюбила Байле, сына Буана, и направлялась на свиданье любви к нему, когда воины из Лагена напали на нее и убили ее, как и было предсказано друидами и ведунами, что не быть им вместе в жизни, но что в смерти будут они вместе вовеки. Вот весть моя.

И с этим он покинул их, и у них не было силы удержать его.

Когда Байле услышал это, он упал на месте мертвым, бездыханным. Вырыли могилу ему, насыпали вал вокруг нее, поставили каменный столб над ней, и стали улады справлять поминальные игры над могилой его. И выросло тисовое дерево на могиле этой, с верхушкой, похожей видом на голову Байле. Потому-то и зовется место это Трайг-Байли.

А страшный образ направился после этого на юг, в то место, где была Айлен, и проник в лиственный домик ее.

— Откуда явился этот неведомый? — спросила девушка.

— С севера Ирландии, из Туайг-Инбер, — был ей ответ.

— Какие же вести несешь ты? — спросила девушка.

— Нет у меня вести, из-за которой стоило бы печалиться здесь, кроме той, что в Трайг-Байли видел я уладов, справлявших поминальные игры, после того как вырыли они могилу, насыпали вал вокруг нее, поставили каменный столб над ней и вырезали имя Байле, сына Буана, из королевского рода уладов. Ехал он к милой своей, к возлюбленной, которой отдал сердце свое, но не судьба была им вместе быть в жизни, увидеть друг друга живыми.

Он унесся, окончив злую повесть свою. Айлен же упала мертвой, бездыханной, и погребли ее, как и Байле. И выросла яблоня из могилы ее, разрослась она на седьмой год, а на верхушке ее — словно голова Айлен.

Когда прошло семь лет с того дня, друиды и ведуны срубили тис с головой Байле и сделали из его ствола таблички, на которых поэты и рассказчики стали записывать повести о любви, сватовствах и разных деяниях уладов. Так же поступили и лагены с яблоней Айлен; а они писали о своих деяниях на табличках из ее ствола.

Настал канун Самайна, и все собрались праздновать его у Кормака, сына Арта^[428]. Поэты и люди всех ремесел сошлись на праздник, по обычаю, и были туда же принесены таблички эти. Увидев их, Кормак велел подать их ему. Взял он их, одну в правую, другую в левую руку, так что они были обращены лицом друг к другу. И тогда одна сама прыгнула к другой, и они соединились так, как жимолость обвивается вокруг ветви; и

невозможно было разъединить их.

Так и сохранили их, как другие драгоценные предметы, в сокровищнице Темры.

Сказал поэт:

Благородная яблоня Айлен,
Несравненный тис Байле!
Того, что хранят нам древние песни,
Не понять неразумному слуху.

Любовь к Этайн

Эохайд Айрем был верховным королем Ирландии, и все пять пятин Ирландии были подвластны ему. Королями же в них были в то время: Конхобар, сын Несс, Мес-Гегра, Тигернах Тетбаннах, Курой и Айлиль, сын Маты Муйреск. Два замка были у Эохайда: Фремайн в Миде и Фремайн в Тетбе. Фремайн в Тетбе был его любимым замком из всех замков Ирландии.

В первый же год, как Эохайд стал королем, созвал он мужей Ирландии на празднество в Темре, чтобы назначить им подати и повинности на пять лет вперед. Но мужи Ирландии ответили Эохайду, что они не придут на празднество в Темру к королю без королевы, ибо в то время, когда Эохайд принял власть, он не был женат.

Тогда послал Эохайд послов по всем пяти королевствам Ирландии, чтобы они разыскали прекраснейшую женщину или девушку, какая только найдется в Ирландии, для него в жены. И он сказал при этом, что возьмет за себя лишь такую, которая не знала до него мужа. Ему нашли такую в Инбер-Кихмайни — Этайн, дочь Этайр. И Эохайд ввел ее в дом свой, ибо она подходила ему по красоте, юности и доброй славе своей.

Три сына были у Финда, сына Финдлуга, сына Королевы: Эохайд Айрем, Эохайд Фейдлех^[429] и Айлиль Ангуба⁴³⁰. На празднестве в Темре, после того как Этайн уже разделила ложе Эохайда, Айлиль Ангуба почувствовал любовь к ней и стал смотреть на нее, не отводя глаз. Так как пристальный взгляд есть признак любви, то он мысленно укорил себя за это. Но не с намерением делал он это, и волею своей обуздал он желание.

Не нарушив закона чести и не признавшись женщине в чувстве своем, он заболел от него. Когда пред его взором уже стояла смерть, пришел

присланный к нему врач Эохайда, Фахтна, чтобы осмотреть его. И сказал ему врач:

— У тебя одна из двух смертельных болезней, против которых врач бессилён: либо болезнь любви, либо болезнь ревности.

Но Айлиль не сказал ему правды, ибо стыдился он. Оставили умирать его во Фремайне в Тетбе, в то время как Эохайд отправился в объезд по Ирландии^[430]. Но, уезжая, он оставил Этайн, чтобы та оказала последнюю честь Айлилю: присмотрела, чтобы вырыта была могила ему, спет был плач по нем и убиты были служившие ему животные.

Каждый день приходила Этайн в комнату, где лежал Айлиль больной, и беседовала с ним. И пока находилась она возле него, он не отрываясь смотрел на нее. Заметила она это и задумалась. Однажды, когда были они вдвоем, спросила она его, какая причина его болезни.

— Любовь к тебе, — ответил ей Айлиль.

— Жаль, что ты так долго не говорил этого, — сказала она. — Ты уже давно был бы здоров, если бы мы знали это.

— Я и теперь мог бы еще исцелиться, — сказал он, — если бы ты захотела.

— Видно, нужно, чтобы я захотела.

Она продолжала каждый день навещать его и стала теперь мыть ему голову, сама подавать пищу и воду на руки. Через трижды девять дней был он здоров. Тогда сказал он Этайн:

— Когда же дашь ты мне то, чего недостает мне для полного исцеления?

— Завтра получишь ты это. Но только позор короля не должен совершиться в его собственном доме. Ты встретишь меня завтра под утро на холме возле нашего двора.

Первую часть ночи Айлиль бодрствовал. Но час свидания проспал он и пробудился лишь поздно утром на следующий день. Этайн же пришла в условленное место и встретила там человека, обликом подобного Айлилю. Он жаловался на слабость свою от болезни. Она же обошлась с ним так, как это было бы приятно Айлилю.

Поздно утром пробудился Айлиль. Когда Этайн вошла в дом, он посмотрел на нее долгим печальным взглядом.

— Отчего грустно лицо твое? — спросила она его.

— Оттого, что я сговорился с тобой о свидании и сам же не пришел на него. Сон одолел меня, и я только что пробудился. Теперь я вижу ясно, что не вернулось здоровье ко мне.

— Легко исправить беду, — отвечала Этайн, и она назначила ему

свидание на следующее утро.

И эту ночь бодрствовал Айлиль вначале, он развел большой огонь и поставил воду около себя, чтобы смачивать глаза. И все-таки опять заснул он. В условленный час пришла Этайн в назначенное место, и увидела там того же мужа в облике Айлиля, и опять вняла любви его. Когда она пришла домой, она застала Айлиля плачущим.

И в третий раз пошла Этайн на место свидания и вновь встретила там того же мужа вместо Айлиля.

— Не тебе назначила я встречу, — сказала она. — Кто ты такой, стремящийся на свидание со мной? Ведь тому человеку назначаю я свидание любви не от греховной мысли или из суетного желания, — я королева Ирландии, — но лишь для того, чтобы исцелить его от болезни, которая терзает его.

— Лучше было бы тебе, — был ответ ей, — ко мне прийти. Ибо в те времена, когда имя твое было Этайн Эхриде, дочь Айлиля, я был супругом твоим. Дорогой ценой приобрел я тогда тебя, отдав лучшие поля и воды Ирландии и прибавив еще столько золота и серебра, сколько ты сама весила.

— Кто же ты такой? — спросила она.

— Я — Мидер из Бри-Леита^[431].

— Что же разлучило нас с тобой?

— Речи Фуамнах^[432] и заклинания Бресала Эхарлама^[433], — сказал он и прибавил: — Хочешь ты уйти со мной?

— Нет, — отвечала она, — не оставлю я короля Ирландии ради человека, рода и племени которого я не знаю.

— Это я, — сказал Мидер. — насылал столь долгое время на Айлиля любовь, проникшую в его тело и кровь. И я же отнимал силу у него, дабы честь твоя не подверглась позору. Скажи же, пойдешь ли ты в мою страну, если сам Эохайд предложит тебе это сделать?

— На таких условиях я согласна, — ответила Этайн.

После этого она вернулась домой.

— Как хорошо, что мы так встретились! — воскликнул Айлиль. — Теперь я совсем здоров, притом же и честь твоя не пострадала!

— Прекрасно это, — сказала Этайн.

Когда Эохайд вернулся из своего объезда, очень был он рад, что нашел брата живым, и весьма благодарил Этайн за то, что она своим уходом спасла ему жизнь.

Смерть Муйрхертах, сына Эрк

Муйрхертах^[434], сын Муйредаха, сына Эогана, король Ирландии, жил со своей женой Дуанбесх, дочерью Дуаха Медного Языка^[435], короля Коннахтского, в Клетехском доме^[436], на берегу Бойны Бругской. Однажды отправился он на охоту на окраину Бруга. Случилось так, что товарищи его по охоте оставили его одного на охотничьем холме.

Вскоре он увидел одинокую девушку, прекрасно сложенную, с прекрасным лицом, с ослепительно-белой кожей, в зеленом плаще. Она сидела неподалеку от него, на могильном холме. Ему показалось, что он еще не встречал женщины, равной ей по красоте и очарованию. Все его тело и все его существо наполнились любовью к ней, и, глядя на нее, он подумал, что отдал бы всю Ирландию за то, чтобы провести одну ночь с ней: так страстно полюбил он ее с первого взгляда. Он приветствовал ее, словно знал ее раньше, и спросил ее, кто она и откуда.

— Я отвечу тебе, — отвечала она. — Я — любовь Муйрхертаха, сына Эрк^[437], короля Ирландии, и пришла сюда, чтобы встретиться с ним.

Приятно было это Муйрхертаху.

— Разве ты знаешь меня, девушка? — спросил он.

— Знаю, — отвечала она, — ибо сведуща я в делах еще более тайных, чем это, и известны мне и ты, и другие мужи Ирландии.

— Пойдешь ты за мной, девушка? — спросил Муйрхертах.

— Я пойду за тобой, — отвечала она, — если ты дашь мне дар, который я попрошу.

— Я дам тебе все, что могу дать, девушка, — сказал сын Эрк.

— Дай мне слово в этом, — сказала она.

Он тотчас дал ей слово.

— Я дам тебе сто голов от каждого стада, сто рогов, из которых пьют мед, сто чаш, сто золотых колец, и каждый второй вечер я буду устраивать для тебя пир в Клетехском доме.

— Нет, — сказала девушка. — Этого мне не надо. Но вот чего я требую: ты никогда не должишь произносить моего имени; Дуайбсех, мать твоих детей, должна скрыться с моих глаз; люди церкви не должны ступать ногой в дом, где я буду жить.

— Пусть будет так, — отвечал король, — ибо я дал тебе мое слово, хотя легче мне было бы отдать тебе пол-Ирландии, чем исполнить то, что ты попросила. Скажи мне по правде, как твое имя, чтобы мы знали его и избегали произносить.

Она ответила:

— Вздых, Свист, Буря, Резкий Ветер, Зимняя Ночь, Крик, Рыданье, Стон.

Итак, король обязался исполнить все то, что она попросила. Они вернулись вместе в Клетехский дом.

Хорошо был устроен этот дом, полный мужей и добрых слуг. Все благородные потомки Ниала весело и радостно взимали в нем дани-подати со всех княжеств, в победном Клетехском доме, на берегу богатой лососями, вечно прекрасной Бонны, на окраине Бруга с зелеными вершинами.

Когда Син увидела дом, полный людей, сказала она:

— Добрый дом, куда мы пришли.

— Да, добрый дом, — сказал король. — Ни в Темре, ни в Наасе, ни в Красной Ветви, ни в Эмайн-Махе, ни в Айлах-Нейте, ни в Клетехе не было построено другого такого дома. И ты можешь сказать то же.

— Что мы будем теперь делать? — спросила девушка.

— То, что тебе будет угодно, — отвечал Муырхертах.

— Если так, — сказала Син, — то пусть Дуайбсех со своими детьми уйдет прочь из дома, и пусть все мужи, занимающимися каким-либо ремеслом или искусством, соберутся со своими женами в пиршественном зале.

Так и было сделано. Каждый из приглашенных стал хвалить свое ремесло или искусство, слагая стихи в его честь. Когда пир кончился, сказала Син Муырхертаху:

— Теперь пора предоставить мне дом, как было обещано.

И она изгнала сынов Ниала^[438] и Дуайбсех с ее детьми из Клетеха; число их всех, мужчин и женщин, равнялось вместе двум полным равным полкам.

Пошла Дуайбсех со своими детьми из Клетеха в Туйлен^[439], к другу души, святому епископу Кайрнеху^[440], и поведала ему о своем горе. Тогда отправился Кайрнех к сынам Эогана и Конала^[441], и все вместе пошли в Клетех, но Син не подпустила их близко к замку. Сильно разгневался Кайрнех, он проклял это место и приготовил могилу королю.

— Тот, кому приготовлена эта могила, — сказал он, — конченный человек; поистине конец его царствованию и владычеству.

Он велел бить в колокол^[442]: это было проклятием королю. Итак, Кайрнех проклял замок короля и благословил все остальные места. В печаль и скорбь впал он.

— Благослови теперь нас, — сказали ему сыны Ниала, — перед тем как нам вернуться в свои земли: ведь мы не виновны перед тобой.

Кайрнех благословил их и дал доброе напутствие им, потомкам Конала и Эогана: пусть вечно власть и царство Ирландии будут в их руках, власть над всеми княжествами вокруг них; пусть они наследуют Айлех и Темру, и Улад; никому не должны они служить за плату, ибо их наследственное право — власть над Ирландией; пусть не придется им никогда никому давать заложников; пусть погибнут их заложники, если убегут от них; пусть всегда будет им победа в бою, если только бой затеяи ими за правое дело; пусть тремя святынями и знаменами их будут: Катах^[443], колокол Патрика и книга Кайрнеха; пусть сила этих святынь помогает каждому из них в бою. После этого они все разошлись по своим домам и замкам.

Теперь скажем о Кайрнехе. Он пошел в свой монастырь. По дороге он встретил большую толпу людей: это было племя Тадга^[444], сына Киана, сына Айлиля Олома. Они упростили его пойти с ними, чтобы он помог им заключить договор с Муйрхертахом, сыном Эрк.

Когда король узнал об их приходе, он вышел к ним и приветствовал их. Но когда он увидел, что с ними епископ, он покраснел от гнева и воскликнул:

— Зачем ты пришел к нам, церковник, после того как проклял нас?

— Чтобы примирить с тобой племя Тагда, сына Киана, и племя Эогана, сына Ниала, — отвечал тот.

После этого они заключили договор между собою, и Кайрнех смешал кровь обеих сторон в одном сосуде^[445] и записал условия договора. Муйрхертах простился с епископом и велел ему близко не показываться. Когда договор был заключен, Кайрнех благословил всех, посулил краткую жизнь и муки ада тому, кто нарушит договор, и удалился в свой монастырь. Король же вернулся в свой замок, и с ним его вассалы, чтобы защищать его от сынов Ниала.

Король сел на трон, и Син — по правую руку его; еще не было на земле женщины, более прекрасной обликом, чем она. Король глядел на нее и задавал ей вопросы, чтобы почерпнуть у нее мудрости. Она обладала, казалось ему, могуществом богини. Он спросил ее, откуда ее сила:

— Скажи нам, милая девушка,
Веришь ли ты в бога монахов?
В этот мир откуда явилась ты?
Поведай о своем происхождении.

Отвечала ему Син:

— Я верую в истинного бога^[446],
Спасителя моего от смерти.
Не совершалось еще в мире чуда,
Которого бы и я не совершила.
Я — дочь женщины и мужчины
Из племени Адама и Евы.
Мила я для тебя и прекрасна,
Пусть раскаянье тебя не коснется.
Я могу создать и луну, и солнце,
И звезды, блистающие в небе,
Я могу создать храбрых воинов,
Бьющихся в жестоком сраженье.
Могу в вино превратить — не ложь это! —
Воду Войны: в моей это власти.
Я могу создать овец из камней,
Свиней из папоротника.
Сотворить я могу серебро и золото
Пред лицом всего войска.
Я могу создать славных мужей
Для тебя сейчас же. Я сказала.

— Соверши для нас одно из этих великих чудес, — сказал король.

Син вышла и тотчас создала два полка, равных по числу воинов, по силе, по красоте; присутствовавшим казалось, что никогда еще на земле не было двух полков более отважных и смелых людей, в то время как они стремительно пронзали, ранили, убивали друг друга на глазах у собравшихся.

— Видишь, — сказала девушка, — кажется, моя сила не обман.

— Вижу, — отвечал Муйрхертах.

Король со своими людьми вернулся в замок. В это время ему принесли воду из Войны. Король попросил девушку превратить ее в вино. Девушка наполнила водой три бочонка и произнесла над ними заклинания. Король и его люди нашли, что никогда еще на земле не было более вкусного и крепкого вина. Она также создала из папоротника волшебную, призрачную свинью и отдала вино и свинью воинам, которые разделили полученное

между собой и, казалось им, насытились. Она же обещала им давать всегда, постоянно то же самое.

По окончании волшебного пира племя Тадга, сына Киана, охраняло короля в ту ночь. Когда он встал утром, он чувствовал себя обессиленным, и так же чувствовали себя все те, кто отведал вина и призрачного, волшебного мяса, которое Син дала для пира.

Сказал опять король:

— Покажи мне что-нибудь из твоего тайного искусства, о девушка.

— Хорошо, я это сделаю, — отвечала она.

Муирхертах и все его воины вышли в поле. Тогда Син создала из камней голубых людей и других еще людей, с козлиными головами. Явилось четыре вооруженных полка пред лицом присутствующих, на Бругской лужайке. Схватил Муирхертах свое оружие и, надев боевой наряд, ринулся на воинов, словно быстрый, злой, бешеный бык, и сразу принялся избивать и ранить их; и каждый воин, которого он убивал, тотчас опять вставал. Так убивал он их целый день до вечера. Хотя велики были ярость и гнев короля, все же, наконец, он утомился.

Печальный вернулся он в свой замок, и Син дала ему волшебное вино и волшебную свинью. Он и его люди поужинали и заснули тяжелым сном до утра. Когда утром он пробудился, то не чувствовал в себе ни силы, ни крепости.

Внезапно услышал он крики воинов: большая толпа их вызывала Муирхертаха на бой в поле. Ему предстали в Бруге два равных полка: один из голубых людей, другой из людей с козлиными головами^[447]. Пришел Муирхертах в ярость, услышав вызов этого войска. Он встал во весь рост и грянулся о землю. Затем он устремился в Бруг и, напав на воинов, стал избивать и ранить их.

В то время как он бился. Кайрнех послал к нему трех монахов: Масана, Касана и Кридана, чтобы он мог иметь помощь божию, ибо великий святой знал о насилии, совершавшемся над королем. Монахи встретили его в Бруге в то время, как он рубил камни, дери и колосья. Они благословили короля и камни. Тотчас гнев Муирхертаха улегся, он пришел в себя, осенил себя крестным знаменем и увидел, что кругом не было ничего, кроме камней, дерна и колосьев.

— Для чего вы пришли? — спросил он монахов.

— Ради твоего брэнного тела, — отвечали они, — ибо смерть близка к тебе.

Монахи показали ему церковь в Бруге и велели ему собственноручно вырыть ров для нее, во славу великого господина тварей.

— Это будет мною исполнено, — отвечал король и начал рыть ров. Вот когда впервые была взрыта лужайка Бруга.

Король поведал монахам о себе все и пламенно покаялся богу. После его покаяния монахи окропили его святой водою, и он причастился тела Христова. Он просил монахов сказать Кайрнеху о своем покаянии и раскаянии.

Эту ночь монахи остались в Бругской церкви, король же вернулся в Клетех и сел по правую руку своей жены. Спросила Син, что прервало его бой в этот день.

— Пришли ко мне монахи, осенили меня знаком креста Христова, и я увидел, что вокруг меня не было ничего, кроме камней и травы; и раз не с кем было больше сражаться, я ушел.

— Не верь монахам, — сказала Син, — они лгут. Я буду тебе лучшей помощницей, чем они.

И она усыпила его ум и стала между ним и учением монахов. В этот вечер она опять создала волшебную свинью для короля и его воинов.

Это был седьмой вечер, что она занималась таким колдовством; и было это в вечер вторника, после праздника Самайн. После того как воины охмелели, завыл сильный ветер.

— Это стон зимней ночи, — сказал король.

А Син сказала:

— Это я — Резкий Ветер, я — Зимняя Ночь, дочь прекрасных, благородных существ. Вот мое имя, всегда и всюду: я — Стон, я — Ветер, я — Зимняя Ночь...

Затем она вызвала снежную бурю. Никогда шум битвы не был сильнее, чем шум густого снега, падавшего в тот чар; он нессся с северо-запада^[448]. Король ушел в глубину дома, но затем снова вернулся и стал сетовать на бурю.

Когда пир кончился, воины прилегли. Ни в одном из них не было силы хотя бы столько, сколько в женщине, рожаящей ребенка. Король лежал на своем ложе. Тяжелый сон овладел им. Громко вскрикнул он во сне и пробудился.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Полчища демонов явились мне, — отвечал он.

Король встал, ибо видение, явившееся ему, не давало ему спать. Он вышел наружу и увидел маленький огонек, горевший в Бругской церкви у монахов. Он пришел к ним и сказал:

— Нет во мне ни силы, ни крепости в эту ночь, — и рассказал им свое сонное видение. — Трудно было бы мне, — прибавил он, — доблестно

отразить врагов, если бы они напали на меня этой ночью: в бессилье впали мы, и злая ночь сегодня.

Монахи начали наставлять его. Тогда он сразу ушел и вернулся домой. Там он повел беседу с девушкой.

Муйрхертах:

Жестока буря^[449] сегодня ночью
Для монахов в их убежище.
Они не могут заснуть, —
Так зла ночная буря.

Син:

Зачем ты назвал мое имя, о человек,
Сын Эрк и Муйредаха?
Теперь ты примешь смерть — тихий праздник.
Не спи в Клетехском доме!

Муйрхертах:

Скажи мне, беспечальная женщина,
Сколько воинов еще сражу я?
Не скрывай, скажи без принуждения:
Сколько воинов падет от руки моей?

Син:

Ни один не падет от твоей руки,
О сын Эрк из рода высокого.
Поистине ты достиг конца, о король,
Иссякла ныне сила твоя.

Муйрхертах:

Большая беда, что ныне без силы я,
О благородная, многовидная Син.

Часто убивал я свирепых воинов,
В эту же ночь обессилел я.

Син:

Много мужей сразила сила твоя,
О сын высокой дочери Лоарна^[450].
Великие войска сокрушил ты.
Горе, что пришла напасть на тебя.

— Это, правда, девушка, — сказал король, — ибо было предсказано, что моя смерть будет подобна смерти Лоарна, моего предка: не в битве пал он, а сгорел живым.

— Спи в эту ночь, — сказала девушка, — предоставь мне охранять тебя и стеречь от врагов; и, если тебе не суждено, твой дом не сгорит над тобой в эту ночь.

— Я чую, — сказал король, — идет на меня со злыми намерениями Туатал Майльгарб^[451], сын Кормака Одноглазого, сына Кайрпре, сына Ниала Девяти Заложников.

— Пусть идет Туатал со всем своим войском со злыми намерениями на тебя, не страшись его в эту ночь, — отвечала девушка. — Усни.

Король лег на ложе и попросил у девушки испить. Оно совершила сонные чары над обманным вином, и, выпив глоток его, король охмелел и стал без крепости, без силы. Он заснул тяжелым сном, и ему представилось в сонном видении, что он плывет по морю на корабле, что корабль стал тонуть, и гриф, налетев на него, схватил его своими когтями и унес в свое гнездо, и вскоре затем гнездо сгорело с ним и сам гриф погиб вместе с ним.

Проснулся король и велел передать о своем видении своему молочному брату, Дуб Да Ринду, сыну друида Самгнена, и тот так истолковал видение:

— Это — корабль, на котором ты находишься, корабль царствования на море жизни; ты — кормчий власти. Гибель корабля — конец власти и жизни твоей. Гриф с когтями, унесший тебя в свое гнездо, — это та женщина, которая с тобой и которая опьяняет тебя, влечет тебя на свое ложе и держит тебя в Клетехском доме для того, чтобы он сгорел над тобой. Гриф, погибший вместе с тобой, — это женщина, которая погибнет ради тебя. Вот изъяснение твоего видения.

Король снова заснул, после того как Сии совершила сонные чары над ним.

В то время как он лежал, погруженный в сон, Сии встала, собрала копья и дротики всех воинов в доме и поставила их в воротах, обратив остриями к дому. Она создала множество воинов вокруг замка, затем вошла в дом, рассыпала огонь во всех направлениях по дому и по стенам крепости и легла в постель.

Пробудился король от сна.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Толна демонов привиделась мне. Они зажгли дом надо мной и перебили моих людей у ворот.

— В этом нет беды, — отвечала девушка, — ведь это только приснилось тебе.

В то время как они говорили это, они слышали треск рушащегося дома и крики толпы демонов и волшебных сил вокруг дома.

— Кто около дома? — спросил король.

Отвечала Син:

— Туатал Майльгарб, сын Кормака Одноглазого, сына Кайрпре, сына Ниала, со своим войском. Он явился сюда, чтобы отомстить тебе за битву при Гранарде^[452].

Не знал король, что это была ложь и что никакие враги из человеческой плоти не окружали дома. Он быстро встал и пошел искать свое оружие, но не встретил никого, кто бы мог ответить ему. Девушка вышла из дома, и он следом за ней. Но он встретил перед собой войско, с трудом отбил его от него и вернулся к своему ложу. А воины его вышли наружу, и ни один из них не спасся от ударов или огня.

Король снова подошел к дверям. Между ним и дверьми были искры и языки пламени. Когда огонь охватил путь к выходу и весь дом кругом и король нигде не мог найти себе убежища, он залез в бочку с вином и погрузился в нее. Он ежеминутно вылезал и снова прятался в бочку, из страха перед огнем. Рухнул дом над ним, и сторело его тело на пять футов длины, остальную же часть его предохраняло вино от огня^[453].

На утро следующего дня пришли к королю монахи Масан, Касан и Кридан и отнесли его тело, чтобы омыть в Бонне.

Тогда и сам Кайрнех со своими монахами пришел, и печалился святой, и оплакивал короля, и засвидетельствовал:

— Великая потеря ныне для Ирландии — смерть сына Эрк, одного из четырех мужей, владевших Ирландией без обмана и насилия: один из них

— Муйрхертах, сын Эрк, другой — Ниал Девяти Заложников, третий — Конд Ста Битв, четвертый — Угаине Великий^[454].

Затем тело было унесено Кайрнехом в Туйлен и там погребено.

Дуайбсех, жена Муйрхертаха, встретила монахов с телом мужа. Она стала испускать великие горестные стоны, полиые муки, ударяя в ладони. Она прислонилась к древнему дереву в Ойнах-Рейле. Поток крови хлынул из ее сердца и груди, и она тут же на месте умерла от тоски по мужу. Монахи положили тело королевы рядом с телом короля.

Затем похоронили королеву и насыпали над ней могильный холм. Похоронили и короля поблизости от холма, с северной стороны.

Когда монахи окончили погребение, они увидели одинокую женщину, прекрасную, светлолицую, в зеленом плаще с золотой бахромой поверх шелковой рубашки. Она приблизилась к монахам, приветствовала их, и монахи приветствовали ее. Они заметили печальное, грустное выражение ее лица и признали в ней ту, что погубила короля. Спросил ее Кайрнех, кто она. И все монахи спросили ее, кто она, кто ее отец и мать и ради чего погубила она короля, как было рассказано.

— Син — мое имя, — отвечала она. — Сиге, сын Диана, сына Трена — мой отец. Муйрхертах, сын Эрк, убил моего отца, мою мать и мою сестру в битве при Кербе^[455] на Бойне. Он истребил в этой битве все древние кланы Темры и моей родины.

Она прибавила:

— Я сама умру от тоски тяжелой
По великом короле Западного Мира,
Терзаясь тем, что принесла страданье
Верховному королю Ирландии.

Затем она исповедалась Кайрнеху и пламенно покаялась богу, как повелел Кайрнех. Она поступила в послушницы к нему и вскоре умерла от скорби по королю. Кайрнех велел вырыть для нее могилу и покрыть ее дерном. Так и было сделано.

Что же касается Кайрнеха, то он очень заботился о душе Муйрхертаха, но не мог спасти ее от ада. Тогда он сочинил молитву, которая называется, по ее началу, «*Рагсе мини, Домине*» (Помилуй меня, господи (лат.)), и постоянно повторял ее, молясь о душе короля, так что под конец освободил ее из ада. После этого Кайрнеху явился ангел и сказал, что, каков бы ни был человек, — если только он постоянно будет читать эту молитву, он

непременно попадет на небо:

— Спасется всякий, кто споет с усердием
Молитву Кайрнеха, ведающего тайны.
Ее достаточно, чтоб оказать помощь
Иуде, худшему из всех рожденных.

Вот повесть о смерти Муйрхертаха, как ее передали нам Кайрнех, Тигернах, Киаран, Мохта и Туатал Майльгарб^[456]; она записана и исправлена этими святыми монахами на память всем с тех времеи и доньне.

Приключения Кормака в Обетованной Стране

У короля Кормака^[457] была золотая чаша. Вот как он получил ее.

Однажды в майский вечер, когда уже начало смеркаться, был он один в Мур-Теа, в Темре. Внезапно увидел он седовласого воина с важной осанкой, направляющегося к нему. Пурпурный плащ с бахромой был на нем. Сорочка с полосками из золотых нитей была на теле его. Башмаки с подошвами из белой бронзы отделяли ноги его от земли. Серебряная ветвь с тремя золотыми яблоками^[458] лежала на плече его. Сладко и весело было слушать музыку, которую издавала эта ветвь: тяжело раненные воины, женщины, рожавшие в муках, и все болящие впадали в тихий сон, слушая мелодию, издаваемую этой ветвью при сотрясении.

Приветствовал воин Кормака, как и Кормака его.

— Откуда явился ты, воич? — спросил его Ксрмак.

— Из страны, — был ответ, — где царит лишь одна правда, где нет ни старости, ни дряхлости, ни печали, ни горести, ни зависти, ни ревности, ни злобы, ни надменности.

— Не так у нас здесь, — сказал Кормака. — Скажи же мне, воин, могли бы мы заключить с тобой союз?

— Охотно согласен я на это, — отвечал воин.

И они заключили между собою союз.

— Теперь дай мне эту ветвь! — сказал Кормака.

— Я дам тебе ее, — отвечал воин, — с условием, что в обмее ты дашь мне три дара, которые я попрошу у тебя в Темре.

— Ты получишь их, — сказал Кормака.

И воин, связав Кормака обещанием, отдал ему ветвь и удалился. И Кормак не знал, куда ушел он.

Возвратился Кормак в свой королевский дом. Все люди его дивились этой ветви. Кормак потряс ею перед ними, и они впали в тихий сон, длившийся ровно день до того же самого часа.

Когда истек год с того дня, воии явился, как было условлено, и попросил у Кормака первый дар в обмее за ветвь.

— Ты получишь его, — сказал Кормак.

— Так я беру сегодня Альбе, дочь твою, — сказал воин.

И он увел девушку с собой. Женщины Темры испустили три громких крика по дочери короля Ирландии. Но Кормак потряс перед ними ветвью, печаль отошла от них, и они погрузились в тихий сон.

В тот же день, через месяц, воии явился снова и увел с собой Кайрпре Лифехайра, сына Кормака. Стоны и рыдания не смолкали в Темре по юноше, и в эту ночь ни один человек не вкушал пищи и не спал, но все были в печали и скорби великой. Но вновь потряс Кормак ветвью перед ними, и скорбь отошла от них.

И еще раз явился воин.

— Что потребуешь ты сегодня? — спросил его Кормак.

— Твою жену, — отвечает тот, — Этне со Стройным Станом, дочь Дунланга, короля Лагена.

И он увел с собой королеву.

Но этого уже не мог перенести Кормак. Он пошел вслед за воином, и все пошли вместе с Кормаком. Сильный туман застиг их среди равнины, окруженной валом. Кормак оказался один среди великой равнины. Посреди ее был замок с бронзовой оградой вокруг него. Во дворе замка был дом из светлого серебра, наполовину крытый перьями белых птиц. Сиды, верхом на конях, подъезжали к дому с охапками перьев белых птиц для покрытия дома. Но порывы ветра налетали на дом, и ветер все время уносил перья, которыми крыли его.

Кормак увидел внутри дома человека, поддерживающего огонь в очаге: цельный дуб, от корней до верхушки, с толстым стволом, горел в очаге. Когда один дуб догорал, человек выходил и приносил новый.

Дальше Кормак увидел еще другой замок, большой, королевский, также с бронзовой оградой вокруг него. Четыре дома было во дворе его. Кормак вошел во двор. Он увидел перед собой большой королевский дом из бронзовых брусьев с серебряной плетенкой, крытый перьями белых птиц.

Он увидел также во дворе светлый, сверкающий источник. Пятью

потоками струился он, из которых обитатели по очереди брали воду. Девять орешников Буана^[459] росли над источником. Эти пурпурные деревья роняли свои орехи в источник, и пять лососей, бывших в нем, разгрызали их и пускали скорлупки плыть по течению. И журчанье этих потоков было слаще всякой человеческой музыки.

Кормак вошел в дом. Он нашел в нем воина и девушку, ожидавших его. Необычайно прекрасен был облик воина — красотой лица, благородством сложения, совершенством обращения. Рядом с ним была девушка, рослая, со светло-желтыми волосами и золотым убором на голове, прелестнейшая из женщин мира. Она только что вымыла свои ноги. Ибо за стенкой комнаты была баня, где можно было мыться без чьей-либо помощи: горячие камни сами прыгали в воду, чтобы нагреть ее, и затем исчезали. И Кормак вымылся в этой бане.

Во второй половине дня в дом вошел человек. В правой руке его был деревянный топор, в левой — бревно, а на спине он тащил кабана.

— Пора предложить угощение, — сказал воин, — ибо знатный гость посетил нас.

Тогда человек одним ударом заколол кабана, рассек бревно натрое и бросил кабана в котел.

— Теперь пора перевернуть его, — сказал воин.

— Нет нужды в этом, — сказал стряпавший, — ибо все равно кабан никогда, до конца веков, не сварится, если не будет сказана правда на каждую четверть его.

— Если так, — сказал воин, — начинай ты первый.

— Однажды, — заговорил тот, — когда я бродил около своего дома, я встретил чужих коров на моей земле и загнал их в мои коровник. Хозяин их пришел ко мне и сказал, что наградит меня, если я отпущу его коров. Я возвратил их ему, он же дал мне кабана, бревно и топор, чтобы закалывать кабана каждый вечер и рубить бревно. Бревна этого хватает, чтобы сварить на нем кабана и, кроме того, еще обогреть целый королевский дом. Кабан же снова оживает на следующее утро, и бревно снова оказывается целым. С того самого дня по сейчас так это и продолжается.

— Поистине правдив рассказ твой, — сказал воин. Перевернули кабана в котле, и оказалось, что одна четверть его сварилась.

— Пусть будет теперь рассказана другая правдивая повесть, — сказали они.

— Я расскажу, — сказал воин. — Пришла однажды пора пахать. Когда мы собрались вспахать поле, что здесь рядом, то оказалось, что оно вспахано, взборонено и засеяно пшеницей. Когда мы захотели сжать ее, она

оказалась связанной в снопы. Когда мы захотели собрать их вместе, чтобы перенести сюда, они оказались сложенными в одну большую скирду. С того дня и по сейчас мы питаемся этой пшеницей, и не стало ее ни больше, ни меньше, чем было вначале.

Снова перевернули кабана в котле, и оказалось, что вторая четверть его сварилась.

— Теперь моя очередь, — сказала женщина. — У меня есть семь коров и семь овец. Молока от этих семи коров хватает на всех жителей Обетованной Страны. А шерсти с семи овец хватает на одежду им всем.

Тут и третья четверть кабана сварилась.

— Теперь твоя очередь, — сказали они Кормаку.

И тогда Кормак рассказал, как у него были уведены дочь, сын и жена и как он пошел следом за ними, пока не попал в этот дом.

И на этом рассказе весь кабан сварился.

Они разрезали его на части и положили долю Кормака пред ним.

— Я никогда не ел иначе, — сказал Кормак, — как в обществе пятидесяти человек.

Воин спел тихую песню, от которой Кормак впал в сон. Когда он пробудился, то увидел, что с ним — пятьдесят воинов и сын, и дочь, и жена. Воспрянул духом он. Пища и хмельной напиток были в изобилии предложены им, и всех охватили радость и веселье.

Золотая чаша была в руке воина. Кормак удивился числу фигур на ней и необычайной тонкости работы.

— В ней есть нечто еще более необычайное, — сказал воин. — Если сказать три слова лжи перед ней, она тотчас распадется на три части. Если затем сказать три слова правды перед ней, части вновь соединятся, и чаша станет, как была прежде.

Воин произнес три слова лжи, и чаша распалась на три части.

— Надо теперь произнести три слова правды, — сказал он, — чтобы чаша восстановилась. Итак, я говорю, о Кормак, — воскликнул он, — что до этого дня ни жена, ни дочь твоя не видели лица мужчины с той поры, как я увел их от тебя из Темры, и что сын твой не видел лица женщины.

Тотчас же чаша стала опять цельной.

— Возьми же с собой, — сказал воин, — семью свою, а также и чашу, чтобы пользоваться ею для различения лжи от правды. И ветвь, издающая музыку, останется у тебя на радость тебе. Но в тот день, когда ты умрешь, они обе будут взяты от тебя. Знай, что я — Мананнан^[460], сын Лера, король Обетованной Страны. Для того чтобы ты узрел Обетованную Страну, заманил я тебя сюда. Всадники, кроющие дом, которых ты видел, это —

искусники ирландские, копящие скот и богатства, которые обращаются в ничто. Человек, которого ты видел поддерживающим огонь в очаге, это — юный князь здешний, платящий из хозяйства своего за все, что берет для себя. Источник с пятью потоками, который видел ты, это — Источник Мудрости, потоки же его — пять чувств, через которые проникает знание. Никто не может обрести мудрость, если не выпьет, хоть глоток воды из этого источника и его потоков. Люди всех искусств и ремесел пьют оттуда.

Когда наутро Кормак пробудился, он увидел себя на лужайке Темры вместе с женой, сыном и дочерью. И ветвь и чаша были с ним. Чашей Кормака была она прозвана, и служила она для различения лжи от правды в Ирландии. Но, как и было предсказано Мананнаном, она не осталась среди людей после смерти Кормака.

Плавание Майль-Дуйна

I

Происхождение Майль-Дуйна и цель его плавания.

Был знаменитый муж, с Аранских островов, по имени Айлиль Острие Битвы. Могучим воином был он, вождем своего рода и племени. И встретила ему молодая монахиня, аббатиса женского монастыря. У них родился прекрасный сын — Майль-Дуйн, сын Айлиля. Вот как случилось, что был зачат и рожден Майль-Дуйн.

Однажды король области Эоганахтов отправился в набег на другую область и взял с собой Айлиля Острие Битвы. Они распрягли коней и расположились на отдых на холме. Неподалеку от холма был женский монастырь. В полночь, когда все затихло в лагере, Айлиль пробрался в монастырскую церковь. В это же время пришла туда и монахиня, чтобы звонить в колокол, созывая на всенощную. Айлиль схватил ее за руку, бросил на землю и овладел ею. Сказала ему женщина:

— Горестна судьба моя: теперь родится у меня ребенок. Из какого ты племени и как имя твое?

Отвечал воин:

— Айлиль Острие Битвы — имя мое; я из племени Эоганахтов, из северного Мумана.

После этого король, разорив страну и взяв заложников, вернулся с Айлилем в свою область. Вскоре после того, как Айлиль вернулся в свой

дом, морские разбойники убили его: они сожгли над его головой церковь в Дубклуайне. А женщина по прошествии девяти месяцев родила на свет сына и дала ему имя — Майль-Дуйн. Мальчик был тайно отвезен к королеве, подруге матери, и та его воспитала под видом собственного сына. Был он воспитан своей приемной матерью в той же колыбели, вскормлен той же грудью, возвращен на тех же коленях, что и три королевских сына.

Прекрасен стал он обликом: вряд ли можно было найти другое существо из человеческой плоти столь же прекрасное, как он. Велики были блеск его в военных упражнениях, доблесть духа, ловкость в играх. Во всех состязаниях превосходил он своих сверстников — и в бросании меча, и в беге, и в прыжках, и в метании камней, и в скачке на коне. Из всех их выходил он победителем.

Однажды один воин, завидовавший ему, в минуту гнева сказал:

— Эй ты, победитель во всех состязаниях, на суше и на море, и в игре в шахматы, — а ведь никто не знает, какого ты рода-племени и кто твои отец и мать!

Майль-Дуйн замолчал. До этого времени он считал себя родным сыном короля и королевы, своих приемных родителей. Он пошел к ним и сказал:

— Я не буду ни есть, ни пить до тех пор, пока вы не скажете мне, кто мои мать и отец.

— К чему этот вопрос? — отвечала королева. — Не принимай к сердцу слова дерзких юношей. Я — твоя мать. Ни одна женщина не любит сына сильнее, чем я тебя.

— Возможно, что так, — сказал он, — но все же ты должна назвать мне моих родителей.

Тогда приемная мать отвела Майль-Дуйна к его матери. Он стал требовать, чтобы та назвала ему имя отца.

— Глупый, — сказала она ему, — если ты и узнаешь его, никакой пользы и радости тебе от этого не будет, ибо он давно уже умер.

— А все-таки я хочу знать, — отвечал он, — кем бы он ни оказался.

Тогда мать сказала ему всю правду:

— Анлиль Острие Битвы был твой отец, из рода Эоганактов Нинусских [\[461\]](#).

Майль-Дуйн отправился на родину своего отца, чтобы получить свое наследство, и его молочные братья пошли вместе с ним. Прекрасные были они воины. Родичи, которых он нашел, приветствовали его и оказали ему радушный прием.

Через некоторое время случилось, что несколько воинов стали метать

камни на кладбище церкви в Дубклуайне. И Майль-Дуйи вместе с ними тоже метал камни в развалины церкви, упершись ногой в один из обгорелых камней. Один клирик с ядовитым языком^[462], по имени Брикне, сказал ему:

— Лучше бы тебе было отомстить за человека, который был сожжен здесь, чем бросать камни в его сухие, обуглившиеся кости.

— Что же это был за человек? — спросил Майль-Дуйн.

— Анлилль, — был ему ответ, — твой родной отец.

— Кто же его убил? — спросил Майль-Дуйн.

— Разбойники из Лайгиса, — отвечал Брикне. — Они убили его на этом самом месте.

Майль-Дуйн выпустил камень из своей руки и завернулся весь со всем оружием своим в плащ; в скорбь погрузился он. Погодя, он спросил, какая дорога ведет в Лайгис, и сведущие люди ответили ему, что добраться туда можно только морем.

Тогда он отправился в область Коркомруад, чтобы испросить у друида, жившего там, добрых чар и напутствия, перед тем как начать строить корабль. Нука было имя друида, и отсюда название местности той — Бойрен-Нука. Друид назвал Майль-Дуйну счастливый день^[463] для постройки корабля и число людей, которые должны были сесть в него, именно семнадцать человек (а по другим сведениям — шестьдесят): ни на одного человека не должно было быть ни больше, ни меньше. Затем он определил ему день для отплытия.

Майль-Дуйн соорудил корабль из трех кож, и все путники приготовились к отплытию. В числе других были среди них Гермаи и Диуран-стихотворец.

Они отплыли в тот самый день, который был указаи друидом. Но едва они, подняв парус, отделились немного от земли, как на берег прибежали три молочных брата Майль-Дуйна, сыновья его приемных родителей. Они принялись кричать, чтобы он вернулся и взял их с собой.

— Возвращайтесь обратно! — крикнул им Майль-Дуйн. — Если бы мы и причалили к берегу, то не взяли бы вас с собой, ибо должны ехать ровно столько человек, сколько нас есть.

— Мы бросимся в море вслед за тобой и потонем, если ты не заберешь нас, — отвечали они.

И с этими словами все трое действительно бросились в море и — отплыли очень далеко от земли. Видя это, Майль-Дуйн, чтобы они не потонули, направился к ним и забрал их на свой корабль.

II

Майль-Дуйн находит на одном острове убийц своего отца, но буря уносит его корабль в море

В этот день они плыли до вечера, а затем снова до полуночи, пока не встретили два маленьких пустынных острова, с двумя замками на них. Из замков доносились до них шум и пьяные крики: это были воины, хваставшиеся своими победами. И слышно было, как один говорил другому:

— Отступи в сторону! Мои подвиги выше твоих, ибо это я убил Айлиля Острие Битвы и сжег церковь в Дубклуайне над его головой. И не было мне с тех пор никакой беды от его родичей. Ты никогда ничего подобного не совершал!

— Победа в наших руках! — воскликнули Герман и Диуран-стихотворец. — Бог прямым путем привел нас сюда, он направил наш корабль. Пойдем и разрушим эти два замка, раз бог открыл нам наших врагов!

В то время как они говорили это, сильный ветер налетел и угнал их корабль в открытое море на всю ночь, до утра. Утром же они не увидели перед собой ни земли, ни берега и не знали в какую сторону направиться. Сказал Майль-Дуйн:

— Не будем искать пути: пусть бог сам направит наш корабль, куда захочет.

И они поплыли по великому, бесконечному океану. Майль-Дуйн сказал своим молочным братьям:

— Это вы причина того, что случилось, ибо вы сели на корабль вопреки запрету ведуна-друида. Он сказал нам, что число людей на корабле должно быть не большим, чем какое было до вашего прихода.

Ничего не ответили они ему и на некоторое время погрузились в молчание.

III

Остров гигантских муравьев. — Остров больших птиц. — Чудовищный конь. — Скачка демонов

Три дня и три ночи пробыли они в море, не видя ни земли, ни берега. На утро четвертого дня они слышали шум, доносившийся с северо-

востока.

— Это шум волны, бьющей о берег, — сказал Герман. Когда рассвело, они увидели, что подплыли к земле. В то время как они бросали жребий, кому сойти на берег, внезапно появилась громадная стая муравьев, величиной с жеребенка каждый, двинувшаяся на них по берегу и даже по воде: они хотели съесть их вместе с кораблем. Странники поспешно отчалили и снова носились по волнам три дня и три ночи, не видя пред собой ни земли, ни берега.

Наутро четвертого дня они слышали шум волны, бьющей о берег, и, когда рассвело, увидели большой высокий остров. По краям его были уступы, постепенно спускавшиеся к воде. На каждом из них росли ряды деревьев, на которых сидело множество больших птиц. Путники стали совещаться между собой, кому сойти на берег, чтобы осмотреть остров и узнать, не опасны ли птицы.

— Я сойду, — сказал Майль-Дуйн.

Он сошел на берег, осмотрел остров и не нашел там ничего опасного. Они утолили голод птицами и набрали множество их в запас себе на корабль.

И снова провели они в море три дня и три ночи. Наутро четвертого дня они завидели другой большой остров, с песчаной почвой. Когда они приготовились уже было сойти на берег, они заметили на нем животное, похожее на коня. У него были лапы как у пса, с твердыми и острыми копытами. Увидев их, зверь выказал большую радость, ибо он хотел съесть их вместе с кораблем.

— Он не прочь был бы добраться до нас, — сказал Майль-Дуйн. — Бежим скорей от этого острова!

Так они и сделали. Когда зверь заметил их бегство, он побежал к берегу, стал рыть землю своими острыми копытами и бросать в них камни. Они же поспешили спастись от него.

Долго плыли они после этого, пока не завидели перед собой большой плоский остров. Злой жребий сойти и осмотреть этот остров выпал Герману.

— Я пойду вместе с тобой, — сказал Диуран-стихотворец. — Зато в другой раз ты пойдешь со мной, когда настанет мой черед идти на разведку.

Итак, они сошли вдвоем на остров. Велик был он в глубину и в ширину. Они набрали на длинную, обширную лужайку со следами громадных конских копыт на ней. Шириной с корабельный парус был каждый конский след. Им попались также скорлупки огромных орехов и остатки от пиршества человеческим мясом. Они пришли в ужас от того, что

увидели, и позвали своих спутников, чтобы они тоже посмотрели. Те также пришли в ужас от того, что увидели, и все с крайней быстротой и поспешностью сели обратно на корабль.

Не успели они далеко отъехать от острова, как увидели огромную толпу существ, которые устремились с моря на остров и, достигнув лужайки, принялись скакать по ней верхом. Кони их носились быстрее ветра, и наездники при этом кричали громкими голосами. Майль-Дуйи услышал удары плетей и различил возгласы:

— Подайте мне серого коня!

— Вот бурый конь!

— Подайте мне белого!

— Мой конь быстрее!

— Мой скачет лучше!

Когда Майль-Дуйн и его спутники услышали это, они изо всех сил поспешили прочь, ибо им стало ясно, что они видят сборище демонов.

IV

Дом с лососем. — Чудесные яблоки. — Вращающийся зверь. — Бой коней. — Огненные животные и золотые яблоки

Целую неделю плыли они после этого, страдая от голода и жажды, пока не завидели большой, высокий остров с домом на самом берегу. Одна дверь дома выходила на равнину посреди острова, другая — на море. Эта последняя была завалена камнем; в нем было просверлено отверстие, через которое волны загоняли лосося: внутрь дома.

Путники вошли в дом и ничего не нашли в нем. Они заметили там ложе, приготовленное для хозяина дома, и еще три ложа для троих его людей, а кроме того — пищу перед каждым ложем и по стеклянному кувшину с добрым пивом, а подле каждого кувшина — по стеклянной чашке. Они насытились этой пищей и пивом и возблагодарили всемогущего бога, спасшего их от голодной смерти.

Покинув этот остров, они долгое время плыли без пищи, страдая от голода, пока не достигли другого острова, окруженного со всех сторон громадными скалами. На этом острове был лес, длинный и узкий, очень длинный и очень узкий. Проплывая вдоль берега мимо этого леса, Майль-Дуйи протянул руку и отломил одну ветвь. Три дня и три ночи оставалась ветвь в его руке, пока корабль под парусами огибал скалы, а на третий день на конце ветви появилось три яблока. Каждого яблока хватило, чтобы

насытить их всех в течение трех дней.

После этого они приплыли к другому острову, с каменной оградой вокруг него. Когда они совсем приблизились к нему, перед ними появился громадный зверь, который принялся бегать вокруг острова. Майль-Дуйну казалось, что он бежит быстрее ветра. Затем зверь устремился на самое высокое место острова и стал там, вытянувшись, головой вниз, ногами вверх. Вот что он при этом делал: он то вращался сам внутри своей кожи, то есть его тело и кости вращались, а кожа оставалась неподвижной; то, наоборот, кожа его вращалась снаружи, как мельница, в то время как тело и кости оставались неподвижными.

Пробыв долгое время в таком состоянии, зверь вскочил на ноги и опять принялся бегать по острову, как и раньше. Затем он возвратился на прежнее место и стал проделывать то же самое, но так, что теперь нижняя половина кожи оставалась неподвижной, а верхняя вращалась, как мельничный жернов. Таким упражнениям предавался он всякий раз в промежутках между бегом по острову.

Майль-Дуйн и его спутники поспешно убежали. Зверь заметил их бегство и помчался к берегу, чтобы схватить их. Они успели отчалить, когда зверь достиг берега, и тогда он стал яростно швырять в них прибрежными камнями. Один камень пробил насквозь щит Майль-Дуйна и упал на корму корабля.

Вскоре после этого они встретили другой остров, большой и прекрасный, со множеством животных на нем, похожих на коней. Они вырывали друг у друга куски мяса, так что потоки алой крови текли из их боков, заливая всю землю. Майль-Дуйн и его спутники быстро, поспешно, стремительно покинули этот остров, опечаленные, расстроенные, угнетенные виденным ими. И они не знали, куда теперь направить путь и где искать утешения, добрую землю и берег.

После долгих страданий от голода и жажды, растерянные и истомленные, уже потеряв всякую надежду на спасение, они достигли, наконец, другого большого острова. Много деревьев было на нем, покрытых плодами: то были золотые яблоки. Красные животные вроде свиней бродили под деревьями. Они подходили к деревьям и ударяли в них задними ногами, так что яблоки падали, и тогда они их поедали. А после захода солнца они прятались в пещеры и не выходили оттуда до рассвета.

Множество птиц плавало по волнам вокруг острова. С самого утра до середины дня они плыли, удаляясь от острова, с середины же дня до вечера плыли обратно к острову и достигали его с заходом солнца, после чего чистили и поедали яблоки.

— Пойдем на остров, туда, где птицы, — сказал Майль-Дуйн. — Нам нетрудно сделать то же, что делают они.

Один из них сошел на остров, чтобы осмотреть его, и потом позвал к себе в подмогу одного из товарищей. Почва острова была совсем раскалена под их ногами, так что трудно было из-за жары долго на ней оставаться: это была огненная земля, ибо животные из своих пещер нагревали ее.

Путники, однако, смогли захватить несколько яблок, которые съели затем на корабле.

На рассвете птицы покинули остров и поплыли от него по морю, а огненные животные вылезли из пещер и стали поедать яблоки до самого захода солнца. А потом, когда они опять ушли в свое убежище, птицы снова появились вместо них и стали поедать яблоки. Тогда Майль-Дуйн и его спутники пришли и собрали все яблоки, сколько их нашлось в ту ночь, и благодаря этому предохранили себя от голода и жажды на некоторое время. Они нагрузили свой корабль этими яблоками, весьма им понравившимися, а затем снова пустились в море.

V

Замок волшебного кота. — Перекрашивающий остров. — Остров с огромными свиньями, безрогими быками и огненной рекой. — Страшная мельница

Когда яблоки кончились и путники снова начали страдать от голода и жажды, а рты и носы их наполнились горечью морской, они завидели небольшой остров с замком на нем, окруженным белой стеной, сделанной словно из извести, как будто из одной сплошной массы ее. Высока была эта стена — чуть не доходила до облаков. Вход в замок был открыт. Около вала было несколько больших домов, белых как снег.

Они вошли в самый большой из домов и не нашли там никого, кроме маленького кота^[464], который играл на четырех каменных столбах, бывших внутри дома: он перепрыгивал с одного из них на другой. Он едва посмотрел на вошедших и не прерывал своей игры.

Затем они заметили множество предметов, прикрепленных в три ряда вдоль стен, от одной двери к другой. Первый ряд состоял из золотых и серебряных пряжек, острия которых были воткнуты в стену. Второй — из золотых и серебряных ожерелий, величиной с обруч бочонка каждое. Третий ряд составляли большие мечи с золотыми и серебряными рукоятями.

Комнаты были полны белых одеял и одежд ярких цветов. Были там еще жареная говядина и ветчина, а также большие кувшины с прекрасным хмельным пивом.

— Не для нас ли все это приготовлено? — спросил Майль-Дуйн, обращаясь к коту.

Тот быстро на него взглянул и продолжал свою игру. Майль-Дуйн понял из этого, что угощение было приготовлено для них. Они поели, попили и легли спать. Остатки пива они перед этим слили в кувшины, а остатки пищи тщательно прибрали.

Когда они собрались уходить, один из молочных братьев сказал Майль-Дуйну:

— Не взять ли мне одно из этих ожерелий?

— Нет, — ответил ему Майль-Дуйн, — этот дом не без сторожа.

Тот все же взял ожерелье. Кот, следивший за ним, дал ему пройти полпути до выхода, затем бросился на него, как огненная стрела, и сжег, обратив в пепел, после чего снова вернулся на свой столб.

Майль-Дуйн успокоил кота ласковыми словами, повесил ожерелье на прежнее место, собрал пепел с земли и бросил его на прибрежные скалы. После этого они сели на корабль, благодаря и восхваляя господа.

Наутро четвертого дня после этого завидели они другой остров, с медной изгородью, разделявшей его пополам. Там были огромные стада овец: по одну сторону изгороди — черных, по другую — белых. Они увидели также огромного роста человека, который распределял овец. Когда он перебрасывал белую овцу через изгородь на ту сторону, где было черное стадо, она тотчас же становилась черной. Когда же он перебрасывал на другую сторону черную овцу, она тотчас становилась белой. Путники пришли в ужас от того, что увидели.

— Вот что мы сделаем, — сказал Майль-Дуйн. — Бросим две ветки на остров. Если они также изменяют цвет, значит, и с нами случится то же самое, если мы сойдем на остров.

Они бросили ветку с черной корой на ту сторону, где были белые овцы, и она тотчас же стала белой. Затем, ободрав кору с другой ветки, так что она сделалась белой, они бросили ее на ту сторону, где были черные овцы, — и она тотчас стала черной.

— Не предвещает нам ничего доброго это испытание, — сказал Майль-Дуйн. — Не будем высаживаться на этот остров. Без сомнения, и с нашей кожей там будет не лучше, чем с ветками.

И в страхе великом они отплыли от острова.

На четвертый день после этого завидели они другой большой,

обширный остров, на котором было стадо прекрасных свиней огромных размеров. Они убили маленького поросенка и не в силах были стащить его к себе на корабль, чтобы сварить его. Они все собрались вокруг него, изжарили на месте и по кускам отнесли на корабль.

Затем они заметили на острове большую гору и решили взобраться на нее, чтобы осмотреть остров с ее вершины. Когда Диуран-стихотворец и Гермаи направились к этой горе, им пересекла путь река, очень широкая, но такая мелкая, что можно было перейти ее вброд. Гермаи опустил древко своего копья в реку, и оно тотчас испепелилось, словно сожженное огнем. Они не пошли дальше.

По другую сторону реки они заметили стадо огромных безрогих быков и громадного роста человека, сидящего подле них. Герман ударил своим копьем в щит, чтобы испугать быков.

— К чему пугать глупых телят? — сказал великан-пастух.

— А где матери этих телят? — спросил Герман.

— По ту сторону этой горы, — отвечал тот.

Диуран и Герман вернулись к своим спутникам и рассказали им все, что видели. После этого они снова поплыли.

Немного погодя они встретили остров, на котором была огромная уродливая мельница, а возле нее — страшного вида великан-мельник.

— Что это за мельница? — спросили они его.

— Неужели вы сами не знаете? — сказал он.

— Не знаем, — отвечали они.

— Половина зерна вашей страны мелется здесь, — сказал он. — Все, что приносит горсть, мелется на этой мельнице.

Они увидели, как тяжелые, бесчисленные грузы на лошадях и на плечах тащились на мельницу и выезжали из нее; но все то, что выходило из мельницы, направлялось на запад. И снова они спросили:

— Как же зовется эта мельница?

— Мельница Инбер Тре-Кенан, — ответил им мельник. Увидев и услышав все это, они осенили себя крестным знаменем и вернулись на свой корабль.

VI

Остров черных плакс. — Остров с чудесной пищей. — Волшебный мост и прекрасная хозяйка

Отплыв от острова с мельницей, они достигли другого большого

острова с множеством людей на нем. Черны были и кожа и одежды их. На головах у них были сетки, и они беспрерывно стонали. Злой жребий сойти на остров выпал одному из двух оставшихся молочных братьев Майль-Дуйна. Как только приблизился он к плакавшим людям, он тотчас же почернел, как они, и принялся вместе с ними плакать. Послали двух других людей, чтобы привести его обратно, но они не узнали его среди других и сами принялись так же стонать.

Сказал тогда Майль-Дуйн:

— Пусть четверо из вас с оружием пойдут туда и силой приведут наших людей обратно. Не смотрите ни на землю, ни в воздух; прикройте плащами носы и рты ваши, не вдыхайте воздуха той земли и глядите все время только на ваших товарищей.

Они так и сделали: пошли вчетвером и силой привели своих двух товарищей. Когда тех спросили, что они видели на той земле, они ответили:

— Мы ничего не знаем и не помним. Мы только должны были делать то же самое, что и люди той земли.

И они поспешно отплыли от этого острова.

После этого они достигли другого, высокого острова, разделенного четырьмя изгородями на четыре части. Одна изгородь была из золота, другая из серебра, третья из меди, четвертая из стекла. В одном отделении находились короли, в другом королевы, в третьем воины, в четвертом молодые девушки.

Одна из девушек вышла им навстречу, помогла им сойти на берег и предложила пищу. С виду эта пища была похожа на сыр, но каждый нашел в ней вкус того кушанья, какого желал. Они разделили между собой напиток, поданный им в маленьком кувшине, и его с избытком хватило на всех, так что они охмелели и проспали три дня и три ночи. Девушка же охраняла их в течение всего этого времени.

Когда они на четвертый день пробудились, то оказались среди моря, на своем корабле. Не видно было больше ни острова, ни девушки. И они поплыли дальше.

Затем они добрались до другого, небольшого острова. На нем была крепость с воротами из чистой бронзы. Стекланный мост вел к ней. Они несколько раз пытались перейти мост, но всякий раз какая-то сила отбрасывала их назад. Они увидели, как из замка вышла женщина с ведром в руках. Она приподняла стеклянную плиту в нижней части моста, набрала в ведро воды из ручья, протекавшего под мостом, и вернулась в замок.

— Вот славная хозяйка для Майль-Дуйна! — воскликнул Герман.

— Конечно, для Майль-Дуйна! — сказала она, захлопывая за собой

дверь.

Они стали тогда стучать в бронзовые украшения моста. Эти удары зазвучали сладкой, нежной музыкой, от которой они впали в сон, длившийся до самого утра. Когда они пробудились, то увидели, что та же самая женщина, выйдя из замка, черпает ведром воду под той же плитой.

— Опять идет к Майль-Дуйну его хозяйка! — сказал Герман.

— Высок и славеи Майль-Дуйн предо мной! — ответила она, запирая ворота замка за собой.

И снова та же музыка повергла их в сон до следующего утра. Так повторялось три дня. На четвертое утро женщина направилась к ним. Прекрасна была она. Белый плащ облекал ее; золотой обруч обрамлял ее золотые волосы; на ее розовых ногах были серебряные сандалии; серебряная пряжка с золотыми украшениями скрепляла ее плащ, и сорочка из тонкого шелка покрывала ее белую кожу.

— Привет тебе, о Майль-Дуйн! — сказала она и затем приветствовала по очереди всех остальных, назвав каждого по имени.

— Давно уже знали мы о приезде вашем и поджидали вас, — прибавила она.

Затем она повела их в большой дом, находившийся около моря, и втащила их корабль на берег. Они нашли в доме отдельное ложе для Майль-Дуйна и по одному ложу на каждых троих из них.

Она принесла им в корзине пищу, с виду похожую сыр или творог, и дала по куску ее на каждых троих. И каждый нашел в ней вкус того кушанья, какого желал. Майль-Дуйну она прислуживала в отдельности. Она наполнила кувшин водою из того же источника и подала по кружке каждым троим из них. Когда же она заметила, что они достаточно насытились и утолили жажду, то перестала угощать их.

— Вот подходящая жена для Майль-Дуйна, — сказали они друг другу.

После этого она вышла, унеся с собой кувшии и ведро. Спутники Майль-Дуйна сказали ему:

— Не поговорить ли нам с ней? Может быть, она согласится разделить с тобой ложе?

— Какая беда может выйти от того, что вы поговорите с нею? — сказал Майль-Дуйн.

Когда она на следующий день пришла к ним, они сказали ей:

— Не хочешь ли ты выказать любовь к Майль-Дуйну и разделить с ним ложе? Почему бы тебе не остаться здесь с ним на эту ночь?

Но она ответила им, что ей неведом грех и что она никогда не знала его; и с этим она ушла от них. На другой день она в обычный час снова

явилась к ним, чтобы угощать и ухаживать за ними. Когда они насытились и охмелели, они опять завели с ней речь о том же.

— Завтра я вам дам ответ, — сказала она.

Она удалилась, и они опять легли спать на своих ложах. Когда же они пробудились, то увидели себя на корабле. Возле скалы, и не видно было ни острова этого, ни замка, ни женщины, ни места, где они были перед тем.

VII

Говорящие птицы. — Остров с отшельником. — Чудесный источ. — Кузнецы-великаны. — Стеклянное море. — Облачное море. — Робкие островитяне

Проплыв немного, они слышали доносившиеся с северо-востока громкий крик и пение как будто псалмов. Всю эту ночь и следующий день до середины его они плыли и всё не могли понять, что это за крик и пение. Наконец они увидели высокий, гористый остров, покрытый черными, коричневыми и пестрыми птицами, которые кричали и громко разговаривали между собой.

Они немного отплыли от него и натолкнулись на другой, небольшой остров. На нем было много деревьев, а на них — большая стая птиц.

Кроме того, они увидели там человека, одеждой которого были лишь его волосы. Они спросили его, кто он такой и из какого племени.

— Я из мужей Ирландии, — отвечал он им. — Я отправился в паломничество на маленьком кораблике. Едва я отделился от земли, как моя ладья сломалась подо мной. Тогда я вернулся на землю, взял под ноги кусок дерна и пустился на нем в море. Господь укрепил для меня здесь этот кусок дерна. С тех пор он увеличивает его каждый год на одну пядень, и каждый год на нем вырастает по дереву. Птицы, которых вы видите на деревьях, это души моих детей и моих родичей, как мужчин, так и женщин, и они ждут здесь Судного дня. Бог дал мне полхлеба, ломтик рыбы и воду из источника: все это я получаю каждый день через его ангелов. В середине дня другая половина хлеба и ломтик рыбы появляются для всех этих мужчии и женщин, а также и вода из источника в количестве, достаточном для всех.

Пробыв там три дня и три ночи, они простились с отшельником, который сказал им при этом:

— Все вы достигнете родины, кроме лишь одного из вас.

Через три дня после этого они добрались до острова, окруженного

стеной, основание которой было белое, как пух. Они заметили на острове человека, одеждой которого были лишь его волосы. Они спросили его, чем питает он свое тело. Отвечал он:

— Есть источник на этом острове. По средам и пятницам он струит сыворотку или воду; но по воскресеньям и в дни святых он дает доброе молоко, а в дни апостолов, Марии, Иоанна Крестителя и в другие большие праздники — пиво и вино.

После полудня господь послал каждому из них по полхлебца и по куску рыбы, и они утолили свою жажду водой, которую давал источник на острове. После этого они впали в глубокий сон, длившийся до следующего утра. После того как они провели у отшельника три дня, он приказал им двинуться дальше в путь. И, простившись с ним, они отплыли.

Долгое время пробыли они затем на море, пока не увидели вдали остров; приблизившись к нему, они услышали шум, какой производят не менее трех или четырех кузнецов, бьющих молотами железо на наковальне. Подъехав поближе, они услышали, как один человек спрашивал другого:

— Они уже близко?

— Да, — отвечал другой.

— А кто они такие, плывущие к нам? — опять спросил первый.

— С виду какие-то ребяташки в лодчонке, — был ему ответ.

Когда Майль-Дуйн услышал, что говорили кузнецы, он сказал:

— Едем скорей назад и не будем поворачивать корабль, чтобы они не заметили нас, а поплывем кормой вперед.

Так они и сделали. Опять спросил первый из кузнецов:

— Ну как, близко они теперь от берега?

— Они стоят на месте: не двигаются ни вперед, ни назад.

Немного погодя, первый опять спросил:

— А теперь что они делают?

— Мне кажется, — отвечал наблюдавший, — что они уплывают от нас. Как будто они теперь дальше от берега, чем раньше.

Тогда кузнец вышел из кузницы, захватив щипцами громадную глыбу раскаленного железа. Он метнул ее в море в направлении корабля, и все море закипело. Но он не попал в корабль. И они уплыли со всей боевой силой быстро, поспешно, далеко в великий океан.

Проплыв затем некоторое время, они попали в море, похожее на зеленое стекло. Так велика была его прозрачность, что видны были мелкие камешки и песок на дне его. Не видно было ни чудовищ, ни животных между скал — одни только голые камешки и зеленый песок. Долго они плыли по этому морю. Велики были красота и блеск его.

Затем они попали в другое море, похожее на облако: им казалось, что оно не может выдержать их корабль. На дне моря, иод собой, они видели крытые здания и прекрасную страну. Еще заметили они там громадного зверя, страшного, чудовищного, сидевшего на дереве, и пастухов со стадом, расположившихся вокруг дерева, а рядом с деревом — вооруженного человека со щитом и копьем.

Когда он заметил громадного зверя, сидевшего на дереве, он кинулся бежать от него. Зверь же, не слезая с дерева, вытянул шею, достал головой до спины ближайшего быка, втащил его к себе на дерево и пожрал в одно мгновение. Стадо и пастухи бросились бежать.

Когда Майль-Дуйн и его спутники увидели это, ужас и трепет еще сильнее охватили их, ибо им казалось, что они не смогут переплыть это море, не упав на дно: рыхлой, как облако, казалась вода его. Все же после многих опасностей они проплыли его.

Дальше встретили они другой остров, море дыбилось кругом, образуя гигантскую ограду вокруг него. Когда жители острова завидели плывущих, они стали кричать; «Вот они! Вот они!» — до потери голоса.

Майль-Дуйн и его спутники увидели множество людей и большие стада коров, лошадей и овец. Одна женщина стала бросать в плывущих громадные орехи, которые оставались на поверхности воды. Путники подобрали множество этих орехов и взяли с собой. Когда они отплыли, крик прекратился.

— Где они теперь? — спросил человек, пришедший на крик.

— Они удалились, — отвечали несколько человек.

— Это не они, — сказали другие.

Видимо, жители острова ждали каких-то других людей, которые могли разорить остров и прогнать их оттуда.

VIII

Поток-радуга. — Серебряный столи с сетью. — Остров на ножке. — Остров прекрасных женщин

После этого они достигли другого острова, где им предстало удивительное зрелище. Большой поток поднимался из моря у берега, по одну сторону острова; затем он струился по воздуху, как радуга, и опускался по другую сторону острова. Путники прошли под потоком, не замочив себя. Они вонзали копыя в поток, и оттуда падали вниз, на землю, громадные лососи. И весь остров наполнился запахом рыбы, ибо

невозможно было собрать ее всю — так много ее было.

С вечера воскресенья до полудня понедельника поток не струился, а оставался неподвижным, лежа в море дугой около острова.

Путники забрали с собой самых крупных лососей, нагрузили ими свой корабль и, отчалив от острова, снова пустились в океан.

Они плыли затем, пока не подъехали к гигантскому серебряному столпу. Четырехгранный был он, и каждая сторона — в два удара корабельных весел: чтобы объехать его, требовалось восемь ударов весел. Ни клочка земли не было подле него — один бесконечный океан. Не видать было ни основания столпа, ни вершины его — так высок был он.

Сверху столна спускалась, широко раскинувшись, серебряная сеть, и корабль со свернутыми парусами проплыл через одну из петель ее. Диураи ударил лезвием своего меча по петлям сети.

— Не разрушай сеть, — сказал ему Майль-Дуйн. — То, что мы видим, — создание могучих людей.

— Я это делаю, — возразил Диуран, — во славу божшо: чтобы люди поверили рассказу о моих приключениях. Я возложу кусок этой сети на алтарь Армага, если суждено мне вернуться в Ирландию.

Так он и сделал потом. Две с половиной унции весил принесенный им кусок.

Они услышали с вершины столна голос мощный, звонкий, звучный, но не могли понять ни кто говорит, ни на каком языке.

Затем они увидели остров, поднимавшийся на ножке: весь он стоял на этой ножке. Они объехали остров кругом, ища способ проникнуть в него, но не нашли пути. Однако в нижней части ножки они заметили дверь, запертую на замок, и поняли, что через нее можно было попасть на остров. На вершине острова они увидели пахаря, но он не заговорил с ними, и они не заговорили с ним тоже. Они поплыли дальше.

После этого они достигли большого острова; широкая равнина была на нем, с высокой площадкой, покрытой не вереском, а сплошной мягкой травой. Еще заметили они на острове большой высокий, крепкий замок, разукрашенный и снабженный прекрасными ложами внутри. Семнадцать девушек были там заняты приготовлением бани.

Путники сошли на остров и сели на площадке перед замком. Сказал Майль-Дуйн:

— Без сомнения, это для нас готовят баню.

После полудня они увидели, как к замку подскочил всадник на превосходном коне с прекрасным, разукрашенным чепраком. На голове его был голубой капюшон, на плечах — пурпурный плащ, украшенный

бахромой, на руках — вышитые золотом перчатки, на ногах — прекрасные сандалии. Когда он спешился, одна из девушек тотчас же отвела его коня, взяв под уздцы. Всадник же вошел в замок и отправился в баню. Тогда смотревшие увидели, что это была женщина.

Немного погодя одна из девушек подошла к ним:

— Добро пожаловать! — сказала она им. — Заходите в замок, королева приглашает вас.

Они вошли в замок и вымылись в бане. В комнате, где их дожидались, по одну сторону сидела королева, окруженная семнадцатью девушками, а по другую сторону, напротив нее, сел Майль-Дуйн, окруженный семнадцатью спутниками. Блюдо с доброй пищей поставили перед Майль-Дуйном, а также стеклянный кувшин, наполненный вкусным напитком; спутникам же его было предложено по одному блюду и одному кувшину на каждых троих.

Когда они насытились, королева спросила:

— Как расположатся гости на ночлег?

— Так, как ты прикажешь, — отвечал Майль-Дуйн.

— На утеху себе прибыли вы на наш остров, — сказала королева. — Пусть же каждый из вас возьмет с собой женщину, которая сидит напротив него, и последует за ней в ее комнату.

И в самом деле, там было семнадцать комнат, прекрасно убранных, с отличными ложами. Итак, семнадцать путников провели ночь с семнадцатью девушками, Майль-Дуйн же провел ночь на ложе королевы. На следующее утро они встали и начали собираться в путь.

— Оставайтесь здесь, — сказала им королева, — и время не коснется вас. Каждый сохранит свой нынешний возраст, и ваша жизнь будет вечной. То, что вам было предложено вчера вечером, вы будете получать каждый вечер без труда. Ни к чему вам больше скитаться от одного острова к другому по океану.

— Скажи мне, — молвил Майль-Дуйн, — как попала ты на этот остров?

— Не трудно сказать, — отвечала она. — Жил здесь добрый муж, король этого острова. Я родила ему этих семнадцать девушек: они все мои дочери. Отец их умер, не оставив мужского потомства, и я приняла королевскую власть над островом. Каждый день я отправляюсь на широкую равнину, расположенную на этом острове, и творю там суд и разрешаю тяжбы между жителями.

— Зачем ты хочешь нас покинуть сейчас? — воскликнул Майль-Дуйн.

— Если я не пойду, — отвечала она, — то все, что было с вами

прошлый вечер, не повторится опять. Оставайтесь только, — добавила она, — в этом доме, не заботясь ни о чем. Я иду творить суд среди народа для вашего же блага.

Они пробыли на этом острове три зимних месяца; но это время показалось им тремя годами.

— Очень уж долго мы здесь живем, — сказал Майль-Дуйну один из его людей. — Почему не возвращаемся мы на родину?

— Неразумно ты говоришь, — ответил ему Майль-Дуйн. — Ведь мы не найдем на родине лучшего, чем то, что имеем здесь.

Спутники Майль-Дуйна стали роптать на него, говоря:

— Велика любовь Майль-Дуйна к этой женщине. Оставим его здесь с нею, раз он этого хочет, а сами вернемся на родину.

— Я не останусь здесь без вас, — сказал Майль-Дуйн. Однажды, когда королева ушла, чтобы творить суд там, где она делала это каждый день, они сели на свой корабль. Она прискакала на коне и бросила вслед им клубок нитей. Майль-Дуйн схватил клубок, и он пристал к его ладони. Конец нити был в руке женщины, и таким образом она притянула корабль назад к берегу.

Они пробыли у нее еще три месяца. И трижды повторялось то же самое, когда они пытались уехать. Тогда они стали держать совет.

— Теперь мы хорошо видим, — говорили они, — как велика любовь Майль-Дуйна к этой женщине. Он нарочно старается, чтобы клубок пристал к его ладони и мы, таким образом, вернулись в замок.

— Пусть кто-нибудь другой примет клубок, — сказал Майль-Дуйн, — и, если он пристанет к его ладони, отрубите ему руку.

Они сели на корабль. Королева опять бросила им клубок нитей. Один из спутников схватил его, и он пристал к его ладони. Тогда Диураи отрубил ему руку, и она упала вместе с клубком в море. Увидев это, королева начала испускать крики и стопы, оглашая ими всю страну.

Вот каким образом они расстались с нею и бежали с острова.

IX

Хмелящие плоды. — Отшельник и озеро юности. — Остров хохотунов. — Огненная ограда

Долго после этого носились они по волнам, пока не достигли острова с деревьями, походившими на ивы или орех. На них были странные плоды в виде громадных ягод. Путники собрали плоды с одного маленького деревца

и бросили между собой жребий, кому первому отвесть этих плодов. Пал жребий на Майль-Дуйна. Он выжал сок нескольких плодов в чашку, выпил его и тотчас же впал в глубокий сон, длившийся ровно сутки, до того же самого часа следующего дня. Спутники его не знали, жив он или умер, ибо на губах его была красная пена до самого того часа, когда он проснулся. Пробудившись, он им сказал:

— Соберите эти плоды, они превосходны.

Они собрали их и разбавили водой их сок, чтобы ослабить его хмелящую и усыпляющую силу. Они собрали все плоды, сколько их было, выжали их и наполнили соком все сосуды, какие только у них нашлись. После этого они отплыли от острова.

Они приплыли к другому большому острову. Одна половина его представляла собою лес из тисов и больших дубов, другая — равнину с маленьким озером посреди нее. На равнине паслись большие стада баранов. Путники заметили маленькую церковь и замок. Они направились в церковь. Там был старый клирик, весь окутанный собственными волосами.

— Откуда ты? — спросил его Майль-Дуйн.

— Я последний из пятнадцати спутников Брендана из Бирра. Мы отправились в паломничество по океану и прибыли на этот остров. Все мои спутники умерли, и я остался один.

И он показал им таблички Брендана, которые они взяли с собой в паломничество.

Все склонили колени перед ними, и Майль-Дуйн облобызал таблички.

— Ешьте этих баранов в меру потребности вашей, но не больше того.

И некоторое время они питались мясом жирных барашков.

Однажды, глядя с острова на море, они завидели словно облако, несшееся на них с юго-запада. Через некоторое время, продолжая наблюдать, они увидели, что это птица, ибо видны были взмахи крыльев. Она прилетела на остров и села на холм около озера. Им казалось, что она сейчас схватит их когтями и унесет в море.

Птица принесла с собой ветвь громадного дерева: ветвь эта была толще крупного дуба. Широкие разветвления были на ней, и верхушка ее была густо покрыта свежими листьями. Тяжелые, обильные плоды были на ней, с виду словно красные ягоды вроде винограда, но только крупнее.

Путники притаились, выжидая, что станет делать птица. Утомленная перелетом, она некоторое время отдыхала, а затем принялась поедать плоды с ветви. Майль-Дуйн подошел к самому подножию холма, на котором сидела птица, чтобы посмотреть, не причинит ли она ему зла; но

она ничего ему не сделала. Тогда все его люди подошли туда.

— Пусть один из нас пойдет, — сказал Майль-Дуйн, — сорвет несколько плодов с этой ветви.

Один из них пошел и сорвал несколько ягод, и птица не помешала ему; она даже не взглянула на него и не шевельнулась. Восемнадцать воинов со щитами подошли к птице сзади, и она ничего им не сделала.

В тот же день, после полудня, они увидели двух больших орлов, несшихся с юго-запада, оттуда же, откуда прилетела и та птица. Они спустились и сели подле нее. Посидев и отдохнув хорошенько, они затем начали чистить большую птицу, освобождая ее от насекомых, облепивших ее хохолок, зоб, глаза и уши. Они занимались этим до самого захода солнца. После этого все три птицы принялись есть ягоды с ветви.

На другой день, с утра до полудня, они снова обчищали все ее тело от насекомых, выщипывали ее старые перья, сдирали старую коросту с нее. А в полдень они сняли все ягоды с ветви, раздавили их клювами и побросали в озеро, которое покрылось красной пеной.

Тогда большая птица вошла в озеро и пробыла в нем, полощась в воде, почти до самого конца дня. После этого она вышла из озера и села на тот же самый холм, но в другом месте его, чтобы животные, которых сняли с нее, не напоздали на нее опять.

На следующее утро орлы вычистили и пригладили ей перья своими клювами так, как если бы сделали это гребешками. Они занимались этим до полудня. Затем они отдохнули немного и улетели в том направлении, откуда прилетели.

А большая птица, оставшись одна, все продолжала чиститься и помахивать крыльями до конца третьего дня. После этого, на утро четвертого дня, она взлетела, описала три круга вокруг острова и снова присела ненадолго отдохнуть на том же холме; затем поднялась и улетела в том направлении, откуда прилетела. Ее полет был еще быстрее и могучее, чем в первый раз.

Тогда Майль-Дуйн и его спутники поняли, что она сменила свою дряхлость на юность, по слову пророка:

Renovabitur ut aquilae juvenus tua (Обновится, как у орла, юность твоя (лат.)).

Увидев это великое чудо, Диуран воскликнул:

— Пойдем, выкупаемся в озере, в котором побывала птица, чтобы так же омолодиться.

— Нельзя этого делать, — сказал один из них, — ибо птица оставила в воде свой яд.

— Глупость сказал ты, — отвечал Диуран. — Я войду в озеро первый.

Он вошел в него, выкупался, омочил свои губы и несколько раз глотнул воды. С тех пор до конца жизни зрение его оставалось крепким, ни один зуб не выпал у него, ни одного волоса не потерял он, и никогда не знал он ни хвори, ни болезни с того часа.

После этого они простились со старцем и, запасшись баранами на дорогу, пустили свой корабль по морю и поплыли по океану. Они встретили другой остров, обширный, с большой равниной на нем. Множество людей было на этой равнине, непрерывно игравших и смеявшихся. Бросили жребий, кому сойти, чтобы осмотреть остров. Пал жребий на третьего из молочных братьев Майль-Дуйна.

Как только он дошел до равнины, он тотчас же начал непрерывно играть и смеяться вместе с людьми той земли, словно он провел всю жизнь с ними. Его товарищи долго-долго стояли на месте, дожидаясь его, но он к ним не вернулся. Так и оставили его там.

После этого они увидели другой, небольшой остров, который окружала огненная стена, подвижная, вращавшаяся вокруг острова. В одном месте этой стены была открытая дверь. Каждый раз, как она, при вращении стены, оказывалась против путников, они могли видеть через нее весь остров и все, что на нем было, со всеми его обитателями: там было множество людей, прекрасных обликом, в роскошных одеждах, пировавших с золотыми чашами в руках. Были даже слышны их застольные песни.

Долго взирали путники на чудесное зрелище, открывавшееся им: оно казалось им пленительным.

X

Вор-отшельник

Вскоре после того, как они отплыли от этого острова, они заметили среди воли нечто похожее на белую птицу. Они повернули корму корабля в сторону юга, к этому предмету, чтобы лучше его рассмотреть. Когда они подошли на веслах совсем к нему близко, они увидели, что это человек, все тело которого окутано седыми волосами. Он стоял на коленях на плоской скале. Подплыв к нему, они попросили его благословить их. Затем они спросили его, как он попал на эту скалу; и вот что он рассказал им:

— Я родом из Тораха — в Торахе вырос я. Я был там поваром, и дурным поваром, ибо пищу, принадлежавшую церкви, где я служил, я

продавал за деньги и ценные предметы корысти ради. Таким образом мой дом наполнился одеялами, подушками, всякими цветными одеждами из льна и шерсти, медными ведрами и иной утварью, серебряными пряжками с золотыми остриями. Не было в доме моем недостатка ни в чем, что только может быть приятно человеку; там были даже позолоченные книги и ларцы, украшенные медью и золотом. Еще делал я подкопы под церковные здания и, проникая в них таким образом, похищал из них сокровища. Велики были в ту пору гордыня и дерзость мои.

Однажды попросили меня вырыть могилу одному крестьянину, тело которого принесли на остров. Роя могилу, услышал я голос, шедший снизу, из земли, под моими ногами:

«Не рой могилу на этом месте, не клади тело грешника сверху меня, праведного и благочестивого человека».

«Это дело касается меня и бога!» — воскликнул я в своей гордыне.

«Аминь, — отвечал голос праведника. — Если ты положишь это тело на мое, твое собственное тело погибнет в три дня и твоя душа пойдет в ад, а этот труи все равно будет убраи отсюда».

Тогда я спросил древнего человека:

«А что ты дашь мне за то, что я не положу этого человека сверху тебя?»

«Вечную жизнь в обители божьей», — отвечал он.

«Как убедиться мне в этом?» — спросил я.

«Не трудно это, — был ответ. — Могила, которую ты роешь, будет все время засыпаться песком. Это покажет тебе ясно, что ты не можешь положить этого человека сверху меня, сколько бы ни старался.

Едва произнес он эти слова, как вся могила наполнилась песком. И тогда я похоронил тело в другом месте.

Через некоторое время после этого я спустил на море новый корабль, обтянутый красной кожей, сел в него и огляделся с радостью вокруг себя: я не оставил в доме ничего, ни крупного, ни мелкого, но все забрал с собой: и чаны мои, и кубки, и блюда — все было при мне. Пока я глядел на море, бывшее только что перед тем совсем тихим, вдруг налетел сильный ветер, унесший меня так далеко в море, что не видно стало берега. Затем мой корабль остановился и не мог больше сдвинуться с места.

Поглядывая вокруг себя во все стороны, я заметил человека, сидящего на волне. Он спросил меня:

«Куда ты плывешь?»

«Мне желательно, — отвечал я, — плыть в том направлении, куда смотрят мои глаза».

«Ты перестал бы желать этого, — отвечал он, — если бы узнал, какая толпа окружает тебя».

«Что же это за толпа?» — спросил я.

«Насколько хватает зрения вдаль моря и вверх, до облаков, все это полно демонов, обступивших тебя из-за твоей алчности, гордыни, дерзости, из-за хищений и преступлений твоих. Знаешь ты, почему остановился корабль твой?»

«Поистине не знаю», — сказал я.

«Он не сдвинется с этого места, пока ты не исполнишь мою волю».

«Я не потерплю этого!» — сказал я.

«Ты претерпишь муки ада, если не подчинишься моей воле».

Он приблизился ко мне и коснулся меня рукой; и я обещал исполнить его волю.

«Брось в море, — сказал он, — все добро, которое находится на твоём корабле».

«Жаль, — сказал я, — если оно погибнет понапрасну».

«Не понапрасну погибнет оно. Есть некто, кому ты поможешь этим».

И я бросил в море все, что со мной было, кроме одной маленькой деревянной чашечки.

«Теперь плыви дальше, — сказал старец, — и утвердись на том месте, где остановится твой корабль».

И он дал мне на дорогу чашечку сыворотки и семь хлебцев.

— И вот, — продолжал свой рассказ древний человек, — я поплыл в ту сторону, куда ветер гнал мой корабль, ибо я бросил и весла и руль. И волны, играя мною, выбросили меня на эту скалу, и я не знал, прибыл ли мой корабль к цели, ибо не видно было здесь ни земли, ни берега. И тогда я вспомнил слова, сказанные мне: утвердиться на том месте, где остановится мой корабль. Я поднял голову и увидел небольшую скалу, о которую били волны. Я стал ногой на эту скалу, и мой корабль унесся от меня, скала же поднялась подо мной, и волны отступили дальше.

Семь лет прожил я здесь, питаюсь семью хлебцами и чашечкой сыворотки, которые дал мне человек, пославший меня сюда. После этого у меня не осталось больше никакой пищи, кроме этой чашечки сыворотки, которая всегда со мной. Три дня провел я затем без твердой пищи. По прошествии их, уже после полудня, выдра принесла мне из моря лосося. Подумав, я решил, что не смогу есть его сырым, и бросил его в море. Еще три дня провел я без твердой пищи. На третий день после полудня я увидел, что одна выдра опять несет мне из моря лосося, а другая — горящие головни; она раздула их своим дыханием, и огонь запылал. Я

сварил на нем лосося и, питаясь им, прожил так еще семь лет. Каждый день доставлялись мне лосось и огонь, на котором я варил, его. А скала постепенно увеличивалась, пока не стала такой, как сейчас.

В продолжение следующих семи лет я не получал больше лосося. Сначала я опять провел три дня без твердой нищи. На третий после полудня мне было дано полпшеничного хлебца и кусок рыбы. Моя чашечка с сывороткой исчезла, но ее место заняла другая, такой же величины, с добрым напитком, и она всегда полна. Ни ветер, ни дождь, ни жар, ни холод не тревожат меня на этом месте. Вот повесть моя, — закончил свой рассказ старец.

После полудня каждому было послано по половине хлеба, и чашка, находившаяся перед клириком, оказалась наполненной добрым напитком. Затем старец сказал им:

— Все вы достигнете родины, и человека, убившего твоего отца, о Майль-Дуйн, ты найдешь в замке перед собой. Но не убивай его, а прости, ибо бог сохранил вас всех среди великих и многих опасностей, а между тем все вы грешники и заслуживаете смерти.

Они простились со старцем и снова пустились в путь.

XI

Встреча с убийцами отца

Покинув старца, они встретили остров, на котором было много четвероногих животных — быков, коров и баранов. Но не было на нем ни домов, ни замков. Они поели мяса баранов. Тут увидели они морскую птицу, и некоторые из них сказали:

— Эта морская птица похожа на тех, что водятся в Ирландии!

— Да, похожа, — отвечали другие.

— Следите за ней, — сказал Майль-Дуйн. — Смотрите, в каком направлении она полетит.

Они заметили, что она полетела на юго-восток. И они поплыли вслед за птицей, в том же направлении.

Они плыли весь этот день до самого вечера. С наступлением темноты они увидели землю, похожую на землю Ирландии. Они причалили к ней. Земля оказалась маленьким островом, тем самым, от которого ветер унес их в океан в начале их плавания.

Они высадились и направились к замку, который был на острове. Они услышали речи людей, пировавших в замке. Вот что говорил один из них:

— Хорошо было бы нам не встретиться с Майль-Дуйном!
— Майль-Дуйи утонул, — отвечал ему другой.
— Очень возможно, что он пробудит вас от сна, — сказал один из говоривших.

— А если он явится сейчас, что мы станем делать? — спросил другой.
— Не трудно сказать, — ответил хозяин дома. — Если он явится, мы окажем ему добрый прием, ибо он претерпел долгие и великие лишения.

В это мгновение Майль-Дуйн постучал молотком в дверь.

— Кто там? — спросил привратник.

— Майль-Дуйн! — был ему ответ.

— Отвори же ему! — сказал хозяин. — Добро пожаловать!

Путники вошли в дом. Им оказали добрый прием и предложили новые одежды. Тогда они поведали обо всех чудесах, которые господь открыл им, согласно слову божественного поэта:

Наес olim meminisse iuvabitъ (Некогда нам будет радостно вспомнить и это(лат.)).

Майль-Дуйн вернулся в свою землю, а Диуран-стихотворец отнес на алтарь Армага кусок сети в две с половиной унции серебра, который он отрубил во славу и в воспоминание чудес и дивных дел, которые бог совершил ради них. И они поведали о своих приключениях с начала до конца, обо всех опасностях и ужасах, которым подверглись на море и на суше.

Айд Светлый, мудрый поэт Ирландии, сложил эту повесть так, как она здесь рассказана. Он сделал это для того, чтобы веселить душу людей Ирландии, которые будут жить после него.

Преследование Диармайда и Грайне

В тот день, когда Финн, сын Кумала, рано встал в Альмайне Лагенском, просторном и величавом, и сидел на зеленой траве без слуг, а только с двумя своими людьми — Ойсинем, сыном Финна, и Диоруйнгом, сыном Довара О'Байсгне, спросил его Ойсин:

— Почему ты так рано поднялся, о Финн?

— Не без причины поднялся я так рано, — ответил Финн, — а потому, что нет у меня жены, милой супруги, с тех нор как умерла Майднес, дочь Гарада Глундуба, сына Морне; вот, почему сладкий сон не приходит ко мне без достойной жены, и вот причина того, что я встал так рано, о Ойсин.

— Но почему ты живешь так? — снова спросил Ойсин. — Ведь нет на

зеленом острове Ирландии такой женщины, которую мы не привели бы к тебе добром или силой, стоит тебе устремить на нее взор свой или хоть мельком на нее взглянуть.

А потом заговорил Диоруйнг, и таковы были его слова:

— Я мог бы отыскать тебе жену и милую супругу, достойную тебя.

— Кто же это? — спросил Финн.

— Это — Грайне, дочь Кормака, сына Арта, что был сыном славного Конда Ста Битв, — отвечал Диоруйнг. — Она превзошла женщины всего мира и лицом, и станом, и речью.

— Клянусь рукой моей, о Диоруйнг, уже давно между мною и Кормаком царят вражда и раздор. И не хотел бы я получить отказ от него в моем сватовстве, и скорее согласился бы на то, чтобы вы оба пошли к нему и предложили ему выдать свою дочь за меня, ибо я легче перенесу его отказ вам, чем сделанный прямо мне.

— Мы отправимся к нему, — сказал Ойсин, — хотя нам самим и не будет от этого проку. Но только пусть ни один человек не знает о нашем посольстве к нему, пока мы не вернемся от него обратно.

О том, как эти два воина, распрощавшись с Финном, двинулись в путь и как они ехали, пока не достигли долины Темры, нам ничего не известно.

Случилось так, что в это время король Ирландии производил там смотр своим войскам и держал совет со своими военачальниками и вождями племен. Ойсин и Диоруйнг были встречены с почетом, а собрание распущено до следующего дня. Король был убежден, что два посланца прибыли, чтобы чего-то потребовать от него немедленно. Ойсин попросил короля отойти с ним в сторону и сказал ему, что они явились, чтобы поговорить о женитьбе Финна, сына Кумала, на его дочери. Кормак отвечал на это так:

— Нет в Ирландии ни короля, ни князя, ни победителя в боевых состязаниях, кому моя дочь не отказала бы в сватовстве, а на меня возлагают вину за это. Я не могу поручиться за успех вашего сватовства, пока вы сами не предстанете перед нею, ибо лучше, чтобы вы выслушали отказ от нее, чем потом упрекали меня за это.

Тогда они двинулись в путь и шли до тех пор, пока не достигли женского терема. Там Кормак усадил их на скамьи у высокого ложа Грайне и сказал ей такие слова:

— Вот, о Грайне, двое людей Финна, сына Кумала, которые пришли просить тебя стать его женой и милой супругой. Какой ответ дашь ты им, Грайне?

И Грайне ответила:

— Если он может быть достойным зятем для тебя, то почему бы не мог он быть достойным мужем и милым супругом мне?

Все остались очень довольны, и тогда было устроено большое пиршество и веселье для них вместе с Грайне и женщинами в светелке. И Кормак провел с ними две недели в Темре.

После этого Ойсин и Диоруйнг вернулись в Альмайн, где застали Финна и его фенниев, которым рассказали обо всем от начала до конца.

Тогда, не теряя времени, Финн собрал семь отрядов верных фенниев из каждой пятины Ирландии. И они явились к нему в просторный и величавый Альмайн Лагенский накануне выступления и двинулись в долину Темры, словно дикая, неодолимая и стремительная лапина.

И ничего не известно о том, как они продвигались, пока не достигли долины Темры.

Там встретил их Кормак со своими военачальниками и вождями племен. Они торжественно приняли Финна и всех фенниев.

После этого все они устремились в пиршественный зал короля, именуемый Мидхуартом.

Король Ирландии сел там, чтобы принять участие в попойке и развлечениях; слева от него села его жена Эйтне, дочь Атана Коркайха, и Грайне рядом с нею, а справа от короля — Финн, сын Кумала, и Кайрпре Лифехайр, сын Кормака, сел вместе с ними; Ойсин же, сын Финна, занял место по другую сторону. И так расселись они все согласно их сану и званию.

Рядом с Грайне, дочерью Кормака, расположился премудрый друид из людей Финна. То был Дайре Дуанах, сын Морне, и вскоре между ним и Грайне завязалась беседа. А затем Дайре Дуанах, сын Морне, поднялся и, стоя перед Грайне, принялся петь ей песни, прославляя ее отцов и предков. Тут заговорила Грайне и спросила друида:

— Какая причина привела Финна сюда нынче вечером?

— Если ты не знаешь этого, — отвечал друид, — то не удивительно, что и я этого не знаю.

— Я хочу узнать об этом от тебя, — сказала Грайне.

— Ну, тогда узнай, — ответил друид, — он явился просить тебя стать его женою и милой супругой. Вот зачем Финн прибыл сюда сегодня.

— Это удивительная новость для меня, — сказала Грайне, — что не Ойсин, а Финн просит меня в жены, потому что более подходило бы мне иметь мужем человека, подобного Ойсину, чем такого, что старше моего отца.

— Не говори так, — сказал друид, — ибо стоит Финну услышать это

— и он не возьмет тебя в жены, но и Ойсин тоже не осмелится взять тебя.

— Скажи мне теперь, — снова спросила Грайне, — кто этот воин, что сидит справа от Ойсина, сына Финна?

— Это, — ответил ей друид, — Голл, сын Морне, бесстрашный и верный.

— А тот, что сидит рядом с Голлом? — спросила Грайне.

— Осгар, сын Ойсина, — ответил друид.

— А длинноногий стройный воии рядом с ним?

— Это Кайльте, сын Ронана, — был ей ответ.

— А тот гордый, надменный воин, что сидит рядом с Кайльте? — вновь спросила Грайне.

— Дубтах, сын Лугайда Могучей Руки и сестры Финна, сына Кумала, — сказал друид.

— Скажи, а кто тот загорелый сладкоречивый воии с вьющимися, черными как смоль волосами и красными, как два рубина, щеками, что сидит слева от Ойсина, сына Финна? — спросила Грайне.

— Это воии — Диармайд, сын О'Дуйвне. Он более любим женщинами и девушками, чем кто-либо другой в мире.

— А рядом с Диармайдом? — продолжала спрашивать Грайне.

— Это Диоруйнг, сын Довара Дамада О'Байсгне; он тоже друид, сведущий в науках, — ответил Дайре Дуанах.

— Гости отборные, — сказала Грайне.

И она позвала к себе свою верную служанку и приказала ей принести золотой охотничий кубок, оставленный ею в тереме. Служанка принесла кубок, и Грайне тотчас наполнила его до краев вином (а вмещал он в себя столько, что девять мужей должны были девять раз выпить из него, чтобы осушить до дна). И сказала Грайне:

— Поднеси этот кубок прежде всех Финну и попроси его отпить глоток. И скажи при этом, что это я послала кубок ему.

Служанка поднесла кубок Финну и сказала ему то, что велела передать Грайне. Финн взял кубок, и едва он сделал глоток из него, как напали на него сон и глубокая дрема. Затем Кормак отпил глоток, и такая же дрема одолела его. После этого Эйтне взяла кубок и глотнула вина из него, и сон сковал ее так же, как и других. Тогда позвала Грайне свою верную служанку и сказала ей:

— Поднеси этот кубок Кайрпре Лифехайру и попроси пригубить из него, а затем поднеси кубок сыновьям короля, что сидят рядом с ним.

Служанка поднесла кубок Кайрпре. И, отпив из него, он уже не в силах был передать его следующему, ибо сон внезапно сломил его, как и всякого,

кто прикасался к этому кубку. Все они один за другим погружались в глубокий сон.

Когда увидела Грайне, что все они охмелели и заснули, она поднялась, гордая и легкая, со своего места. И сказала она Ойсину:

— Дивлюсь я Финну, сыну Кумала. Как мог он попросить для себя в жены девушку, подобную мне? Не уместнее ли было бы предоставить мне выйти замуж за человека, равного мне по возрасту, нежели сватать за такого, что старше моего отца?

— Не говори так, о Грайне, — сказал Ойсин. — Ведь если Финн услышит тебя, он не возьмет тебя в жены, да и я не решусь на это.

— А хотел бы ты, чтобы я полюбила тебя, Ойсин? — спросила Грайне.

— Нет, этого бы я не хотел, — ответил Ойсин. — Ибо если женщина просватана за Финна, я не стану притязать на ее любовь.

Тогда Грайне обратила свой взор на Диармайда О'Дуйвне. И вот что она сказала ему:

— А ты хотел бы, чтобы я полюбила тебя, раз я не подарила еще своей любви Ойсину?

— Нет, — сказал Диармайд, — ибо женщину, которая готова была полюбить Ойсина, я не возьму в жены, даже если она и не просватана за Финна.

— В таком случае, — сказала Грайне, — я наложу на тебя опасные и губительные оковы любви, если ты не уведешь меня из этого дома нынче же вечером, пока Финн и король Ирландии не пробудились от сна.

— Тяжкие оковы ты налагаешь на меня, о женщина, — сказал Диармайд. — И почему наложила ты их на меня до того мгновения, как проснулись сыновья короля и высокие князья в радостном королевском доме, что называется Мидхуарт, и увидели, что из них всех нет ни одного более достойного женской любви, чем я?

— Клянусь моей рукой, о Диармайд, — ответила Грайне, — не случайно я наложила на тебя эти оковы. И сейчас я тебе объясню это. В тот день, когда король Ирландии присутствовал на собрании и воинском сборе в долине Темры, Финн и семеро фенниев случайно оказались там. И произошло там великое состязание между Кайрпре Лифехайром, сыном Кормака, и Дубтахом, сыном Лугайда, и мужами из Брегмага и Керна. И могучие волны Темры стали на сторону Кайрпре, а феннии^[465] Ирландии — на сторону Дубтаха, сына Лугайда. И не осталось никого в собрании в тот день, кроме короля, Финна и тебя, о Диармайд. Случилось так, что не повезло Дубтаху, сыну Лугайда. Тогда поднялся ты со своего места и, взяв кинжал у сидевшего рядом воина, с силой воткнул его в твердую землю и

вступил в игру. И ты выиграл трижды у Кайрпре и у воинов Темры. Я была тогда в моем тереме и все видела, наблюдая за тобой сквозь голубые стекла окон. И с той минуты, как я обратила на тебя свой взор, я отдала тебе свою любовь и не отдам ее больше ни одному человеку в мире.

— Дивлюсь я тому, что ты полюбила меня, а не Финна, — сказал Диармайд, — ибо ты видела, что нет во всей Ирландии человека, который был бы влюблен в женщину сильнее, чем он в тебя. И знай, о Грайне, что в тот день, когда Финн был в Темре, ему были вручены ключи от ее твердыни. А потому — как мы сможем покинуть крепость?

— Есть в моем тереме заколдованная дверца, — сказала Грайне, — и мы сможем выйти через нее.

— На мне лежит зарок никогда не проходить через какую-либо заколдованную дверь.

— Слышала я, — сказала Грайне, — что доблестный воин может с помощью острия своего копья и лезвия своего меча войти и выйти через крепостной вал любой твердыни. Я пройду через заколдованную дверцу, а ты последуешь за мной, минуя ее.

Грайне прошла, как задумала, в то время как Диармайд обратился к своим людям, и вот что он им сказал:

— О Ойсин, сын Финна, что делать мне с этими оковами любви, которые наложены на меня?

— Ты не виноват в оковах, которые наложены на тебя, и я говорю тебе: последуй за Грайне и берегись хитростей Финна.

— О Осгар, сын Ойсина, что делать мне с оковами, которые наложены на меня?

— Я говорю тебе: последуй за Грайне, — сказал Осгар, — ибо достоин жалости тот, кто не может сберечь узы любви.

— Какой совет дашь ты мне, о Кайльте? — спросил Диармайд.

— Я скажу тебе, — ответил Кайльте, — у меня есть достойная жена. Но все же величайшим сокровищем мира была бы для меня любовь Грайне.

— Какой совет дашь ты мне, о Диоруйнг?

— Я говорю тебе: последуй за Грайне, хоть и умрешь от этого, и я жалею тебя.

— Все ли вы советуете мне последовать за Грайне? — спросил Диармайд.

— Да, — сказал Ойсин.

И все они сказали так.

После этого Диармайд поднялся со своего места, простер могучую руку над мечом своим и простился с Ойсином и военачальниками фенниев.

И не так алеет кроваво-красная земляника, как алела каждая слеза, катившаяся из глаз Диармайда, когда он прощался со своими боевыми товарищами.

После этого Диармайд взошел на крепостной вал, встал на острие копья и, подобно птице, легко и удивительно высоко поднялся на воздух, где он несся, пока не достиг двух лужаек в прекрасной, покрытой зеленой травой долине. Там опустился он на землю, и Грайне его встретила. И сказал ей Диармайд такие слова:

— Думается мне, о Грайне, что недоброе дело совершила ты. Лучше бы ты полюбила Финна, сына Кумала, нежели меня. Ибо не знаю я, в какую отдаленную часть Ирландии, или дебри лесные, или горные пещеры мог бы я увести тебя и тайком возвратить потом в твой терем — так, чтобы Финн никогда не узнал о твоём побеге.

— Я никогда не вернусь в свой терем и никогда не расстанусь с тобой, если смерть не разлучит нас.

— Так двинемся же в путь, о Грайне, — сказал Диармайд Диармайд и Грайне двинулись в путь, но не прошли они и мили, как сказала Грайне:

— Я устала, о сын О'Дуйвне.

— И вправду, пора тебе устать, Грайне, — сказал Диармайд. — Возвращайся в свой терем. Ибо клянусь тебе честью воина, что никогда в жизни не понесу я на руках ни тебя, ни какую-либо другую женщину.

— Тебе и не нужно этого делать, — сказала Грайне, — ибо кони моего отца пасутся поблизости в огороженной лужайке, и около них колесницы. Раздобудь их, а я подожду тебя здесь, пока не заберешь ты меня отсюда.

Диармайд подкрался к коням и запряг двух из них в колесницу.

Ничего не говорится дальше о том, как довез он Грайне до Бел-Ата-Луайна.

Заговорил Диармайд и сказал Грайне:

— Финну легче напасть на наши следы оттого, что кони везут нашу колесницу.

— Тогда брось здесь коней и колесницу, а я побреду за тобой пешком.

Миновав Бел-Ата-Луайн, они приблизились к высохшему руслу потока, и Диармайд оставил одного коня с колесницей по одну сторону потока, а другого по другую. И затем они с Грайне двинулись по руслу потока на запад, направляясь к пятине Коннахтской.

Ничего не говорится дальше о том, как добрались они до Дойра-Да-Вота, что посреди Клан-Рикарда. А там Диармайд нарубил ветвей, из которых соорудил крепкую ограду с семью плетеными дверями. А внутри, в самой середине этого шатра, устроил он ложе из мягкого кустарника и

березовых листьев для Грайне.

Теперь я скажу о Финне, сыне Кумала.

Все, кто были в Темре, пробудились рано утром и увидели, что нет среди них Диармайда и Грайне. Пламя ревности охватило Финна, и от гнева он совсем ослабел. Донесли ему, что найдены их следы в долине Кланна Навена, и он приказал следовать по ним за беглецами. Следы привели в далекий Бел-Ата-Луайн, и Финн с ирландскими фенниями достигли его. Но они не могли пройти сквозь эту крепость. И тогда Финн поклялся честью воина, что, если они не сумеют прорваться сквозь нее, он велит срубить им головы и выставить их на стенах ее.

Миновав эту крепость, Финн с ирландскими фенниями приблизились к руслу потока и увидели там коней, оставленных Диармайдом, — одного по одну сторону потока, а другого по другую. И тогда они двинулись по руслу потока на запад, прошли около мили и увидели следы, ведущие к пятине Коннахтской. Финн и ирландские феннии последовали по ним.

Тогда сказал Финн:

— Теперь я знаю, где мы найдем Диармайда и Грайне. Мы найдем их в Дойра-Да-Воте.

Ойсин, и Осгар, и Дайльте, и Диоруйиг, сын Довара Дама-да О'Байсгне, слышали эти слова. И сказал Ойсин:

— Если Диармайд и Грайне будут схвачены, то и нам не миновать беды. Мы должны предупредить его. Посмотрите, где Браи — охотничий пес Финна, сына Кумала. Нам следует послать его к Диармайду. Осгар, пошли его с предупреждением к Диармайду, который скрывается в Дойра-Да-Воте.

И Осгар сказал об этом Брану. Мудрый пес понял его и пробрался в конец войска, где Финн не мог приметить его, а оттуда побежал по указанному следу к Диармайду и Грайне, пока не достиг Дойра-Да-Вота. Там он просунул свою морду в шатер, где скрывались Диармайд и Грайне.

Диармайд сразу же проснулся и разбудил Грайне, скачав ей:

— Это Бран, пес Финна, сына Кумала, прибежал, чтобы предупредить нас, что Финн уже близко.

— Тогда беги отсюда, — сказала Грайне.

— Не побегу я, — ответил Диармайд, — ибо не успею я выбраться из лесу, как Финн уже схватит меня.

Услышав это, Грайне задрожала от страха и ужаса, а Браи вернулся назад.

В эту пору Ойсин, сын Финна, промолвил, обращаясь к своим боевым товарищам:

— Боюсь я, что Браи не пробрался к Диармайду. Нам следует послать ему какое-нибудь другое предупреждение. Посмотрите, где сейчас Фарг-Ойр, оруженосец Кайльте.

— Он рядом со мною, — сказал Кайльте.

А надо сказать, что оруженосец этот славился тем, что умел так громко кричать, что каждый крик его был слышеи за три мили. Они приказали ему крикнуть три раза так громко, чтобы Диармайд мог услышать его.

И Диармайд услышал Фарг-Ойра и разбудил Грайне, сказав ей:

— Я слышу оруженосца Кайльте, сына Ронана, и я знаю, что он кричит по приказанию Кайльте, и знаю, что из-за Финна приказал ему кричать Кайльте, и знаю, что это предупреждение посылают мне мои друзья, сообщая о приближении Финна.

— Послушайся этого предупреждения, — сказала Грайне.

— Нет, — ответил Диармайд, — я не стану его слушаться, ибо не успеем мы выйти из этого шатра, как Финн и ирландские феннии уже настигнут нас.

И великий страх и ужас невыразимый охватили Грайне, когда она услышала эти слова.

Теперь скажем о том, что было с Финном.

Он упорно шел по следам беглецов, пока не достиг Дойра-Да-Вота. И там он послал людей из рода Авуна, чтобы они обыскали лес. И они обнаружили в лесу Диармайда и женщину с ним. После этого они вернулись туда, где был Финн с ирландскими фенниями, и Финн спросил их, нашли ли они в лесу Диармайда и Грайне.

— Диармайд находится там, — отвечали они, — и с ним какая-то женщина. Но мы не знаем, кто она, ибо знаем, каков Диармайд, но не знаем, какова женщина, зовущаяся Грайне.

— Позор падет на друзей Диармайда из-за него, — сказал Финн. — Мы не покинем этого леса, пока он не даст мне удовлетворения за то зло, которое сделал мне.

— Лютая ревность говорит в тебе, — сказал Ойсин. — Зачем было бы Диармайду оставаться в долине Майнмаг, видя, что в ней нет никакой крепости, и зная, что ты будешь преследовать его?

— Не на пользу себе говоришь ты эти слова, Ойсин, — сказал Финн. — Я хорошо слышал три крика, которые испустил оруженосец Кайльте, и знаю, что этим ты послал предупреждение Диармайду, как знаю и то, что ты послал моего пса Брана к нему с другим предупреждением. Но ему не поможет, ни одно из твоих предупреждений, ибо не удастся ему уйти из Дойра-Да-Вота, не дав ответа за то зло, которое он причинил мне, и

за то пренебрежение, с каким отнесся ко мне.

— Глупо с твоей стороны, — промолвил Осгар, сын Ойсина, — думать, что Диармайд скрывается здесь и ждет, пока ты схватишь его.

— А кто же тогда, по-твоему, нарубил здесь сучьев в лесу и сделал из них такую высокую ограду с семью крепкими плетеными дверями? — спросил Финн. — Ну-ка ответь нам, о Диармайд, — громко крикнул Финн, — кто из нас двоих прав: я или Осгар?

— Ты никогда не ошибался, о Финн, — раздался ответный крик Диармайда. — Я и Грайне находимся здесь.

Тогда приказал Финн ирландским фенниям окружить Диармайда и привести его к нему. И все они приблизились к шатру Диармайда.

Диармайд поднялся и трижды поцеловал Грайне, так что все это видели. И лютая ревность охватила Финна, и ослабел он от гнева. И сказал он, что Диармайд поплатится головой за эти поцелуи.

Ангус из Бруга, опекуи и воспитатель Диармайда О'Дуйвне, сидя в своем Бруге на Бойне^[466], увидел беду, в какую попал Диармайд, его приемный сын. И призвал он попутный ветер и без промедления понесся на нем в Дойро-Да-Вот. Там пронесся он невидимым мимо Финна и ирландских фенниев туда, где были Диармайд и Грайпе. Поздоровавшись с Диармандом, он спросил его:

— Что сделал ты, о сын О'Дуйвне?

— Дочь короля Ирландии, — ответил Диармайд, — бежала из дома своего отца и от Финна. Но не по моей воле пришла она ко мне.

— Пусть каждый из вас, — сказал Ангус, — встанет под полу моего плаща, и я выведу вас отсюда не замеченными и не узванными Финном и ирландскими фенниями.

— Возьми с собою Грайне, — ответил Диармайд, — сам же я никогда не пойду с тобой. Но если я останусь жив, то приду к тебе после, а если нет, то отошли Грайне к ее отцу, и пусть он поступит с ней, как найдет нужным.

После этого Ангус скрыл Грайне под своим плащом и удалился, не замеченный Финном и ирландскими фенниями.

И ничего не говорится о них до тех пор, пока они не достигли Рос-Да-Шойлаха, который ныне зовется Луймнарх.

А теперь вернемся к Диармайду.

После того как Ангус и Грайне удалились незамеченными, он выпрямился, как могучий дуб, гордо и бесстрашно опоясался острым мечом, надел на себя кольчугу и взял в руки тяжелое копье.

Затем он потряс первую из семи плетеных дверей шатра и спросил, кто

стоит за нею.

— Ни один из стоящих здесь не враг тебе, — ответили те, что находились снаружи, — ибо здесь Ойсин, сын Финна, и Осгар, сын Ойсина, и вожди рода Байсгне с нами. Выходи к нам, и никто не посмеет коснуться тебя или причинить тебе вред.

— Не выйду я к вам, пока не узнаю, у какой двери стоит сам Финн.

Он потряс следующую плетеную дверь и спросил, кто стоит за нею.

— Кайльте, сын Ронана, и родичи его с ним. Выходи к нам, и мы пойдем в бой и, если надо будет, умрем за тебя.

— Не выйду я к вам, — ответил Диармайд, — ибо не допущу, чтобы Финн разгневался на вас за то, что вы сделали доброе дело для меня.

Он потряс третью плетеную дверь и спросил, кто стоит за нею.

— Здесь Конан, сын Финна Лиатлуахра, и род Морне с ним. Мы враги Финна, и ты нам дороже, чем он. Поэтому выходи к нам, и никто не тронет тебя.

— Ни за что не выйду я к вам, — сказал Диармайд, — ибо Финн убьет всех вас раньше, чем я успею выйти отсюда.

Он потряс четвертую плетеную дверь и спросил, кто стоит за нею.

— Твой друг и добрый товарищ Финн, сын Куадада, сына Мурхада, королевский предводитель фенниев Мува, и феннии Мумана с ним. Мы твои земляки и друзья, о Диармайд, и мы отдадим за тебя нашу кровь и жизнь.

— Не выйду я к вам, — сказал Диармайд, — ибо не допущу, чтобы Финн рассердился на вас за доброе дело, сделанное для меня.

Он потряс пятую плетеную дверь и спросил, кто стоит за нею.

— Здесь Финн, сын Глора, королевский предводитель фенниев Улада, и все феннии уладские с ним. Выходи к нам, никто не осмелится тронуть тебя.

— Не выйду я к вам, — отвечал Диармайд, — ибо ты мой друг и я друг твоего отца. А потому не допущу я, чтобы вы навлекли на себя вражду Финна из-за меня.

Он потряс шестую плетеную дверь и спросил, кто стоит за нею.

— Ни один из стоящих здесь не друг тебе, — был ему ответ, — ибо здесь Эд-Баг из Авуйна, и Эд-Фада из Авуйна, и Кел-Крода из Авуйна, и Койнах из Авуйна, и Готаи Гильмурах из Авуйна, и Айфе, дочь Конана, из Авуйна, и Куалаи Лойгайре из Авуйна, и все мы не питаем к тебе любви, и если ты выйдешь к нам, мы израним тебя так, что ты станешь подобен Галлану Бездыханному.

— Мерзость — вот имя тем, кто собрался здесь, — сказал

Диармайд. — О вы, подлые ищейки! Не из страха перед ударами ваших мечей, а из ненависти не выхожу я к вам.

Он потряс седьмую плетеную дверь и спросил, кто стоит за нею.

— Здесь Финн, сын Кумала, сына Арта, сына Френмора О'Байсгне, и с ним четыреста воинов. Мы не питаем к тебе любви, и если ты выйдешь к нам, мы изрубим твои кости и рассечем твои члены.

— Даю слово воина, — ответил Диармайд, — что дверь, перед которой я стою, будет первой, которую я отворю.

Услышав эти слова, Финн приказал своим воинам под страхом смерти не выпускать Диармайда без его ведома.

Но Диармайд с помощью своего копья и стрел легко и высоко поднялся на воздух, а затем опустился на землю далеко позади Финна и ирландских фенниев, недосягаемый и не признанный ими.

Он оглянулся назад и, ударив по широкой выпуклой поверхности своего щита, крикнул им, что он уже прошел мимо них, и затем направился прямо на запад. Некоторое время он шел, не замечаемый ими, и вскоре понял, что они его не преследуют. Он достиг того места, где Ангус и Грайне вышли из лесу, и пошел по их следам, в точности придерживаясь того пути, каким последовали они, пока не достиг Рос-Да-Шойлаха.

Он нашел Ангуса и Грайне в теплом и светлом доме, и их ласково согревал большой горящий очаг, где жарилась на вертеле туша дикого кабана. Диармайд приветствовал их. И казалось, что сама жизнь слетела с уст Грайне навстречу Диармайду от радости свидания с ним.

Диармайд рассказал им обо всем, что с ним произошло, от начала до самого конца. В тот вечер они сытно поели, и Диармайд и Грайне уснули вместе и спали, пока не настал день со своим солнечным светом.

Ангус поднялся рано и сказал Диармайду такие слова:

— Теперь я хочу покинуть тебя, о сын О'Дуйвне. И вот какие советы дам я тебе: не ходи в лес, если в него ведет только одна дорога (не ходи в него раньше Финна); не ходи в пещеру, если у нее только один вход; не ходи в море на остров, если на него ведет только один путь; где будешь готовить себе пищу, не ешь ее там, а где будешь есть ее, не спи, а где будешь спать — вставай до рассвета.

После этого Ангус простился с ними, пожелал им доброго пути и вернулся в свой Бруг.

Тогда двинулись в путь Диармайд и Грайне. Оставив Сион справа от себя, они устремились на запад и шли до тех пор, пока не достигли Гарба-Аванав-Фиани, что зовется ныне Лаванном. И Диармайд поймал в Лаванне лосося и, насадив на вертел, изжарил его.

Затем он и Грайне перешли ручей и съели лосося, как велел им Ангус, в другом месте. А оттуда пошли они дальше на запад, и по дороге выпались, и, поднявшись, по совету Ангуса, засветло, пошли дальше на запад и шли, пока не достигли тонкого болота Финнлиах.

Там встретили они юношу, который был хорош лицом и строен телом, но безоружен. Диармайд приветствовал юношу и попросил его рассказать о себе.

— Я, юный воин, ищу себе господина, — отвечал тот, — а зовут меня Муадан.

— Что мог бы ты делать для меня, юноша? — спросил Диармайд.

— Я буду служить тебе днем и охранять тебя ночью, — ответил Муадан.

— Я советую тебе взять этого юношу, — сказала Грайне, — ибо не сможем мы быть все время без человека, прислуживающего нам.

Они договорились с юношей и пошли дальше на запад, пока не достигли Картаха. И когда дошли они до ручья, Муадаи попросил разрешения перенести Диармайда и Грайне через поток на своей спине.

— Мы будем тяжелой ношей для тебя, — сказала Грайне.

Он все же взвалил Диармайда и Грайне себе на спину и перенес их через поток. И снова пошли они на запад и шли, пока не достигли Бейта, и когда они подошли к ручью, Муадаи поступил так же, как и в первый раз. И добрались они до пещеры и вошли в нее со стороны Куртаха Киннадмауйда возле Тон-Тойме. Там Муадаи в самом дальнем углу пещеры приготовил Диармайд и Грайне ложе из мягкого кустарника и березовых листьев, а сам отправился в соседний лес, срезал там длинный и тонкий березовый прут, смастерил из него с помощью крючка и волоска удочку, насадил на крючок ягоду, пошел к ручью и поймал в нем рыбу. Затем он насадил вторую ягоду и поймал на нее вторую рыбу, и так же поступил он в третий раз и поймал третью рыбу; затем спрятал крючок и волосок за пояс, прут зарыл в землю и отнес трех рыб туда, где были Диармайд и Грайне.

Ои изжарил трех рыб на вертеле и, когда они были готовы, сказал Диармайд:

— Раздели их между нами, о Диармайд.

— Я думаю, тебе самому следует разделить их, — отвечал Диармайд.

— Тогда я попрошу разделить рыб тебя, о Грайне, — сказал Муадан.

— Я буду довольна, если их разделишь ты, — отвечала Грайне.

— Если б ты делил рыб, о Диармайд, то самую большую из них ты бы отдал Грайне, а если бы ты, о Грайне, делила их, то самую большую ты отдала бы Диармайд. Но раз делить рыб буду я, то ты, Диармайд,

получишь самую большую, а Грайне пусть возьмет вторую, более крупную. А мне позвольте взять самую маленькую.

Диармайд поднялся рано утром и попросил Грайне встать и посторожить пещеру вместо Муадана, а сам он отправился осматривать окружающую местность. Он вскоре поднялся на вершину ближайшего к нему холма и стал смотреть вдаль на четыре мили вокруг себя — на восток и на запад, на север и на юг.

И недолго простоял он, как завидел множество кораблей, направляющихся с запада, как раз к подножию того холма, на котором стоял Диармайд.

Девять вождей сошли с тех кораблей на берег, и Диармайд устремился к ним, чтобы узнать новости. Он приветствовал вождей и стал расспрашивать, из каких они краев и зачем прибыли сюда.

— Мы три королевских вождя страны Муйри Лохт, — отвечали они ему. — И Финн, сын Кумала, послал нас искать скрывающегося в лесах преступника, восставшего против Финна, — врага, которого Финн нагнал и имя которому Диармайд О'Дуйвне. Чтобы схватить его, прибыли мы сюда. У нас с собою три ядовитых пса, которых мы пустим по следу; и не пройдет много времени, как мы узнаем, где скрывается этот злодей, ибо наши псы в огне не горят, в воде не тонут и оружие их не берет. У нас с собой две сотни верных воинов, и каждый из них стоит сотни обычных воинов. Теперь скажи нам, кто ты такой и не слышал ли ты чего-нибудь о сыне О'Дуйвне?

— Я видел его вчера, — сказал Диармайд. — Я сам прокладываю свой путь в жизни силою своего меча и своей верной руки, и я говорю вам, что вам придется иметь дело не с простым человеком, если вы встретитесь с Диармайдом.

— До сих пор мы его еще не встретили, — отвечали они ему.

— А как зовут вас? — спросил Диармайд.

— Дув-Хосах, Финн-Хосах и Трен-Хосах — наши имена, — сказали они.

— Есть ли вино на ваших кораблях? — спросил их Диармайд.

— Да, — отвечали они.

— Если вы согласитесь прикатить сюда винную бочку, я покажу вам свое искусство.

Нескольких воинов послали за бочкой, и когда они прикатили ее, Диармайд подошел, подняв ее двумя руками и отпил из нее глоток, а стоявшие вокруг выпили остальное. После этого Диармайд поднял бочку, отнес ее на вершину холма и там, взобравшись на нее, пустил ее по откосу,

пока она не достигла подножия холма. А затем он вновь втащил бочку на вершину холма и повторил то же самое трижды перед лидом прибывших, стоя на бочке, пока она катилась вниз. Но те сказали, что он, должно быть, никогда не видел настоящей ловкости, если такой пустяк называет искусством. После этого вышел вперед один воии и взобрался на бочку. Диармайд толкнул бочку ногой, и воии свалился на землю, как только она качнулась. И бочка перекатилась через молодого воина и раздавила его, так что кишки вылезли из него и жизнь покинула его тело. Тогда Диармайд догнал бочку и снова вкатил ее на вершину холма. Вышел вперед второй воии и взобрался на нее. Увидев это, Диармайд толкнул бочку ногой, и второй воии простился с жизнью так же быстро, как и первый. Диармайд вновь вкатил бочку, и третий воии взобрался на нее и был раздавлен ею так же, как и первые два. Таким образом, Диармайд в тот день умертвил своей ложью пятьдесят человек. А те, кто остался жив, с наступлением темноты вернулись на свои корабли.

Диармайд возвратился в свою пещеру. А Муадаи вынул из-за пояса крючок и волос, нацепил их на березовый прут, пошел к реке и поймал там трех лососей. Затем он бросил прут на землю, а крючок и волос спрятал за пояс и отнес рыб Диармаиду и Грайне, так что они вдоволь поели в тот вечер. И Муадаи приготовил Диармаиду и Грайне ложе в дальнем углу пещеры, а сам лег у входа в нее и охранял их до тех пор, пока яркий свет дня не прорезал темноту ночи.

Поднялся Диармайд очень рано: он разбудил Грайне и попросил ее постеречь пещеру вместо Муадана, а сам взошел на вершину того же холма. И немного времени прошло, как явились к нему три вождя. Он спросил их, будут ли они снова испытывать свою ловкость. Они ответили ему, что предпочли бы узнать что-нибудь о сыне О'Дуйвне, чем заниматься этим.

— Я встретил человека, который видел его сегодня, — сказал Диармайд.

И с этими словами он вытащил оружие, которое было на нем, когда он стоял на холме (кроме кольчуги, что защищала его тело), потряс изо всех сил своим копьем Кранн-Буйде-Мананнан, и, воткнув его в землю, легкий, как птица, взлетел на воздух и затем ловко опустился, не причинив себе ни раны, ни царапины.

Молодой воии из зеленых фенниев вышел вперед и сказал:

— Ты, должно быть, никогда не видел настоящей ловкости, если называешь это искусством.

И, сказав это, он потряс копьем и, воткнув его в землю, подскочил на

нем, подобно Диармаиду, но не опустился, а бессильно повис в воздухе, так как острие копья пронзило его сердце и он замертво свалился на землю.

Выдернул Диармайд свое копье и вновь воткнул его в землю, и второй воин стал испытывать свою ловкость, но был пронзен им так же, как и первый.

И таким образом пятьдесят зеленых фенниев погибли в тот день, подражая ловкости Диармайда. И попросили феннии Диармайда унести свое копье, чтобы он больше им не убивал их людей. После чего они вернулись на свои корабли.

А Диармайд пошел к Муадану и Грайне. И Муадаи принес им рыб в тот вечер, и заснули Диармайд и Грайне вместе в ту ночь, а Муадаи охранял их сон до рассвета.

Диармайд поднялся рано утром, срубил в соседнем лесу два ствола, смастерил из них козлы и отнес их на тот же холм. Там воткнул он эти козлы в землю, а на них положил Моральтах — меч Ангуса из Бруга — и трижды легко перешагнул через него. А затем обратился Диармайд к пришельцам и спросил их, есть ли среди них хоть один воин, способный на такую ловкость.

— Глупый вопрос, — сказал один из воинов, — ибо нет и не было во всей Ирландии ничего такого, чего не мог бы повторить любой из нас.

С этими словами он занес ногу, чтобы перешагнуть через меч, но когда он опускал ее, лезвие меча вонзилось в него и рассекло его на две половины снизу доверху.

Тогда поднялся второй воин, и когда он шагал через меч, с ним случилось то же самое. И погибло в этот день больше зеленых фенниев, чем в первые два дня.

Тогда попросили они Диармайда убрать свой меч, ибо слишком много зеленых фенниев погибло от него.

И спросили они после этого Диармайда, не слыхал ли он чего-нибудь нового о сыне О'Дуйвне.

— Я встретил его сегодня, — ответил Диармайд, — и сегодня вечером услышу о нем новости.

Затем отправился Диармайд туда, где были Муадаи и Грайне, и Муадаи поймал трех рыб в тот вечер, и поели они досыта. И Диармайд и Грайне заснули на своем ложе в дальнем углу пещеры, и Муадаи охранял их сон.

Диармайд поднялся с рассветом и надел на себя кольчугу, через которую невозможно было ранить его. И к поясу он привязал Моральтах — меч Ангуса из Бруга, который поражал врага насмерть с первого же удара. Взял он с собой также два копья — копье Га-Буйде и копье Га-Дарг, от

которых не было спасения ни мужчине, ни женщине, стоило этим копьям лишь прикоснуться к ним.

После этого разбудил Диармайд Грайне и попросил ее постеречь вход в пещеру вместо Муадана, сказав, что сам он пойдет осмотреть местность на четыре мили вокруг.

Когда Грайне увидела Диармайда во всеоружии — с мечом, копьями и в кольчуге, — великий страх и ужас несказанный охватили ее, ибо поняла она, что Диармайд собирается на битву. И спросила она его:

— Что хочешь ты делать?

— Ты видишь меня таким, потому что я хочу нагнать страх на моих врагов, с которыми я встречусь.

Это успокоило Грайне, и тогда Диармайд двинулся в путь навстречу зеленым фенниям.

Пришельцы сошли со своих кораблей на берег и спросили Диармайда, не слышал ли он чего-нибудь нового о сыне О'Дуйвне.

— Я давно не видел его, — сказал Диармайд.

— Тогда покажи нам то место, где ты видел его в последний раз, чтобы мы могли срубить ему голову и отнести ее Финну, сыну Кумала.

— Я буду защищать его до последней капли крови, — отвечал Диармайд. — И я сделаю так, как сказал, ибо жизнь и тело Диармайда находятся под охраной моей силы и храбрости. А потому я не причиню ему никакого вреда и не выдам его вам.

— Правда ли то, что ты говоришь? — спросили они.

— Да, это правда, — отвечал им Диармайд.

— Тогда, — сказали они, — ты сам запятнал себя. И мы срубим тебе голову и отнесем ее Финну, сыну Кумала, ибо ты его враг.

— Я раньше умру, — отвечал им Диармайд, — чем позволю отнести мою голову Финну!

И, говоря это, Диармайд вынул из ножеи меч Моральтах и с такой страшной силой опустил его на голову ближайшего к нему фенния, что разрубил ее пополам.

И после этого он обрушился на зеленых фенниев и прошел сквозь их ряды, отважно и беспощадно рубя и избивая их. Они падали перед ним и вокруг него. А он был подобен соколку в стае птиц или волку в стаде ягнят, ибо именно так прокладывал себе путь Диармайд, когда рассекал он прекрасную блестящую броню воинов Лохланна^[467]. И не укрылся от его ударов ни один человек, который мог бы поведать об этом величайшем подвиге Диармайда, ибо тень смерти закрыла глаза всем, кроме трех вождей и небольшой горстки фенниев, что бежали на свой корабль.

Диармайд вернулся в свою пещеру, не получив ни раны, ни царапины. И пришел он туда, где были Грайне и Муадан. Они с радостью встретили его, и Грайне его спросила, не слышал ли он чего-нибудь о Финне, сыне Кумала, и об ирландских фенниях.

Диармайд ответил ей, что не слышал. И они поели досыта в тот вечер.

Диармайд поднялся до рассвета и вскоре взошел на тот же холм, о котором говорилось раньше. И, поднявшись на вершину этого холма, он ударил в свой щит так громко и протяжно, что заставил землю и воду содрогнуться от этого звука.

Тогда сказал один из трех вождей — Дув-Хосах, что он сам выйдет на бой с Диармайдом, и направился к холму.

Подобно двум воинам, двум могучим мужам, бросились Дув-Хосах и Диармайд в лютую схватку, скрестив свое оружие и меряя свои силы, как если бы то были два разъяренных быка, или два взбешенных буйвола, или два бесстрашных сокола, или два разгневанных льва, схватившихся на краю бездонной пропасти. Так сошлись они в смертельном поединке друг с другом.

И оба они отбросили прочь свое оружие, и ринулись друг на друга, и обхватили друг друга своими могучими руками. И каждый из них сжал другого в чудовищном объятии. Но Диармайд поборол Дув-Хосаха и, одолев его, бросил его на землю там, где сражались они.

Затем поочередно вышли Финн-Хосах и Трен-Хосах на поединок с Диармайдом.

И Диармайд одолел их так же, как одолел он первого. И связал он их веревками, сказав при этом, что он охотно срубил бы их головы, но предпочитает оставить их лежать связанными, чтобы продлить их муки.

— Ибо никто не сможет освободить вас, — прибавил он, покидая их там обессиленными и охваченными тоской.

После этого Диармайд пошел к Муадану и Грайне. И они вдоволь поели в тот вечер. И Диармайд с Грайне уснули на своем ложе, а Муадаи охранял их сон до наступления дня.

Диармайд поднялся засветло и рассказал Грайне, что враги находятся неподалеку от них. И он поведал ей все, что случилось с пришельцами, от начала до конца: о том, как полторы сотни их воинов пали в течение трех дней от его ловкости, и как пять сотеи их наемников пали на четвертый день от силы его руки, и как на пятый день он одолел и связал трех вождей зеленых фенниев.

— Они держат на цепи трех ядовитых псов, которые должны были причинить мне великий вред, — сказал Диармайд, — и всякое оружие

бессильно против них.

— Отрубил ли ты головы трем вождям? — спросила его Грайне.

— Нет, — ответил Диармайд, — потому что я устроил им долгую муку вместо короткой. Ибо не в силах ни один воин и ни один могучий муж во всей зеленой Ирландии развязать веревки, которыми я связал их, кроме Ойсипа, сына Финна, и Осгара, сына Ойсина, да еще Лугайда Могучей Руки и Конана, сына Морне. А я уверен, что ни один из этих четырех воинов не освободит их. Но вскоре Финн узнает о них, и от этого затрепещет его сердце. Нам же следует уйти из нашей пещеры раньше, чем Финн и смертоносные псы настигнут нас.

Тогда они направились на запад и шли так до тех пор, пока не достигли болота Финнлиах. Грайне устала в пути и Муадаи взял ее на спину и нес, пока они не добрались до Слиав-Диахра. Там Диармайд усадил Муадана на берегу ручья который протекал через самое сердце горы, и Грайне вымыта в нем руки и попросила у Диармайда его нож, чтобы обрезать себе ногти.

Недолго пробыли оставшиеся в живых феннии в том месте, где покинул их Диармайд, как заметили они женщину — посланницу Финна, сына Кумала, несшуюся к ним с быстротою ласточки, или лани, или холодного чистого ветра, что проносится над вершинами гор, истребляя все живое.

И спросила она их, кто здесь учинил это страшное, великое побоище.

— Кто ты, вопрошающая нас об этом? — обратились они к ней.

— Я женщина, посланная Финном, сыном Кумала, — отвечала она им. — И зовут меня Дейрдре-ан-Дуйв-Шлейве. И Финн послал меня разыскать того, кто убил ваших воинов.

— Мы не знаем, кто он, — отвечали они, — но мы можем рассказать тебе, как он выглядит. Это воин с вьющимися черными как смоль волосами и красными, как два рубина щеками. И это он сражался с нами три дня и учинил здесь это великое страшное побоище. Но еще больше сожалеем мы о том, что три наших вождя лежат связанные и мы не можем их развязать.

— Какой дорогой ушел от вас этот человек? — спросила Дейрдре-ан-Дуйв-Шлейве.

— Он покинул нас, когда уже стемнело, — отвечали они, — поэтому мы не можем сказать тебе, в какую сторону он направился.

— Клянусь, — воскликнула Дейрдре, — что это был сам Диармайд О'Дуйвне! Приведите же ваших псов и пустите их по его следу, а я направлю за ним Финна и ирландских фениев.

Тогда они привели с кораблей своих ядовитых псов и, держа их на цепи, пустили по следу Диармайда. А возле трех связанных вождей они

оставили друида. Сами же двинулись по следам Диармайда и шли так до тех пор, пока не достигли входа в пещеру, где пробрались в самую удаленную ее часть и увидели там ложе Диармайда и Грайне.

После этого двинулись они на запад и шли так, пока не достигли Картаха, а оттуда устремились к болоту Финнлиах и к Гарби-нав-Фианн, что ныне зовется Лиавхан, и пошли по прекрасным долинам Конкона и высоким и привольным холмам Слиав-Луахра.

Но Диармайд не замечал этой погони до тех пор, пока не увидел шелковые знамена и развевающиеся флаги фенниев и трех могучих военачальников — свирепых, бесстрашных и беспощадных, которые шли во главе войска и вели трех ядовитых псов на трех тяжелых цепях.

Когда Диармайд заметил, что они приближаются к тому месту, где он находился с Грайне и Муадамом, великий гнев и ярость несказанная охватили его.

На одном из воинов, что шел отдельно от прочих, был зеленый плащ.

Грайне взяла нож Диармайда и протянула его Диармаиду. Диармайд ударил этим ножом по бедру воина, шедшего отдельно, и сказал, обращаясь к Грайне:

— Я полагаю, ты не питаешь любви к этому юноше.

— Конечно, нет, — ответила Грайне, — и никогда в жизни я не буду питать любви ни к одному человеку на свете, кроме тебя.

После этого Диармайд вытащил свой нож из бедра воина и спрятал его в ножны. И все они отправились дальше. Муадаи взял Грайне себе на спину и нес ее около мили в горах.

Незадолго до того, как трех ядовитых псов повели на цепи по следу Диармайда, их щенок был оставлен без надзора, и Муадаи забрал его к себе. А теперь Муадаи попросил Диармайда следовать за Грайне, сказав, что он подстережет первого пса, которого спустили с цепи и послали, чтобы пес загрыз Диармайда и его людей. Муадаи вынул щенка из-за пазухи и посадил его себе на ладонь. И когда щенок увидел пса, готового броситься на него с оскаленной пастью, он прыгнул с ладони Муадана и впился в горло пса так, что прокусил его насквозь и растерзал своими зубами. После этого он вновь вспрыгнул на ладонь Муадана, оставив мертвого пса лежать в луже собственной крови.

Затем Муадаи последовал за Диармайдом и Грайне, и взял Грайне себе на спину, и пронес ее еще одну милю в горах.

В это время второй ядовитый пес был спущен с цепи.

Тогда обратился Диармайд к Муадану и сказал ему:

— Слышал я, что никакое заклятие не помогает против заговоренного

оружия. Даже если это заклятие наложено на зверя. А потому оставайся здесь с Грайне, пока я не пущу свое копьё Га-Дарг во второго пса и не проколю им пасть и сердце подлого зверя.

И Муадан с Грайне остались, чтобы посмотреть, как Диармайд поразит копьём мерзкого пса.

Тогда Диармайд нацелился копьём в ядовитого пса и бросил в него свое копьё с такой силой, что выпустил из него все кишки, а затем, выдернув копьё из мертвого пса, вернулся к Муадану и Грайне.

И немного времени прошло, как спустили с цепи третьего ядовитого пса и пустили его, чтобы он настиг Диармайда и его людей.

Тогда Грайне обратилась к Диармаиду и сказала ему:

— Это самый свирепый из трех ядовитых псов, пущенных по нашему следу. И я ужасно боюсь его. Держись стойко и остерегайся его, о Диармайд.

Вскоре ядовитый пес настиг их в месте, которое зовется Лик-Дувайн в Слиав-Луахра.

Ядовитый пес с быстротой молнии подскочил на воздух и растерзал бы Грайне, если бы Диармайд не схватил его за задние лапы и с такой силой ударил о скалу, что мозги вытекли из его ядовитого черена и брызнули через пасть и уши.

После этого Диармайд взял в руки свои лук и стрелы, натянул могучими пальцами тетиву, прицелился в первого из трех военачальников и поразил его своей стрелой в самое сердце. Так же поступил он во второй раз и поразил второго военачальника и с третьим сделал то же.

И когда пришельцы увидели, что их славные вожди и военачальники падают без сопротивления и умирают у них на глазах, великий страх охватил их, и обратились они в бегство. А Диармайд преследовал их яростно, гневно и беспощадно, рубя и избивая, так что ни одному из них не удалось скрыться ни в дремучем лесу, ни в зеленой траве, ни в голубой воде, и не остался в живых ни один воин, который мог бы поведать об этом чудесном подвиге Диармайда. Ибо кроме Дейрдре-ан-Дуйв-Шлейве — женщины, посланницы Финна, сына Кумала, которая витала и кружила над Диармайдом, пока он поражал пришельцев, — никто не избежал смерти, и все они обратились в груды мертвых тел.

Вскоре затем Финн, сын Кумала, увидел Дейрдре-ан-Дуйв-Шлейве, возвратившуюся к нему и едва державшуюся на ногах от усталости, с присохшим к гортани языком и запавшими глазами.

— Великую и печальную весть принесла я тебе, о Финн, сын Кумала. Кажется мне, что одна я избежала смерти.

И она рассказала ему о том побоище, которое учинил им Диармайд, сын О'Дуйвне, и о том, как были умерщвлены три ядовитых пса.

— Мне самой едва удалось спастись, — сказала Дейрдре-ан-Дуйв-Шлейве.

— Куда направился сын О'Дуйвне? — спросил ее Финн, сын Кумала.

— Этого я не знаю, — ответила она, — ибо никто из оставшихся в живых не мог мне сказать этого.

Когда Финн, сын Кумала, услышал эту печальную весть и узнал, что зеленые феннии были разгромлены Диармайдом, он воззвал громогласно к ирландским фенниям, и они выступили и шли самыми кратчайшими дорогами, пока не достигли того холма, где лежали три связанных вождя, жалких и побежденных Дпармандом, сыном О'Дуйвне.

И когда Финн увидел их поверженными в прах, это было великой мукой для его сердца.

Тогда обратился Финн к сыну своему Ойсину и сказал ему:

— О Ойсин, ради меня освободи от пут этих трех вождей и облегчи их страдания.

— Нет, — ответил ему Ойсин, — я не сделаю этого, ибо Диармайд просил меня не освобождать от пут ни одного воина, которого он связал.

— О Осгар, тогда развяжи их ты ради меня, — обратился Финн к Осгару, сыну Ойсина.

— Нет, — ответил Осгар, — я скажу тебе, что могу лишь еще крепче связать их, но не развяжу ни одного воина, которого связал Диармайд.

И Дубтах, сын Лугайда, так же как и Конан, отказался выполнить просьбу Финна, сына Кумала, подобно Ойсину и Осгару.

Но недолго они говорили об этом, ибо три вождя умерли от своих тяжких мук, не снеся тех пут, которые были наложены на них Диармайдом.

Тогда приказал Финн, сын Кумала, вырыть в Охан-Креве три глубоких и широких могилы для трех умерших вождей.

И были поставлены на эти могилы три каменных надгробья, а на них высечены имена вождей. После этого были торжественно исполнены все похоронные обряды. И великая тяжесть и печаль легли тогда на сердце Финна, сына Кумала.

А затем Финн и его феннии покинули это место. И ничего не известно о них до тех пор, пока не достигли они Альмайна Лагенского.

Теперь вернемся вновь к Диармаиду и Грайне. Они направились по дороге, что пролегала южнее горных хребтов Слиав-Луахра и через Уй-Хонайль-Гаура, а оттуда поворачивала на север к Сиону, а затем снова на юг к Рос-да-Шойлах, который ныне зовется Луймиах.

В тот вечер Диармайд застрелил из лука дикого оленя, и они поели его мяса и запили его прозрачной, чистой и холодной водой из источника, а затем легли отдохнуть и спали, пока ласковый утренний свет не пробудил их от ночной дремы.

Муадаи поднялся очень рано и, обратившись к Диармайлу, сказал ему, что теперь он должеи покинуть его.

— Тебе не следует так поступать, — отвечал ему Диармайд, — ибо все, о чем я просил тебя, ты исполнял без пререканий, и я доволеи тобою.

Но Муадаи попросил Диармайда не противиться его уходу, и, попрощавшись с ним и с Грайне, он на заре покинул их в том месте.

Печальными и грустными были Диармайд и Грайне, лишившись своего верного и преданного слуги.

И после этого они двинулись прямо на север к Слиав-Эхтга, к Уй-Фиахрах.

Когда они достигли этого последнего, Грайне почувствовала большую усталость, но она приободрилась и пошла рядом с Диармайдом.

Когда вошли они в густой и дремучий лес, Диармайд соорудил в нем шалаш для себя и для Грайне.

В тот вечер он подстрелил еще одного дикого оленя, и они вдоволь поели его мяса и запили его чистой, холодной и прозрачной водой из ручья. А затем уснули на ложе, которое приготовил Диармайд из березовых листьев и мягкого кустарника.

На следующее утро Диармайд поднялся очень рано и пошел к страшному великану Скарвану Лохланнаху.

Они долго беседовали, и Диармайд сумел договориться с ним. Он получил от великана позволение охотиться в его владениях и ловить рыбу. Но Диармайд дал ему слово воина, что он никогда не прикоснется к плодам с дерева жизни Дувроса.

Вернемся теперь к Финну, сыну Кумала, и его фенниям.

Они возвратились в Альмаи Лагенский. Но едва они прибыли туда, как увидели отряд в пятьдесят воинов, который приближался к Альмайну. Впереди них шли два высоких и стройных воина, храбрых и бесстрашных, которые превосходили остальных своей силой и храбростью.

Тогда обратился Финн, сын Кумала, к своим фенниям и спросил их:

— Кто из вас знает, что это за войско и кто эти два прекрасных воина?

— Мы не знаем их, о Финн, — ответили феннии, — и не можем сказать тебе, кто два эти воина.

— Я тоже не могу сказать этого, — произнес Финн, сын Кумала, — но все же мне думается, что они мои враги.

Во время этого разговора отряд воинов приблизился к Финну и приветствовал его.

Финн ответил им тем же, а затем спросил их, кто они, из каких земель, для чего прибыли сюда и враги они ему или друзья.

Они ответили ему, что они поистине его враги, ибо их отцы убили Кумала, сына Арта, сына Френмора О'Байсгне, в битве при Кнухе.

— Наши отцы тоже пали в той битве. Но теперь мы пришли просить тебя о мире.

— Как же вы родились, раз ваши отцы были тогда убиты? — спросил их Финн.

— Мы были в чреве наших матерей, — отвечали они, — а нашими матерями были две женщины из Туата Де Дананн, и мы думаем, что теперь настало время занять нам места наших отцов среди фенниев.

— Я возведу вас на места ваших отцов, — ответил им Финн, сын Кумала, — но прежде вы должны дать мне выкуи за моего отца!

— Нет у нас с собой ни золота, ни серебра, ни разных сокровищ или еще каких-либо богатств, вроде табунов быстроногих коней или стад доброго скота, которое мы могли бы отдать тебе как выкуи за твоего отца, о Финн.

— Не требуй от них выкупа, о Финн, — сказал Ойсин, — они потеряли своих отцов в той битве, и пусть это будет тебе выкупом за него.

— Думается мне, — сказал Финн, — что, если кто-либо убьет меня, ты легко удовлетворишься самым малым выкупом, о Ойсин. Но выкуп, которого потребую я, будет не из легких.

— Какой же выкуи хочешь ты получить, о Финн? — спросил Ангус, сын Арта, сына Морне.

— Я ничего не желаю, кроме головы одного воина или горсти плодов с дерева жизни Дувроса.

— Я дам вам добрый совет, потомки Морне, — сказал Ойсин. — Возвращайтесь туда, откуда вы пришли, и никогда не просите мира у Финна, пока вам дорога жизнь, ибо нелегкое дело принести Финну ту голову, которую он потребует у вас. Знаете ли вы, чью голову требует от вас Финн как выкуи за смерть своего отца?

— Нет, мы не знаем этого, — отвечали они.

— Голову Диармайда, сына О'Дуйвне — вот чью голову хочет получить Финн, сын Кумала, — сказал Ойсин. — Но будь вас двадцать тысяч воинов в полном вооружении, Диармайд, сын О'Дуйвне, не позволит вам срубить свою голову, и вам не удастся принести ее Финну.

— А что это за плоды с дерева жизни, о которых говорил Финн, сын

Кумала? — спросили они.

— Нет на всей земле ничего такого, что было бы труднее достать, чем эти плоды, — сказал им Ойсин. — Я расскажу вам о них.

Между двумя женщинами племени Туата Де Данани — Айфе, дочь Мананнана, сына Лера, и Айне, другой дочерью Мананнана, сына Лера, — возник спор.

Айфе была влюблена в Лугайда, сына сестры Финна, сына Кумала, а Айне была влюблена в Лера из Сит-Финнхайда. И стала каждая из них говорить, что ее возлюбленный сильнее. И из этого спора произошло великое состязание между воинами племени Туата Де Данани и ирландскими фенниями. И местом для этого состязания избрали прекрасную долину Лох-Лейн-Линн-Флианлах.

Ирландские феннии и воины из племени Туата Де Данани двинулись на это состязание. И самые доблестные, бесстрашные и сильные воины из племени Туата Де Данани были среди них. То были: три Гарба из Слиав-Мисса, три Масаса из Слиав-Луахра, три рыжеволосых Конала из Коллавана, три Финна из Финнмура, три Сгалла из Бруга, три Ронанна из Ат-на-Рига, три Эогана из Эог-Рианд-Тик-Бадайри из Кальбуйлаха, и три Фергуса, и Глас из Маг-Брага, и Сургах Суайре из Лиопапа, и Майдгир из Банн-Лиата, и Дони из Сит-Брата, и Фарр-аи-Бер-ла-Бени с Войны, и Кулла Крин-Хосах из Барнан-Эйла, и Дони Дув-Хосах, и Дон-ан-Ойлан, и Дони из Кнок-Нанаса, и Дони из Лейнхнока, и Бруйте-Авак, и Долв-Брихт Зубастый, и пять сыновей Финна из Сит-Кайрн-Кайна, и Ант Илврак, сын Мананнана, и Навак, сын Ангуса, и Бодв Дарг, сын Дагды, и Мананнан, сын Лера, и Авортак, сын Ант-Йолдатайха, и Фиак Муни из Финн-Муйра, и много других, которых мы не называем здесь.

Мы, ирландские феннии, вышли из Эарвава-нав-Фиаина, который зовется ныне Лаваном, и направились оттуда в Кромгланн-нав-Фианн, который ныне называется Гланн-Флейшге, а оттуда двинулись в Лох-Лейн-Линн-Флианлах, чтобы участвовать в этом состязании. И в течение трех дней и трех ночей мы состязались в силе и ловкости, и никто нас не одолел. Когда воины племени Туата Де Данани прибыли в Лох-Лейн-Линн-Флианлах, они поняли, что если мы, ирландские феннии, выступаем все как единая сила, то мы непобедимы и никто не сможет одолеть нас.

Тогда был создан совет из воинов племени Туата Де Дананн, на котором порешили они уйти из Лох-Лейн-Линн-Флианлах и не принимать больше участия в состязании.

Воины племени Туата Де Данани привезли с собой из Тир-Тайрн-Гире такие съестные припасы: темно-красные орехи, румяные яблоки и особые

душистые плоды.

Но когда, возвращаясь назад, они проходили через Уй-Фиахрах, около Муида, один из этих плодов упал, и они этого не заметили. А из косточки этого плода выросло чудесное дерево жизни, плоды которого столь целебны, что стоит кому-нибудь съесть три зрелых плода, и никакие болезни и недуги уже не страшны ему, и съевший их испытывает возбуждение, какое бывает от вина, и удовлетворение, как от старого, крепкого меда. И если человеку, вкусившему этих плодов, сто лет, его годы отлетят от него, и он превратится в двадцатилетнего юношу.

Но когда воины племени Туата Де Данани узнали, что из оброненного плода выросло дерево жизни, то послали они стража, чтобы охранять его.

И этим стражем оказался Скарваи Лохланнах, юноша из их племени, который был широкоплечим, длинноносым, красноглазым и темнокожим великаном, сыном коварного Кама, сына Нави. И он не горел в огне, не тонул в воде, и никакое оружие его не брало — так сильны были его чары. Был у него лишь один глаз посреди его черного лба, и толстый железный обруч опоясывал его гигантское туловище. И было ему предназначено жить до тех пор, пока не ударят его трижды железной дубинкой, которую он хранит у себя и бережет как зеницу ока.

Этот страшный великай спит ночью на верхушке дерева жизни, а днем спускается на землю, чтобы охранять его.

— Вот это-то, о потомки Морне, и есть те заветные плоды, которых требует от вас Финн, сын Кумала, — добавил Ойсин. — И нелегко вам будет их раздобыть, ибо этот одноглазый темнокожий великай Скарваи Лохланнах окружил себя заколдованным кругом, и ни Финн, сын Кумала, ни мы, ирландские феннии, не смеем ни удить рыбу, ни охотиться в этом огороженном месте, из боязни разгневать страшного Скарвана Лохланнаха.

Тогда заговорил Айд, сын Андала, сына Морне, и, обращаясь ко всем присутствующим, сказал, что лучше он погибнет в славном бою, добывая эти заветные плоды, чем постыдно вернется назад в дом своей матери. И то же сказал его брат. Затем попросили они Онсина оставить в этих краях под началом Ойсина их людей, пока не возвратятся они с победой.

— Пусть нас убьют в походе за этими чудодейственными плодами, но мы восстановим свои права в Тир-Тайрн-Гире, — сказали они.

Затем два отважных воина простились с Ойсином и со всеми вождями ирландских фейннев и пошли своей дорогой.

Нам ничего не известно о том, как они шли, пока достигли Рос-да-Шойлаха, как ничего не известно и о том, как провели они ту ночь.

Поднялись они чуть свет, и вновь двинулись в путь, и шли не

останавливаясь, пока не достигли Дуврос Уй-Фиахраха.

Там обнаружили два славных воина следы Диармайда и Грайне и тотчас пошли по этим следам, которые привели их к лесному шалашу, где скрывались Диармайд и Грайне.

Сидя в своем лесном шалаше, Диармайд услышал шорох и понял, что приближается недруг. Тогда протянул он свою могучую руку, взял в нее свой широкий меч и спросил громко и звучно, кто стоит за дверью его дома.

— Здесь стоят потомки славного Морне, — был ответ.

— Кто из потомков Морне стоит здесь? — спросил Диармайд.

— Айд, сын Андала, сына Морне, и Ангус, сын Арта, сына Морне, — отвечали ему два воина.

— Зачем вы пришли в этот лес, о потомки Морне? — снова спросил их Диармайд.

— Финн, сын Кумала, послал нас сюда, чтобы мы отыскали тебя, о Диармайд, сын О'Дуйвне, и отрубили тебе голову, если ты действительно Диармайд, — сказали воины.

— Да, я Диармайд, — был им ответ.

— Тогда знай, — молвили потомки Морне, — что Финн, сын Кумала, не дал нам иного выбора, кроме твоей срубленной головы или горсти плодов с дерева жизни Дуврос. Либо эти плоды, либо твою голову должны мы принести Финну как выкуи за смерть его отца Кумала.

— Нелегко вам будет выполнить его требования, — сказал Диармайд. — Горе тем, кто попал под власть этого человека — Финна, сына Кумала. Мне хорошо известно, что он убил ваших отцов, и уже этого одного вполне достаточно как выкуи за смерть его отца.

— Возможно, для тебя этого было бы достаточно, — сказал Айд, сын Андала, сына Морне, — но ты оскорбил Финна тем, что похитил его жену. Или, может быть, ты думаешь, что не оскорбил его этим, о Диармайд?

— Да, я думаю, это не может оскорбить такого человека, как Финн, — ответил им Диармайд. — Ибо всего несколько лет назад я видел, как Финн сделал подобное с Конаном, сыном Лиатлуахра. И я расскажу вам сейчас эту историю.

Однажды Финн, сын Кумала, с ирландскими фенниями, вождями и военачальниками находился в Темре-Луахра.

И недолго они там пробыли, как увидели могучего, воинственного юношу, стройного и высокого, который шел, направляясь к ним.

Когда Финн увидел его, он спросил вождей, военачальников и ирландских фенниев, не знают ли они, кто этот юноша.

И все они ответили Финну, что никто из них раньше не видел его и не знает, кто он такой.

«Я тоже никогда раньше не встречал его и не знаю, кто он, — сказал Финн, — но я чувствую, что он мой враг».

В это время юноша подошел к ним. Он был в полном вооружении — на нем были кольчуга и шлем, щит и копье, меч и кинжал, лук и стрелы.

Воин подошел и приветствовал Финна, сына Кумала, и Финн ответил ему тем же, а затем спросил его, кто он, из каких земель, и для чего прибыл сюда, и враг он ему или друг.

Юноша ответил Финну, что он ему враг, ибо отец его участвовал в убийстве Кумала, сына Арта, сына Френмора О'Байсгне, который пал в битве при Кнухе.

«Конаном, сыном Лиатлуахра, зовут меня, — сказал воин. — Мой отец тоже пал в битве при Кнухе. Но теперь я пришел к тебе, о Финн, чтобы просить о мире и чтобы ты позволил мне занять место моего отца среди ирландских фенниев».

«Ты получишь это место, — ответил ему Финн, — но сначала ты дашь мне выкупи за смерть моего отца».

«Не требуй от него выкупа, — сказал Ойсин, — ибо его отец был убит тобою».

«То не был выкуп, — ответил Финн. — А я должеи получить с него настоящий выкуп».

«Какой же выкупи хочешь ты получить от меня, о Финн?» — спросил Конан.

«Мне ничего не нужно, кроме огромной головы дракона, который вырос в обруче на голове Киана, сына Ойлила Оллуйма. Принеси ее мне, и это будет выкупи за смерть моего отца», — сказал Финн.

«Я дам тебе добрый совет, о Конан, — сказал Ойсин. — Возвращайся туда, откуда ты пришел, и никогда не проси мира у Финна, пока тебе дорога жизнь. Ибо нелегкое дело — принести Финну ту голову, которую он требует от тебя».

«А что это за дракон, чью голову я не мог бы срубить?» — спросил Конан.

«Я расскажу тебе о нем, о Конан, — сказал Ойсин. — Случилось это в те времена, когда Ойлил Оллуйм выехал на прекрасной колеснице из своего Дун-Эохарвуйга вместе с Садв, дочерью Конна Ста Битв, своей женой и милой супругой.

И увидела его жена Садв, дочь Конна Ста Битв, над своей головой терновую ветвь, усыпанную черными ягодами.

И охватило ее неодолимое желание отведать этих ягод. Она сказала об этом своему мужу и милому супругу Ойлилу Оллуйму, и он поднялся на самую вышку колесницы и низко пригнул терновую ветвь, чтобы Садв, дочь Конна Ста Битв, могла насладиться черными ягодами.

Затем они возвратились в свой дом, а через некоторое время Садв родила здорового, смуглого и красивого мальчика, который и был назван Кианом, сыном Ойлила Оллуйма.

Король Куарруйде Луахра взял мальчика к себе на воспитание. Но у этого мальчика вокруг головы был обруч. И по мере того как вырастал мальчик, вырастал и обруч.

Так в доме доброго короля рос и мужал Киан, пока не исполнилось ему двадцать лет.

У Ойлила Оллуйма было еще два сына, и к этому времени все они стали сильными и могучими воинами.

И было у этих трех воинов три верных и преданных слуги. Однажды эти слуги пошли в дом Сгатана, сына Сканлана, чтобы их там приняли как гостей и оказали им почет, какой подобал их хозяевам. Сгатаи принял их очень радушно, угостил их вдоволь всякими яствами и уложил спать. На другой день Сгатаи сказал им:

«Сегодня вечером в моем доме будет большой пир, ибо должок прийти ко мне Финн, сын Кумала. Я распорядился, чтобы нас хорошо накормили в другом месте, но не заходите в большой зал на торжественный пир».

В тот вечер они вдоволь поели того, что им было предложено у Сгатана, и, поднявшись рано на следующее утро, покинули дом Сгатана, сына Сканлана, и вернулись назад, в Дун-Эохарвуйг.

Случилось так, что трое могучих сыновей Ойлила Оллуйма — Эогаи Мор, Кормак Мор и Киаи — были в то время в прекрасной долине и слуги встретили их там.

Эогаи Мор спросил своего слугу, где он провел все это время.

«Мы были в доме Сгатана, сына Сканлана», — ответил его слуга.

«Как принимал тебя Сгатаи, сын Сканлана, и хорошо ли потчевал?» — спросил его Эогаи Мор.

«Он нас щедро угощал», — сказал ему слуга.

Тогда Кормак Мор обратился к своему слуге и спросил его о том же.

«Я остался доволен его угощением», — ответил ему слуга.

И Киаи спросил своего слугу, хорошо ли угощал его Сгатаи, сын Сканлана.

«Плохо принимал нас Сгатаи, сын Сканлана», — ответил слуга Киана, — ибо он сказал нам, что в его доме готовится пир для Финна, сына

Кумала. но он не позволил нам быть на нем».

«Не слушай сто, о Киан, — сказали другие слуги, — ибо нас отлично накормил Сгатан, сын Сканлана».

«Он заплатит мне за то, что плохо принял моего слугу», — сказал Киан.

«Не говори так, о Киан, — сказал Кормак Мор, — ибо Сгатан, сын Сканлана, — мой покровитель и добрый волшебник, но Финн, сын Кумала, — его могучий повелитель».

«Это меня не касается, — сказал Киан. — Я пойду к нему, и пусть он побреет мне голову».

А надо сказать, что каждому, кто брил Киану голову, Киан потом срубал его собственную.

Итак, Киан двинулся в путь и шел не останавливаясь, пока не достиг замка Сгатана, сына Сканлана. Случилось так, что в тот день Сгатаи был в долине, и Киан подошел к нему и попросил побрить ему голову.

«Изволь, — отвечал Сгатан, — потому что брить — для меня дело обычное, и я охотно сделаю это для тебя. В каждый дом захожу я для этого. Пойдем ко мне, и я побрею тебя».

Киан вошел в его дом. А Сгатаи направился в свою опочивальню, надел на себя кольчугу и опоясался мечом, взял в одну руку нож, а в другую сосуд с водой и затем пошел туда, где ожидал его Киан.

Когда Киан увидел Сгатана в полном вооружении, он спросил его:

«Зачем взял ты свое оружие с собой?»

«Слышал я, — отвечал Сгатан, сын Сканлапа, — что в обычае у тебя убивать каждого, кто бреет тебе голову. Но все же я побрею тебя».

После этого Сгатаи развязал повязку вокруг головы Киана и увидел огромный обруч, обвивавший его голову.

«Должно быть, ты убиваешь каждого, кто бреет тебя, для того чтобы скрыть ото всех этот обруч?» — спросил Сгатан.

«Ты прав, Сгатан, — ответил ему Киан, — я в самом деле потому убиваю каждого, кто бреет меня, чтобы люди не узнали про мой обруч. Но ты не должен бояться меня, Сгатан».

«Клянусь словом воина, — сказал Сгатан, — я сейчас сделаю так, что заставлю тебя убить меня, ибо я могу узнать не только про твой обруч, но и про то, что скрывается в нем».

И, сказав это, он тут же неожиданно ударил своим ножом по обручу с такой силой, что таившийся в нем дракон выскочил оттуда и подобно молнии взвился на воздух, поднимаясь все выше и выше, пока не достиг вышки дома Сгатана. А затем он спустился вниз и, усевшись на копьё

Киана, обвился вокруг него огромным, тяжелым узлом.

Когда голова Киана была обрита, Сгатаи хотел убить дракона. Но Киаи попросил его не делать этого, пока он не отнесет дракона к Садв, дочери Конна Ста Битв.

«Ибо в ее чреве был он зачат», — сказал Киан.

Тогда приложил Сгатаи бальзам и целебные травы к ранам, что открылись на голове Киана в тех местах, где сжимал ее обруч, и Киаи пошел своей дорогой в Дун-Эохарвуйг, неся перед собою копье с драконом, который обвился узлом вокруг его острия.

Случилось так, что Ойлил Оллуйм со своей женой и милой супругой Садв, дочерью Конна Ста Битв, в это время был в долине, и Киаи встретил их там.

Киаи рассказал им всю историю с драконом от начала до самого конца. Выслушав ее, Ойлил Оллуйм приказал Киану убить дракона, но Садв сказала:

«Не делай этого, Киан: возможно, что судьбою тебе назначено прожить столько же, сколько этому дракону».

И на семейном совете Ойлилом Оллуймом, Садв и Кианом было решено не убивать дракона, а построить для него деревянную клеть и доставлять ему туда обильный корм, свежее мясо и живительную влагу.

В этой клетке дракон рос и стал таким огромным и сильным, что сделалось ему тесно в отведенном ему месте, и он мог легко разрушить свою деревянную ограду.

Поэтому в Дун-Эохарвуйге решили обнести его более высокой и крепкой стеной.

И за этой стеной он рос в течение года, и выросло у него сто голов, а в каждой голове зияла страшная, алчная, стозубая пасть, которою он мог пожрать воина в полном вооружении.

Как раз в это самое время и в эту пору года король Куарруйде Луахра прибыл в Дун-Эохарвуйг, чтобы проведать своего приемного сына и воспитанника Киана, сына Ойлила Оллуйма.

И когда король Куарруйде Луахра услышал рассказ об этом страшном драконе, он поднялся на стену той крепости, которой был обнесён дракон, чтобы посмотреть на него и своими собственными глазами увидеть небывалое чудо.

Когда дракон увидел короля Куарруйде Луахра, он в ярости кинулся на него и впился в него своими острыми ядовитыми зубами и обвил его ноги своим страшным извивающимся туловищем, так что король не смог устоять и был проглочен одной из ста отвратительных его пастей.

Когда все воины, женщины и дети увидели это страшное зрелище, они с воплями и криками покинули в страхе и ужасе несказанном то место, где у них на глазах был проглочен славный и бесстрашный король. И поселились в их сердцах тоска и невыразимое горе.

И после того, как они навсегда ушли оттуда, цветущая и плодородная долина Дун-Эохарвуйг превратилась в безжизненную и вымершую пустыню.

Когда Ойлил Оллуйм услышал эту скорбную весть, он сказал, что дракон должен быть умерщвлен, ибо он может принести еще большие бедствия и несчастья их людям. И Садв, дочь Конна Ста Битв, тоже согласилась с тем, что страшный дракон должен быть убит.

Тогда самые отважные воины возвратились в Дун-Эохарвуйг, который был всеми оставлен и покинут, и зажгли длинные языки ярко-красного пламени вокруг крепости, в которую был заключен страшный дракон.

Когда дракон почувствовал жар огня и когда раскаленные желтые языки лизнули его холодное черное тело и несокрушимая крепость рухнула, дракон стремительно взвился в воздух и понесся на запад.

Там он опустился в темной пещере Фарна, в Корне-Уй-Дуйвне.

Дракон поселился в этой мрачной и глубокой пещере и окружил ее запретным кругом, так что ни Финн, сын Кумала, ни мы, ирландские феннип, не дерзали переступить его, и мы не смели охотиться или ловить там рыбу, пока был жив страшный дракон.

И вот голову этого дракона хочет получить от тебя Финн, сын Кумала, как выкупи за своего отца, о Конан», — сказал Ойсин.

«А все же я скорее найду свою смерть, добывая этот выкуп, чем с позором возвращусь туда, где я вырос», — ответил Конан.

Затем он простился с Ойсином и другими славными вождями и пошел своей дорогой к той мрачной пещере, где скрывался стоглавый дракон.

Когда Конаи достиг этого места, он взял в руки тяжелое волшебное копье Га-Дарг (а надо вам сказать, что именно я дал это копье Конану, ибо я почувствовал расположение к этому юноше, а я знал, что никакое другое оружие в мире, кроме заговоренного копья Га-Дарг, не сможет убить дракона).

Конаи метко нацелил конье и пронзил им самое сердце дракона.

И был тот удар таким верным, а копье обладало такой чудесной силой, что дракон пал бездыханным в той пещере.

Тогда Конаи срубил одну из его ста голов и принес ее Финну как выкуп.

Когда Финн, сын Кумала, увидел мерзкую голову убитого дракона, он

сказал, что ему мало этого выкуна и он хочет получить от Конана еще один выкуна за смерть своего отца.

А как раз в эту пору и в это время года через те места, где находились мы, ирландские феннии, пробежал большой и красивый олень. И мы все погнались за ним.

Когда Конаи увидел, что все ирландские феннии бросились в погоню за оленем, он и Финн, сын Кумала, тоже устремились в погоню.

И мы ничего не знали о них до тех пор, пока они не догнали нас на закате солнца.

Тут мы увидели, что Конаи тащит на себе заднюю часть туши убитого оленя, а Финн, сын Кумала, едва поспекает за ним.

И с тех пор Финн никогда больше не требовал выкуна за своего отца от Конана.

Клянусь моей рукой, о потомки Морне, — сказал Диармайд, — никто не знает, уговорами или силою принудил Конаи Финна отказаться от требования еще нового выкуна за своего отца. И никто не знает также, как удалось ему добиться мира от коварного Финна. Но думается мне, — продолжал Диармайд, — что все это было более справедливо со стороны Конана, чем теперь со стороны Финна требовать от вас непосильного выкуна за своего отца. Хотя он должен был удовлетвориться тем, что убил ваших отцов, когда вы были еще в чреве ваших матерей, и не посылать вас добывать запретные плоды дерева жизни Дуврос или же мою голову, так как он знает, что требует от вас голову отважного и искусного воина. И если бы даже вам и удалось исполнить, хоть одно из этих требований, это не принесло бы вам мира с Финном и не вернуло бы вам места ваших отцов.

— А что это за плоды, которых требует Финн, сын Кумала, и которых не могут добыть для него? — спросила Грайне.

— Это не простые плоды, — сказал Диармайд. — Воины племени Туата Де Дананн, возвращаясь с состязания и проходя через место Уй-Фиахрах, случайно обронили один плод, из косточки которого выросло дерево жизни Дуврос. И все плоды, что созревают на этом дереве, имеют чудесные свойства. Они столь целебны, что стоит кому-нибудь съесть три созревших плода, и никакие болезни и недуги не страшны ему, а вкушивший их испытывает возбуждение, какое бывает от вина, и удовлетворение, как от старого, крепкого меда. И если человеку, отведавшему этих плодов, сто лет, его годы улетят от него, и он превратится в двадцатилетнего юношу. Но охраняет это чудесное дерево широкоплечий, длинноносый, красноглазый и темнокожий великаин

Скарваи Лохланнах, сын коварного Кама, сына Нави. И не горит он в огне, не тонет в воде и никакое оружие его не берет — так сильны его чары. Есть у него лишь один глаз посреди черного лба, и толстый железный круг опоясывает его гигантское туловище. Ему предназначено жить до тех пор, пока не ударят его трижды железной дубинкой, которую он хранит у себя и бережет как зеницу ока. Этот страшный великаи ночью спит на верхушке дерева жизни Дуврос, а днем спускается на землю, чтобы охранять его.

— Но когда я покинул Финна, сына Кумала, и стал его врагом, — продолжал Диармайд, — я пришел к великану Скарвану Лохланнаху, сыну Кама, и договорился с ним. Он разрешил мне охотиться и ловить рыбу в его запретном круге. Но я дал ему слово воина, что никогда по трону заговоренных плодов дерева жизни Дуврос.

— А теперь, о потомки Морне, — обратился к ним Диармайд, — выбирайте: либо вы будете сражаться со мной, чтобы получить мою голову, либо пойдете к великану Скарвану Лохланнаху, чтобы добыть для Финна, сына Кумала, чудодейственные плоды.

— Клянусь тем званием, которое по рождению принадлежит мне в моем племени и которое я должеи получить среди ирландских фенниев, что сначала я буду драться с тобой, о Диармайд, — сказал первый из потомков Морне.

И второй сказал то же самое.

И тогда эти славные воины — два потомка Морне и Диармайд — отбросили прочь свое оружие, и сблизили свои могучие тела, и обвинили друг друга своими сильными руками, и каждый сжал другого в смертельном объятии.

И исход поединка должно было решить не железное оружие, а мощь рук.

Но Диармайд одолел двух юношей там, где они сражались, и, скрутив их, наложил на них тяжкие путы.

— Ты хорошо бился, Диармайд, — сказала Грайне, — но клянусь тебе, что если потомки Морне не отправятся к великану, чтобы добыть эти чудесные плоды, и не принесут их мне, я никогда не лягу в твою постель, о Диармайд, хотя женщины и не пристало поступать так с возлюбленным; но я умру, если не отвешаю их.

— Не заставляй меня, о Грайне, нарушать мир с великаном Скарваном Лохланнахом, — сказал Диармайд, — ибо ты знаешь, что он не позволит мне взять эти плоды добром.

— Сними с нас эти путы, — сказали потомки Морне, — и мы пойдём с тобой и, если понадобится, отдадим за тебя наши жизни.

— Нет, — отвечал Диармайд, — вы не пойдете со мною. Ибо стоит вам взглянуть на страшного великана, и ваша жизнь тотчас покинет ваши тела, и вы превратитесь в бездыханные трупы.

— Тогда дай нам отсрочку, — сказали ему потомки Морне- и позволь нам пойти с тобой, чтобы могли мы увидеть твой бой с великаном Скарваном Лохланнахом до того, как ты срубишь нам головы.

И Диармайд сделал так, как они просили.

Затем Диармайд направился к страшному великану Скарвану Лохланнаху.

Случилось так, что как раз перед его приходом Скарван Лохланнах заснул крепким сном под деревом.

Диармайд толкнул его ногой, и Скарван Лохланнах, пробудившись, поднял голову, посмотрел на Диармайда и спросил его:

— Значит ли это, о сын О'Дуйвне, что ты пришел нарушить наш мир?

— Нет, — отвечал Диармайд, — но у Грайне, дочери великого Кормака, появилось неодолимое желание отведать плодов, что растут на дереве жизни Дуврос, которое охраняешь ты, о Скарван Лохланнах. И я пришел к тебе за тем, чтобы попросить у тебя горсть этих заветных плодов.

— Клянусь, — воскликнул разгневанный великан Скарван Лохланнах, — этому не бывать! И за то, что ты осмелился явиться ко мне с такой просьбой, ты никогда в жизни не будешь иметь детей, кроме того единственного младенца, который сейчас зреет в чреве Грайне. И такая же участь постигнет Грайне, дочь Кормака, сына Арта, ибо она умрет, рождая на свет свое единственное дитя. И не дано ей отведать ни одного плода с дерева жизни Дуврос.

— Я не могу поступить с тобой нечестно, — сказал Диармайд, — поэтому говорю тебе сейчас прямо: я пришел сюда, чтобы добыть у тебя эти плоды добром или силой.

Услышав такие речи, страшный великаи Скарван Лохланнах вскочил, вытянувшись во весь свой огромный рост, вскинул на плечи свою тяжелую палицу и, размахнувшись ею, изо всех сил нанес три могучих удара Диармайду.

Но замороженная железная кольчуга, шлем и другие доспехи Диармайда спасли его от смерти, и удары страшного великана причинили ему только легкую боль.

Когда же настал черед Диармайда, он отбросил прочь свое тяжелое оружие, которое со звоном упало на землю, и, ринувшись с разбега на ужасного великана Скарвана Лохланнаха, вскочил на его широкие плечи так, что смог двумя руками схватить его могучую палицу и вырвать ее из

его рук.

И, стоя на плечах Скарвана Лохланнаха, он прижал великана к земле, а затем, спрыгнув с его плеч, обхватил его гигантское туловище своими крепкими руками, оторвал от земли и со всей силой швырнул опять на землю.

И был этот удар так силен, что железный обруч, обвивавший туловище ужасного великана, лопнул, и из него вывалилась та волшебная, заговоренная дубинка, которую великаи берег как зеницу ока, ибо от ее удара суждено было ему погибнуть.

Диармайд схватил эту дубинку и со всего размаха трижды ударил ею страшного Скарвана Лохланнаха так, что его голова раскололась и мозги потекли наружу через длинный кривой нос и черные уши.

Так жизнь навсегда покинула бездыханное тело страшного великана Скарвана Лохланнаха.

Двое потомков Морне смотрели на этот славный бой Диармайда с великаном.

Когда они увидели, что безобразное мертвое тело великана лежит в луже его собственной черной крови, они вышли из своего укрытия и приблизились к Диармаиду.

Диармайд усадил их возле себя. Он чувствовал себя усталым и измученным после этой борьбы.

Он попросил двух потомков Морне зарыть мерзкое тело великана Скарвана Лохланнаха под валежником в дремучем лесу, чтобы Грайне, дочь Кормака, никогда не смогла увидеть его.

— А после этого, — добавил Диармайд, — пойдите разыщите Грайне и приведите ее ко мне.

Потомки Морне вырыли огромную и глубокую яму под валежником и дремучем лесу и, бросив в нее бездыханное тело Скарвана Лохланнаха, засыпали его сырой землей и хворостом.

Затем они отправились на розыски Грайне и, найдя, привели ее к Диармаиду.

— Вот, о Грайне, — сказал Диармайд, — плоды, добыть которые ты просила меня. И теперь ты можешь срывать их с дерева и есть сколько захочешь.

— Клянусь, о Диармайд, — отвечала Грайне, — что я не съем ни одного плода, кроме тех, которые ты сорвешь для меня своей собственной рукой.

Тогда поднялся Диармайд и, став во весь свой могучий рост, потянулся за чудесными плодами и начал срывать плоды для Грайне и для потомков

Морне, чтобы они вдоволь ими насытились.

Когда они уже не могли больше есть, Диармайд обратился к потомкам Морне и сказал:

— О потомки Морне, возьмите столько заветных плодов, сколько вы сможете унести отсюда, отдайте их Финну, сыну Кумала, и скажите ему, что не я, а вы убили гнусного великана Скарвана Лохланнаха.

— Мы клянемся тебе, о славный Диармайд, — отвечали они, — что сделаем так, как ты сказал, и отнесем эти замороженные, чудесные плоды Финну, сыну Кумала.

Тогда Диармайд нарвал для потомков Морне столько плодов, сколько они могли унести на своих плечах, и они, выразив Диармаиду свое расположение и великую благодарность за ту щедрость, которую он проявил к ним, направились своей дорогой туда, где находился Финн, сын Кумала, с вождями, военачальниками и ирландскими фенниями.

Когда они удалились, Диармайд и Грайне взобрались на верхушку дерева жизни Дуврос и легли на мягкое ложе великана Скарвана Лохланнаха.

А плоды, что зрели на верхушке дерева жизни Дуврос, были еще слаще, еще хмельнее и чудодейственнее, чем те, что росли у его корней.

Потомки Морне шли, не останавливаясь по лесным и горным тропам, пока не достигли жилища Финна, сына Кумала, и ирландских фенниев, и там Финн предложил им рассказать ему все, что было с ними, от начала до самого конца.

— Мы убили злого и лютого великана Скарвана Лохланнаха, — отвечали они, — и принесли тебе, о Финн, заговоренные плоды дерева жизни Дуврос как выкуи за смерть твоего отца. И теперь, — продолжали они, — мы надеемся жить с тобой в мире, о Финн, и думаем получить от тебя те места, которые по праву нашего рождения принадлежат нам среди ирландских фенниев.

И, сказав это, потомки Морне положили заветные плоды перед Финном.

Финн, сын Кумала, узнал эти плоды, ибо знал, какой вид они имеют.

Он взял один из принесенных плодов, положил его себе на ладонь и поднес к своему носу.

Затем он обратился к потомкам Морне.

— Клянусь моей рукой, о потомки Морне, — сказал Финн, сын Кумала, — что не вы, а Диармайд, сын О'Дуйвне, сорвал эти плоды с дерева жизни Дуврос, ибо я чую запах сына О'Дуйвне в них. И сердце мое убеждается в том, что это не вы, а он убил страшного великана Скарвана

Лохланнаха. А потому я пойду и проверю, не поселился ли Диармайд на дереве жизни Дуврос. Но вам нет проку от того, что вы принесли мне эти плоды. И вы не получите мест ваших отцов среди ирландских фенниев до тех пор, пока сами не добудете и не принесете мне достойный выкупи за смерть моего отца.

После этого приказал Финн, сын Кумала, семи отрядам зеленых фешшев собраться в одном месте и двинуться кратчайшим путем к Дувросу Уй-Фиахрах.

Там они вскоре обнаружили следы Диармайда и пошли по ним.

Следы привели их к дереву жизни Дуврос, и они беспрепятственно переступили запретный круг, увидели заветные плоды и обнаружили, что никто их не стережет.

В тот день стояла невыносимая жара, и она истомила всех ирландских фенниев, и их вождей, и предводителей, и самого Финна, сына Кумала.

И Финн, сын Кумала, обратившись к ирландским фенниям, сказал, что он хочет остаться под сенью дерева жизни Дуврос и пробыть там, пока не спадет жара.

— Я знаю, — сказал Финн, — что Диармайд скрывается на верхушке дерева жизни Дуврос.

— Это лютая ревность говорит в тебе, о Финн, нашептывая, что Диармайд скрывается на верхушке дерева жизни Дуврос. — возразил ему Ойсин, — ибо как может он оставаться здесь, зная, что ты преследуешь его, чтобы убить.

В то время как Финн и Ойсин разговаривали, таким образом, между собой и все вожди ирландских фенниев окружали их. Финн приказал принести ему шахматную доску и сказал, обращаясь к Ойсину:

— Я сыграю с тобой, Ойсин, на этой доске.

По одну сторону доски сел Финн, сын Кумала, а по другую — Ойсин с Осгаром, и Дубтахом, сыном Лугайда, и Диорруйнгом, сыном Довара О'Байсгне.

Хотя Ойсин играл в этот раз хитро и умело, Финн вел игру против Ойсина столь же искусно.

И когда была очередь Ойсина делать ход, Финн сказал ему:

— У тебя есть один ход, Ойсин, которым ты можешь выиграть эту игру. И я разрешаю всем, кто окружает тебя, показать тебе его.

— Я жалею, — сказал Диармайд, наблюдая игру с верхушки дерева жизни Дуврос, — что ты находишься в таком затруднении, Ойсин, а меня нет рядом с тобой, чтобы показать тебе этот ход.

— Но тебе, Диармайд, гораздо хуже сейчас, чем Ойсину, — сказала

Граине, — ибо ты находишься на верхушке дерева жизни Дуврос, на ложе великана, окруженный семью отрядами воинов. И это хуже, чем сделать плохой ход.

Но Диармайд сорвал один из плодов и бросил его в ту фигуру, которой нужно было пойти.

Ойсин пошел этой фигурой и выиграл партию у Финна.

Затем они начали вторую партию, и когда игра опять пришла в такое же положение и Диармайд увидел, что его друг Ойсин находится в затруднении и может проиграть, он снова сорвал плод с дерева жизни и бросил его в ту фигуру, которой нужно было пойти.

И Ойсин опять выиграл партию.

Финн в третий раз начал игру против Ойсина. И Диармайд сорвал третий плод и вновь, когда игра пришла в такое же трудное положение, помог своему другу Ойсину, бросив плод в ту фигуру, которой нужно было пойти.

И Ойсин выиграл в третий раз.

И когда Финн, сын Кумала, был трижды разбит на шахматной доске, все ирландские феннии, вожди и военачальники испустили крик торжества и ликования.

Тогда Финн сказал громко, обращаясь к Ойсину:

— Я не удивляюсь тому, что ты выиграл эти партии, о Ойсин; хоть и Осгар старался помочь тебе, и Дубтах, сын Лугайда, искал для тебя лучший ход, и Диорруйнг не жалел своих сил ради твоей победы, все же ты выиграл эти партии оттого, что Диармайд, находящийся на верхушке дерева жизни Дуврос, помогал тебе, указывая, какую фигуру нужно двинуть, тем, что бросал в нее плоды.

— Это лютая ревность говорит в тебе, о Финн. Она заставляет тебя думать, что Диармайд, сын О'Дуйвне, может скрываться на верхушке дерева жизни Дуврос. Разве стал бы он поступать так, зная, что ты преследуешь его и хочешь отрубить ему голову?

Тогда Финн, сын Кумала, обратил свой взор в сторону дерева жизни Дуврос и громко крикнул:

— Кто из нас прав, о сын О'Дуйвне, я или Осгар? Ответь нам.

— Ты никогда не ошибаешься в своих суждениях, о Финн, — отвечал ему Диармайд с верхушки дерева жизни Дуврос, — я и Граине действительно здесь, на ложе великана Скарвана Лохланнаха.

И с этими словами Диармайд обнял дочь великого Кормака Граине и трижды поцеловал ее на глазах у Финна, сына Кумала, и всех ирландских фенниев, их вождей и предводителей.

— Это еще худшее оскорбление для меня, — сказал Финн, сын Кумала, — ибо в ту злосчастную ночь, когда в долине Темры ты увел от меня Грайне, дочь Кормака, со мной были другие воины, вожди и военачальники, а сейчас мой позор видят семь отрядов ирландских фенниев и все мужи зеленой Ирландии, которых не было тогда в долине Темры. И потому ты заплатишь своей головой за эти поцелуи, о Диармайд!

Сказав эти зловецкие слова, Финн, сын Кумала, поднялся во весь свой огромный рост, готовый немедленно убить Диармайда О'Дуйвне.

После этого Финн, сын Кумала, приказал четырем сотням вошювнаемников, которые получали от него плату, корм и оружие, взявшись за руки, окружить дерево жизни Дуврос огромным кольцом, разомкнуть которое не смог бы ни один человек на свете.

Затем Финн, сын Кумала, проверил, крепко ли держат наемники друг друга за руки, и, обращаясь к ним, сказал, что каждый из них лишится головы и распрощается с жизнью, если они дадут Диармаиду О'Дуйвне выйти из этого круга.

Потом Финн, сын Кумала, обратился к фенниям и сказал:

— Найдется ли среди вас, о ирландские феннии, такой отважный воин, который поднимется на верхушку дерева жизни Дуврос и сразится с Диармайдом О'Дуйвне? Тот, кто принесет мне голову Диармайда, получит его замороженное оружие. И этому бесстрашному воину я сразу же отдам место отца и деда Диармайда среди ирландских фенниев.

Тогда выступил вперед Гарв из Слиав-Куа и, обращаясь к Финну, сыну Кумала, сказал:

— Отец Диармайда О'Дуйвне, Дони О'Доннхуада убил моего отца. И, чтобы отомстить за его смерть, я поднимусь на верхушку дерева жизни Дуврос, сражусь с Диармайдом и принесу тебе его голову, о Финн.

Но приемный отец и воспитатель Диармайда, добрый волшебник Ангус из Бруга, сидя в своей крепости, почувствовал, что с Диармайдом случилась какая-то беда, и немедленно устремился к нему на помощь.

Ангус из Бруга приблизился к дереву жизни Дуврос и укрылся в его густых ветвях, не замеченный и не узанный ни Финном, сыном Кумала, ни ирландскими фенниями, ни наемниками,

И в то самое мгновение, когда Гарв из Слиав-Куа добрался до верхушки дерева жизни Дуврос, Диармайд О'Дуйвне, вытянувшись во весь свой могучий рост на ложе великана Скарвана Лохланнаха, шагнул навстречу Гарву из Слиав-Куа и дал ему такого пинка ногой, что злосчастный воин, чуть вскрикнув, свалился с дерева жизни Дуврос на землю и упал как раз туда, где стояли сомкнутым кругом наемники Финна,

сына Кумала.

А в это время Ангус из Бруга с помощью своих чар устроил так, что Гарв из Слиав-Куа лицом стал похож на Диармайдл О'Дуйвие.

Поэтому, когда он свалился на землю с дерева жизни Дуврос, наемники приняли его за Диармайда и, тотчас отрубив ему голову, отнесли ее Финну, сыну Кумала.

Но чары Ангуса из Бруга были таковы, что, как только Гарв из Слиав-Куа был убит, личина Диармайда слетела с него и он вновь приобрел свои собственные черты.

Поэтому, едва Финн, сын Кумала, и ирландские феннии взглянули на него, они тотчас признали в нем Гарва из Слиав-Куа.

Тогда Финн, сын Кумала, обратился ко всем присутствующим и объявил им, что не Диармайд О'Дуйвие, а Гарв из Слиав-Куа упал с дерева жизни Дуврос и был убит наемниками.

После этого выступил вперед Гарв из Слиав-Крота и, обратившись к Финну, сыну Кумала, и ко всем ирландским фенниям, сказал, что он поднимется на верхушку дерева жизни Дуврос и отомстит Диармаиду за своего отца, убитого отцом Диармайда — Донном О'Доннхуадон.

Он стал взбираться по стволу дерева жизни Дуврос, но не достиг и середины его, как Ангус из Бруга, притаившийся в ветвях, дал ему такого пинка ногой, что злосчастный Гарв из Слиав-Крота полетел на землю и свалился туда, где стояли наемники Финна, сына Кумала, окружившие кольцом дерево жизни Дуврос.

Ангус из Бруга снова сделал так, что Гарв из Слиав-Крота стал лицом похож на Диармайда О'Дуйвие, и наемники, признав в упавшем воине Диармайда, тотчас отрубили ему голову и поволокли ее к Финну, сыну Кумала.

Но едва Финн, сын Кумала, взглянул на принесенную ему голову, он сразу же признал в упавшем Гарва из Слиав-Крота и объявил всем присутствующим, что вновь убит не Диармайд О'Дуйвие, а Гарв из Слиав-Крота (ибо личина Диармайда слетела с него, как только он был убит).

Финн, сын Кумала, вновь обратился к своим людям и спросил, найдется ли среди них еще хоть один бесстрашный воин, который бы отважился на бой с Диармайдом О'Дуйвие.

Выступил вперед Гарв из Слиав-Гуайре и сказал, обращаясь к Финну, сыну Кумала, и всем ирландским фенниям:

— Отец Диармайда О'Дуйвие, Дони О'Доннхуада, убил моего отца. И, чтобы отомстить за его смерть, я поднимусь на верхушку дерева жизни Дуврос, сражусь с Диармайдом и принесу тебе его голову, о Финн.

Сказав это, он храбро стал взбираться по стволу дерева жизни Дуврос.

И снова вытянулся Диармайд О'Дуйвне во весь свой могучий рост на ложе великана Скарвана Лохланнаха и, едва Гарв из Слиав-Гуайре достиг верхушки дерева жизни Дуврос, дал ему такого пинка ногой, что злосчастный Гарв из Слиав-Гуайре полетел на землю.

И вновь Ангус из Бруга придал его лицу черты Диармайда О'Дуйвне, и как только юноша свалился с дерева жизни на землю, наемники, признав в нем Диармайда, обезглавили его и только после этого увидели, что это был не Диармайд О'Дуйвне, а Гарв из Слиав-Гуайра.

Так один за другим поднялись на верхушку дерева жизни Дуврос девять Гарвов из числа ирландских фенниев. И все они упали на землю и были убиты там людьми Финна, сына Кумала, которые под влиянием чар Ангуса из Бруга принимали их за Диармайда О'Дуйвне и только после их смерти узнавали о своей ошибке.

Что же касается Финна, сына Кумала, то его сердце наполнилось тоской, болью и невыразимой печалью, когда у него на глазах были сброшены наземь Диармайдом О'Дуйвне и обезглавлены его наемниками девять славных и отважных Гарвов.

То были: Гарв из Слиав-Куа, Гарв из Слиав-Крота, Гарв из Слиав-Гуайре, Гарв из Слиав-Муйке, Гарв из Слиав-Мисс, Гарв из Слиав-Мор, Гарв из Слиав-Луга, Гарв из Атт-Фрайха и Гарв из Дром-Мора.

Погрузясь в тяжкое раздумье, сидел Финн, сын Кумала, под сеиью дерева жизни Дуврос.

А тем временем добрый волшебник Ангус из Бруга обратился к Диармайду О'Дуйвне и сказал ему, что он хочет увести с собою Грайне, дочь Кормака.

— Уведи ее отсюда, Ангус, — отвечал Диармайд О'Дуйвне. — Если я останусь жив, то к вечеру буду с вами, а если коварный Финн, сын Кумала, убьет меня, то возьми к себе и воспитай достойно ребенка, который может родиться у Грайне. А саму Грайне отошли к ее отцу, великому Кормаку, в Темру.

После этого Ангус из Бруга простился с Диармайдом О'Дуйвне и, пожелав ему удачи и успехов, закутал себя и Грайне в свой чудесный волшебный плащ.

И они скрылись, уносимые прохладным попутным ветром, не замеченные и не узанные ни Финном, сыном Кумала, ни ирландскими фенниями, ни их вождями и военачальниками, ни наемниками Финна, сына Кумала.

И нам ничего не известно о том, что было с Грайне, дочерью Кормака,

и Ангусом из Бруга до тех пор, пока не достигли они крепости Ангуса — Бруга на Бойне.

Когда Ангус и Грайне унеслись, закутанные в чудесный волшебный плащ, и стали недостижаемы для злобы коварного Финна, сына Кумала, Диармайд О'Дуйвне поднялся на широком ложе великана Скарвана Лохланнаха и, выступив вперед, сказал, обращаясь к Финну, сыну Кумала, и ко всем ирландским фенниям:

— Я спущусь к тебе, о Финн, и к вам, ирландские феннии. Но знай, о Финн, я буду сражаться с тобой и с фенниями, сея смерть и ужас среди твоих людей. Ибо я уверен, что ты никогда не захочешь дать мне свободу, и будешь все время меня преследовать, чтобы отнять у меня жизнь, если не здесь, то в каком-нибудь другом месте. Теперь я вижу, — продолжал Диармайд, — что мне не избежать той опасности, которая мне грозит от тебя. Потому что нет у меня ни друга, ни соратника ни в одном, даже самом отдаленном уголке зеленого острова Ирландии, на чью защиту и гостеприимство я бы мог рассчитывать. Ты знаешь, что всех их я поразил своим мечом или пронзил своим копьем из преданности и любви к тебе, о Финн, так как не было ни одной битвы и ни одного поединка, где бы я не выступил в твою защиту и не стал бы на твою сторону. И ты хорошо знаешь, о Финн, что я не жалел себя ради тебя и ради ирландских фенниев. И ты хорошо знаешь также и то, что никому из тех, против кого я выступал с оружием в руках или безоружный в единоборстве силою мышц моих, не удавалось уйти живым. Теперь же, я клянусь своей рукой, — воскликнул Диармайд, — что я отомщу за себя и не достанусь тебе легко, о Финн!

Тогда выступил вперед Осгар, сын Ойсина, и сказал, обращаясь к Финну, сыну Кумала:

— Разве не говорит Диармайд правду? Смягчи свое сердце, о Финн, и прости его.

— Нет, — отвечал Финн, сын Кумала, — никогда в жизни я не прощу Диармайда О'Дуйвне. И не будет ему от меня мира и покоя, пока не даст он мне удовлетворения за все то зло и оскорбления, которые он мне причинил.

— Это глупый стыд и лютая ревность говорят в тебе, о Финн, — сказал Осгар, — но клянусь моей рукой и даю слово благородного воина, что, пока небо не упадет на меня и пока земля не разверзнется под моими ногами, я не позволю ни тебе, ни кому-либо из ирландских фенниев тронуть Диармайда О'Дуйвне и причинить ему даже легкую рану или царапину. Пусть знают все в зеленой Ирландии, — воскликнул Осгар, — что я беру жизнь и дело Диармайда О'Дуйвне под защиту моей храбрости и моей доблести! Клянусь, что буду защищать его один хотя бы против всех

воинов Ирландии. О Диармайд! — громко вскричал Осгар, обращаясь к нему. — Спустись на землю с дерева жизни Дуврос, и я обещаю тебе, что, хотя Финн, сын Кумала, и не дарует тебе прощения, я становлюсь на твою сторону. Вручаю тебе свою жизнь и свое тело, о Диармайд. Ты знаешь, у меня крепкая рука. И никто не сможет причинить тебе никакого зла.

Тогда Диармайд О'Дуйвне вытянулся во весь свой огромный рост и стал на высокую ветку — самую длинную и крепкую ветку дерева жизни Дуврос. Там он оперся на свое заговоренное копьё и поднялся на воздух, легкий, как птица, быстрый, как молния, недосягаемый, как ветер.

Он опустилсЯ в долине между двух холмов, покрытых сочной зеленой травой. Эти холмы находились далеко позади Финна, сына Кумала, ирландских фенниев, их вождей и военачальников и были за пределами того замкнутого круга, которым наемники Финна, сына Кумала, хотели окружить Диармайда.

От давних времен дошла до нас небольшая песня, которая рассказывает о делах, происшедших тогда между Диармайдом О'Дуйвне и ирландскими фенииями, начиная с той минуты, когда ирландские феннии в поисках Диармайда О'Дуйвне впервые переступили запретный круг и сплошным кольцом окружили дерево жизни Дуврос, и до тех пор, пока они и Диармайд О'Дуйвне не расстались между собою:

Я помню игру, которую вел
Вождь зеленых ирландских фенниев,
Которую вели Финн и сын его
В Бун-Эрсе, на далеком западе.
Я сам сел за стол под древесной листвою,
Сел я сам и два моих сына
Рядом со мной — с Финном О'Байсгне.
Увы! То была печальная услада.
Шахматная доска лежала меж нами —
Между вождем и славным воином.
Фигуры быстро передвигались по доске.
Была то не забава, не пустая игра.
Белозубый Диармайд бросил плод
С верхушки дерева на шахматную доску
Ойсин быстро схватил его
И поставил фигуру на указанное место.

Финн О'Байсгно обратился к сыну и сказал ему:

Финн

Кто-то сидит на верхушке дерева.
Будет у нас смертельный бой.
Будем мы беспощадно сражаться
С тем, кто нам — жестокий враг.

Тогда заговорил Осгар, внук его, сын бесстрашного, благородного
Ойсина.

Осгар

Кто же тот неведомый человек,
Смерти которого ты так жаждешь?

Финн

Не отвлекай меня от игры, Осгар,
Славный воин с твердой рукою.
Скажу тебе только, что кровь прольется,
Когда мы кончим нашу игру.

Осгар

Не говори так, о повелитель,
Прошу тебя, не хмурь свои брови.
Знаю: Диармайд ненавистей тебе.
Но достойнее будет — не думать о нем.

Молвил тогда пылкий Файлан, и сказал он, обращаясь к воинам:

Файлан

Не позволим мы уйти Диармайду,
Уведя с собою свою подругу.
Позор падет на тебя, Осгар,
Воин, отличившийся во всех битвах.

Если вздумаешь ты защищать врага
Вопреки мне и отцу.

Осгар

Сойди с дерева, Диармайд О'Дуйвне,
Я беру тебя под свою защиту.
Клянусь своей силой, я охраню тебя
От старого Финна и ирландских фенниев.

Голл

Большие слова молвил ты, Осгар, —
Сказал хмурый Голл, сердито насупясь, —
Заявив, что берешь под свою защиту
Нашего врага против всей Ирландии.

Осгар

Ты не выступишь никогда с, оружием в руках
Против меня, о смелый Голл,
Против потомка великого рода
И против славного Диармайда О'Дуйвне.
Ты не станешь враждебен
Племени Диармайда О'Дуйвне,
Племени, давшему зеленой Ирландии
Столь прославленного и могучего воина,
Иначе я подниму свой светлый меч
И с оружием в руках докажу всем воинам
Свою верную любовь и преданность Диармайду,
Если даже сам сложу свою голову за него.

Голл

Если такова твоя смелая речь,
О могучий воин, не знающий страха

И в кровавых битвах поражающий врагов,
То обрушь свои тяжкие удары на нас.
Пусть докажут они нам правоту твоих слов,
И пусть всем в Ирландии станет ясно,
Что не пустыми речами, а силою рук своих
Защитить ты хочешь Диармайда О'Дуйвне,
Потом заговорил упрямый Кайрил,
И своим громким, звучным голосом,
Далеко разносившимся по равнинам Ирландии,
Воззвал он к Осгару, сыну Ойсина.

Кайрил

Ужели хочешь начать ты битву —
Лютую битву против своих кровных?
Тогда выходи вперед во всеоружии,
Ибо силой ты должен подтвердить свои слова.
Заговорил тогда юный Осгар,
Обращаясь к Кайрилу и хмурому Голлу,
И то, что сказал он им в яром гневе,
Было жестоким и устрашающим.

Осгар

Да, я выступлю против вас обоих
С оружием в руках на стороне Диармайда
И разрублю ваши крепкие кости,
Так, что вы оба лишитесь жизни.
И в этот миг доблестный Диармайд О'Дуйвне
Вытянулся на длинной и крепкой ветви
И прыгнул на землю с верхушки дерева,
Опершись рукою на заговоренное копье.
Мышцы его тела напряглись в прыжке,
И когда спустился он на твердую землю,
Содрогнулась земля от мощного толчка
И ужасный шум оглушил собравшихся.
Пять сотен наемников Финна

И, казалось, не меньше вождей и фенниев
Встали с оружием против Диармайда,
Прежде чем смог он достичь Осгара.
А Осгар бесстрашно вытянул меч свой
И, подобно легкому, быстрокрылому ветру,
Что несется по холмам и долинам Ирландии,
Ринулся вперед, сокрушая все преграды.
И с такою силой обрушился он на воинов,
Прокладывая себе дорогу по мертвым телам,
Что кровь лилась и бурлила вокруг него,
Как струится вода в горном водопаде.
Выступил вперед разумный Конан
И сказал, обращаясь к старому Финну;
Вспомнил он давнишнюю лютую вражду,
Что царила меж близкими ирландскими племенами.

Конан

Взгляни, как страдает племя Байсгне,
Как погибают его самые лучшие воины,
Сражаясь со своими единокровными братьями.
Брат с братом сражается, убивая друг друга.

Заговорил, наконец, старый Финн:
Финн

Уберите прочь свое кровавое оружие
И ступайте немедленно в просторный Альмайн,
И племя Морне пусть следует за вами.
Увы! Нас покинули два славных воина —
Диармайд О'Дуйвне, Краснолицый и Белозубый,
И Осгар — воин великих подвигов,
Оставившие нас в долине смерти.

После этого кровавого побоища Осгар, сын Ойсина, и Диармайд О'Дуйвне обнялись, и оказалось, что ни один из них не получил ни единой

раны, ни царапины.

Они направились на запад, и нам ничего не известно о них, пока не достигли они Бруга на Бойне. Там Грайне, дочь Кормака, и добрый Ангус встретили их с большой радостью, гордые подвигом, который совершили Диармайд и Осгар.

Тогда Диармайд О'Дуйвне стал рассказывать об их смелости и поведал Грайне и Ангусу все подробности страшной битвы от начала до самого конца.

Но младенец, который зрел в чреве Грайне, от испытанного ею страха затрепетал и умер.

Вернемся теперь к Финну, сыну Кумала. После того как Диармайд, сын О'Дуйвне, и Осгар, сын Ойсина, покинули его, он оглядел поле битвы и увидел, что девять вождей и девять сотен ирландских фенниев и наемников были изрублены и превращены в кровавое месиво. Тогда послал он всех воинов, которые еще остались в живых и были в состоянии двинуться, туда, где они могли получить исцеление от ран, нанесенных им Осгаром к Диармайдом О'Дуйвне. Когда они ушли с поля битвы, Финн обратился к тем немногим, что остались невредимы в этом побоище, и приказал им вырыть широкую и глубокую могилу. В ней похоронили тех, кто бесславно погиб в тот печальный день битвы под деревом жизни Дуврос.

Упыл, полон скорбных и тяжких дум был Финн, сын Кумала, после всего того, что случилось. И в тот день на могиле погибших он дал страшную клятву.

— Клянусь, — сказал Финн, — и будьте все свидетелями, что я не успокоюсь ни днем, ни ночью, пока не отомщу Диармайду О'Дуйвне.

Затем он призвал к себе самых верных и преданных людей и мелел им снарядить большой корабль для длительного плавания. Люди Финна, сына Кумала, сделали большой запас еды, мяса и других продуктов и нагрузили ими корабль.

Когда все было готово, они сообщили об этом Финну, сыну Кумала, и он приказал десяти сотням храбрых и бесстрашных воинов сесть на корабль, чтобы отплыть с ним.

Они подняли из голубых вод тяжелый якорь и взмахами крепких весел направили корабль по необъятным морским просторам. Белыми широкими парусами они поймали чистый и прохладный ветер и, разрезая носом корабля бурлящие волны, а высокими мачтами бороздя небо и испарывая чрева тяжелых туч, понеслись по океану наперекор грозным волнам.

Нам ничего не известно о том, как они плыли, до тех пор, пока не пристали к тихой гавани на севере Альбы. Причалив к пристани, они

крепкими канатами привязали свой легкокрылый корабль к столбам, которые возвышались на берегу.

Затем Финн, сын Кумала, и пять преданных ему вождей сошли на берег и направились к замку властителя этой страны, королю Альбы.

Когда пять воинов, впереди которых шел великий Финн, подошли к замку короля, Финн изо всех сил ударил в колокол у двери. На его звон тотчас выбежал привратник и спросил звонивших:

— Кто стоит у дверей замка короля Альбы?

— Финн, сын Кумала, — ответил ему Финн, назвав себя.

— Пусть они входят, — сказал король.

После того как Финну и его людям были открыты двери замка, они предстали перед королем.

Король Альбы принял Финна, сына Кумала, радушно, с почетом и устроил в его честь большой пир. Он попросил Финна занять его королевское место. Затем была подана добрая еда, а в драгоценных кубках — хмельной мед и крепкие вина, развеселившие души собравшихся.

Вскоре король отправил несколько посланцев на корабль Финна, сына Кумала, чтобы они пригласили прочих бойцов и военачальников Финна посетить светлый праздник и отведать его угощения.

После этого Финн поведал королю Альбы о том, что заставило его двинуться в столь далекий путь и привело в его владения. Он рассказал королю всю историю своего сватовства к Грайне от самого начала до конца и прибавил, что прибыл к нему просить совета и помощи.

— Твой долг — помочь мне, — сказал Финн, сын Кумала, — ибо Диармайд О'Дуйвне убил твоего отца и он же убил двух твоих братьев, как и многих вождей твоего племени.

— Да. Все, что ты говоришь, о великий Финн, правда, — отвечал ему король Альбы, — и я дам тебе двух своих сыновей и отряд в тысячу воинов.

Радостно стало на душе старого Финна, когда он услышал такие слова от короля Альбы и узнал, что тот дает ему двух своих могучих сыновей и тысячу бесстрашных воинов.

Поэтому вскоре Финн собрал своих вождей, фенниев и наемников, поблагодарил щедрого хозяина за оказанные ему прием и помощь, а затем тепло попрощался с ним, пожелав ему и его близким благополучия, боевой удачи, богатства и доброго здоровья. Король ответил ему теми же пожеланиями и заверил Финна, сына Кумала, что он — верный и преданный друг ему и ирландским фенниям.

После этого Финн и сопровождавшее его войско покинули дворец

короля Альбы и отправились своей дорогой.

Вскоре они сели на свой легкокрылый корабль и направились еще дальше на запад.

Нам ничего не известно о них до тех пор, пока не достигли они Бруга на Бойне.

Там сошли они на землю, и Финн, сын Кумала, отправил посланца в дом Ангуса на Бойне и объявил, что намерен сражаться против Диармайда О'Дуйвне и требует, чтобы враг принял его смертный вызов.

— Как мне поступить, получив этот вызов, о Осгар? — спросил Диармайд О'Дуйвне.

— Мы вместе дадим бой Финну и его людям, — отвечал Осгар. — Мы изрубим их кости и превратим их в кровавое месиво. И ни один воин, будь то вождь, наемник или зеленый фенний, не уйдет от нас живым. Мы уничтожим их всех.

Когда первые лучи солнца упали на землю, Диармайд О'Дуйвне и Осгар поднялись ото сна и облачили свои могучие тела в броню кольчуг, лат и шлемов — непроницаемую броню кровавых битв. А затем эти два воина — герои, не знающие поражений и страха в бою, — направились к тому месту, где должна была произойти битва между ними и огромным войском Финна, сына Кумала.

Приблизившись к своим врагам, они вскричали, потрясая смертоносным оружием:

— Выходите на бой с нами! Выходите на бой все, сколько бы вас ни было, много или мало. Пусть выходят вперед те, кто не боится вступить в бой с двумя разгневанными воинами.

После этого Диармайд и Осгар соединили борта своих щитов, и никакая сила не могла раззять их в пылу боя.

Тогда выступили вперед два сына короля Альбы и сказали, обращаясь к Финну:

— Разреши, о Финн, нам и нашим людям выступить первыми и сразиться с двумя врагами.

Сказав это, они сошли с корабля и вступили в бой с Диармайдом и Осгаром. Четыре грозных воина устремились друг на друга, но вскоре сыновья короля Альбы пали, сраженные Диармайдом и Осгаром.

А затем Диармайд и Осгар обрушили свои удары на остальных бойцов вражеского войска. И были они похожи на двух ястребов, что бросаются на растерявшихся цыплят, или на двух китов, глотающих мелкую рыбешку, или на двух волков, опустошающих стадо робких ягнят.

И так велик был страх, и так силен ужас, и так беспредельно отчаяние,

в которое эти славные и бесстрашные воины повергли своих врагов, что ни один человек во всей зеленой Ирландии не мог бы рассказать о них. Ибо не осталось в живых ни одного воина, чтобы поведать о бессмертном подвиге Диармайда О'Дуйвне и Осгара, сына Ойсина. Никто не спасся от их ударов, и каждый, кого настигали эти удары, должен был проститься с жизнью.

Так до захода солнца от неумолимого меча Диармайда и Осгара пало все великое войско Финна. А сами они — славные герои битв Диармайд и Осгар — не получили ни одной раны и ни одной царапины.

Когда Финн, сын Кумала, увидел страшное побоище, которое учинили его воинам два бесстрашных героя — Диармайд и Осгар, он вернулся на корабль и покинул это печальное место.

Нам ничего не известно о нем до тех пор, пока он не достиг Тир-Тайрн-Гире, где жила колдунья — его старая кормилица.

Финн предстал перед нею. Она рада была увидеть его.

Финн рассказал ей о причине своего путешествия, о своих душевных муках и оскорблениях, которые причинил ему Диармайд О'Дуйвне, и о борьбе, которую он ведет с ним. И, склонив перед своей кормилицей голову, Финн добавил, что он пришел просить у нее совета.

— К тому же, — сказал Финн, — никакое оружие не берет Диармайда и никакие силы не могут одолеть его. Я уверен, что только с помощью заклинаний можно сломить Диармайда.

— Я пойду с тобой, Финн, — сказала колдунья, — и испробую силу своих чар.

Финн, сын Кумала, был рад этому. Ту ночь он провел у ведьмы, а утром они решили двинуться в путь.

Нам ничего не известно о том, как они достигли Бруга на Бойне. Там ведьма произнесла свои заклинания над Финном и бывшими с ними фенниями, чтобы никто не знал, где они находятся.

Накануне Осгар простился с Диармайдом. А Диармайд отправился на охоту и рыбную ловлю как раз в тот день, когда ведьма своими заклинаниями скрыла в густых лесах Финна и фенниев.

Ведьма проведала о том, что Диармайд О'Дуйвне отправился на охоту, и пошла к старой мельнице, где набрала камней, затем отправилась на болото и там отыскала большой лист лопуха, посреди которого сделала дырочку, и, усевшись на этот лист, с помощью заклинаний поднялась на воздух, и, подгоняемая чистым и прохладным ветром, понеслась вслед за Диармайдом.

Вскоре она настигла его и через дырочку в лопухе стала бросать в Диармайда камушки, причинив герою немалый урон: она пробила кольчугу,

защищавшую его тело, и повредила его щит.

И Диармайд не мог бежать — до того были сильны чары ведьмы и до такой степени они одолели его. Все беды, какие он раньше перенес, казались пустяком по сравнению с этой невзгодой.

Стал он думать о том, каким бы образом мог он стряхнуть с себя это колдовство и вырваться из-под его власти. И подумалось ему, что, пока он не совсем еще обессилел, ему следует сразиться с ведьмой и попытаться убить ее своим копьем через ту дырочку, что была в лопухе. Ибо если он не одолеет ведьму, она прикончит его. Поэтому Диармайд О'Дуйвне повернулся к ведьме лицом и, зажав в руке копье Га-Дарг, собрал все еще оставшиеся у него силы и могучим рывком кинул замороженное копье в ведьму. И был тот бросок самым мощным из всех, какие доводилось ему делать в своей жизни.

Копье зажужжало, прорезая воздух, и через дырочку в лопухе пронзило ведьму: она замертво свалилась на землю. Диармайд обезглавил старуху и, захватив с собой ее безобразную голову, понес ее к Ангусу, в Бруг на Бойне.

На другой день Диармайд О'Дуйвне поднялся до восхода солнца, и вместе с ним встал Ангус. Ангус направился туда, где был Финн, сын Кумала, и, показав ему мертвую голову старухи, спросил, согласен ли он теперь заключить мир с Диармайдом. Финн ответил ему, что согласен заключить мир на любых условиях, какие бы ни предложил Диармайд.

После этого Ангус отправился туда, где был славный Кормак, король Ирландии, и попросил у него мира для Диармайда О'Дуйвне. И Кормак ответил, что он согласен на мир.

После всего этого Ангус отправился туда, где были Диармайд и Грайне, и спросил Диармайда, хочет ли он заключить мир с Финном, сыном Кумала, и Кормаком, королем Ирландии.

Диармайд ответил, что готов, если они согласятся выполнить все те условия, которые он предъявит им.

— Каковы же твои условия? — спросил Ангус.

— Я требую себе волость, которая принадлежала моим предкам, то есть волость О'Дуйвне. И чтобы я не должеи был платить за нее подать королю Ирландии, и чтобы Финн, сын Кумала, не имел права охотиться или ловить рыбу в ней. Кроме того, я требую себе волости Банн-Давуйса и Двухарна в Лагене как дар мне от Финна, сына Кумала, ибо это лучшие волости во всей Ирландии. А от Кормака, короля Ирландии, я требую себе волость Кейса-Карайна как приданое за его дочью Грайне. Вот мои условия. И только если они будут выполнены, соглашусь я заключить мир с

Финном, сыном Кумала, и Кормаком, королем Ирландии.

— Готов ли ты сразу же заключить мир, если они согласятся немедленно выполнить твои условия? — спросил Ангус.

— Да, — отвечал Диармайд.

Тогда Ангус из Бруга отправился туда, где находились Финн, сын Кумала, и Кормаке, король Ирландии, и сообщил им эти условия Диармайда О'Дуйвне.

Каждый из них без колебаний принял эти условия, ибо слишком большой урон наносил им Диармайд, и они простили ему все то зло, которое он причинил им за все те шестнадцать лет, что он был в изгнании.

После этого Кормаке, король Ирландии, отдал Финну, сыну Кумала, другую свою дочь, чтобы она стала ему женой и милой супругой. Он признал Диармайда О'Дуйвне своим зятем, и между тремя величайшими мужами Ирландии воцарились мир и спокойствие.

Диармайд и Грайне поселились в долге, что назывался Рат-Грайнан и находился в волости Кейса-Карайка, расположенной далеко от владений Кормака, короля Ирландии, и Финна, сына Кумала.

В скором времени Грайне родила Диармаиду четырех сыновей и одну дочь, которым дали имена: Доннхад, Зохайд, Коннла, Сейльвсхарках и Друйме.

Диармайд и Грайне отдали Банн-Баннхуас, который находится в Духарне Лагенской, своей дочери Друйме, и Диармайд отправил туда с нею служанку.

Долгое время его семья жила в мире и спокойствии, и люди говорили, что во всей Ирландии нет человека более зажиточного и более богатого скотом и пастбищами, чем Диармайд О'Дуйвне.

Но однажды Грайне обратилась к Диармаиду с такой речью:

— Стыдно должно быть нам, имея такое множество слуг, такой богатый дом и такой неисчислимый достаток, жить так уединенно, что два наиболее знатных, прославленных и могучих мужа Ирландии никогда не бывают в нашем доме.

— О ком говоришь ты, о Грайне? — спросил ее Диармайд.

— О Кормаке, короле Ирландии, и о Финне, сыне Кумала, — отвечала она.

— Как можешь ты называть их, Грайне! — воскликнул Диармайд. — Ведь ты знаешь лучше, чем кто-либо, что они мои враги.

— Я готова устроить для них большой пир, — ответила Грайне, — и ты можешь приобрести их любовь.

— Я не возражаю против этого, — сказал Диармайд, — и позволяю

тебе устроить такой пир.

— В таком случае, — промолвила Грайне, — прикажи твоей дочери приготовить другой пир, чтобы мы могли принять Финна, сына Кумала, и Кормака, короля Ирландии, не только у себя, но и в ее доме. И хотя сказать заранее трудно, но возможно, что она найдет себе на этом пиру достойного мужа.

После того как Диармайд и Грайне условились обо всем, они стали готовить два больших празднества в доме Диармайда и в доме его дочери. Эти приготовления длились около года, и к концу этого времени два гонца были посланы к королю Ирландии Кормаку и к Финну, сыну Кумала. На пиршество были также приглашены семь отрядов ирландских фенниев и все вожди ирландских племен.

Целый год продолжалось это пиршество — с самого дня их прибытия в дом Диармайда О'Дуйвне и его дочери.

В последнюю ночь Диармайд О'Дуйвне крепко заснул в своем Рат-Грайнани. Вдруг среди ночи его разбудил лай собаки, который заставил его подняться с ложа. Но Грайне остановила Диармайда и, обвив руками его шею, спросила, что ему приснилось.

— Я услышал во сне лай собаки, — ответил Диармайд, — и сильно удивлен и встревожен этим.

— Можешь спать спокойно, — отвечала ему Грайне, — ибо это воины племени Туата Де Дананн подняли такой шум и разбудили тебя, несмотря на запрет Ангуса из Бруга на Бойне. Поэтому ложись снова в постель.

Диармайд последовал совету жены и милой супруги, но сон долго бежал его очей; а едва он задремал, как опять услышал тот же лай собаки.

Он снова поднялся со своего ложа, собираясь пойти разыскать собаку. Но, как и в первый раз, Грайне вновь обвила его шею руками и уложила его в постель, сказав, что лай этот не может быть условным знаком, вызывающим его на встречу с кем-нибудь. И потому Диармаиду не к чему вставать среди ночи и идти на розыски какой-то собаки.

Диармайд улегся на свое ложе и долго не мог заснуть; но лишь только сон охватил его усталые члены, как он в третий раз услышал лай собаки и пробудился. На дворе был уже ясный и светлый день.

Диармайд сказал, обращаясь к Грайне:

— Пойду и разыщу собаку, чей лай не давал мне спать до рассвета.

— Что ж, ступай, — ответила Грайне, — только возьми с собой свой меч Моральтах-Мананнан и копье Га-Дарг.

— Нет, — сказал Диармайд, — незачем мне брать с собой такое оружие. Хватит мне меча Баг-Альтах, привешенного на поясе, копья Га-

Бунде в одной руке и кинжала в другой.

Затем Диармайд О'Дуйвне покинул Рат-Грайнан и шел не останавливаясь, пока не достиг вершины Баин-Гульбайна.

Там он увидел перед собой Финна, сына Кумала, который был совсем один, и никто из вождей, фенниев или слуг не сопровождал его.

Подойдя к Финну, Диармайд не поздоровался с ним и не приветствовал его, а только спросил его, как это он дерзнул охотиться в его владениях. Финн ответил ему, что начал охоту не он, а многие гости, приглашенные на пир, которые еще в полночь покинули дом Диармайда и пустились в погоню за диким банн-гульбайнеким кабаном.

— Один из наших псов, — продолжал Финн, — напал на след дикого кабана, который мы потеряли, почему и не могли затравить его днем. Это дикий кабан, который зовется банн-гульбайнским, и феннии давно уже преследуют его, но безуспешно, ибо много раз он убегал от них. Сегодня утром этот разъяренный зверь разорвал тридцать смелых ирландских фенниев. А сейчас он как раз взбирается на этот холм, на вершине которого мы стоим, и растерянные воины в страхе и ужасе убегают от него. Уйдем отсюда, Диармайд, и уступим ему эту вершину.

Но Диармайд ответил Финну, что он ни за что не покинет этого холма из страха перед диким кабаном.

— Тебе все равно нельзя оставаться здесь, — сказал Финн, сын Кумала, — ибо на тебе лежит зарок никогда не охотиться на кабанов.

— Почему же был наложен на меня такой зарок? — спросил Диармайд.

— Я расскажу тебе это, — отвечал ему Финн. — Однажды случилось мне быть в Альмайне Лагенском, просторном и величавом, и семь отрядов верных фенниев были в ту пору со мной.

В дом вошел Бран-Баг О'Буахайн и спросил, обращаясь ко мне, помню ли я о том, что на меня наложен зарок не проводить десяти ночей подряд в Альмайне Лагенском, не уходя хотя бы на одну из них за стены этой твердыни.

Сейчас этот зарок не лежит ни на одном воине Ирландии — будь он вождем, феннием или наемником, кроме меня.

Все феннии отправились тогда в большой королевский зал, и со мною остался лишь один твой отец, Донн О'Доннхуада, да несколько бардов и друидов из числа фенниев. Мы были там с нашими сторожевыми и охотничьими псами.

Я обратился к окружавшим меня людям и спросил их, куда нам лучше всего направиться, чтобы весело провести эту ночь и развлечься. Твой отец

Донн О'Доннхуада сказал, что он предложит мне достойное развлечение.

«Ибо, если ты еще помнишь, о Финн, — сказал Донн О'Доннхуада, — в то времена, когда я был изгнан из числа фенниев и ты преследовал меня, Крохнуйт, дочь Корраха из Лифе, зачала от меня младенца и разрешилась от бремени крепким, здоровым и красивым мальчиком. Ангус — из Бруга на Бойне взял от меня новорожденного к себе в дом и воспитал его как приемного сына.

После этого Крохнуйт, дочь Корраха из Лифе, зачала еще одного младенца от Рока, сына Рока Диокайна, и тоже родила ему мальчика.

Рок, сын Рока Диокайна, зная, что один сын Крохнуйт уже воспитывается у Ангуса, попросил меня уговорить Ангуса, чтобы он взял к себе на воспитание также и его сына. Рок пообещал, что каждый вечер он будет присылать ему столько мяса, молока и всякой другой еды, что их хватит на девять человек. Я ему ответил, что считаю неподходящим делом воспитывать вместе с моим сыном сына худородного человека, но все же передал Ангусу просьбу Рока, сына Рока Диокайна, и Ангус согласился взять к себе на воспитание второго мальчика. Рок каждый вечер, как и обещал, посылал в дом Ангуса столько пищи, что ее хватило бы на прокорм девяти питомцев. Но я почти год не виделся с Ангусом и теперь предлагаю тебе, Финн, и всем, кто окружает тебя, пойти к Ангусу из Бруга на Бойне и попросить его принять и развлечь нас».

— После этого, — продолжал рассказывать Финн, — я и твой отец Донн О'Доннхуада вместе с людьми, что были с нами, направились к дому Ангуса из Бруга на Бойне, и ты, Диармайд, тоже находился там среди нас, как и сын Рока. И все мы заметили, что Ангус не проявлял к тебе такой сильной привязанности, какую проявляли домашние Ангуса к маленькому сыну Рока.

Твой отец весьма ревниво отнесся к этому, страдая из-за такого пренебрежения к его сыну.

В это время между двумя моими охотничьими собаками началась грызня из-за куска мяса, брошенного им со стола. Женщины и слуги дома бросились разнимать их.

Сын Рока попытался проскользнуть между коленями твоего отца, Донна О'Доннхуада, чтобы тоже попробовать разнять псов, но твой отец, Донн О'Доннхуада, сжал ребенка своими коленями с такой страшной силой, что сразу же задушил его. А затем швырнул его тело двум разъяренным псам.

Вскоре после этого в дом вошел Рок, сын Рока Диокайна, и, увидев своего сына мертвым, закрыл лицо руками, из его груди вырвался громкий

и протяжный вопль горя и страдания.

После этого он подошел ко мне и, став передо мною, сказал:

«В этом доме нет человека, который пережил бы горе более тяжкое, чем я, ибо у меня нет других детей, кроме этого единственного ребенка, и он убит. Так скажи мне, о Финн, должен ли я получить выкуп за смерть моего сына?»

— Я предложил ему тщательно осмотреть тело мальчика, — продолжал свой рассказ Финн, — и сказал, что, если он найдет на нем следы зубов или когтей моих псов, я сам уплачу ему выкуп за его сына.

Мальчика внимательно осмотрели, но следов когтей или зубов, от которых он мог бы умереть, найти не могли.

После этого Рок наложил на меня страшное и опасное для жизни заклинание Друйм-Драу-Снахта^[468], и я должен был под страхом смерти сказать ему правду о том, кто убил его единственного сына.

Тогда я попросил принести мне шахматную доску и воду. Я вымыл лицо и руки и, произнеся заклинание, закусил свой большой палец, чтобы узнать, кто виновен в смерти сына Рока. И эта ворожба в точности раскрыла мне, что именно твой отец убил сына Рока, зажав его между своими коленями. Когда я убедился в этом, я сам предложил Року достойный выкуп за смерть его ребенка, но он отказался от него. Тогда я вынужден был силой заклинания сказать ему, что твой отец убил его сына.

Рок заявил, что нет ничего проще, как получить выкуп за его сына в том доме, где воспитывается сын убийцы; но что он не возьмет никакого иного выкупа, а поступит с сыном убийцы так же, как тот поступил с его собственным. И только в том случае Рок простит твоему отцу смерть своего сына, если ему удастся получить от Рока собственного сына живым. Ангус пришел в ярость и разгневался на Рока, услышав эти слова, а твой отец, выхватив свой меч и желая снести Року голову с плеч, бросился на него. Но я развел их в разные стороны.

После этого Рок вновь подошел к телу своего сына, держа в руке волшебную палочку; он прикоснулся ею к телу мальчика и превратил его в огромного зеленого кабана без хвоста и без ушей. И, став перед этим кабаном, Рок произнес:

«Предрекаю, что тебе отпускается такой же срок жизни, как и Диармайду О'Дуйвне, и что ты будешь причиной его смерти».

После этого зеленый кабан вскочил и, хрюкнув, выбежал в открытую дверь.

Когда Ангус из Бруга на Бойпе услышал это заклятие, наложенное на тебя, он опечалился и предостерег тебя от охоты на диких кабанов.

«Ты никогда не должен охотиться на них», — сказал Ангус.

И тот зеленый кабан, о котором я сейчас рассказал тебе, и был именно банн-гульбайнским кабаном. И тебе не сулит ничего хорошего погоня за ним.

— Я ничего не слышал об этом заклятии, которое было наложено на меня, — сказал Диармайд. — Но я не уйду с этого холма из страха перед ним. А ты, Финн, прошу тебя, одолжи мне своего пса Брана в помощь моему мечу.

— Нет, — отвечал Финн, — я не дам тебе моего пса, ибо очень часто дикий кабан убегал от него.

После этого Финн, сын Кумала, пошел своей дорогой, оставив Диармайда одного без всякой помощи на вершине холма.

— Клянусь словом воина, — воскликнул Диармайд, — ты нарочно подстроил эту охоту, о Финн, чтобы я погиб на ней, ибо ты думал, что, если кабана загонят сюда, я не смогу защитить себя и спастись от него!

В это время дикий кабан показался на вершине холма, и травившие его феннии гнали его прямо на Диармайда О'Дуйвне.

Диармайд вынул из ножеи свой меч и замахнулся им на кабана. Но ударить зверя ему не пришлось, ибо, как только кабан приблизился к Диармайду, меч выпал у него из рук.

«Горе тому, кто не слушает совета доброй жены, — с печалью подумал Диармайд, — ведь мудрая Грайне говорила мне сегодня утром, чтобы я взял с собой меч Моральтах и копье Га-Дарг». Диармайд просунул свой белый как снег палец в шелковую петлю копья Га-Буйде и, нацелившись в кабана, метнул в него копье с такой силой, что оно вонзилось в самую середину его морды, но тут же отскочило, не причинив кабану ни малейшей раны или царапины и, не повредив ни одной щетинки.

Мужество Диармайда от этого поколебалось, но все же он выхватил свой кинжал Баг-Альтах из ножен, в которых тот находился, и нанес дикому кабану несколько ударов по его хребту; но так же, как и от удара копьем, и на этот раз ни одна щетинка кабана не пострадала, зато кинжал Диармайда разломился пополам. А дикий кабан, хоть и не получил ни раны, ни царапины, все же взревел в лютой злобе и, стремительным прыжком вскочив Диармайду на плечи, повалил его на землю и подмял под себя. А когда Диармайд попытался встать на поги, оказалось, что его голова была прижата к земле задними лапами кабана, а его ноги были распластаны под передними лапами зверя. Диармайд тогда вцепился в кабана, который, стараясь стряхнуть его с себя, прыгнул вниз с обрыва и, скрывшись от наблюдавших все это фенниев, помчался вперед и бежал, пока не достиг

Эас (Аида) Руайда-мик-Бадайрн, и, добежав до красного потока, сделал там три стремительных прыжка в разных направлениях над водопадом. Но все же и на этот раз он не мог сбросить с себя Диармайда. Тогда он понесся назад тем же путем и бежал, пока не достиг вершины банн-гульбайнского холма, и здесь, наконец, он скинул с себя Диармайда.

Когда Диармайд упал на землю, кабан яростно накинулся на него и вспорол ему живот, так что его внутренности выпали наружу.

Но в тот момент, когда банн-гульбайнекий кабан уже покидал вершину холма, Диармайд О'Дуйвне напряг свои последние силы и сделал победоносный ответный удар копьем (которое, по счастью, оказалось у него в руке) в голову кабана. От этого удара вытекли мозги у кабана, и он замертво свалился на землю. Поэтому место, где все это произошло, называется Местом Бед.

Вскоре после этого пришли сюда ирландские феннии и Финн, сын Кумала, и увидели умирающего Диармайда О'Дуйвне.

— Рад я видеть тебя в таком состоянии, Диармайд! — воскликнул Финн, сын Кумала. — И жаль мне, что все женщины Ирландии не могут увидеть тебя сейчас, ибо твоя удивительная красота обратилась теперь в безобразие и сам ты стал лишь подобием человека.

— Но в твоей власти исцелить меня, о Финн, — сказал Диармайд, — ибо когда тебе был дан на войне великий дар вершить человеческие судьбы, тебе была дана также способность исцелять каждого, кому бы ты ни дал испить глоток воды из своей ладони. И глоток этот сможет вернуть такому человеку молодость и здоровье.

— Ты не заслужил от меня того, чтобы я дал тебе такой глоток, — отвечал Финн.

— Это неправда, — воскликнул Диармайд, — я вполне заслужил его от тебя! Ибо когда ты пришел на веселый пир и пышное празднество в дом Дарка, сына Доннартада, и с тобой были вожди, знатные люди и прославленные воины Ирландии, Кайрпре Лифехайр, сын Кормака, сына Арта, и мужи из Брагмахта, и из Миды, и из Кармна, и самые сильные люди из Темры пришли в Бруйган и, став против тебя, прокричали тебе троекратный вызов и бросили в дом огонь и пылающий хворост; после этого ты встал и хотел уйти отсюда, но я посоветовал тебе остаться на пышном пиру, где нас развлекали и угощали очень гостеприимно. А затем я покинул дом Дарка, где вы весело пировали, и погасил пожар, обведя Бруйган тремя мертвыми кругами. И, проводя каждый круг, я убивал по пятьдесят вражеских воинов. А расправившись с ними, я вошел в дом, не получив ни раны, ни царапины. И ты был рад и счастлив, о Финн, и

похвалил меня за храбрость, проявленную мною в тот вечер, — продолжал Диармайд, — и тогда-то я попросил тебя за оказанную тебе услугу дать мне испить глоток воды из твоей ладони, когда мне это понадобится. И ты обещал мне исполнить мою просьбу. Но лишь сегодня я обращаюсь к тебе за нею и прошу тебя исполнить обещанное, ибо за все это время не было случая, чтобы я нуждался в твоей помощи, о Финн!

— Это не так, — возразил Финн, сын Кумала, — ты не заслужил от меня ничего хорошего, и я не обязан делать тебе добро и давать испить глоток из моей ладони. Ты думаешь, я забыл тот вечер, когда ты пришел со мной в Темру и в присутствии всех великих мужей Ирландии увел от меня Грайне, в то время как ты сам был моим стражем и в ту ночь должен был охранять Грайне?

— Не на мне лежит вина за это, о Финн, — промолвил Диармайд, — ибо Грайне сама избрала меня. Она наложила на меня зарок, и я не мог избавиться от него ни за какие сокровища мира и не мог поступить иначе, о Финн. А все твои возражения — это ложь, и ты отлично знаешь, что я заслужил от тебя это исцеление и ты должен дать мне испить глоток воды из твоей ладони. Разве ты забыл тот день, когда Миодах, сын Колгана, устроил для тебя пир в Бруйгане-ан-Хаортайне. Миодах, сын Колгана, владел не только Бруйганом-ан-Хаортайне, что находился на морском берегу, но и Бруйганом на острове. В Бруйган на острове он пригласил верховного короля и трех королей острова Туйле, и там они порешили срубить тебе голову.

Празднество было устроено в Бруйгане на морском берегу, и Миодах, сын Колгана, пригласил тебя явиться туда с семьей отрядами фенниев, чтобы порадовать собравшихся в Бруйгане-ан-Хаортайне. И ты отправился туда, о Финн, и многие вожди фенниев пошли с тобой попить в Бруйгане-ан-Хаортайне.

Миодах же приказал нескольким простым людям с острова Туйле спрятаться под скамьей, где тебе было приготовлено место, с тем чтобы, как только ты сядешь на нее, прижать твои ноги к земле и скрутить тебе руки.

Так и было сделано.

Как только верховному королю стало известно, что ты связан, он немедленно послал предводителя одной своей сотни, чтобы он срубил тебе голову и принес ему.

Но в это время ты крепко закусил свой палец, о Финн, и это колдовство открыло тебе истину.

Как раз в это мгновение я прибыл в Бруйган-ан-Хаортайне, и как

только я вошел в дом, ты сразу же увидел меня и, сделав мне знак приблизиться, рассказал, что верховный король и три короля острова Туйле, находящиеся в Бруйгане на острове, послали одного из своих людей в Бруйган-ан-Хаор-тайне и что вскоре он явится сюда, чтобы срубить тебе голову.

Когда я узнал все это, я взял тебя под защиту своей силы и храбрости и охранял твою жизнь, пока не забрезжил рассвет следующего дня, и тогда я стал у твердыни Бруйгана, чтобы защищать ее.

И неделю я пробыл там, когда увидел приближающегося к крепости предводителя сотни и сопровождавших его людей верховного короля. Я сразился с ним, и он вскоре пал с отрубленной головой, после чего я перебил поодиночке всех явившихся с ним людей. Затем я взял с собой голову предводителя сотни и отправился с нею в Бруйган на острове, где пировали верховный король и три короля острова Туйле, услаждая себя хмельным вином и крепким медом. Я срубил им головы и, бросив их в мешок, взял в левую руку драгоценный золотой кубок, полный старого меда, что стоял перед верховным королем, а в правой руке я загнал свой острый меч и, рубя им направо и налево, стал прокладывать себе обратный путь.

Моя отвага вывела меня из Бруйгана на острове и привела в Бруйган на берегу, куда я принес свою военную добычу.

Я положил перед тобой мертвые головы, протянул тебе драгоценный кубок, добытый моей храбростью и силой, и окропил тебя и твоих фенниев красной кровью убитых королей, а затем помазал ею все те места, где ты был связан, и этим возвратил тебе твою былую силу, вновь придал крепость твоим онемевшим рукам и твердость твоим затекшим ногам.

И в тот раз я снова попросил у тебя глоток воды, и ты пообещал дать мне испить ее из твоей ладони.

Немало трудностей бывало у тебя и ирландских фенниев за то время, что я находился среди вас, начиная с первого дня моего прихода к фенниям. И в этих трудностях я не раз подвергал опасности свое тело и готов был пожертвовать жизнью ради тебя, о Финн. И потому ты не должен поступать со мною так вероломно и предательски. Много великих воинов и благородных героев пали от твоей руки, о Финн, и не один еще будет убит тобою.

Великие беды обрушатся на фенниев, и эти беды истребят их самих и не пощадят их потомков.

И не за тебя я болею душою, о Финн, а за Ойсина, и Осгара, и за других моих славных боевых товарищей. Скажу тебе на прощание, о

Ойсин, что останешься ты один и будешь оплакивать погибших фенниев. А ты, Финн, еще не раз пожалеешь обо мне, так как тебе будет не доставать моей твердой руки и верной поддержки.

Тогда воскликнул Ойсин:

— О Финн, хоть ты мне по крови ближе, чем Диармайд О'Дуйвне, я не пощажу тебя, если ты не дашь испить Диармаиду глоток воды из твоих ладоней. И клянусь, что, как бы ни была сильна твоя рука и велика твоя власть в мире, я не допущу, чтобы ты учинил такое предательство Диармаиду О'Дуйвне, и заставлю тебя без задержки принести ему в ладонях глоток воды.

— Но я не знаю ни одного родника на этой горе, — сказал Финн.

— Это не так, — возразил Диармайд О'Дуйвне, — ибо в десяти шагах от тебя струится родник самой чистой и прозрачной воды в мире.

Тогда Финн отправился к роднику и опустил ладони своих обеих рук в его прозрачную холодную воду; но не прошел он и половины обратного пути к Диармаиду О'Дуйвне, как раздвинул пальцы и пролил воду на землю. А потом сказал, что не мог донести воду.

— Клянусь, — сказал Диармайд, — что ты сам, по своему собственному желанию, пролил воду.

Финн второй раз отправился к роднику и вновь погрузил ладони своих рук в его прозрачную холодную воду, но не прошел он и половины обратного пути, как снова раздвинул пальцы и пролил воду на землю, ибо подумал он в это время о Грайне.

Когда Диармайд увидел, что вода опять пролита, он испустил тяжкий вздох, полный боли и страдания.

— Клянусь моей рукой, о Финн, — воскликнул Осгар, — если ты сразу же не принесешь Диармаиду воду, то неизвестно, кто из нас первым навсегда покинет вершину этого холма — ты или я!

Финн вновь в третий раз пошел к роднику, ибо слова Осгара заставили его сделать это, и на этот раз он не пролил воду, а донес ее в своих ладонях до Диармайда, но шел он к нему так медленно, как только мог, и когда добрался до Диармайда, тот уже распрощался с жизнью.

Тогда у всех ирландских фенниев, находившихся там, вырвались три тяжких и глубоких вдоха печали, которые потрясли воздух.

Благородный Осгар, сын бесстрашного Ойсина, с ненавистью и гневом посмотрел на Финна и, обращаясь к нему, сказал:

— Великое горе постигло фенниев по твоей вине, о Финн, и я жалею, что не ты, а Диармайд О'Дуйвне должен был умереть. Ибо для всех нас было бы легче видеть тебя на его месте. Мы потеряли верного боевого

товарища, наш оплот в боях с врагами.

А Финн сказал:

— Давайте покинем скорее этот холм, ибо Ангус из Бруга на Бойне и воины племени Туата Де Дананн захватят нас здесь. И хотя мы не принимали участия в убийстве Диармайда О'Дуйвне, никто из них не поверит нам.

— Клянусь, — воскликнул Осгар, — что ради Диармайда, намереваясь убить его, устроил ты охоту на дикого банн-гуль-байнского кабана. В противном случае ты ни за что не затеял бы этого, о Финн!

Затем Финн, сын Кумала, и ирландские феннии покинули вершину холма и направились своей дорогой. Финн шел, неся на себе походное оружие Диармайда, и охотничий пес Диармайда Мак-ан-Куйл брел с ним.

Но Ойсин, Осгар, Кайрпре Лифехайр и Дубтах, сын Лугай-да, вернулись обратно на вершину холма и там накрыли четырьмя своими плащами бездыханное тело Диармайда, и лишь после этого они снова присоединились к Финну.

Ничего не известно о том, как они шли, пока не достигли Рат-Грайнана, где Грайне взойшла на крепостной вал, желая поскорее узнать новости о своем муже и милом супруге Диармайде О'Дуйвне. В это время она увидела Финна и ирландских фенниев, приближающихся к крепости.

— Будь Диармайд жив, Финн никогда не мог бы вести с собой Мак-ан-Куйла! — воскликнула она и в великом горе упала на месте.

Когда Ойсин увидел Грайне в таком состоянии, он попросил Финна и ирландских фенниев удалиться оттуда и не приближаться к крепостному валу. Но когда Финн и ирландские феннии уже собрались уходить, Грайне подняла голову и потребовала от Финна, чтобы он оставил ей Мак-ан-Куйла. Но Финн ответил, что не отдаст его Грайне, ибо находит, что не очень большое наследство получил он от сына О'Дуйвне и что пес этот по справедливости должен принадлежать ему.

Но когда Ойсин услышал эти слова, он отобрал Мак-ан-Куйла от Финна и отдал его Грайне, а затем присоединился к своим людям.

Тогда Грайне убедилась в смерти своего мужа и милого супруга Диармайда и издала такой громкий вопль отчаяния, что он донесся до самых отдаленных уголков крепости. И ее женщины и все прочие люди, жившие в крепости, прибежали к ней и спросили:

— Что повергло тебя в такую печаль, о Грайне?

Грайне отвечала им, что Диармайд О'Дуйвне убит диким банн-гульбайнским кабаном на охоте, которую устроил Финн, сын Кумала.

— И поистине мое сердце разрывается, — прибавила она, — оттого

что я сама не могу сразиться с Финном. Ибо будь я женщиной, я не позволила бы ему уйти живым отсюда!

Услышав весть о смерти Диармайда О'Дуйвне, все окружавшие Грайне издали три тяжких и глубоких вздоха печали, которые потрясли облака, и небо, и просторы вселенной.

Тогда Грайне приказала собрать пять отрядов воинов, которые были при ее доме, и велела им отправиться на банн-гульбайнский холм и принести оттуда тело ее мужа и милого супруга Диармайда О'Дуйвне.

В это самое время Ангус из Бруга на Бойне узнал, что Диармайд был убит банн-гульбайнским кабаном, — а случилось это оттого, что именно в ту ночь он не охранял Диармайда. Ангус призвал чистый и прохладный ветер, который понес его к тому месту, где находился банн-гульбайнский холм и к которому приближались пять отрядов, посланных Грайне.

И когда воины Грайне увидели Ангуса из Бруга на Бойне, они повернули свои боевые щиты другой стороной, чтобы Ангус не принял их за врагов и узнал, что идут они к нему с миром. И Ангус понял это. А надо сказать, что прибыл Ангус туда не один, а также со своими людьми. И вскоре отряды Грайне и Ангуса встретились на вершине холма. Там увидели они мертвое тело Диармайда О'Дуйвне и издали три тяжелых и глубоких вздоха печали, которые потрясли облака небесные и вершины гор и долетели до самых далеких морских островов и были услышаны в самых отдаленных уголках зеленой Ирландии.

Тогда заговорил Ангус из Бруга на Бойне и, обращаясь ко всем собравшимся, молвил такое слово, полное печали и скорби:

— С тех пор как девятимесячным младенцем взял я тебя в мой Бруг на Бойне, не было ночи, чтобы я не охранял тебя и не берег как зеницу ока, кроме прошлой ночи. Увы! Низкое предательство Финна, сына Кумала, сгубило тебя, о Диармайд О'Дуйвне, хотя и был ты в мире с ним. И пропел он такую песнь:

— Увы, благородный и бесстрашный герой,
О ты, славный воин Диармайд О'Дуйвне,
Белозубый, розовощекий, с блестящими глазами,
Прославленный во всей Ирландии своими подвигами.
Увы, мы повергнуты в горькую печаль
Оттого, что пролилась твоя алая кровь,
Что ею окрашено твое боевое оружие,
Что кровью твоего тела обогрел враг.
Увы, пронзил твое тело насмерть

Страшный клык дикого кабана.
Острый, как меч, смертоносный, негибаемый,
Он пронзил тебя глубоко и жестоко.
Увы, ты погиб от клыка кабаньего,
Погиб от подлой, вероломной хитрости;
Один неверный, злокозненный друг
Подстроил тебе хитрую западню.
Смертельный яд проник в твои раны.
На холме банн-гульбайнском ты нашел свою смерть.
Свирепый и лютый банн-гульбайнский кабан
Поверг на землю светлоликого Диармайда.
Так вознесем же мы хвалу великую,
Воздадим герою славу немеркнущую.
По всей Ирландии, от моря до моря,
Пусть никто не дерзнет омрачить его память.
Пусть будет перенесено его тело
В ласковый Бруг из скал нетленных.
Поистине всех нас, сынов Ирландии,
Постигло великое горе! Горе!

Окончив свою песнь, Ангус спросил воинов Грайне, куда думают они направиться с этого холма. Они отвечали ему, что Грайне их послала за телом Диармайда О'Дуйште, приказав перенести его в Рат-Грайнан. Но Ангус возразил им, что не позволит прикоснуться к телу Диармайда, ибо сам намерен унести его в свой Бруг на Бойне.

— И хоть не в моих силах вернуть ему жизнь, я вселю в него душу, — сказал Ангус, — и он сможет разговаривать со мной каждый день.

Ангус приказал положить тело Диармайда на носилки вместе со всеми доспехами, затем направился своей дорогой и печально шел до тех пор, пока не достиг Бруга на Бойне.

Вернемся теперь к воинам Грайне. Они возвратились в Рат-Грайнаи и рассказали Грайне о том, что Ангус не позволил им взять тело Диармайда, а унес его с собой на носилках в Бруг на Бонне, где намерен вселить в него душу и беседовать с ним каждый день. Услышав это, Грайне ответила, что она не в силах изменить решение Ангуса.

Затем она послала гонца с этой печальной вестью в волость Корка-Уй-Дуйвне, где воспитывались и обучались дети Диармайда О'Дуйвне.

Теперь у каждого из сыновей Диармайда был там отдельный дом и

свои слуги, и каждый из них имел свою особую волость.

Старшему сыну Диармайда, который звался Доннхадом, были подчинены все остальные — Эохайд, Коннла, Сейльвсхарках и Оллан Длиннобородый, который был сыном Диармайда О'Дуйвне и дочери короля Лагенского. А надо сказать, что ни к одному из своих собственных сыновей Грайне не питала такую сильную любовь, как к Оллану.

Гонцы помчались с этим поручением и скакали до тех пор, пока не достигли места, где находились эти юноши. Там они рассказали им о цели своего путешествия и обо всем том, что произошло, от начала до конца. Юноши собрали всех своих воинов со всех своих волостей. И тут старейшины спросили их, что они намерены делать, ибо их военачальники собираются затеять войну и устраивать засады Финну, сыну Кумала, и ирландским фенниям. Доннхад, старший сын Диармайда О'Дуйвне, приказал им оставаться на прежних местах и сказал, что он заключит мир с Финном и его люди не должны опасаться войны. А если нет, то он предоставляет им право решать самим — стать ли им на сторону Финна, сына Кумала, или присоединиться к своим собственным вождям и военачальникам.

Затем сыновья Диармайда О'Дуйвне и гонцы кратчайшими дорогами направились в Рат-Грайнан. И нам ничего не известно о том, как они шли, пока не достигли Рат-Грайнана, где Грайне приняла их с почетом и лаской, расцеловав каждого из них и особенно нежно — сына дочери короля Лагенского.

Они вместе вошли в Рат-Грайнаи и уселись на скамьях в королевском Брунгане, согласно их званию, положению и возрасту.

Каждому из них было подано богатое угощение и разные напитки — хмельной мед, душистое пиво и крепкие вина — в драгоценных кубках, и, отведав их, они развеселились. Тогда мудрая Грайне обратилась к ним и своим ясным и чистым голосом сказала сыновьям Диармайда О'Дуйвне:

— О дорогие дети, ваш отец — славный воин, не знавший страха герой — предательски убит Финном, сыном Кумала, который нарушил условия мира, заключенного им с вашим отцом, воспользовавшись тем заклятием, которое было положено на вашего отца и моего мужа и милого супруга. И теперь коварный Финн будет преследовать вас, о дети Диармайда О'Дуйвне, а я знаю, как он умеет это делать. Но когда вы подниметесь, как могучие дубы, вы сможете отомстить Финну, сыну Кумала, за смерть вашего отца, однако надо выждать время.

— Теперь, — продолжала Грайне, — вы должны знать, какое наследство досталось вам от вашего отца. Посмотрите на это оружие: вот

его воинские доспехи, вот многочисленные острые мечи и кинжалы, от удара которых не мог спастись ни один враг; вот копья, обладающие чудесной силой, — они не раз выручали из беды вашего отца и охраняли Финна, сына Кумала, в ту пору, когда ваш отец верно служил ему. Это оружие — свидетель его храбрости и неповторимых подвигов, равных которым нет и не будет во всей Ирландии. Я сама разделю между вами его оружие, и я верю, что обладание им не раз принесет вам успех в вашей борьбе с врагами. Себе же я оставлю кубки и рога для питья меда, а также резные чаши, разукрашенные золотом, и сохраню я себе стада коров и табуны коней. Все это безраздельно останется мне.

И тут Грайне спела такую песнь:

— Так встаньте и поднимите ваши головы,
Могучие дети славного Диармайда,
Выступите вперед, подойдите ближе
И послушайте то, что скажу я вам!
Знаю: ваше смелое и опасное путешествие,
Предпринятое вами ради великих дел,
Принесет вам удачу на всех путях,
Направляя вас, как попутный ветер.
Пусть в ваших битвах с врагами жестокими
Помогает вам оружие Диармайда.
Досталось вам, о потомки О'Дуйвне,
Славное оружие благороднейшего из мужей.
Так пусть же получит смелый Доннхад
Меч, обагренный вражеской кровью;
Пусть меч, которым владел Диармайд,
Перейдет по праву к его старшему сыну.
Пусть сын второй, не менее славный,
Сильный, статный, светлоликий Эохайд,
Получит в наследство копье Га-Дарг —
Не будет он знать пораженья в бою.
Не случайно отдала я Доннхаду и Эохайду
Лучший из мечей и копье Га-Дарг —
Они всякий раз возглавляют войско
И отважно всегда рвутся вперед.
А эти благородные и непроницаемые доспехи,
Спасающие жизнь тому, кто наденет их,
Возьми себе, милый Оллан,

И пусть никогда не прольется твоя кровь.
Драгоценные кубки резной работы,
Чаши, расписанные блестящим золотом,
Рога для меда и блюда тяжелые
Безраздельно сохраню я в своем собственном доме.
Ведь это все — лишь богатство женщин,
До которого нет дела мужчине-воину.
Я буду одна владеть всем этим
И распорядиться им, как сочту нужным.
Будьте безжалостны к своим врагам,
Никому не давайте пощады и милости,
Убивайте и женщин, и детей малых
Из ненависти лютой к своим врагам.
Будьте благородны в своих поступках,
Никогда не пускайтесь на обмаи и хитрость.
Пусть не запятнает вас низкое предательство.
А теперь поспешим расстаться. Прощайте!

После этой песни Грайне велела им отправиться в путь и хорошенько изучить все тонкости воинского искусства.

— Будьте смелы и непоколебимы, научитесь владеть оружием. И учитесь этому, пока не почувствуете, что набрались силы и никто не сможет одолеть вас, — сказала Грайне. — А на несколько лет спуститесь в кузню Боллана и постарайтесь овладеть его подземным искусством.

Затем эти благородные юноши, сыновья Диармайда О'Дуйвне, распрощались с разумной Грайне и отправились в свое странствие, пожелав Грайне и ее людям доброго здоровья и всяких удач. Грайне и ее люди ответили им тем же. После этого сыновья Диармайда расстались с ней и двинулись в путь, намереваясь выполнять ее заветы.

Они ходили по свету и набирались ума-разума. Нигде, даже в самых отдаленных уголках мира, не было ни одного воина, ни одной женщины-воительницы, ни одного умудренного жизнью старца, от которого они не научились бы полезному делу и не усовершенствовали бы свое воинское искусство. И когда они почувствовали, что постигли все, что только возможно постичь в этом мире, и стали так сильны, что никто не может одолеть их, они спустились в кузницу Боллана и провели там три года.

Теперь возвратимся к Финну, сыну Кумала. Когда ему стало известно, что все четыре сына Диармайда О'Дуйвне побывали у Грайне, а после этого

отправились странствовать, сердце его наполнилось злобой, и он почувствовал неодолимый страх перед сыновьями Диармайда О'Дуйвне.

Тогда призвал он по семь отрядов фенниев из каждой пятипы Ирландии, и когда они приходили к нему, он обращался к ним и громким, ясным голосом рассказывал им о том странствии, в которое Грайне послала четырех сыновей Диармайда. А после этого он спрашивал собравшихся, что ему следует теперь делать.

— Ибо чует мое сердце, — сказал Финн, — что в это странствие они отправились для того, чтобы набраться сил и, восстав против меня, отомстить за смерть своего отца, Диармайда О'Дуйвне.

На это ему так ответил Ойсин:

— Лишь ты один повинен в этом убийстве, о Финн. И мы не пойдём с тобою, и не станем охранять тебя в бою, и не будем отвечать за то поступки, которых мы не совершали. Бесчестно то низкое предательство, которое ты совершил, чтобы убить Диармайда О'Дуйвие, в ту пору, когда был ты с ним в мире и когда Кормак, король Ирландии, предлагал тебе в жены свою другую дочь; а потому не смел ты вносить в дом Диармайда ни хитрость, ни обман, ни предательство.

Финн был весьма опечален этими словами Ойсина, хотя он и не мог помешать ему держать такие речи.

Когда Финн увидел, что и Ойсин, и Осгар, и все воины из племени Байсгне покинули его, он хорошо понял, что один он не сможет отвратить ту опасность, которая будет грозить ему, если не удастся ему привлечь на свою сторону Грайне. И, не теряя времени, он немедленно отправился в Рат-Грайнан.

Но он пошел туда, не сказав никому о своем хитроумном плане, не попрощавшись с ирландскими фенниями и не получив от них добрых пожеланий на дорогу.

И мы ничего не знаем о том, как он шел, пока не достиг Рат-Грайнана. Там он застал Грайне и приветствовал ее ласковыми словами и сладкими речами. Но Грайне не только не поддавалась на его хитрость, но даже и слушать его не захотела, а встала со своего места и велела Финну тотчас же покинуть Рат-Грайнаи и уйти прочь с ее глаз. А, кроме того, она высказала ему все, что думала о нем, и наговорила ему немало горьких и ядовитых слов своим острым языком. Однако Финн, не обращая внимания на ее речи, продолжал расточать ей свои льстивые похвалы и любовные слова. И он твердил все это до тех пор, пока не склонил Грайне на свою сторону.

После этого Финн и Грайне пошли своей дорогой и шли так до тех пор, пока не достигли места, где находились ирландские феннии. И когда

феннии увидели Финна, который прикидывался влюбленным в Грайне, идущую рядом с ним, они потрясли воздух своими возгласами, издеваясь над Грайне и высмеивая ее. А Грайне низко склонила голову от стыда и унижения.

— Мы надеемся, о Финн, — сказал Ойсин, — что ты будешь хорошо и достойно обращаться с Грайне, раз взял ее себе в жены и милые супруги.

Что касается сыновей Диармайда, то после семилетних скитаний и трехлетнего пребывания в кузнице Боллана они стали могучими воинами и возвратились домой из дальних краев.

Нам ничего не известно о том, как они шли, пока не достигли Рат-Грайнана. Там они узнали, что Грайне ушла с Финном, не сказав об этом ни им, ни своему отцу Кормаку, королю Ирландии. И они объявили, что ничего не могут тут поделать. После этого они отправились в Альмайн Лагенский, чтобы разыскать там Финна и фенниев и объявить Финну войну, передав ему грозный вызов.

— Поднимись, Диорруйнг, подойди к ним и спроси, чего они хотят от меня, — сказал Финн.

Диорруйнг пошел и спросил их.

— Мы требуем, чтобы было выставлено сто воинов против нас или же единоборства с Финном, — ответили они.

Финн послал сто воинов против них, и сыновья Диармайда сразились с ними и прошли сквозь их ряды, сделав из них три груды: одну из их голов, другую из их тел и третью из их оружия.

— Наше войско скоро все будет истреблено, если каждый день мы будем терять по сто человек, — сказал Финн. — Как по-твоему, Грайне, мы должны поступить с такими юношами?

— Я выйду к ним и попытаюсь сделать все, что в моих силах, — ответила Грайне. — Может быть, я налажу мир между тобой и ими.

— Я был бы очень рад этому, — сказал Финн, — и охотно дал бы им полную свободу, вернув им места их предков и обеспечив безопасность каждому из них.

Грайне вышла к ним, приветливо встретила их и убедила принять предложения Финна, сына Кумала.

После этого им были возвращены места их предков и обеспечены полная свобода и безопасность.

Затем был устроен большой пир, на котором сыновья Диармайда О'Дуйвне, напившись сладкого вина и крепкого меда, сильно развеселились.

А Финн и Грайне жили дальше вместо до конца своих дней. Тут

кончается повесть о Диармайде и Грайне.

Примечания

Исландские саги

Литература о «сагах об исландцах» огромна. Систематизированная библиография общей литературы о «сагах об исландцах» есть в книге: М. И. Стеблин-Каменский. Мир саги. Л., 1971, стр. 129–138. См. также чисто библиографические работы: Ha11d ór Hermannsson. Bibliography of the Icelandic sagas. Ithaca (N. Y.), 1908 («Islandica», I); его же; The sagas of Icelanders. Ithaca (N. Y.), 1935 («Islandica», XXIV); J óhann S. Hannesson. The sagas of Icelanders. Ithaca (N. Y.), 1957 («Islandica», XXXVIII); K. Schier. Sagaliteralur. Stuttgart, 1970.

Сага о Гисли

«Сага о Гисли, сыне Кислого» (*G ísla saga S úrssonar*), самая драматичная из «саг об исландцах», — это история человека, который был объявлен вне закона и поэтому в своей собственной стране стал изгнанником, вынужденным скрываться в продолжение тринадцати лет и в одиночку обороняться от преследующих его врагов. Очень много было написано об этой саге. Исследователей интересовали, во-первых, искусство, с которым она рассказана, ее композиция и т. д.; во-вторых, ее идеология, следы влияния христианства и героической поэзии; в-третьих, ее источники, в частности — в какой мере строфы, цитируемые в саге, действительно принадлежат Гисли; в-четвертых, соотношение ее двух редакций и соотношение ее рукописей между собой. Различному толкованию подверглось и то, о чем в саге не сказано ясно. Так, в саге не сказано, кто убил Вестейна, брата жены Гисли и его побратима, но обычно полагают, что его убил Торгрим, муж сестры Гисли. Однако, согласно Холтсмарк (Л. Holtsmark. *Studies in the Gísla saga*. «*Studia Norvegica etlmologica et folkloristica*», 2, 1951, стр. 1-55), более вероятно, что Вестейна убил Торкель, брат Гисли, а не Торгрим и что Гисли нарочно отвел подозрение от Торкеля, убив Торгрима, потому что если бы Торкель был признан за убийцу Вестейна, то Гисли пришлось бы мстить за Вестейна родному брату. Не случайно сыновья Вестейна, которые, очевидно, знали, кто убийца их отца, убили Торкеля. Если Холтсмарк права, то судьба Гисли оказывается еще трагичнее: он объявлен вне закона за убийство Торгрима, которое он совершил, чтобы отвести подозрение от своего брата Торкеля, а между тем Торкель отказывается помочь Гисли, когда тот вынужден

скрываться как объявленный вне закона. Тем самым и контраст между благородством Гисли и неблагородством его брата Торкеля становится резче.

Источником саги была, по общему мнению, в первую очередь устная традиция (то есть устная сага, но устная сага теперь никогда не называется «сагой»). Конечно, невозможно выяснить, в какой мере эта традиция была исторически правдивой. По-видимому, однако, главные действующие лица и основные события саги историчны, как явствует из их упоминаний в древнеисландских источниках, правдивость которых не ставится под сомнение. События, описываемые в саге, должны были произойти в 962–978 годах.

Источником саги были также висы (строфы), приписываемые в саге Гисли. Раньше все эти висы считались подлинными. В этих висах описываются не только битвы Гисли, но также и его сны. В некоторых из этих вис (особенно в тех, где рассказываются сновидения) проглядывает, как обычно считается, христианская идеология. Гисли жил до официального принятия христианства в Исландии (то есть до 1000 г.). Поэтому подлинность этих вис многими исследователями ставится под сомнение. В этих висах обнаруживают также стилистические совпадения с произведениями XII века. В некоторых висах Гисли, как и в самой саге, обнаруживают также влияние героической поэзии, а именно, некоторых песен «Старшей Одды». Это влияние тоже считается не исконным в традиции о Гисли. В «Саге о Гисли» использованы, как полагают, и мотивы из других саг. Так, эпизод со связыванием коровьих хвостов считается заимствованным из «Саги о сыновьях Дроплауг», где он рассказан более последовательно.

«Сага о Гисли» в той форме, в которой она сохранилась, была написана, вероятно, в середине XIII века. Она сохранилась во многих рукописях и двух различных редакциях. В одной из этих редакций начало более пространно и кое в чем похоже на «саги о древних временах». Эта редакция обычно считается младшей. Перевод сделан по изданиям: «*Gísla saga Súrssonar, herausgegeben von Finnur Jónsson*». Halle, 1903 («*Altnordische Saga — Bibliothek*», 10), и «*Gísla saga Súrssonar, udgivet af A. Loth*». København, 1967 («*Nordisk filologi*», serie A: tekster, 11).

Об Аудуне с Западных Фьордов

«Об Аудуне с Западных Фьордов» (*Audunar þáttur vestfirzka*) — это ода

из так называемых «прядей об исландцах», то есть фрагментов саги о том или ином норвежском короле, в которых рассказывается об исландцах. Большинство «прядей об исландцах» — это фрагменты саги: о норвежских королях, которая называется (по рукописи, в которой эта сага сохранилась) «Гнилая кожа» (Morkinskinna). Рассказ об Аудуне — фрагмент саги: о норвежском короле Харальде Суровом из «Гнилой кожи». Он есть также в рукописи, которая называется «Книга с Плоского Острова» (Flateyjarbók).

В древнеисландской литературе есть упоминания о том, что исландцы дарили белого медведя иноземным правителям, подобно тому как это делает Аудун. Но невозможно установить, в какой мере рассказ об Аудуне историчен. Делались попытки обнаружить в этом рассказе сказочные мотивы (A. R. Taylor. Audun and the bear, *Saga-Book of the Viking Society*, v. XIII. p. II, 1947–1948, стр. 78–96). В рассказе отразились независимость исландцев по отношению к континентальным государствам и их правителям, а также архаичные представления о функции дарения и встречного подарка (см. главу «Богатство и дарение в варварском обществе» в книги: А. Я. Гурович. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. стр. 63–82).

Прядь об Аудуне была написана, как предполагается, в первые десятилетия XIII века. Перевод сделан по изданию: «*Islendinga sögur, Islendingasagnaútgáfan*», V. Reykjavík, 1953.

Сага о гренландцах и сага об Эйрике Рыжем

Эти две саги — главный источник сведений об открытии Америки в конце X века. Поэтому они издавна привлекали внимание ученых, много раз издавались и переводились на разные языки, и о них есть огромная литература. Содержание этих двух саг в общих чертах совпадает: в них рассказывается о тех же людях — Эйрике Рыжем, основателе исландской колонии в Гренландии, его сыновьях Лейве, Торстейне и Торвальде, жене Торстейна Гудрид и ее втором муже Торфинне Карлеефни — и о тех же событиях — колонизации Гренландии и поездках в Виноградную Страну, то есть Северную Америку. Однако между «Сагой о гренландцах» (*Grænlendinga saga*, она иногда называлась также *Grænlendinga páttir* или *Eiriks páttir rauda*) и «Сагой об Эйрике Рыжем» (*Eiriks saga rauda*, она называлась также *porfinns saga Karlsefnis*) есть большие расхождения. В «Саге о гренландцах» рассказывается о пяти поездках в Виноградную Страну, а именно — о поездках Бьярни Херьольвссона, Лейва Эйрикссона,

Торвальда Эйрикссона. Торфинна Карлсефни и Фрейдис, дочери Эйрика, с братьями Хельги и Финнбоги. Между тем в «Саге об Эйрикке» рассказывается только о двух поездках, а именно — о поездках Ленка и Карлсефни, причем во многом совсем иначе, чем в «Саге о гренландцах». По «Саге о гренландцах» выходит, что Америку открыл исландец Бьярни Херьольвссон в 985 или 986 году. По «Саге об Эйрикке» Америку открыл исландский поселенец и Гренландии Лейв Эприкссои около 1000 года. Только в «Саге о гренландцах» рассказывается о Бьярни Херьольвссоне, о Тюркире Южанине, о Фрейдис и братьях Хельги и Финнбоги. Только в «Саге об Эйрикке» рассказывается о колдунье Торбьёрг, о Торхалле Охотнике, о Бьярни Гримольвссоне.

Раньше считалось, что «Сага об Эйрикке» древнее «Саги о гренландцах» и поэтому надежнее как источник. Однако недавно было доказано, что «Сага о гренландцах» древнее «Саги об Эйрикке» и была одним из ее источников (см. Jón Jóhannesson. Aldur Grænlandinga sögu. — В книге: Nordæla. Afmælikvedja til Sigurdar Nordals. Reykjavík, 1956). «Сага о гренландцах» была написана, по-видимому, в конце XII века на основе устной традиции. Только у ее первой главы есть письменный источник — «Книга о занятии земли» (Landnámabók). «Сага о гренландцах» сохранилась только в знаменитой рукописи конца XIV века, так называемой «Книге с Плоского Острова» (Flateyjarbók), где она вклинена отдельными кусками в так называемую «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне».

«Сага об Эйрикке» была написана, вероятно, не раньше середины XIII века, и у нее есть письменные (отчасти не сохранившиеся) источники. Первые две главы ее — из «Книги о занятии земли». Но многое в «Саге об Эйрикке», вероятно, непосредственно из устной традиции, например, рассказ о колдунье Торбьёрг, единственный в своем роде в древнеисландской литературе и представляющий большую культурно-историческую ценность. «Сага об Эйрикке» сохранилась в двух рукописях: так называемой «Книге Хаука» (Hauksbók), начала XIV века, и «Книге из Скаульхольта» (Skálholtsbók), конца XV века. Рукописи эти явно восходят к одному оригиналу. Расхождения между ними в основном стилистические. Во второй рукописи много описок и стилистических неряшливостей. Первая рукопись стилистически причесана по сравнению со второй, и кое-что в ней изложено пространнее, но кое-что сокращено. Раньше считалось, что первая рукопись ближе к оригиналу. Было доказано, однако, что вторая ближе к нему (см. S. B. F. Jansson. Sagorna om Vinland, I, Handskrifterna til Erik den rödes saga. Stockholm, 1945). Поэтому в основу русского перевода положен текст второй рукописи, но в случае явных ошибок или пропусков

использован текст первой.

И в «Саге о гренландцах», и в «Саге об Эйрике» кое-где есть явный вымысел, например, оживающие мертвецы и т. п. Вымысел часто вероятен и там, где ясна христианская тенденция. Так, в «Саге об Эйрике» вымыслом считается рассказ о миссионерской деятельности Лейва. Есть в этих сагах, вероятно, и такой вымысел, наличие которого невозможно обнаружить. Вместе с тем, однако, всегда было общепризнано и до сих пор неоспоримо, что саги эти основаны на вполне реальных фактах: описываемые в сагах колонизация Гренландии из Исландии и плавания из Гренландии в Виноградную Страну, то есть к какому-то побережью Северной Америки, несомненно, в самом деле имели место. О поездках в Виноградную Страну есть упоминание и в ряде других древнеисландских памятников — «Книге об исландцах» Ари Торгильссона, «Книге о занятии земли», «Саге о людях с Песчаного Берега» и других. Но самое раннее упоминание о них — в хронике Адама Бременского, написанной около 1075 года.

Что касается местностей в Гренландии, упоминаемых в сагах, то они почти все поддаются отождествлению. Так, Восточное Поселение — это район Юлиапехоба, Западное Поселение — это район Готхоба, Заслон Гора — это мыс Фарвель, Гуннбьёрновы островки — это, вероятно, скалистые островки к востоку от Ангмагссалика, Лебединый Фьорд — это Сермилик-Фьорд и т. д. Эйрик Рыжий отправился в Гренландию, чтобы колонизовать эту открытую им страну в 985 или 986 году (христианство было официально принято в Исландии в 1000 году). Колония, основанная им в Гренландии, просуществовала около полутысячелетия. В XIV веке она пришла в упадок, в основном, по-видимому, из-за резкого ухудшения климата, и к концу XV века совсем вымерла. В настоящее время на побережье Гренландии раскопано много построек, относящихся к эпохе расцвета исландской колонии там.

Но что касается местностей в Северной Америке, упоминаемых в саге, то ни одна из них не поддается бесспорному отождествлению, и все, что до сих пор выдавалось за следы посещения Северной Америки скандинавами в X веке, всегда оказывалось подделкой. Учеными разных стран — историками, географами, астрономами, филологами, археологами, ботаниками было выдвинуто множество теорий относительно того, где находилась Виноградная Страна. Ее искали от Гудзонова залива на севере до Каролины на юге. Краткий обзор этих теорий см. в книге: Halldór Hermannsson. *The problem of Wineland*. Ithaca, N. Y. 1936 («Islandica», XXV). Согласно последней из таких теорий Виноградная Страна — это

север Ньюфаундленда. Книга автора этой теории — предприимчивого норвежского литератора Х. Ингстада — переведена на русский язык (Х. Ингстад. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969). Как это обычно делалось и раньше, Ингстад объявляет недостоверным в сагах все то, что не вяжется с его теорией, и достоверным только то, что вяжется с ней. Само название «Виноградная Страна» (Vínland) Ингстад истолковывает как «Луговая Страна», что с лингвистической точки зрения несостоятельно. Есть у него и другие натяжки. Ингстад утверждает, что остатки построек, раскопанные его женой археологом на севере Ньюфаундленда, — это дома Лейва. Другие археологи подтверждают, что эти постройки, возможно, в самом деле скандинавского происхождения и того времени. Однако доказать, что это действительно дома Лейва, Ингстаду не удалось. Вполне возможно, что, кроме тех посещений Северной Америки, о которых рассказывается в сагах, были и другие, о которых не сохранилось сведений. Большинство ученых склоняется все же к тому, что Виноградная Страна — где-то на северо-восточном побережье США, в так называемой Новой Англии. Считается, что там была и северная граница распространения дикого винограда (ср. название «Виноградная Страна»). Тогда Страна Каменных Плит — это юго-восточное побережье Баффиновой земли или северное побережье Лабрадора, а Лесная Страна — юго-восточное побережье Лабрадора или Ньюфаундленд.

Упомянутые в «Саге о гренландцах» и «Саге об Эйрике» скрелинги — это, несомненно, североамериканские индейцы. Правда, в древнеисландских памятниках «скрелингами» назывались и эскимосы. По то, что рассказывается в данных памятниках о скрелингах, об их внешности, обычаях и т. д., больше подходит к индейцам. Боевое оружие в виде шара синего цвета на шесте (стр. 123), то есть своего рода катапульта, употреблялось индейцами алгонкинами. Костный мозг, смешанный с кровью (стр. 124), — излюбленная пища североамериканских индейцев (так называемый пеммикан). Кожаные лодки, то есть, вероятно, лодки из шкуры лося, обычай спать под ними (стр. 95), а также палки, трещавшие подобно попам (стр. 122), то есть ритуальные трещотки, засвидетельствованы у североамериканских индейцев. Но особенно характерна для них меновая торговля пушниной (стр. 99 и 123).

Упомянутые в конце «Саги о гренландцах» и «Саги об Эйрике» епископы Бранд, Торлак и Бьёрн — это епископ севера Исландии Бранд Семундарсон (1163–1201 гг.), епископ юга Исландии Торлак Рунольвссон (1118–1133 гг.) и епископ севера Исландии Бьёрн Гильссон (1147–1162 гг.). То, что в «Саге об Эйрике» Бранд назван Брандом Первым,

свидетельствует о том, что эта сага была написана, когда уже был Бранд Второй, то есть Бранд Йонссон (1263–1264 гг.).

Есть более старый русский перевод «Саги об Эйрике»: С. Н. Сыромятников. Сага об Эйрике Красном. СПб., 1890. Переводы фрагментов этой саги, а также фрагмент «Саги о гренландцах» есть в цитированном выше переводе книги Ингстада. Все древнеисландские имена и названия в этом переводе искажены (даны в современном норвежском произношении). Целиком «Сага о гренландцах» на русский язык никогда не переводилась.

Библиография данных саг есть в выпусках серии «Islandica», Ithaca, N. Y., I, 1908; II, 1900; XXIV, 1935; XXXVIII, 1957.

Перевод «Саги о гренландцах» сделан по изданию: «Íslendinga sögur, Íslendingasagna útg áfan», VII. Reykjav ík, 1953. Перевод «Саги об Эйрике» сделан по текстам, приведенным в названной выше книге Янссона.

О Торстейне Морозе

«О Торстейне Морозе» (porsteins pátrr skelks) — sto одна из так называемых «прядей об исландцах» (см. комментарий к «Об Аудуне с Западных Фьордов», стр. 799). Она сохранилась только в рукописи XIV века, которая называется «Книга с Плоского Острова» (Flateyjarbok). Рассказ о Торстейне Морозе — это легенда о чудотворной силе норвежского короля Олава Трюггвасона (995 -1000 гг.), при котором произошла (в 1000 г.) христианизация Исландии, где он поэтому прославился как патрон церкви и чудотворец. Как явствует из саг о нем, Олав Трюггвасон начал свою карьеру как викинг, много воевал и много наградил, потом, став норвежским королем, вводил христианство в Норвегии, угрожая смертью и пытками и свирепо расправляясь с язычниками, и погиб в знаменитой битве против объединенного флота датского и шведского королей и норвежского ярла при Свольд्रे (1000 г.).

Перевод сделан по изданию: «Íslendinga sögur, Íslendingasagna útg áfan», VII. Reykjav ík, 1953.

Сага о Торстейне Битом

«Сага о Торстейне Битом» (porsteins saga stangarhöggs) — самая маленькая из «саг об исландцах». Она состоит на 48 процентов из диалогом, и, как в большинстве саг с Восточных Фьордов, стихов в ней нет.

События, описываемые в ней, должны были произойти около 1000 года. Искусство, с которым рассказана эта сага, давно обратило на себя внимание. Недавно было опубликовано исследование этой саги, в котором ее искусство представлено в виде симметричных числовых соотношений и диаграмм (Н. М. Heinrichs. Die künstlerliche Gestaltung des porsteins pátr stangarhöggs.-В книге: «Festschrift W. Baetke». Weimar, 1966, стр. 167–174). Сага была написана, как предполагается, в 1250–1275 годах. Она сохранилась в бумажных списках и фрагменте пергамента XV века. Перевод сделан по изданию: «Íslendinga sögur, Íslendingasagna ú tg á fan», VII. Reykjavík, 1953.

Сага о Храфнкеле, годи Фрейра

Эта небольшая сага (ее исландское название — Hrafnkels saga Freysgoda), состоящая на 53 процента из диалогов, давно уже привлекла к себе внимание тем необыкновенным искусством, с которым в ней рассказана история одного годи с Восточных Фьордов Исландии (в языческое время годи был жрецом, содержавшим местное капище и обладавшим властью в своей округе — так называемом годорде). «Сага о Храфнкеле» оказалась в центре внимания исследователей в связи с интересом к проблеме происхождения «саг об исландцах», и очень различные мнения были высказаны о том, что представляет собой эта сага. До сороковых годов нашего века считалось, что она целиком основана на правдивой устной традиции, восходящей к X веку, то есть тому времени, когда жил годи Храфнкель. Так считал, в частности, Финн Иоунссон, крупнейший филолог-исландист конца XIX — начала XX века. Иоунссон считал, что сага была написана (или, вернее, «записана») не позднее 1200 года, а может быть, и раньше. Совсем другое мнение высказал крупнейший исландский литературовед С. Нордаль в своей книге об этой саге [Sigurdur Nordal. Hrafnkatla. Reykjavík, 1940 («Íslensk fræði», 7)]. Сопоставив «Сагу о Храфнкеле» с источниками, которые он считал более достоверными, Нордаль обнаружил в ней ряд ошибок в фактах, именах, топонимике и т. д. и пришел к выводу, что сага эта вовсе не основана на устной традиции, а представляет собой сознательный художественный вымысел, аналогичный историческим романам нового времени. Сага была написана, по мнению Нордаля, не раньше последней четверти XIII века, то есть позднее других «саг об исландцах». К аналогичным выводам пришел английский специалист Гордон, статья которого была, по-видимому, неизвестна

Нордалю (S. V. Gordon. On Hrafnkels saga Freysgoda. — «Medium Aevum», VIII, 1939, стр. 1-32). Некоторые исследователи пошли еще дальше. Так, немецкий исландист Бэтке в введении к своему изданию саги утверждал, что она сочинена автором-христианином с целью показать преимущества христианства перед язычеством, а исландский специалист Херманн Пальссон истолковывал сагу как притчу, сочиненную епископом Брандом Ионссоном, чтобы иллюстрировать некоторые положения христианской морали, и видел в событиях, описываемых в саге, намеки на события, современные ее предполагаемому автору (Hermann Pálsson. Hrafnkels saga og Freysgyddingar. Reykjavík, 1961; его же: Sidfr ædi Hrafnkels s ögu. Reykjavík, 1960).

Высказывались, однако, и другие мнения. Крупнейший норвежский фольклорист К. Листель, автор наиболее капитального исследования о происхождении «саг об исландцах» (K. Liest øl. The origin of the Icelandic family sagas. Oslo, 1930), доказывал, что «Сага о Храфнкеле» явно восходит к языческой традиции: запрет пользоваться лошадьё, сбрасывание лошади с обрыва, подвешивание человека за щиколотки, то есть принесение его в жертву Одину, — все это языческие обычаи, смысл которых был забыт (K. Liest øl. Tradisjonen i Hrafnkels saga Freysgoda. «Arv», 1946, стр. 94-110). Согласно Листелю сюжет саги явно основан на дохристианских представлениях о мести. Нордалю и Бэтке опровергал также итальянский скандинавист Сковацци, который указывал, что ошибки и «Саге о Храфнкеле» могли быть обусловлены тем, что в ней была использована местная традиция, отличная от той, которую использовал «более достоверный» источник, а также, что эти ошибки могли возникнуть еще в устной традиции (M. Scovazzi. La saga di Hrafnkell e il problema delle saghe islandesi. Milano, 1960).

Перевод сделан по изданию: «Hrafnkels saga Freysgoda udgivet af Jón Helgason». København, 1955 («Nordisk filologi», serie A: tekster, 2).

Сага о Ньяле

«Сага о Ньяле» (Njals saga, также Brennu-Njals saga и Njala) — самая большая из «саг об исландцах», самая знаменитая из исландских саг вообще и одно из величайших прозаических произведений мировой литературы. Захватывающий драматизм действия сочетается в ней с исключительной правдивостью в изображении действующих лиц. Толкованию этой саги посвящено множество работ, из которых наиболее

капитальная принадлежит крупнейшему современному специалисту Э.-О. Свейнссону (E i n a г 0 1. Sveinsson. A Njals but), bok um mikid listaverk. Reykjavik, 1943; норвежский перевод: Njals saga, kunstverket. Oslo, 1959).

В отношении «Саги о Ньяле» (как и в отношении «саг об исландцах» вообще) основная проблема, которая интересовала исследователей, — это проблема правды и вымысла. Всего легче поддается проверке то, что говорится о месте действия в этой саге. В ней упоминается свыше четырехсот географических названий. Среди них особенно много относящихся к южному побережью Исландии (только две «саги об исландцах» связаны с южным побережьем Исландии, и одна из них — «Сага о Ньяле»). Ошибки в географии Исландии, обнаруженные в «Саге о Ньяле», очень незначительны (кое-где преуменьшено или преувеличено расстояние, неверно указано направление и т. п.). Особое внимание привлекла к себе упоминаемая на стр. 360 «лощина в пригорке» около хутора Ньяля, в которой Флоси и его люди привязали лошадей и оставались до вечера. Дело в том, что в действительности никакой лощины там нет. Однако недавно один исландский геолог опубликовал статью, в которой он утверждает, что во времена Ньяля около хутора Ньяля должна была существовать большая лощина. Больше ошибок в «Саге о Ньяле» в отношении географии Норвегии и других стран. Так, например, в саге говорится на стр. 293, что Храпп, убежав от Гудбранда, «пустился в Хладир» и сразу же оказался там. Между тем от «долин», где жил Гудбранд, то есть Гюдбрансдалена, до Хладира, то есть Тронхейма, не меньше двухсот километров.

В научных изданиях «Саги о Ньяле» в примечаниях всегда указывается, упоминается ли данное лицо (а всего в саге упоминается свыше семисот лиц) в других древнеисландских памятниках, и такое упоминание считается доказательством его историчности. Но историчность того, что рассказывается в саге о том или ином лице, как и историчность событий, описываемых в саге, в большинстве случаев никак не могут быть проверены, и, следовательно, невозможно определить, что здесь — правда и что — вымысел. Делались попытки проверить историчность сожжения Ньяля археологическими раскопками на хуторе Бергторов Пригорок. Но эти раскопки не дали ясных результатов. Раскопки предпринимались также у холмов Кнавахолар, где было обнаружено два могильных кургана и где согласно саге (стр. 257–258) произошло сражение Гуннара с его врагами (оно упоминается также в «Книге о заселении страны»). Только о важнейших событиях «Саги о Ньяле» есть упоминания в других древнеисландских памятниках. Эти события — гибель Гуннара (990 или

992 г.), принятие христианства в Исландии (1000 г.), учреждение пятого суда (1004 г.), сожжение Ньяля (1010 или 1011 г.), сражение на альтинге (1011 или 1012 г.), битва при Клонтарве (1014 г.).

Хронологическую канву событий, описываемых в саге, удается установить главным образом благодаря тому, что в саге упоминаются иноземные правители, царствование которых известно. Эти правители — норвежские короли Харальд Серый Плащ (ок. 960- ок. 965 гг.), Хакон Воспитанник Адальстейна, или Хакон Добрый (ок. 945 — ок. 960 гг.), и Олав Трюггвасон (995-1000 гг.), норвежские ярлы Хакон Могучий (970–995 гг.) и его сын Эйрпк (1000–1015 гг.), датские короли Харальд Синезубый (ок. 940- ок. 985 гг.) и Свен Вилобородый (ок. 985-1014 гг.). Однако в последовательности события в саге есть некоторые неувязки. Есть в саге и явные анахронизмы. На стр. 168 говорится о «каменной палате» Гуннхильд, матери норвежского короля. Однако каменные здания появились в Норвегии только в XII веке. На стр. 304 говорится о щитах с изображениями льва и оленя. Щиты с такими геральдическими знаками невозможны в конце X века. Они стали модными в XII–XIII веках. Есть анахронизмы и в описываемых в саге процессах на альтинге. По-видимому, правовые установления разных эпох наслонились в саге.

Многочисленными были попытки установить источники «Саги о Ньяле». Бесспорно, конечно, что у нее были какие-то устные источники. Раньше считалось, что ее источниками были две саги: «Сага о Гуннаре» и в собственном смысле «Сага о Ньяле». Но с тех пор как стало принято подчеркивать книжный характер сагового искусства, устные источники саг никогда не называются «сагами». Согласно Э. Свейнссону, «Сага о Ньяле» — цельное произведение, написанное одним автором. Однако неоднократные попытки установить этого автора не привели к сколько-нибудь убедительным результатам. Наиболее смелая (но не более убедительная) попытка такого рода была сделана Б. Гвюдмюндссоном, который в то же время истолковывал «Сагу о Ньяле» как роман с ключом, то есть изображение различных людей XII–XIII веков, известных по «Саге о Стурлунгах», под видом героев «эпохи саг», то есть X–XI веков (Bardi Gudmundsson. Höfundur Njálu, safn ritgerða. Reykjavík, 1958). Считается бесспорным, что в «Саге о Ньяле» есть две вставки из письменных источников. Во-первых, в главах C–CV использован какой-то письменный рассказ о принятии христианства в Исландии. Эти главы заметно отличаются по стилю от остальной саги. Во-вторых, в главах CLIV (от слов «Ярл Сигурд пригласил к себе на рождество...» до слов «...как было написано раньше»). CLV (от слов «...тогда конунг Сигтрюгг рассказал...»),

CLVI и CLVII (до слов «Флоси и ярл много говорили об этом сне») использована письменная сага, в которой рассказывалось, в частности, о том, как верховный ирландский король Бриан 23 апреля 1014 года в битве при Клонтарве, под Дублином, одержал победу над викингскими вождями — дублинским конунгом Сигтрюггом и оркнейским ярлом Сигурдом, но погиб сам. Эти главы тоже заметно отличаются по стилю от остальной саги, и для них характерно нагромождение чудес. Бесспорно также, что в «Саге о Ньяле» использованы письменные судебники. Иногда источник списан так дословно, что приведенное в нем перечисление возможных причин смерти («рана мозга, или внутренностей, или костей, которая оказалась смертельной...» и др.) не заменено конкретным фактом, то есть указанием на то, какая именно рана нанесена ответчиком, а приведенное в источнике имя свидетеля или судьи не заменено именем, нужным в данном конкретном случае. Предполагается, что в саге использованы, кроме того, старые письменные генеалогии.

Исследователи обнаруживают в саге влияние других «саг об исландцах» (особенно «Саги о людях из Лососьей Долины»), а также «саг о древних временах» (особенно в описаниях викингских походов и битв с викингскими).

Неясно, в какой мере висы, которые цитируются в «Саге о Ньяле», подлинны, то есть сочинены теми, кому они в ней приписываются. Но что касается так называемой «Песни валькирий», то считается, что она была сочинена в начале XI века на Оркнейских островах. Песнь эта в противоположность большинству вис в «сагах об исландцах» относится не к скальдической, а к эддической поэзии, то есть по стилю и содержанию аналогична песням «Старшей Эдды». Прообразом для этой песни послужили, видимо, рабочие песни женщин, исполняемые на ткацком станке. В песне рассказывается о том, как валькирии ткут боевой стяг, который должен принести тому, кто его несет, победу, но вместе с тем смерть. На таком стяге был обычно изображен ворон. В песне этой отразилось то глубокое впечатление, которое оставила в народе кровопролитная Брианова битва, то есть битва при Клонтарве.

Считается, что «Сага о Ньяле» была написана в конце XIII века, то есть позднее других «саг об исландцах». Она сохранилась во многих рукописях (около 60), из которых 19 относятся к периоду 1300–1550 годов, что свидетельствует о большой популярности саги еще в середине века. Популярности «Саги о Ньяле» в Исландии, вероятно, способствовало то, что, хотя как и во всех «сагах об исландцах», действие в ней связано с определенной местностью, в ней чаще, чем в других «сагах об исландцах»,

упоминается о поездках на альтинг и действие происходит на альтинге, что придает саге общеисландский характер.

Перевод саги, опубликованный впервые в книге «Исландские саги», М., 1956, проверен по изданию: «Brennu-Njáls saga. Einar Ól. Sveinsson gaf út», Reykjavík, 1954 («Íslensk fornrit», XII).

Сага о Хёрде и островитянах

«Сага о Хёрде и островитянах» (Hardar saga ok Hólmverja, иначе — Hardar saga Grimkelssonar или Hardar saga Grimkelssonar ok Geirs), так же как и «Сага о Гисли» и «Сага о Греттире», — это трагическая история человека, оказавшегося вне закона в обществе, в котором он живет. С Гисли у Хёрда и то общее, что его жена, подобно жене Гисли, делит с ним его изгнание из общества, а его сестра, подобно сестре Гисли, пытается убить убийцу своего брата. Но в отличие от Гисли и Греттира Хёрд не скрывается в одиночку, а во главе других объявленных вне закона вступает в открытый конфликт с обществом, в котором он живет. Действие в саге происходит в районе Хвальфьорда (то есть Китового Фьорда) на западе Исландии в конце X века (гибель Хёрда и его товарищей датируют около 989 г.).

Считается, что в том виде, в котором сага сохранилась, она написана в начале XIV века и представляет собой переработку саги о Хёрде, написанной в начале XIII века и основанной непосредственно на устной традиции, то есть устной саге [см. V. Lachmann. Das Alter der Hardarsaga. Berlin, 1932 («Palaestra», 183)]. Высказывалось предположение, что автором: старой редакции саги был Стюрмир Карасон (умер в 1245 г.). Считается, что в результате переработки старой редакции саги в сагу (особенно в ту ее часть, где рассказывается о приключениях Хёрда вне Исландии) были введены мотивы, излюбленные в «сагах о древних временах», — обет героя на пиру, схватка с могильным жителем, охраняющим сокровище, морское сражение с викингами, побег пленника, закопанного в оковы, козни злых колдуний и т. п. Все эти авантюрно-сказочные мотивы чужды классическим «сагам об исландцах». Языческие реминисценции в саге — помощь, оказываемая герою Одином, разговор с богами в капище — тоже, по-видимому, из «саг о древних временах», а не непосредственно из устной традиции. Считается, что все висы в саге сочинены при переработке старой редакции саги, то есть не исконны в ней.

Сага сохранилась в пергаменте, написанном вскоре после 1400 гола, и многих бумажных списках с него. Сохранился также фрагмент пергаamenta,

написанного в конце XIV века и содержащего начало саги в другой, более старой редакции. Перевод сделан по изданию: «Íslendinga sögur, Íslendingasagnaútgáfan», XII. Reykjavík, 1953.

Сага о Гуннлауге Змеином Языке

«Сага о Гуннлауге Змеином Языке» (*Gunnlaugs saga Ormstungu*) стала в новое время самой популярной вне Исландии из всех «саг об исландцах». Она издавалась в оригинале не менее 25 раз, а в переводе на различные европейские языки — не менее 60 раз. На русский язык она переводилась 2 раза: «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете», 12, 1905, приложения, стр. 87 — 140; «Исландские саги». Л., 1956, стр. 21–59. Пересказ ее есть в книге: О. Петерсон и Е. Балабанова. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах, II. СПб., 1896. Популярность «Саги о Гуннлауге» объясняется, по-видимому, тем, что в основе ее лежит простой и четкий сюжет, притом сюжет романический с трагической развязкой (соперничество из-за женщины, которая выходит замуж не за того из двух соперников, которого любит, и гибель обоих соперников в поединке друг с другом). Дело в том, что в остальных «сагах об исландцах» сюжетной простоты, как правило, нет в силу обилия фактов и действующих лиц, а романический элемент либо вообще отсутствует, либо не играет существенной роли в композиции. Таким образом, «Сага о Гуннлауге» гораздо ближе, чем остальные «саги об исландцах», к той литературной форме, к которой читатель нового времени привык. Отсюда популярность саги в новое время.

Исследователи «Саги о Гуннлауге» интересовались прежде всего влиянием других произведений на эту сагу. Считается установленным, что в «Саге о Гуннлауге» сказывается влияние многих других саг, в первую очередь тех, в которых герой — тоже скальд и тоже соперничает из-за женщины с кем-то другим, то есть «Саги о Халльфреде» (с которой в «Саге о Гуннлауге» есть даже словесные совпадения), «Саги о Бьёрне» и «Саги о Кормаке» (ни одна из этих трех саг не переводилась на русский язык). Предполагают в саге также влияние иноземной литературы. Литературные прообразы находят, в частности, для сна Торстейна. Вместе с тем признается, что в основе «Саги о Гуннлауге» лежит устная традиция. Существование такой традиции подтверждается тем, что в «Саге об Эгиле» (написанной, как полагают, значительно раньше «Саги о Гуннлауге» — не

позднее 1230 г.) говорится: «...к нему (к роду Скаллагрима) принадлежали самые красивые люди из когда-либо рожденных в Исландии, как... Хельга Красавица, дочь Торстейна, из-за которой бились Гуннлауг и Храфн Скальд». Однако видимо, романический элемент не исконен в истории Гуннлауга и Храфна или, во всяком случае, не играл в ней первоначально существенной роли. Исконна в этой истории, видимо, только распря между ними. Характерно, что она начинается с соперничества между скальдами при дворе шведского короля, и Храфн впервые проявляет интерес к Хельге только после ссоры с Гуннлаугом. Возможно, поэтому, что и необыкновенная красота Хельги, и обстоятельства ее рождения, и ее любовные страдания — позднейшие романические украшения, которых в устной традиции первоначально не было. Характерно также, что в саге много эпизодов, не имеющих никакого отношения к ее романическому сюжету: поездка Гуннлауга на север страны (гл. V), поединок его с Торормом (гл. VII) и посещение им норвежского ярла Эйрика (гл. VI), английского короля Адальрада (гл. VII), дублинского короля Сигтрюгга Шелковая Борода, оркнейского ярла Сигурда, гаутландского ярла Сигурда (гл. VIII) и шведского короля Олава (гл. IX).

О том, что Гуннлауг и Храфн были скальдами и сочиняли хвалебные песни в честь иноземных правителей, есть свидетельства в ряде древнеисландских памятников, основанных на древней традиции («Перечне скальдов», «Младшей Эдде», «Книге о заселении страны»). Рассказываемое в «Саге о Гуннлауге» о посещении скальдами иноземных правителей — один из важнейших источников сведений о том, как бытовала поэзия скальдов, как исландцы во время своих торговых поездок сбывали также и свою поэтическую продукцию — хвалебные песни, сохраняя при этом свою независимость по отношению к покупателям. Однако спорно, сочинены ли стихи, которые приводятся в саге, теми, кому они в ней приписываются. Раньше считалось, что все стихи в «Саге о Гуннлауге» — подлинны (за исключением разве что тех, которые, согласно саге, произносятся их авторами, явившимися кому-то во сне). В своей работе о «Саге о Гуннлауге» Б. Оульсен поставил под сомнение подлинность большей части стихов в этой саге (Björn и M. Ólsen. Om Gunnlaugs saga Ormstungu. «Det kgl. danske Vidensk. Selsk. Skrifter», 7 Række, hist. og. filos. Afd., II, 1, 1911. стр. 1-54). Нордаль в предисловии к своему изданию саги («Íslenzk fornrit». III. Reykjavík, 1938, стр. XXXIX–XLII) допускает, что значительная часть стихов в саге древнее прозы и послужила ее источником, хотя считает возможным, что они все же не были сочинены теми, кому они приписываются в саге. Б. Эйнарссон

сомневается в подлинности всех стихов в саге и высказывает предположение, что сохранившаяся «Сага о Гуннлауге» представляет собой переработку более древней письменной саги на ту же тему (Vjarni Einarsson. Skáldasögur. Reykjavík, 1961). Считается, что годы жизни Гуннлауга должны были быть 984-1011. Но в саге есть ряд хронологических неувязок. Сага была написана, вероятно, около 1280 года. Она сохранилась в двух пергаментах (XIV в. и XV в.) и бумажных списках с них. Русский перевод, опубликованный ранее («Исландские саги». Л., 1956, стр. 21–59), проверен по цитированному выше изданию Нордаля.

Об исландце-сказителе

Эта «прядь об исландцах» (см. коммент. к «Об Аудуне с Западных Фьордов», стр. 799) представляет собой фрагмент саги о норвежском короле Харальде Суровом л сохранилась в рукописи конца XIII века, которая называется «Гнилая кожа» (Morkinskinna). То, что рассказывается в пряди «Об исландце-сказителе» (Íslendinga "Jjattr sogufroOa), происходило в 1050 — 1060 годах. Предполагается, что эта прядь была написана в начале XIII века. Она считается одним из важнейших свидетельств о бытовании саг в устной традиции. О Харальде Суровом, его походах за море и Халльдоре, сыне Сноррп, см. коммент. к «О Халльдоре, сыне Снорри». Перевод сделан по изданию: «Íslendinga sogur, Íslendingasagnaútgáfan», XII. Reykjavík, 1953.

О Халльдоре, сыне Снорри

Эта «прядь об исландцах» (см. коммент. к «Об Аудуне с Западных Фьордов», стр. 799) считается жемчужиной древнеисландского повествовательного искусства. Она написана в первой половине XIII века и сохранилась в трех рукописях саги о Харальде Суровом (XIII, XIV и XV вв.). Есть две пряди о Халльдоре, сыне Снорри. Эта прядь называется «более поздней» (Halldórs pattr Snorrasonar inn sídari), потому что в ней рассказывается о более поздних событиях. То, что рассказывается в этой пряди, происходило в 1049–1051 годах.

Халльдор, сын Снорри, родился где-то между 1000 и 1010 годами. Он был одиннадцатым сыном знаменитого Снорри Годи, о котором рассказывается в ряде «саг об исландцах», в частности, и в «Саге о Ньяле», по всего больше в «Саге о людях с Песчаного Берега». В 1034–1042 годах

Халльдор служил в варяжской дружине византийского императора. Предводителем этой дружины был Харальд, сын Сигурда Свиньи, впоследствии норвежский король Харальд (или Гаральд) Суровый (1015–1066, король с 1045 г.). Халльдор был тогда ближайшим товарищем по оружию Харальда. Будучи на службе у византийского императора, Харальд ходил со своей дружиной в многие походы в Средиземное море. Это и есть «походы за море», о которых говорит молодой исландец-сказитель. В рассказах об этих походах (они сохранились в сагах о Харальде Суровом) наряду с историческими фактами есть ряд бродячих сказочных мотивов. Харальд был женат на Елизавете Ярославне, дочери Ярослава Мудрого, при дворе которого он долго жил. Став королем Норвегии, Харальд воевал с Данией, пытаясь подчинить ее. В Дании в это время правил король Свен Эстридссен (1047–1074). Харальд погиб в битве в 1066 году во время своего неудачного похода в Англию.

Перевод сделан по изданию Э.-О. Свейнссона в «Íslenzk fornrit», V. Reykjavík, 1934.

М. И. Стеблин — Каменский

Древнеирландский эпос

Саги героические

Изгнание сыновей Уснеха

Повесть о сыновьях Уснеха — одна из самых популярных в Ирландии, где она сохранилась в народном предании до наших дней. Существует, кроме того, ряд обработок ее в европейской поэзии. Макферсон использовал ее в одной из песен своего Оссиана — «Дартула», причем изменил сюжет почти до неузнаваемости. Наиболее интересно разработали эту тему уже в наши дни англо-ирландские поэты Синг (драма «Deirdre») и Йетс (драма «Deirdre of the Sorrows»).

Эта повесть — один из памятников эпоса любви, созданного кельтами. Она может служить параллелью к сказанию о любви Тристана и Изольды. Кроме совпадения основной темы («любовь сильнее смерти»), оба сказания близки между собой по схеме и содержат ряд общих деталей.

Большая древность саги (точнее — новости, см. прим. на стр. 510) доказывается тем, что в ней еще не упоминается Кухулин, позже включенный в удалении цикл, хотя действие сосредоточивается вокруг его дяди, короля Конхобара. До нас дошло несколько версий данной саги, как письменных, так и устных. Мы избрали для перевода наиболее древний вариант, самый лаконичный и неприкрашенный, но от этого лишь еще более выразительный в своем первобытном трагизме; в нем сочетаются черты грубости нравов с глубоким лиризмом. В письменной форме эта версия была зафиксирована около X века.

Недуг уладов

По своему характеру сага эта, лишенная собственно героического элемента, могла бы быть включена в раздел саг фантастических. Однако им решили держаться ирландской традиции, включающей ее в уладский цикл по месту ее действия и по связи ее со сказаниями о Кухулине.

Тема ее — любовь неземной женщины к смертному, которая может длиться лишь до тех пор, пока он хранит тайну этой любви.

Один из вариантов ее — англо-нормандская поэма Марли

Французской (около 1165 г.) о Ланвале, через посредство английской переделки ее (середины XIV в.) послужившая источником драмы О. Стукена «Рыцарь Ланваль» (была поставлена в 1923 г. в Петрограде в бывшем Михайловском театре). Ту же тему можно обнаружить в сильно измененном виде и с обменом ролей между героем и героиней в сказании о Лоэнгрине.

Данная сага, в соответствии с обычным приемом ирландских сказаний, имеет своей задачей объяснить происхождение имени Эмайн-Махи, столицы уладов. О глубокой ее древности свидетельствует еще в большей мере, чем отсутствие в ней Кухулина. Второй мотив ее — постигающий уладов странный недуг, который, несомненно, является отражением какого-то древнего магического обряда.

Древнейшая версия саги записана в XII веке. Так как она содержит ряд искажений, мы выбрали для перевода другую версию, более позднюю по времени записи (XIV–XV вв.).

Повесть о кабане Мак-Дато

Глубокая древность этой саги доказывается тем, что в ней, как и в обеих предыдущих, еще не фигурирует Кухулин. Вместо него роль первого героя уладов играет другой племянник Конхобара, Конал Победоносный. Тема саги — древний обычай, общий для всех кельтских племен и являющийся одним проявлений местничества. Так, еще в I веке до н. э., по свидетельству Посидонии, галлы на пирах затевали нередко побоища из-за того, кому предоставить право на лучшую долю яств.

Сага дает общую картину нравов и политических отношений в архаической Ирландии. Она содержит любопытный «смотр» героев, и происшествия ее затрагивают наибольшую часть территории Ирландии.

Рождение Кухулина

Группа сказаний о Кухулине открывается сагой о его рождении. Повесть эта возникла в весьма древнюю эпоху, о чем свидетельствует первобытность изображаемых в ней нравов. К сожалению, все дошедшие до нас версии ее содержат позднейшие искажения. Именно в них можно обнаружить искусственное слияние по меньшей мере трех первоначально различных представлений: 1) отец Кухулина — бог Луг, вошедший в Дехтире в виде насекомого с глотком воды (довольно распространенный

мотни в сказаниях о «чудесных зачатиях»); 2) некий бог, Луг или другой, похитил Дехтире, а затем со своими помощниками, приняв облик птиц, заманил Конхобара в свой призрачный дом к моменту рождения ребенка, чтобы передать его земным родичам на воспитание; рожаящая женщина — Дехтире, а младенец и есть сам Кухулин; 3) Кухулин — сын Дехтире от земного мужа, улада Суалтама, между тем как Луг — лишь его «духовный отец» и покровитель (это, конечно, позднейшая рационализация). Наконец, имеются следы и четвертой версии, вероятно, древнейшей, согласно которой Кухулин, подобно многим легендарным героям, — плод кровосмешения: он сын Дехтире от ее брата (по одному варианту — отца Конхобара).

Сватовство к Эмер

Сага эта служит ключом к пониманию многих других событий из жизни Кухулина (например, «Боя Кухулина с Фердиадом»). Тема со значительно шире заглавия. Наряду с самим сватовством она повествует о первых подвигах юного Кухулина. Обычно в сказаниях такого типа о сватовстве отец девушки, враждебный к жениху, ставит условием выполнение ряда опасных поручений, в которых тот должен погибнуть. Рассказчик использовал этот момент, чтобы дать картину «воинского обучения» Кухулина. Характерна роль обучающих его воителей — палениц, в образе которых можно видеть след древнего матриархата.

До нас эта сага дошла в двух редакциях. Древнейшая из них, к сожалению, сильно испорчена, и, кроме того, утрачено ее начало; поэтому мы вынуждены были избрать для перевода другую, позднейшую, сложившуюся уже после появления скандинавов в Ирландии (в IX–X вв.). Стиль ее, пространный и неровный, местами уже сбивается на сказочный. Многие мотивы ее, как, например, львообразный зверь, в котором можно узнать мотив помогающего герою зверя, также скорее сказочного, чем собственно эпического характера.

Из саги «Угон быка из Куалнге»

Мы даем два отрывка из эпопеи «Угон быка из Куалнге»: «Разговор перед отходом ко сну» — введение, рисующее исходную ситуацию, и «Бой Кухулина с Фердиадом» — один из самых ярких эпизодов борьбы, которую Кухулин ведет с коннахтами, вторгшимися в Улад в то время как все

остальные улады были поражены магической болезнью (см. «Недуг уладов»).

Оба отрывка написаны приподнятым, особенно украшенным стилем. Второй из них первоначально рассказывался самостоятельно и лишь позднее был включен в эпopeю.

Болезнь Кухулина

Среди сказаний о Кухулине эта сага занимает видное место, ибо она обогащает его поэтическую биографию двумя важными чертами. С одной стороны, высший подвиг для эпического героя — проникнуть в «потусторонний мир» и с честью выдержать выпавшие ему на долю испытания. Подобно Гильгамешу, Вейнемейнену, Одиссею и многим другим героям, Кухулин также посещает «тот свет», но, в отличие от них, он получает туда приглашение от самих божественных существ, которые не могут обойтись без помощи земного героя. Как Диомед в «Илиаде», выступающий против Арея и ранящий Афродиту, Кухулин бьется с бессмертными и побеждает их. С другой стороны, этот героический мотив связан здесь с мотивами страстной любви. Именно на величайшего ирландского героя также распространен мотив любви между смертным и феей-сидой, столь излюбленный в ирландском эпосе (см. саги «Смерть Муирхертахы» и «Исчезновение Кондлы»). По этому поводу в нашу сагу вставлены обширные стихотворные описания чудес «нездешней страны», весьма похожие на таковое же в «Плавании Брана».

Смерть Кухулина

Из всех саг о Кухулине сага о его смерти — едва ли не самая замечательная как по героическому пафосу, так и по сжатой силе выражения. Трагизм здесь двоякий: Кухулин гибнет жертвою отчасти лежащих на нем роковых «зароков» (см. вступительную статью), которые он вынужден нарушить, отчасти — своего собственного благородства.

Сага эта дошла до нас в двух вариантах: древнем, но, к сожалению, неполном, изданном по рукописи около 1100 года У. Стоксом в «Revue celtique», 1882, т. III, и в другом, полном, но гораздо более позднем. Несмотря на то, что в древнем варианте недостает начала, мы все же остановили свой выбор на нем. Для понимания начала необходимо дать очерк предшествовавших событий, изложенных в поздней, более

подробной версии.

Своими подвигами Кухулин приобрел множество врагов, которые решили, наконец, его уничтожить соединенными усилиями. Во главе предприятия становится коннахтская королева Медб, избравшая момент, когда все улады, за исключением одного Кухулина, пораженные магической болезнью (см. «Недуг уладов»), но в состоянии были сражаться. Таким образом, Кухулин в качестве защитника страны должен один принять бой с врагами. Но, предчувствуя, что битва эта будет для него последней, улады пытаются удержать Кухулина. Он, однако, не в силах видеть разорение родного края, производимое вражеским войском. После некоторых колебаний он решает положиться на совет Ниам, жены Конала Победоносного. Тогда враги прибегают к помощи волшебства: с то время как Ниам отлучилась из дома, они создают призрак ее, который убеждает Кухулина выехать на бой. Сохранившийся текст начинается с описания колебаний Кухулина, выступить ли ему против врагов.

Саги фантастические

Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста Битв

С излюбленным в ирландской поэзии мотивом плавания смертного в «Страну блаженства» (см. «Плавание Брана») в этой саге соединился столь же распространенный у кельтов мотив любви феи-сиды к смертному. При этом произошло характерное для сказочной фантазии смешение: обиталище фей — волшебные холмы Ирландии («сиды») и в то же время — заморская Страна юности. Более подробно последняя изображена в «Плавании Брана». Однако данная сага содержит два важных добавочных образа: 1) стеклянную ладью (стекло часто связано с образом «того света»; потусторонний волшебный остров в легендах о короле Артуре зовется «Стеклянным островом») и 2) чудесное яблоко, соответствующее серебряной ветви в «Плавании Брана». (Остров Авалон, куда фея Моргана уносит для исцеления и блаженной жизни тяжело раненного короля Артура, означает «Остров яблок»; вспоминаются также яблоки чудесного сада Гесперид на краю земли.)

Мифическая тема саги искусственно приурочена к истории королей Конда и Арта, живших во II веке. Последний христианский редактор или переписчик саги вложил в уста феи-сиды стихи, в которых она предсказывает, что скоро на смену религии друидов придет новая вера.

Стихи эти, искажающие смысл саги, мы опустили в переводе, отметив этот пропуск многоточием.

Плавание Брана, сына Фебала

Сага эта представляет собой один из многочисленных вариантов ирландской легенды о плавании в чудесную потустороннюю страну. В основе ее лежит древнее языческое представление кельтов о «том свете», осложненное некоторыми чертами, заимствованными из христианских сказаний о «земном рае», а также, быть может, из античных мифов.

Композиция ее — весьма свободная. В середину ее вставлен эпизод о морском боге, предсказывающем свое будущее воплощение на земле. Сверх того, монах-переписчик совершенно механически внес несколько строф чисто христианского содержания. Эти последние, ничем с остальным не связанные, мы выпустили в нашем переводе. Выразительность саги, сюжетно весьма бледной, сосредоточена в лирических описаниях.

Повесть о Байле Доброй Славы

Время возникновения этой саги с трудом поддается определению. Она сложилась, бесспорно, еще в средние века, по позднее большей части других, собранных нами здесь саг. Помимо прочего, об этом свидетельствует отсутствие в ней первобытно-суровых, героических черт. Характерно прозвище Байле, буквально означающее «тот, о котором все хорошо говорят», а также заключение, в котором поэт словно оглядывается на седую старину. Вообще это уже переход от эпоса к сказке.

Любовь к Этайн

Эта сага, содержащая уже знакомый нам мотив любви между смертным и сидою, может быть отнесена как к историческому, так и к мифологическому циклу. Она является частью сказаний об Этайн, которые можно восстановить лишь по сохранившимся обрывкам. Из них мы узнаем, что Этайн была некогда женою бога Мидера, но что их разлучила зависть другой сиды, по имени Фуамнах. Превращенная чарами последней в насекомое, Этайн семь лет носилась в воздухе, пока не попала в кубок с напитком, который выпила жена одного уладского воина, зачавшая от этого

и возродившая Этайн в человеческом образе. Верховный король Ирландии Эохайд Айрем (живший, согласно хроникам, во II в.) избрал Этайн себе в жены за исключительную красоту ее, которой она была обязана своей сверхчеловеческой природе. Став земной женщиной, она сохранила волшебную способность вызывать к себе необычайную любовь, как ото и показывает данная сага. В эпилоге к ней, сохранившемся лишь в пересказах, сообщается, что Мидер, безутешный после исчезновения Этайн, разыскал ее наконец и получил обратно от короля, ее мужа, путем хитрости. Явившись к нему в человеческом образе, он предложил ему сыграть партию в шахматы на любую ставку и, выиграв, увел с собой Этайн.

Смерть Муирхертаха, сына Эрк

В основе этой саги лежит предание об историческом событии — трагической смерти короля Муирхертаха, правившего в VI веке. Эпическое предание, сложившееся, без сомнения, вскоре после смерти короля, рано подверглось ряду видоизменений. Сначала оно окрасилось чертами языческой, сказочной фантастики путем введения образа феи-сиды, волшебницы Син. Затем, попав в руки монахов, оно подверглось наивной христианизации, с привнесением соответствующей морали. В частности, конец саги, искажающий ее первоначальный смысл и забавный своей наивной искусственностью, явно присочинен монахами. Попытка различить эти последовательные напластования и определить историческое ядро сказания, равно как и первоначальную его форму, сделана мною в статье («Ирландская сага о смерти короля Муирхертаха, сына Эрк» в «Записках Неофилологического общества», вып. VIII. СПб., 1914).

Повесть эта — один из характерных примеров кельтских «легенд любви и смерти» с их живописной фантастикой и захватывающим трагизмом. Сохранившаяся ее версия содержится в рукописи XIV–XV веков, но, судя по языку, она сложилась уже в XI веке.

Приключения Кормака в Обетованной стране

Эта сага — также один из вариантов сказания о посещении смертным «блаженной страны». Обитатели ее, сиды, заманивают к себе героя хитростью, чтобы затем отпустить обратно, наградив ценными, чудесными дарами. В отличие от «Плавания Брала», «Болезни Кухулина», здесь почти

вовсе не дано самого описания чудесной страны. Весь интерес саги основан на психологическом драматизме, на эффекте смены скорби радостью, жестокого лишения — прекрасной наградой.

Плавание Майль-Дуйля

В этой саге пространно разработана та же тема плавания в чудесную страну, что и в «Плавании Брана». Но состав ее — весьма сложного происхождения. Ясно проступают христианские элементы, как, например, рассуждения о грехе (гл. VI), образы анахоретов (гл. IX и X), мораль прощения врагам (гл. XI) и т. д. Однако все это, несомненно, позднейшие наслоения, основа же сказания — древнеязыческая, как видно из встречающихся несколько раз образов блаженной страны или острова женщин (особенно в гл. VIII). Равным образом наслоениями являются черты, заимствованные из античности и своеобразно преломившиеся в ирландской фантазии, как, например, Циклоп (гл. VII) или птица Феникс (гл. IX).

Но был еще один источник фантастики в этой саге. Ирландские отшельники VII–VIII веков в поисках необитаемых земель предпринимали в своих хрупких курахах далекие плавания по океану на запад, добираясь до берегов Америки, и впечатления от странных людей и необыкновенной фауны, встречаемых ими, могли отразиться в этих рассказах.

Автор этой осложненной версии, назвавший в конце свое имя Айд Светлый, мудрый поэт Ирландии, проявил здесь большую начитанность: он дважды цитирует Вергилия, заимствует кое-что из латинской легенды «Плавание Брендана» и т. п. Он сочинил (вернее, переработал) эту сагу в X веке. Но более простая и, без сомнения, менее христианизированная версия ее существовала, по некоторым данным, уже в VII веке, если не раньше. Композиция саги — весьма свободная: эпизоды, то контрастирующие, то дополняющие друг друга, изобилуют повторениями. Но в этой наивной бессвязности рассказа есть своя прелесть: она превосходно передает чувство беспомощности путников, носимых судьбою по волнам беспредельного и жуткого, полного диковин океана.

Преследование Диармайда и Грайне

Сага эта, принадлежащая к числу наиболее популярных в Ирландии, известна лишь в списках не старше XVII века, но содержит в себе гораздо

более древние части, относящиеся еще к X веку. Она, однако, оказалась рано захваченной процессом разложения в богатырскую, а частично бытовую сказку, разрушившим как ее героический, так и возвышенно-сентиментальный элемент ради чистой авантюры и игры причудливой фантазии.

Особый интерес саги определяется тем, что, по мнению многих исследователей, она является первоисточником знаменитого средневекового сказания о трагической любви Тристана и Изольды, с которым она действительно представляет много разительных аналогий.

А. А. Смирнов

notes

Примечания

1

Хакон Воспитанник Адальстейна — норвежский король около 945 — около 960 гг.

Суриададь — долина на западе Норвегии.

Нордмёре — область на западе Норвегии.

...бери себе тот, что лучше режет! — Отдавая Торкелю лучший меч. Гнели тем самым дает понять, что Торкель, как старший брат, должен был бы отомстить соблазнителью сестры.

И пусть один стоит позади другого... — намек на непристойную ситуацию и тем самым высшее оскорбление.

Гест, сын Оддлейва — знаменитый мудрец и толкователь сноп, упоминаемый во многих «сагах об исландцах», особенно в «Саге о людях из Лососьей Долины».

Вот идут они на самую стрелку косы и вырезают длинный пласт дерна... — То, что следует далее, это классическое описание обряда заключения побратимства.

Вик — местность на юге Норвегии.

Харальд Серый Плащ — норвежский король около 960 — около 965 гг.

Хёрдаланд — область на юго-западе Норвегии.

Взбьёрг — Виборг, в Ютландии.

...ты навряд ли стала бы просить меня об этом, если бы надо было кроить рубашку для моего брата Вестейна. — Ауд этим намекает на любовную связь между Асгерд и Вестейном (то, что женщина шьет рубашку мужчине, считалось показателем такой связи).

Слышу слова ужасные! Слышу слова роковые! Слышу слова, чреватые гибелью одного или многих! — Вероятно, это цитата из какого-то стихотворного произведения.

Предзимние дни — первые три дня зимы.

Хель — подземное царство мертвых и великанша-повелительница этого царства. Обычай обувать покойного в башмаки Хель нигде больше не упоминается.

Вальгалла — жилище Одина.

Нож обнаживший — воин, в данном случае — Торкель.

Лина льна — женщина, в данном случае — Ауд.

ливень ланит — слезы.

Сива злата — жєнщина [Сив(а) — имя богини].

Фригга перины змея — женщина (перина змея — золото, Фригга — имя богини).

Скёгуль злата — то же (Скёгуль — имя валькирии).

Властитель сечи — воин, то есть Гисли.

тополь вепря потока — то же, то есть Торгрим (вепрь потока — корабль).

Фрейр — бог плодородия.

Снорри, сын Торгрима — это знаменитый Снорри Годи, о котором говорится во многих «сагах об исландцах», особенно — в «Саге о людях с Песчаного Берега».

Недруг турсов Грим — Торgrim (то есть Тор-Грим, недруг турсов — Тор).

Клен золота — воин, то есть Гисли.

вершитель боя — воин, то есть Торgrim.

Сестра Хёгни — Гудрун, дочь Гьюки, знаменитая героиня эпических сказаний, сестра Гуннара и Хёгни, за которых она отомстила своему мужу Атли, убив его и своих сыновей от него (см. «Гренландскую Песнь об Атли» и «Гренландские Речи Атли» в «Старшей Эдде», а также «Младшую Эдду»).

Скади злата — женщина, то есть Гудрун (Скади — имя богини).

Дробители золота — воины.

сеятель света моря — воин, то есть Гисли (свет моря — золото).

владыка бранных уборов — то же.

Греттир, сын Асмунда — знаменитый герой «Саги о Греттире», проживший вне закона девятнадцать лет.

Поле пламени волн — женщина (пламя волн — золото).

Клен сраженья — воин.

Фрейя ожерелий — женщина.

Биль покрывала — то же (Биль — имя богини).

владыка браги врагов Тора — скальд (враги Тора — великаны, брага великанов — мед поэзии).

питатель орлов — воин.

Лови золота — женщина (Лови — имя богини).

вяз лязга дротиков — воин (лязг дротиков — битва).

дуб непогоды Одина — воин (непогода Одина — битва).

возничий волка волны — то же (волк волны — корабль).

Нанна льна — женщина (Нанна — имя богини).

тетивы испытатель — воин, то есть Гисли.

Гна одежды — женщина (Гна — имя богини).

Сив покрывала — женщина.

реки ран — кровь.

владыки смерча мечей — воины (смерч мечей- битва).

Поле опалов — женщина.

тополь сражений — воин.

Липа огня приливов — женщина (огонь приливов — золото).

...развязал завязки на ножнах... — Они назывались «завязки мира». Их полагалось держать завязанными во время тинга.

...я бы назвался чужим именем. — Гест намекает, по-видимому, на то, что сыновья Вестейна явились к Халльбьёрну под чужими именами (о чем в саге не было сказано).

Льдина сражений — меч.

родич рода людского — муж, то есть Гисли.

властитель ратной стали — воин, то есть Гисли.

...на сером коне. — Серый конь предвещает смерть.

Хлёкк покрывала — женщина (Хлёкк — имя валькирии).

дробитель злата — воин.

хозяйка бражного рога — женщина.

Фулла света тверди тюлений — то же (твердь тюлений — море, свет моря — золото, Фулла — имя богини).

диса нарядов — женщина (диса или дне — богиня-хранительница).

создатель драп — скальд (драпа — хвалебная песнь).

сокрушитель секир — воин.

ветла ожерелий — женщина.

Идунн нарядов — то же (Идунн — имя богини).

Липа пламени земли оленя заливов — женщина, то есть Ауд (олень заливов — корабль, земля корабля — море, пламя моря — золото).

Фулла ложа дракона — то же (ложе дракона — золото).

Хозяйка меда — женщина.

Гна монет — женщина.

пена мечей — кровь.

изморось ран — то же.

богиня лавы тропы соколиной — женщина (соколиная трона — рука, лава руки — золото).

скала шелома — голова.

ручьи мечей — кровь.

Хильд владычица волн побоища — женщина (волны побоища — кровь, Хильд — имя валькирии).

Фрейя кружев — то же.

Утешитель ворона — воин.

пища Мунина — трупы (Мунин — ворон Одина).

коршуны крови — вороны.

дробитель гривен — воин.

Снотра злата — женщина (Снотра — имя богини).

водопады ран — кровь.

град дровов — битва.

владыка льдины луны ладьи — воин (луна ладьи — щит, льдина щита — меч).

Гна огня океана — женщина (огонь океана — золото).

властитель пламени влаги сечи — воин (влага сечи — кровь, пламя крови — меч).

палица ратной рубашки — меч (ратная рубашка — кольчуга).

Бальдр брани — воин (Бальдр — имя бога).

ОСНОВА ШЛЕМА — ГОЛОВА.

Съѣвн монет — женщина (Съѣвн — имя богини).

Ньёрун камней — то же (Ньёрун — имя богини).

Хлин пожара приливов — то же (пожар приливов — золото, Хлин — имя богини).

Кровь земли — река.

сплетатель песен — скальд.

ссора костров Одина — битва (костры Одина — мечи).

Скади колец — женщина (Скади — имя богини).

...в городе... — то есть в Нидаросе (современном Тронхейме).

Хейдабёр — город около современного Шлезвига.

Мёре — местность на западе Норвегии

Харальд конунг — норвежский король Харальд (или Гаральд) Суровый (1045–1066). См. о нем также в комментарии к «О Халльдоре, сыне Снорри»

Свейн конунг — датский король Свен Эстридсен (1047–1074).

Ядр — Ерен, в юго-западной Норвегии. Скамьевые доски, —
Вероятно, деревянные резные панели, приделываемые спереди к скамьям,
идущим вдоль стен главного помещения.

Он назвал страну... Гренландией, ибо считал, что людям скорее захочется поехать в страну, если у нее будет хорошее название. — Гренландия (Greenland), как страна была названа Эйриком, значит «зеленая страна».

...христианство стало законом в Исландии... — Это произошло в 1000 г.

В то самое лето епископ Фридрек и Тореальд, сын Кодрана, уехали из Исландии. — Они были в Исландии в 981–986 гг.

«Песнь о чудо-волне». — Сохранился только отрывок этого произведения, сочиненного в связи с данной поездкой в Гренландию. Чудо-волна — это сильное волнение, вызванное, вероятно, подводным землетрясением.

Эйрик ярл — правитель Норвегии с 1000 по 1015 г.

...конь споткнулся, и Эйрик упал... — Падение с лошади считалось очень плохим предзнаменованием для того, кто отправляется в поездку.

Южанин. — Южанами называли людей из центральной или южной Европы.

В четверть дня после полудня и за четверть дня до него — в 15 и 9 часов. Солнце занимает такое положение в небе в самое темное время года к югу от пятидесятой широты и к северу от сороковой широты.

Северный язык. — Так назывался язык исландцев и норвежцев, в то время единый.

Я нашел виноградную лозу и виноград. — Многие позднейшие исследователи Новой Англии находили там дикий виноград.

Скрелинги. — Так назывались в древнеисландских памятниках туземцы Гренландии и Северной Америки, то есть индейцы и эскимосы. Первоначально слово имело унижительное значение «заморыш», «слабец».

Торфинн Карлсефни. — Карлсефни — это, собственно, прозвище и значит «из которого выйдет мужчина». Но это прозвище употреблялось как имя и поэтому не переведено здесь.

Мёсур. — Обычно считается, что мёсур значит «клен». Но возможно, что разные деревья назывались этим словом.

Катанес, Судрланд, Росс и Мерэви — местности в Шотландии.

На западе — на Британских островах.

Он владел годордом — то есть был годи. В языческое время годи был жрецом, обладавшим властью в своей округе (годорде). Годорд передавался по наследству, но его можно было продать или уступить. В Исландии было тогда 35 годи.

Вардлок. — Предполагается, что это слово первоначально значило «то, что зачаровывает духов».

У Эйрика была жена... Тьодхильд и от нее два сына... — Торвальд, упоминаемый в гл. VIII и XIII и в «Саге о гренландцах» в гл. II к V, был, по-видимому, сыном Эйрика от другой женщины, как и его дочь Фрейдис.

Чудеса на Хуторе Фрода. — В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается, что женщина с Гебридских островов по имени Торгунна, сведущая в колдовстве, поселилась на Хуторе Фрода, где после ее смерти произошли разные зловещие события (являлись привидения и т. д.).

Поля самосеянной пшеницы. — Обычно полагают, что речь идет о диком рисе, который растет в Северной Америке до широты Ньюфаундленда.

...это ему наказание за то, что он его зарыл. — Христианский закон запрещал зарывать клады.

Рыжебородый — бог Тор.

Деревья бури оружия — воины, то есть люди (буря оружия — битва).

Бальдр одежды валькирий — воин, то есть Торхалль (Бальдр — имя бога; одежда валькирий — боевые доспехи).

дорога кораблей — море.

вепрь небес песчаной пустыни — корабль (небеса песчаной пустыни — море).

ясени сечи — воины, то есть Карлсефни и его люди.

Страна Белых Людей — легендарная страна, расположенная то ли к северу от Индии, то ли к западу от Ирландии (также — Великая Ирландия).

Харальд конунг Боезуб — легендарный датский король.

Сигурд Убийца Дракона Фафнира- легендарный герой, известный по песням «Старшей Эдды» и «Саги о Вэльсунгах». В немецких эпических сказаниях — Зигфрид.

Старкад Старый — легендарный герой датских эпических сказаний.

Длинный Дракон — знаменитый корабль, на котором Олав Трюггвасон погиб в битве при Свольдре.

Было бы лучше побольше щадить своих родичей в Долине Бёдвара... — В битве в Долине Бёдвара Бьярни сражался против своего родича Торкеля, как рассказывается в «Саге о людях с Оружейного Фьорда».

Но многие, изведав раны, становятся робкими... — Бьярни был ранен и битве в Долине Бёдвара.

Харальд Прекрасноволосый — норвежский король (860–940?), при котором произошла колонизация Исландии выходцами из юго-западной Норвегии.

Миклагард — Константинополь.

...скликает соседей на тинг... — Здесь, как и всюду дальше, речь идет об альтинге, то есть тинге, общем для всей Исландии.

Рагнар Кожаные Штаны — знаменитый датский викинг, воевавший в IX в. в Англии.

...спустя полмесяца после середины лета... — По исландскому календарю лето начиналось в четверг перед 26 апреля, а зима — в субботу перед 28 октября.

Гулатинг — местный норвежский тинг на острове Гула в Согнефьорде.

Озеро — Меларен, в Швеции.

Суд четверти. — Около 965 г. Исландия была поделена на четыре четверти: западную, северную, восточную и южную. У каждой из них был свой тинг и свой суд.

...Сван стал сильно зевать... — Согласно поверию, духи-двойники приближающихся людей вызывают сонливость.

Сван взял козью шкуру, обвязал себе ею голову... — Он закрыл себе глаза, чтобы тем самым закрыть их у других.

Она засмеялась... — чтобы не возбудить подозрения у Тьостольва и лучше осуществить месть.

Херсир — один из мелких племенных вождей в Норвегии до образования государства.

...назначил соседей... — Эти соседи выносили решение, виновен ли ответчик в том, в чем его обвиняют, или нет.

Гардарики — Русь.

Бьярмаланд — страна на побережье Белого моря, населенная финским племенем бьярмов (древнерусское — пермь).

Восточные земли — восточное побережье Балтийского моря.

Равали — Ревель, теперь Таллин.

Эйсюсла — остров Сааремаа у побережья Эстонии.

...ждала ребенка... — Тем самым Торд, отец ребенка, приобщался к семье Няля.

...ты видишь своего духа-двойника. — Дух — двойник человека, согласно поверью, является ему перед смертью.

Тинг в Лощинах — тинг людей с Кривой Реки.

Епископ Ислейп — первый исландский епископ (1056–1080 гг.).

...пора последних дней вызова на суд перед альтингом — то есть четыре недели до тинга.

...ты скрыл от меня его порок — то есть, что он вор.

На тропе у брода лежали плоские камни. — Они помешали подъехавшим ускакать от Гуннара.

Скафти — сын Тородда, был с 1004 по 1030 г. законоговорителем, то есть главным выборным лицом в Исландии. В то время, когда он был законоговорителем, были отменены поединки и учрежден пятый суд. По-видимому, отзвуком борьбы против само-властия хёвдингов (родовой знати), многие из которых были при нем изгнаны из страны, является отношение к нему со стороны рассказчика саги, который в этом случае основывается на том, что говорили враги Скафти.

Эльвир Детолюб. — Он звался так потому, что, как говорится в одной саге, он «запрещал своим людям бросать младенцев на острия копий, как было принято у викингов».

...снял с тебя все обвинения на тинге в Лощинах... — Об этом ничего не было рассказано раньше.

Король ирландцев Мюркьяртан. — В X в. в Ирландии было несколько королей по имени Muircertah. Неясно, которого из них имеет в виду сага.

Во второй раз Гицур назвал своих свидетелей... — В первый раз Гуннар обвиняется в нападении, а нанесенная им рана является сопровождающим обстоятельством, во второй раз — наоборот.

Кормчие коня морского — воины (морской конь — ко-рабль)

бу́ря огней Одина — битва (огни Одина — мечи).

дробитель гривен — воин, то есть Гуннар.

Посох богини павших — воин, то есть Гуннар (богиня павших — валькирия, здесь — битва).

Вихрь дров — битва.

Вальгалла — чертог Одина, в котором сражаются и пируют павшие в битве воины.

Два ворона всю дорогу летели за ними. — Появление священных птиц Одина было добрым предзнаменованием для воинов.

Мёрд заплатил сполна всю разницу... — Из виры за Старкада и Торгейра вычли виру за нападение на Гуннара, и остаток должен был выплатить Мёрд в качестве штрафа за свое участие в деле.

Тяжба Гейра Годи и Хёгни — тяжба по поводу убийства Хроальда, сына Гейра Годи.

Остров Лошадиный — теперь Мейнленд, самый большой остров Оркнейского архипелага.

Петтландсфьорд — Пентлендфёрт, пролив между Оркнейскими островами и Шотландией.

Страумей — Строма.

Трасвик — Фресвик.

Катанес — Кейтнес, графство в Шотландии.

Дунгальсгнипа — Данкансбн, на севере Шотландии.

...в долину, к Гудбранду — то есть в долину Гудбрандсдаль (современное норвежское название — Гюдбрансдален).

Торгерд, жена Хёльги — божество, почитавшееся ярлами из Хладира как их прама́терь.

Ирна — сестра Торгерд.

Траин задумался о том, что ярл оценит выше — то есть посчитается с его прошлыми подвигами и не будет обыскивать корабль или приложит все усилия, чтобы найти Храппа.

...нельзя этого делать, потому что уже ночь. — Убийство ночью считалось позорным.

Ангульсей — Англси, остров в Ирландском море.

Сальтири — Кинтайр, полуостров в Шотландии.

Кола — Колл, к югу от Гебридских островов.

Дисы — сверхъестественные существа женского пола, вероятно, олицетворявшие силы плодородия.

Пятый суд — своего рода верховный суд Исландии. Он был учрежден в 1004 г. при законоговорителе Скафти. Роль Ньяля в его учреждении, вероятно, преувеличена.

«Почему ты не закрыла ему ноздри?» — «Я хотела, чтобы это сделал Скарпхедин». — Тем самым он взял бы на себя месть за убитого брата.

...подстрекает нас законным подстрекательством. — Скарпхедин пародирует формулу, употреблявшуюся на суде.

...под его конем разверзлась земля... — Такие случаи возможны в Исландии и связаны с вулканической деятельностью.

Жало брани — меч.

ограда духа — грудь.

Ульь зуба кольчуги — воин, то есть Тангбранд (зуб кольчуги — меч, Ульь — имя бога).

молот смерти — меч.

наковальня земли шелома — темя, макушка (земля шелома — голова).

Один сорочки Эндиля — воин, то есть Торвальд (Эндиль — имя морского конунга, сорочка Эндиля — кольчуга).

пловец пролива влаги Вальгаллы — скальд, то есть Торвальд (влага Вальгаллы — поэзия, пролив поэзии — виса).

клеть языка — рот.

седок скакуна океана — воин (скакун океана — корабль).

Недруг отродья Грейп — бог Тор (Грейп — имя великанши).

морской дракон — корабль.

210

колокольный страж — священник.

бык обиталища рыбы — корабль (обиталище рыбы — море).

тресковая тропа — море.

морской скакун — корабль.

Полено земли тюленей — то же (земля тюленей — море).

враг Хрунгнира — Тор (Хрунгнир — имя великана).

Берсерк — свирепый воин, который в битве приходил в исступление, выл, как дикий зверь, кусал свой щит и, согласно поверью, был неуязвим. Но берсерками называли также злодеев, которые притесняли мирных жителей, вызывая их на поединок и отнимая у них жен и добро.

Торгейр — годи со Светлого Озера, был законоговорителем с 985 по 1001 г.; при нем, летом 1000 г., христианство было принято на альтинге как официальная религия.

...это испортит им все дело. — Тот, кто сам участвовал в убийстве, не мог вести тяжбу против убийц.

Торольв Жир — один из первых, кто побывал в Исландии. Расхваливая страну, он рассказывал, что в ней жир стекает с каждой травинки. Отсюда его прозвище.

Он швырнул его на скамью и не захотел им вытираться. — Он понял, что дырявое полотенце с оторванным концом символизирует положение вдовы убитого.

Балагардссида — юго-западное побережье Финляндии.

Адальсюсла — побережье Эстонии у острова Сааремаа.

223

Осина злата — жєнщина.

клен моста великана — воин, то есть Скарпхедин (мост великана — щит). Две строчки стихов не поддаются истолкованию.

...тело Няля и его лик кажутся мне такими сияющими... — Такие утверждения встречаются в житийной литературе XIII в.

Он предложил, чтобы мы... начали против Флоси тяжбу об убийстве Хельги. — Поскольку в этом случае Флоси был непосредственным убийцей

Нъёрд перекладины лука — воин.

дерево огня ограды сражений — то же (ограда сражении — щиты, огонь щитов — меч).

Властитель ратной стала — воин.

230

опора шлемов — голова.

Он собирался идти пешком. — Как неприятный проситель, который хочет, чтобы его прием дешевле обошелся хозяевам.

Дуб топора — воин.

клен сражений — то же.

тополь пламени Тунда — то же (Тунд — одно из имен Одина, пламя Тунда — битва).

Я назвал свидетелем Тородда, а другим — Торбьёрна... — Тородд и Торбьёрн, а также Йон (ниже в этом же абзаце) — это имена судей, взятые, видимо, из какого-то сборника законов, где они были аналогичны русскому «имярек».

...с ним в духовном родстве... — крестил его.

Тогда встал тот, кому было изложено дело... — Здесь рассказчик, видимо, забыл упомянуть о том, что защита по тем или иным причинам не выступила со своими возражениями и что поэтому началось повторение всего сказанного на суде.

Посох сорочки Сёрли — воин, то есть Скафти (Сёрли — имя персонажа сказания, сорочка Сёрли — кольчуга).

ограда сечи — щиты.

дробители клада рыбы равнины — воины (рыба равнины — змея, клад змеи — золото).

...когда ты убил семерых в ущелье... — Отсюда, по-видимому, прозвище «Ущельный Гейр».

Остров Красивый — теперь Фэр-Айл.

Канкараборг — Кинкора, резиденция Бриана

Нъёрд сражений — воин (Нъёрд — имя бога).

даятель злата — то же.

Возьми сам своего черта! — «Своего черта», вероятно, вместо первоначального «своего ворона», как говорится в аналогичном случае в другой саге. На знамени викингов был обычно изображен ворон.

Хьятримуль, Хильд, Саннгрид и Свипуль — имена валькирий.

ПСЫ ШЛЕМА — МЕЧИ.

Гёндудль и Гунн — имена валькирии.

Восточным путем — через Швейцарию и Германию.

западным путем — через Францию.

Харальд Прекрасноволосый — норвежский король (860–940?), при котором Исландия была заселена выходцами из Норвегии.

Эльвус-Озеро — Теперь оно называется Озеро Полей Тинга (Тингвад-лаватн).

Нива гривен — женщина.

тополь распри костров кольчуги — воин (костры кольчуги — мечи,
распря мечей — битва).

роца сокровиц — женщина.

Диса одежд — женщина.

Опора покровов — женщина.

роца колец — то же.

властитель стали — воин.

261

Дробитель гривен — воин.

луна ладьи — щит.

263

делитель колец — воин.

Хлин полотен — женщина (Хлин — имя богини).

буря костров крови — битва (костры крови — мечи).

Ауд льдины ладони — женщина (льдина ладони — серебро, Ауд — имя богини).

Гаутланд — Гёталанд, южная часть средней Швеции.

Владыка дракона крови — воин, то есть Хёрд (дракон крови — копье).

Бремя Грани — золото (Грани — конь Сигурда, победителя дракона Фафнира).

270

костер потока — золото.

Клен ладъи — воин.

Конунг Харальд, сын Горма — датский король Харальд Синезубый (940–985).

Пойдете, распоясанные, на берег... — то есть ничего не спрятав себе за пояс.

Торгерд, жена Хёльги — местное норвежское божество, почитавшееся ярлами Хладира. В Исландии не могло быть ее капища.

Древо костров бурунов — воин (костры бурунов — золото)

радость рыб нагорий — лето (рыбы нагорий — змеи).

горестъ змей — зима.

Владыка костров Нила — воин (костры Нила — золото)

коршуны крови — вороны.

Палица ужаса — воин.

281

тополь луны потока — то же (луна потока — золото).

...пусть либо отдадут нам корабль... — На этом корабле Хёрд и его товарищи уехали бы из Исландии.

...как известно из рассказа об Альвгейре. — Этот рассказ не сохранился.

Клен клинков — воин.

ствол губителя шлема — воин (губитель шлема — меч).

Бальдр огней прибоа — воин, то есть Хёрд (огни прибоа — золото).

Боевые оковы — злые чары, внезапно сковывающие воина во время битвы.

Непогода Одина — битва.

вершитель смерча мечей — воин (смерч мечей — битва).

Священник Стюрмир Мудрый — Стюрмир Карасон, аббат одного исландского монастыря, умер в 1245 г. Ему приписываются некоторые древнеисландские прозаические произведения. Но его вклад в них как автора неясен.

На запад — в западную четверть Исландии, но фактически на север.

Болота — местность вокруг Городища, наследственного двора Торстейна.

...страна стала христианской... — Христианство было введено в Исландии в 1000 г.

294

Метель тигля — серебро.

даритель жара приливов — воин (жар приливов — золото).

перина дракона — золото.

Ярл Эйрик. — С тех пор как образовалось норвежское государство, то есть с конца IX в., Норвегией правил король. Однако с 970 по 995 г. Норвегией правил хладирский ярл Хакон Могучий, а с 1000 по 1015 г. — его сын Эйрик.

Чтобы ты не умер такой же смертью, как твой отец, ярл Хакон. — Ярла Хакона зарезал в свином хлеву его раб.

Лундунаборг — Лондон.

Конунг Адальрад — английский король Этельред II (979 -1016).

В Англии был тогда тот же язык, что и в Норвегии и Дании. — Точнее, в Англии, и в частности, при дворе английского короля, понимали тогда язык, на котором говорили в Норвегии и в Дании.

Вильхьяльм Незаконнорожденный — английский король Вильгельм Завоеватель (1066–1087 гг.).

Моди лязга метатла — воин (лязг метатла — битва, Моди — имя бога).

дерево льдины шлема — то же (льдина шлема — меч).

Долина тюленей — море.

рдяный одр дракона — золото.

Конунг Сигтрюгг Шелковая Борода — правил в Дублине с 989 по 1035 г.

Ярл Сигурд, сын Хлёдвир — правил Оркнейскими островами с 980 по 1014 г.

Там правил ярл по имени Сигурд. — Такого ярла, по-видимому, вообще не было.

Конунг Олав Шведский — правил Швецией около 890- около 1020 г.

В то время в Дании правил конунг Кнут, сын Свейна. — Здесь сага несколько путает исторические факты. Когда Гуннлауг был в Англии (то есть в 1004 г.), в Дании правил Свейн Вилобородый (около 985 — 1014). Кнут (или Канут), который позднее был королем Дании, Норвегии и Англии, правил в Дании с 1014 г.

Халльфред Беспокойный Скальд — известный исландский скальд (около 967- около 1007).

313

комментарий отсутствует

Гадюка испарины лука — меч (испарина лука — кровь).

лоза покровов — женщина, то есть Хельга.

Нъѣрун браги — то же (Нъѣрун — имя богини).

Полог гор — небо.

роца обручий — женщина, то есть Хельга.

Фрейя порея — то же.

тополь стычки оружья — воин, то есть Храфн (стычка оружья — битва).

Нанна нарядов — женщина, то есть Хельга (Нанна — имя богини).

Шест сражений — воин.

кормчий морского зверя — то же (морской зверь — корабль).

рдяные камни ладони — золото.

325

Скала шелома — голова.

Ветвь нарядов — женщина, то есть Хельга.

Один звона металла — воин, то есть Храфн (звон металла — битва).

орешина влаги злаков — женщина, то есть Хельга (влага злаков — напиток).

луны ресниц — глаза.

сосна ожерелий — женщина.

Это подтверждает Торд, сын Кольбейна, в хвалебной песни, которую он сложил о Гуннлауге... — Скальд Торд, сын Кольбейна, был современником Гуннлауга.

Ясень брани — воин.

драка драконов шлемов — битва (драконы шлемов — секиры).

Рыба ратной рубашки — меч (ратная рубашка — кольчуга).

Рёгнир меча — воин, то есть Гуннлауг.

звери щитов — мечи.

гуси крови — вороны.

ястреб ран — ворон.

339

озеро ран — кровь.

Каупанг — современный Тронхейм.

Свечника — слуги короля, которые держали свечи перед ним во время торжеств.

Сигурд Свинья не стал бы так насиловать Снорри Годи. — Конунг Сигурд Свинья — отец Харальда, Снорри Годи — отец Халльдора.

Катбад — судья и мудрец в доме Конхобара, неизменный советник его в важнейших делах.

Эмайн — столица уладов, ныне Невен-Форт. в трех километрах к западу от города Армага (остатки древних стен видны там еще сейчас). Согласно хроникам, она была основана королем Кимбайтом в 300 г. до н. э. и разрушена врагами около 230 г. и. э.

Леборхам — прислужница Конхобара, отличавшаяся верностью и быстротою как вестница.

Три цвета будут у человека — формула красоты, встречающаяся в сказках многих народов, в том числе и русского, но особенно излюбленная у кельтов.

Найси — сын Уснеха от Айльбе, сестры Конхобара; таким образом, Найси — племянник короля, своего соперника.

Западный Мир — поэтическое название Ирландии, реже, в расширенном смысле, всех Британских островов.

Фергус — один из знатнейших уладов, бывший их королем до тех пор, пока Конхобар хитростью не заставил его уступить себе трон.

...они не примут никакой пищи в Ирландии... — Это должно было дать им моральную гарантию безопасности («закон гостеприимства»).

Айлиль и Медб — непримиримые враги уладов (см. «Бой Кухулина с Фердиадом»).

...стоном и трепетом от их набегов. — Картину этих набегов содержит, между прочим, «Повесть о кабане Мак-Дато».

...сына Несс... — Конхобар зовется не по имени отца, а по имени матери своей Несс (след матриархата).

Маха — имя древней богини войны, превращенной затем в силу.

... они повернулась вправо... — Поворот вправо предвещал, по кельтским верованиям, счастье, влево — несчастье.

На одно из таких празднеств стеклись все улады... — Подробное описание такого празднества см. в начале саги «Болезнь Кухулина».

У него был пес... — Сторожевые и боевые псы славились в ирландском эпосе.

...провели в замок... — Здесь имеется в виду, собственно, укрепленный дом; замки в подлинном смысле появились в Ирландии позднее, лишь после прихода скандинавов (IX–X вв.).

Брикрен — известный пересмешник и сеятель раздоров, Терсит уладского цикла.

...со своего верхнего ложа. — Полати (ложа) в этом доме шли вокруг стен в два яруса.

Финдхойм — сестра Конхобара. Здесь опять — именование по матери, а не по отцу.

...Красная Ветвь Конхобара. — Дом этот был выстроен из красного тиса. По его имени весь уладский цикл называют иногда циклом «Красной Ветви». Темра (у Макферсона — Темора), в новом произношении «Тара» — древняя столица верховных королей Ирландии, расположенная к северо-западу от Дублина и к юго-востоку от Невен-Форты, старой Эмайн-Махи. Сохранившиеся еще сейчас остатки королевского дома позволяют составить некоторое представление о его внутреннем виде. Согласно «писаниям в сагах, он был продолговатой формы, в 300 футов длины, имел 14 дверей, очаг шириною в 7 локтей и 7 светильников; в нем было 350 лож, на каждом из которых могло поместиться до двенадцати человек

Иарнгуал — название чаши, буквально означающее: «железнугольная». По объяснению одного древнего комментатора, она называлась так потому, что, когда ее распивали, в доме Конхобара разводили большой огонь, топя углем. Чаша, вероятно, была не железная, а медная.

Возница — Лойг, сын Риангабара, друг Кухулина.

Весь диалог Кухулина с Эмер, несколько сокращенный в нашем переводе, ведется в темном, замысловатом стиле и пересыпан метафорами, загадками и аллегориями; цель — желание собеседников отчасти показать друг другу свою ученость, отчасти — скрыть смысл своих речей от окружающих. Стиль этот, весьма распространенный в лирической поэзии ирландских бардов, был употребителен также у скандинавских поэтов-скальдов («кеннинги»). Возможно, что тут произошло заимствование, но с чьей стороны — сказать трудно.

...и еще Конд, сын Форгала. — Мифические существа; многие из них носят аллегорические имена, означающие «сила», «быстрота) и т. п.

...и Дехтире в доме Бругском. — См. «Рождение Кухулина».

Я — герой чумы, поражающей псов... — Кухулин иносказательно намекает на свое имя — «Ку-Хулайн», то есть «Пес Кулана».

...побывал...в Альбе. — Альбой ирландцы называли либо всю Британию, либо чаще одну Шотландию; здесь второй случай.

Скатах. — Имя Скатах происходит от слова scath — «тьень». Локализация ее царства на острове, характерный мост Срыва и другие ужасы, которые нужно преодолеть, чтобы попасть к ней, — все это указывает на то, что в первоначальном представлении обитель Скатах — «тот свет», но не в смысле обители радости и наслаждений («рая»), какая изображена в «Плавании Брана», «Исчезновении Кондлы», «Болезни Кухулина» и «Приключениях Кормака», а в смысле царства смерти, царства теней («ад»). Позже смысл этот был забыт, и область Скатах стала пониматься просто как некая мрачная сказочная страна.

Ульбекан Сакс — букв, «маленький Ульсак», ирландская передача уменьшительной формы англосаксонского имени. Это место саги показывает, что англосаксонские певцы славились в древней Ирландии.

Тогда он от ярости чудесно исказился... — Когда Кухулин приходил в боевую ярость, он изменялся чудесным образом. Вот как описывается в саге «Угон быка из Куалнге» то, что с ним при этом происходило: «Все суставы, сочленения и связки его начинали дрожать... Его ступни и колени выворачивались... Все кости смещались, и мускулы вздувались, становясь величиной с кулак бойца. Сухожилия со лба перетягивались на затылок и вздувались, становясь величиной с голову месячного ребенка... Один глаз его уходил внутрь так глубоко, что цапля не могла бы его достать; другой же выкатывался наружу, на щеку... Рот растягивался до самых ушей. От скрежета его зубов извергалось пламя. Удары сердца его были подобны львиному рычанию. В облаках над головой его сверкали молнии, исходившие от его дикой ярости. Волосы на голове спутывались, как ветки терновника. Ото лба его исходило «бешенство героя», длиною более чем оселок. Шире, плотнее, тверже и выше мачты большого корабля била вверх струя крови из его головы, рассыпавшаяся затем в четыре стороны, отчего в воздухе образовывался волшебный туман, подобный столбу дыма над королевским домом».

Уагах — букв, «ужасная».

Айфе — имя, но поддающееся объяснению и звучащее не по-ирландски. Возможно, что это — туземное, шотландское (пиктское) имя или же звукоподражание, выражающее чувства ужаса (вроде нашего «увы»).

...прием удара рогатым копьём... — К нему Кухулин прибегал лишь в самых трудных случаях, например, в поединке с Фердиадом.

Ты один рассеешь свою рукою... — Предсказание это относится к боям из саги «Угон быка из Куалнге».

...откликнулась девушка. — «Девушка», как и выше «дитя», часто употребляется в значении «молодая женщина».

Пятина Круаханская. — Обычно она называлась «пятиной Коннахтской», по имени «сей области, а не ее столицы — Круахана.

...дощечку червонного золота. — Назначение этой дощечки — скрыть краску, выступающую на лице при воспоминании о стыде, испытанном в брачную ночь. По мнению Медб, подобный дар более к лицу новобрачной, чем молодожену.

...он мог бы доверить девяти скороходам... — При чем здесь Конхобар, не совсем понятно: ведь не он, а Медб и Анлиль послали скороходов за быком. Весьма вероятно, что текст основной рукописи здесь испорчен, как это оказалось и в других местах, где мы должны были, чтобы получить удовлетворительный смысл, прибегнуть к некоторым сокращениям или упрощениям. Другие варианты также не дают разъяснения. Ясно одно — что упоминание о Конхобаре, который мог бы силой отобрать то, что добром ему не дают, как-то раздражило и обидело Даре, который, как будет показано дальше, поспешил взять назад данное раньше обещание.

Финдабайр — дочь королевы Медб, которую последняя предлагала в жены каждому из своих бойцов, если тот, сразившись с Кухулином, победит его.

...в нее вложат// Правую руку короли и князя... — Она сама и ее муж,
король Айлиль.

Моран — знаменитый своей мудростью судья. Остальные упомянутые здесь имена обозначают также различных судей и воинов коннахтских.

В Круахане с могильными рвами. — Круахан — столица коннахтов с древнейших времен до 648 г. н. э. Королевский дом в ней, согласно преданиям, отличался большой пышностью. Эпитет «с могильными рвами» эмоционально характеризует Круахан, враждебный Уладу. Основанием для него служит то, что в полумиле от Круахана находилось самое большое кладбище в Ирландии, около которого была пещера, где якобы обитали всевозможные чудища и духи; в ночь на Самайн они выходили оттуда, причиняя людям много зла.

Бодб — богиня войны.

Копьем пронжу его малое тело... — здесь либо выражение презрения к врагу, либо отголосок архаического представления о Кухулине.

387

Кухук — ласкательная форма имени Кухулин.

Вот как было оно устроено. — Много в устройстве этого копья и способе пользования им неясно. Понятно только, что оно имело несколько острых концов и металось ногою, часто под водой, так что противник не мог уловить ни направления, ни момента удара.

...попадали в воду... — Очевидно, Кухулин, чтобы поразить птиц, летавших над озером, применил один из своих чудесных боевых приемов (см. «Сватовство к Эмер»), именно: прием птичьей охоты, состоявший в широком и долгом круговом прыжке в воздухе.

Бойна — одна из главных рек Ирландии, протекающая в описываемой местности.

Он прислонился спиной к высокому плоскому камню. — По-видимому, это — один из менгиров, культовых камней, во множестве встречающихся на Кавказе, по берегам Средиземного моря и, в особенности на Британских островах, где они относятся к эпохе, предшествовавшей приходу кельтов. Последние связали с ними разные религиозные и магические поверья и прозвали их друидовыми камнями.

Встретишь ты Либан, что я шлю к тебе. — В оригинале не вполне ясно, какие строки содержат речи Фанд и Либан и какие — самого вестника их. Расчленение, сделанное нами, — гадательное. О Либан в другой повести рассказывается, что ей пришлось прожить (в одном из ее перевоплощений) триста лет в образе лосося в озере Лау-Ни (в северо-восточной оконечности Ирландии, к югу от графства Антрим). Лабрайд, Аид Абрат и Фанд, кажется, нигде более не упоминаются; вероятно, два последних имени вымышлены, чтобы оправдать красивую игру слов. Равнина Круах помещается в сказочной стране.

...Лабрайда, подъезжавшего к острову. — Лабрайд едет на колеснице по морю, как по суше, совершенно так же, как Мананнан в «Плавании Брана».

...копыносцев малых. — Сиды отличались красотой и маленьким ростом.

... отца Адама. — Позднейшая вставка переписчика-монаха.

Не нежную песню парус поет. — Парус — навес над колесницей.

Он их бросает, и ловит на лету. — Кухулин славится ловкостью в жонглировании предметами.

Взор его мечет семь лучей света. — В каждом глазу Кухулина было по несколько зрачков.

Сыны Калатина. — В «Угоне быка из Куалнге Кухулин в серии единоборств убил в числе других Калатина и его двадцать семь сыновей. Тогда Медб воспитала трех малолетних, оставшихся в живых сыновей Калатина. Зная, что человеческой силой нельзя одолеть Кухулина, она, отрубив им по одной руке и одной ноге (магический прием), сделала их могучими волшебниками и поставила во главе снаряженной ею армии. Другими виднейшими бойцами в ее войске являются Лугайд, сын Курой, король Мумана, и Эрк, сын Кайрпре, король Темры, — непримиримые враги Кухулина, который убил их отцов

Жителям равнины Муртемне. — Равнина к югу от Эмайн-Махи, составлявшая часть личного надела Кухулина.

Запела Ниам... — Не сама Ниам, а призрак ее, созданный волшебством врагов.

И тот трижды повернулся к нему левым боком — дурное предзнаменование: левая сторона предвещала несчастье. Сопоставить ниже: чтобы отвести злое предвещание, возница Кухулина Лойг делает полный оборот колесницей вправо.

В ночь накануне Морриган разбила колесницу Кухулина. — Морриган, богиня войны, обычно изображается как настроенная враждебно к Кухулину. Некогда восхищенная доблестью Кухулина, она явилась к нему в виде земной женщины и предложила свою любовь; но он, не узнав богини, с презрением отверг ее, и с тех пор она прониклась непримиримой ненавистью к нему.

...трех старух, кривых на левый глаз — то есть трех дочерей Калатина, подсланных Медб, чтобы погубить Кухулина. Зловещей оказывается у них левая половина лица. Эти кельтские ведьмы — прототип выведенных Шекспиром в «Макбете».

Другой зарок лежал на нем — не есть мяса своего тезки. — Данный зарок носит явно тотемический характер: Кухулину, «Псу Кулана», не разрешается вкушать мясо своего тезки.

Над ней реет широкое зеленое знамя. — Национальный ирландский цвет («Зеленый Эрин»).

Победитель с красным мечом — то есть кровавым.

...третьим же пусть будет возле них заклинатель. — Весьма сложная хитрость, цель которой, как будет видно из дальнейшего, привлечь внимание Кухулина и дать заклинателям возможность заговорить с ним.

...на равнине Брега — то есть на одной из обширнейших равнин Ирландии, лежащей к югу от Муртемне, в графстве Мит, к северо-западу от Дублина.

Он подошел к высокому камню. — Вероятно, к менгиру (см. прим. к саге «Болезнь Кухулина»).

Лугайд ухватился за волосы Кухулина... и отрубил ему голову. — По другому преданию, голову Кухулина отсек Эрк. Согласно хронике Тигеграха, составленной в XI в. на основании древних источников, Кухулин пал от руки Лугайда и Эрка в 39 г. н. э., двадцати семи лет отроду.

Кенфайлад — бард, умерший, согласно хроникам, в 678 или 679 г. н. э.

...сын трех псов — Это выражение отнюдь не имеет здесь презрительного смысла. Блатнат, жена Курои и мать Лугайда, была раньше возлюбленной Конала Победоносного, а затем — Кухулина. Таким образом, она — жена трех героев, имена которых начинаются со слога Ку или Кон, означающего «пес»; отсюда Лугайд метафорически — «сын трех псов».

Лиффей — река, на которой стоит Дублин, притекающая к нему с северо-запада.

...войско уладов двигалось с севера... — Очевидно, к этому времени окончился срок магической болезни уладов и они смогли выступить в поход.

Какой-то всадник приближается к нам. — Для быстроты и удобства погони Конал сменил колесницу на верхового коня. Так как верховая езда в древнейшее время была ирландцам неизвестна (см. вступит, статью), это место является позднейшей чертой, внесенной в сагу.

...не здесь, а в Мумане... — Он хочет биться на своей родной земле, подобно тому как Кухулин был убит им на своей.

...от одной стражи дня до другой... — то есть в течение трех часов.

В большом сиде обитаем мы. — Холмы, в которых обитают сиды, называются также ситами. Но, кроме того, слово это омонимически означает «мир, тишина». Редактор саги пользуется этой непередаваемой в переводе игрой слов, чтобы сделать образ явившейся женщины и призыв ее еще более привлекательными.

...о Кондла с украшенной шеей... — букв, «с пестрой шеей», то есть двухцветной, благодаря золотому ожерелью на розовой коже.

Ты герой в глазах людей Тетраха... — Тетрах — бог потустороннего мира, король фоморов, образ обычно ужасающе отталкивающий, здесь — привлекательный.

Эмайн — название чудесной страны, образованное в параллель к имени земной Эмайн-Махи; ниже она обозначается рядом поэтических, описательных имен.

...кони морей — волны (поэтическая метафора).

...птицы поют часы... — здесь черта христианизации языческой саги.

Каждый из них или втрое. — После этих слов в оригинале неожиданно вставлены пять строф, в которых возвещается рождение Христа и прославляется христианская вера. Как явную интерполяцию, мы их опустили в переводе.

С листьями цвета золота. — После этих слов в оригинале имеются пять строф того же характера, что и отмеченные выше; мы их опустили по тем же основаниям. В них любопытным образом проявляется христианская мифология, а именно — стремление отождествить сидов с «чистыми» духами вроде ангелов.

...сын заблуждения. — Разумеется ли здесь земной враг его или дьявол? Сказания о Мананнэ не дают в этом отношении никаких указаний. Во всяком случае, христианский характер метафоры показывает, что это — позднейшая вставка.

...сына Арта. — Согласно хроникам, Кормак был верховным королем Ирландии с 226 по 266 г. Отец его Арт упоминается в саге «Исчезновение Кондлы Прекрасного». Приурочение событий данной саги к III в., без сомнения, произошло позже и отнюдь не доказывает ее древности.

Эохайд Фейдлех — отец королевы Медб. Он, согласно хроникам, стал верховным королем Ирландии в 140 г. Айлиля Ангубу не следует смешивать с Анлилем, королем Коннахта.

...отправился в объезд по Ирландии. — Объезды всей Ирландии в целях сбора дани и поддержания своего престижа совершались верховными королями периодически, обычно раз в год.

Мидер из Бри-Лейта. — Мидеру был присвоен в качестве обителища отдельный волшебный холм — Бри-Лент, близ города Ардага.

Речи Фуамнах. — Фуамнах — завистливая сида, устранившая Этайн, чтобы самой стать женою Мидера.

Бресал Эхарлам, то есть «Рука с ключом»- по-видимому, помогавший ей в этом деле заклинатель.

Муйрхертах — верховный король Ирландии, умер, согласно хроникам, в 526 или 533 г.

Дуах Медный Язык был убит, согласно хроникам, в 499 г.

...в Клетехском доме — около Стакаллан-Бриджа, в графстве Мит. Королевский дом в Клетехе славился как один из самых богатых и хорошо построенных.

...сына Эрк. — Эрк — мать Муйрхертаха. (Не следует смешивать с мужским именем Эрк, встречающимся в саге «Смерть Кухулина».) Обозначение по имени матери — след матриархата.

....сынов Ниала... — Ниал Девяти Заложников — верховный король Ирландии, прославившийся своими набегами на Британию и Галлию; согласно хроникам, был убит в 405 г. Своим прозвищем он обязан тому, что повелевал девятью королями, заложников которых держал при себе. От него вели начало знатнейшие роды Ирландии, Муйрхертах — правнук его. Сыны Ниала — в смысле потомства его.

...Туйлен — ныне Дюлен, около города Коле, к западу от Клетеха.

Епископ Кайрнех — британский святой, канонизированный ирландской церковью.

Эоган и Конал — короли (или князья) из рода Ниала, родичи Муйрхертаха.

Он велел бить в колокол... — В древней Ирландии, предавая кого-нибудь церковному проклятию, били в колокола. В этом месте в оригинале содержится искажающей смысл повторение, которое мы опустили в переводе.

Катах — букв. «боевое» — имя знамени. Колокол св. Патрика считался величайшей национальной святыней Ирландии. Ныне он хранится в Национальном музее в Дублине. Под «книгой Кайрнеха» понимается, вероятно, христианский календарь, составленный или, по крайней мере, собственноручно переписанный Кайрнехом; футляр от него донныне хранится в Сент-Колумбас-Колледже, подле Дублина.

...племя Тадга... — род муманских королей II–III вв.

Кайрнех смешал кровь обеих сторон в одном сосуде. — Старый языческий обычай, применение которого христианским епископом указывает на устойчивость древней бытовой основы и на большую терпимость к ней со стороны духовенства в Ирландии.

Я верую в истинного бога... — Первое двестише любопытным образом противоречит второму. Стихотворные вставки вообще принадлежат позднему редактору, который, сохранив языческие элементы саги, привнес в нее христианские идеи без всякой попытки согласовать их со старой основой.

...людей с козлиными головами. — Весь этот эпизод фантастический; по-видимому, Син вызвала демонов, подобных упоминаемым и «Бое Кухулина с Ферднадом».

...он несся с северо-запада. — Царство духов, по представлениям ирландцев, находилось на западе; север считался зловещей страной света.

Жестока буря... — Син нарочно вызвала бурю (которая является символом зимы, наступающей после Самайна, то есть 1 ноября), чтобы король произнес слово «буря» — одно из восьми имен Син — и, нарушив этим зарок, обрек себя на гибель.

Лоарн — король Шотландии, отец Эрк, дед Муйрхертаха.

Туатал Майльгаро — четвероюродный брат Муйрхертаха, после его смерти занял ирландский престол.

Битва при Гранарде — согласно хроникам, произошла в 492 нлц 407 г. в северной части графства Килдер.

...остальную же часть его предохраняло вино от огня. — Весьма вероятно, что в первоначальной версии сага здесь кончалась, а все дальнейшее — добавление позднейшего редактора-христианина. Мы, однако, сохранили в переводе этот финал, содержащий любопытные романтические мотивы.

Угайне Великий — был, по преданиям, верховным королем Ирландии в VI в. го н. э.

...в битве при Кербе... — Об этой битве нет никаких сведений ни в других сказаниях, ни в хрониках. Неизвестны также имена предков Син; по-видимому, они вымышлены, ибо буквально означают: Победный, сын Быстрого, сын Сильного. Упоминание о гибели матери и сестры объясняется тем, что в древней Ирландии женщины принимали участие в сражениях.

Вот повесть о смерти Муйрхертаха, как ее передали нам Кайрнех, Тигернах, Киаран, Мохта и Туатал Майльгарб. — Епископ Тигернах умер в 548 г.; аббат Киаран — в том же году; епископ Мохта — в 534 г.; Туатал Майльгарб (бывший, однако, королем, а не монахом) был убит в 538 г.

У короля Кормака... — Кормак, сын Арта, герой саги, царствовал, согласно хроникам, в III в. Но дошедшая до нас версия саги сложилась, несомненно, много позднее, уже после прихода скандинавов в Ирландию (в IX–X вв.). Мур-Тea — один из холмов, на которых стояла Темра.

Серебряная ветвь с тремя золотыми яблоками... — Вспоминается сходная ветвь в «Плавании Брана».

Девять орешников Буана. — Жена короля Мес-Гегры (см. «Любовь к Этайн») умерла с горя, когда ее мужа убил Конал Победоносный; из могилы ее вырос орешник. Неясно, однако, почему он стал здесь мифическим образом.

Мананнан — бог моря, обладающий даром превращений.

...из рода Эоганахтов Нинусских... — древний королевский род из Мумана.

Один клирик с ядовитым языком — курьезное преломление образа Брикрена Ядовитого Языка из саг уладского цикла.

463

...счастливый день — установленный с помощью гадания.

...кроме маленького кота. — Кот в кельтских сказаниях часто изображается как страшный волшебный зверь. Один из величайших подвигов короля Артура — единоборство с чудовищным котом.

Феннии — легендарные вольные дружины, не подвластные никому, кроме Финна, имевшие свой особый устав, кодекс чести и т. п.

Ангус из крепости Бруг на реке Бойне — могущественный сид, обладавший способностью незримо переноситься по воздуху, в то же время делая невидимыми для людей те существа и предметы, которых он прикрывал полой своего плаща.

Лохланн (что значит Страна озер) — Норвегия, лохланнах — норвежец.

Заклинание Друйм-Драу-Снахта — прием древнего друидического ведовства.